

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

А. Н. Алексеев

**Драматическая социология
и социологическая ауторефлексия**

Том 3

НОРМА

Санкт-Петербург
2005

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
(издательский проект № 05-06-87007)

Алексеев А. Н.

А 49 Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 3. —
СПб.: Норма, 2005. — 808 с.
ISBN 5-87857-109-9

В этой книге отражены профессиональные и жизненные поиски автора-социолога, относящиеся к исследованию взаимодействия личности и социальной среды, человека и социальных институтов, индивидуального и социального сознания.

На рубеже 70—80-х гг. прошлого века автором с коллегами было предпринято андерграундное экспертно-прогностическое исследование, ставшее впоследствии известным по названию анкеты — «Ожидаете ли Вы перемен?». Другое неординарное исследовательское предприятие автора, относящееся к 1980-м гг., известно под названием «эксперимент социолога-рабочего». Материалы этих двух и ряда других социологических опытов наиполнейшим образом представлены в настоящей книге.

В отличие от известных канонов научной монографии, эта работа представляет собой сюжетно выстроенное «социолого-драматургическое» произведение, где результаты исследования предстают не как готовые, а как развивающиеся в процессе их получения. Сюжетообразующим элементом является упомянутый эксперимент — «наблюдающее участие» социолога в социальных процессах, подлежащих исследованию, будь то освоение нового оборудования на производстве или самооборона от идеологических и политических обвинений (в середине 80-х гг.). Существенными моментами содержания являются как синхронный с событиями эксперимента самоанализ, так и современная интерпретация поведения социолога-испытателя и его непосредственного окружения.

Томы 1 («В поисках жанра») и 2 («Контрапункты») настоящей книги вышли в свет в петербургском издательстве «Норма» в 2003 г. Ныне издаваемые томы 3 («Полигон») и 4 («Версии») продолжают и завершают тетралогию.

Автор является одним из пионеров внедрения качественных («гибких», «мягких») методов исследования в практику современной отечественной социологии. Особое внимание в книге уделено проблематике многообразия и соотношения разных способов социального познания.

Для специалистов гуманитарных наук и широкого круга читателей, стремящихся понять общество, в котором они живут, и самих себя в этом обществе.

© Алексеев А. Н., 2005
© Баранов А. В., 2005
© Баранцев Р. Г., 2005
© Басова И., 2005
© Бурковский Г. В., 2005
© Вейхер А. А., 2005
© Вихалем П., 2005
© Георгина М. В., 2005
© Глухов В. Д., 2005
© Дмитриевский В. Н., 2005
© Дудченко Л. К., 2005

© Захаров В. П., 2005
© Кесельман Л. Е., 2005
© Климентов Г. А., 2005
© Козина О. А., 2005
© Лауристин М., 2005
© Ленчовский Р. И., 2005
© Минакова С. Ф., 2005
© Никитин С. Г., 2005
© Огибин Ю. А., 2005
© Пинчуков Л. А., 2005
© Ракитская Э. Б., 2005

© Рубашкин В. Ш., 2005
© Рывкина Р. В., 2005
© Солипатров А. Г., 2005
© Седов А. В., 2005
© Седунова М. В., 2005
© Старовойтова О. В., 2005
© Тихонов А. В., 2005
© Чеснокова В. Ф., 2005
© Шейнис В. Л., 2005
© Ющенко А. Н., 2005
© Норма, 2005

Содержание тома 3

Несколько вступительных слов к томам 3 и 4	15
Благодарю!	18
Действующие лица	20

Глава без номера (между 10-й и 11-й). Прологомены

0.1. Так что же такое — драматическая социология?	34
0.2. Жизненный путь как предмет междисциплинарного исследования (авт. — И. Кон)	40
0.3. О жизненной позиции, жизненной линии и жизненной стратегии (авт. — К. Абульханова-Славская)	43
0.4. Из истории биографического метода в психологии и социологии (авт. — А. Валеvский)	46
0.5. «...в точке пересечения биографии и истории...» (авт. — А. Алексеев; Р. Баранцев; К. Пигров)	51
0.6. Бездны неведомого Бытия, открывающиеся через Делание (авт. — В. Налимов)	61
0.7. «Каждый человек должен сам стать философом...» (авт. — С. Минакова)	62
0.8. Синтез реальности и творчество жизни (авт. — Вяч. Дудченко; Ю. Резник)	65
0.9. «Ведут ли тебя по жизни или ты сам определяешь ее?...» (авт. — А. Марасов)	76
0.10. Счастье, воля, свобода, ответственность... (авт. — Г. Тульчинский)	80
0.11. «Стереоскопичная и достоверная картина переломного времени...» (авт. — В. Кавторин)	83
0.12. «Здравствуй, племя младое, незнакомое!...» (1) (авт. — О. Гарыгина; В. Мирошниченко; А. Малюк; А. Рябчук; Ю. Романюк; М. Фирсова; У. Ходоровская)	86

Ремарки:

«...долг перед идеей, перед людьми, перед собой» (раздел 0.5); Вспомним А. Швейцера (0.7); Драматическая социология как жизнетворчество (0.8); Одно из возможных определений человеческой жизни... (0.8); Интеллектуальная биография (0.9); Угол зрения (0.12)

Часть 3. Полигон

Глава 11. Человек в системе производственных отношений «развитого социализма»

- 11.1. «Человек в системе реальных производственных отношений». 1983 100
- 11.2. «В статье содержатся искажения отдельных фактов, а выводы и обобщения представляются неправильными...» 138

Ремарка:

«Крамольный» вывод из анализа реальных производственных отношений или социального механизма советской экономики (раздел 11.1)

Приложение к главе 11

- П.11.1. «Новосибирский манифест» советской социологии
(авт. — Т. Заславская; Б. Фирсов) 145

Ремарка:

...«Ремонту» не поддается; пришлось «демонтировать» (раздел П.11.1)

Глава 12. Хозяйственный механизм глазами рабочего

- 12.1. Апрельские заморочки 150
- 12.2. О дневных личных заданиях 169
- 12.3. Собрались вокруг стакана... 170
- 12.4. «Привязал себя...» 171
- 12.5. О коммунистических субботниках 173
- 12.6. Июльские аккорды 175

Ремарки:

Работа «по правилам» как форма забастовки (раздел 12.1); Самоидентификация в качестве рабочего (12.6); О форме «Производственных дневников...» (12.6)

Приложения к главе 12

- П.12.1. Как же повысить КПД общественной системы?
(авт. — А. Солипатров) 186
- П.12.2. Будни производственной жизни (20 лет спустя)
(авт. — Б. Максимов) 193

Ремарки:

Завод точного машиностроения (раздел П.12.1); Переработки и сверхурочные — раньше и теперь (П.12.2); Как же они «выкручиваются»? (П.12.2); Жизнь рабочих на ленинградском-питерском» предприятии — вчера и сегодня (П.12.2)

Глава 13. Люди лучше учреждений (Из жизни социологического сообщества)

13.1. Социолог-рабочий — в первичную партийную организацию (для сведения)	208
13.2. Эпизод из жизни Советской социологической ассоциации	209
13.2.1. Неправомочное собрание. 1983	209
13.2.2. «На сотню умных — один дурак... Иначе несправедливо!»	212
13.3. «Не тот дух...». К вопросу о демократическом централизме	214
13.3.1. Партийная реакция на критику. Новое обращение	214
13.3.2. Нужен Закон СССР об общественных организациях	217
13.4. К вопросу о демократическом централизме (два года спустя)	219
13.4.1. И опять на собрании Отделения ССА нет кворума. 1985	219
13.4.2. «Взять под контроль проведение социологических исследований...»	222
13.5. «Кость в горле» Советской социологической ассоциации	224
13.6. «Факты не подтвердились, часть из них сознательно искажена автором...» (авт. — Х. Момджян и др.)	226
13.7. К вопросу о защите чести и достоинства. Попытка диалога с Президентом ССА	228
13.8. Заседание бюро ЛО ССА и вокруг него	236
13.9. Иск в защиту чести и достоинства и его «продвижение» ...	242
13.10. Судебный процесс и вокруг него	244
13.10.1. «Апеллирую к живым свидетелям, не заинтересованным в сокрытии правды...»	244
13.10.2. «Свидетельские справки», со стороны истца (авт. — Н. Белова; М. Илле; Л. Кесельман)	250
13.10.3. Ответчик и его свидетели	251
13.10.4. «Благодарю за гражданственную поддержку...»	253
13.11. Что установил и что решил суд	253
13.12. Возмещение судебных издержек	255
13.13. Перемены в Москве. Поддержка из Киева (авт. — Т. Заславская; А. Назимова; В. Хмелько; В. Паниотто)	257
13.14. Перемены в Ленинграде. Демократические выборы на собрании СЗО (ЛО) ССА. 1987 (авт. — О. Божков; А. Ющенко)	260
13.15. Всесоюзная отчетно-выборная конференция ССА. 1987 (авт. — А. Алексеев; Т. Заславская, А. Габияни)	263
13.16. Новые организационные инициативы ленинградских социологов	264

13.16.1. Коллективная научная заявка — «по всем правилам» (авт. — А. Алексеев, Б. Максимов, А. Тихонов)	265
13.16.2. Поддержка от социологической общественности (авт. — В. Костюшев, И. Травин, Л. Кесельман и др.)	267
13.16.3. У истоков нового социологического института (авт. — П. Протасенко; В. Ядов и др.)	269

Ремарки:

Партийное руководство наукой (раздел 13.2); Продолжение следует (13.3); Маршрут письма (13.6); Проф. Момджян и его «соавторы» (13.6); Специалист по «социально-психологическому климату» (проф. Парыгин) (13.7); «...сочтут за сумасшедшего...» (13.7); «Не успели...» (13.8); Что нужно, чтобы «процесс пошел»... (13.9); Различие между намеренным и неумышленным искажением фактов (13.10); В чем отличие гражданского иска от уголовного преследования? (13.10); Заочные свидетельские показания приобщены к делу (13.10); Выполнено ли решение суда? (13.11); Продолжение следует (13.12); «Победителя не судят!» (13.13); Волеизъявление ленинградских социологов (13.14); Этапы общественной реабилитации (13.15); Эскалация коллективной поддержки (13.16); В ИСЭП так и не вернулся... (13.16); Социальные изменения — в центр исследований! (13.16); «Исход» социологов из ИСЭПа (13.16)

Приложения к главе 13

П.13.1. Пятнадцать лет спустя: к истории Социологического института Российской академии наук	271
П.13.2. Пятнадцать лет спустя: драматическая история СПАС	279

Ремарка:

О журнале «Телескоп» (раздел П.13.2)

Глава 14. Делаем перемены (начало)

14.1. Рабочие и начальство (взаимные «разъяснения»)	293
14.2. «Прессинг по всему полю» (два месяца из жизни рабочего-социолога)	297
14.3. Вот так мы работаем	322
14.4. Ситуация ожидания перемен	324
14.5. 1986-й, не бедный событиями... ..	325
14.6. «Дело» социолога-рабочего: новые повороты	326
14.6.1. Надо ли беречь «неудобных»?	326
14.6.2. «Намек» сверху или инициатива «снизу»?	329
14.6.3. Между Москвой и Ленинградом	333
14.7. Поток и разноцветье жизни. 1986	334
14.7.1. Эти неизнашиваемые съемники... ..	334

14.7.2. Партийные, профсоюзные, журналистские страсти...	335
14.7.3. Как у нас «выбирали» цехком	336
14.7.4. Фрагменты экспериментальной социологии...	338
14.8. А тем временем — в академическом институте. Борьба обостряется (авт. — Г. Саганенко; А. Алексеев; О. Божсков; И. Травин)	339

Ремарки:

Опуская подробности (раздел 14.2); «...записывай эти заморочки!» (14.2); Не оставляют вниманием.... (14.6); Написали — «как оно есть»... (14.6); «Меры приняты»... (14.7); Мой со-участник, собеседник и со-автор Леонид Кесельман (14.8); Памяти Валерия Голофаства (14.8); «Неделовые игры» в ИСЭПе (14.8)

Глава 15. Делаем перемены (продолжение)

15.1. Производственные страсти, или как мы боролись с двухсменкой. 1986	350
15.1.1. Для дела или для рапорта? (авт. — А. Алексеев, В. Косильников, Е. Рыжов и др.)	350
15.1.2. «...повсеместно и бездумно — до полного идиотизма»	351
15.2. Дело о «поврежденной двери» (окончание). 1987	360
15.3. Дело об опоздании с обеда на 10 минут (авт. — А. Алексеев; А. Сыцевич)	367
15.4. Бригада требует повышения заданий (авт. — А. Сыцевич и др.)	371
15.5. «Я начальник — ты дурак, ты начальник — я дурак...»	372
15.6. «Гримасы» перестройки и триада социологического познания	375
15.7. Двухсменка: продолжение следует. 1987—1988 (авт. — Т. Нилова; А. Алексеев)	378
15.8. «Дело» социолога-рабочего: неординарные шаги и неожиданные эффекты	381
15.9. Спорные вопросы социалистического соревнования	388
15.9.1. Как я был победителем социалистического соревнования	388
15.9.2. «Какую систему соревнования ни придумают, все не те получаются победители...»	393
15.10. Общественно-политическое противостояние. 1987 (А. Алексеев; А. Ежелев; А. Головков; С. Десярев)	397
15.11. Из опыта гражданской защиты (1986-1987) (авт. — Р. Рывкина; Г. Зяблова; Т. Дурасова; Р. Блюм, М. Лауристин, П. Вихалемм, Е. Голиков; А. Ющенко, Л. Кесельман, Б. Докторов и др.; А. Сыцевич, Е. Рыжов, М. Гуцин и др.; В. Хмелько, Р. Ленчовский; Э. Клопов, Л. Гордон, А. Назимова, Ю. Мархашов)	402

Ремарки:

Неувязка вышла... (раздел 15.2); Зачем писать в журнал? (15.2); Пора кончать этот «эксперимент»! (15.2); Эскалация трудового спора (15.3); Городской суд подтвердил решение районного (15.3); «Не ваше дело!» (15.4); Игра по правилам Системы (15.9); Справедливость восторжествовала (15.9); Наблюдатель, мыслитель, делатель (памяти Леонида Гордона) (15.11)

Глава 16. Сотворение легенды

16.1.	Преодоление пределов (авт. — Л. Графова)	410
16.2.	Разговор героя с Автором. «Аргумент перестройки»	420
16.3.	Интервью с «героем дня» (авт. — С. Ненашев, А. Алексеев) ..	432
16.4.	Побратимы-экспериментаторы («вольнодумцы» и «инакодействующие»)	440
16.5.	Мария «с безымянной высоты» (авт. — М. Георгина; А. Алексеев)	446
16.6.	Не личная драма (авт. — Л. Графова)	454
16.7.	«Ленполиграфмаш» против «Ленинградского рабочего» (авт. — С. Михельсон; Д. Макаров, Ю. Стукалов; Г. Панков; А. Алексеев)	457
16.8.	«Принимая во внимание установившуюся в партии обстановку откровенности...»	462
16.9.	«...Мир погибнет, если я остановлюсь» (авт. — А. Головков)	463

Ремарки:

Лидия Графова — журналист-правозащитник (раздел 16.1); «Литературная газета» и «Огонек» (16.2); Периоды жизни (16.3); Правдоборцы (16.5); Почта социолога-испытателя (16.5); Профессор В. Я. Ельмеев, 10 лет спустя (16.6); Новации в гражданском законодательстве (16.7); Точка в «деле» социолога-рабочего еще не поставлена (16.8)

Приложения к главе 16

П.16.1.	Под прожекторами гласности. Случай Владимира Богданова (авт. — И. Руденко; В. Богданов)	467
П.16.2.	Под прожекторами гласности. Случай Рэма Баранцева ...	478
П.16.2.1.	Ярлык (авт. — И. Преловская)	478
П.16.2.2.	Отклики на выступление «Известий» (авт. — М. Голубовский; Р. Наумов; В. Кожара, Е. Чевкина)	485
П.16.2.3.	А тень осталась. После выступления «Известий» (авт. — И. Преловская)	489
П.16.2.4.	Из переписки Р. Баранцева с К. Свасьяном (авт. — Р. Баранцев; К. Свасьян)	493

П.16.3. Под прожекторами гласности. Случай Геннадия Богомолова (авт. — А. Ежелев)	495
---	-----

Ремарки:

Сопоставим разные «случаи»... (раздел 16.2); За кулисами гласности (16.2)

Глава 17. «Поборник», «аргумент», «символ», «разменная монета»...

17.1. А тем временем — на «Ленполиграфмаше»... ..	502
17.1.1. Дело об опоздании с обеда на 10 минут (окончание). 1988 (авт. — Н. Поречная)	502
17.1.2. 27 лет в КПСС. У партии не в долгу... ..	505
17.2. Возвращение в ряды... (Союз журналистов и Союз театральных деятелей)	506
17.3. Документальные фильмы	507
17.3.1. «Не могу иначе» (авт. — А. Аронов; Л. Тархова; Ю. Черняков; И. Васильева)	507
17.3.2. «Интерпретация» (авт. — С. Дегтярев, А. Алексеев)	510
17.4. Диалог с драматургом Александром Гельманом. 1984-1988 (авт. — А. Гельман, А. Алексеев)	512
17.5. Прощание с «Ленполиграфмашем» (8,5 лет)	515
17.6. «Герой-аргумент в раме-концепции...» (авт. — В. Герчиков; А. Алексеев)	516
17.7. Познание через действие, или что я могу один (авт. — Т. Васильева, А. Алексеев)	517
17.8. «Герой перестройки» — «агент влияния»	524
17.8.1. В поддержку «Рабочей инициативы»	524
17.8.2. «Неудобным» — кроме гласности другой помощи не нужно	526
17.8.3. Как журналист, чую — тут «фитиль»!	526
17.8.4. «Ваш корреспондент-организатор...»	528
17.8.5. «Первый учитель...»	529
17.8.6. О рабочем-журналисте Александре Лебедеве	530
17.8.7. «Ручаюсь своим партийным билетом за его правоту...»	531
17.8.8. «Не профессиональное» мнение по «медицинскому» случаю	533
17.8.9. Нештатный рецензент ленинградской газеты	535
17.8.10. «Решение парткома Ленинградского университета 1983 года... требует сегодня гласной отмены...» (авт. — А. Алексеев, М. Голубовский, Я. Гордин, В. Конецкий, Ю. Рыжов; В. Захаров; Л. Графова)	537
17.9. «Встретимся через 900 лет...». Интермедия (авт. — Н. Максимова)	540
17.10. Что я читаю сегодня (авт. — А. Алексеев; И. Фояков)	545

- 17.11. «Старый должок»... Имею ли я претензии
к Управлению КГБ? 549
- 17.12. «Робость передо мной, которую... разделяю»
(авт. — З. Д.; А. Алексеев) 552
- 17.13. «Судьба, востребованная историей...» (авт. — Л. Графова) 553
- 17.14. И, наконец, мифопоэзия... (авт. — Ю. Линник) 555

Ремарки:

Эпизод борьбы за гласность (17.3); Не финал! (раздел 17.5); «Разменная монета перестройки»... (17.6); Вершина красноречия (17.7); «В человеческом измерении» (17.8); «Наставник, воспитай ученика, чтоб было у кого потом учиться...» (17.8); Загадка собственного «я» (17.10); «Герой-экспонат»... (17.13); Легенда и действительность (17.13); Сколь долговечен миф? (17.13); И опять скрещение жизненных путей! (17.14)

Приложения к главе 17

- П.17.1. Двое побратимов из села Юрковка, Винницкой области.
Владимир Мельник и Олег Байдан 558
- П.17.1.1. «Нужна служба “народной социологии”!»
(авт. — В. Мельник) 558
- П.17.1.2. «Крепкий орешек» («...попытались исключить,
посадить, выгнать — не получилось»)
(авт. — О. Байдан; А. Алексеев) 560
- П.17.2. Алла Ярошинская, журналист. Народная героиня
перестройки на Житомирщине 562
- П.17.2.1. «Круг Любимых женщин расширился...» 562
- П.17.2.2. Из переписки с М. Георгиной и А. Ярошинской
(авт. — А. Алексеев; М. Георгина; А. Ярошинская) 564
- П.17.2.3. Народная избранница (авт. — Л. Графова) 568
- П.17.2.4. «Какое было светлое, трепетное, наивное время!..»
(авт. — А. Ярошинская) 570
- П.17.3. У истоков комитетов общественного самоуправления.
(авт. — В. Gefенидер) 572
- П.17.4. Биолог Лев Пинчуков: «творцы, карьеристы,
трудаги и лентяи» (авт. — Л. Пинчуков) 574
- П.17.5. Стоит ли экспериментировать «по Алексееву»?
(авт. — Е. К-в; А. Алексеев) 575

Ремарка:

«Героиня XX века» (раздел П.17.2)

**Глава 18. Начальная школа демократии
(Производственное самоуправление)**

- 18.1. На производстве: перестройка или «перестроение»? 581

18.2. Рабочие задают вопросы руководителям (авт. — Н. Козлов)	586
18.3. Выборы советов трудовых коллективов (авт. — Н. Лукашевич, И. Виноградов, В. Коряк и др.; А. Алексеев)	588
18.4. Первые шаги СТК (авт. — В. Коряк)	592
18.5. Как нам организовать работу совета	594
18.6. К вопросу о «Доске почета» (авт. — А. Алексеев, Е. Рыжов, С. Русинов, В. Косильников)	596
18.7. Выборы должны быть всеобщими (авт. — Б. Хохряков, В. Юфимец и др.)	598
18.8. Каким быть положению о совете трудового коллектива?	599
18.9. О праве рабочих на защиту своих прав	600
18.10. Каким быть производственному самоуправлению?	601

Ремарки:

«Ленполиграфмаш» и клуб «Перестройка» (раздел 18.5); По следам наших выступлений (18.6); За голосование на рабочих местах (18.7)

Глава 19. Клуб «Перестройка» (Дальше... Дальше...)

19.1. Межпрофессиональный клуб «Перестройка»	611
19.2. Уроки обсуждения «антиперестроечного манифеста»	613
19.2.1. «Коллапс гласности» (авт. — колл.)	613
19.2.2. «Если бы не было статьи Андреевой, ее следовало бы придумать...» (авт. — Ю. Зерчанинов)	615
19.3. К ситуации в Нагорном Карабахе (авт. — В. Рамм, А. Алексеев, П. Шелищ, О. Божков)	616
19.4. КГБ сообщает и комментирует (предупреждает...) (авт. — А. Алексеев, В. Рамм, П. Шелищ)	618
19.5. «Язык народа, обращенный им к самому себе»	619
19.5.1. К Дебатам о свободе печати	619
19.5.2. Атмосфера дискуссий, организуемых клубом «Перестройка» (авт. — А. Винников)	622
19.6. Кому доверяют ленинградские социологи (авт. — колл.)	624
19.7. Как я не стал делегатом XIX Всесоюзной партконференции (авт. — В. Дмитриев; В. Монахов; О. Поддобрый; М. Чулаки)	626
19.8. На «Ленполиграфмаше» обсуждают тезисы ЦК КПСС (авт. — Н. Харьков; В. Курсов)	629
19.9. «Дальше... Дальше...»	630
19.9.1. Союз Демократических Сил — «детище и инструмент современной общественной перестройки»	630

19.9.2. Дальше... Дальше... (Обсуждение тезисов ЦК КПСС к XIX партконференции) (авт. — А. Алексеев, Ю. Нестеров)	634
19.10. «...Не пройдет!» (история одного «персонального дела») (авт. — Ю. Нестеров; Н. Корнев, А. Вейхер, А. Сунгуров и др.; С. Дегтярев; А. Алексеев)	635
19.11. «Молодым людям середины 80-х повезло...»	639
19.12. Ленинград — цитадель «Памяти»? (авт. — А. Алексеев, А. Арьев, Я. Гордин и др.)	639
19.13. «Отвечаю всем, кто меня об этом расспрашивает...»	640
19.14. «Неформальное движение» с точки зрения социолога (авт. — Т. Васильева, А. Алексеев; А. Темкина; О. Вите)	644
19.15. Конфликт «Кравченко-Чичеров» и вокруг него	648
19.15.1. Проблема «политических молчалиников» и «свадебных генералов» (авт. — А. Алексеев, О. Божков, О. Вите, Г. Генкин и др.)	648
19.15.2. «Пора становиться рядом...» (авт. — А. Алексеев; М. Горный, О. Харитонов, С. Дегтярев и др.; А. Зубков)	651
19.16. Народ и власть (социологический десант в г. Лугу) (авт. — Г. Кузнецов; П. Филиппов, Л. Гольдиштейн, Н. Корнев; А. Алексеев; В. Ронкин)	657
19.17. «Верю ли я в перестройку?» (авт. — А. Алексеев, С. Балухев)	663
19.18. Мораторий на членство в клубе	665
19.19. Неформальный центр общественно-политической жизни города (авт. — А. Сунгуров)	667

Ремарки:

Структура клуба «Перестройка» (раздел 19.1); Устаревшие предложения (19.5); «Знаковые» фигуры (19.6); Претендент на мандат делегата XIX Всесоюзной партконференции (19.7); Подписи, собранные на Невском проспекте (19.7); Хранится в архиве... (19.9); Моделирующая ситуация (19.14); «...клуб “Перестройка” вмешивается не в свое дело...» (19.15); Документы прошлого и воспоминания о минувшем — взаимодополнительны (19.16)

Приложения к главе 19

П.19.1. Из истории демократического движения Ленинграда (1987-1988) (авт. — А. Винников)	669
П.19.2. Басня о перестройке (авт. — А. Ющенко)	671
П.19.3. «Шел рыцарь хоробрый к дракону “на Вы”...» (образ города и мира) (авт. — В. Кривулин; Н. Беляк; Т. Лиханова; А. Чернов)	678
П.19.4. Литераторы-нонконформисты: из «подвала» — на общественно-политический простор (авт. — В. Долинин, Д. Северюхин)	685

П.19.5. «Кандидат в делегаты» XIX Всесоюзной партконференции ...	689
--	-----

Ремарка:

Что такое «двоичная система»? (раздел П.19.2)

Глава 20. Народный фронт

20.1. За Народный фронт! (авт. — Ю. Нестеров; А. Алексеев)....	691
20.2. К вопросу об экстремизме (послесловие к митингу на стадионе «Локомотив») (авт. — Ю. Артемьев; А. Алексеев; О. Вите; А. Соснин; Г. Трубников; Л. Соколецкий; А. Зубков)	694
20.3. Выборы в партком: «тестовое» голосование	702
20.4. Клуб: «субъект-субъектная» модель	703
20.5. Реформа политической системы: «Избирательное право должно быть прямым и равным!» (авт. — А. Алексеев, Г. Богомолов, Ю. Нестеров; В. Антошин, Ю. Кондратьева, Н. Корнев и др.; Р. Ленчовский)	709
20.6. Несвоевременные мысли	713
20.7. Мы с Эстонией, потому что мы с Россией! (авт. — А. Алексеев; В. Антошин, Г. Богомолов, А. Голов и др.)	719
20.8. Диалог с НН (о соотношении политики и нравственности) (авт. — НН; А. Алексеев)	722
20.9. Статья 70-я УК РСФСР пока не отменена (авт. — А. Алексеев; М. Чулаки, А. Крестинский, Е. Анисимов и др.; В. Костюшев; Д. Вережкин)	725
20.10. «Вызываю на судебную дуэль...». Интермедия (авт. — В. Харитонов, А. Батаев)	728
20.11. Возвращение в клуб «Перестройка»	729
20.12. Демократическое движение: хроника декабря 1988 года и взгляд в наступающий, 1989-й (авт. — В. Долинин, Б. Иванов, Н. Кронов и др.; В. Ходырев, Л. Ходченкова)	730

Ремарки:

Срочная телеграмма в ВС СССР (раздел 20.5); «Вы стали политиком...» (20.8); «...устал!» (20.8); Из опыта «перестроечных батальев» (20.10); Накал страстей рубежа 1988-1989 гг. (20.10)

Глава 21. Выборы-1989

21.1. Общественный комитет «Выборы-89» (авт. — колл.)	733
21.2. Один из способов ослабить бюрократический заслон, выставленный против «неугодных» кандидатов	737

21.3.	Будни избирательной кампании (авт. — колл.; В. Беляков; А. Винников)	741
21.4.	«Выборы-89»: кто из кандидатов выдвинут «снизу»? (авт. — колл.)	744
21.5.	Один месяц из жизни Геннадия Богомолова (эпизод предвыборной кампании 1989 г.) (авт. — колл.; Н. Козлов; С. Дегтярев, Ю. Нестеров, В. Монахов и др.; В. Закревский, А. Богданов; Н. Харьковская; В. Широких; Н. Пашко, Г. Фадеева, Н. Цфас и др.; А. Алексеев; И. Федоров, В. Юфимец, Н. Мителев, О. Кабаков)	747
21.6.	Журналисты «Ленполиграфмаша». Интермедия (авт. — Н. Харьковская; А. Луговцева, С. Михельсон, В. Татарникова; Н. Поречная; Н. Козлов)	756
21.7.	Голосуйте честно, принципиально, осознанно! (авт. — колл.; Г. Лебедев, Е. Прошина)	763
21.8.	Ленинградцы сделали свой политический выбор (авт. — колл.; А. Алексеев, О. Вите, В. Рамм и др.)	769
21.9.	Общественный центр изучения и прогнозирования социальных процессов (авт. — Л. Кесельман; Б. Докторов; А. Алексеев)	771
21.10.	Опыт предвыборной программы. 1989	783

Ремарки:

Что было потом (раздел 21.4); Социолог-испытатель «интригу-ет» (21.5); Что было потом (21.5); Акция солидарности (21.6); Оплотился секретарь парткома... (21.6); «Наблюдающее участие» в избирательной кампании (21.7); Как удалось предотвратить фальсификацию выборов (21.7); «Делегированное наблюдение» Леонида Кесельмана (21.9); Политическая эйфория конца 80-х гг. (21.10); Не только депутатом, но и зарегистрированным кандидатом не стал... (21.10)

Приложения к главе 21

П.21.1.	Пятнадцать лет спустя: выборы в Государственную Думу Российской Федерации — 2003. Социологический комментарий	788
П.21.2.	Еще год спустя: последние события и вопросы дня (авт. — Д. Сысов; О. Попова; А. Скобов; колл.)	795
П.21.3.	Демократические реформы: 20 лет спустя (авт. — Ю. Афанасьев; Ю. Левада; Л. Шевцова; Ю. Рыжов; А. Гельман; А. Яковлев)	801
Сокращенное оглавление к тому 4		806

Несколько вступительных слов к томам 3 и 4

Первые два тома (две части) книги **«Драматическая социология и социологическая ауторефлексия»** вышли в свет в петербургском издательстве «Норма», при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, в 2003 году.¹ Напомним читателю, о чем там шла речь.

Сквозным сюжетом книги является социально-личностный (направленный как «во-вне», так и «во-внутри») эксперимент, предпринятый четверть века назад. Эксперимент начался с инициативного перехода социолога из научного института на завод, в качестве рабочего. В этой социальной роли автор пребывал с 1980 по 1988 г.

Первая часть книги называлась **«В поисках жанра»**. В ней своего рода прологом выступает история проведения андерграундного экспертного опроса «Ожидаете ли Вы перемен?» (рубеж 1970—80-х гг.). А затем — описываются «приключения» социолога, предпринявшего попытку экспериментального исследования производственной жизни изнутри, «глазами рабочего». Время действия — 1980-1983 гг. Это был начальный этап эксперимента.

Том 1 (включающий в себя часть 1) состоит из шести глав:

1. Накануне («Ожидаете ли Вы перемен?»).
2. Театр жизни на заводских подмостках (начало).
3. Театр жизни на заводских подмостках (продолжение).
4. «Письма Любимым женщинам» (после эпилога).
5. Человек и его работа: вид изнутри.
6. Образ жизни, жизненный процесс, жизненный путь .

(Главы 1, 5 и 6, а также часть 1 как целое сопровождаются приложениями).

Во второй части, названной **«Контрапункты»**, рассматривалось продолжение эксперимента социолога-рабочего при «вновь возникших» обстоятельствах: состоявшейся в середине 80-х гг. эскалации идеологических и политических обвинений в адрес социолога-испытателя. Последний пытается развернуть самооборону и включает эти новые обстоятельства в поле своего исследования. Время действия — 1983-1986 гг.

¹ Указанные два тома книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» размещены также на WEB-сайтах: Научно-информационного центра «Мемориал» (Санкт-Петербург): <www.memspb.org/press/pres.html> и Киевского международного института социологии: <www.kiis.com.ua/txt/pdf/book/book.html>, а также на частном сайте <www.alekseev_andrej/narod.ru>. Здесь пользуюсь случаем выразить в этой связи свою признательность: Ирине Флиге и Мирону Муждабе (Санкт-Петербург); Валерию Хмелько и Владимиру Паниотто (Киев); Леониду Грингаузу (Санкт-Петербург).

Том 2 (включающий в себя часть 2) состоит из пяти глав:

Глава без номера: Интермедии.

7. «Дело» социолога-рабочего (начало).

8. «Дело» социолога-рабочего (продолжение).

9. Год Оруэлла (1984).

10. Перемен не надо ждать. Их надо делать!

(Главы 7 и 8, а также часть 2 как целое сопровождаются приложениями).

Ныне вниманию читателя предлагаются тома 3 и 4 (включающие в себя, соответственно, части 3 и 4) «Драматической социологии и социологической ауторефлексии».

Основное содержание третьей части, под названием «**Полигон**», составляет заключительный этап эксперимента социолога-рабочего (1986-1989). Как и предыдущие, данная часть книги являет собой композицию авторских текстов разных лет (тексты — личные, деловые, научные). Причем, как и в предыдущих томах, эти аутентичные документы — иногда развернуто, иногда вкратце — комментируются автором «из сегодня».

Том 3 (включающий в себя часть 3) состоит из двенадцати глав:

Глава без номера: Прологомены.

11. Человек в системе производственных отношений «развитого социализма».

12. Хозяйственный механизм глазами рабочего.

13. Люди лучше учреждений (Из жизни социологического сообщества).

14. Делаем перемены (начало).

15. Делаем перемены (продолжение).

16. Сотворение легенды.

17. «Поборник», «аргумент», «символ», «разменная монета»...

18. Начальная школа демократии (Производственное самоуправление).

19. Клуб «Перестройка» (Дальше... Дальше...).

20. Народный фронт.

21. Выборы-1989.

(Главы 11, 12, 13, 16, 17, 19 и 21 сопровождаются приложениями).²

Широко представлены в книге — во всех ее частях — также тексты других лиц (как правило, коллег и друзей автора).³ Это в особенности относится к заключительной, четвертой части, под названием «**Версии**».

Содержание данной части книги составляет сопоставление разных трактовок, истолкований эксперимента социолога-рабочего (от апологетических до резко критических), представление материалов экспертно-

² Полное оглавление этого тома см. выше.

³ В большинстве случаев использование чужих текстов является перепечаткой или пространном цитированием из ранее опубликованных работ. Авторы таких текстов, которые написаны специально для этой книги, либо публикуются здесь впервые, либо публиковались ранее ничтожным тиражом, отмечены на форзаце «копирайтом».

прогностического исследования «Ожидаете ли вы перемен?» (рубеж 1970—80-х гг.), а также обсуждение проблем разнообразия и соотношения различных способов социального познания.

Том 4 (включающий в себя часть 4) состоит из четырех глав:

22. Эксперимент социолога-рабочего с разных точек зрения.
  23. Эпистемологические дебаты.
  24. Человек в обществе и общество в человеке.
  25. Возвращаясь к началу (Ожидали ли перемен?).
- (Главы 22, 23 и 25 сопровождаются приложениями).

Итак: книга «Драматическая социология и социологическая ауто-рефлексия» состоит из 4 частей и 27 глав (некоторые из них — с приложениями).

Вся тетралогия (тома 1—4) представляет собой сюжетно выстроенное «социолого-драматургическое» произведение. При этом автор ставил своей задачей не только отобразить характерные черты производственной, социокультурной и общественно-политической жизни 80-х гг. минувшего века, но и, отталкиваясь от «исследования случая», выявить некоторые универсальные закономерности и механизмы взаимодействия личности и социальной среды, человека и социальных институтов.

Основные научные идеи книги заявлены в «Предисловии» (в начале тома 1). Ниже будет представлено несколько извлечений оттуда.

Здесь воздержусь от пересказа «фабулы» эксперимента социолога-рабочего, как таковой. Глава 11, в настоящем (3-м) томе, включает мою работу 1983 года («Человек в системе реальных производственных отношений»), где отражены хронология и предварительные результаты эксперимента (как они тогда виделись автору). Таким образом, читатель, даже не знакомый с предыдущими двумя томами, окажется сразу введенным «в курс дела».⁴

Последняя (10-я) глава в томе (части) 2 обрывалась на событиях весны 1986 г. — обращение автора, исключенного из партии, к Генеральному секретарю ЦК и к XXVII съезду КПСС с инициативной аналитической запиской под названием «Научно-практический эксперимент социолога-рабочего и его общественно-политические уроки». Что же было после?

Впереди — еще два с лишним года эксперимента и «дела» социолога-рабочего, на фоне совершающихся общественных перемен.

А. А., июнь 2005

---

⁴ Этой же цели отчасти служит глава без номера (между 10-й и 11-й), которой открывается том 3.

Благодарю!

В «Предисловии», открывавшем собой том 1, автор уже высказывал слова благодарности своим давним и нынешним *со-беседникам* и *со-авторам* (они же, как правило, *со-участники* событий, описанных в томах 1 и 2 настоящей книги). Здесь напомним их имена:

— Ирина Баландина, Рэм Баранцев, Юрий Барбой, Николай Беляк, Арлен Блюм, Геннадий Богомолов, Зинаида Вахарловская, Игорь Виноградов, Георгий Гачев, Александр Гельман, Анатолий Головков, Яков Гордин, Вадим Гороховский, Даниил Гранин, Лидия Графова, Людмила Гурьева, Виталий Дмитриевский, Виктор Дудченко, Людмила Дудченко, Владимир Дьяченко, Анатолий Ежелев, Галина Жерновая, Владимир Земсков, Борис Иванов, Фазиль Искандер, Нина Катерли, Леонид Кесельман, Анри Кетегат, Геннадий Климентов, Олеся Козина, Нелли Крюкова, Ирма Кудрова, Эдуард Кудрявцев, Игорь Кузьмичев, Роман Ленцовский, Юрий Линник, Николай Лукашевич, Лев Лурье, Борис Максимов, Нина Максимова, Анатолий Марасов, Светлана Минакова, Алла Назимова, Вилен Очаковский, Владимир Павленко, Владимир Паниотто, Станислав Политов, Ирина Прусс, Сергей Рапопорт, Валерий Ронкин, Розалина Рывкина, Евгений Рыжов, Марина Седунова, Иван Смирнов, Виктор Сокирко, Анатолий Солипатров, Анатолий Сычевич, Валерий Тимошенко, Александр Тихонов, Борис Фирсов, Нина Харькова, Валерий Хмелько, Геннадий Хороших, Андрей Чернов, Виктор Шейнис, Борис Шифрин, Владимир Шубкин, Нина Шустрова, Юрий Щеголев, Александр Юшенко, Владимир Ядов.

Многих из названных выше лиц читатель встретит также и на страницах томов 3 и 4. Однако здесь круг прямых или косвенных *со-трудников* существенно расширяется. И я должен продолжить этот список.

Благодарю также: Владимира Абрашкевича, Елену В. Алексееву, Ксению Абульханову-Славскую, Марию Алесину, Антуана Аракеляна, Олега Байдана, Сергея Балуева, Альберта Баранова, Ирину Басову, Сергея Белановского, Бориса Беленкина, Ванду Белецкую, Таисию Беликову, Нину Белову, Ивана Бельговского, Владимира Белякова, Владимира Богданова, Олега Божкова, Юрия Болдырева, Марка Борнштейна, Анатолия Бородинова, Александра Брикача, Георгия Бурковского, Алексея Валевского, Ирину Васильеву, Татьяну Васильеву, Валерию Василькову, Светлану Вахарловскую, Андрея Вейхера, Нелли Венскую, Александра Винникова, Олега Вите, Пеэтера Вихалемма, Анатолия Вишневского, Галину Волкову, Юлю Вооглайда, Елену Высочину, Владимира Гельмана, Григория Генкина, Владимира И. Герчикова, Владимира М. Герчикова, Марию Георгину, Владимира Гефенидера, Валерия Глухова, Евгения Голикова, Анатолия Голова, Льва Гольдштейна, Михаила Горного, Александра Гофмана, Леонида Грингауза, Павла Гутионтова, Михаила Гущина, Нину Давыдову, Сергея Дегтярева, Екатерину Дмитриевскую, Маргариту Дуброхотову, Бориса Докторову, Вячеслава Долиннина, Вячеслава Дудченко, Ларису Дудченко, Татьяну Дурасову, Александра Железцова, Владимира Жидкова, Татьяну Заславскую, Виктора Захарова, Елену Здравомыслову, Марию Зоркую, Александра Зубкова, Галину Зяблову, Вячеслава Игрунова, Михаила Илле, Виктора Ильина, Людмилу Иодковскую, Владимира Кавторина, Моисея Кагана, Владимира Каратаева, Эдуарда Клопова, Бориса Колоницкого, Игоря Кона, Николая Корнева, Наталью Костенко, Владимира Костюшева, Елену Костюшеву, Валентина Косульникова, Геннадия Кравченко, Самуила Кугеля, Марью Лауристин, Михаила Левина, Владислава Лекторского, Валерия Ли, Юрия Леваду, Татьяну Лиханову, Сергея Логинова, Самуила Лурье, Светлану Лурье, Мэри Маколи, Лидию Марасову, Роберта Мартиросана, Николая Мартынова, Юрия Мархашова, Ольгу Маслову, Марию

Мацкевич, Эльвиру Межерауп, Владимира Мельника, Бориса Миронова, Сергея Михельсона, Романа Могилевского, Виктора Монахова, Куаныша Муздыбаева, Сергея Ненашева, Юрия Нестерова, Сергея Никитина, Василия Николаева, Татьяну Нилову, Ольгу Новиковскую, Виктора Носова, Юрия Огибина, Вадима Ольшанского, Тамару Петкевич, Сергея Петрухина, Константина Пигрова, Льва Пинчукова, Андрея Плехина, Олега Поддубного, Григория Померанца, Ингу Преловскую, Николая Преображенского, Татьяну Протасенко, Дмитрия Равинского, Бориса Ракитского, Эвелину Ракитскую, Владимира Рамма, Юрия Резника, Аллу Родионову, Ирину Ронкину, Юрия Роста, Валерия Рубашкина, Инну Руденко, Андрея Рудому, Сергея Русинова, Юлия Рыбакова, Галину Саганенко, Бориса Сазонова, Виктора Салтыкова, Фуата Самигуллина, Сергея Самойлова, Альфреда Сарно, Карена Свасьяна, Дмитрия Северюхина, Александра Седова, Валентина Семенова, Викторину Семенову, Надежду Сергееву, Никиту Серова, Наталью Сидорову, Эрику Сидорову, Инну Сигиреву, Леонида Соколецкого, Аркадия Соснова, Лидию Сошлюкову, Осипа Спасова, Ольгу Старовойтову, Леонида Столовича, Елену Струкову, Александра Сунгурова, Анну Темкину, Валентину Терехову, Николая Толоконцева, Михаила Толстого, Дмитрия Травина, Игоря Травина, Эдуарда Троппа, Георгия Трубникова, Будимира Тукумцева, Григория Тульчинского, Виктора Тягушева, Сергея Файбушевича, Анатолия Фатеева, Петра Филиппова, Ирину Флиге, Илью Фоякова, Бориса Хохрякова, Светлану Целикову, Радия Цимеринова, Галину Цурикову, Тимура Чагунаву, Сергея Чеснокова, Валентину Чеснокову, Илью Шаблинского, Петра Шелища, Овсея Шкаратана, Владимира Шляпентоха, Николая Щербакова, Владимира Юфимца, Ирину Яковлеву, Феликса Якубсона, Аллу Ярошинскую.

Вклад если не всех, то подавляющего большинства названных лиц воплощен также и во включенных в состав этой книги их собственных текстах (будь то научный труд, публицистическое произведение, деловой документ, политическое заявление, экспертный лист, дневниковая запись, личное письмо...).

И, конечно же, светлая и благодарная память тем моим *со-беседникам* и *со-авторам*, прямым или косвенным соучастникам этого труда, кого сегодня уже нет в живых: Андрею Абрашкевичу, Размику Айдиняну, Валентину Алексееву, Елене И. Алексеевой, Анатолию Альтшуллеру, Цецилии Андреевой, Анатолию Базникому, Леониду Барденштейну, Геннадию Батыгину, Борису Беликову, Рэму Блому, Глебу Вахарловскому, Владимиру Вишаренко, Владимиру Владыкину, Елене Вонсик, Михаилу Гефтеру, Николаю Гиренко, Валерию Голофасту, Леониду Гордону, Ирине Грушевой, Тамаре Дридзе, Гурию Забелкину, Вениамину Иофе, Федору Калугину, Николаю Козлову, Юлии Кондратьевой, Виктору Кривулину, Глебу Лебедеву, Ларисе Ленчовской, Владимиру Малушенко, Борису Мовчану, Лукерье Мовчан, Михаилу Молоствову, Рэму Наумову, Наталье Поречной, Варваре Пузановой, Сергею Розету, Виктору Секерину, Эльмару Соколову, Владимиру Соловью, Ларисе Солоницкой, Анатолию Соснину, Галине Старовойтовой, Анатолию Харчеву, Генриаде Хмаре, Вадиму Холобаеву, Михаилу Чулаки...

Следует добавить к этому имена ныне покойных Владимира Безносова, Анатолия Давыдова, Натальи Козловой, Сергея Мейена, Василия Налимова, Сергея Поршнякова, Софьи Фирсовой, Юлия Шрейдера, чьи тексты также использованы в этой книге.

Выражаю свою признательность сотрудникам петербургского издательства «Норма»: Наталье Барзуковой, Нине Калининной, Татьяне Коськовой, Юлии Куршевой, Наталии Фофановой. Моя особая благодарность — руководителю названного издательства Маргарите Филипповой.

Действующие лица

Ниже дается именной список действующих лиц томов 3 и 4 книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия».⁵

Главы, в которых фигурируют указанные персоналии, обозначены соответствующими номерами (11...25); приложения — буквой «П», с указанием номера соответствующей главы; глава без номера — «0»; «Вместо заключения» — ВЗ.

- Абельс** Хайнц — немецкий социолог: П.23 #
Абульханова-Славская Ксения А. — психолог (г. Москва): 0 #
Авагумов — начальник бюро патентов и НТИ завода: 11
Аганбегян Абел Г. — экономист, академик АН СССР: 11, 14
Агафонов Н. Т. — сотрудник ИСЭП АН СССР: 13 #
Алексеев Андрей Н. — социолог, рабочий, журналист: 0, 11 — 25, ВЗ # *
Алексеева Елена В. — математик: 17
Алексеева Елена И. — социолог: 13
Алесина Мария А. — социолог: 19
Андрианова Нелли А. — член общественного комитета «Выборы-89»: 21
Анисимов Евгений В. — историк: 20 #
Антошин Владимир Н. — инженер (не «Ленполиграфмаш»): 20, 21 #
Аракелян Антуан Г. — правозащитник: 19
Артемов В. — журналист: 20 #
Аронов Александр — журналист, поэт (г. Москва): 17 #
Арьев Андрей Ю. — писатель: 19 #
Афанасьев Василий Г. — редактор газеты «Правда», председатель СЖ СССР (г. Москва): 17 *
Афанасьев Юрий Н. — историк (г. Москва): П.21 #
Базникин Анатолий К. — экологист, помощник лесничего Кавказского гос. биосферного заповедника (Адыгея): 16, 17, 23
Байдан Олег И. — агроном (с. Юрковка, Винницкой обл.): П.17 #*
Балув Сергей Г. — журналист: 18, 19 #
Баранов Альберт В. (он же — «Ученый») — социолог: 13, П.13, 14, 21, 25 #
Баранцев Рэм Г. — математик, философ: 0, 16, П.16, 17, 20, 23, 24, П.24, 25, ВЗ #
Баринова Галина И. — зав. отделом обкома КПСС: 19
Барсуков Сергей — слесарь: 15
Басова Ирина — студентка Ульяновского гос. университета (г. Ульяновск): 24 #

⁵ Подобный список был представлен в томе 1 настоящей книги, но там содержались отсылы только к томам 1 и 2.

Напомним, что к действующим лицам нами относятся:

а) **авторы** публикуемых здесь текстов, кроме случаев внутритекстового цитирования и эпиграфов (в списке такие персоналии отмечены: #) ; б) **адресаты** публикуемых текстов (писем, обращений), если они поименованы (в списке такие персоналии отмечены: *); в) лица, чья деятельность находит **отображение** в публикуемых текстах.

Для случаев (а) и (б) список является исчерпывающе полным. В случае (в) список полным не является.

Как правило, сведения о действующих лицах ограничиваются профессиональной атрибуцией. Должностное положение указывается лишь тогда, когда оно является существенной для описываемых событий ролевой характеристикой. Не отражены ученые степени и звания для работников науки.

В случае отсутствия указания на город, имеется в виду Ленинград (Санкт-Петербург). В случае отсутствия указания на название предприятия (для рабочих и инженерно-технических работников), имеется в виду производственное объединение «Ленполиграфмаш».

- Батаев А. П. — рабочий (не «Ленполиграфмаш»): 20 #
- Баталов — сменный мастер: 14
- Батыгин Геннадий С. — социолог (г. Москва): 24 #
- Белановский Сергей В. — социолог (г. Москва): 17, 23 #
- Беликов Борис Д. — социолог: 14, 23 #*
- Белова Нина И. — социолог: 13 #
- Беляк Николай В. — театральный режиссер: 17, П.19 #
- Беляков Владимир Г. — рабочий (не «Ленполиграфмаш»): 19, 21 #
- Бережной Александр Ф. — историк: 16, 22
- Березкина Е. — техник: 21 #
- Берто Даниэль — французский социолог: П. 23 #
- Библер Владимир С. — историк, философ, культуролог (г. Москва): ВЗ #
- Блюм Рэм Н. — философ (г. Тарту): 15, 24 #
- Богданов А. А. — научный работник: 21 #
- Богданов Владимир В. — газосварщик, правозащитник (г. Рига, Латвия): 15, 16, П.16 #*
- Богданов Олег — член общественного комитета «Выборы-89»: 21
- Богданова Татьяна — член общественного комитета «Выборы-89»: 21
- Богомолов Геннадий А. — фрезеровщик: 12, 15, 16, П.16, 19, 20, 21 #
- Божков Олег Б. — социолог: 13, П.13, 14, 19, 21 #
- Бозрикова Лиля В. — социолог: 13 #
- Болдырев Юрий Ю. — инженер, народный депутат СССР: 19, 21
- Борисова Майя И. — поэт: 20 #
- Борнштейн Марк И. — театральный художник: 19, П.19
- Боровик В. С. — главный ученый секретарь ССА (г. Москва): 13
- Брикач Александр — слесарь: 15, 16 #
- Бурковский Георгий В. (он же — «Инструктор») — психолог: 25 #
- Бурмыкина Ольга Н. — социолог: 13 #
- Валевский Алексей Л. — философ (г. Киев): 0 #
- Валентинова Н. Г. — социолог (г. Москва): 13
- Варсобин Андрей К. — редактор «Ленинградской правды», председатель правления ЛО СЖ СССР: 19, 20 *
- Васильев А. Д. — прокурор города: 17
- Васильев В. (он же — В. В.) — начальник инструментальной группы цеха: 12, 14
- Васильев В. И. — инженер (не «Ленполиграфмаш»): 21 #
- Васильева Ирина А. — актриса (г. Петрозаводск): 18 #
- Васильева Татьяна — радиожурналист: 17, 19 #
- Вахарловская Зинаида Г. — инженер (не «Ленполиграфмаш»): П.22, 24
- Вейхер Андрей А. (он же — «Лютеранин») — социолог: 13, П.13, 15, 19, 21, 25 #
- Вережкин Д. — прокурор города: 20
- Веселовский В. А. — инженер: 21 #
- Вилочкин Ю. В. — сотрудник УКГБ ЛО: 15, 17
- Винер Борис Е. — социолог : П.13
- Винников Александр Я. — физик: 17, 19 #
- Виноградов А. В. — зам. начальника цеха: 19, 21
- Виноградов Игорь В. (он же — И. В.) — бригадир слесарей: 12, 14, 15, 16, 18 #
- Вите Олег Т. — социолог: 17, 19, 20, 21 #
- Вихалемм Пезтер А. — социолог (г. Тарту, Эстония): 15, 25, П.25 #
- Вишаренко Владимир С. — социолог, эколог: 13, 15 #
- Вишневский Анатолий Г. — социолог, демограф (г. Москва): 17 *

- Владимиров Э. В. — сотрудник УКГБ ЛО: 15
Власова В. Ф. — работник Облсвопрофа: 14
Волков Л. И. — заточник: 19
Волынский Н. — журналист: 19
Вооглайд Юло — социолог (г. Таллинн): 20, 24
Воронков Виктор М. — социолог: 13, П.13 #
Воронцов Алексей В. — председатель ревизионной комиссии ЛО ССА: 13, 22 #
Воропаев М. Г. — член КПК при ЦК КПСС (г. Москва): 14
Воскобойников Валерий М. — писатель: 20 #
Выжutowич Валерий В. — журналист (г. Москва): 13 #
Высочина Елена — составитель и редактор сборника «Аутсайдер — человек вопроса» (г. Москва): ВЗ #
Габини А. А. — социолог, председатель ревизионной комиссии ССА (г. Москва): 13 #
Галкина Галина Ф. — социолог: 13, 15 #
Гарыгина Ольга — студентка Киево-Могилянской академии (г. Киев): 0 #
Гачев Георгий Д. — философ, культуролог, писатель (г. Москва): 23, П.23, 24 #
Геворкян В. — цеховой экономист: 18
Герасимова Лариса Л. — зам. секретаря парткома, потом — начальник отдела кадров объединения: 0, 16
Гельман Александр И. — драматург: 17, 19, П.21 # *
Гельман Владимир Я. — инженер, политолог: 19, 21
Генкин Григорий — инженер: 19, 20 # *
Георгина Мария В. — техник-геолог (пос. Боровая, Житомирская обл., Украина): 16, П.17 # *
Герман Александр Ю. — кинорежиссер: 21 #
Герчиков Владимир И. — социолог (г. Новосибирск): П.23 #
Герчиков Владимир М. — тележурналист (г. Воронеж): 17 #
Гефендер Владимир — юрист (г. Москва): П.17
Гейфтер Михаил Я. — историк (г. Москва): 0, 23, 25, ВЗ #
Гилинский Яков И. — социолог: 13, П.13, 21
Глинка Михаил С. — писатель: 17, 20 #
Глотов Владимир — журналист (г. Москва): 17
Глухов Валерий Д. — социолог: 19, 25 #
Голиков Евгений А. — социолог (г. Таллинн): 15, 24 #
Голов Анатолий Г. — член клуба «Перестройка»: 19, 20, 21 #
Головков Анатолий Э. — журналист (г. Москва): 15, 16, 17, 18, 19, 22 # *
Голод Сергей И. — социолог: 13, П.13 #
Гололобов — начальник 60-го отделения милиции: 15
Голофаст Валерий Б. — социолог: 13, 14, 15, 21, П.23 #
Голубовский Михаил Д. — биолог (г. Новосибирск): П.16, 17 #
Гольберт Валентин В. — социолог: П.13
Гольдштейн Лев И. — инженер, журналист: П.13, 18, 19 #
Горбачев Михаил С. — Генеральный секретарь ЦК КПСС: 15, 19, 20, 21, 23 #
Горданов — член профкома объединения: 15
Гордин Яков А. — писатель: 17, 19 #
Гордон Леонид А. — социолог, историк (г. Москва): 11, 13, 15, П.25 #
Горный Михаил В. — инженер: 18
Городецкая И. Г. — экономист: 13 #
Городчиков — фрезеровщик: 14

- Гороховский Вадим — социолог: 13
- Горячкин А. П. — зам. председателя партийной комиссии обкома КПСС: 15
- Готовский А. Ф. — зам. начальника управления городской прокуратуры: 15
- Гофман Александр Б. — социолог (г. Москва): 24 #
- Гофман Ирвинг — американский социолог: П.23 #
- Гранин Даниил А. — писатель: 0, 17, П.17, 19, 20, 21, П.22 # *
- Графова Лидия И. — журналист, правозащитник: 13, 15, 16, 17, П.17, 19, 22 # *
- Гребенщиков И. Л. — зам. заведующего отделом ВЦСПС: 15
- Гребнев В. М. — секретарь горкома КПСС (г. Луга, Ленинградской обл.): 19
- Гревцов Ю. И. — социолог: 13, 22 #
- Грибалева Николай П. — социолог: 11
- Григорьев — прокурор Василеостровского района: 15
- Григорьев Виталий Е. (он же — «Л. Г. Григорьев») — социолог: 19, 23 #
- Грингауз Леонид Е. — член организации «За НФ»: 19, 20 #
- Грицанов А. А. — философ: П.23 #
- Гуляев В.А. — заведующий отделом обкома КПСС: 13
- Гурьева Людмила С. — социолог (г. Томск) — 11, 13
- Гутионтов Павел С. — журналист (г. Москва): 19
- Гущин Михаил (он же — «Миша») — слесарь: 12, 14, 15, 16 #
- Данилушкин Анатолий И. — начальник цеха: 12
- Дашкевич Игорь А. — издатель журнала «Рубикон»: 19
- Дегтярев Александр Я. — секретарь обкома КПСС: 13
- Дегтярев Сергей С. — тележурналист: 15, 17, 19, 21 #
- Дейч М. В. — секретарь районного суда (г. Москва): 13
- Денисов А. А. — народный депутат СССР: 21
- Дмитриев В. — журналист: 19 #
- Дмитриевский Виталий Н. (он же — «Алазанская») — театровед, социолог: П.13, 25 #
- Доброхотова Маргарита В. — инженер (не «Ленполиграфмаш»): 19
- Докторов Борис З. — социолог: 13, П.13, 14, 15, 21, 22, 24 #
- Долбежкин Александр Д. — генеральный директор производственного объединения: 11, 12, 14, 15, 18, 19, 22
- Долгов В. Г. — социолог: 22
- Долинин Вячеслав Э. — инженер-экономист: П.19, 20 #
- Дольский Александр А. — артист: 21 #
- Дридзе Тамара М. — социолог (г. Москва): 23, 24 #
- Дубровский В. — журналист: 21
- Дудченко Виктор П. — член клуба «Перестройка»: 19, П. 22, 23
- Дудченко Вячеслав С. — социолог, философ (г. Москва): 0, 11 #
- Дудченко Людмила К. (она же — «Бирюк») — социолог (г. Москва): 0, 12, 25, П.25 #
- Дука Александр В. — социолог: П.13
- Дурасова Татьяна Б. — журналист: 15 #
- Дьячков И. Н. — директор завода (не «Ленполиграфмаш»): 21 #
- Дьячкова Елена В. — социолог: 13
- Ежелев Анатолий С. — журналист: 15, 16, П.16, 19, 21 # *
- Елисеева Ирина И. — экономист, чл.-корр. РАН: П.13
- Ельмеев Василий Я. — социолог: 13, 16, 22 #
- Ельцин Борис Н. — первый секретарь горкома КПСС (г. Москва): 15, 20
- Еремичева Галина В. — социолог: 13, 14 #
- Ершов Гений С. — главный конструктор объединения: 11 #

- Ефимов А. — наладчик станков с ЧПУ (не «Ленполиграфмаш»): 14
Ефимов В. А. — секретарь райкома КПСС: 19
Жирнова Л. — инженер-конструктор: 18
Журавлева З. — писатель: 19 #
З-в Сергей (он же — С. З., «Серега») — слесарь: 12
Забелкин Гурий И. — шофер (г. Пушкин): 25 #
Зайцев В. А. — слесарь-сборщик, член парткома завода: 21
Закревский В. А. — научный работник: 21 #
Заславская Татьяна И. — социолог, экономист, академик АН СССР (г. Москва): 11, П.11, 13, 14, 16, 22, П.25 #
Захаров Василий Г. — секретарь обкома КПСС: 13 *
Захаров Виктор В. — секретарь парткома Ленинградского университета: 17 #
Захаров Виктор П. — филолог: 25 #
Здравомыслов Андрей Г. — социолог (г. Москва): П.13
Здравомыслова Елена А. — социолог: П.13
Зелинская Елена К. — журналист: 19
Земсков Владимир В. (он же — Володя З.) — заточник: 12
Зерчанинов Ю. — журналист (г. Москва): 19 #
Зоркая Мария В. — литературный критик (г. Москва): П.23 #
Зубков Александр А. — рабочий (не «Ленполиграфмаш»): 19, 20 #
Зяблова Галина Г. — журналист: 15 #
Иванов Борис И. — писатель, публицист: 19, 20, 21 #
Иванов Дмитрий В. — социолог: П.13
Иванов Олег И. — социолог: 14
Иванюшин Б. Г. — председатель профкома производственного объединения: 22
Игнатьев Н. С. — секретарь райкома КПСС: 20
Изотов Сергей — слесарь: 14
Иконникова Светлана Н. — социолог: 13
Илле Михаил Е. — социолог: 13, П.13, П.21 #
Ильин Виктор — слесарь: 15, 16, 18 #
К. Николай — фрезеровщик: 16
К-в Е. Н. — инженер (Рыльский р-н, Курской обл.): П.17 #*
Кабаков В. С. — ректор ЛИЭИ им. П. Тольятти: П.19, 21
Кабаков О. П. — рабочий: 21
Кавторин Владимир В. — писатель, историк: 0, 19, 20 #
Каган Моисей С. — философ: 14 #
Калашникова Ксения — учащаяся 11-го класса средней школы: 24 #
Калинин М. Ф. — расточник, зам. секретаря партбюро цеха: 14
Калугин Федор Ф. — слесарь-инструментальщик: П.12
Капитонов Иван В. — председатель Центральной ревизионной комиссии КПСС (г. Москва): 15 *
Карпов Андрей Ю. — инженер: 18, 19 #
Карпов Вячеслав Г. — социолог: 13, 14 #
Карцев Г. Н. — председатель районного суда (г. Москва): 13 *
Катерли Нина С. — писатель: 17, 19, 21 #
Кесельман Леонид Е. — социолог: 13, П.13, 14, 15, 16, 19, 21, П.21, П.22, 24 #
Кетегат Анри А. — социолог, рабочий (г. Вильнюс): 0, 11, П.22, 23, 24, 25, П.25 #
Кириллов — секретарь парткома вуза: 20
Кириллов Юрий — журналист, зам. редактора «Ленинградской правды»: 17 #
Киц С. Г. — заточник: 19

- Клецин Александр А.** — социолог: 13, 14 #
- Климентов Геннадий А.** (он же — «Марианна») — экономист: 11, 20, 25 #
- Клопов Эдуард В.** — социолог, историк: 11, 15, П.25 #
- Ковалев А. Д.** — социолог (г. Москва): П.23 #
- Ковалев Алексей А.** — археолог, руководитель группы «Спасение»: 19, 21 #
- Кожара В. Л.** — биолог (Ярославская обл.): П.16 #
- Кожевников Петр В.** — писатель, экологист: 19, 21 #
- Кожемяко В** — журналист (г. Москва): 19
- Козина Мария** — школьница (г. Ульяновск): 24
- Козина Олеся А.** — философ, социолог, поэт (г. Ульяновск): 17, 24 #
- Козлов Николай А.** (он же — «Н. Брянцев») — журналист, сотрудник заводской газеты: 18, 21 #
- Козлова Лариса А.** — социолог, зам. гл. редактора «Социологического журнала» (г. Москва): 23 #*
- Козлова Наталья Н.** — философ, социолог, культуролог (г. Москва): 23 #
- Комаров Владимир Г.** — декан факультета журналистики Ленинградского университета: 16, 22
- Комиссаренко Светлана** — клубный работник: 19
- Комышан А. И.** — инспектор уголовного розыска: 15
- Кон Игорь С.** — социолог (г. Москва): 0, П.13 #
- Кондратьев В. Н.** — секретарь парткома объединения (не «Ленполиграфмаш»): 19
- Кондратьева Юлия Н.** — филолог: 20, 21 #
- Конечский Виктор В.** — писатель: 17 #
- Константинов Илья В.** — член общественного комитета «Выборы-89»: 21
- Константиновский Давид Л.** — социолог, гл. редактор «Социологического журнала» (г. Москва): 23 #*
- Корнев Б. Ф.** — инструктор обкома КПСС: 13
- Корнев Николай Р.** — биолог, социолог: 19, 20, 21 #
- Король** — токарь: 14
- Корконосенко Наталья Ф.** — журналист: 14
- Корсунский Н.** — журналист: 21
- Коряк В.** — бригадир токарей, председатель СТК цеха: 18 #
- Косачев Альберт А.** — начальник цеха: 12, 14, 15 #
- Костюшев Владимир В.** — социолог: 13, П.13, 15, 19, 20, 21 # *
- Косульников Валентин** — слесарь: 12, 14, 15, 16, 18 #
- Кошванец В.** — журналист: 17
- Кравец Наталья П.** — социолог: П.13
- Кравцов В.** — рабочий: 18 #
- Кравченко Геннадий А.** — инженер, рабочий (не «Ленполиграфмаш»): 17, 19, 21 #
- Крестинский Александр А.** — писатель: 20 #
- Кривулин Виктор Б.** — поэт: П.19 #
- Кронов Н.** — член редколлегии инф. бюллетеня организации «За НФ»: 20 #
- Крюкова Нелли А.** (она же — «Неля») — биохимик: 14, 16
- Кугель Самуил А.** — социолог: 13, П.13
- Кудряшенко Л. С.** — зав. канцелярией обкома КПСС: 14
- Кузнецов В. Н.** — сотрудник ИСЭП АН СССР: 13 #
- Кузнецов Г. Р.** (г. Луга, Ленинградской обл.): 19 #
- Кузнецова Мария** — студентка Ульяновского гос. университета (г. Ульяновск): 24 #
- Куликов Алексей** — секретарь парткома вуза: 20
- Курбатов Константин И.** — писатель: 20 #

- Курсов В. Н. — фрезеровщик, секретарь партбюро цеха: 14, 18
Кутуев Керим Х. — зам. старшего механика цеха, председатель цехкома: 14, 15, 18
Кутырина Людмила В. (она же — Людмила К.) — инженер-технолог, начальник бюро технической подготовки цеха): 12, 14, 15
Кушнер Александр С. — поэт: 19 #
Лапин Николай И. — социолог (г. Москва): 11
Лауристин Марью — социолог (г. Тарту, Эстония): П.13, 15, 20, 24, 25, П.25, #
Лебедев Александр В. — рабочий, журналист: 17
Лебедев Глеб С. — археолог: 19, 21 #
Лебедев Павел Н. — социолог: 13, 14, 21 #
Лебедева Л. М. — инженер ООТиЗ: 21
Левада Юрий А. — социолог (г. Москва): 0, 13, П.21, П.25 #
Левин Михаил Б. — журналист (г. Москва): 11
Лекторский Владислав А. — философ (г. Москва): П.23 #
Ленчевский Роман И. — философ, социолог (г. Киев): 0, 13, 15, 16, П.17, 20, 22, П.22, 23, 24, П.25 #*
Ли Валерий — рабочий (не «Ленполиграфмаш»): 16, 19 #
Лигачев Егор К. — секретарь ЦК КПСС: 19, 21
Линник Юрий В. — философ, культуролог, поэт (г. Петрозаводск): 0, 17, П.17, 24, 25, ВЗ #
Лиюкумович Ф. — рабочий: 21
Лисовский Александр В. — социолог: П.13
Лисовский Владимир Т. — социолог: 13 *
Лисовская Елена Б. — социолог: 13 #
Лисочкин Игорь — журналист: 17
Лиханова Татьяна — журналист: 19, П.19, П.22 #
Лобанов Николай А. — экономист, зам. директора института: 13, 14
Лобов Е. В. — токарь, партгрупорг участка: 14
Логинов Сергей И. — кинорежиссер (г. Москва): 17, 19
Луговцева А. А. — журналист: 21 #
Лукашевич Николай — начальник ОТК цеха: 14, 16, 18 #
Лукин Б. И. — инженер (не «Ленполиграфмаш»): 19 #
Лурье Самуил А. — писатель: 19 #
Лурье Светлана В. — социолог, этнопсихолог: 17 #
Любимцев Александр А. — биолог, ученый-энциклопедист, мыслитель (г. Ульяновск): 0,13, П.16, 17, П.23, 24, ВЗ
Львова Валентина Н. — инженер-конструктор: 16, 18
Магид Сергей Я. — филолог: 20
Мазуренко Юрий И. — инструктор обкома КПСС: 13, 14
Макаров Д. К. — и. о. генерального директора объединения: 16 #
Макеева Полина Г. — член КПК при ЦК КПСС (г. Москва): 14
Максимов Борис Г. — токарь, член парткома завода: 14, 16
Максимов Борис И. — социолог: 11, П.12, 13, П.13, 18, 21, 22 #
Максимов Владимир В. — социолог, секретарь партбюро института: 16, 17, 22
Максимова Нина К. — журналист (г. Новосибирск): 14, 17 #
Малков Юрий П. (он же — Ю. М.) — зам. начальника цеха: 12, 14, 15
Малюк Андрей — студент Киево-Могилянской академии (г. Киев): 0 #
Манько Юрий В. — социолог: 13
Марасов Анатолий Н. — биолог, философ (г. Ульяновск): 0, 17, 24 #
Марасова Лидия И. — учитель средней школы (г. Ульяновск): 24

- Маркин** — зам. заведующего отделом обкома КПСС: 13
- Марковцев** Б. Г. — научный сотрудник: 19 #
- Мартirosян** Р. — слесарь: 15, 18 #
- Мартынов** — начальник 1-го отдела завода: 11
- Мартынов** Николай А. — композитор: 19, 20
- Мархашов** Юрий С. — историк (г. Москва): 15, 18 #
- Марьяненко** Александр П. — социолог: 11, 16
- Матвеев** А. И. — начальник цеха, председатель СТК объединения: 18
- Матвиенко** — журналист: 15 #
- Матеренко** Г. Н. — регулировщик аппаратуры, зам. председателя СТК объединения: 18, 21
- Махалов** А. А. — социолог: 14
- Мацкевич** Мария Г. — социолог: 21, П.21, 24, П.25 #
- Медведев** В. — бригадир фрезеровщиков: 18 #
- Медведев** Вадим А. — заведующий отделом ЦК КПСС, потом — секретарь ЦК КПСС: 13 *
- Межевич** Марат Н. — социолог: 13, 14, 21
- Мейен** Сергей В. — биолог: 25 #
- Мельник** Владимир А. — учитель (с. Юровка, Винницкой обл.): П.17 #
- Миллс** Чарльз Райт — американский социолог: П.23, 24 #
- Минакова** Светлана Ф. — социолог: 0, 11, 13, 16, 17, 23 #
- Минин** — токарь, председатель цеховой комиссии по трудовым спорам: 14
- Миронов** Борис Н. — историк, социолог: 24 #
- Мирошниченко** Валерия — студентка Киево-Могилянской академии (г. Киев): 0 #
- Мирошниченко** Николай С. — социолог: 13, 21, 22 #
- Мителев** Н. М. — бригадир: 18, 21 #
- Михайлов** — рабочий: 15
- Михайлов** Михаил К. — секретарь парткома объединения: 14, 15, 16, 21, 22 #
- Михайлова** З. Н. — заведующая парткабинетом объединения: 19
- Михайлова** Л. А. — народный судья (г. Москва): 13
- Михельсон** Сергей В. — журналист: 16, 17, 19, 21 #
- Могилевский** Роман С. — социолог: П.13, 21, 22 #
- Могиленец** Н. М. — и.о. районного прокурора (г. Москва): 13 #
- Моисеенко** Н. А. — экономист: 16, 22
- Момджян** Хачик Н. — философ, президент ССА (г. Москва): 13 *
- Монахов** Виктор Н. — юрист: 13, 19, П.19, 21 #
- Муздыбаев** Куаныш — социолог: 13 #
- Мукосеев** Б. В. — строитель: 19 #
- Муравьев** — зам. районного прокурора: 15
- Муриков** — фрезеровщик (не «Ленполиграфмаш»): 15
- Мусаханов** Валерий Я. — писатель: 19 #
- Мялина** Л. А. — член редколлегии инф. бюллетеня организации «За НФ»: 21 #
- Набок** Людмила В. — концертмейстер: 20
- Назимова** Алла К. — социолог (г. Москва): 11, 13, 14, 15, 23 #
- Налимов** Василий В. — математик, философ (г. Москва): 0 #
- Наумов** Рэм В. — биолог (г. Ульяновск): П.16, 17 #
- Невзоров** Александр Васильевич (он же — «Назаров Александр Вениаминович») — сотрудник УКГБ ЛО: 15
- Ненашев** Сергей В. — журналист: 16, 17, 19 #
- Нестеров** Юрий М. — инженер (не «Ленполиграфмаш»): 17, 19, 20, 21 #

- Нечаева Наталья А. — социолог: 13 #
- Никитин Сергей Г. (он же — «Строитель») — рабочий-строитель: 25 #
- Никитин Алексей — рабочий, председатель товарищеского суда: 14
- Никитина Н. — юрисконсульт завода: 14, 15
- Николаев Василий (он же — «Вася») — слесарь: 12, 15
- Николаев Г. — писатель: 19 #
- Николаева Т. А. — зам. начальника управления городской прокуратуры: 15 #
- Никольский Борис Н. — писатель, народный депутат СССР: 19, 21 #
- Нилова Татьяна А. — журналист: 14 #
- Нисбетт Ричард — американский социальный психолог: П.25 #
- Новиков Владимир И. — шлифовщик, секретарь партбюро цеха: 13, 14, 15, 19
- Новиковская Ольга А. — педагог-логопед: 16
- Носов Виктор (он же — «Витя») — слесарь: 12, 14, 15, 18 #
- Носырев Даниил П. — начальник УКГБ ЛО: 15, 17
- Овсянников В. Г. — экономист: 22
- Овсянников Е. К. — заведующий сектором обкома КПСС: 13
- Овчинников Иван — фрезеровщик, зам. председателя цехкома: 14, 16
- Огибин Юрий А. — экономист: 24 #
- Ольшанский Вадим Б. — социолог (г. Москва): 11
- Орлов В. — рабочий (г. Выборг, Ленинградской обл.): 18 #
- Ошурков А. Т. — инженер: 21 #
- Очаковский Вилен Я. — шахтер, журналист, правозащитник (г. Александрия, Кировоградской обл., Украина): 0, 16, 17, 23
- Павленко Владимир Н. — социолог: П.23, 25 #
- Падкин В. В. — сотрудник ИСЭП АН СССР: 13 #
- Паниотто Владимир И. — социолог (г. Киев): 13, 23 #
- Панкевич Татьяна Д. — помощник районного прокурора: 15
- Панков Георгий И. — журналист, редактор газеты «Ленинградский рабочий»: 16
- Панова Людмила В. — социолог: 13 #
- Парыгин Борис Д. — социальный психолог, председатель бюро СЗО (ЛО) ССА: 13, 14, 16, 22
- Патенков А. Я. — инженер: 21 #
- Пашко Н. — переводчик, сотрудник ОКБ: 21 #
- Пашков А. С. — социолог, юрист, директор НИИКСИ при ЛГУ: 13
- Пересветов А. В. — шлифовщик: 19
- Петкевич Тамара В. — актриса, писатель (г. Москва): П.22 #
- Пигров Константин С. — философ: 0, 23, П.23 #
- Пинчуков Лев А. — биолог (г. Москва): П.17 #
- Пишель В. Я. — психиатр (г. Киев): 17 #
- Плитман А. В. — начальник отдела НОТиУ завода: 12, 15, 18
- Плотников Сергей Н. — социолог (г. Москва): 13
- Поволоцкий Евгений Я. — социолог: 13 #
- Погребняк В. — художник, сотрудник ОКБ: 21 #
- Поддобрый Олег Н. — рабочий (не «Ленполиграфмаш»): 19 #
- Подлесная В. С. — секретарь райисполкома: 21
- Подольцева Екатерина — член партии «Демократический Союз»: 20
- Полани Майкл — физико-химик, философ: П.23 #
- Политов Станислав (он же — «Стас») — слесарь, наладчик штампов: 12, 14
- Полозов Владимир Р. — экономист: 14
- Полозюк В. И. — начальник подразделения УКГБ ЛО: 15

- Полянская М. Б. — консультант правления ССА (г. Москва): 13 #
- Померанцев Григорий С. — философ (г. Москва): П.22 #
- Пономарев Владимир Л. — зам. генерального директора объединения: 11, 21
- Попов Александр В. — журналист, редактор журнала «Родина» (г. Москва): 17 #
- Попов Валерий Г. — писатель: 20 #
- Попова Т. Н. — народный заседатель районного суда (г. Москва): 13
- Поповский Марк А. — писатель (г. Москва; США): 17
- Поречная Наталья К. — журналист, сотрудник заводской газеты: 14, 15, 16, 17, 19, 21 #
- Потемкин В. — зав. сектором института: 14
- Почин С. — журналист: 15, 21
- Преловская Инга С. — журналист (г. Москва): П.16 #
- Преображенский Николай А. — историк: 19
- Протасенко Татьяна З. — социолог: 13, П.13, 15 #
- Прошина Елена М. — философ: 19, 21 #
- Равинский Дмитрий К. — социолог: 23 #
- Разумов А. Я. — историк: 19 #
- Ракитская Галина Я. — социолог, экономист (г. Москва): 22
- Ракитская Эвелина Б. — поэт (г. Москва): 22, П.22 #
- Ракитский Борис В. — социолог, экономист (г. Москва): 13, 22
- Рамм Владимир Г. — инженер (не «Ленполиграфмаш»): 17, 19, 21 #
- Рапопорт Сергей С. — социолог (г. Вильнюс): П.13
- Рахманова Н. — писатель: 19 #
- Ревенок Анатолий Д. — директор Укр. филиала НИИ общей и судебной психиатрии им. Сербского (г. Киев): 17 #
- Резник Юрий М. — философ (г. Москва): 0 #
- Реутов Николай — слесарь: 12, 14
- Решетов Михаил И. — старший мастер: 18
- Розет Сергей М. — социолог, рабочий: 0, 11, П.22, 23 П.23, 25 #
- Родионова Алла В. — социолог: П.13
- Романова — сотрудник бюро патентов и НТИ завода: 11
- Романюк Юлия — студентка Киево-Могилянской академии (г. Киев): 0 #
- Ронкин Валерий Е. — инженер-химик: 19 #
- Росс Ли — американский социальный психолог: П.25 #
- Рост Юрий М. — публицист (г. Москва): П.21, В3 #
- Рощин А. С. — член клуба «Перестройка»: 19 #
- Рубашкин Валерий Ш. — философ: 25 #
- Руденко Инна П. — журналист (г. Москва): П.16 #
- Ружже Вера Л. — социолог: 13, П.13
- Румянцева Галина А. — ученый секретарь ЛО ССА: 13, 21
- Русалинова Алла А. — социолог: 13, П.13, 21
- Русинов Сергей — слесарь: 12, 14, 15, 16, 18 #
- Русинова Нина Л. — социолог: 13 #
- Руткевич Михаил Н. — социолог, директор института (г. Москва): 13
- Рыбаков — фрезеровщик: 15 #
- Рыбаков Юлий А. — художник, депутат Госдумы РФ: 19, 20
- Рывкина Розалина В. (она же — «Инна», «Близнец») — социолог (г. Москва): 11, 13, П.13, 14, 15, 22, 23, 25, П.25 # *
- Рыжов Евгений А. (он же — «Женя») — слесарь: 12, 14, 15, 16, 18 #
- Рыжов Юрий А. — физик, академик АН СССР (г. Москва): 17, П.21 #

- Рытхэу Юрий С. — писатель: 20 #
- Рябов В. А. — зам. начальника отдела юстиции горисполкома (г. Москва): 13
- Рябов Игорь В. — заточник, секретарь партбюро цеха: П.16, 21
- Рябчук Анастасия — студентка Киево-Могилянской академии (г. Киев): 0 #
- С. Фаина (она же — «Фаина») — старшая кладовщица цеха по инструменту: 12, 14
- Сависсар Эдгар — председатель Народного фронта Эстонии: 20 *
- Саганенко Галина И. — социолог: 13, П.13, 14, 21, 23 #
- Сазанов С. — зам. заведующего идеологическим отделом райкома КПСС: 21
- Сазонов Борис В. — социолог (г. Москва): 11
- Салье Марина Е. — геолог: 19, 21 #
- Самигуллин Фуат Ф. — театральный технолог: 19, П.19
- Самойлов Сергей Б. — слесарь: 15 #
- Сарно Альфред А. — социолог: 15, 22, П.22 #
- Сафронов Вячеслав В. — социолог: 13 #
- Сахаров Б. М. — инженер-конструктор, зам. председателя СТК КБ: 21
- Сахаров Андрей Д. — академик, народный депутат СССР: 21
- Свасьян Карен А. — философ (г. Базель, Швейцария): 0, П.16, 23 #
- Северюхин Дмитрий Я. — художник, искусствовед, издатель: П.19 #
- Седов Александр В. — социолог (он же — «Жук»): 15, 23, 25 #
- Седунова Марина В. — историк: 22 #
- Семенова Виктория В. — социолог (г. Москва): П.23 #
- Сергеев А. — слесарь: 15
- Серов Никита К. — социолог: П.23, 24 #
- Серяков Александр В. — инженер: 20 #
- Сигов Ивглаф И. — экономист, директор института: 13, 14, 16, 22 #
- Сидорова Наталья Н. — журналист: 19
- Сидорова Эрика М. — социолог: 13
- Силантьева Галина — социолог: 13
- Скобников С. В. — инженер-конструктор: 21
- Смаглиенко Г. Д. — председатель партийной комиссии обкома КПСС: 15
- Смирнов Иван А. (он же — «Ваня») — слесарь-инструментальщик: 15
- Смирнов Игорь — слесарь: 14, 15
- Смирнов Л. П. — главный технолог объединения: 11
- Смирнова Галина П. — экономист: 13 #
- Сокирко Виктор В. — экономист, правозащитник (г. Москва): П.22, 25 #
- Соколецкий Леонид — физик: 20 #
- Соколов Георгий (он же — «мастер Гоша») — сменный мастер, потом — старший мастер: 12, 14, 15
- Соколов Эльмар В. — социолог, философ: П.13, 25 #
- Солিপатов Анатолий Г. — слесарь-механик: 11, П.12 #
- Соловейчик Александр М. — начальник цеха, потом — зам. директора объединения по производству: 12, 18, 21
- Соловьев — следователь: 15 #
- Соловьев Юрий Ф. — первый секретарь обкома КПСС: 14, 15, 19, 21 *
- Соломенцев Михаил С. — председатель КПК при ЦК КПСС (г. Москва): 14
- Сорокин Питирим А. — русско-американский социолог: П.23 #
- Соснин Анатолий С. (он же — «Невельцев») — писатель, кинодраматург: 17, 20, 23, 25, П.25 #
- Спасов Осип — писатель, публицист: 19
- Стариков Владимир А. — сотрудник УКГБ ЛО: 17

- Старовойтова** Галина В. — этносоциолог, депутат Госдумы РФ (г. Москва): П.22, 24
Старовойтова Ольга В. — президент Фонда Г. Старовойтовой: 19, П.13, 19, П.22, 24 #
Стародубцев Н. А. — сотрудник ИСЭП АН СССР: 13 #
Столлович Леонид Н. — философ (г. Тарту): 24 #
Страхов Кирилл А. — историк: П.19
Стрельцов — слесарь: 15
Стрельцов В. Е. — первый секретарь райкома КПСС (г. Верхнеднепровск, Украина): 17
Стругацкий Борис Н. — писатель: 20 #
Стругач — следователь: 15
Струженцов Дмитрий И. — журналист: 14 *
Стукалов Юрий П. — председатель профкома объединения: 14, 16, 18
Сунгуров Александр Ю. — биолог, политолог: 18, 19 #
Сысевич Анатолий В. (он же — А. С., «Толик», «Бугор», «Капитан») — бригадир слесарей: 12, 14, 15, 16, 18 #
Тарканов В. — техник: 21 #
Тархова Л. — журналист (г. Москва): 17 #
Татарникова В. — журналист: 21 #
Темкина Анна А. — социолог: 13, 19 #
Терехова Валентина С. — участник демократического движения: 19
Тимофеев — фрезеровщик: 14
Тимофеев В. В. — народный заседатель районного суда (г. Москва): 13
Тихонов Александр В. (он же — «Октябрь») — социолог: 11, 13, П.13, 25 #
Толоконцев Николай А. — эколог, зам. директора института: 14
Толстова Нина — инженер-технолог, член партбюро цеха: 14, 15
Толстой Михаил Н. — физик, народный депутат РСФСР: 19, 21
Тощенко Жан Т. — социолог (г. Москва): 13
Травин Дмитрий Я. — экономист, политолог, журналист: П.25 #
Травин Игорь И. — социолог: 13, 14, 15 #
Трегуб Николай (г. Калининград): 21 *
Трусов — рабочий: 14
Трубников Георгий И. — научный работник: 20, 21 #
Тукумцев Будимир Г. — социолог (г. Самара): П.13, 14 *
Тульчинский Григорий Л. — философ: 0 #
Турен Ален — французский социолог: П.23 #
Тюрин Н. Г. — журналист (г. Москва): 17, 19
Тягушев Виктор М. — рабочий-электрик (не «Ленполиграфмаш»): 16, 17, 19, П.19, 21 #
Урбан Андрей — писатель: 20 #
Ухтомский Алексей А. — физиолог, мыслитель: 0, П.22, 23, П.23, 24 #
Фадеева Г. — переводчик, сотрудник ОКБ: 21 #
Файбушевич Сергей И. — социолог: 13, 15, 19 #
Фатеев Анатолий М. — секретарь обкома КПСС, член ЦРК КПСС: 15, 16
Федоров И. Ф. — рабочий: 21
Федосеев А. А. — политолог: 13
Федотова А. П. — социолог (г. Москва): 21
Фетисов Михаил — шлифовщик, член цехкома: 14
Филиппов Петр С. — экономист, журналист: 19, 21 #
Филипсон Майкл — английский социолог: П.23 #
Филмер Пол — английский социолог: 11, П.23 #

- Фирсов** Борис М. — социолог: П.11, 13, П.13, 14, 17, 21, 22, П.22 #
- Фирсова** Мария — студентка Киево-Могилянской академии (г. Киев): 0 #
- Фирсова** Софья М. — экономист: 25 #
- Фоняков** Илья О. — журналист, поэт: 17, 19 #
- Фролов** В. И. — секретарь райкома КПСС: 19
- Фролов** Ю. В. — преподаватель: 21 #
- Харин** — инструктор горкома КПСС: 13
- Харитонов** В. С. — рабочий (не «Ленполиграфмаш»): 20 #
- Харитонов** Олег М. — инженер (не «Ленполиграфмаш»): 19 #
- Харькова** Нина Н. (она же — «Н. Николаева») — журналист, редактор заводской газеты: 14, 19, 21 #
- Хлопьев** А. Т. — инструктор ЦК КПСС: 13
- Хмара** Генриада И. — социолог: 13 #*
- Хмелько** Валерий Е. — социолог (г. Киев): 13, П.13, 15 #
- Ходоровская** Ульяна — студентка Киево-Могилянской академии (г. Киев): 0 #
- Ходырев** В. Я. — председатель Ленгорисполкома: 20, 21 #
- Хохряков** Борис А. — оптик-механик: 18, 19, 21 #
- Цветаева** Нина Н. — социолог: 13 #
- Цепилова** Ольга Д. — социолог: 13, П.13 #
- Цеханович** Андрей В. — журналист: 19 #
- Цирлин** Б. С. — сотрудник ИСЭП АН СССР: 13 #
- Цифас** Н. — переводчик, сотрудник ОКБ: 21 #
- Цыпкин** Г. А. — начальник Управления кадров АН СССР: 13
- Чевкина** Екатерина М. — филолог (г. Москва): П.16 #
- Червяков** Александр П. — токарь, зам. секретаря, потом — секретарь партбюро цеха: 11, 16
- Червяков** В. В. — член клуба «Перестройка»: 19 #
- Черейский** Владимир Л. — социолог: 13 #
- Черемин** Виктор А. — начальник приемной УКГБ ЛО: 17
- Чернов** Андрей Ю. — поэт, журналист: 0, 17, 19, П.19, П.22 #
- Черняков** Ю. — журналист (г. Москва): 17 #
- Чесноков** Сергей В. — социолог, математик, музыкант (г. Москва): 13, 23 #
- Чеснокова** Валентина Ф. (она же — «Никита Боголюбский») — социолог (г. Москва): 25 #
- Четкарев** В. (он же «Ксенофонов») — журналист: 14, 16, П.16, 22
- Чичеров** В. С. — рабочий (не «Ленполиграфмаш»), член ЦК КПСС: 19
- Чулаки** Михаил М. — писатель: 19, 20, 21 #
- Шаблинский** Илья Г. — юрист (г. Москва): 11
- Шадрин** А. П. — инструктор КПК при ЦК КПСС (г. Москва): 14
- Шапкин** А. — слесарь: 15 #
- Шаркова** Е. — секретарь правления ЛО СЖ: 17 #
- Шарыгин** Е. В. — заместитель прокурора города: 15 # *
- Шахматов** Николай (он же — Н. Ш.) — старший механик цеха: 12
- Шевцова** Лилия — политолог (г. Москва): П.21 #
- Шейнис** Виктор Л. — экономист (г. Москва): П.13, 24 #
- Шелищ** Петр Б. — социолог: 13, 14, 15, 19, 21, 22 #
- Шефнер** Вадим С. — поэт: 20 #
- Широких** В. — инженер ОАСУ: 21 22. #
- Шифрин** Борис Ф. — математик, культуролог, философ: 24
- Шкаратан** Овсей И. — социолог (г. Москва): П.13

- Шрейдер** Юлий А. — математик, философ (г. Москва): 0, В3
Шубкин Владимир Н. — социолог (г. Москва): П.13, 23 #
Шустрова Нина Я. — экономист: 23, 25 #
Щеголев Юрий А. (он же — «Ландыш») — социолог, рабочий: 0, 11, П.22, 23, 25, П.25 #
Шекин В. Д. — секретарь парткома объединения: 11, 22 #
Щербаков Николай Ю. — социолог: 11
Ющенко Александр Н. (он же — «Беломор») — социолог: 0, 13, 15, 19, П.19, 25 #
Юфимец Владимир И. — наладчик, председатель СТК цеха: 14, 18, 21 #
Ядов Владимир А. — социолог: 11, 13, П.13, 14, 16, 17, 22, П.25 #*
Яковлев Александр Н. — секретарь ЦК КПСС: 15, П.16, 20, П.21 #*
Яковлев Игорь П. — социолог: 13
Якубсон Феликс И. — кинодокументалист: 19
Яновский Рудольф Г. — заведующий отделом науки ЦК КПСС (г. Москва): 13 *
Ярош Николай А. — сменный мастер, потом — старший мастер, потом — зам. начальника цеха, потом — начальник цеха: 12, 14, 15, 16, 17, 22
Ярошинская Алла А. — журналист, народный депутат СССР (г. Житомир, Украина): 16, П.17 #*

* * *

... Помимо общей работы, помимо времени, которое все фильтрует и промывает, еще есть индивидуальная надежда. Она вот в чем. Никто не может дать гарантии, что не его слово окажется решающим, когда исполнятся сроки и пронадобится последнее прикосновение, последняя пушинка на весах, чтобы воспрянул род людской. Поэтому работа должна быть сделана и продолжена...

М. Анчаров (Цит. по: М. Анчаров. Самшитовый лес. Роман, повести. М. : АСТ-ПРЕСС, 1994, с. 133)

Глава без номера (между 10-й и 11-й). Пролегомены

0.1. Так что же такое — драматическая социология?

[Ниже — несколько извлечений из первых двух томов книги, вышедших ранее. Данный раздел адресован преимущественно тем читателям, кто не знаком с этими томами. — А. А.]

<...> Лучший способ понять некоторый механизм — это разобрать его и собрать обратно.

Познавательный эффект действия не сравним с простым феноменологическим описанием. Не говоря уж о том, что сама по себе проблема, **что́ обстоятельства делают с человеком**, куда менее интересная, чем проблема, **что́ человек может сделать с обстоятельствами**. <...> (1980)

* * *

<...> Жизненный эксперимент, вообще говоря, является довольно распространенной (пусть не массовой!) формой социальной активности. Поведение субъекта в таком случае заведомо нестандартно и отклоняется от социальных стереотипов. Мотивы тут могут быть различными. Скажем, гражданственная мотивация (богатую палитру примеров представляет правозащитное движение). Или же мотивы психологические (поиск новизны, «испытание себя»), мотивы экзистенциальные (типа — «жить в ладу с собой»). Реже встречается собственно-исследовательская мотивация эксперимента «на самом себе».

Здесь заметим, что сам по себе уход автора в рабочие, на рубеже 70—80-х гг., вовсе не был явлением исключительным и среди социологов. Только из ближнего круга коллег — трое профессиональных социологов: Ю. А. Щеголев, А. А. Кетегат и С. М. Розет (ныне покойный), — в ту же пору, вовсе не вынуждаемые кем- или чем-либо, а из внутренних побуждений, круто повернули свою жизнь, став рабочими. (Юрий Щеголев сделал это двумя годами раньше автора). Сложилось так, что именно у автора данной книги в этой жизненной перемене получил наиболее последовательное развитие профессионально-исследовательский мотив. <...> (1997)

* * *

<...> Принято различать социологическую теорию и социологическую эмпирию... Представляется уместным достроить эту пару до триады. Третьим равноправным членом, по-видимому, должно выступать социологическое действие. Я имею в виду вовсе не набор «практических

рекомендаций» (в которых как теоретики, так и эмпирики накопили изрядный опыт угадывания желаний начальства). А — познающее действие, **познание через действие**, через эксперимент, живое соприкосновение с социальной практикой, погружение в нее...» <...> (1987)

* * *

<...> Итак, познание через действие... Разумеется, эта формула — всего лишь одно из выражений фундаментальной эпистемологической идеи, восходящей еще к античности. Но особенно актуализировалась эта идея в последние десятилетия. Нашим собственным вкладом и частно-научным применением столь общего тезиса (в рамках социологической науки) является, по-видимому, то, что в книге названо **наблюдающим участием** (в отличие от традиционного метода включенного или участвующего наблюдения).

<...> Наблюдающее участие предполагает исследование социальных ситуаций через целенаправленную активность субъекта, делающего собственное поведение своеобразным инструментом и контролируемым фактором исследования. Причем, в отличие от известных образцов социального эксперимента, в случае наблюдающего участия новые факторы вводятся не «извне», а «изнутри» ситуации. Само введение этих факторов оказывается иногда импровизационным и не претендует на строгую процедуру.

Особое место здесь занимает исследовательская практика, названная нами методом **моделирующих ситуаций**. Под таковыми понимаются ситуации, отчасти организованные самим исследователем из естественных ситуационных предпосылок, в целях обнажения, заострения, в этом смысле — моделирования социального явления или процесса. (2002)

* * *

<...> Но почему же все-таки «драматическая социология», а не социология действия, скажем, или не экспериментальная социология (термин, использовавшийся нами поначалу)?

Дело в том, что с известным исследовательским направлением — «социология действия» (А. Турен) — автор настоящей книги себя соотносит, однако не отождествляет <...>. Что же касается второго определения, то его можно адресовать к любой форме натурного эксперимента в социологии, лишь частным случаем которого является описанный здесь.

Термин **драматическая социология**, на наш взгляд, лучше отвечает заявленному выше исследовательскому кредо («познание через действие»), а также — тому соединению **практической деятельности, рефлексии и «игры»** с социальным объектом, которое в данном случае пытается осуществить социолог (он же — своего рода драматург и постановщик «социологической драмы»).

Эксперимент социолога-рабочего в известном смысле был театральным действием с познавательной сверхзадачей. Говоря: «Театр жизни на

заводских подмостках» (название одной из глав этой книги), — хотелось бы быть понятым не только в метафорическом смысле.

<...> Конечно, в предлагаемом термине можно усмотреть прямой или косвенный намек на возможность «драматического» развития событий в ходе и/или вследствие эксперимента и драматизма судьбы самого социолога-испытателя. Не станем открещиваться от такого эмоционально-смыслового оттенка. Однако укажем на его вторичность и необязательность. <...> (2002)

* * *

<...> В этой социологической драме около 500 «действующих лиц». <...> Некоторые из действующих лиц часто появляются на сцене, занимают в книге весьма значительное место. Однако ключевой фигурой, главным действующим лицом оказывается все же... сам автор! Отважусь утверждать, что такой относительный **эгоцентризм** здесь оправдан.

Дело в том, что речь в настоящей книге идет преимущественно не о времени, и не о себе, а о «времени в себе» и о «себе во времени». В той мере, в какой главному герою удалось (случилось?) воплотить в своей жизненной и профессиональной практике конкретное историческое время, с одной стороны, а с другой — реализовать себя в этом времени, данное произведение оказывается и смыслонесущим и, может быть, даже поучительным.

Конечно же, это мог быть вовсе и не эксперимент социолога-рабочего... И не «коррида» социолога-тореадора с быком-системой... И не изобретение новых социологических методов и т. п. Вообще, это могла быть **любая «своя» жизнь** — с неизбежно сочетающимися в ней элементами жизнестроительства и выживания, активизма и созерцательности, «думания» и «делания» (Гете).¹ <...> (1997-2002)

* * *

<...> Жизнь человека задана объективно, и вместе с тем это — продукт его житнетворчества. В процессе жизни человек духовно и практически (духовно-практически!) реализует себя, осуществляет свое «самостояние» (выражение А. С. Пушкина). В известном смысле всякая жизнь есть «эксперимент на себе» — в той мере, в какой человек сознательно строит ее, а не только «проживает», в какой он принимает ответственные и судьбоносные для себя решения.

<...> Нам представляется, что в социологическом плане жизнь можно трактовать как поэтапный процесс самоосуществления человека в его взаимодействии с социальной средой. При этом в центр анализа жизненного пути выдвигается вопрос о **соотношении индивидуальной свободы и зависимости от внешних обстоятельств**. Это соотношение различно

¹ Из Гете: «Думать и делать, делать и думать — вот итог всей мудрости... И то, и другое в течение всей нашей жизни должно вершиться попеременно, как вдох и выдох, и, как вопрос без ответа, одно не должно быть без другого...».

у разных людей, не стабильно оно и на протяжении жизни одного человека, наконец, не одинаково — в один и тот же жизненный период — в различных сферах жизнедеятельности. <...> (2002)

* * *

<...> А нельзя ли попробовать сделать **собственную** жизнь (всю совокупность внутренних процессов и внешних жизнепроявлений) объектом своего рода включенного наблюдения? Назовем этот нестандартный случай — когда социальный исследователь ставит самого себя (или другого человека, согласившегося на такой способ самореализации) в положение «наблюдающего участника» собственной жизни, — **социологической ауторефлексией**.

Первым шагом к осуществлению этого (поначалу смутного!) замысла для автора этих строк была попытка ведения «протоколов жизни». (Протокол жизни — вариант дневника, но с особой, социологической сверхзадачей). <...> При этом личная жизненная практика стала трактоваться как своего рода «полевой этап» нетрадиционного социологического исследования, где профессиональный эксперимент становится экспериментом жизненным, и наоборот.

Способ исследования, обозначенный нами выше как социологическая ауторефлексия, в принципе, может использовать весь методический арсенал эмпирической социологии, включая эксперимент. <...> (2002)

* * *

<...> Особый методологический интерес представляет вопрос о **соотношении** драматической социологии и социологической ауторефлексии. В той и другой имеет место своеобразное сближение субъекта и объекта исследования, с перспективой их «слияния» в «субъект-объект», иначе говоря их отождествления <...>. Вместе с тем, есть и немаловажные различия.

<...> В социологической ауторефлексии, как и в драматической социологии, существенным является выяснение **границ свободы** индивидуального социального поведения. Однако <...> здесь вероятна определенная переакцентировка: не «что человек может сделать с обстоятельствами» (драматическая социология), а — «что обстоятельства могут сделать с человеком». Иначе говоря — приоритетное внимание к адаптивным («приспособление **себя** к...»), а не адаптационным («приспособление **к себе**...») возможностям и способностям человека.

Попробуем обобщить: если формулой драматической социологии является **познание действием** (по выражению А. Н. Ющенко), то социологическая ауторефлексия есть, в определенном смысле, **самопознание деятеля**. <...> (2002)

* * *

<...> Принято считать, что именно поколение шестидесятников подготовило «перестройку» 80-х гг. Однако очень разнообразны его типы...

В поисках самоопределения, я колебался между названиями: «недоразвитый» или «запоздалый» шестидесятник. При том, что взгляды и позиция субъекта в течение десятилетий не могли не меняться, трудно, читая эти тексты, не обратить внимание на замедленность идейно-духовной эволюции. В конце концов, я остановился на названии: «дурной шестидесятник» (подсказано моим другом Андреем Черновым).

Критерии смещаются — и не только в общественном, но и в индивидуальном сознании. И уж если судить, то по гамбургскому счету!

Когда-то любимым изречением автора было: **«Все, что случается с человеком, похоже на него самого»**. Потом: **«Мир погибнет, если я остановлюсь!»**. Теперь воспользуюсь собственным: **«Суди себя сам!»** <...> (1991)

* * *

<...> И вот теперь, когда главный сюжет книги (эксперимент социолога-рабочего и т. п.) помещен в более широкий биографический и исторический контекст (панорама и ретроспектива!), оказывается, что сам этот сюжет дает повод для неожиданного социологического прочтения.

Там, где «социологу-наладчику» в его профессионально-жизненном эксперименте прежде мнились, по преимуществу: **жизнетворчество**, активная адаптация, подчинение себе обстоятельств, — теперь, как бы между строк, словно симпатические чернила проступают также и... характерные черты приспособления, ситуационной зависимости, подчинения себя обстоятельствам! Сам же эксперимент социолога-рабочего (самостоятельная акция!) обретает новый смысл. А именно: он оказывается способом (или формой) самосохранения (внутриличностного и не только...), своего рода **выживания**, «вынужденной инициативы», предстоящей уже не только тактикой социального поведения, но и жизненной стратегией!

Хочется думать, что читатель согласится с нижеследующим выношенным (взвешенным) выводом:

— По большому счету, обсуждаемый опыт социолога-испытателя следует трактовать не в качестве акта профессионального или жизненного «подвижничества» (как это квалифицируется в некоторых «версиях» эксперимента социолога-рабочего, относящихся к рубежу 80-х — 90-х гг., в частности, в цитируемых в книге газетно-журнальных публикациях «перестроечного» времени), а всего лишь... как **ограниченную условиями исторического места и времени попытку жизненного самоосуществления человека**. Причем ключевые смысложизненные вопросы, к решению которых была устремлена эта попытка, в пределах данного эксперимента, как такового, оказались для автора не разрешимыми.

Ответы на эти вопросы тогда так и остались за чертой «социального горизонта», и, соответственно, они оказались неподъемными для аналитических, эмоциональных и интуитивистских способностей субъекта (постановщика «социологической драмы»).

Для такого «суда над самим собой» социологу-испытателю, как и многим его ровесникам, понадобилось, как видно, пережить («прожить дольше, чем...») **свое время**. То время, которое нас (мое поколение) сформировало. Что ж, врачу — исцелился сам, по крайней мере — умей поставить себе диагноз! <...> (2002)

* * *

<...> Так какая же книга предлагается вниманию профессионально-го (но и не только!) читателя?

— Не вполне социологическая, но и не философская... Не мемуарная, но и не историческая... Отчасти — «летопись» (будь то собственной жизни, будь то запуска координатно-револьверного пресса); отчасти — «анекдоты» (давнего и недавнего времени); отчасти — «приключения духа» (своего, и не только своего, имея в виду собеседников и соавторов, предшественников и современников).

Не история, не философия, не социология! Хотя, в известной мере, и то, и другое, и третье... Можно, конечно, усмотреть тут и журналистику, документальную публицистику. (Когда-то, давно, автор был журналистом). Но для публицистики эта книга, пожалуй, все же слишком «тяжеловесна».

...Так или иначе, книга все же написана **социологом**. От своей профессиональной принадлежности не отрекаемся! В давних спорах о том, что же такое социология, было и такое остроумное определение: «Социология — это то, чем занимаются социологи». <...> (2002)

* * *

<...> Читатель может рассматривать этот труд: и как своего рода **отчет** о проведенном в 1980-1988 гг. натурном эксперименте на одном из ленинградских заводов; и как «неклассическое» исследование **реалий** общественной жизни последних лет «застойного» и первых лет «перестроенного» периода; и как синхронный описываемым событиям **самоанализ**, рефлексии человека, выросшего и действовавшего в советскую эпоху (и несущего в себе разнообразные ее отпечатки). <...> (1997-2002)²

* * *

[Здесь и далее — в данной главе — будут представлены извлечения из работ ряда российских философов, социологов, психологов, культурологов (с некоторыми из них мне довелось близко сотрудничать; с иными лично не знаком), которые разрабатывают проблематику, интересующую также и ав-

² Автоцитаты взяты преимущественно из «Предисловия», открывающего собой том I настоящей книги. См. также: *Алексеев А. Н.* Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего). Кн. 1-2. М.: СПбФ Института социологии РАН, 1997.

тора этой книги, ставят вопросы, которыми задавался и он, предлагают решения, которые кажутся ему удачными, верными, эвристичными. — А. А.]

0.2. Жизненный путь как предмет междисциплинарного исследования

[Ниже — фрагмент одноименной статьи Игоря Семеновича Кона, впервые опубликованной в сборнике: Человек в системе наук. М., 1989. — А. А.]

<...> Чем шире круг подвергающихся анализу деятельности и отношений, тем меньше индивидуальная биография походит на циклический процесс. Даже если каждый отдельный ее аспект или компонент может быть концептуализирован как некоторый цикл («биологический жизненный цикл», «семейный цикл», «цикл профессиональной карьеры»), биография в целом представляется многомерной, подчиненной нескольким разным, несводимым друг к другу ритмам. Это побуждает ученых рассматривать человеческую жизнь не как сумму вариаций на заданную тему, а **как открытую систему, как историю, в которой наряду с определенными инвариантами есть пробы, гипотезы, проблемы, перемены и т. п.** *[Здесь и далее выделено мною. — А. А.]*

Наиболее емкий и употребительный термин для описания этого — «жизненный путь». Понятие жизненного пути отличается от «жизненного цикла» прежде всего многомерностью, тем, что оно предполагает множество разных тенденций и линий развития в пределах одной и той же биографии, причем эти линии одновременно автономны и взаимосвязаны. В основе его периодизации — не линейные, раз и навсегда определенные фазы, а конкретные жизненные события. Время, последовательность и способ осуществления любого жизненного события, будь то вступление в брак или выход на пенсию, не менее важны, чем сам факт, что данное событие имело место.

Это требует **сочетания социологического, психологического и исторического анализа.**

Раньше психологи изучали процессы индивидуального развития так, как если бы они совершались в неизменном социальном мире, а историки и социологи прослеживали изменения в социальном мире без учета перемен в содержании и структуре жизненного пути индивида. Эти две точки зрения — **«изменяющийся индивид в неизменном мире»** и **«изменяющийся мир при неизменных индивидах»** — признавались взаимодополнительными, но практически не совмещались. Сегодня ясно, что **нужно изучать развитие индивида в изменяющемся мире.** В свете этой новой теоретической перспективы возрастные различия не просто следствие универсальных этапов онтогенеза, а результат сложного переплетения траекторий индивидуального психического развития, общественно-производственной, трудовой карьеры и брачно-семейного цикла. Поскольку

каждая из этих линий относительно автономна, жизненный путь, как и онтогенез, подчинен закону гетерохронности. Поворотные пункты и переходы в психическом развитии, трудовой карьере и семейной жизни могут хронологически не совпадать. Но такая асинхрония имеет определенные, социально и исторически обусловленные пределы. Это обязывает исследователя жизненного пути, во-первых, синхронизировать фазы индивидуального психосоциального развития личности с ее трудовыми и семейными переходами; во-вторых, проследить взаимодействие этих разных переходов в системе жизненного пути; в-третьих, учитывать кумулятивное воздействие предшествующих переходов на последующие.

Таким образом, содержательная характеристика процессов, свойств и стадий индивидуального развития возможна либо в системе онтогенеза, либо в системе жизненного цикла, либо в системе жизненного пути. Однако эти системы не рядоположны: **жизненный путь личности включает в себя жизненный цикл индивида, а этот, в свою очередь, включает онтогенез.** Относительно и само различие «биологических» и «социальных» процессов и свойств. Хотя процессы роста, созревания и старения организма автономны от процессов усвоения, выполнения и оставления личностью определенных наборов социальных ролей, главные психические процессы и свойства являются интегративными и не поддаются дихотомизации на биологические и социальные.

Историко-социологическое изучение жизненного пути и его компонентов не отрицает онтогенетический инвариант развития индивида. Но оно проясняет и подчеркивает **ведущую роль, которую играют во взаимодействии биологического и социального исторические условия.** Ничто не может изменить инвариантную последовательность циклов детства, взрослости и старости. Но длительность и содержание каждого из них зависят от социальных факторов. Причем эта зависимость имеет не только количественный, что наглядно видно при изучении динамики продолжительности жизни или процессов акселерации, но и качественный характер.

Современная наука уделяет особенно много внимания проблеме качественных сдвигов, скачков в развитии. В биологии и психофизиологии это так называемые критические периоды, когда организм отличается повышенной сензитивностью (чувствительностью) к определенным внешним или/и внутренним факторам, воздействия которых именно в данной (и никакой другой) точке развития имеют особенно важные, необратимые последствия.

В социологии и других общественных науках этому соответствует понятие «**социальный переход**» индивида или группы людей из одного социального состояния в другое (например, из детства в отрочество или из категории учащихся в категорию работающих). Специфически этнографический аспект данной проблемы — обряды перехода (rites de passage) и их особый частный случай — инициации.

Поскольку критические периоды и социальные переходы обычно сопровождаются какой-то, иногда болезненной психологической перестройкой, психология развития (в частности, Э. Эриксон) выработала особое понятие «возрастных кризисов», или **«нормативных кризисов развития»**. Слово «кризис» подчеркивает момент нарушения равновесия, появления новых потребностей в перестройке мотивационной сферы личности, но поскольку в данной фазе развития подобное состояние статистически нормально, то и кризисы эти называются «нормативными».

Зная соответствующие биологические и социальные законы, можно достаточно точно предсказать, когда, в каком среднем возрасте средний индивид данного общества столкнется с теми или иными проблемами, как эти проблемы связаны друг с другом, от каких сопутствующих факторов зависит глубина и длительность соответствующего нормативного кризиса и каковы типичные варианты его разрешения.

Но если нас интересует не структура жизненного пути среднестатистического индивида, а биография индивидуальной личности, объективные данные придется дополнить субъективными. **Поворотными пунктами индивидуального развития могут быть любые жизненные события** (случайно прочитанная книга, встреча с интересным человеком), которые по тем или иным причинам оказались для данной личности важными, судьбоносными. **Проясняется это лишь в ретроспективе**, поэтому любая биография индивидуальна и в какой-то степени субъективна.

Критические (сензитивные) периоды, социальные переходы, нормативные возрастные кризисы и индивидуальные жизненные события несводимы друг к другу и в то же время взаимосвязаны.

Ни одно психофизиологическое или социально-психологическое событие жизни индивида не может быть понято, если не соотнести его с:

а) хронологическим возрастом индивида в момент совершения данного события;

б) когортной принадлежностью индивида, определяемой датой его рождения;

в) исторической эпохой и календарной датой этого события. Далеко не одно и то же, женился человек в 18 или 30 лет; соответствовал ли возраст его женитьбы среднестатистическим для данного поколения нормам и в какой исторической ситуации произошло это событие...

Мультидисциплинарный подход к изучению развития человека, сочетающий данные биологии, социологии и психологии, убедительно показывает, что:

1) ни процесс, ни конечный результат развития человека нельзя считать однонаправленными, ведущими к одному и тому же конечному состоянию;

2) человек развивается от зачатия до смерти, причем пластичность, способность к изменению, хотя и в разной степени, сохраняется на всем протяжении жизненного пути. Развитие человека не ограничивается каким-то одним периодом жизни. Разные процессы развития могут начи-

наться, продолжаться и заканчиваться в разные моменты жизни, причем эти субпроцессы не обязательно протекают одинаково по одним и тем же принципам;

3) разные люди развиваются крайне не одинаково, это порождает множество биосоциальных, классовых и индивидуальных различий;

4) развитие в разных сферах жизнедеятельности детерминруется множественными факторами, которые не сводятся к одной единственной системе влияний. Развитие не является ни простым процессом биологического созревания, развертывания чего-то изначально заложенного, ни простым следствием воспитания и научения;

5) человеческая индивидуальность не только продукт, но и субъект, творец своего собственного развития. Чтобы понять ее жизненный путь, необходимо учитывать множество социально неструктурированных, случайных жизненных событий, ситуаций и кризисов, а также тех способов, которыми сама личность разрешает возникающие перед нею задачи.

(Цит. по: И. С. Кон. Жизненный путь как предмет междисциплинарного исследования / Психология личности в трудах отечественных психологов. СПб., М., Харьков, Минск: Питер, 2000, с. 274-279)

0.3. О жизненной позиции, жизненной линии и жизненной стратегии

[Ниже — извлечения из книги К. А. Абульхановой-Славской «Стратегия жизни» (М., 1991). — А. А.]

<...> Исходной остается зависимость личности от объективных характеристик жизнедеятельности как общественного процесса. Но личность включается в совокупность причин и следствий своей жизни не только как зависимая от внешних обстоятельств, но и как активно их преобразующая, более того, как формирующая в определенных пределах **позицию и линию** своей жизни.

<...> Разные люди в разной степени являются субъектами жизни, поскольку они в разной степени стремятся и могут реально организовывать свою жизнь как целое, соединить ее отдельные планы, сферы, выделить главное направление. <...> Современная общественная жизнь предъявляет человеку множество не связанных друг с другом требований, он все время оказывается в разных ситуациях, которые так или иначе требует от него если не участия, то присутствия. Способность к организации жизни и заключается в том, чтобы не поддаться этому жизненному потоку, не захлебнуться в нем, забыв о собственных целях, задачах.

<...> Люди различаются как раз по степени влияния на ход собственной жизни, овладения многочисленными жизненными ситуациями,

которые могут «раздробить» человека на не связанные друг с другом части.

<...> Типы активности человека — это характерные для него способы соединения личностью внешних и внутренних тенденций жизни, превращения их в движущие силы своей жизни. Можно проследить, как у одних эти тенденции совпадают (целиком или частично), поддерживают друг друга, у других оказываются разобщенными. Одни преимущественно опираются на социально-психологические тенденции, т. е. окружающих людей, используя социальные ситуации; другие — на внутренние возможности, рассчитывают на свои силы в жизни, действуют самостоятельно; третьи оптимальным образом соединяют внешние обстоятельства и внутренние тенденции; четвертые постоянно решают противоречия между ними. При всех условиях эта типология раскрывает не просто свойства каждого характера, психические особенности личности. Она в первую очередь позволяет сопоставить особенности, способ жизненного движения личности, выявить способность к решению жизненных противоречий. <...>

<...> Все перечисленные способности к организации жизни, к решению ее противоречий, к построению ценностных отношений мы называем **жизненной позицией**, которая является **особым жизненным** и **личностным образованием**. Способ самоопределения личности в жизни, обобщенный на основе ее жизненных ценностей и отвечающий основным потребностям личности можно назвать **жизненной позицией**. Она представляет собой результат взаимодействия личности с ее собственной жизнью, ее личностное достижение. Будучи таким результатом, **жизненная позиция** начинает определять и все последующие жизненные направленности личности. Она становится потенциалом ее развития, совокупностью ее объективных и субъективных возможностей, открывающихся именно на основе занятой человеком позиции, своеобразной опорой, крепостью.

В 70-е годы в общественно-политической литературе появилось понятие активной **жизненной позиции**. Социологи попытались определить это понятие через совокупность ролей, которые осуществляет личность в жизни, но этим обозначением не раскрывается, как личность реализует свои жизненные роли (важно не только то, что женщина — мать, но какая она мать, что человек — педагог, но какой он педагог и т. д. <...>). На наш взгляд, **жизненная позиция личности — это совокупность ее отношений к жизни** [здесь и далее выделено мною. — А. А.].

<...> **Жизненная позиция личности** может быть определена и через ее активность, но тогда важно не только раскрыть активность как психологическую особенность самой личности и ее сознания, но и показать, как она реализовала свои возможности, способности, свое

сознание в своей жизненной позиции. Речь идет о том, насколько она применила свои способности, в какой мере сознательно она живет.

<...> Жизненная позиция — это **не только жизненные отношения, но и способ их реализации**, отвечающий (или не отвечающий) потребностям, ценностям личности. Человек может иметь активные жизненные устремления, высокие нравственные ценности, но способ организации жизни (иногда неумение, иногда страх, иногда пассивность в реализации) может противоречить этим исходным «добрым намерениям», его жизненная позиция оказывается не соответствующей этим стремлениям, потребностям. Тогда он или начинает оправдывать себя в своих же глазах, или пытается изменить такую позицию.

<...> Жизненная позиция — это выработанный личностью при данных условиях способ своей общественной жизни, место в профессии, способ самовыражения. В отличие от субъективных отношений (смысла, картины и даже концепции жизни) жизненная позиция — это совокупность реализованных жизненных отношений, ценностей, идеалов и найденный характер их реализации, который и определяет дальнейший ход жизни.

<...> Жизненная позиция — это определенное сложившееся образование, имеющее свою относительно фиксированную структуру, что не исключает ее изменчивости, возможности развития. Жизненная позиция может быть охарактеризована на разном уровне конкретности, начиная от эмпирически-описательного и кончая сущностно-абстрактным. Важную ее характеристику составляют жизненные противоречия, которые в результате такой или иной позиции или обостряются, или сглаживаются.

<...> Реализацию жизненной позиции во времени и в обстоятельствах жизни, соответствующую динамическим характеристикам жизненного пути, можно назвать **жизненной линией**. Такая линия — типичный для данной личности способ изменения во времени, в изменяющихся жизненных обстоятельствах. Жизненная линия — это определенная последовательность (или непоследовательность) личности в проведении, реализации своей жизненной позиции, верность себе, своим жизненным принципам и отношениям в изменяющихся обстоятельствах.

<...> Вмешательство личности в ход жизни, композиция ею своих жизненных отношений (противоречивая или гармоничная по отношению друг к другу) порождают внутриличностные и социально-психологические противоречия. В качестве основания для классификации противоречий жизненного пути необходимо определить способ организации личностью жизни, т. е. **жизненную позицию** личности, и способ проведения этой позиции во времени и в обстоятельствах жизни — **жизненную линию**. Для характеристики

личности как субъекта жизни чрезвычайно важен выбираемый ею способ разрешения противоречий.

<...> Способ решения жизненных противоречий (конструктивный, смелый, пассивный) характеризует социально-психологическую и личностную зрелость человека. Последняя проявляется в умении соединить свои индивидуальные особенности, свои статусные, возрастные возможности, собственные притязания, с требованиями общества, окружающих. Способность осуществить это соединение мы определяем как **жизненную стратегию** [выделено автором. — А. А.]. <...>

(К. А. Абульханова-Славская. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991, с. 39-42, 44-49, 50-53, 67)³

0.4. Из истории биографического метода в психологии и социологии

[Ниже — извлечение из книги А. Л. **Валевского** «Основания биографики» (Киев, 1993). — А. А.]

<...> Для современного социального и гуманитарного познания характерен интерес к феномену индивидуальности, понятой не в узком антропологическом смысле, т. е. как синонима уникальности отдельного индивида. Речь идет о стремлении реконструировать социальную реальность как ансамбль индивидуальных и автономных структур в своей совокупности составляющих индивидуальный облик личности. <...> Индикатором этого процесса является формирование теоретической ориентации на реконструкцию «жизненного пути» личности. Условно формирование этой ориентации обозначается через три этапа. Первый охватывает период приблизительно с 1920 г. до второй мировой войны и знаменуется выходом в свет фундаментального исследования У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке», где на основании личных документов и жизненных историй представлены оценки социальных и исторических событий с точки зрения их участников. К этому же периоду относится и развитие психоаналитической биографии, правда, в духе использования формальных психоаналитических процедур.⁴ В психологии Маррей создает персоналистскую концепцию, в которой имплицитно присутствует интерес к биографии личности. Маррей утверждает, что

«...жизненный цикл отдельного индивида должен быть понят в психологии как продолжительное единство... История организма и есть сам организм, и это предположение требует биографических исследований» (Цит. по: [1], р. 10).

³ См. также: Абульханова К. А. О субъекте психической деятельности. Методологические проблемы психологии. М.: Наука, 1973; Абульханова-Славская К. А. Деятельность и психология личности. М.: Наука, 1980; Абульханова-Славская К. А., Березина Т. Н. Время личности и время жизни. СПб.: Алетейя, 2001.

⁴ Подробнее очерк истории развития психоаналитического движения см.: [1], р. 193-195. (Здесь и далее — примечания А. В.).

Значительное влияние на формирование биографического подхода в современной психологии оказал Гордон Оллпорт. В своей автобиографии он говорит, что через всю его интеллектуальную карьеру проходит основной вопрос «как возможно написать психологическую историю жизни?». Оллпорт более всего известен концепцией интерпретации личных документов, он сформулировал 38 правил, которые могут быть использованы для анализа истории жизни.⁵ К описываемому периоду также относятся работы Ш. Бюлер «Человеческая жизнь как психологическая проблема» (1933 г.) и Дж. Долларда «Критерий истории жизни» (1935 г.). Второй период, приблизительно со второй мировой войны и до середины 60-х годов, отличается значительным падением интереса в исследовании индивидуальной истории жизни. Тем не менее третий период (середина 60-х годов до настоящего времени) отмечен резким возрастанием интереса к изучению индивидуальной истории жизни прежде всего в таких областях, как возрастная психология, становление социологического, демографического и исторического подходов в изучении жизненного пути, возрастная социология, возрастная стратификация, социальная мобильность, процесс социализации, психологические исследования биографических данных, изучение устной истории и т. д. ([1], р. 11-12). Конец 70-х — начало 80-х годов отмечены стремлением на теоретическом уровне представить концепцию индивидуального развития, используя накопленный эмпирический материал. В этом плане необходимо отметить концепцию Ю. Бронфенбреннера «Экологии человеческого развития», возникшую как альтернатива экспериментальному позитивизму в возрастной психологии [3]. Под экологией человеческого развития здесь понимается взаимодействие между активным растущим человеком и изменяющимися свойствами непосредственных (а также опосредованных) условий, в которых живет развивающаяся личность. Цель этой программы — создать такую модель развития личности (или структуру моделей), которая смогла бы преодолеть основной порок предшествующих концепций, где индивидуальность либо изымалась из контекста развития, либо уделялось гипертрофированное

⁵ За неимением возможности проанализировать их полностью мы приводим эти базисные правила в интерпретации Д.Гаррати. Думается, что это небесполезно для уяснения читателем уровня и характера методологического сознания биографии описываемого периода: 1) цель, ради которой пишется жизненная история, должна быть ясна автору и читателю; 2) все источники данных должны быть точно определены; 3) должна быть достигнута полнота информации путем разбора неясностей в конечном варианте текста биографии, это предпочтительнее, чем эти неясности замолчать; 4) все авторские утверждения относительно объективных ситуаций персонажа должны быть проверены с помощью независимых источников настолько достоверно, насколько это возможно; 5) необходимо интенсивно использовать собственный язык биографического персонажа в описании субъективного опыта и его/ее понимания главных жизненных событий; 6) утверждения, касающиеся личностных характеристик, должны следовать за соответствующими иллюстрациями, какие их конкретизируют; 7) избегать чего-либо, не относящегося к делу, ненужных повторений, стараться достичь максимальной краткости ([1], р. 155). Любопытно отметить, что эти правила не были опубликованы Оллпортом. В конце своей жизни Г. Оллпорт делает следующую запись: «Все же я не знаю, как психологическая история жизни должна быть написана» ([1], р. 155). Интеллектуальные усилия Оллпорта примечательны тем, что здесь методологическое сознание биографии отказывается от функции know how, от формулирования прагматических рецептов. Перечисленные правила есть реконструкция историка и теоретика биографического жанра Д.Гаррати ([2], р. 254-256).

внимание к самому контексту развития. Бронфенбреннер постулирует 14 дефиниций и 50 рабочих гипотез, предназначенных для описания систем от микро- до макроуровня, являющихся средой развития личности. Проект, как заявлено в одной из последних работ, ставит своей программой сформулировать целостные «личностно-процессуально-контекстуальные модели» (Person — Process — Context — Models) ([4], p. 287-309) экологии человеческого развития. Хотя проект еще не реализован, однако по своим интенциям он представляет собой попытку радикально изменить действующие парадигмы научного познания человека.

Психобиография — одно из наиболее распространенных и развитых ответвлений современного биографического письма. Современная психобиография служит своеобразным преемником психоаналитической традиции с той существенной отличительной чертой, что в ней отрицается применение формальных психоаналитических процедур.

«Психобиография есть систематическое использование психологической (в особенности персоналистской) теории для трансформации жизни в последовательный и разъясняющий рассказ» ([5], p. 2).

Современная психобиография — это мощное научное течение с развитым понятийным и категориальным аппаратом.⁶ Для современной психобиографии характерно увеличение числа методологических изысканий, ориентированных на понятие нарратива.

«Этот рост несомненно связан с распространением на социальные науки различных герменевтических подходов, каждый из которых в конечном счете конструирует человеческую жизнь и социальные феномены как тексты, нуждающиеся в интерпретации», — говорит МакАдамс ([5], p. 3).⁷

Наиболее обсуждаемой на сегодняшний день является теория почерка Томкинса. Базисными понятиями этой теории выступают понятия «сцены» и «почерка». Томкинс использует метафору личности как драматурга, создающего драму собственной жизни и тем самым определяющего ее смысл. Индивидуальность — особый почерк или скрипт (script) жизни. Личность в зависимости от своей судьбы способна выработать и использовать несколько скриптов. Скрипт не есть аналог «типа» личности (психобиография стремится отойти от привычной таксономии), скрипт — это правила оснований нарративных образцов поведения ([10], p. 105-112, 135-137). Сцена — все происходящее, что в какой-либо момент воздействует на личность. В таком случае скрипт есть «правила» поведения человека на сцене его жизни. Психобиограф декодирует или интерпретирует почерк, пытается эксплицировать его доминантную структуру.

С начала 70-х годов активно обсуждается проблема создания аутентичной модели биографического метода в социологии.⁸ Пафос данных поисков связан прежде всего с необходимостью отказа от позитивистских

⁶ Подробный очерк истории психобиографии и статистические данные развития этой дисциплины см.: [6], p. 295-326. В частности, процедурную часть психобиографического исследования см.: [7], p. 265-294; [8], p. 455-475; [1], p. 192-241.

⁷ Об использовании текстуальных структур в реконструкции истории жизни см.: [9], p. 563-565.

⁸ Историческую справку о развитии биографического метода см.: [11], c. 42-44.

механистических моделей в социологических исследованиях. По признанию итальянского социолога и философа Франко Ферраротти, создание аутентичной модели биографического подхода в социологии совпало с общими настроениями неконформизма конца 60-х — начала 70-х годов. Биографический подход требовал создания такой теоретической и методологической концепции, которая позволила бы биографии выйти из состояния «Маргинальной» методологии ([12], p. 65), соответственно переориентировать социологический интерес на проблему индивидуальности, которая при использовании традиционных методических процедур исчезала в статистических закономерностях.

«Специфичность биографического подхода подразумевает отход от формально-логической структуры механистической модели, характеризующей установившуюся научную эпистемологию. Если нам необходимо социологически использовать эвристический потенциал биографии без изменения ее существенных особенностей (субъективность, историчность), мы должны поставить себя в прямую противоположность к классической эпистемологии», — пишет Ф. Ферраротти ([13], p. 20).

Каким образом отдельная личность, ее жизненный путь, динамика социальных ролей вписывается в исторический и культурный контекст; как возможно зафиксировать уникальность и неповторимость переживания социальных процессов самими участниками исторических событий; как отказаться от понимания индивидуальности как социального атома, поведение которого якобы строго детерминировано социальными закономерностями ([14], p. 29-45), — таково проблемное поле, в горизонте которого ведутся методологические поиски. Социология делает первые шаги на пути к аутентичной теоретической и методологической модели биографического подхода. Есть попытки модернизировать традиционную технику лонгитюдного анализа, использовать герменевтические средства интерпретации автобиографических документов в реконструкции жизненного мира ([15], p. 47-59; [16], p. 77-115; [17], p. 77-115).

Конструктивным решением проблемы может служить рабочая гипотеза Ф. Ферраротти, предлагающего в качестве методологической матрицы биографического метода в социологии понятие «первичной группы», в контексте которой личность обретает осознанность смыслового содержания своей жизни и историко-культурной ситуации и которая служит своеобразным связующим звеном между социальным и личностным. «Первичная группа», по Ферраротти, есть базисное понятие, являющееся синтезом социального и гуманитарного знания, оно имплицитно включает в себя психологические, этнографические, социальные, культурологические измерения; «первичная группа» есть базисная структура историко-культурной ситуации ([14], p. 20-27). Но сама проблема, говорит Ферраротти, остается, когда ставится вопрос перехода от биографии «первичной группы» к непосредственной истории жизни индивидуальности.

Аналогичные проблемы существуют не только в социологии, но и в психобиографии, и в теоретических экскурсах, посвященных литературной биографии. <...>

Литература

1. *Runyan W. M.* Life Histories and Psychobiography. Explorations in Theory and Method. New York, Oxford, 1982.
  2. *Garraty J. A.* The Nature of Biography. New York, 1957
  3. *Bronfenbrenner U.* The Ecology of Human Development. Experiments by Nature and Desting. Cambridge, 1978.
  4. *Bronfenbrenner U.* Recent Advances in Research on the Ecology of Human Development / Development as Action in Context. Berlin, New York, 1986.
  5. *McAdams D. P.* Biography, Narratives, and Lives: An Introduction // Psychobiography and Lives Narratives. Journal of Personality (spec. issue). Vol. 56(1), 1988.
  6. *Runyan W. M.* Progress in Psychobiography. // Ibid.
  7. *Alexander I.* Personality. Psychological Assessment, and Psychobiography / Ibid.
  8. *Anderson W.* The Methodology of Psychological Biography // Journal of Interdisciplinary History. Vol. 11(3), 1981.
  9. *Conler B. J.* The Human Studies and the Life History // Social Service Review. Vol. 62(4), 1988.
  10. *Carlson R.* Exemplary Lives: The uses of Psychobiography for Theory Development // Psychobiography and Lives Narratives Journal of Personality (spec. issue). Vol. 56(1), 1988.
  11. *Огурцов А. П., Митина С. М., Осипова Е. В.* Биографический метод / Справочное пособие по истории немарксистской социологии. М., 1986.
  12. *Ferrarotty F.* Biography and Social Sciences // Social Research. Vol. 50(1), 1983.
  13. *Ferrarotty F.* On the Autonomy of the Biographical Method / Biography and Society. The Life History Approach in the Social Sciences. Beverly Hills, 1980.
  14. *Bertaux D.* From the Life-History Approach to the Transformation of Sociological Practice / Ibid.
  15. *Kohli M.* Biography: Account, Text, Method / Ibid.
  16. *Gagnon N.* On the Analysis of the Life Account / Ibid.
  17. *Elder G.* History and Life Course / Ibid.
- (А. Л. Валевский. Основания биографики. Киев: Наукова думка, 1993, с. 82-85)

0.5. «...В точке пересечения биографии и истории...»

Текст доклада автора на первых Чтениях памяти Вениамина Иофе
(апрель 2003)⁹

Что такое и зачем нужны «протоколы жизни

Verba volant, scripta manent

(Слова улетают, написанное остается — лат.)

«Рассказы о жизни» ныне стали широко распространенным методом в социальных и исторических исследованиях. Биографические нарративы порождаются либо в устной беседе (фокусированное или неструктурированное интервью), либо пишутся самим субъектом жизни по заказу исследователя. Все более частым становится научное использование также и инициативно написанных мемуаров.

Все это документы биографии и истории — ценнейшие. Однако они являют собой всегда опосредованную позднейшим жизненным опытом субъекта жизни (не говоря уж об естественных ошибках памяти, равно как и о нечаянных и намеренных акцентировках и умолчаниях), вторичную реконструкцию, **ретроспективу** жизненного пути. Далее: это документы времени, но какого? Ясно, что больше нынешнего, чем минувшего. Это — современные свидетельства о прошлом.

Разумеется, исследователь пытается идентифицировать и сепарировать соответствующие психологические и культурные напластования, как бы расшифровывает (декодирует) «человеческий документ» — с учетом его «многослойности» и в соответствии со своими собственными задачами. Иногда социологам и культурологам это удается.

Иначе обстоит дело с «первозданными» личностными документами, каковыми являются, в частности, **дневники** и **письма**. Разумеется, и в них аккумулирован жизненный опыт автора, но только предшествующий, и существенно влияние «господствующих мыслей» эпохи, но только тогдашней. Поэтому при работе с документами такого рода исследователю приходится учитывать (делать поправку на...) только их «непосредственную» (а не «приумноженную» или многоступенчатую) субъективность и культурно-историческую обусловленность.

Цель настоящей работы — рассмотреть одну из специфических форм дневника, как имеющую историко-культурное значение и ценность, с одной стороны, и как некую нестандартную социологическую практику — с другой. Но сначала — несколько общих теоретических соображений.

I

В универсуме человеческого общения можно выделить три типа коммуникации, имеющей своим источником конкретное **лицо**, при различии адресатов. Один тип: межличностная коммуникация. Назовем ее

⁹ Здесь публикуется в сокращении.

коммуникаций другому лицу. Другой тип: коммуникация, обращенная сразу к некоторому множеству лиц (четко очерченной или неопределенной аудитории). Назовем ее **коммуникацией для других.** И, наконец, третий тип: коммуникация, адресованная самому себе. Назовем ее **аутокоммуникацией** (или «коммуникацией самому себе»¹⁰).

Эта модель конкретизируется нами для письменной коммуникации, которая, в зависимости от адреса, может быть представлена тремя «эталонными» (классическими) типами текстов. Эти типы текстов обозначаются нами, условно: **письмо** (коммуникация другому лицу), **статья** (коммуникация для других) и **дневник** (коммуникация самому себе, или аутокоммуникация).¹¹

Концептуальная схема, в которой «письмо», «статья» и «дневник» рассматриваются как соотносительные формы коммуникации (как мы полагаем — системная триада, в смысле Р. Г. Баранцева¹²) понятно, является типологической идеализацией и не исчерпывает собой всего богатства конкретных видов и форм письменной коммуникации личности.¹³ Возможны (и в реальной коммуникативной практике, пожалуй, даже преобладают!) различные сращения и взаимопереплетения типов, «типы-кентавры» или симбиозы, возможен, наконец, синтез всех трех.

Обратимся к специфике **дневника** в этой триаде. Дневник есть имманентная и, можно сказать, универсальная форма аутокоммуникации, способ оперативного отображения личностью (для себя самой!) внешних и внутренних событий своей жизни. Эти события неизбежно вплетены как в жизнь непосредственного окружения пишущего, так и в «жизнь историческую». Во многом в силу этого дневник может приобрести и иногда приобретает (независимо от намерений автора) смысл «послания» (другому лицу) или «свидетельства» (для других) — как биографии, так и истории. Но об этом чуть позже.

Каковы «собственные» черты дневника как коммуникации самому себе? В отличие, скажем, от «письма» (которое, как правило, предпола-

¹⁰ Здесь отвлекаемся от случая человеческого обращения к некоей «надчеловеческой» сущности: коммуникация «к Богу», «к Высшему существу», «к Универсуму» (индивидуальная по источнику, но апеллирующая к чему-то или к Кому-то, кого (чего) или нет, или есть, но Он (оно) принципиально непостижим (непостижимо). Надо сказать, что и в указанных выше типах могут присутствовать моменты такого **трансцендентного** общения: обращение к умершему или к еще не родившемуся, к «предкам» или к «потомкам». Само по себе адресование личности «к человечеству» может иметь общие черты с молитвой, обращенной к Богу.

¹¹ См. Алексеев А. Н. Дневник, письмо и статья как соотносительные формы коммуникации // XII Любимцевские чтения. Ульяновск: Ульяновский гос. педагогический университет, 2000. См. также в томе 1 настоящей книги: раздел 4.5.

¹² См.: Баранцев Р. Г. Системная триада — структурная ячейка синтеза // Системные исследования. Ежегодник. 1988. М., 1988, и др. работы этого автора. Выделенный Р. Баранцевым архетип системной триады: **эмоцио — ратцио — интуицио**. Чему в данном случае соответствуют: письмо — статья — дневник. Подробнее о тринитарной методологии см. в томе 1 настоящей книги: приложение 1 к главе 8.

¹³ Здесь стоит оговорить, что, в отличие от «письма» и «дневника», «статья» — это условнейшее из принятых обозначений. Ибо «коммуникация для других» может быть и деловой (нормативные акты, инструкции), и научной, и художественной, и журналистской (массовая коммуникация) и т. д.

гает реакцию адресата, и постольку диалогично), дневник по преимуществу монологичен (по форме). В отличие от «статьи» (в которой личные моменты, как правило, элиминированы), дневник чаще всего сугубо личностен.

Формы дневника (как, впрочем, и письма, и статьи) чрезвычайно многообразны. Здесь нет каких-либо жанровых канонов или ограничений. Личный дневник может быть насыщен фактами, переживаниями, размышлениями, может быть регулярным или эпизодическим, воспроизводящим последовательность событий («хроника») и отражающим движение чувств или ход мысли («поток сознания»). Несмотря на видимую монологичность, дневник есть форма общения или диалога **с самим собой**.¹⁴

Здесь отвлекаемся от случаев, когда дневниковая форма используется как литературный (художественный или публицистический) жанр, и изначально имеет место ярко выраженная «коммуникация для других» (например: «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского).

Попытаемся все же как-то «упорядочить» чрезвычайное разнообразие форм и воплощений дневниковой практики. Представляется возможным выделить три типа дневника:

а) **«дневник души»** (дневник в традиционном и, пожалуй, узком смысле слова, сугубое «общение с самим собой», причем на первый план выходят личные переживания и самоанализ; такой дневник обычно аутоисповедален);

б) **«дневник духа»** (в котором личное «я» отходит на второй план, а дневник оказывается своего рода копилкой символов, образов, мыслей и «лабораторией» творчества; часто — это «сырье» для будущих произведений);

в) **«дневник факта»** (где главный упор делается на «внешних» событиях жизни, а личные переживания и размышления отсутствуют либо сведены к минимуму).

Как и в представленной выше типологии индивидуальной письменной коммуникации, здесь имеем дело с «идеальными типами». В реальной дневниковой практике описания событий обычно перемежаются впечатлениями и размышлениями; имеет место если не синтез, то синкретизм типов. И все же всякий дневник «тяготеет» к тому или иному типу.

Здесь сосредоточимся на случае **дневника факта**, а точнее — на особой его разновидности.

...Конечно, человек может вести такие записи исключительно для себя — так сказать, «для памяти»: что когда произошло, с кем встретился, что предпринял, иногда — расписание дел, встреч и т. д. на будущее (так называемый ежедневник). Но в принципе возможна и иная — дополнительная, а иногда и выходящая на передний план — цель: фиксация событий частной жизни «на стыках» с жизнью общественной, в тех точ-

¹⁴ См. Лигров К. С. Дневник: общение с самим собой в пространстве тотальной коммуникации // Проблемы общения в пространстве тотальной коммуникации. СПб., 1998.

ках, где та и другая «пересекаются». То есть целевая установка на фактографию **в контексте** данного исторического времени.

Тогда оказывается, что человек ведет эти записи как бы для себя, но по существу — и **не только для себя** (вариант совмещения коммуникации самому себе и другому или для других). Здесь хочется вспомнить известное замечание А. С. Пушкина, засвидетельствованное А. Н. Вульф: «Непременно должно описывать современные происшествия, чтобы могли на нас ссылаться».¹⁵ В этой спонтанной формуле выражена суть предмета нашего обсуждения.

Для такого рода дневника уместно использовать термин «протокол». Данную разновидность «дневника факта» будем называть **протоколом жизни**.

Попробуем выявить некоторые особенности текстов такого рода путем рассуждения «от противного»: укажем сначала на то, чем «протокол жизни» заведомо **не** является, несмотря на некоторые внешние сходства и параллели.

1. Это — не хроника общественной жизни. Личности (если, конечно, она не ставит перед собой такой профессиональной, «мониторинговой» задачи) вовсе незачем конкурировать, скажем, со СМИ (выступающими сегодня многосоставной и полифонической «летописью современности»). «Протокол жизни» отображает только те социальные (возможно, мелкие и частные) события, эпизоды, в которых субъект жизни лично участвовал, был если не действующим лицом, то хотя бы очевидцем.

В таком случае этот «протокол» приобретает характер **жизненного свидетельства**, тем, прежде всего, и ценного, что оно есть свидетельство непосредственного участника или наблюдателя.¹⁶

2. Вместе с тем, «протокол жизни» — это не сугубо личностный документ. Здесь неуместны интимные подробности индивидуальной жизни. В этой разновидности дневника факта отражаются лишь такие «происшествия», которые, по мнению автора, представляют интерес и **для других**, — «чтобы могли на нас ссылаться» (если кому-либо когда-либо за чем-либо это понадобится).

В таком случае, это документ также и — изначально! — **общественный**. (Вообще говоря, «хорошо увиденное частное может всегда считаться общим», как отмечал Гете).

¹⁵ См. А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, в 2-х томах. М.: Художественная литература, 1974. Том 1, с. 416.

¹⁶ З. Гиппиус в своей «Синей книге», использующей форму дневника, так определяет цель дневниковых записей, в связи с началом Первой мировой войны: «Что писать? Можно ли? Ничего нет, кроме одного — война. Страшно писать о ней мне, здесь. Она принадлежит всем, истории. Нужна ли **обывательская** (здесь и далее выделено мною. — А. А.) запись? Да и я, как всякий современный — не могу ни в чем разобраться, ничего не понимаю, ошеломленная». «Жизнь поставила нас... в положение, близкое к событиям и некоторым людям, принимавшим в них участие... Одно, что **есть смысл записывать** — мелочи. **Крупное запишут без нас**». (Цит. по: *Пигров К. С. Дневник: диалог с самим собой / Диалог в образовании*. СПб.: СПбГУ, 2002, с. 112-113).

3. И, наконец, «протокол жизни» (как явствует из самого термина) — это вовсе не «мемуары», не «ретроспекция», не отложенное во времени описание или реинтерпретация, а именно протокол, который ведется **в ходе события** или составляется по его «горячим следам».

Это — **первичный**, а не вторичный документ личности и времени, «не замутненный» последующими напластованиями индивидуальной субъективности и влияний социокультурной среды.

И еще несколько замечаний (уже не «от противного»).

4. «Протокол жизни» — это своего рода тематизированная регулярная или эпизодическая **жизненная хроника**. Ее можно вести в утилитарных целях — фиксируются некие «реперные» события, ситуации, чтобы потом учесть в последующих собственных действиях. Это может быть и способ информирования других людей об обстоятельствах своей жизни, представляющих для них интерес. Иногда присутствует и понимание культурно-исторической значимости жизненного свидетельства.

5. В зависимости от характера события (событий) или сложившихся обстоятельств, сам протоколист выступает главным героем (или одним из главных) — если тот в описываемой ситуации активно **действует**; или же его персона отходит в «протоколе» на второй план — если он является только **наблюдателем**, свидетелем.

6. Наконец, «протокол жизни» есть оперативное и более или менее преднамеренное отображение случившегося не вообще, а «в точке пересечения биографии и истории» (выражение Ч. Р. Миллса).¹⁷

Подведем предварительные итоги.

«Протокол жизни» — будь то за определенный период времени, будь то относящийся к отдельному событию — это **первичный личностно-общественный документ**. Он есть **актуальное свидетельство очевидца или действующего лица** (актера), выступающего наблюдающим участником драмы собственной жизни (всегда вплетенной в общественную, и — в пределе — «мировую драму»). В нем находит преимущественное отражение то, что случилось с человеком «**в точке пересечения биографии и истории**». «Протокол жизни» сочетает элементы коммуникации самому себе, другому и для других, т. е. оказывается **многоадресным** посланием.

II

Первая попытка постановки вопроса о **протоколах жизни** как особой форме коммуникативного (а в рассматриваемом ниже случае — еще и исследовательского) опыта, предпринята автором этих строк на рубеже 70–80-х гг., когда им был задуман натурный эксперимент (одновременно — профессиональный и жизненный). Эксперимент начался с инициативного перехода социолога из научного института на завод в каче-

¹⁷ Миллс Ч. Р. Социологическое воображение. М.: Стратегия, 1998, с. 16.

стве рабочего (1980). На протяжении ряда лет велось исследование производственной жизни изнутри, «глазами рабочего».

В отличие от традиционного в эмпирической социологии метода включенного наблюдения, был разработан и опробован метод **наблюдающего участия**, предполагающий «исследование социальной среды через целенаправленную социальную активность субъекта, делающего свое собственное поведение своеобразным инструментом и контролируемым фактором исследования».¹⁸

Естественно, понадобился поиск или выбор адекватных способов фиксации как «фоновых» наблюдений, так и собственных действий в конкретной социальной ситуации и их (этих действий) последствий на экспериментальном поле. Поскольку жизнь и исследование здесь практически совмещены («исследование жизнью» или «сама жизнь как исследование»), автор определил свой полевой дневник, как **протоколы жизни**.

Позволю себе обширную автоцитату из дневника того времени. Цитирование позволит сэкономить на «ученых» рассуждениях и, кстати, пояснить соотношение протокола жизни и иных видов дневника (как автор себе это соотношение представляет).

«Три цвета "протокола жизни"»

2.01.80. Жанр этих записей — не исповедь, не проповедь, не эссе, даже не дневник, но — **протокол**. Протоколы жизни...

Записи дифференцированы. Написанное **красным** карандашом будет иметь более или менее прямое отношение к специфической ситуации «включенного наблюдения», в которую поместил себя протоколист, сменив работу в институте на работу на заводе. Написанное **синим** карандашом будет касаться всего остального, заслуживающего сохранения в качестве фактов и соображений, имеющих не сугубо личный интерес. Это — тоже своего рода протокол включенного наблюдения, но с «расширенным полем», каковым является вся область соприкосновений субъекта с действительностью. Наконец, написанное **зеленым** (или простым) карандашом будет относиться к обстоятельствам жизни и переживаниям, являющимся сугубо личными...

Что касается синих и красных страниц, то они имеют смысл **жизненных свидетельств**. Критерием для их отбора является пока затруднительная для обоснования уверенность автора во все возрастающей культурно-исторической ценности свидетельств индивидуального жизненного опыта.

Вполне вероятно, что сам по себе протокол жизни окажется самоорганизующейся системой, создающей свои правила и подчиняющей себя ей же самой выработанным правилам. За исключением гениев, многое из того, что человек оставляет после себя, чуть лучше или чуть хуже, чуть раньше или чуть позже, оказывается сделано и другими людьми. Только протокол собственной жизни уникален как сама жизнь».¹⁹

¹⁸ Алексеев А. Н. Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего). М.: Институт социологии РАН, СПб филиал, 1997, с. 16.

¹⁹ См. том 1 настоящей книги: с. 80. Не вошедшее туда примечание 1980 г.:

«...В красных записях — “не упустить по возможности ничего” (включенное наблюдение, поначалу не целевое!). В синих — “зафиксировать по возможности важное” (не обязательно важное сейчас, но — информация, ценность которой может возрасти со временем). В зеленых — “это мое личное дело”...». (Из личного архива).

Здесь надо сказать, что социологу-экспериментатору вскоре стало тесно в рамках даже такого свободного, лишь чуть структурированного протокола. Еще не успевший устояться жанр «полевого» дневника довольно быстро сменился «письмами-дневниками-отчетами» друзьям (коллегам), насыщенными не только социальными фактами, но и субъективным отношением к ним, включая личные переживания и размышления.²⁰

...Но вот в середине 80-х гг. довольно очевидное «инакодействие» актора в сочетании с не столь очевидным инакомыслием (в его «Письмах...») дало повод для вмешательства государственной организации, призванной пресекать и то, и другое. На предъявленные ему политические обвинения социолог-испытатель, пережив кратковременный шок растерянности, ответил «необходимой самообороной». Тогда-то жанр «протоколов жизни», как бы поневоле, и кристаллизовался.

При продолжении эксперимента (теперь уже не только в производственной сфере) понадобилось отслеживать множество встреч, бесед с должностными лицами (сотрудниками правоохранительных органов, партийными функционерами, работниками общественных организаций), фиксировать всевозможные санкции социальных институтов по отношению к испыталю и его реакции на эти санкции (и наоборот — собственные инициативные «акции» и институциональные реакции на них). Причем важно было обеспечить, чтобы эти записи, если и попадут (в результате очередного досмотра или обыска) в руки к «оппонентам», — не вызвали новых нареканий.

Выход один — строгий **протоколизм**: кто что сказал, сделал, когда, при каких обстоятельствах, кто присутствовал, и т. п. Никаких оценок, минимум комментариев, «голые» факты (впрочем, «красноречивые»). Авторское отношение к «событиям» — только в подтексте (или контексте). <...>

Вкратце

Далее в докладе приводились примеры «протоколов жизни» («записей для памяти»), принадлежащих как автору настоящей книги, так и другим лицам. Все эти примеры фигурировали ранее, в томе 2 настоящей книги, поэтому опускаю их здесь.

В частности, образцы «протоколов жизни», принадлежащих другим лицам, см. в томе 2: раздел 8.12 (тексты А. Любичева, Р. Баранцева).

* * *

К сожалению, дневниковая активность современного человека (хоть в экстремальных, хоть в рутинных ситуациях) куда слабее активности мемуарной. Соответственно, и использование **первичных** личностно-общественных документов, актуальных свидетельств действующего лица или очевидца события (будь то историческое событие, будь то «частный»

---

²⁰ См. в томе 1 настоящей книги: главы 2 и 3.

жизненный эпизод)²¹, в современной гуманитарно-научной практике заметно уступает использованию документов **вторичных**: воспоминаний, «рассказов о жизни», биографических интервью и т. п.

Как уже отмечалось, в любых мемуарах неизбежны и естественные aberrации памяти, и авторская реинтерпретация, и мощная «иррадиация» социального сознания, социокультурных стереотипов уже **нынешней**, а не минувшей эпохи. В отличие от дневника, «воспоминания» несут на себе «двойную нагрузку» субъективности и так или иначе мифологичны.

Было бы, конечно, наивно ожидать, что кто-либо станет **на протяжении всей жизни** вот так «сканировать», скажем, свое взаимодействие с социальными институтами (хоть в утилитарных целях, хоть в исследовательских, хоть следуя некоему культурно-нравственному императиву). Однако бывают и максималистские примеры ответственности человека перед собой и перед временем. И те «протоколы жизни», которые уцелеют, впоследствии станут ценным культурно-историческим свидетельством (безотносительно к «важности» эпизода или «масштабу» личности автора).²²

Можно предположить, что бурно развивающаяся ныне «всемирная сеть» (в которой, кстати, часто происходит совмещение диалога с самим собой, другим и другими) будет способствовать выработке **массовой** культурной привычки «описывать современные происшествия, чтобы могли на нас сослаться». Но наверняка это наступит не так уж скоро. <...>

А. Алексеев

(Цит. по: Право на имя: биографии XX века. Биографический метод в социальных и исторических науках. Чтения памяти Вениамина Иофе, 18–19 апреля 2003. СПб.: НИЦ «Мемориал», ЦНСИ, ЕУ в СПб., 2004, с. 18–36)²³

Ремарка: «...долг перед идеей, перед людьми, перед собой».

Недавно мне довелось ознакомиться с рукописью книги «История семиодинамики: документы, беседы, комментарии». Ее автор — человек, у которого я не устаю учиться, — математик и философ, профессор Санкт-

²¹ Один из слушателей моего доклада на Чтениях памяти В. В. Иофе (май 2003) справедливо заметил, что заурядные ситуации могли бы представить не меньший, а, может быть, даже больший интерес, чем экстремальные или заведомо значимые (с точки зрения пишущего). В самом деле: многие дневники и письма ценны именно своим «бытописательством», отражением не «истории», а того, что М. Гелфтер называл всеобщим «вне-истории».

«В решающий момент повседневность предъявляет заявку на ту единственность смысла, который пыталась узурпировать история...» (Гелфтер М. История — позади? Историк — человек лишний // Аутсайдер. Человек вопроса. М.: Век XX и мир, 1998, с. 18). Об историке Михаиле Яковлевиче Гелфтере, ныне покойном, см. ранее, в томе I настоящей книги: глава I.

²² «Нормальный» человек может сказать: «Если все записывать, то жить когда же?!».

²³ См. также: Алексеев А. Н. О «протоколах жизни» // Любимцевские чтения. 2003. Ульяновск: Ульяновский гос. педагогический университет, 2003; Алексеев А. Н. В точке пересечения биографии и истории // Время/время артефактов. СПб.: СПбГУ, 2004.

Петербургского университета Рэм Георгиевич **Баранцев**.²⁴ С разрешения Р.Б. приведу здесь автоаннотацию и оглавление его книги, пока еще ждущей своего издателя:

«Автоаннотация: Семиодинамика, изучающая качественные изменения целостных образований в знаковом представлении, была ближайшей предтечей синергетической парадигмы. Появившись в Ленинградском университете в 1980 году, она много лет была вынуждена отстаивать свое право на существование. История этой борьбы представлена здесь в документальных материалах того времени. Показано, как открытая методология, разработанная семиодинамикой, находит применение в современной синергетике.

Книга предназначена для всех, кто интересуется новейшей историей науки и работает в русле эволюционно-синергетической парадигмы».

Оглавление: 1. Появление: X.1980 — III.1983; 2. Гонение: III.1983 — VI.1983; 3. Сопротивление: VI.1983 — X.1983; 4. Зажим: IX.1983 — II.1987; 5. Переизбрание: II.1987 — IV.1987; 6. Газета: V.1987 — XI.1987; 7. Перестройка: 1987 — 1989; 8. Скитания: 1989 — 1991; 9. Возрождение: 1992 — 1994; 10. Синергетика: 1993 — 2003.

...Уже приходилось отмечать, что и семинар по семиодинамике в ЛГУ и «дело Баранцева», с одной стороны, и эксперимент и «дело» социолога-рабочего, с другой, не только синхронны (от начала к концу 80-х гг.), но и имеют много общего в мотивации и стиле поведения главных действующих лиц.²⁵ Теперь же не без гордости замечая, что и **жанр** новой книги моего друга («История семиодинамики...») оказывается близок к жанру «Драматической социологии...». Вот как об этом пишет сам Р. Баранцев:

«...Документами истории являются не только официальные бумаги, но любые строки, написанные именно в то время и теми людьми, которые находились в гуще событий. (Здесь и далее выделено мною. — А. А.). Это и диалоги, восстановленные по горячим следам, и письма, направленные в инстанции, и дневниковые записи, сохранившие следы мучительных раздумий. С высоты сегодняшнего дня не все в них кажется “правильным”, но в истории, как и в детективе, любые отпечатки неприкосновенны. Современный взгляд допустим только в комментариях.

Получившийся сборник документов складывался сначала стихийно: записи бесед снимала напряжение, освобождала от стресса. Социальная значимость и целостность происходящего открывались постепенно. Первая попытка комплектования была сделана в ходе сопротивления...

Борьба за семиодинамику и справедливость сфокусирована здесь на судьбе одного человека, поскольку ответственность действительно пришлось

²⁴ О Р. Г. Баранцеве см. ранее, в томе 2 настоящей книги: раздел 8.12, а также приложение 1 к главе 8. В частности, раздел 8.12 включает в себя перепечатку (в сокращении) очерка Я. А. Гордина «„Дело Баранцева“. Психологический этюд эпохи позднего большевизма», опубликованного в журнале «Звезда» (2000, № 4).

²⁵ К этому «параллелизму», а точнее — к «переплетению судеб», моего друга и моей собственной, еще не раз буду обращаться на страницах этой книги (см. главы 16, 17 и др.).

взять на себя. Субъективность неизбежно проявляется и в записи бесед, несмотря на старание не принижать оппонентов. Но в любом случае автор ручается за точность ключевых слов и адекватность передаваемого смысла.

Приводя документы полностью, не удалось избежать некоторых повторов. Иногда они безболезненно устранились, в других случаях сохранялись как рефрены ведущих тезисов.²⁶

*Готовность к противостоянию и отражению его в слове была унаследована от А. А. Любищева. Существенную роль сыграла также дружба с А. Н. Алексеевым, начинавшая еще тогда, когда ожидание перемен было сопоставимо с верой в чудо. **Восстановление событий, став их историей, через протоколы жизни осознается сейчас как отчет, как долг, исполняемый перед идеей, перед людьми, перед собой.** А учитывая значение семиодинамики в становлении эволюционно-синергетической парадигмы, можно сказать, что это долг и перед отечеством» (Цит. по: Р. Г. Баранцев. Указ. соч. Рукопись. 2003. Предисловие).*

Вот так, участь у Друга, и сам кое в чем подаешь ему пример. (Май 2003).

* * *

Из работы К. Пигрова «Вещь и время», опубликованной в сборнике «Время / время артефактов» (2004)²⁷

*<...> Дневник это текст парадоксальным образом **к самому себе**. В нем есть момент **проповеди**, но это проповедь самому себе, в нем есть момент **исповеди**, но это исповедь перед самим собой.*

*Дневник вообще близок тому потоку сознания, который течет или катится в каждом человеке, — сродни повседневным человеческим размышлениям, составляющим интеллектуальный, словесный (проговаривание про себя) **фон бытия**, само бытие.*

*Но дневник тем отличается от таких повседневных размышлений про себя, что он включает **инстанцию внешней эксплицированности**. Именно в этих своих качествах дневник обнаруживает смысл бытия (и генезиса) индивидуальности.*

*...С одной стороны, «ведение дневника» это **внецельная, бесцельная экспрессивная деятельность, выражающая инстинкт духовности...***

*С другой стороны, раз возникнув, став необратимым фактом реальности, он [дневник. — А. А.] постепенно вмысливает в себя, кроме органичной для него задачи — «не забывать», в концентрированной, обозримой форме формулировать самую суть моей жизни... — какие-то внешние, иногда уныло-прагматичные цели и **в процессе рационализации превращается в средство для неожиданных целей...** В дневнике*

²⁶ Все сказанное в полной мере можно отнести также и к книге, которую читатель сейчас держит в руках.

²⁷ Константин Семенович Пигров — доктор филос. наук, зав. кафедрой социальной философии и философии истории Санкт-Петербургского гос. университета.

скрывается интенция быть **формой самонадзора в рамках «дисциплинарной технологии»** в соответствии с видением нашей цивилизации Мишелем Фуко...

<...> В дневнике фиксируется противоположность «обычной жизни» и «роковых минут» истории. В дневнике сталкиваются приватное и публичное время. Индивидуальные события переживаются как всемирно-исторические, а всемирно-исторические — как индивидуальные. В дневнике поэтому становится действительно возможным единство мировой истории и индивидуальной судьбы.

<...> **Способность к рефлексии воспитывает в личности дневник, «срочная словесность», публицистика воспитывает способность к рефлексии у общества. Дневник — исходная индивидуальная техника свободы, генератор свободы; ведение дневника — сам генезис свободы, универсальный способ подготовки к свободе.** <...>

(К. Пигров. Вещь и время / Время/время артефактов (Социальная аналитика непоправимости). СПб., 2004, с. 13-14, 17, 21, 27)²⁸

0.6. Бездны неведомого Бытия, открывающиеся через Делание...

Из книги В. Налимова «Канатоходец» (1994)²⁹

<...>В чем смысл жизни?

Ответ на этот вопрос для меня звучит просто: смысл существования Вселенной — в раскрытии заложенной в ней потенциальности. Смысл нашей жизни — в активном участии в этом процессе, в расширении горизонта нашего существования.

Мне думается, что в ближайшем будущем нам предстоит подойти к разгадке главной дилеммы «жизнь/смерть». Эта тема приоткроется нам, как только мы сумеем преодолеть затянувшееся на века противостояние «сознание/материя». В своих философских построениях, не укладывающихся в парадигму наших дней, я подошел к этой задаче, но не более.

Только через понимание того, что есть «жизнь/смерть», наша обветшавшая, обессилевшая и измельчавшая культура сможет перейти границу, отделяющую нас от иных — возможных форм бытия. Только через новое мировоззрение можно будет преодолеть кризис, который непре-

²⁸ См. также: Пигров К. С. Дневник: общение с самим собой в пространстве тотальной коммуникации // Проблемы общения в пространстве тотальной коммуникации. СПб., 1998; Пигров К. С. Дневник: диалог с самим собой // Диалог в образовании. СПб., 2002.

²⁹ «Воспоминания известного ученого и философа В. В. Налимова, автора оригинальной философской концепции, изложенной, в частности, в книгах “Вероятностная модель языка” (1974), “Спонтанность сознания”» (1989), почти полностью охватывают XX столетие. На примере одной семьи раскрывается панорама русской жизни в предреволюционный, революционный, постреволюционный периоды. Лейтмотив книги — сопротивление насилию, борьба за право оставаться самим собой...» (из аннотации к названной книге Василия Васильевича Налимова).

станно нарастает на наших глазах с начала XX века. А если нет — что ждет человечество?

Теологическое разъяснение основного вопроса бытия теперь уже мало кого удовлетворяет. Оно — на обочине нашего миропонимания. Оно не сумело связать свой ответ на основной вопрос бытия с философскими построениями и тем более — с наукой, которую теперь уже никак нельзя игнорировать. Ответ должен прозвучать так, чтобы он мог быть согласован со всеми проявлениями бытия человека в Мире.

Меня приятно поразило высказывание С. М. Розена:

«...мы буквально можем видеть, что сознание (mind) и материя безусловно различимы и в то же время являются одним и тем же» (*Rosen S. M. The Paradox of Mind and Matter: Utterly Different Yet One and the Same*, In: W. Rubik (ed.). *The Internationalship Between Mind and Matter. Proceeding of a Conference Hosted by the Center for Frontier Sciences*. Philadelphia, PA.: Temple University, 1992, p. 242).

И далее он говорит:

«При воспоминании, полном воплощении того, что внутри нас является “прошлым”, мы можем достигнуть порога чего-то **нового** — “нового Ренессанса”, новой трансэгоической фазы человеческого бытия [Washburn, 1988], а может быть, даже совершенно нового порядка бытия» (Ibid., p. 244).

Да, здесь речь идет не просто об изменении культуры. Измениться должна сама сущность Бытия.

Бездны неведомого бытия могут открыться перед нами. Путь к ним — через Делание. Через Служение Тайне, к которой мы можем подойти ближе, отнюдь не раскрывая ее во всей ее полноте. <...>

(В. В. Налимов. Канатоходец. Воспоминания. М.: Изд. группа «Прогресс», 1994, с. 365–366)

0.7. «Каждый человек должен сам стать философом...»

Из работы С. Минаковой «Философия для человека» (2003)³⁰

<...> 1. Философия присуща каждому. Логически и идеологически укрепляя общую направленность личности, она регулирует отношение человека к своему делу, к другим людям, к обществу, к природе, к Жизни, к Будущему.

³⁰ Светлана Федоровна Минакова, канд. филос. наук, — одна из адресатов «Писем...» социолога-рабочего 80-х гг. (см. ранее, в томе 1 настоящей книги: главы 2 и 3). В конце 70-х — начале 80-х гг. мы тесно сотрудничали. Подробно о ее концепции развития личности см. в томе 1: глава 6. См. также наш с С. Минаковой в соавторстве текст в разделе 6.4: «Способ быть счастливым...».

Из работ С. М. последующих лет здесь назову: *Минакова С. Ф.* Ищу личность. Л.: Лениздат, 1991; *Минакова С. Ф.* Выгода от гуманизма / В человеческом измерении. М.: Прогресс, 1989; *Минакова С. Ф.* Экология личности (теоретические и методологические основы). Учебное пособие. Кировск 1999; *Минакова С.* Целостная личность. Учебное пособие. Кировск, 1999; *Минакова С.* Предотвращение экологической катастрофы (учебное пособие по экологии личности). Кировск — Апатиты: Изд. МУП «Полиграф», 2000.

Ныне С. Минакова заведует кафедрой социальных и экономических дисциплин Международной академии предпринимательства. Живет в г. Апатиты, Мурманской обл.

му, к карьере, к детям и родителям, к привилегиям, к власти, к деньгам и т. д.
Философия — целостное осмысление взаимоотношений человека с миром.

При помощи индивидуальной философии человек стремится понять, объяснить, оценить или оправдать себя в собственных глазах и в глазах других. Почему он поступил именно так, а не иначе, почему он думает именно так, почему он удовлетворен жизнью или считает себя неудачником. Философия — осознание социально-психологической сущности Я. Она — осознанное выражение **качества личности**.

На быденном уровне философия проявляется в поступках и может выражаться в форме принципиальных высказываний: — «Я никогда...!», — «Я всегда...!», — «Я такой...!»; иногда в виде пословиц: — «Кто рано встает, тому Бог дает!», — «Худой мир лучше доброй ссоры!», — «Своя рубашка ближе к телу», — «Глаза боятся — руки делают».

В виде целей и смыслов жизни философия побуждает к действию и подводит итоги.

Философия — это отношение человека к миру, на основе его целостного представления о мире и о себе, как части этого мира. Философия — вершинная суть человеческого духа, его мировоззрение, идеология, его цели, смыслы, его честь и совесть.

Философия — поиск ответов на главные вопросы бытия человека. В философском мирозерцании личность приобщается к мировому целому. — Как устроен мир? — Какое место занимаю я в этом мире, что я могу сделать для этого Мира? — За что Мир примет меня?

Чем больше личности, тем больший объем Вселенной она вмещает.

Философия личности явно или неявно, точно или приблизительно определяет стратегию и тактику поведения человека. В виде системы ценностей она присутствует как в повседневных, так и в судьбоносных решениях. В виде общей направленности личности, порой неосознанно (скрыто), порой явно участвует в выборе варианта поведения: что делать и как долго, тщательно и внимательно этим заниматься. Философия в виде совести присутствует в образе жизни. В виде методологии она присутствует в научном исследовании ученого.

Иногда кажется, что кто-то «сидит внутри человека», велит поступать именно так, а не иначе. Этот внутренний голос — духовная сущность личности — может быть добрым, ориентированным на созидание и Жизнь (для верующих — на Бога), и злым — ориентированным на разрушение и Смерть <...>. Из-за неясности, непоследовательности своего мировоззрения, из-за непонимания механизма противостояния добра и зла в душе, человек сомневается, ошибается в выборе, порой стремится уйти от прямого ответа, ищет совета.

Философия личности может быть недостаточно осмысленной, в форме непроверенных «убеждений» и «верований». Человек не прочь не только обманывать других, но и заниматься самообманом, оправдывая свои неблагоприятные поступки, успокаивая совесть. Во все времена профессиональные философы любили указывать на эту непоследовательность, нелогичность быденного сознания, его конфликт с разумом. <...> Сегодня мало указать

людям на недостатки и слабость духа, важнее найти пути его совершенствования и возвышения.

В наше время это возвышение духа перестало быть личным делом каждого (хочу — совершенствуюсь, не хочу — не буду!). Потому что именно вследствие непоследовательности, узости, приземленности, суетной сиюминутности, **ограниченности философии** большинства людей и их руководителей, человечество вступило в эпоху глобального экологического кризиса, ежечасно приближающего тотальную экологическую катастрофу.

«Наиболее важным, от чего зависит судьба человечества, являются человеческие качества — и не качества отдельных элитарных групп, а именно «средние» качества миллиардов жителей планеты» (Печчи А. Человеческие качества. М., 1980, с. 40).

Изучение философии, интерес к ней не только основа культуры личности каждого человека (расширение кругозора), но и условие выживания человечества как рода.

2. Философия не только служит духовным основанием личности, она выражает дух (направленность) **социальных институтов и организаций**, потому что организации и институты функционируют благодаря определенным образом ориентированным людям. Философия проявляется в социально-психологическом климате министерства, школы, магазина, семьи или дружеской компании. Она провозглашается в Уставах, должностных обязанностях, на презентациях, в рекламе и в застольных беседах, она реализуется в принятии решений и поступках лиц, **уполномоченных** представлять социальные институты и организации. (Школа для ученика или ученик для школы? Магазин для продавца или для покупателя? А в семье вещи (положение, достаток, престиж, имидж) для человека или человек для вещей (положения, достатка и т. д.)? <...>

3. Та или иная философия господствует **в обществе**. В этом случае философия является системообразующим элементом конституций, программ, кодексов, публицистики, литературы и искусства. Философская направленность определяет целые исторические периоды развития общества, тогда мы говорим об «эпохе Возрождения», «эпохе Просвещения». <...>

4. Наконец, философия существует в форме философских учений, направлений, течений, размышлений, которые составляют **специфическую область знаний и духовной деятельности**, в их историческом развитии и сегоднешнем воздействии на поведение и деятельность отдельных людей, народов, институтов и организаций.

Философия — сформулированная в концептуальных понятиях (категориях) — выражение **направленности духа** отдельных людей, групп, институтов, организаций и общества в целом, на основе целостного представления о мире и человеке.

Изучение философии — важное условие культивирования личности.

<...> **Цель и предназначение философии — достижение людьми глубокого гуманизма, благоговения перед жизнью и осознание радости творчества как фундаментальной человеческой потребности творить добро.** <...>

<...> Философия новейшего времени должна быть честной. Она не может больше упиваться собственной мудростью, своим превосходством над обыденным сознанием, она не может только саркастически смеяться над абсурдностью жизни, она должна учить в любой ситуации (выбор поступка, конфликт или выборы депутатов) выбирать созидание и единение ради Жизни.

<...> Философия как социальный институт должна перестать заниматься собой, она должна преодолеть наблюдающее, фиксирующее, констатирующее отчуждение и стать идеологией Жизни.

<...> Каждый человек должен сам стать философом — мудрецом, противостоящим искушениям мертвых ценностей. Она [философия. — А. А.] должна быть элементарной, доступной каждому жителю планеты. <...> Наука духа для каждого человека должна начинаться не со сдачи экзамена по философии в вузе, а в раннем детстве.

<...> Управляя духом из, казалось бы, абстрактной и далекой от жизни области знаний о мире в целом, в XXI веке философия стала наиболее актуальной, практической и даже утилитарной — **ответственной за все, что происходит на планете**, — дисциплиной. <...>

(С. Минакова. Философия для человека. Учебное пособие для студентов вузов и институтов повышения квалификации. Апатиты: Международная академия предпринимательства. 2003, с. 3–5, 10, 27–28)

Ремарка: вспомним А. Швейцера...

Из «ближайших» этико-мировоззренческих истоков предъявленной выше постановки проблемы о «философии для человека» следует, пожалуй, прежде всего указать на философию «благоговения перед жизнью» А. Швейцера.³¹

«Философы, захоладевшие на своих профессорских кафедрах» (выражение А. Ухтомского), могут, пожалуй, сказать, что С. Минакова слишком расширяет (заужает?) понятие философии. Но С. М. ее самое (философию) тоже гуманизирует, пытаясь преодолеть ее «отчуждение от человека — мыслящего, чувствующего и действующего», «отчуждение от созидания, единения и Жизни». (Январь 2004).

0.8. Синтез реальности и творчество жизни

... Эксперимент — это ситуация, которую ты сознательно придумываешь, чтобы посмотреть, что будет в результате. Обычно в эксперименте проверяется какое-то предположение, какая-то гипотеза. Эксперимент в науке — строго контролируемый и проверяемый процесс, который можно воспроизвести. Есть, кроме того, эксперименты следственные, журналистские, инженерные, социальные. Я буду говорить о «жизненных экспериментах», которые, помимо проверки некоторых предположений, дают возможность, внося необратимые изменения в жизненную ткань, решить и конкретные практические проблемы. Эксперимент можно представить в виде определенных действий человека как части жизненного процесса, на материале которого ставится этот эксперимент. Таким

³¹ О философии А. Швейцера см. ранее, в томе 1 настоящей книги: приложение 1 к главе 6.

образом, любой жизненный эксперимент — это эксперимент прежде всего над самим собой ...

В. С. Дудченко. *Абсолютный консультант, или секреты успешного консультирования*. М.: Кватро-Принт, 2004, с. 15

Несколько вступительных слов

Недавно мне довелось ознакомиться с некоторыми трудами нового исследовательского направления — **онтосинтеза**, разрабатываемого Вячеславом Сергеевичем Дудченко и его коллегами, в частности, на базе обобщения многолетних разработок в области инновационной методологии и опыта управленческого консультирования. Главным источником для меня здесь послужил сборник: *Онтосинтез социальной реальности. Труды методологического семинара*. / Под ред. В. С. Дудченко. М.: Икар, 1998.

С Вячеславом Дудченко мы давно, в 70-х гг., тесно сотрудничали (совместные разработки в области методологии и техники контент-анализа и проч.). Впоследствии научные эволюции, его и моя, были совершенно автономными.³²

Тем интереснее, что при крайне редких контактах в 80–90-х гг. и при столь разных «отправных точках» (эксперимент социолога-рабочего, с одной стороны, и профессиональное консультирование работников управления, с другой), возникает, как мне кажется, резонанс, «переключка» между некоторыми идеями «драматической социологии» и «онтосинтеза».

Ниже — извлечения из работ двоих из авторов названного сборника: Ю.М. Резника³³ и В. С. Дудченко. (Март 2000 — март 2003).

Из статьи Ю. Резника «Жизнетворчество как форма онтосинтеза» (1998)

Постановка проблемы

Разработка проблемы творчества жизни имеет давние традиции в отечественной и зарубежной науке. Она получила свое распространение как в социальной психологии и социологии <...> [1], так и <...> в тех новейших течениях, которые впитали в себя влияние феноменологической и интеракционистской традиций и выступают под различными названиями-

³² В пору, когда я жил и работал в Новосибирском академгородке (1969–1970), Вячеслав и Людмила Дудченко оканчивали Новосибирский университет. Потом я вернулся в Ленинград, а супруги Дудченко, работая социологами, «поколесили» по стране (Тарту, Свердловск, Набережные Челны, Ярославль), пока не обосновались в Москве (в 90-х гг.).

Л. К. Дудченко — одна из адресатов «Писем...» социолога-рабочего начала 80-х гг. (см. ранее, в томе 1 настоящей книги: главы 2 и 3) и одна из участников андерграундного опроса «Ожидаете ли Вы перемен?» рубежа 1970–80-х гг. (см. в томе 1: глава 1; см. также в томе 4 настоящей книги: глава 25). Ныне занимается управленческим консультированием.

В. С. Дудченко ныне — один из ведущих в стране специалистов по инновационным технологиям и управленческому консультированию, доктор социол. наук, профессор, действ. член Международной академии информатизации.

³³ Юрий Михайлович Резник — докт. филос. наук, профессор, главный редактор журнала «Личность. Культура. Общество»

ми и ракурсами — «социология лицедейства», «социология игры», «социология жизни» [2]. Она нашла свое отражение также и в ряде работ автора данной статьи, посвященных стратегиям жизни и моделям их реализации [3].

В философии и социальной науке известны многие попытки обращения к идее сознательного или божественного творчества человеческой жизни. <...>

[Автор упоминает учения и концепции ряда выдающихся русских и западных мыслителей, в частности, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, В. И. Вернадского, В. И. Иванова, И. А. Ильина, Н. О. Лосского, П. Тейяр де Шардена, Л. Н. Толстого, Е. Н. Трубецкого, М. Хайдеггера, А. Шопенгауэра, К. Ясперса. — А. А.]

Однако особый интерес для меня представляют те работы, в которых дается систематизация или периодизация человеческой жизни с точки зрения ее творческого развития и самообновления. <...>

С появлением концепции онтосинтеза проблема жизнетворчества приобретает новый научный статус, о чем свидетельствует его выраженный конструктивный и творческий характер [4]. Поэтому далее попытаюсь раскрыть проблему творчества жизни с позиций онтосинтеза. При этом под онтосинтезом я буду понимать вслед за В. С. Дудченко «синтез реальности из материала мира, находящегося в процессе непрерывных изменений, при помощи образцов и программ, составляющих основное содержание культуры» ([5], с. 24).

Исходный тезис моих рассуждений: **человеческая жизнь выступает предметом творчества как самосознающей и самосозидающей деятельности людей.**

<...> Такой подход позволяет сразу же отвлечься от других проблем исследования феномена человеческой жизни и сконцентрировать главное внимание на изучении двух аспектов процесса жизнетворчества — его сознательно-бессознательного и свободного характера, с одной стороны, соотношения в нем индивидуального и социального, с другой.

Сознательный характер жизнетворчества определяется самой природой онтосинтеза, являющегося <...> главной функцией сознания действующего субъекта. Он проявляется, по мнению В. С. Дудченко, двояким образом:

«Мы сначала синтезируем реальность из материала мира, следуя как указаниям природы этого материала, так и императивам культурных образцов, а затем «воспринимаем» эту реальность как уже существующую для нас» ([5], с. 24).

Причем в ходе «первичного» синтеза этой реальности происходит чаще всего ее бессознательное, интуитивно-чувственное конструирование, в результате чего выявляются латентные, загадочные и порой мистические структуры, скрытые от нашего сознания. «Вторичный» же синтез реальности связан с его осознанием и пониманием, что выражается в

действию некоторой совокупности интерпретационных схем, которых придерживаются субъекты совместной деятельности.

Следует различать также индивидуальную и коллективную стороны процесса жизнетворчества. На индивидуальном уровне наша жизнь — это так, как мы ее видим. Другими словами, человеческая жизнь в ее индивидуальном измерении есть не что иное, как совокупность представлений человека о его собственной жизни. При этом я отвлекаюсь от биологических и психофизических основ жизни, рассматривая ее прежде всего как идеальную реальность, как сознательное бытие человека. Следовательно, индивидуальное творчество жизни при таком понимании характеризует процесс создания и воссоздания человеком новых представлений о своей жизни. В этом заключается его собственно феноменологический и экзистенциальный смысл.

Мы творим собственную жизнь лишь в той мере, в какой мы изменяем и обновляем наши представления о ней. На социальном уровне человеческая жизнь понимается как совместное бытие человека с другими людьми. Эта жизнь разделяется человеком с другими людьми как их общая, совместная жизнь. Отсюда следует, что жизнь человека в ее социальном измерении включает в себя не только его воображения *[так! — А. А.]* о жизни тех людей, с которыми он взаимодействует в процессе собственной жизни, но и его отношение к представлениям других людей о том, как он живет и как они живут.

Социальный аспект человеческой жизни характеризует область пересечения взаимных представлений людей о жизни друг друга и своей собственной жизни. В мое представление о моей жизни входят как бы в снятом виде и знания других о моей жизни, соответствующим образом переработанные и осмысленные мной. В этом состоит социально-феноменологический смысл жизнетворчества. Социальное творчество жизни есть, следовательно, ее совместное творчество с другими людьми. В процессе такого сотворчества человек обогащает свои представления, вносит коррективы в картину собственной жизни. При этом он принимает участие в творчестве жизни других людей, с которыми его связывает судьба.

Итак, формирование, создание новых представлений о жизни определяет содержание процесса жизнетворчества как на индивидуальном, так и на социальном уровне. **Жизнетворчество, являясь практической формой реализации онтосинтеза и осуществлением принципа сознательного отношения человека к жизни как творчеству, находит свое выражение в системе взаимосвязанных и самообновляющихся представлений о человеческой жизни.** *[Выделено мною. — А. А.]*

Рассмотрим теперь наиболее существенные стороны и особенности процесса жизнетворчества с точки зрения социокультурного анализа, в основе которого лежат социально-философские и общетеоретические принципы, в частности, представление об изначальной многомерности («плюральности», «дуальности», «многоступенчатости» и пр.) и конст-

руируемости жизненного мира человека, положение о единстве и взаимосвязи его социальных и культурных, индивидуальных и коллективных, сознательных и бессознательных сторон и, наконец, требование единства «естественных» (спонтанных, стихийных) и «искусственных» (рациональных, сознательно направляемых) средств воздействия в процессе управления жизненными изменениями.

Качественная специфика социокультурного анализа жизнетворчества заключается в «онтосинтетическом» характере познания разнообразных явлений и процессов жизни людей. Она выражается следующим образом:

(1) путем выявления атрибутов (атрибутивных свойств) жизнетворчества как общих условий или предпосылок онтосинтеза социальной реальности;

(2) посредством анализа формирования и реализации различных программ, стратегий жизнетворчества, а также институциональных моделей их реализации, соответствующих «сознательному» онтосинтезу жизненного мира, который основан на рациональных подходах и осуществляется при помощи инструментальных и технологических средств;

(3) путем рассмотрения образного, сознательно-бессознательного, интуитивно-чувственного конструирования и восприятия тех сторон или граней жизненной реальности, которые «схватываются» непосредственно, «в обход» культурных программ, стратегий и моделей, что соответствует «действительному» онтосинтезу этой реальности.

Именно последний тип онтосинтеза выходит за пределы собственно «технологического» отношения к изменению жизни и знаменует собой наступление «посттехнологического» периода жизнетворчества, имеющего общие черты с искусством и художественным восприятием действительности. <...>

Атрибутивная характеристика жизнетворчества

[К атрибутивным свойствам этого процесса автор относит: (а) свободное развитие человека и (б) рефлексивное взаимодействие человека с «внутренним» и «внешним» миром. — А. А.]

<...> **Свобода** [выделено мною. — А. А.] есть сущностный и определяющий момент жизнетворчества. Строить, творить собственную жизнь может далеко не всякий, а лишь свободный человек. Свобода и отчуждение в контексте жизнетворчества суть антиподы. Если первое выступает предпосылкой развития творческих сил человека, то второе означает их подавление и «обкрадывание» со стороны других людей или создаваемых ими институтов.

<...> **Саморефлексия**³⁴ [выделено мною. — А. А.] есть индивидуальная и антропоцентричная форма взаимодействия, выражающая способность

³⁴ **Саморефлексия и ауторефлексия** суть одно и то же. Автор настоящей книги предпочитает второй термин, поскольку в нем не объединяются разноязычные корни.

человека к осознанию (осмыслению, переживанию и т. д.) собственных представлений о самом себе, своей жизни. Она находит прямое и косвенное отражение в процессе жизнетворчества. В **непосредственном рефлексивном акте** человек как бы погружается в самого себя, структурирует собственное «Я», одним словом, общается с самим собой, выделяя свое отдельное «Я» из других «Я», имеющихся в его сознании. Он может расставаться с собой прежним, чтобы познакомиться с собой другим. Он может разговаривать с самим собой, обнаруживая тем самым феномен «внутреннего голоса».

Такое рефлексивное раздвоение человека, при котором его «Я» встречается с другим «Я» в нем самом, создает благоприятный внутренний фон для развития жизнетворчества. Я могу наделять себя несуществующими образами, проигрывать их в ходе внутреннего диалога или полилога, то есть быть одновременно другим, не мной, и оставаться при этом самим собой... При этом появление новых представлений о моей жизни может привести к возникновению новых образов «Я» во мне.

Саморефлексия как способ взаимодействия человека с самим собой может происходить и **косвенным образом**. Это означает, что в ходе жизнетворчества человек встречается с самим собой через посредство других людей, предметов материального мира, других проводников. Окружающий мир становится для человека зеркалом его души, в котором преломляется его представление о своей жизни. В косвенном рефлексивном акте человек наблюдает и изучает себя как бы со стороны <...>, привлекая для этой цели сведения об окружающей действительности.

<...> **Общение** как социальная форма человеческого взаимодействия создает внешний фон жизнетворчества. В общении человек не только встречается с самим собой, но и с другими людьми. Общение есть взаимодействие многих, по крайней мере двух, человеческих миров. И хотя каждый такой мир уникален и автономен, в нем содержатся частицы других миров, благодаря чему эти миры могут сообщаться между собой.

<...> Поскольку жизнетворчество есть (по определению) свободная и сознательная деятельность человека, то оно может осуществляться лишь в режиме свободного общения свободных личностей.

<...> Жизнетворчество, рассматриваемое в контексте взаимодействия с другими людьми, т. е. как **свободное и рефлексивное** [выделено мною. — А. А.] взаимодействие, обладает еще одним важным свойством. Оно с самого начала выступает как **самореферентная деятельность**, или референтная самодеятельность. Если понятие «самореферентность» указывает на способность субъекта соотносить и согласовывать жизненное поведение с собственными представлениями о самореализации, то понятие «самодеятельность» характеризует свободный и сознательный характер творчества жизни, его

относительную независимость от внешних детерминант, например, нормативных предписаний. <...>

Жизнетворчество как арена конструирования

Вкратце

Здесь рассматриваются различные стратегии жизнетворчества: «стратегия мирозидания» и «стратегия экзистенциального творчества жизни»; стратегии самореализации, среди которых различаются «стратегия жизненного мастерства» и «стратегия жизненного дилетантства».³⁵

Далее рассматриваются различные модели реализации стратегии жизнетворчества, среди которых особое внимание уделяется **согласительной модели**, соединяющей в себе уважение к другим и чувство собственного достоинства.³⁶

Жизнетворчество как искусство созидания жизни

<...> Преображение жизни как творчества, совершается в форме **игры** [здесь и далее выделено мною. — А. А.]. Игра есть свободное балансирование на грани между противоположными началами жизни — между реальным и идеальным, между естественным и искусственным, между свободой и необходимостью, между серьезным и смешным и т. д. и т. п. Играющий человек наделен способностью перевоплощения и импровизации. Свободная раскованность и раскрепощенность сочетается в нем с осознанием предельности игрового пространства, с признанием присущих игре законов и правил.

Жизнетворчество — это особенная игра. В ней выше, чем в обычной игре, степень неопределенности, непредсказуемости результатов. Это — игра и без правил, и по правилам, но которые заранее не всегда известны. Чаще всего они устанавливаются в процессе игры по соглашению между ее участниками. В этой игре не существует жестких ограничений (кроме одного — сохранение самой жизни, ее безопасности и свободы). Она протекает в значительной мере спонтанно. В качестве игрушек или игровых приспособлений в ней используются различные средства, главным образом средства жизнетворчества — образы, смыслы и другие

³⁵ Примечательна постановка вопроса о «дилетантстве»:

«...Дилетантом может стать далеко не всякая творческая личность. Чтобы стать дилетантом, надо перестать быть “работником”, “профессионалом” в узком и ограниченном смысле этого слова. Негативный образ дилетанта, сложившийся в научной литературе, должен уступить место представлению о нем, как о жизнерадостном и необычайно богатом человеке, который любит жизнь, людей, а также все то, что украшает и услаждает жизнь, делает ее интересной и привлекательной. Дилетант создает свой неповторимый жизненный мир, даря его себе и людям как бесценное сокровище...».

(Вспомним А. А. Любищева, который называл себя «дилетантом»; см. ранее, в томе I настоящей книги: раздел 6.5.).

³⁶ Это — уже моя интерпретация; Ю. М. детализирует эту модель по-своему, но такое толкование его анализу не противоречит.

представления. Из всех существующих видов игры **жизнетворчество** ближе всего стоит к художественной, в особенности, **театральной игре** и осуществляется по определенному **сценарию**.

<...> Если верно то, что искусство требует жертв, то в искусстве жизни человек приносит в «жертву» часть своей жизни. Он делает из своей жизни **своеобразную экспериментальную площадку**, на которой происходит игра различных образов жизни. Другая же часть жизни остается у него недоступной для игрового эксперимента. Есть отношение и чувства в жизни каждого человека, которыми нельзя играть. Они составляют его святыню. Нельзя играть на чувствах материнства или любимой женщины. Нельзя проводить эксперимент, пользуясь слабостью или наивностью детей. **В жизни играть можно только с подобными и равными себе.**

Именно так я представляю **жизнетворчество**, призванное стать **искусством жизни**. <...>

Литература

1. Жизнь как творчество (социально-психологический анализ) / Отв. ред. Л. В. Сохань, В. А. Тихонович. — Киев: Наукова думка, 1985; *Абульханова-Славская К. А.* Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991; и др.

2. *Кравченко Е. И.* Эрвин Гоффман. Социология лицедейства. М.: Изд-во МГУ, 1997; *Кравченко Е. И.* Творя и познавая себя... (Социальная драматургия Эрвина Гоффмана) // Социологические исследования, 1993, № 11); *Кравченко Е. И.* Социологическая концепция И. Гоффмана / Современная американская социология. М.: Изд-во МГУ, 1994; *Кравченко Е. И.* О бремени и соблазнах социологического мышления // Социологические исследования, 1996, № 8; *Резник Ю. М.* Социальное измерение жизненного мира (введение в социологию жизни). М.: Изд-во «Союз», 1995; Социальная идентификация личности — 2. В 2-х кн. Отв. ред. В. А. Ядов / Рос. АН, Ин-т социологии, 1994.

3. *Резник Т. Е., Резник Ю. М.* Жизнетворчество как искусство жизни // Лосинный остров, 1994, № 1; *Резник Т. Е., Резник Ю. М.* Жизненные стратегии личности: поиск альтернатив. М.: Изд-во «Союз», 1995; *Резник Т. Е., Резник Ю. М.* Жизненные стратегии личности // Социологические исследования, 1995, № 12; *Резник Т. Е., Резник Ю. М.* Жизненное ориентирование личности: анализ и консультирование // Социологические исследования, 1996, № 6.

4. *Дудченко В. С.* Основы инновационной методологии / М.: Изд-во «На Воробьевых», 1996; *Дудченко В. С.* Онтосинтез конфликта (к методологии исследования) // Социологические исследования, 1996, № 10.

5. *Дудченко В. С.* Инновационные технологии: Учебно-методическое пособие. М.: Изд-во «Союз», 1996. <...>

(Ю. М. Резник. Жизнетворчество как форма онтосинтеза (социокультурный анализ) / Онтосинтез социальной реальности. Труды методологического семинара. М.: Икар, 1998, с. 148-177)

Ремарка 1: драматическая социология как жизнетворчество.

С учетом всего сказанного выше, можно, пожалуй, утверждать, что то, что автор настоящей книги называет «драматической социологией», «наблюдающим участием», и т. д., включая «эксперимент социолога-рабочего», есть своеобразная разновидность жизнетворчества, в котором соединены профессиональная деятельность и жизненный эксперимент. (Март 2005).

Ремарка 2: одно из возможных определений человеческой жизни...

Жизнь человека есть **СО-творение себя и обстоятельств жизни (как собственной, так и других людей)**. СО- означает, что это деятельность — **совместная** с другими людьми. (Март 2000 — апрель 2005).

* * *

[Упомянутый выше сборник трудов методологического семинара (1998) открывается статьей Вячеслава Дудченко «Предпосылки онтосинтеза», где предпринята попытка соотнесения этого исследовательского направления с мировой философской и частно-научной традицией.

Среди «предшественников» и «союзников» В. Д. (и его коллег) — как античные философы (особенно — Платон), так и ученые и мыслители XX века: Э. Гуссерль, Г. Гарфинкель, П. Бурдьё, К. Кастанеда, П. Бергер и Т. Лукман, В. Эрхард, Г. П. Щедровицкий, Р. Ассаджоли, Ш. Гавэйн.

Здесь не буду ни цитировать, ни пересказывать эту работу, поскольку имею возможность отослать читателя к недавно вышедшей 2-х тысячным тиражом книге: Дудченко В. С.. Абсолютный консультант, или секреты успешного консультирования. М.: Кватро-Принт, 2004, — куда указанная статья вошла практически полностью.

Ниже — извлечения из другой работы, опубликованной в сборнике трудов методологического семинара «Онтосинтез социальной реальности». — А. А.]

**Из работы В. Дудченко «Методологические основы онтосинтеза»
(1998)**

<...> Мы вносим в тотально меняющийся мир некий порядок, задаваемый всевозможными образцами и программами. Субстрат непрерывных изменений — материал для конструирования и синтеза того, что люди называют «реальностью». Средства этого конструирования — образцы и программы, задающие социально легитимизированную форму реальности. Этот процесс, видимо, разумно назвать «**онтологическим синтезом**». Таким образом, под «**онтологическим синтезом**», или «**онтосинтезом**», следует понимать синтез реальности из материала мира, находящегося в процессе непрерывных изменений, при помощи образцов и программ, составляющих основное содержание культуры. Если говорить о механизме действия онтосинтеза — это процесс порождения некой целостности из отдельных составляющих материала мира, с приданием этой целостности эмерджентных свойств, отсутст-

вующих у этих составляющих, но присутствующих на уровне целостности. Дистинкция «онтосинтез» рассматривается как элемент культуры и полагает существование описанного механизма и процесса, а также порождает новое направление мысли, выступает как инструмент создания виртуальной реальности, определяет наше восприятие и, в то же время, не имеет отношения к реальному действию механизма онтосинтеза.

Онтосинтез — главная функция сознания

Онтосинтез обеспечивает выживание человека за счет **опережения** восприятия и осознания мира. Мы **сначала синтезируем** реальность из материала мира, следуя как указаниям природы этого материала, так и императивам культурных образцов, а затем **«воспринимаем»** эту реальность, как уже существовавшую до нас, интерпретируя ее по-своему.

<...> Естественной частью материала мира является сам человек. Из «материала» внутреннего мира человека при помощи онтосинтеза создаются нормативно детерминированные, «естественно» осуществляющиеся переживания, мысли, состояния и действия. Возникающая в ряде случаев дисфункциональность действия механизма онтосинтеза внутреннего мира человека породила необходимость разработки средств «сборки» этого мира. Эту функцию успешно выполняет раздел психологии под названием «психосинтез». Под «психосинтезом» понимается выявление или создание «объединяющего центра» и построение вокруг него органичной, внутренне согласованной и объединенной в одно целое новой личности (см. *Ассаджоли Р.* Психосинтез: теория и практика. М.: REFL-book, 1994).

Культурные образцы всегда неадекватны материалу мира

Мы осознаем, что мир непрерывно меняется, отсюда — повторение одного и того же невозможно. Парадоксальная мысль, что старое в силу вышесказанного вообще не существует, вызывает смятение в умах и интеллектуальную агрессию, выполняющую защитную функцию. И тем не менее, культурные образцы и программы сформированы старым, уже не существующим миром и, в лучшем случае, соответствуют только ему. Поскольку мир непрерывно меняется, культурные образцы, сформировавшиеся в прошлом и длящиеся в настоящем как самоотжественные сущности, по определению не могут быть адекватны материалу мира, реально осуществляющемуся здесь и теперь. Таким образом, мы, осуществляя онтосинтез, воспроизводим образцы и программы, а не реальный мир. Упорядоченный же образцами и программами прошлого материал сегодняшнего мира — это всегда **псевдореальность**. <...>

Онтосинтез может порождать действительную реальность

Культурные образцы и программы сформированы уже не существующим миром и соответствуют только ему. Мы воспроизводим образцы и программы, соответствующие уже не существующему состоянию мира. Эти образцы и программы неадекватны осуществляющемуся сейчас миру, поэтому фактически облачают его в форму иллюзорной реальности, или псевдореальности. Назовем этот вид онтосинтеза **«стихийным»** или **«спонтанным онтосин-**

тезом». Для человека он естествен как дыхание и осуществляется спонтанно, без сознательной цели его использовать. При этом «стихийность», «естественность» и «спонтанность» заданы филогенезом развития общества и онтогенезом развития человека.

Однако человечество, тем не менее, выживает, чего не могло бы быть при существовании только этого вида онтосинтеза, поскольку в иллюзорном мире действовать эффективно невозможно. По-видимому, есть еще какие-то разновидности онтосинтеза, которые позволяют «схватывать» указания материала мира и синтезировать реальность, осознавая которую можно действовать успешно. Проведенный анализ и экспериментальный опыт позволяют утверждать, что существует синтез реальности из материала мира, осуществляющийся посредством осознанно построенных программ, максимально учитывающих указания материала мира и тяготеющих к синтезу действительной реальности. Этот тип онтосинтеза можно назвать **«сознательным онтосинтезом»**. Его применение дает впечатляющие результаты, но несет ряд серьезных опасностей.

Наконец, обнаружен еще один вид онтосинтеза, действующий **без** образов, программ и прототипов, то есть онтосинтез непосредственный, осуществляющийся «в обход» культурных норм, образов и программ. В качестве иллюстрации можно привести известную восточную модель — «Быть в одной комнате со змеей». В этой ситуации разум, мышление, рациональность, интеллект не помогут. Чтобы выжить, надо существовать **иначе**, предельно адекватно синтезируя из процессов, происходящих в «материале мира», действительную реальность, будучи единым с которой и действуя в которой, человек, как минимум, выживает. Здесь даже можно ставить вопрос о необходимости онтосинтеза, опережающего процессы, происходящие в материале мира (если вы не «почувствуете» направления и характера атаки змеи и не будете готовы действовать, вы просто погибнете). Назовем этот вид онтосинтеза **«действительным онтосинтезом»**. Он осуществляется в конкретных ситуациях в соответствии с указаниями материала мира, человеческой органики и человеческих намерений. Будучи чувствительным к этим ситуациям как способу существования и разворачивания конкретных фрагментов материала мира, действительный онтосинтез становится основой и механизмом осуществления эффективных действий и порождения принципиально новых образов.

Как возможны эффективные действия

<...>Порождаемая человеком псевдореальность — препятствие для синтеза эффективного действия, поскольку она неадекватна текущему сейчас материалу мира. Эффективные действия и продуктивная жизнь невозможны в псевдореальности.

Эффективное действие как акт физической и социальной активности порождается одновременно с порождением действительной реальности и возможно только в ее контексте. Эффективное действие порождается в акте онтосинтеза как органичная часть действительной реальности, которая соответствует, адекватна осуществляющемуся сейчас материалу мира. Речь здесь идет о том, что лишь в случае учета особенностей органики, «экологии», естественных характеристик окружающего мира и его динамики, мы получаем возможность синтезировать эффективное действие.

«Эффективным» можно назвать действие, которое синтезируется («порождается») как:

- органичная часть действительной реальности;
- действие, соответствующее намерению, цели или соглашению;
- действие, в которое вложены все силы и возможности + нечто сверх этого;
- действие, насыщенное силой, энергией и насыщающее силой и энергией окружающих людей и среду;
- действие, ориентированное на идеальный результат;
- действие, не приводящее к растрате силы и энергии.

Эффективное действие ситуационно порождается в ситуационно порождаемой действительной реальности, само порождает действительную реальность и возможно в ней.

<...> [Здесь описан заключительный раздел работы, называющийся: «**Онтосинтез как методология порождения эффективного действия**». — А. А.]

(В. С. Дудченко. Методологические основы онтосинтеза / Онтосинтез социальной реальности. Труды методологического семинара. М., 1998, с. 12-20)³⁷

... Любопытно отметить, что как только какое-либо событие или какая-то ситуация начинают конструироваться как экспериментальные, существенно меняется их содержание, характер собственных действий и собственное состояние. Появляется на свет «система с наблюдателем», включенным в нее как органичная часть. Появляется и точка сознания, с которой конструируется и рассматривается эта «система с наблюдателем». Интересно посмотреть, как строится ткань событий при таком двойном и осознанном отношении к происходящему...

В. С. Дудченко. Абсолютный консультант, или секреты успешного консультирования. М.: Кватро-Принт, 2004, с. 17

0.9. «Ведут ли тебя по жизни или ты сам определяешь ее?..»

[Ниже — начало одноименной рукописи под названием «Воспоминание о себе», полученной мною, в качестве дружеского дара, от А. Н. Марасова³⁸ в апреле 2000 г. Этот текст оказался фрагментом философско-биографической книги А. М. «Арабески», вышедшей в Ульяновске годом позже. — А. А.]

³⁷ См. также: Дудченко В. С. Абсолютный консультант, или секреты успешного консультирования. М.: Кватро-Принт, 2004, Приложение 1. Здесь не имею возможности иллюстрировать высказанные теоретические положения. В. Д. делает это как в тексте «Абсолютного консультанта...», так и во включенном в цитированный сборник трудов методологического семинара собрании «невыведанных историй» («кейсов»), которые можно идентифицировать также и как «моделирующие ситуации».

³⁸ Анатолий Николаевич Марасов — канд. биол. наук, доцент Ульяновского гос. педагогического университета. Читает курсы эволюционного учения и методики биологии. Многолетний организатор ежегодных Любимцевских чтений в Ульяновске. Автор книг философской прозы: «Катехизис» (1993), «Природа» (1994), «И звук, и свет» (1997). Член Союза писателей России. См. о нем также ранее, в томе 1 настоящей книги: приложение 4 к главе 6.

Из рукописи А. Марасова «Воспоминания о себе» (1999)

Судьба

Что судьба? Ведут ли тебя по жизни или ты сам определяешь ее?

Сила какая наполняет внешние для тебя обстоятельства, а может быть, сам ты связан в иные мгновения со всем внешним для себя миром связью непонятной, сильной? Какая необходимость пронизывает тогда тебя?

* * *

...в сущности уже несколько десятилетий я задумывался над одним и тем же вопросом — имеют ли значение для человека какие-то события — природные, жизненные?

Они — есть простые совпадения или знаковые? Отчего жизнь моя — с детства, с незначительных фактов, рассеянных по годам, — выстраивает уже судьбу? ведь судьба — это то, что непонятно для настоящего, что скрыто от него, это проявление сил таких, которые (просто?) не просчитываются, не видны... Словно... мы наполняем жизнью своею, делами своими какую-то полую форму (см. у Линника: «Мы вдруг поймем... / что мы являемся эскизом / и полрой формой для литья»).

Да, мне хотелось всегда, чтобы человек был сильнее обстоятельств, и сам я стремился к этому, и потому огромное впечатление на меня всегда оказывала 1-я часть 5-й симфонии Бетховена. Человек должен! Должен быть выше всего! Но сам же знал, что «лишь» устойчивый интерес, что-то небольшое, что сводилось к «смыслу жизни», и было сильнее обстоятельств.

Но уже — всех обстоятельств.

И все же — этот ветер, эти физические условия, эти события в мире людей, да и сами люди, прежде всего сами люди, такие близкие и родные, — что мне? Почему именно я должен быть выше обстоятельств? А все остальные? Все остальное само по себе?

И все вспоминаю и вспоминаю факты, например, при выборе... взрослого и единственного жизненного пути: а был выбор? Может быть, вслед за Мамардашвили мне следовало сказать, что я был «просто» свободен? ведь я ничего и никого не выбирал! И реализовывалась-то... моя необходимость (наша необходимость?); необходимость та была не вне меня, но во мне...

Линия соприкосновения с миром, с действительностью есть судьба, и едва ли не в равной степени прочерчивают эту линию и внешние обстоятельства — запреты, и внутренние — твой дух.

Но за много ходов очерчена судьба твоя! От края, от непосредственности, от прочтения... <...>

А. Марасов

Апрель-октябрь 1999³⁹

³⁹ См. также: Марасов А. Н. Арабески. Ульяновск: Изд-во УГПУ, 2001, с. 48–49.

Ремарка: интеллектуальная биография.

...Представляются особенно пронзительными и точными строки: «...**Почему именно я должен быть выше обстоятельств? А все остальные? Все остальное само по себе?..**». (Ср. с А. А. Ухтомским: «доминанта на Лицо другого»...⁴⁰).

Вот оглавление присланной мне А. Н. Марасовым рукописи:

Воспоминания о себе: Судьба; Рождение; Жизнь; Поиски действительности; Импульс и инерция; Дух; Человек как посредник; Лучшие минуты жизни; Самые близкие люди; Из воспоминаний; Воспоминания о размышлениях; Время (о фотографиях); Смерть.

При относительно слабой насыщенности биографическими сведениями (уж никак не жизнеописание!), цитированные здесь «Воспоминания о себе» А. Марасова представляются мне особой формой интеллектуальной (духовной) биографии: **«лично-всеобщее» размышление о жизни.**

Как уже сказано, это одна из частей вышедшей в 2001 г. в Ульяновске книги философско-биографической прозы **«Арабески»**. В книге — четыре части. Первая называется «Воспоминания об Ундорах». (Ундоры — старинное волжское село, откуда родом А. М.). Родословная, рассказ о предках (все — крестьяне)... Вторая часть — уже упомянутые «Воспоминания о себе». Третья называется «Университеты». Ее оглавление:

Университеты: Действительность; Детство; Дом; Школа; Из воспоминаний об «улице»; Пединститут; Семья; Работа в школе; Опыт научных занятий; Опыт рефлексий; Любичевский университет; Действительность.

И, наконец, четвертая часть, называющаяся «Отблески воображаемой диссертации». Эта часть включает в себя, среди прочего, такие разделы:

— Феноменологическая триада человека (Живая природа; Неживая природа; Человеческие отношения);

— Структурная тетрада человека (Тело; Душа; Дух; «Я»).

Приведу здесь еще одно извлечение из этой книги. См. ниже. (Май 2000 — апрель 2005).

Из книги А. Марасова «Арабески» (2001)

«Я»

Из самых последних философских публикаций по этой теме возьмем статью одного автора⁴¹, который считает, что феномен «Я» как идеальное самосознание, в отличие от разума, стоит вне естественного порядка вещей. Правда, автор утверждает, что «Я» это «эпифеномен материального разума» (с. 136).

⁴⁰ См. ранее, в томе 1 настоящей книги: раздел 6.3, приложение 2 к главе 6, и др. разделы.

⁴¹ Суворов О. В. Разум и феномен «Я» // Вопросы философии, 2000, № 4. (Здесь и далее — примечания А. М.)

Эпифеномен — это над-явление, т. е. иначе — это порождение «естественного» разума, который оперирует информацией, а «Я» — ее смыслом. В заключение автор пишет, что «искусственный разум» уже есть факт, а искусственный феномен «Я» — «есть нонсенс, ибо он может быть только подлинным».

В своей последней книге⁴² я ссылаясь на статью Ю Шрейдера⁴³, где автор утверждал, что «феномен сознания не укладывается в натуралистическую картину мира» (с. 264).

Эпифеномен — это значит, что человеческое «Я» только «снизу», только в одном направлении, только функция.

Нет человека — нет никакого «Я».

... «Я» — это такой «сгусток» мыслей: который не осознается «со... стороны», осознаются мысли, «оторвавшиеся» от «Я», но и в «таком» виде сама мысль вряд ли обладает «материальными» чертами: мысль мгновенна, для нее преград нет...

Связь снизу... очевидна, но процитируем еще одного философа:

«Драма мысли... разыграна двумя голосами. Эти голоса суть логос и эйдос» (с. 16)⁴⁴. И далее: «Мысль изначально единая / однородная / с сущим, как об этом прямо свидетельствует Парменид, не имеет ничего общего с позднейшими изделиями логики. Она — импульсивна, стихийна, по стихийному бедственна, иммагинативна и немыслима в буквальном смысле слова; говоря иначе, падеж ее бытия не винительный, а творительный, т. е. «субъект» не мыслит ее, а мыслим ею. Она — логос-молния, поражающее сновидческое сознание фрагментарными откровениями умных ликом, и в этой стадии проявления она — насквозь идейна, эйдетична» (с. 42).

* * *

Феномен «Я», да и феномен сознания не уместается в прокрустово ложе натурализма. Но как же понять тайну собственного происхождения. Упростим позицию К. А. Свасьяна и в противовес позиции О. В. Суворова приведем мнение А. А. Любищева:

«...гегемония одного из направлений есть отказ от подлинной диалектики и забвение мудрого принципа: одним путем нельзя дойти до столь великой тайны».⁴⁵

И — повторю: оценка человеку — невозможно большая, она — вся вселенная. <...>

(А. Н. Марасов. Арабески. Ульяновск: Изд-во УГПУ, 2001, с. 153-154)

⁴² Марасов А. Н. И звук, и свет. Ульяновск: Издательство УГПУ, 1997.

⁴³ Шрейдер Ю. А. Неправомерная альтернатива // Новый мир, 1990, № 7.

⁴⁴ Свасьян К. А. Феноменологическое познание. Ереван: АН Армянской ССР, 1987. Логос — первоначально — слово, речь, язык, позже, в переносном смысле — мысль, понятие, разум, смысл. Эйдос — образ, понятие, вид (Философский энциклопедический словарь, М., 1999). «Эйдос — наглядное изваяние смысла... явленная сущность» (Лосев А. Ф. Бытие. Имя. Космос. М.: Мысль, 1993, с. 69).

⁴⁵ Любищев А. А. Редукционизм и развитие морфологии и систематики // Журнал общей биологии, 1977, № 2, с. 262.

0.10. Счастье, воля, свобода, ответственность...

Из книги Г. Тульчинского «Постчеловеческая персонология»
(2002)⁴⁶

<...> Человек, в конечном счете сам хозяин своей жизни. Он не может жить в бессмысленном мире и он всегда способен придумать оправдание и смысл своей жизни и своих поступков. А поскольку у каждого свои жизненные цели, то и оправдание свое всегда найдется. Но есть цели и смыслы универсальные, когда ты, даже едучи затылком вперед, чувствуешь — туда надо, там тепло. Например счастье. «Человек создан для счастья, как птица для полета». Не больше и не меньше. Счастлив и оправдан. Не зря живет. <...>

У разных людей все-таки конкретные и различные представления о счастье, о желаемом должном. Причем зачастую они радикально отличаются от конкретных условий реальной жизни. Как известно, везде хорошо, где нас нет. Стремление к трансцендентальным целям — важная составляющая мотивации. Но дисбаланс должного и сущего может быть нарушен. <...>

И тогда сам собой напрашивается вопрос — что же мешает счастью? Не было бы счастья, так несчастье помогло. Весь российский и советский духовный опыт, кашу которого мы расхлебываем до сих пор, заварен на этом вопросе. И на ответе, который пронизывает, объединяет сознание и искания интеллигенции, великую русскую литературу. Мешают обстоятельства, мешает среда. Мешают условия, обстоятельства места, времени, образа действия и т. д. Ведь что такое знаменитые «лишние люди» — Чацкий, Онегин, Печорин, Обломов и прочие «дяди Вани»? Таланты, прекрасные души, невостребованные плохой средой, «лучи света в темном царстве». Неважно, что остается неясным — как это среди такого окружения, среди всех этих «мертвых душ» берутся такие алмазы самородные. Среда, «не то» время, «не те» люди — не только их не понимают, но и губят.

Сама собой напрашивается и программа — убрать среду, отвергнуть, изменить условия и обстоятельства. И вот уже разворачивается нравственная трясина нигилизма, бесовщины, революционаризма с их насилием и оправданием человекоубийства. Счастью народному царь мешает — убить царя. Неважно, что первой бомбой убит мальчик с корзиной, которого в упор не замечает и не хочет помнить героическая интеллигенция, пекшаяся о слезинке ребенка. Крестьянскому счастью кулаки мешают — убрать кулаков, а заодно и всех живущих лучше «несчастных». В духе построения чевенгуровского коммунизма: если коммунизм это когда нет буржуазии — расстреляем буржуазию. А если нет реальной

⁴⁶ Григорий Львович Тульчинский — докт. филос. наук, профессор Санкт-Петербургского университета культуры и искусства.

буржуазии, определим в нее тех, кто почему-то неугоден или просто не нравится. Удивительно, но счастье от этого не наступает. Это как с евреями — «виновниками» всех русских бед, по мнению некоторых радетелей народного счастья. Как недавно меланхолически отмечалось в одной статье, «в прошлом году уехало столько-то евреев, с начала года — еще столько-то, однако лучше почему-то не стало, скорее — наоборот.

Человек вне обстоятельств — самозванец, сверхчеловек по ту сторону добра и зла. Это нигилизм, поскольку отрицается и отвергается реальный мир. Но нигилизм, возведенный в степень нравственного максимализма. Абсолютное отрицание существующего, разрушение его, уничтожение. Это также и утопизм — поскольку предполагается на месте отвергнутого, разрушенного мира утвердить нечто идеальное, до сих пор нигде и никогда не существовавшее — у-топическое и а-хроничное.

Это не просто самозванство, а человекобожие — поскольку человек берется создать мир заново, сотворить его по своему разумению. Это полный правовой нигилизм и аморализм, нравственный беспредел, потому как если человек создан для счастья, то оправдан любой путь к счастью, оправдано любое насилие над обстоятельствами, мешающими достижению счастья.

<...> При всей любви к трансцендентальному преображение и творчество удаются в той мере, в какой осознается ответственность и утверждается добро. Поэтому проблема счастья не столько вовне, касается не столько мира внешнего, сколько мира внутреннего. И как же тогда быть с самим собой, если очень захочется счастья? Что такое освобождение от среды, отрешенность от внешних условий и рамок, «покой и воля»? Вечный кайф, «оттяг в полный рост», как говорят молодые. Апофатичное счастье взрывается пустотой и самоотрицанием. <...>

Счастье — не самозабвение, не нирвана вечного кайфа, а работа ума и души. Творческое созидание. Плетение ткани бытия, а не ее разрушение или выпадение из нее. Счастье — свобода, а не воля. Воля — лишь инстинкт свободы. Полноценная свобода — осознанное переживание своей вплетенности в реальность, своей укорененности в ней, своей ответственности за нее, сознание, что от тебя что-то зависит в ней. <...>

«Статус человека, — пишет мудрый Е. Б. Рашковский, — не есть статус самозамкнутый: человек — посредник между Богом и Вселенной, между Небом и Землей, между человеком и человеком. И следовательно, свидетель их непрерывной, живой и глубоко личной связи, перерастающей все условные рамки места и времени. И лишь признав это обстоятельство, человек может обрести в себе ту степень вдумчивости, ответственности и толерантности, когда обретается способность требовать от себя и прощать другим».⁴⁷

<...> Воля и свобода часто путаются. Российская свобода почти всегда — воля. Свобода совпадает с ответственностью. Там, где я свободен, я и только я отвечаю за свои свободные действия. Но и ответственен я

⁴⁷ Рашковский Е. Б. На оси времени. Очерки по философии истории. М., 1999, с. 191.

только там и только тогда, где и когда я свободен. В ситуации свободы я и к другим людям с необходимостью отношусь как к свободным. Ведь как я могу стать свободнее? Только отнесясь к другим как к таким же свободным людям, соотнеся свои интересы с их интересами, вступив с ними во взаимно свободные, то есть ответственные отношения. Сделать это я не могу против воли других, а только учтя их интересы, сочетая их со своими, переплетая их и сплетая тем самым ткань реальных отношений. Свободу мне приносит только обращенность ко мне других, их спрос на меня, на мой труд, на мои способности и т. д. Отвечая на этот спрос, ответив на него другим, я беру на себя новую ответственность и становлюсь свободнее. И есть ситуация воли. Когда я напрочь не учитываю интересы других: у меня есть идея и ради этой идеи, во имя ее, от ее имени я себя не жалею, но и других не пощажу, выступая фактически самозванцем.

Свободное общество потому и богатеет, что оно есть общество взаимно ответственных отношений, взаимного удовлетворения взаимного спроса, всюду плотно структурировано взаимно свободными (=ответственными) отношениями. В ситуации же воли интересы других людей меня не интересуют. Социальное пространство в таком обществе не структурировано. В нем, как шары в пустом барабане, носятся самозванцы со своими идеями о счастье, натыкаются друг на друга, отскакивают... Треску, шуму, грохоту много, а толку никакого до тех пор, пока не появится какой-нибудь суперсамозванец, который жестко выстроит всех по ранжиру своей воли. Итог ситуации свободы — созидание и творчество. Шум, грохот и их сила — результат социальной жизни в ситуации воли.

<...> Философия счастья — не имморализм наслаждения и не этика долга. Счастье — не самозабвение, когда личность распускается как мясо на сковородке. Оно есть переживание и сознание полноты сопричастности. Поэтому философия счастья есть философия спасения. Себя как личности и своих обстоятельств, за которые ты ответственен. Наверное, нас еще ждет школа счастья — реального, а не призрачного. А может быть, мы уже прошли начальный класс этой школы в советском опыте... Воля — инстинкт свободы. Свобода — сознание воли. Воля — самозванство и невменяемость. Свобода — самоопределение и самопреодоление. Постановка пределов и границ своей ответственности. Свобода — самоограничение воли? И да и нет. Да — как знание пределов. Нет — как выход к новым пределам и границам. На основе выявленного или созданного спроса. На основе новых вопросов и новых ответов.

Если свобода — мера моего «не-алиби-в-бытии», то она становится моей судьбой — конкретным содержанием проживаемой и переживаемой ткани бытия. Моя часть в общей ответственности за целое мира — моя жизненная доля и есть моя судьба. Но это моя судьба только в той мере, в какой я свободен=ответственен в этой доле. Столкновение волей, война волей усмирятся только самой сильной волей, насилием и выстраи-

ванием иерархии воли, как в стаде или банде. Парадокс в том, что чем ближе к вершине этой пирамиды, тем менее свободна воля. <...>

(Г. Л. Тульчинский. Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности. СПб.: Алетеия, 2002, с. 452-454)

* * *

[И в заключение этих «прологоменов» — некоторые трактовки и истолкования собственно содержания и смысла настоящей книги (ее первых двух томов) другими людьми. — А. А.]

0.11. «Стереоскопичная и достоверная картина переломного времени...»

[Ниже — извлечения из статьи Владимира Васильевича Кавторина «О нашем менталитете. Всерьез и не очень», опубликованной в журнале «Нева» (декабрь 2003). — А. А.]

<...> Я хотел бы обратить внимание читателей «Невы» еще на две публикации последнего времени — двухтомную монографию петербургского социолога А. Н. Алексеева «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» и мемуары бывшего политзаключенного Валерия Ронкина.⁴⁸

<...> Двухтомная монография А. Н. Алексеева — работа по определению автора «не вполне социологическая, но и не философская... Не мемуарная, но и не историческая...» — явление во многом уникальное в нашей социологии. Когда в 1980 году автор ее стал рабочим Ленполиграфмаша, это был всего лишь эксперимент «включенного наблюдения», попытка познать производственные отношения изнутри, но... «По всем классическим правилам и канонам включенного наблюдения, признает экспериментатор в самых первых же дневниковых записях, следовало бы «слиться со средой», пассивно приспособляясь к ней, и наблюдать за естественным ходом событий. И что бы «наблюли»? А лишь процесс гниения вкупе с самим загнивающим наблюдателем».

Для Алексеева эксперимент имел не только научный, познавательный смысл, но и чисто личный — его вела «скрытая надежда преодолеть всякие свои раздражающие себя слабости». Это осознавалось также изначально, как и вписанность эксперимента в ясно обозначившийся фон «ухода» части интеллигенции в иные социальные слои. Пи-

⁴⁸ Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1-2. СПб.: Норма, 2003; Ронкин В. Е. На смену декаблям приходят январы... Воспоминания бывшего бригадильщика и подпольщика, а позже — политзаключенного и диссидента. М.: «Мемориал» — «Звенья», 2003.

О Валерии Ефимовиче Ронкине, а также одну из его собственных работ см. ранее, в томе 2 настоящей книги: «Вместо заключения», раздел 2. (Примеч. А. А.).

сатели-дворники, художники-сторожа, музыканты-кочегары — характерная примета 80-х.⁴⁹

В этой атмосфере эксперимент «включенного наблюдения» быстро превращается в опасный вариант «наблюдающего участия», при котором поведение экспериментатора призвано «провоцировать социальные институты на соответствующие реакции, выясняя, на что же они способны, чего еще от них можно ожидать». Причем выясняется реакция социальных институтов именно на тот тип поведения, который диктуется официальной идеологией: активное участие в производстве, «хозяйское» отношение к делу, критика и самокритика... Оказывается, что именно такое поведение вызывает все более враждебные и жесткие реакции расширяющегося круга социальных институтов — от цехового начальства до КГБ и обкома КПСС. У экспериментатора устраивается обыск, изымается архив, его исключают из партии, Союза журналистов, Социологической ассоциации... А так как и защиту свою Алексеев преднамеренно строит на скрупулезном следовании официальным идеологическим канонам, то мы получаем масштабную картину противостояния официальной (провозглашаемой) и фактической (поведенческой) идеологии власти.

Некоторые периферийные сюжеты дают работе естественное развитие вширь (социологический портрет сибирского села Викулово, созданный учителем А. Давыдовым), в прошлое (материал о революционере и краеведе С. Поршнякове из г. Боровичи) и даже в будущее (анализ истории шахтерских забастовок) от основного сюжета. Все это многократно и сверхнадежно подкрепляет один из основных выводов автора: «Следует отдавать себе отчет в том, что как и в прежнем (советском), так и в нынешнем (постсоветском) обществе чрезвычайно велик разрыв (доходящий до диаметральной противоположности!) между **реальностью** социального, народного уклада жизни и ее **отражением**, в частности, в официальной идеологии и документах управляющих институтов. <...> Подобно тому, как реальность “развитого социализма” вовсе не соответствовала господствующим представлениям о “развернутом строительстве коммунизма”, так и — в не меньшей мере — современная российская действительность решительно противоречит ныне прокламируемым у нас... нормам рыночной экономики, правового государства, социальной защищенности, демократии и т. д. Но если диаметрально противоположные общественные проекты равно неадекватны (как тогда, так и теперь) реальному положению дел или, если угодно, социальная действительность опровергает и дискредитирует любую “программу”, то не означа-

⁴⁹ Подобная ситуация характерна для всякого общества, беременного серьезными переменами. В 1850-е дворянские сыновья вдруг стали уходить в ученые, в педагоги, накануне революции усиленно «опрошались» толстовцы... Многочисленные примеры того же рода из самых разных эпох приводит А. Тойнби, описывая ситуации «ухода-и-возврата». (Примеч. В. К.).

ет ли это, что глубинные общественные процессы совершаются и трансформируются во многом **независимо** от этих предначертаний?» И далее: «Самовоспроизводство и наследование (преемственность!) социально-культурных моделей и стереотипов поведения в любой сфере (не исключая управленческую) могут вполне совмещаться с радикальной трансформацией общественной “надстройки” и даже “базиса” (в марксистском смысле). Вообще закономерности смены (замещения, трансформации) моделей индивидуального и коллективного социального поведения — принципиально иные, чем закономерности перехода от одних форм социальной ориентации⁵⁰, “экономики и политики” к другим».

Действительно! Ни одна, казалось бы, «модель социального поведения» не была так надежно сломана и утоплена в крови советской властью, как стремление интеллигенции к независимости, к поведению, диктуемому лишь собственным пониманием ситуации. Но!.. Составленный автором список «только **инициативной** и только **публичной**» поддержки опального социолога-экспериментатора в его конфликтах с различными властными институтами содержит 39 эпизодов с участием более чем 70 человек! Социальная модель независимого интеллигентского поведения возрождается как бы сама собой, хотя, строго говоря, механизм этого возрождения являет собой сложный сплав спровоцированного социального подражания (мимесиса, по терминологии А. Тойнби) и самостоятельного осмысления реальных противоречий, наглядно обнажающихся в результате эксперимента социолога-рабочего.

Особую ценность монографии А. Алексеева придает то, что она представляет нам объемный массив жизненных коллизий и социальных конфликтов, документально зафиксированный (дневники наблюдающего участия, письма, протоколы, различные служебные документы) по горячим следам, уникальную по своей стереоскопичности и достоверности картину переломного времени, которая, вероятно, не раз еще станет предметом анализа не только социологов, но и историков, и психологов — всех, кого интересуют секреты вызревания общественных перемен.

Но вернемся к главному — к традиционному для России «разрыву» между социальной реальностью и ее отражением. Заметим, что этот разрыв есть точка, в которой тревоги многих наших авторов сходятся. Ведь только сближение «отражения» с «реальностью» позволит рационализировать дальнейший процесс общественных перемен, сделав его прозрачным и предсказуемым, и тем самым не только избежать многих бед, но и ускорить его. Соглашаясь с тем, что главное средство этого — «интенсификация социокультурной рефлексии и рефлексивности» (О. Яницкий), так и с тем, что «наше общество приобрело новое качество открытости к изменениям» (А. Алексеев), а следовательно, стало и более познаваемым, я хотел бы подчеркнуть, что скорость этого процес-

⁵⁰ Здесь — неточность в цитировании. В книге: не «социальной ориентации», а «социетальной организации» (см. Алексеев А. Н. Указ. соч., т. 1, с. 25). (Примеч. А. А.).

са (а скорость его для нашего общества, возможно, вопрос жизни и смерти!) будет зависеть и от того, удастся ли наладить здесь широкий обмен мнениями представителей самых разных научных дисциплин. <...>

В. Кавторин

(Цит. по: Нева, 2003, № 12, с. 220, 222-224)

[Кроме вышеприведенного отзыва в рамках статьи В. Кавторина в журнале «Нева» (2003, № 12), см. также моно-рецензии на первые два тома «Драматической социологии и социологической ауторефлексии», опубликованные в: «Социологическом журнале» (2003, № 2; авт. — В. Григорьев) и в «Новом литературном обозрении» (2004, № 6; авт. — Д. Равинский).

Обе эти рецензии включены в том 4 настоящей книги (глава 23). — А. А.]

0.12. «Здравствуй, племя младое, незнакомое!..» (1)

...Различая три компоненты образовательного пространства: информационное, воспитательное и развивающее, — можно утверждать, что системная триада образования, выполняя синтезирующую роль, должна включать в себя и передачу знаний (рацио), и воспитание стиля (эмоцио), и развитие умения (интуицио). Целостно образованный человек ощущает себя понимающим («счастье — это когда тебя понимают»), участвующим («без меня народ не полон»), творящим (синергия — сотрудничество человека с Богом)...

Р. Баранцев. Образование есть осилие (2003)

[Ниже — оказавшиеся в моем распоряжении тексты учебных работ студентов-социологов 3-го курса Национального университета «Киево-Могилянская академия», прослушавших курс «Биографический метод в социологических исследованиях» (2004). Преподаватель — Р. И. Ленчовский⁵¹ — использовал тома 1 и 2 книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» как пособие и пример для изучения и разбора, а контрольную работу предложил написать в форме личного письма (вполне достойный, хотя и подзабытый жанр академического общения и биографического дискурса).⁵²

Стоит заметить, что киевские студенты принадлежат к «поколению 1984 года (рождения)», года — не случайного для основного сюжета этой книги. — А. А.]

⁵¹ Роман Иванович Ленчовский — киевский социолог и философ, один из соавторов настоящей книги. См. подробнее о нем, а также его собственные работы в томе 1: разделы 6.2-6.4; в томе 2: разделы 8.9, 9.4, 9.5 и др. В настоящее время Р. Л. работает в Киевском международном институте социологии.

⁵² Все тексты датируются июнем 2004 г. Язык оригинала — украинский. Публикуются в переводе самих авторов (кроме замыкающего подборку «письма господину преподавателю», где перевод выполнен В. Очаковским). Тексты студенческих работ публикуются в сокращении.

Ольга Гарыгина

...Поздравляю себя
с этой ранней находкой, с тобою,
поздравляю себя
с удивительно горькой судьбою,
с этой вечной рекой,
с этим небом в прекрасных осинах,
с описанием утрат за безмолвной толпой магазинов.

...Слава Богу, чужой.
Никого я здесь не обвиняю.
Ничего не узнать.
Я иду, тороплюсь, обгоняю.
Как легко мне теперь,
оттого, что ни с кем не расстался.
Слава Богу, что я на земле без отчизны остался...

(сл. Иосифа Бродского, «От окраины к центру»;
муз. Светланы Сургановой, «Неужели не я»)

Дорогая моя Олеся!

Думаю, ты сейчас вся в работе, впрочем, как всегда — ни минуты покоя. И все-таки, когда будешь ехать в маршрутке и подсознательно придумывать, чем бы себя занять, вспомни нашу защиту курсовых. Помнишь, когда М. защищала свою работу по методу наблюдения, С. Н. попросила назвать несколько классических примеров использования этого метода. Она была удивлена, что никто не назвал советского социолога Алексеева, который из института ушел на завод — получается, включенное наблюдение. Честно говоря, мне даже стыдно стало, что я не знаю про такие интересные факты, особенно, в отечественной социологии. Вот я и решила, что нужно ситуацию исправлять. Это была одна из ключевых причин, почему я слушаю курс «Биографический метод в социологии». <...>

Если честно, прочитать книгу полностью так и не удалось, жаль... но познакомиться с этой работой все-таки следует. То, что социолог из кабинетной работы уходит на завод — это далеко не все. Пересказывать содержание книги не имеет смысла. Укажу только несколько сюжетных линий — отношения с органами власти в рамках партийной системы. Объектом исследования становятся не рабочие, а сам автор, и не в заводских условиях, а в системе. Еще раз это слово — система — одно из моих самых любимых: системность — организованность — стратегичность — успех... Для А.⁵³, наверное, другое: границы — пресс — давление...

В этом, наверное, пик мастерства — все, что ни было, себя, жизнь, угрозу — в исследование, в эксперимент. Прекрасная черта человека — выйти за границы самого себя, там оглянуться, посмотреть на себя, еще и посмеяться... над собой, не глумиться, а так социологически смеяться. Противно — стоять и разводить руками, но А. не так себя ведет: «Перемен не надо ждать. Их надо делать!» или же «Судьба мне опять поставила точку на Фролов день,

⁵³ Здесь и далее в оригиналах документов — фамилия.

а я ей запятую, запятую...». Хочется крикнуть: правильно, так ей и надо, не останавливайся, вперед, ведь интересно же, что будет дальше, ведь жизнь — игра, в нее играть надо, «ходы» делать.

Кажется, я уже пишу не про книгу — больше про себя. А вдруг это и был авторский умысел? Ведь в книге столько цитат, выписок и автор интерпретирует их по-своему. Почему же я не могу использовать этот материал для подпитки почвы собственных установок — книга тем и хороша.

Знаешь, я сейчас читаю «Парфюмера» — намного более увлекательная книга, абсолютно увлекательная, даже тоталитарная. Значит, работа А. более демократична — не знаю, можешь ли ты представить себе театральное представление, зрители которого в любой момент могут стать участниками. Я не про то, что книга меня настолько впечатлила, будто описанные там события происходят со мной. Вполне предсказуемый сюжет — интересная форма. Это дневник, но также и сборник писем — не формальных, а более интимного характера, также подборка статей, и афоризмов, и стихотворений, и собственные «перлы».

«Нарушать формально установленные правила — хлопотно; нарушать правила, которые не догадались формально установить, — интересно».

Any comments? Даже сказки Толкиена нашли здесь себе место:

«...Поход в Мордор кажется безрассудным. Так пусть безрассудство послужит нам маской, пеленой, застилающей глаза Врагу. Ему не откажешь в лиходейской мудрости, он умеет предугадывать поступки противника, но его сжигает жажда всевластья, и лишь по себе он судит о других. Ему наверняка не придет в голову, что можно пренебречь властью над миром, и наше решение уничтожить Кольцо — поход в Мордор — собьет его с толку...».

Все-все-все, прекращаю — захочешь, считаешь. Интересно, знает ли А. про Live Journal, ему бы это точно понравилось. Его книга почти то же самое, только глубже, серьезнее, и вместе с тем более запутано <...>.

Р. S. Хотя я и обещала не пересказывать смысл книги, но не могу же умолчать про метод, который А. предложил. Он назвал его «наблюдающее участие». Обрати внимание: «наблюдающее» в роли определения, акцент на «участии». Чувствуешь, чем отличается от «включенного наблюдения», где «наблюдение» основное слово? Так что вновь возвращаемся: «...запятую, запятую...» Наблюдая изучать — интересно, но еще интереснее **изучать изменения, вмешиваясь**. Движение, действие, леопард, который просыпается, потому что знает, что антилопа будет убегать, антилопа, которая просыпается, потому что знает, что леопард будет охотиться за ней. <...>

Андрей Малюк

Привет, Михаил!

Вот и пришло время, когда есть о чем писать. На днях в Киеве будет А. Ш. — чудесный повод для меня получить удовольствие от тематики социальных сетей и провести исследование. Кроме того, я вижу какие-то изменения в самом себе: теперь мне плевать на вещи, которые делаются с непомерными усилиями, нехотя. А полет к настоящему, своему, любимому набирает обороты. <...>

Пару дней назад мы с И. <...> поехали ко мне на дачу — в абсолютном спокойствии читали книги <...>. Об одной из этих книг хочется рассказать — «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» А. Н. Алексеева. Да, это именно та книга, в которой рассказывается о генеральной линейке прессов на одном из советских заводов, дальше — сопоставления с генеральной линией Партии, и все последствия этого (надеюсь, Вы помните тот наш разговор). Но история с генеральной линейкой является лишь поворотным пунктом самой рефлексии автора — я нашел более ценные вещи, которые удовлетворяют не только мой научный интерес, но и глубокие личные параллели. Жаль лишь, что книга доступна только в библиотеке, а купить ее просто невозможно. <...>

Так вот, представьте себе рабочего советского завода со всеми его (заводскими) нормами действий и официально пропагандированными практиками (системой контроля), но с одной деталью — этот рабочий в силу своей социологически-философской натуры может видеть и анализировать повседневные практики. **В книге нет ни слова о теории социальных сетей, но она заметна на каждой странице (между строк).**⁵⁴ Правда, может именно это мешает мне брать отсюда все ценное в силу моей заангажированности в некоторых вопросах. <...> Интересно будет перечитать эту книгу лет так через 10 и увидеть, как изменились акценты моего внимания (что стало основным). <...>

В завершение приведу пару цитат из книги:

«Почему бы не возникнуть “соблазну” стать безусловным “творцом своего счастья” (как это ни банально звучит), “осчастливив” или, по меньшей мере, “одарив” собою ближнего... «А вот чтобы отдать — нужно, чтобы приняли»... «Счастье — дар, который сумели принять»!⁵⁵

Я счастлив, что вокруг меня есть люди, которые принимают этот дар. <...>

Р. S. Пример эпиграфа, который соответствует моему контексту чтения этой книги:

«...Каждый переделывает и изменяет самого себя в той мере, в какой он изменяет и переделывает весь комплекс взаимоотношений, в котором сам он является узлом, куда сходятся все нити...» (Антонио Грамши).

Валерия Мирошниченко

Привет, О.!

Вот и ко мне приближается сессия, а вместе с ней — письменные работы. Так вышло, что одна из них будет адресована тебе. В этом триместре мы слушали курс «Биографический метод в социологии», который был построен вокруг книжки А. Н. Алексеева «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия». Название страшное, но содержание довольно интерес-

⁵⁴ О современной теории социальных сетей автору книги, признаться, известно мало. Тем интереснее будет когда-нибудь ознакомиться с интерпретацией эксперимента социолога-рабочего в терминах этой теории, что, как мне стало известно, предпринято в ныне успешно защищенной дипломной (бакалаврской) работе Андрея Малюка (руководитель — Р. Ленчовский). — А. А. Июнь 2005.

⁵⁵ Из текста Р. И. Ленчовского. См. в томе 1 настоящей книги: раздел 6.4. (Примеч. А. А.).

ное: это рассказ о «приключениях» социолога-рабочего, который заскучал в Институте социально-экономических проблем и решил провести включенное наблюдение на заводе в рамках (по крайней мере, сначала в рамках) исследования, тема которого звучала приблизительно так: «Социологические и социально-психологические проблемы инновационных процессов в условиях социалистического производства». Для этого уволился из ИСЭПа и устроился на завод рабочим. Со временем он изменил акценты в словосочетании «включенное наблюдение» и предложил название нового метода исследований — «наблюдающее участие». А. работал на заводе с 1980 по 1988 год.

Приблизительно через полгода после начала наблюдения социолог-рабочий подал в ИСЭП первый отчет. И началось самое интересное: результаты наблюдения абсолютно не отвечали «идеологическим» ожиданиям некоторых коллег А. Позже на этой почве возникло «дело» социолога-рабочего, к которому приобщили тексты его писем-дневников («Письма любимым женщинам»), письма М. Цветаевой, книгу Дж. Оруэлла «1984» и прочие материалы, найденные во время обыска в его квартире. А. исключили из партии, Союза журналистов, уволили из ИСЭПа. Так «производственный» эксперимент превратился в «социально-личностный». А. сделал объектом наблюдения самого себя.

К сожалению, я не успела дочитать эту книгу до конца (все-таки 2 тома, изобилующие официальными документами, производственными записками, техническими подробностями производственных процессов и т. д.), и возможно поэтому у меня не сложилось завершеного, целостного представления о ней. Остались лишь отдельные мысли.

Самая интересная для меня сюжетная линия, которая проходит через всю книгу, — проблема взаимодействия человека и Системы. А., мне кажется, очень удачно описал стадии познания человеком Системы: от мистического ужаса через разочарование и попытки ее усовершенствования — к уверенности в кривизне «генеральной линейки». Не удивительно, что эта линейка потом «ударила его по голове». <...> Интересно также проследить механизмы, с помощью которых Система пытается манипулировать людьми, и возможности «подрыва» Системы путем выполнения всех ее формальных правил.

Но более всего меня поразила позиция самого А. в этой истории. Для Системы он — «идеологический отступник», опасный для ее существования; в то же время он идентифицирует себя с «идеализированной» Системой и, как мне показалось, довольно искренне демонстрирует свое коммунистическое мировоззрение в противоположность его «искривленной» («системной») форме. Мне интересно, насколько мировоззрение личности зависит от типа системы, в которой она *[личность. — А. А.]* функционирует (досадно, что «эксперимент» закончился в 1989 году), и существует ли обратная зависимость между деформациями одной и той же системы и доминантными в данном обществе умонастроениями.

Заслуживает внимания и предложенная А. формула разгильдяйства: незаинтересованность + некомпетентность + безответственность. Мы с Ульяной старались вообразить, будет ли существовать разгильдяйство при условии отсутствия хотя бы одного из этих слагаемых. Пришли к выводу, что не будет, и решили считать эту формулу совершенной и универсальной. Интересно, что во втором томе А. приводит отрывки из статей Р. Г. Баранце-

ва, посвященных анализу системных триад, и сама собой напрашивается параллель: **«рацио-эмоцио-интуицию» — «некомпетентность-незаинтересованность-безответственность».**

Во время прослушивания этого курса мы и сами оказались в довольно интересной ситуации: наш преподаватель привез из Петербурга 10 книжек А., чтобы студенты могли их прочесть, и сдал их в библиотеку, где они, путешествуя по отделам, «осели» на полках бакалаврского книгохранилища. Студентам их, конечно, домой не выдают. Похожую ситуацию наблюдал на заводе А., когда приходилось «обходить» технический (или технологический?) отдел, чтобы пробить на деталях дырки нужного размера. Так и у нас: библиотечные книжки «безопасно» стоят на полках, а мы «зачитываем» собственные экземпляры наших преподавателей.

Но я чувствую, что начинаю утомлять тебя своей «социологической» болтовней, которая тебе, как информатику, наверное, мало интересна. Тем не менее, как говорил Хаксли, друзья для того и нужны, чтобы подвергаться тем наказаниям, которые мы хотели бы, но не можем обрушить на наших врагов. Поэтому передавай привет нашему общему приятелю-автолюбителю, и пока! <...>

Р. С. «Что сказать мне удалось — не удалось...»

О., это послание я пишу как комментарий к моему последнему письму. Попытаюсь объяснить тебе (впрочем, и себе тоже), что я хотела <...> сказать в этом письме.

Сначала цитата:⁵⁶

«...Правда, несколько парадоксально, что письмо, адресованное конкретному человеку и потому допускающее преувеличение, недоговоренности, условности, приобретает со временем большую характеристическую ценность, чем взвешенные тексты, предназначенные для публикации. Секрет, видимо, в том, что в письмах сохраняются эмоциональный и интуитивный компоненты, которые необходимы для целостной картины, но которые в научных изложениях принято изгонять...» (Р. Г. Баранцев)

Это ответ: что я хотела сказать, показать, передать... Удалось ли это мне? Думаю, что нет. Объясню, почему, как мне кажется, не удалось. Еще одна цитата:

«Есть письма-сообщения (деловые и дежурные), и есть письма-воплощения.

...Сверхзадача письма-воплощения не в реакции читателя. Оно вообще вроде бы пишется себе. Адресат в нем как будто не более чем «сюжетная» фигура, способ организации речения к себе. Но только вроде бы и как будто. Ведь в этом речении я тщу не примерить по случаю, чтобы предвосхитить (как при знакомстве), а приживить себе глаза другого, и увидеть мир и себя его глазами столь же «натурально», как своими. И если мое тщание не тщетно, если сообщаемость каналов восприятия достигает степени их полной открытости, фильтры эгоцентризма, при примерке для предвосхищения сохраняющиеся, — устраниваются. Мое «я» уже не торчит передо мной, озабоченное желаемой реакцией. Оно уходит на периферию восприятия и переживания, как и другой в его «друговости» маячит где-то на заднике сцены, а на авансцене погружение себя в другого и другого в себя — единство. Разговор с собой оказывается тогда разговором собой, себя забывшим: мною говорит единство, и я не более, чем его гортань...» (Анри Кетегат. О письме-воплощении, или «пересекающиеся круги». Рукопись. 1984).

⁵⁶ Здесь и далее автор письма цитирует некоторые из текстов, использованных в первых двух томах настоящей книги в качестве эпиграфов.

В данном случае ты как адресат и была (не «как будто была», а была на самом деле!) лишь «сюжетной фигурой», как бы ни было неприятно это говорить. Точнее, ты была лишь формальным адресатом, поэтому у меня и не вышел «разговор с тобой»: наверное, подсознательно я все-таки старалась не «приживить», а «примерить» на себя твои глаза (а возможно, даже не твои). Отсюда — эмоциональная сухость моего письма. Ведь если что-то пишешь, то воображаешь своего реального читателя, а не формального. Хотя, вспоминая свое письмо, думаю, что местами я все-таки «подыгрывала», делая тебя не только формальным, «сюжетным» адресатом. Но лишь местами.

Мой же реальный читатель очень хотел увидеть в письме эпиграфы из книжки А., которые мне понравились. Эпиграфы так эпиграфы; даже самой интересно их просмотреть, поскольку книжку я читала в условиях критической нехватки времени и потому длинные эпиграфы и другую «лирику» просто пропускала. Потом, когда поняла, что дочитать до конца все равно не успею, просмотрела приложения к разным главам, статьи «со-авторов» Алексеева и поняла, что именно это, наверное, и было самым интересным. Надеюсь после сессии наверстать упущенное.

<...> Я перелистала приблизительно полтора тома <...> и в результате написала несколько эпиграфов, которые мне просто понравились, и несколько таких, которые отображают мое отношение к определенным аспектам произведения А. и к тому, что я пишу сейчас. Две цитаты, приведенные выше, принадлежат как раз к последней категории.

Цитата относительно «читабельности» «Драматической социологии...»:

«Представьте, что в середине “Трех мушкетеров” вставлено описание приемов фехтования. Читатель наверняка пропустит эти страницы. А мне надо было заставить читателя прочесть эти сведения, поскольку это **и есть самое главное**» (Д. Гранин. Эта странная жизнь).

Когда А. вставлял этот эпиграф в текст своей книги, он, наверное, воображал в роли читателя кого-угодно, но никак не студента-третьекурсника в предчувствии каникул и с остатками «весенней эйфории»... Интересно, что бы смог «заставить» этого студента полностью это прочитать? Наверное, такие произведения не следует читать второпях.

Теперь то, что мне понравилось:

(1) «Люди — робкие — не могут понять, что лед трещит и рушится под ногами — это самое доказывает, что человек идет; и что одно средство не провалиться — это идти не останавливаясь...» (Л. Толстой — А. Герцену).

(2) «...Когда меня спрашивают, кто же я: пессимист или оптимист, я отвечаю, что мое знание пессимистично, но моя воля и надежда оптимистичны...» (А. Швейцер).

(3) «...И мне освободят одно из мест
И, умиляясь, зов души услышат,
И на меня рецензию напишут,
Правдивую, как ордер на арест» (Д. Дебелянов).

Объяснять эти эпиграфы тебе не буду. Во-первых, приблизительное содержание произведения ты знаешь. А во-вторых, какой-то умный человек сказал, что эпиграф лишь тогда удачен, если не требует объяснения. Приведенные эпиграфы — удачные. По ним можешь судить о характере отдельных глав.

Только что перечитала написанное и поняла, что то, «что сказать мне удалось» — не удалось, а то, что сказать не удалось, наверное, уже и не удастся. И вдобавок сейчас два часа ночи, поэтому мне остается «телепатически» пожелать тебе приятных сновидений и попрощаться. Надеюсь на скорый ответ на это письмо (точнее, *postscriptum*, который оказался неприлично длинным). <...>

Юлия Романюк

<...> Помнишь, я писала о курсе «Биографический метод в социологии» и даже рассказывала о некоторых вещах, которые меня... можно сказать, зацепили на лекциях. Поэтому мне будет немного проще <...> описать свои впечатления от почти прочитанной книги. <...>

Автор книги (название книги довольно сложное...) <...> занимался чем-то похожим на то, чем иногда занимаюсь я. В своих письмах к «любимым женщинам»... даже сложно сказать, что именно он описывал. На первый взгляд, это описание разных ситуаций, случаев, участником которых он, социолог, стал после перехода на завод. <...> Честно говоря, мне кажется, что место проведения эксперимента не имеет значения. Он наблюдал жизнь, пропускал ее через себя, делал интересные выводы, и, уверена, сделал бы такие же выводы даже не работая в «производственной организации». <...>

Сначала я читала ее */книгу*. — А. А. /довольно невнимательно, сложно было продираться сквозь мудреные социологические или технические места. Но когда я приноровилась к стилю автора, начала читать внимательнее. И читалось это как художественная книга. <...> Мне попало несколько мест, настроение и содержание которых совпало с моим состоянием. Такие фразы мне действительно помогают. <...>

«Все, что случается с человеком, похоже на него самого». Я даже остановилась, когда прочитала это. А потом начала анализировать разные события из собственной жизни. Мне стало весело. Будь она проклята, эта фраза, но она правдива! Что это означает для меня в будущем, еще не знаю. Но знаю наверняка, что со мною не случится того, что раньше <...>. Поскольку те обстоятельства и ситуации изменили меня до неузнаваемости. Хотя, наверное, где-то глубоко в душе мне совсем не хотелось меняться. (Представляю, что подумает мой преподаватель, когда прочтет это. Но это не столь важно. Главное, что после писания таких писем мне всегда становится легче).

Еще одна мысль, ну очень актуальная для меня: «Кошка, которая знает, чего хочет, всегда это получит». Это вывод из совсем обыкновенной ситуации на заводе, а как подходит ко всей нашей жизни! Вообще: ко всем жизненным сферам, и особенно ко мне. Я довольно часто жалуясь (только тебе), что мне чего-то не хватает. И в этом виновата я сама. Потому что почти никогда не знаю, чего хочу. Вот такой магический круг. Но я над этим задумалась, значит перешла на более высокий уровень, а значит, скорее смогу что-нибудь изменить.

Ну и, наконец, мысль о победах невзначай. Это, когда ты что-либо делаешь и в результате получаешь нечто большее, чем ожидал. Опять-таки пример заводской ситуации. А. Н. считает, что именно такие победы являются единственно настоящими. Я не совсем согласна. Победа — это всегда ожидаемая,

выстраданная победа. А небольшое и, главное, неожиданное дополнение есть не что иное, как свидетельство того, что ты все делаешь правильно, что ты выбрал правильный путь. Кажется, я тоже умею делать кое-какие выводы.

<...> Это задание не было легким, но оно, несомненно, было самым приятным.

До следующего сеанса связи!

Р. S. Я вспомнила еще одну вещь, которую должна обязательно тебе написать (точнее, две). Первое — фраза-эпиграф самого А. Н.: **«...даже если вы трудитесь на благо человечества, вы делаете это для своего удовольствия»**. Я с этим полностью согласна. А вторая — самый первый эпиграф — молитва. Дословно не помню, но все же: «Господи, дай мне силы изменить то, что я могу изменить, терпеливо принять то, что я изменить не могу, и мудрость отличить одно от другого». Великое количество ошибок мы делаем именно из-за неумения различать эти две вещи. Это прекрасное начало для книги заставляет подумать, готовит наши «мозги» к тому, что это книга о жизни. Я бы даже сказала — о жизни в жизни, и для жизни. Ну и, конечно, для изменения своей жизни (в лучшую сторону) и для изменения самого себя. <...>

Анастасия Рябчук

<...> Читать, правду говоря, было немного тяжело — ты, наверное, помнишь, как еще в школе не любила длинных романов и спрашивала: «Неужели нельзя короче и по сути?» Но я должна признать, что эта книга была для меня самым большим (ну, и единственным) в этом триместре открытием. Во-первых, это хороший пример качественного исследования, а ты же знаешь, что я предпочитаю качественные методы количественным. Как сам Алексеев в одном из эпиграфов цитировал Ясунари Кавабату: **«Один цветок лучше чем сто передает природу цветка»**.

<...> Об опыте социолога на заводе, его конфликтах с начальством и партийными органами я тебе сейчас в письме писать не буду. К тому же сами по себе описания являются достаточно стандартными — конечно, каждый исследователь, который проводит включенное наблюдение, будет вести дневник, в котором в наименьших подробностях будет записывать все события. Но мне у А. интересным было то, что он не просто описывает, а переживает все события, а в его исследованиях присутствует еще и эмоциональная часть. <...> Он понимает, что чтобы действительно понять проблему, нужна коммуникация. Он начинает писать письма (к тому же женщинам — не потому ли, что они более эмоциональные и творческие?), с помощью которых пытается понять смысл того периода жизни, который он провел на заводе.

Мне эта идея с письмами очень понравилась еще и потому, что я ее теперь смогу использовать для своего исследования с бездомными. <...> Поэтому жди следующего письма от меня в стиле А.!

Р. S. Я тебе выписала слова Ясунари Кавабата, что один цветок лучше, чем сто, передает природу цветка. <...> Как важно нам, социологам, об этом помнить: потому что мы часто смотрим на цифры, репрезентативные выборки и т. д., и забываем о людях.

<...> Когда мы еще маленькими детьми спрашивали маму, кого она больше любит, она отвечала: «Я каждого люблю». И я только сейчас обратила внимание на то, что она говорила «каждого», а не «всех»: ведь любить нельзя всех, а можно любить только каждого: так и понять можно **каждого, а не всех**. И в наших исследованиях мы должны помнить о ценности каждого человека — о ценности каждого цветка, без которого ни букет, ни сад, ни луг не будет полным. <...>

Мария Фирсова

Здравствуй, дорогой друг!

Пишу тебе, чтобы поделиться впечатлениями от прочитанного недавно 1-го тома 2-томной книги российского социолога Андрея Н. Алексеева «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия». Не буду пересказывать тебе содержание этой книги: во-первых, об этом кратко написано в учебнике В. В. Семеновой «Качественные методы. Введение в гуманистическую социологию» (с. 82), который, должно быть, хорошо тебе знаком, а во-вторых, я настоятельно рекомендую тебе самому прочитать эту книгу — она откроет для тебя 80-е годы XX века с точки зрения взрослого человека, социолога-профессионала. <...> Это время нашего раннего детства, а значит, мы не можем проанализировать его социальные аспекты, опираясь на собственный опыт, — в этом и заключался мой интерес к книге А. Мне было интересно посмотреть на то время глазами взрослого человека, узнать о тех жизненных нюансах, которые, возможно, я не могу понять самостоятельно до сих пор.

<...> Позволю себе не согласиться с пунктом, в котором В. Семенова пишет, что А. <...> интересовали лишь социальные нормы производственной организации и личностная адаптация к новым социальным условиям. Как пишет сам А. в предисловии к своей книге, предметом его исследования является комплекс «взаимодействие личности и общества», «человек в системе реальных производственных отношений», то есть реально предмет шире, чем тот, который упоминается в комментарии. <...> Одним из ключевых вопросов, которые рассматриваются и изучаются в книге, действительно является вопрос адаптации, но двух ее видов — **пассивной** и **активной** (адаптация индивида к социальным условиям и адаптация системы к потребностям и интересам личности).

Возможно, отсюда следует и некоторая некорректность формулировки смысла деятельности А. <...> В. Семенова пишет, что социолог-рабочий пытался во времена застоя активно противостоять социальной среде; думаю, это было не «активное противостояние», а «адаптация к себе» с использованием моделирующих ситуаций. Эти ситуации можно в определенной степени моделировать самому, для обострения социального явления или процесса, которые интересовали А. в первую очередь как социолога.

Считаю, что в этом комментарии необходимо было упомянуть о терминах, которые использует А., и о содержании методов, обозначенных этими терминами. Он говорит не о включенном наблюдении, а о **наблюдающем участии**

— акцентируя то, что он является участником всех событий, которые изучает, то есть уникальность состоит в единстве субъекта и объекта исследования.⁵⁷

Наблюдающее участие в собственной жизни и есть социологическая ауторефлексия. <...>

Р. С. Эпиграф, который мне очень понравился — мне кажется, что он передает суть исследования <...>:

«Что труднее всего? То, что кажется тебе самым легким: видеть перед глазами то, что у тебя перед глазами» (Гете).

Желаю тебе приятного чтения! <...>

Ульяна Ходоровская

Уважаемый господин Ленчовский!

Вы дали задание — вместо реферата написать письмо другу о прочитанной нами книге А. Н. Алексеева «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия». К сожалению, я очень редко переписываюсь с друзьями, поскольку у меня большинство моих друзей — киевляне, или учатся здесь. Поэтому мне хотелось бы написать письмо лично Вам. Можно?

<...> Я прочитала всю книгу господина Алексеева. Первое, что мне хотелось бы о ней сказать, это то, что я впервые столкнулась с **такой** книгой — я имею в виду **структуру** написания. Наиболее неожиданным было то, что книга сама по себе не является целостным текстом — позднейшей переработкой и пересмотром материала и событий предыдущих лет и подачей этого как монолитного текста, но является упорядоченным собранием не корреktированных документов, расположенных в порядке их появления на свет. То есть автор довольно оригинально подошел к созданию самой книги, к способу изложения материала. Должна сказать, что это много дает читателю — такая структура книги способствует <...> восприятию материалов как реальных документальных свидетельств о событиях, которые происходили в то время, а не как фантазии или выдумки автора. К тому же наличие фрагментов из дневника ученого позволяет четко проследить последовательность событий и причинно-следственную связь между ними.

Хотелось бы также отметить, что автор излагает материал последовательно и логично — в структуре нет «провалов» и «белых пятен», каждый следующий элемент исследования, каждое событие является четко и прозрачно привязанным к предыдущим, т. е. автор не опускает из текста важных элементов, даже если они и не были для него приятными (например, обыск, изъятие материалов, допросы, «разгильдяйство»). То есть изложение научного материала происходит последовательно и объективно <...>.

Кроме того, стоит отметить, что авторская интерпретация сопровождается более поздним комментарием — достаточно находчивым и таким, что обнаруживает принципиальную честность автора как социолога и как писателя по от-

⁵⁷ Полемика студентки Киево-Могилянской академии с Викторией Владимировной Семеновой, автором учебника по качественным методам в социологии, вышедшего в 1998 г., отчасти вызвана тем обстоятельством, что В. С. обсуждает книгу автора «Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего)», изданную в 1997 г., а Мария Фирсова — первые два тома настоящей книги, увидевшие свет шесть лет спустя.

ношению к читателю и к самому себе. Старший Алексеев как будто доброжелательно подшучивает над младшим Алексеевым, скажем так, за самоуверенность или наивность (как в случае требования возвратить материалы, изъятые во время обыска, которое старший автор назвал довольно наивным). Автор не скрывает свою сущность, не прилизывает ее, не стремится выглядеть совершенным. Он стремится к научной объективности даже по отношению к собственным чувствам в этой ситуации, насколько это вообще возможно.

Еще должна сказать, что для меня особенный интерес представили записи человека, который решился так резко сменить свое социальное окружение, статус, взяться за исполнение неизвестных до сих пор ролей. Мне кажется, что толчком к такой смене служил, разумеется, частично, и научный интерес, но в большей мере, как мне кажется, это была экзистенциальная потребность живого человека, и уж из нее возник интерес к сфере социальной организации процесса труда и особенностям адаптации к социальным условиям. Собственно, можно сказать, что А. Н., по природе своей человек наблюдательный и склонный к научному взгляду на мир: как из своего стремления изменить что-то в этой жизни он сделал качественное и оригинальное социологическое исследование (и даже изобрел при этом новый метод — наблюдающего участия), причем сумел сюда включить и неприятности от власти, которые его подстерегали.

Но необходимо отметить, что довольно трудно читаются некоторые разделы книги, именно ввиду большого количества научных терминов и сложности языка. Хотя оттого полезность этих отрывков не уменьшается. Просто, во время чтения бывает довольно трудно переключиться с жанра дневника или письма знакомому на жанр научного доклада.

Естественно, мое общее впечатление от книги — очень позитивное. Кроме того, что я узнала много нового про качественные методы в социологии и, в частности, о методах включенного наблюдения и наблюдающего участия, я также много узнала о времени, когда мои родители были молодыми. Словом, эта книга существенно расширила мой кругозор. <...>

Ремарка: угол зрения.

Порадуюсь тому, что студенты Киево-Могилянской академии — слушатели спецкурса, который ведет мой друг и соавтор Роман Ленчовский⁵⁸, не только прочитали, но и в значительной мере представили в своих работах такой ракурс читательского восприятия, на который рассчитывал автор.

Не следует, однако, думать, что «Драматическая социология...» повсюду встречает только отзывчивых и понимающих читателей. По крайней мере один, можно сказать, диаметрально противоположный вышеприведенным отклик (не студенческий!) будет помещен и откомментирован мною позже, в части 4 настоящей книги.

...А теперь вернемся к событиям четвертьвековой давности, на импровизированный полигон эксперимента социолога-рабочего. (Январь-апрель 2005).

---

⁵⁵ Программа этого спецкурса будет представлена в томе 4 настоящей книги: глава 23.

Из «Записных книжек» и «Заметок на полях книг» А. А. Ухтомского

...1. Реальность всегда хлопотлива. Свои мысли хороши уже тем, что они — свои!

2. Итак, понятно, что хочется заменить реальность своими мыслями и абстракциями, чтобы считаться отныне лишь с ними, своими мыслями и абстракциями, — но не с реальностью.

3. Но наука движется от абстрактного к конкретному хотя бы часто и против воли своих «жрецов». Как бы далеко ни заносилась научная мысль в своем увлечении абстракциями, как таковыми, наука принудительно движется от теории к реальности! От теории к человеку!

4. И самое трудное дело для каждого из нас — это надлежащая и неизбежная реальность Собеседника, — ближайшего человека, к которому направлена всякая наша мысль и слово.

5. Итак, — от теории к человеку, к реальному, ближайшему, осязаемому, живому человеку во всей его неожиданности поверх всех наших ожиданий и теоретических предвидений. От двойника к собеседнику!

6. Этот принцип: от теории к человеку и от своего двойника к самостоятельному собеседнику — как раз противоположен пресловутому принципу: «*De l'homme à la science*» [от человека к науке. — фр. — А. А.].

Настоящий путь, которым, хочет или не хочет, ведется наука, — это «*de la science à l'homme*» [от науки к человеку. — фр. — А. А.]...

... Именно в эмоциональном мышлении человек и творец и участник бытия. Здесь краешком ему приоткрыто быть одновременно (*move together...*) [двигаться совместно. — англ. — А. А.] и **волевым, и интимно-чувствующим, и напряженно проникающим мыслью участником того участка бытия, с которым сейчас соприкасается его жизнь.** Ведь **воля, эмоция и мысль** в их отдельности это только абстракции! Дело идет обыкновенно лишь о преобладании той или иной из этих сторон жизнедеятельности. Дон-Кихот, Петрарка и Кант берутся за крайние типы. Но ни у одного из них нет исключительного действия только одного элемента пресловутой триады. В действительности они неразрывны!..

...В доминанте мы имеем непрерывную спайку **действия и познания:** это две стороны одной и той же активности, — лицевая сторона и изнанка, форсирующие одновременно и в одних и тех же условиях, таким образом и расстройство одной и другой стороны идет одновременно бок о бок...

(Цит. по: А. Ухтомский. Заслуженный собеседник. Этика. Религия. Наука. Рыбинск: Рыбинское подворье, 1997, с. 205-206, 224, 439)

Часть 3. Полигон

Глава 11. Человек в системе производственных отношений «развитого социализма»

Несколько вступительных слов

Читательскому вниманию предлагается статья «Человек в системе реальных производственных отношений (опыт экспериментальной социологии)», написанная в июле-сентябре 1983 года, в качестве научного отчета о первом этапе эксперимента социолога-рабочего (1980-1983). Этой работой охватываются события и обстоятельства эксперимента, освещенные ранее в форме «писем-дневников-отчетов» друзьям, с которыми читатель, возможно, уже знаком.¹

Данной работе предшествовала другая — на ту же тему: «Социальные нормы производственной организации и жизненная позиция личности (из опыта «экспериментальной социологии)», — опубликованная в сборнике «Социальные проблемы познания и управления» (Томск, 1982). Главные выводы настоящей статьи там уже присутствовали.

Из письма к Л. С. Гурьевой, редактору названного сборника²:

«...Посылаю выжимки из моего научного отчета 1981 года, который официально принят, одобрен и т. д. То есть — не “хулиганство”...»³

Текст этот, пожалуй, нетривиален, но вполне выдержан в духе «адаптационного нормотворчества» (на сей раз научного). И все же есть основания призадуматься редактору... Впрочем, насколько я понял, особенно из нашего последнего общения, принцип единства Деятельности, Рефлексии и Игры не чужд и Вам тоже.

Если понадобятся купюры (хотя бы по соображениям места), разрешаю их делать, но только **Вам лично**... А. А. 19.12.81».

Что-то в этом роде автор собирался написать и редактору московского сборника (Институт системных исследований) Б. В. Сазонову, от которого получил заказ на итоговую статью об исследовании производственной жизни изнутри, «глазами рабочего». Однако не успел. Уже подготов-

¹ См. ранее в томе 1 настоящей книги: главы 2 и 3.

² О Людмиле Семеновне Гурьевой см. ранее, в томе 2 настоящей книги: раздел 10.12.

³ Намек на «эпистолярное хулиганство» социолога-рабочего — так называемые «Письма Любимым женщинам», с которыми Л. Г. была знакома.

ленная к отправке рукопись была изъята при обыске в квартире автора в сентябре 1983 г.⁴

О дальнейшей судьбе упомянутой статьи будет рассказано отдельно. Работа публикуется здесь по рукописи 1983 г. (Март 2001 — май 2003).

11.1. «Человек в системе реальных производственных отношений». 1983

В настоящей работе предполагается изложить исходные теоретико-методологические посылки, описать процедуру и представить некоторые предварительные результаты поискового социологического исследования на одном из ленинградских заводов, проводимого автором на протяжении трех с половиной лет.

Автор считает своей обязанностью подчеркнуть то значение, которое имело для его работы общение с коллегами. Это:

— социологи, ставшие рабочими (на других предприятиях), Ю. А. Щеголев, С. М. Розет и А. А. Кетегат⁵;

— канд. филос. наук, ныне старший инженер отдела НОТ и управления того же завода Б. И. Максимов⁶;

— социологи и психологи НИИ комплексных социальных исследований при ЛГУ, на протяжении ряда лет ведущие хозяйственные исследования на том же заводе, Н. П. Грибалева, А. П. Марьяненко и Н. Ю. Щербаков;

— канд. эконом. наук, доцент Высшей профсоюзной школы культуры Г. А. Климентов⁷;

— канд. филос. наук, заведующий лабораторией Высшей профсоюзной школы культуры А. В. Тихонов⁸;

— канд. филос. наук, доцент Ленинградского горного института С. Ф. Минакова⁹

⁴ См. об этом ранее, в томе 2 настоящей книги: разделы 7.1–7.3.

⁵ Юрий Анатольевич Щеголев, Сергей Михайлович Розет (ныне покойный), Анри Абрамович Кетегат — мои многолетние друзья и коллеги. Все они — непосредственные участники описываемых в этой книге событий.

О С. Розете и Ю. Щеголеве см. в томе 1: раздел 1.4. Об А. Кетегате см. в томе 1: раздел 5.6. См., особенно, собственные тексты моих коллег в томе 1: раздел 5.6 (А. Кетегат); приложение 2 к части 1 (С. Розет); приложение 3 к части 1 (Ю. Щеголев); приложение 4 к части 1 (А. Кетегат); в томе 2: приложение 2 к части 2 (Ю. Щеголев).

Ю. А. Щеголев живет в Санкт-Петербурге, ныне работает оператором газовой котельной. А. А. Кетегат живет в Вильнюсе.

⁶ Борис Иванович Максимов — мой многолетний друг и коллега. В середине 80-х мы работали с ним на одном заводе — «Ленполиграфмаш». Сейчас Б. М., как и я, работает в Социологическом институте РАН, занимается производственной социологией и проблемами рабочего движения. Наш с ним и А. В. Тихоновым в соавторстве текст 80-х гг., а также собственный текст Б. И. Максимова 90-х гг. см. в томе 1 настоящей книги: приложения 2 и 6 к главе 5. См. также в томе 2: разделы 8.11 и 10.13.

⁷ Геннадий Александрович Климентов — мой коллега и друг, с которым в 80-х гг. мы тесно сотрудничали. См. о нем в томе 2 настоящей книги: раздел 7.5. См. также приложение 2 к главе 7. Ныне Г. А. Климентов живет в Москве.

⁸ Александр Васильевич Тихонов — мой многолетний коллега и друг. Ныне — докт. социол. наук, профессор. Автор книги «Социология управления. Теоретические основы» (СПб., 2000). В 2003–2004 гг. — директор Социологического института РАН. С 2005 г. живет в Москве.

Особо признателен автор доктору филос. наук, профессору В. А. Ядову, который активно поддержал этот исследовательский поиск.

1. Постановка натурного эксперимента

Начиная с января 1980 г. нами осуществляется натурный эксперимент, имеющий своей целью изучение социальных механизмов функционирования производственной организации и социально-психологических механизмов трудовой и общественной активности работника.

Методическая суть эксперимента состоит в принятии исследователем социальной роли, обеспечивающей возможность **наблюдающего участия** в процессах и ситуациях сферы промышленного производства. Специфическим «пунктом наблюдения» и «полигоном для участия» явилось рабочее место сначала наладчика технологического оборудования (1980–1982 гг.), а затем — слесаря механосборочных работ (с 1983 г.) на Ленинградском заводе.¹⁰

Переход на это рабочее место был безусловным, т. е. состоялось увольнение из научного учреждения (где автор занимал должность старшего научного сотрудника) и **поступление на завод в качестве рабочего**. Таким образом, был осуществлен предельный вариант погружения в исследуемую социальную среду, что обычно отождествляется с методом включенного (участвующего) наблюдения.

(Прецеденты использования метода включенного наблюдения в советской социологии и социальной психологии не многочисленны, но имеются. Пожалуй, впервые в рамках научно-исследовательской программы этот метод был применен у нас в середине 1960-х гг. В. Б. Ольшанским, для изучения социальных ценностей, утвердившихся в рабочем коллективе [16]).

Выбор рабочего места осуществлялся исследователем в инициативном порядке. Специфика сложившихся производственных обстоятельств, а именно — необходимость освоения нового, уникального на данном предприятии типа оборудования, сделала заинтересованность в замещении вакансии наладчика этого оборудования обоюдной, для социолога и для заводской администрации.

К социально-психологическим условиям настоящего натурного эксперимента относится принципиальный отказ от обычного (при включенном наблюдении) инкогнито. Такая линия поведения диктовалась не только этическими соображениями [1], но и спецификой задач научно-практического изыскания. Автор ни от кого не скрывал ни места своей прежней работы, ни рода профессиональных занятий. Социально-профессиональное перемещение мотивировалось желанием сменить обстановку (мотив реальный!). Не отрицался и мотив познавательный. Од-

⁹ О Светлане Федоровне Минаковой см. ранее: раздел 0.7.

¹⁰ В статье название предприятия — Ленинградский завод полиграфических машин — не раскрывалось.

нако исследовательский интерес практически никак не проявлялся в повседневном поведении социолога-рабочего и в качестве профессионального едва ли кем из окружающих сегодня воспринимается.

(Не исключено, что, особенно к настоящему времени, у товарищей по труду сложилось об авторе реалистическое представление как о человеке, решающем своеобразную жизненную, но вовсе не научную задачу).¹¹

2. Задачи исследования

Конкретные задачи, поставленные в ходе настоящего натурального эксперимента, формулируются и группируются следующим образом.

А. Задачи, относящиеся к исследованию системы ныне действующих социальных норм производственной организации.

Для решения задач этой категории существенно важен выбор: а) места эксперимента; б) времени эксперимента; в) конкретной социально-производственной роли исследователя.

Местом эксперимента («полем» включенного наблюдения) является одно из передовых предприятий отрасли, завод, уникальный в стране по выпуску основных позиций своей номенклатуры, и вместе с тем — типичное машиностроительное предприятие. Выбор времени эксперимента связывался нами, в частности, с общепартийными и государственными мерами по дальнейшему совершенствованию хозяйственного механизма (Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 12 мая 1979 г.).

Что касается социально-производственной роли исследователя (конкретное рабочее место, набор прямых производственных обязанностей), то это — очень важный ситуационный фактор. От точного выбора такой роли зависят и собственно научные, и практические результаты. Автор имел поводы убедиться в этом последнем обстоятельстве путем сопоставления своей рабочей карьеры с потенциально возможными иными.

Нашему исследовательскому замыслу наиболее соответствовала, поначалу, своеобразная универсальность производственного амплуа, относительная автономия от массового производственного процесса. Кроме социально-психологического выигрыша в период первичной адаптации (осложненной необходимостью овладения ранее не знакомой специальностью), это могло способствовать повышению разнообразия деловых, функциональных связей и контактов. Такая универсальность социально-производственной роли оказалась обеспечена за счет выбора уникального рабочего места наладчика и, одновременно, оператора установленного в одном из цехов завода нового оборудования (координатный пресс с револьверной головкой — ПКР).

---

¹¹ Подробно о первоначальном замысле эксперимента социолога-рабочего и об обстоятельствах поступления на завод см. в томе 1 настоящей книги: разделы 1.4, 2.2 и др.

Б. Задачи, относящиеся к исследованию соотношения социально-адаптационных и социально-преобразовательных потенций личности, возможностей реализации активной жизненной позиции в определенном социально-нормативном контексте.¹²

Традиционная, т. е. внеэкспериментальная постановка задач этого типа предполагала бы «объективное» исследование меры согласования или конфликта между так называемыми нормами-рамками и нормами-целями (если воспользоваться одной из популярнейших социологических теорий), построение или верификацию тех или иных моделей ценностно-нормативной регуляции поведения личности в конкретных социально-производственных условиях. Экспериментальная же ситуация погружения в определенную социальную среду, сама по себе, открывает богатое поле для интроспекционного анализа. Это — не традиционный психологический самоанализ, а то, что уместно назвать социологическим или социально-психологическим **самонаблюдением**. Иначе говоря, анализ мотивационной и поведенческой структуры деятельности самого исследователя, в связи с деятельностью окружающих его людей. Здесь практическая деятельность и исследовательская рефлексия неразрывны. В определенных ситуациях это может сочетаться с игровым моментом.

(Сама жизнь экспериментатора в таком случае превращается в своеобразную социодраму, которую надо сочинить, срежиссировать и сыграть, будучи постоянно готовым к импровизации).

Сказанное относится пока скорее к способу решения названной группы задач. Содержание же и смысл этих задач состоит в научно-практическом испытании и выяснении своего рода пределов: а) возможностей отдельной личности **адаптироваться** к новой среде, не разрушая своей внутриличностной целостности; б) возможностей отдельной личности **воздействовать** на социальную среду, не разрушая своих связей с нею.

(В известном смысле, это есть исследование свободы личности в определенном социально-нормативном контексте, имеющее своей сверхзадачей — расширение зоны этой свободы).

Задачи такого рода принципиально не могут быть решены только теоретическими построениями или эмпирическими обследованиями. Это — задачи научно-экспериментальные, по определению.

В. Задачи, относящиеся к исследованию возможностей и перспектив направленной коррекции ныне действующей системы социальных норм и путей развития личности.

И система социальных норм производственной организации, и жизненная позиция личности в конечном счете суть процессы. Эти процессы разворачиваются в основном стихийно, однако овладеть ими заинтересованы как сознательное общество, так и сознательная личность. По-

¹² См. об этом также в томе 1 настоящей книги: глава 2.

этому целесообразно объединить эту прогностическую (и в известном смысле — управленческую) постановку вопроса в единой группе научно-практических задач, относящихся как к личности, так и к обществу. С учетом сказанного, третья группа задач предполагает поиск предварительных ответов на следующие два вопроса:

а) Каковы пути возможного совершенствования системы социальных норм производственной организации и полнейшей самореализации личности работника?

б) Какие из этих путей можно признать предпочтительными?

Особую, четвертую группу составляют **задачи научно-методические**, связанные с разработкой методических принципов, профессиональных и этических норм наблюдающего участия и личностного социального экспериментирования.

3. Объект и предмет исследования

Сказанным выше отчасти уже очерчена объектная область исследования. Укажем теперь **объекты** эмпирического (непосредственного) изучения; уточним, далее, **предмет** исследования.

Объектами эмпирического изучения в данном научно-практическом исследовании выступают те **инновационные процессы** на конкретном промышленном предприятии, в которые автор непосредственно включен в своей новой социальной роли. В отечественной литературе сложился научный подход, резюмируемый в понятиях **нововведение** и **инновационная деятельность** [3].

Подчеркнем, что в социологическом и социально-психологическом плане при исследовании инноваций необходимо обращаться к понятиям социальной активности, общественной регуляции и саморегуляции, инициативы, личного и общественного интереса. Ибо нововведение всегда имеет своих инициаторов («сверху» или «снизу»); не может не быть сферой проявления индивидуальной или групповой активности; стимулируется как личными, так и общественными интересами (либо, напротив, тормозится отсутствием заинтересованности). В силу сказанного, инновационный процесс представляет собой удобное поле для исследования взаимодействия таких социальных субъектов, как **личность, коллектив, организация**. Далее, именно в таком процессе осуществляется не только функционирование, но и трансформация или смена социальных норм, выступающих посредниками и регулятивами указанного взаимодействия.

Нововведение — тот «оселок», на котором обнажаются индивидуальные и групповые позиции, происходит более или менее явное столкновение или взаимосогласование интересов. Структуры деятельности при этом обнаруживают свою устойчивость или лабильность. Социальная ситуация приобретает демонстрационный характер. Именно это обстоя-

тельство побудило нас к отграничению в качестве объектов непосредственного изучения ряда доступных нашему наблюдению и составляющих непосредственную сферу ролевого поведения социолога-рабочего **инновационных процессов**.

Какие же это процессы?

1) Процесс внедрения новой (для данного предприятия) технологии штамповки листовых деталей на координатно-револьверном прессе (ПКР).

Эта техническая инновация была прямо связана с производственными обязанностями социолога-рабочего на протяжении трех лет. Причем автор застал данное нововведение на заводе еще на относительно ранней (организационной) стадии и имел возможность проследить его вплоть до достижения фазы «рутинизации» ([11], с. 13), когда новшество уже перестает быть таковым.

В ходе выполнения своих текущих (а иногда и экстраординарных) производственных функций социологу-рабочему понадобилось завязывать инициативные и реактивные, постоянные и эпизодические контакты: с цеховым бюро технической подготовки (технологи); со всеми вспомогательными службами цеха (инструментальная, ремонтно-механическая, ОТК); с производственным участком, на котором установлен координатно-револьверный пресс; с соседними производственными участками; с руководством цеха; с цеховыми общественными организациями; с отделом главного технолога завода; с инструментальным цехом; с ремонтно-механическим цехом; с отделом НОТ и управления; с отделом технической подготовки кадров; с высшими эшелонами заводского руководства; с парткомом и профсоюзным комитетом завода; с редакцией заводской многотиражной газеты; с одним родственным предприятием (где названная технология давно применяется); и т. д.

Можно без преувеличения сказать, что в одной (относительно частной!) технической инновации перекрещиваются связи едва ли не всех секторов производственной организации и этажей ее иерархии.

2) Процесс внедрения бригадных форм организации и стимулирования труда.

Названный процесс весьма продвинут на данном предприятии. В отличие от предыдущего (относящегося к технико-организационной стороне жизни производственного коллектива), это — нововведение, непосредственно относящееся к **социально-организационной** стороне производственной жизни.

Обстоятельства сложились так, что автор, будучи принят на завод и продолжая в течение трех лет работать на условиях повременной оплаты, тем не менее с самого начала являлся рабочим не вспомогательного, а основного производства. Он не только налаживал координатно-револьверный пресс, но и сам эксплуатировал его в качестве оператора, серийно выпуская разнообразные листовые детали. Во многом аналогичные

детали изготавливались на этом же производственном участке, в комплексных бригадах, состоящих преимущественно из слесарей. Каждая такая бригада работает на единый наряд.

По мере освоения ПКР происходила постепенная передача части работы, которая традиционно выполнялась слесарями и фрезеровщиками (по более трудоемкой технологии), — на обслуживаемый социологом-рабочим новый станок. Это осуществлялось как в плановом порядке, в соответствии с разработанными в отделе главного технолога новыми технологическими процессами, так и — в не меньших масштабах — без соответствующей технической документации, в порядке не санкционированной (но и не пресекаемой!) инициативы самого наладчика координатно-револьверного пресса, а также производственных бригад. При этом первый был заинтересован в опробовании возможностей нового станка, а вторые — в менее трудоемком изготовлении своей продукции. (Этот феномен в рабочем обиходе называется — «партизанщина»).

Таким образом, не будучи непосредственным членом бригады, социолог-рабочий на протяжении двух лет выступал производственным партнером бригад своего участка и находился с ними в сети тесных деловых и неформальных связей. Начиная с весны 1983 г. автор, успевший к тому времени овладеть смежной профессией слесаря механосборочных работ, сам вошел в состав одной из бригад, и перешел на условия сдельной оплаты (при общем, бригадном наряде).

Так бригадная форма организации труда стала объектом социологического изучения не только «снаружи», но и «изнутри».

3) Процесс экспериментального социального нормотворчества в конкретной социально-производственной ситуации.

Судя по всему, этот инновационный процесс, инициируемый самим социологом-рабочим, не укладывается в большинство известных классификаций. Ибо теория управления и социология организаций, как правило, трактуют инновацию как процесс, направленный «сверху вниз» (от управленческого органа к объекту управления). Конечно, теорией управления не исключается возможность также инициативы снизу. Но пока эта инициатива не стала предметом целенаправленного распространения сверху, это как бы еще не инновация. Такой подход несет в себе издержки технократического мышления. По нашему мнению, целенаправленное изменение общественной среды не есть прерогатива только управленческого органа.

Социально-активная личность, независимо от общественного положения и принадлежности к сфере принятия управленческих решений, может выступать полноправным субъектом инновации. Всякое нововведение предполагает сознательное и организованное **нормотворчество**. Мы полагаем, что такое нормотворчество может быть и индивидуальным. С учетом сказанного, автор уверенно включает этот третий инновацион-

ный процесс в круг объектов непосредственного изучения, наряду с классическими (техничко-организационным и социально-организационным) нововведениями.

Содержание и смысл этой экспериментальной деятельности будут подробно раскрыты ниже. Сейчас же ограничимся замечанием, что речь здесь идет не о нормотворчестве вообще, а о таком, которое мы предлагаем называть **адаптационным**. Это — нормотворчество, предполагающее инициативное опробование таких образцов вненормативного социального поведения, которые так или иначе соотнобразуются с устоявшимся социально-нормативным контекстом и рассчитаны если не на распространение, то хотя бы на выживание в этом контексте.

Итак, **ПКР, БФОТ и «ЭСН»** — таковы три конкретных инновационных процесса (из них первые два являются «классическими» инновациями), которые выступают непосредственными объектами изучения, в нашем случае. (ПКР — общепринятое сокращенное обозначение координатно-револьверных прессов; БФОТ — распространенное сокращенное обозначение бригадных форм организации труда; «ЭСН» — экспериментальное социальное нормотворчество).

Предметом же исследования здесь оказываются не названные нововведения в целом, а — говоря в самом общем виде — **взаимодействие личности и социальной среды в процессе инновации**.

Таким образом, исследование не сводится к описанию самих по себе явлений и процессов производственной жизни. Не сводится оно и к описанию собственного участия исследователя в указанных процессах. Сама практическая деятельность выступает здесь, главным способом или инструментом познания. Сверхзадачей же изыскания является попытка, в рамках «case-study» (исследование отдельного случая), соотнести друг с другом два рода общесоциальных процессов:

— **социально-нормативное воздействие, идущее от социального окружения**; адаптация личности социальной средой, присвоение и воспроизведение индивидами действующих норм-стереотипов поведения;

— **творчески-преобразовательное воздействие, идущее от личности**; адаптация личностью социальной среды к себе, порождение и внедрение новых социальных норм.

4. Хроника эксперимента. Способы регистрации социальных фактов. Понятие «наблюдающего участия»

Тесная взаимопереплетенность, «слитность» в конкретной социально-производственной ситуации изучаемых инновационных процессов побуждает автора отказаться от раздельного представления исследовательских материалов наблюдающего участия — по указанным трем «линиям». Здесь ограничимся сокращенной и схематизированной «летописью эксперимента», призванной облегчить восприятие основных социологических наблюдений и выводов.

Январь 1980 г. Автор поступает на завод, в качестве наладчика технологического оборудования, на условиях повременной оплаты. Проходит стажировку на соседнем предприятии, где имеется участок действующих координатно-револьверных прессов.¹³

Февраль — март 1980 г. Автор (социолог-рабочий, наладчик ПКР) выявляет необходимость «предпускового» ремонта установленного на своем заводе станка ПКР КО-120. Такая необходимость вызвана: а) производственным браком завода-изготовителя; б) повреждениями, причиненными станку при транспортировке. Организуются ремонтные работы, с приглашением специалиста (слесаря-наладчика) с другого предприятия.

Апрель — май 1980 г. Социолог-рабочий предпринимает ревизию оснастки, изготовленной в инструментальном цехе по заказам отдела главного технолога. Обнаруживается негодность значительной части этой оснастки. Наладчиком ПКР выдаются «цеховые замечания» по техпроцессам, разработанным в ОГТ завода еще в прошлом году.

Июль — октябрь 1980 г. Производится приемка вновь изготовленной оснастки. Отдел главного технолога частично корректирует разработанную им ранее техническую документацию. Происходят первые производственные испытания ПКР, с неудовлетворительными результатами. Наладчиком обнаружена глубокая неисправность координатной системы станка, не замеченная при первом ремонте (а именно — искривление траверзы координатного стола, или так называемой «главной линейки»). Уже своими силами организуется новый, капитальный ремонт, включающий полную переборку координатной системы ПКР. Попутно вносятся ряд частных усовершенствований в отдельные узлы.

Ноябрь 1980 г. Запуск нового оборудования. На ПКР выпущена первая производственная партия деталей, по техпроцессу, разработанному цеховой технологической службой (а не в ОГТ).¹⁴

Декабрь 1980 — февраль 1981 г. Обнаруживается отставание заводских служб с инженерной и планово-диспетчерской подготовкой эксплуатации ПКР. При отлаженном оборудовании — никакой производственной загрузки. Тогда начинается инициативная («партизанская») эксплуатация станка, по заказам бригадиров производственных бригад. Работа выполняется по самостоятельной технологии (карты штамповки рассчитываются не технологами, а самими наладчиком; необходимые в качестве оснастки шаблоны изготавливаются не в инструментальном цехе, а непосредственно на ПКР).¹⁵

Март 1981 г. На ПКР выпущена первая производственная партия по техпроцессу, разработанному в ОГТ завода.

Апрель — июнь 1981 г. Происходят производственные испытания серии официальных техпроцессов, часто — с негативными результатами. Социолог-рабочий внедряет практику «актов производственных испытаний» по новым техпроцессам, с выдачей замечаний для корректировки технической документации, заказа оснастки и т. п. Параллельно активизируется «партизанское» использование ПКР для выпуска программной продукции.

Июль — ноябрь 1981 г. Продолжаются производственные испытания официальных техпроцессов (около 30 к концу года). Некоторые виды цеховой номенклатуры проходят через ПКР повторно. При этом оказывается, что цеховые замечания не учтены отделом главного технолога. Социолог-рабочий констатирует в своих актах систематические отступления от Отраслевого стандарта в поступающей из ОГТ технической документации. Все чаще наладчику приходится изготавливать на своем станке шаблоны также и для официальных техпроцессов (ввиду задержки с поступлением оснастки из инструментального цеха). Параллельно — выпуск свыше 20 обозначений цеховой номенклатуры по самостоятельной технологии. Однако даже с учетом последней ПКР имеет производственную загрузку не более 50%.¹⁶

¹³ История поступления на завод подробно описана в томе 1 настоящей книги: раздел 1.5.

¹⁴ Период от момента поступления автора на завод до запуска ПКР подробно описан в томе 1: глава 2.

¹⁵ Эта ситуация подробно описана в томе 1: разделы 3.6, 3.7.

¹⁶ События этого периода подробно описаны в томе 1: разделы 3.7, 3.9.

Декабрь 1981 г. Социолог-рабочий выступает с критикой в адрес технических служб завода на цеховом партийном собрании.¹⁷

Январь — март 1982 г. Из ОГТ в цеховое бюро технической подготовки переводят технолога, которому специально поручается инженерное обеспечение ПКР. Со своей стороны, наладчик предпринимает инициативную ревизию всей совокупности (около 60) разработанных к этому времени техпроцессов для ПКР и примерно в четверти из них обнаруживает расчетные ошибки. Между тем, на станке продолжается выпуск деталей по «партизанской» технологии.¹⁸ Социолог-рабочий адресует главному технологу «Предложения по совершенствованию инженерной подготовки обработки деталей на ПКР и по ускоренному внедрению прогрессивной технологии штамповки». Предложения официальной реакции не имели. По просьбе администрации, наладчик ПКР обучает ученика, из числа рабочих-слесарей, работе на своем станке.¹⁹

Апрель — июнь 1982 г. Инструментальный цех предлагает «узаконить» практику самодельного изготовления шаблонов. Цеховая администрация возражает. Социолог-рабочий, со своей стороны, настаивает на дополнительном ремонте и усовершенствовании некоторых узлов станка. По служебной записке наладчика принимается решение об организации такого ремонта. Администрация поручает эту работу ремонтно-механической службе цеха (до тех пор, в течение двух лет, наладчик занимался всеми ремонтными работами сам). На период ремонта автора переводят на другую, временную работу (слесарем м/с работ).²⁰

Август 1982 г. По разным причинам ремонт ПКР продолжается месяц, вместо планировавшейся недели. В результате возникает напряженное положение с цеховой программой. По завершении ремонтных работ наладчик находит станок в неудовлетворительном состоянии и отказывается его принять.

Сентябрь 1982 г. Администрация усматривает в действиях автора не мотивированный отказ от работы и применяет соответствующие санкции (выговор, депремирование). На ПКР временно поручается работать бывшему ученику наладчика.²¹ Почти одновременно с этим в заводской газете появляется корреспонденция, освещающая историю и острые проблемы освоения ПКР.²²

Октябрь — декабрь 1982 г. Автор отказывается от предложения администрации вернуться к работе на ПКР «на льготных материальных условиях». На станке работает, теперь уже постоянно, его бывший ученик. При относительно возросшей к этому времени производственной загрузке, станок систематически выходит из строя. Довольно заурадной становится сверхурочная работа на нем (днем ремонтируют, вечером штампуют). Бывший же наладчик ПКР в это время продолжает выполнять слесарную работу, на которую был ранее временно переведен.

Январь — март 1983 г. Освоение нового оборудования можно считать законченным. ПКР КО-120 закреплен за одной из производственных бригад и обслуживается бывшим учеником наладчика. Работу оператора на этом станке научились выполнять и некоторые другие члены бригады. В цехе производится установка новой, более современной модели ПКР с ЧПУ. При транспортировке этому станку (как и в случае ПКР КО-120) нанесен некоторый ущерб. К освоению новой модели координатно-револьверного пресса автор уже не причастен. Сам он сдает квалификационный экзамен по специальности слесаря механосборочных работ.

Май — июль 1983 г. Новая модель ПКР с ЧПУ пока не осваивается, ввиду утраты части технической документации и неготовности оснастки (история повторяется!). ПКР КО-120 эксплуатируется бригадой (официальные техпроцессы обеспечивают примерно 50-процент-

¹⁷ Текст этого выступления см. в томе 1: раздел 3 10.

¹⁸ См. в томе 1: раздел 5.1.

¹⁹ См. в томе 1: раздел 5.4.

²⁰ Обстоятельства эксперимента социолога-рабочего в период апреля-июня 1982 г. подробно описаны в томе 1: раздел 5.4.

²¹ Эта ситуация описана в томе 1: раздел 5.5.

²² См. в томе 1: раздел 5.7.

ную производственную загрузку, при односменной работе). Автор, став слесарем механосборочных работ, работает сдельно (заметно повысив при этом свой заработок против прежней, повременной оплаты труда). Социолог-рабочий вступил в состав комплексной бригады, работающей на единый наряд. Иногда ему приходится также выполнять для своей бригады штамповку листовых деталей на ПКР (по самостоятельной технологии).

В апреле 1983 г. автору присваивается звание «Ударника коммунистического труда».

(Следует предупредить против истолкования этой «летописи» как демонстрации личных производственных достижений автора. Ретроспективный взгляд обнаруживает относительное изобилие также и неудачных тактических шагов в рамках избранной стратегии «адаптационного нормотворчества». Надо учитывать, однако, принципиально поисковый характер исследования и установку на испытание **пределов** адаптации социальной средой индивидуальных нормотворческих воздействий).

Конечно же, предусмотреть заранее подобное развитие событий немислимо. Далеко это и от канонов включенного наблюдения, как-то: предельная социальная мимикрия, отказ исследователя от нарушения естественного хода вещей. Не случайно наш метод обозначен другим термином — **наблюдающее участие**. Последнее предполагает активную позицию и соответствующую линию поведения «социолога-испытателя» в процессе научно-практического овладения ситуацией.

Суть наблюдающего участия (в отличие от участвующего наблюдения) видится как раз в **деятельном вмешательстве** в нормальное течение жизни. При этом подлежат наблюдению и осмыслению также и реакции среды на целенаправленные, избирательные (а нередко и импровизационные) общественные шаги исследователя. Особое место тут занимает исследовательский прием, который мы называем методом **моделирующих ситуаций**. Имеются в виду ситуации, отчасти организованные самим исследователем из естественных ситуационных предпосылок, в целях обнажения, заострения, в этом смысле — моделирования социального явления или процесса.

(Знакомясь с хроникой, читатель мог заметить, что в своем эксперименте социолог-рабочий искал пути «на лезвии бритвы» — между допустимым и не допустимым в данных обстоятельствах, стараясь обеспечить совмещение интересов дела, личности и исследования).

Несколько слов о способах регистрации социальных фактов. Принято ожидать от исследователя использования той или иной схемы (формы) ведения протоколов наблюдения. Однако схемы бедны, а формы разрушаются под напором живой реальности. Автор давал себе «свободу» в протоколировании наблюдений и не жалеет об этом. Сама разработка схемы в принципе не противопоказана. Но она целесообразна лишь с учетом конкретной социально-производственной ситуации, уже успевшей стать хорошо знакомой исследователю.²³

Причем вряд ли возможно на протяжении длительного времени одинаково подробное ведение записей. Скорее, стоит планировать эпизо-

²³ Один из примеров разработки рубрикатора для протоколов наблюдающего участия в социально-производственной ситуации см. ниже: приложение к настоящей работе. Практически социолог-рабочий использования формализованных схем наблюдения избегал.

дические месячные (максимум — двухмесячные) социологические **хроники**, отражающие социально значимые наблюдения дня.²⁴

5. Некоторые социологические наблюдения и выводы

Теперь займемся представлением содержательных результатов исследования, на том уровне их осмысления, который возможен, когда «полевой» этап еще продолжается. Большую часть выдвигаемых здесь положений следует трактовать как **гипотезы**. Однако для поискового исследования уже сама по себе формулировка гипотез является результатом.

(Некоторые из нижеследующих положений формулировались нами ранее в работе [3], опиравшейся на материалы первых полутора лет эксперимента).²⁵

5.1. Вся совокупность охватываемых нашим исследованием социальных фактов дает основания говорить о существенных **рассогласованиях в системе социальных норм производственной организации**. Что имеется в виду? Мы исходим из представления о «двуслойности» социально-нормативной системы, различая декларируемые **нормы-требования** к производственному поведению и реально действующие **нормы-стереотипы** этого поведения. Те и другие образуют свои подсистемы, находящиеся в определенном соотношении между собой. Такой теоретико-методологический подход не является принципиально новым. О феномене расщепления потенциально и реально нормативного и формирования в нормативной системе социальной организации двух подсистем — «должного» и «собственно нормативного», в пределе противоположных друг другу, пишет, в частности, М. И. Бобнева ([5в], с. 52-54).

Каждая из этих двух подсистем внутри себя достаточно непротиворечива. Например, идеологически и организационно установленные **нормы-требования добросовестного труда, исполнительской дисциплины, бережливости, производственной инициативы, ответственного отношения к делу** — взаимно дополняют и подкрепляют друг друга. С другой стороны, определенную целостность составляет и совокупность фактических образцов, норм-стереотипов или «стандартов» производственного поведения. Специальным теоретическим анализом (не входящим в нашу задачу) можно было бы показать одно-однозначное соответствие систем **требуемого** (предписываемого, рекомендуемого) и более или менее **общепринятого**: всякой обобщенной социальной норме-требованию соответствуют некоторые реальные формы массового производственного поведения. Будем называть пары или «связки» совпадающих по предмету (пусть расходящихся по содержанию и по функции) элементов двух нормативных подсистем (нормы-требования и нормы-стереотипы по-

²⁴ Таковыми «хрониками», «производственными летописями» и т. п. насыщена эта книга. См., например, в томе 1: глава 5, а также главы 12 и 14 в настоящем томе.

²⁵ См. также в томе 1: раздел 3.8.

ведения) — **социально-нормативными комплексами**. Именно внутри таких комплексов просматриваются рассогласования и «разрывы».

Эти «разрывы» между декларируемым и реально-нормативным могут быть больше или меньше в различных производственных организациях. Далее, степень внутренней согласованности (рассогласованности) отдельных нормативных комплексов может различаться в пределах одной и той же организации. Например, рассогласование в нормативном комплексе **трудовой дисциплины** на исследованном нами предприятии предстает меньшим, чем рассогласование в соответствующем комплексе **производственной инициативы**. (На другом предприятии положение может быть иным). Одним из минимальных — в нашем случае — предстает «разрыв» между нормами-требованиями и нормами-стереотипами **товарищеской взаимопомощи в процессе труда**.

Последнее утверждение опирается не только на результаты нашего наблюдения. В репрезентативном опросе (выборка — 800 чел.) рабочих того же завода, проведенном в 1982 г. группой социологов НИИКСИ при ЛГУ при участии автора, выяснялось мнение рабочих о мере соблюдения в их трудовом коллективе ряда требований к поведению людей на производстве. 58% опрошенных уверенно отметили укоренившуюся в их среде готовность «помочь товарищу по работе», соответственно, 44% — «нетерпимость к нарушителям трудовой дисциплины». Соответствующие показатели «степени реализуемости» норм-требований «деловой инициативности» и «активности в общественной жизни» — по 30%. (Формулировка вопроса: «Считаете ли вы, что эти требования соблюдаются людьми, работающими рядом с вами?»).

Задачу специального массового обследования ряда производственных коллективов могло бы составить выявление соотношения **общих и локальных** факторов рассогласования тех или иных комплексов социальных норм. Понятно, что позиция включенного наблюдателя ситуации таких возможностей не предоставляет. Однако и из этой позиции хорошо просматриваются нормативные комплексы, рассогласование в которых является относительно универсальным. (Лишний раз оговорим, что наше наблюдение относится не только к рабочим, но и к низшим и средним управленческим звеньям).

К таким «универсально рассогласованным» нормативным комплексам, с достаточной степенью уверенности, могут быть отнесены: социальные нормы **раскрытия** (гласного обнаружения и полного использования) **личных и коллективных производственных резервов**; социальные нормы, относящиеся к вопросам **оплаты труда и материального стимулирования**; социальные нормы **отношения работника к конечным результатам коллективного труда**; в значительной мере — социальные нормы **участия рабочих в управлении производством**; и ряд других.

Есть и такие нормативные комплексы, рассогласования в которых особенно характерны для определенных категорий работников. Так, ис-

тория освоения ПКР на Ленинградском заводе наглядно демонстрирует контраст между нормами-требованиями **заинтересованности, компетентности и ответственности**, и — едва ли не противоположными им! — стереотипами поведения работников функциональных служб предприятия, в процессе освоения новой техники.²⁶

5.2. Как же в этих условиях осуществляется нормативно-ценностная регуляция поведения работника на производстве? Здесь уместно обратиться к результатам специальных социально-психологических исследований. В. А. Ядовым и его коллегами, в частности, показано наличие довольно значительных разрывов, отсутствие достаточной согласованности между различными уровнями ценностно-мотивационной структуры личности работника, а также между ценностными ориентациями личности и ее фактическим социальным поведением ([19], с. 188-195).

Установлено, что производственное поведение регулируется преимущественно «частными» диспозициями личности (ролевые и ситуативные социальные установки), а не обобщенными ценностными ориентациями (высшие уровни внутриличностной структуры). Мы полагаем, что этому социально-психологическому механизму может быть поставлено в прямое соответствие отмеченное рассогласование нормативных комплексов, выступающее объективным условием поведения личности на производстве. Так называемые низшие уровни диспозиционной структуры личности (социальные установки, предрасположенность личности к определенному поведению в конкретных ситуациях), по-видимому, суть не что иное, как **интериоризированные** (усвоенные) личностью нормы-стереотипы поведения, действующие в данной социальной среде.

То обстоятельство, что эти нормы-стереотипы (и, соответственно, ситуативные социальные установки) иногда противоречат ценностным ориентациям личности и в принципе не одобряются ею, вовсе не является препятствием для воспроизведения этих стереотипов в повседневном поведении. При этом действует социально-психологический механизм оправдания личностью своего реального поведения соображениями вынужденности или конформности. (Вспомним известные формулы обыденного сознания: «Иначе не проживешь!» или «Как все, так и я!»).

Однако рассогласование между разными уровнями диспозиционной структуры личности и, соответственно, между ценностными ориентациями и поведением, по нашему мнению, есть лишь первичный ответ личности (рассматриваемой, как в плане индивидуального развития, так и в плане становления определенного социально-личностного типа) на указанные рассогласования в нормативных комплексах. Структура личности, разрываемая противоречивым давлением норм-требований и норм-стереотипов, естественно тяготеет к целостности. И возникает уг-

²⁶ Ср. в томе I (раздел 2.2): **Формула разгильдяйства: незаинтересованность + некомпетентность + безответственность.**

роза вторичного эффекта, а именно — ценностного переосмысления личностью ряда негативных (пока еще не одобряемых, хотя уже воспроизводимых ею!) действующих социальных норм, своего рода подтягивания (снижения) ценностных ориентаций личности до уровня фактического поведения.

Как отмечает В. А. Ядов, «есть основания полагать, что согласованность диспозиций и поведения людей достигается как за счет “подтягивания” поведения к диспозициям (активная стратегия), так и за счет снижения диспозиций до уровня фактического поведения (пассивная стратегия)» ([19], с. 192). Нам представляется, что этот нежелательный социальный процесс внутриличностной перестройки достиг уже известной степени развитости.

5.3. Поясним высказанные общие положения еще несколькими примерами.

К числу ключевых нормативных комплексов, как мы считаем, принадлежит совокупность социальных норм, объединяемых в понятии **общественно-производственной инициативы** (имея в виду нормы-требования). Этот комплекс предстает существенно рассогласованным («разрыв» между декларируемыми и фактическими нормами). Можно предположить, однако, что соответствующее внутриличностное рассогласование стало уже не столь глубоким. А это означает, что общественно мотивированная инициатива девальвируется в самом ценностном «ядре» личности. (Формулы обыденного сознания типа «Не гони волну!» или «Что, мне больше всех надо?», например, уже не являются ситуационными. Пожалуй, несут они в себе и оттенка самооправдания).

На действительно массовое одобрение в производственной среде может рассчитывать скорее **инициатива вынужденная**, т. е. такая, которая направлена на предотвращение неблагоприятных для личности последствий ее отсутствия. Личная производственная инициатива, не выполняющая специфически превентивной («защитной») функции, имеет повышенные шансы не получить массовой поддержки или даже оказаться скомпрометированной в неофициальном общественном мнении.

(Примечательно, что испробованные социологом-рабочим варианты инициативного воздействия на ход внедрения новой технологии получали эмоционально-ценностную поддержку товарищей по труду, вне зависимости от степени их нетривиальности. Но — в прямой зависимости от усмотрения в его шагах указанной защитной функции, например, стремления обеспечить себе условия для полной производственной загрузки и перехода на сдельную оплату труда).

Другим примером обесценивающейся социальной нормы-требования может служить **полнейшее раскрытие личных производственных резервов**. Действующая норма-стереотип является скорее обратной. Ситуативная социальная установка личности — тоже. На более высоких эта-

жах ценностно-мотивационной структуры личности работника эта норма также претерпела радикальное переосмысление, в силу накопленного личного (да и коллективного!) социального опыта невыгоды от быстрого роста производительности труда.

Воспитанная многолетней практикой формального планирования «от достигнутого», личность работника (будь то слесарь, будь то генеральный директор) сформировала устойчивый, ценностно-подкрепленный стереотип **занижения своего** (личного или коллективного) **трудового потенциала**. Этот потенциал обычно не скрывается в анонимных опросах. Так, по данным обследования свыше 4 тыс. ленинградских рабочих (исследовательский проект «Человек и его работа. 1976»; ИСЭП АН СССР) доля рабочих, готовых увеличить свою выработку на величину от 10 до 50% и даже более, **при условии соответствия заработка личному трудовому вкладу**, достигает в общей сложности 70% всех опрошенных ([24], с. 58).

Наконец, жизненной иллюстрацией взаимодействия двух указанных выше нормативных комплексов предстает наблюдавшаяся нами практика ужесточения технических норм (соответственно, снижения расценок за отдельные производственные операции) по инициативе самих рабочих. Такая «инициатива» откровенно признается вынужденной и предвосхищающей административный пересмотр технических норм, который уже не сопровождается «льготным» периодом оплаты труда по старым нормам или соответствующей премией (как это имеет место в случае, если «инициатива» исходила от самих рабочих).

Итак, «разрывы» между социальными нормами-требованиями и нормами-стереотипами поведения на производстве, преломившись в ценностно-мотивационной структуре личности, укрепляются и углубляются уже собственными усилиями работников.

5.4. Всем сказанным очерчен общий механизм социально-нормативного воздействия производственной среды на личность. Важно, однако, понять, что же является главной причиной отмеченных «разрывов».

Марксистский подход требует обращения к материальной основе, экономическим условиям производства, системе производственных отношений. Из всей совокупности явлений, характерных для системы реальных отношений, складывающихся по поводу производства (изготовления продуктов труда) и распределения (оплаты труда) в низовых производственных звеньях, мы остановимся только на двух, которые менее других заметны внешнему наблюдателю и пока, как мы считаем, не получили адекватного отображения в научной литературе. Это:

а) «разрыв» между документально фиксированной и фактической технологией изготовления конкретных продуктов труда;

б) «разрыв» между системой нормирования и фактическими затратами времени на конкретные виды работ.

Оба эти «разрыва» в двух основных сторонах производственного процесса, в технико-организационном и социально-экономическом его аспектах, являются постоянно действующими условиями производственного поведения работника.

5.5. Начнем с **социально-экономической** стороны. Выражение «выгодные» и «невыгодные» работы уже давно из производственного жаргона просочилось в экономическую литературу. **Выгодные** — те, где норма времени, в силу тех или иных обстоятельств, **выше** его фактических затрат; **невыгодные** — наоборот. Это — один из хорошо известных изъянов ныне действующей системы нормирования и оплаты труда рабочих-сдельщиков. Однако масштабы этого явления, и особенно — его социальные следствия, пожалуй, недооцениваются.

При одинаковой или относительно близкой «разрядности» двух производственных операций (т. е. требуемого для их выполнения уровня квалификации), работая в том и в другом случае с равной степенью интенсивности и строго соблюдая технологическую дисциплину, один и тот же рабочий может на одной операции перевыполнить норму в пять раз, а на другой операции — едва достигнуть 25-процентного ее выполнения. Примерно таков эмпирически наблюдаемый диапазон разнонаправленных несоответствий предполагаемой и фактической трудоемкости.

В условиях действующей системы тарификации труда, всякой норме на работу определенной степени сложности однозначно соответствует величина расценки за производственную операцию. В таком случае основная часть заработка рабочего (без премиальных доплат) оказывается зависящей не только и не столько от меры его собственных усилий, сколько от той комбинации нормированных работ, которая ему нынче выпала. Рабочий озабочен организовать себе устраивающий его состав работ (набор заданий), низовая линейная администрация — обеспечить «справедливое» распределение заданий между рабочими. При этом, более или менее стихийно уровень заработка каждого приводится в соответствие не с его **трудовым вкладом**, а с общественно сложившейся **оценкой трудовой способности** работника (кто сколько «стоит»).

«Цена» работника определяется стажем, опытом, общественным поведением, потребностью производства в нем, отчасти — его собственными запросами. К социалистическому принципу распределения по труду такая практика никакого отношения не имеет. Роль же системы нормирования для регулирования интенсивности труда работника и оценки его продуктивности при этом оказывается весьма условной, чтобы не сказать иллюзорной. Она объективно выступает скорее инструментом управления людьми (обеспечения «управляемости» работника), чем средством управления производственным процессом.

Систематические (обычно календарные) пересмотры технических норм имеют своей главной целью обеспечить плановое **снижение показателя трудоемкости**. Предполагается, что эти пересмотры обоснованы

организационно-техническими мероприятиями (призванными обеспечивать рост производительности), а также опираются на периодические хронометражи рабочего времени. Однако «оргтехмероприятия» часто фиктивны, что же касается хронометражей, то в ситуации большого разнообразия номенклатуры (количество разных норм, применяемых в одном только цехе, измеряется десятками тысяч, по числу производственных операций) они становятся все более затруднительными.

(За три с лишним года работы в механическом цехе социолог-работчик ни разу не был не только участником, но даже и свидетелем хотя бы одного такого хронометража, притом что нормы пересматривались регулярно).

Трудность эта разрешается, как правило, более или менее пропорциональным — для всех или большинства производственных операций! — ужесточением норм, отвечающим общей тенденции роста «производительности труда», который тоже планомерно задан. При этом возникают характерные, наблюдавшиеся нами ситуации, хорошо обнажающие формальный характер нормировочной деятельности. Так, согласно планомерному снижению трудоемкости на одно изделие, при не запланированном на этот год соответствующем пересмотре норм на другое изделие, унифицированные (т. е. одинаковые) детали того и другого могут получить **разные** нормы времени на изготовление! Или: планомерное снижение трудоемкости на изделие, включающее детали, изготавливаемые на новом оборудовании, может повлечь за собой изменение нормы и расценки еще **до того**, как эта операция хотя бы раз выполнялась!

Итак, происходит своего рода подгонка уровня норм к сложившемуся или планируемому уровню зарплаты (явление, получившее в экономической литературе даже особое название «потребительского подхода» к нормированию труда ([13], с. 143). Понятно, что при таком «планово-предупредительном» пересмотре технических норм невыгодные работы становятся еще более невыгодными, а выгодные — относительно еще более выгодными, а неадекватность используемого инструмента измерения количества и качества труда еще усугубляется.

5.6. (Настоящий параграф написан в соавторстве с С. М. Розетом).²⁷

Попробуем проследить, как отражаются отмеченные «разрывы» между техническим нормированием и фактической работой в сознании и поведении работников. В частности, рассмотрим комплекс социальных норм «**справедливости**» в **соотношении оплаты и труда**, в ситуации распределения выгодных и невыгодных работ.

Общеизвестна норма-требование — **оплата по труду**. В «классической» ситуации индивидуальной сдельщины соответствующей ей нормой-стереотипом оказывается... **труд по оплате**. Вот как при этом соотносятся

²⁷ См. также в томе 2 настоящей книги: приложение 2 к главе 7.

интересы двух непосредственных партнеров по производственному взаимодействию: мастера и рабочего-сдельщика.

Мастер заинтересован:

- а) в выполнении плана по валу и по номенклатуре;
- б) в выполнении так называемых «аварийных» заказов (работ, срочно требуемых для следующего звена технологической цепочки);
- в) в сохранении сложившейся в данном коллективе иерархии «социально-экономических статусов»;
- г) в минимизации конфликтов по поводу оплаты труда в конце месяца;
- д) в отсутствии перерасхода фонда заработной платы.

Рабочий-сдельщик заинтересован:

- а) в зарботке, соответствующем его «социально-экономическому статусу» в данном коллективе;
- б) в повышении этого статуса и, следовательно, в повышении заработной платы (универсальный способ самоутверждения в коллективе);
- в) в гарантиях того, что этот статус, по итогам данного месяца, не снизится;
- г) в отсутствии претензий со стороны ОТК, а также в следующем звене технологической цепочки;
- д) в поддержании отношений сотрудничества в коллективе и с непосредственным начальником (мастером).

При таком соотношении интересов (как видим, далеко не сводящихся к интересам материальным!) **«труд по оплате» становится нормой поведения**, равно принимаемой как рабочими, так и низовой администрацией.

(Примечательно, что бригадная форма организации труда сама по себе, при сохранении существующего порядка нормирования труда и материального стимулирования, не снимает проблемы разделения работ на выгодные и невыгодные. А лишь переносит эту проблему в плоскость взаимоотношений между мастером и бригадиром, представляющим интересы своей бригады как «совокупного работника»).

Надо сказать, что в такой ситуации «разрыва» в социально-нормативном комплексе, относящемся к вопросам оплаты труда, возникает повышенная вероятность деформации и расщепления уже и самой нормы-стереотипа. Став своего рода нормативным требованием, социальный стереотип «труда по оплате» находит свое отрицание [*точнее было бы сказать: «находит свое продолжение (или — развитие)»...*]. — А. А.] в асоциальном, по существу, стереотипе поведения: «Сделай меньше (или — сделай «на халяву»), получи больше!». По нашим наблюдениям, эта рваческая норма поведения отвергается большинством кадровых рабочих. Однако нетрудно заметить, как возрастает здесь опасность распространения также и таких стереотипов и форм трудового поведения.

Как правило, рабочий-сдельщик всегда заинтересован в «выгодной» работе, но именно — в работе, а не в «плате за безделье». Социальный

тип хапуги, гоняющегося за «длинным рублем», в трудовых коллективах не популярен. Вообще, по нашему мнению, для массы рабочих этические нормы «справедливости» в соотношении труда и оплаты и готовности «отплатить» трудом за достигнутый уровень общественной оценки своего труда — в общем превалируют над собственно денежным, т. е. материальным интересом.

Итак, своеобразная «перевернутая» зависимость труда и оплаты в реальных производственных условиях, с одной стороны, выступает своеобразным способом обеспечения заданного уровня производительности труда, а с другой — создает предпосылки для развития разного рода антиобщественных проявлений.

5.7. «Разрыв» в **технико-организационной стороне** производственного процесса (относительная «взаимная независимость» документированной технологии и фактических приемов и способов изготовления конкретных продуктов труда) отчасти связан с рассмотренным выше социально-экономическим противоречием. Но у этого «разрыва» — своя социальная природа и свои истоки.

Иногда в литературе, посвященной проблемам труда, отмечаются факты «сокращения» технологических операций, менее качественного их выполнения, обеспечения меньшей надежности и т. п., как следствие недостаточной «жесткости» технологических требований ([21], с. 69-70). Такой подход, при ближайшем рассмотрении, обнаруживает свою односторонность. Спонтанно возникающая и, как правило, избегающая оформления в рационализаторских предложениях и закрепления в технической документации, **самодетельная рабочая технология** являет собой наиболее массовую на производстве форму той самой вынужденной инициативы, о которой шла речь выше. При этом она оказывается естественно направленной на достижение максимальной эффективности, т. е. на получение требуемого результата при наименьших затратах труда, а иногда и с использованием единственно возможных в данной ситуации средств.

(В первом случае говорят — «сделать себе облегчение», во втором — «выручить производство». Но в том и другом случае рабочий инициативно изыскивает способ «заработать свою зарплату»).

Не «сокращение» операций, а постоянное их рациональное замещение (например, фрезерования — штамповкой, сверловки по разметке — сверловкой с упора или по кондуктору, опилочки — обработкой на абразивном круге и т. д., и т. п.). Простейшие, а иногда и достаточно сложные самодельные приспособления позволяют выполнить задание не только быстрее, но зачастую и более качественно (т. е. более «надежно», с точки зрения отсутствия претензий от ОТК).

Примечательно, что в такой технологической самодетельности оказываются прямо или косвенно заинтересованы самые разнообразные за-

водские службы. Для технологов — ослабление ответственности за техническую подготовку производства; инструментальщикам — не надо изготавливать дополнительные приспособления; нормировщики — могут не опасаться конфликтов при «планово-пропорциональном» пересмотре норм и расценок. Линейные же службы именно в таких формах инициативы рабочих-сдельщиков находят действительную гарантию выполнения производственной программы.

(Как шутливо заметил один из рабочих: «Если я все сделаю «по технологии», мастер Петров останется без зарплаты и до-о-олго будет перделывать!»).

В свете сказанного, описанная выше практика «нелегального» изготовления деталей на координатно-револьверном прессе (см. «летопись эксперимента») вовсе не является чем-то исключительным.

Что же касается удельного веса такого рода самостоятельности в выполнении производственной программы, то в данном случае удалось его измерить: за полтора года (с января 1981 по июль 1982 г.) доля продукции, выпущенной на ПКР при отсутствии официальных техпроцессов, составила свыше 40% всей продукции этого станка. А соответствующая доля продукции, выпущенной с использованием самодельной оснастки, — так даже 75%.

Особо отметим, что в условиях бригадной формы организации труда масштабы технологической самостоятельности рабочих резко возрастают. При этом развиваются разнообразные формы внутриколлективного взаимодействия и кооперации.

5.8. Как нам представляется, наиболее близко подошло к теоретическому осмыслению указанного феномена относительно молодое у нас исследовательское направление — социология организаций. Здесь сформировано понятие **внеформальной структуры** социальной, производственной организации, отличающееся от традиционного представления о «неформальной структуре» как системе межличностных, эмоциональных связей между членами коллектива. Внеформальная структура — в конечном счете синоним **самоорганизации**. Это — спонтанно развиваемая членами данной организации система связей, отношений, деятельности, направленная на «решение организационных задач способами, отличными от формально предписанных» ([17], с. 111).

А. И. Пригожин справедливо пишет о компенсаторной роли «внеформальной» активности: «...“Неисправность” формальной организации, вызывающая нарушение функций, важных для деятельности всего организационного механизма, компенсируется за счет функционально направленной самоорганизации» ([17], с. 114).

Основными механизмами и стимулами такой «внеформальной» общественно-трудовой активности выступают (перечисление — не в порядке приоритетов):

а) личная материальная заинтересованность;
 б) возможность принятия самостоятельных производственных решений; самореализация личности работника (как непринужденно заметил один из бригадиров: «Порядок нужен. Но в беспорядке работать интереснее!»);

в) нацеленность на конечный результат труда.

Здесь возникает уникальная — пока не обеспечиваемая официальным хозяйственным механизмом — ситуация относительного согласования государственных, коллективных и личных интересов в условиях социалистического производства. Следует, однако, отдавать себе отчет в принципиальной ограниченности задач, решаемых средствами внеформальной структуры. Развязываемый самоорганизацией потенциал индивидуальной и коллективной активности избирательно направлен на достижение производственной эффективности. Но — не большей, чем это определено заданием или планом!

Задействовать резервы для компенсации нынешних организационных издержек и приберечь оставшиеся для тех неурядиц, что возникнут впредь, — вот логика описанной практики. Самоорганизация рабочих, во всем изобилии и разнообразии ее форм (из которых мы здесь остановились только на одной, наиболее обыденной и распространенной), уже сегодня стала важнейшим социальным механизмом **функционирования** общественного производства. Но пока еще — не его развития по интенсивному типу!

5.9. Как отмечает академик Т. И. Заславская, «включаясь в систему экономических отношений и подчиняясь ее воздействию, работник постепенно приобретает новые личностные черты, усваивает определенные способы поведения и формируется в специфический социальный тип. А массовый тип работников, предполагающий определенное отношение к труду, мотивации и нормы поведения в производстве, в свою очередь становится важным условием функционирования и развития экономики» ([9], с. 25). Изложенное выше в какой-то мере может служить иллюстрацией этого общего тезиса.

В условиях, когда «система экономической сигнализации» *[хозяйственный механизм. — А. А.]* не обеспечивает нужного согласования интересов личности, коллектива и общества, а в ряде случаев стимулирует поведение, противоречащее общественным интересам ([9], с. 25), задача исследования закономерностей производственного поведения, в частности, его зависимости от системы экономических отношений общества, становится одной из первоочередных задач социологической науки. (Эта задача является ключевой в рамках развиваемого Т. И. Заславской и ее коллегами направления исследований, имеющего своим объектом социальный механизм советской экономики и определяемого ими как экономическая социология).

Здесь вырисовывается новый, пока еще мало освоенный нашей социологией предмет исследования. Мы для себя определяем его так: **человек в системе реальных производственных отношений**.

(Понятие реальных производственных отношений в нашей философско-социологической литературе выдвинуто А. А. Бутенко. В это понятие названный автор включает всю совокупность конкретных отношений производства, утвердившиеся формы распределения, обмена и потребления, управления и стимулирования труда и т. д., и т. п. ([6], с. 21-22). В известном смысле такая трактовка близка к современным представлениям о хозяйственном механизме).

Разумеется, возможности обобщений на материалах «исследования отдельного случая» (конкретной социально-производственной ситуации) ограничены. Однако нетрудно увидеть в этой ситуации черты массовидного и всеобщего. (Да и не только на данной конкретной ситуации строятся наши обобщения). Поэтому в рамках вновь сформулированного предмета (один из итогов нашего исследования) правомерно сформулировать и отвечающую ему обобщенную, объяснительную гипотезу:

— **Отмеченные «разрывы» и рассогласования в системе социальных норм производственной организации и в ценностно-мотивационной структуре личности работника суть следствие рассогласования общественных и личных интересов в системе реальных социалистических производственных отношений, что само по себе является свидетельством, выражением, социальной формой — сложившегося к данному историческому моменту относительного отставания этой системы от развивающихся производительных сил общества (их вещественных и личностных элементов).**

Отсюда, именно через совершенствование самой системы производственных отношений лежит магистральный путь к относительной гармонизации социально-нормативных и ценностно-мотивационных структур, «разрывы» в которых ныне существенно тормозят рост эффективности производства, равно как и позитивное развитие личности работника. С другой стороны, само состояние указанных структур (сохранение, минимизация либо увеличение «разрывов») представляется своеобразным социологическим показателем не только сиюминутной, но и долгосрочной (перспективной) эффективности тех или иных способов совершенствования системы производственных отношений.

5.10. Сформулированная выше объяснительная гипотеза не является плодом только наших собственных изысканий. Примечательно, что к выводу об относительном отставании характера производственных отношений от уровня развития производительных сил на данном этапе развития нашего общества так или иначе подходят исследователи, работающие в разных научных направлениях.

Можно указать по крайней мере на четыре реально представленных научных пути к указанному выводу:

а) **философско-социологический анализ** общих и специфических закономерностей общественно-исторических формаций, в частности — закономерностей реального социализма (например, А. А. Бутенко [6] и др. работы этого автора);

б) **экономическая социология**, исследование действительных производственных отношений социалистического общества, в частности — социального механизма советской экономики (работы Т. И. Заславской и ее коллег; например: [9]);

в) **историко-социологический анализ** структурных сдвигов в самих производительных силах социалистического общества, прежде всего — в их человеческой компоненте (работы Л. А. Гордона, Э. В. Клопова, А. К. Назимовой; например: [7], [8]);

г) наконец, **экспериментальная социология**, исследование производственной жизни изнутри, «глазами рабочего»...

Ремарка: «крамольный» вывод из анализа реальных производственных отношений или социального механизма развития экономики.

Вывод о существенном отставании производственных отношений советского общества от развития производительных сил был весьма отчетливо сформулирован в так называемом «Новосибирском манифесте» — докладе акад. Татьяны Ивановны Заславской на тему «Совершенствование производственных отношений социализма и задачи экономической социологии», прозвучавшем на межрегиональном научном семинаре «Социальный механизм развития экономики» (Новосибирск, 1983).

Социолог-рабочий не мог здесь сослаться на этот доклад (хоть и располагал его текстом), поскольку тот был издан под грифом «для служебного пользования».

В то время «небрежность» в хранении этого засекреченного препринта, не говоря уж о его «распространении», квалифицировалось как нанесение серьезного ущерба государству, тем более, что, неизвестными и для его автора, и для его читателей путями, текст этот попал-таки за рубеж и обильно цитировался «враждебными голосами». Насколько мне известно, партийные взыскания в этой связи получили сама Т. И., в Ленинграде — В. А. Ядов, а для автора этих строк хранение на дому и изготовление нескольких машинописных копий указанного препринта оказались в 1984 г. одним из формальных оснований для официального предостережения органов госбезопасности и исключения из КПСС.²⁸

²⁸ См. об этом ранее, в томе 2 настоящей книги: раздел 8.2 и др.

Правда, уже в марте 1985 г. (т. е. еще до начала «горбачевской перестройки») журнал «Знание-сила» (прежде всего благодаря усилиям его сотрудника Ирины Владимировны Прусс; см. о ней в томе 1 настоящей книги: глава 2) сумел опубликовать краткое изложение указанного доклада (Знание-сила, 1985, № 3). Полный текст доклада акад. Т. И. Заславской 1983 г. был впервые «открыто» опубликован на русском языке в кн.: *Заславская Т. И.* Российское общество на социальном изломе: взгляд изнутри. М., 1997. Извлечения из указанного доклада см. ниже, в приложении к настоящей главе.

Что касается самого содержания доклада, то среди его выводов был следующий:

«...Все это (изложенное в докладе ранее. — А. А.) свидетельствует о том, что действующая система производственных отношений существенно отстала от уровня развития производительных сил (выделено мною. — А. А.). Вместо того, чтобы способствовать их ускоренному развитию, она все более превращается в тормоз их поступательного движения. Одним из проявлений этого служит неспособность производственных отношений обеспечить нужные обществу способы поведения трудящихся в социально-экономической сфере...» (Цит. по: Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества. Деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2002, с. 23).

Здесь стоит заметить, что классиками марксизма именно отставание «характера производственных отношений» от «уровня развития производительных сил» выдвигалось как главная внутренняя причина революционной смены общественно-исторической формации. То было «азбучное» положение исторического материализма (марксова учения об обществе), хорошо известное всем советским обществоведам.

Однако те немногие отечественные ученые (перечисленные выше), которые отваживались тогда заключать о наличии такого отставания в обществе «развитого социализма», — от прямых ссылок на К. Маркса и Ф. Энгельса в данном случае воздерживались, избирая, так сказать, неявную форму предсказания (предостережения от...) того, что бурно растущие производительные силы могут «взорвать» устаревшие, тормозящие их развитие производственные отношения, содержание «взломает» форму.

Так или иначе, указанный «крамольный» вывод социолог-рабочий сделал не первым, хоть и подошел к нему в общем самостоятельно, на основе всей совокупности результатов своего эксперимента. (Январь 2004).

...Наш собственный исследовательский опыт, подкрепляемый результатами других аналитиков, позволяет выделить два круга проблем, требующих решения. Позволим себе сказать — два неперменных условия преодоления сложившегося отставания системы реальных производственных отношений от уровня развития производительных сил. Это:

а) дальнейшее **совершенствование хозяйственного механизма**, в частности, повышение заинтересованности работников и производственных коллективов в увеличении своего трудового вклада;

б) дальнейшее **развитие демократических начал**, в частности, создание предпосылок для более широкого и действенного участия трудящихся в управлении производством.

Как будет показано ниже, эти два направления работы по совершенствованию социалистических производственных отношений тесно взаимосвязаны и взаимообуславливают друг друга. (Условно назовем первое из них «экономическим», а второе — «политическим»). Постановку вопроса об их соотношении, на примере исследования проблем развития

и социальной эффективности социалистического соревнования, см. в нашей работе [3]. См. также [12]).

5.11.

«Мы в своем общественном развитии подошли сейчас к такому историческому рубежу, когда не только назрели, но и стали необходимыми глубокие качественные изменения в производительных силах и соответствующее этому совершенствование производственных отношений, — говорил тов. Ю. В. Андропов в своей речи на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС. — Это не просто наше желание, товарищи, это объективная необходимость, и ее нам, как говорится, не обехать и не обойти» ([14] с. 9).²⁹

В конечном счете, все способы управленческого воздействия на рассматриваемые процессы могут быть отнесены к одной из трех групп: а) административно-ограничительные; б) идейно-воспитательные; в) экономически-стимуляционные. Все эти три линии ныне включены и находятся в сфере пристального внимания нашей партии.

Первостепенное значение для регулирования производственных отношений имеет изменение социально-экономических условий развертывания общественно-трудовой активности. В этом направлении важный шаг был сделан Постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 12 июля 1979 г. («Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы»). Истекшие четыре года (как раз совпавшие с периодом нашего наблюдающего участия в низовом звене, так сказать, в «капилляре» народнохозяйственного организма) дают автору основания для вывода-гипотезы о том, что предпринимаемые ныне меры по совершенствованию хозяйственного механизма пока что адаптируются — как социально-нормативной структурой производственной организации, так и ценностно-мотивационной структурой личности работника. Это происходит без сколько-нибудь значимой трансформации названных структур.

Наиболее заметным, при рассмотрении «изнутри», с позиции наблюдающего участника, было действительно бурно прогрессирувавшее в эти годы внедрение бригадных форм организации труда (БФОТ). Однако приходится признать, что и оно имело ограниченные социальные и экономические эффекты.

На заводе, где работает автор, численность работающих в бригадах составляет около 60% от общего числа рабочих. По данным уже упомянувшегося социологического опроса рабочих (НИИКСИ при ЛГУ; 1982) из 400 опрошенных, ныне работающих в бригадах, а до этого — по той же специальности, но вне бригады, констатировали **отсутствие позитивных изменений**: — «в возможности планировать свою работу» — 52%; «в плане сокращения потерь рабочего времени» — 48%; «в возможности применить свои знания и опыт» — 58%; «в зависимости заработка от лич-

²⁹ Вот и Генеральный секретарь ЦК КПСС об «азах» марксизма вспомнил. Правда, в очень осторожной формулировке ему это спичрайтеры в уста вложили. (*Соврем. примеч.* — А. А.).

ного трудового вклада» — 64%; «в возможности влиять на ход дел на участке, в цехе» — 62%.

Наиболее замечаемыми самими рабочими **положительными эффектами** бригадного метода являются: — «развитие взаимопомощи, обмена опытом» — уверенно отмечено 54% из 800 опрошенных; «молодые рабочие быстрее осваиваются на производстве, овладевают мастерством» — 41%; «снятие, для каждого отдельного рабочего, проблемы деления работ на выгодные и невыгодные» — 39%.

К выводу о том, что все проводимые меры по совершенствованию хозяйственного механизма пока не дают желаемой отдачи, приходят, двигаясь «с другого конца», и управленцы-хозяйственники. (См., в частности, материалы «Круглого стола» журнала «ЭКО», где обсуждались 4-летние итоги перестройки хозяйственного механизма [15]).³⁰

5.12. (Настоящий параграф написан в соавторстве с Г. А. Климентовым).³¹

Есть основания утверждать, что не только практическое воплощение, но и сам по себе поиск базовой экономической модели хозяйственного механизма, адекватной требованиям современного этапа, пока далеко не завершены. Выскажем некоторые соображения на этот счет (стараясь не слишком выходить за рамки социологического предмета настоящей статьи).

Думается, что своего рода «солнечным сплетением» системы производственных отношений нашего общества является управление распределением, а ключевой проблемой — реализация социалистического принципа «От каждого — по способностям, каждому — по труду». Этот принцип, как известно, является специфическим для первой фазы коммунизма. Тов. Ю. В. Андропов в своей статье «Учение К. Маркса и некоторые вопросы строительства социализма в СССР» обращает внимание на так называемые «азбучные истины марксизма», с которыми «вообще следует обращаться бережно, ибо за непонимание или забвение их сурово карает сама жизнь» ([5а], с. 14). К таким «азбучным истинам» относятся взгляды Маркса на распределение. Согласно этим взглядам, напоминает тов. Ю. В. Андропов, при социализме каждый труженик «получает обратно от общества ровно столько, сколько сам дает ему» ([13а], с. 19).

Пока нет условий для полного социального равенства, необходим строжайший контроль за мерой труда и мерой потребления. В поиске эффективных средств такого контроля, по нашему мнению, следует опираться на реальный (иногда трудный) опыт, накапливаемый в недрах производственной практики.

Важнейшей особенностью подрядных бригад (если, конечно, они созданы не формально) является то, что там заработок определяется ре-

³⁰ О социальных эффектах бригадных форм организации и стимулирования труда см. также работу А. Алексеева, Б. Максимова, А. Тихонова (1984), представленную в томе 1 настоящей книги: приложение 2 к главе 5.

³¹ См. также в томе 2 настоящей книги: приложение 2 к главе 7.

альным трудовым вкладом, видимым каждому члену коллектива. Сам коллектив осуществляет контроль за соблюдением взаимного соответствия меры труда и меры потребления. Поднимемся, однако, несколько выше уровня бригады. Здесь обнаруживается многократно отмечавшийся парадокс: чем напряженнее план и, соответственно, выше реальный трудовой вклад коллектива, тем более коллектив проигрывает по сравнению с теми, кто вовсе к этому не стремится. В этом лишний раз убеждает опыт развития Щекинского метода в последние годы [18а]. Дело, как нам представляется, упирается в существующий порядок планирования фонда заработной платы и контроля за ней.

Отсутствие прямой связи фонда заработной платы коллектива с величиной его трудового вклада (при одновременной гарантии заработной платы каждому члену коллектива на основе тарифной ставки или оклада) порождает личную незаинтересованность в увеличении индивидуального и общего трудового вклада и безответственность за общие результаты работы. Как же установить эту прямую связь?

В условиях социализма главным измерителем конечного результата работы коллектива является **цена** произведенного продукта, установленная на уровне общественно необходимых затрат труда (за вычетом «чужого» труда (стоимость комплектующих изделий, полуфабрикатов, сырья, других ресурсов, а также амортизационные отчисления за износ оборудования, использование основных фондов). Иначе говоря — чистая продукция, вновь созданная трудом данного коллектива стоимость. В экономическом смысле именно эта вновь созданная стоимость есть конечный результат труда коллектива.

В чем же должна состоять оплата по этому «конечному результату»? Естественно принять, что такая оплата предполагает пропорциональное разделение овеществленного в продукте труда коллектива на две части: **труд на себя** (зарплата и отчисления в общеколлективный фонд предприятия) и **труд на общество** (отчисления в государственный бюджет для нужд общественного развития, реализация социальных программ и т. п.). Эти две составляющих цены всякого продукта (включающей, как уже отмечалось, и другие структурные компоненты) должны находиться в определенном, едином для всех производителей продуктов (и хорошо известном им!) количественном соотношении.

В. И. Ленин в свое время писал о необходимости строжайшего соблюдения «единой нормы в производстве и распределении продуктов» (Ленин В. И. ПСС, т. 36, с. 300). Мы полагаем, что функцию такой «единой нормы» на современном этапе социалистического строительства должна выполнять цена продукта, структурированная описанным выше образом.

Сразу оговорим, что сегодня цены образуются иначе и фонд зарплаты коллектива определяется не как вновь созданная стоимость за вычетом норматива труда на общество и отчислений в общеколлективный фонд, а (отвлекаясь от деталей) как средняя зарплата, исчисляемая на

основе тарифных ставок и окладов, помноженная на штатную численность работников. Т. е. оплата продолжает быть привязанной к работнику (рабочей силе), а не к продукту труда.

Теперь посмотрим, что вытекает из возможности последовательного внедрения единой пропорции труда на себя и труда на общество в цене каждого продукта. В таком случае у любого хозрасчетного коллектива (будь то бригада, цех, предприятие, объединение) и фонд заработной платы, и отчисления в бюджет оказываются в прямой зависимости от реального трудового вклада (чистая стоимость, созданный коллективом). Чем выше этот вклад, тем выше размеры как отчислений в бюджет, так и фонда заработной платы вкупе с общеколлективными накоплениями. Получается, что выгодное коллективу выгодно и обществу, и наоборот.

В этой новой для себя ситуации трудовой коллектив, взятый в целом, обретает заинтересованность информировать плановые органы о своих действительных производственных возможностях (чего сегодня, как известно, нет. Но само по себе выявление этих действительных возможностей немислимо без участия членов коллектива, рядовых работников (в чем они сегодня, как правило, не участвуют). Так могут возникнуть условия для естественного, органичного втягивания трудящихся в начальную и во многом определяющую сферу управления производством — планирование.

(Как показал проведенный одним из авторов этих строк анализ связей между ответами на различные вопросы анкеты в обследовании 4.000 ленинградских рабочих (исследование «Человек и его работа. 1976», под руководством В. А. Ядова), наиболее значимым для самоопределения работника в качестве «хозяина» или «не хозяина» у себя в цехе является такой момент участия в управлении производством, как возможность для рабочих влиять на составление плана своего производственного подразделения).

Думается, что лишь при этом условии и более высокие уровни планирования (сообразующие объективную информацию о производственных возможностях всякого данного коллектива с объективной же информацией об общественных потребностях в соответствующих продуктах и формирующие на этой основе сбалансированный план) смогут обрести «почву под ногами», а трудовой коллектив, выполняющий этот реалистический план, сможет «зарабатывать себе заработную плату». И — сам же ее распределять в соответствии с трудовым вкладом каждого из своих звеньев.

Тут вновь не обойтись без участия самих трудящихся — теперь уже для распределения фонда зарплаты внутри коллектива (включая необходимые отчисления в общеколлективный фонд). Тогда отпадает необходимость множества регламентаций сверху, фактически выступающих формой установления цены рабочей силы (тарифных ставок и должностных окладов с неизбежно сопутствующими им множественными и противоречивыми премиальными системами). Оказывается избыточной и нынешняя система нормирования труда, которая по существу (как было

показано выше) построена на личной незаинтересованности работников в технически обоснованных нормах.

В ведение первичных коллективов могут перейти и вопросы определения размеров индивидуальной заработной платы (внутри заработанного коллективом фонда заработной платы, исчисленного на основе норматива «труда на себя»), и вопросы установления индивидуальных норм выработки.

Решению задачи распределения заработной платы без «помощи» государственных тарифных ставок и окладов уже сегодня обучаются рабочие в действительно хозрасчетных бригадах. Опыт показывает, что и без участия нормировщика рабочие могут определять нормы и своевременно их пересматривать [16а]. Установление соотношений в оплате труда можно было бы осуществлять на основе рекомендаций государственных органов, в рамках коллективного договора. Нет сомнений, что практика найдет тысячи различных способов решения этой задачи, если принцип будет приведен в действие.

Не забудем оговорить, что отказ от тарифной системы как основы регулирования заработной платы вовсе не означает ни умаления роли государства в контроле за распределением, ни ликвидации гарантий в оплате труда. Все позитивные функции тарифной системы могут быть реализованы с гораздо большим эффектом при установлении нормативов зарплаты в ценах соответствующих продуктов. К тому же в лице членов хозрасчетных коллективов государство приобрело бы заинтересованных контролеров за мерой труда и мерой потребления.

Не исключена ситуация, когда коллектив по не зависящим от него причинам не заработает себе минимальный уровень зарплаты. По-видимому, компенсация должна осуществляться за счет специальных страховых фондов (по сути дела такая практика широко применяется и сейчас, при субсидировании «планово-убыточных» производств). При зарплате, существенно превысившей по тем или иным причинам общественно-нормативный уровень, государство могло бы применить прогрессивный подоходный налог.

Мы здесь не имеем возможности входить в обсуждение всех деталей данной экономической модели, выступающей, на наш взгляд, действительно социалистической альтернативой и директивно бюрократическим способам управления общественным производством, и разнообразным моделям так называемого «рыночного социализма». Да и сама эта идея требует дальнейшей разработки. Социологическая суть предлагаемого решения видится нам в действительной взаимоувязке «экономической» стороны совершенствования производственных отношений (эффективное стимулирование труда) с «политической» (демократизация управления производством). В этом — гвоздь всего дела.

Говоря о перспективах дальнейшего хода перестройки хозяйственно-го механизма, академик А. Г. Аганбегян отмечал (на «Круглом столе» журнала «ЭКО»):

«Самое трудное, по-видимому, будет заключаться в органическом сочетании усиления народнохозяйственной централизации, строгого соблюдения общегосударственных интересов со все более широкой самостоятельностью низовых хозяйственных ячеек, всемерной демократизацией управления и привлечением к участию в управлении широких масс трудящихся» ([15], с. 49).

Думаем, что описанная модель включает в себе предпосылки для преодоления такой трудности.

(Более подробно эта модель рассматривается в наших работах: [4]; [9a]; [9b]. См. также: [5a]).³²

5.13. (Настоящий параграф написан в соавторстве с С. Ф. Минаковой).

<...> В современных условиях отношение личности к своему собственному производственному поведению является противоречивым.

Выше отмечалось, что следование целому ряду социальных норм-стереотипов поведения, хотя и согласуется с ситуативными установками личности, однако пока еще осознается как «вынужденное» и не имеет сильного ценностного подкрепления. В частности, социальные ценности содержательного, осмысленного, приносящего общественную пользу труда, заинтересованности в его результатах, компетентности в своем деле («профессиональное достоинство»), ответственности (обиходно отождествляемой с массово одобряемым «единством слова и дела») остаются достаточно высокими в сознании личности. То же можно сказать о ценностях производственной самостоятельности, не урезаемой самоорганизации, возможности влиять на ход общественных дел.

Сам по себе отмеченный разрыв между различными уровнями ценностно-мотивационной структуры личности заслуживает неоднозначной трактовки. Он может интерпретироваться и как своего рода ценностная и социально-психологическая предуготовленность личности к смене стереотипов производственного поведения при соответствующих изменениях в общественных условиях труда.

Внутриличностный конфликт названных ценностей с реальными нормами социального поведения порой протекает довольно остро.

Личность приемлет разнообразные формы контроля за своей деятельностью, но болезненно переживает ситуации, когда ей «мешают» работать. Исследования, проведенные разными методами, позволяют усмотреть характерные признаки внутриличностной напряженности, своего рода «тоски» работника по полной трудовой и общественной самоотдаче.

Недостаток возможностей такой самоотдачи на производстве вытесняет интересы личности из трудовой сферы в сферу досуга, семьи, быта, потребления. Производственная деятельность в этих условиях приобре-

³² Как известно, радикальные социально-экономические и общественно-политические трансформации нашего общества, приватизация средств производства и т. д. 10 лет спустя привели к реализации принципиально иной модели «хозяйственного механизма», чем та (в сущности, социал-демократическая), которая тогда представлялась авторам преодолевающей социально-экономические тупики «развитого социализма».

тает для личности своего рода инструментальное значение создания материальных предпосылок для самоактуализации, самовыражения в других жизненных сферах. Это, очевидно, нежелательный социальный процесс, и приостановить, заблокировать его возможно лишь за счет устранения сохраняющихся моментов отчуждения работника от процесса и результатов своего труда.

Отсюда вырисовывается в качестве задачи первостепенной общественной важности — задача **гуманизации** социального института общественного производства, не в узко-прагматическом смысле, предлагаемом буржуазной доктриной «человеческих отношений», а в смысле обеспечения общественных условий для полнейшего раскрытия сущностных сил человека в процессе коллективного труда.

Анализируя перспективы развития общественного производства в условиях ликвидации частной собственности, К. Маркс писал:

«Предположим, что мы производили бы как люди... Наше производство было бы в такой же мере и зеркалом, отражающим нашу сущность... Мой труд был бы **свободным проявлением жизни** и поэтому **наслаждением жизнью**... Во-вторых, в труде я поэтому утверждал бы мою **индивидуальную** жизнь, следовательно, **собственное своеобразие** моей индивидуальности. Труд был бы моей **истинной, деятельной собственностью**» ([136], с. 35-36).

Фундаментальный тезис «Все для человека, все во имя человека!» может быть осмыслен также в плане своеобразного «удвоения» целей социалистического производства; не только создание материальных ценностей для удовлетворения постоянно растущих потребностей людей, но и создание возможностей для наиполнейшего раскрытия личностно-потенциала работника, для развития его (работника) способностей.

Глубинная потребность личности в самоутверждении, саморазвитии и самообновлении в деятельности требует первоочередного удовлетворения в ключевой сфере социальной жизни, каковой является общественное производство.

(В постановке вопроса об особых, гуманистических функциях социалистического производства мы опираемся, среди прочего, на наш опыт специального исследования этих функций применительно к другим социальным институтам, в частности системы вечернего и заочного высшего образования. См.: [14а]; [146]).

5.14. Обзор современной экономической литературы убеждает в том, что та ситуация освоения новой техники, в которую оказался вовлечен социолог-рабочий, является типичной.

Так, специальное исследование на машиностроительных предприятиях Саратова показало, что разрыв между сроками получения нового оборудования и ввода его в эксплуатацию достигает одного года; период же от ввода в действие до достижения проектных показателей по мощности и эффективности составляет 3-5 лет, а в случае морального устаревания оборудования проектные показатели вообще не достигаются

([23], с. 55). По данным Л. С. Бляхмана, в тяжелом машиностроении в первый год реализуется менее 1% общей фактической эффективности новой техники, во второй — 2, в третий — 15, в четвертый — 32, в пятый — 40% ([5в], с. 40).

История освоения координатно-револьверного пресса (ПКР) на Ленинградском заводе, описанная выше, может служить наглядным примером **дезинтегрированности** процесса технической инновации.

(Как отмечает А. И. Пригожин, «основное противоречие инновационного процесса — его дезинтегрированность, т. е. расхождение в нем между целями разного порядка. В тех или иных проявлениях это противоречие выступает во многих известных сегодня недостатках и неудачах нововведений» ([17], с. 24)).

Принято считать, что почти всякое новшество наталкивается на так называемые «психологические барьеры» недоверия, косности, «групповой самозащиты» и т. п. По нашему мнению, в основе всех этих явлений лежит противоречие интересов (соответственно — целей, мотивов, позиций) различных субъектов-участников инновационного процесса. Иначе говоря — отсутствие такого социального механизма, который обеспечивал бы не просто согласование, а совпадение этих интересов в том, что касается конкретного нововведения. Система отношений, отвечающая этому требованию, может возникнуть лишь на базе соответствующего хозяйственного механизма. Таким образом, выстраивается цепочка детерминаций:

хозяйственный механизм — групповые интересы участников инновации — социально-психологические проблемы процесса нововведения.

(Стоит сравнить это с объяснительной гипотезой о расхождении целей участников инновационного процесса как главном препятствии в осуществлении всего этого процесса, выдвинутой в исследовательской программе ВНИИСИ «Нововведения в организациях». Причем, как справедливо пишут составители этой программы, «само расхождение есть следствие не столько психологических особенностей индивидов, сколько задаваемой извне системы показателей и критериев оценки и неадекватности организационных структур» ([11], с. 19)).

Специфическую особенность данного, рассмотренного нами случая технической инновации составляет включение в него экспериментального момента (позиция и поведение социолога-рабочего). Возьмем на себя смелость утверждать, что освоение нового оборудования было этим обстоятельством отчасти ускорено и оптимизировано... Своеобразие роли рабочего-исследователя в данной технологической инновации состояло, по-видимому, в сочетании существенного (и не тривиального) расширения сферы **личной ответственности** за конечные результаты этого процесса (что потребовало совмещения в едином лице функций наладчика, оператора, технолога, ремонтника и инструментальщика) со своего рода «прессин-

гом» по отношению к инженерным службам или с повышенной требовательностью к качеству управленческих воздействий.

(В современной социологии организаций это последнее трактуется как «нетривиальный фактор» ситуационной структуры, складывающейся вокруг данного нововведения, фактор, формирующий своего рода «отрицательную направленность» в этой структуре, однако требующий закрепления и развития ([8а], с. 89).

Вместе с тем, рассматриваемый инновационный процесс сохранил свое фундаментальное качество «дезинтегрированности». Опыт показывает, что социально-нормативная структура производственной организации в современных условиях достаточно гибка, лабильна, «терпима» к разнообразным формам вненормативного, однако ценностно-обоснованного и ситуативно-оправданного поведения. С другой стороны, эта структура характеризуется высокой степенью устойчивости: трансформируясь в частности, она сохраняет общий принцип своего функционирования. В этих условиях всякая локальная и узко-целевая социальная инновация (вроде нашего экспериментального нормотворчества) имеет шансы быть «переварена» указанной структурой и преобразована в соответствии с господствующими в данной среде нормами социального поведения.

Эффективной в плане преобразования всей системы социальных норм производственной организации может быть только радикальная и **системная** общественная инновация, сознательно направленная на устранение «разрывов» в ключевых социально-нормативных комплексах.

Низкая эффективность, а порой и обратный эффект разнообразных технических, и особенно — организационных и социальных нововведений на социалистическом промышленном предприятии, не должны, однако, обескураживать. Ибо всякая инновация, имеющая позитивную направленность, имеет также важный демонстрационный эффект обнажения общественных противоречий и глубинных причин неудачи. Опыт общественного осмысления этих причин накапливается. Возникают предпосылки для инновационных поисков на новом уровне глубины, масштабов, значимости.

(Разумеется, накапливается и разочарование. Однако сохраняется общественная потребность в преобразовании существующих форм функционирования производственной организации. И эта настоятельная потребность то тут, то там находит выход в новых прецедентах позитивного социального нормотворчества).

5.15. Выше отмечалось, что «нормализация» системы социальных норм производственной организации и соответствующие изменения в ценностно-мотивационной структуре личности работника имеют своим неперенным условием направленное управленческое (партийно-государственное) воздействие на социально-экономические условия разветвления общественно-трудовой активности людей, совершенствова-

ние самой системы производственных отношений (в соответствии с совершающимися изменениями в производительных силах общества). Вместе с тем, решение указанных социальных задач представляется делом недостижимым лишь за счет шагов, предпринимаемых «сверху». Необходимо встречное движение «снизу». Реальных социальных эффектов следует, по-видимому, ожидать на пути соединения того и другого.

В этой общественно-исторической ситуации разнообразные проявления коллективной и индивидуальной «не вынужденной» инициативы (и прежде всего — в общественно-трудовой сфере) приобретают значение и смысл актов не только социального творчества, но и **социальной ответственности**.

«Хорошо, если бы каждый из нас чувствовал себя как вратарь на поле: за тобой никого нет, если ты мяч не возьмешь — команде гол», — пишет ленинградский рабочий А. Г. Солипатров ([20], с. 163).

Вопрос, однако, состоит в том, как этой инициативе «ставить себя» и развиваться в том социально-нормативном контексте, который она отчасти претендует изменить.

В ходе проводимого эксперимента нами предпринята попытка обобщения и индивидуального испытания научно-практического принципа **адаптационного нормотворчества** или социально-нормативных прецедентов.³³ Этот принцип учитывает высокую инерционность функционирования общественного (в частности, производственного) организма и рассчитан на подготовку почвы для необходимых и, в известном смысле, неизбежных преобразований в нем.

(Понятие **прецедента** теоретически интересно разработано В. К. Тарасовым. Этот автор называет прецедентом «опыт причинно-следственной связи между реальным поведением и нормативной структурой, уточняющий или отвергающий общезначимую нормативную цель» ([22], с. 225). Различаются «активные» и «пассивные» прецеденты. Первые сознательно инспирируются субъектом, во вторых — субъект в лучшем случае играет роль «очевидца» или «жертвы». Возможны комбинации того и другого. Например, «активный с точки зрения инициатора прецедент может восприниматься как пассивный» ([22], с. 225). В нашем эксперименте преимущественно осуществлялись прецеденты активные по сути, но не претендующие быть воспринятыми в качестве таковых; ср. выше — рассуждение о «вынужденной инициативе»).

Выдвигаемый нами **принцип адаптационного нормотворчества** (социально-нормативных прецедентов) **состоит в направленном, но не акцентированном расшатывании рутинного блока социальных (в частности, социально-производственных) норм-стереотипов поведения и в создании накапливающихся предпосылок для его обновления (замещения). Это может осуществляться путем ненавязчивого задания таких образцов индивидуаль-**

³³ См. об этом ранее, в томе 1 настоящей книги: раздел 3.3.

ного и коллективного поведения, которые хоть и расходятся с господствующими нормами-стереотипами, однако отвечают массовым ценностным ориентациям. [*Здесь — выделено мною сегодня. — А. А.*].

(К широко известным примерам коллективной реализации этого принципа, по-видимому, относятся Щекинский, Калужский, Акчийский и некоторые другие социально-экономические эксперименты. Однако в предпосылке их всегда лежит индивидуальная нормотворческая практика. Эта практика заслуживает специального социологического изучения и осмысления, а также научной разработки ее задач, форм, методов).

5.16. В заключение автор считает необходимым отметить, что им получен ряд методических результатов, связанных с разработкой и опробованием метода **наблюдающего участия и моделирующих ситуаций** (см. выше). Наконец, в мировоззренческом плане (или в плане выработки «мироотношения») эксперимент социолога-рабочего дает определенный материал для обоснования выдвигаемого автором принципа **единства практической деятельности, рефлексии и игры** как эффективного способа реализации активной жизненной позиции личности в современных условиях.

Литература

1. *Алексеев А. Н.* Применение метода включенного наблюдения в комплексном социальном исследовании (из опыта изучения сельской молодежи) / Молодежь. Образование, воспитание, профессиональная деятельность. Л., 1973.
2. *Алексеев А. Н.* Социальные проблемы развития и эффективности социалистического соревнования (по данным конкретно-социологического исследования) / Социальное и культурное развитие рабочего класса в социалистическом обществе (методические и методологические вопросы), часть 2. М., 1982.
3. *Алексеев А. Н.* Социальные нормы производственной организации и жизненная позиция личности (из опыта «экспериментальной социологии») / Проблемы социального познания и управления. Томск, 1982.
4. *Алексеев А. Н., Климентов Г. А.* Экономические аспекты участия трудящихся в управлении производством // Проблемы применения коллективных и коллегиальных форм управления на предприятиях (объединениях). Тезисы докладов. Таллин, 1980.
5. *Алексеев А., Климентов Г.* Для всех — как для себя! // Литературная газета, 1982, № 7.
- 5а. *Андропов Ю. В.* Учение К. Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР. М., 1983.
- 5б. *Бляхман Л. С.* Экономика научно-технического прогресса. М., 1979.
- 5в. *Бобнева М. И.* Социальные нормы и регуляция поведения. М., 1978.
6. *Бутенко А. А.* Противоречия социализма как общественного строя // Вопросы философии, 1982, № 10.

7. *Гордон Л. А., Назимова А. К.* Производственный потенциал советского рабочего класса: тенденции и проблемы развития // Вопросы философии, 1980, № 11.

8. *Гордон Л. А., Назимова А. К.* Социально-профессиональная структура современного советского общества: характер и направление перемен // Рабочий класс и современный мир, 1983, № 3.

8а. *Дудченко В. С.* Ситуационные структуры в организации / Структура инновационного процесса. Труды конференции. М., 1981.

9. *Заславская Т. И.* Экономическое поведение и экономическое развитие // ЭКО, 1980, № 3.

9а. *Климентов Г. А.* Преимущества бригады и условия их реализации / Опыт ленинградских предприятий по повышению эффективности использования основных производственных фондов. Материалы семинара. Л., 1981.

9б. *Климентов Г. А.* Роль цены в совершенствовании организации соцсовершенования / Совершенствование оптовых цен на продукцию машиностроения. Материалы семинара. Л., 1982.

10. *Лапин Н. И.* Актуальные проблемы исследования нововведений // Социальные факторы нововведений в организационных системах. Труды конференции. М., 1980.

11. *Лапин Н. И., Пригожин А. И., Сазонов Б. В., Толстой В. С.* Нововведения в организациях (общая часть исследовательской программы) / Структура инновационного процесса. Труды конференции. М., 1981.

12. *Левин М.* Молодежь и труд (размышления социологов и журналиста) // ЭКО, 1983, № 8.

13. *Мазитова Р. К.* Заработная плата и проблемы ее взаимосвязи с экономическими интересами (вопросы теории и методологии). Казань, 1983.

13а. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Издание второе. Т. 19.

13б. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Издание второе. Т. 42.

14. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 14-15 июня 1983 г. М., 1983.

14а. *Минакова С., Алексеев А.* Овладение специальностью и овладение собой // Молодой коммунист, 1982, № 10.

14б. *Минакова С. Ф.* Заочное и вечернее студенчество: способ жизни и социальные эффекты // ЭКО, 1983, № 6.

15. Нужна решительная перестройка // ЭКО, 1983, № 8.

16. *Ольшанский В. Б.* Личность и социальные ценности / Социология в СССР, т. 1, М., 1966.

16а. *Парфенов В.* Бригады // Правда, 27 июня 1983 г.

17. *Пригожин А. И.* Социология организаций. М., 1980.

18. *Пригожин А. И.* Межорганизационные ролевые позиции в инновационном процессе / Структура инновационного процесса. Труды конф. М., 1981.

18а. *Радов А.* Щекинский парадокс // Октябрь, 1982, № 4.

19. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. Л., 1979.

20. *Солипатров А. Г.* Глазами рабочего // Знамя, 1979, № 7.

21. Социально-психологические проблемы производственного коллектива. М., 1983.

22. Тарасов В. К. Порядок, прецедент, реорганизация / Проблемы управленческих нововведений и хозяйственного экспериментирования. Таллин, 1978.

23. Улицкий А. И., Друзин В. В. Эксплуатационная подготовка новой техники — самостоятельное звено производства // ЭКО, 1983, № 2.

24. Ядов В. А. Отношение к труду: концептуальная модель и реальные тенденции // Социологические исследования, 1983, № 3.

А. Алексеев, сентябрь 1983

Приложение

**Рубрикатор для обработки протоколов наблюдающего участия
«Человек в системе реальных производственных отношений» (1983)**

А. Человек и его профессия (трудовой процесс)

1. Чем занимался на работе
2. Профессиональные достижения
3. Профессиональные неудачи
4. Профессиональные «открытия»

Б. Реальные производственные отношения

1. Кто чем занят в бригаде
2. Отношения «бригадир — рабочие»
3. Отношения «мастер — бригада»
4. Отношения между бригадами
5. Отношения «вспомогательные службы — рабочие основного производ-

ства»

6. Отношения «цеховая администрация — рабочие»
7. Самодеятельная рабочая технология
8. Проблемы нормирования и оплаты
9. Внедрение новой техники
10. ПКР и вокруг него

В. Социально-психологическая атмосфера

1. Внутрибригадные отношения и контакты
2. Разговоры, реплики, настроения
3. Мои незапланированные интервью

Г. Официальная общественно-производственная жизнь

1. Мероприятия, собрания коллектива и т. п.
2. Доска объявлений и распоряжений
3. Партийная жизнь
4. Социальные функции промышленного предприятия

Д. Комплексные социальные сюжеты

11.2. «В статье содержатся искажения отдельных фактов, а выводы и обобщения представляются неправильными»

[В начале 1984 г. сотрудники Управления КГБ по Ленинградской области вернули автору вышеприведенную рукопись (в отличие от рабочих дневников и писем, на материалах которых эта статья писалась).

Ниже рассказывается о том, как социолог-испытатель летом 1984 г. — уже после исключения из рядов КПСС — пытался получить по месту работы, на заводе, так называемый акт экспертизы, необходимый для публикации статьи.³⁴ — А. А.]

Из «Записей для памяти» (июль 1984)

<...> В середине июня 1984 г. я явился на прием к заместителю директора завода по кадрам и режиму В. Л. **Пономареву** — за консультацией: как получить акт экспертизы на свою работу «Социальные нормы, инновационный процесс, активность личности (по материалам наблюдающего участия в конкретной социально-производственной ситуации)».³⁵ Тот сообщил мне, что экспертную комиссию у нас возглавляет главный конструктор завода, профессор, доктор технических наук, лауреат Государственной премии Генний Степанович **Ершов**, и мне следует обратиться к нему.

Пономарев при мне позвонил Ершову и предупредил о моем предполагаемом визите.

Весь последующий месяц (с 15 июня по 13 июля) я находился в регулярном деловом контакте с главным конструктором завода. Общение это не было неприятным ни для меня, ни, смею думать, для тов. Ершова. (Сужу об этом хотя бы по тому, что тот ни разу не адресовал меня к своей секретарше). В одну из наших последних встреч проф. Ершов дружелюбно заметил, что на подготовку акта экспертизы только на эту статью он затратил столько же времени, сколько на всю свою предшествующую деятельность в качестве председателя комиссии (!).

По-видимому, рутинным порядком выдачи работникам завода актов, свидетельствующих, что в подготовленном для публикации материале «не содержатся сведения, составляющие государственную тайну, и другие сведения, не подлежащие опубликованию в открытой печати» (например, такие, которые могли бы составить предмет изобретения или открытия, или иные, открытое опубликование которых «может нанести вред Советскому государству»)³⁶, является более или менее беглый просмотр работы председателем комиссии, после чего акт оформляется в бюро патентов и научно-технической информации завода почти автоматически.

³⁴ О целях и порядке получения экспертных заключений на научные публикации в те годы см. ранее, в томе 2: раздел 10.13.

³⁵ Так первоначально называлась статья о «человеке в системе реальных производственных отношений» (см. предыдущий раздел).

³⁶ Стандартные формулировки актов экспертизы того времени.

Здесь от этого «стандарта» пришлось отступить, хотя бы в силу нетривиальности (для экспертной комиссии) предмета или темы подлежащего рассмотрению материала. Впрочем, вероятно, и не только поэтому, ибо прецеденты выдачи актов экспертизы на работы социально-экономического содержания на заводе все же были (и затруднений, как в моем случае, не возникало).

Всего объема затруднений не предусматривал и сам председатель, успевший ознакомиться с 70-страничной статьей на следующий же день по ее получении и рассчитывавший, вероятно, на столь же оперативную работу своих коллег. Для ускорения дела (а может, и согласно существующему порядку) у меня был затребован еще один экземпляр статьи и на всю эту процедуру председателем комиссии была отведена неделя.

Мы общались с проф. Ершовым по внутривзаводскому телефону, хотя тот любезно приглашал меня зайти, но, ввиду его очевидной для меня занятости, я воспользовался для передачи текста в середине июня услугами секретарши, и лишь три недели спустя впервые встретился лично. (Звонил всегда я, но каждый раз в срок, назначенный самим главным конструктором).

На исходе третьей недели телефонных контактов, а именно — 6 июля, Г. С. Ершов сообщил мне, что почти все члены комиссии, включая начальника 1-го отдела, не только ознакомились с материалом, но и, вслед за председателем, подписали акт. Однако у секретаря парткома завода В. Д. **Щекина** возникли возражения.

(«Он, вероятно, был знаком с Вашей статьей раньше?» — «Возможно, — сказал я. — В свое время эта работа передавалась мною для ознакомления в комиссию партийного расследования»).

Проф. Ершов сказал, что мне следует теперь самому встретиться с секретарем парткома. Я спросил, могу ли рассматривать это как передаваемое мне через него (Ершова) приглашение от секретаря парткома к беседе по вопросу о моей статье. После короткого раздумья, проф. Ершов ответил утвердительно и сказал, что я во всяком случае могу на него сослаться.

Тогда же я поинтересовался, является ли секретарь парткома членом экспертной комиссии, на что ответ был отрицательный. «Стало быть, тов. Щекин предлагает мне встретиться с ним не в качестве члена экспертной комиссии, а в качестве именно секретаря парткома?» — «Выходит, что так».

В тот же день, в пятницу, 6 июля, я информировал о факте такого приглашения секретаря партбюро цеха, токаря А. П. **Червякова**, сообщив дополнительно, что приглашение передано через главного конструктора завода, причем остается неизвестным, на какое именно время меня приглашают в партком. Об этом, сказал я, удобнее всего было бы навести справки не мне, а секретарю партбюро цеха. Через полчаса Червяков подтвердил, что секретарь парткома тов. Щекин «ждет меня», в понедельник, 9 июля, в 16 час.

Понедельник, от 16 час, как оказалось, является временем приема трудящихся секретарем парткома. Щекин сказал, что он меня не приглашал, а на мое предположение о предмете беседы (акт экспертизы на статью) заметил, что никаких документов на этот счет к нему не поступало. Я выразил

сожаление в связи с возникшим недоразумением и откланялся, не проводя в кабинете секретаря парткома и одной минуты, в общей сложности.

В понедельник, после 16 час. принимает трудящихся также и главный конструктор, и я отправился прямо к нему. У Ершова в это время происходило оперативное совещание (человек 15), и я решил дожидаться, пока оно кончится. Узнав, что к нему в урочное время пришли на прием, Ершов покинул заседание, на котором председательствовал, и свыше 10 мин. занимался моим делом.

После предпринятого им тут же телефонного разговора со Шекиным, а также наведения справок в бюро патентов и НТИ, Ершов сообщил мне, что документы не поступили в партком потому, что задержались у главного технолога Л. П. **Смирнова**, который является единственным еще не подписавшим акта членом комиссии. Тот отказывается подписывать акт и пока что не представил запрошенного у него председателем комиссии объяснения своего отказа.

Проф. Ершов было предложил мне встретиться еще и с главным технологом завода, «для ускорения дела». Но я сказал, что, при всей моей благодарности за исчерпывающую информацию, я не хотел бы использовать эту информацию для форсирования решения, и готов подождать, пока комиссия сама это решение примет. Мой собеседник счел мое соображение скромным и вполне уместным и на своем предложении не настаивал.

Я, правда, выразил озабоченность, что могу не успеть получить ответа экспертной комиссии до своего ухода в отпуск 16 июля. Но, по-видимому, к моему возвращению 9 августа какое-то решение будет все же принято, и без моего участия. Где месяц ждал, можно и полтора подождать... Тут проф. Ершов сообщил (озабоченно), что на днях сам уходит в отпуск, и вернется лишь в конце августа. Такой срок ожидания ответа показался мне чрезмерным, и я попросил Гения Степановича, в таком случае, перепоручить это дело кому-либо из своих подчиненных.

Следующий, назначенный проф. Ершовым телефонный звонок ему в среду, 11 июля, обнаружил ситуацию, как будто тупиковую: акт экспертизы подготовлен и подписан всеми членами комиссии, кроме главного технолога Смирнова, который ставит свою подпись категорически отказывается, и никаких объяснений получить от него вроде бы не удастся. Председатель комиссии обещал навести справки, как следует поступать в подобных случаях (прецедентов разногласия в экспертной комиссии на заводе еще не было).

К концу того же дня, уже при личной встрече, Гений Степанович информировал меня о найденном, в итоге всех консультаций, «компромиссе». Он ознакомил меня с проектом заключения, которое готовы подписать **все** члены экспертной комиссии, включая главного технолога Смирнова и специально для данного случая привлеченного в комиссию секретаря парткома Шекина.

Строго говоря, трое членов экспертной комиссии: сам проф. **Ершов**, начальник 1-го отдела **Мартынов** и начальник бюро патентов и НТИ **Авагунов**, — уже подписали заключение, сводящееся к одной фразе:

«В результате рассмотрения материала по существу его содержания, комиссия считает, что рассмотренный материал может быть опубликован в открытой печати, так как он не содержит сведений, препятствующих его публикации...».

Теперь же этот текст дополнялся еще одной фразой:

«...В то же время комиссия считает публикацию нецелесообразной, так как в статье содержатся искажения отдельных фактов, а выводы и обобщения представляются неправильными».

Я сказал, что не считаю возможным указывать экспертной комиссии, **что** ей следует писать в акте, хоть и убежден, что последняя фраза выходит за пределы компетенции комиссии, призванной лишь исключить проникновение закрытых данных в открытую печать. Моя единственная просьба: коль скоро сделана такая приписка, указать тут же, **какие именно** факты искажены (надо еще заметить, что в статье ни разу не упоминается название завода) и какие именно выводы и обобщения сочтены неправильными.

Эта просьба была мягко отклонена Ершовым — «во избежание полемики». Я сказал, что вовсе не собираюсь вступать в полемику, даже не претендую, чтобы меня предварительно знакомили с этими уточнениями. Но они наверняка понадобятся редколлегии печатного органа, который получит этот акт вместе со статьей.

В самых общих чертах проф. Ершов обрисовал, что именно не устраивает в моей статье экспертную комиссию (или одного из ее членов?), но заметил, что разворачивать эти соображения в заключении комиссии — нежелательно. Я не настаивал и выразил лишь удовлетворение тем, что в моем материале не усмотрено «сведений, препятствующих его публикации».

В пятницу, 13 июля, по телефону я узнал от Ершова, что акт подписан **всеми** членами комиссии и утвержден директором завода А. Д. **Долбежким**. Главный конструктор адресовал меня за этим актом в бюро патентов и НТИ, предупредив, однако, что с выдачей документа на руки могут возникнуть трудности: работники бюро как будто выдают такие акты только по запросу печатного органа.

Это новое, финишное препятствие получило подтверждение в беседе с сотрудницей бюро патентов Т. А. **Романовой**, с той лишь разницей, что она мотивировала отказ выдать готовый и утвержденный акт на руки тем, что «экспертная комиссия возражает против публикации статьи».

Об этом новом обстоятельстве мне пришлось информировать Ершова. Оба мотива (и вначале предположенный им, и позднее обнаруженный мною) были настолько нелепы, что Гений Степанович выразил готовность лично вмешаться также и в этот, сугубо процедурный, вопрос. Я же сказал, что, если он осведомлен о моем нынешнем положении («да, осведомлен!»), то, наверное, понимает, как мне не хотелось бы куда-либо — еще и по этому поводу — обращаться.

Между тем, совершенно очевидно, что, получив акт с таким заключением, ни один печатный орган не станет публиковать статью, не связавшись предварительно с учреждением, выдавшим этот акт. Стало быть, беспокойство о бесконтрольном — для завода — использовании этого документа безосновательно (разве что я его фальсифицирую).

С другой стороны, без какого-либо письменного подтверждения, что экспертиза все-таки произведена, я не смогу даже обратиться ни в одну редак-

цию, заметил я. Поэтому, если завод настаивает на невозможности выдать мне на руки требуемый документ, пусть выдадут хотя бы справку, выписку из акта (желательно, с полным текстом заключения). Это не заменит самого акта экспертизы, но по крайней мере подтвердит сам факт его существования. Тогда и печатный орган сможет официально запросить у завода оригинал документа, в случае необходимости.

При таком «компромиссе» у меня, конечно, еще оставались бы основания обжаловать действия комиссии, но тогда я этим своим правом не воспользуюсь, сказал я.

<...> Еще через 10 мин. сотрудник бюро тов. Романова выдала мне на руки один экземпляр акта экспертизы на «социологическое исследование» (так написано в документе) «Социальные нормы, инновационный процесс, активность личности» (73 стр.), выполненное «по открытому плану». Работа рассматривалась на заседании экспертной комиссии 3 июля. Утверждено директором завода 12.07.84.

Надо заметить, что по существующим, по крайней мере в обществоведческих научных изданиях, правилам акт экспертизы представляют в двух экземплярах, поэтому он заготавливается всегда в 3-х (один остается по месту выдачи). Здесь экземпляров было всего два, и мне был вручен один (может быть, в Минлегпишемаше другие порядки...).

Уже будучи в отпуске, по прибытии в г. Сочи 17 июля, я вложил в конверт взятый с собой оттиск журнала «ЭКО» (№ 8 за 1983 г.) с моим, совместно В. Ядовым и Н. Щербаковым, интервью, взятый у нас журналистом М. Левиным³⁷, надписав на этом оттиске: «Гению Степановичу Ершову, с уважением и симпатией. Андрей Алексеев, июль 1984», — и отправил по адресу: Ленинград, наб. реки Карповки, 5. Ленинградский завод полиграфических машин. Г. С. Ершову (лично).

(Записано в конце июля 1984 г.)

Вместо заключения (к главе 11)

Вышеприведенная «запись для памяти» может служить наглядным примером «дневника факта», или протокола жизни (см. об этом жанре в предыдущей главе).

...Автор и по сей день хранит теплые воспоминания о деловом общении с Гением Степановичем Ершовым, ныне покойным.

Полгода спустя после выдачи упомянутого акта, в адрес заводской экспертной комиссии поступило из Новосибирска письмо от Р. В. Рывкиной³⁸:

«В связи с обсуждением вопроса о публикации статьи А. Н. Алексеева в сборнике, подготавливаемом ИЭиОПП СО АН СССР³⁹, прошу Вас расшифро-

³⁷ Об этом интервью см. ранее, в томе 2 настоящей книги: раздел 7.10.

³⁸ О Розалине Владимировне Рывкиной см. в томе 1 настоящей книги: глава 2; в томе 2: главы 9, 10). Р. Рывкина — одна из адресатов «Писем...» социолога-рабочего 80-х гг. Непосредственный участник описываемых в данной книге событий. Ныне живет в Москве. Профессор, зав. лабораторией экономической социологии Института социально-экономических проблем народонаселения РАН.

³⁹ Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Академии наук.

вать оценку, данную статье экспертной комиссией. В частности, укажите, какие именно искажения фактов допущены, какие выводы неправильны. Получив Ваше авторитетное для нас мнение, мы сможем соответствующим образом отредактировать статью, поскольку с научной точки зрения (со стороны методов, теоретической стороны вопроса) она представляет несомненный интерес...» (подпись: докт. эконом. наук Р. В. Рывкина. Январь 1985).

По времени этот запрос случайно совпал с понижением в должности (за те самые факты, которые «искажены»!) главного технолога завода (он же — член экспертной комиссии; см. выше) Л. Смирнова, того самого, который особенно энергично возражал против публикации статьи. Ответа с завода Р. Рывкина, кажется, тогда не получила.

...Прошло еще два года. В декабре 1986 г., экспертная комиссия «Леннолиграфмаша», к которой автор обратился вновь, сняла свои возражения против публикации статьи и выдала-таки акт экспертизы, строго соответствующий прерогативам комиссии.

А еще через три года сама процедура получения таких «разрешений» ушла в прошлое. Во всяком случае, для состоявшейся в 1989 г. публикации этой статьи в сборнике, вышедшем в издательстве «Наука», никакого акта экспертизы уже не потребовалось.

А еще через три года сама процедура получения таких «разрешений» ушла в прошлое. Во всяком случае, для состоявшейся в 1989 г. публикации этой статьи в сборнике, вышедшем в издательстве «Наука», никакого акта экспертизы уже не потребовалось.³⁹ (Март 2001 — май 2003).

* * *

Постскриптум к главе 11

Заметим, что в публикуемой здесь работе о «человеке в системе реальных производственных отношений», датируемой 1983 г., социально-трудовые отношения обсуждаются в терминах «двуслойности» социальных норм, имея в виду, как правило, противоречащие друг другу декларируемые «**нормы-требования**» и реально действующие «**нормы-стереотипы поведения**» (см. раздел 11.1).

В современной социологической литературе более распространена постановка вопроса о соотношении **формальных** и **неформальных правил (и практик)**. Например:

«...Важный аспект структурирования трудовых отношений — их неформальная составляющая. Это устные, неявные и подразумеваемые правила, которым следуют работники и работодатели в разных областях заводской жизни и в личных взаимоотношениях. Соответственно формальные правила писаны, гласны и фиксированы.

³⁹ Пользуюсь случаем выразить признательность Илье Георгиевичу Шаблинскому, редактору-составителю сборника «Новое политическое мышление и процесс демократизации» (М., 1989), где статья о «человеке в системе реальных производственных отношений» — в сокращении — впервые увидела свет.

Легитимность правил зависит не от степени их формализации, а от того, насколько они общеприняты, насколько им следуют в производственной практике... Также нельзя предполагать, что формальные правила более институционализированы, чем неформальные. Неформальные могут так же сильно, как и неформальные, предопределять поведение и взаимоотношения работников... Формальность имеет реальное влияние на социальные отношения только при условии, если она пропитана реальными практиками.

...И те, и другие (правила. — А. А.) могут изменяться в результате действий и практик социальных акторов (т. е. субъектов трудовых взаимоотношений), им присущи разные характеристики — они могут быть более или менее стабильными, более или менее гибкими или жесткими и т. п.» (Становление трудовых отношений в постсоветской России (Социологический анализ пяти случаев российского менеджмента в сравнении с практикой Канады и Германии). М.: Академический проект, 2004, с. 135-136).

*Используя разные методы эмпирического исследования, автор цитированной работы приходит к выводу о безусловном **доминировании неформальных правил и практик над формальными** — на всех (пяти) обследованных российских заводах; разумеется, с дифференциацией соотношения тех и других в менеджментах разного типа, однако — универсально для всех типов. При этом «неформальность трудовых отношений охватывает все сферы функционирования предприятий», будь то область организации труда и заработной платы, обеспечение качества труда, правила приема на работу и увольнения, поддержание дисциплины и т. д. (см. указ. соч., с. 297-299).*

Подводя итог анализу этой проблемы, автор данного раздела коллективного исследования (Карин Клеман) пишет:

*«...Неформальность существовала и при советской системе..., но сегодня она приобрела гораздо больший масштаб (! — А. А.) и, применительно к новой экономической и социальной обстановке, обрела иной смысл, более соответствующий западному понятию гибкости. Самый подходящий русский эквивалент — **“пластичность”**. Пластичность указывает на способность человека сгибаться под давлением системной реструктуризации, не ломаясь и не сопротивляясь под угрозой потери своего “Я”. При этом высокоресурсные довлеют над слабыми в навязывании своих правил. Такими ресурсами... являются не только материальный капитал, но и связи, знание, мобильность, способность ориентироваться в ситуации с большой степенью неопределенности» (Указ. соч., с. 189).*

*Может показаться парадоксальным, что в российском обществе «развитого социализма» в данном аспекте имело место своего рода «опережение» определенной **глобализационной** тенденции. (Апрель 2005).*

Приложение к главе 11

П.11.1. «Новосибирской манифест» советской социологии

Из доклада Т. Заславской «О совершенствовании производственных отношений социализма и задачах экономической социологии» (1983)

<...> Результаты развития экономики могут носить как экономический, так и социальный характер. В области экономики результатами функционирования социального механизма служат определенные темпы прироста национального дохода¹, качество использования природной среды, эффективность научно-технического прогресса. Социальным же результатом его работы служит формирование специфического типа субъекта экономической деятельности: работника (исполнителя или руководителя), получателя доходов, покупателя и потребителя.

Каждая система производственных отношений формирует особый, соответствующий ее сущности социальный тип человека как экономического деятеля, в первую очередь — **специфический тип работника** [*здесь и далее выделено мною. — А. А.].* Особенности этого типа определяются не такими экзогенными по отношению к производственным отношениям признаками, как возрастно-половой состав, профессионально-квалификационная структура, физическая сила, здоровье и пр., а твердо усвоенными **нормами поведения в сферах производства, распределения, обмена и потребления**. Для оценки формируемого конкретной системой производственных отношений социального типа работников важно наличие у основной их массы таких качеств, как добросовестность, исполнительность, ответственность, надежность, дисциплинированность, способность к самостоятельному принятию решений, в том числе оправданному риску, честность, порядочность, принципиальность, бережливость и др.

Судить о социальных качествах работников можно лишь на основе их поведения, что создает впечатление тождественности понятий «тип работника» и «тип поведения». Но действительное содержание этих понятий различно. Поведение носит более конъюнктурный характер и зависит не только от типа работника, но и от внешних обстоятельств, в которые он в данный момент поставлен. Поэтому формы экономического поведения гораздо сильнее меняются при изменении внешних условий.

---

¹ Из начала доклада: «...В последние 12-15 лет в развитии народного хозяйства СССР стали обнаруживаться тенденции к заметному снижению темпов роста национального дохода. Если в восьмой пятилетке среднегодовой прирост его составлял 7,5% и в девятой — 5,8%, то в десятой он снизился до 3,8%, а в первые годы одиннадцатой составил около 2,5% (при росте населения страны в среднем на 0,8% в год). Это не обеспечивает ни требуемых темпов роста жизненного уровня народа, ни интенсивного технического перевооружения производства...».

В отличие от этого принадлежность сложившегося в личностном отношении работника к определенному социальному типу является длительно действующим фактором, влияние которого сказывается на развитии экономики не только в течение всей жизни данного поколения, но и после его ухода с исторической сцены в связи с духовным влиянием старших поколений на младшие. Отсюда историческая преемственность специфических черт разных национальных групп работников (например, русских, грузинских, эстонских, немецких), каждая из которых бы несет отпечаток путей развития соответствующих народов на протяжении веков. Поскольку преобладающий в каждый период социальный тип работников является результатом не только действующих, но и ранее существовавших общественных отношений, отраженных в национальной культуре, постольку он обладает большой инерцией и нелегко поддается воздействию со стороны управляющих органов.

Однако инерционность социальных качеств работников не устраняет необходимости целенаправленного реформирования их социалистическим обществом, в первую очередь путем совершенствования социального механизма экономики. Ибо хотя этот механизм не способен в короткий срок изменить сложившийся тип работника в нужную сторону, но достигаемые в этом отношении результаты положительно сказываются на развитии экономики на протяжении длительных сроков и оказывают существенное влияние на развитие общества в целом.

В свете сказанного надо признать, что социальный механизм развития экономики, действующий в настоящее время в СССР, не обеспечивает удовлетворительных результатов. Формируемый им социальный тип работника не отвечает не только стратегическим целям развитого социалистического общества, но и технологическим требованиям современного производства. Распространенными чертами многих работников, личностное становление которых происходило в последние пятилетки, являются низкая трудовая и производственная дисциплина, безразличное отношение к выполняемому труду, низкое качество работы, социальная инертность, низкая самоценность труда как средства самореализации, ярко выраженные потребительские ориентации, невысокий уровень нравственности. Достаточно напомнить о широких масштабах деятельности так называемых «несунов», распространении различных «теневых» сделок за общественный счет, развитии «левых» производств, приписок, «выведения заработной платы независимо от результатов труда.

По моему убеждению, и активизация этих негативных явлений, и снижение темпов роста производства являются результатом **разлаженности социального механизма развития экономики**. В настоящее время этот механизм настроен не на активизацию, а на **зажим полезной экономической деятельности населения**. Точно так же «наказывается» или попросту пресекается инициатива руководителей предприятий в области организации производства, совершенствования экономических связей. Сейчас

высокую общественную оценку чаще получает деятельность не наиболее талантливых, смелых и энергичных, а наиболее послушных и исполнительных руководителей, пусть даже и неспособных похвастаться производственными успехами.

Важным источником социального напряжения в экономике служит не только «несостыкованность», но и **противоречивость интересов вертикально соподчиненных групп**: рабочих и мастеров, мастеров и директоров предприятий, директоров предприятий и работников министерств.

Наконец, централизованная система правил и норм экономической деятельности, создавшаяся на протяжении ряда десятилетий, к настоящему времени невероятно запуталась и во многих случаях устарела. «Экономический лабиринт», призванный направлять поведение трудящихся в требуемое обществом русло, в действительности содержит множество «подкопов» и «лазов», позволяющих получать те же результаты значительно более легким путем. Это содействует не только распространению нежелательных способов поведения, но и **формированию типа работника, которому чужды подлинно социалистические ценности**.

Решение актуальных проблем развития советской экономики теснейшим образом связано с совершенствованием социального механизма ее развития. Именно здесь сконцентрированы сегодня наиболее сложные проблемы, и именно отсюда следует начинать работу по преодолению негативных тенденций в экономической жизни страны.

Но для того, чтобы «отремонтировать» социальный механизм развития экономики, необходимо его изучить, понять его внутреннее строение, выявить слабые точки, обосновать пути их укрепления.

Решение этих задач должно взять на себя новое направление науки — **экономическая социология**. Объект его исследований — взаимодействие экономической и социальной сфер общества, экономических и социальных процессов, в том числе обоснование экономических условий достижения социальных целей, анализ социальных факторов экономического развития, прогноз его социальных итогов. <...>

(Цит. по: Т. И. Заславская. Социетальная трансформация российского общества. Деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2002, с. 36-39)

* * *

**Из книги Б. Фирсова «История советской социологии 1950—1980-х гг.»
(2001)**

<...> Доклад «О совершенствовании социалистических производственных отношений и задачах экономической социологии» стал без преувеличения наиболее отважной и радикальной научной работой, написанной социологами СССР когда-либо... Кратко изложу содержание доклада.

Наблюдаемый спад производства, говорилось в докладе, указывает на неспособность системы обеспечить полное и достаточно эффективное использование трудового и интеллектуального потенциала общества.

Административные методы управления хозяйством преобладают над экономическими. Итог печален — производственные отношения отстают от развития производительных сил. В частности, они не могут обеспечить нужные способы поведения трудящихся в социально-экономической сфере. Регламентируя ключевые аспекты социально-экономической деятельности трудящихся, система ограничивает также возможности проявления их личного поведения. Идеология утверждает простоту развития производственных отношений и априорную возможность согласования интересов (поскольку они не являются антагонистическими).

Все реформы управления порождают конфликты, рассогласование прав и обязанностей разных звеньев управления... Диалог между государством и производителями отсутствует. Организация производства не учитывает исторически сложившиеся социальные типы работников. Социальный механизм развития экономики направлен на «зажим» полезной экономической деятельности, а вовсе не на ее активизацию... Расцветает «теневая» экономика. Науке следовало бы изучить экономическую структуру общества, сознание и поведение экономических групп, формы взаимодействия руководящих звеньев с этими группами, предложить способы интеграции интересов экономических групп, а также модель целостного социального механизма развития экономики. Основной удар доклада пришелся по бюрократии — главному противнику и препятствию на пути изменений советского общества. Этот тезис стал вскоре центральным моментом в идеологии Горбачева. <...>

(Б. М. Фирсов. История советской социологии 1950—1980-х годов. Курс лекций. СПб.: Изд.-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2001, с. 216-217)

Ремарка: ... «ремонт» не поддается; пришлось «демонтировать».

Как видно, результаты как макросоциологического анализа социального механизма развития экономики, так и исследование производственной жизни изнутри, «глазами рабочего», подводили к сходным (в основном) выводам, как будто «взрывоопасным» и заслуживающим, с точки зрения властей предрекания, если не преследования, то «засекречивания».

При том, что выводы в обоих случаях формулировались вполне лояльно, приглашали именно к совершенствованию системы, а не призывали к ее демонтажу.

Как мы теперь знаем, «система развитого социализма» оказалась-таки демонтирована, готовая уже рухнуть сама (в том числе, пожалуй, в силу того самого закона отставания производственных отношений от развития производительных сил, который составляет одну из «азбучных» истин марксизма). (Январь 2004).

* * *

Предупреждение к главам 12-18

Далее — читательскому вниманию предлагается тематизированное описание заключительного этапа эксперимента и «дела» социолога-рабочего (1986-1988). Иногда будем возвращаться к событиям более раннего периода.

Глава 12. Хозяйственный механизм глазами рабочего

.....Принимая во внимание, что всякое наблюдение страдает от личных качеств наблюдателя, то есть оно зачастую отражает скорее его психическое состояние, нежели состояние созерцаемой им реальности, ко всему нижеследующему следует, я полагаю, отнестись с долей сарказма — если не с полным недоверием. Единственное, что наблюдатель может, тем не менее, заявить в свое оправдание, это что и он, в свою очередь, обладает определенной степенью реальности, уступающей разве что в объеме, но никак не в качестве наблюдаемому им предмету...

Иосиф Бродский («Путешествие в Стамбул»)

...Уже сейчас на предприятиях руководство идет на поводу у рабочих. Если ранее хаос и беспорядок вносили верхи, то потом он же (хаос) полностью поглотит их жалкие попытки упорядочивания и начнет диктовать свою волю, свой **порядок**. Как это ни парадоксально, но у хаоса есть упорядоченность — но **своя**, внутренняя, а не относительно чего-то внешне заданного. И эта новая упорядоченность породит новое качество, новые формы жизнедеятельности. Кто знает, быть может, мы стоим на пороге новой революции — не технической, а новых форм жизнедеятельности?..

«Бирюк» (Л. К. Дудченко). Из ответов на вопросы анкеты «Ожидаете ли Вы перемен?» (1980)¹

Несколько вступительных слов

Как читатель уже знает, на протяжении первых четырех лет своего пребывания на заводе (1980-1983) социолог-рабочий вел довольно регулярные записи, фиксируя все детали своего наблюдающего участия в конкретной социально-производственной ситуации (будь то в форме писем друзьям, коллегам, будь то в форме дневников, «производственных хроник» и т. п.).²

Потом события «дела» социолога-рабочего (начиная с сентября 1983 г.) и необходимая самооборона от идеологических и политических обвинений³ несколько притормозили производственное бытописание. Пока автор не собрался с силами и не нашел время, чтобы его (бытописание) возобновить.

Стоит при этом отметить, что еще в 1982 году (т. е. до начала политического «дела») существенно изменилась сама производственная роль

¹ Развернутые тексты ответов на анкету «Ожидаете ли Вы перемен?» см. в томе 4 настоящей книги: глава 25.

² См. в томе 1: главы 2, 3, 5.

³ См. в томе 2: главы 7-10.

социолога-испытателя. Последний перестал быть наладчиком-повременщиком (производственное занятие — не из «массовых») и стал «рядовым» слесарем-сдельщиком, в составе бригады, работающей на единый наряд.⁴ Новый производственный статус дал пищу для наблюдений и анализа уже не инновационных процессов (освоение нового технического оборудования и т. п.), а процессов «рутинных» — *повседневности*, как таковой.

Итак, параллельно с протоколами наблюдающего участия в собственном партийном (и т. п.) «деле», писались также *«Производственные дневники 1984-1986 гг.»* (так был впоследствии озаглавлен этот авторский цикл). Из приводившихся ранее, к данному циклу принадлежит текст «Бешенная халтура, красивая деталь...».⁵

Ниже — другие извлечения из указанного цикла. Иногда это разовые дневниковые записи, иногда — тексты, сюжетно выстроенные, посвященные тем или иным аспектам заводской жизни. Главная тема вынесена в название главы: *«Хозяйственный механизм глазами рабочего»*. (Март 2001 — май 2003).

12.1. Апрельские заморочки⁶

Из «Производственных дневников» (май 1985)

Я вышел из отпуска 22 марта 1985 г. (пятница). И почти сразу начались «заморочки», как их называет мой бригадир А. С. [А. В. Сыцевич; в дальнейшем он же — Толик, он же — «Бугор». — А. А.], т. е. всякие производственные затруднения, задержки, неприятности, неувязки. В этих апрельских заморочках переплелись тугим узлом нити ныне действующего хозяйственного механизма (каким он видится и ощущается изнутри и снизу).

Три сюжета, обозначенные ниже: «1,5 миллиметра», «0,2 копейки» и «11 марок и 24 гнезда» — относятся, соответственно, к проблемам состояния **технологии, нормирования и оборудования**. Однако сюжеты эти не автономны, а взаимопроникают друг друга (как и сами производственные проблемы, разумеется).

Апрельские заморочки на координатно-револьверном прессе (сокращенно — ПКР) в цехе № 3 ПО «Ленполиграфмаш» — живое свидетельство своего рода **выморочности** нашего хозяйственного механизма.

1,5 миллиметра

Технологией предусмотрена пробивка на ПКР отверстий разных размеров в листовых деталях. Отверстия должны быть большего диаметра, чем толщина материала, иначе пуансон сломается. Для меньших отвер-

⁴ См. в томе 1: раздел 5.10.

⁵ См. в томе 1: раздел 5.12.

⁶ Этот текст имел такое название уже в оригинале.

⁷ В томе 1 настоящей книги фигурировал под псевдонимом «Филин».

ствий на моем станке предусмотрено кернение (своего рода наколка, разметка). Потом по этим кернам, отдельной производственной операцией, заготовку просверливают. Понятно, что было бы выгоднее сразу пробивать (прокалывать). Но не получается.

Для нас актуальной является проблема 1,5 мм отверстий в стальных листах толщиной 1,5 мм. Это очень распространенный случай. Ибо, скажем, в каждой лицевой панели для фотонаборного комплекса (один из основных видов номенклатуры на моем станке) — до полусотни и больше 1,5 мм отверстий под штырьки, которые навариваются потом для крепежа изнутри всяческой электронной начинки. А эти панели — как раз такой толщины. Поэтому здесь технологией предусматривается сначала кернение, потом сверление.

Пробивка на ПКР отверстий диаметром 1,5 мм не противопоказана для листовых деталей толщиной, скажем, 1 мм. Для этого в свое время были предусмотрены пакеты инструмента (пуансон, матрица) 1,5 мм. Но в нашей номенклатуре это случай редкий...

Еще года четыре назад, когда не столько технологи, сколько рабочие пытались выяснить, что можно выжать из нового станка, я попробовал пробивать 1,5 мм панели имеющимся в инструментальной кладовой 1,5 мм пуансоном. Оказалось — возможно, если тщательно наладить. Все же «фирменные» пуансоны, рассчитанные на меньшую толщину пробивки (к тому же неразумно сконструированные в виде длинных «иглолок» с затупленным концом), вскоре оказались переломаны. И тут зароботала рабочая техническая мысль.

Первое, что пришло в голову — взять пуансон большего диаметра и на самом его кончике, ударной части, отцентровать на круглошлифовальном станке необходимый 1,5 мм диаметр небольшой высоты (ровно столько, сколько надо, чтобы пробить заготовку и чуть войти в матрицу). Короткая «иглолочка» скорее уцелеет при ударе, чем длинная, тут — «и к бабке ходить не надо» (как говорит Толик).

Несколько «не ходовых» (имевшихся не в единственном экземпляре) пуансонов диаметром порядка 2,5–4 мм были переделаны в 1,5 мм. И я стал благополучно пробивать ими «толстые» панели.⁸

Выгода от этой придумки оказалась чрезвычайной. Ликвидировалась трудоемкая операция — сверление по кернам. Скажем, в панели 60 таких отверстий. Подлезь-ка ты под сверлильный шпиндель с заготовкой размером 600 x 700 мм! Да листов таких в «запуске» (в производственной партии) — сотня или больше!

Рабочая техническая инициатива всегда экономически обусловлена. Дело в том, что операция сверления, будучи снята [отменена. — А. А.] фактически, остается в техпроцессе и в маршрутной карте (наряде). Оплате подлежат — отдельно кернение и отдельно сверление. Заместив то

⁸ См. об этом ранее, в томе 1: раздел 3.6.

и другое штамповкой на ПКР, рабочий (бригада) затрачивает гораздо меньше времени, а получает те же деньги. Иначе говоря, может сделать и заработать больше за то же время. В сущности, это есть задействованный резерв повышения производительности труда.

Рабочий предпочитает такие новации, которые, по тем или иным существующим технологическим или организационным нормативам (нередко — рутинным и косным!), не могут быть «узаконены». Эти, как принято говорить, «скрытые рации» позволяют рабочим компенсировать материальный проигрыш, который они терпят на производственных операциях, где норма времени заведомо занижена. Как мне уже не раз приходилось отмечать, **на одном проигрывают, на другом выигрывают** (в зарплате). От рабочей изобретательности зависит, чтобы выигрыш был не меньше, а побольше проигрыша.⁹

Линейная администрация (мастера), конечно, знала об этом «нарушении технологического процесса» (как и о многих других подобного рода). Но не станет же она препятствовать тому, что способствует скорейшему выпуску продукции, не в ущерб качеству! На этой нашей самоделке **выигрывали все**, кроме, разве что, технологов (так ведь и те получают премию лишь при условии выполнения программы; а когда какое-нибудь нелегальное новшество укоренится, то запрети его — уже и план затрещит!).

После меня (1983 г.) «подпольно», хотя и у всех на глазах, пробивал 1,5 мм отверстия в панелях мой ученик С. З. (Сергея).¹⁰ Пуансончики иногда ломались. Тогда приходилось брать из кладовой другие «не ходовые» — для кустарной переделки. А это — уже в ущерб «инструментальному парку»... Тогда бригадир А. С. принял радикальное решение.

Пуансон для моего пресса обычно изготовлен из цельного куска металла, т. е. основание пуансона (которым он крепится в пуансонодержателе) и собственно ударная часть — неразъемны. Если же сделать пуансон **сборным**, то основание будет служить вечно, а ударную часть (своего рода «боек») можно заменять, по мере ломки или изнашивания. В отличие от основания, боек изготовить нетрудно, это всегда можно с токарем да с заточником договориться. Боек вставляется в основание, которое тоже недолго сварганить из любого поломанного цельнометаллического пуансона, и крепится в нем.

Эта идея потом была заимствована цеховой инструментальной службой, которая и в случае больших диаметров стала изготавливать не цельнометаллические, а сборные пуансоны.

Когда в декабре 1983 г. А. С. приглашал меня в свою бригаду для обслуживания ПКР, на смену ушедшему в другой цех моему бывшему ученику Сергею¹¹, он показал мне коробочку с сотней (!) заготовленных

⁹ Этот социальный механизм производственной жизни рассматривался ранее. См. в томе 1 настоящей книги: раздел 5.12 и др.

¹⁰ См. в томе 1: раздел 5.5.

¹¹ См. в томе 1: раздел 5.10.

впрок самодельных 1,5 мм бойков. Ну, теперь живем! Не жалко лишний раз и сломать...

Но они **не ломались!** Боечки были изготовлены, не в пример «фирменным» пуансонам, с изящным двухступенчатым уступом, чем обеспечивалась еще бóльшая надежность. Не догадались сразу сделать на них кольцевую выемку, для более прочного крепежа болтиками в основании. Но когда пару раз боек вырвало из держателя, я стал делать эту выемку сам, на абразиве.

На сотню панелей (несколько тысяч ударов!) одного бойка хватало. А если и ломались, то на замену бойка я тратил минуты, выигрывая бригаде, на всей этой затее, часы. Ведь, как уже сказано, трудоемкое сверление было исключено в реальном производственном процессе (хоть и оставалось в технологических и платных документах).

Эти 1,5 мм пуансоны были одним из главных обстоятельств, по которым мой станок был **выгоден** бригаде. Мы выигрывали на панелях, проигрывая на других деталях. И внутри процесса изготовления самих панелей — выигрывали на штамповке, проигрывая, скажем, на установке и приваривании штырьков в те самые 1,5 мм отверстия (производственная операция, где норматив заведомо занижен). Как рабочих, так и администрацию такое положение вполне устраивало.

Но вот где-то во второй половине 1984 г. наши боечки стали ломаться чаще прежнего. Иногда это зависело от материала (бывает, запустят не ту марку стали, какую положено). Но скорее всего дело было в растущем износе моего станка, для которого еще во втором квартале прошлого года был запланирован профилактический ремонт, да так и не сделан. Фиксация револьверной головки в гнездах, при ее повороте, ухудшилась, подразболтались пуансонодержатели, может еще что...

Впрочем, и сама наша скрытая рация, по мнению А. С., заслуживала модернизации. И следующую партию «нелегальных» бойков мы предполагали заделать уже с некоторыми дополнительными усовершенствованиями.

К концу 1984 г. частая поломка самодельных бойков стала тревожить и меня, и бригадира. С панелями мне, как оператору станка, приходилось уже мучиться. Мучения (частая смена бойка) все же окупались тем, что отверстия в панелях не надо было потом просверливать.

Технологические службы обычно довольно долго «терпят» скрытые рации рабочих (если, разумеется, те не оказываются в ущерб качеству продукции, т. е. не возникают претензий со сборки). Но ведь и технологам надо вносить какой-то вклад в снижение трудоемкости! Для моего станка здесь нормальным путем является постепенный официальный перевод на ПКР тех обозначений деталей, которые раньше полагалось сверлить, фрезеровать и т. п., но которые мы давно уже самочинно штампуем (используя при этом самодельные шаблоны).

Под давлением цеховой технологической службы скрытые рации иногда превращаются в явные, т. е. оформляются как совместные рационализаторские предложения рабочего (обычно — бригадира) и технолога. Последний выписывает на кальке ту карту штамповки, которую рабочий давно уже рассчитал в уме (или на клочке бумаги) и воплотил в металле своего кустарного «п/б» (так в обиходе называются приспособления).

С запуском нового координатно-револьверного пресса с программным управлением (1984 г.), некоторые обозначения, которые прежде нелегально штамповались на моем «старичке» (давно ли был «новой техникой!»), стали переводиться туда. Иные же адресовались мне, на ПКР КО-120, но уже с официально оформленной технологией.

Так, например, произошло с «бешеной халтурой, красивой деталью»...¹² Но это редкий случай оперативности технологов, отчасти вызванной известным скандалом вокруг выпуска этой детали в конце 1984 г. Чаше вынужденная (для рабочих) легализация скрытых раций затягивается на год-два.

Административных попыток «узаконить» нашу инициативу пробивки 1,5 мм отверстий в панелях, мы, признаться, никак не ждали. Ведь существует формальное ограничение на размеры пробиваемых отверстий, при данной толщине материала. Но это оказался тот случай, когда цеховая технологическая служба в лице Людмилы К.¹³ сочла возможным рискнуть (полагаясь на то, что у нас «как-то получается!»). А экономический эффект от рационализаторского предложения об исключении сверления панелей, за счет штамповки на ПКР, потянет на изрядную сумму...

Рационализаторское предложение было подано от лица двоих — начальника тех. бюро цеха Людмилы К. и начальника инструментальной группы В. В. Причем так, что даже мой бригадир узнал об этом, уже как о свершившемся факте.

Вообще говоря, это было верхом бестактности со стороны «рационализаторов», тем более, что они использовали идею нашего двухступенчатого пуансона. Но при этом они не подумали о высоте бойка (которую задали значительно больше, чем нужно). К тому же они не знали об участвовавших полкомках наших собственных бойков.

Так или иначе, в последних числах марта 1985 г. я получил исправленный техпроцесс, в котором предусматривалась уже не кернение и сверление, а **пробивка** в стальных листах 1,5 мм толщины отверстий диаметром 1,5 миллиметра. Партия большая — 130 штук. Прощай, наша «халтура»!

Мы с бригадиром в соответствующих откровенных выражениях определили между собой сложившуюся ситуацию. После чего я отправил-

¹² См. в томе 1 настоящей книги: раздел 5.12.

¹³ Она же — «Нюся Копырина» (в главе 2; том 1). Она же — Людмила Кутырина (действительная фамилия, указываемая в более поздних записях).

ся в инструментальную кладовую за новым пуансоном, согласно записанному в техпроцессе. Для начала, этого пуансона там не оказалось. Ну, коли оснастка еще не готова — делайте «по-старому», т. е. керните, потом сверлите, говорят нам. Понятно, что мы так делать не станем (три года уже не сверлим!). Налаживаю свой потаенный пуансончик...

Но тут наши бойки стали ломаться уже совсем катастрофически (одного хватало чуть ли не на одну панель!). Я взмок их заменять. Да и запаса из той сотни, что была полтора года назад, уже оставалось всего десятка полтора. Налаживал и так, и этак — ни в какую! За смену и десятка панелей не выпустил. «Прогорел!» Что будем делать, бригадир?

А. С. предложил пробивать панели пока без этих 1,5 мм отверстий, а там посмотрим. Конечно, лучше бы все сразу, за одну установку, ведь 1,5-миллиметровые взаимосвязаны со всеми остальными. Но что поделаешь! Не сверлить же, в самом деле...

За пару дней я отштамповал все 130 штук, без этих маленьких отверстий. Лицевые панели нужны на сборке, уже скоро станет — «аварийно»... Откладывать дальше некуда, надо 1,5 мм прокалывать.

<...> Когда еще через день безуспешных усилий доделать хотя бы одну панель, не сломав бойка на 40-м или 50-м ударе, я окончательно встал в тупик и поставил перед этим тупиком и «Бугра», тот предложил последнюю авантюрную попытку: взять цельнометаллический пуансон большего диаметра и обточить кончик до диаметра 1,5 мм (как когда-то давно, в самом начале делали). А вдруг, у сборных пуансонов крепление бойка подводит... Ну, раньше-то не подводило! Но — попробуем.

Порылся я по своим сусекам, нашел «не ходовой» пуансон, который не жалко для этой цели израсходовать. Установив его со всей тщательностью, и только что не перекрестясь, я... благополучно отштамповал около 80 панелей (порядка 5.000 ударов). Это было подарком судьбы! Но вот сломался, наконец, и он. Теперь уже оставалось только кернить, а потом сверлить.

Вот тут-то мне и принесли новые пуансоны, образца Л.К. и В.В. (наших административных рационализаторов). Они (ихние пуансоны), кстати, не сборные, а цельнометаллические. Сколько же штук их имеется? Оказывается, два. Мы с Толиком улынулись. Посмотрев на их несуразную, с высоты нашего опыта, конструкцию, мы улыбнулись еще раз, и я пошел устанавливать один из них. Он сломался на пятом ударе.

Явились «рационализаторы» (Л. К. и В. В.). В чем дело? Почему сломался? Мы с А. С. говорим: наши пуансоны на 3 миллиметра короче, и то ломаются! А чего же другого вы от своей рации ждали? Второй пуансончик пошли **укорачивать** (по нашей рекомендации). Когда укоротили, я настоял, чтобы кто-нибудь из администрации присутствовал при наладке. Налаживал сверхтщательно, впрочем, не надеясь на успех. На глазах у «авторов», их второй (и последний) пуансон сломался на десятом-пятнадцатом ударе.

Л. К. была раздосадована настолько, что едва не обвинила нас с А. С. в сознательном противодействии «научно-техническому прогрессу». «У вас-то не ломаются!» — сказала она с обидой. Кажется, я заметил тут, что ее рация подоспела как раз тогда, когда у нас свои боечки начали ломаться один за другим и осталась лишь парочка — «на развод».

Говорят, Люся потом плакала... В самом деле, позор-то какой! Но нам с А. С. жаль ее не было. Да и не мы ее наказали, а она сама себя.

Оставшиеся сорок лицевых панелей пришлось-таки кернить, потом сверлить. В общем, хлопот с ними хватило.

Что сразу полетели пуансоны образца Л. К. и В. В. — нам было не удивительно (кстати, изготовление цельнометаллического пуансона дело довольно дорогостоящее!). Но почему же так не везло нашим собственным бойкам? В чем дело? В станке? В инструменте? В наладке?! А может, материал — не тот?

Панели загнули, приварили боковые планки, наварили штырьки (для чего, собственно, и нужны 1,5 мм отверстия). И тут вдруг эти штырьки, на которых крепится вся начинка прибора, стали отлетать чуть не от щелчка пальцем! Час от часу не легче! Только тогда догадались отправить образец материала на анализ, в лабораторию. Оказалось... что вместо стали марки 15 были запущены заготовки из стали 40, намного более твердой. И вся партия (слава Богу, не по нашей вине!) — в брак.

Мы с А. С. еще раньше предполагали, что материал не тот (Толик вроде «услышал» это по звуку ударов пресса). Но вряд ли кто стал бы нас слушать, если бы мотивировали это предположение поломкой своих нелегальных бойков. Но — «нет худа без добра!» Теперь и у административных «рационализаторов» есть утешение, что их рация сгорела лишь по этой причине... Впрочем, вряд ли они скоро решатся вновь настаивать на своем предложении.

А каков все-таки был тот кустарный пуансончик, который при **твердом** материале выдержал 5.000 ударов! Это вселяет надежду, что мы еще попробуем 1,5 мм отверстия в панелях на этом станке.

Возможность для такой проверки представится скоро. Дело в том, что из 130 лицевых панелей на сборку пошли только 10 (для чего пришлось аварийно заменять приваренные штырьки на винченные; а без этого заводу было бы не выполнить апрельской программы!). Остальные 120 ушли в окончательный брак. Нашей вины тут нет. Так что наряды бригаде были закрыты безоговорочно. И теперь предстоит 120 таких панелей делать **заново**. (А поскольку деталь все же выгодная, бригада — от брака не по своей вине — не только не проиграет, а даже парадоксально выиграет!).

Надо будет попробовать наш предпоследний, оставшийся боек. А если и он сломается — использовать самодельный пуансон нового образца, типа того, который выдержал 5.000 ударов на стали 40. Тут-то ведь будет нормальный материал (сталь 15).

Ну, и не пытаться пробивать эти отверстия после поворота револьверной головки. Она ведь сейчас плохо фиксируется в гнездах... А поступать так: спарить, как обычно, пуансон 1,5 мм с матрицей, затем закрепить револьверную головку намертво и пробивать только эти отверстия (используя револьверный пресс как однопозиционный).

Наконец, делать всю эту работу **вечером**, не на глазах у начальства. А то, чего доброго, обвинят в «нарушении технологической дисциплины»... Или, того хуже, заново свое рационализаторское предложение оформят.

А. С. спросил, согласен ли я «повечерить». Я согласился — когда пойдут панели, выходить на работу с обеда. Впрочем, вряд ли это останется не замеченным...

Такова наша первая **апрельская заморочка**.

0,2 копейки

Стандартный механизм пересмотра технических норм, говоря попросту, таков. Надо регулярно повышать показатель производительности труда. Для этого надо периодически ужесточать нормы времени на производственные операции. Соответственно, снижается расценка (пропорционально связанная с нормой времени тарифом). За ту же работу рабочий получает меньше. Предполагается, что он справится с ней быстрее. А стало быть, в конечном счете заработает столько же (или даже больше).

Пересмотру норм полагается быть **обоснованным**, т. е. опираться на реальное технологическое или организационное усовершенствование. На худой конец, этот пересмотр должен опираться на хронометраж рабочего времени. Но все это слишком хлопотно, да и вряд ли возможно, поскольку сами нормы все равно никакого отношения к реальному производственному процессу не имеют (особенно — в ситуации выпуска мелко- и среднесерийной продукции, как у нас).

Выигрывая на одних операциях, рабочие проигрывают на других (известное разделение работ на **выгодные** и **невыгодные**; оно, кстати, вовсе не устраняется, а только лучше «взаимопогашается» при бригадном методе).¹⁴

Попыток добиться действительного соответствия между нормативом и фактическими затратами времени на производственную операцию рабочие не предпринимают. Ибо могут при этом вообще остаться без выгодных работ. Лучше мириться с примерным «балансом» невыгодных и выгодных (чем обеспечивается сложившийся уровень зарплаты).

Администрация же, в лице нормировочных служб, также идет по линии наименьшего сопротивления. Ежегодное 10-процентное «урезание» норм совершается более или менее **пропорционально** по всем производственным операциям (иногда — по отдельным классам операций, иногда — по отдельным видам продукции). Рабочие к этому привыкли, приспособо-

---

¹⁴ См. об этом ранее: раздел 11.1.

бились. И компенсируют не дифференцированное ужесточение норм изысканием «нелегальных» резервов экономии рабочего времени, там, где это возможно (наглядный пример — сюжет с «1,5 мм»; см. выше). <...>

Однако иногда этот рутинный порядок нарушается. Это происходит, когда вдруг изысканный рабочим резерв оказывается слишком большим, и тогда рабочему «нечем заплатить» (за высокопроизводительный труд). Или, наоборот, когда произошло слишком резкое ужесточение норм на достаточно массовую категорию операций, и тогда рабочему «не выкрутиться» (чтобы сохранить свою зарплату).

Особенно часто такие сбои происходят на новом оборудовании, но не на начальной стадии его освоения, а тогда, когда оно уже загружено и идет поиск «нормативного оптимума» (не слишком выгодного, но и не слишком невыгодного для рабочего).

В этом плане очень характерен мой ПКР. Пока я работал на нем как наладчик-повременщик (до середины 1982 г.), мой интерес к проблеме нормирования был, вообще говоря, абстрактным. Сколько ни сделаю — заплатят по тарифу повременщика. А добиваться перевода на сдельщину — загрузки не хватит.¹⁵

Однако партизанский перевод на ПКР ряда деталей, ранее обрабатывавшихся более трудоемким способом, предпринятый мною при поддержке бригадиров И. В.¹⁶ и А. С. и без участия технологов, начиная еще с 1981 г. продемонстрировал потенциальную **выгоду** этого станка для бригады сдельщиков. Поэтому А. С. довольно охотно согласился на прикрепление координатно-револьверного прессы к своей бригаде. И ни в период работы на нем моего бывшего ученика Сереги (с августа 1982 по декабрь 1983 г.), ни позднее, когда к станку — уже в качестве **сдельщика** — снова встал я, думаю, не имел оснований жалеть об этом.

В 1984 г. я работал с дневным личным заданием 8,5 руб. (плюс 30% прогрессивки).

С 1985 г. мне установили — 9 руб. Как и любой рабочий на любой другой работе, я на невыгодных работах проигрывал, а на выгодных — выигрывал. А есть еще — и «сверхвыгодные» (вроде «бешеной халтуры, красивой детали», о которой уже приходилось подробно рассказывать).¹⁷ Так что все это время я, в экономическом смысле, вполне себя в бригаде оправдывал.

(Строгий подсчет, на какую же все-таки сумму закрыто нарядов моей персональной работой, здесь, вообще говоря, является бессмысленным. Ибо я мог выполнить этот объем только в условиях бригадного метода. Будь я индивидуальным сдельщиком, мои возможности «партизанщины» были бы существенно ограничены. Отсюда, установленная мне доля в общебригадном заработке соответствует вовсе не формальной

¹⁵ См. об этом в томе 1 настоящей книги: раздел 3.10.

¹⁶ Игорь Виноградов. В томе 1 фигурировал под псевдонимом «Лозовой».

¹⁷ См. в томе 1 настоящей книги: раздел 5.12.

стоимости выполненной мною работы, а общественно оцениваемой степени моей **нужности** бригаде — для того, чтобы «общебригадный котел» не скудел).

Но вернусь к нормированию на ПКР. Еще в период своей работы временщиком я попытался выявить закономерность формирования норм на этом станке.

Рабочее время, как известно, делится на «подготовительное» (наладка) и «основное» (собственно выполнение операции). Особенностью ПКР является довольно трудоемкая наладка. Фактические затраты времени на нее существенно различаются, в зависимости от количества штампов, которые надо использовать для выпуска данной детали, и типов этих штампов (те, что загружаются в крупные, в отличие от маленьких, гнезда револьверной головки, отнимают при наладке заметно больше времени). Однако норматив подготовительного времени для выпуска **любой** детали — один и тот же. А именно — 40 мин. (хоть один штамп установить, хоть десяток!).

Фактические затраты времени на «собственно штамповку» зависят от количества штампов, которые задействованы для изготовления данной детали, от количества ударов, которые надо произвести этими штампами, от размеров заготовки, а также от ряда других обстоятельств (перечислять которые здесь не буду).

Понятно, что нормативы на разные виды деталей — различны. Иногда различия довольно произвольны, но мне удалось установить прямую связь норматива только с одной из технологических характеристик. А именно — с **количеством ударов!** Остальное, оказывается, просто не берется в расчет. Будь то 100 ударов одним и тем же штампом или по 10 ударов десятью различными штампами, размещенными в разных гнездах револьверной головки (для чего надо еще эту головку 10 раз повернуть!); будь то заготовка 200 x 200 мм или 1.000 x 600 (в последнем случае существенно увеличиваются затраты времени на ее перемещение, чтобы подставить под удар) — норматив **один и тот же**.

Грубо (а тонкости тут и ни к чему!) можно сказать, что все нормативы на ПКР исходят из расчета 15 сек. на один удар. Что соответствует, по тарифу 4-го разряда (применяемого для ПКР), условной расценке 0,25 коп. (за один удар). Если в заготовке надо пробить 10 отверстий, то на это дается 2,5 мин. А если, скажем, 50, то — 12,5 мин. (Я условно отвлекаюсь от времени на закрепление и снятие заготовки со станка и проч.).

Еще раз повторю, что этот исходный норматив ни в каких известных мне справочниках не записан. Я его **вычислил** (извлек из всего разнообразия норм штамповки на проходящую через ПКР номенклатуру) как фактически действующую основу нормирования работ на моем станке.

Уж не знаю, числятся ли нормы для ПКР по разряду так называемых «технически обоснованных» (почти наверняка — да!). Но противоречие используемых на моем станке критериев нормирования **здоровому смыс-**

лу — является несомненным. С этим противоречием жили и живем до сих пор.

Практически наладка занимает гораздо больше времени, чем предусмотрено нормативом. Когда, в конце 1982 г., станок прикрепили к бригаде А. С. и на нем стал постоянно работать мой бывший ученик Серега, они с бригадиром настояли на специальном хронометраже подготовительного времени. И норматив на него был, со скрипом, повышен до 70 мин. Но унифицированность норматива (хоть один штамп установить, хоть десять — все равно 70 мин., а в деньгах — 75 коп.) осталась.

Что касается нормативов на собственно штамповку, то, кажется, тогда же они были ужесточены, из примерного расчета не 15, а 12 секунд на один удар. Что соответствует условной расценке 0,2 коп. за удар (5 ударов = 1 мин. = 1 коп.). С тех пор пересмотр норм не выходил за рамки «нормального» (процентов на 10 каждый год).

Конечно, при определенных условиях (при благоприятном стечении обстоятельств) я могу не 5, а все 10 и даже больше ударов за минуту сделать. На наладке проиграю — на штамповке выиграю, так обычно и бывает. А бывает, что и на штамповке проиграю, если заготовка больших габаритов, много штампов задействовано и т. д.

Здесь не о том даже речь, что норма завышена или занижена, а о том, что она **не выполняет реальной «нормативной» функции**. Ну, а когда сама техническая норма не имеет отношения к производственному процессу, то не стоит ожидать, что ее изменение будет соответствовать реальным изменениям производительности труда.¹⁸

«Первый звонок» прозвенел еще где-то в начале 1984 г. Есть одна такая очень выгодная деталь, где на малой площади 200 x 200 мм надо пробить 100 **одинаковых** и, понятно, близко друг к другу расположенных пазиков (вентиляционная решетка). Но при этом она штампуется «с переворотом». А это значит — закрепить на станке, пробить 50 пазов, потом вынуть, закрепить в другом положении, и еще 50. Поскольку координаты тех и других пазов одинаковы, а меняется только база, то в карте штамповки обозначены 50 позиций, а потом написано: «повторить переходы, перевернув заготовку на 180 градусов по оси Y».

Всего-то получается 100 ударов, стало быть — порядка 10 мин. и, соответственно, 10 коп. за деталь. А тут нормировщик, похоже, не обратил внимания на приписку в техпроцессе и счел, что только 50 ударов. И норму установил, из этого ошибочного расчета, 5 минут (раньше-то было — 10!).

Мы посоветовались с бригадиром и решили «не возникать». Деталь, в отличие от многих других, такая удобная для штамповки (удары пресса под моей рукой стучат как автоматная очередь), что если начать хронометрировать, то и впрямь увидят, что норму на нее можно круто пересмотреть. И тогда может создаться впечатление, что на ПКР большие резервы для ужесточения норм (чего на самом деле вовсе нет!).

¹⁸ См. об этом ранее: раздел 11.1.

Пусть эта случайная (будем надеяться!) ошибка нормировщика остается. Хоть партия и большая (несколько сот штук) и потеряем мы на ней пару червонцев, но — «себе дороже» обойдется добиваться справедливости. Так норма на это обозначение и осталась резко отличающейся от всех остальных. Я согласился с Толиком, но заметил, что прецедент — «опасный».

Каждый раз, когда рабочий обращает внимание на резкое изменение нормы, низовая администрация ссылается на то, что от нее это не зависит. А администрация повыше (скажем, начальник цеха, если дело до него дошло) указывает, что «вы только на заниженные нормы обращаете внимание, а о завышенных помалкиваете!». (Ну, в общем-то так и есть).

И вот, заглянув нынче в маршрутную карту на те самые лицевые панели, на которых разыгралась «заморочка» с отверстиями 1,5 мм, наш «Бугор» обнаружил, что штамповка на ПКР одной детали вместо 35 коп. стала оплачиваться... 21 коп.! Тут было от чего забить тревогу.

Для штамповки этой панели, одной из самых крупногабаритных и одновременно сложных деталей, проходящих через мой станок, нужно установить 12 штампов. Сложная конфигурация штамповки, большое окно, вырубаемое комбинацией ударов по его периметру — всего без малого 180 ударов... Чему и соответствуют норматив на штамповку одной детали (свыше 30 мин.) и расценка (35 коп.; напоминая, 0,2 коп. = 1 удар).

Из каких же соображений норма именно на эти панели **срезана почти вдвое**? Уж не в качестве ли «компенсации» за тот выигрыш, что мы имеем на них, замещая штамповкой трудоемкое сверление 1,5 мм отверстий?! [*См. выше. — А. А.*]. Так или иначе, удар по бригадному бюджету очень чувствительный.

Такие нарушения рутинного порядка, состоящего в более или менее пропорциональном ужесточении всех норм (или определенных категорий норм), обычно приводят к производственным конфликтам. Что-то вроде конфликта возникло и здесь...

В самом деле. Никаких технических нововведений на ПКР, которые оправдывали бы такой пересмотр нормы, не было. Напротив, в силу ухудшившегося состояния станка, затраты времени на штамповку и наладку увеличились, а вовсе не сократились. Даже хронометража за последние два года не было... Так где же справедливость?!

Но «высшей справедливостью» признается общая плановая тенденция повышения показателя производительности труда, а стало быть — и пересмотра норм. А отдельные, частные ошибки, конечно, можно поправить «потом», когда-нибудь... А пока — **работайте!**

Концов тут не найти, понимает и А. С. (на которого легла тяжесть всех переговоров с начальством). Понимаю это и я (которому пришлось бы самому конфликтовать, будь я не в бригаде, а индивидуальным сельщиком). В процессе разбирательства выясняется, что нынче расценку срезали до 21 коп. вовсе не с 35, а с 24 коп. (так сказать «нормальное»

ужесточение). Выходит, в полтора раза резанули еще в прошлом году, а бригадир не обратил внимания. Конечно, это его «прокол»... Но теперь предмет спора отодвигается уже куда-то в далекое прошлое, а это — вообще непоправимо.

Станок в последнее время стал чаще барахлить (разумеется, состояние оборудования нормированием в расчет не берется, да и не должно браться, пожалуй). Наши «халтуры» (партизанщину) прямо из-под рук выхватывает и оформляет как «свои» рационализаторские предложения технологическая служба [см. выше. — А. А.]. Эдак не только отдельные работы, а работа на ПКР **в целом** станет невыгодной для бригады! «И то, скажите спасибо, что человек на этом станке работает, — говорит А. С. начальнику цеха. — А если уйдет, что делать будете?!».

(В самом деле, те недели, когда, в мое отсутствие, ПКР приходилось налаживать самому бригадиру, он, по его выражению, «прогорал». Я удобен для бригады как специалист по этому оборудованию, приносящий пока скорее «приварок» в бригадный котел, чем черпающий из него лишнее. Но эдак от приварка скоро ничего не останется...).

Так или иначе, все наши протесты ушли в песок.

Но если так необоснованно урезана норма штамповки на лицевую панель, то что мешает сделать то же самое и для остальных весомых обозначений номенклатуры, проходящей через ПКР? А если даже и не для «весомых»? Тут важен прецедент нарушения прежнего, хотя и ложного, но устоявшегося принципа, согласно которому нормы, пусть неадекватные, ежегодно пропорционально урезаются на 10 процентов, и не более.

Эту мою логику А. С. поначалу не вполне приемлет. Когда с 35 коп. режут до 24 или 21 коп. и в итоге (на 130 панелях) мы теряем 20 руб. — это «зарез»! А когда с 2 коп. до 1 коп., и в итоге (на 180 деталях другого обозначения) теряем «всего» 2 руб., — это вроде и не так страшно... Но потом бригадир соглашается со мной.

(Да откуда-то еще взялась норма на наладку — 40 мин., вместо 70; выходит, и это наше «социальное завоевание» под угрозой!).

Бригадир снова выясняет отношения с начальником цеха. Но все опять уходит в песок.

Пока я в бригаде и хорошо делаю свою работу, так что нет оснований снижать мне личное задание, у бригадира голова об этом должна болеть больше, чем у меня. Ему выкручиваться, чтобы свести концы с концами и выполнить бригадный план в рублях. Но повторяю, если бы я был индивидуальным сдельщиком, мне впору было бы либо скандалить вразнос, либо тихо увольняться.

А. С. собирается еще побороться, что-то вспоминает и про «прессу», и про партийное собрание (где бы поднять этот вопрос). Но и без надежд.

Договариваемся с Толиком, чтобы впредь маршрутные карты проходили также и через меня. Ведь я скорее угляжу необоснованные изменения нормативов на своем станке. Прошу мастера Гошу С. дать мне спи-

сок всех обозначений деталей, обрабатываемых на ПКР. С этим списком в руках можно запросить сведения о нормативах сразу по целой группе обозначений и сопоставить с имеющимися у меня записями о количестве ударов для каждого.

Правда, администрацию такой запрос явно раздражит... Но все же это лучше, чем возникать по каждому конкретному случаю, да когда уже и деталь на станке. Мастер Гоша, относящийся к нашей с А. С. заботе сочувственно, но и вынужденный соблюдать нейтралитет в беседах с вышестоящим начальством, частично мою просьбу уже выполнил.

Вообще, этот «сюжет» на моем станке, как видно, находится еще только в начальной стадии... Такова наша вторая **апрельская заморочка**.

11 марок и 24 гнезда

Если рабочему нужна какая-то оснастка, обозначенная в техпроцессе, он идет в инструментальную кладовую и берет соответствующее приспособление, оставляя взамен металлический жетон (вроде гардеробного номерка), на котором вытиснен его рабочий номер. Этот жетон называется **маркой**. Оснастку берут — «на марку». Это своего рода «валюта» в обращении (между рабочим и инструментальной кладовой).

Пока я был обычным слесарем-сдельщиком, мне хватало пяти марок. С возвращением на ПКР в конце 1983 г., мне было выдано еще шесть, итого — 11. Дело в том, что некоторые из деталей, обрабатываемых на ПКР, требуют одновременно до 12 штампов (пакетов пробивного инструмента). А каждый штамп можно получить только за отдельную марку. Но надо сказать, что до самого последнего времени я пользовался этими марками не так уж часто...

Вообще, у всякого слесаря есть свой запас сверл, метчиков, разверток и прочего универсального инструмента в верстаке. Нет подходящего у тебя — можно взять у товарища. В кладовую обращаются в основном за кондукторами и т. п. необходимыми специально для выпуска данной детали приспособлениями. В конечном счете, главный источник приобретения того или иного инструмента в полное личное распоряжение — та же кладовая. А за десяток лет чего только можно у себя не накопить!

В первое время своей работы на ПКР Серега (1982 г.), пользовавшийся по инерции (после меня) доверием кладовщицы, сумел скопить свой подручный фонд, за который ни перед кем не надо отчитываться. В итоге, полки инструментальной кладовой несколько оскудели, зато в верстаке у Сереги всегда лежали расхожие (а иногда и не очень расхожие!) пакеты оснастки для ПКР. А иные, самые употребительные, — так даже из станка месяцами можно не вынимать.

Кое-что из этого запаса было переломано Серегой или его подручным (а еще раньше — и мною). Но как правило, из 5-6 штампов, необходимых для какой-нибудь детали, в кладовой приходилось спрашивать от силы один-два. Этот потаенный склад оснастки достался мне от Сереги

в наследство, когда я вновь приступил к работе на ПКР в декабре 1983 г. С таким «загашником» очень было удобно...

Зарубившийся или затупившийся пробивной инструмент надо периодически шлифовать. У меня давно сложились дружеские отношения с Володей З., который работает в инструментальной группе заточником, но владеет и плоской шлифовкой.¹⁹ И тот при необходимости, без поддержки, шлифовал для меня матрицы и пуансоны (без всяких согласований со своим начальством). [В. З. — повременищик. — А. А.]. Так что ни у кого больше об этом голова не болела.

Кладовщица Фаина шуровать по своим полкам меня теперь уже, конечно, не пускала (Сергея в свое время подорвал кредит доверия). Так что пополнять потайной фонд я уже не мог. Зато пользовался тем, что в нем было. Я не спрашивал в кладовой того, чего там нет (а есть у меня!), или даже у меня нет (но нет и там; значит, надо искать выход из положения, без шума). Поэтому наш «склад» (о котором кладовщица, может, и подозревала) не вызывал нареканий, а, напротив, всех устраивал.

Наиболее ходовые штампы (диаметры 3,6; 4,2; 6; 8; 10 мм) вынимались мною из станка только для того, чтобы их подточить. <...> Что существенно ускорило наладку. <...>

Были у такой практики и свои издержки. Еще Сергеем был введен «порядок» (и я, каюсь, не стал от него отказываться) — не обращать внимания на то, для какой толщины материала предназначен инструмент. Один и тот же диаметр, скажем, 2,5 мм, должен иметь разный зазор вхождения пуансона в матрицу, в случае пробивки миллиметрового либо двухмиллиметрового листа, т. е. это — **разные** штампы! Разница не настолько велика, чтобы нельзя было брать любой или использовать тот, который уже загружен в станок. При пробивке «не своим» штампом будет «градок» побольше... Но это не беда: все равно шабрить! Да порой и не было выбора. Если вырубной пакет для толщины материала 1 мм сломан, то поневоле возьмешь похожий (скажем, для толщины 2 мм).

Так или иначе, в течение всего 1984 г. ни у мастера, ни у бригадира, ни у технолога, ни у кладовщицы не возникало проблем с ПКР. Наладчик-штамповщик (т. е. я) всегда находил выход из положения, если чего не хватало. И дело не стояло. Кое-что было «не по правилам», но дело шло. И, по общему мнению, весьма успешно. Пока вдруг в апреле 1985 г. не началась «заморочка» с поломкой инструмента, в которой надо было искать виноватых.

Не могу сказать, что я такой уж аккуратист в работе на станке, но во всяком случае подкачать солидола в систему смазки не забуду... Не спарив пуансона с матрицей, я им не ударю... Если нужно заточить инструмент, схожу к Володе... «Аккуратистом» до фанатизма я был в период освоения ПКР в 1980-1981 гг.²⁰; координатную систему, с ее «генераль-

¹⁹ Владимир Владимирович Земсков. См. о нем ранее, в томе 2 настоящей книги: раздел 9.2.

²⁰ См. в томе 1: главы 2 и 3.

ной линейкой», я, перед тем, как сдать станок Сереге, так отладил, что с тех пор ни разу регулировка не понадобилась!

Но тут вдруг большие пуансоны начали зарубаться так, словно не спарены с матрицей. А маленькие пуансоны — так и просто пошли ломаться (о диаметре 1,5 мм я уже говорил; но и другие тоже). Пока я мог хоть в какой-то степени упрекнуть в этих мелких авариях себя самого, я это терпел. Но в апреле ситуация вышла из-под моего контроля. И из потаенного фонда несколько ходовых штампов выведены из строя... И в кладовую, чтобы выручить свою марку, приходилось «для отчета» носить обломки пуансона.

Еще в начале этого года (если не раньше) я обратил внимание, что не все в порядке с **механической** частью станка. В частности, с фиксацией револьверной головки, и особенно ее нижнего диска. В револьверной головке — два диска, верхний и нижний, и в каждом — по 24 гнезда (под номерами). В каждую пару гнезд загружается свой комплект пробивного инструмента (в верхнем диске — пуансон, в нижнем — матрица). Понятно, что если диски револьверной головки плохо фиксируются в каком-либо из 24-х заданных положений, то пуансон при ударе попадает не точно в отверстие матрицы, а может угодить по краю этого отверстия. А фиксация дисков зависит от двух металлических пальцев и 48 втулок, куда им (пальцам) положено заскакивать.

Пальцы истираются (но это не беда, можно их заменить!). Хуже то, что и втулки изнашиваются. Да к тому же — **неравномерно**: одним пришлось «потрудиться» больше, другим меньше. И вот возникает в этих фиксированных положениях **люфт**, да такой, что и наощупь, и на глаз видно.

Начиная с конца прошлого года приходилось время от времени вызывать цеховых ремонтников, которые заменяли то палец, то лопнувшую пружину (заталкивающую этот палец во втулки диска), а иногда... растачивали какую-нибудь из втулок (чтобы новый палец в нее влезал). Отчего, понятно, люфт в конечном счете не уменьшится, а скорее увеличится... Все эти лоскутные меры к добру не вели. В итоге сложилась ситуация, при которой **в любую минуту** можно ждать аварии.

(Эти неприятности можно устранить радикально, и известно — как, но станку уже два года как откладывают плановый ремонт).

Еще с лицевыми панелями (о которых шла речь выше) я отработал без чрезвычайных происшествий. А когда стал прорубать более толстые, двухмиллиметровые стальные листы, то один за другим «зарубил» два больших штампа (да не чуть-чуть, а так, что должно было бы полететь предохранительное кольцо ударного устройства станка, когда бы наши ремонтники его три года назад не заменили таким «жучком», что прочнее самого по себе ударного устройства). В общем состояние оборудования — заведомо «аварийное», опасное, нетерпимое.

Я немедленно вызвал старшего мастера Н. Я., начальника инструментальной группы В. В., старшего механика Н. Ш. и предоставил им выяснять отношения между собой [Н. Ярош, В. Васильев, Н. Шахматов. — А. А.].

Старший мастер, увидев люфты револьверной головки, сказал, что дальше **работать нельзя**. Механик — что в паре гнезд ремонтники люфты уменьшат, а вообще **работать можно** (ему лишь бы все втулки не перебирать!). А нач. инструментальной группы, поколебавшись, на чей счет списать поломку инструмента, заявил, что пуансон зарубается потому, что плохо (мною!) спарен с матрицей, и вообще — якобы не отшлифован как положено.

Такие «консилиумы» у ПКР, по моему настоянию, собирались в течение апреля несколько раз.

Мой бригадир А. С. заметил, что, кстати, и пуансонодержатели в своих гнездах уже люфтят (это посерьезнее втулок!). Зам. нач. цеха Ю. М. /Ю. Малков. — А. А.²¹, самолично занимавшийся освоением ПКР с программным управлением и лучше других разбирающийся в станках этого типа, заявил, что нужен срочный ремонт, и не профилактический, а **капитальный**! Но останавливать мой ПКР сейчас нельзя — цеховая программа затрещит!

Когда дело дошло до начальника цеха А. К. (он назначен в конце прошлого года, на смену А. Д.)²², тот безапелляционно заявил, что спаривать пуансоны с матрицами надо — **через марлю**, и тогда все будет в порядке. А. С. заметил: чепуха все это, ищут, как на рабочего свалить. Спаривать «через марлю» (чтобы пуансон фиксировался точно по центру матричного отверстия) — оно, конечно, неплохо... Но ведь не тогда же, когда сам диск револьверной головки вместе с матрицами гуляет, разболтанный.

С тех пор нач. цеха зачастил к моему станку, беспокоясь и за программу, и за оснастку. Он добивался от меня, как человека, «лучше всех знающего станок», чтобы я подсказал, что делать. Но раздражался от напоминаний о давно просроченном ремонте. В конце концов, на очередной его вопрос о причинах неполадок, я назвал уже не техническую, а организационную: что-де «много у нас в цехе бездельников», в том числе «отчасти, уж извините, и Вы сами»! Нач. цеха принял это замечание близко к сердцу. Перестал, было, «советоваться», но потом возобновил.

Был момент, когда зам. нач. цеха Ю. М. легкомысленно предложил мне **самому** перебрать станок (он-де ремонтникам не доверяет). Я ответил, что тоже доверяю к ним не питаю, но для того, чтобы я этим занялся, нужно меня, как минимум на неделю, приказом перевести в ремонтники (и то — с моего согласия). Ю. М. тут же увял.

(А ремонтникам сейчас и без ПКР хватает работы. Вместо профилактического ремонта оборудования, они готовят очередную перепланировку участка: **все** токарные станки переносят на новое место, чтобы

²¹ Здесь раскрываю использовавшиеся в производственном дневнике инициалы, поскольку в последующих главах эти лица будут фигурировать под своими действительными фамилиями.

²² Начальниками цеха № 3 ПО «Ленполиграфмаш» в период моей работы там (1980–1988) были последовательно: А. М. Соловейчик, А. И. Данилушкин, А. А. Косачев, Н. А. Ярош.

освободить пространство для «аквариума» — конторы участка посреди полета, со стеклянными стенами. Борьба за цеховой дизайн!)

<...> В общем, к концу апреля административные страсти вокруг ПКР разгорелись почти как в августе 1982 г., в период моей «забастовки» и «штрейкбрехерства» Сереги.²³ С той лишь разницей, что, будучи теперь сделщиком, я: служебных записок больше не пишу; от работы на не вполне исправном оборудовании не отказываюсь; и даже — демонстративно — спариваю пуансоны с матрицами «через марлю» (это в разболтанных-то дисках!).

Общий рисунок ситуации таков: выкручивайтесь как хотите, пренебрегая любыми правилами эксплуатации оборудования; но если какое-нибудь ЧП, то за нарушение этих правил спросят с вас же... Пока можно рассчитывать на отсутствие ЧП, такая логика для рабочего приемлема. Но тут уж и мой бригадир сказал: «Хватит, довыкручивались!».

Я предложил бригадире А. С. следующие меры:

1) Вернуть в кладовую наш потаенный фонд инструмента. Он здорово выручал нас раньше, но теперь становится обузой. Раньше вся шлифовка пуансонов и матриц держалась на моих дружеских отношениях с Володей З. Но теперь, когда требуют, чтобы я чуть не через каждые сто ударов носил их шлифовать, это уже не проходит. Не говоря уж о том, что некоторые матрицы после периодической шлифовки настолько «понизились», а пуансоны — «укоротились», что мне их и с подкладками в станке не выставить.

Да и пользоваться вырубными пакетами, рассчитанными на одну толщину материала, для другой толщины, как мы делали до сих пор, становится все более рискованно. Того гляди, и в этом нас обвинят, лишь бы не возиться с люфтами револьверной головки.

Скрепя сердце, Толик согласился расстаться с нашим «загашником».

2) Станок, конечно, надо ремонтировать. Похоже, начальство это все же осознало. Но без присмотра — ремонтники его совсем угробят. Как бы сделать так, чтобы меня к этому ремонту подключить, не в ущерб бригаде?

«А освоение смежной специальности?» — заметил бригадир. — «Правильно, — сказал я. — Сереге был в свое время присвоен разряд штамповщика. А у меня, между прочим, этого разряда нет!». — «Вот и перевести тебя на 3 месяца в стажеры, с оплатой по среднему, я давно об этом думал», — сказал бригадир. — «Пожалуйста!».

(«Вот только кого же мне в учителя назначат, небось — тебя...» — усмехнулся я; а ведь и у него квалификации штамповщика нет!).

3) А пока суть да дело, раз пошла такая карусель, будем работать **по правилам!** Больше уже ничего не остается.

Пробивной инструмент — только согласно техпроцессу! Нет нужно в кладовой — ищите выход сами! Хотите, чтобы я взял тот, какой не

²³ См. об этом ранее, в томе 1 настоящей книги: разделы 5.5, 5.8.

положено по технологии — пишите на маршрутной карте «разрешение». Ни одного не отшлифованного пуансона из кладовой в работу не брать. Это вам ведь не сверло подточить... Есть на то инструментальная группа. Затупился пуансон — возвращаю в кладовую, хоть посреди партии. Давайте, поворачивайтесь, коли надо «аварийно»!

Перспектива не из лучших. Работа «по правилам» чревата... Ею, кстати, можно вообще застопорить производство. Но иного выхода **сейчас** нет, согласился мой бригадир...

Ремарка: работа «по правилам» как форма забастовки.

Вообще говоря, работа «по правилам» — это одна из оригинальных, специфически «советских» форм рабочей забастовки. Ее целью обычно является — заставить администрацию, привыкшую переваливать ответственность за брак, поломки оборудования, невыполнение программы на рабочих, самой «пошевелиться», считаясь с конкретными требованиями исполнителей (будь то проведение необходимых оргтехмероприятий, улучшение условий труда, увеличение зарплаты и т. д.).

Эта форма рабочего «давления» на начальство будет еще не раз представлена на страницах этой книги. (Май 2003).

...Так началась «новая жизнь». В инструментальной кладовой меня благодарили за пополнение их полок. Я благородно (хоть и в сердцах!) поставил шифр 03 («небрежность рабочего») на браковочной ведомости одного из поломанных, кажется, еще Серегой, пуансонов (пускай сделают начет, зато уж больше без акта ни одного сломанного со станка не сниму!).

Выручив из кладовой свои 11 марок, я затребовал по-новой то, что нужно для штамповки очередной детали. Чего не оказалось — заменил некондиционным, но — **по указанию технолога**. Взял пуансон размером 1,9 мм (согласно техпроцессу) и, спарив его через марлю, обнаружил на пятой детали, что он затупился. Отдал мастеру — давайте шлифуйте (раньше такой диаметр и сам шлифанул бы на точильном камне, но — не положено!). Володе З., к которому мой пуансон попал теперь уже по официальным каналам, не повезло. «Иголочка» — тонкая, и сломалась у него под абразивом. Принесли замену («дубликат»), правда уже не цельнометаллический, а сборный. (На эти 40 минут, чтобы не сидеть без дела, я подключился к слесарной работе в бригаде...).

Еще через пять деталей новый пуансон (спаренный опять же через марлю!) чуть зарубился. Мастер взвыл: может, сами отнесете на шлифовку? Да не мое это дело... Отдал пуансон в кладовую, спросил там: «Нет ли у вас запасного, пока этот подправляют? А то деталь — аварийная!». Увы, запасного нет. Ну, тогда обеспечьте шлифовку. Согласно «правилам», из кладовой переправили тому же Володе. Через полчаса он принес мне отшлифованный пуансон.

Еще пара сотен ударов, и снова надо шлифовать! Я чуть было не плюнул, сколько же можно простаивать... Но, к счастью, выдержал характер и снова отдал в инструментальную группу. «К счастью», потому что благополучно спаренный с матрицей, хорошо отшлифованный пуансон сломался на пятидесятом, примерно, ударе.

Я не стал вытаскивать обломок из заготовки, чтобы видно было: пуансон **не успел** зарубиться! Предупредив мастера, взял у А. С. слесарную работу, все ожидая, что у ПКР соберется «консилиум». Но что-то не спешат (стыдно им, что ли?). Производство застопорилось.

Завтра, 4 мая — очередной субботник (в честь Победы). По-видимому, мой пресс на нем не вздрогнет. Разве что, предложат налаживать какое-нибудь другое срочное обозначение, т. е. «разрывать партию». Так иногда бывает в периоды штурмов. Затыкают маленькую дырку в производственной программе, но влезают в еще большую, стабильную дыру.

Вот такова наша третья **апрельская заморочка**.

* * *

...И все-таки мы с «Бугром» (бригадиром) с надеждой смотрим в будущее. «Не бери в голову!» — говорит он мне. Да я и не беру: «Прорвемся!» (Записано 2-3.05.85)

12.2. О дневных личных заданиях

Из «Производственных дневников» (сентябрь 1985)

<...> Система индивидуальных производственных заданий — особенность бригадной формы организации труда на «Ленполиграфмаше». Размер задания (как правило, неизменный в течение года) — это рублевый эквивалент коэффициента трудового участия, или доли работника в общебригадном заработке. У нашей бригады месячное задание на всех — порядка 2.100 руб. То есть — за день мы все вместе вырабатываем рублей на 100, что должно соответствовать сумме наших дневных личных заданий.

При этом внутри бригады индивидуальную выработку уже никто не учитывает. Важно выполнить бригадный план (задание). И тогда каждый получит зарплату на уровне своего месячного личного задания (дневное, помноженное на количество рабочих дней) плюс премия — 30% от заработанного (если не было прогула и т. п.).

Размер задания каждому поначалу было принято обсуждать в бригаде, в начале года, перед тем, как это утвердит начальник цеха. В нынешнем году — бригаде обсуждать не дали, а просто было доведено до сведения, кому что назначено администрацией.

«Задание» — своего рода обобщенная характеристика квалификации, опыта, стажа, личного мастерства, престижа рабочего. Это то, что он должен был бы и мог бы заработать в порядке индивидуальной сдельщины. Что, впрочем, было бы гораздо труднее, не будь он в бригаде, где «внутрибригадный маневр», «партизанщина», обобществленная самодетель-

ная технология открывают значительные резервы роста именно коллективной (а не индивидуальной!) производительности труда.

В общем, дневное производственное задание — это тот гарантированный уровень заработка, за который рабочий «подражается» работать в бригаде (при том, что последнее слово остается за администрацией).

Распределение дневных личных заданий в нашей комплексной (по преимуществу — слесарной) бригаде на сегодня — следующее:

— Анатолий Сычевич (бригадир) — 11,7 руб.; Василий Николаев — 11,0; Евгений Рыжов — 11,0; Сергей Русинов — 11,0; Алексеев — 9,0; Михаил Гуцин — 9,0; Виктор Носов — 8,3; Сергей Изотов — 7,5; Николай Реутов — 7,5; Татьяна К-ва (гравер) — 6,8.²⁴

Так называемый «встречный план», как правило, выше дневного личного задания на 0,2 руб. Его «назначает» ЭВМ (рабочего, разумеется, не спрашивая).

В комплексной бригаде И. В-ва [*И. В. Виноградов. — А. А.*], такого же профиля, работающей рядом, уровень дневных производственных заданий несколько выше, чем в нашей: от 12,9 до 8 руб. (если не считать новичков). Отчасти это — дань опыту и престижу бригадира, работающего на заводе свыше 30 лет. <...>

(Записано в сентябре 1985 г.)

12.3. Собрались вокруг стакана...

Из «Производственных дневников» (март 1986)

<...> В нашей бригаде 003 есть обыкновение отмечать последний день работы очередного отпускника. Выдерживается этот обычай не строго; инициатива обычно исходит от самого отпускника. Бывали и перерывы в традиции (сейчас не соображу, связанные или нет с мерами по борьбе с алкоголизмом).

Перед новым (1986-м) годом меня пригласили — в отпуск уходили сразу двое — Сергей И. и Сергей Р. Я тогда уклонился.

А 31 января был последний день моей работы перед отпуском. Помню, у меня по мелочи назанимали под этот день Миша Г. и Вася Н., в общей сложности рублей 12. Утром я предложил их истратить на мои «провода», пообещав добавить еще до 2-х бутылок.

Дело осложнилось сложными перерасчетами: долг Васи почему-то должен был отдать Миша, которому сам Вася был должен. Но Миша успел хлебнуть с утра, в итоге был удален с работы (вместе с не возвращенным мне долгом), в итоге коллективное мероприятие оказалось под вопросом.

Выход нашел тот же Вася (как-никак должный мне), заняв десятку у Люси К. Я добавил. Как обычно, собрались у гаражей (Вася, Сергей, другой Сергей, Витя, Толик и я). Как раз хватило 2-х бутылок водки, за которыми успел сбежать наш «Меркурий» — Витя.

²⁴ Здесь наличествовавшие в оригинале записи сокращения заменены реальными фамилиями.

Собрались вокруг стакана в начале пятого, а без четверти пять уже разошлись, как это обычно и бывает.

У этих гаражей приходилось раньше встречаться и в составе другой бригады. Вообще, там обычно собираются «по поводу», трудовым коллективом, а не просто так (для этой последней цели ходят в другое место, «на бочку»²⁵).

...По возвращении из отпуска узнаю о ЧП в нашей бригаде, приключившемся 28 февраля, в мое отсутствие, когда ставил такие же две бутылки, на ту же компанию, уходивший в отпуск Витя Н. Место и время мероприятия были те же, что и месяц назад. Четверых (Витю, Сергея Р., Васю Н. и Мишу Г.) забрал у гаражей милицейский капитан с двумя бригадмильцами без повязок (дружинники обычно выходят позже).

Должны были к этим четверым подойти еще двое («Бугор» Толя и Сергей И.), да чуть опоздали, так что товарищей загребли буквально у них на глазах. В итоге «в историю» попали лишь 2/3 нашего бригадного «ядра» (молодежную периферию бригады на такие мероприятия звать не принято), а не все «ядро» целиком. Повезло!

Облава была приурочена ко дню аванса (28-е), и не ошиблись.

Заглотнуть стакан успел только Серега Р. Миша и Вася выпить не успели. Витя — тоже, правда, он держал в руках сумку с бутылками и пирожками.

В оперпункте на Кировском²⁶ были составлены акты, выписаны штрафы (на этот день, видно, были запланированы...). Вите — 30 руб., Мише — 20, Васе — 30 (последний подписывать не стал, но это мало что изменит). А враз захмелевший от огорчения Сергей был отправлен в вызвитель.

Наутро Сергей Р. не досчитался в карманах всего аванса (80 руб.), так что его материальные потери оказались максимальными.

«Телеги» на ребят еще не пришли, но случай уже известен цеховому начальству, поскольку когда забирали Сергея, это почему-то видел зам. нач. цеха Н. Ярош.

Однако, повезло же двоим опоздавшим!.. А Алексеева — так просто бог уберег. <...>

(Записано в марте 1986 г.)

12.4. «Привязал себя...»

Из «Производственных дневников» (апрель 1986)

<...> День 18 апреля 1986 г. ознаменовался новым моим «техническим творчеством».

Еще два года назад я приспособился работать за своим ПКР, сидя на сборном сооружении из металлического ящика и вращающегося слесар-

²⁵ См. ранее, в томе 1 настоящей книги: раздел 2.10.

²⁶ Ныне — Каменноостровский пр.

ного сиденья. Чтобы было куда девать колени, снял кожух координатного стола. Каждую пятницу прячу сидение под координатный стол, а кожух — ставлю на место (приборка!). А то ведь стоя за станком по восемь часов каждый день, можно и «без ног остаться».

Естественным следствием этой «рационализации» рабочего места стало (давно!) то, что поворачиваю рукоять воздухоподачи (для зажима заготовки), от себя — не рукой, а **коленом**. Чем, кстати, освобождаю руку для другого рабочего движения в это же время. А вот обратно (чтобы высвободить заготовку) я эту рукоять пять лет поворачивал — **рукой**. Для чего надо каждый раз опускать руку от пульта вверх — вниз, под координатный стол.

Но можно же привязать к рукояти веревку или провод так, чтобы и обратно, для перекрытия воздухоподачи, двигать эту рукоять коленом же, **к себе**! Давно уже этот рабочий прием используется Г. Богомоловым, на фрезерном станке. А тут и меня осенило (сегодня!). Нашел обрывок провода...

Если раньше я сравнивал свою рабочую позу с велосипедной, то теперь чем-то напоминает кавалериста. Сажусь в седле, а правая нога — в стремях. «Привязался!.. (в смысле — **привязал себя**)», — как всегда точно отметил Стас.

Вообще — все заметили, всякое новшество замечается. Смеются: «Голь на выдумки хитра!». Действительно, высвободив правую руку на эти секунды, я теперь успеваю, во время холостого хода револьверной головки, обеими руками не только снять со станка готовую деталь, но и поставить новую заготовку!

Теперь **все** ручные операции «втискиваются» в машинное время. То есть — **и нереальную норму можно перехитрить!**..

А норма для той детали, которую я штамповал сегодня, уже такова, что почти совпадает с технически заданным временем полного оборота револьверной головки (1 мин.)! Головку-то быстрее крутиться не заставишь. Спрашивается, когда же ее еще останавливать, фиксировать (до десяти раз) и производить удары?!

...Тут возникает Вася Н., со своим предложением (уже вовсе не техническим). Оказывается, он уходит в отпуск. И, в отличие от некоторых, Вася **принес с собой**! И не надо, как в минувшем марте кружить вокруг рокового места у гаражей, где за месяц до этого погорело чуть не все «ядро» нашей бригады [см. выше. — А. А.]. Не надо искать на улице станок и где бы его опрокинуть!

Стало быть, состоится — **ритуал**, хоть и наспех, зато без помех. Сергей Р., больше всех «пострадавший» тогда, в феврале, похоже, всерьез завязал (или зашил ампулу?). Остались четверо, включая самого «именинника». Мы выполнили **обряд** в раздевалке, после окончания смены, уже переодевшись.

После стакана белого Васе больше «не надо», а Мише Г. — больше «нельзя»... Пришлось нам с «Бутром» *[бригадиром. — А. А.]* еще — по полстакана, чтобы добро не пропадало.

<...> Вышли с завода с Мишей Г. *[ныне покойным. — А. А.]*. Я ему говорю:

— Слушай, Миша, чего я удумал. Вот ты помнишь, как я спрашивал на собрании мастера Гошу, а потом на «едином Политдне» начальника отдела НОТиУ Плитмана (это было не далее как накануне) — насчет пересмотра норм на моем станке?

— Помню, — говорит Миша. — Ты их в угол загнал. Очень хорошо спросил!

— Так вот, — говорю, — я собираюсь подать такое заявление. Ты меня слушаешь?

— Ага!

— Нормы на ПКР за два года срезаны в среднем вдвое. Так?

— Так!

— Без всяких усовершенствований техники или организации, т. е. необоснованно!

— Конечно!

— Но мне же надо как-то выполнять задание! Пришлось кое-что придумать... (Чего только за пять лет ни придумал, включая и сегодняшнее «стремя»!). Вот и предлагаю: записать на мой и бригады «накопительный счет» соответствующую экономию. И даже, пожалуй, выплатить положенное вознаграждение...²⁷

Мише чрезвычайно понравилась моя хмельная идея (у самого-то, бедолаги, руки связаны: не покачаешь права — с его загулами!).

<...> Еще раз, другими словами, суть идеи:

— не то чтобы, мол, я придумал, а теперь, «из патриотических побуждений», прошу срезать нормы (на что провоцирует рабочих-сдельщиков новая форма соревнования). А — раз уж срезали необоснованно, то **пришлось** напридумывать. И тем самым как бы обосновать ваши производные нормы «задним числом»...

Так будьте любезны: все мои усовершенствования — **учесть!** Ведь только ими и обеспечен рост производительности труда на ПКР аж в два раза. Понятно?! <...>

(Записано вечером того же дня, 18.04.86)

12.5. О коммунистических субботниках

Из «Производственных дневников» (май 1986)

<...> На протяжении шести с половиной лет работы на заводе я (как и все) выхожу в апреле на Ленинский коммунистический субботник.

²⁷ О «накопительных счетах» и иных новшествах в организации «социалистического соревнования» на «Ленполиграфмаше» см. ниже, в главе 15.

Начиная с 1983 г. я участвую в субботниках в качестве рабочего-сдельщика. Это значит, что в моем расчетном листке работа на субботнике, не будучи учитываема в количестве отработанных часов, учитывается в заработке, который номинально увеличивается на одну дневную выработку (плюс соответствующая ей премия). А потом эта сумма **удерживается** из заработка (ведь на коммунистическом субботнике работают бесплатно!).

Удержание в расчетном листке обозначено кодом 91, который расшифровывается как... «погашение ссуд на жилищно-строительство»! Спрашивал: как это понимать? Говорят: когда-то этот код был введен для погашения ссуд, а потом — переадресован фонду коммунистических субботников. (Интересно: а погашают ссуды теперь по какому коду?).

Поскольку на субботнике, как и вообще по субботам, по неписаному правилу, работают не больше четырех часов (приходят не к 7-ми, а к 8-ми, а уходят в 12; ведь «добровольно»!), то получается, что удерживают **больше**, чем можно реально сделать.

Вообще-то, действительно произведенное на субботнике не имеет никакого отношения к нарядам, которые закрываются этим днем — за работу, выполненную, понятно, раньше (наряды на сделанное на субботнике, соответственно, будут закрыты потом!). Такая рассогласованность труда и учета — вполне закономерна: ведь наряды закрываются лишь на готовую (к отправке на сборку) продукцию. «Незавершенка» в нашем, механическом цехе отдельному учету не подлежит.

«Липой» здесь является вовсе не это естественное несовпадение того, что в данный день сделано, и закрытых нарядов. Настоящая липа — это так называемый «экран коммунистического субботника» на стенде, где отмечается якобы кем-то учтенная выработка бригад и участков в рублях... за каждые 2 часа!

Практически на субботнике успевают сделать не больше и не меньше, чем за 4 часа любого трудового дня. Но, скажем, в апреле за счет лишнего дня (Ленинского субботника) появляется возможность закрыть нарядов на большую сумму, чем в другие месяцы. Поскольку удерживают выработку не за 4 часа, а за **полный** рабочий день, это и воспринимается рабочими как «удержание за субботник».

Года два-три назад придумали было считать, что на субботнике успевают выполнить якобы не одно, а **полтора** сменных задания (тогда удержание еще увеличилось бы!). Но, ко всеобщему удовольствию, дальше разговоров об этом дело не пошло.

На Ленинский субботник обычно выходят **все**. И приплюсовывают, и удерживают — у всех, т. е. у каждого отработавшего. (Вроде, было несколько случаев, когда удержали у того, кто почему-то в этот день не вышел... Но то был просто административно-учетный недосмотр).

Согласно сохранившимся у меня расчетным листкам, на Ленинском субботнике в 1984 г. я «заработал» (т. е. у меня было удержано) 10,75 руб.,

в 1985 г. — 10,19. Нынче, в 1986 г. — 12,42 руб. Столько, стало быть, я зарабатываю (с учетом премии) **в среднем** за один рабочий день.

Кроме Ленинского коммунистического, бывают еще субботники в честь знаменательных дат (например: в честь 40-летия Победы, в честь открытия Съезда). На них выходят уже **не все**. Расчет производится аналогично Ленинскому. То есть — приплюсовывают и тут же удерживают дневную выработку.

Субботник — лишь одна из форм организации работы по субботним дням. Более распространена, понятно, форма обычных **сверхурочных**, когда на полдня в субботу выходят те, кто поддался на уговоры администрации. Отработанное время отмечается на проходной, в специальном «талоне-увольнительной», компостером, и оплата производится — из расчета этого времени, с небольшой приплатой.

Раза два-три за эти годы бывало, что суббота объявлялась **рабочим днем** по приказу директора завода. Причем отгул потом добавляется к отпуску. В таких случаях обязаны работать **все**, и — **полный** рабочий день. Но это, понятно, тоже не субботник.

Новую «мутацию» составил субботник 24 мая 1986 г. Он — в фонд помощи пострадавшим при аварии на Чернобыльской АЭС. Было решено, что в этот фонд каждый внесет по 5 руб. (независимо от того, выйдет ли на субботник). На субботнике же он имеет возможность «заработать» эти деньги, и даже несколько больше. (Для контроля за отработанным временем здесь тоже пробивали компостером «талон-увольнительную»).

...В пятницу, 23 мая я работал в вечер, и не у кого было взять талон на завтра. В субботу, уже отработав 2 часа, сообразил, что эдак мой выход окажется не учтенным. Взял талон у мастера. Тот «вручную» отметил в нем, что я вышел на работу в 8 час., а уход (12-30) я пробил компостером. Таким образом, к моей зарплате будет приплюсовано около 5 руб. и потом удержаны те же 5 рублей.

(Строго говоря, к фонду помощи пострадавшим в Чернобыле этот «субботник» прямого отношения не имеет. Ведь удержания будут производиться у всех тех, кто расписался на листе, а не только у тех, кто отработал).

На этом субботнике народу было очень мало (из нашей бригады — всего трое, включая меня). В фонд Чернобыля по 5 руб. внесли **все**. <...> (Записано в мае 1986 г.)

12.6. Июльские аккорды²⁸

Из «Производственных дневников» (июнь-декабрь 1986)

В пятницу, 13 июня 1986 г. после обеда сам генеральный директор вызывал к себе бригадиров с нашего участка. Ибо — **на нас сейчас все**

²⁸ Этот текст имел такое название уже в оригинале.

сошлось. Нам предложено... выдвинуть перед администрацией условия, на которых мы беремся в авральном порядке выполнить все необходимое в июне для сборки в 10-м цехе! Случай небывалый — рабочих спрашивают: каковы ваши **требования?**

Всего вариантов, вырисовавшихся после встречи бригадиров с директором, — три:

1) Закрывать хоть сто пятьдесят процентов задания. Бешеные заработки, а в январе будущего года... резанут нормы так, что закачаешься.

2) **Аккорд**, как называет это мой бригадир Толик [*он же — А. С., он же — «Бугор».* — А. А./], т. е. **подряд**. Бригады гарантируют своевременную сдачу всей нужной номенклатуры, а администрация гарантирует небывалую премию.

3) Оплата сверхурочных (вечера, субботы, может быть, даже воскресенье!), как минимум, в двойном размере (а не так, как сейчас, лишние полтора рубля за выход в субботу).

Обсуждаем ситуацию сначала по-двое, по-трое. У «Бугра» — ум враскорячку: чего конкретно запрашивать? Бригадир (А. С. и И. В.) совещаются, стоя рядом с моим станком. Я предлагаю — давайте всех соберем! Принимается. За четыре года, что я работаю в бригаде, не было такого, чтобы собрание сразу двух бригад, да еще без мастера...

Игорь В. дает «вводную». Первый вариант (кстати, это предложение директора) с ходу отвергается всеми. Знаем мы эти штучки! Второй вариант, отчасти исходивший от Толика (хоть сам же он его и опровергал!), тоже не годится. Во-первых, не ясно, какую премию запрашивать. Во-вторых, есть опасность, что сорвут график не по нашей вине, и окажемся с носом.

Сошлись вроде на 3-м варианте. «Упираться рогом». Лишняя десятка за субботу, и вся недолга! Толик пошел к начальнику цеха сообщить о наших предложениях. Реакция остается пока неизвестной.

К концу дня мастер Гоша, **как обычно**, пришел «уговаривать» выйти в субботу. Тут уж даже те, кто и так бы вышел, потребовали ясности. Снова наш «Бугор» идет к начальнику. Тот не может «решить вопрос» без директора. От себя нач. цеха жалует каждому, кто выйдет в субботу, дополнительно по пятерке из фонда мастера. Услышав о такой «милости», кто-то (уж не я ли?) произнес: «Что ж, подождем десятки из фонда директора...».

В субботу, 14 июня из двух наших бригад вышли **только** оба бригадира. Разумеется, не ради лишней пятерки, а в силу «сознательности».

<...> Под давлением обстоятельств, администрация от 1-го варианта продвинулась ко 2-му. Утром в среду, 18 июня всю нашу бригаду очень решительно собрал бригадир и сказал, что, если сделаем то-то и то-то, будет на всю бригаду сверхнормативная **премия** — 200 руб. Ну, ясно, что понадобятся эти «субботы» до конца месяца. А подробности — не проговариваются... Но вроде дали себя уговорить, ладно!

К концу дня выясняется, что этот «подарок» (в среднем по 30 руб. на брата), похоже, будет нам стоить того, чтобы до конца месяца, т. е. почти две недели, вкалывать до 8-ми вечера (т. е. 12-часовой рабочий день!). А в субботы — не по 4 часа, как обычно, а часов по 10. Хорошенькое дело! Все же, раз уж обещали, остаемся в среду после 16 час., вшестером — «ядро» бригады: Толик, Вася, Сергей Р., Миша, Витя и я...

<...> Где-то между 19 и 20 час. назревает общее раздражение, подогретое выданными нам «талонами-увольнительными» для сверхурочных работ (откуда как будто следует, что мы просто — работаем сверхурочно, а никакой не «аккорд»). **На-ду-ва-тель-ство!** Перед уходом велим Толику еще раз уточнить условия.

В течение следующего дня (19 июня, четверг) новой информации не поступало. Толик, может, и спрашивал, но либо ему не дали гарантий, либо он «не сумел» их до нас донести... Тем не менее, он рассчитывал, что мы все останемся, как накануне. За пять минут до конца смены я подошел к собравшимся в кучку Васе, Мише и Сергею: ну что, остаемся? А им только и не хватало четвертого, чтобы плюнуть и уйти. Остались — «Бугор» и Витя. Счет 4 : 2.

Толик, похоже, **от меня** — не ожидал... Но я действовал «как все». Впрочем, не скрывая и собственного рабочего самосознания.

В пятницу, 20 июня начался новый тур переговоров «в верхах». Администрация с бригадой разговаривать побаивается, только с бригадиром. «Бугор» объясняет каждому порознь, что дело — «верняк», закроют нарядов, согласно заданию, **плюс еще почти на тысячу рублей!** Мда. На подряд это не похоже... Скорее 1-й, с порога отвергнутый нами вариант.

Предложение представляется все же соблазнительным, хоть и опасным для будущего — ведь такое перевыполнение плана никакими сверхурочными не «оправдаешь»! А стало быть — есть повод в будущем году существенно ужесточить нормы... Но это когда еще, а тут сразу — **большой куш!**

Ситуация такова, что и нам деваться некуда, и администрации. Никакие «варяги» (вроде присланных «в помощь» сборщиков из 10-го цеха) с этой **нашей** работой не справятся. Администрация не может не закрыть наряды, если не хочет провалить план.

Бригадир ведет переговоры с каждым в отдельности. Я предлагаю провести очередное собрание (за эту неделю чуть ли уже не треть!). Как настроены остальные — я не знаю и не разрешаю себе заранее узнавать.

На собрании с предложенными условиями соглашаются все, **кроме меня**. Я объясняю, что согласился бы, кабы администрация не темнила, как поступает уже целую неделю, а подписала с бригадой взаимообязывающий договор — «подряд», «аккорд» (называйте как хотите!). А так — доверия все это не вызывает. Но наш «Бугор» умеет выколачивать из администрации деньги, но не письменные договоры.

Дело осложняется тем, что именно мой ПКР — чуть ли не главный гарант выполнения этого, так называемого «подрыда» с нашей стороны. И вроде не так уж много на моем станке и работы... Но самая ответственная и, вместе с тем, денежная (лицевые панели, каркасы!). Мы с бригадиром — уважающие друг друга оппоненты. Он говорит, что «аккорд» состоится, даже если кто-нибудь (в данном случае я) и откажется.

Я говорю, что панели на моем станке уже настроены, и если сам Толик отштампует их в субботу, то в понедельник днем (без всякого «аккорда»!) я и каркасы ему налажу. Штампуй себе их вечером!.. То есть — отказываясь из принципа, я никому руки не выламываю. Хотя «Бугру» за моим ПКР придется и не сладко. Мой отказ встречен с пониманием. Ведь «аккорд» — дело **добровольное!**

В субботу, 21 июня, я, неожиданно для всех (в том числе и для самого себя), не взяв талона накануне, вышел на работу. Бригадир с удовольствием уступает мне место за станком. Штампую сам налаженные накануне лицевые панели. В эту первую «сверхаварийную» субботу надумали работать с 7-ми до позднего вечера. Похоже, что все так и вкалывали. Что касается меня, то я пришел, как в обычную субботу, к 8-ми и закруглился к 12-ти, сделав изрядную часть производственной партии. Уходя, спросил бригадира: «Когда тебе нужны панели?» — «В среду». — «Хорошо, будут!».

Во избежание недоразумений, я пояснил, что в «аккорд» по-прежнему **не вхожу**. А просто вышел ему («Бугру») помочь...

В сущности, гарантия выполнения «аккорда» (лишь в том, что касается моего станка, разумеется) была заложена этими 4-мя часами моей работы в субботу. Толик прилаживался бы намного дольше. Неизвестно, пошло бы у него так же «по маслу», как у меня. (Станок, по его выражению, сейчас только меня и слушается; ведь уже третий год откладывается плановый ремонт!).

Буду ли я участвовать в «аккорде» — дело второстепенное. Важно, чтобы панели были в среду. Тогда до конца недели бригада успеет их зачистить, загнуть, сварить...

В понедельник, 23 июня, я задержался на два часа, хоть это, после той субботы, было уже и не обязательно. Как бы в порядке обычных сверхурочных... «Бугор» же, Сережа, Вася, Витя оставались (как наутро узнал) до 8-ми часов вечера (их работа шла после моей; и у них ее было побольше).

<...> Мои панели были готовы к среде, каркасы — тоже своевременно. Все — с опережением бригадного графика на несколько часов (тут счет шел действительно на часы!). Для этого оказалось достаточным всего 16-ти часов моей «переработки».

Кажется, еще в среду «Бугор» заявил: «Ну, Андрей, хочешь — не хочешь, а в аккорд ты попал!». Я не стал возражать. Но в среду, 25 июня, оставаться после смены уже не стал. И в четверг тоже. Незачем! Впро-

чем, и остальные работали по 12 часов не каждый день. Кажется, в понедельник мы уходили в 18 час. вместе с Васей. А в среду и сам бригадир ушел в 18 час., в ДНД *[добровольная народная дружина. — А. А.]*.

В четверг, 27 июня, судьба «аккорда» была в основном уже решена. Можно было «расслабиться» *[«собраться вокруг стакана» — А. А.]*... Что, естественно, и было выполнено!

<...> В пятницу, 28 июня (а может и накануне, не помню!), стали известны денежные итоги «аккорда». Действительно, были закрыты наряды реально сделанного сверх задания почти на 1000 рублей.²⁹

Дележ общебригадного приработка производился выделенной для этой цели «тройкой» уполномоченных (Толик, Вася, Миша), впрочем, в основном — самим «Бугром». Вот какой получился расклад:

— Толик (бригадир) — ?; Вася — 148,47 руб.; Сергей Р. — 132,48; Витя — ?; Миша — 129,52; я — 92,77; Сережа Б. и Игорь М. (новички) — по 42,10 руб. (Это, разумеется, не вся зарплата, а только приработок!).

Делили наглаз, с учетом величины дневного личного задания, количества отработанных сверхурочно часов, а также — просто интуитивно-го ощущения значимости вклада каждого.

Напомню дневные производственные задания членов бригады:

— У «Бугра» (Толика) — 11,9 руб.; у Васи — 11,0; у Сергея Р. — 10,0; у меня и у Миши — по 9,2; у новичков Сережи и Игоря — по 5,6. Вкалывал сверхурочно больше всех сам бригадир (кажется, больше 50 часов). Вася — чуть меньше (42 час.). Кто-то — 36, кто-то — 28 час. Новички — помалу.

Итак, у меня — **среднее по величине** личное задание (9,2 руб.) и **минимум** сверхурочных: всего 16 час.. Мой «куш» вырос до 90 руб. в основном за счет коллективного ощущения **значимости вклада**. Я работал сверхурочно — строго в рамках необходимого, чтобы бригада справилась с «аккордом». Причем так, чтобы бригадир не прикасаться к моему станку (что, как я уже говорил, могло и задержать выпуск продукции с него).

Результаты дележа здесь приведены с копейками. Это уже — формалистические изыски экономической службы. Ибо надо, чтобы деньги соответствовали определенному количеству «нормочасов». Эти последние писались уже **фигтивно**, исходя из заданной бригадным дележом суммы (или доли) для каждого.

Что касается сверхурочных, то их — за определенным пределом — уже не учитывали. У «Бугра» — чуть не 60 час., а ему засчитывают (по основной ведомости) только 42, Васе — 32 (вместо 42), и т. д. Нельзя так много сверхурочных **показывать!**

В общем, тут многие концы с концами не сходятся. Верно одно: общая сумма заработка бригады соответствует закрытым нарядам, а эти по-

²⁹ Не следует думать, что наряды — «липовые». Обычно в конце месяца закрываются не все наряды на выполненные работы, а ровно столько, чтобы выполнить или чуть перевыполнить план. Тут администрация от этого «правила» отступила.

следние — объему выполненной работы (тут — без тухты!). Сумма приработка (около 1000 руб.) поделена самой бригадой. А уж администрация подтасовывала свои ведомости под это наше решение. Причем «показанные» сверхурочные вовсе не покрывают сверхнормативного приработка, а лишь отчасти оправдывают его. Такая вот «экономическая механика»...

Итак, **не обманули!** Таков был главный итог нашего «аккорда» (или как его там называть!).

<...> В пятницу, 27 июня (когда уже были известны основные результаты), состоялся бригадный культпоход в пивбар «Янтарь», неподалеку от завода. Это мероприятие заслуживало бы отдельного рассказа. Здесь — опускаю...

В субботу, 28 июня, все участники культпохода вышли на работу и отработали по четыре часа. Я тоже, хоть в этом и не было производственной необходимости, а просто из чувства «рабочей солидарности». <...>

Суммарные (включая основную зарплату и приработок) бешеные заработки нашей бригады (например: 730 руб. — у бригадира, 608 — у Васи, 575 — у Вити, 427 — у меня, и т. д.) хоть как-то оправдывались сверхурочными. Бригада же Игоря В. от «аккорда» фактически уклонилась. Там — больше ветеранов, и так зарабатывающих по 400 руб. и больше... Кто отказался наотрез (Валентин К.), а кто (сам бригадир) вышел, из лояльности, раза два в субботу или задержался пару раз на пару часов. Но у бригады И. В. всегда остается задел (не закрытые наряды на выполненные работы).

Кроме конкретной номенклатуры, администрации, по-видимому, нужен был «вал», который можно было обеспечить, лишь закрыв эти наряды. И Игоря В. уговорили сделать это. Хоть он и предпочел бы свой «загашник» приберечь про черный день. Игорь беспокоился насчет дефицита сверхурочных в своей бригаде. Наш «Бугор» ему сказал: «Смотри сам! У нас сверхурочных — 340 часов».

В итоге этой манипуляции соответствующие приработки в бригаде И. В. составили от 150 до 60 руб. (Только у Валентина К., отказавшегося от сверхурочных вчистую, приработок — 0). Заработки в бригаде Игоря В. оказались в этом месяце почти не ниже наших. (Обычно они выше, чем в нашей бригаде, но тут — особый случай).

Наша бригада вкалывала до 8-ми вечера, чтобы закрыть нарядами лишнюю тысячу руб., а другой бригаде для этого и вкалывать не понадобилось... «Как бы ты это назвал?» — спросил я у нашего «Бугра». — «...!» — ответил тот. (И другим показалось несправедливым, хоть вообще-то и не имеют обыкновения считать в чужих карманах).

Так были решены задачи по обеспечению «плановой дисциплины» на нашем, 1-м участке цеха № 3 и выведена из-под удара заводская программа.

* * *

В июле «аккорд» повторился, и в масштабах не менее крупных. Бригадир полагал теперь мое участие само собой разумеющимся. И у меня уже не было оснований настаивать на письменном договоре с администрацией. «Процентов 70 денежной (выгодной) номенклатуры проходит через тебя!» — сказал мне А. С. — «Ладно, — сказал я, — попробуем!».

В нашем, механическом цехе, в отличие от сборочного, авралы начинаются не с третьей, а со второй декады. Не выделяясь из общего бригадного строя, я отработал сверхурочно 32 часа (три субботы — 12, 19, 26 июля — по 4 часа; а по 12 часов работал 15, 16 17, 21, 24 июля — будние дни).

<...> Работы на ПКР в июле было побольше, чем в июне. Тут уж я мог обеспечить бригадный «аккорд» только полноценным участием в нем, а не экстравагантными выходками типа июньских. Работали на пределе сил и все остальные. Не повезло Мише Г., подзагулявшему перед самым началом июльского аврала и фактически выбывшему из игры.

Мы теперь уже знали, сколько **надо** и сколько **можно** иметь сверхурочных (в прошлом месяце испытание на максимум предпринял бригадир, а на минимум — я). За неписаную норму сверхурочных — 32 часа — все же стремились не вылезать: «Достаточно!». Сам бригадир позволил себе даже отсутствовать с пятницы по понедельник (ездил с женой на теплоходе в Кижы).

В понедельник, 28-го, штурм фактически завершился. Последнюю неделю июля работали уже нормально, по 8 часов.

Я, как и положено на ПКР, работал с опережением по технологической печочке. Появившись после 4-дневной отлучки, Толик с удовлетворением узнал, что я отштамповал самую выгодную из партий еще в пятницу, а в субботу Вася Н. и Серега Р. эту деталь обрубили и загнули.

<...> По июльскому «аккорду» мне было отмерено чистого приработка (т. е. сверх задания) аж 180 руб. (Стало известно 30 июля). Когда бригадир сообщил мне об этом (не без торжественности!), я поинтересовался успехами остальных. — «Примерно то же!». Спросил у Вити. — «150 руб.» (он в этом месяце «вечерил» поменьше!).

* * *

...Все эти сугубо бригадные события не худо бы совместить в **синхронистической таблице** с «вехами» личной, лично-общественной, заводской, городской жизни, жизни страны и, если угодно, Мира. (Ведь это были июнь и июль 1986 г.!). Даже не выходя за пределы первых двух названных уровней, объем информации возрос бы многократно (уж об остальных не говорю). В принципе возможность составления такой таблицы не исключена, ввиду сохранившейся в разного рода документах датировки важнейших событий жизни лично-общественной: **«дело» социолога-рабочего** и т. п.³⁰

* * *

<...> В четверг, 30 июля, утром пошел к заводскому хирургу с указательным пальцем правой руки, распухшим с руку. Глубокий нарыв от

³⁰ См. в томе 2 настоящей книги: главы 7-10.

инфекции после микротравмы не мешал работать (палец сгибался), но стало ясно, что сам он не прорвется.

Хирург: — «Давно?». Я: — «С неделю». — «Чего раньше не пришли?». — «Некогда было». — «Надо резать!». — «Может в пятницу?» (жалко пропускать последний день этого урожайного месяца). — «Так в пятницу и приходили бы...». — «?!». — «А то проситесь в пятницу, а в четверг на меня навешиваете».

Я вернулся в цех, переоделся, предупредил мастера и бригадира («У меня все налажено, хочешь — штампуй». — «Нет,ждемся тебя») и пошел на операционный стол. Режет хирург хорошо.

В пятницу бюллетень пришлось продлить до понедельника включительно.

* * *

Эти заметки были сделаны по горячим следам, в июне-июле 1986 года, отчасти в августе. Дописываю уже в декабре.

Август был последним, третьим месяцем летних «аккордов». Фронт работ был уже поменьше июньского-июльского. Несмотря на несколько дней пребывания на бюллетене в начале августа, я справился со своим «уроком» к концу второй декады (набрав 20 часов сверхурочных). Так что последнюю неделю августа смог даже заняться, наконец, ремонтом своего станка (для чего, по моему настоянию, был-таки переведен на неделю в слесари-ремонтники). <...>

При бригадном дележе мой вклад в этот «аккорд» был оценен чистым приработком 120 руб. Несколько снизились (против июля) приработки и у других членов бригады.

А в сентябре-октябре начались... крутые простои (и на моем станке, и в бригаде в целом). Вот где пригодились бы «истраченные» летом не закрытые наряды!..

Министр обратился к генеральному директору с «просьбой» выдать продукции к концу года **дополнительно** на 1 миллион рублей. Тогда начались новые авралы (правда, уже без «аккордов!»). Приглашенные, впрочем, введением показушной двухсменки, когда все утонуло в неразберихе.³¹

Остается произвести некоторые подсчеты.

Согласно расчетным листкам за 11 мес. этого года, мною отработано в общей сложности 1618 раб. часов (включая сверхурочные). Что соответствует 197,3 рабочих дней (1 день = 8,2 час.). Начислено заработка по сдельным расценкам за 11 мес. — 2202,35 руб. Поделить на 197,3 — получится 11,16 руб., это — в среднем за рабочий день. А дневное личное задание у меня — всего 9,2 руб.

Такое перевыполнение личного задания возникло за счет летних «аккордов» (если рассчитать за 8 мес., без июня-августа, то выполнение в общем соответствует заданию). <...>

³¹ См. об этом ниже, в главе 15.

Это значит, что в период «аккордов» администрация вынуждена была при закрытии нарядов нарушить сложившийся «баланс» между невыгодными и выгодными работами, в пользу последних. (В самом деле, если, скажем, в августе мой приработок составил 120 руб. при 20 час. сверхурочных, то, согласно простому расчету, за каждый сверхурочный час я зарабатывал $120 : 20 = 6$ руб., что в 4 с лишним раза больше обычного!).

Но, уступив рабочим в период «аккордов», администрация развязала себе руки для последующего ужесточения норм (срезания расценок), в целях восстановления временно утраченного баланса интересов.

Теперь — какое же мне будут устанавливать дневное личное задание на 1987 г.? Обычно его повышают на 0,2-0,3 руб. от достигнутого. Скажем, я мог бы рассчитывать на 9,5 руб. Но ведь тогда мое задание получится **меньше** достигнутого в 1986 г.! А рабочий вправе претендовать на, по крайней мере, не меньшее задание, чем он имел в прошлом году.

За 11 мес. мой суммарный заработок (с премиальными, отпускными, оплатой по бюллетеню) составил 3.726 руб. Делим на 11, получаем 338,7 руб. (За 12 мес. он наверняка снизится, благодаря декабрю, примерно до 330 руб.). А за 8 мес. (без июня-августа) заработано 2.163 руб. Поделив на 8, получаем 270,4 руб. Это еще с учетом привалившей мне 75-рублевой премии за победу в соцсоревновании по заводу... (отдельный сюжет!). А если без этого «подарка», то: $2.163 - 75 = 2.088$. Поделить на 8, будет 261 руб.

Зарабатывать 260-270 руб. или 330 руб. в месяц — разница? (Впрочем, не столько для материального благосостояния, сколько для самоуважения рабочего-сдельщика; ведь высокий заработок — знак общественного признания). Вот и возникает вопрос: какое мне теперь назначать «дневное производственное задание» — 9,5 или 11 руб.?

Возможно, сторгуемся на 10 руб. (для чего еще понадобится «выламывать руки» бригадиру, ввиду моей относительной незаменимости). Но — не больше! Ведь в таком же положении все участники июльского «аккорда». А столь резкий скачок в личных заданиях и, соответственно, в гарантированном заработке для всех членов бригады — дело абсолютно нереальное. Ибо тогда пришлось бы так же резко повышать бригадный план. А это уже противоречит интересам администрации...

По-видимому, наше перевыполнение будет как-то закамуфлировано в отчетной документации. И у нас останется лишь перспектива вновь приподнять потолок своего среднемесячного заработка в 1987 г. рублей эдак на 50 на брата, за счет очередного «аккорда».

* * *

В таком вот разрезе предстает социальный механизм нашей экономики — **глазами рабочего**.

(Записано в июне-декабре 1986 г.)

Ремарка 1: самоидентификация в качестве рабочего.

В отличие от первых трех лет эксперимента социолога-рабочего (см. предыдущую главу), здесь представлены «заводские будни», где положение социолога-испытателя никак не отличается от положения его товарищей по труду. И сам субъект «наблюдения и участия» фактически отождествляет себя с ними, в своем жизнеощущении.

Его «социологическое поведение» сводится едва ли не только к этим записям (ведению «производственного дневника»); в остальном же он — **«рабочий как все»**.

Во многом такая самоидентификация в качестве рабочего обеспечивается теперь уже вероятной **бессрочностью** эксперимента: ведь возвращения в стены академического института и т. п. для исключенного из рядов КПСС и т. д. — вовсе не предвидится.

...Социолог-испытатель к тому времени успел понять, что «перемен не надо ждать, их надо делать»³². Но рассчитывать на безусловный успех такого «делания» пока (в 1986 году) ему, как и всем остальным «делателям» (будущим «прорабам перестройки»), не приходится.

Вообще, автора в этот период уместно называть, пожалуй, уже не «социологом-рабочим», а скорее — **«рабочим-социологом»**. Его самоидентификация с «рабочим классом» становится не игровой, а вполне «всамделешней». (Май 2003).

Ремарка 2: о форме «Производственных дневников...».

По-видимому, сюжетно выстроенные тексты (вроде «Апрельских заморочек» или «Июльских аккордов») оптимальны для регистрации социологических наблюдений, в случае наблюдающего участия. При этом важно точно вычлениить, «угадать» начало сюжета, увидеть росток будущей «моделирующей ситуации» в процессе повседневной жизни, а дальше — лишь отслеживать данную сюжетную линию. (Март 2001 — май 2003).

* * *

Постскрипtum к главе 12

Как уже отмечалось однажды³³, знакомство социолога-испытателя с западной феноменологической школой в социологии в тот период было минимальным. Пожалуй, оно ограничивалось изданным под грифом «для научных библиотек» в 1978 г. переводом знаменитого (на Западе) сборника «Новые направления в социологической теории» (1972).

Вот сейчас передо мной эта книга, с пометками, подчеркиваниями конца 70-х. Например:

«...Процесс описания членом коллектива собственного опыта есть процесс превращения уникальных специфических индивидуальных переживаний в общеизвестные путем их систематической организации... Результатом

³² См. в томе 2 настоящей книги: раздел 10 14.

³³ См., в томе 1: Предисловие («От автора — сегодня. 2002»).

выражения индивидом своих переживаний каждый раз становится сущностная (то есть необходимая и неизбежная) рефлексивность всякого описания. Именно вербальное выражение придает описываемому опыту его рациональный, связный и систематический характер; именно оно включает его в контекст обыденного или же формально-социологического объяснения, делающий его осмысленным и рациональным с точки зрения данной аудитории...

Задачей профессиональных социологов с точки зрения этнометодологии становятся, таким образом, не принятие на веру того, что обычно принимается на веру на уровне повседневной деятельности, — темой социологического исследования должна стать тогда сама реализация адекватности значений в повседневных, основанных на здравом смысле объяснениях...» (П. Филмер. Об этнометодологии Гарольда Гарфинкеля / Новые направления в социологической теории М.: Прогресс, 1978, с. 347-348).³⁴

Но во всяком случае в период создания приведенных выше описаний («вербализаций индивидуального опыта» и т. п.) меньше всего социолог-рабочий вспоминал А. Шюца или Г. Гарфинкеля. Этнометодология присутствовала разве что в его «профессиональном подсознании». (Апрель 2005).

---

³⁴ Другие фрагменты из сборника «Новые направления в социологической теории» см. также в томе 4 настоящей книги: приложения к главе 23.

Приложения к главе 12

П.12.1. Как же повысить КПД общественной системы?

Несколько вступительных слов

Мне уже приходилось рассказывать об А. Г. **Солипатрове** — слесаре-механике высочайшей квалификации и авторе публицистических эссе (заметок) «Я просто слесарь...», «Глазами рабочего», «Воспитатель без диплома» и др., публиковавшихся в 1960–80-х гг. в журналах «Знамя», «Новый мир», в «Литературной газете»...¹

Нашей дружбе с Анатолием Гавриловичем — вот уже 40 лет. На «Ленполиграфмаше», где А. Г. работал в 1940–50-х гг. (а я — в 80-х), мы, понятно, не встречались. Но, между прочим, трудились мы — в разное время — в одном и том же механосборочном цехе (цех № 3) и даже на одном и том же производственном участке.

А. Г. — сейчас на пенсии. Писание своих «заметок рабочего» не оставляет. К сожалению, сегодняшних читателей работ Солипатрова можно пересчитать по пальцам (я — из самых прилежных!).

Недавно А. Солипатов вдруг вновь оказался востребован СМИ: в серии телевизионных передач к 300-летию Петербурга, подготовленных И. Шадханом, одна была посвящена ему.

Ниже — фрагменты из записок А. Солипатрова, датированных нынешним годом. Как мне кажется, эти заметки позволяют увидеть (почувствовать?) «связь времен»: и совсем давнего (начало XX века), и позднейшего (когда на этом заводе работал мой старший друг), и вроде бы недавнего (когда там работал я сам), да и нынешнего времени тоже. (Декабрь 2003).

Из заметок А. Солипатрова (апрель–ноябрь 2003)

...Послал нам бог в Россию талантливому хозяину-механика, предпринимателя Ивана Семенова. И сам он был, как видно, щедро одарен, и с ходу видел и понимал таланты, собирал их вокруг себя. И вырос на Петроградской стороне, подстать самому хозяину, **завод**.

Изготавливались там гильзовые, табачнонабивные машины, которые должны были устойчиво работать на больших скоростях и не «ошибаться». Делали еще много чего — на самом высоком техническом уровне. И держалось все это прежде всего на организаторском таланте самого Семенова, на установленной им и затем вошедшей в традицию, строжайшей технологической дисциплине...

¹ Об А. Г. Солипатрове, а также одну из его работ см. ранее, в томе 1 настоящей книги: приложение 3 к главе 5.

Ремарка: завод точного машиностроения.

Датой основания Ленинградского завода полиграфических машин принято считать 1890 год, когда молодой инженер, выпускник Петербургского технологического института И. А. Семенов, сын петербургского предпринимателя Семенова-старшего, организовал мастерскую по изготовлению сконструированной и запатентованной им гильзовой машины для набивки папирос. (До этого И. А. Семенов работал механиком по обслуживанию заграничных машин этого профиля на Петербургской табачной фабрике Н. А. Шапошникова).

Собственно заводской корпус на Песочной ул. (Аптекарский остров, Петроградская сторона) был заложен в 1896 г. Семеновский завод уже в начале прошлого века стал одним из известнейших российских машиностроительных предприятий. После Октябрьской революции на заводе, получившем имя немецкого революционера Макса Гельца, выпускались машины для текстильной и табачной промышленности. В 1924 г. решением ВСНХ завод стал экспериментальным предприятием точного машиностроения. С начала 30-х гг. — пионер и лидер выпуска отечественных линотипов и иного полиграфического оборудования.² (Январь 2004).

...Пришел я на этот завод в 1946 году. Поработал несколько лет слесарем, и стало меня мало-помалу удивлять и беспокоить: как же так — все участки, хоть станочников, хоть слесарей, возглавляются мастерами, которые и по возрасту, и по рабочей квалификации, как правило, ниже среднего уровня рабочего-производственника, да и в руках такого мастера вовсе не железки, а одни бумажки...

И стал я тогда рассуждать: — А не лучше ли, если на участке сдельщиков будет один из рабочих — на ставке, и чтобы был он мастером наивысшей квалификации, к которому и мне, «желторотому», за советом можно обратиться, и сам он, проходя мимо, бросит опытный взгляд через мое плечо. А коли такие **Мастера** на всех участках были бы, то вот они бы, с полуслова понимали бы друг друга. И с технологом, и с конструктором у такого мастера было бы взаимопонимание. <...>

Начал я, где можно и где нельзя, выступать со своими предложениями... естественно, безрезультатно. Только сейчас, когда мне 76, я отчетливо понимаю, что изобретал-то я «велосипед». Осознал и то, что ухватил лишь «хвост традиции» созданного Семеновым завода. Дело в том, что почти на каждом участке все же был свой **мастер** (не по должности).

...Получая работу, мне выдавали в инструментальной кладовой: чертеж, наклеенный на фанеру и покрытый лаком для долговечности; вместе с чертежом выдавали ящик с инструментом, специально для моей

² См.: *Киришин В. Н.* Орден на знамени. Краткий очерк истории Ленинградского ордена Отечественной войны I степени завода полиграфических машин. М.-Л.: Машиностроение, 1965; Строка и время. История Ленинградского завода полиграфических машин. Л.: Лениздат, 1985.

операции, подготовленным и опробованным квалифицированным слесарем-инструментальщиком, с полной гарантией, что ни один инструмент [*приспособление*. — А. А.] не выпустит размер из пределов допуска (разумеется, если я сам буду аккуратен), а стало быть — **брака быть не должно**. Сделав работу и предъявив ее в ОТК, я не просто сдавал инструмент в кладовую, а **отдавал в руки** слесарю-инструментальщику, ибо он отвечает и за его исправность и надежность.

(Вначале такая обязанность была у инструментальщика Федора Филипповича Калугина).³

Но это был именно **хвост традиции!**.. У «мастеров по должности», уже и тогда, учиться было нечему. А ведь при полноценной опеке со стороны настоящего профессионала — и квалификация самого рабочего-исполнителя могла бы быть на разряд ниже, и время «слепого котенка» на подготовку работы не расходовалось бы бездарно, стало быть, и расценка на сдельную операцию могла бы быть ниже.

Для того, чтобы я «не дергался», «не путался», «не сделал брака», — надо было, чтобы вся руководящая и техническая «обслуга» была неизмеримо выше меня по таланту и квалификации, а стало быть — могла меня и научить, и подстраховать. Так оно и было, как я теперь понимаю, прежде — во времена, которых я не застал.

<...> Его (Семенова) деловой и воспитательный принцип был, по-видимому, таков: «Я тебе **подготовил все** — материал, станок, я тебя страхую от ошибок. Так будь любезен — не теряй время зря, а чего не понял — спроси у мастера». А уж если при такой постановке технической (и вообще — производственной) дисциплины рабочий все же допустил брак, то удержание из зарплаты — немедленное и неотвратимое! <...>

Похоже, мне повезло работать на таком заводе, где еще не совсем забыто было такое правило — выбирать из своих работников самых способных в **производственном деле** и продвигать их выше и выше. Чтобы «над рабочим» был настоящий **мастер**.⁴ Но традиция эта неуклонно сходила на нет, на советском промышленном предприятии.

Шли годы... И если явление рабочего профессионализма так или иначе сохранялось (хотя и там наблюдался некоторый упадок), то вся другая половина работников — технически руководящая, чиновничье-пар-

³ Ф. Ф. Калугина, ныне покойного, застал в цехе и я: в начале 80-х он, уже пенсионер, еще работал — занимался в той же самой инструментальной кладовой контролем и мелким ремонтом инструмента. Кстати, именно он оказался первым негласным наставником социолога-рабочего — в пору моих ранних безуспешных попыток запустить координатно-револьверный пресс. (См. в томе 1 настоящей книги: глава 2; Ф. Ф. фигурирует там под «псевдонимом» — Степан Филиппович К.).

⁴ В 1970–80-х гг., с развитием бригадного подряда в промышленности, такую мастерскую, наставническую функцию отчасти осуществляли наиболее опытные рабочие-бригадиры. Но при этом они оставались сдельщиками, т.е. на них ложился груз низовой организации производства и обучения молодежи — параллельно с выполнением собственно трудовых операций. (См. об этом в томе 1 настоящей книги: главы 2 и 3).

тийная — стала деградировать, а попросту говоря — **проваливалась** с необыкновенной быстротой, точнее — с ускорением.

Анатолий Стреляный как-то сказал, что Россия это страна, где все заняты не своим делом. Хорошо сказал, но я бы выразился помягче: «...где половина работников заняты не своим делом, а вторая половина, хоть и с трудом, но удерживает Россию на плаву».

<...> В итоге возникла ситуация массовой их (руководящих и обслуживающих) производственный процесс работников, так сказать, «мастеров по должности», а не по способностям и опыту) незаинтересованности, некомпетентности и безответственности (а попросту — разгильдяйства). Именно эту ситуацию застал, уже после меня, на том же самом заводе, «заводской дилетант» (поначалу!), социолог-рабочий или рабочий-социолог.

<...> Разумеется, и среди начальственной и технической «обслуги» (на которую я в такой «большой обиде»...) встречаются также и мастера своего дела, и энтузиасты, и люди, озабоченные не только тем, чтобы удержаться в своем кресле. Некоторые способны видеть дальше своих подчиненных (имеют более широкий кругозор и т. д.). Вот только они — уже скорее исключение, чем правило. Ибо социальный механизм продвижения **таких** людей «наверх» — отсутствует; а действуют здесь — совсем иные «селекционные» механизмы. <...>

* * *

Попробую зайти к той же проблеме «с другого конца». Вот, почему у нас в России передовые в мире: самолеты, ракеты и еще много чего, и — до предела деградированное, скажем, жилищно-коммунальное хозяйство?

Мне кажется, что так же, как организму свойственно отторгать чужеродный белок, так и в интеллектуальной элите: ученые и просто от природы талантливые люди отторгают от себя всю серость и бездарность. Главное же, что бездарность и сама не стремится в эти круги, ибо ей там **просто неуютно**... И это следует запомнить.⁵

И напротив: все серое и бездарное само воспроизводит свой «организм» и тоже... **отторгает** настоящих профессионалов и одаренных людей. И, главное, такие люди в подобную среду сами не стремятся.

Нужны годы и годы, чтобы создать, скажем, науку или школу, чтобы почувствовать там кадры, чтобы выросли лидеры. И в то же время, нет, пожалуй, ничего проще, чем управлять тем же ЖКХ (на любом уровне). Сев в кабинет, надо лишь, по возможности, раздуть штат — преимущественно женский (оно уже давно так и есть), а эти «мастера по должности», не будучи специалистами, вызубрят несколько профессиональных фраз, вроде «короткого замыкания», и уж ни одну идею, предложение, даже жалобу — и сами не поймут, и до начальства не допустят.

⁵ Замечу, что А. Г. заведомо идеализирует «научную среду» и «интеллектуальную элиту». Но здесь важны не столько конкретные примеры, сколько логика рассуждения.

И опять же, надо бы осознать и запомнить, что в такой среде им «работается» очень уютно и безнаказанно. И пока этот уют будет сохраняться, с этим хозяйством ничего не поделаешь, сколько бы денег туда ни закачивать. Вот именно с этой психологии, много лет назад, и началась деградация нашего жилищно-коммунального хозяйства.

И все же! Даже сегодня внизу этой «вертикали» должен стоять хотя бы один настоящий профессионал, в рабочей спецовке, который, чуть что, и сам лучше всех знает, где и что делать: резиной обмотать или курвалдой пробку вогнать, или же... на уши повесить такую лапшу, которая пойдет потом гулять из кабинета в кабинет как истина. (Впрочем, и этого профессионала не стоит идеализировать: он у своих начальников тоже кое-чему научился).

<...> Если согласиться, что весь мир — это непрерывное соревнование за повышение КПД (коэффициент полезного действия) системы, то выходит, что наша матушка-Россия оказалась расколотой на тех, кто работает на пользу дела, и — на инертный-ватный балласт, вроде того же ЖКХ, а то и таких, от которых только вред. К примеру, чем хуже работает жактовский водопроводчик, тем больше заявок, а следовательно и «чаевых», и чем капризней даже самый маленький чиновник, тем больше ему подношений, а это — тромб...

И мне думается: вот бы правительство заказало ученым (экономистам, социологам, психологам), чтобы разобрались до самых корешков — когда, где, почему такая вот якобы работа обходится людям и государству «себе дороже». И сделать так, чтобы каждый публично и неотвратимо отвечал собственным карманом за свою «производственную операцию», пусть это «только» подпись; и так устроить, чтобы никакой возможности свалить свой «брак» на другого не было, а уж если валить, то у всех на виду, а это и стыдно, и небезопасно.

<...> Так или иначе, а у социализма КПД оказался меньшим, чем у современного капитализма. То, что мы имеем и по сей день в нашей экономике, — это, при всех произошедших изменениях в «основах» (частная собственность и т. п.), во многом есть результат 70-летней партийно-советской системы «подбора и расстановки кадров» — системы, родной для наших (и старых, и новых!) чиновников и управителей.

<...> Кто-то хорошо сказал: руководить — это значит предвидеть. Я вот, по наивности и навскидку, предложил бы следующее: если бы сегодня наши экономисты, политики, хозяйственники, депутаты и прочие желающие продвигаться «вверх» — записывали свои прогнозы, озарения, идеи, предложения и предостережения в какую-то специально созданную информационную систему, а в последующем (обязательно «задним умом»!) система эта определяла «снайперов», и именно по этим показателям СМИ строили свои рейтинги, — вот тогда бы и избиратели не выбирали «кота в мешке» или «кто больше раскручен». И для высоких назначений был бы объективный критерий отбора.

Мне кажется, что не только проявить, но и значительно сократить потери КПД по всему нашему народному хозяйству могло бы внедрение моего давнего предложения — «**Как сделать инициативу материальной силой**», опубликованного в «Лит. газете» 23 сент. 1981 г. и получившего в свое время мешки откликов. Тем самым, я и по сей день думаю, удалось бы пошатнуть жалкую позицию: «А что я могу — я человек маленький...».⁶ Нечто подобное давно применяют у себя японцы — так называемые «кружки качества».

<...> Я бы так перефразировал Константина Симонова, заметившего, что всю правду о войне не знает никто, ее знает только весь народ. Я бы сказал: как поднять КПД государства — знает только весь народ, и посему путь тут один: идти на поклон к маме-эволюции, т. е. брать все таланты из народа и, по возможности без потерь, использовать их «по максимуму», создать своего рода эволюционный, естественный «отдел кадров».

Вот нынче китайцам (как в давние времена на нашем заводе — хозяину Семенову) удалось создать почти эволюционный «ОК». Они пригласили высокопрофессиональных европейских архитекторов и строителей, которые там превратились (а куда денешься?) в высококласных учителей. И тогда, сама собой, вся китайская стройплощадка превратилась в добротные: ПТУ и ВУЗ, ОТК и ОК, — так мне кажется. И, наверное, встал вопрос: что же следует выпустить вперед — практику или учебу?

Решили, как видно, практике дать фору, но не больше, чем **на полшага**, чтобы успевать и учиться. В результате ученик, мне кажется, получает диплом уже став аттестованным практикой профессионалом, а все-му бездарному, ленивому в такой ситуации вряд ли есть смысл «светиться», лучше уйти. А коли одних меньше, то выходит — других больше, а отсюда — высокий КПД! Вот откуда, скорее всего, взялись китайские темпы строительства городов (чем наши СМИ так восхищаются). Такой подход к делу у нас, увы, отсутствует.

<...> Я здесь еще не коснулся вопроса о мелком и среднем предпринимательстве, для развития которого у нас, при всех декларациях, столько препон. Тоже очень эффективный способ «учиться на ходу» и открывать возможности для продвижения, в данном случае, уже собственно организаторских талантов и инициативы...

<...> Козьма Прутков мудро сказал: «Зри в корень!». Однако никак у нас это пока не получается.

И всего-то навсего — именно то государство, которое лучше других сумеет использовать таланты своего народа, оно и побеждает в любых соревнованиях и в любых направлениях.

---

⁶ Суть предложения состояла в организации потока письменно закреплённых идей и предложений «снизу», с их последовательным обязательным продвижением по инстанциям, но так, чтобы каждая нижестоящая инстанция несла ответственность за пересылку ее «выше», если она сама могла решить соответствующую проблему.

В формулировке самого А. Солипатрова: «Суть идеи “Листков-бланков” строгой отчетности — в конкретности и гласности. Все зафиксировано, все на виду. То или иное решение по каждой инициативе снизу — неотвратимо» (Литературная газета, 1981, 23 сентября).

...Такая вот «домашняя логика» у меня выстроилась. Не надеюсь, что она бесспорна, хоть я и добросовестно старался «смотреть в корень».

А. Солипатров, апрель—ноябрь 2003

* * *

Из заметок А. Солипатрова «Интервью наивного человека» (1998)

<...> Я обратил бы внимание на то, что у нас, к счастью (а заодно и к несчастью), как мало где в мире, золотые руки рабочих и светлые головы инженеров и ученых, ибо инженеру (почти) ничего не мешает обдумывать и выражать на бумаге свою идею, а опытному рабочему, получив чертеж, выстроить по традиции в голове свою **универсальную** технологию и на универсальном же оборудовании выгрызть из куска металла нарисованное; а так как все универсальное слишком дорого, то на втором этапе, после чертежа, весь КПД должен бы прирастать на уходе от универсального на технологическое поле между мыслью инженера и руками рабочего, а он, КПД, именно там и проваливается как в черную дыру.

<...> Когда [в середине 30-х гг. — А. А.] немецкие специалисты приехали на «Полиграфмаш», — рассказывал мне мой учитель, слесарь высшего разряда Платонов Владимир Павлович, — чтобы помочь наладить выпуск «Линотипа», и поняли, что у рабочих руки золотые, а хороших технологов нет, то они легко и просто обошлись без этого звена: начертив чертежи, они сами приходили с ними в цех и работали там (якобы и в самом деле) подручными слесарей, но фиксируя все, что надо, в чертежах и журналах, чтобы учесть в документации.

<...> И последний вопрос: почему это я все — КПД да КПД? Во-первых, у заводских сделыщиков за всю их жизнь проблемы КПД въедаются и в плоть, и в кровь, и в печенку — хлопнешь ушами и останешься без штанов. Во-вторых, если считаться с природой, то, мне кажется, эволюция оплачивает все сама, а если опаздывать, догонять, заставлять, короче — **пытаться природу обмануть**, то это стоит намного дороже: отвлекает, потребляет энергию, требует денег и человеческих жертв.

В-третьих <...>, выход, на мой взгляд, только в одном: по всему пути «снизу-вверх» должна быть <...> природная селекция, когда не участвовать в управлении (в пределах своего разума и рабочего места), оставляя при этом четкий след в своей работе, как участвует маленький корешок, — это значит терять КПД и отставать в развитии. А законы природы и эволюции вряд ли возможно «переизобрести», выдумать, изменить, обмануть, а можно только, при желании, разглядеть и следовать им. <...>

А. Солипатров, апрель 1998

П.12.2. Будни производственной жизни (20 лет спустя)

Несколько вступительных слов

...Уже не раз мне приходилось слышать: «Объект твоих тогдашних (80-е гг.) исследований — исчез. Сейчас все другое...».

Такое категорическое утверждение представляется справедливым только для социально-экономического строя и обусловленных им способов управления предприятием на «верхних» этажах. **Сменилась господствующая форма собственности** (отождествляемая в марксистской парадигме с производственными отношениями). Но так ли уж переродилась **«материя» производственных отношений**, данная нам «в ощущениях», в жизненном опыте работников?

В том, что повседневная жизнь в «низовых» ячейках традиционных (ныне акционированных) промышленных предприятий за истекшие 20 лет во все не претерпела **качественных** изменений, позволяют убедиться некоторые современные социологические публикации на эту тему.

Сошлюсь хотя бы на интереснейшую работу моего коллеги, ведущего научного сотрудника Социологического института РАН Б. И. Максимова. См. ниже. (Май 2003 — апрель 2005).

Из статьи Б. Максимова «Жизнь рабочих на питерском предприятии», опубликованной в журнале «Телескоп» (2002)

Вкратце

В начале статьи, в разделе «Предприятие одно, но типичное», автор рассказывает о том, как директор одного из известных питерских заводов пригласил его для исследования сложившейся в ОАО (после падения производства и массовых сокращений середины 90-х гг.) ситуации острейшего дефицита рабочих кадров, причем — массовых машиностроительных специальностей (токари, фрезеровщики, сверловщики, автоматчики, слесари, сварщики).

«Задачи были поставлены (директором завода. — А. А.) такие: изучить и оценить положение рабочих, мотивы текучести (увольнений), а также факторы стабильности и эффективности рабочих кадров (про себя я усмехнулся: вот и пришлось вернуться к текучести, с которой начинал и которая, казалось, канула в Лету)... Лично меня интересовало, как обстоит дело с социально-трудовыми правами рабочих... как выглядит жизнь рабочих в целом».

Здесь опущены методологическое обоснование «исследования случая», описание круга использованных способов сбора данных (наблюдение, изучение статистических материалов, разные виды опроса; материалы — не только по данному предприятию), ряд теоретических соображений, «предыстория» сложившейся на данном заводе ситуации.

Ниже представлены лишь те разделы статьи, в которых описывается и анализируется современное положение дел — «жизнь рабочих на питерском предприятии».

<...> Как изменилась жизнь рабочих, когда они стали нужны?

Но вот ушла в прошлое ситуация, когда от рабочих старались избавиться. Работодатели громко заговорили, что «нужны рабочие». Некоторые даже со словами пригласили. Как изменилась жизнь рабочих в новых условиях?

Рассмотрим новую ситуацию прежде всего с точки зрения занятости. Начнем с тех рабочих, которые были сокращены или ушли сами в период падения производства. Могут ли они вернуться на завод, в исходное положение, восстановить свой профессиональный, социальный и, между прочим, психологический статус, возобновить прерванную профессиональную карьеру и, обретя душевный покой, приветствовать наступление нового светлого будущего? В более широком плане — возможно ли повернуть вспять великое перемещение рабочего класса (с промышленных предприятий в 1992–1998 гг. убыло около 40% рабочих по таким отраслям, как электротехническая, станкостроительная и инструментальная, легкая промышленность, приборостроение, не говоря уже о том, что и оставшиеся менялись в своем составе). Казалось бы, самый простой выход — вернуть людей на свои места, раз они снова понадобились, и тем решить проблему восстановления утерянных рабочих кадров (а для самих рабочих — обретения утерянного места в жизни).

Предприятие предприняло попытки разыскать, пригласить обратно на «родной завод» наиболее ценные кадры из уволенных. Секретари начальников цехов длительное время «висели на телефонах», вызванивая своих бывших рабочих; работающим был дан наказ «тащить назад» своих знакомых. Несколько человек удалось вернуть. Такие же результаты по возвращению получены и на других предприятиях. Наш (телефонный) опрос уволенных тоже включал вопрос о возможном возвращении и условиях возврата. По этим данным могли бы вернуться около 2% опрошенных. Остальные переменили специальность, ушли вообще из рабочих, вышли на пенсию, так изменили свою жизнь, что ломать ее снова не хотят, некоторые «затаили обиду». (Из интервью: «Нет, обратно не пойду! Не хочу! Остался осадок»). Готовые возвратиться, как люди старой закалки, ставят умеренные условия. Но поскольку само возвращение проблематично, умеренность ничего не дает предприятию.

Таким образом, эти потери кадров для промышленных предприятий оказываются невозвратными, а лишения самих рабочих уходят в так называемую цену реформ (платить пришлось дважды — сначала за переход к социализму, потом — в обратном направлении).

Работающие на заводе повысили свои запросы, при этом в первую очередь — относительно заработка, но не только его, повысились требования по отношению к условиям труда, на которые до того «не обращали внимания». По нашим результатам, запрашиваемый заработок за 2 года вырос в 1,5 раза; по данным Т. З. Протасенко и В. Г. Ревтовой, желаемый нормальный доход на 1 человека в семье в мае 2001 г. по сравнению с 1999 г. повысился с 4,5 до 6,5 тыс. рублей.⁷ (В то же время ВЦИОМ показывает даже снижение запросов). Изменение ситуации с кадрами стало одной из предпосылок выступления рабочих (о котором речь ниже).

⁷ См.: Протасенко Т. З., Ревтова В. Г. Изменения в уровне жизни и социальная атмосфера (Петербург, 1991–1999 гг.) // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев, 2001, № 1; Протасенко Т. З., Ревтова В. Г. Различия в уровне жизни и социальной атмосфере населения Северо-Запада России: к проблеме глобализационных трансформаций // Телескоп..., 2001, № 4.

Однако рост запросов рабочих наталкивается на фактическую неизменность позиции администрации относительно этих запросов. Она, как говорились, озаботилась проблемой дефицита кадров, но в каком плане? В плане поиска источников комплектования (вплоть до возобновления завоза иностранных и даже иностранных (из стран СНГ) рабочих, и особенно в плане подготовки кадров через учреждения профессионально-технического образования, рассчитывая получить молодое, бесплатно подготовленное пополнение (и принять его на сегодняшних условиях). В плане же повышения цены труда, улучшения его условий, расширения общей заботы о своих (и принимаемых) рабочих сдвигов почти не наблюдается. Предлагаемый и реальный заработок сдвинулись незначительно. Администрация только еще собиралась ставить вопрос перед собственниками об абсолютном повышении заработной платы рабочих и была совершенно не уверена, что это предложение, увеличивающее долю оплаты труда в себестоимости продукции, пройдет. Вместо того, чтобы всеми силами удерживать имеющиеся кадры, администрация прибегла к прокачке через завод заведомо нестабильных работников, увольняющихся через несколько месяцев работы. В итоге, в 2001 г. 40% составляли рабочие со стажем до 1 года, 65% — со стажем до 2 лет. В свете такого подхода становится понятным «странное» неудерживание кадрового рабочего, об увольнении которого мы говорили в начале предыдущего раздела.⁸ Радиомонтажник ставил вопрос об изменении оплаты труда именно работающих. И хотя он всего лишь ставил вопрос, такое требование оказалось неприемлемым (даже при условии потери ценного кадра).

Профсоюз на предприятии не использовал ситуацию дефицита рабочих и не поставил вопрос, который вынужден был ставить одиночка, даже не поддержал выступления своего активиста. Группы рабочих выступали с заявлениями, но не получили даже ответа. На этом возможности улучшения положения на своем предприятии для работающих (в связи с дефицитом) были исчерпаны. Так, по крайней мере, считали рабочие. Пойти на более решительные шаги они были неспособны.

Как бы в компенсацию «несгибаемой» позиции работодателей, рабочие получили возможность сменить место работы с целью улучшения своего положения, или, другими словами, реализовать возросшие запросы путем перемещения на другое место (предприятие). Рабочие используют этот способ продвижения, который мы описали еще в советское время. Многие из них «встали на крыло». Потенциальная текучесть (число намеревающихся сменить место работы) в городе в 2000 г. доходила до 50%.⁹ На рассматриваемом предприятии только 30% опрошенных заявили, что они «не ищут другую работу». При этом используют самые разные источники информации: районные центры занятости, где выдают бесплатную распечатку с вакансиями по всему городу, фирмы по набору кадров, невидимые каналы — через объявления, знакомых, родственников, посредством посещения самих предприятий.

⁸ Из опущенного здесь раздела статьи Б. Максимова:

«...Радиомонтажник высшей квалификации, трудоспособного возраста, отработавший на заводе 26 лет, на выставках, за рубежом, представлявший продукцию завода, не пьющий, к тому же отличающийся высокой социальной активностью — председатель комитета профсоюза цеха..., зам. председателя общезаводского профкома. Не какой-то там скандалист, одиозная личность. Правда, принципиальный, но в пределах разумного...».

⁹ Мониторинг социально-экономической ситуации и состояния рынка труда Санкт-Петербурга. Данные 2000 г. (неопубликованные). (Примеч. Б. М.).

Из интервью: «Я убедился, что на своем заводе ничего не добьешься. Они скорее нового возьмут, чем пойдут навстречу своим. Вот и приходится увольняться. Там обещали повышение».

Таким образом, пока администрация ставит вопрос о дефиците рабочих кадров, «затыкает кадровые дыры» заведомыми «летунами», под носом у нее последние кадры из «золотого костяка» находят другую работу и покидают «родной завод». Правда, при этом можно порадоваться за рабочих и те предприятия, которые нашли возможность предложить лучшие условия.

Все же и этот путь имеет определенные ограничения. Воспользоваться им могут наиболее мобильные рабочие и вновь вступающие в трудовую жизнь, которым изначально присущи более высокие запросы (молодежь, однако, как отмечалось, не появляется на традиционных промышленных питерских предприятиях). Наряду с мобильными и молодыми, значительное число рабочих «вросло в предприятие», имеет нарушения дисциплины, не могут перемещаться по семейным обстоятельствам и т. п. Отсюда, стабильные кадры, которые ранее весьма ценились, выигрывают от дефицита меньшие всех. Им открыта, главным образом, «возможность заработать».

В результате нехватки рабочих рук появилось одно преимущество — «возможность заработать». Мы коснемся его также в разделе, посвященном заработной плате, здесь же отметим его значение с точки зрения занятости. Речь идет о возможности выполнять работу за отсутствующих (недостающих) и тем самым повышать заработок. На рассматриваемом предприятии работы стало столько, относительно имеющихся трудовых ресурсов, что ее приходится передавать на другие предприятия. В этих условиях администрация предоставила «возможность заработать» — за счет переработок (сверхурочных, работы в выходные дни), а также повышения интенсивности труда в нормальное рабочее время. Администрация убила сразу трех зайцев: она обходится (хотя бы частично) тем же количеством рабочих, повысила у них номинальный заработок, при этом обошлась без повышения цены труда. Рабочие пошли навстречу работодателям, ухватились за «возможность заработать», пренебрегая режимами труда и отдыха.

Только 3% опрошенных отмечают, что в их работе «не практикуются сверхурочные», и 9% — что «не приходится работать в выходные дни». Практика переработок получила всеобщее распространение. Например, в тракторном производстве Кировского завода, где были самые массовые сокращения, когда появились заказы, работу за недостающих также стали выполнять оставшиеся. Зарботки у них повысились, в отдельные месяцы до 10 тыс., но это и здесь за счет работы по 10 и более часов, более быстрого темпа, даже сокращения обеденного перерыва. Особенно напряженно становится, когда кто-то заболевает, уходит в отпуск. В целом по городу, по нашим данным, только 20% опрошенных говорят, что у них не применяются переработки. Таким образом, на смену простоям, вынужденным отпускам пришло это «благо» — переработка, повышенная интенсивность труда. На данном заводе нормальным (средним) стала выработка 300-350 нормочасов при обычном фонде рабочего времени в 160-170 часов (в месяц). Есть рекордсмены, вырабатывающие более 400 нормочасов, остающиеся после работы практически каждый день и выходящие на работу почти каждую субботу. Плюс к этому и в течение смены им приходится «крутиться как белка». На

нарушение законодательных норм о переработках (сверхурочных) все закрыт-вают глаза (и рабочие тоже).

Таким образом, можно сказать, что, стремясь заработать, рабочие начинают буквально «жить на предприятии» (вот гротескная форма ответа на вопрос, «живут ли люди на работе?»). На работе проходит основная часть активной жизни. Опрошенные рассказывают, что приходят домой, ужинают, а рано утром снова на работу. И так день за днем, неделя за неделей, месяцы и годы. Таково новое преимущество для них.

Главная проблема рабочих

В начале статьи я заявлял, что буду рассматривать работу не просто как зарабатывание денег. Это так. Но для рабочих-то оплата труда, их материальное положение имеют первостепенное значение в работе, являются в настоящее время главной и наиболее сложной проблемой, в т. ч. и на рассматриваемом предприятии. Свидетельствует об этом безраздельное доминирование мотива неудовлетворенности заработком среди других мотивов неудовлетворенности (по данным мониторинга социально-экономической ситуации и состояния рынка труда Санкт-Петербурга, до 70% рабочих отмечают этот мотив).¹⁰ А обусловлен этот рост значимости проблемы падением реального уровня материального положения при одновременном увеличении ценности материального достатка в рыночных условиях.

В порядке оплаты труда бросается прежде всего в глаза высокая степень произвольности в начислении заработка. Такова тенденция и в городе. На государственных и акционированных предприятиях еще сохранились элементы старых систем оплаты с применением нормирования, тарификации работ, на малых частных предприятиях произвольность доходит до высшей степени, платят там так и столько, сколько «Бог на душу положит», а точнее, не Бог — хозяин (директор, собственник).

Произвольность в оплате повышает зависимость рабочего от работодателя <...>. Работодателю же произвольность удобна, позволяет платить не по мере труда, а в зависимости от конъюнктуры, наличия средств, лояльности работника и т.п., «управлять рабочими».

На данном предприятии в оплате труда применяется система нормочасов, окладов. Сдельщикам оформляются сменно-суточные задания, в которых выставлена стоимость выполняемых операций. Но это не избавляет от произвольности, лишь маскирует ее. Сами нормочасы определяются приблизительно, и администрация не стремится их уточнять, ссылаясь на мелкосерийность производства. Общим мнением рабочих является то, что «нормочасы — зарезанные», по ним «невозможно сделать нормальный заработок». Кроме того, они делят работы на «выгодные» и «невыгодные».

Из интервью: «Иной раз за 8 часов на 4 нормочаса дашь, на другой день наоборот — за то же время сделаешь 20 нормочасов». Рабочие убеждены, что зарплата зависит не от их квалификации, старания, а от того, какая работа — выгодная или невыгодная — им достанется.» ... «Вопрос норм 100 раз со всех сторон обсосан, все ясно и известно, но ничего не меняется. Можно бы все упорядочить, было бы желание. Но никто этим не занимается. Видимо, кому-то нужен бардак».¹¹

¹⁰ Там же. (Примеч. Б. М.).

¹¹ Ср. с нашими наблюдениями и анализом 1983 г., т. е. **20 лет назад**: раздел 11.1. — А. А.

Какие операции достанутся, зависит, в свою очередь от распределения работ, которое осуществляют мастера под наблюдением начальника цеха, его заместителей. В интервью постоянно звучало: «Все зависит от того, какую работу дадут. Можно вкалывать в поте лица и ничего не заработать. Администрация не заинтересована в честном труде и рабочие тоже». При распределении работ рабочим приходится «шустрить», проявлять изворотливость, иногда «брать на горло», вступать в конкуренцию с товарищами по работе. Ключевую роль приобретает фигура мастера, распределяющего работы. С ним надо «налаживать отношения».

Из интервью: «Кто знаком с мастером — выбирает работу. Возьму то, это... Остальное пусть другие делают. У кого нет отношений с мастером — никогда не заработает».

Таким образом, технологические отношения переводятся в психологические, личностные, при этом последние приобретают эмоционально окрашенный, нервный характер, сопряжены с чувством неуверенности, возмущения несправедливостью, обиды, бессилия, переживаются нередко сильнее, чем само несоответствие заработка работе.

Из интервью: «Работаем, не знаем, за что. Надоело дергаться, налаживать отношения. Не работа а нервотрепка».

Рабочие говорят, что от дерготни, ощущения зависимости они устают даже больше, чем от переработок. В частности, высказывается множество претензий в адрес мастеров, по поводу их поведения. Одни обвиняют их в несправедливом распределении работ, другие в том, что мастера не занимаются регулированием выгодных и невыгодных операций (деталей), не беспокоятся о том, какой у рабочего складывается заработок.

Из интервью: «Мастер должен бы смотреть по нарядам — у кого сколько заработано. Если заработок уже есть, можно и мелочевку дать. А если на загнанных деталях сидел, подбросить должен. Но мастера не интересует моя зарплата, ему наплевать».

Произвольность оплате придает также большой удельный вес переменной части зарплаты (за счет премирования, переработок). На данном предприятии переменная часть доходит до 2/3 и более. Те рабочие, которые «сидят на окладах», тоже зависят от порядка начисления переменной части, сходного по произвольности с уже описанным. Они тоже должны не только «вкалывать», но еще и «шустрить».

В части размера оплаты труда впечатляет низкий исходный уровень заработной платы. И по окладам, и по нормочасам он составляет 1600-1800-2000 рублей в месяц при 8-часовом рабочем дне. То есть, если работать нормально, как положено по Трудовому кодексу, получишь 1,6-2 тыс. рублей. На одном из лучших машиностроительных предприятий. В Петербурге, городе с не самым низким уровнем жизни.

На предприятии установлен свой нижний предел (свой МРОТ) — 1500 рублей. Завод мог бы спокойно придерживаться и более низкого уровня, не нарушая КЗоТ, Конституцию РФ, ибо, как известно, в стране до 2000-го года был установлен МРОТ в 83 рубля 49 копеек. Он позволял работодателям делать нижнюю планку заработной платы как угодно низкой, по сути дела представлял собой воплощение ханжества, жестокости с примесью шизофрении, ибо как иначе оценить МРОТ, составляющий 0,05 прожиточного

минимума?! Кто способен прожить на такую зарплату? Могут возразить, что МРОТ существовал номинально, на практике не применялся. Однако мне известны случаи, когда администрация использовала МРОТ, сажая на него работников, которых надо было «уйти» с предприятия.

Если сопоставлять исходный уровень заработной платы с государственным МРОТом, она выглядит вполне благополучной. Но если соотносить с прожиточным минимумом (ПМ), который чаще всего применяется в качестве критерия оценки, картина становится несколько иной. В период исследования, ПМ в Петербурге составлял около 2,2 тыс. рублей, соответственно исходный уровень зарплаты на заводе равнялся 0,7-0,8-0,9 ПМ. А ведь прожиточный минимум, как известно, это уровень физического выживания, даже для одинокого человека, не имеющего детей, других иждивенцев. Если же сопоставлять исходные (нормальные) заводские зарплаты с минимальной потребительской корзиной, которая позволяет удовлетворять минимальные потребности, или субъективным уровнем среднедушевого дохода для «нормальной жизни» (по Протасенко, Ревтовой), то эти зарплаты выглядят и совсем бледно, составляя около 0,3 МРОТ и 0,2 субъективной нормы.

Сами рабочие соотносят свои заработки чаще не с ПМ, МПК и тем более субъективной нормой, а говорят — позволяет ли зарплата «жить» или лишь «выживать», какая часть уходит на питание. Так вот, даже весь (номинальный) заработок (который, как будет видно далее, в 2-3 раза превосходит исходный-нормальный уровень) 48% опрошенных оценивают как «позволяющий сводить концы с концами» и 18% — как «позволяющий лишь выживать»; опрошенные также говорят, что 60-80% заработка (всего номинального) уходит на питание.

Из интервью: «На голый оклад прожить, конечно, невозможно. На один транспорт, квартплату половина уходит. А если надо ребенка в школу отправить — как тут быть?!»

«Возможность работать»

Но практическая (номинальная) заработная плата рабочих, как правило, намного выше рассмотренного исходного уровня. Когда мы пришли на предприятие, то были приятно удивлены тому, что заработки у рабочих оказались здесь достаточно высокими. У радиомонтажников они составляли (в начале 2001 года) 5,5-6 тыс., у металлообработчиков в среднем 6,5 тыс., по отдельным специальностям доходит до 8 тыс. (наладчики станков с ЧПУ) и даже 12 тыс. (токари-расточники); максимальная зарплата у отдельных рабочих достигала до 18 тыс. Выходит, на практике все не так плохо, как выглядело при наших расчетах в предыдущем разделе? Названные заработки можно смело соотносить не только с прожиточным минимумом, но и с потребительской корзиной и даже желаемой нормой среднедушевого дохода. Во всяком случае, администрация шеголяет именно этими цифрами, их она называет в приглашениях на работу. На заводе принята даже гарантированная заработная плата рабочих, составляющая 5,5 тыс. рублей. Эта норма — неписаная, но все стараются ее придерживаться. Вновь поступивших рабочих поддерживают, помогают им дотянуть зарплату до гарантированного уровня.

Статистические организации, органы власти также уверенно оперируют цифрами номинальной заработной платы. Складывается довольно благополучная картина благополучного материального положения рабочих. Не упоминается только одно обстоятельство — что высокие номинальные заработки

получены за счет упомянутой нами «возможности заработать», т.е. за счет переработок, повышенной интенсивности труда. Государственная статистика не показывает, какая часть зарплаты получена за счет переработок, интенсификации, но на известных нам предприятиях она составляет <...> до 2/3. Во всяком случае, на рассматриваемом заводе ее нетрудно вычислить, соотнеся номинальные заработки в 6, 8, 10, 12 тыс. рублей с исходным нормативным уровнем в 1,6-2 тыс. Такова фактическая сторона благополучной картины.

Как же нужно «вкалывать», пардон — использовать «возможность заработать», чтобы сделать гарантированный уровень в 5,5 тыс. рублей? Цеховой экономист-практик разъясняет: чтобы заработать 5 тыс. рублей, рабочий 5-го разряда должен выработать 355 нормочасов при фонде рабочего времени примерно в 190 часов; сделать это рабочий может за счет интенсификации своего труда, получения выгодных работ, выполнения сверхурочных и работы в выходные дни; сверхурочно остаются многие и часто. Есть рабочие, у которых сверхурочные составляют 74 часа в месяц плюс 6 выходов по выходным дням, т.е. они оставались практически каждый день и работали почти все выходные (мы повторяем сказанное ранее в артикуляции специалиста).¹² На сверхурочные иногда уговаривает мастер, в основном же рабочие остаются сами — ввиду повышенной оплаты переработок, за счет чего и делается в значительной части заработок. Система премирования построена так, что чем выше уровень выполнения нормочасов, тем выше процент премирования. Экономист заканчивает: «Все три первых месяца года были очень напряженными, и рабочие, и мастера не вылезали с завода».

Возможность заработать практиковалась и ранее. Предприятие держало численность меньше расчетной, давая людям возможность подрабатывать. С появлением дефицита, переработки, интенсификация стали необходимостью, и завод использовал свой опыт в расширенном масштабе. Администрация создала соответствующие условия (предпосылки): вечернее освещение в цехах, открытые ворота в выходные дни, упрощенный учет переработок, прогрессивную шкалу премирования. Исходный размер заработной платы остается при этом на прежнем уровне...

Ремарка: переработки и сверхурочные — раньше и теперь.

Итак, одно из главных различий с временами «застоя» (20 лет назад) состоит в том, что тогда в переработках и сверхурочных (периодически) была заинтересована администрация (для выполнения плана), а рабочие (иногда) «не отказывались» подзаработать; теперь же в переработках оказываются заинтересованы рабочие (администрация только «создает условия»), поскольку «иначе не прожить». Прежде действовали «административные рычаги» плюс «материальный интерес», теперь — «экономическое принуждение». Прежде практиковалась «штурмовщина», теперь — по свидетельству Б. М. — «ритмичная» работа на износ. (Май 2003).

...Как уже говорилось, рабочие активно используют «возможность заработать». Она является весьма важным фактором привлечения рабочих на предприятие и их стабильности. Мотив «заработать» созвучен духу времени.

¹² По сравнению с описанным здесь постоянным режимом труда, «чрезвычайная» ситуация «июльских аккордов» 1986 г. в цехе № 3 на «Ленполиграфмаше» (описанная в предыдущей главе: раздел 12.6) предстает чуть ли не «идиллической».

Из интервью: «Знакомый рассказал, что здесь можно выгнать 8-10 кусков. Решил перейти сюда. На старом месте планка была, выше которой не прыгнешь. Это меня и держит на заводе, правда, пока не очень получается».

Однако нельзя сказать, чтобы переработки, интенсификация труда, оказывающиеся платой за неограничиваемый рост заработка, доставляли рабочим удовольствие. Жалобы здесь типичны.

Из интервью: «Если не будешь работать сверхурочно и в выходные — ничего не заработаешь. В день надо сделать 20 нормочасов, это 2,5 смены. Ни в какие рамки не лезет. Я за 2-х человек работаю». «Система не устраивает. Часы очень дешевые. Чтобы заработать, надо набрать 300-400 нормочасов... приходится оставаться после работы, выходить в субботы». «Заработать можно, но это жуткая потогонка». «Исходный заработок в одну восьмьсот-две тысячи — это же поддача нищему. Мне в другом месте сразу 6 тысяч оклад дают». «Система заработной платы — это потогонка. Для того, чтобы заработать, половина фрезеровщиков работает на двух-трех станках, только успевают перебегать от одного к другому. Три дня в неделю у меня обязательно работа до 6 часов, а то и две-три субботы в месяц приходится выходить. Сколько можно такое выдержать? Мне 50 лет. Через 5-7 лет я такую работу не выдержу. Вот и приходится думать о другом месте».

Недовольство переработками было одним из главных мотивов протестного выступления рабочих. «Надо, чтобы человек за 8 часов заработал столько, сколько за 30. Для этого платить за нормочас не 5, а 15 рублей», — говорили рабочие.

Однако заявление рабочих, как можно видеть далее, осталось без ответа. Разумеется, для разных групп рабочих «возможность заработать» имеет различную значимость, соответственно, и недовольство разное. Для первой группы, ориентированной в первую очередь на заработок, возможность (хорошо) заработать является главным мотивом. Это в основном молодые рабочие, имеющие достаточную квалификацию, способные работать с повышенной нагрузкой. Они принимают как неизбежность существующие условия и их недовольство системой оплаты — в пределах «ворчания». Вторая группа рабочих, самая многочисленная, основная — это люди среднего и старшего возраста, как правило — с достаточно большим стажем работы на предприятии, наиболее квалифицированные. Они также ориентированы на возможность заработать, но не любой ценой. Они «выгоняют» свою норму заработка за счет мастерства, использования запасов своего инструмента, получения достаточной доли выгодных работ. Но им тоже приходится работать с повышенной интенсивностью, «прихватывать сверхурочные», работать в выходные дни. По высказываниям этих рабочих, им это тяжело, надоело, они ощущают, что с течением времени не смогут работать в таком ритме, при существующих порядках, и начинают подыскивать место с менее напряженными условиями труда. В наиболее сложном положении оказываются новички, а также те рабочие, которые не сумели приспособиться к работе с повышенной напряженностью. Их запросы также высоки, но им не хватает мастерства, резерва в виде выгодных работ, а нередко именно им достаются работы, которых избегают более опытные рабочие. Большинство таких рабочих не успевает преодолеть трудности первого периода работы, приходит к убеждению (в течение довольно короткого времени), что не смогут реализовать свои запросы, и уходит с предприятия. Но и на новом месте история повторяется. Эти рабочие и составляют в настоящее время группу, пере-

мещающуюся с предприятия на предприятие. На данном заводе их используют для затыкания (хотя бы на время) «кадровых дыр».

«Организация труда? Хуже, чем при коммунистах!»

Как известно, одним из камней преткновения для социалистического производства оказалась организация труда. Не было «хозяев», не хватало «исполнительской дисциплины», отсутствовала безработица, позволяющая «приструнить рабочих». Как обстоит дело с организацией труда, когда появились и хозяева, и безработица, и все другое, что нужно для победы нового общественного строя? Коснемся кратко организации труда, но не с точки зрения победы нового-старого общественного строя, а положения, самочувствия рабочих.

Их восприятие в виде ключевой фразы вынесено в подзаголовок раздела. Рабочие жалуются на устаревшее, доперестроечное оборудование, на отсутствие планирования и «отвратительную» работу технологических служб, некачественные заготовки и др. — все это создает дополнительную напряженность в работе. Рабочие матерятся, вслух и громко, но вынуждены «крутиться в этом бардаке» каждый день. С инструментом опытные рабочие находят выход в том, что заводят «по 2 тумбочки своего инструмента». Ухудшение планирования, техобслуживания связано с тем, что центральные (заводские) службы урезали, спустив их функции на уровень цехов, а в последних плановые, технологические подразделения маломощны.

Из интервью: «Планирование практически отсутствует. В начале месяца абсолютно неизвестно, какая будет работа, сколько. Не знаешь, на что настраиваться, какие приспособления готовить. Посмотрите — на стеллажах заказов — лежит 3-5 работ — на 17 человек. Работу выдают 20-го числа. Завод знает же перспективу. Он же не собирается с завтрашнего дня выпускать самолеты». «Особенно досаждают мелкие партии деталей. Только сделаешь 3-5 штук, через два дня идут те же детали. Снова нужно налаживать станок. Раньше на малую партию был коэффициент». «Отвратительно работают технологические службы. Я не знаю, что вообще на заводе делает главный технолог. Техпроцессы безграмотные, не соответствующие чертежу. Если детали сложные, технологию приходится выдумывать из головы». «Обеспечение инструментом — слов нет. Бежишь в кладовую — либо нет нужных фрез, либо такие, что лучше сразу выбросить. Оснастку приходится делать самому — я, что, инструментальщик?! И кто мне заплатит за инструмент? Вот хвалят тех, у кого два шкафа инструментов. Но ведь это не от хорошей жизни. При этом — все куплено за свои кровные». «Все оборудование — старое. Шпинделя болтаются, как хочешь лови две десятки. Оборудованию по 30 лет, а они стены красят. Станок "починили", но он до сих пор не крутится. Теперь все вокруг него крутится, а воз и ныне там»...

Ремарка: как же они «выкручиваются»?

В принципе эта картина ничем не отличается от описанной хотя бы в наших «Апрельских заморочках» (1986).¹³

...Интересно, однако, что (в цитированных интервью) рабочие не договаривают (или исследователь не акцентирует), как же они, в ситуации дискриминационной системы нормирования и оплаты труда, с одной стороны, и, казалось бы, полного «бардака» в организации труда и инженерной подготовки производства, с другой, — все-таки «выкручиваются», чтобы «заработать свою (необходимую им) зарплату».

¹³ См. выше: раздел 12.1.

Тут, по крайней мере, три «переплетающихся» пути. Два — отчетливо названы. Это: во-первых, переработки, сверхурочные, интенсификация труда; во-вторых, налаживание отношений с низовой администрацией и т. п. (не исключая и взаимную конкуренцию за получение «выгодной» работы). Третий же (лишь угадываемый из ответов рабочих) путь — это повышение производительности, за счет «внеформальной самоорганизации», «скрытых раций», «технологической самостоятельности», «партизанщины».¹⁴ (Недаром тумбочки ломаются от оснастки). Благодаря такой самостоятельности удается рабочим (как и в советские времена) фактически повышать «цену» своего труда (которую отказывается повысить администрация).

Интенсификация труда ныне несомненно возросла; зависимость рабочих от администрации, пожалуй, тоже; но и рабочая инициатива, надо думать, не оскудела (а скорее — вынужденно! — возросла).

Иначе — в самом деле — «не выжить» (сегодня, как и прежде). (Май 2003).

«Не до условий труда!»

В период кризиса производства, действительно, было не до условий труда практически на всех промышленных предприятиях. Экономили, как известно, на всем, и в первую очередь — на охране труда, здоровья работников. Урезалось финансирование мероприятий по технике безопасности, сокращались соответствующие службы, нарушались тепловые режимы, не ремонтировались бытовые помещения. Разрушилась система общественного питания, люди перешли на питание (обеда) бутербродами с чаем. В последнее время на рассматриваемом заводе внимание к условиям труда повысилось. Капитально отремонтировали туалеты, провели косметический ремонт раздевалок, душевых, наладили питание в столовой, выделили дотацию в 50% стоимости обедов.

Но жалобы на условия труда остаются многочисленными. Неудовлетворенность условиями труда была одной из причин протестного выступления рабочих. При этом досаждают людям как будто бы мелочи.

Из интервью: «В раздевалке тесно. 50 человек вынуждены тесниться в маленьком помещении. На всех — 4 раковины, да и те либо не работают, либо из них течет коричневая жижа. А заканчивают работу все одновременно». «Холодно на участке штамповки».

Парадоксально, что проблемами оказались снабжение питьевой водой и возможность вскипятить чай.

Из интервью: «Титан поставили, но вода идет грязная, ржавая, пользоваться нельзя. Конца этой канители не видно». «Для меня большое неудобство — негде вскипятить чай. Пожарная охрана кипятильники отбирает. Приходится делать тайком, каждый раз дрожжишь, как бы не застукали».

Проблема питания в столовой оказалась нерешенной. Предприятие платит дотации на питание, но они не достигают цели. Большинство рабочих просто не ходит в столовую (по результатам опроса — 76%). В качестве причины практически все называют качество пищи. А дотация людей «не соблазняет».

Из интервью: «Я в столовую пару раз сходил, но замучала изжога. Дотация меня не интересует». «В столовую не хожу, хотя знаю, что завод 50% оплачивает. Вначале ходил, но у меня терпения хватило недели на две. Здоровье дороже».

¹⁴ См. в томе 1 настоящей книги: главы 3, 5. См. также в томе 3: раздел 11.1, глава 12.

Таким образом основным остается питание бутербродами, при этом — обычно прямо у станка, на рабочем месте, стоя возле стола; сами столы, там, где они есть, заняты в это время «забивающими козла». Из-за «козла» многие не ходят и в столовую. Тут уж претензии предъявлять некому.

Участие в управлении

Можно констатировать тот факт, что на данном предприятии прежние формы участия в управлении под лозунгом «сохозяина производства» (во многом и тогда номинальные) в настоящее время «вымерли». Не проводятся производственные собрания, не обсуждаются планы работы и отчеты администрации; отсутствует даже такая простейшая форма, как оперативки в начале смены, месяца, на которых давалась информация о предстоящей работе, заслушивались вопросы, обсуждались изменения в организации труда. Формы производственной демократии, имевшие место в краткий миг расцвета самоуправления, на первом этапе перестройки,¹⁵ если и упоминаются, то как отрицательный пример «разгула демократии».

На место прежних форм должно было стать, как известно, акционерное участие. Его судьба на рассматриваемом заводе практически такая же, как и на других питерских акционированных предприятиях. Здесь тоже имел место первоначальный энтузиазм работников, в т. ч. и рабочих, точно так же был применен институт доверенных лиц (в основном в лице руководителей подразделений, начальников цехов), один к одному на акционерных собраниях (единственное место, где можно проявить акционерное участие) рабочим не удавалось выступить, заявить «свое слово», как и везде, рабочие скоро пришли к мнению о бесполезности держания акций и бессмысленности присутствия на собраниях, начали «избавляться» от документальных свидетельств причастности к акционерной собственности. При этом продавали в первую очередь голосующие («обыкновенные») акции — это показывало, что рабочие отдают предпочтение не участию в принятии решений, а получению дивидендов. Но и финансовое участие оказалось иллюзорным (дивиденды — мизерными) так, что вслед за голосующими на распыл пошли и привилегированные акции. Около 15% работников (среди рабочих удельный вес ниже) продолжают удерживать акции, но в основном «по инерции», не рассчитывая ни на долю в прибылях, ни на участие в принятии судьбоносных для АО решений. Акционерное участие фактически сошло на нет.

Мы побывали на акционерном собрании ОАО 2001-го года. Картина была типичная. Среди присутствующих рабочих было около 2%, в основном — из бывших членов трудового коллектива (пенсионеров), посещающих собрания ради любопытства или в силу неизжитого чувства «сохозяина». Никто из них не выступил, хотя некоторые порывались с мест хотя бы задать вопросы; вообще обсуждения при принятии решений не практиковались, выражать мнение предлагалось путем голосования. Голосование же определяла практически полностью огромная корпорация по добыче полезных ископаемых, ставшая фактическим хозяином предприятия. Корпорация обладала наибольшим по величине, определяющим, можно сказать — подавляющим пакетом акций (наиболее подходящим смыслом слова здесь является «подавление»), ее воля была практически абсолютной, именно подавляла ни-

¹⁵ См. об этом ниже: глава 18.

чтожные, распыленные голоса мелких акционеров. Администрация однозначно считала корпорацию хозяйкой положения. Отсюда весь этот демократический экономический форум в духе «демократии собственников» (а собранию были присущи элементы торжественности) имел в основном ритуальный характер. Все решения лишь публично обозначались. Они даже не артикулировались, а представлялись в текстах, в т. ч. из благих соображений ускорения принятия решений. Скорость, действительно, была изумительной — за 1,5 часа удалось принять, включая процедурные вопросы, более десятка емких и сложных решений, в т. ч. заслушать и утвердить годовой отчет АО.

В качестве иллюстрации — выдержка из интервью:

«На первых порах все хотели попасть на собрание. Но сказали, что нет такого большого помещения, предложили передать голоса начальнику цеха как доверенному лицу. Но часть рабочих все же написала доверенность на мое имя. Я был очень гордый — еще бы — 3 тысячи голосов! Но на собрании ничего толком сказать не удалось. Торопили, просили не превращать собрание в митинг. На следующий год вообще уже никаких дебатов не было, вопросы предлагали подавать в письменном виде. А самое главное — стало видно, что как ни голосуй, все равно выходит по корпорации этой, которая нас к рукам прибрала. Сходил я еще пару раз, посидел, потом плюнул и перестал. Ребятам говорил: "Спасибо за доверие! Но ходите сами!" Они не были в претензии, к тому времени сами в большинстве избавились от акций. Я держу пока... сам не знаю, зачем. Эти ельцинские призывы о миллионах собственников оказались таким же надувательством, как и вся приватизация».

Администрация предприятия не ощущает потребности в развитии участия, скорее проявляет к нему негативную установку, хотя и говорит о необходимости «формирования коллектива», заинтересованности людей в общих результатах. Сказывается, очевидно, предыдущее навязывание коллективности, главным же образом — нежелание сегодняшнего собственника делиться хоть какой-то властью с рядовыми работниками. Западное культивирование производственной демократии вызывает недоверие, скепсис, но не желание подражать «развитым странам»; администрация полагает, что «это применимо только в тех условиях». Участие, таким образом, выделяется в тот вид культуры труда (производства, управления), который не заимствуется.

Сами рабочие в большинстве случаев отрицательно относятся к ограничению их участия в управлении, хотя значительная часть опрошенных высказывает убеждение, что «управление — это дело профессионалов, рабочим там делать нечего» — эти рабочие не отделяют профессионализм в управлении от участия в принятии принципиальных решений с целью защиты интересов наемных работников. Но и у настроенных на участие, положительная установка пассивна — никто не собирается добиваться участия, бороться за него. Дело ограничивается выражением недовольства. Так, опрошенные рабочие говорят, что чувствуют себя отвергнутыми от предприятия, неинформированными о состоянии дел на нем.

Из интервью: «Раньше было, в начале месяца собирали, объясняли — будем делать то-то и то-то. Вопросы можно было задать, обсуждали. Сейчас собраний вообще не проводится». «Нас ни о чем не спрашивают. Зачем начальству моя точка зрения?! Больше того — будешь высываться — попросят за ворота».

Наряду с отчуждением, на этом предприятии также можно было наблюдать давно отмеченное нами явление самоотчуждения от участия, выражаю-

шееся в дистанцировании от какой-либо кооперации с администрацией, добровольном отказе от имеющихся возможностей.

Из интервью: «Конечно, в принципе можно было бы, как вы говорите, собрать акции рабочих в кулак. Хотя бы, действительно, чтобы быть в курсе дела. Но я этого делать не буду. И никто из рабочих не будет играть в эти игры. Все равно они нас приручат, используют по назначению. Нет, нам с ними не по пути».

Участие через профсоюзы, как известно, незначительно. Таким образом, рабочие оказались отчужденными от участия в управлении практически полностью. Эта существенная, в принципе, сторона их жизни на предприятии остается нереализованной. <...>

Вкратце

Статья заканчивается разделом «Выступление рабочих», в котором описываются два эпизода протестных действий рабочих данного предприятия. В обоих случаях это было — «обращение к руководителю предприятия посредством подачи заявления. По сути дела, это была традиционная жалоба. По нашим данным, такая форма достаточно распространена, составляет около 15% всех протестных действий, главенствовавших в советское время, сохранившихся и в новых, нередко более жестких условиях».

Ниже — описание одного из таких протестных действий.

<...> Второе выступление — рабочих радиомонтажного цеха — происходило по примеру первого и имело многие сходные черты. Также оно осуществлялось в форме обращения-заявления на имя руководителя предприятия, как и первое, содержало просьбу, одинаково было проигнорировано, не имело результата. Отличие состояло в том, что здесь и на уровне цеха рабочие не получили поддержку (цеховая администрация заявляла, что «нельзя кому-то делать лучше, надо только всем, а это невозможно»), организовывал выступление радиомонтажников профсоюзный комитет цеха (но это не придало результативности обращению). Реакция на отказ здесь заглохла полностью: члены цехкома частично уволились, частично перевелись в другие подразделения, само заявление куда-то затерялось, рабочие о нем вспоминали в трудом. <...>

Здесь можно добавить, что упомянутый демонстративно уволившийся рабочий был председателем комитета профсоюза радиомонтажного цеха. Помимо коллективного заявления, он устроил индивидуальную акцию протеста — поставил, как отмечалось *[в начале статьи. — А. А.]*, принципиальный вопрос — либо администрация пересматривает систему оплаты труда, либо он увольняется. Поставив на карту свою судьбу, он принципиально не принимал предложение повысить ему индивидуальный заработок (на тысячу рублей). Это был протест одиночки, хотя и во имя всех (рабочий подчеркивал, что выступает один, не призывал никого оказать ему поддержку — «чтобы не подставлять других»). <...>

(Б. Максимов. Жизнь рабочих на питерском предприятии // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев, 2002, № 4, с. 19-27)¹⁶

¹⁶ См. также только что вышедшую книгу: Максимов Б. И. Рабочие в реформируемой России. 1990-е — начало 2000-х годов. СПб.: Наука, 2004 (глава 5, раздел «Жизнь рабочих на типичном питерском предприятии (2001)»). (Февраль 2005).

Ремарка: жизнь рабочих на «ленинградском-питерском» предприятии — вчера и сегодня.

Как читатель мог убедиться, наш объект — (бывшее) советское промышленное предприятие, и предмет — жизнь рабочих на таком предприятии, — вовсе не ушли в небытие. Конечно, то и другое претерпели заметную эволюцию. Но сегодня **черты «социальной преемственности», пожалуй, преобладают над «социальным изменением»** (опуская период обвального падения производства и массовых увольнений работников на традиционных, бывших государственных предприятиях в середине 90-х гг.).¹⁷

Я не нахожусь в работе коллеги, посвященной исследованию «случая» современного питерского завода, таких социологических наблюдений, которые бы давали основания принципиально отличить его от «случая» другого (ленинградского!) завода, 15-20 лет назад.

В частности, из статьи Б. И. Максимова видно, что многие «стародавние» проблемы рабочей жизни — усугубились, получили обострение. Например: разнообразные формы зависимости рабочих от администрации; переработки и интенсификация живого труда; массовые нарушения КЗоТ; перспектива для работника оказаться за воротами предприятия, в случае нелояльного поведения; и т. д.

Разумеется, возникли и новые проблемы. Но в основном все же наблюдается «расширенное воспроизводство» старых. **И ни одна из прежних проблем не решена!** Положение человека в системе реальных производственных отношений (в том смысле, в каком употреблялся автором этот термин в работе 1983 г.; см. ранее: раздел 11.1) радикальных преобразований, насколько мы можем судить из данных современных исследований, не пертерпело.¹⁸

...Было бы, конечно, очень интересно предпринять социологическое исследование производственной жизни изнутри, «глазами рабочего», сегодня. Впрочем, в современных условиях понадобилась бы серьезная корректировка метода. (Май 2003 — январь 2005).

¹⁷ Тогда, действительно, произошел некоторый «разрыв» в эволюционном процессе. Но сейчас будни производственной жизни (на крупных промышленных предприятиях) вновь возвращаются «на круги своя».

¹⁸ Свидетельства тому находим в материалах и других социологических исследованиях, проведенных на промышленных предприятиях постсоветской России.

См., в частности: Собственность и трудовые отношения: варианты трансформации. Сборник кейсов / Под ред. В. И. Герчикова, М. И. Кошман. Новосибирск: издательство ИЭиОПП, 1995; Барсуков С. Ю., Герчиков В. И. Приватизация и трудовые отношения: от единого и общего к частному и разному. Новосибирск: издательство ИЭиОПП, 1997; Шершнева Е. Л., Фельдхофф Ю. Культура труда в процессе социально-экономических преобразований: опыт эмпирического исследования на промышленных предприятиях России. СПб.: Петрополис, 1999; Становление трудовых отношений в постсоветской России / Под ред. В. Ядова и др. М.: Академический проект, 2004.

Глава 13. Люди лучше учреждений (Из жизни социологического сообщества)

...Я хорошо помню великолепные слова Кропоткина: «Люди лучше учреждений»...

А. А. Любичев (из письма А. А. Передельскому 20.08.1950)

...На Систему (организацию) не надо обижаться. Ее можно изучать, ее можно переделывать (иногда — уничтожать), с ней можно играть. Состояние Торeadора и Быка — прекрасная метафора жизни.

(Автоцитата. Из «Писем Любимым женщинам». 1980)

Приметы счастливые лживы,
Исход не написан на лбу,
Играю не ради наживы —
Я экзаменую судьбу.
<...>
Глаза виноватые прячу,
Грущу при оплывшей свече —
А хитрый бесенок удачи
Сидит у меня на плече.
В. Шефнер («Игрок»)

Несколько вступительных слов

Как и большинство социологов, автор этих строк в 70–80-х гг. состоял в Советской социологической ассоциации (ССА), имевшей свои центральные органы и местные (региональные) отделения. Эта «научно-идеологическая» общественная организация функционировала под бдительным призором партийных органов (о чем отчасти уже шла речь в этой книге).¹

Данная глава посвящена некоторым «хорошо забытым» эпизодам из жизни названной общественной организации. Как читатель сможет убедиться, они имеют самое прямое отношение к рассказу об эксперименте и «деле» социолога-рабочего. (Март 2001 — май 2003).

13.1. Социолог-рабочий — в первичную партийную организацию (для сведения)

**Информация о работе коммуниста Алексеева А. Н.
в качестве члена ССА в период 1980–1982 гг. (март 1983)²**

Являюсь членом Советской социологической ассоциации с 1969 г.

¹ См., например, в томе 2 настоящей книги: раздел 10.13.

² Этот текст в свое время был предъявлен социологом-рабочим в партийное бюро цеха № 3 «Ленполиграфмаша», в связи с возникшими к нему в этой связи вопросами.

За период с января 1980 по декабрь 1982 г. вел разнообразную научную работу, как с оплатой, так и на общественных началах.

В частности, с 1.04.80 по 31.12.81 работал по совместительству в Институте социально-экономических проблем АН СССР на половине ставки ст. науч. сотрудника. С 1.05.82 по 31.12.82 на аналогичных условиях работал в проблемной научно-исследовательской лаборатории Высшей профсоюзной школы культуры. <...> Работа по совместительству велась с полным соблюдением трудового режима по месту основной работы («Ленполиграфмаш»).

За трехлетний период подготовлено и представлено по месту совместительской работы научных отчетов и других научных документов суммарным объемом около 40 печ. листов (примерно 1000 машинописных страниц). Сделано научных докладов на конференциях, симпозиумах, научных совещаниях, ученых советах, в секциях общественных организаций — 5. Отрецензировано кандидатских диссертаций или авторефератов по диссертациям — 5.

Опубликовано в 1980-1982 гг. 26 научных и научно-публицистических работ, суммарным объемом 24 печ. листа. <...> Указанные работы публиковались, как правило, в научных изданиях; некоторые — в массовых периодических изданиях: «Литературное обозрение», «Театр», «Литературная газета», «Нева», «Молодой коммунист». Еще 8 работ, написанных за этот же период, сейчас находятся в печати.³

В марте 1982 г. в качестве члена ССА привлекался к работе в комиссии Ленинградского ОК КПСС по изучению опыта бригадных форм организации труда.

Являюсь членом секции заводских социологов Ленинградского отделения ССА. На апрель 1983 г. на заседании названной секции запланирован мой доклад.

А. Алексеев, 12.03.83

13.2. Эпизод из жизни Советской социологической ассоциации

13.2.1. Неправомочное собрание. 1983

[Ниже — письмо, адресованное в Ленинградский обком КПСС. Публикуется с небольшими сокращениями. — А. А.]

**А. Алексеев — секретарю Ленинградского ОК КПСС В. Захарову
(январь 1983)**

Уважаемый Василий Георгиевич!

Считаю необходимым информировать Вас об из ряда вон выходящей ситуации, сложившейся недавно на отчетно-выборном собрании Ленинградского отделения Советской социологической ассоциации (ЛО ССА).

Как Вам, вероятно, известно, Ленинградское отделение является одним из крупнейших в ССА. Оно насчитывает в своих рядах 175 индиви-

³ В главах 2 и 3 (том 1 настоящей книги) автору уже приходилось обсуждать и интерпретировать свою «необыкновенную» научно-литературную продуктивность первых двух лет работы на заводе.

дуальных членов и еще 45 членов коллективных <...>. Председателем бюро ЛО ССА на протяжении ряда лет является проф. В. А. Ядов. Примерно раз в два года, согласно Уставу ССА, в отделении проводится отчетно-выборное собрание. Очередное такое собрание должно было состояться 17.01.83.

В отличие от других собраний нашего отделения, на которых мне приходилось раньше присутствовать, нынешнее было назначено на рабочее время (14 час.). Само по себе решение странное. Думаю, не только мне, но и некоторым другим членам ССА, в частности, занятым на производстве, было не просто покинуть свое рабочее место в этот день, даже для такого мероприятия.

Парадоксальность ситуации, которая возникла на этом собрании, состоит в том, что, вопреки очевидному отсутствию кворума, оно все-таки было проведено, по настоянию избранного на собрании рабочего президиума (в составе: проф. В. Т. Лисовский — председатель, проф. В. А. Ядов, проф. Г. И. Хмара, проф. И. И. Сигов, полковник Манько⁴, ответственные работники обкома и горкома КПСС гг. Мазуренко и Харин).

Надо сказать, что вопрос о правомочности поднимался на собрании автором этого письма, а также другими участниками. Развернулась небольшая дискуссия на тему, какое же большинство необходимо, чтобы считать собрание правомочным: квалифицированное (больше двух третей) или же достаточно половины членов организации (в Уставе ССА на этот счет нет прямых указаний). Строго говоря, эта дискуссия не имела смысла, т. к. официальный подсчет голосов при выборах нового бюро обнаружил, что на собрании присутствуют лишь чуть больше трети членов ЛО ССА.

Председатель собрания и другие члены президиума предприняли чрезвычайные усилия, чтобы убедить собрание в том, что оно все же правомочно. Как ни странно, сумели убедить. Обсудив итоги работы за отчетный период, собрание, не имевшее кворума, приступило к «выборам» нового бюро ЛО ССА <...>.

Здесь возникли новые трудности. Процедура выдвижения списка кандидатов — от имени прежнего бюро, с неаккуратной ссылкой председателя собрания на «рекомендацию партийных органов», вызвала активное противодействие многих участников. Список явно был плохо продуман. Достаточно сказать, что среди рекомендуемых оказался сотрудник ИСЭП Н. А. Лобанов, даже не являющийся членом ассоциации. Эта кандидатура была собранием отклонена. По некоторым другим — мнения существенно разделились.

Например, распределение голосов при выборах в состав бюро проф. Б. Д. Парыгина оказалось следующим: за — 45 голосов, против — 11, воздержались — 6 (использовалась процедура открытого голосования). Кан-

⁴ Докт. филос. наук, проф. Ю. В. Манько тогда руководил секцией военных социологов ЛО ССА.

дидатура д. ф. н. Б. М. Фирсова была выдвинута из зала, вне предложенного президиумом списка. Здесь голоса распределились следующим образом: за — 48, против — 1, воздержались 11. Несложный подсчет показывает, что в голосовании участвовало не более 62 чел. (напомню, что всего в ЛО ССА состоят 175 индивидуальных членов).

Сначала собрание утвердило предложенный президиумом количественный состав бюро — 17 чел. Список для голосования, в итоге выдвижения дополнительных кандидатур, включал 18. Уже после состоявшихся «выборов» председатель собрания предложил увеличить число членов до 18. Само по себе такое решение, конечно, допустимо. Однако в сложившейся накаленной обстановке оно дало многим присутствующим основания думать, что организаторы собрания стремятся любой ценой сохранить в составе бюро кандидата, набравшего **наименьшее** количество голосов (Б. Д. Парыгин).

Что в итоге? Прошедшее явно в ненормальной обстановке, неправомерное собрание ЛО ССА избрало, соответственно, «незаконное» бюро. (Как мне стало известно позднее, его председателем стал как раз Б. Д. Парыгин).

Если изложенные факты, по крайней мере — действительное число членов ССА, присутствовавших на собрании, нашли отражение в протоколе, то Ревизионная комиссия ССА вынуждена будет признать результаты собрания недействительными... Факт неприятный, но от документированной правды никуда не денешься.

Мне кажется, что ответственность за этот инцидент ложится на рабочий президиум собрания, и не в последнюю очередь — на работников аппарата ОК и ГК КПСС тт. Мазуренко и Харина, молчаливо присутствовавших там.

Нельзя так проводить собрания общественной организации, компрометируя в глазах участников не только научное сообщество <...>, но и партийное руководство наукой.

<...> Цель этого письма — не только информационная. Мой многолетний опыт рядового члена Советской социологической ассоциации (с 1969 г.) и моя заинтересованность в успешном функционировании этой общественной организации побуждает меня просить Вас о личном внимании к вопросу о состоянии и перспективах деятельности ЛО ССА.

С уважением

А. Алексеев, 28.01.83

Ремарка: партийное руководство наукой.

Истинная подоплека этого эпизода состояла в недовольстве партийных органов Ленинграда неполной «управляемостью» научного сообщества ленинградских социологов, более десяти лет возглавлявшегося проф. В. Ядо-

вым, и в стремлении поставить у руководства Отделением ССА удобных для себя людей.

Форму сопротивления этому давлению сверху, стихийно избранную автором, некоторые коллеги определяли как «донкихотскую», другие — как «швейковскую». (Март 2001).

13.2.2. «На сотню умных — один дурак... Иначе несправедливо!»

[Ниже — извлечения из личных писем коллегам — членам рабочего президиума отчетно-выборного собрания ЛО ССА. — А. А.]

А. Алексеев — В. Лисовскому (январь 1983)⁵

Дорогой Володя!

«Судьба» избрала Тебя председателем президиума злополучного собрания ЛО ССА 17 января с. г. Ну а меня — твоим оппонентом. Прими эту «бомбу для председателя» из моих рук, без упаковки.

Посылаю Тебе копию письма, отправленного на днях секретарю Ленинградского ОК КПСС В. Г. Захарову. Мои мотивы, думаю, Тебе ясны. Что касается твоих, то я их лишь оспариваю, не пренебрегая ими.

Мотивы во многом создаются объективным положением. Кесарю — кесарево, слесарю — слесарево. Хочешь — защищайся. А хочешь — сделай вид, что убит наповал выстрелом из этой «шутихи».

Мой «выстрел» ни с кем не согласован. В. Ядов узнает о нем из моего письма, которое отправлю одновременно с этим.

С товарищеским приветом,

Андрей Алексеев, 29.01.83

* * *

А. Алексеев — В. Ядову (январь 1983)

Дорогой Владимир Александрович!

Посылаю Вам копию моего письма, отправленного на днях секретарю Ленинградского обкома КПСС В. Г. Захарову. На случай, если это письмо получит пусть не ход, но какую-то огласку, я хотел бы, чтобы Вы ознакомились с ним «из первых рук».

Предполагаю, что этот шаг не будет одобрен Вами. Но что делать! Каждый играет **свою** роль в этой социологической драме.

На сотню умных — один дурак, все справедливо...

Неизменно Ваш Андрей Алексеев, 29.01.83

[В. А. Ядов и впрямь не обрадовался обращению социолога-испытателя в партийные органы по данному поводу. Но — «дело сделано». — А. А.]

⁵ Владимир Тимофеевич Лисовский — докт. филос. наук, профессор Санкт-Петербургского университета. См. о нем в томе 2 настоящей книги: раздел 10.13. В. Т. Лисовский скончался в 2002 г.

* * *

А. Алексеев — Г. Хмаре (январь 1983)⁶

Дорогая Ада!

Мое товарищеское и дружеское чувство требует, чтобы Ты **от меня** узнала об этом письме секретарю Ленинградского ОК КПСС В. Г. Захарову.

Мне жаль, что пришлось упомянуть там единственную симпатичную женщину, представительствовавшую в президиуме собрания, действия которого (президиума, как, впрочем и собрания) я оспариваю. Но Ты не откажешь мне в последовательности: «всем сестрам по серьгам», даже тем, которые оказались в этом президиуме явно не стремились.

Не ожидаю прагматических эффектов. Мои действия скорее смыслоустремленны, нежели целеустремленны.

Аналогичные копии письма Захарову посланы В. Лисовскому и, разумеется, В. Ядову.

Дружески твой Андрей Алексеев, 29.01.83

* * *

Г. Хмара — А. Алексееву (февраль 1983)

Дорогой Андрей!

Получила твое письмо. Спасибо за информацию. Все фотографически точно. Объективность бесспорная. Досадую, что мы дожили до таких парадоксов. Однако думаю, что во всем этом есть и доля нашей вины (не твоей и моей, а всей нашей социологической компании).

<...> Почему мы разобщены, почему нет единства, которое так необходимо для общих дел? Откуда гипертрофированное честолюбие, ревность к признанию, «ярлычество», шепоток склоки и т. п.? Вот, что меня томит, когда начинаю думать о происходящих нелепостях!..

Моя вина состоит в том, что с некоторых пор, однажды оглянувшись, дала себе «обет»: работать, работать и пытаться противостоять этим «шумам» только эффектом работы... А правильно ли это? Позиция ли это?

Мне гордостоно, что ты написал это письмо. Я была уверена, что ты это сделаешь.

Но даст ли это какой-либо эффект? Не обвинят ли Ядова в стимуляции такого рода собрания и последующего обращения? Не воспользуются ли «завистники-недрузи» этой ситуацией, чтобы еще сильнее ударить человека, который служит социологии сполна? А этот человек в силу своих личностных качеств, которые характеризуют его светлостью и беззащитностью, вдруг сломается...

Вот чего я боюсь, Андрюша!

Ну, посмотрим... Спасибо тебе за доверие. Если не трудно, держи меня в курсе последующих реакций. Успехов, творчества тебе!

Ада, 8.02.83

---

⁶ Генрида Ивановна Хмара — докт. филос. наук, профессор, ныне покойная.

13.3. «Не тот дух...». К вопросу о демократическом централизме

13.3.1. Партийная реакция на критику. Новое обращение

[Ниже — письмо, адресованное в ЦК КПСС. Публикуется в сокращении. — А. А.]

А. Алексеев — заместителю заведующего отделом науки ЦК КПСС
Р. Яновскому (март 1983)⁷

Уважаемый Рудольф Григорьевич!

Настоящее письмо преследует две цели:

1) информировать о факте недопустимой, с моей точки зрения, реакции на критику, высказанную коммунистом в адрес работников обкома партии;

2) поставить общий вопрос о способах реализации принципа демократического централизма в деятельности общественных организаций.

В конце января 1983 г. я обратился с письмом на имя секретаря Ленинградского ОК КПСС В. Г. Захарова. В этом письме излагалось мое отношение к нарушениям демократических процедур при проведении отчетно-выборного собрания Ленинградского отделения Советской социологической ассоциации 17.01.83. <...> Среди прочего, письмо содержало критику в адрес работника Ленинградского ОК КПСС Ю. И. Мазуренко, санкционировавшего выборы руководящих органов ЛО ССА на собрании, где присутствовали лишь 62 члена ассоциации из 175, т. е. при заведомом отсутствии кворума.

1 марта я был приглашен, вместе с секретарем первичной партийной организации В. И. Новиковым (цех № 3 Ленинградского завода полиграфических машин), в отдел науки Ленинградского ОК КПСС. Со мной беседовал зам. зав. отделом В. А. Гуляев. В этой беседе участвовал и инструктор отдела науки, вышеупомянутый тов. Мазуренко.

Мне было сказано, что, хотя отдельные недостатки в подготовке собрания ЛО ССА я отметил правильно, моя точка зрения, высказанная в письме секретарю обкома партии, в целом является ошибочной. При этом сослались на отсутствие в Уставе ССА прямого указания на условия правомочности собраний региональных отделений. Тов. Гуляев сказал также, что мне, «как коммунисту, не следовало поднимать этот вопрос» — ни на общем собрании, ни в письме на имя секретаря обкома.

Я отношусь с уважением к замечаниям, исходящим из вышестоящего партийного органа. Однако согласиться с вышеописанной позицией не могу, в силу по крайней мере двух обстоятельств.

⁷ В отличие от первого, «безличного» обращения к секретарю Ленинградского ОК КПСС, это письмо адресовалось партийному работнику, с которым автор имел личные контакты в прошлом. Р. Г. Яновскому, в начале 70-х гг. — доценту Новосибирского университета и секретарю райкома КПСС (Новосибирский академгородок), случилось быть тогда официальным оппонентом на кандидатской защите автора этих строк. Ныне Р. Г. Яновский — член-корреспондент РАН.

Во-первых, если, как настаивает тов. Гуляев, формально руководство тем, что в Уставе ССА нет прямых указаний, то эдак можно проводить выборы руководящих органов при любом количестве присутствующих: не надо не только половины, но и трети членов данной организации.

Во-вторых, именно упомянутый эпизод на собрании ЛО ССА послужил толчком к соответствующему оперативному дополнению Устава ССА, сделанному на последовавшей месяц спустя Всесоюзной отчетно-выборной конференции этой организации.

После беседы в кабинете зам. зав. отделом инструктор обкома тов. Мазуренко пригласил нас с секретарем партийной организации цеха к себе. Тут им, полагаю, по его собственной инициативе, были сделаны дополнительные «разъяснения».

Мне были инкриминированы: попытка сорвать отчетно-выборное собрание научно-идеологической организации; противопоставление себя партийному руководству; дезинформация секретаря обкома КПСС своим письмом. Это последнее, по выражению тов. Мазуренко, проникнуто «не тем духом».

В заключение, инструктором обкома была высказана угроза — «рекомендовать» руководству ССА вывести меня из рядов этой организации. (Если бы не объективная общественно-производственная характеристика, которую дал мне секретарь партбюро цеха, отвечая на вопрос инструктора обкома, то неизвестно, чем бы кончилась эта история).⁸

Принять такие «замечания» от человека, подвергнутого мною персональной критике в упомянутом письме секретарю обкома КПСС, я не только не могу, но и считаю их грубым нарушением, в лучшем случае, партийной этики. Тов. Мазуренко присутствовал на собрании ЛО ССА. Никаких замечаний в мой адрес там не сделал. Теперь же оказывается, что я это собрание «срывал»...

По счастью, мое выступление с трибуны и обе реплики с места (сделанные с разрешения председательствующего) отражены в протоколе собрания. Соответствующие извлечения из протокола прилагаю. По-моему, они (как и сам текст моего письма секретарю обкома) убедительно опровергают обвинения тов. Мазуренко в мой адрес. Я считаю такое поведение работника обкома КПСС не терпимым в практике партийной жизни.

<...> Описанное выше дает мне повод поставить и общую проблему. В нашей стране сотни, если не тысячи общественных организаций. Все они строятся на основе демократического централизма. Однако последовательно проводится этот принцип далеко не везде.

Там, где организационная структура дифференцирована слабо (в отличие, скажем, от партийной организации с ее четким построением по

⁸ Об инструкторе Ленинградского обкома КПСС Ю. Мазуренко см. также в томе 2 настоящей книги: раздел 9.7.

территориально-производственному признаку), — представительная демократия (в частности, выборы делегатов на конференцию от низовых подразделений) оказывается невозможной. Непосредственная же демократия (не конференция, а общее собрание) блокируется недостатком дисциплины, а иногда — физической невозможностью собрать вместе всех членов организации.

Совсем недавно (в марте этого года) мне довелось участвовать в выборах делегатов на отчетно-выборную конференцию Ленинградского дома ученых. Ее организаторами были предприняты усилия к тому, чтобы каждый член Дома ученых мог высказать свое мнение, подать свой голос. Были запланированы и последовательно проведены **два** собрания, на которых присутствовали в общей сложности до 600 чел. (оба раза — при полном зале, вмещающем не более 300 чел.). В итоге, были избраны около двухсот делегатов на отчетно-выборную конференцию, при заданной норме представительства «один делегат — от 15 членов» (всего в Ленинградском доме ученых свыше 2.800 членов).

Список предлагаемых кандидатов был заранее обнародован. Любой член Дома ученых мог присутствовать не на одном, так на другом собрании. Упрекнуть комиссию по подготовке выборов, пожалуй, не в чем. Но ведь, строго говоря, и здесь делегатов на конференцию избирали лишь явившиеся на собрания «добровольцы».

<...> Все сказанное побуждает поставить вопрос о **демократической процедуре** как актуальной проблеме развития общественного самоуправления.

В практике работы творческих союзов, добровольных обществ, других органов общественной самодеятельности сегодня можно наблюдать иногда вынужденные, а иногда и намеренные, «стихийные» и «сознательные» отступления от принципа выборности снизу доверху. В одних случаях эти отступления вполне могут быть узаконены, в других — требуют решительного пресечения. Все зависит от специфики общественной организации.

Демократический централизм является принципом организации всей жизни социалистического общества. Как отмечает тов. Ю. В. Андропов, этот принцип «позволяет успешно сочетать свободное творчество масс с преимуществами единой системы научного руководства, планирования, управления» (Коммунист, 1983, № 3). Ясно, сколь важно исключить еще сохранившиеся остатки неупорядоченности и субъективизма в его осуществлении, открывающие путь как для ущемления инициативы снизу, так и для потери контроля сверху.

Поднятию уровня организационной культуры общественного самоуправления могла бы способствовать наша пресса. К сожалению, ее материалы на эту тему слишком часто страдают декларативностью. Что же касается собственно процедурных моментов, то они ею практически не обсуждаются. Между тем, без широкой осведомленности трудящихся в

этих моментах не может быть и полноценного осуществления коллективных прав и обязанностей. <...>

«Формальные» (процедурные) вопросы демократической практики обойдены вниманием и общественной науки, они остаются без изучения и часто без научно обоснованного решения.

По-видимому, назрела необходимость в разработке **дифференцированных способов реализации принципа демократического централизма**, в зависимости от характера общественной организации.

Среди возможных прикладных результатов этой работы я бы в первую очередь назвал создание примерных уставов для различных видов общественных организаций. Ведь здесь пока хватает кустарщины (как это, например, случилось с Уставом ССА, где — до последнего времени — отсутствовало указание на условия правомочности отчетно-выборного собрания ее основного подразделения).

Хочется думать, что сказанного достаточно для обнаружения общественной значимости и остроты поставленной проблемы.

<...> С текстом настоящего письма ознакомлен секретарь партбюро цеха тов. Новиков. Копия направлена мною заместителю заведующего отделом науки Ленинградского ОК КПСС тов. Гуляеву.

С глубоким уважением

А. Алексеев, 29.03.83

13.3.2. Нужен Закон СССР об общественных организациях

[Ниже — второе письмо, адресованное в ЦК КПСС. Публикуется в сокращении. — А. А.]

**А. Алексеев — заместителю заведующего отделом науки ЦК КПСС
Р. Яновскому (май 1983)**

Уважаемый Рудольф Григорьевич!

Не могу не выразить своей признательности за внимание, оказанное моему письму на Ваше имя от 29.03.83. 8 мая я был приглашен, вместе с секретарем первичной партийной организации, в Ленинградский обком КПСС. Со мной беседовал зав. сектором науки Е. К. Овсянников.

В обстоятельной (почти часовой) беседе тов. Овсянников коснулся всех вопросов, поднятых в моем письме Вам.

Я рад, что моя постановка вопроса о способах реализации принципов демократического централизма в деятельности общественных организаций вызвала одобрение и поддержку партийных органов.

Уже после отправки своего письма Вам я имел возможность ознакомиться с опубликованным 12.04.83 проектом Закона СССР о трудовых коллективах. Примечательно, что условия правомочности общих собраний трудовых коллективов (необходимый кворум) признаны заслуживающими специального отражения в Законе (см. статью 20).

Хочу надеяться, что со временем будет предпринята также разработка **Закона СССР об общественных организациях**, что могло бы, мне кажется, существенно способствовать укреплению и развитию социалистической демократии. Тов. Овсянников в беседе со мной отметил своевременность моего обращения в ЦК КПСС по всему этому кругу вопросов.

Вопрос о недопустимом, с моей точки зрения, поведении инструктора Ленинградского ОК КПСС Ю. И. Мазуренко в связи с высказанной мною в его адрес критикой — также обсуждался в этой беседе. Не могу сказать, что я разделяю снисходительную оценку, которую тов. Овсянников дает факту зажима критики. Однако с пониманием отношусь к возникающим на этот счет затруднениям. Как мне было сообщено, тов. Мазуренко — опытный работник, «ветеран отдела», «на него это очень непохоже».

Надеюсь, что меры к пресечению подобных проявлений будут приняты, хотя бы меня об этом и не информировали.

В заключение, еще раз о правомочности собрания Ленинградского отделения ССА 17.01.83. <...>

Как и другие работники обкома, тов. Овсянников не оспаривает, что на собрании ЛО ССА присутствовало не более трети членов Отделения (это — документально подтвержденный факт!). Тем не менее, подобно другим ответственным партийным работникам, тов. Овсянников утверждает, что выборы на таком собрании «были правомочными».

Нелепость такого утверждения для меня очевидна, кем бы оно ни высказывалось. Тов. Овсянников сказал, что эта его беседа со мной является «формой ответа» ЦК КПСС на мое письмо от 29.03.83.⁹ Однако поверить, что подобная точка зрения поддерживается также отделом науки ЦК КПСС, я пока отказываюсь. Вопрос этот остается для меня принципиальным.

<...> Я вовсе не претендую, чтобы Вы лично ответили мне. Но был бы признателен за краткое письменное разъяснение из отдела науки ЦК по этому, и только по этому вопросу. Отсутствие же ответа готов рассматривать как свидетельство того, что тов. Овсянников в данном вопросе выражал не только свое личное мнение <...>.

А. Алексеев, 7.05.83

Ремарка: продолжение следует.

Копия этого письма в ЦК КПСС была отправлена в Ленинградский обком КПСС, для сведения.

---

⁹ Надо заметить, что письменные ответы на обращения в партийные органы, в отличие от всех других официальных органов, вообще были не приняты. Обычно обратившийся приглашался в нижестоящую партийную инстанцию, где ему давалось устное «разъяснение» по предмету обращения.

Зав. сектором науки ОК КПСС Овсянников, по-видимому, был заинтересован узнать, не получил ли автор письма какой-либо ответ, помимо обкома. Во всяком случае, он специально звонил мне, по этому поводу. Однако ответа из ЦК КПСС, даже «опосредованного», на второе письмо так и не последовало.

Из аналитической записки для ЦК КПСС «Научно-практический эксперимент социолога-рабочего и его общественно-политические уроки» (апрель 1986)¹⁰

«...Разумеется, я не могу утверждать, что между событиями начала 1983 г. (имеется в виду угрозы работника Ленинградского обкома КПСС Ю. И. Мазуренко по поводу моего письма секретарю обкома КПСС В. Г. Захарову, проникнутого «не тем духом»; см. выше. — А. А.) и событиями конца 1983 г. (обыск на квартире социолога-рабочего и т. д. — А. А.) существует прямая связь. Однако сама последовательность этих событий указывает на вероятность связи...».

Последовавшие в 1984 г. официальное предостережение органов госбезопасности, исключение из партии и т. д.¹¹ поубавили было интерес автора к проблеме демократического централизма и порядка выборов в общественных организациях. Однако весной 1985 г. возник повод вернуться к этой проблеме. (Март 2001).

13.4. К вопросу о демократическом централизме (два года спустя)

[Ниже — материалы, характеризующие обстоятельства проведения отчетно-выборного собрания Северо-Западного (Ленинградского) отделения Советской социологической ассоциации в мае 1985 г. — А. А.]

13.4.1. И опять на собрании Отделения ССА нет кворума. 1985

**А. Алексеев — заведующему отделом науки и учебных заведений
ЦК КПСС В. Медведеву (май 1985)**

Глубокоуважаемый Вадим Андреевич!

Два года назад мне довелось обращаться в отдел науки ЦК КПСС, где я информировал о чрезвычайном происшествии, имевшем место на отчетно-выборном собрании Ленинградского (Северо-Западного) отделения ССА 17 января 1983 г.

Суть «ЧП» сводилась к выборам руководящих органов этой научно-общественной организации при очевидной неправомерности собрания (где присутствовала едва треть членов ЛО ССА). Это происходило при попустительстве ответственных работников Ленинградского обкома партии.

¹⁰ Об этой записке см. в томе 2 настоящей книги: раздел 10.14.

¹¹ См. в томе 2 настоящей книги: главы 7-8.

В том письме содержалась также общая, проблемная постановка вопроса о необходимости совершенствования существующих форм реализации принципа демократического централизма в деятельности общественных организаций. (Прилагаю здесь копию своего письма в ЦК КПСС от марта 1983 г.).

Надо сказать, что общий взгляд, содержащийся в этом письме, получил поддержку и одобрение партийных органов — в беседе, проведенной со мной по следам обращения в ЦК КПСС в отделе науки Ленинградского обкома партии. Вместе с тем, вопрос о том, можно ли считать правомерными конкретные выборы руководящих органов ЛО ССА на собрании 17.01.83, даже после моего повторного обращения в отдел науки ЦК КПСС, остался открытым.

Прошло два года. В течение этого периода так или иначе функционировал состав бюро ЛО ССА, «избранный» на отчетно-выборном собрании в январе 1983 г. Обязанности председателя бюро выполнял д. ф. н., проф. Б. Д. Парыгин.

Пожалуй, основным предметом усилий этого состава бюро, начиная с середины 1984 г., было научно-организационное обеспечение создания региональной социологической службы в Ленинграде (о развертывании которой, несколько упреждая действительные события, сообщила «Советская Россия» 5.01.85). Однако именно в этом ключевом пункте своей деятельности бюро ЛО ССА работало не вполне удовлетворительно. На что нелестно указали участники очередного отчетно-выборного собрания Ленинградского отделения ССА, состоявшегося 22 мая 1985 г. В выступлениях А. А. Русалиновой, Б. И. Максимова, В. Л. Ружже, Г. И. Саганенко и других содержалась серьезная критика работы руководящих органов Отделения за отчетный период.

Эта критическая направленность обсуждения была в общем поддержана в выступлении работника Ленинградского обкома КПСС тов. Корнева на упомянутом собрании.

Но дальше произошли события, побудившие меня обратиться к Вам с настоящим письмом.

Два года спустя после казуса, состоявшегося на отчетно-выборном собрании ЛО ССА 1983 г., я оказался свидетелем и невольным участником еще более откровенной компрометации принципа демократического централизма в практике работы научно-общественной организации. На сей раз это происходило уже не просто при попустительстве, а с откровенной санкцией присутствующих ответственных лиц.

На собрании присутствовали зам. зав. отделом Ленинградского обкома КПСС тов. Маркин и инструктор обкома тов. Корнев. В собрании участвовал также главный ученый секретарь центрального правления ССА В. С. Боровик. То есть — нельзя сказать, что некому было указать на ошибку, воспроизводящую позапрошлогодную ситуацию.

Если в 1983 г. Ленинградское отделение ССА имело в своем составе 175 индивидуальных и 45 коллективных членов, то за эти два года организация выросла. Теперь в ней — 215 индивидуальных и 48 коллективных членов. Открывая собрание, председатель бюро отделения проф. Парыгин ограничился сообщением, что на собрании присутствуют «больше 100 членов ССА», не называя точной цифры, хоть регистрация и велась. Однако к моменту выборов количество присутствующих на собрании не увеличилось а уменьшилось <...>.

Если в 1983 г. в выборах участвовали 62 индивидуальных члена ССА из 175, то в 1985 г. — не более 75 чел. (присутствовавших в зале) из 215.

В 1985 г. (как и в 1983-м) это вызвало тревогу участников собрания насчет его правомочности. На вопрос, заданный по этому поводу из зала (член ССА И. И. Травин), председатель собрания А. В. Воронцов сослался, по меньшей мере неуместно, на Устав ССА, где как будто указывается, что всякое решение должно приниматься простым большинством голосов присутствующих. Но ведь речь шла вовсе не о том, от какого количества считать большинство, а о том, можно ли проводить выборы руководящих органов отделения на собрании, где присутствует только треть членов организации!

Сама процедура выборов вслед за тем носила характер откровенной пародии на участие членов общественной организации в принятии решений.

Был зачитан список кандидатур в состав бюро (из которых по крайней мере половина даже не присутствовала на собрании). Было заявлено, что этот список выдвинут «активом» (собравшиеся в перерыве члены прежнего бюро и руководители секций отделения). Затем председатель собрания, не дав никому опомниться, даже не обращаясь к залу, скороговоркой вновь зачитал список, сопровождая каждую фамилию словами: «Отводов нет? Нет!». А после этого предлагалось голосовать за список в целом (даже не спросив у присутствующих, согласны ли они с такой процедурой).

Получилось, что отсутствие отвода конкретной кандидатуры обязывает каждого присутствующего голосовать также и за нее (если он не хочет голосовать против списка в целом)...

Справка

В состав бюро ЛО ССА, «избранного» на собрании 22 мая 1985 г. вошли: Борисов, Гревцов, Ельмеев, Иконникова, Кобецкий, Лисовский, Лобанов, Манько, Мирошниченко, Парыгин, Пашков, Румянцева, Сигов, Тягушев, Федосеев, Хмара, Ядов, Яковлев, кто-то еще один.

Состав ревизионной комиссии: Воронцов, Гороховский, Кугель, Ружже, Силантьева.

Позднее, на соответствующем заседании председателем бюро ЛО ССА был избран Б. Парыгин, ученым секретарем — Г. Румянцев, председателем ревизионной комиссии — А. Воронцов.

...Вот так происходили выборы бюро ЛО ССА на неправомерном, как я убежден, собрании 22 мая с.г.

Следует заметить, что состав этого бюро, за исключением двух-трех человек, совпадает с составом прежнего бюро («избранного» два года назад), работа которого была подвергнута выступавшими серьезной, причем **персональной** критике. Так что оснований для голосования списком вовсе не было. (В 1983 г. было, по крайней мере, поименное голосование).¹²

Все это, повторяю, совершалось с молчаливого согласия и одобрения сидевших в президиуме работников аппарата Ленинградского обкома КПСС.

Мне кажется, что происшедшее противоречит как элементарным представлениям о том, как должны развиваться и функционировать общественные организации, так и, в особенности, той постановке вопроса о стиле партийной работы, которая имела место в выступлении Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на встрече с активом Ленинградской партийной организации 17 мая с.г.

Понимая Вашу занятость, все же прошу, Вадим Андреевич, Вашего личного внимания как данному (ленинградскому) случаю¹³, так и к проблеме укрепления дееспособности общественных научных организаций (типа ССА) в целом. Эти организации, как я считаю, призваны сыграть свою, далеко не формальную роль в реализации общих партийных установок на совершенствование развитого социализма (в сфере научной, идеологической, политико-воспитательной работы).

В моем письме в ЦК КПСС от мая 1983 г. был поднят вопрос о целесообразности разработки <...> **Закона СССР об общественных организациях**. Считаю уместным напомнить об этом своем предложении и надеюсь, что ему будет дан соответствующий ход.

Копия настоящего письма отправлена мною в Ленинградский обком КПСС. С уважением

А. Алексеев, 26.05.85

13.4.2. «Взять под контроль проведение социологических исследований...»

[Ниже — некоторые материалы отчетно-выборного собрания ЛО ССА 22 мая 1985 г.:]

(а) текст выступления главного ученого секретаря ССА В. С. Боровика (извлечение из официального протокола собрания);

¹² Имеется в виду голосование по каждой кандидатуре отдельно.

¹³ В. А. Медведев был до этого секретарем Ленинградского ОК КПСС. Ему, кстати сказать, адресовалось соответствующее письмо 1983 г.

(б) авторский пересказ выступления инструктора Ленинградского обкома КПСС Б. Ф. Корнева. — А. А.]

Из протокола собрания ЛО ССА (май 1985)

<...> В. С. Боровик: Разрешите приветствовать и пожелать успехов в работе участникам отчетно-выборного собрания. В Уставе ССА записано, что основной задачей ССА является всемерное содействие марксистско-ленинскому воспитанию. В отчетном докладе председателя бюро Парыгина Б. Д. достаточно полно показано участие социологов Ленинградского отделения в решении задач, в том числе и в создании социологической службы региона.

<...> Дело-то очень сложное, однако направление взято правильно, заслуживает одобрения возможность взять под контроль проведение социологических исследований. Например, на Дальнем Востоке проведение всех исследований идет через ССА. Это ставит заслон случайностям, ошибкам, это давно уже назрело. Хорошо, что Ленинград идет впереди.

В отчетном докладе достаточно освещена работа секций. Правда, жаль, что в Ленинграде изучают только студенческую молодежь, нельзя оставлять без внимания рабочую молодежь, учащихся ПТУ.

<...> Наряду с достоинствами, отмечу в работе бюро и недостатки. Главным является выполнение *[так! — А. А.]* намеченного плана: по плану намечено 14 мероприятий, а выполнено только 8. Не выполнено проведение конференций по проблемам идеологии, контрпропаганды.

ССА не имеет своего издания и не имеет своего листажа. Мы все издаем совместно с ИСИ АН СССР. Сейчас делаем попытку 50% листажа ИСИ использовать на периферию. Вопрос с дирекцией ИСИ решен. Начнем действовать. Мы понимаем, что не выполненные по плану пункты объясняются тем, что силы были отвлечены на создание социологической службы.

<...> В Ленинграде существенно снизилось количество проводимых мероприятий, например, проведение «Социологических чтений». Нужно возобновить их проведение. В докладе совсем не было отмечено, как работают с коллективными членами. Это наша материальная основа и надо использовать все способы работы с коллективными членами.

Несколько слов о контроле над инструментарием — идея очень актуальная, очень легко ее зарубить и гораздо труднее вдохнуть в нее жизнь. Неправильно, если та или иная методика лежит 4 месяца. <...>

* * *

Из «Записей для памяти» (май 1985)

<...> Выступавшие на собрании 22 мая 1985 г. делали особый упор на неудовлетворительной работе бюро ЛО ССА в том, что касается подготовки к созданию социологической службы Ленинградского региона.

В этой связи присутствовавший на собрании инструктор обкома КПСС тов. **Корнев** отметил в своем выступлении, что «одно дело ССА, а другое дело — социологическая служба».

Эта социологическая служба, сказал он, подчиняется не бюро ЛО ССА, а... Совету социологических исследований Сектора повышения трудовой и общественно-политической активности Бюро коммунистического воспитания Совета экономического и социального развития, ускорения научно-технического прогресса Ленинградского областного комитета КПСС. (Так! Записано не на слух, а выверено, позднее, по тексту Положения о социологической службе Ленинградского региона).¹⁴

Все документы (положения), связанные с организацией региональной социологической службы вовсе не утверждаются ассоциацией, а ей было лишь поручено их подготовить.

«...Раньше было: кто чего хочет, то и делает. А делать нужно — по Положению. Для этого и создана региональная служба».

Социологические службы созданы уже в семи районах Ленинграда. Все люди, которые занимаются социологическими исследованиями, «должны быть известны» в районных комитетах партии, при которых состоят эти службы. Еще надо прояснить вопрос об организации методической, научной экспертизы, где должны помочь и Ассоциация, и Институт социально-экономических проблем.

Это выступление инструктора обкома было своеобразным ответом на критические высказывания в адрес руководства ЛО ССА. Вместе с тем, тов. Корнев как бы поддержал эти высказывания:

«...Разговор конструктивный, хороший, критика есть, впечатление положительное». <...>

(Записано в конце мая 1985 г.)

13.5. «Кость в горле» Советской социологической ассоциации

От автора — сегодня

Здесь следует заметить, что описываемые события синхронны с «делом» социолога-рабочего.¹⁵

К маю 1985 г. социолог-испытатель был уже год как исключен из партии. В январе 1985 г. отклонена его апелляция в Ленинградский горком КПСС. То обстоятельство, что он все еще остается «в рядах» Советской социологической ассоциации, становилось все более нетерпимым для партийных и научных функционеров.

¹⁴ Анекдотический пример иерархической структуры партийного руководства: Обкомом КПСС создан Совет экономического и социального развития, ускорения научно-технического прогресса; в этом последнем имеется Бюро коммунистического воспитания; в составе названного Бюро — Сектор повышения трудовой и общественно-политической активности; а уж в этом Секторе — Совет социологических исследований; и этому Совету подчиняется Региональная социологическая служба! Такая вот многоступенчатая система «приводных ремней»...

¹⁵ См. в томе 2 настоящей книги: глава 10.

Еще до вышеописанного отчетно-выборного собрания планировалось изгнание из ССА ее «неудобного» члена (тогда ему и на собрании не пришлось бы присутствовать...).

Была образована комиссия, состоящая из членов бюро СЗО (ЛО) ССА Ю. Гревцова и Н. Мирошниченко и председателя ревизионной комиссии А. Воронцова, в обязанности которой вменялось «рассмотрение вопроса о нарушении служебных обязанностей и научной этики» членом ССА Алексеевым.¹⁶ Комиссия подготовила соответствующую обличительную справку.¹⁷

Однако усилия тогдашнего предводителя ленинградских социологов Б. Парыгина и его сподвижников в течение всего 1985 года оставались безуспешными: то кворума на бюро не собрать, то субъект персонального дела уклоняется от явки на бюро...

Из личного письма от марта 1985 г. (адресат неизвестен):

«...Для меня одним из внутренних, моральных условий для собственной явки на бюро ЛО ССА является как раз **неявка** на него тех членов бюро, которые проголосовали бы **против** моего исключения из ассоциации, оказавшись там. А эта демонстрация им, которые сами сейчас “под ударом”, как Ты понимаешь, совершенно ни к чему...»¹⁸

Месяц спустя после описанного выше отчетно-выборного собрания СЗО (ЛО) ССА социолог-испытатель получил очередное приглашение на разбор своего персонального дела, на которое ответил отказом. См. ниже. (Март 2001 — май 2003).

* * *

**А. Алексеев — ученому секретарю ЛО ССА Г. Румянцевой
(июнь 1985)**

Информирую руководство ЛО ССА, что приглашение участвовать в заседании 21.06.85 мною отклоняется.

Как известно, состоявшееся в мае с. г. отчетно-выборное собрание отделения ССА было неправомочным. Стало быть, ЛО ССА пока не располагает руководящим органом, правомочным решать поставленные в повестку дня вопросы [включая персональное дело, понятно. — А. А.].

О сложившейся в Ленинградском отделении ССА ситуации мною информирован отдел науки ЦК КПСС [см. выше. — А. А.]. До получения из ЦК КПСС соответствующего разъяснения мое участие в заседании не представляется мне возможным.

Член ССА А. Алексеев, 20.06.85

¹⁶ См. в томе 2: раздел 10.13.

¹⁷ Текст этой справки см. в томе 4 настоящей книги: глава 22.

¹⁸ См. об этом также в томе 2: раздел 10.12.

13.6. «Факты не подтвердились, часть из них сознательно искажена автором...»

Ремарка: маршрут письма.

Выше приводилось письмо социолога-испытателя в отдел науки и учебных заведений ЦК КПСС (май 1985). Маршрут дальнейшего движения письма был таков:

- из аппарата ЦК КПСС — в Президиум АН СССР;
- из аппарата Президиума АН СССР — в Управление кадров АН СССР;
- из Управления кадров АН СССР — в Президиум правления Советской социологической ассоциации.

Президент ССА проф. Х. Момджян поручил подготовить ответ для Управления кадров АН СССР работникам своего аппарата.

Ниже — материалы этой ведомственной переписки. (Май 2003).

Управление кадров АН СССР — А. Алексееву (июнь 1985)

№ 10105-6714/37. 20.06.85

т. Алексееву А. Н.

Ваше письмо в адрес заведующего отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС т. Медведева В. А. направлено в Академию наук СССР.¹⁹

В связи с этим Управление кадров АН СССР по поручению руководства Академии наук СССР сообщает, что оно направлено на рассмотрение председателю Советской социологической ассоциации профессору Момджяну Х. Н.

Начальник Управления кадров АН СССР Г. А. Цыпкин

* * *

Президент ССА Х. Момджян — в Управление кадров АН СССР

13.09.85. № 14063-106

Начальнику Управления кадров АН СССР тов. Цыпкину Г. А.

Копия: тов. Алексееву А. Н.

О рассмотрении письма члена ССА тов. Алексеева А. Н.

На Ваше письмо от 20.06.1985 № 10105-6714/37 сообщаем, что факты, изложенные в письме члена Северо-Западного отделения ССА А.²⁰, не подтвердились, часть из них **сознательно искажена автором** [здесь и далее выделено мною сегодня. — А. А.].

1. В соответствии с протоколом общего собрания Ленинградского (Северо-Западного) отделения ССА от 22 июня 1985 г.²¹, к началу собрания, т. е. к 16.00 было зарегистрировано 110 человек. С учетом опо-

¹⁹ Советская социологическая ассоциация тогда считалась «подведомственной» Академии наук СССР. Иногда даже так и писалось: «ССА АН СССР».

²⁰ Здесь и далее в оригинале документа — фамилия.

²¹ Здесь в документе ошибка: в действительности — собрание происходило 22 мая 1985 г.

здавших, когда регистрация была уже закончена, на собрании присутствовало более 50% членов ССА, хотя в Уставе ССА в разделе «Отделения ССА» не оговорено, при каком количестве членов ССА данного отделения отчетно-выборное собрание является правомочным. В Уставе ССА действительно (а не «как будто», по мнению А.) есть положение о том, что всесоюзная конференция ССА принимает решения открытым голосованием простым большинством голосов присутствующих делегатов (см. Устав ССА. М., 1979, пп. 21, 24).

2. Тов. А. **намеренно искажает** ситуацию на собрании на момент выборов, приводя совершенно произвольные цифры присутствующих. Столь же искаженно трактуется А. процедура выборов. Им ставится под сомнение, что состав бюро выдвинут активом, но вопрос действительно обсуждался активом, на котором присутствовали члены бюро и руководители социологических служб районов г. Ленинграда.

3. **Совсем в извращенном виде** изображается А. сама форма проведения выборов. Он утверждает, что председатель собрания предложил голосовать за предлагаемый новый состав бюро списком, «даже не спросив у присутствующих, согласны ли они с такой процедурой». Данное утверждение не соответствует действительности. Председатель собрания предложил голосовать списком после того, как согласовал этот вопрос с членами собрания. Данный момент зафиксирован в протоколе отчетно-выборного собрания.

4. В письме А. затрагивается вопрос о том, что бюро отделения работало не вполне удовлетворительно. Участниками собрания дана удовлетворительная оценка работы бюро отделения, что записано в решении отчетно-выборного собрания.

Соображения, выдвинутые в письмах,²² А. мог бы высказать на собрании. Однако он этого не сделал, предпочитая оказывать «содействие» деятельности отделения ССА методами, не делающими ему чести.

Часть обвинений высказана в адрес работников партийного аппарата. Давать ответы и объяснения по этой части писем — не в нашей компетенции.

С уважением,

Президент ССА АН СССР, профессор Х. Н. Момджян

Ремарка: проф. Момджян и его «соавторы».

Как выяснилось позднее, основу вышеприведенного документа составило письмо председателя СЗО (ЛО) ССА Б. Парыгина главному ученому секретарю ССА В. Боровику, от 5.07.85.

Текст этого письма проф. Парыгина здесь не привожу, чтобы не загромождать книгу.

Вообще, «соавторами» документа за подписью Х. Момджяна были Б. Парыгин и В. Боровик. (Март 2001).

²² Имеется в виду письмо не только 1985, но и 1983 г., копия которого прилагалось к последнему обращению в ЦК КПСС.

13.7. К вопросу о защите чести и достоинства. Попытка диалога с Президентом ССА

...Граждане СССР имеют право на судебную защиту от посягательств на честь и достоинство, жизнь и здоровье, на личную свободу и имущество.

(Из статьи 57 Конституции СССР 1977 г.)

От автора — сегодня

Как читателю, успевшему ознакомиться с перипетиями «дела» социолога-рабочего, уже известно, автор еще с 1984 года вынашивал идею обращения в суд с иском в защиту своей чести и достоинства.

Как это делать? Какими юридическими нормами руководствоваться? И опять, как в свое время сразу после обыска в 1983 г.²³, занялся «правовым ликбезом».

Статья 7 «Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик» (называвшаяся «Защита чести и достоинства») гласила:

«Гражданин или организация вправе требовать по суду опровержения порочащих их честь и достоинство сведений, если распространивший эти сведения не докажет, что они соответствуют действительности.»

Если порочащие честь и достоинство гражданина или организации сведения распространены в печати, они, в случае несоответствия их действительности, должны быть опровергнуты также в печати.. В случае, если не соответствующие действительности, порочащие честь и достоинство гражданина сведения содержатся в документе, исходящем от организации, такой документ подлежит замене. Порядок опровержения в иных случаях устанавливается судом...»²⁴

Из справочной юридической литературы удалось выяснить, что гражданско-правовая защита чести и достоинства впервые вошла в советское законодательство в 1961 г., когда были приняты указанные «Основы». Именно тогда родилась «чеканная» формула: «Гражданин или организация вправе требовать по суду опровержения порочащих их честь и достоинство сведений, если распространивший эти сведения не докажет, что они соответствуют действительности».

Положение «В случае, если не соответствующие действительности, порочащие честь и достоинство гражданина сведения содержатся в документе, исходящем от организации, такой документ подлежит замене», — появилось в законе сравнительно недавно (введено в «Основы» Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 октября 1981 г.).

Со статей 7 «Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик» почти дословно совпадала ст. 7 Гражданского кодекса РСФСР (также называвшаяся «Защита чести и достоинства»). Отличие было лишь

²³ См. в томе 2 настоящей книги: раздел 7.4.

²⁴ Цит. по: Конституция и законы Союза ССР. М.: Издательство «Известия Советов народных депутатов СССР», 1983, с. 239; здесь приведены только части 1 и 2 этой статьи.

в том, что туда еще не успела войти норма о замене исходящего от организации документа в случае, если в нем содержатся не соответствующие действительности, порочащие честь и достоинство гражданина сведения.²⁵

Указанное положение (об «исходящем от организации документе...») как будто прямо соответствовало ситуации автора этих строк. Но самым привлекательным для социолога-испытателя в этой коллизии было недвусмысленное провозглашение в статье 7 «Основ гражданского законодательства...» (равно как и Гражданского кодекса РСФСР) **презумпции невиновности**: не гражданин должен доказывать несоответствие действительности порочащих его честь и достоинство сведений, а наоборот — распространивший такие сведения обязан доказать их соответствие действительности!

Из буквы закона следовало, что истцом — в случае защиты чести и достоинства — может быть как гражданин, так и организация (см. выше). Возможный «статус» ответчика в законе не был оговорен, но «по умолчанию» ответчиком также могли быть как гражданин, так и организация (например, редакция периодического издания, организация от которой исходит документ, и т. п.).²⁶

...Подумывал судиться — то ли с Ленинградским управлением КГБ, как организацией, то ли с подписавшим справку «В отношении Алексеева А. Н.» начальником подразделения УКГБ ЛО В. И. Полозюком.²⁷ Даже проект искового заявления сочинил (нахожу его в своем архиве). Потом раздумал.

«Сутяжный» замысел был реализован автором на другом «объекте», а именно: **Советская социологическая ассоциация**, глава которой (проф. Х. Н. Момджян) столь неосторожно умалил честь и достоинство «неудобного» члена этой общественной организации.

Итак — **судебная дуэль!** Но сначала надо «дать шанс» обидчику принести извинения... См. ниже. (Март 2001 — март 2005).²⁸

²⁵ Приведение ст. 7 ГК к виду полного совпадения со ст. 7 «Основ» произошло лишь несколько лет спустя (по Указу Президиума Верховного Совета РСФСР от 24 февраля 1987 г.).

²⁶ «Ответчиком по иску должен быть тот, кто распространил порочащие другого сведения...» (Научно-практический комментарий к Основам гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик. М.: Гос. издательство юридической литературы, 1962, с. 59).

²⁷ См. в томе 2 настоящей книги: раздел 9.8. Справка УКГБ ЛО «В отношении Алексеева А. Н.» от 12.03.84 приведена там же: раздел 8.2.

²⁸ Современным аналогом (и определенной модификацией!) соответствующих положений гражданского законодательства советского времени является ст. 152 ныне действующего Гражданского кодекса РФ, принятого Государственной Думой РФ в 1994–1995 гг. Эта статья называется: «**Защита чести, достоинства и деловой репутации**». Первые два пункта названной статьи гласят:

«1. Гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности.

По требованию заинтересованных лиц допускается защита чести и достоинства гражданина и после его смерти.

2. Если сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, распространены в средствах массовой информации, они должны быть опровергнуты в тех же средствах массовой информации.

Если указанные сведения содержатся в документе, исходящем от организации, такой документ подлежит замене или отзыву.

Порядок опровержения в иных случаях устанавливается судом...» (Цит. по: Сборник кодексов Российской Федерации. М.; Филинь, Новосибирск: Уникс, 1998, с. 160.

* * *

А. Алексеев — Президенту ССА, проф. Х. Момджяну
(октябрь 1985)²⁹

Уважаемый Хачик Нишанович!

Как Вам, вероятно, известно, в мае с. г. мною было направлено письмо в отдел науки и учебных заведений ЦК КПСС, где глазами очевидца и участника описывается ситуация отчетно-выборного собрания Ленинградского (Северо-Западного) отделения ССА 22.05.85. Письмо содержит ряд критических замечаний в адрес организаторов этого собрания. Аналогичные замечания два года назад мною высказывались в связи с отчетно-выборным собранием ЛО ССА 1983 г.

Из ЦК КПСС мое письмо было направлено в Управление кадров АН СССР, а оттуда — в Президиум правления Советской социологической ассоциации. На днях я получил копию подписанного Вами, как Президентом ССА, ответа в Управление кадров АН СССР (№ 14063-106, от 13.09.85).

Содержание этого документа таково, что требует от меня определенных действий в защиту своей чести и достоинства, предусмотренных ст. 7 Основ гражданского законодательства СССР.

Уже безотносительно к предмету наших разногласий, сколько же все-таки человек участвовало в выборах руководящих органов ЛО ССА в мае 1985 г. (я-то уверен, что не больше 75 чел.!), письмо за Вашей подписью содержит утверждения, мимо которых я пройти не могу. Это утверждения о том, что часть фактов **«сознательно искажена»** мною, ситуация на собрании **«намеренно искажается»**, форма проведения выборов изображается **«в совсем извращенном виде»**.

Такие сведения обо мне не соответствуют действительности и порочат мою честь и достоинство как гражданина. Поскольку передо мною копия документа, ушедшего из ССА в другие адреса (Управление кадров АН СССР, может быть — ЦК КПСС), факт распространения этих сведений не подлежит сомнению. Поэтому я вправе требовать **опровержения** указанных сведений по суду, и намерен сделать это.

Испытывая к Вам, Хачик Нишанович, безусловное уважение, как к специалисту и видному ученому, я надеюсь, что Ваше личное участие в этом ответе Управлению кадров АН СССР свелось к подписи. Предполагаю, что Вы, в качестве официального лица, опирались на информацию, исходящую от какого-то конкретного сотрудника аппарата ССА. И я полагал бы справедливым адресовать гражданский иск органу или лицу, являющемуся не номинальным, а **фактическим** распространителем ложной обо мне информации.

Желая избежать того, чтобы предъявлять свой иск лично Вам, Президенту ССА, прошу Вас, уточнив источник информации, сообщить, **на**

²⁹ Фрагмент этого письма приводился ранее в томе 2 настоящей книги: раздел 10.12. Здесь — письмо Президенту ССА целиком.

кого мне следует возлагать ответственность за вышеприведенные утверждения из подписанного Вами письма.

С уважением,
член ССА, кандидат философских наук А. Алексеев
8.10.85

* * *

А. Алексеев — Р. Рывкиной (октябрь 1985)³⁰

Дорогая Инна!

<...> Насчет Советской социологической ассоциации попробую сейчас реконструировать основные события последнего года. Думаю они будут интересны Тебе. <...>

[Здесь опущена хроника событий 1985 г., читателю уже известных: неправомочное отчетно-выборное собрание ЛО ССА 22 мая; письмо в ЦК КПСС; настойчивые, но неудачные попытки исключить автора из Советской социологической ассоциации. — А. А.]

...Осенью 1985 г., еще до моего обращения к Президенту ССА обстоятельства стали складываться для руководства Ленинградского отделения неблагоприятно. 11 октября председатель бюро ЛО ССА проф. Парыгин был экстренно вызван на заседание Президиума правления ССА для отчета о деятельности возглавляемого им отделения (этому предшествовала работа комиссии из Москвы в сентябре). Как стало известно, руководство Ленинградского отделения было подвергнуто там очень резкой критике, почти по всем аспектам его деятельности (председательствовал проф. Момджян, выступали Ж. Тощенко, С. Плотников и др.).

Председателю бюро ЛО ССА дан год на устранение всех имеющихся недостатков. (Говорят, проф. Парыгин был очень недоволен и жалуется, что на Президиуме ССА... не было кворума!).

По возвращении из Москвы, Б. Д. Парыгин не стал никого знакомить с текстом постановления Президиума, а, как мне сообщили, ограничился вольным пересказом его на заседании бюро отделения (25 октября).

На этом самом заседании планировалось и обсуждение моего персонального дела, уже трижды срывавшееся в течение этого года. Я в очередной раз «отклонил» посланное мне приглашение.

Уже решились было обсуждать без меня. Но... не вышло, ввиду очередного отсутствия кворума на бюро (явились 7 членов бюро из 19). Ну, совсем я «развалил» если не ассоциацию, то уж бюро, во всяком случае!..

(Замечу в скобках, что кворума на заседаниях бюро ЛО ССА отродясь не бывало. Обычно это компенсировалось приглашением председателей секций — не членов бюро, что было предпринято и нынче. Однако решать **мой** вопрос — при отсутствии формального кворума — не рискнули).

³⁰ Материалы предшествующей личной переписки с Розалиной Владимировной Рывкиной 1985 г. см. в томе 2: раздел 10.12.

На этом события обрываются...

Что ответит Президент ССА на мое письмо от 9 октября, с одной стороны, и когда бюро ЛО ССА (напоминаю, «избранное» неправомочным собранием в мае с.г.) сумеет собрать кворум для рассмотрения персонального дела, с другой, — предоставляю твоим догадкам.

По ходу всей этой истории я получил немало противоречивых советов, самых доброжелательных, от людей вполне симпатичных.

Среди этих советов были:

— и мое обращение с «просьбой» о выходе из ССА, ввиду... состоявшегося «отрыва» от профессиональной социологической работы;

— и выступление на заседании бюро адвокатом самому себе (объяснить проф. Парыгину и др., какой я выдающийся ученый и необходимый советской социологии человек).

И даже такая «рекомендация»:

— закатить обвинительную речь в адрес руководителей ассоциации и самому выйти из ССА, чуть ли не по принципиальным соображениям.

Интересна позиция активистов секции заводских социологов ЛО ССА (членом которой я пока состою). Руководство ЛО ССА отказало этой секции в праве предварительно рассмотреть мое персональное дело сначала на ее собственном заседании (что было бы естественно). Тем не менее, по данному вопросу в секции велись заочные (без меня) дебаты.

Сходятся вроде на том, что я хоть и «подвижник», но «слишком далеко зашел».

<...> Возвращаясь к старой, доброй традиции «Писем Любимым женщинам», я реконструировал сейчас всю историю своих взаимоотношений с Советской социологической ассоциацией — не только для Тебя, но и для себя. Этакий «протокол наблюдающего участия»...

<...> В обыденном сознании Заяц и Волк из известного мультика едва ли не равноправны по симпатиям зрителей. Можно сказать, что Волк «травит» Зайца. А с другой стороны — **как же «не везет» Волку с этим Зайцем!**.. Волк тоже заслуживает сочувствия. А Ты как думаешь?

Твой Андр. Ал., 27.10.85

Ремарка: специалист по «социально-психологическому климату» (проф. Парыгин).

Из упоминавшегося выше постановления Президиума правления ССА «Итоги работы Северо-Западного отделения ССА 1984-1985 гг.», от 11.10.85:

«...В бюро отделения не создано благоприятного социально-психологического климата, возникающие конфликты, в том числе и на заседаниях бюро отделения, не способствуют его эффективной работе.

...5. Руководству отделения принять решительные меры по улучшению морально-психологического климата в бюро и отделении в целом».

Стоит напомнить, что главным предметом научных интересов председателя бюро ЛО ССА, проф. Парыгина и раньше, и тогда был как раз... «социально-психологический климат коллектива».

Но вернемся к переписке социолога-испытателя с Президентом Советской социологической ассоциации (Март 2001 — март 2005).

* * *

**А. Алексеев — Президенту ССА, проф. Х. Момджяну
(декабрь 1985)³¹**

Уважаемый Хачик Нишанович!

Как мне сообщил мой коллега к. ф. н. А. Н. Ющенко³², имевший с Вами телефонную беседу 4 декабря, мое письмо от 8.10.85 получено Вами. Не сомневаюсь, что <...> коллега адекватно передал Вам мое недоумение по поводу отсутствия ответа на мое письмо, равно как и мне — Вашу озабоченность сложившейся затруднительной для всех ситуаций.

В самом деле. Я не могу оставить без внимания порочащее меня обвинение в клевете в связи с моим критическим сигналом в отдел науки и учебных заведений ЦК КПСС по поводу отчетно-выборного собрания ЛО ССА 22.05.85. Обвинение — содержащееся в официальном документе от 13.09.85, вышедшем из ССА за Вашей подписью и поступившем в другие адреса.

С другой стороны, понимаю и Ваше затруднение — человека, подписывающего в день, возможно, десятки документов и вынужденного полагаться на добросовестность своих сотрудников.

Поверьте, Хачик Нишанович, я так же не заинтересован выступать в народном суде истцом (тем более — против Вас!), как Вы, наверное, ответчиком. Но отсутствие определенности в этом вопросе для меня далее нетерпимо.

Ваша, угадываемая из беседы с моим коллегой, озабоченность нынешним положением дел в Ленинградском отделении ССА в целом обнадеживает, ведь положение действительно неблагоприятное. Отрадно, что Президиум правления ССА намерен принимать серьезные меры.

<...> Чем могу, я готов способствовать оздоровлению обстановки в ЛО ССА, и мое майское [1985 г. — А. А.] письмо <...> в ЦК КПСС имело именно эту цель.

Но сейчас речь идет о другом. Как снять ситуацию, при которой мы с Вами — Президент ССА и ее рядовой член — оказываемся в положении потенциальных ответчика и истца по гражданскому иску в народном суде?

Откладывать решение этого вопроса до прояснения общего положения дел в руководстве ЛО ССА я не могу, поскольку, как Вы, возможно,

³¹ Текст письма публикуется с небольшими сокращениями.

³² Мой друг Александр Николаевич Ющенко взял на себя посредническую функцию в диалоге социолога-испытателя с Президентом ССА. Об А. Ю. см. в томе 1 настоящей книги: раздел 1.3; в томе 2: раздел 10.9.

знаете, я вынужден сейчас защищать свою честь коммуниста и ученого уже и вне прямой связи с этими обстоятельствами. <...>

[Здесь опущена содержавшаяся в письме информация о факте исключения автора из партии и о его позиции в данном вопросе. — А. А.]

Мое предложение, если угодно, просьба к Вам, — самое скромное. В случае гражданского иска в защиту чести и достоинства, суд, не получивший необходимых доказательств в пользу справедливости утверждений в мой адрес, содержащихся в подписанном Вами письме от 13.09.85, не потребует ничего другого, как денонсирования (опровержения) этих утверждений в соответствующем новом документе, отправленном в те же адреса («...документ подлежит замене», — гласит ст. 7 Основ ГЗ СССР).³³

Если руководство ССА в Вашем лице, Хачик Нишанович, сочтет возможным поступить таким образом, **не дожидаясь судебного разбирательства**, то оснований выставлять иск у меня не будет (чему я мог бы только радоваться!).

Разумеется, я должен быть информирован об этом. То есть — получить копию нового документа, что мог бы рассматривать и как форму приносимых извинений, которой удовлетворюсь.

Отправляя это письмо Вам сегодня, 6 декабря, я через неделю постараюсь связаться с Вами по телефону, имея в виду выяснить Ваше отношение к моему предложению. Думаю, что оно снимает напряженность ситуации и открывает пути к нашему сотрудничеству <...>.

С уважением,
член ССА, к. ф. н. А. Алексеев
6.12.85

* * *

Из «Записей для памяти» (январь 1986)

<...> В середине декабря я несколько дней работал во вторую смену и имел возможность сам дозвониться до проф. Момджяна в дневное время. Звонил сначала на работу (безуспешно), потом домой (будучи заверен А. Ю. [А. Н. Ющенко. — А. А.], что это «удобно»).

Наш телефонный разговор с Президентом ССА состоялся 16 декабря (понедельник).

Проф. Момджян вновь говорил о своих затруднениях с ответом на мое письмо (письма). Мое намерение обратиться в суд с гражданским иском в защиту чести и достоинства воспринимается им, похоже, как нечто слишком эксцентричное.

³³ Здесь неточность в обозначении Закона. Правильно: «Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик».

Как уже отмечалось, правовая норма, предписывающая **замену** исходящего от организации документа в случае, если этот документ содержит не соответствующие действительности, порочащие честь и достоинство гражданина сведения, была введена незадолго до этого (1981).

Интересно, что в течение ряда лет указанная правовая норма фигурировала **только** в «Основных». В Гражданский кодекс РСФСР (в ст. 7) она была включена (в дословной формулировке «Основ») Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 24 февраля 1987 г.

При этом, как выяснилось, проф. Момджян, получив оба мои письма, тем не менее, полагал, что «доказывать» (мне или ему) придется — сколько же человек присутствовало на майском отчетно-выборном собрании ЛО ССА.

Я объяснил Президенту устно (как раньше объяснял письменно), что речь сейчас уже не об этом, а о том, что я будто бы **намеренно** исказил факты в своем письме в отдел науки и учебных заведений ЦК КПСС, т. е. что в ответе за подписью проф. Момджяна в Управление кадров АН СССР я по существу обвиняюсь в **клевете**.

Эта не соответствующая действительности, порочащая меня информация **получила распространение** (письмо Президента ССА от 13.09.85), и **именно она** (эта информация) **подлежит теперь опровержению по суду**. Чего, впрочем, можно избежать путем, указанным в моем декабрьском [1985 г. — А. А.] письме Президенту ССА.

Тогда проф. Момджян перевел разговор как бы в личный план. Он сказал, что наслышан обо мне, как о «дельном», «интересном» человеке, оказавшемся «в трудном положении» (исключение из партии; об этом, впрочем, я и сам информировал Президента ССА — в своем втором письме).

Он, проф. Момджян, даже хотел бы мне помочь (я поблагодарил). Моей главной задачей, по его мнению, является сейчас восстановление в партии, и мне, как он считает, не следует «отвлекаться».

Я пояснил своему собеседнику, что вопрос о восстановлении в партии, действительно, является для меня главным, но этим не снимается предмет нашего с ним разговора.

Наконец, проф. Момджян выразил готовность принести мне извинения специальным письмом на бланке ССА, адресованным на мое имя. Мое предложение, чтобы его извинение (соответствующая поправка!) были адресованы им не мне, а в Управление кадров АН СССР (мне же — копия), было решительно отвергнуто.

(«Если я еще и туда буду писать, меня сочтут за сумасшедшего!» — воскликнул он)...

Ремарка: «...сочтут за сумасшедшего...».

Вот, характерный аргумент и «крик души» здравомыслящего человека! Можно понять Хачика Нишановича. Естественный — с нравственной точки зрения, и безупречный — с правовой, поступок выглядит «безумием» — в данной ситуации.

Еще спасибо, что «сумасшедшим» тогда не был объявлен сам социолог-испытатель! (Март 2001).

...Тогда я сказал, что вынужден буду сам переслать это его письмо в Управление кадров АН СССР, что как будто не вызвало возражений у моего собеседника.

Проф. Момджян обещал отправить свои извинения мне — **в тот же день**, 16 декабря. Хотя и не вполне удовлетворенный этим обещанием **личного** извинения по поводу **публичной** диффамации, я сказал, что буду ждать его письма.

...В течение истекших со времени нашей беседы двух недель я никакого письма от Президента ССА не получил.

2 января А. Ю. [А. Н. Ющенко. — А. А.], по моей просьбе, вновь позвонил проф. Х. Н. Момджяну в Москву. Из этого разговора А. Ю. сделал вывод, что профессор Момджян и не собирался отправлять мне обещанных извинений. «Если надо, я пошлю», — заметил Президент ССА, отвечая на вопрос, отправлено ли им письмо мне.

А. Ю. действовал строго в рамках моего поручения и ограничился установлением факта, что письмо мне **так и не отправлено** (никак это обстоятельство не комментируя).

Еще проф. Момджян вновь и вновь выражал заботу о восстановлении меня в партии, полагая все остальное (в том числе и собственное письменное извинение передо мной) делом третьестепенным.

А. Ю. спросил Хачика Нишановича, известно ли ему, что на 10 января в Ленинграде в очередной раз назначено (ранее так и не состоявшееся) обсуждение персонального дела члена ССА А. на бюро ЛО ССА, с предполагаемым исключением его (меня) из Советской социологической ассоциации.

Проф. Момджян проявил неосведомленность и выразил недовольство: «Это еще зачем? Кому это надо?»

А. Ю. сказал, что, вероятно, это «надо» председателю бюро ЛО ССА проф. Парыгину. Тогда Президент ССА сказал А. Ю., что позвонит Парыгину в Ленинград, чтобы отменить это мероприятие.

Мой коллега принял эту информацию к сведению и передал мне содержание своего телефонного разговора с Президентом ССА. <...>
(Записано 4.01.86)

13.8. Заседание бюро ЛО ССА и вокруг него

Ремарка: два протокола.

Ранее, в томе 2 настоящей книги (раздел 10.13) приводилась пространная выписка из официального протокола того самого заседания бюро ЛО ССА от 10 января 1986 г., где, наконец, состоялось исключение автора из ассоциации.

Стоит отметить, что с этим протоколом мне, как заинтересованному лицу, довелось ознакомиться лишь десять месяцев спустя, в материалах дела Севастопольского народного суда г. Москвы (ноябрь 1986).

А вот — информация о том же заседании, собранная социологом-испытателем «по горячим следам», из неофициальных источников. Надо сказать, расхождений между официальным и неофициальным («заочным») протоколами почти нет. Последний, пожалуй, полнее... См. ниже. (Март 2001).

Из «Записей для памяти» (январь 1986)

<...> Как мне стало известно, после звонка А. Ю. в Москву Президенту ССА, в тот же день (2 января) в Ленинград звонил ученый секретарь ССА В. Боровик и, как будто, выражал обеспокоенность «контактами» рядовых членов ССА с Президентом.

<...> На заседание бюро ЛО ССА 10 января я являться не стал. Каких-либо дополнительных напоминаний, телефонных звонков мне на этот счет в январе не было.

На сегодня, 24 января, я располагаю информацией, что же там происходило, пока из двух источников (оба — неофициальные). Из обоих известно, что заседанию предшествовали активные консультации председателя ЛО ССА проф. Парыгина с соответствующим отделом (науки? пропаганды и агитации?) обкома КПСС.

Известно также, что члены бюро ЛО ССА извещались о заседании не только секретарем и председателем, но и инструктором обкома (!).

Кворум на заседании бюро на этот раз был **обеспечен**. Присутствовали из членов бюро: <...> [*здесь перечисление опущено. — А. А.*], т. е. 14 чел.

В составе бюро также числится инструктор горкома КПСС (кажется) тов. Харин. Может, это и был тот, кого мой информант не знает в лицо?

Отсутствовали, как мне достоверно известно, члены бюро: Ядов, Хмара, Манько, Яковлев.

На заседании, где моему вопросу предшествовали другие, присутствовал также докладчик по предыдущему пункту повестки дня Синов (заводской социолог), а также специально приглашенный председатель секции заводских социологов Б. Максимов. Эти двое могли участвовать только в обсуждении, но не в голосовании.

Перед рассмотрением персонального дела, около 18 час., сделали небольшой перерыв — вдруг я «подойду»? Никакой информации, собираюсь ли я прийти, у ученого секретаря ЛО ССА Г. Румянцевой не было.

Кто-то спросил, есть ли от меня документ, «разрешающий» рассматривать дело без меня. В качестве такового позволения было истолковано мое письмо Г. Румянцевой еще от 22.10.85 («отклонение приглашения» по причинам, изложенным в письме).³⁴

Стало быть, «можно рассматривать» и заочно, **в мое отсутствие**. Докладывал председатель комиссии по моему персональному делу Ю. Гревцов. По-видимому, он изложил еще апрельскую (1985 г.) справку комиссии.³⁵

По свидетельству человека, рассказывавшего мне об этом заседании³⁶, упоминались: «несанкционированное исследование» (анкета — «чтобы получить отрицательные оценки»); «нарушение режима пользова-

³⁴ Мотивы отказа от явки на заседание бюро тогда были те же, что указаны в более раннем письме, от июня 1985 г., приводившемся выше.

³⁵ Текст этой справки см. в томе 4 настоящей книги: глава 22.

³⁶ Это был Борис Иванович Максимов.

ния документами ДСП», в частности, изъятые у меня «Тетради по БАМу»; в так называемых «Письмах любимым женщинам» — «недоброжелательство, цинизм, антисоветизм»; «антисоветская литература»!..

Выступление Гревцова дополнил А. Воронцов (тоже член комиссии). Тот подчеркнул, что заключение комиссии — исключить А. из рядов ССА — является единодушным.

Про «Письма Любимым женщинам» сообщалось, что они распространялись мною в 50 экземплярах (так трансформировались, по-видимому, 5 закладок в машинке).

(Рассказывавший мне было усомнился в своей записи — 50 экз., может быть, имелись в виду 50 чел.? Так и это ничего общего с действительностью не имеет...).

Выступали: А. Пашков, В. Лисовский, Н. Мирошниченко (он является третьим членом комиссии), И. Сигов, В. Ельмеев, Б. Максимов (последовательность выступлений была какая-то иная). Парыгин сам не высказывался, только вел заседание.

Н. Мирошниченко говорил что-то вроде: «нельзя согласиться и понять» (мои письма-дневники, с которыми он и остальные члены комиссии знакомились, как будто, в горько-КПСС). Еще он упомянул, что какие-то лица разговаривали с ним про меня (имелись в виду, пожалуй, Б. Максимов и О. Божков), «но так и не представили никаких документальных свидетельств» (в мою пользу).

А. Пашков (директор НИИКСИ при ЛГУ) заявил, что как юрист, может засвидетельствовать, что со мной «гуманно обошлись». За «антисоветские произведения» могли бы и судить (это в порядке комментария к оценкам, высказывавшимся Гревцовым и Воронцовым).

В. Лисовский строил предположения о мотивах моих действий. (Мы ведь с ним знакомы еще с начала 60-х). В. Л. что-то слышал о моем переходе из журналистов в вальцовщики в 1961 г., но сказал: «в арматурщики» (перепутав, вероятно, с применявшимся мною краткосрочным включенным наблюдением в исследовании сельской молодежи в начале 70-х, о чем, кажется, в 1972 г. была моя публикация в журнале «Знание-сила»). Вообще В. Л. представил это как некую линию поведения — «хождение в народ» (что выглядело в его трактовке как нечто сомнительное и подозрительное, если не предосудительное). <...>

Кто-то еще сказал, что «хождение в народ» у А. — продуманная, **вредная** (!) акция.

(От кого же я уже слышал это выражение «хождение в народ» на свой счет? Ах да, от своего бывшего знакомого, зам. гл. редактора «Невы» и ведущего в Ленинграде специалиста по контрпропаганде Евгения Вистунова...).

И. Сигов тоже делился «воспоминаниями». Мол, он когда-то мне предлагал некое плановое задание, а я ему, директору института, будто бы заявил, что мне для выполнения этого задания понадобилась бы целая лаборатория.

В. Ельмеев (зав. кафедрой прикладной социологии ЛГУ) своими вопросами и репликами все искал моей связи с «диссидентами», «заграницей» и т. п. Клеймил мое «неприятие социализма» (так он усматривает), хотя «и в социализме есть недостатки» (как он считает).

(За точность передачи всех этих высказываний, полученных мною из вторых рук, разумеется, не ручаюсь. Но в настоящем пересказе мои оппоненты не выпадают из своих образов).³⁷

В диссонанс выступил руководитель секции заводских социологов Б. Максимов. Призывая к «внимательному рассмотрению», подчеркивая «ответственность решения», которое предстоит принять бюро ЛО ССА (сам он членом бюро, напомним, не является), Б. М. говорил, кажется, не только обо мне, но и о «социологическом направлении», которое я представляю и даже «открыл» (экспериментальная социология...). Здесь, по его словам, «неизбежен риск».

Б. М. еще говорил, что я «личность незаурядная», мои результаты «очень ценны».³⁸

Его сбивали репликами, все выступление Б.М. проходило в атмосфере общего недоброжелательства, своего рода обструкции. Член бюро С. И. как будто вступилась, чтобы «дали человеку сказать»...

Однако «отпора» Б. Максиму не последовало (хоть он выступал и не последним), пожалуй, ввиду очевидности расстановки сил (не в его пользу).

За исключение Алексева А. Н. из членов Советской социологической ассоциации присутствующие члены бюро ЛО ССА проголосовали **единогласно**.

<...> Несколько дней спустя из бюро ЛО ССА в Президиум правления ССА ушло письмо на имя Президента ССА Х. Момджяна, информирующее об исключении А. из членов ассоциации, с формулировкой (за что исключен) и с просьбой к Президиуму утвердить это решение и обнародовать его в журнале «Социологические исследования».³⁹

<...> Неделью спустя (кажется, 22 января) в Институте социально-экономических проблем АН СССР состоялось очередное партийное собрание, на котором директор института И. Сигов рассказал о состоявшемся решении бюро ЛО ССА относительно А., а также о том, что бывший сотрудник ИСЭПа Б. Максимов⁴⁰ пытался оправдать или выгородить «антисоветчика».

³⁷ Например, проф. Ельмеев и проф. Парыгин, «не выпадают из своих образов» и по сей день. Что касается В. Лисовского, то он, на одном из научных мероприятий в конце 2000 г., по своей инициативе, публично выразил искреннее сожаление о случившемся 15 лет назад, принес мне извинения и разрешил обнародовать их в этой книге. «Пусть уж будет все как было», — сказал он. (См. в томе 2 настоящей книги: раздел 10.13). Разумеется, я принял тогда эти извинения. А полтора года спустя Владимира Тимофеевича не стало. Светлая ему память! (А. А., май 2003).

³⁸ Протокольную запись выступления Б. Максимова на заседании бюро СЗО (ЛО) ССА 10.01.86 см. в томе 2 настоящей книги: раздел 10.13.

³⁹ Аутентичный текст решения бюро СЗО (ЛО) ССА от 10.01.86 см. в томе 2: раздел 10.13.

⁴⁰ Б. И. Максимов в то время уже работал инженером отдела НОТ и управления на «Ленполиграфмаше».

<...> Как мне стало известно, в течение последних двух недель (после 10 января) Б. Максимов столкнулся с резко изменившимся к нему отношением со стороны директора НИИКСИ проф. Пашкова: Б. М. до этого обсуждал с ним возможность подачи заявления на конкурс в НИИКСИ, и это встречалось доброжелательно, теперь — негативно; а также — со стороны обкома КПСС и руководства ЛО ССА: в связи с планировавшимся возглавляемой им секцией заводских социологов на 24 января «Круглым столом» на тему, кажется, о роли заводских социологических служб в интенсификации человеческого фактора на производстве и т. п.

Последнее выразилось в «тормозящих» звонках директору Дома научно-технической пропаганды (в помещении которого должно было происходить это мероприятие), затем — в придирчивом контроле программы «Круглого стола», затем — в переносе срока; и, наконец, зам. пред. бюро ЛОССА Н. Мирошниченко сказал Б. М., что, «во избежание политических ошибок», организация этого мероприятия теперь поручена ему, т. е. Н. М.

(Нужно еще заметить, что в день того «исторического» заседания — 10 января — Б. Максимов находился на бюллетене и вполне мог не являться на бюро ЛО ССА. Однако свою явку и выступление там Б. М. считал, как можно понять, своим профессиональным, гражданским или нравственным долгом).

<...> 27 января (понедельник) я позвонил по служебному телефону ученому секретарю ЛО ССА Г. Румянцевой и поинтересовался, предполагается ли официально информировать меня о состоявшемся 10 января решении по персональному делу А. (до сих пор я располагал только неофициальной информацией).

Г. Р. сказала, что да, мне будет официально сообщено, и пообещала на этой неделе выслать (или передать) мне соответствующий документ. Я выразил желание также ознакомиться с протоколом обсуждения данного вопроса. Та обещала проконсультироваться на этот счет с председателем бюро ЛО ССА проф. Парыгиным.

Как мне стало известно вечером того же дня, проф. Парыгин отложил решение вопроса об информировании меня и т. п. — до консультаций с обкомом КПСС.

(Записано в конце января 1986 г.)

* * *

[Ниже — извлечения из переписки автора с руководством ССА (ноябрь-декабрь 1986). — А. А.]

А. Алексеев — в Президиум правления ССА (ноябрь 1986)

При ознакомлении с материалами гражданского дела по моему иску о защите чести и достоинства к секретариату ССА в Севастопольском районном суде г. Москвы, я впервые имел случай получить официальную информацию о результатах рассмотрения персонального дела члена ССА Алексеева на заседании бюро ЛО ССА 10 января 1986 г.

Считаю ненормальным, что руководство ЛО ССА не сочло необходимым ранее информировать меня о решении бюро, имеющем ко мне самое прямое отношение.

Кроме того, в судебном заседании под председательством судьи Л.А. Михайловой 4 ноября 1986 г. главным ученым секретарем ССА В.С. Боровиком было сделано заявление о том, что Президиум правления ССА утвердил решение бюро ЛО ССА об исключении меня из членов ассоциации. Об этом я также узнаю впервые и полагаю, что руководство ССА должно было бы меня информировать.

С учетом сказанного, прошу срочно выслать мне выписку из протокола заседания Президиума правления ССА АН СССР, на котором состоялось утверждение упомянутого решения бюро Ленинградского отделения ССА от января 1986 г.

А. Алексеев, 12.11.86.

* * *

Из Секретариата ССА — А. Алексееву (декабрь 1986)

Тов. Алексеев!

Высылаем Вам выписку из протокола заседания бюро Президиума правления ССА от 30.06.86.

При этом сообщаем, что в Севастопольском народном суде г. Москвы главный ученый секретарь ССА В. С. Боровик по этому поводу сказал следующее: «На заседании бюро Президиума ССА было рекомендовано утвердить решение ЛО ССА».

Но, поскольку заседаний Президиума ССА в течение 1986 г. не было в связи с проведением пленумов ССА, то этот вопрос, очевидно, будет решен на очередном заседании Президиума в январе-феврале 1987 г.

Консультант правления ССА АН СССР Полянская М. Б., 12.12.86

* * *

Выписка из протокола заседания бюро Президиума правления ССА 30.06.86

Присутствовали: проф. Х. Н. Момджян, В. С. Боровик <...>.

[Остальные фамилии здесь опущены, поскольку, как выяснилось позднее, не все перечисленные в документе лица действительно присутствовали на этом заседании. — А. А.]

Слушали: информацию из Ленинградского отделения ССА по персональному делу члена ССА, к. ф. н. Алексеева А. Н.

Постановили: рекомендовать Президиуму ССА утвердить решение Ленинградского отделения ССА по персональному делу <...> Алексеева А. Н.

Копия верна. Консультант ССА АН СССР Полянская М. Б.

Ремарка: «Не успели...»

Похоже, что утверждение указанного решения бюро ЛО ССА Президиумом правления ССА так и не состоялось, поскольку в ноябре 1986 г., на

плenumе Советской социологической ассоциации произошло **полное обновление** высшего руководства ССА (см. об этом ниже).

Иначе говоря, социолога-испытателя **не успели** окончательно исключить из членов ассоциации. (Март 2001).

13.9. Иск в защиту чести и достоинства и его «продвижение»

[Как читатель уже понял из сказанного выше, иск социолога-испытателя к Советской социологической ассоциации был-таки предъявлен и слушание этого дела в суде состоялось (ноябрь 1986).

Ниже проследим эту сюжетную линию, начавшуюся еще в 1985 году (с переписки с Президентом ССА, н роф. Х. Момджяном). — А. А.]

Из материалов судебного дела (1986)

В Народный суд Севастопольского района г. Москвы

от Алексеева Андрея Николаевича, проживающего по адресу: <...>

По иску к: секретариату Советской социологической ассоциации АН СССР.

Исковое заявление

26 мая 1985 г. мною в адрес заведующего отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС В. А. Медведева было направлено письмо, содержащее информацию о том, что на отчетно-выборном собрании Северо-Западного (Ленинградского) отделения Советской социологической ассоциации (ССА) 22 мая 1985 г. выборы руководящих органов отделения происходили при отсутствии кворума: в выборах принимали участие не более 75 чел. (присутствовавших в зале) при общем количестве индивидуальных членов ССА (на тот период) — 215. Таким образом, выборы по существу были недействительными.

Как мне было сообщено некоторое время спустя из Управления кадров АН СССР, это мое письмо было направлено из ЦК КПСС в Академию наук СССР, а руководство Академии наук направило его на рассмотрение руководству ССА.

В сентябре 1985 г. из секретариата ССА в адрес начальника Управления кадров АН СССР Г. А. Цыпкина был направлен документ «О рассмотрении письма члена ССА тов. Алексеева А. Н.» от 13.09.85, за подписью Президента ССА Х. Н. Момджяна. Копия этого документа адресовалась мне.

В упомянутом документе опровергается сообщенная мною информация (в которой я по-прежнему уверен) и утверждается, что часть фактов, изложенных в моем письме, **«сознательно искажена автором письма»**.⁴¹ Документ, вышедший из секретариата ССА, содержит также следующие утверждения: **«тов. Алексеев намеренно искажает ситуацию на собрании к моменту выборов»**; **«совсем в извращенном виде изображается Алексеевым А. Н. сама форма проведения выборов»**. Такие утверждения обо мне являются не

⁴¹ Здесь и далее выделено мною сегодня.

соответствующими действительности и порочат мою честь и достоинство, поскольку по существу содержат обвинение в клевете.

На основании изложенного, руководствуясь ст. 7 Основ гражданского законодательства СССР, **прошу:**

1) Истребовать из Управления кадров АН СССР (Москва, 117901, Ленинский пр., 14) копию документа «О рассмотрении письма члена ССА тов. Алексеева А. Н.» от 13.09.85 (исх. № ССА 14063-106).

2) Обязать ответчика — секретариат ССА АН СССР заменить вышеуказанный документ другим, из которого будут исключены не соответствующие действительности и порочащие меня сведения.

А. Алексеев, 3.06.86

* * *

[Ниже — извлечения из переписки социолога-испытателя с московскими правоохранительными органами. — А. А.]

**А. Алексеев — в Севастопольский народный суд г. Москвы
(июль 1986)**

<...> Согласно уведомлению о вручении почтового отправления, мое исковое заявление от 3.06.86 было получено народным судом 10 июня 1986 г.

К настоящему времени, по прошествии более полутора месяцев, я не имею из Севастопольского народного суда гор. Москвы никакой информации о том, принято ли мое исковое заявление, какое движение ему дано. Полагаю такое положение ненормальным и жду информации о соответствующих действиях народного судьи. <...>

А. Алексеев, 28.07.86

* * *

А. Алексеев — прокурору г. Москвы (сентябрь 1986)

<...> 28 июля с.г., не получив никакой информации о движении своего искового заявления <...>, я послал в Севастопольский народный суд гор. Москвы напоминание, а копию этого напоминания — в Московский городской суд. И на это обращение также до сих пор не имею ответа.

Прошу прокуратуру гор. Москвы вмешаться в эту ненормальную ситуацию и обеспечить действия народного судьи, соответствующие Закону. <...>

А. Алексеев, 1.09.86

* * *

**И. о. прокурора Севастопольского района г. Москвы Н. Могиленец —
председателю Севастопольского районного суда Г. Карцеву;
копия — А. Алексееву (сентябрь 1986)**

<...> В производстве Севастопольского районного народного суда гор. Москвы с июня 1986 г. находится исковое заявление гр. Алексеева А. Н. к секретариату Советской социологической ассоциации АН СССР о защите чести и достоинства, которое до сих пор не рассмотрено.

Принимая во внимание, что рассмотрение дела приняло затяжной характер, прошу предпринять конкретные меры к скорейшему рассмотрению дела. <...>

Н. М. Могиленец, 22.09.86

* * *

Зам. начальника отдела юстиции Мосгорисполкома В. Рябов
— А. Алексееву (октябрь 1986)

<...> Сообщаю Вам, что Ваш иск о защите чести и достоинства в порядке ст. 7 ГК РСФСР принят к производству народным судьей Севастопольского райнарсуда г. Москвы Михайловой Л. А. и назначен к слушанию на 04.11.86 в 11 час. <...>

В. А. Рябов, 29.10.86

Ремарка: что нужно, чтобы «процесс пошел»...

Как видно, для того, чтобы иск о защите чести и достоинства гражданина в адрес организации был принят к производству судом, истцу понадобилось проявить определенную настойчивость. (Март 2001).

13.10. Судебный процесс и вокруг него

13.10.1. «Апеллирую к живым свидетелям, не заинтересованным в сокрытии правды...»

[До сих пор социолог-испытатель избегал обращаться к товарищам, коллегам за помощью, которая, как ему казалось, могла поставить их под удар. Но вот общественная ситуация как будто начала меняться (позади уже XXVII съезд КПСС). И предмет обращения — частный и вроде вполне «невинный»: всего лишь за свидетельскими показаниями по гражданскому делу... — А. А.]

Открытое письмо ленинградским социологам (1) (октябрь 1986)

Уважаемые коллеги!

Адресуюсь только к тем, кто присутствовал на последнем отчетно-выборном собрании Ленинградского отделения ССА 22 мая 1985 г.

Как вам известно, мною выставлен иск в защиту своей чести и достоинства к секретариату ССА. С исковым заявлением от 3.06.86, равно как и с другими материалами, имеющими отношение к делу, вы можете ознакомиться в прилагаемой подборке документов.

4 ноября с. г. гражданское дело будет слушаться в Севастопольском районном народном суде гор. Москвы. Я вызван на судебное заседание в качестве истца. Ответчик — секретариат ССА.

Непосредственным предметом иска являются порочащие мою честь и достоинство утверждения, содержащиеся в документе секретариата

ССА от 13.09.85. Под этим документом стоит подпись Президента ССА Х. Н. Момджяна. Однако его фактическими составителями, как выяснилось, являются известные вам председатель бюро ЛО ССА Б. Д. Парыгин и главный ученый секретарь ССА В. С. Боровик.

Все мои усилия получить от руководства ССА извинения **без судебного разбирательства** (см. прилагаемую переписку с Х. Н. Момджяном) не увенчались успехом.

Согласно духу и букве Закона, **в случае гражданского иска в защиту чести и достоинства не истец должен опровергать утверждения ответчика, а ответчик должен доказывать свои утверждения**. В частности, составители документа должны доказать свое утверждение о том, что ситуация на собрании ЛО ССА 1985 г. «сознательно, намеренно искажена автором» в письме, адресованном в ЦК КПСС.

Иск выставлен по поводу приписывания мне именно умышленного искажения фактов. (В праве оспаривать сообщенную мною информацию я секретариату ССА, разумеется, не отказываю)...

Ремарка: различие между намеренным и неумышленным искажением фактов.

Здесь — момент, важный для понимания!

В нашем обществе, при недостатке правовой культуры (чтобы не сказать — при правовой безграмотности) подавляющее большинство граждан не различает клевету (заведомое, намеренное искажение фактов) и добросовестное заблуждение (когда факты искажены неумышленно).

Составители документа ССА «погорячились»: обвинили автора в сознательном искажении фактов, в сущности — в клевете на организаторов собрания. При большей предусмотрительности, они могли бы написать: «автор заблуждается или ошибается...».

В таком случае иск в защиту чести и достоинства был бы исключен, поскольку указание на добросовестное заблуждение, понятно, не является «порочащими честь и достоинство гражданина сведениями». (Март 2001 — март 2005).

...Строго говоря, суд должен заниматься только собственным предметом иска (защита чести и достоинства). Однако вполне вероятно, что суд захочет прояснить также реальную ситуацию собрания 22 мая 1985 г.

Ответчик, конечно, будет апеллировать к протоколу, который, как мне хорошо известно, «откорректирован» заинтересованными лицами. Я же могу апеллировать лишь к живым свидетелям и участникам этого события уже полуторагодовой давности, не заинтересованным в сокрытии правды.

Поэтому прошу каждого, **кто сочтет это возможным** [выделено мною сегодня. — А. А.], письменно засвидетельствовать:

— верно ли отражена в моем письме в адрес ЦК КПСС ситуация собрания ЛО ССА (в частности, заключительная часть собрания — выборы);

— особенно важны ваши показания о том, сколько примерно человек находилось в зале к моменту голосования.

Понимаю, никто специально не считал, кроме меня (я же насчитал 75 чел., находившихся в зале). Для надежности свидетельства переформулирую вопрос:

— Присутствовало ли к концу собрания **больше** или **меньше** (заведомо, заметно больше или заведомо, заметно меньше) участников, чем в начале?

Дело в том, что в документе секретариата ССА, со ссылкой на протокол, утверждается, что «на момент начала собрания присутствовало 110 человек». То есть, как будто, был кворум (в ЛО ССА тогда состояло 215 индивидуальных членов). Если же к концу собрания участников стало меньше, то кворум, понятно, исчез. А стало быть — выборы, вопреки утверждению тт. Парыгина и Боровика, были недействительными.

Письменное свидетельство должно иметь вид «справки», адресуемой в Севастопольский районный народный суд гор. Москвы. Заверять справку нигде не надо. Достаточно подписи и домашнего адреса.

Я намерен воспользоваться этими свидетельствами лишь в случае, если суд переакцентирует разбирательство с вопроса об оскорблении чести и достоинства — на вопрос о достоверности фактов, изложенных в моем письме в ЦК КПСС.

А. Алексеев, 24.10.86

* * *

От автора — сегодня

В чем отличие гражданского иска от уголовного преследования?

Попробуем разобраться. Для чего воспользуемся авторитетными юридическими разъяснениями, к которым социолог-испытатель обратился 20 лет назад и которые, надо признать, вовсе не утратили силы и по сей день.

Начнем с Комментария к Уголовному кодексу РСФСР (1984).

«...Клевета, то есть распространение заведомо ложных позорящих другое лицо измышлений...» (аутентичная формулировка ст. 130 УК РСФСР. — А. А.).⁴²

К ст. 130 УК (Клевета):

«1. Уголовная ответственность за клевету и оскорбление представляет собой одну из гарантий права на судебную защиту от посягательств на честь и достоинство граждан, закрепленную ст. 57 Конституции СССР.

2. Под распространением измышлений понимается сообщение сведений, фактов, якобы имевших место, хотя бы одному лицу. (Здесь и далее выделено мною. — А. А.). Сообщение может быть сделано в устной или письменной форме (например, заявлении, в том числе и анонимном письме).

⁴² В Уголовном кодексе РФ, принятом в 1996 г., несколько иное определение: «...Клевета, то есть распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию...» (ст. 129 УК РФ).

...3. *Заведомая ложность состоит в том, что распространяющий соответствующие сведения сознает их несоответствие действительности. Лишь добросовестное заблуждение относительно ложности (истинности? — А. А.) сведений (например, получение их от официального лица, ознакомление с документами) исключает ответственность (см. Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР. 1974—1979 гг., с 6).*

...6. *Распространение хотя и позорящих другое лицо сведений, но правдивых, соответствующих действительности, не образует состава клеветы.*

7. *Вопрос о том, являются ли распространенные сведения позорящими другое лицо, решается на основе норм морали и нравственности, господствующих в социалистическом обществе. Пленум Верховного Суда СССР отнес к числу «порочащих сведений» (ст. 7 Основ гражданского законодательства) такие, которые умаляют честь и достоинство граждан в общественном мнении или мнении отдельных граждан с точки зрения соблюдения закона, правил социалистического общежития и принципов коммунистической морали (Бюллетень Верховного Суда СССР, 1972, № 1, с. 12).*

...18. *В связи с тем, что разглашение порочащих сведений может влечь и гражданскую ответственность, суду необходимо при приеме заявления о распространении заведомо ложных, позорящих гражданина измышлений выяснять, в каком порядке — уголовном или гражданско-правовом — заявитель просит защитить его интересы (Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1976, № 1, с 7)».⁴³*

Теперь обратимся к Комментарию к Основам гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик» (1962).

К ст. 7 «Основ» (Защита чести и достоинства):

«Статья 7 устанавливает гражданско-правовой способ защиты чести и достоинства граждан и организаций.

1. Эта защита шире предоставляемой ст. 130 УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик.

Во-первых, клевета определяется как распространение порочащих чужую честь заведомо ложных сведений. Статья же 7 Основ говорит о порочащих чужую честь, не соответствующих действительности сведениях; иначе говоря о сведениях, распространенных хотя бы и добросовестно, т. е. при уверенности распространившего в том, что эти сведения соответствуют действительности.

Во-вторых, карающие клевету нормы УК союзных республик охраняют честь и достоинство граждан: потерпевшим мыслится только гражданин. Статья же 7 Основ обнимает и случаи нарушения чести и достоинства как граждан, так и организаций, например, распространение не соответствующую

⁴³ Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. М.: Юридическая литература, 1984, с. 278-279.

щих действительности сведений о невыполнении организацией плановых заданий, о нарушении в ее деятельности требований законности и т. п.

2. Способом защиты чести и достоинства является, согласно ст. 7 Основ, «опровержение» по суду сведений, порочащих честь и достоинство.

Под опровержением должно понимать доведение до сведения лиц, в среде которых сведения были распространены, об их (этих сведений. — А. А.) признанном судом несоответствии действительности.

Таким образом, по иску потерпевшего суд признает — или не признает — распространенные о нем порочащие сведения не соответствующими действительности и в случае такого признания обязывает распространившего эти сведения к совершению действий, необходимых для их опровержения в сознании лиц, среди которых они были распространены.

Вопрос о том, являются ли те или иные сведения порочащими честь и достоинство гражданина или организации, должен решаться судом, исходя, в соответствии со ст. 5 Основ, из требований не только законов, но также и правил социалистического общежития и моральных принципов общества, строящего коммунизм...».⁴⁴

И, наконец, Комментарий к Гражданскому кодексу РСФСР (1982).

К ст. 7 ГК (**Защита чести и достоинства**):

«1. **Честь** (здесь и далее выделено мною. — А. А.) — это социально значимая положительная оценка моральных и иных черт и свойств, облика гражданина или организации, позитивно определяющих их положение в обществе. Честь выражает объективно значимое положение лица. **Достоинство** — отражение этого положения в сознании личности (организации), т. е. самооценка личности (организации), основанная на его оценке обществом. Поэтому имеются определенные объективные критерии того, что входит в понятие чести, что нарушает или не нарушает честь и достоинство лица.

Честь и достоинство гражданина защищаются также уголовным законодательством. Уголовно наказуема клевета, т. е. распространение заведомо ложных, позорящих другое лицо измышлений (ст. 130 УК). Статья 7 охраняет честь и достоинство лица и в тех случаях, когда распространивший о нем порочащие сведения **добросовестно заблуждался**, т. е. полагал, что эти сведения соответствуют действительности: в ст. 7 не сказано, что необходимым условием ответственности распространившего порочащие сведения является его вина.

При наличии умышленной вины лица, распространившего порочащие сведения, потерпевший вправе возбудить уголовное дело о клевете либо предъявить иск о защите чести и достоинства в порядке гражданского судопроизводства (п. 2 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 17 декабря 1971 г. «О применении статьи 7 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик о защите чести и достоинства граждан и органи-

⁴⁴ Научно-практический комментарий к Основам гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик. М.: Юридическая литература, 1962, с. 58-59.

заций». — Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, ч. 1, с. 85. См. также Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1976, № 1, с. 7).

...3. Под распространением сведений, порочащих честь и достоинство, следует понимать опубликование их в печати или сообщение в иной, в том числе в устной, форме неопределенному кругу лиц, нескольким лицам или хотя бы одному лицу. Не является распространением сведений сообщение их непосредственно только тому лицу, которого они касаются...

...6. Лицо, о котором распространены порочащие сведения, предъявившее иск в суде, обязано доказать факт распространения о нем этих сведений, но не обязано доказывать, что сведения не соответствуют действительности. Бремя доказывания соответствия действительности порочащих сведений лежит на том, кто их распространил. Но истец не лишен возможности представлять доказательства о несоответствии действительности распространенных о нем порочащих сведений (см. п. 4 постановления Пленума Верховного Суда от 17 декабря 1971 г.; а также см.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1979, № 1, с. 14-15).

...7. На требования об опровержении распространенных порочащих сведений о чести и достоинстве исковая давность не распространяется (ст. 90 [ГК РСФСР. — А. А.]...).⁴⁵

С учетом произведенных юридических разысканий и личного опыта, пользуюсь случаем дать полезный совет человеку, решившему судиться с тем, кто его безосновательно опорочил (обычно говорят: «оклеветал»):

— Не стремитесь к уголовному преследованию своего обидчика по статье о клевете (и вообще — постарайтесь избегать слова «клевета»). Ведь тогда Вам придется самому доказывать: и то, что распространенные им порочащие Вас сведения не соответствуют действительности, и то, что ответчику об этом было заведомо известно (особенно последнее доказать очень не просто!).

Лучше используйте гражданско-правовой способ защиты своей чести и достоинства. В случае предъявления Вами гражданского иска, на ответчика ляжет бремя доказывания того, что распространенные им сведения соответствуют действительности (при том, что Вам вовсе не возбраняется представлять доказательства обратного). И если Вы достаточно уверены, что Ваш противник с доказыванием истинности порочащих Вас сведений не справится, то можно рассчитывать, что дело в суде будет им проиграно, а стало быть — ваша честь и достоинство защищены.

Вопрос же о том, сознавал ли ответчик, что распространяемые им сведения не соответствуют действительности, или добросовестно заблуждался на этот счет, останется открытым. То есть Вы сумеете защитить себя — не тратя сил на обременительное (и грозящее неудачей!) доказательство вины (злого умысла) своего противника.

⁴⁵ Комментарий к Гражданскому кодексу РСФСР. М.: Юридическая литература, 1982, с. 25-27.

В заключение оговорим, что сказанное справедливо не только для правовой ситуации 80-х гг., но и для наших дней. Статья 129 ныне действующего Уголовного кодекса РФ («Клевета») и статья 152 современного Гражданского кодекса РФ («Защита чести, достоинства и деловой репутации») в принципе находятся в том же соотношении, что и рассмотренные выше нормы уголовного и гражданского законодательства советского времени. (Март 2001 — март 2005).

13.10.2. «Свидетельские справки» со стороны истца

[Некоторые из коллег откликнулись на вышеприведенное «открытое письмо» социолога-испытателя.

В итоге он смог представить суду их письменные (заочные) свидетельские показания. См. ниже. — А. А.]

Н. Белова — в Севастопольский районный народный суд г. Москвы (октябрь 1986)

<...> В связи с иском А. Н. Алексеева к секретариату ССА о защите чести и достоинства считаю своим долгом сообщить следующее.

В январе 1983 и мае 1985 г. я принимала участие в отчетно-выборных собраниях ЛО ССА, которые проходили в помещении Дома политического просвещения Дзержинского райкома партии. На собрании в январе 1983 г. возникли дебаты по поводу правомочности собрания в связи с отсутствием кворума. Помню, что этот вопрос публично поднимал Алексеев и многие были с ним солидарны <...>.

Помню выступление представителя Ленинградского обкома КПСС, которое меня поразило тем, что в контексте его было: выборы необходимо провести, кандидатуры согласованы выше, собранию отводится роль все это утвердить формально.

<...> В мае 1985 г. были заслушаны: доклад председателя бюро ЛО ССА, ряд хорошо аргументированных критических выступлений о работе бюро и путаные, неубедительные объяснения по поводу этой критики. Во время перерыва, после которого должны были состояться выборы, я вместе с двумя своими коллегами — членами ССА Дьячковой Е. В. и Слободенок Л. Н. — ушла с собрания, обменявшись мнениями, что повторяется ситуация 1983 г. С нами уходило еще несколько человек — около 10-12.

Все это я готова подтвердить при необходимости в судебном заседании в качестве свидетеля.

Белова Нина Ивановна, член ССА с 1982 г., доцент, канд. геогр. наук, проживающая по адресу <...>, 30.10.86

* * *

М. Илле — в Севастопольский районный народный суд г. Москвы (октябрь 1986)

<...> В связи с иском А. Н. Алексеева считаю необходимым заявить следующее.

В ходе проведения отчетно-выборного собрания Ленинградского отделения ССА 1985 г. часть присутствовавших там членов ассоциации покинула собрание до его завершения. Так, только во время перерыва с собрания ушло не менее 10–15 чел. Таким образом, в момент проведения голосования в зале присутствовало значительно меньше людей, чем на момент регистрации.

Все изложенное готов подтвердить в суде в качестве свидетеля.

Илле Михаил Евгеньевич, начальник лаборатории НОТиУ Управления бытового обслуживания Леноблисполкома, член ССА с 1981 г., проживающий по адресу <...>, 30.10.86.

* * *

**Л. Кесельман — в Севастопольский районный народный суд г. Москвы
(октябрь 1986)**

<...> 1) В ходе проведения собрания 22 мая 1985 г. у многих его участников возникло сомнение в правомочности собрания, ввиду отсутствия необходимого кворума. В частности, участником собрания Травиным И. И. это сомнение было высказано публично.

2) При проведении выборов в бюро Ленинградского отделения ССА, которые проходили в заключительной части собрания, в зале оставалось примерно половина из присутствовавших при его открытии.

Все это я готов подтвердить в судебном заседании в качестве свидетеля.

Кесельман Леонид Евсеевич, член ССА, сотрудник ИСЭП АН СССР, проживающий по адресу <...>, 24.10.86.

Ремарка: заочные свидетельские показания приобщены к делу.

Аналогичные заявления в Севастопольский народный суд г. Москвы были предоставлены в распоряжение истца также и другими ленинградскими социологами, членами ССА: Олегом Борисовичем Божковым, Галиной Иосифовной Саганенко, Игорем Ивановичем Травиным, Александром Николаевичем Юценко.

Документы, подтверждающие готовность всех указанных лиц сообщить суду имеющую отношение к делу информацию, были предъявлены истцом в судебном заседании 4 ноября 1986 г., с просьбой приобщить эти документы к делу и допросить указанных лиц «в порядке судебного поручения».⁴⁶

Суд определил:

«...отклонить ходатайство истца о допросе свидетелей, приобщив к материалам дела заявления этих лиц, для сведения».

Собственно, суд удовлетворил просьбу истца о приобщении указанных документов к делу. (Март 2001).

13.10.3. Ответчик и его свидетели

[Ниже — извлечения из протокола судебного заседания Севастопольского народного суда г. Москвы по делу № 2-3211/86, 4-5 ноября 1986 г. — А. А.]

⁴⁶ Так записано в протоколе судебного заседания; на самом деле истец просил всего лишь «приобщить эти документы к делу».

<...> Представитель ответчика **Боровик В. С.** [*главный ученый секретарь Советской социологической ассоциации.* — А. А.].

В нашей организации есть отделения. В соответствии с Уставом, там проводятся собрания. Я хочу обратить внимание, что наше общество добровольное, поэтому вопрос о кворуме не оговорен.

<...> Из 200 чел. на собрании присутствовало более 100 чел., и мы сочли возможным провести собрание <...>.

На вопрос истца: На мой взгляд, голосовало столько людей, сколько пришло. Мы располагаем одним-единственным протоколом собрания. Я не знаю, почему [*в протоколе.* — А. А.] не указано количество голосовавших. Я не помню... Я не могу сказать, почему голосовали все при одном воздержавшемся. Не очень грамотно оформлен протокол. Мы запросили [*протокол.* — А. А.] в связи с этим делом. Я не могу сказать, идентичны ли протоколы, записанные в 1985 г. и сейчас, в связи с рассмотрением дела.

<...> Свидетель **Парыгин Б. Д.** [*председатель бюро Ленинградского отделения ССА.* — А. А.].

На вопросы суда: В Ленинграде было около 218 членов ассоциации. На собрании присутствовало более 100 чел. В Уставе не оговорено количество присутствующих членов [*так!* — А. А.], т. к. организация добровольная, общественная, люди работают или не всегда могут уйти с работы <...>.

На вопрос истца: Я не могу сказать, сколько голосовало на собрании. Какая-то часть ушла. Многие подошли после регистрации. Я не могу сказать, сколько членов голосовали ЗА, мы не подсчитывали. Нам [*это обстоятельство.* — А. А.] позволило так написать, что воздержался только Алексеев. В протокол собрания изменения не должны были бы вноситься. Я затрудняюсь сказать... [*фраза не окончена.* — А. А.]. Никаких изменений в представленном суду протоколе нет. Я не знаю, сколько раз представлялся протокол в Москву.

<...> Свидетель **Полянская М. Б.** [*работник секретариата ССА.* — А. А.].

На вопросы суда: Я куратор Ленинградского отделения и присутствовала на собрании 22 мая 1985 г. На момент регистрации было больше половины членов ассоциации. Что касается голосования, то председательствующий предложил голосовать списком. Все проголосовали ЗА. Никакого криминала на собрании не было. <...>

На вопросы истца: Я уверена, что к концу собрания присутствовало столько же членов, сколько в начале, даже больше. Я не видела, чтобы люди уходили.

Ответчик **Боровик В. С.** [*Заключительное слово.* — А. А.].

Мы не имеем права предъявлять [*к социологической ассоциации.* — А. А.] тех требований [*относительно кворума и т. п.* — А. А.], которые существуют в партии, ВЛКСМ и т. п. У нас организация добровольная.⁴⁷

⁴⁷ Так! Ответчик (главный ученый секретарь ССА) не замечает двусмысленности собственного заявления: Советская социологическая ассоциация — организация *добровольная*... «в отличие» от КПСС, ВЛКСМ и т. п.?!

Порядка о том, чтобы для того, чтобы отлучаться с собрания, нужно поставить президиум в известность, у нас в уставе нет <...>. Дополнений *[к сказанному ранее]* — А. А.] нет, но хочу ответить истцу. Если бы мы хотели подделать документ, мы могли бы изыскать другую возможность, чем заменять последнюю страницу.⁴⁸

Народный судья */подпись/*

Секретарь */подпись/*

13.10.4. «Благодарю за гражданственную поддержку...»

Открытое письмо ленинградским социологам (2) (февраль 1987)

Уважаемые коллеги! Друзья!

Позвольте выразить свою искреннюю признательность за моральную и деловую, а по существу — гражданственную поддержку, оказанную вами мне в деле защиты чести и достоинства. Севастопольский районный народный суд г. Москвы в своем заседании 5 ноября 1986 г. полностью удовлетворил мои исковые требования к секретариату ССА. В этом есть и ваш вклад.

Представленные мною в суд ваши «свидетельские справки» *[точнее было бы сказать: заявления]* — А. А.], объективно характеризующие ситуацию отчетно-выборного собрания ЛО ССА 1985 г. (да и 1983 г. тоже), были приобщены к делу. По-видимому, в силу убедительности этих справок, суд не стал вызывать вас в качестве свидетелей.

Прилагаю копию недавно полученного мною текста решения суда от 5 ноября 1986 г.

А. Алексеев, 24.02.87

13.11. Что установил и что решил суд

Из материалов судебного дела (ноябрь 1986)

Решение

Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики 5 ноября 1986 года.

Севастопольский районный народный суд г. Москвы в составе председательствующего народного судьи Михайловой Л. А.

народных заседателей Тимофеева В. В., Поповой Т. Н.

с участием прокурора

и адвоката⁴⁹

при секретаре Дейч М. В.,

рассмотрев в открытом судебном заседании гражданское дело № 2-3211/86 г.

⁴⁸ Имеется в виду последняя страница протокола собрания ЛО ССА 22 мая 1985 г., относительно которой истцом высказывалось довольно уверенное предположение, что она заменена.

⁴⁹ Прокурор и адвокат в данном судебном рассмотрении не участвовали.

по иску Алексеева Андрея Николаевича к секретариату Советской социологической ассоциации АН СССР о защите чести и достоинства

установил:

Истец обратился с иском к ответчику о защите чести и достоинства, мотивируя свои исковые требования тем, что в ответе Секретариата ССА в адрес начальника Управления кадров АН СССР Г. А. Цыпкина был направлен документ «О рассмотрении письма члена ССА тов. Алексеева А. Н.» от 13 сентября 1985 г., в котором распространены не соответствующие действительности и порочащие его честь и достоинство сведения. В связи с этим истец просит обязать ответчика заменить вышеназванный документ другим, из которого будут исключены не соответствующие действительности и порочащие сведения.

Представитель ответчика в судебном заседании иска не признал.

Суд, проверив материалы дела, заслушав стороны, показания свидетелей, находит исковые требования обоснованными и подлежащими удовлетворению. В соответствии со ст. 7 ГК РСФСР гражданин или организация вправе требовать по суду опровержения порочащих их честь и достоинство сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности.

В судебном заседании установлено, что 22 мая 1985 г. прошло отчетно-выборное собрание Северо-Западного (Ленинградского) отделения Советской социологической ассоциации, на котором присутствовал истец, будучи в тот момент членом указанной ассоциации. 26 мая 1985 г. истцом в адрес заведующего отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС В. А. Медведева было направлено письмо, содержащее информацию о том, что на вышеуказанном собрании выборы руководящих органов происходили при отсутствии кворума и по существу были недействительными (л. д. 26-28). В результате проверки письма истца организацией ответчика 13 сентября 1985 г. № 14063-106, на имя начальника Управления кадров АН СССР был дан ответ (л. д. 41-42), который истец и считает не соответствующим действительности, порочащим его честь и достоинство.

Далее в судебном заседании установлено, что при проведении собрания количество присутствующих на нем членов ассоциации не подсчитывалось, что следует как из протокола собрания, так и из объяснений допрошенных по делу свидетелей Парыгина Б. Д., Румянцевой Г. А. Из показаний этих свидетелей усматривается, что на собрание подходили члены ассоциации, а также и уходили. Такое же обстоятельство имело место и при голосовании, количество голосов не подсчитывалось, был подсчитан только голос, проголосовавший против, что также подтверждается как объяснениями сторон, так и показаниями свидетелей. Суд доверяет показаниям допрошенных свидетелей, поскольку они предупреждены об уголовной ответственности⁵⁰ и в этой части их показания не противоречат материалам дела.

⁵⁰ Имеется в виду уголовная ответственность за дачу ложных показаний в суде.

В связи с этим суд приходит к выводу, что ответ ответчика носит формальный характер, готовился только по протоколу собрания, без опроса участников и соответствующей надлежащей проверки. В материалах дела имеются заявления семи лиц, которые присутствовали на собрании, однако бесед при проверке письма истца и подготовке вышеуказанного ответа никем не проводилось, это следует из объяснений представителя ответчика.

На основании ст. 7 ГК РСФСР, руководствуясь ст. 191-197 ГПК РСФСР, суд

решил:

— удовлетворить искивные требования Алексеева Андрея Николаевича о защите чести и достоинства, обязав организацию ответчика в течение месяца с момента вступления решения в законную силу заменить написанное 13 сентября 1986 г.⁵¹ за № 14063-106 письмо в Управление кадров АН СССР «О рассмотрении письма члена ССА тов. Алексеева А.Н.».

Новый ответ в вышеуказанный срок направить в Управление кадров АН СССР и копию истцу.

Решение может быть обжаловано в Мосгорсуд через народный суд в течение 10 дней.

Народный судья: /подпись/

Народные заседатели: /подпись/ /подпись/

Ремарка: выполнено ли решение суда?

«... “Замена” документа означает, что выдавшая документ организация, орган или лицо вместо этого документа представляет другой документ, не содержащий порочащие честь, достоинство и деловую репутацию лица сведения...».⁵²

В своем архиве я не нашел текста нового ответа из секретариата ССА в Управление кадров АН СССР.

Возможно, мне забыли прислать копию. А скорее всего решение суда осталось не выполненным, ввиду последовавшей уже в ноябре 1986 г. смены высшего руководства Советской социологической ассоциации. (Март 2001 — март 2005).

13.12. Возмещение судебных издержек

Из переписки с судом после судебного заседания
(ноябрь 1986 — февраль 1987)

В Севастопольский районный народный суд г. Москвы

Заявление

Ввиду удовлетворения моего иска к секретариату ССА в защиту чести и достоинства решением суда от 5 ноября 1986 г., прошу возместить мне су-

⁵¹ В документе — ошибка. Правильно: 1985 г.

⁵² Основы гражданского законодательства (официальный текст и постатейный комментарий). М.: ИПП «ЮКАНГ», 1993, с. 47.

дебные издержки, в частности, для выезда на судебное заседание в г. Москву 4-5 ноября, взыскав их с ответчика.

А. Алексеев, 6.11.86.

* * *

Уважаемый тов. Народный судья!

Сообщаю, что копия решения суда по гражданскому делу № 2-3211/86 от 5.11.86 мною получена. Извинения за задержку высылки решения истцом приняты.

Относительно справки о конкретной сумме денег, не выплаченной мне «за время нахождения в суде» 4 и 5 ноября 1986 г., которую мне следует представить для решения вопроса о взыскании судебных издержек с ответчика. Как Вы понимаете, по месту работы может быть выдана только справка о заработанных и выплаченных деньгах, а не о тех, которые рабочий-сдельщик **не** заработал, ввиду своего отсутствия на работе. Поэтому здесь возможен только косвенный расчет <...>.

Вкратце

Далее следовал расчет: заработок за ноябрь 1986 г. — 236 руб. 45 коп. В ноябре истец, согласно расчетному листку, отработал 138,4 час., что соответствует 17 рабочим дням. Отсюда, в среднем за день (рабочую смену) в ноябре 1986 г. он зарабатывал 13,9 руб.

...Таким образом, два пропущенных в этом месяце рабочих дня «обошлись» мне ориентировочно в 27 руб. Стоимость проезда из Ленинграда в Москву — 10 руб. Стоимость обратной дороги — та же.

Итого, я претендую на взыскании с ответчика судебных издержек в сумме 47 руб. Поскольку суд располагает справкой о моем среднем заработке за предшествующие три месяца, у суда имеются гарантии, что я не завишаю своих претензий.

А. Алексеев, 23.02.87

* * *

Дело № 2-3211 1986 г. Исполнительный лист

Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики народный суд Севастопольского района г. Москвы 5 ноября 1986 г. рассмотрел дело по иску Алексеева А. Н. к секретариату Советской социологической ассоциации АН СССР о защите чести и достоинства.

Суд решил взыскать с расчетного счета секретариата ССА АН СССР в пользу Алексеева А. Н. судебные издержки в размере 47 (сорока семи) рублей.

Народный судья Л. Михайлова

Ремарка: продолжение следует.

Опять же, не помню, получил ли я от секретариата ССА, по исполнительному листу, эти 47 руб. Скорее всего — нет. Не до того было...

Послесудебное продолжение этой истории, представленное в приводимых ниже документах, несет на себе явственный отпечаток начинавшегося в то время противоборства «перестроечных» и «антиперестроечных» сил.

Вмешательство социологической общественности в «дело» социолога-рабочего началось со скромных «свидетельских справок» для народного суда и далее развернулось в целый фронт гражданской защиты.

Разумеется, это происходило на фоне совершавшихся в то время общих исторических процессов. (Март 2001).

13.13. Перемены в Москве. Поддержка из Киева

[26 ноября 1986 г. в Москве состоялся пленум правления Советской социологической ассоциации, на котором произошло кардинальное обновление руководства ССА.

Президентом ССА была избрана академик Татьяна Ивановна Заславская. — А. А.]

Из доклада академика Т. Заславской на пленуме правления ССА (ноябрь 1986)

<...> Должны мы признать и причастность социологии к формированию «полуправдивого» взгляда на развитие и проблемы нашего общества.

Многим социологическим исследованиям, проводившимся в 70-х — начале 80-х гг., не удалось избежать лакировки реальной действительности. Коллекционируя позитивные факты, некоторые социологи закрывали глаза на негативные явления, набравшие немалую силу. В ряде случаев эмпирические результаты исследований «подгонялись» под заранее известные выводы. К примеру, в значительной части исследований социальной структуры общества делался односторонний акцент на выравнивание межклассовых и других социальных различий, возникновение же новых основ дифференциации, связанных с теневыми доходами, местом в системе политической власти и проч., изучалось много слабее.

Слишком малую долю усилий мы затрачивали и на создание фундаментальной социологической теории. Причин тому много, но факт остается фактом. Писатели, драматурги, работники кино предъявляют сейчас работы, подготовленные в сложные годы, но не нашедшие тогда признания. И сейчас эти работы оказываются крайне нужными советскому обществу. Но многие ли из нас могут последовать этому примеру? В лучшем случае — единицы <...>.

(Т.И. Заславская. О повышении роли социологии в ускорении развития советского общества в свете решений XXVII съезда КПСС. Доклад на пленуме правления ССА, 26.11.86)

* * *

Из выступления А. Назимовой на пленуме правления ССА (ноябрь 1986)⁵³

<...> Не будем убаюкивать сами себя — дух перемен еще не возобладавал в нашем сообществе. Об этом говорит такой факт, как исключение

⁵³ Алла Константиновна Назимова, канд. экон. наук, — одна из адресатов «Писем...» социолога-рабочего 1980-1981 гг. (см. в томе 2: главы 2, 3). Ныне — ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН. Живет в Москве.

из рядов ССА в Ленинграде талантливого, нетривиально и очень результативно работающего социолога — А. Н. Алексеева.

Неправы те, кто призывал здесь «не сводить старые счеты»... Мы не должны проходить мимо недостойных поступков таких людей, как председатель бюро ЛО ССА Парыгин, который сыграл в исключении А.⁵⁴ из рядов ССА заглавную роль.

Административное усердие и — не побоюсь сказать — пренебрежение всякими нормами профессиональной и человеческой этики, которое проявило бюро ЛО ССА в случае с нашим ленинградским коллегой (к сожалению, не без участия некоторых сотрудников центрального аппарата ССА), привели к тому, что А. вынужден был искать в суде защиты своей чести и достоинства. **И суд принял решение в его пользу!** <...>

Позор для всех нас, что мы раньше не встали на защиту нашего товарища.

Я считаю делом чести нового руководства ССА добиться восстановления Алексеева в рядах социологической ассоциации. <...>

(А. Назимова. Автостенограмма выступления 26.11.86)

Ремарка: «победителя не судят!»

Интересно, что сам по себе нетривиальный факт «выигранного в суде дела» вскоре получил в «молве» неясную трактовку признания по суду неправомерности исключения социолога-испытателя из ССА, вообще — предыдущих гонений на него.

Хотя, строго говоря, и гражданский иск, и решение суда имели весьма узкую область применения.

Но об этом знали немногие, а кто знал — не акцентировал. (Март 2001).

* * *

Из письма киевского социолога В. Хмелько в Центральную ревизионную комиссию ССА (январь 1987)⁵⁵

<...> Когда многие из нас, чтобы не лгать, старались не затрагивать в исследованиях острые вопросы, А. Н. Алексеев оставался верным истине во всей ее полноте: не обходил болезненные явления, а изучал их и искал пути их преодоления <...>.

За последние пять-шесть лет мне пришлось прочитать многое из того, что написано Алексеевым: как законченных работ, предназначенных для публикации, так и предварительных материалов, предназначенных для творческого общения с коллегами-социологами. В общей сложности это не одна сотня страниц машинописного текста. И ни разу я не встречал чего-либо, что можно было бы назвать «распространением ма-

⁵⁴ Здесь и далее в оригинале документа — фамилия.

⁵⁵ Валерий Евгеньевич Хмелько — мой киевский друг и коллега. Ныне — докт. филос. наук, профессор факультета социальных наук и социальных технологий Национального университета «Киево-Могилянская академия», президент Киевского международного института социологии. См. о нем ранее, в томе 1: раздел 6.3.

териалов политически вредного характера» (как сказано в мотивировке его исключения из членов ССА).

Напротив, это всегда были материалы **политически полезного** характера, освещающие те проблемы, решение которых необходимо для дальнейшего развития социализма в нашей стране.

<...> Убежден, что исключение такого социолога, как Алексеев, из членов ССА нанесло бы моральный и политический ущерб нашей ассоциации. <...>

В. Хмелько, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, 14.01.87

* * *

**Из письма киевского социолога В. Паниотто
в Центральную ревизионную комиссию ССА (январь 1987)⁵⁶**

Как мне стало известно от В. Хмелько, Центральной ревизионной комиссии ССА предстоит рассматривать вопрос об исключении А.Н. Алексеева из членов Советской социологической ассоциации.

Я считаю, что всерьез рассматривать вопрос о том, «выполняет Алексеев устав ССА или не выполняет», граничит с лицемерием. Это человек, который занимает активную гражданскую позицию, готов ради истины пожертвовать (да, собственно, и пожертвовал) своей научной карьерой и многим другим.

Что касается его научных трудов, то они выполнены исключительно добросовестно и профессионально. Из них наглядно видно, что социология для автора — это не просто способ удовлетворения познавательного интереса, а прежде всего средство решения проблем, которые стоят перед нашим обществом. Разве это не входит в наш идеал социолога? И много ли у нас таких социологов?

Вопрос о членстве Алексеева в ССА сейчас становится делом принципа: что сейчас представляем собой мы, социологи, что такое есть наша ассоциация? Это показатель того, какую позицию мы занимаем в борьбе за изменения в нашем обществе.

От того, как решится этот вопрос, будет зависеть социальная активность многих социологов (особенно, молодежи). <...>

В. Паниотто, старший научный сотрудник Института философии АН УССР, 18.01.87

[Итак, началась коллективная гражданская защита. Ее краткий обзор см. в томе 2 настоящей книги: приложение 1 к части 2. См. также ниже, в главе 15. — А. А.]

⁵⁶ Владимир Ильич Паниотто — мой киевский друг и коллега. Ныне — доктор филос. наук, директор Киевского международного института социологии. См. о нем в томе 1 настоящей книги: раздел 6.3.

13.14. Перемены в Ленинграде. Демократические выборы на собрании СЗО (ЛО) ССА. 1987

[За вышеописанными событиями в Москве последовали радикальные перемены в жизни и ленинградского социологического сообщества. См. ниже. — А. А.]

Из отчета О. Божкова о собрании СЗО (ЛО) ССА (март 1987)⁵⁷

На днях [17 марта 1987 г. — А. А.] в Доме политического просвещения Ленинградского обкома КПСС состоялось отчетно-выборное собрание Северо-Западного (Ленинградского) отделения Советской социологической ассоциации. В отделении 258 индивидуальных и 54 коллективных члена.

<...> На собрании шла речь о том, что этот отряд научной общественности в условиях необходимости глубоких преобразований во всех сферах общественной жизни должен осознать свою ответственность; о том, что по сути своей профессия социолога требует от каждого специалиста гражданственности, реалистичности в оценке прошлых и настоящих событий.

26 человек выступили в прениях по отчетному докладу. *[Докладчиком был председатель СЗО ССА Б. Д. Парыгин. — А. А.]* <...> Почти все выступавшие анализировали причины невысокой пока отдачи социологических исследований, почему социология оказалась не в состоянии ответить на многие жизненно важные вопросы, вставшие перед обществом сегодня. В ряде выступлений отмечались определенные издержки перестройки, возникающие в силу стереотипов «старого мышления», в соответствии с которыми призыв партии к перестройке воспринимается иными управленцами как «указание сверху», на которое надо реагировать не иначе как организацией очередных бюрократических кампаний и победных рапортов.

<...> Во многих выступлениях отмечалось также, что в последние годы в деятельности бюро СЗО (ЛО) ССА стали решительно преобладать администрирование и бюрократизм. Понятно, что эффективность научного и общественного вклада ленинградских социологов напрямую зависит от того, как внутри самого социологического сообщества будет преодолеваться сопротивление перестройке. А то, что такое сопротивление имеется, проявилось и в ходе собрания.

Некоторые из выступавших рьяно упрекали все собрание в «отходе от марксизма» и в «преклонении перед буржуазной наукой». <...> Ими использовался знакомый прием навешивания политических ярлыков на своих оппонентов. Пятеро наиболее последовательных из этого мень-

⁵⁷ Этот текст предназначался для «Ленинградской правды», однако публикация там не состоялась.

шинства, во главе с проф. В. Я. Ельмеевым, демонстративно покинули собрание, пообещав создать свою собственную ассоциацию «истинно марксистских социологов». <...>

Этот факт показывает, насколько высок накал идейной борьбы и труден предстоящий путь.

На этом пути — и решение проблем подготовки квалифицированных кадров социологов, и развертывание фундаментальных исследований, и решение задачи обеспечения широкой гласности социологических исследований (познавая общество, социология не имеет права держаться в секрете от общества полученные знания).

Подавляющим большинством голосов деятельность бюро СЗО (ЛО) ССА за отчетный период признана **неудовлетворительной**.

После бурного обсуждения кандидатов в состав бюро, в бюллетени для тайного голосования было включено 34 кандидата, из которых были избраны 20 чел. В новый состав бюро СЗО (ЛО) ССА вошли известные в Ленинграде и в стране исследователи.

Подавляющим большинством присутствующих в результате открытого голосования председателем бюро избран д. ф. н., проф. В. А. Ядов. <...>

В работе собрания приняли участие Президент ССА, академик Т. И. Заславская и председатель ревизионной комиссии ССА Н. Г. Валентинова. Академик Заславская выступила с сообщением о деятельности нового правления Советской Социологической Ассоциации, о формах участия социологов в деле перестройки общественной жизни страны. <...>

О. Божков, член ССА с 1969 г., сотрудник ИСЭП АН СССР

Ремарка: волеизъявление ленинградских социологов.

*В голосовании при выборах руководящих органов Северо-Западного (Ленинградского) отделения ССА на собрании 17 марта 1987 г. участвовало 177 чел., т. е. **свыше двух третей** численного состава отделения.*

Новый состав бюро отделения, избранный на этом собрании (в скобках указано количество голосов, поданных за соответствующую кандидатуру): Голофаст В. Б. (150); Фирсов Б. М. (139); Кугель С. А. (136); Иконникова С. Н. (135); Баранов А. В. (128); Алексеев А. Н. (127); Докторов Б. З. (126); Ядов В. А. (125); Голод С. И. (119); Максимов Б. И. (117); Румянцева Г. А. (117); Русалинова А. А. (107); Мирошниченко Н. С. (105); Ющенко А. Н. (105); Межевич М. Н. (102); Вейхер А. А. (99); Гилинский Я. И. (93); Лисовский В. Т. (93); Саганенко Г. И. (90); Яковлев И. П. (90).

Свыше половины избранных предлагались не прежним составом бюро, как это всегда бывало раньше, а демократически — непосредственно участниками собрания.

Согласно решению собрания, делегатами на Всесоюзную отчетно-выборную конференцию ССА были определены 8 чел., набравшие наибольшее количество голосов при выборах бюро СЗО (ЛО) ССА: Голофаст, Фирсов, Кугель, Иконникова, Баранов, Алексеев, Докторов, Ядов. (Март 2001).

Из выступления А. Ющенко на отчетно-выборном собрании СЗО (ЛО) ССА (март 1987)

<...> Если бы меня спросили, какой факт наиболее ярко характеризует положение дел в Ленинградском отделении ССА, я ответил бы без колебаний: позиция, занятая его руководством в эскалации преследований против члена нашей ассоциации А. Н. Алексеева. Приняв в прошлом году решение о его исключении из Советской социологической ассоциации, бюро ЛО ССА совершило по меньшей мере три ошибки: профессиональную, политическую и моральную.

Профессиональная ошибка выразилась в пренебрежении тем эффективным методом социологического исследования, который разработал А.⁵⁸ и свыше пяти лет испытывает, совмещая научную работу с работой слесарем-наладчиком на ПО «Ленполиграфмаш». Им собран уникальный социологический материал. Но руководство ЛО ССА не только не оценило этого по достоинству, но всячески препятствует работе социолога-новатора.

Суть **политической** ошибки — в игнорировании значения эксперимента социолога-рабочего для дела перестройки. <...>

Наконец, ошибка **моральная**: с какой же услужливостью честное имя ученого было выдано на поругание бюрократии! Фактически руководством ЛО ССА было совершено предательство члена нашей ассоциации. Но логика предательства такова, что, отрекаясь от части, предаешь целое. Вместе с А. оказалась предана социология.

В конечном счете, позорное пятно, которым пытались замарать честь нашего коллеги, легло на самих руководителей ЛО ССА, да и на всю социологическую ассоциацию. Смыть его — наша задача. И здесь нет иного пути, как открытое обсуждение работы нашего товарища и коллективное ходатайство перед партийными органами о пересмотре его дела.

Но этого мало. Важно понять глубинные причины ситуации, в которой оказался наш коллега. Ее невозможно свести к прямолинейной логике столкновения незаурядного ученого с бюрократией. Сложившаяся организация социологической науки не имеет достаточно эффективного механизма селекции и коллективной поддержки ценных инноваций. В итоге новаторы оказываются в положении одиночек, вынужденных на свой страх и риск выступать против общественных пороков.

<...> Предлагаю записать в резолюции собрания следующий наказ новому составу бюро ЛО ССА:

1) принять необходимые меры к защите в партийных и общественных организациях гражданской чести и научного достоинства члена ССА А. Н. Алексеева;

⁵⁸ Здесь и далее в оригинале документа — фамилия.

2) организовать межведомственный методологический семинар ленинградских социологов, с целью выявления актуальных проблем перестройки и разработки методов их решения. <...>

(А. Н. Ющенко. Автостенограмма выступления 17.03.87)

*[Здесь, как иногда до этого, и зачастую в дальнейшем, автор вынужден цитировать пафосные высказывания коллег (о самом себе в превосходной степени!). Не обсуждая здесь меру справедливости таких оценок, напомню, что это были — **защитительные речи**, где применение «высокого штиля» — неизбежно.*

На этом собрании было и еще несколько выступлений в поддержку «опального социолога»: Б. И. Максимов, П. Б. Шелищ.

Текст выступления самого социолога-испытателя на собрании СЗО (ЛО) ССА 17 марта 1983 г. см. ниже, в главе 15.

13.15. Всесоюзная отчетно-выборная конференция ССА. 1987

[24-26 марта 1987 г. состоялась VI Всесоюзная отчетно-выборная конференция Советской социологической ассоциации. Лично участвовать в ней автору, ее делегату, не удалось. См. ниже. — А. А.]

А. Алексеев — в президиум Всесоюзной конференции ССА (март 1987)

Уважаемые товарищи!

Ввиду полученного по месту работы («Ленполиграфмаш») отказа администрации как в командировке, так и в освобождении от работы за свой счет либо в счет очередного отпуска — для участия в отчетно-выборной конференции ССА 24-26.03.87 в качестве делегата от Ленинграда — я не смогу лично присутствовать на конференции.

Прошу предоставить члену ССА Р. И. Ленчовскому слово в прениях по докладу — для зачитания вслух текста моего выступления.

А. Алексеев, член ССА с 1969 г., к. ф. н., слесарь ПО «Ленполиграфмаш» 22.03.87

[Текст выступления автора этих строк был зачитан с трибуны Всесоюзной конференции ССА киевским социологом Р. Ленчовским.⁵⁹

На этой конференции в поддержку социолога-рабочего выступили: Н. Г. Валентинова, Л. А. Гордон (ныне покойный), Б. В. Ракитский, В. Е. Хмелько, С. В. Чесноков.

Киевский социолог В. Хмелько предложил кандидатуру Алексеева в ревизионную комиссию ССА. — А. А.]

⁵⁹ Роман Иванович Ленчовский — мой друг и коллега, **со-умышленник, со-беседник и со-автор**, активный участник всех описываемых в этой книге событий. См. о нем, а также его собственные тексты в томе 1: раздел 6.3; в томе 2: разделы 8.9, 9.4, 9.5. Живет в Киеве.

* * *

Т. Заславская, А. Габиани — А. Алексееву (апрель 1987)

Глубокоуважаемый Андрей Николаевич!

25 марта 1987 г. на VI Всесоюзной отчетно-выборной конференции Советской социологической ассоциации Академии наук Вы избраны членом Центральной ревизионной комиссии ССА. Поздравляем Вас с избранием.

Желаем творческих успехов в Вашей повседневной профессиональной деятельности и плодотворной работы в решении задач, поставленных партией и народом перед советской социологией.

Президент ССА, академик Т. И. Заславская

Председатель Центральной ревизионной комиссии ССА, профессор А. А. Габиани

17.04.87

Ремарка: этапы общественной реабилитации.

Обозревая сейчас эти события, можно отметить, что именно Советская социологическая ассоциация, фактически вышедшая в конце 1986 — начале 1987 г. из-под контроля партийных органов, **первой** реабилитировала опального социолога-испытателя (в ту пору все еще предостереженного органами госбезопасности, исключенного из партии и т.п.).

Лишь в сентябре 1987 г. в «Литературной газете» появился очерк Лидии **Графовой** «Преодоление пределов»⁶⁰, после которого история эксперимента и «дела» социолога-рабочего получила широкую известность, а имя героя очерка на какое-то время (1988) стало чуть ли не именем нарицательным.⁶¹

Через две недели после упомянутой публикации в «ЛГ», 16 октября 1987 г., состоялось заседание бюро СЗО (ЛО) ССА (его обновленный персональный состав приведен выше). В решении было записано, что бюро:

- разделяет позицию, выраженную по данному вопросу в публикации «ЛГ»;
- считает грубо тенденциозной и необъективной оценку работы Алексеева, данную на заседании бюро ЛО ССА прежнего состава (январь 1986 г.);
- полагает целесообразным переход А. на работу в научно-исследовательский институт.

Впрочем, это было лишь начальным этапом общественной реабилитации социолога-рабочего. В частности, восстановление его в партии состоится много позже. (Март 2001 — май 2003).

13.16. Новые организационные инициативы ленинградских социологов

[Нижеследующие документы отражают историю попыток возвращения социолога-испытателя к «штатной» работе в научных учреждениях. — А. А.]

⁶⁰ Литературная газета, 1987, 23 сентября. Текст этого очерка см. ниже, в главе 16.

⁶¹ О «сотворении легенды» о социологе, «поставившем эксперимент на собственной жизни» см. ниже: главы 16 и 17.

13.16.1. Коллективная научная заявка — «по всем правилам»

А. Алексеев, Б. Максимов, А. Тихонов —
в Ученый совет ИСЭП АН СССР (1988)

Заявка на исследовательский проект⁶²

В соответствии с ныне установившимся в системе АН СССР порядком, предлагаем вниманию Ученого совета ИСЭП АН СССР заявку на исследовательский проект на тему: **«Общественная пассивность и общественная активность в условиях перестройки: проблемы и перспективы»**.

<...> В рамках указанной темы нами выделяются следующие конкретные темы:

- 1) Социальная база перестройки и ее динамика.
- 2) Соотношение административного и общественного управления в условиях перестройки.
- 3) Инициативное поведение: его общественное содержание, формы и функции в условиях перестройки.

Данным перечнем представлена триада взаимосвязанных объектов социологического изучения: система — механизм — человек, — без комплексного охвата которых нельзя познать фундаментальные закономерности перестроечных процессов в обществе.

На выходе исследования по предлагаемой теме ожидаются научные рекомендации:

— по расширению социальной базы перестройки и консолидации прогрессивных социальных сил на платформе XXVII съезда КПСС и последующих партийных решений;

— по поддержке экономической и политической реформ путей развития общественной инициативы и самоуправления «снизу»;

— по социологическому обеспечению (в том числе — выработке социальных гарантий) гражданской активности, включая весь спектр индивидуальных и коллективных действий и инициатив, направленных на реализацию лозунга «Больше демократии — больше социализма!». ⁶³

Реализация этой заявки предполагает создание в рамках ИСЭП АН СССР специального структурного подразделения (сектора, лаборатории, временного научного коллектива), которое бы выступило как основным исполнителем по названной теме, так и центром координации действий различных академических, вузовских и отраслевых научных подразделений, а также ряда общественных формирований (например: секция заводских социологов ЛО ССА, секция производственного самоуправления Ленинградского межпрофессионального клуба «Перестройка» и т. п.), так или иначе причастных к этой проблематике.

⁶² Этот документ публикуется в сокращении.

⁶³ Весьма популярный политический лозунг начала «перестройки», сошедший на нет к началу 90-х гг.

Необходимость создания специального подразделения в структуре института обосновывается не только актуальностью проблематики, но и потребностью инновационного внедрения в практику социологических исследований комплекса методов, приобретающих особое познавательное значение именно в условиях перестройки:

- целевой анализ содержания текстов СМИ, деловых и личных документов, а также нормативных материалов;

- так называемые активные методы социологического исследования (например, методы наблюдающего участия, экспресс-анкетирования, групповых бесед, заочных рабочих собраний и т. д.;

- наконец, разработка методик и процедур натурального социологического экспериментирования (в трудовых коллективах, в управленческих звеньях, в клубах по интересам и любительских объединениях и т. д.).

<...> Все авторы этой заявки в период 1970-х — начала 1980-х гг. работали по плановой тематике ИСЭП АН СССР:

- А. Н. Алексеев — с 1975 [*год создания ИСЭПа.* — А. А.] по 1979 г. в штате, кроме того, в 1980-1981 гг. по совместительству;

- Б. И. Максимов — с 1978 по 1982 г. в штате;

- А. В. Тихонов — с 1976 по 1980 г. в порядке творческого содружества (соавтор программы и методик исследования «Человек и его работа. 1976», в рамках плановой темы ИСЭП «Социологические и социально-психологические предпосылки повышения активности личности в сферах труда и общественного управления»).⁶⁴

В период, предшествовавший апрельскому (1985 г.) Пленуму ЦК КПСС, все трое вынуждены были расстаться с научно-исследовательскими учреждениями, где работали в штате или по совместительству, при обстоятельствах, названных позднее в газете «Правда» «разгромом ленинградской социологической школы» (Правда, 6.02.87).

Работая ныне в качестве членов конкретных трудовых коллективов, авторы продолжают научную работу по социологической проблематике. Нами накоплен большой опыт, который ныне может быть оптимально использован в профилирующем научно-исследовательском учреждении, каковым является ИСЭП АН СССР.

<...> Предлагаем следующее название проектируемого структурного подразделения ИСЭП АН СССР:

- Сектор (лаборатория, временный научный коллектив) проблем общественного самоуправления и демократизации общественных отношений.

Предлагаемый кадровый состав структурного подразделения на начальном этапе:

- канд. филос. наук А. Н. Алексеев; канд. филос. наук Б. И. Максимов; канд. филос. наук А. В. Тихонов.

⁶⁴ Так называлась плановая тема 1975-1980 гг. сектора социальных проблем личности и образа жизни, возглавлявшегося проф. В. А. Ядовым.

Научный руководитель (на общественных началах) — профессор, докт. филос. наук В. А. Ядов. (Предварительное согласие В. А. Ядова имеется).
А. Н. Алексеев, Б. И. Максимов, А. В. Тихонов
3.05.88

Ремарка: эскалация коллективной поддержки.

К моменту написания данной заявки автор этих строк был уже восстановлен в партии (апрель 1988).

Копии настоящей заявки были направлены ее авторами: Вице-президенту АН СССР, академику П. Н. Федосееву; в Президиум Ленинградского научного центра АН СССР, председателю Президиума ЛНЦ АН СССР, академику И. А. Глебову; в отдел науки и учебных заведений ЦК КПСС, инструктору ЦК А. Т. Хлопову; в Ленинградский обком КПСС, секретарю ОК А. Я. Дегтяреву.

Вышеприведенная заявка была обсуждена и поддержана бюро СЗО (ЛО) Советской социологической ассоциации (на заседании 27 мая 1988 г.).

В поддержку возвращения социолога-испытателя к «штатной» работе в ИСЭП АН СССР энергично выступила также большая группа ленинградских социологов (см. ниже). (Март 2001 — май 2003).

13.16.2. Поддержка от социологической общественности

Из письма группы ленинградских социологов секретарю Ленинградского обкома КПСС А. Дегтяреву (май 1988)⁶⁵

Уважаемый Александр Якимович!

<...> В настоящее время А. Н. Алексеев разработал (совместно с коллегами) и направил Ученому совету ИСЭП АН СССР научную программу, имеющую, на наш взгляд, крайне важное значение для решения проблем осуществляемой в нашей стране перестройки.

<...> Мы призываем Вас срочно решить вопрос о восстановлении нашего товарища в штате ИСЭП АН СССР. Вопрос о возвращении А.⁶⁶ возможности вести нормальную научную работу поднимался неоднократно и прежде, но никак не решается до сих пор. Мы убеждены, что это дело политическое, а не просто административная акция.

<...> В нынешней ситуации без решительного вмешательства партийных органов директор ИСЭП Сигов И.И. не сделает по собственной воле ни единого шага для возвращения А. [в институт. — А. А.].

Просим Вас не передоверять решение этого вопроса своему аппарату, тем более тем, кто дискредитировал себя в рассмотрении «дела» А. в прошлом. <...>

⁶⁵ Копии этого документа, публикуемого здесь в сокращении, были отправлены: члену Политбюро, секретарю ЦК КПСС А. Н. Яковлеву; в Президиум АН СССР; в редакцию журнала «Огонек».

⁶⁶ Здесь и далее в оригинале документа — фамилия.

Подписи:

И. И. Травин, чл. КПСС с 1974 г., к. ф. н.; Г. Ф. Галкина, чл. КПСС с 1978 г.; Т. З. Протасенко, чл. КПСС с 1975 г.; В. В. Костюшев, чл. КПСС с 1982 г., к. ф. н.; В. Г. Карпов, чл. КПСС с 1983 г., к. ф. н.; Е. Б. Лисовская, чл. КПСС с 1985 г.; О. Н. Бурмыкина, чл. КПСС с 1987 г.; В. Б. Голофаст, чл. КПСС с 1982 г., к. ф. н.; Е. Я. Поволоцкий, чл. КПСС с 1982 г.; О. Д. Цепилова, чл. КПСС с 1980 г.; С. И. Голод, д. ф. н.; И. Г. Городецкая, к. э. н.; Г. В. Еремичева, к. э. н.; В. М. Воронков; Н. Л. Русинова, чл. КПСС с 1983 г., к. э. н.; В. С. Вишаренко, чл. КПСС с 1979 г., к. ф. н.; Л. Е. Кесельман, чл. КПСС с 1971 г.; П. Н. Лебедев, д. ю. н.; А. А. Темкина, канд. в чл. КПСС; В. В. Сафронов; О. Б. Божков; К. Муздыбаев, чл. КПСС с 1982 г., к. п. н.; А. В. Баранов, чл. КПСС с 1956 г., к. ф. н.; В. Л. Черейский, к. г. н.; П. Б. Шелищ, чл. КПСС с 1971 г.; В. Н. Кузнецов, чл. КПСС; А. А. Вейхер, чл. КПСС с 1974 г., к. э. н.; В. Н. Монахов, чл. КПСС с 1970 г., к. ю. н.; С. И. Файбушевич, чл. КПСС с 1980 г., к. э. н.; А. Н. Ющенко, чл. КПСС с 1981 г., к. ф. н.; Н. А. Стародубцев, к. т. н.; Л. В. Бозрикова; Г. И. Саганенко, к. ф. н.; Л. В. Панова, к. э. н.; Г. П. Смирнова, чл. КПСС с 1960 г., к. э. н.; Н. Н. Цветаева; А. А. Клещин; Б. З. Докторов, чл. КПСС с 1971 г., д. ф. н.; Н. А. Нечаева, чл. КПСС с 1987 г.; Б. С. Цирлин, к. т. н.; В. В. Падкин, чл. КПСС с 1952 г., к. м. н.; Е. И. Алексеева, чл. КПСС с 1960 г.; Н. Т. Агафонов, чл. КПСС с 1965 г., д. г. н.⁶⁷

18.05.88

Ремарка: в ИСЭП так и не вернулся...

Тем не менее, на заседании Ученого совета ИСЭП АН СССР, состоявшемся в конце мая 1988 г., заявка на исследовательский проект «Общественная пассивность и общественная активность в условиях перестройки: проблемы и перспективы» была отвергнута (что, впрочем, не удивительно).

Таким образом, возвращение социолога-испытателя в Институт социально-экономических проблем оказалось заблокировано.

Однако, во многом благодаря вышеуказанной поддержке коллег, автор в июле 1988 г. (после 8,5 лет работы на «Ленполиграфмаше») беспрепятственно (со стороны ленинградских партийных органов) перешел на работу в проблемную лабораторию Высшей профсоюзной школы культуры (ВПШК) — ту самую, с которой сотрудничал еще в начале 80-х гг. Этой лабораторией в то время руководила канд. филос. наук Э. М. Сидорова. (Март 2001 — май 2003).

⁶⁷ В оригинале документа указывалось также место работы каждого из 42-х подписавшихся. Подавляющее большинство — сотрудники Института социально-экономических проблем АН СССР. Указывались также адреса для ответа: домашние адреса В. Костюшева, Л. Кесельмана, И. Травина.

Пользуюсь случаем выразить свою признательность всем участникам тогдашней акции коллективной поддержки.

13.16.3. У истоков нового социологического института

Из партийного бюро отдела ИСЭП АН СССР — в отдел науки Ленинградского обкома КПСС (июль 1988)

Информируем Вас, что открытое партийное собрание (протокол № 4 от 4.07.88) цеховой партийной организации отдела проблем социального развития ИСЭП АН СССР, обсудив постановление ЦК КПСС от 12.06.88 «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых социальных проблем советского общества», постановило:

— поддержать идею создания самостоятельного академического института социологического профиля в Ленинграде.

Секретарь партбюро Т. З. Протасенко, июль 1988⁶⁸

* * *

[Ниже — сохранившийся вряд ли где еще, кроме моего архива, документ: первый набросок проекта нового социологического института в Ленинграде. — А. А.]

Проект

(сост.: В. Ядов, Б. Фирсов, А. Алексеев, В. Голофаст, И. Травин)

Институт социологии общественных изменений АН СССР
(г. Ленинград)

Основные научно-исследовательские направления:

- 1) Исследование проблем развития гласности и общественного мнения.
  - 2) Исследование процессов демократизации общественных отношений.
  - 3) Исследование социальных механизмов экономических изменений.
  - 4) Исследование проблем социально-культурного развития и образа жизни.
  - 5) Исследование общественных движений и гражданских инициатив.
  - 6) Исследование проблем нравственного развития и становления социально-ответственной личности.
  - 7) Актуальные проблемы теории, методологии и истории социологии.
  - 8) Математическое моделирование социальных процессов. <...>
- 10 июля 1988 г.

Ремарка 1: социальные изменения — в центр исследований!

*Стоит обратить внимание, что главный упор в этом инициативном проекте конца 80-х гг. (в том числе — и в самом названии института) делался на исследовании **социальных изменений**, или общественной*

⁶⁸ Татьяна Захаровна Протасенко — ныне старший научный сотрудник Социологического института РАН.

трансформации (последний термин вошел в обиход российской общественной науки уже позднее).

О том, как реализовался тогдашний замысел в последующей истории академического института социологического профиля в Ленинграде—Санкт-Петербурге см. в приложении к настоящей главе. (Июнь 2005).

Ремарка 2: «исход» социологов из ИСЭПа.

Понятно, что скоро такие институциональные преобразования не делаются, даже в условиях эскалации общественных перемен. Лишь год спустя, в июле 1989 г. в Ленинграде возник филиал Института социологии АН СССР.

Борис Максимович Фирсов рассказывает:

«...Тут наступил период общественной реабилитации и признания научных и человеческих заслуг В. Ядова. Он стал первым профессиональным социологом, допущенным к руководству головным социологическим институтом в системе Академии наук СССР. Г. Марчук, тогдашний Президент Академии задал Ядову дежурный вопрос. Согласен ли Ядов принять на себя эту нелегкую ношу и нет ли у него специфических пожеланий.

В советское время лица, утверждаемые на высокие посты, ждали этого вопроса. Это был момент, когда руководителей-небожителей можно было попросить о чем-то необычном, разумеется, за счет казны. Ядов отказался от выпрашивания сверхлимитных благ по случаю восшествия на социологический трон страны. Я, сказал он, приму назначение только в одном случае, а именно, если будет создан филиал Института социологии АН СССР в Ленинграде, где в заточении в стенах ИСЭПАН СССР томятся несколько десятков профессиональных социологов. Марчук вздрогнул, а затем сказал, что идею надо поддержать...» (Фирсов Б. М. «...О себе и своем разномыслии» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев, 2005, № 1, с. 10).

Директором-организатором, а затем — избранным директором образованного соответствующим постановлением Президиума АН СССР Ленинградского филиала Института социологии стал докт. филос. наук Б. М. Фирсов (тоже прежде опальный). В названную новую академическую структуру перешли, в своем большинстве, социологи, работавшие в Институте социально-экономических проблем.⁶⁹

С октября 1989 г. сотрудником Ленинградского филиала Института социологии АН СССР стал и переведшийся туда из Высшей профсоюзной школы культуры бывший «исэповец» (а затем — «полиграфмашевец») — автор этих строк. (Март 2001 — июнь 2005).

⁶⁹ Каково «жило» и работало» социологам в ИСЭПе в 80-х гг. см. в томе 1 настоящей книги: разделы 3.5, 3.8; в томе 2: раздел 9.7. См. также ниже: глава 14.

Приложения к главе 13

П. 13.1. Пятнадцать лет спустя: к истории Социологического института РАН

[Обозначим здесь — пунктирно! — последующую историю единственного в Санкт-Петербурге академического учреждения социологического профиля. — А. А.].

Как уже сообщалось, в 1988 г. на волне демократических преобразований в общественной жизни страны во главе Института социологии АН СССР встал ранее опальный проф. В. А. Ядов.

Ленинградский филиал Института социологии АН СССР (ЛФ ИС АН СССР) был образован соответствующим академическим постановлением (его инициировал новый директор Института социологии; см. об этом выше) в середине 1989 г.¹ Кадровую основу Ленинградского филиала составили сотрудники социологического отдела (тогда называвшегося отделом проблем социального развития) Института социально-экономических проблем АН СССР.² Директором-организатором ЛФ ИС АН СССР, а затем — избранным директором нового академического учреждения (подразделения) стал докт. филос. наук Б. М. Фирсов.³

Среди штатных сотрудников Ленинградского филиала Института социологии (1989–1990) были пришедшие из ИСЭПа либо из других научных учреждений доктора наук: Я. И. Гишинский, С. И. Голод, И. А. Голосенко (ныне покойный), Б. З. Докторов, П. Н. Лебедев (ныне покойный). Они возглавили соответствующие сектора (или научно-исследовательские группы). Ряд секторов ЛФ ИС АН СССР возглавили пришедшие из ИСЭПа кандидаты наук — В. Б. Голофаст (ныне покойный), В. В. Костюшев, И. И. Травин. В 1991 г. стали докторами наук также пришедшие из ИСЭПа Н. К. Серов и Г. И. Саганенко.⁴

В начале 90-х гг. вслед за известным переименованием (возвращением названий...) как Академии наук (ставшей «Российской»), так и нашего города (ставшего «Санкт-Петербургом») произошло переименование и научного

¹ Как организационная структура Ленинградский филиал Института социологии возник в июле 1989 г. Его укомплектование происходило в течение последующих двух-трех месяцев.

² Об «исходе» социологов из ИСЭПа осенью 1989 г. см. выше.

³ Борис Максимович Фирсов с момента создания ИСЭП АН СССР (1975) заведовал одним из секторов в социологическом отделе этого института. Смещенный с этой должности решением ленинградских партийных властей (см. об этом ранее, в томе 2 настоящей книги: раздел 9.7), он был вынужден в 1984 г. покинуть ИСЭП и работал ведущим научным сотрудником в Институте этнографии АН СССР, вплоть до образования Ленинградского филиала Института социологии (1989), первым директором которого стал.

⁴ Со многими из названных лиц читатель уже встречался или еще встретится на страницах этой книги.

учреждения: **Санкт-Петербургский филиал Института социологии РАН (СПбФ ИС РАН).**

Как мне кажется, первые годы свободной (не стесненной идеологическим контролем и административным зажимом) жизни научного коллектива, в буквальном смысле слова **олицетворяющего** собой зародившуюся еще в 1960-х гг. «ленинградскую социологическую школу», были и самыми плодотворными. Об этом позволяют судить хотя бы скупые строки информационных справочников Института социологии РАН СССР и его СПб филиала 1990-х гг.⁵

Назову здесь — в хронологической последовательности — три исследовательские программы Института социологии РАН, в реализации которых значимое место отводилось его Санкт-Петербургскому филиалу:

— «Альтернативы социальных преобразований российского общества (изменение функций социальных институтов, социальное расслоение, миграционные процессы, формирование гражданского общества и самоопределение личности)» (1992–1994);

— «Социальная динамика и социальный порядок (институционализация социальных отношений и процессы формирования гражданского общества)» (1995–1997);

— «Социокультурные процессы в России на пороге XXI века в контексте глобальных социальных изменений» (1998–2002).⁶

Подсчитано, что за 12 лет сотрудниками СПбФ Института социологии РАН осуществлено около 850 научных публикаций в России и за рубежом, в том числе — около 30 монографий.⁷ Вышло несколько томов трудов (материалов текущих исследований) филиала. С 1998 г. СПбФ ИС РАН совместно с факультетом социологии СПбГУ выпускает «Журнал социологии и социальной антропологии» (4 номера в год).

⁵ См.: Институт социологии. Санкт-Петербургский филиал. СПб.: РАН, 1997; Институт социологии. Санкт-Петербургский филиал. СПб.: РАН, 1998; Институт социологии. М.: Российская академия наук, 1998. См. также: Социологические организации Санкт-Петербурга и Северо-Запада. Информационный справочник. СПб.: Алетейя, 2003, с 63–66.

⁶ См. указанные выше справочные издания. Основные (отраженные в планах НИР СПбФ ИС РАН) исследовательские проекты 1998–2002 гг. следующие:

— Роль культурной дифференциации в становлении рыночной экономики и демократии; Социально—культурные изменения и трансформации; Ценностные изменения в российском обществе на рубеже веков; Мораль в период трансформации российского общества; Структурная дифференциация и динамика характеристик социального сознания в условиях трансформации; Формирование этнической самоидентификации в ходе межкультурного взаимодействия; Социологическая модель девиантности: разработка и эмпирическая верификация; Социология власти и бюрократизма в России XIX — начала XX веков; Социальная дифференциация населения крупного города: тенденции и показатели; Формирование постсоветской региональной элиты и ее роль в становлении институтов частной собственности и предпринимательства; Общественные движения в современном российском обществе; Политическое участие, коллективные действия, идентичность, социальные сети; Социальное неравенство и здоровье; Социологический анализ смерти, смертности и продолжительности жизни; Тенденции трансформации семьи и брака (концептуализация функционирования и становления форм); Социальная и социологическая информация: способы актуализации информации, проблемы взаимной трансформации; Интегрированная компьютерная технология поддержки социологического исследования. (См. Социологические организации Санкт-Петербурга и Северо-Запада..., с. 64–65).

⁷ См. там же, с. 66. (Стоит оговорить, что численность научных сотрудников в СПбФ ИС РАН — СИ РАН колеблется около 60 чел.).

В 1996 г. Б. М. Фирсова — первого директора Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН (который на протяжении ряда лет занимался также организацией Европейского университета в Санкт-Петербурге и стал затем ректором этого нового учебного заведения) — на посту руководителя филиала сменил докт. филос. наук С. И. Голод. Некоторое время научный коллектив еще сохранял «целостность при свободе частей» (как это было первые годы). Однако вскоре положение дел стало меняться, как я считаю, не в лучшую сторону.

Между тем, в конце 1990-х гг. (практически одновременно — в Санкт-Петербурге и в Москве) был инициирован вопрос о создании — на базе СПб филиала Института социологии РАН — самостоятельного академического института. Эта идея получила поддержку в «академических верхах».

В 2000–2002 гг., в соответствии с постановлением Президиума РАН от 11 января 2000 г.⁸, произошла реорганизация Института социологии РАН, путем выделения из его состава Санкт-Петербургского филиала. На базе последнего был создан самостоятельный **Социологический институт Российской академии наук** (СИ РАН). Директором-организатором новообразованного института, а затем и. о. директора СИ РАН был назначен проф. С. И. Голод.

Следует отметить, что сама по себе история возникновения в Санкт-Петербурге самостоятельного академического института социологического профиля (1998–2002) довольно драматична.⁹ В своих основных чертах эта история отражена в двух специально посвященных данной теме публикациях автора настоящей книги, к которым отсылаю тех читателей, кому это может быть интересно.¹⁰ Здесь же ограничусь тем, что процитирую собственную проблемную записку «К вопросу о работе СПб филиала Института социологии РАН — Социологического института РАН в 1998–2002 гг.», от апреля–июня 2003 г.:

«...Действительные же усилия администрации (института. — А. А.) того времени... состояли в том, чтобы “переустроить” институт... в интересах лишь относительно узкой группы лиц, полагавшей себя “наиболее перспективной” частью коллектива. Причем так, чтобы вытолкнуть из института остальных (и прежде всего тех, кто стоял у истоков этого института, еще в конце 80-х...)».

Это выразилось и в узко-групповой, втайне от научного коллектива осуществлявшейся, разработке тогдашней дирекцией весьма дробной и разрозненной структуры “основных научных направлений” будущего института..., которая была, как я считаю,

⁸ Постановление Президиума РАН № 3 от 11.01.2000 «О создании Социологического института РАН (представление Отделения философии, социологии, психологии и права)».

⁹ В настоящей книге эта тема затрагивалась однажды — лишь вскользь, в связи с рассказом о драматичной судьбе моего покойного друга и коллеги Б. Д. Беликова (см. в томе 2: приложение 6 к части 2).

¹⁰ *Алексеев А. Н.* О создании Социологического института РАН на базе Санкт-Петербургского филиала института социологии РАН (аналитическая записка) // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев*, 2000, № 1; *Алексеев А.* «Хотели хорошего но... не успели!» (неизвестные факты из истории реорганизации СПб филиала Института социологии в Социологический институт РАН) // *Телескоп...*, 2003, № 3.

Оглавление первой из двух названных публикаций: 1. Предыстория. 2. Институциональная реорганизация 2000: системно-научный аспект. 3. Создание нового академического института: организационно-кадровый аспект. 4. Подготовка постановления Президиума РАН: морально-этический аспект. 5. Что же теперь делать?

неосторожно, утверждена тогдашним составом Президиума РАН (в известном постановлении от 11 января 2000 г.).¹¹

Оказалось, что свыше половины (*научных*. — А. А.) сотрудников института “не вписываются” в эти навязанные коллективу направления, со всеми вытекающими отсюда последствиями...». ¹²

Действия тогдашнего руководства института (директор С. И. Голод; зам. директора по научной работе А. В. Дука) фактически раскололи коллектив на две противостоящие друг другу части, что, понятно, мало способствовало решению общих задач. В институте сложилась остро кризисная ситуация.

...По разным причинам (среди которых также и происходившие в это время структурные преобразования самой Академии наук) институциональная реорганизация (СПбФ ИС РАН — СИ РАН) затянулась. Лишь в декабре 2002 г. состоялись выборы директора Социологического института РАН в Отделении общественных наук Академии наук.

На этих выборах и. о. директора СИ РАН С. И. Голод (ранее — в январе 2002 г. — получивший поддержку большинства на собрании научных сотрудников СИ РАН) проиграл претенденту «со стороны» (впрочем, хорошо известному в петербургском социологическом сообществе и поддерживаемому значительной частью коллектива института) доктору социол. наук, проф. А. В. Тихонову, который сумел предложить более убедительную научно-организационную программу.

С января 2003 г. директором Социологического института РАН стал А. В. Тихонов.¹³ Вскоре за тем по вопросу о положении дел и о путях дальнейшего развития института развернулась острая полемика на страницах журнала «Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев». В ней приняли участие сотрудники СИ РАН, представлявшие две существенно разные точки зрения в данном вопросе.¹⁴ Нельзя сказать, чтобы предмет этой полемики к настоящему времени был полностью исчерпан. Тем не менее, в период 2003—2004 гг. продолжалось строительство нового института.

¹¹ «...3. Утвердить следующие направления научной деятельности Социологического института РАН: проведение исследований в области: социологии девиантности и социального контроля; социологии семьи, гендерных и сексуальных отношений; социально-культурных трансформаций; социологии власти и властных структур; социологии здоровья населения; истории российской социологии; социальной антропологии; социологии и социальной психологии морали...».

(См. Постановление Президиума РАН «О создании Социологического института РАН...» от 11.01.2000. Архив СИ РАН).

¹² Упомянутая записка была передана в комиссию по комплексной проверке Социологического института РАН (председатель комиссии — член-корреспондент РАН Ж. Т. Тощенко) в июне 2003 г.

¹³ Об Александре Васильевиче Тихонове см. ранее, в томе 1 настоящей книги: приложение 2 к главе 5; в томе 3: разделы 11.1 и 13.16.

¹⁴ См.: Тихонов А. О ситуации в Социологическом институте РАН (Санкт-Петербург) и перспективах ее развития (доклад на секции философии, социологии, психологии и права РАН 4.12.2002) // Телескоп..., 2003, № 1; Голод С., Дука А., Быстрова А. О «старой гвардии», «академизме» и групповых интересах (в ответ на публикацию А. В. Тихонова «О ситуации в Социологическом институте РАН (Санкт-Петербург) и перспективах его развития») // Телескоп..., 2003, № 2; Винер Б. Развитие Социологического института РАН: решения тактические или стратегические? (по поводу доклада А. В. Тихонова в ходе предвыборной кампании) // Телескоп..., 2003, № 2; Алексеев А. «Хотели хорошего, но... не успели!»... // Телескоп..., 2003, № 3.

В апреле 2003 г. был избран Ученый совет. В сентябре были вынесены на обсуждение коллектива и получили одобрение на общем собрании научных сотрудников изменения в Уставе СИ РАН (включая формулировки основных направлений научной деятельности). Была оптимизирована структура института, возникло несколько новых секторов. Возобновилась работа методологического семинара. Началась разработка научной концепции института и перспективной программы научных исследований до 2010 г. Был заключен коллективный договор. Эти и ряд других позитивных моментов были отмечены в специальном постановлении бюро Отделения общественных наук РАН (ноябрь 2004).¹⁵

В декабре 2003 г. Комиссия по совершенствованию структуры системы институтов РАН внесла в Президиум РАН рекомендации, среди которых оказалась реорганизация Института проблем региональной экономики РАН (г. Санкт-Петербург) путем... присоединения к нему Социологического института РАН с прекращением деятельности последнего как юридического лица.¹⁶ По счастью, высшее руководство РАН приняло во внимание возражения Санкт-Петербургского научного центра РАН, а также доводы против такой реорганизации в решениях двух Ученых советов (СИ РАН и ИПРЭ РАН).

В октябре 2004 г. коллектив Социологического института РАН отметил свой уже 15-летний юбилей (счет ведется от момента образования Ленинградского филиала Института социологии АН СССР — 1989 г.; см. выше).

...Пребывание А. В. Тихонова в роли директора СИ РАН внезапно прервалось раньше срока. В апреле 2005 г. Тихонова (переехавшего на постоянное место жительства в Москву) на этом руководящем посту сменила член-корреспондент РАН И. И. Елисеева (назначенная Президиумом РАН и. о. директора института, впредь до выборов директора в установленном в Академии наук порядке).

Таковы, пожалуй, основные вехи и этапы истории единственного в Санкт-Петербурге академического учреждения социологического профиля.

...Напомню, что постановка вопроса об **общественных изменениях**, как приоритетном предмете исследований, впервые состоялась в инициативном проекте нового социологического института в Ленинграде еще в 1988 году (см. выше: раздел 13.16). Однако окончательное признание и официальную «прописку» в Уставе института эта идея получила... лишь 15 лет спустя!

В октябре 2003 г. при обсуждении изменений в Уставе общим собранием научных сотрудников Социологического института РАН были приняты следующие формулировки предмета и основных направлений научной деятельности института (пункт 2.1 Устава):

«...Предметом научной деятельности Института является изучение тенденций и механизмов общественных изменений и, в частности, социальных, культурных,

¹⁵ Постановление бюро ООН РАН № 94 от 16.11.2004 «О внесении изменений в формулировку основного научного направления и структуру Социологического института РАН».

¹⁶ Здесь следует иметь в виду два обстоятельства, придававших данной рекомендации несколько «скандальный» оттенок: а) ИПРЭ РАН — это бывший Институт социально-экономических проблем, тот самый, из которого 15 лет назад состоялся «исход» социологов (см. выше); б) предложенная ликвидация СИ РАН фактически ставила под сомнение целесообразность совсем недавних (4 года назад) решений руководства РАН о создании нового института.

политических особенностей российского общества, соотношения преемственности и изменений в различных сферах жизни, глобального и локального в российской трансформации, организованности и спонтанности в социальных процессах, взаимосвязи становления новых социальных структур и институтов и изменений в сознании и поведении людей.

Основные направления научных исследований СИ РАН:

- теория, методология и история социологии;
- социально-культурные трансформации;
- социально-институциональные изменения;
- социальные девиации и социальный контроль....¹⁷

Спустя год вышеуказанные четыре основные (укрупненные...) направления научной деятельности института были утверждены упомянутым выше постановлением бюро Отделения общественных наук РАН от 16 ноября 2004 г.¹⁸

Этим же постановлением бюро ООН РАН за Социологическим институтом РАН был закреплен «профиль фундаментальных исследований до 2010 года», в следующей формулировке:

«Исследования социокультурной обусловленности инновационной составляющей процессов российской трансформации в контексте глобальных социальных изменений».¹⁹

И, наконец, этим же постановлением бюро ООН РАН предусматривалось создание в структуре Социологического института РАН двух центров (инновационно-аналитического и научно-образовательного на внебюджетной основе) и шести лабораторий (интернет-исследований; аудио-видеометодов социологических наблюдений; качественных методов исследования; измерительных процедур сбора и обработки массовой социологической информации; социального картографирования территорий; социального экспериментирования и комплексной оценки инновационных программ).

¹⁷ Цит. по: Протокол общего собрания научных сотрудников СИ РАН 14.10.2003. (Архив СИ РАН).

¹⁸ Таким образом, бюро Отделения общественных наук РАН своим постановлением откорректировало (уточнило...) постановление Президиума РАН от 11.01.2000 (где, как уже говорилось, фигурировали 8 относительно частных, разрозненных направлений научной деятельности).

«...Нам представляется, что **основных** направлений научной деятельности во вновь организованном институте может быть 3-4, но никак не восемь. Приемлемым с точки зрения квалифицированного управления наукой в данном случае может быть такой уровень обобщения и систематизации, как скажем, «социально-культурные трансформации», «преемственность и изменения в социальных институтах», «история, теория и методология социологии»...» (Алексеев А. Н. О создании Социологического института РАН на базе Санкт-Петербургского филиала института социологии РАН (аналитическая записка) // Телескоп..., 2000, № 1, с. 38).

«...Если допущена ошибка... ее нужно исправлять. Сделать это можно “мягко”... Скажем, в специальном приложении (*к имеющемуся постановлению Президиума РАН. — А. А.*)... обозначить, с учетом дополнительной проработки вопроса, основные направления научной деятельности нового института... с достаточным уровнем обобщения, с соблюдением системных требований, с сохранением специфичности... и актуальности...

Иначе говоря — исключить заведомую разрозненность, фрагментарность, дезинтеграцию научных направлений, обеспечить **целостность**, создать предпосылки для выработки научной концепции нового института...» (Там же, с. 42).

¹⁹ Этому предшествовало соответствующее решение Ученого совета Социологического института РАН от 5.10.2004 («О конкретизации профиля научных исследований и повышении роли института в социокультурном обосновании программ инновационного развития»). Тем самым определялось место института в системе разделения труда между социологическими академическими учреждениями страны.

...К сожалению, ввиду обострившихся сегодня проблем организации и развития российской науки и высшей школы и — активно оспариваемого широкой научной общественностью! — проекта радикального реформирования Российской академии наук в целом, перспективы выполнения указанного академического постановления, как и вообще дальнейшего развития («выживания»?) недавно созданного института (СИ РАН) остаются довольно неопределенными.

А. А., май 2003 — июнь 2005

* * *

Постскриптум («К истории СИ РАН»)

14.06.2005 состоялось очередное заседание методологического семинара Социологического института РАН, на котором обсуждалась одна из версий (проект) комплексной программы исследований СИ РАН на 2005—2010 гг. Основным разработчиком данной версии институтской программы является зав. сектором социологии девиантности и социального контроля, канд. социол. наук В. В. Гольберт.

Было предложено следующее название программы: **«Российская трансформация в глобальном контексте: социокультурные, структурные и институциональные аспекты»**.

Из указанной версии программы:

«...Понятия «социальные изменения» и «трансформация» задают общее направление для исследований в отдельных предметных областях. Социальные изменения рассматриваются как любые смены социальных состояний. Слова «в контексте глобальных социальных изменений» нацеливают на рассмотрение внутренних механизмов, факторов и эффектов трансформации в соотношении с внешними. Это исключает как фиксацию на особых путях и исторических судьбах России, так и видение ее развития как проявление действия неких универсальных, культурно-безликих сил и закономерностей.

...Преимущества понятия трансформации заключаются в его свободе от векторной нагрузки, от теоретической и методологической предопределенности. Оно означает лишь перманентный переход от одних форм к другим, в противоречивом переплетении различных процессов и явлений общественной жизни. Эти процессы и явления возникают, существуют, истекают и исчезают в связи с деятельностью исторических субъектов (от рядовых граждан до национальных правительств и международных субъектов современной истории), преследующих свои интересы и отвечающих на внешние вызовы. В таком качестве процессы трансформации представляют собой многоаспектный объект исследований с различных теоретико-методологических позиций...».

Разработчик программы полагает, что проблематика исследований не может быть определена в каком-либо одном понятийном измерении. «Можно обозначить лишь ряд взаимно пересекающихся измерений, актуализировавшихся на сегодняшний день в процессе обсуждения проблем социальной трансформации и не локализованных в какой-либо одной из частных предметных областей». Среди оснований для таких «измерений» указываются следующие²⁰:

²⁰ Здесь — не цитирование, а краткий авторский пересказ соответствующих позиций комплексной программы исследований, предложенной В.Г.

1) оппозиция или диалектика глобального и локального в определении структуры и облика социальной трансформации, (осмысляемые как соотношение между унификацией мирового экономического, политического и культурного пространства, с одной стороны, и постмодернистским ренессансом локального самосознания, знания, культуры, с другой стороны);

2) дилемма рассмотрения трансформационных процессов как целенаправленно управляемых либо детерминированных стихийным действием безличных экономических, культурных, космических и прочих факторов;

3) диалектика традиции и инновации²¹ (вовсе не сводимая к застарелому и в общем бесплодному спору «державников-традиционалистов» и «прозападников-реформаторов»);

4) различие между аффирмативными и трансформативными стратегиями реформ (имея в виду в первом случае — нейтрализацию противоречий и дефектов существующей системы отношений, а во втором — преодоление существующей системы и системных источников социальных дисфункций);

5) соотношение между макро- и микросоциальной плоскостью социальных изменений;

6) видение трансформационного процесса как либо детерминированного, либо контингентного (детерминирован он может быть предшествующим ходом истории, инерцией, структурными, природными, космическими факторами, культурной традицией и т. п.; контингентность означает, что на любой момент времени не исключено несколько вариантов дальнейшего развития, каждый из которых возможен, но не обязателен);

7) проблема определения «источников и движущих сил трансформации» (какие социальные группы являются движущими силами тех или иных преобразований? какие противоречия побуждают их к усилиям по изменению статус-кво и коллективной самоорганизации ради этого? и т. д.);

8) различие между инструментальными («средства...») и терминальными («конечные цели», или реальные цели, вовсе не обязательно провозглашаемые) аспектами трансформации;

9) анализ в плоскости классических категорий концептуализации эволюционных процессов (включая характеристику механизмов вариации, дезорганизации, возникновения отклонений от существующих норм поведения, мышления, действия, взаимодействия и, соответственно, девиантнормализации — превращения вчерашней девиации в норму, вчерашней нормы в девиацию и смысловое переопределение границ нормального и девиантного).

«...Перечисленные аналитические категории не предписываются в качестве организующих исследовательский процесс в предметных областях отдельных подразделений (секторов, лабораторий, научно-исследовательских групп института. — А. А.). Подразделения могут воспользоваться ими, а могут иначе определить проблематику социального изменения в преломлении своей предметной области...»

Представленные в данном проекте (версии) Комплексной программы исследований СИ РАН теоретико-методологический и научно-организационный

²¹ Думаю, можно сказать также: диалектика преемственности и изменений. См. формулировку п. 2.1 обновленного Устава СИ РАН (выше).

подходы вселяют известную надежду на дальнейшую успешную «трансформацию» института. Если, конечно, этот процесс не будет прерван форс-мажорными обстоятельствами... (Июнь 2005).

П.13.2. Пятнадцать лет спустя: драматическая история СПАС

[Ниже — тоже пунктирно! — последующая история научно-общественной организации социологов в Ленинграде — Санкт-Петербурге, глазами ее «неудобного» члена (каковым, надо сказать, автор этих строк оказался и не только в стародавние времена). — А. А.]

После «исторического» перестроечного (март 1987 г.) отчетно-выборного собрания Северо-Западного отделения Советской социологической ассоциации, на котором социологическое сообщество самоопределилось как сила, готовая и способная бороться за демократические преобразования в стране²², в деятельности этой организации наметились значительное оживление и подъем.

До своего переезда в Москву (1988) СЗО ССА возглавлял В. А. Ядов, затем на посту председателя бюро отделения его сменил Б. З. Докторов.²³

Этот период (1987—1991) был, наверное, самым ярким и насыщенным в истории ленинградского-петербургского социологического сообщества. Среди социологов оказалось не так уж мало «прорабов» перестройки. Заметным было их участие в общественно-политических объединениях и движениях (например, клуб «Перестройка», «Ленинградская трибуна», организация «За Народный фронт»)²⁴. В октябре 1987 г. решением бюро СЗО ССА была создана комиссия по изучению общественных движений, сама по себе ставшая субъектом общественной жизни.²⁵ Социологи были едва ли не главными фигурами в знаменитой в ту пору интерактивной передаче Ленинградского телевидения «Общественное мнение».

Особенно возрос авторитет социологического сообщества в 1989 г., когда усилиями членов ССА были организованы уличные опросы населения, результаты которых позволили с высокой точностью предсказать исходы первых демократических (альтернативных) выборов народных депутатов СССР.

В апреле 1989 г. состоялось учреждение Центра по изучению и прогнозированию социальных процессов СЗО ССА, с тех пор на протяжении многих лет систематически проводившего в Ленинграде — Санкт-Петербурге замеры разнообразных сторон массового сознания различных социальных групп

²² См. выше: раздел 13.14.

²³ Судя по подписям на некоторых документах 1989 г. (см. ниже: глава 17), автор настоящей книги какое-то время был заместителем председателя бюро СЗО ССА.

²⁴ См. об этом подробно ниже, в главах 19 и 20.

²⁵ «Одной из важнейших наших (комиссии по изучению общественных движений СЗО ССА. — А. А.) задач мы считаем консультационную работу, основанную на результатах проведенных исследований и направленную на развитие общественных движений как новых субъектов экономической, политической и культурной жизни страны» (Воронков В. М., Здравомыслова Е. А., Костюшев В. В. От составителей / Общественные движения Ленинграда. Информационный бюллетень. Л.: СЗО ССА, 1989, с. 3).

населения, при использовании инновационной технологии уличных опросов, с участием (на общественных началах) нескольких десятков интервьюеров в каждом опросе. Результаты этих исследований немедленно становились достоянием гласности. Только за период 1989–1991 гг. имело место свыше 100 публикаций Центра в ленинградской прессе.²⁶

Здесь ограничусь этими несколькими примерами активности научно-общественной организации социологов на волне демократических преобразований рубежа 80–90-х гг. Определенная инерция упомянутого подъема в жизни социологического сообщества действовала еще несколько лет.

* * *

В 1992 г. на базе Северо-Западного отделения Советской социологической ассоциации образовалась **Санкт-Петербургская ассоциация социологов (СПАС)**. Вот как рассказала об этом событии тогдашняя петербургская газета «Рейтинг»:

«24 апреля в одном из залов Таврического дворца свыше 100 (если точно — 104, согласно регистрационному листу. — А. А.) собравшихся там питерских социологов констатировали факт ликвидации Северо-Западного отделения Советской социологической ассоциации (ССА). Ведь последняя уже прекратила свое существование. Затем собрание объявило себя учредительным и создало Санкт-Петербургскую ассоциацию социологов (СПАС). Принят ее устав, а бюро бывшего отделения прежней ассоциации наделено полномочиями оргкомитета новой. Осенью, после официальной регистрации состоится выборное собрание, где будут избраны руководящие органы ассоциации. Все члены бывшей ССА из Северо-Западного региона, которые по каким-либо причинам не присутствовали на собрании 24 апреля, должны (если захотят) до осени подтвердить свое членство в новой ассоциации.

...Председатель оргкомитета Санкт-Петербургской ассоциации социологов (ранее — сопредседатель Северо-Западного отделения ССА) Александр Тихонов рассказал автору этих строк, что происшедшее в Таврическом дворце не является очередной сменой вывески. Новая ассоциация будет полностью самостоятельной организацией, не зависящей, как это было ранее, от каких-либо официальных, в частности академических структур. СПАС мыслится как региональное образование по преимуществу, однако не исключает членства социологов из любых мест России, а также из других государств. Предполагается развитие сети научных контактов, в том числе и международных. Не ожидается и какого-либо тайм-аута в деятельности научного сообщества на период преобразования — уже в июне, по инициативе группы членов СПАСа, планируется провести в нашем городе Конгресс научной общественности по проблемам социальной политики...»²⁷

Вскоре за тем новая ассоциация прошла официальную регистрацию. СПАС самоопределилась также в качестве ассоциированного члена Российского общества социологов (РОС), каковым является до сих пор. Руководителями (сопредседателями, президентами, вице-президентами) СПАС в разные годы были: В. Костюшев, А. Тихонов, А. Вейхер, Р. Могилевский, В. Воронков, Д. Иванов, М. Илле (1992–2005).

²⁶ Об обстоятельствах возникновения и начальном периоде деятельности Центра изучения и прогнозирования социальных процессов СЗО ССА (под руководством Л. Е. Кесельмана) см. подробно ниже: глава 21.

²⁷ *Гольдштейн Л.* ССА умерла. С днем рождения, СПАС! // Рейтинг, 1992, № 12, май.

В предисловии «От редактора» к информационному справочнику «Социологи Санкт-Петербурга: кто есть кто. Индивидуальные члены Санкт-Петербургской ассоциации социологов» (СПб., 1999) ошибочно указывается в качестве даты учреждения СПАС — 3 сентября 1992 г. Скорее всего, это дата первого выборного (в отличие от учредительного) собрания либо официальной регистрации СПАС.

Здесь замечу, что деятельность Санкт-Петербургской ассоциации социологов на протяжении последнего десятилетия нашла довольно полное отражение на страницах журнала «Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев». В дальнейшем всюду, где это возможно, я буду ссылаться на публикации этого журнала...

Ремарка: о журнале «Телескоп».

Этот журнал выходит с 1997 г. Учредитель и редактор журнала (с момента основания по настоящее время) — Михаил Илле. Подзаголовок издания: «Журнал социологических и маркетинговых исследований». Журнал выходит 1 раз в 2 месяца.

*Вообще, этот журнал, обозначивший себя с 1999 г. как «информационный партнер СПАС», а с 2003 г. вынесший название ассоциации на свой титул, в последнее время можно рассматривать не столько в качестве «партнера» или «органа», сколько в роли **конституирующего центра** (стабилизирующего фермента?) ассоциации. Кроме Санкт-Петербургской ассоциации социологов, на титуле журнала сегодня (2005) указываются также: факультет социологии СПбГУ; Институт социологии РАН; Центр независимых социологических исследований. В редакционный совет журнала ныне входят: В. Воронков, Б. Докторов, И. Елисеева, Л. Кесельман, В. Козловский, Р. Могилевский, Т. Протасенко, В. Сергеев, Н. Скворцов, Н. Ядов. (Май 2005).*

...В 1992–1999 гг. ассоциацией был осуществлен ряд интересных проектов.

К числу наиболее значимых акций СПАС относится Международная научная конференция «Ленинградская-Петербургская социология: между прошлым и будущим» (сентябрь 1994), приуроченная к условному юбилею — 35-летию социологических исследований в Ленинграде.²⁸ Названная конференция происходила сначала в Санкт-Петербурге (в Доме архитекторов), потом в Пушкине (на даче Кочубея). В конференции приняло участие свыше 100 чел. Было представлено более 50 докладов и выступлений...

Справка

Отчет об этой конференции см. в «Социологическом журнале» (1994, № 4). Несколько лет спустя была опубликована стенограмма указанной конференции. См.: Ленинградская социологическая школа (1960-е—1980-е годы). Материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 23–25 сентября 1994 г. М.—СПб.: РОС, СПАС, 1998, 175 с.

Приведу здесь список только тех участников этой конференции, чьи выступления отражены в упомянутом издании: М. Борщевский (Лондон), В. Голофаст, Л. Гурьева (Томск), Я. Гилинский, А. Баранов, А. Вейхер, В. Воронков, В. Дмитриевский (Москва), Е. Здравомыслова, И. Кон (Москва), В. Костюшев, М. Лауристин (Тарту), В. Магун (Москва), М. Маколи (Оксфорд), Б. Максимов, Р. Могилевский, Пан Ду Э. (Шанхай), Т. Протасенко, С. Рапопорт (Вильнюс), В. Ружже, А. Русалинова, Р. Рывкина (Москва), Г. Саганенко, А. Семенов (Таллинн), З. Сикевич, Э. Соколов, А. Сопиков, С. Тихомиров,

²⁸ В 1959 г. в Ленинградском университете возникла первая социологическая лаборатория, под руководством В. А. Ядова.

А. Тихонов, Б. Фирсов, В. Хмелько (Киев), В. Шейнис (Москва), О. Шкаратан (Москва), В. Шубкин (Москва), В. Ядов (Москва).

Имена большинства из названных лиц читатель уже встречал на страницах этой книги.

...Будучи этапным событием в жизни петербургского социологического сообщества, эта конференция сделала заметными и некоторые негативные тенденции в организации работы СПАС того времени (правление ассоциации и оргкомитет конференции тогда возглавлял В. Костюшев). А именно — бестактность руководства СПАС по отношению к рядовым (не именитым) членам ассоциации (чье полноценное участие в этой конференции оказалось затруднено), преимущественное осуществление так называемых манифестных функций ассоциации, своего рода имитационная деятельность...²⁹

Еще в 1993 г. был издан первый информационный справочник «Социологические и маркетинговые организации и фирмы Санкт-Петербурга». (Забегая вперед, скажу, что второй информационный справочник СПАС — «Социологические организации Санкт-Петербурга и Северо-Запада» — вышел в свет 10 лет спустя: СПб.: Алетейя, 2003).

В период 1992—1999 гг. возник и действовал ряд новых секций и семинаров СПАС. Среди последних наибольшую известность получил семинар петербургских социологов «Новые идеи в социологии» (функционировавший в 1999–2000 гг.). В 1998 г. вышел первый номер журнала «Петербургская социология», в 1999 — второй номер этого журнала (под новым названием — «Петербургский журнал социологии»).³⁰ Был разработан «Кодекс профессиональной этики Санкт-Петербургской ассоциации социологов» (утвержденный общим собранием СПАС уже в 2000 г.).³¹

...На отчетно-выборном собрании СПАС, проходившем 26 апреля 1999 г., был принят новый Устав Санкт-Петербургской ассоциации социологов (учитывавший требования Федерального закона от 19.05.95 «Об общественных объединениях»).³² Согласно Уставу, **«региональная общественная организация СПАС является добровольным научным общественным объединением в форме общественной организации»** (п. 1.1). **«Основными целями СПАС являются содействие развитию социологической науки, совершенствованию профессиональной деятельности социологов и научно-профессиональному общению»** (п. 2.1).

²⁹ Несогласие со стилем руководства тогдашнего президента ассоциации Владимира Костюшева побудило автора этих строк в октябре 1994 г., сразу по окончании упомянутой конференции, выйти из состава правления СПАС, членом которого тогда был.

³⁰ Учредителем и редактором первого был А. Баранов; редактором второго — Р. Могилевский. Регулярного продолжения издание этого журнала однако не получило.

³¹ Обзоры деятельности СПАС за период 1992—1999 гг. см.: Родионова А. Санкт-Петербургская ассоциация социологов — новые направления работы // Телескоп..., 1999, № 3; Костюшев В. Санкт-Петербургская ассоциация социологов: итоги-1999, проекты-2000 // Телескоп..., 2000, № 1.

О семинаре социологов Петербурга «Новые идеи в социологии» см. публикацию А. Родионовой в: Телескоп..., 1999, № 4. Текст «Кодекса профессиональной этики» (авторская версия Р. Могилевского) опубликован в: Телескоп..., 2000, № 1.

³² Опубликован в: Телескоп..., 1999, № 3. Окончательный (зарегистрированный органами юстиции) текст Устава Санкт-Петербургской ассоциации социологов см. в: Телескоп..., 2000, № 1.

В 1999 г. был издан информационный справочник «Социологи Санкт-Петербурга: кто есть кто». В нем было представлено около 150 персоналий. Презентация этого справочника состоялась на общем собрании СПАС 24 мая 2000. (Забегая вперед, скажу, что в 2003 г. состоялось второе, исправленное и дополненное издание этого справочника. В нем уже около 170 персоналий членов СПАС).³³

В 1999 г. состоялось посмертное издание книги Г. Старовойтовой «Национальное самоопределение: подходы к изучению случаев» (СПб., 1999) и было положено начало ежегодным конкурсам молодых ученых и студентов памяти Г. В. Старовойтовой «Галатей», проводимым Санкт-Петербургским общественным фондом «Музей Галины Васильевны Старовойтовой», при участии СПАС.³⁴

Пожалуй, именно 1999-й был годом начала дискуссии о дальнейших путях (стратегии) развития Санкт-Петербургской ассоциации социологов. На заседании правления СПАС от 26 ноября 1999 г., посвященном этому вопросу, среди прочих прозвучали весьма критические голоса. Например:

«...(М. Е. Илле): Мне кажется, что довольно длительное время Ассоциация существует в иллюзорном пространстве. Обозначенные важные коммуникативные функции на самом деле осуществляются абстрактно. Реально в Ассоциации работает только Правление, которое периодически собирается, что-то обсуждает, решает. Ассоциация подключается к различным мероприятиям, проводимым социологическими центрами города (СПбФ ИС РАН, ф-т социологии СПбГУ и др.), но это участие формально, за ним, как правило, не стоит реальная работа организации...»

(В. М. Воронков): СПАС не пользуется никакой популярностью, ни на что не влияет, ничему не помогает...».³⁵

Правда, издали все виделось в гораздо более радужном свете. Например, В. Ядов в своем послании к отчетно-выборному собранию СПАС в апреле 2001 г. писал:

«Как видится из Москвы, СПАС — одна (если не единственная) из лучших, т. е. реально действующих социологических научных обществ. Прошу присоединить мой голос за удовлетворительную (хорошую — отличную) оценку работы руководства СПАС, передающего сейчас свои полномочия.»³⁶

В 2000 было принято «Положение о Почетных членах СПАС»³⁷ ...

---

³³ (1) Социологи Санкт-Петербурга: кто есть кто. Индивидуальные члены Санкт-Петербургской ассоциации социологов. Информационный справочник. СПб.: Специальная литература, 1999; (2) (То же название). СПб.: Алетея, 2003. (Оба издания — на русском и английском языках).

Справочник 1999 г. послужил материалом для анализа возрастной, гендерной, образовательной, профессиональной структуры Санкт-Петербургской ассоциации социологов в работе: Родионова А. Штрихи к портрету петербургской социологии // Телескоп..., 1999, № 5.

³⁴ См. Родионова А. Об итогах конкурса студенческих работ «Галатей» // Телескоп..., 2000, № 6. С тех пор прошло уже пять таких конкурсов.

³⁵ Родионова А. К вопросу о стратегии развития Санкт-Петербургской ассоциации социологов (по материалам заседания Правления СПАС) // Телескоп, 1999, № 6, с. 41, 43.

³⁶ Цит. по: Телескоп..., 2001, № 3, с. 55.

³⁷ Разработчиком этого Положения был А. Тихонов. Текст «Положения» см. в: Телескоп..., 2000, № 1.

Справка

К настоящему времени Почетными членами СПАС, в соответствии с решениями общих собраний ассоциации, являются: В. А. Ядов, С. А. Кугель, И. С. Кон, А. Г. Здравомыслов, О. И. Шкаратан, Б. М. Фирсов.

...В истории Санкт-Петербургской ассоциации социологов были как свои «взлеты», так и «падения». Обратимся к последним.

Кризисная ситуация сложилась, в частности, на рубеже 2000–2001 гг., когда на очередное отчетно-выборное собрание ассоциации (26 апреля 2001 г.; конференц-зал Дома журналистов на Невском) явились лишь около 50 членов СПАС, что составляло менее трети ее списочного состава на тот момент.

Отчасти, пожалуй, это было вызвано небрежностью в оповещении о месте и сроке... В подобной ситуации следовало, по-видимому, извиниться перед собравшимися и отложить если не отчет правления, то, по крайней мере, выборы. И вот тут... те немногочисленные члены ассоциации, которые там присутствовали, вслед за президиумом, не захотели признать огорчительный факт неправомочности собрания. Произошло нечто, напоминающее описанные в предыдущей главе (разделы 13.2, 13.4) случаи из жизни Советской социологической ассоциации 1983–1985 гг. (Пусть действующие лица современного случая руководствовались иными, чем тогда, соображениями!).

После состоявшегося обсуждения отчетного доклада работе правления была дана не легитимная (строго говоря!) позитивная оценка. Далее решили приступить к и подавно не легитимным выборам нового правления. В отчете о собрании, опубликованном в журнале «Телескоп», так описывается эта ситуация:

«...Перед голосованием возникла дискуссия о правомочности собрания. В ассоциации 169 членов, но только 108 уплатили членские взносы. Исходя из устава (*опубликованного в журнале "Телескоп", № 1 за 2001 г. — А. А.*), для кворума достаточно 55 человек, т. е. более 50% всех заплативших взносы и 1 человек. (*Из Устава СПАС такое вовсе не следовало. Но об этом ниже. — А. А.*) А. Н. Алексеев поставил вопрос, считать ли всех не заплативших взносы выбывшими из ассоциации.³⁸ В качестве компромиссного решения было предложено провести голосование, т. к. могли голосовать 57 членов ассоциации, из них 9 (*отсутствовавших на собрании. — А. А.*) передоверили свои голоса присутствующим. А. Н. Алексеев, не поддерживавший эту трактовку, публично покинул зал заседания».³⁹

Действительно, (бывший?..) социолог-испытатель с предложенным «компромиссным» решением не согласился и выдвинутую (бывшим...) президентом СПАС В. Костюшевым хитроумную трактовку Устава «не поддержал» — в отличие от большинства присутствующих. А два месяца спустя (так же публично, как ранее покинул зал заседания) заявил о своем добро-

³⁸ Вопрос А. Алексеева, если точно, звучал так: Считает ли В. Костюшев (которому принадлежала идея рассчитывать кворум таким образом) всех не уплативших членские взносы к началу собрания — выбывшими из ассоциации?

³⁹ *Павенкова М.* Отчетно-выборное собрание Санкт-Петербургской ассоциации социологов (СПАС) 26 апреля 2001 г. // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев*, 2001, № 3, с. 55.

вольном выходе из рядов СПАС, объяснив свои мотивы в письме в редакцию журнала «Телескоп»:

«...В июне с. г., получив возможность ознакомиться с протоколом..., я адресовал председателю собрания А. Тихонову и членам вновь избранного правления СПАС письмо, где дал свою оценку случившемуся (*на собрании 26.04.2001. — А. А.*). Не желая навязывать кому бы то ни было свою точку зрения, но и не считая возможным поддерживать далее своим членством организацию, фактически вышедшую «из правового поля», я заявил о своем индивидуальном добровольном выходе из СПАС.

Причем оставил за собой право отозвать это заявление в случае, если нынешние лидеры ассоциации проявят инициативу созыва внеочередного, действительно правомочного собрания, для проведения корректной процедуры выборов руководящих органов и восстановления легитимности СПАС...

А. Н. Алексеев, член ССА — СПАС с 1969 г. по 2001 г., 7 июля 2001 г.»⁴⁰

Как видно, своим инициативным выходом из СПАС автор вовсе не ставил под сомнение целесообразность существования научно-общественной организации, как таковой.

Но прозвучала на собрании (а затем и на страницах журнала) и иная — уничтожающая! — критика, сопровождавшаяся своего рода ликвидационным призывом. Член СПАС Б. Винер опубликовал статью под названием «Почему петербургским социологам сегодня не нужна профессиональная ассоциация». Отмечая в СПАС определенный застой, он считал представляемую ею форму научно-общественной самоорганизации излишней. При этом апеллировал к тому «эталону» профессиональной научной организации, каковой он усматривает в ASA (Американской социологической ассоциации) и к координационной модели Тернера, предполагающей (в условиях известной децентрализации науки и образования) стремление ассоциации к обеспечению корпоративного **влияния** и едва ли не бюрократического **контроля** «за распределением ресурсов, необходимых для производства знания», за «стандартизацией когнитивных ориентаций и критериев определения интеллектуальных проблем» и т. п.⁴¹

В № 6 журнала за 2001 г. Б. Винеру возразила Т. Протасенко. В своем письме в редакцию она писала:

«...Профессиональная организация социологов — это прежде всего общественная организация, а не научная. Целью ее должно быть объединение всех тех, кто относит себя к социологам, в том числе работая в смежных областях знания. Цель ее — не делить социологов на верных и неверных, на тех, кто занимается фундаментальными исследованиями или больше концентрируется на исследованиях общественного мнения, а — подчеркиваю — **объединить их, стать площадкой для общения разных групп социологов.** Именно эти функции с большим или меньшим успехом и пыталась выполнять СПАС».⁴²

Между тем, новое правление ассоциации, получившее свой мандат от неправомочного (как автор по-прежнему убежден) собрания, приступило к

⁴⁰ Алексеев А. Письмо в редакцию: эпизод из жизни СПАС // Телескоп..., 2001, № 4, с. 50.

⁴¹ См. Винер Б. Почему петербургским социологам сегодня не нужна профессиональная ассоциация // Телескоп..., 2001, № 4. Слов нет, **такая** ассоциация петербургским социологам и впрямь не нужна. Но другой — критик, похоже, себе не мыслит.

⁴² Протасенко Т. Письмо в редакцию: прошу считать меня социологом // Телескоп... 2001, 6, с. 52. С точкой зрения Т. П. автор настоящей книги в принципе согласен.

работе. Прежде всего, оно постаралось снять на будущее проблему правомочности / неправомочности общих собраний. А для этого — предприняло перерегистрацию членства в СПАС, а также организовало внеочередное собрание, на котором были внесены **изменения в Устав** ассоциации.

Собрание происходило в одной из аудиторий социологического факультета СПбГУ 6 декабря 2001 г. В нем участвовало 80 чел., при общем количестве перерегистрировавшихся — 90.⁴³ Понятно, что если рассчитывать кворум от числа последних, то такой «кворум», очевидно, наличествовал.

Суть же принятых на этом собрании изменений в Уставе сводилась... к установлению возможности своего рода **сверхтекучести** состава ассоциации. Уставом СПАС изначально различались: почетные члены, (рядовые) члены и участники ассоциации (п. 3.1). Почетные члены от уплаты ежегодных членских взносов освобождены. (Рядовые) члены эти взносы платить обязаны. (Причем если раньше порядок уплаты и величина взноса устанавливались общим собранием, то теперь то и другое объявлялось прерогативой правления). И, наконец, так называемые участники СПАС (что-то вроде «сочувствующих» в известной терминологии общественных движений) — не обязаны платить взносы, но и права решающего голоса на собраниях не имеют.

Так вот, главной уставной новацией явилось то, что (как ныне прописано в п. 3.6) не уплативший членские взносы в установленный правлением срок «член ассоциации» автоматически понижается в статусе (я не цитирую, а излагаю суть!) до «участника ассоциации». А стало быть, не важно (с точки зрения определения кворума) — присутствует он на собрании или нет: ведь общее собрание правомочно при условии присутствия на нем более 50% исключительно членов СПАС, как таковых (именно «**полноправных**», своевременно уплативших взносы, иначе говоря «подтвердивших» свое членство) (п. 3.6).

Еще одной уставной новацией стало (отсутствовавшее ранее в Уставе) «разрешение» членам ассоциации делегировать свой голос (право голосования на общем собрании) любому другому члену СПАС — путем выдачи соответствующего письменного поручения (т. е. предусматривается возможность «заочного голосования»).

Известно, что членские взносы обычно уплачиваются теми, кто пришел на собрание, — в ходе регистрации явки. Если, как теперь разрешает Устав, правление установит крайним сроком уплаты членских взносов именно дату собрания, то **кворум на общем собрании ассоциации будет всегда!** Даже если его (собрание) проигнорирует заведомое большинство числящихся в ассоциации членов (не успевших подтвердить свое членство денежным взносом).

Лукавство таких уставных нововведений достаточно очевидно, но в остроумии их изобретателям не откажешь!⁴⁴ Что же касается «дискриминации» большинства (не очень дисциплинированных...) членов

⁴³ Списочная численность СПАС к тому времени, как было объявлено на собрании, достигала уже 181 чел.

⁴⁴ Единственная «заковыка»: лишний раз подтвердилось, что предыдущее собрание СПАС (апрель 2001) было-таки неправомочным (как на том настаивал автор этих строк). Иначе зачем понадобились бы все эти нововведения в Уставе?

ассоциации (лишаемых за неуплату взносов права голоса...), то им вовсе не возбраняется в любое время... погасить свою задолженность и тем самым вновь вернуться в состояние «подтвержденного членства»!⁴⁵

На том же самом собрании, где вносились все эти изменения в Устав, присутствующие узнали, что новому правлению СПАС (во главе с президентом В. Воронковым) удалось в 2001 г. выиграть крупный грант Института «Открытое общество» — по итогам проведения конкурса поддержки профессиональных ассоциаций. Заявленный организационный проект предусматривал следующие направления деятельности ассоциации: 1) информационная деятельность, развитие коммуникационных связей между членами ассоциации; 2) издательская деятельность; 3) проведение ежегодных конкурсов; 4) содействие развитию гражданского общества в России; 5) содействие повышению уровня социологического образования; 6) формирование общих исследовательских сетей и иная совместная деятельность социологов региона; 7) ежегодное проведение конгрессов социологов СПб и Северо-Запада.⁴⁶

Справедливости ради следует сказать, что новое руководство СПАС (2001–2003), несмотря на свою нелегитимность, оказалось вполне работоспособным. Большую часть намеченного ему удалось осуществить.⁴⁷ Что с удовлетворением отметили и участники очередного отчетно-выборного собрания ассоциации, происходившего 24 апреля 2003 г.:

«...Конференц-зал в Доме журналистов, традиционном месте сбора социологов, казался почти полным. 79 членов Ассоциации пришли, чтобы принять участие в переизбрании отработавшего свой срок Правления, и 30 передали свои голоса через надежных товарищей. К радости организаторов кворум собрался».⁴⁸

...Отчетный доклад президента СПАС Воронкова В. М. ... изобиловал наработками, успехами, достижениями. Ошеломляющей показалась сумма гранта «Открытого общества» (17 тыс. долларов США. — А. А.), истраченная целиком на конструирование имиджа

⁴⁵ Кроме всего изложенного, в Устав СПАС были внесены некоторые уточнения относительно порядка приема в члены ассоциации и исключения из нее. Так, для принятия в члены ассоциации признаны необходимыми не только личное заявление и две рекомендации от членов СПАС, но и такой объективный показатель, как «наличие публикаций в специализированных изданиях, подтверждающих статус заявителя».

⁴⁶ См. *Воронков В.* Что мы должны сделать для нашего профессионального сообщества // *Телескоп...*, 2002, № 1.

Из названной работы: «...В Санкт-Петербурге есть все возможности для создания необходимой для дальнейшего развития социологической среды. Можно насчитать два-три десятка социологов, которые достаточно успешны на международном уровне. Существуют, по крайней мере, пять “точек кристаллизации” — Социологический факультет СПбГУ, Социологический институт РАН, Европейский университет в СПб, Центр независимых социологических исследований, Журнал социологии и социальной антропологии — вокруг которых с разной степенью успешности формируется профессиональная среда».

Итак, есть заинтересованность у достаточного числа социологов в создании эффективно функционирующего сообщества, есть и необходимые ресурсы для того, чтобы вдохнуть в теплящуюся структуру “новую жизнь”...» (*Воронков В.* Указ. соч., с. 51).

⁴⁷ Из незавершенных дел — изложенные выше изменения в Уставе СПАС и по сей день не зарегистрированы в органах юстиции. Так что формально действительным пока остается... не измененный Устав 1999 года (тот, что опубликован в «Телескопе» № 1 за 2000 г.).

⁴⁸ С учетом делегирования полномочий (возможность «заочного голосования»...), разрешенного изменениями в Уставе СПАС от декабря 2001 г., набрался даже кворум **от списочного состава** (109 из 189 чел.)!

Ассоциации, различные конкурсы молодых и не очень молодых ученых с денежными премиями счастливым победителям⁴⁹, издательскую деятельность⁵⁰, конференции, круглые столы и семинары. Активной работой заявила о себе созданная недавно секция качественных методов и методологии. Особой гордостью докладчика стал собственный сайт Ассоциации в интернете⁵¹ и собранная за время работы Правления база данных. Теперь профессиональные социологические сети охватили не только Ленинградскую область и близкую провинцию, но простерлись аж до Мурманска, Калининграда, Сыктывкара и дальше.

...Единогласно... порешили, что работа Правления была вполне удовлетворительной.

...В таком мажорном настроении и выбрали новое Правление Ассоциации... В состав нового Правления были избраны: Президент СПАС — Иванов Д. В., два вице-президента — Воронков В. М. и Тихонов А. В. Члены правления... *(следует перечисление. — А. А.)*.

...Пожелаем же вновь избранному составу Правления не останавливаться на уже достигнутых успехах, а значительно приумножив их, уверенными шагами вести наше социологическое сообщество в международное пространство...»⁵²

С тех пор прошел год, и еще год... И вот опять — глубокий (еще глубже предыдущего...) кризис в жизни научно-общественной организации! В конце апреля — начале мая 2005 г. в Социологическом институте РАН на доске объявлений СПАС (давно не обновлявшейся) появилось информационное письмо:

«26 мая 2005 г. в 16 часов в Доме журналистов (Невский пр., 70) состоится очередное отчетно-выборное собрание Санкт-Петербургской ассоциации социологов (СПАС).

Приглашаются все члены СПАС и другие заинтересованные лица.

В преддверии общего собрания было проведено расширенное заседание Правления СПАС в форме Круглого стола с участием видных петербургских социологов. В начале заседания ведущий, вице-президент СПАС В. Воронков задал присутствующим вопрос, который стал лейтмотивом развернувшейся дискуссии: **«Нужна ли петербургскому социологическому сообществу ассоциация?»**

Причиной такой острой постановки проблемы стало практически полное бездействие ассоциации и Правления в течение двух лет, прошедших после перевыборного собрания в 2003 г. Частично объяснить это можно тем, что избранный общим собранием СПАС 24.04.2003 президентом СПАС Д. В. Иванов 24.12.2003 сложил с себя полномочия, а А. В. Тихонов, кому по Уставу СПАС были переданы полномочия президента, президентские функции фактически не выполнял.

⁴⁹ Победителями конкурса СПАС 2002 г. на лучшую профессиональную публикацию среди социологов Северо-Запада России стали: Б. Фирсов; Б. Максимов; О. Карпенко; Е. Здравомыслова и А. Темкина. Кроме того, финалистами конкурса стали: О. Божков и И. Боголюбов; Д. Иванов; В. Сафронов; Т. Протасенко и В. Ревтова. Особая премия «за заслуги в развитии социологии в Петербурге» была присуждена учредителю и редактору журнала «Телескоп» М. Илле. (См.: Телескоп..., 2003, № 1, с. 62).

⁵⁰ Главными плодами издательской деятельности СПАС этого периода явились два информационных справочника: Социологи Санкт-Петербурга: кто есть кто... СПб., 2003 (см. выше); Социологические организации Санкт-Петербурга и Северо-Запада... СПб., 2003 (см. выше). В первом представлено свыше 170 персоналий (индивидуальных членов СПАС); во втором — 65 социологических организаций Санкт-Петербурга и Северо-Запада. Кроме того — соучастие в издании журнала «Телескоп».

⁵¹ <www.sociologists.spb.ru>

⁵² Еремичева Г. Последнее собрание СПАС глазами очевидца // Телескоп..., 2003, № 3, с 54—55. В этой же публикации «Телескопа» приводится развернутый перечень конкретных рекомендаций новому правлению СПАС, принятых собранием.

...Те, кто по уважительным причинам не смогут присутствовать на собрании лично, могут письменно делегировать свой голос доверенным лицам — членам ассоциации (перед собранием письменное заявление и взносы передаются в секретариат).

Напоминаем, что для лиц, не заплативших членские взносы, членство в ассоциации считается приостановленным, и они лишаются права голоса и возможности влиять на решения, принимаемые собранием.

Просим всех членов ассоциации принять активное участие в отчетно-выборном собрании!»

Вообще говоря, в деятельности ассоциации ленинградских-петербургских социологов наблюдается какая-то «цикличность»... с укорачивающимся циклом. А наиболее адекватным показателем дееспособности организации (эффективности работы Правления и т. д.) оказывается не что иное как ... явка на отчетно-выборные собрания!⁵³

При этом ныне — на новом «витке спирали» — своеобразно воспроизводятся ситуации и коллизии, казалось бы, уже далекого (советского) времени.⁵⁴

* * *

...Как читатель мог заметить, рассказ о драматических взаимоотношениях автора с научно-общественной (если угодно, корпоративной...) организацией — ассоциацией социологов (СЗО ССА; СПАС) охватил **чуть не четверть века**: от начала 1980-х до наших дней. Эпоха «застоя», затем «перестройка», и вот — нынешнее затянувшееся «смутное время»...⁵⁵

⁵³ Напомню. В 1983 г. в выборах бюро Ленинградского отделения Советской социологической ассоциации участвовали 62 индивидуальных члена ССА из 175. В 1985 г., соответственно, не более 75 чел. из 215 (см. раздел 13.4). Зато в 1987 г. в отчетно-выборном собрании ССА участвовало 177 чел. ! (См. раздел 13.14). Данных об отчетно-выборном собрании СЗО ССА 1989 года. у меня нет. Но это был как раз тот период, когда даже заседания бюро отделения ССА происходили «с аншлагом». (См. об этом ниже, в главе 21).

Далее. Как уже сообщалось, в учредительном собрании Санкт-Петербургской ассоциации социологов (1992) участвовало 104 чел. (списочная численность самоликвидировавшегося СЗО ССА тогда составляла, по-видимому, около 200 чел.). Данными о собраниях СПАС 1994—1999 гг. я не располагаю. Выше освещалась ситуация отчетно-выборного собрания СПАС (апрель 2001), на котором присутствовало менее 50 чел. из 169 (списочный состав). В декабре 2001 г. (после перерегистрации членства) в собрании СПАС участвовали 80 чел. — из 181. Непосредственными участниками отчетно-выборного собрания 2003 г. были 79 чел. (плюс 30 членов СПАС, передавших свои голоса коллегам) — из 189.

Добавлю, что весной 2004 г. попытка провести внеочередные выборы президента СПАС (ввиду отставки избранного годом ранее Д. Иванова) правлению СПАС не удалось — из-за отсутствия кворума. Об отчетно-выборном собрании, происходившем в мае 2005 г., см. ниже («Постскрипtum» к настоящей главе).

⁵⁴ Хронологию важнейших событий в биографии СПАС см. также в: Социологические организации Санкт-Петербурга и Северо-Запада. Информационный справочник. СПб.: Алетейя, 2003, с. 57. Анализ возрастной, гендерной, профессиональной структуры СПАС на материале справочника «Социологи Санкт-Петербурга: кто есть кто» (2003) см. в: *Докуцаева И.* Санкт-Петербургская ассоциация социологов в цифрах // *Телескоп...*, 2003, № 3).

Благодарю ученого секретаря СПАС 2001—2003 гг., сотрудника Центра независимых социологических исследований Наталью Кравец за помощь в отыскании разных редакций Устава Санкт-Петербургской ассоциации социологов.

⁵⁵ Этим историческим этапам соответствовали события личной биографии члена ССА—СПАС: **исключение** (попытка отлучения...); (победное...) «**возвращение в ряды**»; (добровольный...) «**выход из рядов**». Кстати, воспроизводится логика, усматриваемая во взаимоотношениях с КПСС...

Изложенные факты все — вроде частные, но ситуации, как правило, показательные («моделирующие»).

В заключение отмечу, что СПАС ныне — вовсе не единственное профессиональное общественное объединение социологов в Санкт-Петербурге. Еще в 1993 г. возникло Социологическое общество им. М. М. Ковалевского, объединяющее в основном вузовских преподавателей социологии.⁵⁶

А. А., апрель-май 2005

* * *

Постскриптум (к «Драматической истории СПАС»)

...Увы, в назначенный день (26 мая с. г.) в малом зале Дома журналистов на Невском собрались... лишь около 40 членов СПАС (при объявленной председательствующим О. Божковым списочной численности ассоциации — 188). Вопрос о кворуме на сей раз предпочли не возбуждать. Не явившиеся (они же — не уплатившие членские взносы) тем самым, «согласно Уставу», приостановили свое членство в организации. (Стало быть, в расчет их можно не брать, — уже в ходе собрания пояснил председатель).⁵⁷

*10-минутный отчетный доклад (произнесенный В. Воронковым) в общем свелся к содержанию вышеприведенного информационного письма. Вопрос: **нужна ли петербургскому социологическому сообществу ассоциация?** — был поставлен перед всеми присутствующими.*

Вполне определенно высказался за ликвидацию (самороспуск) ассоциации один человек (Р. Могилевский). Остальные выступавшие (Т. Протасенко, Е. Здравомыслова, А. Вейхер, М. Илле, А. Лисовский и др.) настаивали на сохранении ассоциации петербургских социологов.⁵⁸ К этому же призывали в своих посланиях в адрес собрания почетный член СПАС В. Ядов (г. Москва) и член СПАС Б. Докторов. (США).⁵⁹

В итоге, как замечено одним из участников собрания, «лицо СПАС было спасено». Вопрос об оценке деятельности правления на голосование не ставился, ввиду очевидности неудовлетворительной оценки. Из двух вариантов решения, подготовленных редакционной комиссией (в составе Е. Здравомысловой,

⁵⁶ Интересно, что среди инициаторов создания этого общества были те самые несколько членов Советской социологической ассоциации (В. Ельмеев и др.), которые в марте 1987 г. демонстративно покинули собрание СЗО ССА, чтобы создать ассоциацию «истинно марксистских социологов» (см. раздел 13.14). Впрочем, теперь два общественных объединения социологов в Санкт-Петербурге друг другу вовсе не противостоят.

⁵⁷ Здесь и далее излагаю в соответствии с собственными наблюдениями и записями участника собрания, иногда немного расходящимися с отчетом об этом собрании, опубликованным в журнале «Телескоп...» (2005, № 3).

Интересен комментарий автора этого отчета касательно «низкой активности членов ассоциации»: «...Согласно принятым в 2002 г. изменениям в Уставе СПАС, право голоса в общем собрании имеют лишь члены ассоциации, уплатившие ежегодные взносы. Таким образом, несмотря на очевидную малочисленность общего собрания, оно состоялось и все решения его признаются легитимными...» (*Кравец Н.* Отчетно-выборное собрание Санкт-Петербургской ассоциации социологов // *Телескоп...*, 2005, № 3, с. 55). (Вообще-то, легитимным собрание можно было бы признать лишь в случае, если бы изменения в Уставе были зарегистрированы в органах юстиции; чего пока нет).

⁵⁸ Строго говоря, речь шла о ликвидации либо сохранении юридического лица и, так сказать, «лейбла» СПАС.

⁵⁹ «...“Нельзя ломать то, что создавалось десятилетиями и в целом зарекомендовало себя позитивно”, — написал Б. Докторов, и в этом с ним согласилось большинство выступавших на собрании» (*Кравец Н.* Указ соч., с. 55).

М. Соколова и Б. Тукумцева), большинством (при одном голосе «против» и пяти воздержавшихся) был поддержан тот, который предусматривал сохранение региональной общественной организации и содержал «наказы» будущему правлению.

С учетом тех отсутствовавших, кто успел уплатить членские взносы, при этом делегировал свой голос кому-либо из присутствующих, в выборах руководящих органов уцелевшей ассоциации приняли участие (очно или заочно...) 50 чел. Тайным голосованием было избрано правление из 11 чел (включая президента и двоих вице-президентов). Президентом СПАС стал М. Илле, вице-президентами — В. Воронков и О. Божков.⁶⁰

Вопрос о принадлежности (условной?.. безусловной?..) к ассоциации — тех ее «списочных» членов, которые не явились на отчетно-выборное собрание и, по-видимому, еще не уплатили членские взносы (а таковых — подавляющее большинство!), остается если не спорным (с учетом того обстоятельства, что изменения в Уставе СПАС до сих пор официально не зарегистрированы), то пока открытым.⁶¹

...Для автора этих строк неприемлемы исполненные лукавства «уставно-процедурные» ухищрения активистов СПАС, используемые ими для сохранения «лица» организации при ее нынешнем, очевидно, плачевном состоянии. И вместе с тем не могу не пожелать Михаилу Илле и его товарищам удачи в их, похоже, последней попытке не дать ассоциации петербургских социологов — **не только «брэнду», а именно сообществу, как таковому!** — кануть в Лету.

Спор о том, нужна ли ассоциация петербургским социологам, я бы переориентировал в поиски ответа на вопрос: как сделать так, чтобы если не свести на нет, то хотя бы ослабить — дезинтеграцию и, пожалуй, нарастающее взаимное отчуждение членов научного сообщества, разрушающее его изнутри? Соответствующее общественное объединение (с его уставом, правлением, взносами, имиджем, социальными сетями....) несомненно является одним из средств преодоления этой драматичной тенденции.⁶² (Май-июнь 2005).

⁶⁰ Кроме названных, в правление СПАС избраны: И. Барыгин, Е. Здравомыслова, В. Ильин, О. Карпенко, Н. Кравец, А. Лисовский, М. Соколов, О. Цепилова.

⁶¹ По данным анализа, проведенного на материале последнего информационного справочника СПАС (2003), из 173 индивидуальных членов СПАС (учтенных в справочнике), 38 чел. являются докторами наук (философских, социологических и др.), 64 — кандидатами наук (философских, социологических, экономических, исторических и др.). Среднее число публикаций члена ассоциации — свыше 60. (См. Докучаева И. Санкт-Петербургская ассоциация социологов в цифрах // Телескоп..., 2003, № 3).

Следуя вышеописанной логике организаторов, на момент последнего отчетно-выборного собрания СПАС (май 2005) считается «приостановленным» членство в ассоциации **едва ли не 120 человек**, из числа представленных в этом справочнике членов СПАС! Кто же они: «индивидуальные члены» или «участники ассоциации» или, может, «мертвые души»? Ох уж эти наши организаторы-имитаторы и изобретатели уставных норм!!

⁶² Я бы различил понятия «**социологического сообщества**» и «**социологической среды**».

Последняя в Санкт-Петербурге, несомненно, существует. Кстати, она может быть и вполне реальным объектом исследования, как это недавно произошло в одном весьма интересном социолого-наукоедческом опыте (см. Погорелов Ф., Соколов М. Интеллектуальный ландшафт петербургской социологии. Попытка картографии // Телескоп..., 2004, № 1). Но вот социологическое сообщество можно полагать действительно существующим лишь в случае его достаточной внутренней **интегрированности** (чего ему в Петербурге как раз и не хватает).

Научно-общественная организация (ассоциация) необходима как «площадка для общения» социологов и как форма (средство...) интеграции сообщества.

Глава 14. Делаем перемены (начало)

...Олимпийское равнодушие к текущим (или, как обыкновенно говорится, временным) интересам действительности понятно только тогда, когда интересы эти устраиваются сами собой, идут своим чередом, по раз заведенному порядку... Но когда действительность втягивает в себя человека усиленно, когда наступает осознание, что без нашего личного участия никто нашего дела не сделает, да и само собой оно ни под каким видом не устроится, тогда необходимость осознать себя гражданином, необходимость принимать участие в общем течении жизни, а следовательно, и иметь определенный взгляд на явления ее представляется настолько настоящим, что едва ли кто-нибудь может уклониться от нее...

М. Е. Салтыков-Щедрин (цит. по: Б. Можжев. Запах мяты и хлеб насущный. М., 1982, с. 359)

...Дело не только в необходимости возможно более глубокого и объективного понимания нашего прошлого — дело еще и в **отношении прошлого к настоящему и к будущему**. Посему закончу тем, с чего начал: хотя, как изрек древний мудрец: «Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними» — все же есть нечто пребывающее и неизменное в истории — это **нравственный смысл человеческого бытия**; вот почему все конкретные его манифестации, где бы и когда бы они ни имели место, поучительны для каждого нового поколения землян, для каждого народа и для каждого совестливого человека.

Если, как сказал современный поэт, «времена не выбирают, в них живут и умирают» и, значит, жизнь личности зависит от времени, в котором ей довелось существовать, то верно и обратное — характер времени во многом зависит от сознания, поведения, деятельности живущих в нем личностей. Эта «обратная зависимость» возрастает в ходе истории, и в наше время она более значительна, чем когда бы то ни было прежде...

М. Каган (из книги «О времени и о себе». 1998)

Несколько вступительных слов

Напомню, что к осени 1985 г. социолог-испытатель уже успел пройти почти полный круг «отказов» в пересмотре постановления парткома «Ленполиграфмаша» об исключении его из рядов КПСС: и городской, и областной комитеты партии.

В последней инстанции формулировка исключения была «подкорректирована» (уточнена):

...исключить Алексеева А. Н. из рядов КПСС за проведение социологических исследований политически вредного характера, написание и распро-

странение клеветнических материалов на советскую действительность и грубые нарушения порядка работы с документами для служебного пользования.¹

...Из союза журналистов тоже исключили (1984). Из ассоциации социологов, правда, еще не успели (не сумели...). От театрального общества давно уж «отлучили».² До удовлетворения иска в защиту чести и достоинства (по частному вопросу) оставалось еще больше года (см. предыдущую главу).

*В общем, полная «беспросветность», как будто. Ан нет! Есть еще **круг друзей**, не утрачено **любопытство** (что же дальше-то будет?), и, наконец, есть **работа** (производственное занятие), которую делаешь изо дня в день. И она выполняет важную компенсаторную функцию, на фоне перечисленных «неудач». А если что-то мешает **нормальной** работе (в твоём понимании «нормального»), то начинаешь «инстинктивно» этому сопротивляться.*

*Решусь утверждать, что вовсе не в «экспериментальных целях», и не в порядке «политической самообороны», а исключительно **для пользы дела** (своего производственного дела, отвлекаясь от всех «привходящих» обстоятельств!) затеял рабочий-социолог то, что раньше было условно названо «контрнаступлением на производственном фронте».³*

Другое дело, какой из этого (да еще на фоне известных исторических событий) произошел «экспериментальный», и даже «политический» результат. (Май 2003).

14.1. Рабочие и начальство (взаимные «разъяснения»)

Из «Производственных дневников 1984—1986 гг.» (август 1985)

<...> Как уже отмечалось в моем заявлении для партийного бюро цеха от 18.07.85⁴, положение с выполнением программы в нашем цехе уже не первый месяц очень напряженное. Не спасают ни многочисленные субботники (только в июле было два — по случаю Всемирного фестиваля молодежи, но настойчиво приглашали не только молодежь), ни сверхурочная работа. (Был даже призыв администрации работать чуть ли не каждый день до 8 час. вечера)...

Если идти навстречу всем «просьбам» цеховой администрации, то следовало бы в мае-июле **каждую субботу** работать.

(Некоторые и работают! Например, у моего бригадира А. Сыцевича в июле было 28 час. сверхурочных).

¹ Эволюцию формулировок исключения социолога-испытателя из партии см. в томе 2 настоящей книги: раздел 10.7.

² См. в томе 2: разделы 8 13, 8.14.

³ См. в томе 2: раздел 10.11.

⁴ Полный текст этого заявления приведен в томе 2 настоящей книги: раздел 10.11. В заявлении указывалось на ошибки в нормировании труда и значительные потери рабочего времени из-за плохой инженерной подготовки производства.

Положение с программой обострилось не только в нашем цехе, а и по заводу в целом. Директор по этому поводу специально собирал низовое руководящее звено (мастеров). Главный инженер, выступая на «едином политдне» в нашем цехе, заикнулся даже о работе **по воскресеньям** («если понадобится...»).

Та позиция, которая была выражена в докладе начальника цеха А. Косачева на открытом партийном собрании 16 июля — насчет выполнения повышенных обязательств к XXVII съезду КПСС («есть опасность срыва годовой программы, не то что повышенных обязательств... Надо еще больше работать сверхурочно!»), в общем не нашла сочувствия у выступавших коммунистов и беспартийных. Была довольно энергичная критика в адрес администрации по всему кругу вопросов, позднее затронутых в моем заявлении для партбюро.

Таким образом, упомянутый документ вовсе не был выражением только моей индивидуальной точки зрения. Я лишний раз убедился в этом, показав его предварительно своему бригадир А. С., который сказал, что «все правильно» написано, хотя и выразил сомнение в результатах.

Я обусловил вручение этого заявления по адресу тем, что он (А. С.) мне этого «не запретит», поскольку не хотел подставить под удар бригаду. Разумеется, бригадир «не запрещает», раз «все правильно написано». Показал еще и мастеру Г. Соколову. У того «разрешения» уже не спрашивал, а — «для сведения» (но все же предварительно).

<...> Заявление было вручено секретарю партбюро, фрезеровщику В. Курсову утром того же дня (18 июля, четверг). Тот при мне его читать не стал. Поскольку я связал это свое обращение с минувшим собранием, В. К. спросил, чего же я там не выступил. На что я ответил, что выступающих и так было достаточно, а постановка вопроса требовала подготовки с моей стороны.

Обещанный хронометраж собственной работы⁵ велся мною 18 июля и первую половину дня 19 июля. После чего прекратился, поскольку с обеда 19 июля, с бюллетенем, я покинул цех. Итоги хронометража <...> [*Здесь они опущены — А. А.*].

...Вышел с бюллетенем в понедельник, 29 июля. К этому времени А. С. и Николай Реутов успели справиться с моим заданием плюс еще несколько срочных партий (за счет работы в полторы смены и в субботу).

В этот же день утром мы были, вместе с бригадиром Сычевичем и мастером Соколовым, вызваны к начальнику цеха Косачеву (похоже он только и ждал моего выхода на работу). Нач. цеха предъявил мне и бригадир энергичные претензии по поводу... факта нарушения технологической дисциплины, зарегистрированного за три недели до этого (!) 10 июля (видать, «заело» мое обращение в партбюро).

Дело было так.

⁵ «...Если почему-либо нормировщик не сможет этим заняться, я произведу хронометраж сам и о результатах информирую руководство...» (Из заявления от июля 1985 г.).

На моем станке техническими условиями предусмотрена штамповка стальных листов толщиной до 2 мм. Однако, начиная с 1983 г., с ведома администрации, производилась штамповка одного обозначения — каркасы «Ф-...», толщиной 3 мм, причем не полная штамповка, а только таких отверстий, при пробивке которых не превышает номинальное усилие прессы (я сам считал!). Причем использовали самодельный шаблон (был изготовлен мною два года назад) и подобрали пробивной инструмент с большим зазором (между матрицей и пуансоном), чем исключался выход его (инструмента) из строя при повышенной толщине пробивки.

Эта рабочая инициатива, повторяю, была хорошо известна администрации на протяжении не одного года. Ей никто не препятствовал, поскольку каркасы — одно из ведущих обозначений: их требуется много, и всегда — поскорее. <...> В общем — одна из тех «скрытых раций», перевод которых в официальную технологию если и возможен, то требует слишком большой подготовки (подобно, скажем, пробивке 1,5 мм отверстий в панелях, где технологи решили присвоить себе нашу рацию и попали впросак).⁶

Так вот, еще 10 июля нач. тех. бюро цеха Л. Кутырина, раздосадованная своей неудачей по «слизыванию» нашей «партизанщины», привела к станку «комиссию», как раз когда я пробивал 3 мм листы. В составе этой комиссии были: нач. инструментальной группы Васильев («ломают инструмент!») и ст. механик Шахматов («ломают станок!»).

Кутырина и Васильев (оба — горе-рационализаторы с 1,5 мм пуансонами) написали начальнику цеха докладную насчет нашего «самоуправства».

Никто не помешал нам довести эту работу до конца: каркасы были очень нужны на сборке!

В июле мы справились с программой во многом за счет таких «скрытых раций». А вот теперь, 29 июля, когда с программой разобрались, да к тому же рабочий А. указал в своем заявлении для партбюро на недостатки инженерной подготовки производства и нормирования, самое время — рассмотреть эту докладную.

В основном беседа имела форму диалога между бригадиром и начальником цеха. Нач. цеха обвинял нас с Сычевичем: а) в нарушении технологической дисциплины; б) в нарушении «финансовой» дисциплины; в) в дезорганизации производства (!).

А. С. аргументировал соображениями «пользы дела» и «ускорения производства», к тому же: «все так делают!» и «все об этом знают!». <...> Начальник вспомнил и про 1,5 мм отверстия в панелях, которые мы буд-то бы не захотели штамповать официально.

В общем, прет **обида**, «технологическая» и «административная», на рабочих — изо всех щелей. И такой сыр-бор разгорелся, что костей не соберешь.

---

⁶ См. об этом ранее: раздел 12.1.

Итог: Сычевичу и мне обещано взыскание (мастер Соколов как будто уже наказан, но, похоже, за что-то другое). Уходим с бригадиром от начальника изрядно озадаченные и отчасти взбешенные.

(Я в этой беседе практически не участвовал, ибо говорить мог бы только, что «нарушал технологию» по указанию непосредственного руководителя, т. е. бригадира, чего мне не хотелось. Помнится, обронил лишь фразу, что валят «с больной головы на здоровую»).

Только вернулись от начальника, подходит ко мне секретарь партбюро цеха В. Курсов. За неделю моего отсутствия он «успел разобраться» с моим заявлением от 18.07. Показывает мне на то место этого заявления, где говорится, что начальника цеха на собрании можно было понять так, что рабочие-сдельщики «не выкладываются» полностью, не хотят работать сверхурочно (мол, тот такого не говорил!). А что касается норм, то их «проверили», они «в порядке». <...>

Рассуждения несерьезные, тем более, что сам Курсов на собрании, правда, по поводу своих фрезерных работ, говорил **то же самое**, что и в «нашей» бумаге написано.

На моем заявлении рукой секретаря партбюро уже нарисовано: «Ответ дан в устной форме» (это ему — для отчетности: мол, разобрались). Предлагает мне в этом... расписаться.

Я ему говорю, что уже подписался под собственным заявлением, а под его, Курсова, «резолуцией» пусть он и подписывается. В. К. было порывается написать, что я «от подписи отказался», но удержан моим замечанием, что он перепутал «разъяснение» партийного бюро с приказом об административном взыскании (в ознакомлении с которым действительно положено расписываться тому, кому взыскание объявлено).

Сообщаю ему, к слову, о беседе, которую только что имел «по этим вопросам» с начальником цеха. «Что такое?» — «А ты у Сычевича спроси, он тебе лучше разъяснит».

Курсов идет к нам на участок. Тут же еще не остывшие члены бригады, изрядно возмущенные тем, как начальник обошелся с А. С. и со мной, мастер Соколов, рассуждающий диалектически («с одной стороны», а «с другой стороны»...), бригадир Игорь Виноградов (ныне заслуженный работник машиностроения), терпеливо растолковывающий мастеру, что нарушения технологии недопустимы, когда в ущерб оборудованию или качеству изделия, а когда нет — то это и есть технический прогресс!

Секретарь партбюро, фрезеровщик Курсов слушает «голос масс», положение у него неловкое. <...> Ведь и впрямь без наших, да и его собственных «скрытых раций» — производство встанет.

Я ему говорю:

— Ну вот, а ты мне еще предлагал расписаться под твоим «устным ответом». Кстати, и Постановление ЦК на днях вышло — как обращаться с письмами и заявлениями трудящихся в партийные органы. Не читал?

Курсов уходит с моим заявлением, по которому успел дать «разъяснение» мне, и с непечатными «разъяснениями» ему самому, полученными от слесарей 1-го участка.

<...> Начинаю налаживать очередную партию «Ф-...» и обнаруживаю отсутствие в кладовой записанного в документации инструмента (его потом аварийно изготовили за 2,5 час.), далее — неувязки в технологическом процессе (срочно выписали дополнительный наряд, компенсирующий эти неувязки). То есть очередная иллюстрация все к тому же заявлению.

На следующий день, 30 июля, в обед выясняется, что меня поторопились выписать с бюллетеня 29-го (температура всю неделю поднималась до 37,5 только вечером, а у врача — дневной прием). Тут температура подскочила к обеду. И я ушел долечиваться, успев за эти полтора дня отштамповать полторы партии, получить «втык» от начальника цеха и «разъяснение» от секретаря партбюро, но... не успев получить административного взыскания.

(По не обоснованному предположению моего бригадира приказ о выговоре нам обоим и, скорее всего, о частичном депремировании появится поближе к дню полочки — 13-е число).

...Завтра, 5 августа, выхожу на работу. Посмотрим, чем все это, пока меня не было, кончилось.

(Записано 4.08.85)

14.2. «Прессинг по всему полю» (два месяца из жизни рабочего-социолога)

Несколько вступительных слов

Нижеследующие записи велись *подневно*, в течение двух с половиной месяцев, и, понятно, не претендовали на сюжетную завершенность. Однако *жизнь сама выстроила сюжет* — даже несколько переплетающихся сюжетных линий, каждая из которых успела получить развязку за это время. Отбирая фрагменты для данной публикации, автор стремился осветить эти линии.⁷ (Март 2001).

Из «Производственных дневников 1984—1986 гг.» (август—октябрь 1985)

5 августа 1985 г. (понедельник).

Первый день после бюллетеня. Читаю приказы на цеховой доске объявлений. Один — директорский. Трудно удержаться от улыбки. Случился пожар... в отделе техники безопасности. Самовозгорание бытового холодильника. Наказан главный энергетик завода. Премированы началь-

⁷ В первой публикации этих дневниковых записей (см. Алексеев. А. Н. Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего). М.: СПбФ ИС РАН, 1997, с. 463-494) большинство действующих лиц обозначено псевдонимами. Здесь эти псевдонимы раскрыты.

ник ВОХРа и инспектор по противопожарной безопасности, лично тушившие пожар до приезда пожарной команды.

Второе распоряжение — начальника цеха Косачева (от 31.07.85):

«За нарушение правил эксплуатации ПКР КО-120 и вырубных пакетов рабочему участку № 1 Алексееву А. Н. объявить выговор по цеху и депремировать на 10% по итогам работы за июль-месяц 1985 г. Бригадир Сыцевич А. В. предупредить.

Основание: служебная записка начальника бюро инструментального хозяйства Васильева <...>».

В бригаде. Мой бригадир Сыцевич сообщает, что переругался с начальником цеха из-за известного распоряжения. Серега Изотов подтверждает: так, при нем было. Я высказываю собственный взгляд на это дело. Еще узнаю, что у Коли Реутова в пятницу родилась дочь. Бригада собиралась у молодого отца. «Жаль, тебя не было», — замечает бригадир. Собирали по 3 руб. на подарок Коле. Обещаю принести завтра.

Я: — На ПКР работы много?

— Хватает, — говорит А. С.

— Вечерили на ПКР?⁸

— Нет. Еще чего — начало месяца...

Сменный мастер Гоша Соколов уточняет мне задание. Я, между прочим, прошу мастера передать начальнику цеха мое пожелание проконсультироваться у юриста и отменить свое распоряжение от 31 июля. Гоша обещает сказать об этом Косачеву. <...>

Ремарка: опуская подробности.

*Здесь и далее, как правило, опускаются описания «производственной рутины» — производственных неурядиц, по большей части повторяющихся описанных ранее. То есть, в основном, представлены **события**, а не **процессы**.⁹ (Март 2001).*

...Юридическая консультация (5.08.85).

После смены еду во Дворец труда, где есть бесплатная юридическая консультация. Дежурный юрист подтверждает мое предположение о незаконности взыскания, наложенного на меня **во время пребывания на бюллетене**. Другое (уже не формальное) основание оспаривать выговор — это то, что штамповку 3-х мм каркасов на своем прессе я выполнял не «самочинно», а по указанию сменного мастера, т. е. администрации.

Юрист рекомендует обратиться в комиссию по трудовым спорам (КТС). В случае неуспеха, следующая инстанция — цехком, затем — суд. Доброжелательный совет — «не спешить» начинать этот спор. Дело, оказывается, в том, что по истечении месяца с момента события, повлек-

⁸ Производственный жаргон: «**вечерить**» — работать во вторую смену, вечером.

⁹ «...**Событие** — в пределах дня — это то, что совершается не каждый день. Оно относительно кратковременно и всегда наделено каким-то смыслом. А **процесс** — нечто ограниченное (или прерываемое) событиями. Процесс всегда имеет длительность (и иногда не имеет смысла. Универсальная мера длительности обозначена на часовом циферблате...)» (настоящая книга, том 1, с 307).

шего взыскание, начальник не сможет... переписать распоряжение другим числом и тем самым устранить самое очевидное из нарушений КЗота. Спасибо. Учту!

7 августа (среда).

В обед (12-30) было цеховое собрание, какие бывают каждый месяц: подведение итогов за июль, принятие обязательств на август.

Начальник цеха доложил, что в июле цех отработал «как никогда хорошо». Успешно справился и с валом, и с товаром. Занять классное место цеху мешают прогульщики. В июле их было четверо. Среди них Миша Г. (из нашей бригады). Похоже, что был прогул и у Жени Р. (тоже из нашей бригады).

Насчет Миши — дело привычное (он хоть, бывает, и «завязывает», но ненадолго). А для Жени, с его язвой желудка, не характерно (начальник утверждает, что прежде, чем лечь в больницу, он пришел в цех нетрезвый...).

Еще была в прошлом месяце серьезная травма — на 2-м участке.

Как всегда, когда план выполнен, в повестку дня встает «культура производства», т. е. приборка рабочих мест. Претензии начальства на этот счет — в основном к нашему участку (где сейчас идет реконструкция, и все — вверх дном). <...>

8 августа (четверг).

<...> Вырубных пакетов диаметром 8 мм — три варианта, под разные толщины материала. Раньше, не обнаружив подходящего, брали любой (да и технологи нередко записывали в техпроцесс — не глядя на толщину заготовки). Конечно, зазоры между матрицей и пуансоном в трех вариантах пакета немного разнятся... Но это уже «педантизм».

Требуемого варианта пакета нет. Старшая кладовщица Фаина С. спрашивает: «Нельзя ли чем заменить?» — «Конечно, можно, — говорю. — Но теперь — только по указанию администрации».

Информирую технолога Нину Толстову. Та с ходу собирается вписать в техпроцесс другой вариант пакета (т. е. «нарушить правила»...). Я ей: «Подумайте, ведь это запрещено!». И ухожу, предоставив ей подумать.

Некоторое время спустя прибегает Фаина. Расстроена: «А как же раньше-то пробивали?» — «Пробивали чем придется, — говорю. — А теперь пусть об этом распорядится технолог». Поняв, что дело стало не за мной, Фаина идет упрашивать Нину вписать номер неподходящего пакета. Через пять минут приносит мне предписание технолога. Нина перестраховалась и написала: «Пакет такой-то — только для данной партии».

«Хм, даты не вижу», — замечаю я. Фаина всплескивает руками: «Неужто снова к технологу идти!» — «Ладно, я сам ей скажу».

<...> В техпроцессе лицевой панели «Ф-...» кернение и сверловка отверстий диаметром 1,5 мм заменены на штамповку (рация Кутыриной и

Васильева, столь скандально провалившаяся весной).

Подхожу к бригадиру. Тут же и сменный мастер. Итак, панели — берем! А как будем с этими 1,5 мм? Мастер Гоша мнется: «Будем, наверное, кернить...».

— Тогда пусть вписывают это обратно в техпроцесс.

— Вот так, да? — говорит мастер обиженно.

— И только так, — говорю. — **Работаем теперь по правилам.**

Бригадир поддерживает меня.

Но исправлять техпроцесс — дело вовсе не мастера, а технолога. Нина опять пишет: «Для данной партии». «Не забудьте дату!» — напоминаю ей (поди потом разберись, которая партия — «данная»).

Делимся впечатлениями с бригадиром. «Прессинг по всему полю!» — замечаю я. (Как баскетболисту, эта метафора Толику хорошо понятна).

— Я уж тебя не дергаю, — говорю бригадиру. — Но за эти четыре дня из четырех партий не было ни одной, где бы не нарушались правила эксплуатации станка. И все по распоряжению начальства...

<...> В конце дня прибегает Нина — чуть ли не исправлять свое исправление обратно:

— А зам. нач. цеха сказал, что 1,5 мм пуансоны раньше ломались из-за некондиционного материала. Так что сейчас надо снова попробовать!

— Пожалуйста. Только сначала найдите их в кладовой! (Уже выяснил, что там — нет). <...>

9 августа (пятница).

От 10 до 11 час. настраиваю станок, приспосабливаюсь к маршруту перемещения заготовки в сочетании с поворотом револьверной головки. Как-никак, девять разных гнезд задействованы, около 180 позиций в карте штамповки. И надо держать в уме, чем куда ударить.

Но эта панель мне хорошо знакома, и уже со второй штуки набираю скорость. Пока только 120 ударов (без 1,5 мм отверстий!).

К обеду (12 час.) сделан десяток. Еще 15 штук (всего — 25) готовы к 14 час. Так сказать, в хорошем темпе.

Сообщаю бригадиру. Тот успел «придумать», как быть с пресловутыми 1,5 мм. У нас ведь остался один, «сверхпотайной», самодельный пуансон, который можно задействовать, чтобы потом не возиться со сверловкой. Вот только в нынешней (стервозной) ситуации нельзя демонстрировать наши скрытые рации... Что же придумал бригадир?

— Налаживай 1,5 мм (а не керн!). А я к тебе человека приставлю.

— Зачем?

— Чтобы следил за появлением начальства. Как кто пойдет, будет отштампованные панели прятать.

Остроумно, ничего не скажешь... Но:

— Слушай, Толя! Я с Косачевым буду, может быть, судиться. Пока не отменю выговор, мне залетать нельзя. Твой дозорный — не гарантия. Хо-

чешь, я налажу, а штамповать поставь кого-нибудь другого. Скажем, Колю Реутова...

Бригадир пропускает мимо ушей первую часть моего заявления. А на вторую — реагирует адекватно: «Давай!».

<...> Сегодня пятница, и полагается хоть как-то прибраться вокруг станка. Пол под координатным столом ПКР густо засыпан вырубкой.

Когда производственная запарка, моя приборка сводится к «маскировке». Чтобы работать сидя, у меня снята передняя стенка — кожух координатного стола (иначе ноги некуда было б деть). И — видно, что под станком. А в пятницу я этот кожух ставлю на место. И он скрывает все «безобразия». Ведь борьба за культуру и чистоту — у нас «визуальная» (чтобы глаз отдыхал...).

В этой своей манере я не выделяюсь среди большинства слесарей-сдельщиков. Другое дело — наладчик штампов Станислав Политов. Тот каждый день выгребает отходы из-под своего прессового хозяйства.

(Стас — как нянька за слесарями. Иногда костерит то одного, то другого. Но он радеет не за внешнюю «чистоту», чем озабочено в основном начальство. А — за сохранность оборудования, инструмента. Стас не любит, когда схватят — бросят где попало...).

Во время приборки обнаруживаю в ящике для металлических отходов замурзанный, случайно уцелевший бланк «сменно-суточного задания». На листке, рукой мастера Гоши, выписаны номера обозначений, которые следовало отрабатывать на ПКР в июле. И среди них — «Ф-...», те самые 3 мм каркасы, за штамповку которых мне объявлен выговор! Я и забыл про этот листок...

Вот уж — не знаешь, где найдешь **документ**, подтверждающий, что рабочий нарушал «правила эксплуатации» по указанию администрации! <...>

12 августа (понедельник).

<...> К 11 часам с панелями покончено. Подхожу к бригадиру. Тот:

— В чем трудности? (Это такая шутка).

— У меня трудностей нет, а у тебя? (Это значит — «давай работу»).

— Иди-ка ты к Гоше!

Политес соблюден. Главный начальник для меня — бригадир. Но сейчас, как понимаем мы оба, мне предпочтительнее получать задания от мастера.

Мастер Гоша предлагает заняться «Ф-...». Понадобятся шесть вырубных пакетов. Три из них — в моем «сверхпотайном» подручном фонде. Три — беру в кладовой. Все есть! Кажется, будет первая партия (с момента начала этой «хроники») без технологических приключений.

Уже установив шаблон, замечаю, что четыре отверстия — в «мертвой зоне»... Ну, в «партизанской» работе это меня не смутило бы. Пробил бы в два захода, и вся недолга. Но ведь тут запланировано — в один заход. Опять — звать технологов!

<...> Нина уносит чертеж. Жду минут 15. Иду в цеховое БТП [*бюро технической подготовки*]. — А. А./ Там Нина и ее начальник Кутырина совещаются.

Нашли-таки: в техпроцессе указано — пробивать «с подвижкой захватов» (т. е. листодержателей). Это из тех технологических указаний, которые вроде заклинаний — сам шаман не знает, что оно значит. В моем ПКР это технически невозможно. <...>.

[Здесь опущены технологические пояснения. — А. А./]

Говорю Кутыриной:

— Я не понимаю, что тут написано, и не умею двигать захваты, во время штамповки. Пусть тот, кто это написал, придет и мне покажет.

В 14-30 является Лидия Боброва. Это — технолог из ОГТ, которая вписывала нелепое указание. Спрашивает у меня, как быть. Отвечаю жестко: «Мне все равно, как скажете».

Та убеждается, что надо отменять эту «подвижку захватов». Выходит, размечать и просверливать эти отверстия отдельно, без моего ПКР...

Я: — Ладно. Только впишите это, пожалуйста, в техпроцесс.

Лидия вписывает. Прошу подождать, пока я предупрежу бригадира. Подхожу к А.С.:

— Тут очередная технологическая дурость... Имей в виду, должен быть наряд на разметку и сверловку двух отверстий, дополнительно. Я их пробью на ПКР, двумя заходами.

— Понял, — говорит бригадир.

Возвращаюсь к станку. «Больше вопросов к вам не имею», — сообщаю Лидии (в том смысле, что «вы свободны»). <...>

14 августа (среда).

А. С. наблюдает мой «прессинг по всему полю» вот уже вторую неделю. И тогда он просит меня... **записывать** все эти заморочки! «А я и так записываю», — говорю...

Ремарка: «...записывай эти заморочки!»

Примечательный момент.

Производственные интересы бригадира и интересы социолога, который, работая на станке, вроде бы экспериментирует (социологически) и ведет «протокол наблюдающего участия» — полностью совпадают.

Записи социолога — нужны бригадиру!

Этой хроники он тогда не читал. Но из нее (как он мог предположить) всегда можно извлечь ресурс в борьбе (игре?) с администрацией. (Март 2001).

<...> Уж и время к концу смены. Но у меня еще один заказ (принес мастер Гоша): «П-...». Мастер назвал это «халтурой»¹⁰, хоть обработка в

¹⁰ «...Халтура — это вовсе не плохая (некачественная) работа, а, наоборот, хорошая работа, сделанная при минимуме трудозатрат. Работа **эффективная**, в смысле получения конечного результата “малым потом”. Работа **выгодная** — и себе и производству!...» (настоящая книга, том 1, с. 392).

техпроцессе и предусмотрена на моем станке. А дело в том, что расточную операцию заменили на штамповочную недавно. А в маршрутной карте (наряде) — пока что указана расточная, которая стоит 60 коп.

Значит, вполне легально мы будем штамповать, а получать как за расточку... «Неплохо!» — говорит бригадир. Пять минут спустя я вглядываюсь в чертеж и вижу, что заготовка (после гибки это будет скоба) толщиной... 2,5 мм!

И двух недель не прошло, как я был наказан за «нарушение правил эксплуатации» ПКР (пробивая заготовки толще 2-х мм). И вот такое же самое нарушение мне предписывается теперь уже не просто разовым заданием линейной администрацией (как было со «штрафными» каркасами), а **официальным техпроцессом!**

Ситуация настолько показательная, что когда информирую об этом мастера и бригадира, возникает «немая сцена»...

— К черту! — говорит бригадир. — Откажемся.

Что касается меня, то я выражаю готовность выполнить указанное в техпроцессе.

— А ты за машину (так иногда называют мой станок) не боишься? — спрашивает А. С. — Ведь мы тогда пробивали в каркасах отверстия 6 и 8 мм, а тут диаметр 30.

Мда! Это я как-то выпустил из виду...

— Надо посчитать требуемое усилие, — говорю. — У меня где-то дома формула есть.

(Дома подсчитал. Получается — нужно усилие 9 тонн. А номинальное усилие для моего ПКР — 10 тонн. Стало быть, формально можно... Хотя такие «подвиги» — и не для той «машины», которой, того гляди, вместо профилактического, капитальный ремонт потребуется).

Еще обращаю внимание, что номера вырубных пакетов какие-то необычные. Ага, заказывали новые, видимо, с увеличенным зазором для 2,5 мм толщины материала. Похоже, имеем дело не с «технологическим нарушением», а с «новаторством»!..

Однако же, совместились во времени мои нарушения технологической дисциплины и плановое изменение этой самой дисциплины — **парадоксально!**

22 августа (четверг).

Вкратце

После настойчивых требований, продолжавшихся неделю, социологу-испытателю, наконец, дают возможность ознакомиться со служебной запиской начальника бюро инструментального хозяйства Васильева, на основании которой ему был объявлен выговор.

<...> Вечером переписываю набело, с минимальными коррективами, давно заготовленный текст заявления в КТС:

Заявление в комиссию по трудовым спорам цеха № 3

Распоряжением № 86 по цеху № 3 начальником цеха А. Косачевым на меня наложено дисциплинарное взыскание — выговор и депремирование на 10% по итогам работы за июль 1985 г. Взыскание наложено «за нарушение правил эксплуатации КО-120 и вырубных пакетов». В качестве основания в распоряжении указывается служебная записка начальника БИХа тов. Васильева.

Считаю наложение на меня дисциплинарного взыскания противоречащим закону по крайней мере в силу следующих обстоятельств:

1) Настоящее взыскание наложено распоряжением начальника цеха от 31.07.85 — в то время, когда я был на бюллетене.

2) Обработка обозначения «Ф-...» на станке КО-120 (упоминаемая в служебной записке Васильева) производилась мною по распоряжению администрации. В частности, в июле 1985 г. указанное обозначение (партия — 170 шт.) было вписано в мое производственное («сменно-суточное». — А. А.) задание.

3) Начиная с декабря 1983 г. я, по указанию администрации, систематически работаю оператором на станке КО-120, не имея квалификации (разряда) штамповщика. Таким образом, ответственность за нарушение правил эксплуатации, если таковое имело место, ложится не на рабочего, на администрацию.

С учетом изложенного, прошу комиссию по трудовым спорам дисциплинарное взыскание (выговор и депремирование), наложенное на меня распоряжением начальника цеха от 31.07.85, — **отменить**.

А. Алексеев, 23.08.85.

Вроде, зам. нач. цеха Малков мне даже «помог», задержав ознакомление со служебной запиской Васильева. Я, так и так, собирался подавать свое заявление только в 20-х числах августа (вспоминая совет юриста). Теперь получается, что — не в силу своей «хитрости»...

Впрочем, согласно КЗоТу, я мог бы и еще пару месяцев подождать (предельный срок обращения в КТС — три месяца с момента взыскания). А вот комиссии по трудовым спорам, согласно тому же КЗоТу, решать вопрос надо быстро — за пять дней.

28 августа (среда).

Вкратце

По истечении пятидневного срока, ответственный за трудовые споры член цехкома, токарь Минин, на запрос о судьбе заявления, сообщает рабочему-социологу, что отдал его заместителю начальника цеха и больше ничего не знает. Говорит, что соблюдает КЗоТ «как умеет». Вообще, не хочет разговаривать на эту тему. Мол, в цехе «никогда не было трудовых споров»... И вообще он «не может такие вопросы решать!».

<...> Уже переоделся после смены. Что ж, думаю, зайти к зам. нач. цеха? Вообще-то, нелепо жаловаться на члена цехкома представителю администрации, против произвола которой ты у этого профсоюзного деятеля ищешь защиты...

Малков занят со старшими мастерами. Все же логичнее в этой ситуации обратиться в завком. По дороге к проходной захожу в здание, где

размещается столовая, и тут же — все общественные организации. На двери завкома вижу два объявления.

Первое: «Профсоюзный комитет завода принимает трудящихся по личным вопросам в понедельник с 16-15». (Гм, интересно — является мой вопрос «личным» или нет?).

Второе объявление: «На основании постановления бюро ОК КПСС (так! — А. А.) от 11.03.83, с целью исключения потерь рабочего времени прием граждан в профсоюзном комитете будет осуществляться только в свободное от работы время».

Дверь заперта. Все профкомовцы уже ушли. На часах — 16-30.

5 сентября (четверг).

Утром закончил панель «Ф-...». От бригадира очередное задание на «халтуру» (самодеятельная технология) — стенка боковая «Ф-...». (Подобные задания все же чаще исходят от бригадира, чем от мастера, хотя мастер всегда в курсе).

Но тут разворачиваются события уже не технологические.

В 10 час. меня приглашают к городскому телефону. Зав. канцелярией обкома КПСС Кудряшенко Л. С. сообщает, что 10 сентября (во вторник) утром мне следует явиться в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС к Шадрину А. П., а в среду 11-го на заседании КПК будет рассматриваться моя апелляция исключенного из партии.¹¹

Спрашивает, нужна ли мне помощь в приобретении ж. д. билета. Говорю, что нет. Я спрашиваю, информирован ли об этом вызове партком завода. Нет, она туда не звонила. Ну, на этот раз полагают достаточным, что информирован я сам...

Этого вызова я ждал (хоть и не на этой неделе). У меня есть пять «отгулов» за дни, отработанные в период отпуска еще в феврале. Поездка в Москву, и не на два дня, а на целую неделю, тем самым обеспечена.

Прикинув по календарю, когда мне понадобятся отгулы, сообщаю бригадиру о предстоящих событиях.

А. С.: — У тебя пять дней. Пиши пять заявлений. Начальник цеха имеет право отпустить только на один день...

Пишу: «Прошу предоставить мне отгул на 9 сентября 1985 г. за ранее отработанное время».

Аналогичные заявления — для 10, 11, 12, 13 сентября. Сколов все пять листков скрепкой, несу старшему мастеру Николаю Ярошу (тому самому, который вызывал меня из отпуска в феврале).

Тот несколько растерян... Но я же работал в отпуск — «святое дело»! Ярош посылает меня обратно к бригадиру — завизировать ЕГО согласие.

Такое не принято, чтобы бригадир ставил визу, он ведь не администрация... Толик, поняв, что мастер решил перестраховаться, находит спо-

¹¹ О развитии «дела» социолога-рабочего в этот период см. в томе 2 настоящей книги: глава 10.

соб его «проучить» (мастер моложе бригадира, и они играют в одной баскетбольной или волейбольной команде).

Размашисто, через весь лист мой бригадир пишет: **«Долг превыше всего. Тем более долг бригады и начальства. А. Сыцевич».**

Это на первом заявлении. На остальных четырех я советую ему, для экономии сил, ограничиться резолюцией: «Не возражаю».

Ярош обеспокоен моим предстоящим недельным отсутствием:

— А кто будет работать на ПКР?

— Это наша забота! — говорит А. С. (Коли Р. сейчас нет, т. е. замечать меня придется самому бригадиру).

Старший мастер (отвечающий за производственную программу) тоже ищет слова для «нестандартной» резолюции и находит следующие: «Не возражаю, с заменой оператора на станке КО-120».

— Тут и попроще можно было бы, — насмешливо замечает бригадир.
— Ведь должны же человеку!

С этими заявлениями и визами иду в обед к и. о. нач. цеха Малкову. Тому досталось от меня за последнее время (и непосредственно, в связи с аварийными ситуациями на ПКР, да, полагаю, и опосредованно, в связи с проволочками в организации КТС). Теперь Малков может отыграться:

— Вас официально вызывали из отпуска в феврале?

— Нет.

— В таком случае, у меня нет оснований давать вам отгулы.

(Вообще-то, это не отгулы. Ибо отгулы не оплачиваются, при оплаченной переработке. Но у меня переработка не оплачена. То есть, по существу, должно быть — оплаченное отсутствие. Что вполне точно определено бригадиром, как «долг бригады и начальства»... Заявление на отгул в таком случае — чистая формальность. Такие заявления «в приказ» не идут).

Прошу Малкова наложить письменную резолюцию. С беспардонным сознанием своей формальной правоты, тот пишет на каждом из пяти листов: **«Нет основания».**

После обеда показываю бригадиру этот итог своего визита к начальнику. Тот вначале: «Не понял!» — «А чего ж тут непонятного?».

А. С. резко хватает мои заявления и устремляется к начальнику. Догоняя его: «Толя! Малков — <...> ! Не зарывайся!». Бригадир не сразу берет в толк, от чего я его предостерегаю, но реагирует очень дружелюбно.

Мда! Ситуация, что говорится, «нет слов, одни буквы остались».

Начальник куда-то исчез. Толик сообщает мне, что до конца дня он с ним обязательно объяснится. Я же — могу с понедельника не выходить, он «берет на себя».

Пытаюсь его расхолодить [*остудить?* — А. А.]. Причем прошу разыскать Малкова поскорее. Ибо если они все же не договорятся, то при-

дется брать отпуск **за свой счет**, на два-три дня, которые мне не могут не дать, если я объясню причину.

(Конечно, обидно ехать в Москву только на два дня, когда «заработана» целая неделя. Но раз уж пошло дело на принцип...)

<...> Все эти события разворачиваются на фоне наладки детали «Ф-...». Тем временем приносят маршрутную карту на другую панель («Ф-...» — та самая, где апофеоз технологической безграмотности). <...>

[Здесь опущены технические подробности. — А. А.]

Но важно сейчас не это. Штамповка детали, где ни много, ни мало 60 ударов, да еще с переворотом заготовки, расценена... по 4 коп. за штуку! То есть — порядка 0,07 коп. за удар. Норма установлена **в три раза ниже** прошлогоднего «стандарта» (0,2 коп. для обозначений, штампуемых на ПКР)!¹²

Короче — за всю партию, на которую я, даже и по своему шаблону, максимально удобному и т. п., затратчу больше смены, плата — пятерка. ПКР становится для бригады сущим «разорением»! И по этому поводу бригадиру еще предстоит скандалить...

<...> Где-то около 14 час. А. С., разыскивший, наконец, начальника, подходит ко мне, смущенный не меньше, чем полтора года назад, когда он мне обещал дневное производственное задание 9 руб., а начальство согласилось только на 8,5 (это — в 1984 г.; сейчас-то уже 9 руб.). «Как ты и предполагал... (он — мне). Полный отказ!».

Разговор у них с Малковым был жаркий. У зам. нач. цеха не залежалось сказать Толику, что если тот меня самовольно отпустит, то сам «партийный билет на стол положит» (конечно, это прерогатива уже не администрации, но аргумент — характерный).

— Ну, этого я не допущу, — замечаю я (имея в виду, что не собираюсь злоупотреблять его, Толика, гарантиями).

Потом бригадир задумчиво:

— Вообще-то, у нас еще один козырь есть...

— Какой же?

А. С. колеблется, назвать ли:

— Ведь другим такие отгулы дают без звука!

— Вот этим козырем пользоваться не надо, — говорю. (Тогда — **всем** плохо станет).

— Давай-ка, — предлагаю ему, — для начала, Колю Яроша допросим, что он по этому поводу думает.

Ярош берет на себя всю вину, но не ответственность:

— Я понимаю, Вы работали в отпуск. Надо было оформить, я этого не сделал. Я Вам подпишу любое заявление. Но против начальника — ничего не могу!

---

¹² См. ранее: раздел 12.2.

Отвечаю сдержанно, что извинения приняты. Но если мне не дадут отгулять, то придется кому-то нести материальную ответственность за то, что я работал пять дней **бесплатно**. (А за пять дней я зарабатываю, с премией, порядка 60 руб.).

Нет слов — у мастера.

Мы с А. С. отпускаем его, за ненадобностью. <...>

Вкратце

Здесь опущено описание того, как было получено, уже у заводской, а не цеховой администрации, согласие на трехдневный отпуск «за свой счет», для поездки в Москву на заседание Комитета партийного контроля.

...Вторую половину дня — совсем не до работы. Телефонные звонки, разговоры с начальством... Наладив «Ф-...» для завтрашнего дня, последние полчаса до конца смены просто сижу рядом с А. С., орудуя пилой, и разговариваем «за жизнь» (поводов, как видно, предостаточно). Между прочим, и о случае с Женей Р. Кажется, только в этом пункте у нас с бригадиром разногласия.

<...> Историю с дисциплинарным взысканием Е. Р., развернувшуюся вскоре после моей, я до сих пор избегал записывать. (Женя просил «помалкивать»). Но вот сегодня, 5 сентября, вывесили табуляграмму с зарплатой за август. В ней про Женю указано: дневное производственное задание — 6 руб. Так что «тайное стало явным».

Вообще, наши дневные производственные задания (соответственно, уровни зарплаты) в бригаде различаются в диапазоне от 11,7 (у бригадира) до 6-7 руб. (у новичков). Е. Р., являющийся одним из самых квалифицированных рабочих в нашей бригаде (и обычно замещающий бригадира в его отсутствие), имеет задание 11 руб. Это — показатель внутрибригадного и внутрицехового статуса Жени (так же, как моему статусу отвечает сегодня 9-рублевое задание).¹³

У нас в бригаде не все обходятся без дисциплинарных нарушений и соответствующих административных взысканий в течение года. В итоге, в прошлом году, например, чуть не половина бригады осталась без тринадцатой зарплаты. (Женя Р., между прочим, 13-ю получал).

Самым ходовым взысканием за прогул является депремирование по итогам работы за месяц. Если депремируют на 100%, то для рабочего с таким заданием, как у Жени, единовременная потеря — рублей 80-90. То есть — чувствительно. Теперь стали наказывать также лишением дополнительных дней к отпуску, и даже — от одного до трех основных отпускных дней (которых у рабочего и всего-то 15).

Одной из «крайних» дисциплинарных мер является перевод на нижеоплачиваемую работу, сроком на 1-3 мес. В наших условиях это означает, что квалифицированный слесарь или станочник садится на авто-

¹³ Специально о системе «дневных производственных заданий» см. ранее: раздел 12.2.

кару либо вручную возит «тачку» с заготовками или готовыми деталями. Транспортировщиков всегда не хватает, и когда вдруг «некого наказывать», проблема дефицита этих кадров встает с особой остротой. Но в применении этой меры нельзя и перегнуть палку. Ведь квалифицированную работу тоже кому-то надо делать...

Таков диапазон наказаний (кстати, согласующийся с КЗоТом). Е. Р. явился «пробным камнем» самоуправства, своего рода административной «партизанщины» относительно трудового законодательства.

Сейчас не углубляюсь в «предысторию» взаимоотношений Жени с цеховым начальством. Ограничусь общеизвестными фактами.

1 и 2 августа, пропущенные Е. Р. на работе, не имеют оправдательно-го медицинского документа. А с 3 по 16 августа он находился в больнице. Вышел на работу 19-го (понедельник).

22 августа Женю пригласил и. о. нач. цеха Малков и посулил... снижение зарплаты вдвое, сроком на три месяца. На следующий день ему предложили расписаться под соответствующим распоряжением. Женя сгоряча не только расписываться, но даже и читать это распоряжение отказался.

В тот же день в кабинете у начальника состоялось заседание цехкома, где Жене подтвердили снижение производственного задания с 11 до 6 руб. Однако все это — на словах. Распоряжение на доску почему-то не вывесили.

Две недели Женя выполнял свою **обычную** (квалифицированную) слесарную работу, еще не зная, как она будет оплачиваться. Изучив КЗоТ (взятый у меня), он удостоверился, что такая мера наказания, как перевод на нижеоплачиваемую работу, разумеется, существует, но вовсе не снижение зарплаты без изменения характера работы (что как будто принято по отношению к Жене). Но было еще не ясно, в самом ли деле администрация решилась на такой сомнительный шаг, и если да, то как его оформила.

По моему совету, Женя все же обратился к табельщице и переписал так и не обнародованное распоряжение начальника. Там фигурировал «перевод на нижеоплачиваемую работу», с уменьшением дневного производственного задания.

Информация о снижении зарплаты Е. Р. аж вдвое (извлеченная из вывешенной табуляграммы) вызвала большой интерес у всей бригады, да и вообще в цехе. Такого у нас еще не бывало... **Прецедент!**

6 сентября (пятница).

Вкратце

В этот день экстренно собралась цеховая комиссия по трудовым спорам, заседания которой автор добивался на протяжении двух недель. Для этого понадобилось... обращение в прокуратуру! Помощник прокурора Петроградского района написал «предписание» директору завода, указав в нем

на превышение 5-дневного срока рассмотрения заявления в КТС, как на «грубое нарушение трудового законодательства». Речь шла только о сроке. В предмет спора прокурор не вникал.

Первое заседание КТС (6.09.85).

Обед. Ровно в 12-15 — в кабинете начальника цеха. Сидят за при- ставным столиком по двое, «на равных»: представители администрации — Малков и Кутырина, и представители профсоюза — Минин и П-в. На столе — мое заявление и... «Справочник профсоюзного работника». (То- же хотят теперь действовать «по правилам»!).

Председательствует на КТС сегодня член цехкома Минин (тот самый, который «не может такие вопросы решать»). Секретарские обязанности выполняет Кутырина.

Минин открывает рот, чтобы зачитать вслух поступившее от меня две недели назад заявление.

— Минуточку, — говорю. — Почему меня не спрашивают, не имею ли я отводов кому-либо из членов КТС?

— ?!

Еще не вполне осознав, о чем речь, Минин спрашивает:

— Кому же отвод?

— Вам лично!, — отвечаю.

— ?!!

Моя мотивировка: «Минин уклонялся от исполнения своих обязан- ностей члена цехкома, ответственного за трудовые споры».

Минин нервно оправдывается тем, что я обращался к нему в рабочее время, когда «надо работать». Хладнокровно замечаю, что когда я обра- щался к нему в обеденный перерыв, ему «надо было обедать».

Малков первым вышедший из оцепенения, зачитывает вслух соответст- вующий пункт «Положения о КТС», откуда явствует, что: а) заявитель имеет право на отвод; б) удовлетворить или отклонить этот отвод может только цех- ком. Стало быть, заседание КТС сейчас продолжаться не может.

Обсуждают срок следующего заседания. Малков предлагает — в по- недельник. Сообщаю, что в понедельник меня не будет на работе.

Малков: — Я же не подписал Вашего заявления!¹⁴

Я: — Мое заявление, подписанное заместителем директора, находит- ся у табельщицы. Полагаю, ей следовало Вас об этом информировать.

— !!

Полчаса спустя после окончания обеденного перерыва Кутырина приносит мне выписку из протокола. Узнаю из нее, что заседание ко- миссии отложено на 12 сентября (т. е. после моего возвращения). <...>

¹⁴ Речь идет уже не о заявлениях на «отгулы», а об отпуске за свой счет на три дня — для уча- стия в заседании КПК в Москве. Это заявление и. о. нач. цеха сторяча тоже отказался удовле- творить, ввиду... «отсутствия документального подтверждения» и «большого объема работ по выполнению государственного плана».

12 сентября (четверг).

Возвращаюсь из Москвы поездом № 19, прибывающим в Ленинград в 6-25. Времени — в обрез, чтобы поспеть на работу.¹⁵

Бригадир мне показался каким-то унылым. Я — ему, как он потом сказал, бодрым.

— На работе какой-то кошмар, — сказал бригадир. — Техпроцессы, расценки, возвраты... (Это уже не про ПКР, а вообще).

Второе заседание КТС (12.09.85).

После работы, в 16-15, вновь собирается КТС. Другой состав комиссии. От администрации — те же (Малков и Кутырина). От профсоюза — члены цехкома Иван Овчинников и Миша Фетисов. Таким образом, мой отвод Минину — цехкомом удовлетворен.

Председательствует на этот раз, строго в соответствии с «Положением о КТС», представитель иной стороны, чем в прошлый раз (т. е. не профсоюз, а администрация), а именно — Малков. Секретарь — Миша Фетисов.

Есть ли у заявителя возражения по составу комиссии? Нет. Малков зачитывает мое заявление. Любого из указанных в нем трех обстоятельств достаточно, чтобы отменить распоряжение начальника цеха от 31 июля. [См. выше. — А. А.].

Однако, прежде чем рассматривать их, до сведения комиссии доводится объяснительная записка мастера Г. Соколова: мол, деталь такая-то выдана им в бригаду для изготовления в указанный срок; «конкретных указаний, на каких именно станках изготавливать детали, я не даю». Лукавит Гоша!..

Объяснение ныне отсутствующего (в отпуске!) мастера Гоши противоречит моему утверждению, что деталь «Ф-...» штамповалась на ПКР по указанию администрации. «Есть ли у Вас документальное подтверждение?» — спрашивает Малков. Вообще-то, указания рабочему даются устно. Но у меня сохранился промасленный листок, на котором **рукой мастера** записано, какие детали штамповать в июле. Над списком указано: «ПКР» (!).

Кутырина: — А где подпись?.

Я: — Нету.

— А на объяснительной есть!

— Разумеется.

— Объяснительная — документ, а это — не документ!

— Но Вы же не станете утверждать, что второй написан не мастером, а кем-то другим?

Добавляю, что Г. С., вероятно, забыл. А если (вдруг!) отречется от этой записки, то (насмешливо) «можно и экспертизу произвести»...

¹⁵ Решением Комитета партийного контроля при ЦК КПСС от 11.09.85 апелляция автора, исключенного из партии в 1984 г., была в очередной раз отклонена.

Начальник тех. бюро цеха Кутырина информирует присутствующих, что на ПКР разрешено пробивать стальные листы толщиной до 2,5, а я пробивал — 3 мм. Перед этим меня спрашивали, знаю ли я правила эксплуатации КО-120. Я ответил, что много чего знаю такого, чего «знать не обязан». (Ведь мне до сих пор не удосужились присвоить разряд штамповщика).

Но самое пикантное, что Кутырина (главный технологический обвинитель) за шесть лет не удосужилась заглянуть в правила эксплуатации ПКР. Согласно техническим условиям, на КО-120 можно штамповать стальные заготовки не толще 2 мм (а вовсе не 2,5).

Кутырина: — Но как же Вы не обязаны знать, если два года работали наладчиком?

— Наладчиком чего? — невинно спрашиваю я.

— Наладчиком технологического оборудования...

— А Вы никогда не интересовались, что это такое, по тарифно-квалификационному справочнику?

— ?!

— Наладчик т/о — это вовсе не наладчик прессов, — объясняю всем. — Эта специальность относится к электронному оборудованию. То есть оформление меня наладчиком т/о в свое время было липой.

(Феномен «подснежника»: например, наш цеховой художник числится слесарем-ремонтником).

Нервничают члены КТС... Что он с ними делает, этот наладчик-законник!

Кутырина (с яростью бессилия):

— А Вы знаете, что ваше собственное заявление недействительно?.

Я: — Это почему же?

— У Вас тут в одном месте написано — распоряжение нач. цеха от 31.07, а в другом — от 31.05.

— Ну, 31 мая никакого распоряжения не было. Ясно, о чем речь.

— Никому ошибаться нельзя, только Вам можно!

Игнорирую эту реплику Кутыриной — не заслуживает ответа.

Снова Кутырина: — Вы нарушали технологический процесс!

Я: — Разумеется. И не только в этом случае. Мы выпускаем годные детали, нарушая негодные техпроцессы. И Вам это прекрасно известно.

— Но здесь Вы замещали операции, которые без ПКР более трудоемки и оплачиваются дороже!

«Так значит... **халтура!**» — врывается член цехкома, шлифовщик Миша Фетисов, переводя разговор на нормальный рабочий язык.

Тут Кутырина делает опрометчивое заявление:

— Вы использовали оборудование в корыстных целях!

Я: — А вот эти слова, пожалуйста, либо повторите, либо возьмите обратно. Это — не просто ложь, а ложь оскорбительная, порочащая, т. е. подсудная.

Сообразила Кутырина — взяла обратно. Но не лучше и Малков:

— Как получать зарплату — так Вы пожалуйста, а как выговор — так не хотите.

Ну, это риторика...

А зам. пред. цехкома, фрезеровщик Иван Овчинников взывает... к моей «человечности»:

— Ну, как бы Вы поступили на месте начальника цеха?

Отвечаю шутливо:

— Вот когда сяду на его место, тогда и увидите, как я поступлю.

Заседание проходит не скучно: и для заявителя, и для членов КТС.

Кутырина и Малков более искушены в трудовых конфликтах. Они — «нападающие». А члены цехкома Иван Овчинников и Миша Фетисов — «полузащитники». Вот только «вратаря» в этой команде нет. (Мне же приходится одному отыгрывать за целую футбольную команду).

Иван Овчинников: — Но нарушали же Вы техпроцесс!

Я: — Не больше, чем Вы сами это каждый день делаете.

— !!

Снова Иван: — Я не знаю КЗоТа, мне некогда его изучать, но по-человечески...

(Смысл: как можно спорить с начальником цеха!).

— Знаете что, — говорю, — чего вы меня уговариваете? Я готов отвечать на конкретные вопросы. А решайте уж вы сами. Как вам велят профсоюзный долг, личная совесть и трудовое законодательство...

Да, пора что-то решать... Малков предлагает посоветоваться без меня. Высказываюсь в том смысле, что это что-то новое в профсоюзной демократии.

— В Положении о КТС, — парирует Малков, — не сказано, что надо решать в присутствии заявителя...

— Сказано — рассматривать в присутствии, а решение — часть рассмотрения.

Приходится каждому участнику заседания резюмировать свою позицию в моем присутствии.

Малков: — Может, это и против КЗоТа, но **по-человечески** — я бы оставил решение в силе.

Иван Овчинников: — Я тоже.

Миша Фетисов: — Я тоже, но наказать и того, кто выдавал задание (т. е. мастера).

Дольше всех колебалась Кутырина.

— Нарушение КЗоТа все же есть, — говорит она, обращаясь к Малкову.

Похоже, что она предчувствует последствия. Но все же лучше ошибаться вместе со всеми, чем быть «прозорливее» остальных...

Комиссия по трудовым спорам **приходит к соглашению** (так это называется в КЗоТе): «Распоряжение по цеху от 31.07.85 оставить в силе».

Надо признать, что я отчасти «стимулировал» их к такому решению. Поражение сборной администрации и цехкома было слишком очевидным. Они, конечно, понимали, что действуют против закона. И это, для каждого по-своему, представлялось уже неизбежным. Ведь «по-человечески»... просто невозможно иначе!

Члены комиссии с готовностью подчинились бы указанию сверху. Но — не давлению снизу. («Моделирующая ситуация!»).

13 сентября (пятница).

Еще перед обедом говорю мастеру Ярошу:

— Давайте все же решим, что делать с теми пятью днями.

Откладывать дальше некуда. Дарить производству неделю своего отпуска и заработок за целую неделю я не собираюсь. Не хотелось бы доставлять Вам неприятности. Подумайте, как без них обойтись.

Старший мастер (он же — нач. участка) беспомощен:

— Может, Вы удовлетворитесь их оплатой?

Я: — Оплата — в любом случае. Кстати, как Вы это себе представляете?

— Можно было бы на месяц повысить Вам коэффициент трудового участия (иначе говоря — дневное производственное задание).

Откровенная лажа, к тому же дурно пахнущая...

Предлагаю Ярошу еще раз переговорить с зам. нач. цеха Малковым. Если удовлетворительного выхода не найдут — буду действовать сам. И тогда уж — не взыщите!

<...> Юридическая консультация на углу Невского и Литейного.

Молодую женщину-адвоката мой случай — с не оформленным вызовом из отпуска — затруднил (она назвала его «интересным»). Пригласила подругу. Та рекомендует трудовой спор (вплоть до суда). При этом необходимо подтвердить (с помощью свидетелей) факт **не оплаченной** работы во время отпуска.

Неужто — опять «спорить»? Ох, хватит мне пока и нынешнего спора!

Что же касается казуса Е. Р (Жени), получаю от адвоката уверенно негативный ответ. Мол, все правильно! А в тонкости бригадной организации труда в сочетании с индивидуальными заданиями вникнуть не сумела (или не захотела).

16 сентября (понедельник).

Где-то между 10 и 11 час. секретарь начальника цеха сообщает, что «меня ждет юрист». Интересная формула: не «приглашает» и не «вызывает», а **ждет** (как будто я об этом просил). Предупредив начальника участка Яроша, иду.

Разговор с заводским юристом (16.09.85).

Выясняется, что директор завода, получив предписание прокурора насчет нарушения КЗоТа по части сроков рассмотрения трудового спо-

ра, поручил заводскому юрисконсульту Никитиной (кажется, заслуженному юристу РСФСР) разобраться в этом споре также и по существу.

Произошло это не столь оперативно, как заседание нашей комиссии. Никитина от меня узнает, что еще на той неделе цеховая КТС приняла отрицательное решение. И это для нее неожиданность. Она говорит, что распоряжение Косачева — «не без изъянов», что директору — «неприятно», а она сама — «в трудном положении».

— Вы ведь, наверное, собираетесь подавать в суд?

— Не знаю. Сначала послушаю, что Вы мне скажете.

Никитина просит показать ей листок с заданием мастера штамповать пресловутые каркасы. У меня с собой его, понятно, нет. Прихожу с этим листком, уже в обед... Она не сразу находит там нужное обозначение детали. Хочет отметить птичкой. Даю ей понять, что с документом так обращаться нельзя.

Никитина: — Да я только точку поставлю!

Я: — И точку ставить я Вам не разрешаю.

— Но это же не документ!

— Для Вас, может быть, и не документ, а у меня другого нет.

Никитина говорит, что ей надо побеседовать с начальником цеха и с бригадиром, для чего просит оставить ей этот «не документ». Отказываюсь. Предлагает... дать расписку.

Я: — Зачем мне Ваша расписка?

— Но как же я начальнику цеха покажу?

— Придется показывать при мне. <...>

Вкратце

Здесь опущены другие подробности беседы с заводским юрисконсультom. Та по телефону приглашает к себе начальника цеха и бригадира. А. С. отказывается от беседы с юристом «в рабочее время». А после работы в этот день он играет в футбол.

...Приходит Косачев. Никитина знакомит его с моим «не документом». На одном краю стола лежит объяснительная записка мастера, на другом — его же «задание». Нач. цеха выражает доверие первой и недоверие второму. Сам мастер Гоша все еще в отпуске. Будучи достаточно напорист, Косачев пытается одержать верх в словесной перепалке, которую обрываю:

— Если Вам хочется со мной поговорить, то можете вызвать меня к себе в кабинет (разумеется, в рабочее время) или подойти к моему рабочему месту...

Во всяком случае, из нашего нелিপеприятного обмена репликами Никитина могла понять, что «нарушение правил эксплуатации» совершалось не только по заданию мастера, но и **с ведома всей администрации цеха**. А распоряжением от 31 июля — просто искали «козла отпущения» и сводили личные счета. <...>

18 сентября (среда).

Сегодня заводской юрист все же «отловила» Толика. Возвратившись от нее, мой бригадир сообщил, что распоряжение, похоже, отменят.

Я: — Ну, а ты что говорил?.

А. С.: — Сказал, что, конечно, распоряжение несправедливое. Да тут не только мастер, сам начальник цеха прекрасно знал... Предыдущие начальники помалкивали, а этот полез рубить сук, на котором сидит.

(Передаю смысл, а не дословное высказывание бригадира).

Я: — Ну, и ладно!

<...> Еще утром по цеху разнесся слух (источник — Коля Ярош), что директор «выгнал с завода» заместителя начальника нашего цеха Малкова. То ли за срыв программы, то ли еще за что...

Больше всего эта информация впечатляет Женю Р. Именно Малков срезал ему зарплату вдвое, а теперь скоростистжно уволен. С кем же теперь спорить? Я смею: «Ну ты, Женя, прямо как кролик, потерявший из виду своего удава».

Объясняю, что спорить, если захочет, ему придется не с конкретным лицом, а с администрацией.

Женя до обеда «ломает голову» и, наконец, принимает решение — подавать, вопреки предостережениям юристов, заявление в КТС. Соглашаюсь помочь ему. Составляем заявление вместе, после работы, в садике, у памятника проф. Попову.

Заявление в комиссию по трудовым спорам цеха № 3 ЛЗПМ

Распоряжением № 93 и.о. нач. цеха Ю. Малкова от 23.08.85 на меня наложено дисциплинарное взыскание, которое я считаю несправедливым и незаконным.

Согласно распоряжению, я, будучи слесарем механосборочных работ, работающим в бригаде 003, переведен на нижеоплачиваемую работу по этой же специальности, с уменьшением дневного задания с 11 до 6 руб. сроком на 3 мес. Прошу КТС отменить распоряжение № 93 по цеху № 3, имея в виду следующие обстоятельства:

1) В распоряжении неверно утверждается, что мною допускались неоднократные нарушения трудовой дисциплины. Мною допущено одно нарушение — своевременно не представлен оправдательный медицинский документ за отсутствие на работе 1 и 2 августа (с 3 по 16 августа я находился в больнице). Если бы были другие нарушения, они должны были бы повлечь за собой административные взыскания, каковых у меня не было ни в прошлом, ни в нынешнем году.

2) Я являюсь слесарем механосборочных работ 5 разряда. В распоряжении № 93 не указано, на работу слесарем какого разряда я переведен. Фактически же я вот уже скоро месяц после издания распоряжения выполняю всю ту же работу, что и раньше, причем даже мастер не поставлен в известность о том, что задание мне снижено почти вдвое. Фактически моя работа никак не изменилась, а изменилась только зарплата, то есть я получаю не по труду, а по усмотрению администрации.

3) Распоряжение о переводе на другую, нижеоплачиваемую работу во всяком случае не может относиться к предшествующему этому распоряжению периоду (до 23 августа). Между тем, за все отработанные мною в августе дни (с 19 по 30.08.85) зарплата начислена мне из расчета 6-рублевого задания.

Есть и другие нарушения трудового законодательства в применении ко мне дисциплинарного взыскания.

Прошу — распоряжение № 93 по цеху № 3 от 23.08.85 отменить и вернуть мне незаконно удержанную часть зарплаты за август-месяц.

Е. Рыжов, 20.09.85

— Похоже, что с меня началась в нашем цехе эра трудовых споров, — замечая шутливо.

Женя: — Ну вот, теперь и я вступил в борьбу, так их растак...

23-27 сентября (понедельник — пятница).

Эту неделю, всю целиком, записываю с опозданием. Поэтому затрудняюсь реконструировать последовательность событий внутри отдельных дней и даже принадлежность некоторых событий к определенному дню. Приходится отступить от строго дневниковой формы. Основные тематические или «сюжетные» **линии** следующие:

Линия **1-я** — производственно-трудовая (включая отдельные «технологические приключения»).

Линия **2-я** — производственно-профсоюзная, включающая: (а) мой трудовой спор; (б) трудовой спор Е. Р.; (в) отчет и выборы цехкома.

Линия **3-я** — производственно-административная (включая историю предоставления мне пятидневного «отгула»).

<...> У станка уже третью неделю лежат 50 штук «Ф-...». Но это — 2,5 мм стальные листы, которые не только не предусмотрены для штамповки на ПКР техпроцессом, но и превышают разрешенную для моего станка толщину материала (см. выше).

Штамповать их сейчас, в разгар трудового спора с администрацией насчет «нарушений правил эксплуатации станка», мне нежелательно. В свое время договаривались с бригадиром, что я налажу, а «отбомбит» (отштампует) он сам.

Дважды в течение этой недели я налаживал, но то бригадир был занят, то поджимала другая работа, и приходилось разрушать настройку. Теперь срочно нужно хотя бы 11 деталей из 50.

— Толя, — говорю, — почему бы Косачеву специально не распорядиться насчет этой детали? С учетом особых обстоятельств...

А. С. вполне понимает мой намек. Но у него тоже нет выхода:

— Понимаешь, я завязан с 10-м цехом. Я делаю им, они — мне.

Бригадир выражает готовность лично встать за станок.

Я: — Не надо. Бросится в глаза... Я отштампую сам.

(Шутливый стишок Н. Рубцова: «Побежала коза в огород. / Ей на встречу попался народ. / Говорит: ты куда, егоза? / И коза опустила глаза. / А когда разошелся народ, / побежала опять в огород»).

Выдав бригадирю необходимые 11 штук, не снижая темпа, штамую и остальные 39, благо начальства нет. Даже задерживаюсь после смены на полчаса.

А. С. не благодарил, но, вероятно, оценил по достоинству мой «благородный» поступок. <...>

Вкратце

26 сентября 1985 г. состоялось рассмотрение трудового спора Евгения Р. Неожиданно для него самого, да и для его «консультанта», он этот спор выиграл.

...Женя рассказывал подробности о заседании КТС. Начальник цеха Косачев сказал: «Заявление написано грамотно, а администрация ошиблась». Мы сошлись на том, что начальнику, конечно, было нетрудно признать ошибку администрации, благо допустил ее не он сам, а его заместитель Малков (которого, вроде, снимают).

Незаконно высчитанные у Жени из августовской зарплаты деньги (60 руб.) будут возвращены ему двумя порциями. Если учесть, что с отменой малковского распоряжения Женя будет получать свою «нормальную» зарплату также и в последующие два месяца, то этим трудовым спором ему удалось отстоять (выиграть или «спасти»): $60 + 150 + 150 = 360$ руб.

Женя считает, что обязан этим мне. Я сказал, что если и обязан, то не столько моим консультациям, сколько страху, который я нагнал на администрацию своим собственным трудовым спором (судьба которого, кстати, до сих пор не решена). <...>

8 октября (вторник).

Первый день на работе после недельного «отгула» (ездил к друзьям в Вильнюс). Бригадир А. С. — в отпуске. За него, как обычно в таких случаях, Женя Р. На ПКР без меня никто не работал.

<...> Женя говорит, что выписка из протокола заседания КТС по его вопросу три дня висела на доске объявлений. Уж лучше бы, мол, не висела, а то все подходят, поздравляют...

Я: — А на руки тебе выписку дали?..

Женя: — Нет. А надо?

— Вообще, обязаны по Положению. Ладно, подожди зарплаты.

Посмотрим, по какой статье проведут...

Вкратце

Тем временем собственный трудовой спор рабочего-социолога с администрацией получил дальнейшее развитие. Как положено, в случае несогласия одной из спорящих сторон с принятым на КТС решением, этот вопрос обсуждался на цехкоме. Рассматривали его дважды. Первый раз, еще в сентябре, цехком оставил решение КТС в силе. Но, как выяснилось, при этом не было... кворума, который, согласно Уставу профсоюзов, должен в таких случаях составлять не менее 2/3.

Ниже приводится описание второго заседания цехкома, кстати, уже в новом составе, после очередных перевыборов.

Заседание цехкома (8.10.85).

<...> На этот раз собрались 13 чел. из 17 (т. е. больше 2/3). После того, как зам. пред. цехкома Иван Овчинников зачитал мое заявление, на-

ступила томящая пауза. Никто, похоже, не знал, что дальше делать. Ситуацию разрядил начальник цеха Косачев. Он, неожиданно для всех присутствующих, сообщил, что директор вызывал его по этому вопросу и собирается своим приказом отменить распоряжение о выговоре.

Как я к этому отношусь? (Кажется, прозвучало: «Устроит ли Вас это?»).

Я сказал, что директорского приказа не видел. Когда увижу — выскажу свое отношение. Надежды на то, что я тут же «сниму» свое заявление, не оправдались. Тем не менее, члены цехкома вздохнули с облегчением. (Ведь в случае отмены распоряжения директором, им вроде не только ничего решать, но даже и обсуждать не понадобится).

Решено: отложить вопрос. Срок — не определялся.

9 октября (среда).

Мастер Гоша успел созреть для решения проблемы с аварийной «Ф-...». С оскорбленным, после всех наших передрыг, видом он вручает нам с бригадиром (Женей Р.) письменное (с датой!) распоряжение: «Изготовить деталь «Ф-...» в кол-ве 50 штук на КО-120. Г. С.».

Вот, мол, **до чего мы — его довели!** Я беру этот «документ», как нечто совершенно естественное и, отложив все остальное, начинаю налаживать... официально предписанную администрацией, вопреки техпроцессу, по «нелегальному» шаблону, работу на своем станке. («Припрет — никуда не денутся», — вчера заметил Игорь Виноградов).

Но тут... выкидывает коленце станок. <...>

[Здесь опущено описание аварийной ситуации с работающим без профилатического ремонта оборудованием. См. об этом ранее: раздел 12.1. — А. А.]

10 октября (четверг).

Зам. нач. цеха Малков в самом деле освобожден от занимаемой должности.¹⁶ На его место директорским приказом назначен (оказывается, еще с 1 октября)... мастер участка Николай Ярош!

<...> Получили расчетные листки. У меня в этом месяце всего 201 руб. (сказались 3 дня за свой счет для поездки в Москву в сентябре). У Жени Р. к сентябрьской зарплате добавлены 22,5 руб., которые администрация «задолжала» ему за август. По какой же «статье»? Эта сумма — под кодом 6 (премия за выполнение личных заданий).

Вот так, в августе незаконно «наказали», а в сентябре не менее незаконно «поощрили».

<...> Зову технолога: «В техпроцессе записана нелепость». <...> *[Здесь опущено описание очередной производственной неувязки. — А. А.]*

Нина Толстова: — Но Вы же как-то штампуете?

— Я штамую по самодельному шаблону. И, пожалуйста, так и напишите в техническом документе, если хотите как-то оформить эту работу.

¹⁶ Из приказа директора «Ленполиграфмаша» А. Д. Долбежкина, от 18.09.85: «...за неумение вести работу по организации коллектива на обеспечение плановых сроков изготовления деталей зам. нач. цеха № 3 Малкова Ю. П. от работы освободить».

Нина послушно-обреченно (впрочем, может, и не осознав до конца значимости момента) вычеркивает фиктивную «штамповку по координатным линейкам» и под мою диктовку вписывает: «По самодельному шаблону. Н. Толстова.». Такое — впервые за пять лет! <...>

11 октября (пятница).

В первой половине дня состоялся необычный вызов всей нашей бригады (в полном составе) к начальнику цеха. «Что-то новенькое!..» (Сергей Р.). Явились в кабинет. Расселись.

Оказывается, поводом послужил двухдневный прогул Сергея, на прошлой неделе. Тот попросил начальство не выносить ему взыскание и договорился с мастером Гошей, что вечерами отработает. Дело обычное... Уже два вечера и отработал. Еще раз в субботу выйти — и были бы «в расчете». Но тут Косачев вмешался, говорит, что не имеет права «прощать».

Вообще, в вашей бригаде за последние два месяца — уже третий случай, говорит начальник цеха: Сергей И., Сергей Р. и... сам и. о. бригадира Евгений Р., который-де «ускользнул от наказания»...

Все это имело характер общей воспитательной беседы: мол, за прогул одного члена бригады не только он сам, а и вся бригада должна отрабатывать (понимай так — работать сверхурочно, когда понадобится).

Понадобилось — уже в эту субботу! Так мы все и поняли намек. Уважения к Косачеву этот его демарш не прибавил.

Я говорю Жене:

— Видишь, двух недель не прошло, а уже выигранный тобой трудовой спор истолковывается как — ускользнул от наказания. Возьми-ка ты выписку из протокола КТС, от греха...

Женя согласен, что надо взять.

(Как выяснилось к концу дня, в субботу выйдут только три-четыре человека из нашей бригады). <...>

14-18 октября (понедельник — пятница).

<...> Вторую половину этой недели загрузка моего станка была неустойчивой. В среднем полсмены я работал на ПКР, полсмены — слесарем. Слесарил разнообразно: снимал грады, сверлил по кондуктору, зенковал, нарезал резьбу... Эти заурадные слесарные операции для меня менее рутинны, чем ПКР, и были мне в охотку.

Кажется, в эти дни сложился стереотип: когда работы на станке нет, беру листовые детали и снимаю шабером грады с мною же прорубленных пазов и отверстий (все равно кому-то придется это делать). Причем шабрю за своим же координатным столом, т. е. в рабочей позе управления станком.

Это позволяет не дергать лишний раз бригадира. Он видит, что я — при деле. Возникнет более срочная работа — сам подойдет.

<...> После окончания рабочего дня 16 октября (среда) по дороге в раздевалку обнаруживаю на доске распоряжений приказ директора завода:

«Распоряжение № 86 от июля 1985 г. начальника цеха № 3 Косачева А. А. о наложении дисциплинарного взыскания и депремировании слесаря м/с работ Алексеева А. Н. — отметить как наложенное с нарушением трудового законодательства».

Ну, что ж! Силы директорского приказа достаточно, чтобы отменить распоряжение начальника цеха, но... не мое заявление. В принципе, было бы логично настоять, чтобы цехом собрался в третий раз и «принял к сведению» приказ директора. Однако с моей стороны это был бы, пожалуй, уже «перебор»...

И все же, **мое заявление никто кроме меня отменить не может**. Что я и сделал день спустя:

«В связи с изданием приказа директора завода № 425 от 15.10.85, считаю свой трудовой спор с администрацией цеха № 3 исчерпанным. Свою просьбу о его рассмотрении, вынесенную в заявлении в профком завода от 25.09.85, снимаю». (Отнес в завком).

...Наутро (17 октября) я был горячо поздравлен Женей Рыжовым. Всеми остальными это событие было замечено, но «отмечать» не стали. Директорский приказ провисел недолго. Но для оповещения цехового коллектива — достаточно.

* * *

<...> Так благополучно разрешились к середине октября все сюжетные линии моих августовско-сентябрьских записей. Кроме одной: борьба за «порядок» на производстве. Но надо же — и тут прозвучало что-то вроде заключительного аккорда...

Начальник ОТК цеха Николай Лукашевич, который в последнее время все чаще лично сталкивается с проблемами моего ПКР (особенно в тех аспектах, которые приводят или могут привести к браку), вдруг 15 октября предложил мне составить обзор всех этих «заморочек» для передачи им (Николаем) лично начальнику ОТК завода.

Я выразил полную готовность. И два вечера подряд, вместо этого дневника, составлял обзор.

На титульном листе школьной тетрадки вывел: «**Так мы работаем** (август-октябрь 1985 г.)». Жанр этого документа был обозначен мной, как «рабочая записка».

Отдал Николаю — 18 октября (пятница, последний день ведения настоящей «хроники»).

...Таким вот оригинальным способом результаты моих социально-производственных наблюдений и действий были «внедрены» в управленческую практику.

(Записано в августе-октябре 1985 г.)

14.3. Вот так мы работаем

Из рабочей записки для ОТК завода (октябрь 1985)

На протяжении августа-октября 1985 г. мною регистрировались всевозможные помехи нормальной (ритмичной и эффективной) работе на станке ПКР КО-120 в цехе № 3. Всего за период с 5.08 по 16.10.85 на КО-120 отработано свыше 3-х десятков партий различных обозначений деталей. Ниже приводятся замечания по отдельным обозначениям, а также по подготовке производства и организации труда в целом.

Август 1985 г.

«Ф-...» (56 шт.). Обнаружено расхождение шаблона с чертежом. Оказалось, что в т/процесс не вклеен новый чертеж, по которому исправлялся шаблон. Сам по себе шаблон тоже оказался неисправен. Потери раб. времени на ПКР (выяснения, переналадка) — около 2-х часов. Задержка выпуска деталей — 2 дня.

«Дц-...» (105 шт.). Обнаружено расхождение карты штамповки с шаблоном. Последний предусматривает новую технологию штамповки, что не отражено в тех. документации. В шаблоне две позиции смещены относительно всех остальных. В целях скорейшего выпуска деталей штамповка производилась по не отремонтированному шаблону, за 2 установки. Потери раб. времени — около 3-х часов.

«Ф-...» (55 шт.). Ввиду отсутствия в инструментальной кладовой вырубного пакета диам. 8 для толщины материала 1,5-2, использовался неподходящий (с меньшим зазором) пакет. Нарушение — по распоряжению цехового технолога (внесено в т/процесс для данной партии). Потери рабочего времени (выяснения, поиски инструмента) — около 1 час.

«Ф-...» (130 шт.). В т/процессе по рац. предложению нач. БТП цеха Кутыриной и нач. БИХ цеха Васильева, введена пробивка панелей 1,5 мм толщины вырубным пакетом диам. 1,5. Пуансоны этого пакета выходят из строя после нескольких десятков ударов. К моменту получения задания, в инструментальной кладовой не оказалось ни одного целого. По указанию цехового технолога, для данной партии, вернулись к прежней технологии (кернение на ПКР, потом сверлильная операция). На сверление 8 тыс. 1,5 мм отверстий выписан дополнительный наряд. Потери раб. времени только на ПКР (выяснения, согласования) — около 2-х час. Задержка выпуска деталей — 3 дня.

«Ф-...» (55 шт.). В т/процессе содержалось указание, не соответствующее конструкции КО-120 (штамповка за одну установку с подвижкой захватов). Вызывали технолога ОГТ. 2 позиции из штамповки на КО-120 были исключены (дополнительный наряд?). Потери раб. времени — около 2-х час.

«Ф-...» (55 шт.). На заготовительном участке ошибочно отрезали 110 заготовок, т. е. вдвое больше требуемого количества. Лишние — отправлены в отходы. В данном т/процессе согласно п/и *[производственное извещение. — А. А.]* введены два дополнительных отверстия, для которых указана резьбонарезная операция, а штамповка или расточка их не указана (дополнительный наряд?).

«Ф-...» (... шт.). Ввиду отсутствия в инструментальной кладовой подходящего для данной толщины материала вырубного пакета диам. 2, по указанию цехового технолога для данной партии исключена штамповка на КО-120 этих отверстий (дополнительный наряд?). Шаблон оказался неисправным. Потери раб. времени (выяснения и переналадка) — около 2-х час. Задержка выпуска деталей — 3 недели.

«Ф-...» (56 шт.). Из т/процесса и маршрутной карты, согласно п/и, снята фрезерная операция (фрезеровка по контуру). А заготовки оказались отоварены с припуском на фрезеровку. Дополнительный наряд. Задержка выпуска деталей — 2 дня.

«Ф-...» (300 шт.). В т/процессе был ошибочно указан № пакета диам. 3,2, не подходящего для пробивки материала 2 мм. Исправлено по замечанию рабочего. Нужного пакета в инструментальной кладовой не оказалось. По указанию технолога, пробивка производилась не подходящим (с меньшим зазором) вырубным пакетом диам. 3,2 — вписано в т/процесс для данной партии. Потери раб. времени — около 1 час.

«Ф-...» (100 шт.). В т/процессе не технологично выбраны базы X и Y для штамповки на КО-120. Выпуск годных деталей оказался возможен лишь за счет переориентировки заготовки и шаблона на координатном столе, по инициативе рабочего. Потери раб. времени на ПКР — около 1 час.

«Ф-...» (110 шт.). Т/процесс 1984 г. (разработчик — Ш-ва) выполнен технологически неграмотно. В свое время частично исправлен, по предложению рабочего. Однако осталась главная несуразность: при запланированной штамповке детали с переворотом по X, отверстия верхней и нижней части панели оказались бы «посажены» друг на друга. В результате пришлось отказаться от штамповки ряда отверстий (дополнительный наряд). Потери раб. времени на ПКР около 3-х час. Задержка выпуска деталей — 1,5 дня.

Общие замечания (август 1985 г.)

1) В августе было две серьезные аварийные остановки работы на КО-120: 15-16.08.85 — сдвигание ударов пресса. КО-120 простоял целую смену. 28-30.08.85 — аварийный ремонт матрицедержателей. (На их профилактическом ремонте бригада 003 настаивала с марта-апреля 1985 г.). КО-120 простоял две смены. Особенно вторая вынужденная остановка помешала своевременному выпуску деталей.

2) В целом низкое качество технологической подготовки производства на КО-120. Ошибки в т/процессах, разработанных ОГТ. Неоперативная работа цеховых технологов.

<...> [Здесь опущены аналогичные записи, относящиеся к сентябрю и октябрю 1985 г. — А. А.].

Итоговые замечания за август-октябрь 1985 г.

1) Технологическое обеспечение изготовления деталей на КО-120 остается на крайне низком уровне. Бригаде 003 с трудом удастся выпускать годные детали, пользуясь негодными техпроцессами. Ответственности за это никто не несет.

2) Планово-предупредительный ремонт КО-120 был запланирован на II квартал 1984 г. — не выполнен, перенесен на II квартал 1985 г. — и вновь не выполнен до настоящего времени. Зато учащаются аварийные ремонты, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

3) Активизировавшийся в последнее время пересмотр технических норм на КО-120 (по сравнению с 1983 г. нормы сейчас срезаны в среднем в 2 раза) не обеспечен никакими организационными или технологическими усовершенствованиями. Напротив, ввиду всего изложенного выше, трудоемкость изготовления деталей на КО-120 возросла.

Слесарь м/с работ А. Алексеев
17.10.85

...Вместе с тем, Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР отмечают, что меры по улучшению хозяйствования, заложенные в экономическом эксперименте, осуществляются недостаточно эффективно... Хозяйственный механизм еще не должным образом воздействует на ускорение научно-технического прогресса, увеличение производства высококачественной продукции, соответствующей современным научно-техническим достижениям...

*(Из постановления ЦК КПСС и СМ СССР «О широком распространении новых методов хозяйствования и усилении их воздействия на ускорение научно-технического прогресса»,
12 июля 1985 г.)*

14.4. Ситуация ожидания перемен

Из записки для ЦК КПСС «Научно-практический эксперимент социолога-рабочего и его общественно-политические уроки» (январь-апрель 1986)¹⁷

<...> Есть и позитивные изменения *[на производстве. — А. А.]*. Они касаются пока не столько самой организации труда, стиля управления и т. п., сколько формирующейся исподволь, в самой гуще трудового коллектива неудовлетворенности таким положением. И в этом, пожалуй, главное завоевание истекшего *[1985-го. — А. А.]* года.

Есть признаки оздоровления атмосферы, когда административная нераспорядительность, безответственность, организационные и технические просчеты начинают восприниматься как нетерпимые, об этом все чаще заходит речь на партийных собраниях, зазвучал голос рабочей критики. Хозяйственным руководителям становится уже нелегко списывать все беды за счет отдельных прогульщиков. Ибо нарушения, идущие «сверху», обходятся куда дороже, хоть этого администрация и не любит признавать.

(Характерный пример: просмотрев подряд, скажем, годовую подшивку заводской газеты «Трибуна машиностроителя», можно убедиться, что факты, аналогичные отмечавшимся мною в производственных дневни-

¹⁷ Об этой записке см. в томе 2 настоящей книги: раздел 10.14.

ках и научных отчетах 1980-1981 гг.¹⁸, вдруг как-то сразу выплеснулись на ее страницы <...>).

Возникла ситуация, которую можно определить <...> как действительное **ожидание перемен** в повседневной хозяйственной и общественной жизни. Только еще далеко не всем понятно, что перемен не надо «ждать», их надо — самим осуществлять. <...>

А. Алексеев, январь-апрель 1986

14.5. 1986-й, не бедный событиями...

А. Алексеев — Б. Тукумцеву (декабрь 1986)¹⁹

[Вопреки обыкновению, настоящий текст приводится раньше тех, что предшествуют ему хронологически, поскольку содержит обзор событий и обстоятельств 1986 года, подробно описанных в последующих разделах. — А. А.]

Здравствуй, Будимир!

Благодарю Тебя за новогодний привет. Взаимно! Ты пишешь, что знаешь обо мне «урывками»... Прими мой краткий жизненный отчет.

Уходящий год был не беден событиями и личного плана, не говоря уж об общественных.

К открытию XXVII съезда партии я отправил в Москву не только апелляцию, но и письмо М. С. Горбачеву. Кроме того, мною была подготовлена аналитическая записка для ЦК КПСС, под названием «Научно-практический эксперимент социолога-рабочего и его общественно-политические уроки».

В письме Горбачеву я выразил готовность представить эту записку в ЦК, «по первому требованию». Однако требования не последовало и пришлось-таки отдать ее в Ленинградский обком.

Моя апелляция к Съезду рассматривалась еще летом — и в обкоме, и в Комитете партийного контроля. **Отклонена.** (Аппарат перестраиваться не спешит).

Также летом мною был выставлен гражданский иск к секретариату Советской социологической ассоциации — о защите чести и достоинства (подробности опускаю). В ноябре в Москве дело рассматривалось судом и **выиграно** мною (правда, иск касался частного вопроса).²⁰

На заводе я стал победителем социалистического соревнования (в 3-м квартале — третье из десяти призовых мест).

В заводской газете «Ленполиграфмаша», кажется, нет более часто и остро печатающегося рабкора. (Особенный резонанс получила публи-

¹⁸ Так называемые «Письма Любимым женщинам» (см. в томе 1 настоящей книги: главы 2, 3); они же — «клеветнические материалы на советскую действительность» (формула исключения из партии).

¹⁹ О самарском социологе Будимире Гвидоновиче Тукумцеве см. в томе 2 настоящей книги: раздел 10.1.

²⁰ См. об этом ранее: глава 13.

кация «Двухсменка — для дела или для рапорта»; прилагаю экземпляры газеты).²¹

Мой заработок на заводе в этом году превысил ставку старшего научного сотрудника со степенью и 10-летним стажем.

Из ИСЭПа недавно с позором (парт. взыскание) удален Н. Лобанов и земля горит под ногами И. Сигова. Уволенный было за критику, Л. Кесельман восстановлен с 2-месячной оплатой за вынужденный прогул. И т. д. (события почти мои личные).

Журнал «ЭКО», по своей инициативе, подготовил мои производственные дневники 1980-1981 гг. к публикации. Я приостановил эту публикацию по ряду соображений.²²

Р. Рывкина обратилась с письмом к первому секретарю Ленинградского обкома Ю. Ф. Соловьеву в защиту социолога-рабочего (это — еще весной).²³

Были и другие гражданственно-дружественные акции, со стороны ленинградских и иногородних социологов. Я этим акциям больше не препятствую.²⁴

О недавней смене руководства Советской социологической ассоциации Ты, конечно, знаешь.

На пленуме правления ССА, в конце ноября, А. Назимова обнародовала мою историю. Сейчас Центральная ревизионная комиссия ассоциации расследует обстоятельства моего исключения из ССА в январе 1986 г.²⁵

Вот некоторые из лично-общественных событий минувшего года, к которым можно добавить и семейные: родился второй внук (в августе); Неля [Н. А. Крюкова. — А. А.] защитила докторскую диссертацию (в мае).

Всего доброго Тебе — в Новом году. Жму руку!

Андрей Алексеев, 19.12.86

[А теперь обо всем перечисленном — подробно и по порядку. — А. А.]

14.6. «Дело» социолога-рабочего: новые повороты

14.6.1. Надо ли беречь «неудобных»?

Из записки для ЦК КПСС «Научно-практический эксперимент социолога-рабочего и его общественно-политические уроки» (январь-апрель 1986)

<...> В последнее время в центральной печати все чаще можно встретить выступления в защиту или в поддержку так называемых «неудобных» людей. В самую общую схему «укрощения строптивого», пожалуй,

²¹ См. ниже, в главе 15.

²² См. об этом в томе 1 настоящей книги: раздел 4.4.

²³ См. ниже, в главе 15.

²⁴ Тема «гражданской защиты» специально рассматривалась ранее, в томе 2 настоящей книги: приложение 1 к части 2. См. также ниже, в главе 15.

²⁵ См. об этом подробно ранее, в главе 13.

можно отнести и мою историю. Но есть в ней и особенности, для которых в прессе не нахожу прямых аналогий.

Все было бы куда проще, если бы можно было непосредственно соотносить какое-либо из моих критических выступлений с последующими преследованиями. Если бы преследование осуществлялось тем самым «задетым» лицом, а не кем-то другим, по его настоянию, совету или даже намеку. Если бы гонение выражалось в выживании с работы или даже в судебной расправе (что, как известно, пришлось пережить некоторым принципиальным и неуступчивым людям).

И предметы моей критики не те, что у большинства «неудобных». Никаких хозяйственных злоупотреблений, хищений или лихоимства я не разоблачал. Мною ставились вопросы и проблемы иного плана, думаю, заслуживающие не меньшего внимания и беспокойства.

Главная особенность моего случая в том, что профессиональная общественная активность, направленная на приближение перемен (иногда не без издержек «нетерпения» и ошибок с моей стороны), получила в качестве основной формы пресечения — **политические обвинения**. Наверное, это самое действенное средство против человека моей профессии.

В какой-то момент стало ясно, что силою обстоятельств (в которых и моя роль, пожалуй, не последняя) рамки эксперимента социолога-рабочего расширились. «Экспериментальный» характер приобрела сама ситуация противодействия попыткам откровенного, реалистического анализа и острой, критической постановки общественных вопросов.

<...> Недавно центральная газета опубликовала размышления публициста под названием «Берегите «неудобных»!» — на месте передовой.²⁶ Призыв газеты как будто однозначен... Но надо ли так уж беречь тех, кто сам себя не бережет? Ведь «неудобный» все время сам подставляет себя под удары... Ибо если бы противодействие не было бы равно действию, то незачем было бы и действовать...

Если начать «неудобных» особенно беречь, то они, пожалуй, утратят свою общественную функцию. В чем же эта функция?

В период относительной общественной самоуспокоенности, приводящей, как известно, к неблагоприятным для общества последствиям, функция «неудобных» состоит в сохранении своего рода преемственности активной жизненной позиции там, где эта позиция постепенно девальвируется. В период же отчетливого общественного осознания необходимости перемен и их реализации — потенциал не потерявших общественного темперамента «неудобных» оказывается реальной двигательной силой этих перемен.

Если справедливо мое самоотождествление с этой общественной категорией, то мне достались обе эти функции.

²⁶ Карякина Т. Берегите «неудобных»! // Советская Россия, 10.01.86.

<...> Следует ли беречь «неудобных» и «строптивых»? Думаю, что «хотить», «лелеять», «жалеть» не надо. Надо давать им возможность, шанс, если угодно, создавать условия — для максимальной **самоотдачи**.

Замечу в этой связи, что мое личное положение, несмотря на все описанные «заключения», в бытовом отношении вовсе не бедственное. За шесть лет я стал квалифицированным, позволю себе сказать — кадровым рабочим. Более опытного специалиста по внедренному мною типу оборудования на заводе нет. Нравственно-психологический климат, взаимоотношения с товарищами по работе — отличные.

Вообще не умерилась и моя общественная активность. Правда, администрация порой и недовольна предложениями рабочего по усовершенствованию производства, но постепенно они все же внедряются (если не сегодняшние предложения, то вчерашние). Либо я сам их внедряю (когда это в моих силах).

В прошлом году, раздраженный моей критикой, начальник цеха объявил было мне выговор «за нарушение правил эксплуатации станка». Но инцидент оказался исчерпанным отменой этого выговора приказом директора.²⁷ В общем, никому не приходит в голову меня «беречь». Но мне это и не надо.

Проблема в другом. Как максимально использовать «внутренние резервы», творческий потенциал? Не ошибусь, если скажу, что в стране немного социологов, которые бы знали сегодняшнюю производственную жизнь, **со стороны рабочего**, лучше меня. Это знание, добытое не в кабинете, — мое достояние, которое стоит пустить в дело. Спрашивается: как лучше использовать опыт, знания, накопленный научно-практический «багаж»?

Однако эти вопросы, думаю, относятся не только ко мне. Есть все основания задуматься над тем социальным процессом, который представляет собой деятельность так называемых «неудобных» людей...

В. И. Ленину принадлежит известное замечание о том, что надо «ценить самостоятельных людей», а не видеть в них «интригу» или «противовес» (ПСС, т. 54, с. 73). Но ценить — это не просто «беречь», это прежде всего эффективно использовать общественно ценный потенциал личности.

<...> Вряд ли здесь достаточны пока еще доминирующие у нас «ведомственные» формы организации, «служебные» рамки трудовой деятельности, «иерархические» структуры управления. Куда более широкие перспективы открывают разнообразные, ныне все более оживляющиеся формы общественной самоорганизации, самодеятельных объединений, индивидуального и коллективного социального экспериментирования.

Вряд ли обычные материальные и моральные стимулы здесь работают. Действенными стимулами скорее окажутся широкие возможности для творчества, гласность, справедливость.

²⁷ См. об этом выше: раздел 14 2.

Такова одна из важных граней кардинальной общественно-политической проблемы интенсификации человеческого фактора общественного развития.

* * *

<...> Уроки правды и дела, прозвучавшие на Съезде *[XXVII съезд КПСС. — А. А.]*, нуждаются в постоянном подкреплении, воспроизведении, распространении, отстаивании.

Это — работа не на месяцы, а на годы. Однако первые послесъездовские месяцы, наверное, самые ответственные в этой работе, ибо от них зависит переход от массового «ожидания» — к массовой уверенности, а от нее — к массовой общественной активности.

Перемен не надо ждать, их надо делать!

Таким видится главный общественно-политический урок из опыта моего эксперимента, который нельзя свести только к производственной сфере. Вопреки обывательскому здравому смыслу, я вовсе не считаю этот опыт отрицательным.

А. Алексеев, январь-апрель 1986²⁸

14.6.2. «Намек» сверху или инициатива «снизу»?

Из «Записей для памяти» (март 1986)

<...> Я находился в отпуске с 3 февраля по 3 марта 1986.

Первые две недели провел в Ленинграде, дома. 15 февраля (суббота) после коммунистического субботника ко мне домой неожиданно явился и. о. мастера Н. Реутов, просил выйти на работу, мол, очень нужно для программы. На мое замечание, что есть кому работать на ПКР (бригадир может налаживать, ученик — штамповать), Н. Р. вздохнул, что у них «не получается».

Я сказал, что выйти на работу никак не могу: у меня уже билет в Москву куплен, а ехать в Москву мне надо обязательно. *[Цель поездки — консультации с московскими друзьями по своему «делу» и отправка непосредственно из Москвы апелляции XXVII съезду КПСС. — А. А.]*

Когда я уже находился в Москве, 21 февраля (пятница) поздно вечером ко мне домой звонил начальник цеха А. Косачев. Разговаривал с Нелей. Спрашивал, как разыскать меня в Москве (в какой гостинице остановился), чтобы вызвать меня из отпуска ввиду крайней производственной необходимости.

Неля не знала, как со мной связаться, обещала при случае мне передать.

По возвращении из отпуска я поинтересовался у нач. цеха, как ему стал известен мой домашний тел. (которого я, кажется, даже бригадирю не сообщал). Оказывается, выясняли через «09»...

²⁸ См. также в томе 2 настоящей книги: раздел 10.14.

Ремарка: не оставляют вниманием...

Жаль, не догадался тогда попробовать сам выяснить собственный домашний телефон через «09». Вряд ли это удалось бы, поскольку телефон установили меньше года назад.

Хоть вызовы рабочих из отпуска случались и прежде (даже со мной; см. выше: раздел 14.2), думаю, что не настолько уж крайней была производственная необходимость, чтобы искать отпускника в другом городе.

Скорее всего, было нежелательно (для Управления КГБ? для обкома партии?) мои контакты в Москве накануне и в период XXVII съезда КПСС. (Март 2001).

...Отработав, после выхода из отпуска, первую неделю марта и чуть подогнав первоочередные «хвосты» на ПКР, я слегка поранил руку, однако из-за местного заражения пришлось уйти на бюллетень. В понедельник, 17 марта, около 17 час. меня разыскал дома по телефону нач. цеха, с двумя «накопившимися ко мне вопросами».

Первый — надо переписать объяснительную по травме (имеющаяся — не удовлетворяет требованиям отдела техники безопасности).

Второй вопрос — поступило указание в течение 2-х дней составить и утвердить мою партийную характеристику, в моем присутствии. Характеристика — за период после исключения из партии.

Как амбулаторный больной, я выразил готовность явиться в любое время (выпишут меня на работу, по моим предположениям, в четверг). Договорились на завтра, на 10 час.

18 марта, во вторник, я явился к ст. мастеру Г. Соколову и переписал задним числом объяснительную по травме, по его указаниям.²⁹

Затем разыскал секретаря партбюро цеха В. Курсова (как было договорено с нач. цеха по телефону). Тот предложил мне явиться на партсобрание завтра, 19 марта, в 12-25 (т. е. в обеденный перерыв).

В. Курсов в разговоре обратил внимание на быструю реакцию вышестоящих инстанций на мое обращение к Съезду (это произвело также большое впечатление на бригадиров А. Сычевича и И. Виноградова, с которыми на эту тему успел перемолвиться).

Курсов сказал, что характеристика уже почти написана, добавив, что написана **«как оно есть»** (т. е. положительная), хоть я о содержании характеристики и не спрашивал. Наверное, я буду восстановлен в партии (сказал В. К. как бы от себя, но вряд ли сам придумал).

Секретарь партбюро словно еще что-то хотел сказать, не прекращал разговора, хоть вся необходимая информация и была им сообщена. Я поинтересовался, откуда поступил запрос на характеристику? — «Из обкома».

²⁹ Дело в том, в объяснительной **не следовало указывать**, что мелкая травма, полученная в начале рабочего дня и, казалось, не заслуживавшая медицинского внимания (и не очень мешавшая работе), воспалилась к вечеру, так что понадобилось обращение в травматологический пункт по месту жительства, который и выдал бюллетень.

Сычевич (в это время он работал на моем ПКР) уже оказался осведомлен об этих событиях. «Быстро развернулись!» — заметил бригадир, полагавший, что раньше 2 месяцев никакой реакции не будет.

Игорь Виноградов, увидев меня, помнил, чтобы сообщить, что к нему на участок недавно приходил директор завода А. Долбежкин и расспрашивал специально обо мне. Мол, как я работаю?

И. В. сказал — отлично, т. е. «зае-сь» (полагаю, наше обиходное выражение в их беседе все же не прозвучало). Мало кто так работает! Можно кого угодно спросить... Да вот, хоть моего бригадира Сычевича.

К последнему директор подходить не стал. Еще директор будто бы спросил: так, выходит, А. **все правильно писал**? (Это он — про «Письма Любимым женщинам!»). И. В. ответил, что моих записей не читал, наверное, мол, правильно.

Еще будто бы директор заметил в беседе с Виноградовым, что того «кагебешника», который... и т. п., мол, его «прихватили» (!!). Сообщив это мне, Игорь как бы «прикусил язык» (а может ждал моей реакции, на что я сказал, что ничего об этом не знаю, слышу впервые).

Наконец, И. В. проявил осведомленность о завтрашнем утверждении моей характеристики, заметив, что и предыдущая была «ничего» (в чем я не стал И. В. переубеждать, помня, что он за эту предыдущую голосовал).³⁰

Мы обменялись с Виноградовым впечатлениями о последнем выступлении в «Ленинградском рабочем» (14.03.86) В. Четкарева: «Они у меня ничего не получают!», где и сам И. В., и мой бригадир А. С., и другие с нашего участка выступают в качестве «героев» (я же сам — «герой за кадром», поскольку речь там идет, в частности, о моей «бешеной халтуре, красивой детали»).³¹

И. В. и я сошлись в том, что этот журналист «не в себе», т. е. «с приветом». Но это отдельная тема.³²

Что касается предстоящего утверждения (обсуждения?) моей характеристики и всей сопутствующей этому информации, то создается впечатление, что сам по себе **факт** ее оперативного заказа, предпринятого обкомом, возможно, и без намека, внизу воспринят как **намеки**! То есть усмотрено «намека» больше, чем на самом деле «намекнули». <...>

(Записано 18.03.86)

* * *

Из «Записей для памяти» (март 1986)

<...> Собрание происходило в обеденный перерыв. В нем участвовало 21-22 чел. членов и кандидатов в члены КПСС (свыше половины всей цеховой партийной организации).

³⁰ См. об этом в томе 2 настоящей книги: раздел 9.2.

³¹ См. в томе 1 настоящей книги: раздел 5.12.

³² О «бюрократической атаке на рабочий класс», предпринятой в то время некоторыми СМИ, изобличающими рабочих-сдельщиков в «корыстолюбии», см. ниже, в главе 15.

Всех присутствовавших я, пожалуй, не запомнил, но обратил внимание, что присутствовали Лобов, Никитин, Баталов, из числа выступавших на партийном собрании два года назад (16.04.84).³³

Отсутствовали (из этой категории) Новиков, Калинин, Б. Г. Максимов. Были ли первые двое в тот день на работе — не знаю, а Максимова я встретил у заводской столовой по дороге в цех.

На собрании присутствовали также нач. цеха Косачев, ст. мастер Соколов (кажется, кандидат в члены КПСС), к концу подошел председатель цехкома Кутуев. Были бригадиры Сычевич и Виноградов.

Вспоминаю, что присутствовали также Фетисов, Городчиков, Тимофеев, И. Смирнов, Минин, Трусов, Король, кладовщица Валя (разве она вступила в партию?). Здесь перечислены не все, а только кого запомнил.

Председательствовал секретарь партбюро В. Курсов. Обязанности секретаря выполняла член партбюро Н. Толстова.

Курсов извинился, что приходится часто «беспокоить» коммунистов (предыдущее собрание было, кажется, на прошлой неделе). Так «сложись обстоятельства!» Повестка дня — «одна», утверждение характеристики А.

Проект характеристики был зачитан самим Курсовым, в преамбуле указаны: год рожд., национальность, образование, социальное положение <...>, «кандидат философских наук», «исключен из партии в 1984 г.»

(Курсов, человек вроде бы грамотный, застыл на слове «философских» и произнес что-то вроде «философических». От истины недалеко...).

В характеристике отмечается, что А. работает на заводе с января 1980 г. После исключения из партии (в 1984 г.) продолжает работать слесарем, в комплексной бригаде. От обслуживаемого им координатно-револьверного пресса «во многом зависит цеховая программа». Работает хорошо, выполняет сменные задания на 105 проц., качество — высокое. Является ударником коммунистического труда, звание **подтверждено** в 1985 г. (об этом обстоятельстве я узнал впервые). Участвует в общественной жизни цеха. Член ДНД. Активно выступает с предложениями по совершенствованию технической подготовки производства, и т. п. Правительственных наград не имеет.

Мой пересказ содержания характеристики является приблизительным, но, кажется, я не упустил ничего существенного.

Председательствующий к обсуждению не приглашал, а предложил сразу голосовать. (Толстова как-то робко подала голос: «Может, кто желает выступить?»; но Курсов эту ее реплику проигнорировал).

Все же было запрошено мое мнение. Тут я заметил, что сформулировка «правительственных наград не имеет» не точна, если уж об этом говорить. Курсов сказал, мол, обязательно внесем исправление, «в рабочем порядке».

³³ См. в томе 2 настоящей книги: раздел 8.6.

Проголосовали **единогласно**. Все собрание заняло порядка 5 мин.

После собрания В. Курсов (тут подошел и Виноградов) записал в характеристику упоминание о правительственной награде: медаль «За освоение целинных земель». Уточнил мой почтовый индекс и номер домашнего телефона (видимо, тоже надо указать).

Секретарь партбюро цеха как будто не хотел расставаться (как и в беседе накануне) и зачем-то объяснял мне, что 105 процентов выполнения задания поставлены условно (бывает ведь и меньше, и больше...). Вот теперь он отнесет характеристику в партком, там «перепечатают»...

Я поинтересовался, за чьей подписью будет характеристика. За его — секретаря цехового партбюро, сказал он.³⁴

Я покинул цех, не заходя на свой участок, чтобы избежать дополнительного обсуждения всех этих необыкновенных событий.

(Записано 19.03.86)

Ремарка: написали — «как оно есть»...

Как интерпретировать такую перемену тональности в «деле» социолога-рабочего? В какой мере позитивная характеристика давалась по «наметку» сверху, а в какой — по собственной «инициативе» цехового партбюро?

А еще — в какой мере сам социолог-испытатель стимулировал эту метаморфозу своей самообороной и даже контрастностью («на производственном фронте», где он систематически «набирал очки»; см. выше)?

Очевидно одно: в тот момент (только что прошел «перестроечный» партийный съезд!) низовые партийные функционеры не получили указания сверху — «топить» строптивого.

(Указания же сверху не поступило, вероятно, потому что и «наверху» не знали, как все дальше повернется: неуверенность!).

Так или иначе, в тот момент (март 1986) написали в партийной характеристике «все как оно есть» (по выражению цехового парторга, фрезеровщика В. Курсова). (Март 2001).

14.6.3. Между Москвой и Ленинградом

Информация для партийного комитета «Ленполиграфмаш» (май 1986)³⁵

Секретарю парткома ЛЗПМ тов. Михайлову

от А. Алексеева, слесаря м/с работ, члена КПСС с 1961 по май 1984 г.

Информация

<...> Как партийному комитету известно, я апеллировал к Съезду КПСС относительно исключения меня из партии, которое считаю не-

³⁴ По-видимому, эта характеристика была потом утверждена парткомом завода, куда социолога-испытателя уже не приглашали.

³⁵ Документ публикуется с небольшими сокращениями.

справедливым, построенным в основном на ошибочных обвинениях. В марте с. г. на парткоме была утверждена моя новая партийная характеристика. В этой связи хочу еще раз отметить, что я высоко ценю внимание к моей судьбе, проявленное коммунистами завода.³⁶

6-7 мая я выезжал в г. Москву, по вызову Комитета партийного контроля при ЦК КПСС. На заседании Комитета партийного контроля членом КПК при ЦК КПСС тов. П. Г. Макеевой было высказано мнение о целесообразности рассмотрения моей апелляции к съезду — в Ленинграде, поскольку туда уже направлено мое первое письмо на имя Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева от 2.03.86.³⁷

КПК при ЦК КПСС решил: поручить рассмотрение моей апелляции Ленинградскому ОК КПСС, куда возратить мое дело. Как мне было разъяснено на заседании КПК тов. М. Г. Воропаевым, в случае позитивного решения моего вопроса Ленинградским ОК КПСС, это решение будет окончательным. В случае отрицательного решения — Комитет партийного контроля может вернуться к рассмотрению моей апелляции Съезду.

В заключение, считаю необходимым отметить, что мое письмо на имя Генерального секретаря ЦК КПСС <...> от 2.03.86, вовсе не будучи посвящено моему персональному делу, как таковому, проливает новый свет на обстоятельства этого дела. Если возникнет интерес, я готов ознакомить партийный комитет с содержанием этого письма.

А. Алексеев, 11.05.86

14.7. Поток и разноцветье жизни. 1986

14.7.1. Эти неизнашиваемые съемники...

Из «предложений по совершенствованию производства» (март 1986)

В бюро технической подготовки цеха № 3 «Ленполиграфмаша»
Копия: начальнику инструментального цеха

Предложение по экономии ресурсов

В 1985 г. цехом № 3 выдан инструментальному цеху большой заказ на изготовление дублей оснастки для станка ПКР КО-120. Заказ предпринят без совета с бригадой 003, обслуживающей этот станок, и без учета фактической потребности в конкретных видах оснастки.

В частности, в соответствии с этим заказом, инструментальный цех изготавливает для цеха № 3 пакеты-дубли пробивного инструмента **вместе со съемниками**; между тем как съемники не изнашиваются даже при многолетнем использовании, и изготовление их дублей является излишним.

Далее, заказ дублей сделан практически на **все** обозначения оснастки, используемой в крупных гнездах револьверной головки КО-120, причем оди-

³⁶ Намек на то, что характеристика была безусловно положительной...(См. выше).

³⁷ См. ранее, в томе 2 настоящей книги: раздел 10.14.

наковое количество штук каждого обозначения (по 4 шт.). При этом не учтены фактическая частота использования соответствующих единиц оснастки и степень износа. В инструментальной кладовой 1-го участка цеха № 3 в итоге сложился дефицит одних видов оснастки для КО-120 и избыток других.

Фактически этот заказ оснастки для ПКР КО-120 направлен на создание ненужных, сверхнормативных ее запасов в кладовой.

Предлагаю:

1) Немедленно приостановить изготовление в инструментальном цехе съемников к пакетам-дублям пробивного инструмента для КО-120. (К новым обозначениям оснастки, заказываемым впервые, это предложение, разумеется, не относится).

2) Произвести рациональную корректировку заказа цеха № 3 на дубли пакетов пробивного инструмента для КО-120, с учетом фактической потребности в них. (Этот заказ может быть существенно сокращен).

Прошу рассчитать экономии средств от реализации этого предложения и учесть в «накопительных счетах», соответственно, моем личном (раб. № 01725) и бригады 003 цеха № 3.

Слесарь механосборочных работ цеха № 3 А. Алексеев
26.03.86

[Это скромное предложение дало высокий экономический эффект и вывело автора в безусловные победители социалистического соревнования по заводу за 1986 г. (!). Вокруг этого события было много «страстей». Они описываются ниже, в главе 15 — А. А.]

14.7.2. Партийные, профсоюзные, журналистские страсти...

А. Алексеев — Н. Максимовой (июль 1986)³⁸

<...> Бюро обкома партии 22 июля *[где обсуждалась апелляция автора к XXVII съезду КПСС, пересланная в Ленинград из КПК при ЦК КПСС; см. выше. — А. А.]* проходило как-то вяло. Никакой в отношении меня агрессии, и чтобы я тоже «не возникал»... Доклад неизвестного мне инструктора обкома свелся к истории отклонения прежних апелляций плюс кратчайший отзыв о моей записке для ЦК КПСС, которая-де «не вносит ничего нового и полезного в теорию и практику социологических исследований» (гм!).

Ю. Ф. Соловьев *[первый секретарь Ленинградского обкома КПСС. — А. А.]* спросил меня, все ли правильно в этом докладе. Я ограничился замечанием, что мой вопрос готовился раньше людьми, лично задетыми моей критикой. Секретарь обкома назвал это «привходящим обстоятельством»...

Без чьих бы то ни было выступлений было достигнуто согласие членов бюро, что «оснований для пересмотра прежнего решения нет». Дело возвращается в Москву, на усмотрение Комитета партийного контроля при ЦК КПСС.

³⁸ Письмо публикуется в сокращении.

После заседания меня спросили, намерен ли я присутствовать при рассмотрении дела в КПК. Да, намерен.

Складывается впечатление, что Комитет партийного контроля и бюро обкома уступают друг другу право и ответственность окончательного решения. КПК в мае как бы дал понять, что не будет возражать, если мое дело пересмотрит обком. Обком в июле как бы дает понять, что не обидится, если его пересмотрит КПК. В этих ситуациях взаимных уступок возрастает непрогнозируемость исхода.

Думаю, что «агрессия» моих обкомовских оппонентов отчасти погашена и твоими шагами. («Нина, совершающая поступки»).³⁹

<...> Профсоюзная жизнь на заводе за это время развивалась драматично. Вкладываю в конверт текст заметки о том, как в нашем цехе «выбирали» цехком.⁴⁰ Собирались обнародовать эту историю в газете «Труд». Но опубликовано будет в заводской газете.

Авторы заметки — члены нашей бригады, которые (вопреки тому, что можно было бы подумать) оказались подлинными инициаторами обращения в газету, а вовсе не я. (Но начальство думает иначе. По выражению одного из администраторов, А. весь завод «поставил на уши»...).

<...> От вмешательства центральной газеты нашу администрацию и профсоюзных деятелей спасло лишь то обстоятельство, что в редакции, оказывается, уже лежит статья московского корреспондента этой газеты о... положительном опыте социалистического соревнования на «Ленполиграфмаше»! Чем был огорчен ленинградский корреспондент «Труда» Д. Струженцов, которому пришлось переадресовать наше письмо в Областной совет профсоюзов.⁴¹

<...> Как видишь, все смешалось и переплелось в нашем доме: партийные, профсоюзные, журналистские страсти. <...>

Андр. Ал., 27.07.86

14.7.3. Как у нас «выбирали» цехком

**А. Алексеев — корреспонденту газеты «Труд» Д. Струженцову
(август 1986)⁴²**

Уважаемый Дмитрий Иванович!

<...> В конце июля наш цех № 3 «Ленполиграфмаша» посетила работник Облсовпрофа В. Ф. Власова (если правильно запомнил фами-

³⁹ Нина Константиновна Максимова, в ту пору корреспондент новосибирского журнала «ЭКО», летом 1986 г. приезжала в Ленинград, в связи с предполагавшейся публикацией моих «Писем...» (1980-1981) в названном журнале. За несколько дней до рассмотрения «дела» на бюро обкома она нанесла визит в Смольный, где пыталась объяснить, что в отношении социолога-рабочего допущена ошибка. См. об этом ранее, в томе 1 настоящей книги: раздел 4.4.

⁴⁰ «Выборы» цехкома происходили на профсоюзной «конференции», делегатов на которую никто не избирал, а назначала администрация.

⁴¹ Подробнее об этом — см. ниже.

⁴² Это письмо публикуется в сокращении.

лию). Она расследовала известные Вам скандальные обстоятельства проведения профсоюзной отчетно-выборной кампании. Беседовала со мной, Н. Носовым и С. Русиновым (авторами письма).

Надо сказать, что представитель Облсовпрофа повела себя странно. Мол, конечно, неправильно, когда делегатов профсоюзной конференции не избирают, а назначают... Но это же исправили — провели повторную, «законную» конференцию, с выборными депутатами.

А что касается того, что все-таки конференция, а не общее собрание (в коллективе, где всего-то 165 чел.!), то это-де не противоречит Уставу и инструкции о проведении выборов профсоюзных органов.

Как насчет инструкции — не знаем, но ведь и здравый же смысл есть!

Тут тов. Власова заявила такое, от чего у меня и моих товарищей по бригаде и вообще «уши завяли». Мол, вы же **сами** просили, чтобы в цехе проводилась конференция, вместо собрания! **«Мы — не просили!»**, — заверили мы.

А она нам: «Треугольник вашего цеха обращался с таким ходатайством в профком объединения».

«Так то «треугольник», а вовсе не мы», — сказали мы ей.

«Вы что, не доверяете треугольнику, разве не вы его выбирали?», — с пафосом воскликнула профсоюзная дама.

«Начальника цеха вообще не выбирают, парторга выбирали не мы, а как выбирают цехком — вы сами видите», — ответил ей, кажется, С. Русинов.

Такую вот демагогию пришлось услышать от ответственного профсоюзного работника. Может быть, у себя в кабинете она и привыкла делать подобные «разносы» своим подчиненным. Но в цехе так разговаривать не годится.

Мои товарищи тут «обиделись» и ушли, не попрощавшись. Меня же тов. Власова еще продолжала «прорабатывать»... пока сама не «обиделась» и не ушла.

Больше мы ее не видели и окончательных выводов Облсовпрофа не знаем. Заметка же наша «Выбирали цехком...» [*написанная ранее*. — А. А.] была напечатана в заводской газете. Посылаю Вам экземпляр.⁴³

Вообще же, весь этот сыр-бор с профсоюзными выборами разгорелся не случайно. Еще в прошлом году К. Кутуева (нашего бывшего профсоюзного лидера) чуть не забаллотировало цеховое собрание: около 40 чел. из 100 вычеркнули его фамилию в бюллетене.

Возможно, потому нынче и затеяли проводить конференцию вместо собрания.

(Кстати, на этой конференции Кутуев был избран в цехком большинством... 25 голосов из 48; председателем в этой ситуации он уже не стал).

Профсоюз в нашем цехе привык быть на подхвате у администрации. Прав своих он не знает и, похоже, не хочет знать.

⁴³ Трибуна машиностроителя, 7.08.86.

В прошлом году возник один трудовой спор, так цехком не принимал заявление в комиссию по трудовым спорам, пока не вмешалась прокуратура. А когда стали разбирать этот спор, то оказалось, что члены цехкома и ведать не ведают, что могут отменить взыскание, наложенное начальником цеха. И вместо цехкома это пришлось сделать генеральному директору объединения.⁴⁴

Уже в этом году был случай, когда начальник цеха А. Косачев два месяца держал у себя бюллетень одного из членов нашей бригады, который перенес операцию по поводу язвы желудка. Мол, тот перед тем, как лечь на операцию, допустил прогул. Прогул действительно был. Но ведь вопрос о выплате по листку временной нетрудоспособности решает, согласно КЗоТу, профсоюз, а вовсе не начальник цеха. А профсоюз и тут оказался в стороне.

<...> Ну, со всеми этими «художествами» администрации и профсоюзных деятелей в нашем цехе мы и сами разберемся. Хотя, если захотите помочь, то пожалуйста... А вот дама из Дворца труда — далеко, и я прошу Вас принять какие-то меры, чтобы случаи, подобные ее визиту в наш цех, больше не повторялись. <...>

С уважением,

А. Алексеев, 9.08.86

Ремарка: «меры приняты»...

Понадобилось полгода, чтобы на упомянутую критическую заметку в заводской газете отреагировал профком объединения.

11 марта 1987 г. в «Трибуне машиностроителя» был опубликован ответ председателя профкома «Ленполиграфмаша» Ю. П. Стукалова:

«...Критические замечания, высказанные в материале “Выбирали цехком...” (6.08.86) в адрес цехового комитета, администрации цеха и профкома объединения, правильные. На семинаре председателей цеховых комитетов материал был разобран и обсужден.

Решено: оргмассовой комиссии профкома взять под более строгий контроль подготовку и проведение отчетно-выборной кампании 1987 г.»

Как говорится, «меры приняты». (Март 2001).

14.7.4. Фрагменты экспериментальной социологии...

А. Алексеев — А. Назимовой (декабрь 1986)

Дорогая Алла!

Мне захотелось сделать эту подборку — «Фрагменты экспериментальной социологии. 1986» — для Тебя, из документов, понятно, не уникальных, но композиция — уникальна (даже себе оглавления не оставил).

Так что подарок мой — изделие вполне ремесленное, не «серийное».

⁴⁴ См. об этом выше: раздел 14.2.

Из него явствует, между прочим, что «экспериментальная социология» не увядает, а цветет, согреваемая дружеским вниманием.

В понедельник, 8 декабря, состоялось учредительное собрание первичной организации Советской социологической ассоциации в ИСЭПе (такое, оказывается, предусмотрено Уставом). В бюро этой первичной организации забаллотирован пред. бюро Ленинградского отделения ССА Парыгин (не набрал и половины голосов). Добила Ты бедолагу...⁴⁵

В состав бюро первичной организации ССА в ИСЭП АН СССР были избраны: О. Божков, В. Голофаст (председатель), Б. Докторов, Г. Еремичева, В. Карпов, А. Клецин, П. Лебедев [*ныне покойный*. — А. А.], И. Травин (зам. председателя).

На заводе поснимали всех руководителей инструментального хозяйства, реорганизуют его и т. п. Кое-кто усматривает в этом «мою руку», хотя я всего-навсего подал предложение об экономии ресурсов, обнажившее головотяпство в этом хозяйстве. [*См. выше*. — А. А.]

С победителями социалистического соревнования заводу нынче, конечно, крупно не повезло. Один — твой покорный слуга.⁴⁶ А другой — рационализатор, наладчик 6-го цеха Володя Юфимец — вдруг так понес заводское начальство перед телевизионной камерой, что не знают теперь, как и быть...

Ну, надеюсь, не соскучишься Ты над этими страничками. Поскольку тут только деловые документы, мой «подарок» не является таким уж интимным. <...>

Твой Андр. Ал., 11.12.86

14.8. А тем временем — в академическом институте. Борьба обостряется

Из записки для ЦК КПСС «Научно-практический эксперимент социолога-рабочего и его общественно-политические уроки» (январь-апрель 1986)

<...> От всех этих реальных проблем производственной и — более широко — общественной жизни по-прежнему далека, по моим наблюдениям, академическая наука.

Ведь за то, что не были своевременно замечены и научно проанализированы имевшие место в конце 70-х — начале 80-х гг. неблагоприятные тенденции общественного развития, большая доля ответственности ложится на ученых-экономистов и социологов. Серьезный спрос к ним был предъявлен на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС и на декабрьской (1984 г.) Всесоюзной научно-практической конференции по идеологическим вопросам. Однако этот спрос пока словно бы никак не

⁴⁵ См. ранее — выступление А. Назимовой на пленуме ССА (раздел 13.13).

⁴⁶ См. об этом ниже: раздел: 15.9.

коснулся ведущего в Ленинграде академического учреждения, занимающегося социально-экономическими исследованиями.

Те нездоровые тенденции, возникновение которых я успел застать в ИСЭП АН СССР в период своей работы по совместительству, насколько я могу судить, усугубились. Разнообразные формы административного давления и откровенных гонений со стороны директора института И. И. Сигова и некоторых его помощников за это время успели испытать на себе многие исследователи, штатные сотрудники ИСЭП, которые проявляли творческий подход, научную самостоятельность и озабоченность реальными общественными проблемами.

Только ради того, чтобы избавиться от неугодных, реформировались целые научные подразделения, закрывались актуальнейшие научные направления (например, разработанная в отделе социально-экономических проблем труда и образа жизни в 1983 г., в соответствии с указанием Президиума АН СССР, научно-исследовательская программа «Социально-экономические проблемы НТП; развитие отношения к труду»).

Из института стали «выживать» наиболее крупных ученых (так, были вынуждены покинуть ИСЭП проф. В. А. Ядов, проф. Н. А. Толоконцев и др.).

О том, по каким принципам в ИСЭП подбираются руководящие кадры, можно судить, например, из того, что сначала заведующим социологическим отделом института, а затем заместителем директора по науке стал к. э. н. Н. А. Лобанов, о служебных злоупотреблениях и научной нечистоплотности которого мне приходилось информировать Ленинградский ОК КПСС еще в 1982 г.

В октябре 1984 г. вопрос о серьезных недостатках в работе ИСЭП стал, наконец, предметом обсуждения на заседании бюро Ленинградского ОК КПСС.⁴⁷ Однако главные виновники ненормального положения в институте сумели из-под удара увернуться. Из руководителей института минимальное партийное взыскание получил сам директор Сигов, заверивший, что «примет исчерпывающие меры к устранению вскрытых упущений» (Ленинградская правда, 17.10.84). Эти «исчерпывающие меры» свелись к новой волне гонений на лиц, выражающих обеспокоенность или, с точки зрения директора, «могущих» быть обеспокоенными положением дел в институте.

Ясно, что в подобной ситуации решение серьезных научных задач, тем более — выдвигаемых современными требованиями к общественной науке, оказывается в ИСЭП АН СССР заторможенным, если не блокированным. <...>

А. Алексеев, январь-апрель 1986

⁴⁷ См. об этом в томе 2 настоящей книги: раздел 9.7

* * *

[Ниже — материалы, характеризующие ситуацию в Институте социально-экономических проблем АН СССР в 1986 г. — А. А.]

**Г. Саганенко — Председателю КПК при ЦК КПСС М. Соломенцеву
(июнь 1986)⁴⁸**

Уважаемый Михаил Сергеевич!

В феврале с. г., в преддверии XXVII съезда КПСС, я адресовала в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС подготовленную мною аналитическую записку «О положении дел в Институте социально-экономических проблем АН СССР», с просьбой о действенном вмешательстве в сложившуюся ситуацию. Копия записки была направлена мною в Президиум АН СССР.

К сожалению, мое письмо было переадресовано к тем людям, против которых были выдвинуты серьезные упреки. Тщательной, объективной проверки изложенных фактов не было произведено.

Вынуждена вторично обратиться в Комитет партийного контроля, поскольку первое обращение не только не способствовало оздоровлению обстановки в институте, а, скорее всего, привело к обратным результатам.

1. 15 апреля с. г. я была приглашена инструктором отдела науки и учебных заведений Ленинградского обкома КПСС тов. Мазуренко Ю. И.⁴⁹, которому было поручено разобраться и дать ответ на мое обращение в КПК. О характере и содержании этой беседы представление дает записку, которую я вела по ходу беседы и прилагаю к этому письму. Подход и стиль тов. Мазуренко свидетельствует об откровенном стремлении ответственного работника ОК КПСС уйти от решения насущных вопросов, выгородить виновных и, в частности, директора ИСЭП И. И. Сигова.

2. Из Президиума АН СССР я получила ответ за подписью зам. Академика-секретаря Аганбегяна А. Г. К сожалению, тов. Аганбегян доверился исполнителям. Среди авторов ответа легко угадывается сам директор ИСЭП Сигов (во всяком случае, такой ответ мог быть составлен лишь на базе «объяснений», полученных от руководства института). В моей записке сообщается о 70 [! — А. А.] фактах, вскрывающих серьезные недостатки, ошибки, злоупотребления руководителей института. В ответе же выборочно учтены только 14 пунктов, причем комментарии к большинству из них либо не точны, либо неверны, либо не имеют отношения к делу.

3. Однозначно репрессивный характер имела реакция на мое обращение в Комитет партийного контроля со стороны администрации института. Будучи хорошо знаком с содержанием моей записки, директор Сигов на различных собраниях и заседаниях цитирует вырванные из контекста выражения и обвиняет меня в «преступлениях перед коллективом». Под его давлением была «исправлена» моя характеристика в ходе нынешней аттестации научных сотрудников. Словом, против меня развернулась настоящая кампания.

4. Почувствовав безнаказанность и формальный характер рассмотрения моего письма, И. И. Сигов приступил к методическому проведению опера-

⁴⁸ Этот и последующие документы публикуются в сокращении.

⁴⁹ См. о нем в томе 2 настоящей книги: раздел 9.7. См. также раздел 13.3.

ций, которые сегодня на языке партийных документов называются «зажимом критики» и «гонениями за критику».

Так, на открытом партийном собрании института на тему «XXVII съезд КПСС и задачи ИСЭП в свете его решений» 23.04.86 с критикой по организации и руководству наукой, по качеству научных разработок, по состоянию морально-психологического климата — выступили восемь человек. Из них пятеро сразу же получили «исправления» в аттестационных характеристиках, понижения в рекомендуемых должностях, партийные, административные выговоры и взыскания. Эти меры сотрудники института сейчас опротестовывают, на разных уровнях.

5. Хочу здесь обратить Ваше внимание только на один факт. Созданная по решению упомянутого собрания комиссия, в которую вошли д. э. н., проф. В. Р. Полозов, д. ф. н. М. Н. Межевич [*ныне покойный*. — А. А.] и др., самостоятельно установила следующий подлог.

Зам. директора тов. Лобанов Н. А. в 1984 г. отправил в Президиум АН СССР в качестве годового отчета по важнейшей теме института «Тенденции и проблемы образа жизни населения крупного города» (гос. номер 81084822) полностью переписанный отчет по этой же теме 1983 года. При этом он поменял титульный лист, заголовки параграфов, состав исполнителей (исчезли все авторы и их подписи, а себя тов. Лобанов «назначил» единственным исполнителем годового отчета отдела). Директор Сигов утвердил этот «отчет».

Понятно, что это — не только плагиат, но и фальсификация государственной отчетности, и тем самым должностное преступление, за которое следует отвечать и по суду, и по Уставу партии.

Но и это еще не все: приказом директора «за досрочное и высококачественное выполнение годового отчета» тов. Лобанов отмечен премией в 250 руб.

<...> Стиль и методы руководства в институте нельзя назвать иначе как явной **профанацией** научной деятельности, грубым нарушением ленинских принципов управления, игнорированием решений партийного съезда.

Такая ситуация складывалась в институте в течение длительного времени, однако, несмотря на целый ряд сигналов, местные партийные органы не смогли должным образом проанализировать ее и принять решительные меры. <...>

Г. Саганенко, июнь 1986⁵⁰

* * *

А. Алексеев — Б. Беликову (август-сентябрь 1986)⁵¹

Дорогой Борис!

<...> В качестве подсобных материалов для твоих «тестов» самому себе, подчиненным и начальству — посылаю: 1) сборник нормативных актов по вопросам трудоустройства, приема, перевода и увольнения рабочих и служащих; 2) «Антарктическую Одиссею» Раймонда Пристли. То и другое имеют шанс стать твоими настольными книгами.

⁵⁰ Галина Иосифовна Саганенко — ныне докт. социол. наук, профессор, ведущий научный сотрудник Социологического института РАН.

⁵¹ О Борисе Дмитриевиче Беликове (ныне покойном) см. в томе 2 настоящей книги: разделы 7 13, 9.7, приложение 6 к части 2.

<...> А в ИСЭПе — «гражданская война». Лобанов, похоже, не спасся. Под Сиговым тоже «земля горит».

Из эпизодов этой войны упомяну только увольнение Леонида Кесельмана. Тот сейчас небезуспешно судится с дирекцией.

Этому предшествовали: его бурная активность в качестве народного контролера; три административных выговора за полтора месяца, из которых два уже отменены профкомом либо судом; партийный выговор, который теперь не решаются выносить на обсуждение партсобрания; аттестация о «несоответствии»; его обращение в высшие академические инстанции, а к прокурору — с просьбой о возбуждении уголовного дела по ст. 139/1 УК (о преследовании за критику).

Уволен же он был по результатам «аттестации» 30 июня. Похоже, что ИСЭПу придется все же оплачивать ему «вынужденный прогул».

Как видишь, Лене надоело быть «включенным наблюдателем» моих приключений, и он решил переквалифицироваться в «наблюдающего участника» собственных...

Ремарка: мой со-участник, со-беседник и со-автор Леонид Кесельман.

Леонид Евсеевич Кесельман — ныне старший научный сотрудник, руководитель группы изучения динамики социального сознания Социологического института РАН. Мой друг, постоянный со-беседник и со-автор на протяжении всего эксперимента социолога-рабочего, а также — **до и после** него. За любым из описанных здесь шагов автора стоит его заинтересованное, компетентное и ответственное со-участие.

Что же касается упомянутого здесь эпизода его увольнения, а затем восстановления в ИСЭПе в середине 1986 г. (начало «перестроечных баталий»), то вот как сегодня описывает их сам Л. Кесельман:

«...Одной из официальных причин моего скандального увольнения из ИСЭПа было как раз “проведение несанкционированного социологического исследования”. Правда, истинной причиной был не формально вменяемый мне в вину анкетный опрос сотрудников института, посетивших премьерное представление спектакля Молодежного театра “Проводим эксперимент”, посвященного XXVII съезду КПСС, а выступление на одном из институтских семинаров, посвященных тому же съезду. Искренне поверив инициатору перестройки, я призвал коллег поддержать решения партийного форума и покончить с имитацией научной деятельности, которая осуществляется доживающей последние дни администрацией нашего института. “Прогноз” последних дней осуществился с точностью до наоборот, и с тремя строгими выговорами, полученными в течение двух недель после того выступления, я был выставлен из нашей конторы с “волчьим билетом”.

Но времена менялись, и через три месяца после моего изгнания благодаря этим изменениям и заступничеству приближенных к М. С. Горбачеву А. Г. Аганбегяна и Т. И. Заславской я вернулся в институт “победителем” и чуть ли не “прорабом перестройки”. Теперь я мог совершенно спокойно, не

обращая внимания на явное неудовольствие дирекции института, высказывать в ее адрес все, что я о ней думаю. Мог вывешивать на «стене гласности» третьего этажа, вырезки из крамольных прибалтийских газет, коротичевского “Огонька”, егорьяковлевских “Московских новостей”, ленинградской “Смены” и других перестроечных изданий, взламывавших устоявшиеся представления о должном. Постоянно нарастающая волна “гласности” <...> создала вокруг старых, еще недавно незбылемых правил ореол неоторой неопределенности...» (Конец цитаты). (Май 2003 — апрель 2005).

<...> Проблемами ИСЭПа теперь занимаются Отделение экономики АН, Народный контроль, «Правда», КПК при ЦК КПСС и многие прочие органы, стимулируемые потоком писем разоблачительного характера от людей, которых не называю здесь, но многие из них Тебе хорошо знакомы. <...>

Ну, а по моему персональному вопросу теперь уже центральные партийные органы пребывают пока что в глубокой задумчивости.

Как видно, твое житье в Иультине⁵² — далеко не «отдых». Но, по крайней мере, жизнь, а не «умирание», как было в ИСЭПе. Впрочем, сейчас, возможно, Ты бы и здесь не пропал...

Но ведь до описанных мною событий надо было еще дожить! Так что — все правильно!

Обнимаю Тебя.

Твой Андр. Ал., август-сентябрь 1986

* * *

Из выступления О. Божкова на открытом партийном собрании ИСЭП АН СССР (сентябрь 1986)

<...> Хочу рассмотреть вопрос об ускорении и перестройке, как они понимаются и реализуются в нашем институте, на одном лишь примере.

Я имею в виду заседание Ученого совета 19 сентября, о совершенствовании структуры III отдела. Вопрос этот обсуждался долго, однако весь ход обсуждения показал, что решение его не готово. Тем не менее, И. Сигов заявил следующее: «В условиях ускорения и перестройки мы не должны откладывать в долгий ящик, поэтому я буду формулировать». И сформулировал семь пунктов, поставил их на голосование <...>. Голосование было проведено просто моментально.

Скороспелость «принятого» решения очевидна, и некоторые его пункты уже трещат по всем швам. Этот пример показывает, что ни ускорение, ни перестройка не должны отменять тщательного рассмотрения любого вопроса.

<...> III отдел ИСЭПа находится в процессе «перестройки» с декабря 1983 г. (скоро будет уже три года). <...>

Нас «перестраивают» различными методами. В частности, одним из пунктов решения Ученого совета от 19.09.86 коллективу сектора социально-эко-

⁵² Поселок на Чукотке, куда Б. Д. Беликов уехал начальником сейсмостанции, после вынужденного ухода из ИСЭПа в 1984 г. См. в томе 2: раздел 7.13.

номических проблем потребления рекомендовано выбрать руководителя сектора. Напомню, что в декабре 1983 г. с нами уже играли в демократию. Н. Лобанов⁵³ тогда предлагал нам высказаться о кандидатуре зав. сектором, и подавляющее большинство высказалось за В. Голофастан, который к тому же был в списке резерва на эту должность.

Но мнением коллектива тогда откровенно пренебрегли, и в отделе появились две внесекторальные группы. Тематика бывшего сектора при этом существенно пострадала: был сектор социальных проблем личности и образа жизни [до 1983 г. возглавлявшийся проф. В. А. Ядовым. — А.А.], появились группа семьи и образа жизни и группа методики и техники социологических исследований.

С необоснованным расформированием сектора Б. Фирсова исчезла из плана НИР тема «Общественное мнение и массовая коммуникация».

Вместо сектора проблем экологии, возглавлявшегося проф. Н. Толоконцевым, на том же Ученом совете 19.09.86 «возрождена» группа из трех человек.

Вот теперь на Ученом совете зашла речь о создании сектора проблем образа жизни и социальной структуры. Зачем, спрашивается, надо было ликвидировать целый ряд тем, чтобы сейчас воссоздавать их в усеченном виде?

С приходом в бывший сектор социальных проблем личности и образа жизни В. Махалова, это научное подразделение стало называться сектором проблем потребления, хотя в реальной тематике НИР «потребления» не было и нет.

Вообще, такой подход к перестройке в корне не верен. Когда говорится о большой роли человеческого фактора, категорически нельзя пренебрегать людьми и манипулировать ими.

Могу сообщить собранию, что мы выполнили рекомендацию Ученого совета: сегодня на собрании трудового коллектива **единогласно** был выдвинут кандидатом на должность зав. сектором и рекомендован для аттестации на эту должность В. Голофаст. Хочется верить, что на этот раз мнение коллектива будет принято во внимание.

(О. Божков. Автостенограмма выступления, 29.09.86)⁵⁴

Ремарка: Памяти Валерия Голофастан.

О Валерии Борисовича Голофастане см. ранее, в томе 2 настоящей книги: раздел 9.7. Там рассказывалось, как не далее чем за полтора года до описываемых здесь событий В. Г. довелось выдержать чрезвычайное партийное и административное давление, ввиду «идеологических ошибок», усмотренных в коллективной монографии «Семья в крупном городе», под его редакцией (набор книги тогда был рассыпан).

Не помню, довелось ли Валерию официально возглавить коллектив бывшего сектора В. Ядова уже в 1986 г., или позже. Во всяком случае в СПб филиале Института социологии РАН (потом — Социологическом

⁵³ См. о нем выше.

⁵⁴ Олег Борисович Божков — ныне старший научный сотрудник Социологического института РАН.

институте РАН) именно он бессменно и плодотворно руководил сектором социально-культурных изменений на протяжении 15 лет.

А 8 декабря 2004 года, В. Б. Голофаст скоропостижно скончался. Это невосполнимая потеря для научного сообщества и очень горестное событие для автора этих строк (как и для всех друзей и коллег Валерия). (Январь 2005).

* * *

А. Алексеев — Р. Рывкиной (сентябрь 1986)

Дорогая Инна!

Возможно, до Тебя уже дошли некоторые ИСЭПовские новости. Если же нет, то они не могут Тебя не интересовать.

Леонид Кесельман восстановлен на работе. По-видимому, сыграло роль вмешательство Академика-секретаря [А. Г. Аганбегян. — А. А.]. Возникают всякие неясности — как ему (Лене) теперь оплачивать вынужденный прогул, как отменять приказ об увольнении, и т. д. Но это уже не его проблемы.

Вторую неделю Л. К., слава Богу, присутствует в ИСЭПе, в своем прежнем качестве.

Уволенному было, по результатам «аттестации», Петру Шелищу⁵⁵ дирекция предложила сначала работу электромонтером (так!). Когда он отказался, предложили занять «освободившуюся» вакансию научного сотрудника со ставкой 180 руб. (нижняя граница вилки).

Через неделю «акции» Петра выросли (также, похоже, под давлением Академика-секретаря) до соответствующего предложения уже с верхней границей вилки. Но П. Ш. — **старший** научный сотрудник. И он от согласия либо отказа продолжает уклоняться, поскольку, как выяснилось, его (да и не только его!) переаттестация проведена с грубыми нарушениями процедурных правил, а стало быть — вообще недействительна (такова, кстати, и позиция Ленинградского научного центра АН).

С тех пор ситуация в ИСЭПе еще качнулась влево. Закончилось партийное расследование «подвигов» Н. Лобанова. По итогам справки, вынужденно одобренной в Обкоме, встает вопрос о его пребывании в партии.

В партбюро института мнения на этот счет разошлись: половина — за строгий выговор с рекомендацией освобождения от должности, половина за «просто выговор» без такой рекомендации. При переголосовании сошлись все же на последнем, причем директор И. Сигов остался единственным, голосовавшим даже против «просто выговора». Тем самым еще резче оттенилась связанность обоих «преступников» (уж поставлю кавычки!).

Вчера состоялось партсоборание, где должно было обсуждаться персональное дело Лобанова. 40 мин. ушло на утверждение повестки дня.

⁵⁵ Петр Борисович Шелищ, канд. филос. наук, ныне — депутат Государственной Думы РФ.

Сигов настаивал на переносе этого вопроса на следующее собрание (через неделю), потому что он (Сигов)... этим вечером уезжает в Москву.

Интересно, как на глазах росло сопротивление собрания. Присутствовало 98 чел. За предложение Сигова — 28, против — 20. Остальные в голосовании не участвуют (воздерживаются).

Второе голосование: за предложение Сигова — 20, против — 31. Разгул демократии!.. Но опять нет большинства.

Третье голосование: против предложения директора уже 40 голосов. Тут председатель (О. Иванов) оборвал эту «вакханалию» и авторитарно удовлетворил просьбу Сигова о переносе этого пункта повестки дня. Обсуждали только «задачи в свете» июньского Пленума.

Как обычно, выступали О. Божков, Г. Саганенко, И. Травин. Но — в рамках повестки дня, больше по общим вопросам «перестройки».

Еще полторы недели назад (одновременно с восстановлением Л. К. на работе) дирекция была вынуждена отказаться от «разукрупнения» (по существу — ликвидации) социологического отдела. Сохраняется и бывший сектор Ядова (позднее возглавлявшийся уже «вышедшим в тираж» В. Малаховым).

Сигов сначала предложил возглавить этот сектор Альберту Баранову. Потом... предложил сектору высказать свое мнение — кого они сами хотят.

Десять дней в секторе шли внутренние дебаты, в итоге которых коллектив решил не пытаться «угадывать» решение, которое может понравиться директору, а единогласно высказался в пользу Валерия Голофа-ста (это было уже вчера). Разумеется, решение будет принимать дирекция, но зачем же ей «подыгрывать»?

Краснодарская речь М. С. Горбачева в сентябре, как Ты понимаешь, тоже тут пришлась ко двору. (Кстати, сравни ее с моим мартовским письмом Генеральному секретарю ЦК КПСС; разумеется, он моего письма не читал...).

Такие вот на сегодня **промежуточные** итоги.

<...> Все это должно Тебя порадовать. Полагаю, что и Ты в этих событиях была одной из пружин.

Твоя самостоятельная командировка на берега Невы, как обычно, оставила глубокий след в сердцах и умах твоих друзей. Полагаю, что и тов. Парыгин о ней вспоминает...

Ну, а я до сих пор греюсь у разожженного Тобой костра.

Если не возникнет более оперативных поводов, то я позвоню Тебе через неделю, когда Ты, вероятно, получишь это письмо. Можно было все это и по телефону рассказать, но хотелось более связно и документально точно. <...>

Твой Андр. Ал., 30.09.86

P. S. Вот на этом месте застал меня твой звонок.

...Вопрос, требующий более обстоятельного, чем в телефонном разговоре, ответа: каковы возможные кадровые альтернативы Сигову?

Из числа ленинградцев (не варягов же звать!) вижу только В. А. [Ядова. — А. А.]. По счастью, он **самостоятельно** ушел из ИСЭПа еще до октябрьского (1984 г.) постановления обкома партии, когда освобождали от должностей Б. Фирсова, Н. Толоконцева и др. То есть формально — противопоказаний его кандидатуре нет.

Вполне вероятно сопротивление обкома, но там, возможно, тоже идут какие-то процессы.

Возможно, не захочет [*возвращаться в ИСЭП. — А. А.*] сам В. А. Но допускаю, что это можно преодолеть очень авторитетным предложением — **сверху** (причем не так, что, мол, как бы Вы отнеслись, а мы посмотрим, а именно **приглашение**).

Разумеется, вопрос должен решаться в комплексе с первым замом, который мог бы поверять организационной алгеброй научную и человеческую гармонию В. А. Но тут уже надо спрашивать самого будущего директора.

Мне кажется, данная кандидатура может обосновываться не только личными заслугами В. А., его мировым именем, научным потенциалом, но и требованиями времени, а именно — выдвижение «человеческого фактора» во главу угла социально-экономических исследований.⁵⁶

Конечно же, как предварительные обсуждения, так и предложения должны совершаться на самых высоких академических и партийных уровнях. Иначе, боюсь, ничего не выйдет...

При случае, передай эти соображения Т. И. [Заславской. — А. А.].
А. А., сентябрь 1986

Ремарка: «неделовые игры» в ИСЭПе.

Противостояние коллектива социологов с директором ИСЭП (проф. Сиговым) продолжалась еще долго.

7 января 1987 г. в «Ленинградской правде» появилась большая статья корреспондента Натальи Корконосенко «Неделовые игры. Почему они процветают в стенах академического института?», с критикой в адрес И. Сигова и его «команды» (Н. Лобанов, В. Потемкин и др.).

Резко негативная оценка положения дел в ИСЭПе была дана и в статье академика Т. И. Заславской, опубликованной в «Правде» (6.02.87). О неслабевающем накале тогдашней борьбы внутри академического института наглядно свидетельствует, например, нижеследующий текст. (Март 2001).

⁵⁶ Как известно, проф. Ядов в 1988 году стал директором Института социологии АН СССР (позднее — РАН), в Москве, и возглавлял его затем свыше 10 лет (по 2001 г.)

* * *

Из выступления И. Травина на партийном собрании ИСЭП АН СССР (июнь 1987)

<...> Социологов упрекают в несдержанности, нагнетании страстей. А чего иного можно ожидать от людей, которых только в течение последних 3,5 лет <...> администрация — я имею в виду И. Сигова, Н. Лобанова, приложил к этому руку и В. Махалов — тасовала как колоду карт? Из 44 научных сотрудников всех рангов в нынешнем составе отдела лишь 5 человек — В. Полозов и 4 сотрудника его сектора — никуда не передвигались за это время. На долю остальных четырех десятков приходится 82 передвижения — от одного до четырех [! — А. А.]. Для полного порядка на каждое из этих перемещений имеется заявление сотрудника — 82 заявления о переводе «по личной просьбе» и, наверное, не менее десятка приказов. И ведь все эти документы подписаны директором.

Такова «кадровая политика». Следует еще добавить, что за это же время расформировано, преобразовано, переименовано четыре сектора из шести.

Это давало основание директору постоянно говорить о нестабильности коллектива III отдела, о плохом психологическом климате. Постоянно создавалась и поддерживалась легенда о том, что социологи — критиканы и бездельники. С этой легендой пора покончить — она родилась на втором этаже, в «коридорах власти», и имела одну цель: продемонстрировать, как тяжело живет Сигову в институте. А если бы в Институте социально-экономических проблем не было социологии — что тогда? Какими аргументами тогда Сигов обосновывал бы свою недееспособность как руководителя?

С апреля прошлого года, после партсобрания⁵⁷, похоже, что пути проф. Сигова и института расходятся все резче. У института во главе с Сиговым нет будущего, а у Сигова нет никаких ресурсов — ни научных, ни творческих, ни административных, ни личностных — для того, чтобы возглавлять наш коллектив. <...>

(И. Травин. Автостенограмма выступления, 17.06.87)⁵⁸

[Последняя точка в вышеописанной борьбе была поставлена лишь в сентябре 1989 г., когда образовался Ленинградский филиал Института социологии АН СССР. Как уже отмечалось (в главе 13), туда из ИСЭПа ушел практически весь социологический отдел (называвшийся тогда отделом проблем социального развития), т. е. состоялся своего рода «исход» социологов из ИСЭПа.⁵⁹

⁵⁷ Открытое партийное собрание на тему «XXVII съезд КПСС и задачи ИСЭП в свете его решений» (23.04.86), с которого начался открытый протест коллектива против тогдашнего руководства института. (См. выше).

⁵⁸ Игорь Иванович Травин, канд. филос. наук, ныне — зам. директора по научной работе Социологического института РАН.

⁵⁹ См. ранее: раздел 13.16.

Глава 15. Делаем перемены (продолжение)

[Ниже — продолжение рассказа об эксперименте и «деле» социолога-рабочего, на фоне исторических событий 1986-1987 гг. (начало «перестройки»). — А. А.]

15.1. Производственные страсти, или как мы боролись с двухсменкой. 1986

15.1.1. Для дела или для рапорта?

[Так называлось письмо рабочих цеха № 3 «Ленполиграфмаша», опубликованное в газете «Трибуна машиностроителя». — А. А.]

Из заводской газеты (ноябрь 1986)

Известно, что главный смысл перехода на двух- и трехсменную работу — это повышение фондоотдачи, максимальная загрузка нового, прогрессивного оборудования. Двухсменка — не самоцель, а средство достижения более высокой эффективности производства.

Но вот что получилось из этого в нашем третьем цехе. Еще в октябре все бригады токарей, фрезеровщиков, слесарей разбили пополам. Одна половина работает утром, другая — вечером (по очереди). При этом используются не современные станки, а старые, с «возрастом» от двадцати лет и старше. Загрузка же высокопроизводительного оборудования осталась прежней (порой и на одну смену работы не хватает).

В условиях дефицита станочников станки днем стоят, а вечером крутятся. Особенно нелепо получается со слесарями, где велика доля ручного труда.

Для чего же такая двухсменка? Доводы, выдвинутые начальником цеха А. А. Косачевым, по меньшей мере странны: необходимость ритмичного расходования электроэнергии и разгрузка общественного транспорта. Понятно, что к повышению фондоотдачи это никакого отношения не имеет.

Подобные аргументы приводятся, видимо, постольку, поскольку неловко признаться в другом: поспешный, не обеспеченный ни оборудованием, ни технологией, ни кадрами, «поголовный» переход на работу в две смены совершается не столько для пользы дела, сколько для рапорта.

Получается явный перегиб, профанация двухсменки. <...>

Административное усердие в формальном насаждении двухсменки имеет и еще одну причину. Это недоверие к опыту самих исполнителей, рабочих. Ведь бригада, получив задание, сама может организовать свой труд. И сколько раз бывало: возникнет «узкое место» — мы сами опера-

тивно организуем двухсменную работу на нужном участке. Не для формы, не напоказ, а для конечного результата.

Этот порядок следует восстановить (исключая, разумеется, станки с ЧПУ, которые нуждаются в постоянной двухсменной эксплуатации).

А во внедрении двухсменки сегодня главное внимание следует уделить технологической подготовке производства и переводу все большего количества номенклатуры на современное высокопроизводительное оборудование.

А. Алексеев, В. Косульников, Е. Рыжов, В. Николаев, М. Гушин, А. Брикач, С. Русинов, В. Носов, В. Ильин, А. Сыцевич, слесари цеха № 3 (Трибуна машиностроителя, 26.11.86)

15.1.2. «...Повсеместно и бездумно — до полного идиотизма»

А. Алексеев — Р. Ленчовскому (ноябрь — декабрь 1986)

Дорогой Роман!

<...> «Внеплановым» вложением в этот конверт является пока не опубликованный текст письма в редакцию заводской газеты — от 10 слесарей нашего производственного участка, насчет бюрократических извращений с двухсменкой, которую вдруг начали насаждать повсеместно и бездумно, до полного идиотизма.

Мы затеяли написать это письмо втроем. Но круг «подписантов» расширился почти независимо от меня. Дело было во вторник, **18 ноября** (следи за датами!). Редакция решилась на публикацию, не без колебаний...

Коммунисты нашего участка, поддержав на словах, подписываться под письмом не стали (ведь на партбюро вызовут!). Беспартийные отнеслись к их уклончивости в общем с пониманием («им, партийным, нельзя...»). Зато высоко оценили поступок моего бригадира, коммуниста А. Сыцевича (хоть его подпись и была последней).

Вся эта акция поначалу носила «крамольный» характер. Как вдруг мы получили мощное подкрепление: городская газета «Ленинградский рабочий» вышла в минувшую пятницу, **21 ноября**, с 2-подвальной статьей наладчика станков с ЧПУ А. Ефимова с Кировского завода: «Проблемы двухсменной работы. Ради цифры в отчете». Выступление «ЛР» и наше письмо в заводскую газету совпали и в аргументации, и в выводах, и даже в некоторых словесных оборотах.

(Можно подумать, что, сочиняя свое письмо, мы уже были знакомы с этой публикацией. Что это не так, видно хотя бы по датам).

Теперь, после выступления «газеты обкома КПСС» (не путать с «органом обкома КПСС», каковым является только «Ленинградская правда»!) нашей многотиражке уже просто нельзя не напечатать письмо 10 слесарей из 3-го цеха.

Могли бы даже и коммунисты подписаться... Да вроде опоздали.

* * *

Теперь — «историческая» справка.

У нас в цехе двухсменку ввели сперва полуофициально (т. е. без приказа), **с начала октября**. Я это «пожелание» администрации игнорировал, поскольку тогда бы мой станок днем стоял. Игнорировали и некоторые другие, по разным причинам (т. е. выходили на работу в утро, а не в вечер).

Ввиду такого «саботажа», уже в середине ноября (а именно — в пятницу, **14 ноября**) было вывешено распоряжение, с пофамильным списком — разбиение по сменам. Оно было без даты и номера («небрежность» администрации, объясненная тем, что книга распоряжений находится-де «на проверке» у юриста).

Ну, своим звонком заводскому юристу Никитиной я вынудил представить номер и дату, что и было сделано — **17 ноября** (понедельник).

Так это распоряжение «вошло в силу», и стало можно... его отменять. И вот на следующий день 18 ноября возникло письмо десятерых слесарей.

В пятницу, **21 ноября**, еще не будучи вполне уверен, что заводская газета напечатает наше письмо, я «неформально-публично» (т. е. в бригаде) объявил, что в понедельник, вопреки графику, все-таки выйду в утреннюю смену. Чем дам администрации повод отстранить меня от работы.

Моя «легенда» сводилась к следующему: мол, работы на ПКР сейчас много, вся — срочная; меня просили выйти сверхурочно, в эту субботу (!); я сказал, что, к сожалению, не могу; но вот теперь, «идя навстречу интересам производства», выхожу в понедельник утром, вместо вечера (!).

Теперь, после статьи в «Ленинградском рабочем», это становится, похоже, игрой «в одни ворота». [*Автор явно переоценивает силу печатного слова!* — А. А.]. Даже жалко наших ретивых администраторов.

(Говорят, Т. И. Заславская, ознакомившись с материалами дела о защите чести и достоинства А. против секретариата Советской социологической ассоциации, воскликнула: «Бедный М.!». 27 ноября на пленуме ассоциации, вероятно, произойдет смена высшего руководства ССА...)¹

И еще одно замечание, в скобках: если принять общественную реактивность твоего корреспондента за постоянную величину, то ускорение, динамизм общественной жизни эмпирически подтверждаются фактами сокращения временного разрыва между его индивидуальными действиями и соответствующими общественными событиями.

Так, если с «ожиданием перемен»² я поспешил на несколько лет, то с указанием на «приспосабливающееся противодействие» и «сопротивление перестройке»³ опередил Горбачева всего на несколько месяцев.

¹ Напомню, что 5 ноября 1986 г. Севастопольский народный суд г. Москвы удовлетворил иск автора к секретариату ССА. См. об этом ранее: раздел 13.13.

² Имеется в виду андерграундный экспертный опрос «Ожидаете ли Вы перемен?» рубежа 70–80-х гг. См. в томе 1 настоящей книги: глава 1.

³ См. в томе 2: раздел 10.14.

Что же касается двухсенки, то «Ленинградский рабочий» и вообще наступил рабочему-социологу на пятки. Едва успели написать в заводскую газету, как уже вышла городская...

Этак я скоро окажусь «в обозе». Надо «ускоряться»!⁴

* * *

<...> Уж коли включил я Тебя в ситуацию с нашей двухсенкой, продолжу, поскольку и Тебе интересно, и мне потом не забыть.

В понедельник, **24 ноября**, выйдя, как обещал товарищам, в первую смену вместо второй, я вывесил на не слишком видном месте пятничный номер «Ленинградского рабочего». И предложил всем своим соавторам (10 слесарей) — почитать. Выступление городской газеты было встречено, понятно, с интересом и удовлетворением.

Женя Рыжов заметил ревниво: «Хорошо написано, но и наша заметка не хуже!». Я сказал, что **мы**-то написали неплохо, но **пока** еще не напечатано, и наше письмо запросто могут «подпортить»...

Работа у меня, напомним, срочная, аварийная. Мастер Гоша ко мне, было, с претензией, что я вышел утром, а не вечером. Я посоветовал ему... отстранить меня от работы. Тот сбегал к начальнику цеха Косачеву и больше не возникал. Я же перевесил газету на более видное место.

Отштамповав детали, которых ждали на сборке, в обед иду в редакцию «Трибуны машиностроителя». Мне дают «гранки» (у нас вместо гранок — особая распечатка для фотонабора). Письмо 10 слесарей готовила к печати не Наташа Поречная (на которую можно было бы положить-ся), а другой сотрудник редакции.

Тот сильных выражений, вроде «профанации», не выбрасывал, но редактировал неуклюже и, действительно, «подпортил»...

Сам корреспондент куда-то вышел, а я выразил неудовольствие редактору Н. Н. Харьковской. Говорю, что стерпел бы эту редактуру, будь я один автор, а тут нас десятеро соавторов, и с этим надо считаться.

(Дело в том, что при «не понимающей» правке существенно ослабилась аргументация).

Нина Николаевна очень занята и говорит: «Ну, поправьте сами».

Тогда веду себя почти как Л. Толстой с версткой «Войны и мира» — переписываю всю заметку, в междустрочьях и на полях, иногда возвращая к первоначальному варианту, иногда формулируя заново.

Подошедший корреспондент покорно берет текст, чтобы перепечатать его. Рабкор стал редактором, сотрудник редакции — машинисткой... Все — «вверх дном».

Пока я вычитывал новую гранку, он читал публикацию «Ленинградского рабочего», кое-что — вслух (для Нины Николаевны). Я поставил на гранке — «визу»: «По доверенности всех авторов. А. Алексеев. 24.11.86. 13 час.»

⁴ Вышеприведенная часть письма написана, по-видимому, 22-23 ноября 1986 г. Остальное — уже после 26 ноября, когда вышла в свет заводская газета с заметкой «Для дела или для рапорта?».

Вся эта операция была проведена за час до того, как отправлять листы в типографию. Вернувшись в цех, я доложил своим соавторам, что заметка приведена к виду, за который нам не будет стыдно...

Во вторник, **25 ноября**, я снова вышел в утреннюю смену, вместо вечерней, причем, оказалось, не один.

Нас **отстранили от работы**, когда пришло начальство (в 9 час.). Тогда Витя Носов пошел спать, Вася Николаев — в здравпункт, а я... поехал на Фонтанку, в редакцию «Ленинградского рабочего».

Мы трое, попавшие в одну «команду», представляли три разные позиции в этом конфликте с администрацией. Васе — «ничего не надо», только ему вечером не получить необходимого ему диетпитания и на свою электричку после вечерней смены он не поспевает. Витю вечерняя смена как раз устраивает, и вышел он нынче в утро вовсе не из протеста, да уж так получилось... Я же — борец с административной дуростью.

В редакции «ЛР» все сотрудники производственного отдела оказались на всесоюзном семинаре «по интенсификации», и какой-то журналист из другого отдела нехотя позвонил в партком «Ленполиграфмаша». Его фраза в разговоре с секретарем парткома, что-де в редакцию пришел рабочий, который «жалуется», что его заставляют работать в вечернюю смену вместо утренней, очень мне не понравилась.

Затем мне было предложено письменно изложить свою «жалобу». Что я сделал тут же. Отдал в отдел писем, который передаст по назначению. Вроде, дело дохлое...

Тем временем, столкнулся нос к носу сначала с одной, потом с другой старыми своими знакомицами, с которыми вместе работал 20-25 лет назад в «Смене» и в «Лен. правде». Пока мы болтали, неожиданно объявилась зав. производственным отделом «ЛР» Т. А. Нилова. Это оказалась та самая, которая готовила критическую публикацию о двухсменке с Кировского завода.

Я забрал свое сочинение из отдела писем и отдал ей.

С Ниловой мы сразу вошли во взаимоуважительный и взаимосимпатизирующий контакт — **толкового журналиста и грамотного рабочего**.

Договариваемся, что если после опубликования нашего письма в заводской газете ничего не изменится, то она на следующей неделе сама заявится к нам на завод. Просит проинформировать ее о дальнейшем развитии событий в цехе — в субботу (по домашнему телефону).

Я пошутил: «Вот, мы прочитали вашу газету, и вышли в первую смену...». Посмеялись.

Тут выясняется (а мы-то и не знали!), что еще позавчера, **23 ноября**, успела выйти уже и «Ленинградская правда», со статьей на ту же тему, на материалах предприятий Невского района: «Двухсменка во имя двухсменки, когда людей просто автоматически переводят на работу в вечерние часы, никому не нужна...».

Вернувшись из редакции на завод, я дисциплинированно отработал вечернюю смену. В этот день — не до половины первого⁵, а до половины одиннадцатого. На основании ехидного заявления:

«Прошу предоставить мне отгул сегодня 25.11 с 22 час. 32 мин. до 0 час. 32 мин. за время отработанное сегодня же, утром (с 7 час. 08 мин. до 9 час. 08 мин.)».

Очень ежилась мастер Гоша и хотел, чтобы я переписал заявление: «Прошу предоставить мне отгул... за ранее отработанное время». Я насмешливо посоветовал ему — отказать мне по той именно причине, что в заявлении указано, когда именно было «ранее» отработано.

Какая уж там «скрытая камера» социолога!.. Администрация вынуждена функционировать словно перед телевизионной камерой, в свете юпитеров.

Все эти события детальнейшим образом обсуждались на участке.

Такого изобилия и плотности «мироотношенческих» диалогов и монологов⁶, как вчера вечером, уж и не припомню. Жаль, некогда пересказывать.

* * *

После вечерней смены во вторник, я явился на завод в среду, **26 ноября**, к 8 утра (смена, напомним, начинается в 7-08). Мне нужно было в здравпункт (хотя это — скорее повод).

Захожу в цех и предлагаю мастеру завизировать... уже сегодняшнее заявление от 26 ноября, в котором предлагаю («в интересах производства!»), свой выход на работу 26 ноября не с 16 до 0-30, а с 8 до 17, «для скорейшего завершения штамповки партии «Ф-...» и наладки следующей, тоже срочной...».

Мастер Гоша в панике. «Ловушка»! (Небось вспомнил, как в прошлом году залетел в истории с моим, впоследствии отмененным, выговором).⁷ Согласиться нельзя (двухсменка же!) и отказать нельзя (ведь действительно — в интересах производства!). От визы отказывается.

Ладно. К начальнику цеха. Тот вызывает к себе мастера. Почему тот не написал своего мнения? Но ведь и у начальника положение не легче...

Единственный для них выход — создать видимость, что на моем станке днем работает кто-то другой.

Но бригадир, который вообще-то справился бы, категорически отказывается — «не обучен» (крыть нечем, у него формально нет разряда штамповщика). Остается 18-летний Сережа Барсуков (мой очередной ученик), который только и успел, что выучить на станке две кнопки и может на ПКР «стучать», когда все налажено и ничего не расстроилось. Кстати, он работает в цехе предпоследнюю неделю (увольняется!).

Сережу, мирно слесарившего, тут же «волокут» к станку.

⁵ Тогда метрополитен в Ленинграде работал до 1 часа ночи.

⁶ Проблема «мироотношения» в ту пору была предметом научной работы Романа Ленчовского, которому адресовалось письмо.

⁷ См. ранее: раздел 14.2.

А начальник цеха на моем заявлении размашисто пишет: «Не разрешаю, т. к. в дневную смену будет работать Барсуков».

Когда мастер Гоша ушел, начальник цеха вдруг говорит:

— Вот теперь, когда мы остались вдвоем, я хочу спросить Вас, А.Н., а на х-я ... ..?!

Так, думаю, надо отвечать, и адекватно.

— ... ..!! — говорю. — Не боишься (*на «ты»!* — А. А.), что у меня микрофон в кармане?

Тот едва не поверил, т. к. я (пока не ясно, разрешат ли мне работать в утро) не переодевался в робу и был в широком плаще.

Как справедливо писал автор «Записок инженера» Ю. Шишенков (Новый мир, 1986, № 6), «настоящее участие в производстве жажду в страстях удовлетворяет с лихвой»...

Ухожу. До начала вечерней смены (16 час.) мне на заводе делать нечего.

Несколько часов спустя. По дороге в цех, беру в редакции «Трибуны...» несколько экземпляров только что вышедшего номера газеты с нашей заметкой «Двухсменка — для дела или для рапорта?» (заметка, как Ты мог заметить, сугубо проблемная и персональной критики не содержит). Вывесил на участке, на видном месте, вместе с «Ленинградской правдой», тоже добытой к тому времени.

Читали все, даже с другого участка приходили.

Сережа Барсуков, на удивление, отработал без приключений (все ему было налажено, да и бригадир рядом). Я исправил его брак в двух деталях, закончил партию.

Стал налаживать следующую. К 17 час. к моему станку подходит технолог Л. Кутырина. Она у нас по совместительству кассиром. Мне была вручена премия (75 руб.), за победу в социалистическом соревновании в III квартале, согласно директорскому приказу и условиям соревнования.

При наладке очередной партии деталей (там очень сложная и трудоемкая наладка!) обнаружилось, что в кладовой не хватает нужной оснастки (есть, но неисправная). В таких случаях обращаются к технолог: чем заменить?

Кутырина, дежурящая от администрации сегодня вечером, — самый осведомленный (из начальства) в ПКР-ской технологии человек, к тому же — нач. бюро технической подготовки. После получасовых поисков по заводскому стандарту ПКР (известному мне чуть не наизусть), она предлагает замену. Но при этом невнимательно посмотрела в чертеж, на что пришлось ей указать. Ее предложение отпало.

Еще полчаса поисков ею выхода из положения — безуспешно. Звонить конструкторам, за разрешением об отклонении от чертежа — некому (вечер!). Истерика Кутыриной: я **не могу** Вам предложить замены (инструмента) и **не могу** разрешить Вам пользоваться неисправной оснасткой!

(Намек — если бы Вы пренебрегли моим запрещением, было бы хорошо).

Тем временем закрывается кладовая (19 час.). Переналаживать на другую партию деталей уже поздно, да эта — и самая срочная.

Формально я подчиняюсь мастеру. Мастер в этот вечер — не Гоша, а с токарного участка, он вообще не в курсе слесарных дел.

Раз нельзя работать на станке — возьмите слесарную работу у Виноградова, говорит (он даже не знает, что я уже два года как в бригаде Сыщевича).

Мой бригадир успел отработать сегодня в день. Нас из бригады сейчас трое. Консервирую наладку, выключаю станок, спрашиваю у Вити Носова (слесарь из нашей бригады), нет ли чего для меня.

Бригадир ему ничего не наказывал. Разве только помогать глухонемому... Беру напильник и с 19 до 24 час. запиливаю грады, вместо того чтобы делать **сверхсрочную** работу на ПКР!

Утром бригадир Сыщевич (Толик) и мастер Соколов (Гоша) будут ломать голову, почему не отштампована «Ф-...». В отличие от постороннего мастера, им этот простой — зарез.

Будут все валить друг на друга, возможно, и на меня, который, пожалуй, мог бы, в отличие от Кутыриной, придумать, чем заменить неисправную оснастку, да и на неисправной сумел бы выпустить годную деталь.

Но тогда не следовало обращаться к технологу. А коли обратился, да еще в вечернее время, то вот и результат.

Ну, остается добавить, что мое «высокопроизводительное оборудование» скорее всего простоит (а «аварийная деталь» пролежит) до 16 час. сегодняшнего дня 27 ноября (четверг). Ибо кроме меня вообще некому эту деталь наладить (в данном, не стандартном случае не сумеет и бригадир).

А я, как Ты понимаешь, выхожу сегодня опять в вечер (согласно графику).

Вот такие гримасы «Интенсификации-90» и дуболомного внедрения двухсменки...

<...> Придя на работу во вторую смену в четверг, **27 ноября**, я, разумеется, застал ситуацию почти в неприкосновенности, да еще с «нюансами», подвигшими меня на служебную записку начальнику цеха, датированную завтрашним числом. Не пересказываю, прилагаю ее текст. <...>

[Смысл записки будет ясен из дальнейшего рассказа. — А. А.]

<...> Стоит рассказать еще о двух событиях, опущенных в предыдущем изложении.

В минувшую среду, 26 ноября (как раз в день опубликования нашей заметки в заводской газете!), на завод нагрянуло Центральное телевидение. Оригинальный замысел — заснять рабочее собрание на тему «Что мешает работать?». Дело было вечером, и начальник цеха увел в красный уголок завода членов партии и активистов.

Правда, телеведущий настоял, чтобы администрация на «собрании» не только в кадр не лезла, но и вообще не присутствовала. И вернувшись

с собрания, И. Виноградов и другие оживленно обсуждали, как они там «правду-матку резали»...

«Чего ж ты не пошел?» — спрашивают. Да меня никто не звал... А с рабочего места просто так отлучиться нельзя.

(Чисто случайно это мероприятие совпало по времени с публикацией нашей заметки в заводской газете).

А на следующий день, 27 ноября, тоже после 16 час. очередное цеховое партийное собрание, открытое, так что не обошлось бы без меня, но в рабочее время желание «беспартийного» присутствовать могло бы остаться «не понятым».

(Впрочем, «не поняли» рядовые коммунисты как раз моего отсутствия, поскольку привыкли меня на этих собраниях видеть).

На собрании начальник цеха отказался отвечать, как ему предлагали, на критическую заметку десятерых слесарей, опубликованную в «Трибуне...». Тут бы его и доконать служебной запиской...

Однако, когда **28 ноября** (пятница) я вышел на работу с этой запиской в кармане, оказалось, что наш начальник цеха Косачев... уже переведен в другой цех (и накануне об этом, разумеется, знал; ходили и у нас такие слухи, почему я и не проставил фамилии начальника в тексте).

Его место занял Н. Ярош (упоминаемый в записке в качестве зама). Ну, не соскучишься...

Я бы не поцеремонился и новому начальнику вручить, в первый день его заступления. Да не оказалось в пятницу Вани Смирнова, инструментальщика-контролера, с которым надо было посоветоваться.

Дело в том, что именно Ваня перемаркировывал мою оснастку с № 4204 на 4205 (чтобы я «имел право» ее использовать; в сущности «подделка» документов, только в металле). И я отложил до понедельника.

А в понедельник, **1 декабря**, узнал, что незаконную перемаркировку эту он делал... «по своей инициативе», и Кутырина все свалила бы на него. А Ваня — свой брат, зачем его подводить...

Так и осталась моя «убийственная» записка на эту тему не поданной, хоть в пятницу вечером и повторилась аналогичная ситуация (нет инструмента, технолог навязывает рабочему нарушение, и т. д.).

Как видишь, далеко не каждый поднятый с земли булыжник я швыряю. («Булыжник — оружие пролетариата»).

В воскресенье, **29 ноября**, звоню домой Т. Ниловой («Ленинградский рабочий»). Информую, что наше письмо в заводской газете напечатано, а отвечать администрация «отказывается», так что дорога корреспонденту городской газеты теперь открыта.

На следующей неделе Нилова обещает свой визит на завод.

Следующую неделю (т. е. нынешнюю) я работаю в утро. Напряженность вокруг моего ПКР нарастает. Сменщика у меня нет, а прошлую неделю, работая во вторую смену, я наполовину потерял.

Бригадир Сыцевич разрывается между двумя мотивациями: надо «девать деньги» (а денег без моего ПКРа не набегает), и надо проучить администрацию. После того партсобрания в четверг он созревает до социального (не производственного!) задания мне. Ты только послушай, что мне говорит бригадир:

— Дело не только в двухсменке, а в социальных условиях рабочего класса. Я тебе, Андрей, такую тему даю!

Мда...

Я предупреждаю бригадира, что на днях «ложусь» на операцию (стро-го говоря, не ложусь, а иду, амбулаторно, но поскольку операция на правой руке, то неизбежно освобождение от работы).

<...> При встрече на пересменке **2 декабря** (вторник) бригадир говорит:

— Работы до х-я. Я тебе тут список приготовил, в какой очередности делать.

— Это ты его себе приготовил, — говорю ему сочувственно. — У меня операция назначена на завтра...

Бригадир застывает в задумчивости и вдруг многозначительно говорит: «Отлично!» (за невозможностью реализовать первую мотивацию, он дал волю второй).

Старший мастер Соколов «в трауре». Понимает — достукался.

Они стоят с бригадиром у моего станка и невесело совещаются. Уходя, прощаюсь с бригадиром, мастера Гошу не замечаю, ему сочувствовать и даже лично предупреждать о своем предстоящем недельном отсутствии я не обязан, вернее — он «не заслужил».

Поклоняется теперь администрация моему бригадиру, чтобы тот сам поработал на ПКР. Ему придется согласиться, но согласие это дорого. Толику обойдется, что он понимает, но уж это судьба...

(Операцию мне сделали сегодня, **3 декабря**. Ее, кстати, в самом деле нельзя было дальше откладывать).

По всей видимости, корреспондент «Ленинградского рабочего» Т. Нилова посетит наш цех **в мое отсутствие**, что тоже неплохо...

P. S. За время моего пребывания на бюллетене ситуация в цехе, как и следовало ожидать, радикально не изменилась. Я же, добытым себе к тому времени медицинским освобождением от вечерней смены (не буду отвлекаться на этот побочный сюжет!), пожалуй, усугубил «затруднения» администрации.

Последней, если бы вдруг она и сумела загрузить ПКР на две смены, пришлось бы теперь давать мне **двоих** учеников (ведь даже, имея я сменщика, он не может **всегда** работать в вечернюю смену).

Впрочем, подобными справками обзаводились и другие — кто как сумел.

Когда я вышел на работу в утро, после 2-недельного отсутствия, бригадира не застал: он нынче — в вечер.

А. С. появляется с обеда (надо же как-то бригадой руководить!). Спрашивает:

— Гоша (мастер) не ох-л, когда тебя увидел?

— От радости или от ужаса?

— От радости, конечно. Он ко мне так приставал про тебя... Так я, чтобы отвязаться, сказал, что ты сегодня выйдешь, мол, звонил. Надо же так угадать!

Мастер волновался не напрасно. За две недели бригадир наладил, а Сережа (ныне уже уволившийся!) отштамповал всего две партии.

Мастер Гоша настаивал, чтобы бригадир сам становился за ПКР. А тот — делает это только в самых крайних случаях. Он, как бы это сказать, мой станок «не любит». И, пожалуй, даже побаивается — не станка, как такового, разумеется, а всех связанных с ним технологических и организационных безобразий, которые я для бригады как-то амортизирую.

Так что радовались моему появлению на работе даже те, кому от меня худо.

Бедный Гоша, бедный Ярош!.. Вовремя «сбежал» из нашего цеха теперь уже бывший его начальник Косачев...

Обнимаю Тебя!

Твой Андр. Ал., ноябрь-декабрь 1986

15.2. Дело о «поврежденной двери» (окончание). 1987

Несколько вступительных слов

Читатель вполне мог уже забыть историю с «таинственным» налетом на квартиру автора вскоре после обыска в этой квартире в 1983 г.⁸

Однако эта побочная «сюжетная линия» вовсе не прерывалась на протяжении трех лет, будучи воплощена в нерегулярную переписку либо очное общение с правоохранительными органами.

Причем, вопреки обыкновению, не «жалобщик», а названные органы зашли в тупик.

В конце 1986 г. социолог-испытатель решил последовательно изложить все факты своего взаимодействия с милицией и прокуратурой по данному вопросу и подвести предварительные итоги См. ниже. (Март 2001).

А. Алексеев — в прокуратуру РСФСР (декабрь 1986)⁹

В прокуратуру РСФСР

от Алексеева А. Н., проживающего по адресу: <...>

Заявление

Истекло уже 3 (три) года со времени моего первого обращения в правоохранительные органы по поводу преступных действий, совершенных в отношении меня и моей семьи. За этим последовала серия нарушений закона

⁸ См. об этом ранее, в томе 2 настоящей книги: разделы 7.9, 9.9.

⁹ Документ публикуется с небольшими сокращениями.

со стороны уже самих правоохранительных органов, занимавшихся расследованием. Осталось безрезультатным и мое обращение в прокуратуру г. Ленинграда в декабре 1985 г.

<...> История дела такова.

11 ноября 1983 г. неизвестными лицами был предпринят взлом и разгром моей квартиры по адресу, который указан.

Мои неоднократные обращения в 60-е отделение милиции г. Ленинграда и в Василеостровский РУВД на протяжении 1983-1984 гг. — с просьбой о розыске и привлечении к ответственности виновных — с большим опозданием (т. е. с нарушением сроков, установленных законом) получали неудовлетворительные ответы об отказе в возбуждении уголовного дела, сначала со ссылкой на ч. 2 ст. 5 УПК РСФСР («за отсутствием состава преступления»), затем на ч. 2 ст. 7 УК РСФСР («действие... в силу малозначительности не представляющее общественной опасности»).

Как мне было сообщено прокуратурой Василеостровского района г. Ленинграда в январе 1985 г., «за допущенные нарушения соц. законности работники 60-го отделения милиции были привлечены к дисциплинарной ответственности».

После нескольких моих обращений, в мае 1985 г. уже не милицией, а самой прокуратурой Василеостровского района было все же возбуждено уголовное дело — по признакам преступления, предусмотренного ст. 136 УК РСФСР: «нарушение неприкосновенности жилища граждан» [так! — А. А.].

<...> По истечении полугода с этого времени, не получив никакой новой информации, я, соответствующим заявлением, просил районную прокуратуру информировать меня о ходе дела. Ответа не последовало, устное заверение работника прокуратуры (к которому я обратился на приеме) дать ответ — также осталось не выполненным.

Тогда я в декабре 1985 г. обратился в прокуратуру г. Ленинграда с настоятельным требованием осуществить надзор и информировать меня о ходе <...> уголовного дела.

В январе 1986 г., будучи приглашен в прокуратуру Василеостровского района, я в очередной раз (кажется, уже в третий или в четвертый!) был допрошен как потерпевший. При этом следователь райпрокуратуры ознакомил меня с постановлением о возбуждении уголовного дела по ст. 136 УК от... 6 января 1986 г., как если бы в мае 1985 г. это дело вовсе не возбуждалось!

На мой недоуменный вопрос следователь лишь удостоверил, что майское постановление о возбуждении уголовного дела (полностью аналогичное январскому) тоже имеется в деле, и его действие никто не прекращал, однако объяснить сей казус затруднился...

Ремарка: неувязка вышла...

Из «Записей для памяти», от января 1986 г.:

«...Для следователя Стругача два постановления, с полугодовым интервалом в датах, о возбуждении одного и того же дела были полной неожиданностью.

Я: — “Как же так получилось?”. Стругач (растерянно): — “Это надо спросить у прокурора...” — “А я где нахожусь, не в прокуратуре ли?” — “То прокурор, а я следователь...”

Спрашиваю: — “Майское постановление, что, было отменено?” — “В деле такой информации нет”. — “А декабрьское чем-нибудь отличается от майского?” — “Не-ет, кажется, нет...” — “Так как же Вы все это объясняете?” Молчание.

Потом мой собеседник “взял себя в руки”, принял формальный, казенный тон: в конце концов, он следователь, а не прокурор, чтобы отвечать на эти вопросы. И вообще, он работает в прокуратуре Василеостровского района... с сентября прошлого года (это он еще в период своего замешательства говорил)» (Конец цитаты).

(Март 2001 — май 2003).

...Еще несколько дней спустя пришел ответ из городской прокуратуры на мое заявление от 15.12.85. Цитирую его:

«Произведенной проверкой установлено, что при расследовании дела, возбужденно-го по факту проникновения в Вашу квартиру, **допущена неоперативность** (выделено мною. — А. А.), в связи с чем с работников прокуратуры Василеостровского района истребовано объяснение для решения вопроса об их ответственности. О результатах расследования по этому делу Вам будет сообщено прокуратурой Василеостровского района.

Зам. начальника следственного управления прокуратуры г. Ленинграда Ф. Готовский. 27.01.86».

<...> С тех пор прошло еще 11 месяцев. Никакого сообщения о результатах расследования по этому делу из Василеостровской прокуратуры я не получил, вопреки заявлению *[обещанию? — А. А.]* городской прокуратуры.

Вообще, вся история этого расследования приобретает какой-то **фельетонный характер** и обнаруживает систематическое, упорное пренебрежение лиц, ответственных за расследование и за прокурорский надзор, своими обязанностями, законом, который они должны не только охранять, но и соблюдать.

Считаю необходимым **поименно** перечислить здесь работников правоохранительных органов, которые лично занимались этим делом (отбирали показания, возбуждали дело, давали ответы):

— инспектор уголовного розыска 60-го отделения милиции г. Ленинграда **Комышан**; начальник 60-го отделения милиции **Гололобов**; следователь 60-го отделения милиции **Соловьев**; прокурор Василеостровского района г. Ленинграда **Григорьев**; старший помощник прокурора Василеостровского района **Панкевич**; зам. прокурора Василеостровского района по надзору за следствием и дознанием **Муравьев**; следователь Василеостровской райпрокуратуры **Стругач**; зам. начальника следственного управления прокуратуры г. Ленинграда **Готовский**.

Обращаю внимание прокуратуры РСФСР, что на протяжении этих трех лет уже несколько раз на мои устные запросы в правоохранительные органы, в связи с отсутствием ответа, мне сообщали, что ответ был выслан и его, по-видимому, не доставила почта (так было с 60-м отделением милиции и с прокуратурой Василеостровского района).

В таких случаях мне приходилось настаивать на выдаче мне копий, а однажды вместо копии (в 60-м отделении милиции) мне выдали даже оригинал (тем самым «признавшись», что ответ не высылался). <...>

Прошу прокуратуру РСФСР:

— вмешаться в это дело, принять необходимые меры, наказать виновных в нарушении закона в правоохранительных органах и информировать меня, как потерпевшего, о ходе настоящего уголовного дела.

А. Алексеев, 15.12.86

* * *

А. Алексеев — в редакцию журнала «Человек и закон» (декабрь 1986)

Уважаемые товарищи!

Отправляя настоящее заявление [*приведенное выше*. — А. А.] в прокуратуру РСФСР, я подумал, что оно может представить интерес и для редакции вашего журнала. В любом случае рассчитываю на ответ из редакции. С уважением,

А. Алексеев, 15.12.86

* * *

**Редакция журнала «Человек и закон» — в прокуратуру РСФСР.
Копия: Алексееву А. Н. (январь 1987)**

Направляем на рассмотрение жалобу тов. Алексеева А. Н. на несвоевременное принятие мер работниками правоохранительных органов по факту нарушения прав граждан.

Просим Вас проверить доводы автора и о результатах проверки проинформировать автора и редакцию.

Сотрудник журнала «Человек и закон» Матвиенко, 27.01.87

Ремарка: зачем писать в журнал?

В отличие от современной практики СМИ (при которой, как правило, исключены даже ответы на письма читателей), в партийно-советской прессе редакция газеты или журнала, согласно действовавшим нормам, была обязана **реагировать на каждое письмо**.¹⁰ Формой реагирования обычно оказывалась пересылка письма «по ведомственной принадлежности», с сообщением об этом автору. При этом письмо должно было ставиться редакцией «на контроль» (норма более «мягкая», далеко не всегда соблюдавшаяся).

Тем самым органы печати выступали как «приводной ремень» системы партийно-государственного управления.

Авторы же писем и жалоб часто использовали редакции газет и журналов как «канал» для пересылки своего «заявления или жалобы» в соответствующую инстанцию. При этом наиболее искушенные «жалобщики» надеялись — если не на «силу печатного слова», то на большую эффективность такого опосредованного обращения. (Май 2003)

* * *

Прокуратура г. Ленинграда — А. Алексееву (январь 1987)

Гр-ну Алексееву А. Н.

<...> В ходе проверки из прокуратуры Василеостровского района Ленинград было истребовано [*кажется, уже в пятый раз*. — А. А.] и изучено уго-

¹⁰ «Письма в редакцию» в этом отношении приравнивались к «предложениям, заявлениям и жалобам трудящихся», порядок рассмотрения которых устанавливался соответствующим законодательством (см. об этом в томе 2 настоящей книги: раздел 7.12).

ловное дело, возбужденное по факту нарушения неприкосновенности Вашего жилища.

Постановление <...> о приостановлении расследования по делу отменено.

Уголовное дело направлено прокурору Василеостровского района для организации дополнительного расследования.

О результатах расследования Вам будет сообщено прокуратурой Василеостровского района Ленинграда.

Зам. начальника следственного управления, старший советник юстиции А. Ф. Готовский, 22.01.87. *[За А. Ф. Готовского подписала Т. А. Николаева. — А. А.]*

* * *

Прокуратура Василеостровского района г. Ленинграда — А. Алексееву (февраль 1987)

Повестка

Гр-ну Алексееву А. Н.

Вам необходимо явиться 3.02.87 к 10 час. к следователю прокуратуры Василеостровского района г. Ленинграда тов. Семенову В. Г. по адресу <...>, для допроса в качестве свидетеля *[?! — вроде до сих пор был потерпевшим... — А. А.]*. При себе иметь паспорт или иной документ, удостоверяющий личность. Явка обязательна.

В случае неявки без уважительных причин лицо, вызываемое в качестве свидетеля, подвергается, согласно закону, принудительному приводу.

Следователь /подпись/ ¹¹

* * *

Справка

Гр. Алексеев А. Н. находился в прокуратуре 3.02.87 с 10 час. до 13 час.

Следователь /подпись/ ¹²

* * *

Прокуратура РСФСР — А. Алексееву (февраль 1987)

Ваша жалоба, адресованная в редакцию журнала «Человек и закон», рассмотрена.

Прокурору г. Ленинграда поручено организовать тщательную проверку изложенных Вами сведений и о результатах сообщить Вам и редакции.

Исполнение взято Прокуратурой РСФСР под контроль.

Заместитель начальника следственного управления, старший советник юстиции Г. Р. Лайнер, 13.02.87

¹¹ Из «Записей для памяти», от февраля 1987 г.: «...Аналогичные повестки, с вызовом, соответственно, на 12 час. и 15 час. были получены Н. А. Крюковой и Л. М. Мовчан (*жена и теща автора. — А. А.*). Кажется, это уже четвертый допрос “потерпевших” за истекшие со времени инцидента со взломом квартиры три года». См. также в томе 2 настоящей книги: раздел 9.9.

¹² Такие справки выдаются для предъявления по месту работы, как оправдательный документ по поводу отсутствия на работе.

* * *

Прокуратура г. Ленинграда — А. Алексееву (апрель 1987)¹³

Гр-ну Алексееву А. Н.

<...> Проведенной проверкой установлено, что на Ваше аналогичное заявление от 15.12.86 Вам направлен ответ от 22.01.87/*см. выше. — А. А./*, в котором сообщалось, что прокуратурой Ленинграда отменено постановление следователя прокуратуры Василеостровского района Стругача о приостановлении производства по уголовному делу по ч. 3 ст. 195 УПК РСФСР.¹⁴

<...> В ходе произведенного дополнительного расследования дела были выполнены **все возможные** *[выделено мною сегодня. — А. А.]* следственные действия, направленные на установление лица, проникшего в Вашу квартиру, однако положительных результатов получено не было.¹⁵

Постановлением следователя прокуратуры Василеостровского р-на Семенова от 2.03.87 производство по уголовному делу приостановлено *[вновь? — А. А.]* в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности. Уведомление об этом Вас направлено прокуратурой Василеостровского р-на.

В настоящее время работникам 60-го отделения милиции Василеостровского РУВД дано задание об усилении активизации поиска *[так и написано! — А. А.]* лиц, проникших в Вашу квартиру.

Заместитель прокурора Ленинграда, советник юстиции Е. В. Шарыгин, 6.04.87

* * *

А. Алексеев — заместителю прокурора г. Ленинграда Е. Шарыгину (апрель 1987)

Уважаемый тов. Шарыгин!

В ответ на мое обращение в Прокуратуру РСФСР от 15.12.86 (копия — в редакцию журнала «Человек и закон») по поводу нарушений закона, допущенных работниками 60-го ОМ г. Ленинграда при расследовании случая проникновения неизвестных лиц в мою квартиру в ноябре 1983 г., равно как и работниками прокуратуры Василеостровского района, в ходе производства соответствующего уголовного дела, я получил разнообразную информацию о ходе продвижения моего обращения и о принятых мерах <...>.

[Здесь опущено перечисление документов, приведенных выше. — А. А.]

В последнем из указанных ответов (письмо за Вашей подписью) содержится исчерпывающая *[! — А. А.]* информация о тех следственных действиях <...>, которые были предприняты по следам моего обращения в Прокуратуру РСФСР.

¹³ Этот документ публикуется в сокращении.

¹⁴ Из «Записей для памяти», от января 1986 г.: «...Перед тем, как проститься, следователь Стругач оборонил фразу, что меня обязаны информировать в случае “прекращения” дела, а в случае его “приостановки” — не обязаны. (Это — на мой вопрос, что будет дальше)...».

¹⁵ Стоит напомнить, что незаконное «нарушение неприкосновенности жилища» состоялось 11 ноября 1983 г., т. е. менее чем через 2 месяца после «законного» обыска в том же жилище (16 сентября). Из записки для ЦК КПСС «Научно-практический эксперимент социолога-рабочего и его общественно-политические уроки» (апрель 1986): «...Связь между двумя столь разнопорядковыми событиями, действительно, не исключена». См. в томе 2 настоящей книги: раздел 7.9.

Неуспех этих действий, очевидно, объясняется большим сроком (3,5 года), прошедшим с момента преступления. Отношусь к этому с полным пониманием.

Однако вся совокупность полученных мною ответов относится ко мне лишь как к «потерпевшему», заявителю, заинтересованному в розыске и наказании преступника. Между тем, в своем обращении в Прокуратуру РСФСР от 15.12.86 я просил не только об этом, а о принятии мер к нарушителям закона — **в самих органах милиции и в прокуратуре**, в связи с данным делом.

Фактов в моем письме в Прокуратуру РСФСР на этот счет приведено более чем достаточно.

Недавнее интервью члена ЦК КПСС, Генерального прокурора СССР А. М. Рекункова в «Ленинградской правде» (15.04.87) лишний раз убеждает меня в актуальности именно такого моего обращения в Прокуратуру РСФСР.¹⁶

Поэтому прошу Вас об ответе на мое обращение от 15.12.86 — в той его части, которая касается необходимых мер по отношению к работникам милиции и прокуратуры, ответственным за упомянутые нарушения закона.

Если Вы сочтете необходимой организацию ведомственного расследования, готов всячески ему содействовать.

С уважением

Алексеев А. Н., 19.04.87

* * *

Прокуратура г. Ленинграда — А. Алексееву (май 1987)

Гр-ну Алексееву А.Н.

Сообщаю, что ваше заявление, поступившее в прокуратуру Ленинграда, нами рассмотрено.

В ходе рассмотрения заявления из прокуратуры Василеостровского района истребовалось *[кажется, уже в четвертый раз! — А. А.]* и изучалось уголовное дело № 91455.

В ходе проверки первичного материала по факту проникновения в Вашу квартиру неизвестных лиц <...> прокуратурой Василеостровского района допущена **волокита** *[здесь и далее выделено мною. — А. А.]*, уголовное дело возбуждено **несвоевременно**.

В настоящее время прокурор Василеостровского района тов. Григорьев М. В. за отсутствие должного контроля за следствием и органами внутренних дел *[! — А. А.]* **переведен на должность заместителя прокурора** Фрунзенского района.

Следователь прокуратуры Стругач Б. Я., допустивший при расследовании дела волокиту и нарушение уголовно-процессуального законодательства, в октябре 1986 г. из прокуратуры Василеостровского района **уволен**, в связи с призывом на службу в Советскую армию *[! — А. А.]*.

¹⁶ Из интервью Генерального прокурора СССР А. Рекункова:

«... Распространено мнение, что без вмешательства сверху ничего не решить. Разве нормально, что аппарат Прокуратуры Союза ССР вынужден рассматривать десятую (!) часть всех жалоб граждан, поступающих в органы прокуратуры страны? Из Ленинграда в прошлом году поступило свыше трех тысяч жалоб — на 14 процентов больше, чем в 1985 году...» (Ленинградская правда, 4.05.87).

Заместитель начальника следственного управления прокуратуры г. Ленинграда, юрист I класса Т. А. Николаева, 27.05.87

Ремарка: пора кончать этот «эксперимент»!

Конечно, правоохранительные органы социолога-испытателя «достали», но, похоже, он «достал» их еще больше. Если принять последний ответ из прокуратуры за чистую монету, то вот, глядишь, уже и прокуроров «смещают» по следам его заявлений...

Однако за чистую монету принимать прокурорские сообщения никогда не следует. Автор понял, что «зарвался», и сделал вид, что вполне удовлетворен последним ответом.

(А то ведь «экспериментирующего» с социальными институтами и за «сумасшедшего» сочтут, с вытекающими отсюда последствиями...).

...На этом дело о «поврежденной» (3,5 года назад) двери автор посчитал для себя закрытым. Когда уж его окончательно закрыла прокуратура — не знаю. (Май 2003).

15.3. Дело об опоздании с обеда на 10 минут

Несколько вступительных слов

В начале 1987 г. начальник цеха, старший мастер и другие руководители цеха № 3 «Ленполиграфмаша» решили взять хоть какой-то «реванш» за те многочисленные неприятности, которые систематически доставляет им рабочий-социолог (см. выше).

Стандартный для администрации способ — «подловить» на нарушении трудовой дисциплины. Что в данном случае оказалось не просто, поскольку дисциплину этот рабочий обычно не нарушал.

Но вот 9.01.87 г. специально отряженная для этой цели комиссия зафиксировала отсутствие А. «на рабочем месте», т. е. у своего станка, в течение 10 минут после обеда.

На объявленный ему начальником цеха выговор «нарушитель» отреагировал трудовым спором.

Опустив начальные этапы, обратимся сразу к заседанию заводской комиссии по трудовым спорам, состоявшемуся в феврале 1987 г. (Март 2001).

Протокол № 1 заседания комиссии по трудовым спорам ПО «Ленполиграфмаш», 13-16.02.87¹⁷

На заседании [13 февраля — А. А.] присутствовали члены комиссии: — представитель профсоюза Горданов В. П.; представитель администрации Плитман А. В.

Председатель — Плитман А. В. Секретарь — Горданов В. П.

¹⁷ Полная копия снята автором при ознакомлении с материалами дела в Петроградском районном народном суде г. Ленинграда, в апреле 1987 г.

Слушали: заявление т. Алексеева А. Н. о необоснованности вынесения выговора по цеху за опоздание с обеда на 10 мин. 9 января 1987 г. и об отмене распоряжения № 7 по цеху 3 от 22.01.87.¹⁸

Заявление подано 26.01.87. Заявитель извещен о дне заседания 12.02.87.

Присутствовали:

Заявитель Алексеев. Свидетели: начальник цеха Ярош, председатель месткома Кутуев, мастер Соколов, рабочий Смирнов.

Отвод не заявлен.

Горданов: Вы знаете режим работы цеха?

Алексеев: Да, знаю.

Горданов: Где Вы были эти 10 минут?

Алексеев: Я был в цехе. Ведь у слесаря рабочее место не только у прес-са или верстака.

Плитман: Нам надо установить, где был Алексеев эти 10 минут.

Соколов: То, что Алексеева не было на территории участка, это совершенно точно.

Плитман: тов. Алексеев, чем Вы объясните, что Вы выражаете недоверие Ярошу. Ведь он только 2 месяца работает начальником цеха.

Алексеев: Накануне, 8 января, он вывесил распоряжение по цеху, где было объявлено два наказания за одно и то же нарушение [*другому рабочему. — А. А./*. Я ему сказал, что это грубейшее нарушение трудового законодательства. Потом он стал подчищать [*свое распоряжение. — А. А./*. Я позвонил юристу Никитиной. Она сказала, что немедленно позвонит Ярошу. На следующий день произошел этот инцидент [*зафиксировано отсутствие — А. на рабочем месте в течение 10 мин. после обеда. — А. А./*.

Старшему мастеру Соколову я также выражаю недоверие. В 1985 г. Соколов выступил лжесвидетелем. Решение комиссии было отменено.¹⁹

При существующей организации труда мы должны все время отлучаться со своего рабочего места в шлифовальную, кладовую. Есть принцип доверия. Доказывать, что я не нарушал трудового распоряжения [*вероятно, ошибка в записи секретаря. — А. А./* для меня унижительно.

Смирнов, рабочий этого участка: Я могу только подтвердить, что Алексеева не было на рабочем месте.

Плитман: Сам Алексеев этого не отрицает. Раз он не хочет сказать, где он был, Вам, Ярош, следует доказать его опоздание. Он ведь мог быть и не в зоне своего рабочего места.

Соколов: Он мог находиться только в технологической группе.

Ярош: Мы можем пригласить всех технологов и ни один не скажет, что он занимался с Алексеевым.

¹⁸ Тексты распоряжения и заявления здесь не приводятся.

¹⁹ Этот эпизод описывался ранее, в разделе 14 2.

Соколов: После 16-00 я пошел на диспетчерский к начальнику цеха. Алексеев объяснение не дал. Это была пятница. В понедельник мы составили акт, что объяснение Алексеев не дал в течение суток.

Заседание комиссии переносится на 16.02 на 12 час. 10 мин.

* * *

[Продолжение заседания заводской комиссии по трудовым спорам. 16 февраля 1987 г. Состав присутствующих не указан, но, по-видимому, присутствуют все те же лица, кроме, разве что, рабочего Смирнова. — А. А.]

Ярош: Мы опросили работников этих служб, их показания прилагаем. *[Насколько помню, были представлены письменные свидетельства от руководителей технологической и ремонтной служб цеха. — А. А.]*

Алексеев: Эти люди не могли помнить, когда видели меня. *[В показаниях ряда работников цеховых служб утверждалось, что они не видели А. с 12-00 до 12-10 9 января, т. е. больше месяца назад. — А. А.]* Это же смешно. Это фальсификация.

Плитман: Вы можете сказать, где Вы были? Мы ведь не юристы и не занимаемся следствием. Вы нам должны помочь установить истину.

Алексеев: Я не обязан доказывать свою невиновность.

Предложение представителя администрации:

— Взыскание Алексееву начальником цеха вынесено правильно. Алексеев требует к себе уважительного отношения, но сам по отношению к членам комиссии ведет себя неправильно.

Предложение представителя профсоюза:

— С мнением представителя администрации согласен.

Решили:

Наложение дисциплинарного взыскания — выговора соответствует проступку Алексеева и произведено правильно. Отказ от дачи объяснения подтвержден актом.

Председатель /подпись/

Секретарь /подпись/

Ознакомлен. <...> А. Алексеев. 18.02.87.

Ремарка: эскалация трудового спора.

После этого заседания заводской комиссии по трудовым спорам социолог-испытатель адресовался в профком объединения, но не получив поддержки и там, обратился с иском к администрации в Петроградский районный народный суд г. Ленинграда.

Киску прилагались документы, проясняющие действия цехового начальства как непосредственную реакцию на критику в свой адрес.

Среди заявленных истцом свидетелей был рабочий Владимир Земсков.²⁰ Тот сообщил суду, что А. в эти спорные 10 мин. пребывал в инструменталь-

²⁰ См. о нем ранее, в томе 2 настоящей книги: раздел 9.2.

ной группе (куда пришел для заточки пуансона), т. е. находился на **территории цеха**.

Таким образом, вопрос, столь интересовавший комиссию по трудовым спорам, был прояснен.

Тем не менее, дело № 2-1211 было решено в пользу администрации (7.04.87). Последовала кассационная жалоба истца в Ленинградский городской суд, подкрепленная свидетельствами его товарищей по работе. (Март 2001)

* * *

Свидетельство бригадира А. Сыцевича для Ленинградского городского суда (апрель 1987)

В Ленинградский городской народный суд
от Сыцевича Анатолия Васильевича, проживающего по адресу: <...>.

Справка

Я являюсь бригадиром бригады 003 на 1-м участке цеха № 3 ПО «Лен-полиграфмаш». Знаком с Алексеевым с 1980 г. С 1984 г. он работает в моей бригаде.

А.²¹ — слесарь, как и большинство членов бригады. До этого он работал наладчиком, запускал и осваивал станок КО-120 и хорошо его знает. Поэтому вся работа на этом станке в бригаде возложена в основном на него. Бывает, что А. поручается и другая работа (когда КО-120 не имеет загрузки). Во всяком случае его рабочим местом является не только этот станок.

Работник А. хороший, претензий к нему у меня нет. Дисциплинирован. Ни одного нарушения трудовой дисциплины за все время работы. Требователен к себе и к администрации, часто находит ошибки в технологической документации, предвосхищает технологический брак. Является членом совета бригады.

Заточка инструмента только через кладовую, с записками от мастера, у нас введена с февраля 1987 г., т. е. после того случая, когда А. отлучился с участка 9 января для этой цели. До этого сплошь и рядом мы в этих случаях к мастеру не обращались.

9 января 1987 г. меня на работе не было (я болел) и при случае, из-за которого возник трудовой спор, не присутствовал. Но зная А., я верю ему, а не администрации. Его заявление в профком от 23.02.87 в целом правильно отражает положение дел.

Случаев, когда бы выносились дисциплинарные взыскания за 8–10-минутную отлучку с участка по производственной надобности, у нас в цехе никогда не было, ни до, ни после выговора Алексееву.

Соответствующие показания я давал в Петроградском районном народном суде, куда был вызван в качестве свидетеля при рассмотрении

²¹ Здесь и далее в оригинале документа — фамилия.

трудового спора А. с «Ленполиграфмашем» 6 апреля с. г. При этом я только отвечал на заданные мне вопросы. Сейчас дополняю свои показания.
А. Сыцевич, 21.04.87

Ремарка: городской суд подтвердил решение районного.

Примерно аналогичные «свидетельские справки» для Ленинградского городского суда были написаны моими товарищами, рабочими Владимиром Земсковым и Евгением Рыжовым.

Определением Ленгорсуда, кажется, от мая 1987 г. решение Петроградского райнарсуда было оставлено без изменений.

Окончание дела об опоздании с обеда на 10 мин. см. ниже, в главе 17 (Март 2001).

15.4. Бригада требует повышения заданий

[Ниже — заявление бригады 003 цеха № 3 на имя генерального директора «Ленполиграфмаша» (январь 1987). — А. А.]

Генеральному директору ПО «Ленполиграфмаш» А. Д. Долбежину
от совета бригады 003 цеха № 3

Заявление

В нашей бригаде 12 чел. (бригада комплексная). В 1986 г. бригада имела дневное производственное задание на общую сумму 105,2 руб. Выработка была в среднем на уровне 128,5 руб. в день.²²

15 января с. г., обсудив свои возможности, бригада высказалась за установление производственных заданий на общую сумму 110 руб. При этом троим членам бригады было предложено оставить задание на прежнем уровне, а остальным — повысить, в зависимости от трудовых результатов и возможностей каждого, от 0,2 до 1,0 руб.

Это было оформлено протоколом (бригадным соглашением), который передан администрации.

Сегодня, 21 января, администрация, пренебрегая мнением бригады, произвольно установила задание каждому члену бригады по отдельности так, что половине рабочих задание на 1987 г. занижено по сравнению с бригадным решением.

Считаем такие действия администрации (нач. участка Соколов, нач. цеха Ярош) неправильными.

Просим вмешаться и обеспечить надлежащее уважение администрации цеха к решению бригадного собрания, а также исключить сознательное занижение администрацией цеха и участка бригадного плана.

Члены совета бригады: А. Сыцевич, А. Алексеев, С. Русинов, Е. Рыжов, 21.01.87

²² О практике дневных производственных заданий на «Ленполиграфмаше» см. ранее: раздел 12.2.

Ремарка: «Не ваше дело!»

Заявление бригады было оставлено без внимания. Практика административного назначения величины ежедневных производственных заданий каждому члену бригады по отдельности, независимо от бригадного решения, осталась неизменной. (Март 2001).

15.5. «Я начальник — ты дурак, ты начальник — я дурак...»

Автостенограмма выступления на открытом партийном собрании цеха № 3 «Ленполиграфмаша» (февраль 1987)

Судя по представленному на январском Пленуме проекту Закона о государственном предприятии (объединении), нам скоро предстоит **избирать** руководителей производства, от мастера до директора.²³ Это на всех накладывает большую ответственность. И я хочу сегодня сказать о кадрах наших руководителей.

Мне кажется, что наш коллектив пока плохо подготовлен к решению задачи демократизации управления — того, к чему призывает, чего требует январский Пленум. Очень глубоко укоренилась психология, которая выражается известной грубоватой поговоркой: «Я начальник — ты дурак, ты начальник — я дурак!». Перестроить эту психологию не просто. А надо!

Можно подумать, что у нашего начальства уши то ли на затылке растут, то ли, как узко направленные антенны, воспринимают лишь в одном направлении — сверху. Снизу, сбоку — не слышат, не воспринимают.

Вспомню бывшего нач. цеха Косачева. Говоришь ему «снизу»: технологи (даже не ОГТ, а наши, цеховые, его же подчиненные!) допустили грубую и очевидную ошибку. Не слышит. Пишешь служебную записку, одну, другую. Безмолвствует. Спрашиваешь его, наконец: в чем дело? А он тебе заявляет: «Я не обязан давать отчет каждому рабочему!».

Вниз умеют только распоряжаться, а не слушать. Зато вверх умеют только слушаться. Вот, вроде частный пример... Помню, еще в позапрошлом году нынешний начальник цеха (а тогда еще только мастер) Ярош попросил меня поработать неделю во время отпуска. Но никак этот вызов из отпуска не оформил. Ну, я отработал. Некоторое время спустя, хотел взять отгул за отработанную неделю. А Малков, тогдашний зам. нач. цеха, говорит: «Ничего не хочу знать, надо было оформлять!». Я к мастеру Ярошу: «Как же так?». А тот: «Моя вина. Но я ничего не могу против начальника!».²⁴

Посмотришь на такого руководителя снизу — «кошка». Посмотришь на него сверху — «мышка».

²³ Практика выборов руководителей производства была введена на начальном этапе «перестройки» (1987-1988), однако вскоре сошла на нет.

²⁴ См. ранее: раздел 14.2.

Косачев, помните, обходя цех, имел обыкновение со всеми здороваться за руку. У Яроша скорее кабинетный стиль. Казалось бы, разница. Но в поведении того и другого заметно и общее. Это — неуважительное отношение к людям, неумение и даже нежелание слушать, считать с мнением рабочих...

Вот еще примеры, уже из нынешнего года. В январе целую неделю не было загрузки для ПКР КО-120. Наша бригада каждый день писала по «сигналу» начальнику цеха. Последние сигналы — уже с восклицательными знаками. И на всю эту пачку сигналов — от нач. цеха Яроша ни ответа, ни привета, ни беспокойства, ни извинений. Не снисходит новый начальник не только до отчета каждому рабочему, но и до бригадных сигналов. В конце концов не администрация, а мы сами, бригада, нашли выход. Стали штамповать «приборостроение», впрок (без наряда)...

(Председатель указывает на регламент. Получено разрешение собрания продолжать выступление).

...Другой пример. Мы у себя в бригаде еще до январского Пленума, в канун Нового года, устроили «демократическую перестройку» — избрали совет бригады и бригадира (бригадир тот же, что и был, но теперь он у нас выборный). В середине января на бригадном собрании подвели прошлогодние итоги, как говорится, взвесили свои возможности. И сами распределили дневные производственные задания членам бригады, не согласившись с заданиями, установленными сверху (те оказались ниже прошлогоднего среднегодового выполнения!). Оформили все это протоколом, предъявили его администрации. И вот тут стало ясно, что оплата у нас на самом деле не по труду, а по усмотрению начальства. Сумма индивидуальных заданий (а стало быть — и бригадный план) так и остались заниженными против нашего предложения.²⁵

Казалось бы, такой конфликт с рабочим коллективом — ЧП для администрации. Однако ни начальник участка, ни, тем более, начальник цеха не удостоили совет бригады даже беседой. Я сейчас не обсуждаю — кто прав, кто не прав. Важно — как ведут себя в таких случаях администраторы. А ведут они себя по отношению к коллективу бригады — оскорбительно! Вот от такого стиля руководства придется теперь, после январского Пленума, отказываться. Учиться слушать — не только вверх, но и вниз!

Еще два слова о новом начальнике цеха Яроше. Он, конечно, еще неопытен, как начальник. Но, к сожалению, «школу» сейчас проходит не лучшую. Хотя бы у генерального директора нашего объединения Долбежкина. Пару недель назад мне довелось присутствовать на партхозактиве. Там обсуждались первые итоги «двухсенки». И в частности, наша заметка в многотиражной газете — «Двухсенка — для дела или для рапорта?».²⁶ Понятно раздражение директора по поводу рабочей критики. Но вот как

²⁵ См. выше: раздел 15.4.

²⁶ См. выше: раздел 15.1.

он позволяет себе свое неудовольствие выражать: «Не этим слесарям решать такие вопросы!». Думаю, наш начальник цеха там был, слышал.

Что ж, поработав пару лет, в качестве мастера, с Косачевым, понаслушавшись подобных речей у Долбежкина, наш молодой начальник цеха, похоже, равняется на эти «образцы». И поступает сам, например вчера, следующим образом.

Ему только что поступила служебная записка от рабочего, в которой отмечается, что из-за его, персонально Яроша, нераспорядительности, не выполненного в течение года обещания, на определенном виде оборудования (КО-120) рабочий теряет за смену в среднем до 1 час. рабочего времени (не буду углубляться в содержание записки и производственные подробности). Так вот, за ответом на эту служебную записку Ярош предлагает рабочему явиться к нему после окончания рабочего дня, как будто тот у него о переносе отпуска на летнее время просит, а не ставит наболевший производственный вопрос.

И ведь даже в толк не может взять администратор, что такое его поведение прямо просится в фельетон. Ярош говорит: «Вы ко мне с личной служебной запиской обратились...». Понимай так: вам нужно, вы чего-то там просите, ваши деловые обращения — это ваше личное дело.

Вот такие вывихи в психологии придется теперь выправлять партийной организации, всему коллективу, да и самим этим руководителям. Кто сумеет перестроиться, а кто и нет... Шанс, как сказал Горбачев, дается всем. У Яроша шансов больше, он молод. А вот Косачеву и Долбежкину — потруднее. Может, и не сумеют, не успеют...

В заключение, я хотел бы сказать о гласности...

(Вновь получено разрешение собрания продолжать выступление).

...Без гласности демократизация управления — пустой звук. У нас же — сплошные «административные тайны». Тайна — пересматриваемые нормы и расценки на производственные операции. Пересмотр этот не обнародуется (что, кстати, требуется КЗоТом).

Рабочий узнает о новых нормах только в момент выдачи задания. Тайна (в начале месяца) — бригадный план. Даже дневное производственное задание рабочему становится теперь своеобразной «тайной»!

Товарищи, небось, заметили, что из вывешиваемой перед полочкой табуляграммы в этом году исчезла привычная графа — «дневное задание». Вычислить, конечно, можно, поделив так называемое «месячное задание» на количество отработанных дней... Но это пусть каждый, если хочет, сам подсчитывает. А на всеобщее обозрение — зачем? Чем меньше люди информированы, тем начальству спокойнее!

Сейчас нет времени развивать дальше эту тему. Ясно одно: политическая суть перестройки — это демократизация, а демократизация требует гласности во всем, что волнует и кровно касается каждого рабочего.

А. Алексеев, 18.02.87

15.6. «Гримасы» перестройки и триада социологического познания

Автостенограмма выступления на отчетно-выборном собрании Северо-Западного (Ленинградского) отделения Советской социологической ассоциации (март 1987)²⁷

Уважаемые коллеги!

Я думаю, на сегодняшнем собрании уместно говорить не только о наших сугубо профессиональных, социологических делах. Писатели на своем съезде, как известно, обсуждали не только писательские проблемы. Жгучим проблемам жизни отдавалось предпочтение перед узкоцеховыми сюжетами. Вот и нам, социологам, думается, стоит выйти за рамки научно-организационной темы.

I

Расскажу о новом общественном явлении, которое даже нынешняя, обновляющаяся публицистика пока обходит своим вниманием. Тем более не раскачалась социология. Прочитирую небольшую заметку из заводской газеты ПО «Ленполиграфмаш», от 26.11.86. Называется: **«Двухсменка: для дела или для рапорта?»**. Авторы — десятеро рабочих, слесарей механического цеха (среди них и я). <...>

[Здесь опущен зачитанный автором текст публикации в газете «Трибуна машиностроителя»; см. выше: раздел 15.1. — А. А.].

Авторы цитированной заметки оказались не одиноки. Примерно так же внедрялась двухсменка и на других предприятиях Ленинграда. Недоумение, рабочая критика этой показухи выплеснулись на страницы ленинградской печати:

«... Умное, нужное начинание благодаря формализму у нас в коллективе обращено в бессмысленную, даже вредную затею» (наладчик станков ЧПУ Кировского завода А. Ефимов; «Ленинградский рабочий», 21.11.86);

«... В результате такой организации дела повышается не коэффициент сменности оборудования, а коэффициент сменности станочников» (фрезеровщик Ленинградского завода турбинных лопаток С. Мурников; «Ленинградская правда», 23.11.86).

Вокруг этой скромной заметки у нас на «Полиграфмаше» разгорелись страсти. Чрезвычайное богатство социальных связей и противоречий перестройки, столкновение интересов — раскрыл этот эпизод!

Генеральный директор объединения публично заявил, что многотиражная газета допустила «антивыступление» (так и сказал!). «У нас (т. е. у него, директора) нет никаких сомнений, вопрос назрел четко, нечего тут дискутировать. Есть партийная установка на двухсменку, нельзя на этих слесарях строить политику... А редактора газеты следовало за эту заметку депремировать», — заявил генеральный директор. Вот такая административная отповедь... И говорилось все это не когда-нибудь, а в дни январского Пленума.

²⁷ Об этом собрании см. ранее: раздел 13.15.

«Издевательством над здравым смыслом, над большим государственным делом» назвал месяц спустя, выступая на XVIII съезде профсоюзов, подобную практику внедрения двухсменки М. С. Горбачев. К тому времени и наша заводская администрация созрела для официального ответа через газету «этим слесарям». Их критика в многотиражке была признана правильной. Но при этом утверждалось, будто введение двухсменки «позволило цеху решить ряд острых проблем»... (Трибуна машиностроителя, 25.02.87). И все осталось без перемен.

Это было в феврале. А в марте на «Полиграфмаше» затрещал план. Думаю, во многом — из-за внесенной «поголовной» двухсменкой дезорганизации. И вот в середине марта на цеховой доске объявлений появилось многозначительное распоряжение: «В связи с производственной необходимостью (!) временно перевести в односменный режим работы следующих рабочих...». И список: добрая половина цеха.

Поговаривают (в рабочей среде), что цеховое начальство именно двухсменкой пытается теперь объяснить срыв февральской программы.

II

Так что же это за явление, которое еще и имени не получило, не говоря уж о социологическом осмыслении? Я бы назвал это — одурачением, или **гримасами перестройки**. Профанация перестройки — это страшнее «сопротивления» ей... Это такое приспособляющееся противодействие, когда сам противодействующий полагает себя добросовестным перестройщиком. Он иначе просто не может, не умеет.

Новые задачи пытаются решить старыми способами. Моделей тут несколько. Например, выдвигается общественно значимая цель. Разрабатываются средства для ее достижения. Затем спускается разнарядка или отчетный показатель — по внедрению средств. В итоге, средства абсолютизируются (вроде «кукурузы» в свое время). И замещают цель в сознании бездумных исполнителей. Отчасти, так и произошло с двухсменкой.

Или другая модель: достижение цели «любой ценой», за счет средств, совершенно ее дискредитирующих. Например, надо, чтобы росла производительность труда. Но новая техника остается не загруженной, простаивает по разным причинам. Тогда ужесточают нормы (или, говоря «по-рабочему», срезают расценки) на старых рабочих местах. Понятно, без всяких организационно-технических мероприятий, которые оправдывали бы этот пересмотр. Все для того, чтобы показать, что производительность труда все-таки «растет», неважно как. И, вместо интенсификации производства, получается элементарная интенсификация живого труда.²⁸

Однако такая потогонная система не срабатывает. И возникает необходимость в сверхурочных, в том числе **скрытых** (т. е. как бы добровольных, чтобы рабочему удержаться хотя бы на прежнем уровне зарплаты).²⁹

²⁸ См. об этом ранее: раздел 12.4 и др.

²⁹ Кстати сказать, эта практика, как явствует из исследований самого последнего времени, получила особенно широкое развитие в, казалось бы, новых социально-экономических условиях, на современных акционированных предприятиях. См. ранее: приложение 2 к главе 12.

Могу вас заверить, что за последние семь лет в цехе, где я работаю, никогда не было такого количества сверхурочных, как в минувшем, «первом году двенадцатой пятилетки». То же продолжается и в этом году.

Или, например, «grimасы перестройки» в наших средствах массовой информации... Ну как иначе назвать бюрократически-административную «атаку на рабочий класс» — диковатую кампанию под лозунгом «**Чего боится сдельщик?**», начатую, еще прошлой весной, газетой, которая называется «Ленинградский рабочий»? Эта кампания была поддержана и некоторыми центральными газетами. Сдельщик, видите ли, «не патриот»: не желает сам просить у администрации, чтобы ему срезали нормы и понизили зарплату.

Не буду сейчас углубляться в эту тему, заслуживающую отдельного исследования в рамках «экономической социологии». Скажу лишь, что налицо попытка за счет рабочих решить действительно встающую сейчас проблему «одного с сошкой, семерых с ложкой» на нашем производстве.

Кстати сказать, в ходе этой газетной кампании был беспардонно ошельмован рабочий-новатор, бригадир передовой бригады фрезеровщиков на «Полиграфмаше», мой товарищ Геннадий Богомолов.³⁰

Спрашивается, как относиться ко всем этим явлениям нам, социологам? Прежде всего — замечать их. Далее — не бояться исследовать! Но тут и в социологии нельзя обходиться только старыми, привычными методами.

Сейчас много говорят о региональной социологической службе, ее контролирующей, координирующей функциях. А я бы спросил: готова ли эта служба к выполнению экспертной функции, относительно того, **как совершается перестройка?** Не еще одним чиновным органом должны выступать районные социологические службы, как у нас в Ленинграде, а своего рода научно-методическими центрами, рабочими семинарами по вопросам общественной перестройки. Руководителями таких семинаров должны быть ведущие ученые, и даже не обязательно «прописанные» в данном районе по месту основной работы.

* * *

В заключение одно почти теоретическое соображение.

Принято различать социологическую **теорию** и социологическую **эмпирию**. Мне представляется уместным достроить эту пару до триады. Третьим равноправным членом, по-видимому, должно выступать социологическое **действие**. Я имею в виду вовсе не набор «практических рекомендаций» (в которых как теоретики, так и эмпирики накопили изрядный опыт угадывания желаний начальства). А — познающее действие, **познание через действие**, через эксперимент, живое соприкосновение с социальной практикой, погружение в нее.

³⁰ О Геннадии Александровиче Богомолоче см. в томе 2 настоящей книги: раздел 8.11. См. также ниже: разделы 15.9, 15.10 и др.

Мне кажется, со временем войдет в научный обиход понятие «социолог-экспериментатор», или «социолог-испытатель»...

А. Алексеев, 17.03.87

15.7. Двухсменка: продолжение следует. 1987-1988

[Начало — см. выше: раздел 15.1. — А. А.]

Корреспонденция Т. Ниловой, опубликованная в «Ленинградском рабочем» (март 1987)

На словах и на деле

Два письма поступило в редакцию из третьего цеха объединения «Ленполиграфмаш». В них содержалась резкая критика в адрес цеховой администрации, формально организовавшей перевод на двухсменный режим работы станочников и слесарей.

Эти письма мы направили для проверки и принятия мер в партком предприятия. Секретарь парткома М. К. Михайлов прислал ответ. В нем, в частности, говорится:

«Факты, изложенные в письмах, в основном подтвердились. 28 января партком рассмотрел ход выполнения своего постановления от 25 августа прошлого года, об организации в объединении многосменного режима работы. Обращено внимание генерального директора А. Д. Долбежкина на неудовлетворительную работу по переходу предприятия на новый график. Секретарям партийных бюро и администрации подразделений предложено конкретнее, настойчивее разъяснять (! — А. А.) в трудовых коллективах необходимость двух- и трехсменки. На парткоме присутствовали четверо рабочих, обращавшихся с критикой в многотиражную газету объединения, а также в еженедельник «Ленинградский рабочий».

Казалось бы, вопрос решен. Но вот очередной сигнал из третьего цеха: «Ничего у нас в отношении к двухсменке после того парткома не изменилось. Приезжайте, разберитесь».

Еду на предприятие. Оказывается, по-прежнему стоят в первую смену без дела в цехе многие станки в то время, как людей заставляют выходить во вторую. «У нас начинается в объединении реконструкция, — объясняет новый начальник цеха Н. А. Ярош. — Скоро эти пустующие места будут заняты рабочими из зданий, которые попадают под пятно новой застройки».

Но пока-то из тех помещений еще никого не переселяют. К тому же Николай Анатольевич даже сам не знает до сих пор, кто и когда придет в его цех из других, на какое оборудование: на предприятии не составлен конкретный план рассредоточения ряда служб в связи с реконструкцией. Так зачем же было спешить, делить волевым порядком станочников на две смены? И перевод на двухсменку слесарного участка цеха выглядит сомнительным: слесари ведь не работают на дорогостоящем высокопроизводительном оборудовании, высвобождения площадей это также не дало, да и выигрыш во времени при изготовлении продукции, минимальный, чисто символический. К тому же оставляет желать лучшего обеспечение производства во вторую смену: например, после восьми вечера закрываются кладовые и невозможно получить инструмент.

Выходит, порядок с организацией многосменного режима в третьем цехе объединения «Ленполиграфмаш» наведен пока только на словах.

Т. Нилова

(Ленинградский рабочий, 20.03.87)

* * *

От автора — сегодня

Вышеприведенное выступление ленинградской газеты в марте 1987 г. спровоцировало горячую дискуссию.

Застрельщиком выступил... бывший начальник цеха № 3 «Ленполиграфмаша» (к тому времени ставший начальником инструментального цеха), уже знакомый читателю этой книги, **А. Косачев**. Усмотрев в позиции газеты (не говоря уж об «этих слесарях») «призыв к анархии», он заявил крайне категорично:

«...Считаю, что двухсменка должна быть всюду, полнокровная. Именно это необходимо. И в простаивающих станках нет ничего криминального... Пусть лучше с введением полноценной двухсменки машины стоят, чем из-за их перегруза в отдельные дни тормозится выполнение плана... Мы пока только разговоры ведем. А надо быстрее осуществлять перевод (на двухсменку. — А. А.)...»

И даже процитировал Крылова: «Там слов не надо тратить по-пустому, где надо власть употребить» (Ленинградский рабочий, 15.05.87).

Опубликовав статью Косачева, поначалу без комментария, редакция призвала читателей к откликам. Отповедь новоявленному «Скалозубу» приняла формы порой не менее резкие (грубые). Например, у читательницы **Л. Ушаковой**:

«...Сама работаю на производстве. На днях во вторую смену в цехе снимали хронометраж. Из разговоров с людьми выяснилось, что многих рабочих специально для этого в тот день попросили выйти в вечер... Этого товарища Косачева не перестраивать надо, а взять «за шкирку» и в Сибирь отправить (! — А. А.). Пусть роет лбом землю, толку от него будет больше. Разве мало мы бед натворили с такими косачевыми? И как бойко цитирует... Вот к нему бы власть употребить!..» (Ленинградский рабочий, 31.07.87).

Редакционный комментарий («Не приказом и не окриком»):

«...В поддержку позиции А. А. Косачева не пришло ни одного письма... Окрик вызывает обратную реакцию. А. А. Косачев же, как справедливо отмечается в письмах... уповает на администрирование. Наши читатели чутко уловили в его выступлении тот командный тон и уверенность в собственной непогрешимости... которыми так долго прикрывали у нас иные руководители свою некомпетентность...» (Там же).

Тем временем, «конфликт вокруг двухсменки» развернулся по всей стране. Партийные руководители высокого ранга, включая М. С. Горбачева

(см. выше), высказались по этому поводу. Вот еще несколько примеров. Ю. Ф. Соловьев, первый секретарь Ленинградского ОК КПСС:

«...Отдельные хозяйственные руководители проявили непонимание существа вопроса, формально подошли к введению многосменного режима, например, на заводе “Электрик” (генеральный директор т. Негодуйко К. М.) из двух сборочных линий, действовавших ранее в одну смену, одна стала работать в первую, а другая во вторую.

Аналогичные подходы к организации двухсменки, отсутствие целенаправленной разъяснительной работы имели место в объединениях “Позитрон” (т. Блохин Ю. И.), “Вибратор” (т. Сивченко В. И.) и ряде других» (Ленинградская правда, 29.03.87).³¹

Или, например, Б. Н. Ельцин, первый секретарь Московского горкома КПСС:

«...На многих предприятиях... на двухсменную работу переходят механически, поделив коллектив пополам. Не ради разумной эффективности, а опять ради моды. Неумелые действия, спешка, которая сродни показухе, порождают даже конфликтные ситуации. Не подумали и наломали дров...» (Московская правда, 14.04.87).

Однако, несмотря на все эти «разъяснения», проблема сохранялась еще долго. Так, в заводской газете «Ленполиграфмаша» еще и в марте 1988 г. можно было прочитать:

«...Такая двухсменка, которая существует сегодня на слесарном участке, невыгодна производству, неудобна людям. Ведь доказано, что производительность труда падает вечером. Теряем и на электроэнергии — работают единицы, а свет горит на всем участке. Когда ставился вопрос о работе в две смены, речь шла о загрузке прогрессивного, дорогостоящего оборудования. Но посмотрите на наши станки с ЧПУ — “Траубе”, “Фейнтулы”, “Дискусы”. Один из них загружен меньше, чем наполовину, другие вообще простаивают. И в это время администрация находит самое “прогрессивное” оборудование — слесарный верстак, заставляя людей выходить вечером...» (Цит. по: Трибуна машиностроителя, 16.03.88).

Это — высказывание председателя СТК цеха № 8 Е. Лапко. «Тайну» заинтересованности администрации в такой двухсменке тут же простодушно раскрыл начальник этого цеха А. Куликов:

«...На предприятии сложилось тяжелое положение с отовариванием из-за перехода из одного министерства в другое. Поэтому возможны ситуации, когда из-за позднего отоваривания... приходится просить людей оставаться сверхурочно, чтобы нагнать упущенное время. Но не всегда все на это соглашаются, а когда люди четко знают, что неделю они работают с утра, другую в вечер, вопрос о сверхурочных отпадает» (Там же).

³¹ Очень характерная логика аргументации в речи партийного руководителя: приводится яркий пример организационной нелепости и тут же отмечается недостаток «разъяснительной работы» (как явствует из контекста, речь идет о необходимости внедрения многосменного режима...).

Из опубликованной в той же газете 15.06.88 статьи председателя СТК цеха № 6 наладчика В. Юфимца («...Но с нашим мнением не считаются. Проблемы двухсменки») явствует, что и в середине 1988 г. сохранялось прежнее положение!

Как видно, столь энергичное навязывание двухсменки в то время происходило и удерживалось на местах не только «для рапорта», но и в собственных интересах администрации — для маскировки неритмичности производства, для повышения «управляемости» рабочих и т. п. (Март 2001).

15.8. «Дело» социолога-рабочего: неординарные шаги и неожиданные эффекты

[Ниже — окончание письма, адресованного Р. В. Рывкиной. Большая часть этого письма приводилась ранее (в разделе, посвященном событиям осени 1986 г. в Институте социально-экономических проблем АН СССР (см. разд. 14.8)). — А. А.]

А. Алексеев — Р. Рывкиной (сентябрь 1986)

<...> Итак, все новости «про ИСЭП» я тебе подробно изложил. Что сказать о своем «партийном деле»?

На сегодня я стою перед тем непреложным фактом, что **все** мои апелляции, на **всех** уровнях, во **все** партийные инстанции (включая съезд КПСС), — отклонены. Последнее рассмотрение (строго говоря — не рассмотрение, а подтверждение в Комитете партийного контроля при ЦК КПСС решения бюро Ленинградского обкома от 22 июля с. г. об «отказе Алексееву А. Н. в изменении принятого решения о его партийности») состоялось, уже без моего участия, 6 августа.³²

Что же делать дальше? Думаю, стоит окончательно отказаться от попыток решить свою личную «партийную судьбу» отдельно от «судьбы общей». Делай что должно, и будь что будет!

<...> Такова, если угодно, стратегия. Ну, а тактические шаги — следующие.

(1) Я решил настаивать на содержательной (а не формальной!) реакции центральных партийных органов на известную Тебе аналитическую записку о научно-практическом эксперименте социолога-рабочего и его общественно-политических уроках.³³ Ведь записка эта, как Ты понимаешь, отнюдь не «про меня» («дело» социолога-рабочего там, скорее, частный случай, иллюстрация к анализу общих процессов), стало быть, может претендовать на их (партийных органов) внимание и безотносительно к моей персоне.

³² О том, как до этого происходило рассмотрение апелляции к XXVII съезду КПСС сначала в КПК при ЦК КПСС (май 1986), потом на бюро Ленинградского обкома (июль 1986) см. ранее: разделы 14.6 и 14.7.

³³ Извлечения из этой аналитической записки приводились ранее, в томе 2 настоящей книги: разделы 7.9 и 10.14; а также в томе 3: разделы 13.3, 14.4, 14.6 и 14.8.

(2) Все мои обращения наверх до сих пор так или иначе «спускались» вниз, к лицам, персонально задетым критикой в соответствующем обращении. Это, понятно, противоречит Уставу КПСС. А стало быть у меня есть основания (повод?..) для апелляции по данному (как бы формальному!..) вопросу в Центральную ревизионную комиссию КПСС. Ведь именно ее прерогативой является контроль за соблюдением уставных норм прохождения и рассмотрения писем и обращений в партийные инстанции...

Вот туда-то (в ЦРК КПСС) я теперь и обратился, с этими двумя проблемами. Судя по уведомлению о вручении, это письмо получено там 22 августа.

Другое мое письмо — председателю Комитета партийного контроля при ЦК КПСС М. С. Соломенцеву — с претензией, что меня не пригласили в Москву на последнее рассмотрение моего дела в августе, хоть я об этом просил и на присутствие там имел право. Это письмо поступило в КПК 4 сентября.

Сегодня — 30 сентября. Ни на то, ни на другое мое обращение — никаких пока реакций. Ладно. Подождем. Хватает и других интересных дел и неотложных забот, «внизу». <...>

А. А., 30.09.86

* * *

**А. Алексеев — председателю ЦРК КПСС И. Капитонову
(октябрь 1986)**

Уважаемый Иван Васильевич!

В августе с. г. мною было направлено письмо в Центральную ревизионную комиссию КПСС, поднимающее вопрос о сложившейся практике рассмотрения писем, заявлений и жалоб в центральных органах партии. На двух примерах я показал, как письма, адресованные в ЦК КПСС, через многократные пересылки опускаются до уровня объектов содержащейся в этом письме критики.

Письмо в ЦРК КПСС от 16.08.86 содержало следующие постановки вопроса:

1) Считаю, что практика переадресовки письма из центральных органов партии по ведомственным инстанциям, с предоставлением права любой из этих инстанций ответить автору, создает лишь видимость контроля и предоставляет полную свободу лицам, задетым критикой, не только избежать ответственности, но и опорочить автора.

2) Если, конечно, обращение в высшие партийные органы не касается сугубо личного или локального вопроса, автор, мне кажется, вправе рассчитывать, что мнение по его письму будет сформировано именно там, куда он обращается. И дело не сведется к беседе в местном партийном органе или к формальной отписке по ведомственной инстанции, тем более — ответственной за отмеченные в письме упущения. Таким

подходом подрывается доверие к центральным органам партии, разрушаются стимулы общественной и гражданской активности.³⁴

Письмо в ЦРК содержало и конкретную просьбу — обеспечить все же рассмотрение моего письма Генеральному секретарю ЦК КПСС М. С. Горбачеву от 2 марта 1986 г. и связанной с ним записки для ЦК КПСС «Научно-практический эксперимент социолога-рабочего и его общественно-политические уроки» (январь-апрель 1986 г.) по существу поднятых в них вопросов — в Центральном Комитете КПСС.

На конкретной просьбе, так и оставшейся не выполненной, сейчас не настаиваю, поскольку из последних выступлений Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева вижу, что общественные вопросы, поднятые в этих моих обращениях, уже вошли в поле внимания партийных органов и, надеюсь, в конечном счете будут разрешены. *[Дипломат, однако!.. — А. А.]*

Однако постановки вопросов, содержащиеся в моем письме в ЦРК КПСС, как таковое, сохраняют свою актуальность. И лишним подтверждением этого является то, что «ответ» в данной связи мне давался 9 октября с. г. работником аппарата Ленинградского ОК КПСС тов. Горячкиным, персонально задетым критикой в моих обращениях в партийные органы.

Ответа по существу не было. Тов. Горячкин лишь информировал меня о том, что мое письмо в ЦРК КПСС поступило к нему, наряду с моим параллельным (по другому вопросу) обращением на имя члена Политбюро ЦК КПСС, председателя КПК при ЦК КПСС М. С. Соломенцева, по содержанию которого мне и давалось разъяснение.

Прошу:

— затребовать мое письмо, адресованное в ЦРК КПСС в августе с. г. из партийной комиссии Ленинградского ОК КПСС, куда оно было направлено, как я считаю, по недоразумению;

— принять меры к рассмотрению этого письма по существу поднятого в нем общественного вопроса, относящегося к прерогативам

---

³⁴ Примерами, иллюстрирующими эти общие положения в первом письме, адресованном в ЦРК КПСС, были: 1) история обращения в ЦК КПСС (1983-1985) по поводу практики проведения неправомочных отчетно-выборных собраний общественных организаций (см. ранее: глава 13); 2) история обращения с письмом от марта 1986 г. на имя М. С. Горбачева (см. ранее, в томе 2 настоящей книги: раздел 10.14).

Относительно последнего дело обстояло так:

«...В письме, среди прочего, указывалось, что мне не хотелось бы передавать свою записку в местные партийные органы, поскольку критический анализ в ней во многом затрагивает отдельных работников аппарата Ленинградского ОК КПСС.

Из ЦК КПСС мое письмо было переслано в Ленинградский ОК КПСС. Там им занялись зам. зав. отделом пропаганды и агитации Л. В. Маркин и председатель партийной комиссии Г. Д. Смаглиенко, которые стали настаивать, чтобы я передал им подготовленную для ЦК КПСС записку. Это были как раз те работники аппарата..., которые подвергались мною критике...» (Письмо в ЦРК КПСС от 16.08.1986).

Можно предположить, что именно содержание этой записки, которую сумели-таки заполучить «обиженные» автором местные партаппаратчики, обеспечило их повышенное сопротивление пересмотру «дела» социолога-рабочего после XVII съезда КПСС.

Центральной ревизионной комиссии КПСС и вовсе не сводимого к моей личной партийной судьбе.

С уважением

А. Алексеев, 12 октября 1986 г.

* * *

От автора — сегодня

Как читатель мог понять, здесь приведено уже второе письмо в Центральную ревизионную комиссию КПСС. Было и третье (от 4.12.86), где констатировалось отсутствие какой-либо реакции на предыдущие.

...Похоже, что какое-то из этих писем все же достигло председателя ЦРК Капитонова. Потому что в январе (9.01.87) автору последовало приглашение в Смольный уже не к «обиженным» им сотрудникам партийной комиссии (Горячкин и др.), а... ко 2-му секретарю Ленинградского обкома КПСС А. М. Фатееву. А именно к нему — потому что (как мне пояснил Анатолий Михайлович) он является членом Центральной ревизионной комиссии КПСС и председатель этой комиссии И. В. Капитонов «поручил ему» ответить на мое письмо.³⁵

Начавшийся с собственно предмета обращения автора в ЦРК (см. выше) разговор, протекавший довольно непринужденно, перекинулся на актуальные проблемы «перестройки» на производстве, что для моего собеседника (секретаря обкома по промышленности), как видно, представляло профессиональный интерес. Наиболее «горячей» темой оказался вопрос о формальном, «показушном» насаждении двухсменки, где рабочему-социологу было о чем порассказать.³⁶

Под конец секретарь обкома вдруг высказал пожелание ознакомиться с той самой запиской для ЦК КПСС, на которую ссылался социолог-рабочий в своем письме и в этой беседе. Я сказал, что записка вообще-то направлялась мною в партийные органы, но где она сейчас находится — в Москве или в Ленинграде, я не знаю. Выразил готовность передать А. Ф. «свой личный» экземпляр, однако «прошу потом мне его вернуть». Мой собеседник с этим предложением согласился и объяснил, как удобнее всего передать ему папку с документами.³⁷

Со времени этой беседы прошло три с лишним месяца... То было время эскалации «перестроечных» процессов, более или менее тормозимых «приспосабливающимся противодействием» (термин социолога-испытателя, предложенный в упомянутой выше аналитической записке для ЦК КПСС). Что касается собственной «необходимой обороны» автора этих строк, то она уже давно переросла в «контрнаступление» (и не только «на производственном фронте»), а противники и оппоненты скорее оборонялись. (Достаточно вспомнить подробно описанную выше историю с защитой чести и достоинства в суде).³⁸

³⁵ Вспоминается известная сказка о лягушке, попавшей в горшок с молоком и спасшейся тем, что сбила его в масло, по которому из горшка выбралась.

³⁶ См. выше: раздел 15.1.

³⁷ Стоит напомнить, что к записке прилагались еще 50 документов, относящихся к эксперименту и «делу» социолога-рабочего (см. ранее в томе 2 настоящей книги: раздел 10.14).

³⁸ См. ранее: глава 13.

К апрелю 1987 г. партийный «изгой» уже оказался избран в руководящие органы Советской социологической ассоциации (из которой всего-то год назад его исключали...). Тем временем на заводе «возмутитель спокойствия» уж и совсем, по выражению одного из коллег, «схлопнулся врукопашную» с администрацией: тут и «борьба с двухсенкой», и острая критика хозяйственных руководителей, и трудовой спор, доведенный до суда (см. выше); и борьба за «украденную» победу в социалистическом соревновании (о чем еще пойдет речь).³⁹

*Весной 1987 г. экспериментом и «делом» социолога-рабочего заинтересовались некоторые авторитетные «перестроечные» периодические издания («Литературная газета»; «Огонек»).*⁴⁰

И вот тогда происходит «совершенно небывалое» (с точки зрения стереотипов партийной жизни) событие: 29.04.87 — визит секретаря обкома КПСС на завод, в цех, персонально к исключенному из партии субъекту. Что, как, почему?! А просто А. М. Фатеев счел уместным лично вернуть рабочему-социологу полученные от него документы, с которыми за это время успел ознакомиться.

Понятно, что этот шаг ленинградского партийного руководителя был демонстрационным, хотя, думаю, это был и его, А. Фатеева, личный поступок.⁴¹ Заводское начальство сначала не знало, что и думать... Впрочем, вскоре «пришли в себя» и, усмотрев в социологе-испытателе растущую (для себя!..) опасность, ополчились на него «с новой силой». Но об этом разговор впереди.⁴²

Одним же из прямых последствий довольно продолжительной беседы у станка между социологом-рабочим и секретарем обкома был цитируемый ниже документ. (Март 2001 — июнь 2005).

* * *

Из заявления в Ленинградский ОК КПСС (май 1987)

В Ленинградский ОК КПСС

от Алексеева А. Н., слесаря механосборочных работ ПО «Ленполиграфмаш», члена КПСС с 1961 по 1984 г.

Заявление

<...> Все обстоятельства исключения меня из рядов КПСС, равно как и последующего исключения из Союза журналистов СССР и из

³⁹ См. ниже, следующий раздел.

⁴⁰ Досоответствующих публикаций в центральных СМИ дело еще не дошло, но уже разнеслась молва, что спецкоры «ЛГ» (Л. Графова) и «Огонька» (В. Белецкая) заняты сбором материала на эту тему.

⁴¹ Здесь еще вот какое «стечение обстоятельств»: когда-то, в 1950-х гг., А. М. Фатеев работал на «Ленполиграфмаше», учеником слесаря, слесарем, причем в этом самом цехе, в этом производственном пролете (о чем мне, кстати, потом рассказывал Анатолий Гаврилович Солипатров; см. ранее: приложение 1 к главе 12). Отсюда, с «Полиграфмаша», началась и комсомольская, затем партийная карьера секретаря Ленинградского обкома партии.

⁴² Об общественно-политическом противостоянии, обострении борьбы «перестроечных» и «антиперестроечных» сил в 1987-1988 г. см. ниже в этой главе

Советской социологической ассоциации, изложены мною в аналитической записке «Научно-практический эксперимент социолога-рабочего и его общественно-политические уроки», от января-апреля 1986 г., подготовленной для ЦК КПСС, копию которой прилагаю.

Будучи впервые передана в Ленинградский ОК КПСС еще год назад (в июне 1986 г.), эта записка была тогда по существу оставлена без внимания. Недавно с ней обстоятельно ознакомился 2-й секретарь ОК КПСС, член Центральной ревизионной комиссии КПСС А. М. Фатеев.

<...> Прошу Ленинградский обком КПСС еще раз вернуться к рассмотрению моего вопроса. Прошу восстановить меня в рядах КПСС, без перерыва в партийном стаже, который для меня субъективно не прерывался ни на один день.

А. Алексеев, 3.05.87

* * *

От автора — сегодня (окончание)

Формула «**восстановить в рядах КПСС, без перерыва в партийном стаже**» была подсказана автору секретарем Ленинградского обкома КПСС в той самой беседе у координатно-револьверного пресса. Вряд ли это была спонтанная рекомендация, а скорее — заранее продуманный шаг партийных верхов «в русле» перестроичных процессов.

А две недели спустя произошло другое необычайное событие: сотрудники Ленинградского управления КГБ приехали на завод... чтобы сообщить социологу-рабочему о **прекращении действия объявленного ему в 1984 г. официального предостережения!**

Здесь стоит заметить, что непосредственных («лицом-к-лицу») встреч с сотрудниками этого учреждения (по крайней мере теми, кто представлялся в качестве таковых) у социолога-испытателя до тех пор было две: в январе 1984 г. и в феврале 1985 г. Оба раза этому предшествовало «провоцирующее» письменное обращение к начальнику Управления КГБ по Ленинградской области, с «жалобой» на те или иные закулисные действия его подчиненных. Первая беседа в Большом доме на Литейном завершилась «заслуженным» (не заслуженным?!) объявлением автору предостережения органов госбезопасности⁴³, вторая — отказом в дополнительном расследовании обстоятельств его «дела».⁴⁴

И вот — вдруг (судя по всему, достаточно высокопоставленный...) сотрудник УКГБ ЛО Александр Вениаминович **Назаров** (ранее оба раза встречавший социолога-испытателя в Большом доме) 15 мая 1987 г. «лично» приезжает на завод (причем представляется почему-то... **Невзоровым Александром Васильевичем**⁴⁵), вместе с коллегой Ю. М. Вилочкиным. И они

⁴³ См. ранее, в томе 2 настоящей книги: раздел 7.11.

⁴⁴ См. ранее, в томе 2: раздел 9.8.

⁴⁵ Ну, такие смены имен у работников спецслужб дело обычное... Вопрос: здесь-то зачем? Ну, а что лично прибыл... это понятно: нельзя же от секретаря обкома отстать!

вдвоем (в помещении парткома завода, где происходила эта встреча) — устно! — доводят до сведения социолога-рабочего, что прежнее предостережение органов госбезопасности ему теперь прекращено (отменено?).

Их собеседника такая процедура информирования не устраивает. Он настаивает, чтобы его ознакомили с документом, где это зафиксировано. Те соглашаются с этим требованием.

Неделю спустя, приезжают (те же двое) вновь. И там же, в парткоме, в присутствии секретаря парткома объединения М. К. Михайлова, показывают мне, казалось бы, давний документ — протокол официального предостережения от 5.01.84. В этом документе зафиксирован также и тогдашний отказ А. от подписи под ним.⁴⁶

А ниже на этом документе была и очевидно свежая запись — о том, что... **«Алексеев А. Н. в период с 5.01.84 по 14.05.87 действий, противоречащих интересам государственной безопасности, не допустил»,** и в связи с этим сотрудник Ленинградского УКГБ Ю. М. Вилочкин **«полагал бы (так! — А. А.) действие официального предостережения органов КГБ СССР в отношении Алексева А. Н. прекратить, о чем направить уведомление прокурору г. Ленинграда».**

О прекращении действия официального предостережения КГБ СССР предлагается объявить гр. Алексева А. Н.

Что «согласовано» с сотрудником УКГБ ЛО А. В. Назаровым (подпись), и под чем стоит еще один автограф: «Утверждаю. Нач. УКГБ ЛО Д. П. Носырев. 14.05.87».

Смысл этой записи можно, пожалуй, попросту выразить так: за истекшие три года подопечный **«вел себя хорошо»** (с точки зрения органов госбезопасности), никак не провинился.

...Социолог-испытатель выразил желание переписать («для себя!») этот документ. И, на удивление, ему это было позволено. (Раньше-то даже списка обвинений скопировать не разрешили!).

Уже в ходе переписывания обратил внимание, что в тексте протокола 1984 г. отсутствует... упоминание о «несанкционированном исследовании» — «Ожидаете ли Вы перемен?». Но ведь шла же об этом речь — и в справке УКГБ ЛО от 12.03.84 «В отношении Алексева А. Н.» (собственно, и давшей ход «делу» социолога-рабочего⁴⁷), и в том самом протоколе от января 1984 г. (который я в свое время отказался подписывать)!.. Текстом указанной справки я располагал; а текст протокола — мне тогда переписать не дали, но помнил я его достаточно хорошо...

В общем, у «освобожденного» от официального предостережения субъекта были определенные основания (хоть и не было доказательств!) для заявления, что текст протокола **подменен** (иначе говоря — «это другой

⁴⁶ См. ранее, в томе 2 настоящей книги: раздел 7.11.

⁴⁷ См. ранее, в томе 2 : раздел 8.2.

документ!»).⁴⁸ И подписывать (как ему было предложено) этот протокол (с последним, воодушевляющим дополнением) он и на этот раз отказался.

Впоследствии даже специальное заявление в партком объединения написал, где мотивировал свой нынешний (повторный!) отказ от подписи именно вышеуказанным обстоятельством. Впрочем, истинная цель этого заявления состояла скорее в том, чтобы зафиксировать сам факт и содержание происходивших 15 и 21 мая 1987 г. на «Ленполиграфмаше» встреч с сотрудниками УКГБ ЛО (своего рода «протокол жизни»)...

Р. С. Если и впрямь фальсификация протокола об объявлении официального предостережения от января 1984 г. имела место, то впрямь — наука! Ставить свою подпись на документах, с которыми предлагают ознакомиться, — все-таки следует. Ну, скажем, так: «**Ознакомлен. Не согласен. (Подпись)**». По крайней мере, потом документ гарантированно нельзя будет подменить. (Март 2001 — июнь 2005).

15.9. Спорные вопросы социалистического соревнования⁴⁹

15.9.1. Как я был победителем социалистического соревнования

А. Алексеев — в ВЦСПС (апрель 1987)⁵⁰

Уважаемые товарищи!

<...> Это письмо я адресую именно в ВЦСПС (а не в Облсовпроф, например) потому, что около месяца назад (10 марта) был на приеме у комиссии ВЦСПС, которая тогда работала у нас на ПО «Ленполиграфмаш». Я информировал членов комиссии о том, как профсоюзный комитет нашего объединения три с половиной месяца разбирался с моим заявлением о неверно подсчитанном вкладе участника соревнования «за ускорение научно-технического прогресса».⁵¹

Будучи недобросовестно посчитан, мой личный вклад оказался заведомо приуменьшен. Никто не оспаривал, что сосчитано неверно. Но от перерасчета всячески уклонялись.

Похоже, что именно вмешательство комиссии ВЦСПС помогло сдвинуть дело с мертвой точки. Примерно две недели спустя [после отъезда комиссии. — А. А.] стало известно, что эффект от внедрения моего **предложения по экономии ресурсов**, поданного в марте 1986 г. (т. е. больше

⁴⁸ Признаться, стопроцентной уверенности в этом у автора сегодня нет. Но, в конце концов, не все ли равно! Тогда социологу-испытателю показалось, что на фоне актуальных общественных перемен, «блуждающая» организация не хочет показывать, что выносила предостережение тому, кто этих перемен «ожидал»...

⁴⁹ В первой публикации материалов, включенных в этот раздел (Алексеев А. Н. Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего). М.: СПбФ ИС РАН, 1997, с. 508-521), некоторые действующие лица были обозначены псевдонимами. Здесь эти псевдонимы раскрыты.

⁵⁰ Этот документ публикуется в сокращении.

⁵¹ Так называлась внедренная на «Ленполиграфмаше» новая форма социалистического соревнования. Другое ее название, которое будет употребляться ниже, — «соревнование по накопительным счетам».

года назад), исчисляется суммой вовсе не 477 руб., как было посчитано вначале, а 2.646 руб. Это — **наивысший** по предприятию результат среди рабочих [за 1986 г. — А. А.].⁵²

Но вот затем (6 апреля) состоялся разговор с председателем профкома объединения Ю. П. Стукаловым, после чего мне не остается ничего другого, как вложить в этот конверт основной документ участника соревнования — «персональную книжку» слесаря м/с работ цеха № 3 Алексеева А. Н. (куда занесены и мое социалистическое обязательство, и «накопительный счет» за 1986 г.), и предоставить ВЦСПС дать всему этому соответствующую оценку. <...>

* * *

Здесь следует вернуться к началу еще прошлого года, когда наше объединение выступило с инициативой «эксперимента» в организации социалистического соревнования. Эта инициатива широко освещалась в ленинградской, а также в центральной прессе.

Суть эксперимента, как работникам ВЦСПС наверняка известно, состоит в отказе от подведения итогов соревнования по величине выработки (индивидуальному опережению средних по предприятию показателей производительности труда) и в переходе к соревнованию по так называемым **накопительным счетам**.

Счет этот должен суммировать эффект от рационализации, от пересмотра норм по инициативе рабочего, от других мероприятий, осуществляемых самими рабочими или по их предложениям. В рублях выражается эффект и от наставничества, и от участия в освоении новой техники (разумеется, условно). У кого больше экономический эффект по сумме всех этих условных и безусловных показателей — тот и победитель.

Многим на нашем предприятии новая методика соревнования показалась сомнительной. В известном смысле, она была навязана коллективу профсоюзным комитетом объединения. В цехах и отделах практика накопительных счетов встретила разнообразные возражения. В заводской газете уже год не прекращается дискуссия на эту тему.

Но, так или иначе, новые условия соревнования стали действующими.

<...> Уже в первые месяцы выявилась необходимость в **корректировке методики**. В частности, среди показателей-источников пополнения накопительного счета поначалу отсутствовал пункт: «экономия металла, энергии, топлива, инструмента и т. п.». Возьму на себя смелость предположить, что поводом для введения этого показателя явилось как раз мое предложение об экономии ресурсов, от марта 1986 г. Будучи до очевидности экономически эффективным, оно не укладывалось ни в одну из имеющихся в «Положении о соревновании» рубрик.

Поначалу меня уговаривали, чтобы я оформил это предложение как рационализаторское. Но, имея личный опыт рационализатора, я отка-

---

⁵² См. ранее: раздел 14.7.

зался: нет тут никакой технической идеи, а просто — **острый сигнал** по поводу заведомой бесхозяйственности.

Дело в том, что из нашего, механического цеха, где установлен пресс ПКР КО-120 (на котором я работаю), в инструментальный цех была подана объемная заявка на изготовление дублеров [*запасных экземпляров*]. — А. А./оснастки для моего станка. И эта заявка включала в себя... **неизнашиваемые** части комплектов указанной оснастки! Вот их-то изготовление я своим предложением и приостановил.⁵³

Предложение — не делать ненужных съемников для штампов моего пресса — было внедрено немедленно. Инструментальный цех разгрузился от большого объема излишней работы.

Дальше — начались трудности с подсчетом экономического эффекта. Ситуация осложнялась тем обстоятельством, что эффект от моего предложения, по существу, был не чем иным, как **предотвращенным убытком** (который был бы понесен, если бы я это предложение не подал). Этот эпизод явился поводом для моей заметки в заводской газете, под названием **«Нужен счет и бесхозяйственности»**:

«...Делать ненужную, бессмысленную работу — это, пожалуй, классический случай бесхозяйственности. И делают ее у нас не так уж мало. Сплошь и рядом это происходит в результате чьего-либо необдуманного распоряжения и слепого исполнительства. Предложения участников соревнования уже сейчас стали выявлять подобные ситуации.

Понятно, что, коль скоро предложением соревнующегося сбережены живой труд или материальные ресурсы, это будет записано в его накопительный счет (хотя бы тут и не было никакой рационализации, а просто — внимательный глаз, здравый смысл, забота о деле). Будет записано, так сказать, со знаком плюс.

Но ведь кто-то издал неразумное распоряжение, запланировал очевидную нелепость, поспешил ее осуществить. И он, может быть, тоже — среди участников соревнования, у него свой накопительный счет...

Так вот, справедливо в “сберегательную книжку” этого последнего записать ту же величину экономии, но со знаком минус. Счет нужен и для бесхозяйственности!» (Трибуна машиностроителя, 16.07.86).

Пока шли дебаты, принимать или не принимать идею «минусовых» счетов, мое предложение (не делать ненужных съемников для штампов), будучи уже осуществлено, никак не обсчитывалось. Тогда заводская газета вступилась за своего рабкора:

«...Предложение приняли, об этом говорит и тот факт, что теперь новые штампы поступают без съемников — стали использовать старые. Но когда речь зашла о том, какую сумму внести от этого предложения в накопительный счет А. Н. Алексеева, как участника социального соревнования по новым условиям, то ни начальник БТП цеха Кутырина, ни уполномоченный по БРИЗу этого же подразделения... Н. А. Ярш не смогли ответить, вернее решили, что это должны посчитать в цехе № 22 (*инструментальный цех*. — А. А.). Так и решают между собой пятый месяц. А рабочий выбыл по их нерасторопности из рядов участников... соревнования во втором квартале. Впереди еще полгода, может, и встретим мы А. Н. Алексеева в списках победителей, если выше указанные товарищи решат этот вопрос в течение года...

⁵³ Текст указанного предложения см. выше: раздел 14.7.

Так что, дорогой читатель, если вы захотите участвовать в рационализации, то непременно выработайте в себе бойцовские качества, наберитесь терпения...» (Трибуна машиностроителя, 3.09.86).⁵⁴

На критику надо реагировать. Подсчет экономии от моего предложения производила начальник БТП цеха № 3 Л. Кутырина. Представьте себе — это та самая инженер-технолог, которая в свое время подавала заявку на изготовление ненужных съемников! Вот она-то и насчитала мне экономию (если угодно — себе «растрату») около 500 руб., вместо 2,5 тысяч [как потом оказалось. — А. А.].

Я попросил показать мне этот расчет. И тут же обнаружил элементарную (почти арифметическую!) ошибку. Предложил исправить. Отказалась.

Сразу после этого, 2 декабря, я обратился в профком объединения с заявлением, в котором излагалось все описанное выше <...>. Целый месяц это мое заявление пролежало в профкоме. Когда же в начале января я напомнил о нем, за дело взялся лично председатель профкома тов. Стукалов. В течение еще двух месяцев он систематически просил меня перезвонить ему «через пару дней». И каждый раз объяснял, что вопрос «еще решается».

Тем временем успели подвести итоги соревнования по накопительным счетам и за четвертый квартал, и за весь 1986-й год. Победителями соревнования по объединению среди рабочих за 1986 г. были признаны обладатели накопительных счетов 2.587 руб. и 1.145 руб.

Что же получается? Почти одновременно с подведением итогов соревнования <...> за 1986 г. выяснилось, что есть человек, чей вклад больше, чем у любого из признанных победителей (а именно — 2.646 руб.). Естественно ожидать, что эта уточненная сумма будет вписана в его накопительный счет за 1986 г., а безусловная (хотя и с запозданием установленная, но не по его вине) победа в соревновании отражена в соответствующем постановлении профсоюзного комитета. Ну, и обнародована, как водится, в заводской газете.

Но именно это сделать председатель профкома Стукалов категорически отказался. В своей беседе со мной 6 апреля он заявил, что «ничего особенно не случилось»: «Мы вам запишем эту сумму на нынешний, 1987-й год».

...Вообще, порядок, согласно которому вклад участника соревнования рассчитывается с опозданием на несколько месяцев (а тут — на целый год!), — ненормальный. Выходит, победа за данный период присуждается не за успехи в этом периоде, а за стародавние. Но здесь дело усугубляется заведомой безответственностью и халатностью организаторов соревнования.

Судите сами. Мое предложение по экономии ресурсов было подано в 1986 г. (в первом квартале). Внедрено — в 1986 г. (во втором квартале).

⁵⁴ Заметка под названием «Нужны бойцовские качества» написана сотрудником газеты «Трибуна машиностроителя» Натальей Киримовной Поречной, трагически погибшей в 1994 г. О Н. К. Поречной см. ранее, в томе 2 настоящей книги: раздел 10.10; один из ее собственных текстов см. в томе 1: приложение 5 к главе 5.

Экономический эффект, хоть и с опозданием и неверно, рассчитан в 1986 г. (в третьем квартале). На ошибку в расчете я указал немедленно, опять же в 1986 г. (2 декабря датировано заявление в профком). И если профсоюзный комитет «Полиграфмаша», несмотря на все напоминания, отреагировал на мое заявление лишь четыре месяца спустя, то страдать от этого должен вовсе не я.

Допущенная очевидная ошибка должна быть исправлена **гласно и самокритично**. Как того требуют время и дух современной общественной перестройки. Я настаиваю на том, чтобы мой действительный, а не фиктивный вклад был отражен в персональном документе участника социалистического соревнования за 1986 год, том самом документе, который я сейчас *[демонстративно. — А. А.]* посылаю в ВЦСПС.

* * *

<...> Как вы понимаете, для меня все изложенное является делом принципа. Не стал бы я писать такое письмо по каким-либо иным мотивам. Но уж для полноты картины приведу выдержку из «Условий социалистического соревнования ПО «Ленполиграфмаш» за 1986 год:

«...По результатам соревнования за год.

Победители соревнования могут быть занесены на Доску почета завода, им могут вручаться бесплатные путевки на ВДНХ, другие выставки технического творчества; вручаются

Почетные грамоты и денежные премии в сумме:

— для индивидуально соревнующихся — до 150 руб.».

Понятно, что ни Почетной грамоты, ни денежной премии по результатам соревнования за 1986 г. я пока не получил.

Разумеется, не «отменять» надо победу уже объявленных победителей соревнования (их всего двое, согласно цитированным выше «Условиям»), а признать, что **есть еще и третий победитель**. А ответственность за эту «неловкость» возложить на тех, кто действительно виноват, — на тов. Стукалова и иже с ним.

<...> По иронии судьбы, одним из победителей соревнования на «Полиграфмаше» за 1986 г. среди ИТР (не рабочих) по сумме накопительно-го счета стала... начальник БТП цеха № 3 Л. Кутырина (об этом сообщено в заводской газете). Та самая (!) Кутырина, которая в свое время не только ошибочно посчитала эффект от внедрения моего предложения по экономии ресурсов, но и, в известном смысле, **лично ответственна** за то, что это предложение вообще появилось (ее необдуманная заявка на изготовление ненужной оснастки для ПКР КО-120).

Уж не знаю, вошла ли бы Л. Кутырина в число победителей, если бы было принято мое «парадоксальное» предложение записывать в накопительные счета нерадивых работников, виновников бесхозяйственности — «минусовый эффект» (см. выше).

Что же касается того «подарка», который предлагает мне тов. Стукалов, — отнести первоначально затушеванную экономию 1986 г. в счет 1987-го, то я в этом вовсе не нуждаюсь. Дело в том, что уже в этом году

мною поданы еще два предложения по экономии ресурсов (по моим прикидкам, не менее эффективные) и одно рационализаторское предложение, обещающее (если будет принято) в полтора раза повысить ресурс всей оснастки на станке ПКР КО-120.

Так что я намерен на текущий год принять социалистическое обязательство повыше, чем в прошлом году.

Кстати, «экспериментальные» условия социалистического соревнования в нашем объединении ныне пересматриваются. Похоже, что в 1987 г. основные итоги будут подводиться уже не только по накопительным счетам (а может, и вообще от них откажутся...). Так что и с этой точки зрения аргументация председателя профкома Ю. Стукалова («Не все ли вам равно?») является совершенно беспардонной.

* * *

Полагаю, что все описанное дает работникам ВЦСПС основание для того, чтобы довести до конца свое вмешательство в этот эпизод из профсоюзной жизни нашего объединения. А может быть — и для более общих выводов.

<...> Эпизод такой, что нарочно не придумаешь! И очень многое из него видно.

А. Алексеев, 12.04.87

Ремарка: игра по правилам Системы.

Вся эта история, действительно, анекдотическая, может рассматриваться как пример постановки «экспериментатором» системы «в тупик», путем абсолютно последовательного соблюдения ее (этой системы) правил. («Моделирующая ситуация»!).

В данном случае всем (не только социологу-испытателю) понятно, «чего стоят» все эти «условия соревнования» и т. п., навязываемые сверху с целями отчасти прагматическими, отчасти идеологическими. «Игра по правилам» обнаруживает «ничтожность» самих этих правил, говоря языком юридическим. (Октябрь 2003).

15.9.2. «Какую систему соревнования ни придумают, все не те получают победители...»

А. Алексеев — заместителю заведующего отделом социалистического соревнования и производственно-массовой работы ВЦСПС И. Гребенщикову (август 1987)⁵⁵

Уважаемый тов. Гребенщиков!

Мною еще в мае с. г. получен Ваш ответ на мое письмо в ВЦСПС от 12.04.87 (ответ № 22-5-А/57519, от 20.05.87).

⁵⁵ В оригинале этот документ имел заголовок: «Открытое письмо работнику ВЦСПС». Публикуется в сокращении.

В названном письме шла речь о некрасивой волоките, устроенной профсоюзными работниками ПО «Ленполиграфмаш» с исправлением ошибки, допущенной при подведении итогов социалистического соревнования в нашем объединении за 1986 г.

Ответ из ВЦСПС, за Вашей подписью, как будто все ставил на свои места. В нем выражалась полная поддержка моей постановки вопроса:

«Председателю профкома объединения Стукалову поручено при подведении итогов соревнования за второй квартал 1987 г. рассмотреть вопрос о правомерности принятого решения по итогам соревнования за 1986 г. О результатах профком должен проинформировать вас».

<...> И вот, в конце июля, из обнародованных результатов соревнования от начала пятилетки, я узнаю, что профсоюзный комитет объединения и не подумал что-либо пересматривать, исправлять, оценивать «правомерность принятого решения» и т. п. Поручением ВЦСПС председатель профкома тов. Стукалов благополучно пренебрег. <...>

Я предложил тов. Стукалову хотя бы ознакомиться с текстом моего письма в ВЦСПС. «А зачем? — с невозмутимым благодушием ответил тот. — Мне в общих чертах известно содержание вашей жалобы (!)». Затем последовало... очередное предложение обратиться в профком объединения, с очередной просьбой «решить мой вопрос».

Как будто я должен в данной ситуации еще о чем-то «просить» профсоюзных деятелей, а не они — приносить мне свои извинения! Думаю, беспардонность (чтобы не сказать — цинизм) поведения профсоюзного чиновника в данном случае не требует особых пояснений.

<...> Может возникнуть вопрос: только ли обычной чиновной безответственностью объясняются все эти «пассы» профсоюзного лидера? Боюсь, что не только этим. Надо теперь, пожалуй, сказать, что нашему профсоюзному комитету вот уже давно очень «не везет» с победителями соревнования.

* * *

На протяжении ряда лет, по прежним (до 1986 г.) условиям соревнования, абсолютным победителем на нашем заводе оказывался рабочий-новатор, лауреат Государственной премии, фрезеровщик Г. А. Богомолов.

Человек незаурядный и «неуправляемый», он стал своего рода «костью в горле» определенной части заводских руководителей, партийных и профсоюзных активистов. Пару лет назад, по существу с подачи профкома объединения (возглавлявшегося и тогда тов. Стукаловым), против Богомолова была развернута настоящая травля. Его стали шельмовать, как «индивидуалиста», «рвача», исключили из партии (лишь недавно он в ней восстановлен). Эта история, получившая в свое время широкое освещение на страницах не только ленинградской, но и центральной печати, наверняка известна ВЦСПС.

Новая система соревнования, усиленно внедрявшаяся профсоюзным комитетом «в порядке эксперимента» в 1986 г., была как будто направлена на устранение недостатков прежней. В статье Ю. Воробьевского

«Поражение победителя» (Советская Россия, 7.01.87) это было даже вынесено в подзаголовок: «О противоборстве двух позиций в организации соревнования на «Ленполиграфмаше».

Тут, пожалуй, не обошлось и без «личной подоплеки». Вот как об этом пишет один из ленинградских журналистов:

«...А тут еще новая система социалистического соревнования подоспела. По ней вышло, что победителем признаться на "Ленполиграфмаше" будет теперь вовсе не тот, кто больше других перевыполнит норму, а тот, у кого наибольшим окажется так называемый накопительный счет. Счет этот должен суммировать эффект от рационализации, добровольного снижения норм рабочими, от освоения новой техники, от наставничества и т. д. Новую систему кто-то поспешил назвать "антибогомоловской"..."» (Почин С. Разлад // Ленинградская правда, 28 декабря 1986 г.).

Разумеется, по новой системе Г. А. Богомолов, работающий с опережением на полторы пятилетки, «потерпел поражение».

Но вот, строго в соответствии с новыми (не очень глубоко продуманными, как я отмечал в своем первом письме) условиями трудового состязания, вперед неожиданно вышел... другой, не менее «неудобный» субъект — слесарь Алексеев, известный как человек, «слишком остро и непримиримо» критикующий бесхозяйственность, нарушения производственной демократии, компрометацию перестройки и т. п.

В общем — **из огня да в полымя!** Какие условия и показатели соревнования ни придумают, все не те (у тов. Стукалова и иже с ним) получают победители... Но чиновный ум изворотлив!

Случилось так, что 9 января 1987 г. администрация цеха, где я работаю, «подловила» слесаря Алексеева на 10-минутном опоздании с обеда. Дело темное, считать ли рабочего нарушившим дисциплину, если он «без разрешения мастера» отлучился от своего станка, чтобы обеспечить заточку инструмента к нему (что было подтверждено и в суде, до которого докатился трудовой спор). Но, так или иначе, этот носитель звания «ударника коммунистического труда» 1986 г. на сегодняшний день является обладателем выговора «за нарушение трудовой дисциплины».⁵⁶

Это, разумеется, очень кстати тем, кому последнее время достается от него на страницах многотиражки и на открытых партийных собраниях (в том числе, и самому председателю профкома тов. Стукалову). Ибо теперь-то уж есть гарантия, что в 1987 году Алексеев в победители соревнования никак не попадет (нарушители трудовой дисциплины у нас в объединении, по условиям соревнования, из числа возможных победителей исключаются; и это, конечно, правильно).

Но ведь в 1986 г. у слесаря Алексеева никаких нарушений дисциплины не было (не было, по сути, и в 1987-м, но тут пока выговор на шее висит). А **было** (уж тут наверняка!) пренебрежение своими обязанностями, бюрократизм, чиновничье отношение к делу — у председателя профкома тов. Стукалова (да и вообще — у всей команды организаторов соревнования на заводе).

⁵⁶ См. выше: раздел 15.4.

Не потому ли так старается тов. Стукалов засчитать Алексееву экономию от предложения, внедренного год назад, именно в **нынешний**, 1987-й год? Когда величина его накопительного счета уже не имеет значения — ведь победитель успел **«проштрафиться»**, попал в нарушители...

Вот такие просматриваются мотивы поведения профсоюзного лидера, не желающего вносить необходимые исправления в итоги соревнования 1986 г. (год, когда нежелательный призер «был безупречен»).

Затянув исправление ошибки уже на целых полгода (рискуя даже неприятностями от ВЦСПС; как никак — невыполнение поручения вышестоящей инстанции!), тов. Стукалов, похоже, надеялся, что упрямому рабочему в конце концов надоест «качать права». В крайнем случае, можно будет и на «нескромность» тов. Алексееву указать... Но я уже сообщал в первом письме, что для меня это вовсе не просто дело престижа или 150-рублевой премии (хотя почему бы и нет?). А — **дело принципа!**

Рассчитываю, что после этого моего второго письма в ВЦСПС справедливость в подведении итогов соревнования за 1986 г. будет, наконец, восстановлена.

* * *

Пользуюсь случаем поставить вопрос о том, что, вопреки решениям XVIII съезда профсоюзов, на «Ленполиграфмаше» не преодолевается, а усугубляется **формализм** в организации социалистического соревнования.

В прошлом году каждый участник соревнования имел личную книжечку, в которую мог записать свое обязательство (в частности, о величине вклада «в ускорение научно-технического прогресса»). В этой книжечке затем отмечалось выполнение обязательства, записывалась сумма накопительного счета и т. п.

Количество работников, открывших накопительный счет, а стало быть — и держателей таких книжечек, на нашем заводе в прошлом году было около 850 чел. Нынче их стало больше. На всех, видать, книжечек не хватило. И вот, профсоюзным комитетом введен новый порядок: результаты соревнования теперь фиксирует ЭВМ. И каждый может проверить свой накопительный счет... по табуляграмме, вроде той, из которой узнают свою зарплату.

Как видим, «научно-технический прогресс» не миновал уже и самой организации соревнования. Недавно вывесили такую табуляграмму в нашем цехе. Понять из нее что-либо трудно. Никто из рабочих, кажется, и не пытался понять. Мне помогла разобраться цеховой профсоюзный работник.

Заменив книжечки табуляграммой, которая вовсе не отражает, за счет чего пополнился накопительный счет того или иного участника соревнования, профком «Ленполиграфмаша» практически отменил индивидуальные обязательства соревнующихся.

То есть — люди работают, подают куда-то предложения (порядок их подачи не оговорен). Неведомая экспертная комиссия, в отсутствие ав-

тора, их рассматривает. Кто-то подсчитывает эффект (**как** подсчитывают — можно было видеть на моем примере). Вводят данные в ЭВМ. Та — ранжирует вклады по величине и распечатывает табуляграмму. Несколько месяцев спустя (это в лучшем случае!) человек может узнать, что там ему «набежало»...

Вот и вся «гласность соревнования»! Не гласность, а бюрократическая пародия на нее. Трудовая активность и машинные подсчеты протекают параллельно и как бы независимо друг от друга. Во всяком случае — вне всякой связи одно с другим для самих «участников соревнования».

Характерно, что два моих новых предложения по экономии ресурсов, поданные в первом квартале 1987 г. и внедренные **немедленно** (мне же видно, ведь дело касается моего рабочего места), никакого отражения в упомянутой табуляграмме не нашли, даже во втором квартале. И, может быть, никогда не найдут (если я снова об этом не побеспокоюсь).

* * *

Думаю, что вся система социалистического соревнования на «Ленполиграфмаше» все более вырождается в **бюрократическую показуху**. <...>

А. Алексеев, 1.08.87

Ремарка: справедливость восторжествовала.

Дальше события развивались следующим образом.

12 августа 1987 г. заводская газета сообщила **сверхоперативно**, что профком ПО «Ленполиграфмаш», «на основании ходатайства администрации, партийной и профсоюзной организаций цеха № 3», принял решение «о присуждении слесарю Алексееву А. Н. звания победителя социалистического соревнования по накопительным счетам за 1986 г.» (решение от 6.08.87).

На основании приказа генерального директора объединения от 21.08.87, победителю была выплачена премия в сумме 150 руб.

Со своей стороны, зам. зав. отделом ВЦСПС И. Л. Гребеников информировал рабочего-социолога о том же, в своем письме от 28.08.87.

На что ему было отвечено, что, в отличие от благополучно разрешившейся анекдотической ситуации, касающейся автора лично, — «вопросы преодоления формализма в организации соревнования в объединении остаются пока не решенными». (Март 2001).

15.10. Общественно-политическое противостояние. 1987

Несколько вступительных слов

В конце 1987 — начале 1988 г. ленинградский журналист, собкор «Известий» Анатолий Степанович **Ежелев**⁵⁷ обратился ко мне с просьбой написать вставную главу «о себе», для его документальной повести о Г. А. Богомолве,

⁵⁷ А. С. Ежелев впоследствии — народный депутат СССР. Позднее — главный редактор правозащитного альманаха «Terra incognita».

которую тот тогда готовил. Мы договорились, что лучше я предоставляю ему все необходимые материалы, а главу эту он напишет сам (чтобы не нарушать единство стиля).

Так возник этот текст — своего рода заготовка или «сырой материал» для книги А. Ежелева. Частично он был там использован (См.: А. Ежелев. Лучший из грехов. М.: Известия, 1988).

Мое сочинение имело вид письма коллеге-журналисту. Главный его сюжет — о поборниках-экспериментаторах — будет представлен позже (в главе 16). Здесь же — только фрагмент, посвященный взаимоотношениям социолога-рабочего с первичной партийной организацией. (Март 2001 — май 2003).

А. Алексеев — А. Ежелеву (февраль 1988)

<...> Как Ты знаешь, после исключения из партии в мае 1984 г. я последовательно подавал апелляции во все партийные инстанции, включая XXVII съезд. Все апелляции были отклонены. Правда, каждый раз немного видоизменялась формулировка...⁵⁸ Некоторые обвинения отпали.

В связи с каждым очередным рассмотрением моего дела, какой-нибудь вышестоящий партийный орган (горком, обком, ЦК) запрашивал на заводе мою «партийную» характеристику.

...Ну, в 1984-1985 гг., характеристики были однозначно негативными.⁵⁹ А к 1986-му у меня с первичной парторганизацией установились довольно дружелюбные отношения (как-никак, исключали-то по указке сверху!). Помню, в марте 1986 г. (только что окончился партийный съезд) мне была выдана безоговорочно положительная характеристика («всем хорош, вот только из партии исключен...»)⁶⁰ И даже казалось, что вот-вот я буду восстановлен в партии.

Однако этого, как Ты знаешь, тогда не случилось. Апелляция к съезду была отклонена бюро Ленинградского обкома (аккурат, в день моего рождения, в июле), с чем согласился и Комитет партийного контроля при ЦК КПСС (в августе).

Между тем, мое письмо на имя Горбачева и известная Тебе аналитическая записка для ЦК КПСС «Научно-практический эксперимент социолога-рабочего и его общественно-политические уроки» от апреля 1986 г.⁶¹, оказались погребены где-то в обкомовских сейфах. Оба эти документа претендовали на высокое партийное внимание и вне связи с моим персональным делом. А их упорно «пристегивали» к этому делу.

Тогда я стал настаивать на рассмотрении своей аналитической записки — **по существу** поднятых в ней вопросов (роль «человеческого фактора», «приспосабливающееся противодействие» перестройке и т. д.). А чтобы отобрали ее у лично задетых моей критикой работников пар-

⁵⁸ См. в томе 2 настоящей книги: раздел 10.7.

⁵⁹ См. в томе 2: раздел 9.3.

⁶⁰ См. ранее: раздел 14.6.

⁶¹ См. в томе 2: раздел 10.14.

тийного аппарата (Смаглиенко, Горячкин и иже с ними)⁶², адресовался (в августе 1986-го) к **формально независимому** от ЦК партии органу — Центральной ревизионной комиссии КПСС (председатель — И. Капитонов).

Это, хоть и не сразу, неожиданно «сработало»... Во всяком случае — дало повод, полгода спустя, для сенсационного визита к моему станку члена ЦРК КПСС, 2-го секретаря Ленинградского обкома партии А. М. Фатеева (в апреле 1987-го).⁶³ Наступали новые времена. Обком как будто «созрел» для пересмотра моего дела.

Тут, понятно, опять понадобилась характеристика от первичной партийной организации (уж которая по счету!). А к тому времени как раз резко обострилось **противостояние** на местах (и не только мое; вспомни Богомолова, Богданова, других «возмутителей спокойствия»). Партийный курс на перестройку заставил активизироваться его явных или неявных противников — тех, кто перемен (действительных, а не мнимых!) не только «не ожидал», но и вовсе не хотел.

Ну, и я сам наших заводских «антиперестройщиков», конечно, выводил из себя — своей критикой, да еще донельзя раздражил своими судебными исками. [*См. выше. — А. А.*].

В итоге на очередной запрос из высоких партийных инстанций в августе 1987-го мне на заводе была выдана характеристика, являющая собой примечательный документ. Переписав все комплименты из предыдущей, добавили:

«Выступления Алексеева носят критический (наверное, хотели сказать — „критиканский“). — А. А.), демагогический характер... Разлагающее влияние Алексеев оказывает на рабочих цеха, в особенности на членов своей бригады, используя свою эрудицию и опыт социолога (! — А. А.). Имеет явную склонность к сутяжничеству...».

И так далее, в том же духе.⁶⁴

Не без труда добыв этот скандальный текст, я просто вывесил копию на стенде нашей бригады, т. е. обнародовал. Тогда откликнулись те, чьего мнения вовсе не спрашивали, — рабочие с моего участка. В обком партии ушло их письмо:

«...Алексеев борется за гласность и справедливость, за уважение к рабочему, за порядок на производстве. Критикует правильно, невзирая на лица... Написана не только неправда о нашем товарище, но и оскорбительно для нашего рабочего коллектива, которым кто-то будто бы может вертеть по своему усмотрению...».

Не буду дальше цитировать. Полный текст у Тебя есть.

Как, Ты думаешь, повели себя партийные активисты, узнав об этом письме рабочих? Срочно стали собирать компромат на всех шестнадцать «подписантов». У четверых, оказывается, бывали прогулы. Стали распускать слух, что Алексеева защищают «пьяницы и прогульщики».

⁶² См. в томе 2: раздел 10.5.

⁶³ См. выше: раздел 15.8.

⁶⁴ Полный текст характеристики от 12.08.87 см. в томе 4 настоящей книги: глава 22.

Это — про коллектив целого участка! Вот уж где действительно «оскорбление рабочего класса»!

Вообще, вопрос об исключении или восстановлении в партии таких, как Алексеев или Богомолов, оказался своего рода лакмусовой бумажкой для различения перестроечных и антиперестроечных сил на местах.

Когда в прошлом [1987-м. — А. А.] году из партии исключали Геннадия Богомолова, вся партийная организация цеха раскололась надвое. Ты сам описывал это в своем очерке.⁶⁵

При обсуждении собственной характеристики на парткоме в августе 1987-го. я говорил (цитирую автостенограмму):

«...Характеристика объективно, даже, я бы сказал, глубоко и точно, характеризует... вопрос — что именно? Думаю, не столько мое лицо, сколько общественно-политическую позицию ее составителей. И даже не столько их, сколько всю сложившуюся ситуацию общественно-политического противостояния противоборствующих, в том числе и в нашем коллективе, сил...».

У меня сохранился также текст комментария к раннему проекту этой характеристики (мое майское, 1987 г., заявление в партком):

«...Видимо, этот год, первый послесъездовский, позволил кристаллизироваться общественно-политическим позициям. Резко определилось противостояние людей, готовых “перестраиваться”, но без Демократизации, Критики, Гласности, с одной стороны, и людей, проводящих эти лозунги перестройки не на словах, а на деле, с другой.

Товарищам Новикову, Толстой, Ярошу (*секретарь партбюро цеха, член партбюро, начальник цеха. — А. А.*), похоже, попросту “страшно”, что пересмотр дела А. поставит их позицию под вопрос.

В этих условиях возникает что-то вроде защитной реакции, причем реакции — **агрессивной**, где любые средства хороши, включая самые недостойные...».

Вот такая «информация к размышлению» или «кое-что из жизни социолога-наладчика». <...>

А. Алексеев, февраль 1988

* * *

Из документальной повести А. Ежелева «Лучший из грехов» (1988)⁶⁶

<...> Летом 1987 года я попросил М. К. Михайлова [*секретарь парткома «Ленполиграфмаша».* — А. А.] о встрече на заводе, пояснив, что готовлю очерк о Богомолове. Богомолов к тому времени уже был восстановлен в партии, но секретарю парткома несомненно ни к чему было выносить свои передраги на страницы центральной газеты. И он ответил на мою телефонную просьбу, что, мол, соглашается на встречу, только чтобы убедить меня отказаться от богомоловской темы.

После полуторачасовой беседы Михайлов все же уступил, согласился выпустить мне пропуск на завод... Можно было и откланяться, но я

⁶⁵ См.: Ежелев А. Исключение // Известия, 25.09.87. Полный текст этого очерка см. ниже, в приложениях к главе 16.

⁶⁶ В данном фрагменте описываются события августа 1987 г.

сказал, что имею еще одну маленькую просьбу — разрешить мне присутствовать на запланированном в тот день заседании парткома.

— Но к Богомолу оно не имеет никакого отношения, — насторожился Михайлов.

— Меня интересует утверждение характеристики на А. Н. Алексева, только этот вопрос. Скрывать не буду, — заметил я, — что за делом Алексева слежу давно. Его исключение из партии и вообще все, что тогда происходило... Да и сейчас...

— Значит, вы знакомы с Алексеевым...

— Лет двадцать. Ведь мы в свое время работали в газетном доме на Фонтанке: он в «Ленинградской правде» заведовал отделом промышленности, я был этажом ниже — в «молодежке». Но мой интерес к делу, заверяю вас, сугубо профессиональный, никаких личных мотивов в нем нет.

— А вы знаете, какую характеристику дала ему партийная организация цеха?

— Да. Вот в этой папке лежит ее копия.

— Выходит, вы не случайно выбрали именно сегодняшний день для приезда на завод...

На минутку Михайлов задумался и вдруг предложил:

— Договоримся так: Богомолу я вам уступил — пишите. А насчет сегодняшнего парткома... уступите вы мне — не настаивайте на своем присутствии. Не надо. Сыграем вничью, один — один. Если же какие вопросы появятся, отвечу. Ладно? Вы звоните...

Насколько можно было понять из этого разговора, Михайлов скорее всего решил поддержать резко отрицательную цеховую характеристику, следовательно, считал, что Алексева не нужно восстанавливать в партии. И вместе с тем хотел избежать огласки в его деле. Что ж, оно и понятно, поскольку в том деле было много и странного, и удивительного, как в самой судьбе Андрея Николаевича, но зато явно недоставало здравого смысла. И порядочности. <...>

(А. Ежелев. Лучший из грехов. М.: Известия, 1988, с. 90-92)

[Утверждение избобличающей автора характеристики на парткоме «Ленполиграфмаша» состоялось 12 августа 1987 г. Кстати, в один день с публикацией в заводской газете информации о запоздалом и вынужденном (см. выше) присуждении ему звания победителя социалистического соревнования по объединению за 1986 г. — А. А.]

* * *

Из очерка А. Головкова «...мир погибнет, если я остановлюсь», опубликованного в журнале «Огонек» (май 1988)

<...> Я ловлю себя на том, что думаю уже не об Андрее Николаевиче. Его не надо жалеть, он победит. Он уже победил. Ведь в конечном счете

за ним историческая правота. Я думаю не об алексеевых — о михайловых. С ними-то как нам быть? <...>

(А. Головков. «...мир погибнет, если я остановлюсь» // Огонек, 1988, № 14)

* * *

Из сценария телевизионной передачи (июль 1988)

<...> — В журнале «Огонек» речь идет, в частности, о секретаре парткома «Ленполиграфмаша» Михайлове. Он участвовал в исключении Вас из партии в 1984 году?

— Нет. Наше с ним противостояние не имеет личных мотивов. Но у нас с тов. Михайловым разные взгляды на перестройку. Я бы сказал, даже диаметрально противоположные. Мы с ним в одной лодке, но гребем в разные стороны. Если угодно, мы по разные стороны баррикады. Мне нужны: гласность, демократия, самоуправление. Он хотел бы подменить это имитацией, видимостью всего этого. На словах тов. Михайлов, разумеется, тоже «за перестройку», только вопрос — за какую?

— Таких, вероятно, не так уж мало среди работников партийного аппарата?

— Да. И не только в партийном аппарате, но и в научных и журналистских кругах.

(Интерпретация. Авт. — С. Дегтярев. ЛСТ. июль-сентябрь 1988)

15.11. Из опыта гражданской защиты (1986-1987)

Несколько вступительных слов

Мне уже приходилось рассказывать о той кампании гражданской защиты, инициативных и публичных выступлений в поддержку опального социолога-рабочего, которая широко развернулась с началом «перестройки» (ранее были отдельные попытки, отчасти сдерживаемые самим социологом-испытателем). В этом «движении» приняли участие и ученые, и рабочие, и журналисты.

Обзор актов такой защиты представлен в томе 2 настоящей книги: приложение 1 к части 2. Отдельные примеры приводились в главе 13.

Ниже — еще несколько примеров, относящихся к 1986-1987 гг.

Особо оговорю, что высоко положительные, пафосные оценки деятельности автора, содержащиеся в этих документах, должны восприниматься современным читателем с учетом цели и контекста тогдашней защиты.⁶⁷ (Май 2003).

Первому секретарю Ленинградского ОК КПСС Ю. Соловьеву (май 1986)

<...> Зная А. Н. Алексеева по совместной работе в г. Новосибирске с 1968 по 1970 г., а также по последующему многолетнему сотрудничеству с ним, считаю своим долгом коммуниста сообщить Вам следующее:

⁶⁷ Тексты писем коллег и друзей приводятся здесь, как правило, в значительном сокращении.

<...> А.⁶⁸ — социолог-новатор. Он не однажды уходил в практику, в частности, становился рабочим, чтобы глубже понять протекающие в обществе процессы. Его работа как ученого носит опережающий, прогностический характер.

Обвинения, которые предъявлялись А., отражают вчерашний день нашей политики. Исследование, за которое он был исключен из партии, называлось «Ожидаете ли Вы перемен?». В 1978 г. вопросы его анкеты могли звучать как «политически вредные». Но именно эти вопросы восемь лет спустя были со всей остротой поставлены на XXVII съезде КПСС.

В трудах А., особенно — заводского периода, содержится богатейший материал для разработки действенных практических рекомендаций. Издание этих трудов принесло бы большую пользу для развития советской экономической науки и практики. <...>

Р. Рывкина, член КПСС с 1953 г., докт. экон. наук, старший научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР, 30.05.86

* * *

В президиум отчетно-выборного собрания Ленинградского отделения Союза журналистов СССР (январь 1987)

Хочу напомнить, что в 1984 г. был исключен из Союза журналистов Алексеев А.Н.

Я знаю его с 1960 г.: из редакции газета «Смена», где мы вместе работали, А. провожали в рабочие. Он хотел сам досконально изучить все, о чем пишет, как журналист.

После мы порой встречались по редакционным делам, я знала, что он стал социологом, кандидатом наук. Но только на днях узнала, что он исключен из КПСС и СЖ, за проведение исследований, будто бы вредных советскому строю.

<...> Однако сегодня как раз его исследования, содержащие вопрос «Ожидаете ли Вы перемен?», и его выводы о несовпадении официальной и личной установок рабочего, — отвечают духу перестройки. А сам он, на многие годы ставший рабочим-социологом, представляется фигурой уникальной.

<...> Считаю необходимым создать компетентную комиссию, изучить его дело с сегодняшних позиций. Возможно, именно вмешательство СЖ могло бы начать необходимый поворот в судьбе А.

Г. Зяблова, январь 1987

* * *

В редакцию журнала «Огонек» (февраль 1987)

Вам пишет спецкор газеты «Ленинградский рабочий».

<...> Мне кажется, «Огонек» должен заинтересоваться историей уникальной, и в определенном смысле — типичной. Ее герой — социолог, кандидат

---

⁶⁸ Здесь и далее в оригиналах приводимых документов — фамилия.

философских наук, ставший рабочим для проведения экспериментального исследования. <...>⁶⁹

«Перемен не надо ждать, перемены надо делать» — в этом Алексеев видит главный урок из своего опыта. <...> Я уверена, что со временем его имя будут называть рядом с именами людей, заслуживших всеобщее уважение верностью долгу и своим убеждениям. Было бы хорошо, если бы ваш журнал ускорил это.

Все, что написано здесь, я готова повторить где угодно.

<...> Однако раскрыть механизм этого дела в прессе мне было бы затруднительно из-за ограниченных возможностей корреспондента газеты обкома КПСС. И тем не менее, если в коллективе «Огонька» не найдется журналиста, готового заняться историей А., я могла бы попытаться сделать это сама. <...>

Т. Дурасова, февраль 1987

* * *

Члену Политбюро ЦК КПСС, секретарю ЦК КПСС А. Яковлеву (май 1987)

<...> Позиции исследователя и гражданина в эксперименте Алексеева, как и в его жизни в целом, органично спаяны. Он не только изучает возможности влияния рабочего человека на условия производственного процесса, но и реализует право каждого советского человека быть подлинным хозяином производства. Думается, что бескомпромиссное поведение коммуниста А. в качестве исследователя-рабочего и явилось причиной изменения отношения к нему и к проводимой им работе.

Особый акцент был придан вмешательством органов государственной безопасности. Это использовалось и используется до сих пор в качестве наиболее весомого аргумента в пользу обвинения А. в политической ошибочности проводимого им исследования. <...>

**Блюм Р. Н., Вихалемм П. А., Голиков Е. А., Лауристин М.⁷⁰
Май 1987**

* * *

В Ленинградский обком КПСС (июль 1987)

<...> А. Н. Алексеев известен нам по многолетней совместной общественной и научной деятельности, в ходе которой его всегда отличали принципиальная партийная позиция, обостренная гражданская ответственность за точность и обоснованность результатов анализа социальных процессов в обществе.

⁶⁹ Здесь опущено изложение смысла эксперимента и основных обстоятельств «дела» социолога-рабочего.

⁷⁰ Рэм Наумович Блюм — докт. филос. наук, профессор Тартуского университета, скончался в 1989 г. Марью Лауристин впоследствии — лидер Народного фронта Эстонии, затем — министр Республики Эстония, ныне — профессор Тартуского университета. Пеэтер Вихалемм ныне — профессор Тартуского университета. Евгений Александрович Голиков — канд. филос. наук, доцент, в то время — помощник председателя Президиума Верховного Совета Эстонской ССР.

<...> Многие из нас помнят, какое благотворное влияние на формирование коллектива ИСЭП АН СССР оказала атмосфера принципиальности, честности, открытости в решении сложных кадровых вопросов, которая формировалась в значительной мере партийным бюро института во главе с А.⁷¹

<...> Перейдя в 1980 г. работать на завод, А. разработал и применил новый метод исследования социальных отношений — метод наблюдающего участия. За время работы на заводе он опубликовал и подготовил ряд ценных результатов проводимого им (как в порядке совместительства, так и на общественных началах) исследования.

Ценность этих результатов особенно возрастает сейчас, когда практика перестройки потребовала ответов именно на те вопросы, которые уже в 1980—81 гг. ставил А. и которые тогда назывались «политически невыдержанными» <...>.

Социолог А. не просто наблюдает жизнь рабочего коллектива. Он реально участвует в этой жизни, активно выявляет противоречия, возникающие в ней, и борется с ними во всеоружии своего социологического знания. Научный анализ в этой борьбе крайне необходим сейчас для быстреешего осознания сложностей и противоречий перестройки.

На наш взгляд, главная «вина» А., которая привела его к исключению из партии, состояла в том, что он проявил смелость в выявлении назревших потребностей в перестройке — до того, как это стало достоянием всей партии в апреле 1985 г.

<...> Мы глубоко убеждены в том, что политические и идеологические обвинения, выдвинутые против А. Н. Алексеева в 1983–1984 гг., должны быть сняты, а сам он восстановлен в партии.

А. Ющенко, Л. Кесельман, Б. Докторов, И. Травин, Г. Галкина, В. Вишаренко, Т. Протасенко, В. Голофаст, В. Костюшев, П. Шелищ, А. Сарно, С. Файбушевич, А. Седов, А. Вейхер.

8.07.87

* * *

В Ленинградский обком КПСС (август 1987)

<...> Мы знаем, что наш товарищ А. Н. Алексеев обратился в обком КПСС с заявлением о восстановлении его в партии.

Когда А. показал нам характеристику, которую в связи с этим ему дали в парткоме, мы глазам своим не поверили: не характеристика, а какая-то карикатура. В ней написано, что А., используя свой опыт социолога, будто бы злонамеренно обостряет отношения между рабочими и администрацией, будто бы разлагающе действует на коллектив. Мол, критикан, демагог и так далее, в том же духе.⁷²

Сплошные несуразности в этой характеристике. Зачем-то в нее приплетен апрельский прогул бригадира. Спрашивается, на кого характеристика — на А. или на его бригадира? Такой звучит намек, что А. специально подготовил Сыцевича совершить прогул — для «социологического исследования». Надо же придумать такое!

⁷¹ Мне довелось быть в течение неполного годичного срока секретарем партийного бюро ИСЭП АН СССР сразу после организации этого института в 1975 г.

Большинство из нас знает А. почти восемь лет, с тех пор как он пришел на «Ленполиграфмаш» в 1980 г. Давно знаем, что он еще и социолог, кандидат наук. Все эти годы он работает в нашем цехе. Как рабочий А. трудится честно, держится просто, отзывчив.

Никогда не отказывается помочь товарищу и советом, и делом. Сегодня он один из авторитетнейших рабочих нашего цеха. Кому сейчас понадобилось его порочить?

Когда три года назад его исключали из партии, многие недоумевали. Были и такие слухи, что он-де скрытый «враг народа», что он клеветает на наш строй. Оказалось — все не так.

Таких, как он, принципиальных, не отступающих от правды, настоящих коммунистов, — не так уж много среди членов партии. Он никогда не проходит мимо недостатков. А это иным нашим администраторам не нравится. Только и ищут, на чем бы его подловить, как например, на 10-минутной отлучке от станка в начале этого года. А теперь вот эти обвинения в критиканстве...

Они, небось, думают, что если А. восстановят в партии, тогда таким деятелям, как «прославившийся» на весь Ленинград бывший начальник нашего цеха Косачев, которому А. первый указал на его ошибки, и вообще житья не будет.

А. борется за гласность и справедливость, за уважение к рабочему, за порядок на производстве. Критикует правильно, не взирая на лица, будь то цеховой технолог или генеральный директор. Написана не только неправда о нашем товарище, но и оскорбительно для нашего рабочего коллектива, которых кто-то будто бы может вертеть по своему усмотрению.

К началству у рабочих действительно много претензий, так они и без Алексеева существуют. Он только лучше других умеет их выразить.

Читая эту характеристику, становится стыдно за тех, кто ее составлял, за секретаря парткома Михайлова, который это подписал.

Письмо обсуждалось на собрании бригады 003 цеха 3 завода «Ленполиграфмаш» 19 августа 1987 г.

Подписи:

Бригада 003: **Сычевич, Рыжов, Гушин, Русинов, Николаев, Шапкин, Бельмак, Михайлов, Рыбаков, Носов**

Бригада 001: **Ильин, Сергеев, Мартиросян, Брикач, Самойлов, Стрельцов**

* * *

В Ленинградский обком КПСС (август 1987)

<...> Стала очевидной глубокая внутренняя связь крутых поворотов жизненного пути А. Алексеева как партийного журналиста, ученого и рабочего с отстаиваемыми им позициями. Привлекает целостность этих позиций — идейно-политическая, нравственная, научная, практическая, единство слова и дела, так резко контрастирующая с широко распространившимся их разладом, что это, собственно, и не могло не вызвать поляризации в отношении к А., к его деятельности.

⁷² Полный текст «рецензируемой» характеристики см. ниже, в части 4 настоящей книги (раздел 22.2).

Мы были свидетелями становления новаторского способа ведения социологического исследования, разработанного Алексеевым.

Сущность этого метода «наблюдающего участия» — сплав ответственной инициативы и принципиальной открытости перед исследуемым трудовым коллективом, сплав практического дела и отражающего суть дела правдивого и гласного слова. <...>

В. Хмелько, Р. Ленчовский, научные сотрудники Института истории партии при ЦК Компартии Украины — филиала ИМЛ при ЦК КПСС
31.08.87

* * *

**Члену Политбюро ЦК КПСС, секретарю ЦК КПСС А. Яковлеву
(сентябрь 1987)**

<...> Будучи глубоким исследователем, стремящимся понять и объяснить реальные процессы общественного развития, А. Н. Алексеев, особенно в 70-е гг., начал ощущать недостаточность только «кабинетных» знаний.

Поэтому семь лет назад он выдвинул и реализовал новаторскую идею — провести социологическое исследование функционирования «человеческого фактора» на производстве не с помощью традиционных опросов, а методом, до сих пор не взятым на вооружение отечественной социологией, — методом «наблюдающего участия». Это означает не просто наблюдение со стороны за всем происходящим в трудовом коллективе, а внедрение исследователя в коллектив в качестве его полноправного члена, непосредственное участие во всех его делах, полное погружение в производственную ситуацию на длительное время. При этом все окружающие знают, что их коллега-рабочий одновременно ведет и научную работу, изучает социальные отношения, складывающиеся в процессе труда.

<...> Результаты, полученные А. в процессе исследования, дают возможность увидеть человека в системе его реальных общественных связей и отношений на производстве, выявить те стороны социальной организации, которые до сих пор служат элементами торможения, сдерживают использование громадного социально-культурного и социально-политического потенциала советского рабочего класса.

<...> Для того, чтобы полученные результаты могли быть полноценно реализованы и стали достоянием научной мысли, А. Н. Алексеев должен теперь полностью посвятить себя научной работе, буквально сменить станок на письменный стол. <...>

Зав. отделом Института международного рабочего движения АН СССР, докт. ист. наук, проф. **Э. В. Клопов**; зав. лабораторией ИМРД АН СССР, докт. ист. наук, проф. **Л. А. Гордон**; ведущий научный сотрудник ИМРД АН СССР, канд. эконом. наук, доцент **А. К. Назимова**; зав. отделом журнала «Рабочий класс и современный мир», канд. эконом. наук **Ю. С. Мархашов**

9.09.87

Ремарка: наблюдатель, мыслитель, делатель (памяти Леонида Гордона).

«Такие люди бывают, но, конечно, очень редко...», — пишет о нем историк и правозащитник Людмила Михайловна Алексеева.

«...И решительно никто его не заменит!» — утверждает Владимир Александрович Ядов.

«В истории российской социологии от Гордона останутся не только его книги и научные отчеты, но и стиль жизни» (Игорь Семенович Кон).

Я же — горжусь своим (увы, не частым!) общением с Леонидом Абрамовичем, а также его участием в моей личной профессиональной и жизненной судьбе.⁷³ (Июнь–ноябрь 2003).

* * *

Вместо заключения (к главам 14 и 15)

Сопоставление материалов, отображающих общественную ситуацию второй половины 1985 — первой половины 1987 гг. (начальный этап «перестройки») в различных общественных сферах (производство, наука, журналистика, внутрипартийная жизнь), обнаруживает и синхронность, и глубинное сходство процессов, конфликтов, форм «**приспосабливающегося противодействия**» переменам, при всей специфике каждой из этих сфер. (Март 2001 — май 2004).

⁷³ Низкий поклон Э. В. Клопову, А. К. Назимовой и Г. Г. Дилигенскому (ныне тоже покойному), сумевшим менее чем за два года после кончины коллеги и друга собрать и издать фундаментальную книгу: Социологический калейдоскоп. Памяти Леонида Абрамовича Гордона. М.: Прогресс — Традиция, 2003, 656 с. В нее вошли фрагменты собственных сочинений Л. Гордона, научные статьи, посвященные его памяти, и трепетные листки воспоминаний. Такая книга — лучший ему памятник!

Глава 16. Сотворение легенды

— ...И еще одна вещь, — сказал Спенсер. — Вы спросили меня — в шутку, конечно, как я чувствую себя в роли героя. Если в этом деле должен быть герой, то им станет американский народ — и никто больше. Ну а если вам обязательно нужно как-то называть меня, то, может быть, вы согласитесь с предложением коммисии и назовете меня идиотом...

Ф. Джексон («...Да поможет мне бог»)

...Миф есть бытие личностное, или, точнее, образ бытия личностного, личностная форма, л и к личности... (459)

...Миф не есть историческое событие, как таковое, но всегда есть слово... миф есть в словах данная личностная история... (535)

...Миф есть личностное бытие... он — историческое бытие... он — слово... Миф есть ч у д о... (536-537)

...Совпадение случайно протекающей эмпирической истории личности с ее идеальным заданием и есть чудо... (555)

...Миф есть в словах данная ч у д е с н а я личностная история... (578)

А. Ф. Лосев («Диалектика мифа»)¹

Несколько вступительных слов

В открывающей эту главу очерке Лидии Графовой «Преодоление пределов (Об эксперименте, который социолог-рабочий Андрей Алексеев поставил на своей собственной жизни)», пожалуй, нет новых для читателя **фактов**. Но в нем представлена целостная **концепция** (совпадающая с тем представлением, которое могло сложиться у читателя из предыдущего рассказа, или нет — другой вопрос).

Приводимый ниже текст являет собой яркий образец публицистики периода начала «перестройки» и, одновременно, акт идейно-нравственной поддержки социолога-испытателя со страниц одного из популярнейших периодических изданий того времени.

¹ Цит. по: Лосев А. Ф. Из ранних произведений. М.: Изд-во «Правда», 1990. В скобках указаны страницы по этому изданию. Продолжу цитирование:

«...В нашей формуле, собственного говоря, четыре члена: 1) личность, 2) история, 3) чудо, 4) слово. Нельзя ли найти в языке такую категорию, которая бы охватила или все четыре величины, или, по крайней мере, некоторые из них в одном единообразном выражении?» (579) «...Миф есть такое слово, которое принадлежит именно данной личности, специально для нее, неотъемлемо от нее... Оно есть *собственное* слово личности и *собственное* слово о личности. Оно есть *имя*...» (579) «...Но миф, сказали мы, есть еще чудо... Мы будем правы, если назовем его *магическим* именем...» (579) «... Миф есть *развернутое магическое имя*... Это максимально простая и максимально насыщенная формула мифа...» (579-580).

Публикация «Литературной газеты» как бы замыкала цепь гражданской защиты и открывала новую страницу: когда вышеописанные реальные события, будучи «внесены» в социальное сознание, стали превращаться в легенду, миф — «в словах данную чудесную личностную историю», по Лосеву. (Май 2003).

16.1. Преодоление пределов

Очерк Л. Графовой «Преодоление пределов», опубликованный в «Литературной газете» (сентябрь 1987)

Девять лет назад ленинградский социолог Андрей Алексеев провел (среди своих знакомых) пробный опрос по анкете «Ожидаете ли вы перемен?». У интервьюируемых (всего 45 человек) запрашивалось мнение о вероятности резких, крутых изменений или, напротив, медленных, постепенных, о процессах и тенденциях, заставляющих ждать (или, наоборот, не ждать) перемен в нашей жизни. Был, например, такой вопрос.

— Что вы можете сказать о «человеческом факторе» перемен? Какие общественные слои (группы) и типы людей, по вашему мнению, заинтересованы: а) в переменах «к лучшему»; б) в переменах «к худшему»; в) в отсутствии существенных перемен в жизни общества.

Поразительно, что вопросы, жгуче волнующие нас сегодня, были сформулированы 9 лет назад! Но эта анкета была признана «вредной» и стала первым из обвинений, за которые талантливый ученый был исключен отовсюду, откуда его можно было исключить, — из партии, из Советской социологической ассоциации, из Союза журналистов.

Сегодня Алексева реабилитировало Время. Он не только восстановлен в социологической ассоциации, но и избран в бюро ее Ленинградского отделения, на проходившей в марте этого года Всесоюзной отчетно-выборной конференции избран членом Ревизионной комиссии. В Ленинградском обкоме КПСС сейчас рассматривается вопрос о восстановлении Алексева в партии. Но поскольку он, неукротимый, не просто стоит в очереди на понимание и признание, а идет по быстро движущемуся эскалатору жизни и на все происходящее в жизни отзывается конкретными действиями (один ленинградский писатель назвал историю Алексева «примером рукопашной борьбы “снизу” за дело перестройки»), то живется ему сегодня не легче, а, может быть, потруднее, чем вчера.

Поворот судьбы

Алексееву 53 года, а выглядит лет на десять старше. Седой, с лохматыми бровями, с мягкой улыбкой и тихим голосом. Руки большие, натруженные, ладони в темных трещинках. И всей внешностью скорее похож на рабочего, чем на ученого (то есть с кабинетным ученым вообще ничего общего), несуетность, доброжелательность всего облика заставляет вспомнить потомственных питерских рабочих-интеллигентов.

В начале 1980-го, когда Алексеев решился идти в рабочие, над его карьерой ученого еще не проползло ни одного облака. Тот микроопрос показал несовершенство методики, и дальше личного архива материалы тогда не пошли. Сам Алексеев расценил анкету как неудавшийся поиск. Переход в рабочие тоже был для него поиском выхода.

«...Моей основной целью было узнать изнутри, «глазами рабочего» ту самую производственную жизнь, которая была предметом моих с коллегами, как я полагал, недостаточно реалистических и эффективных исследований... Мне этот шаг казался делом моей научной ответственности и партийной заинтересованности в разрешении наболевших проблем».

Это был для него не первый опыт «погружения». Еще в 1961-м Алексеев, молодой журналист газеты «Смена», одержимый идеями разворачивающегося в ту пору движения за коммунистический труд, ушел («по-трогать» эти идеи) вальцовщиком на один из заводов, потом работал электролизником. Только через три года вернулся в газету — зав. отделом промышленности «Ленинградской правды». Первым среди журналистов (статьей «Не личная драма», 1962 г.) забил тревогу о формализме в движении за коммунистический труд.

Желание дойти до самой сути волновавших его проблем привело Алексеева из журналистики в науку. Защитив кандидатскую по философии, работал в новосибирском Академгородке, потом — старшим научным сотрудником Ленинградского института социально-экономических проблем АН СССР (с момента его основания), был секретарем партийной организации института. Завоевал репутацию серьезного ученого, имел приличную зарплату, был уже немолод, когда круто изменил свою судьбу — пошел на завод «Полиграфмаш» осваивать специальность слесаря-наладчика. Увольнение из института входило в условия эксперимента: не играть в рабочего, а всерьез и надолго принять новую социальную роль. Коллеги недоумевали, удерживали... Мало кто мог до конца понять, что значит для него этот шаг. Кроме гражданских мотивов, было здесь и сугубо личное. Через год в журнале «Нева» (№ 3, 1982) появится статья А. Алексеева *[в соавторстве с С. Минаковой. — А. А.]* «Способ быть счастливым» — о результатах проведенного им ранее опроса по анкете «Счастливы ли вы сегодня?». Выводы, к которым он приходит, многое проясняют в нем самом:

«...Счастье — не в достижении и обладании, а в овладении... Далеко не всегда человек рискует... боится расстаться с миром внешнего благополучия, пренебрегая благополучием внутренним... А иные решаются... тогда прежняя структура личности «взрывается», личность как бы обновляется.

Счастье — это прежде всего преодоление пределов...»²

Возмутитель спокойствия

Ему, думаю, стало тесно в тогдашней социологии. Бегством на завод он — интуитивно — душу свою живую спасал.

² См. в томе 1 настоящей книги: раздел 6.4.

«...Мой научно-практический эксперимент начался при поддержке ленинградских партийных органов, был частью плана НИР ИСЭПа. Объектами изучения стали "инновационные" процессы...»

Он поставил себе целью понять («глазами рабочего»), что же на самом деле происходит, когда в заводскую жизнь внедряется новое: станок, бригадный подряд или... нестандартное поведение личности.

«...Нововведение — тот "оселок", на котором обнажаются индивидуальные и групповые позиции, происходит более или менее явное столкновение интересов...»

Уже тогда (более 7 лет назад!) сформулировал: «изучение механизмов торможения...» Еще до перехода на завод он изучал тревожную закономерность: происходит девальвация ценности трудовой инициативы! Никто до Алексеева не заявлял об этом так открыто и резко. Теперь шел за ответом: «...Каковы пути возможного совершенствования производственной жизни и полнейшей самореализации личности?». Превратившись в рабочего, стал эту самую «непрестижную» инициативу неуклонно проявлять. Натуги тут не было. Активность и последовательность — суть его характера. А еще — дотошность. В быту эта черта близка к занудству, в науке — ценнейшее качество.

Сперва его метод назывался «включенным наблюдением» (такие прецеденты в социологии были, правда, в основном за рубежом), вскоре дал свое, небывалое название: «наблюдающее участие».

Обычно исследователь старается мимикрировать в среде, не нарушать естественного течения жизни. Алексеев пошел на профессиональный риск: отказался от «инкогнито». Никакой фальши! Он ведь собирался **влиять на ход вещей**, добывать истину действием. Если уж и «ставил» эксперимент, то только над самим собой.

Цех, куда попал Алексеев, был одним из передовых на «Полиграфмаше». Предстояла новоявленному наладчику задача головоломная — запустить уникальный для этого завода станок, в просторечье именуемый ПКР (пресс с координатным столом и револьверной головкой). Он уже два года стоял в цехе недвижимым памятником. Пришлось разбирать все по винтику. А когда «памятник» наконец ожил, оказалось, что технологи не подготовили задания... И подобное — изо дня в день! Алексеев самоотверженно выкладывался, дрался за интересы производства, и окружающие вскоре забыли, что он там еще что-то и изучает. Социолог стал своим среди рабочих, не подстраиваясь, а просто оставаясь самим собой.

Как бы две жизни одновременно: днем — смена у станка, вечером — «смена» за письменным столом. Подъем в шесть утра, а ложился за полночь. Провел хронометраж своего дня — удивился: творчеству теперь уделяет больше времени, чем в ИСЭПе. За три первых заводских года опубликовал свыше 25 научных работ, написал ряд научно-практических записок, в частности Положение о совершенствовании системы нормирования труда (по заказу Государственного комитета СССР по труду и

социальным вопросам). Первые два года оставался по совместительству на полставки в ИСЭПе, его отчеты регулярно обсуждались. И регулярно вызывали бурю. В чинную атмосферу запретов и полудоговоренностей из его искренних отчетов врывалась живая, взъерошенная действительность со своими насущными вопросами, касаться которых науке было тогда боязно.

«Он вводил социологию в грех реализма», — объясняет «вину» Алексева его киевский друг, научный сотрудник Института истории партии при ЦК КП Украины Р. Ленчовский. Судьба Алексева — та «капля», в которой почти с «моделирующей» густотой проявились беды, переживаемые в застойные годы нашей социологией. Самая демократическая из наук была, по сути, лишена гласности. Один деятель, не стеснясь, призывал ученых: «Нам нужна социология — как кран: открыл — потекла информация, закрыл — все спокойно».

Научная работа в ИСЭПе все больше подменялась «неделовыми играми», администрация (директор И. Сигов) выясняла отношения с ведущими сотрудниками, муссировались слухи о каком-то «заговоре» против руководства, и «возмутитель спокойствия» Алексеев, хоть и был он далеко, нес неотлучную вахту у своего ПКР, представлялся чуть ли не «главой заговора».

Путь «на лезвии бритвы»

Сгушались тучи... Предвестником и по сию пору загадочных и возмутительно нелепых событий, с которых начались репрессии против Алексева, был один постыдный эпизод. На «Полиграфмаш» тайно от Алексева приехал его коллега, бывший секретарь парторганизации ИСЭПа В. Максимов и ознакомил руководство завода с его научными (разумеется, критическими) материалами социолога-рабочего, предназначенными для служебного — в институте — пользования. Вот, мол, какого троянского коня выпустили...

Алексеев не испугался угрозы. Не затих, вступил в неравный бой на социологическом фронте. Дело в том, что в январе 1983-го «стужа», воцарившаяся в ИСЭПе, перекинулась и в Ленинградское отделение ССА: авторитетного, десять лет председательствовавшего профессора В. Ядова решено было заменить профессором Б. Парыгиным, репутация которого весьма неоднозначна (в журнале «ЭКО» на книгу Парыгина была опубликована рекламация — фельетон «Осторожно — не работает!»). В голосовании участвовала лишь треть членов; Алексеев выступал, доказывая, что выборы неправомочны — нет кворума. Его не услышали. Он стал писать гневные письма. Ставил вопрос о судьбе ленинградской социологии в целом. Начались вызовы в инстанции.

Забегая вперед, скажу: ситуация точь-в-точь повторилась в 1985-м — опять не было кворума, опять «выбирали» Парыгина, опять Алексеев, уже в ту пору клейменный, но еще не исключенный из членов ССА, под-

нимал руку «против», потом писал, ходил. И только весной 1987-го на очередном отчетном собрании (оно проходило на революционном накале страстей) произошло то, чего так долго добивался Алексеев: работа бюро, возглавляемого Парыгиным, была признана неудовлетворительной, и недостойное бюро переизбрали.

Об Алексееве с трибуны того собрания было, в частности, сказано: «Он — гордость ленинградской социологии... Это политическая ошибка руководства ЛО ССА — игнорировать роль материалов А. Н. Алексеева для дела перестройки». Позже мне довелось присутствовать на Всесоюзной конференции ССА (она проходила под председательством академика Т. И. Заславской), где три дня подряд делегаты из разных городов то и дело вспоминали о «подвиге Алексеева» («мужественная совесть нашей науки...»). Сам Андрей Николаевич, хоть и был делегатом, в Москву не приехал — его не отпустил начальник цеха...

Но вернемся в сентябрь 1983-го. Алексеев завершил свой долгий ночной труд над статьей «Человек в системе реальных производственных отношений», собиравшись в тот день, выйдя с завода, дать телеграмму редактору сборника... У проходной его остановили три сотрудника ОБХСС и предъявили ордер на обыск. Цель обыска — изъятие валютных ценностей и других предметов, имеющих значение для уголовного дела некоего гражданина В., бывшего сотрудника ИСЭПа, обвиняемого в нарушении правил о валютных операциях.

...В малогабаритной трехкомнатной квартире двух ученых (жена Алексеева — доктор медицинских наук) изолированная комната отдана теще. «Кабинет» Андрея Николаевича — в проходной комнате за матерчатой занавеской. Отдергиваешь ее — и будто попадаешь в пещеру. Книги и рукописи на стенах, на полу, на подоконнике... Уму непостижимый хаос, а хозяин ориентируется с закрытыми глазами. У него своя сложная, оригинальная система составления архива. Каждая из его бесчисленных папок сюжетна. Среди научных заметок, писем, документов может лежать и театральная афиша, и листок с меню из столовой («если найду окурков, на котором отпечатался штрих времени, положу и окурков в архив»). Эти архивы — единственное богатство Алексеева, которым он трепетно дорожит.

И вот в этих архивах... искались валютные ценности. И ценности были изъяты. Правда, не валютные — свыше двух тысяч листов рабочих дневников, личных писем, научных отчетов, «могущих иметь отношение к делу В.». Алексеев не знал за собой вины, начал отстаивать свои права, опять, что называется, «лез на рожон», не ведая страха.

И вдруг он оказался виноватым, да еще опасней, чем тот валютчик В. Кстати, на суд над В. «свидетеля» Алексеева даже не вызвали. Произошло другое: эксперты усмотрели в его материалах «вредные оценки отдельных сторон нашей действительности». После чего изъятый из обращения архив был пущен в обращение... на «Полиграфмаш».

Опасно опережать время?

В дальнейшем, при всех исключениях, Алексееву предъявлялись три обвинения:

1. «Проведение социологических исследований политически вредного характера» (да, это та самая анкета «Ожидаете ли вы перемен?»).
2. «Написание и распространение клеветнических материалов на советскую действительность» (имеются в виду так называемые «Письма любимым женщинам» — Алексей с присущим ему юмором вел дневниковые записи обо всем происходящем на заводе в виде писем).
3. «Грубые нарушения порядка работы с документами для служебного пользования».

Сколько же души и энергии потратил Алексей, доказывая чистоту своих помыслов! Сколько же статей, которые могли бы стать жизненно важными для нашей экономики, он не написал! Два раза лежал в больнице — сердце.

На «Полиграфмаше» я встретила по крайней мере с тремя десятками людей и то и дело слышала отзвуки того потрясения трехлетней давности, которое пережил коллектив в связи с «делом Алексева». Перед ними выложили 700 страниц чужих писем (любопытные читатели могли встретить там нелестные отзывы и о себе лично) и предложили быть судьями. Известный на всю страну фрезеровщик-виртуоз «Полиграфмаша» Г. Богомоллов вспоминает: «Я в ужас пришел, когда меня включили в эту комиссию... Читать чужие письма?! Да вы с ума сошли!» Другие, видимо, читали с интересом. Все «нужные» места были услужливо подчеркнуты. Три цеховых активиста, с которыми я беседовала по совету администрации, вольно цитировали эти фразы, демонстрируя: с таким, как Алексей, «нам в перестройку не по пути». Начальник отдела кадров Л. Герасимова, разволновавшись до дрожи в голосе, показала мне пожелтевший листочек, на котором она делала для себя выписки из тех писем (сохранила!).

Для наглядности нужно привести хоть одну «крамольную» цитату из «Писем любимым женщинам». Например, о «разгильдяйстве». Она зачитывалась (по клочкам) на многих «разборах». А вот как звучит полностью:

«...Моя нынешняя социально-производственная ситуация вполне укладывается во введенную нами «формулу разгильдяйства». Элементами формулы являются: незаинтересованность, некомпетентность, безответственность.

Разгильдяйство может принимать человеческие, теплые формы, включать в себя стихийную доброжелательность, простоту отношений, готовность к взаимопомощи. Разгильдяйство в чистом виде выражено в низовом руководящем звене, не столь человеческом, как рабочий класс, но и не столь бюрократичном, как чиновники. Наконец, на более высоких ступенях социально-производственной иерархии представлена форма разгильдяйства... густо замешанная на бюрократизме, разгильдяйство как концепция жизни (в отличие от «жизни», представленной в низах).

Разгильдяи-мертвяки и разгильдяи — люди, с тонкой гаммой взаимопереходов и оттенков. Хотя я бы воздержался применять это понятие к отдельным субъектам. Это не опре-

деление человека, а социальное качество. Каждый человек в отдельности вроде бы и не разгильдяй, а в целом — массовое разгильдяйство».

На цеховом собрании, где Алексеева исключали из партии, было двое воздержавшихся. Это бригадиры, с которыми слесарь Алексеев работает. Они, Виноградов и Сычевич, до сих пор, пожалуй, не знают, как важна была их молчаливая поддержка.

Презумпция порядочности

В один из дней, которые я провела в Ленинграде, на «Полиграфмаше» произошло событие, озадачившее многих: на завод приехал второй секретарь обкома партии А. Фатеев, ни к кому не зашел, прямо — к станку Алексеева. Даже не зная деталей разговора, можно понять: занятой руководитель потому, наверное, нашел время для обстоятельной беседы с рабочим, что поверил — за этим станком стоит... правда, крайне нужная нам сегодня.

Ну, а дальше? Дальше — весьма неожиданный виток событий. «Полиграфмаш» берет на себя право высказать особое мнение насчет восстановления Алексеева в партии.

В характеристике А. Н. Алексеева (от 12.8.1987 г.) сообщается: он ударник коммунистического труда, рационализатор, рабкор «Трибуны машиностроителя», член ДНД, победитель соцсоревнования по накопительным счетам (между прочим, первый из победителей по заводу, но признать этот факт долго и упорно не желали) — ну просто идеальный рабочий. И вдруг:

«Активно участвует в собраниях... Выступления Алексеева носят критический, демагогический характер. Хорошо понимая в каждом случае суть конфликта, он умело и намеренно обостряет ситуацию, обостряет противоречия между рабочими и администрацией... Имеет явную склонность к сутяжничеству... Оказывает разлагающее влияние на рабочих цеха, в особенности на членов своей бригады, используя свою эрудицию... Судит о людях безапелляционно...»

Что ж, нельзя запретить людям оценивать человека и ситуацию, как им это давно видится. Преодолеть инерцию неприятия «строптивного» значит вырваться за пределы вчерашнего видения. Трудно, конечно, простить рабочему, если он говорит на собрании: «Можно подумать, у нашего начальства уши то ли на затылке растут, то ли, как узконаправленные антенны, воспринимают в одном диапазоне — сверху... «Вниз» умеют только распоряжаться, а не слушать. Зато «вверх» умеют только слушаться...» И приводит факты произвола и грубого отношения к рабочим начальников цехов. А они копируют этот стиль у генерального директора (и о директоре — факты). Жаль, не успею уже описать, как боролся Алексеев с обманностью выборов в цехком, как сражался против формального, показушного насаждения двухсменки, как разрабатывал новый метод соцсоревнования... Да он же мог бы стать на «Полиграфмаше» режиссером серьезных перемен. На самом высоком современном

уровне! Увы... Даже тихий его голос кое-кого раздражает, а уж его манера писать докладные... «Мы за ним следили, он и дорогу переходит только на “зеленый”. Каждый шаг обдумывает», — жаловался на «запрограммированность» поведения Алексеева председатель завкома Ю. Стукалов.

Но вот какое письмо написали рабочие цеха, узнав о той характеристике:

«...Мы глазам своим не поверили: не характеристика, а какая-то карикатура!.. Алексеев — один из авторитетнейших рабочих нашего цеха. Кому сейчас понадобилось так его порочить? Таких, как он, принципиальных, не отступающих от правды, настоящих коммунистов, не так уж много... А это иным нашим администраторам, конечно, не нравится... Они небось думают, что если Алексеева восстановят в партии, им вообще житья не будет. Написана не только неправда о нашем товарище, но и оскорбительно для нашего рабочего коллектива, которым кто-то будто бы может вертеть по своему усмотрению». 16 подписей.

В партийные органы пришли письма от социологов Ленинграда, Москвы, Таллина, Киева (за многими авторитетными подписями), они доказывают: результаты новаторского эксперимента Алексеева могут реально работать на перестройку.

Выход из «мертвой зоны»

А тем временем научно-практический эксперимент Алексеева превратился (особенно в последние два года) в непрестанную схватку. Дружья в тревоге: не пора ли уже «собирать камни»? А он, вместо того, чтобы засесть за статьи (ему сейчас в обилии посыпались заказы из серьезных журналов), тратится, допустим, на судебную тяжбу с начальником цеха Ярошем.

Под «сутяжничеством», о котором сказано в характеристике, имеются в виду иски Алексеева в суд. Их было три. Один — об отмене выговора, другой — о защите чести и достоинства. Первый процесс о защите чести и достоинства (иск предъявлялся руководству ССА) Алексеев выиграл. Два других, связанных с заводом, проиграл. Судьи даже понять не могли, чего хочет этот странный истец? Ну, вынесли ему выговор за то, что впервые за 7 лет опоздал (с обеда) на 7 минут. Формально имели право... Ну, назвал начальник цеха (на завкоме) критику Алексеева «клеветой», стоит ли из-за мелочей оскорбляться? И главное, на судах истец вел себя так, будто вовсе не хотел добиться успеха. От Яроша (он Алексееву в сыновья годится) хотел одного: извинения.

Я тоже недоумевала: зачем иски? Уж не увяз ли и он, Алексеев, в сведении личных счетов? Но вот побывала на том суде, где Алексееву было отказано в защите чести и достоинства. А Ярош, не пожелавший извиниться, ушел уверенным победителем, и поняла: да этот суд мог бы — при другом исходе — стать молодому руководителю... подарком. Раньше за оскорбление чести вызывали на дуэль, теперь можно пойти в суд... В цехе тот суд вызвал горячие дебаты, в среде ленинградских социологов — тоже. Вот и оправдалась установка Алексеева: «Я выиграю, даже проиграв».

«...Всякий более или менее нетривиальный (в глазах окружающих), но органический (для данного человека) поступок есть «мини-вклад» в расширение поля свободы» (из дневника).

Даже некоторые из друзей упрекают Алексеева в максимализме: «Ты — голый принцип. Воюешь с бюрократической машиной, но забываешь, что ее “шестеренки” состоят из живых человеческих характеров. Не жестокость ли это — возлагать на функцию ответственность за целое?». Вопрос прямо по Достоевскому — о нравственной «дозволенности»: имеет ли право человек, безжалостно относящийся к самому себе, быть беспощадно требовательным и к окружающим?

Но вот еще важный нюанс: лично для себя Алексеев никогда ничего от окружающих не требует. Даже в самые черные периоды своей жизни, даже от друзей не ждал помощи, наоборот удерживал: «Мне это не поможет, тебе может повредить». Все, что делали для него друзья (а делали многое), было «не столько ему, сколько нам нужно». «Алексеев самым фактом своего противостояния помогал мне избавиться от страха», — услышала я от одного из самых благополучных его друзей. Другие говорили о выходе из ощущения безнадежности.

«...Я все равно буду карабкаться на скалу, если даже мне никто не даст спасательной веревки. Моей целью не является организация бригады скалолазов. Но моя цель — показать, что подняться возможно» (из дневника).

Сознание общественной значимости своих действий, умение посмотреть на ситуацию со стороны и из будущего, способность не поддаваться на постановку вопроса «гонителей» (они вечно толкают нас в положение «оправдывающихся») удержали Алексеева от той бездны, на краю которой, увы, стоят многие правдоборцы, рискуя превратиться в фанатика или жертву.

...В одном из рационализаторских предложений слесарь Алексеев предложил способ обработки «мертвой зоны» (так называлась часть детали, не поддающаяся штамповке из-за ограниченных возможностей станка). Просто взял и перевернул деталь — «мертвая зона» исчезла. Завод на этом получил немалую экономию.

И вот думаю: какую же огромную нравственную выгоду получит общество, если научится, наконец, ценить людей, умеющих «перевернуть шаблон»? Речь даже не о том, чтобы создавать им условия благоденствия. Нереально это! Чем острее критика, тем ожесточеннее противодействие. «Зажимщики», чтобы выжить, **вынуждены** преследовать социально активных людей, объявлять их лжецами, наклеивать (что особенно удобно!) всевозможные ярлыки. И вопрос сегодня в том, чтобы обеспечить нравственный престиж, создать правовые гарантии для **максимальной самоотдачи** таких людей.

И хватит уже удивляться, что самоочевидная, важная для всех правда нередко встречается в штыхах теми, кто должен ее практически приме-

нить в жизнь. Как известно, несовпадение общих, государственных интересов и интересов групповых — один из рифов перестройки.

«Ожидаете ли вы перемен?». Социолог-рабочий на свою анкету отвечает своей жизнью: **«Перемен нельзя ожидать, их надо делать».**

Лидия Графова

Ленинград — Москва

(Литературная газета, 23 сентября 1987 г.)

[Выступление центральной газеты, с 3-миллионным (тогда!) тиражом, в защиту социолога-рабочего получило большой общественный резонанс.

Правда, еще до этого социолог-испытатель успел выиграть дело о защите чести и достоинства у секретариата Советской социологической ассоциации, получить безусловную поддержку научно-профессионального общества и не менее энергичную поддержку рабочих из своего цеха.

Однако именно после публикации очерка Лидии Графовой возникло общественное мнение, имевшее решающее значение для последующего развития событий. — А. А.].

* * *

**От киевских социологов — Л. Графовой. Телеграмма
(сентябрь 1987)**

Л. Графовой. Гульрипш Абхазской.

Что было в джунглях мертвой зоной сейчас узнали миллионы тчк Спасибо Вам святое дело преодоление пределов = Любящие Вас киевские друзья Андрея. 23.09.87

* * *

**Из киностудии «Мосфильм» — Л. Графовой. Телеграмма
(сентябрь 1987)**

Л. Графовой. Гульрипш Абхазской.

Срочная. Уважаемая Лидия Ивановна тчк Творческое объединение Слово киностудии Мосфильм заинтересовалось Вашим очерком Преодоление пределов тчк Готовы обсудить условия постановки тчк Наш телефон — <...> = Художественный руководитель творческого объединения Черных. 25.09.87

Ремарка: Лидия Графова — журналист-правозащитник.

Лидия Ивановна Графова — журналист и правозащитник... Корреспондент «Литературной газеты», одна из ведущих публицистов страны периода «перестройки» (открыватель ранее запретных тем, автор серии очерков о «правдоборцах»).

В последнее десятилетие стержневой темой журналистского творчества Л. Г. стала защита беженцев и вынужденных переселенцев. См., например, замечательную книгу: Л. Графова. Беженцам из Чечни бежать некуда. Сборник газетных публикаций. М.: Координационный совет помощи беженцам и вынужденным переселенцам, 2000.

Из предисловия А. Аслаханова к этому сборнику:

«...Да, Графова — необычный журналист. Ее поразительное упорство, я бы сказал — “заикленность” на одной проблеме, решению которой она во что бы то ни стало хочет помочь своим пером, в нынешние времена может показаться «донкихотством». Современная журналистика все больше оправдывает название “второй древнейшей профессии”. Многие ли из “крупных” журналистов думают о том, как их слово отзовется в жизни? Многие ли верят, что газетными строчками можно кого-то защитить и спасти? Разоблачить, “замотать” — пожалуйста. Но — спасти?» (Указ. соч., с. 3-4).

(Май 2003).

16.2. Разговор героя с Автором. «Аргумент перестройки»

А. Алексеев — Л. Графовой (сентябрь-ноябрь 1987)

[Ниже — композиция извлечений из писем автора, адресованных Л. И. Графовой, после публикации очерка «Преодоление пределов».³ — А. А.]

Дорогая Лидия Ивановна!

<...> Сразу оговорю, что пишу это письмо — Вам, но и себе также. Вот и возрождается жанр «Писем Любимым женщинам»...

Штиль в эпицентре тайфуна

...Друзья познакомили меня с номером 39 «Литгазеты» еще во вторник, 22 сентября, т. е. накануне его выхода. «Выкрали» из ленинградской типографии, где печатается местная часть тиража «ЛГ».

Во вторник же стало известно, что Анатолий Головков, честно сообщивший своему гл. редактору о Вашем «спурте», фактически подписал приговор своему материалу в «Огоньке». Тот был вынут из набора, предназначавшегося чуть ли не для номера 39 журнала.

Пусть это не вызовет Ваших терзаний. Наверное, так же поступил бы главный редактор «ЛГ», узнав, что его газету опередили.

Мне очень приятно, что у Вас с А. Головковым возник личный контакт. Пусть конкурируют учреждения, а люди — сотрудничают...

Ремарка: «Литературная газета» и «Огонек».

Дело в том, что, независимо от «Литературной газеты», тема эксперимента и «дела» социолога-рабочего привлекла тогда внимание также и журнала «Огонек».

В отличие от Л. Графовой, занимавшейся сбором материала для очерка с весны 1987 г., спецкор «Огонька». Анатолий Эммануилович Головков впервые приехал в Ленинград по этому поводу в сентябре 1987 г. Он оперативно написал свой очерк, под названием «Полигон», который, однако, не увидел

³ Уже тогда для цикла этих писем придумалось общее название: «Разговор героя с Автором». Фрагменты настоящей композиции озаглавлены мною сегодня.

света, поскольку А. Г. по-джентльменски уступил дорогу коллеге, узнав, что редколлегия «ЛГ» приняла решение опубликовать материал Л. Графовой.

Позднее (в мае 1988 г.) уже другой очерк А. Головкова на эту тему («...мир погибнет, если я остановлюсь») появится на страницах журнала.⁴ (Март 2001).

...В среду, 23 сентября, во второй половине дня «Литгазета» уже висела на стенде под названием «Обновление», заведенном Леонидом Кесельманом в ИСЭПе еще со времен XXVII съезда. Интерес был чрезвычайным. Кто-то газету со стенда сорвал (подозревают «кожаного Вовика»). Вывесили другой экземпляр и, кажется, установили «караул»...

На заводе же 23 сентября, понятно, **ничего не происходило**. Я лишь поинтересовался у ответственных лиц судьбой своих весенних предложений по экономии ресурсов, понимая, что на следующий день делать это будет уже неудобно.

В среду вечером мой телефон раскалится до того, что пришлось его отключить, чтобы остыл. А в четверг, 24 сентября, я круто отказался от прославленного Вами метода «наблюдающего участия» и занял классическую позицию «включенного наблюдателя» реакций на выступление «ЛГ» на заводе. Вот что я наблюдал.

Первым мне про газету сообщил в столовой (12 час.) Игорь Виноградов, сам еще не читавший, но знающий, что там «про наше начальство, и тебя упоминают...». Я проявил сдержанный интерес, сказал, что дома посмотрю «ЛГ», я ее выписываю.

Вторым прискакал Миша Гущин (из нашей бригады):

— Ты не читал Литгазету? Там про тебя статья!

— Вот как? А откуда ты знаешь?

— Брикачиха сказала...

(Жена Сани Брикача из виноградовской бригады, сама же она работает табельщицей).

Стало быть, знают уже и в цеховой конторе... (Виноградов же слышал от сотрудника КБ, т. е. не в цеху).

Миша, как и Виноградов, просит завтра принести газету (обычно я все интересное вывешиваю на бригадном стенде). Но на этот раз придется им обойтись без меня...

Информация на наш участок проникла, похоже, как сверху, так и снизу. Источником информации «снизу» был, оказывается, Коля К., фрезеровщик с другого участка, пришедший меня поздравить после обеда. Он выписывает «ЛГ», пустил ее по своему участку, и в контору занес — пусть посмотрят.

— Что ж ты мне не показал? — спрашиваю.

Полчаса спустя Николай приносит газету, я прочитываю заголовок и... возвращаю ему:

⁴ Извлечения из этого очерка см. ранее, в томе 2 настоящей книги: раздел 8.1. См. также ниже, в этой главе.

— Ладно, я уже договорился, что зайду после работы в редакцию (заводской газеты), прочитаю. (Дело уже к концу дня).

А то — у Коли за этой газетой целая очередь. Он и сам-то только проглядел статью «про наше начальство и про меня».

...А мне, действительно, в промежутке между двумя его визитами позвонила сотрудник многотиражки Наташа Поречная:

— Тут про Вас статья в Литгазете. Приходите скорее!

— Да ну! После работы зайду.

Как я узнал 24 сентября, уже после работы, в парткоме завода газету читали еще утром (принесла зав. парткабинетом). «Посторонним» не давали. Зафиксированы первые реакции...

Председатель партийной комиссии С.: «Из статьи получается, что портрет А. надо теперь вывешивать рядом с портретом Горбачева...».

Председатель завкома Стукалов: «Написана статья хорошо. Только Графова в социологии ни бельмеса не понимает. (Он сам, понятно, понимает!.. — А.). И вообще, я опоздал на встречу с нею, и она на меня потому разозлилась...».

Кто-то из парткомовцев: «Из статьи получается, что мы все как шакалы на одного...» (Не сказано, какого зверя. — А.).

Такие вот спонтанные реакции официальных лиц, и одновременно речевые автохарактеристики.

(Завтра я не принесу с собой газету. **Не хочу влиять на ход вещей!**)

25 сентября (пятница).

Миша Гушин спрашивает:

— Принес газету?

— Нет. Похоже почта потеряла.

Утром замечаю в руках у Ивана Овчинникова (из виноградовской бригады) лист газеты. Не поручусь, что та самая... Мне за 10 метров не очень хорошо видно.

Потом газета куда-то исчезает. Часа через два подходит Валентин Косульников (из бригады Виноградова):

— Почитай-ка там... «Известия».

Бог мой! Статья А. Ежелева «Исключение» (25 сентября) — о нашем заводе и о Геннадии Богомолоче. (На случай, если не попадалась Вам на глаза во время отпуска, вкладываю вырезку).⁵

Читаю за верстаком у Виноградова. Тот подходит:

— Не завод, а сплошная литература...

Мда. Не соскучатся в парткоме!

«ЛГ» же, по словам Игоря, сейчас у Вити Ильина (или — он ее принес). Виноградов сообщает, что читал «Литгазету» бегло:

— Правильно там написано?

Отвечаю:

⁵ Полный текст этой статьи см. ниже, в приложениях к этой главе.

— Факты все правильны.

В обсуждение не углубляемся.

Но вот Витя И. устраивается для чтения газеты, явно не «Известий» (те продолжают валяться на виноградовском верстаке). Кто-то еще подходит, читают вместе, бурно обсуждают, передают в мою бригаду, там тоже очень заинтересованы. Я себе штамую...

Миша Гущин:

— Андрей, почитай, а то унесут.

Иду читать... «Советскую Россию», от 20 сентября: «Слепой захват», о попытке группы военнослужащих угнать ТУ-104 за границу из уфимского аэропорта.

Вот такое переплетение «сенсаций»! Не завод, а литература... Не цех, а читальный зал...

Но в отличие от «Известий» и «Сов. России», «Литгазету» на верстаке не бросают. Похоже, передают из рук в руки, читают «из-под полы».

По ходу работы мне понадобилось зайти в БТП (бюро технической подготовки, или цеховую контору). За одним столом читают «Известия», за другим — «Литгазету». Но на участке я последнюю больше не видел (если утром была именно она).

Больше в течение пятницы, 25 сентября, ничего имеющего отношения к публикации «ЛГ», заметного для меня, не произошло. Если не считать... звонка от начальника отдела кадров Л. Герасимовой, упоминаемой в Вашей статье.

Сообщает предупредительно и как-то растерянно:

— А. Н., здесь (т. е. в отделе кадров) человек, который хочет с Вами встретиться.

Выражаю смущенную озабоченность, что Лариса Львовна вынуждена заниматься устройством моих встреч.

Пытаюсь выяснить, зачем меня ищет этот человек. Из обмена репликами, слышного мне по телефону, извлекаю, что вряд ли смогу быть ему полезен, что и говорю Герасимовой. Та:

— Да, А. Н., это, пожалуй, **не ваш вопрос**. (Говорит как «свой своему», — между нами-чиновниками). А. Н., а как в следующий раз мне поступать? Звонить Вам? (Ну и ну!).

(После работы в приемной отдела кадров мы встретились с читателем Вашей статьи, и вопрос, похоже-таки, **мой**. Но это уже другая тема).

В субботу, 26 сентября — субботник. Накануне мне домой звонил Генна Богомолов. Встречаемся на заводе в субботу. Тот рассказывает о визите к нему секретаря парткома Михайлова:

— Он мне про «Известия», а я ему про «Литгазету»... Мол, сочувствую — Вам (Михайлову) с характеристикой Алексева не повезло.⁶

Михайлов — Богомолову:

---

⁶ См. ранее: раздел 15.10.

— А вот ко мне подходили из 3-го цеха, говорят, что не согласны со статьей Графовой...

Так, «первый звонок»!

В субботу же узнаю о бурных дебатах по поводу статьи Графовой между Николаем Лукашевичем (старший контрольный мастер, Вы с ним встречались) и Александром Червяковым (один из наших «активистов»). Формируется группа «сопротивления Алексееву», говорит Николай.

Токарь, работающий рядом с Червяковым, подходит во время субботника ко мне (я с ним едва знаком) и вдруг произносит такой страстный монолог о нашей жизни и «ответственности перед потомками», что я даже растерялся. «Я и без статьи знаю, что ты человек хороший, но вот как дальше жить?!» (его слова).

Таковы события первых трех дней.

А дальше страсти или улеглись или канализировались в сферы, мне не видные (я же по-прежнему — только «включенный наблюдатель»). Газета продолжает гулять по цеху, но до бригады моей, как материальный предмет, похоже, так и не дошла. **Слышали**, пожалуй, все, может кто и просматривал, но от начала до конца вряд ли читали.

Мои ближайшие товарищи по работе или демонстрируют, или в самом деле считают (последнее вероятнее), что ничего тут нет особенного. Думаю, что это своеобразный и парадоксальный поведенческий комплимент мне и Вам.

Вы сумели написать так, что вокруг бушует тайфун, а в эпицентре — полный штиль. Из события статья «ЛГ» в считанные дни превратилась... в «миф».

Кто-то (Сыцевич, Русинов, из моей бригады) обнаружил осведомленность, что моя жена — доктор наук (раньше не знали).

Миша Гушин говорит, что читал, но у него в этой связи не возникло ко мне **никаких вопросов**. Он как бы все «и раньше знал».

Если появится объявление о партийном собрании с повесткой дня — обсуждение статьи в «ЛГ» от 23 сентября, я, пожалуй, изменю своей нынешней позиции «включенного наблюдателя» и вывешу газету рядом с объявлением. Пожалуй, тогда и только тогда она из «мифа» превратится обратно в «событие».

И вспыхнут страсти также и в эпицентре. <...>

Поддержала, не навреди...

Графова не может без **открытий** (социальных, нравственных, публицистических).

Конечно, всякое духовное открытие — отчасти и **изобретение** тоже (не без этого!). Но открытие, даже в Комитете по открытиям и изобретениям, котируется выше изобретения... Так вот, является ли открытием этот очерк?

Думаю, да. Не «меня» открыла, а явление, духовный процесс, общественный сдвиг. Не «феномен Алексеева», а «феномен, открытый Графовой» (так что нескромным мое утверждение, пожалуй, не является).

Поддержала, не навредив, благодаря найденной тональности, настолько сдержанной, насколько на это способна эмоциональная Графова, даже кто-то сказал — «остраненности», своего рода — «не агрессивности». Вот уж и впрямь — борьба **не против, а за**, даже за тех, кто против...

Как ни парадоксально, прагматическая задача защиты А. публицистическими средствами решается как бы отсутствием видимой защиты. Мол, и защищать не надо, он сам себя то ли уже защитил, то ли защитит. Вот за это — спасибо!

Вы как бы встали в один ряд с теми, кто совершал в моей связи поступки потому, что это ему нужно самому. А не протянул руку, чтобы спасти. Действительно, зачем спасать того, кому это вроде и не надо?

Форма поддержки: Вы не вынуждаете даже тех, кто упомянут в статье, к «встречной агрессии» (вспомните Герасимову, Стукалова). Вы их **объясняете** (может, даже самим себе). Конечно, не всякому приятно, когда его «объясняют». Но вроде можно и стерпеть, кость не застрянет в горле...

Разумеется, Вы не перевоспитаете своей статьей ни Стукалова, ни Парыгина, ни Яроша. Вы им помогли в одном — проглотить пилюлю. Другое дело — надо ли было облегчать жизнь А. после Вашей статьи. Но, вероятно, Вы этого хотели и, думаю, достигли.

Статья Графовой на этот раз не только не напрашивается на «опровержение» (опровергать можно и более очевидное), но даже вроде на ответ о «принятых мерах» не претендует. Она отчасти включает сообщение о мерах, «принятых» самим героем очерка, его коллегами-единомышленниками, его товарищами-рабочими, даже партийными органами.

«Меры» — процесс, а не постановление. Мерами здесь могут быть только общественные перемены, а не вывешивание А. на заводскую Доску почета или партийный выговор Михайлову или Сигову.

В известном смысле Ваша статья также и «журналистское изобретение». Этот Ваш новый жанр, в отличие от традиционной проблемной статьи, с одной стороны, и монографического очерка, с другой, можно определить как **драматический очерк**. Страсти в нем кипят и вроде не только не утихают, а наоборот. Но в этом оказывается... счастье, способ жизни и залог общественного развития.

Вы словно укоряете читателя: «Ну как ты можешь так скучно жить?..».

Тут, конечно, есть опасность «апологии героя». Только по отношению к его персоне у Графовой прорывается эмоциональность, автор словно загипнотизирован героем... Вы как будто вернулись, на новом витке спирали, в свою «комсомольскую» (времен работы в «Комсомольской правде») молодость, когда Вы восхищались больше, чем страдали, эталонный социалистический (?) романтизм.

Но вот автор [*Л. Графова. — А. А.*] прошел сквозь горнило статей о «гонителях» и «жертвах», даже новую статью в УК РСФСР [*о преследовании за критику. — А. А.*] организовал, написал социально-нравственный и публицистический шедевр «Без покаяния» и вдруг... как будто увидел свет в тумане!

Я, вообще говоря, чувствовал бы себя уютнее в роли прототипа Вашего героя как такового, а не — чуть ли не Героя с большой буквы (в Вашей интерпретации). Ведь апология страшна для живого человека, как с точки зрения его собственного восприятия, так и восприятия его окружающих.

Вы сами почувствовали эту опасность. И выход нашелся — в бытовых, «дегероизирующих» штришках, иногда на грани вызвать досаду самого героя... Так создается видимость чуть ли не полной объективности субъективного автора, который «не пощадил» своего героя. Но, так или иначе, это позволяет «проглотить» и «мужественную совесть социологии» (по счастью, Вы здесь лишь кого-то цитируете), и «неукротимого Алексеева» (а это уже Ваше!).

Но есть и контрапункты, т. е. автор как бы демонстрирует, что не совсем «потеряла голову».

Но вот мой друг, рабочий Валерий Ли, считает иначе. Он сам собирается написать Вам. По его мнению, Вы слишком сентиментальны, «со-страдательны»... Он считает, что:

«...пришла пора дать по зубам бюрократу его же собственным оружием. Мой принцип защиты прост: на каждую подлость — двойной удар, а уж чем бить, противник подскажет сам. К нашему общему счастью, среди нас нет врагов, а действия противников А. можно объяснить тем, что они дети своего времени. И для их же блага их надо почаще грамотно бить. Никогда старое, укоренившись, не сдавалось по своей воле...». (Это из его заметок).

...Вы интерпретировали Алексеева. Я интерпретирую Графову. Наши с Вами интерпретации — не единственно возможные. Но важно не только **что** сказано, но и **кем** сказано. На вопрос, понравилась ли мне статья Графовой, я обычно отвечаю: «Я счастлив быть ею замеченным...».

Возвращаясь к моей телеграмме от 23 сентября, повторю: «Вы перевернули шаблон и прошли по лезвию бритвы». И добавлю, вслед за любимой мною М. Цветаевой: «Творению предпочитаю Творца!». Еще кое-что добавлю.

Ваше «соперничество» с А. Головковым, похоже, не исчерпано выходом «Литгазеты» вперед «Огонька». Дружба с Рэмом Баранцевым все время побуждает меня к «триадному мышлению». Так вот, экспериментальная социология интерпретирована Вами **нравственно**. У Головкова вероятна **политическая** интерпретация. Третья интерпретация — **научная** — вроде за мной.

Может, и не сумею, и не успею (поймал себя на том, что повторяю собственные слова, произнесенные однажды — в адрес своих оппонентов, их шансов «перестроиться»). Тогда это сделает кто-нибудь другой...

Читательские отклики

Они имеют вид: телефонных звонков домой (телефон выясняют по обнародованным Вами паспортным данным) или на завод (дозваниваются и до цеха); писем, поступающих на завод (я получал их в заводской канцелярии); установления контакта через опосредованную цепочку общих знакомых.

Я имею в виду только не знакомых мне ранее людей...

У открытой Вами «звезды» просят не автографов, и — за несколькими исключениями — не помощи в утилитарном смысле, а ищут **гражданского общения**. (Раза два обращения начинались словами: «Я не из организации, я просто человек...»). Угадывают Со-товарища, Со-ратника, Со-участника.

Нарисованный Вами образ обязывает меня ему (этому образу) соответствовать. Когда люди обращаются к Человеку, он не может держаться даже как депутат (там все-таки — функция...). Будучи сам по себе субъектом, которому нелегко сесть на шею, я исхожу из презумпции значимости и осмысленности каждого обращения и ищу органичного соединения мягкости и жесткости.

Индивидуальные заморочки не обсуждаются мною без сложенных в хронологическом порядке документов. Изобретатели «философских камней» вынуждены излагать свои рецепты спасения человечества письменно, иначе, говоря, толку от меня, как эксперта, не будет. Подготовка к личной встрече у адресующихся иногда занимает неделю-две.

(Одна сотрудница обществоведческого института, озадаченная мною в разговоре по телефону, через две недели позвонила, чтобы сообщить, что пока «не может» сформулировать свои вопросы ко мне, очень извинялась. Я выразил полную готовность подождать столько времени, сколько ей для этого потребуется...).

Когда встреча происходила, я обычно начинал с ознакомления с текстом, адресованным, разумеется, не мне, но мною отчасти стимулированным. Были встречи и «без текста», но если разговор заслуживал продолжения, человек уходил обремененный проблемой письменной разработки.

Места встреч: приемная отдела кадров; скамеечка в сквере; мой дом; другой дом. Среди собеседников был один фанатик трезвости (впрочем, симпатичный человек, хоть и фанатик); один сочувствующий обществу «Память»; один носитель абсолютной истины в деле общественного развития... Не могу сказать, что я жалею «потерянного» с ними времени. Но и не позволил этим временем злоупотреблять.

Пожалуй, не меньше было и «подарков судьбы» (может быть, правильнее говорить — «Ваши подарки»). Рабочий «Красной зари», организатор-секретарь рабочего общественно-политического клуба⁷; жен-

⁷ Виктор Максимович Тягушев. См. о нем ниже, в главе 17.

щина-инженер, близкая к молодежным группам экологии культуры, размышляющая о способах кристаллизации общественного мнения (я побудил ее к написанию трактата); научный сотрудник медицинского института, поначалу стихийный, а теперь уже и сознательный экспериментатор «на себе» в сфере партийной жизни; кинодраматург из Челябинска, которому «Ленфильм» предложил написать сценарий художественного фильма, где главным действующим лицом будет человек типа Г. Богомолова...

Еще один человек, встречу с которым предвкушаю уже больше месяца. Он позвонил по телефону, чтобы... дать мне советы. Несомненно, он имеет на это право. В 1983 г., в знак протеста, по мотивам отнюдь не личным, он заявил о своем выходе из партии, в которой состоял несколько десятков лет. В ответ — его исключили. Он еще до апреля 1985 г. сумел добиться отмены исключения, поскольку, как он справедливо утверждает, вышел из партии добровольно, **сам**. В прошлом же году [1986-м. — А. А.] добился еще более поразительного социального результата: решением бюро Ленинградского обкома КПСС восстановлен в партии с сохранением партстажа...⁸

Вот такие отклики, эффекты... Кое-что подобное происходит и на заводе.

<...> Посылаю Вам несколько писем от читателей «ЛГ» — герою «Преодоления пределов». В сочетании с самыми первыми (по времени) читательскими реакциями, отраженными в первом письме героя к Автору, этот отчет даст более или менее полное представление о роли Вашего произведения в качестве индуктора «гражданского общения» (не смешивать с «гражданской защитой», с одной стороны, и «гражданским использованием», с другой; кажется, опять триада, по Баранцеву).

Инициативы других средств массовой информации

<...> [Здесь опущен обзор таких инициатив, т. е. публикаций о социологе-испытателе в других СМИ, и т. п. О некоторых из них пойдет речь в этой и следующей главах ниже. — А. А.].

...Вот так «гражданское использование» начинает постепенно замещать «гражданскую защиту» и «гражданское общение», хоть жесткой разграничительной черты здесь, понятно, провести и нельзя <...>.

Активность социологической общественности

Первым на «Преодоление пределов», пожалуй, откликнулся Президиум ССА. В. А. Ядов рассказывал, что на Президиуме в начале октября

⁸ Оказывается, формула «восстановить в рядах КПСС, без перерыва стажа», «присоветованная» автору весной 1987 г. секретарем Ленинградского обкома А. Фатеевым (см. выше: раздел 15.8), уже имела к тому времени прецедент применения к инакодействующему (инакомыслящему...) бывшему ее члену. Этим нестандартным случаем (к сожалению, в моем архиве не сохранилось каких-либо еще сведений о телефонном собеседнике, не помню и фамилии) была предвосхищена форма партийной реабилитации автора.

был утвержден текст письма в «ЛГ», в котором выражается благодарность газете за энергичную поддержку и защиту профессиональной чести и достоинства социолога А. Формулировки эти воспроизводит мне по памяти В. А. Текста я не видел. Было ли письмо отправлено, поступило ли в «ЛГ» — пока не знаю.

<...> [Здесь опущено описание заседания бюро Северо-Западного отделения ССА 16.10.87, где социолог-испытатель выступал с отчетом о своей работе. — А. А./].

Активность социологической и вообще научной общественности в ИСЭПе нарастает и безотносительно к моей персоне.

Очередной «импичмент» произошел у И. Сигова в конце октября на отчетном партийном собрании института. За истерическое предложение Сигова произвести перевыборы не устраивающего его партийного бюро проголосовали лишь 3 чел. из 80 (сам Сигов и еще кто-то).

Только позднее время (дело было около 24 час.!) спасло директора института от вывода его из состава партийного бюро, что было бы окончательной гражданской смертью...

(Кстати, «кожаный Вовик»⁹ на партсобрании требовал... защиты его «партийной чести» от оскорбления, нанесенного ему Вашей статьей. Но не нашел поддержки даже у Сигова...).

На заводе: «постоянно действующий фактор»...

Тут тоже не соскучишься.

История с подготовкой к созданию органов производственного самоуправления на «Ленполиграфмаше»¹⁰ Вам отчасти известна. Как выразился на бюро СЗО ССА А. Марьяненко (социолог, консультирующий руководство нашего завода по договору, заключенному профсоюзным комитетом с фирмой «Майнор-Нева»), Ваш герой «стал постоянно действующим фактором “Полиграфмаша”». По его свидетельству, «какой бы серьезный шаг в деле управления ни предпринимали руководители объединения, они сначала обсуждают, как к этому отнесется и что примет А.». (Ну, штатному консультанту это виднее, чем мне...).

Вообще же, оценки деятельности социолога-рабочего на заводе противоречивы. Местная газета пишет в отчете о заводском собрании, где обсуждалось Положение о совете трудового коллектива (СТК):

«...Выступление А. Алексеева — урок демократии, гласности, если хотите, мужества. И то, что это единственное выступление, которому зааплодировали, говорит о поддержке большинства присутствующих» (Трибуна машиностроителя, 11.11.87; автор отчета — Н. Поречная).

Другая точка зрения выражена в докладе секретаря парткома Михайлова на партийном собрании 27 октября:

⁹ В. В. Максимов, бывший секретарь партбюро ИСЭП АН СССР, упоминаемый в очерке Л. Графовой.

¹⁰ См. об этом подробно ниже, в главе 18.

«Как показало предварительное обсуждение модели Совета, регламента его выборов, проведенное профкомом, у нас есть отдельные (! – А. А.) трудящиеся, которые всячески стараются изменить ситуацию (! – А. А.), внести сомнения в коллектив о правильности избранного пути, породить неверие руководству...» (Из отчетного доклада). -

Как видите, одобряют А. теперь открыто, а осуждают намеками. Это можно отнести за счет выступления «ЛГ».

Отказ от попыток утверждения заведомо бюрократического проекта и выработка новых рекомендаций по развитию самоуправления на нашем заводе были компромиссом, выработанным, как я понимаю, консультантом фирмы «Майнор-Нева». Социолог-рабочий немедленно откликнулся рецензией («Сверюсь с Законом»), которая будет на днях напечатана в заводской газете.¹¹

Страх у местной администрации перед героем публикации «ЛГ», действительно, велик. Рискну нескромно утверждать, что общезаводское партийное собрание, проходившее во Дворце им. Ленсовета, сделали (это нынче-то!) закрытым, чтобы, не дай бог, А. там не выступил. Зато на торжественный митинг — пригласили... чтобы вручить диплом победителя соревнования в честь 70-летия Октября.

Все это происходит на фоне глубокой тряски, которую испытывает предприятие на пороге перехода на самофинансирование. Растратив все заделы, а может и с приписками (не удивлюсь!), «Ленполиграфмаш» получил-таки переходящее Красное знамя Министерства, по итогам за III квартал.

У нас говорят: как же завод мог занять первое место, если ведущие цеха в течение нескольких месяцев подряд срывали план чуть не наполовину (!). (Генеральный директор заявил на собрании, что за оставшиеся два месяца надо выполнить план пяти месяцев; «умножить 2 на 2,5» — его выражение).

Вместе с тем, усугубляется дефицит работы, в частности, и на нашем участке. Нашу бригаду, например, в октябре недозагрузили на сумму около 700 руб. (из 2200, кажется). Тут уж никакие сверхурочные не помогут. В пятницу — простой, а просят выйти в субботу. В порядке компенсации за все это безобразие, бригаде 700 руб. «доплатили».

После этого начальник цеха Ярош вызвал всю нашу бригаду и стал распекать:

— Я вам заплатил, а у вас только двое в субботу вышли...

Тут мне пришлось ему ответить (в присутствии бригады и молчаливого треугольника цеха), так что, по общему мнению, «накачку» получил начальник цеха, а не бригада...

Но вернусь к Вашей статье. Хотите разгадку «штиля в эпицентре тайфуна», о котором я писал в первые дни после публикации «ЛГ»? Да это же естественная реакция ближайшего окружения «героя» — выжидание, как он поведет себя **после?**

¹¹ См. ниже, в этой главе.

А он — никак себя не ведет, точнее — не ведет себя иначе, чем до этого. Своего рода экзамен по «медным трубам»...

(Интересно, что то же повторилось и с моей женой [*Нелли Алексеевна Крюкова*. — *А. А.*]. Полтора месяца ее сотрудники, по их выражению, наблюдали за ней и ждали, когда же она «засветится» как супруга Вашего героя. А она — ни гу-гу... Пришлось обнаружить свою осведомленность о выступлении «Литгазеты» им самим. А сын Нелли [*Алексей Борисович Крюков*. — *А. А.*] узнал про газету случайно — вовсе не от матери. Пошел почитать Вашу статью в библиотеку, а там в подшивке... именно эта страница выдрана).

В бригаде первым нарушил «заговор молчания» Женья Рыжов, которому принадлежит инициатива той самой «характеристики от рабочего класса», что Вы цитируете. Он вышел на работу после бюллетеня недели полторы спустя. Для Жени публикация «ЛГ» была праздником, которым он делился со всеми (хоть без меня, хоть при мне).

А знаете первую его реакцию? «Она же у меня целый абзац слямзила!..». Имелось в виду, что Вы описали какую-то из ситуаций, которую он подробно излагал корреспонденту «Огонька». Я защитил Вас, объяснив, что Вы могли услышать про это от кого-нибудь другого. (Вы с Женьей на заводе не встречались). Впоследствии он дал в целом очень высокую оценку Вашему публицистическому творчеству.

Участилось паломничество к Вашему герою на заводе.

<...> Есть в КБ женщина-инженер, работающая за кульманом почти как Богомоллов за своим фрезерным станком. Ее конфликт с начальством и сослуживцами — почти один к одному как у Богомоллова. Месяц назад она отказалась от премии, как от подачки, не соответствующей ее действительной выработке. В коллективе — буря. Теперь нас уже трое: Валентина Львова, Геннадий Богомоллов и А.¹²

* * *

В заключение приведу текст письма Рэма Баранцева В. Гладкову, еще одному «человеку, который мешает» (статья Л. Савельевой в «Известиях», 24.10.87)¹³:

«Уважаемый Виктор Иванович!

Поздравляю Вас с выходом на глобальный масштаб социальной значимости: с кого много спрашивается — тому много дано.

Совесть, честь, достоинство — необходимы для жизни общества. В периоды замирания они хранятся как семена, а веснами дают свежие всходы.

С появлением газетной статьи борьба, как Вы, вероятно, уже ощущаете, не кончается, а переходит в новую стадию, более ответственную. Это помогает справляться с “медными трубами”, но и заставляет подниматься на следующий уровень социальной активности.

¹² Конфликт вокруг конструктора КБ «Ленполиграфмаша» Валентины Николаевны Львовой продолжался и в 1988 г., о чем рассказывалось в газете «Трибуна машиностроителя» 6.04.88 (статья Н. Поречной «Зачем нарушила покой? Перестройка и конфликт»).

¹³ За несколько месяцев до того Р. Г. Баранцев сам оказался героем остро-проблемной публикации в центральной прессе (Известия, 30.05.87). Полный текст этой публикации см. ниже, в приложениях к этой главе.

Стадия прорастания была тяжела одиночеством. Теперь Вы можете оглянуться и увидеть соседей, возможно далеких географически, но близких по духу. Таковы В. Богданов из Риги ("Комс. правда", 1.01.87 и 4.06.87), Г. Богомолов в Ленинграде ("Известия", 25.09.87), А. Алексеев в Ленинграде ("Лит. газета", 23.09.87).

Достаточно ли Вам знать, что эти люди существуют? Не хотите ли поделиться с ними своими проблемами, посоветоваться, как лучше справиться с возросшими социальными обязанностями?

Меня, например, мучает конкретный вопрос: **как действовать, чтобы борьба "против" превращалась в борьбу "за"**, чтобы не оставалось униженных и побежденных, рождающих очередное зло...

Ваш Р. Г. Баранцев, 3.11.87».

...Вы чувствуете, как учатся герои у авторов (хоть и сами, иногда, вроде меня в этом письме, «поучают» их)? Как они (герои) при этом **«самоорганизуются»**, выходя из-под авторского контроля, впрочем, лишь для того, чтобы еще надежнее соединиться в новой целостности?

Пределы преодолеваются и преодоление беспредельно! <...>

Ваш Андр. Ал., сентябрь—ноябрь 1987

16.3. Интервью с «героем дня»

Корреспондент АПН С. Ненашев — А. Алексееву (ноябрь 1987)

Уважаемый Андрей Николаевич!

Агентство печати «Новости» рассчитывает подготовить статью о Вашей работе. Это вопросы для беседы, с тем чтобы не отнимать у Вас много времени. Надеюсь, что мы с Вами сможем встретиться в ближайшие дни.

С. Ненашев, 5.11.87

* * *

А. Алексеев — С. Ненашеву (ноябрь 1987)

Уважаемый Сергей!

С интересом ознакомился с Вашими вопросами. Ценю их оригинальность и вообще — культурную работу. На часть этих вопросов отвечаю письменно — не только для Вашего удобства, но и для лучшего уяснения самому себе.

А. Алексеев, 10.11.87

Вопросы и ответы

1. В некотором смысле Вы стали «героем дня» — о Вас пишут, ТВ предлагает участвовать во встрече с молодежью. Как Вы к этому относитесь? Нужно ли Вам это? Нужны ли уроки Вашего опыта молодому поколению?

— Один из моих товарищей по работе (слесарь Сергей Р.), отношение которого ко мне неподвластно ни партийным постановлениям, ни выступлениям СМИ, недавно высказался так: «Был А. врагом народа, теперь реабилитирован и вроде бы герой, а там глядишь — опять в опалу попадет...». Миша Г. (тоже слесарь из нашей бригады) поправил: «Не враг народа, а враг начальства...». Еще немного и я окажусь «другом народа»... Тогда дело, чего доброго, станет за Шарлоттой Корде.

Я благодарен Вам за сдержанность выражения: «в некотором смысле — герой — дня».

Что касается «уроков опыта», то они всегда полезнее словесных уроков. Это относится к любому возрасту. Научить жить нельзя, этому можно только научиться. Если об этом не забывать, то можно участвовать в любой встрече, в любом качестве. Во всяком случае, я готов отвечать на вопросы, когда мне их задают от души.

2. Что бы Вы хотели сказать молодежи, если ТВ предоставит такую возможность?

— Читайте ответы на анкету газеты «Известия» (октябрь 1987 г.).¹⁴

3. Какие статьи и в какие журналы Вам заказаны (об этом поминается в статье «ЛГ»)?

— Читайте мой отчет о научной и организационной работе члена ССА от 10.10.87 (прилагаю).

4. Какие жизненные ситуации формировали Ваш характер? Примеры.

— Жизненная ситуация воспитания в родительской семье и обучения в школе (Ленинград — Омск — Ленинград, 1934—1950); ж. ситуация обучения в ЛГУ (Ленинград, 1950—1956); ж. ситуация работы журналистом в областной молодежной печати (Куйбышев — Ленинград, 1956—1961); ж. ситуация работы рабочим на предприятиях Ленинграда и области (Ленинград — Волхов, 1961—1964); ж. ситуация работы журналистом в областной партийной газете (Ленинград, 1964—1965); ж. ситуация обучения в аспирантуре (Ленинград, 1965—1968); ж. ситуация работы в сибирском академическом научном учреждении (Новосибирск, 1968—1970); ж. ситуация работы в ленинградских академических научных учреждениях (Ленинград, 1970—1975); ж. ситуация работы в Институте социально-экономических проблем (Ленинград, 1975—1980); ж. ситуация социолога-рабочего (Ленинград, 1980—1987)...

Ремарка: периоды жизни.

Здесь социолог-испытатель пытается применить к себе концепцию жизненного пути как смены способов жизни, или периодизации жизненного процесса.¹⁵

Стоит обратить внимание, что жизненные ситуации здесь «естественно» вычлняются в основном по условиям и характеру трудовой деятельности, а не по каким-либо иным признакам. Отсюда можно заключить, что автору свойственна общая направленность личности в общественно-трудовую сферу, пользуясь терминологией С. Минаковой. (Май 2003).

...5. Что повлияло на выбор профессии журналиста в юности и социолога в зрелом возрасте?

¹⁴ Некоторые из этих ответов представлены ниже, в следующем разделе.

¹⁵ См. ранее, в томе 1 настоящей книги: глава 6.

— Когда поступал на филологический факультет ЛГУ в 1950 г., о журналистике не помышлял. Думаю, что выбору этой профессии способствовала вовлеченность в общественную, комсомольскую работу в период студенчества. На уход из газеты в аспирантуру повлияли скорее частные обстоятельства. На обращение к социологии — весь предшествующий жизненный опыт.

6. Как вы оцениваете себя? Есть ли недостатки, от которых Вы хотели бы избавиться?

— Если правда, что недостатки суть продолжение достоинств, то слишком энергично избавляясь от недостатков, можно остаться и без достоинств. Так что теперь уж предпочитаю сохранять их «динамический баланс».

Что касается самооценки... Однажды случайный попутчик в поезде стал настойчиво спрашивать: «Ты меня уважаешь?». Мой ответ: «Я уважаю тебя не меньше, но и не больше, чем себя». (Что повергло собеседника в глубокое раздумье...).

Самоирония уберегает от слишком высокой самооценки, чувство собственного достоинства — от низкой.

7. Ваш девиз?

— Девизов, пожалуй, два. Первый: **«Живи так, чтобы когда помрешь, друзьям стало скучно»**. Для этого вовсе не обязательно становиться клоуном...

Второй же девиз, чего доброго, заставит усомниться в скромности: **«Пока я жив, мир не пропал»**. Это, понятно, вариация известного высказывания Льва Толстого: «Мир погибнет, если я остановлюсь!». Только не так серьезно... Ведь я не утверждаю, что мир пропадет, если меня не будет.¹⁶

8. Были ли в юности, в студенческие годы ситуации, с психологической точки сходные с ситуациями последних лет?

— Думаю, что нет. До подобных ситуаций надо еще дозреть, в частности, психологически. А я, в психологическом, да и в идейном отношении, вовсе не был акселератом...

9. Не кажется ли Вам, что Ваше положение последних лет в какой-то степени сходно с судьбой сегодняшних молодых людей: Вас раньше, а их теперь обвиняют в посягательстве на основы строя?

— Не столько моя и этих молодых людей судьбы похожи, сколько сходны позиции тех, кто еще недавно вешал на таких, как я, а теперь готов вешать на них — политические ярлыки. Не удивлюсь, если это вообще окажутся одни и те же люди...

10. Можно ли назвать Вашу способность оказываться в эпицентре конфликтной ситуации «максимализмом юности»?

¹⁶ Несколько лет спустя автор «придумал» себе новый девиз: **«Суди себя сам»**. См. Предисловие к настоящей книге (в томе 1).

— Максимализм — не монополия юности. Это характеристика скорее нравственная, чем возрастная. Нравственная же позиция, по большому счету, не может не быть максималистской. Или это — не позиция (бесхребетность). Или — безнравственная позиция (цинизм). Так что, при определенных жизненных убеждениях, можно попасть в эпицентр конфликта, вовсе к этому не стремясь.

11. Согласны ли Вы с мнением, что стремление оказаться в рискованной, конфликтной ситуации — это Ваш способ существования?

— Нет, я бы этого не сказал. Другое дело, что, как замечено не мною, **«Все, что случается с человеком, похоже на него самого»**. К этому можно добавить, что частота и интенсивность рискованных (конфликтных) ситуаций зависит не только от характера человека, но и от обстоятельств.

12. Хемингуэй утверждал: привилегия мужчин в том, что они могут позволить себе до старости оставаться мальчишками. Вы с этим согласны?

— <...>.

13. Как Вы можете прокомментировать утверждение о том, что до некоторой степени Вы по натуре «игрок»?

— Если речь идет об «игроке» по Достоевскому, то я могу только пожать плечами. Другое дело — «человек играющий». Это выражение можно пояснить хотя бы высказыванием Шиллера: «Человек играет только тогда, когда он является человеком в полном смысле слова, и только тогда является он человеком вполне, когда играет».

Игра представляется мне важным, эстетическим компонентом жизненной мотивации, в частности, моей собственной, наряду с нравственным и познавательным компонентами. Без игры нет и творчества. (См. об этом, например, очень интересную статью А. В. Гулыги «Игровое поведение и творческое мышление» в журнале «Природа», 1986, № 4).

Впрочем, у некоторых людей этот жизненный мотив практически отсутствует. Они удручающе неспособны понять человека, который живет «играючи»...

14. Какое понятие Вы вкладываете в слова «делать карьеру»? Заинтересованы ли Вы в своей карьере?

— Откровенно говоря, жаль времени на «делание карьеры». Как побочный продукт содержательной деятельности, карьера не кажется мне чем-то предосудительным. Моя заинтересованность в карьере, по-видимому, не настолько велика, чтобы этим заниматься специально. Я — из тех солдат, которые не мечтают стать генералом.

15. Нужно ли современному человеку честолюбие? Если да, то в какой степени? Считаете ли Вы, что у Вас есть честолюбивые планы?

— Специфическим предметом честолюбия ученого является, наверное, приоритет. Замечаю за собой, что чем дальше, тем больше утрачи-

ваю интерес к этому. Есть исследователи, которые до глубокой старости помнят и страдают от того, что их кто-то опередил, не говоря уж о том, что «украли идею»... Теперь я склонен радоваться, если «украли». Значит, было чего красть...

Думаешь — никто кроме тебя не додумался, не открыл, не сформулировал. Ан нет. Так это же хорошо, значит больше шансов на выживание идеи, правильность наблюдения, справедливость вывода!

Наверное, честолюбив... Но каким-то другим честолюбием.

16. Говорят, безумец прокладывает дорогу, по которой потом пойдут толпы здравомыслящих. Вы согласны с этим? Относите ли себя к таким безумцам?

— В общем согласен. Отношусь ли я к таким «безумцам», судить тем, кто здраво мыслит.

17. Почему Вы начали Ваши исследования по анкете «Ожидаете ли Вы перемен»? Почему их не продолжили?

— Начал, потому что ждал перемен. Не продолжил, потому что перестал ждать и увлекся их деланием.

18. Два конкретных примера из Вашей работы на заводе для иллюстрации проблем, которые Вы ставили, методов их решения, реакций рабочих и руководства, выводов социологического наблюдения.

— Читайте, к примеру, автостенограммы моих выступлений на партийных собраниях цеха (1981, 1987 гг.), публикации в заводской газете (1986–1987 гг.).¹⁷

19. «Безнравственно не менять со временем свои убеждения» — как Вы относитесь к этому утверждению? Меняли ли Вы свои убеждения? Если да, то в чем?¹⁸

— Нет, не безнравственно. Лишь бы они, эти убеждения, были. Часто усматривают «смену убеждений» там, где их нет и не было (или есть другие убеждения, которые к видимой перемене никакого отношения не имеют). В таких случаях смена убеждений напоминает движение флюгера.

Разумеется, менял убеждения и я. Но никогда не возвращался к прежним. Например, убеждение в близости осуществления коммунистических идеалов, которое я разделял, скажем, 25 лет назад, давно сменилось убеждением в том, что социалистические принципы в нашем обществе пока далеки от воплощения.

Смена убеждений, как таковых, — естественный продукт развития личности в контексте исторического развития.

20. Где проходит грань между твердостью и твердолобием, гибкостью и соглашательством? Проиллюстрируйте, пожалуйста, на примерах собственных и окружающих Вас людей.

¹⁷ См. ранее, в томе 1 настоящей книги: раздел 3.10; в томе 3: раздел 15.5. См. также ниже, в главе 18.

¹⁸ Вопрос, по невнимательности, был прочитан мною так: «Безнравственно ли менять со временем свои убеждения?».

— Мне кажется, такие грани могут быть уловлены лишь интуитивно. Твердолобый — это скорее тот, кто «всегда знает, как надо». Соглашатель — это скорее тот, кто «не знает, как не надо».

21. Если бы Вам, как герою одной из пьес М. Фриша, предоставили возможность «переиграть жизнь», с какого момента Вы хотели бы это сделать?

— Не люблю брать ходы обратно... Я бы уклонился от возможности «переигрывать жизнь». Лучше ее время от времени переосмысливать.

22. Были ли у Вас моменты отчаяния в жизни?

— «Моментов отчаяния» — не помню. Похоже, что не было. Кризисы внутренние бывали. Так ведь осознанный кризис — преддверие выхода из тупика.

23. Какие моменты или момент Вашей жизни Вы считаете поворотным или критическим?

— Пожалуй, одним из поворотных моментов был уход из журналистов в рабочие в начале 60-х гг. Критическим моментом было принятие на себя обязанностей секретаря партийной организации института в середине 70-х. Были и другие...

24. Как отразились перипетии жизни, конфликтные ситуации на работе — на семейных обстоятельствах? Как оценивает Вас и Вашу нынешнюю позицию дочь? Жена? Как Вы объясняете, что Ваша жена наотрез отказалась беседовать с корреспондентом?

— Моя жена [Н. А. Крюкова. — А. А.], прочитав Ваши вопросы, объяснила, почему не захотела встретиться с Вами. Она считает, что есть сферы, куда «посторонним вход воспрещен». Это мне, после насильственных вторжений в личную и научную жизнь, «терять нечего». Нормальному же человеку неприятно жить со стеклянными стенами.

Для меня беседа с Вами — отчасти игра, у моей жены — другие игры. Еще она сказала, что... «подалась моему влиянию». Она усматривает в себе «пробуждение общественного сознания». Если учесть, что бумаг моих она обычно не читает и мы на эти темы мало разговариваем, то приходится отнести это за счет сильного, как она утверждает, «биологического поля». Так она обозначила мое на себя воздействие. Правда, при отсутствии столь крепких, как у меня, нервов, общественные демарши ей иногда дорого обходятся...

Во всяком случае, я благодарен моей жене за то, что она меня терпит и принимает наше существование «над бытом».

...Случилось так, что я принимал более чем скромное участие в воспитании дочери. Может быть, благодаря этому она не переняла моих недостатков <...>. В связи с моей позицией моя дочь Ольга Новиковская заметила как-то, что она уверится в перестройке тогда, когда ее отец будет восстановлен в партии.

25. Были в Вашей жизни поражения? Если да, то в чем? Взяли ли Вы потом реванш? Стремитесь ли к этому? Считаете ли, что всегда надо брать реванш за поражения?

— Поражений было более чем достаточно. Правда, друзья говорят, что у меня есть способность оборачивать поражения выигрышами. Но вряд ли это можно назвать реваншизмом.

Мне кажется, на «физические» (социальные) поражения надо отвечать моральными или психологическими реваншами. К таким я, пожалуй, стремлюсь. Да и сами как-то получаются... Реванши в обычном смысле слова часто оборачиваются моральным поражением. Они мне неприятны.

26. Среди голосовавших за Ваше исключение из социологической ассоциации были известные в городе ученые <...>. Чем Вы объясняете их позицию: массовой «слепотой» и искренней верой в то, что они делали; трусостью или стремлением следовать разумной трамвайной заповеди «не высывайся», в том числе и в Ваших же интересах; или иными соображениями?

Как Вы относитесь к таким людям? Готовы ли принять их извинения? Можно ли с такими коллегами сотрудничать?

— В последнем (10-м) номере журнала «Знание-сила» [1987 г. — А. А.] опубликована очень интересная статья проф. В. Я. Александрова «Трудные годы советской биологии». В частности, обозревая события вокруг сессии ВАСХНИЛ 1948 г., проф. Александров пишет: «Человек в отличие от кошки существо сугубо кооперативное, он коллективно гораздо легче творит и добро, и зло. Коллекциально совершенный проступок меньше отягощает совесть, как бы разделяя ответственность между всеми участниками...». И тут же дает определение: «Термин “кооперативность” применяется в тех случаях, когда в системе, при наличии многих реагирующих единиц, реакция первой единицы облегчает ответ второй, реакция второй — ответ третьей и т. д.». Думаю, это объяснение применимо и к случаю, который Вы упоминаете.

Мне уже приходилось выслушивать извинения, и не было случая, чтобы я их не принял. Приняв же извинения — вычеркиваешь эпизод из памяти, и нет проблемы: сотрудничать — не сотрудничать. Пользуюсь, однако, случаем, чтобы обратить Ваше внимание на изобилие и иных поступков, которые я называю актами **гражданской защиты** со стороны коллег-социологов, и не только их.

27. Как Вы оцениваете визит секретаря ОК КПСС [А. М. Фатеев. — А. А.] к Вам на завод?

— Оцениваю высоко, как поступок партийного руководителя: а) профессиональный, б) нравственный, в) политический.

28. Академик Т. И. Заславская в одном из последних интервью заявила, что перестройка «идет нормальным темпом». Вы с этим согласны?

— К сожалению, Татьяна Ивановна права. Перестройка идет «нормальным» темпом, имея в виду инерционные нормы старого времени.

То есть темпы перестройки пока не ускоренные. Когда зажигание разложено, машина утрачивает приемистость. С места не рванешь. Впрочем, есть и обнадеживающая метафора. Вспомните, как отрывается от земли космическая ракета, словно зависая над шахтой...

29. Многие считают фарисейством со стороны чиновников утверждение принципов «перестройки», ведь два года назад эти же самые люди часто утверждали совсем другое. Ваше мнение на этот счет? Кто и насколько способен сегодня «перестроиться»? (по категориям работников, по возрастным группам).

— Конечно, есть и фарисейство... Впрочем, у многих хозяйственных, советских, партийных, профсоюзных чиновников глубинные убеждения и жизненные мотивации лежат вне плоскости понятий перестройки. Такие говорят: «Времена теперь другие, мы **обязаны** перестраиваться». Понятно, что лучше бы такие не перестраивались, а высаживались... Что касается специфики разных категорий — читайте мои ответы на анкету «Известий».

30. Ваш рабочий день: режим, количество часов, затрачиваемых на научную работу и пр. 31. Ваш выходной. Любимый вид отдыха. 32. Любимая книга. Автор. 33. Что такое, на Ваш взгляд, хобби? Есть ли оно у Вас? Нужно ли оно человеку, увлеченному работой? 34. Кого из современных зарубежных коллег-социологов Вы цените больше других? 35. Ваша оценка состояния современной советской социологии. 36. Что, Вы считаете, необходимо будет сделать Вам в ближайшее время?

— Увы, на последние семь вопросов ответить письменно — не успеваю.

А. Алексеев, ноябрь 1987

* * *

Из статьи С. Ненашева «Человек, которого ленинградские бюрократы боятся больше, чем Горбачева», опубликованной в изданиях АПН для заграницы в 1987-1988 гг.

<...> На большинство моих вопросов он предпочитает отвечать письменно. <...> Он не скрывает, что разговор с собеседником для него своеобразная игра, «социологический эксперимент». <...> Однако всего этого еще недостаточно для опасений бюрократов. Причина другая — его «инакомыслие».

<...> Его гражданская позиция неизбежно приводила к острым ситуациям. В центре каждой неизбежно оказывался он сам. «Эволюция требует, чтобы кто-то шел на грани риска, пробуя первым, — говорит о своем коллеге Ядов. — Алексеев свою авантюрную (в хорошем смысле) натуру приспособил для нужного дела...». <...>

С. Ненашев, 1987

16.4. Побратимы-экспериментаторы («вольнодумцы» и «инакодействующие»)

А. Алексеев — А. Ежелеву (февраль 1988)

[Этот текст был подготовлен как «рабочий материал» для написания А. С. Ежелевым соответствующей главы («Кое-что из жизни слесаря-наладчика, кандидата философских наук А. Н. Алексеева, рассказанное по большей части им самим») в документальной повести о Геннадии Богомолве (А. С. Ежелев. Лучший из грехов. М.: Известия, 1988).¹⁹ — А. А.]

Дорогой Анатолий!

<...> Я думаю, Тебе интересно будет узнать, как мы познакомились с Геннадием **Богомолвым**. Наше личное знакомство состоялось только в 1986 г., уже на седьмой год моей работы на «Ленполиграфмаше». Мы с Г. А. Богомолвым трудились в разных цехах, и повода для знакомства вроде не было.

Конечно же, меня не обошла молва о чудо-фрезеровщике, герое десятков газетных и журнальных статей, который безуспешно «ищет соперника» в труде и выполняет пятилетку за три, а то и за два года.

Ходила легенда, что Богомолв поспорил еще с предыдущим директором завода, что обгонит того в заработке. И другая легенда — что первому секретарю Ленинградского обкома партии [Г. В. Романов. — А. А.] показалась «слишком интеллигентной» его борода, и потому Богомолв не был представлен на звание Героя социалистического труда.

Но, оказывается, и Геннадий знал о моем существовании, задолго до встречи. В 1984 г. меня исключали из партии. Эта история Тебе хорошо известна, так что не буду ее пересказывать. Изъятые у меня во время обыска дневники и письма стали главным вещественным доказательством в «политическом процессе», который доверено было провести партийной организации «Ленполиграфмаша» <...>.

Лишь двое на том партийном собрании, в апреле 1984 г., не стали голосовать за исключение А. из партии. Рабочие-бригадир из цеха № 3 ПО «Ленполиграфмаш» Анатолий Сыцевич и Игорь Виноградов. Беспартийный инженер отдела НОТ и управления социолог Борис Максимов добивался разрешения присутствовать на заседании парткома, чтобы высказаться в мою пользу (его, разумеется, туда не пустили).

Поступок каждого из этих троих людей был в ту пору, как мне кажется, скромным гражданским подвигом. Лишь много позже я узнал о четвертом.

Г. А. Богомолв был единственным из членов партийной комиссии, который возмутился предложением читать чужие письма. Ему объяснили, что «письма» — это «статьи». Тогда Богомолв взялся читать подряд.

¹⁹ Другой фрагмент указанного «тематического» письма к А. Ежелеву см. ранее: раздел 15.13.

«Так ведь это же правда!» — заявил он. Ему сказали: «Ты читай отчеркнутое!». «Во-первых, эдак и из центральных газет настричь цитаток можно. А во-вторых, где же тут клевета на нашу действительность?» — так или примерно так ответил Богомолов. Больше его в партийную комиссию не приглашали...

Два года спустя похожие события развернулись уже вокруг самого Богомолова. Общепризнанного новатора, лучшего фрезеровщика страны стали травить за «рвачество» и «шкурничество». А в 1986 г. его и самого исключили из партии!

Что касается меня, то, вовсе не зная о прежнем демарше Геннадия в мою защиту, я в ноябре 1985 г. прочитал в ленинградской газете статью В. Четкарева, под псевдонимом «Ксенофонтов» (с которой началась эскалация травли Богомолова). Усмотрев в ней заведомую «лажу» и передергивание, я попытался дать этой статье отповедь (письмом в редакцию и т. п.).²⁰

Уже позднее ко мне обратились члены бригады Богомолова (этот «индивидуалист» давно возглавлял бригаду, которую сумел вывести почти на собственный уровень производительности труда!). И попросили помочь им написать письмо в его защиту. Я, разумеется, согласился.

Вот тогда только мы с Геннадием Богомоловым познакомились. При первой личной встрече (уже в конце 1986 г.) мы просто обнялись. То было трудное для обоих время. Но мы оба — вовсе не «товарищи по несчастью»!

Мы — побратимы и соратники.

В этой истории обнаруживается то общее, что, при всех различиях и в характере, и в биографии, объединяет нас с Геннадием Богомоловым. Как назвать это общее? Я бы сказал: нравственная, она же — политическая, объединю — **нравственно-политическая** позиция.

* * *

Помнишь, летом 1987 г. (еще и «Литературная газета» по моему поводу не выступила) Ты предложил мне ответить на анкету газеты «Известия»: «Октябрь. Перестройка. Мы?»

Напомню Тебе свой тогдашний ответ на один из вопросов — «Какой нравственный урок и практический вывод вытекает, на Ваш взгляд, из опыта последних десятилетий, из оценок последних Пленумов ЦК КПСС?»

«Вопрос таков, что заставляет оглянуться на прожитые годы. Опыт последних десятилетий — это опыт центральной части жизни людей моего поколения. В 60-х годах мне было около тридцати, в 80-х — перевалило за пятьдесят (кстати, как и Геннадию Богомолову, мы с ним ровесники. — А. А.). Годы общественного застоя приходятся как раз на период максимума жизненных сил. Повезло — не повезло?

²⁰ Интересно, что не далее, как за два месяца до этого, в журнале «Молодая гвардия» (1985, № 8) появилась статья того же В. Четкарева «Выбор цели», посвященная прославлению трудового подвига Г. А. Богомолова. Вот такой — «перевертыш»!..

Эпоху не выбирают, это, кажется, единственное, в чем человек абсолютно не властен. В частности, минувшее десятилетие было для миллионов людей временем, может быть, главного в их жизни выбора (к сожалению, далеко не для всех осознанного). Социологи отмечали массовую тенденцию “приватизации” образа жизни, самоотчуждения гражданской активности, устремления главных жизненных интересов в частную жизнь, “потребительского” отношения и к трудовой деятельности. Такой урок извлекло для себя, как ни считай, большинство.

“Не гони волну!”, “Жить-то надо!”, “Хочешь жить — умей вертеться!”... Повсеместное распространение и сложившийся своего рода диктат этой житейской мудрости заслуживают сегодня не осуждения, а понимания. Как-никак, это — пусть вынужденная, но все же нравственная позиция. В отличие от цинизма, который принципиально аморален.

Надо сказать, что такие “уроки”, закрепленные многолетним жизненным опытом, даром не проходят. В этом смысле полной нравственной перестройки можно ожидать не в нынешнем, а лишь в следующих поколениях.

С середины 60-х гг., времени глубокого общественного разочарования после надежд, разбуженных XX съездом, для отдельных людей (хоть и не для большинства, но имя им тоже легион!) начались нравственные искания, у одних — только внутренние, у других — находящие выражение в поступках, в линии поведения. **Как жить, чтобы...** Тут каждый формулирует по-своему. “Чтобы остаться самим собой”. “Чтобы жизнь не прошла зря”. “Чтобы быть полезным обществу”... Слова могут быть разные, а суть — одна — личностное воплощение общественной совести.

Для меня, как для социолога, то была еще и профессиональная проблема. Лет десять назад казалось, что ты можешь принести пользу, например, тем, что проанализируешь ответы разных людей на вопрос: “Ожидаете ли Вы перемен?”. Другой формой нравственно-профессионального поиска оказался эксперимент социолога-рабочего, начатый мною в 1980 году.

В ходе этих исканий (у каждого они свои и не могут сводиться к простому воспроизведению чужого опыта) для меня сформировался главный нравственный урок и практический вывод. Поделюсь им: **Перемен не надо ждать. Их надо делать!** Делать самому, не дожидаясь других. Как умеешь, где можешь, в чем видишь нужным. Не обязательно быть Львом Толстым, чтобы сказать себе: “Мир погибнет, если я остановлюсь!..”. (Август 1987).

* * *

Давай, я расскажу Тебе еще об одном своем побратиме. Из публикаций «Комсомольской правды» Ты, наверное, знаешь о том, что произошло на рижском заводе «Энергоавтоматика».

В июле 1985 г. газосварщик этого завода Владимир **Богданов** был уволен по статье КЗоТ — за отсутствие на работе «более трех часов». В это самое время он... в Верховном суде Латвии представлял интересы другого рабочего, уволенного тоже незаконно (как установил суд), с этого же предприятия. В. Богданов присутствовал в суде **по повестке**, в качестве защитника (у него, кстати, высшее юридическое образование).

Формальная казуистичность и необоснованность увольнения В. Богданова, якобы за прогул, оспаривается не только множеством людей, подписавших письмо Генеральному прокурору СССР в его защиту, но и авторитетнейшими юристами

В марте 1987 г. я написал В. Богданову письмо, которое здесь частично воспроизведу. В нем содержатся ответы и на некоторые твои вопросы ко мне.

«...Статья в “Комсомолке” от 1 марта²¹ попала ко мне в руки с недельным опозданием. Когда вчера я вывесил ее у себя на участке, мои товарищи-рабочие, прочитав, говорили:

²¹ Руденко И. Противостояние // Комсомольская правда, 1.03.87.

читаешь про Богданова — вспоминаешь про Алексева. Думаю, Ваши товарищи, если бы читали “про меня”, вспоминали бы о Вас. Заочно мы с Вами побратимы.

Сама по себе ситуация, расклад сил, распределение ролей — достаточно распространены сегодня. Особенностью Вашего, да и моего, пожалуй, случая является доведение противостояния до “экспериментальной”, если угодно, чистоты и прозрачности. Тут, наверное, нужна не только решимость, но и талант особый... Вы, похоже, экспериментатор “от Бога”! Что будет, если не “намыливать себе веревку” и даже не “приносить ее из дома” (согласно известному анекдоту)? Глядишь, и повесить не сумеют...

Личностный социальный эксперимент, как я его понимаю, начинается просто с **нормального** (следуя своим меркам достоинства, справедливости и т. п.) поведения в **ненормальной** обстановке (которая, однако, другими полагается вполне нормальной). В какой-то момент приходит осознание себя своего рода “испытателем”. Нравственный мотив переплетается с познавательным. Становится даже интересно: насколько же прочна эта стенка, каковы ее шансы на будущее? Ну, и еще — некоторый авантюризм просыпается (“наслаждение в бою и дикой бездны на краю”).

Вы не замечали в себе такой тройственности мотивов? Если чего-то из этого не хватает — тяжко, можно даже свихнуться! Желаю Вам недостающее (если, вдруг, нет) в себе “развить”.

В отличие от Вас, я оказался испытателем почти сознательно. То есть отчасти планировал свою экспериментальную деятельность. Если Вы, судя по всему, высококвалифицированный рабочий, ставший параллельно дипломированным юристом (не для адвокатской или следовательской карьеры, а для своих рабочих нужд), то я — дипломированный (кандидат наук) социолог, ставший параллельно квалифицированным рабочим (и не ради “шабашек”, а для своих научных нужд). Идучи из разных концов, мы пришли примерно к одним и тем же результатам. Заверю Вас, они общественно значимы! А ценные результаты редко обходятся дешево...

Ваша судьба (два года — без работы, без зарплаты!) драматичнее моей. Именно драматизм ситуации в Вашем случае вселяет надежду на относительно близкое ее разрешение.

Думаю, Вы уже давно поняли, что с некоторого момента (гораздо раньше публикации в “Комсомолке”!) каждый Ваш шаг стал общественным достоянием. Это уже не только Вам должно, а **Вы должны** выплатить по счетам человеческих надежд, доверия и т. п. Люди спрашивают себя: “Если не он, то кто же? А если он, то, может быть, и я?”. Здесь уже не только Ваш внутренний порыв (“Не могу иначе!”), но и общественный смысл.

Желать Вам “не сдаваться” — вряд ли стоит. Ваш отказ от поступления “заново” на тот же завод, вместо законного восстановления, характеризует Вас с этой стороны исчерпывающе.

...Позволю себе лишь один совет. Как человек с юридическим образованием, Вы, наверное, знаете о недавно возникшей в УК РСФСР (наверное, в УК Латвийской ССР — тоже) статье 139.1 — о преследовании за критику. Такое уголовное дело может возбудить только прокурор, по заявлению гражданина или организации. Статья эта пока “не работает”. В прошлом году “Литературная газета” сообщала, что за полгода не было ни одного случая ее использования. Между тем, цинизм поведения директора вашего завода настолько очевиден, что пора пускать это оружие в дело.

Или вот статья 7-я Основ гражданского законодательства (о защите чести и достоинства). Не так давно (в ноябре 1986 г.) мне удалось выиграть судебный процесс против секретариата Советской социологической ассоциации по такому иску.

Я это все к тому, что в формальных рамках трудового законодательства Вам скорее всего “тесно”...» (Март 1987).

Конечно же, мы встретились с Владимиром. Его дело далеко не завершено. Ответа от Генерального прокурора СССР на его надзорную жалобу — и на сегодняшний день (начало 1988 г.) все еще нет.²²

²² О Владимире Богданове и его противостоянии с администрацией рижского завода «Энергоавтоматика» и с судебной властью Латвийской ССР подробнее см. ниже, в приложениях к этой главе.

* * *

Случилось так, что мы трое (рабочий-новатор, социолог-рабочий, рабочий-юрист) ныне попали под свет «прожекторов гласности». Так сказать, получившие известность «неудобные подвижники перестройки». А сколько подвижников — **безвестных!**

В моей почте после выступления «ЛГ» об эксперименте социолога-рабочего есть письмо от техника-геолога из Житомирской области (ее зовут Мария **Георгина**). В нем — пронзительные строки:

«...Все зависит от людей, на каких бы уровнях они ни находились. Ясно одно — или они “за”, или “против” перестройки. Мы — только “за”! **Потерпев сокрушительное поражение, не имеем даже в мыслях оставить нашу безымянную высоту...**» (Октябрь 1987 г.).

Да, не только на «заметных вершинах», но и на множестве «безымянных высот» выстраиваются сейчас незримые баррикады перестройки!

* * *

В анкете «Известий» 1987 г. был и такой вопрос: «Что можете, хотите и реально делаете лично Вы для перестройки? Какие препятствия при этом возникают, в ком находите союзников и противников?». Я тогда ответил:

«Мне кажется очень важным то, что условно назову **опережающим поведением**. Вроде бы рядовому рабочему, социологу или журналисту (жизнь сложилась так, что эти профессии у меня не только сменяли друг друга, но в определенные периоды и совмещались) “мир не перевернуть”. Однако, думаю, вовсе не плох тот солдат, который не мечтает стать генералом, а просто — в числе первых — поднимается над бруствером.

Если взять социально-профессиональные группы, к которым я сам принадлежу (рабочие, социологи, журналисты), то “союзники” и “противники” во всех трех распределяются пропорционально. Не могу сказать, что в каком-то из этих кругов общения я нахожу единомышленников или оппонентов чаще, чем в другом. Обобщая, можно сказать, что дифференциация общественно-политических позиций происходит сейчас **в каждом социальном слое**. Но тот же личный опыт позволяет сделать и другое наблюдение.

Конечно, не всякий управляющий — бюрократ. Но бюрократы, как правило, все так или иначе принадлежат к управленческой сфере. Тем более, не каждый рядовой труженик (рабочий, инженер, ученый и т.д.) — борец за перестройку. Но встретить такого пока что чаще можно именно среди рядовых.

Говоря фигурально, я чаще нахожу союзников среди «народа», чем среди его «слуг»!

Противостояние успешно самоорганизующейся бюрократии и пока еще не нашедших эффективных способов борьбы с ней «простых людей», с отдельными вкраплениями подвижников и «прорабов» перестройки, во всех слоях общества, — вот, пожалуй, главная проблема нынешнего этапа.

Перестройка — дело общенародное и нужна всему народу. Не всеми это осознано, зато бюрократией осознано вполне. И главной и эффективной формой ее сопротивления является попытка обернуть перемены в свою пользу.

Пока еще на местах тон задают вовсе не подвижники перестройки. Тут не надо обольщаться. Создатели видимости перестройки, ее бюрократические «лидеры» на местах, вполне овладевшие новой терминологией (но не мышлением, и не стилем работы!), во многом пока задают тон.

Как в этих условиях ведет себя масса рядовых тружеников? Не склонная к показной деятельности, недоверчивая к словам, чуткая к фальши, эта масса выживает. Я думаю, де-

лом каждого перестройка станет тогда, когда каждый почувствует в ней свой кровный интерес» (Август 1987).²³

Думаю, с этими моими наблюдениями и выводами, согласились бы и сегодня мои побратимы — рабочий-новатор Геннадий Богомолов и рабочий-юрист Владимир Богданов.

* * *

Хочу обратить твое внимание на последние выступления в печати публициста Ивана Васильева, который делает очень точный акцент на **нравственной** стороне перестройки. Цитирую из его статьи «Непорядочность» (Советская Россия, 7.02.88):

«...В сознании масс все яснее обозначается граница между добром и злом, правдой и ложью, эти нравственные категории наполняются конкретным содержанием — люди сами, без указки, начинают квалифицировать личности и поступки. Все более сужается прослойка апатичных, нейтральных, выжидающих: перестройка в той или иной степени коснулась **каждого**, и вовлекает его либо в борьбу «за», либо в борьбу «против», увеличивая силы и по ту, и по другую стороны баррикады...».

Анализируя сегодняшние конфликты, И. Васильев отмечает два наиболее характерных приема противников общественного обновления:

«... первый — опорочить борца за справедливость, собрать на него «компромат» и показать, что и он не ангел, а если вдруг окажется ангелом, тогда прием второй — довести до такого состояния, чтобы пустился в склоку, тем и разоружить: глядите, мол, никакой он не борец — обыкновенный склочник. Упор, как видим, не на «материю», а на душу. **Схватка идет за человеческое достоинство** (выделено мною. — А. А.) и эта невидимая первопричина все более обнаруживается в позициях сторон».

* * *

Я мог бы рассказать Тебе еще и о других своих побратимах. Например, об Анатолии **Базникине**, экологисте, лесном охраннике из Кавказского государственного заповедника, самоотверженном борце за перестройку заповедного дела, вступившем в схватку, не на жизнь, а на смерть, с браконьерами всех рангов.²⁴

Или — о математике и философе, профессоре Ленинградского университета Рэме **Баранцеве**. Ты наверняка знаком с прошлогодними публикациями И. Преловской в «Известиях» об этом опальном профессоре Ленинградского университета, которого преследовали за организацию «идеологически вредного» научного семинара.²⁵

Рэм Баранцев справедливо заметил недавно, что известная формула «**экономика** плюс **демократия**» обречена буксовать, пока не обогатится равноправной с вышеназванными компонентой — **нравственность**. Лишь когда утверждение человеческого достоинства встанет в один ряд с эко-

²³ Частично материалы этих ответов на анкету «Известий» 1987 г. были опубликованы и не только в документальной повести А. Ежелева. См. также: Перестройка: факторы необратимости и механизм торможения (Круглый стол) // Рабочий класс и современный мир. 1988, № 2, с. 52-54.

²⁴ Об Анатолии Кузьмиче Базникине, ныне покойном, см. в томе 2 настоящей книги: приложение 4 к части 2. См. также ниже, в главе 17.

²⁵ О Рэме Георгиевиче Баранцеве см. в томе 2 настоящей книги: раздел 8.12. См. также ниже: в приложениях к этой главе.

номической реформой и демократизацией общества, тогда и только тогда цель общественной перестройки обретет системную целостность, считает Р. Г. Баранцев.

Среди писем, полученных мною в октябре-ноябре 1987 года (после выступления «ЛГ»), было одно, начинающееся следующими словами:

«Дорогой Андрей!

Я твой ровесник и **брат по счастью**, которое нормальные люди, в отличие от нас, чудаков (а иногда и "дураков"!), называют несчастьем... Как и ты, я — «народник» и даже слесарь-наладчик (бывший грузчик, шофер, шахтер и проч...)... "Одиссея" моя по экзотике (прости за нескромность) покраще твоей — преобладают сюрреалистические синие, белые, красные и серые нюансы...

Твой брат Вилен».

Я ответил по указанному на конверте обратному адресу в г. Александрию, Кировоградской области: «**Здравствуй, уважаемый побратим!**...».

Встретившись недавно с журналистом, шахтером и правозащитником Виленом **Очаковским**, убедился, что не ошибся в определении. Да, еще один «побратим-экспериментатор», сумевший выстоять в ситуации куда покраще моей!..²⁶

* * *

Завершая эти заметки, дорогой Анатолий, я надеюсь, что в основном ответил на твои вопросы. Предоставляю Тебе воспользоваться этим материалом по своему усмотрению.

Андр. Алексеев, февраль 1988

16.5. Мария «с безымянной высоты».

[В письме к А. Ежелеву упоминается М. В. Георгина с Житомирщины. От нее, как и от многих других ранее не знакомых людей, первое письмо пришло по адресу: «гор. Ленинград. Завод Полиграфмаш. Алексееву Андрею, рабочему-социологу». Затем завязалась переписка, продолжавшаяся несколько лет. Ниже — извлечения из этой переписки. — А. А.]

М. Георгина — А. Алексееву (октябрь 1987)

Уважаемый Андрей Алексеев!

Прочла в «Литературной газете» «Преодоление пределов». Поздравляю Вас от всей души, радовались, как за близкого человека, я и мои единомышленники.

Представляюсь: старший техник-геолог Житомирской геологоразведочной экспедиции, которая находится в пос. Боровая, Житомирской обл. Моя фамилия Георгина Мария Викторовна, 1944 г. рожд., украинка, мать троих детей.

²⁶ О Вилене Яковлевиче Очаковском см. ранее, в томе 2 настоящей книги: приложение 5 к части 2. См. также ниже, в главе 17.

<...> Изучив статью, была поражена тем, что, по сути дела, я и мои единомышленники оказались во многих случаях в тех же ситуациях, что и Вы; только не социологи мы, а рабочая и техник-геолог, инженер, молодойследователь, — очертя голову, бросились на призывы ЦК КПСС (пусть это не звучит громко для Вас; пользуюсь общепринятыми выражениями).

<...> Наша цель была совсем не мирового масштаба — улучшить торговое обслуживание, контролировать работу отдела рабочего снабжения. Мы столкнулись с начальником ОРСа.

<...> Было публичное мое извинение перед этим подонком, но мы решили временно отступить, чтобы усыпить бдительность злодея, и достигли своего — сумели заполучить факты, которые привели нач. ОРСа на скамью подсудимых.

Но увы — обвинение прокуратуры состояло из 7 статей (взяточничество, служебный подлог, приписки, нарушение торгового законодательства и т. п.), а судья принял всего 4 статьи (сработала круговая порука). Уверены, что если бы ему дали хотя бы один год тюрьмы, а не два года условно, то он «пошел бы по костям», и был бы привлечен к ответственности еще целый ряд должностных лиц.

Суд был в феврале-марте 1987 г. Сейчас преступник уже амнистирован, т. к. имеет награду, к которой прежде сам себя представил за заслуги сомнительные (все время был победителем в соц. соревнованиях, а план товарооборота, как правило, был занижен; за что же награда?).

Символическое [*только лишь!* — А. А.] осуждение нач. ОРСа чрезвычайно усугубило наше положение, т. к. администрация почувствовала, что можно безнаказанно глумиться над человеческим достоинством. В этом свете и производственные вопросы вряд ли будут решаться в духе перестройки, т. к. многим нагнали страху.

<...> Могу сказать, что преодолели момент «взрыва личности» и чувствуем себя отлично, т. к. обрели внутреннее удовлетворение собой, что делаем то, что должны делать.

Все зависит от людей, на каких бы уровнях они ни находились. Ясно одно — или они «за», или «против» перестройки. **Мы — только «за»!** Потерпев сокрушительное поражение, не имеем даже в мыслях оставить нашу безымянную высоту.

У нас есть опыт перестройки в условиях небольшого поселка: геологическая экспедиция (коллектив — около 700 чел.) переходит на самофинансирование и самоокупаемость. Пытаются новые идеи всунуть в старые сани. При этом всеми известными Вам приемами не просто подавляют гражданскую активность, а морально убивают.

<...> Очень хочется, чтобы наш опыт, наблюдения помогли в разработке быстрого и эффективного пути в деле поддержки тех, кому нужна помощь. Уверены, что почти нет связи «низов» с «верхами». Нужно вместе найти эту «эффективную систему защиты граждански активной лич-

ности», а так — что дают эти газетные публикации, кроме колоссальной моральной удовлетворенности?

<...> А вот нас газета предала, на повторные обращения в редакцию даже не ответила, не знаю — почему, но большая досада осталась. Поэтому обращаюсь лично к Вам, приглашаю к разговору, если Вас заинтересовало мое письмо.

<...> Сегодня отправлю письмо покороче Вашему другу в г. Киев, если письмо дойдет, т. к. буду слать на институт — Р. Ленчовскому. Это ли не ординарный путь поиска? А что же делать — все что можем.

С уважением и наилучшими пожеланиями

М. Георгина, 24.09.87

Р. S. Вы извините меня за сумбурность, пишу в дороге, мало надежды, что мое письмо попадет к Вам, скорее отправят обратно. А вдруг? Мария.

* * *

А. Алексеев — М. Георгиной (октябрь 1987)

Уважаемая Мария Георгина!

Ваше письмо благополучно попало мне в руки. Искренне тронут им, порадовался и за Вас с Вашими единомышленниками, поскольку бываю «небольшие поселки», но не бывает «маленьких дел».

<...> Я согласен с Вашим письмом практически по всем пунктам.

<...> Обидно, что газета Вас «предала». Вообще-то газета, как правило, выступает лишь пересылочной инстанцией. Но сообщать о маршрутах пересылки — обязана.

Мой киевский друг Роман Ленчовский — человек изумительной чистоты души и силы ума. Кажется, он получил Ваше письмо (если это было Ваше).

Может быть, у Вас сохранились копии Вашего первого письма в газету и повторного обращения. Хорошо бы мне с ними познакомиться. Только Вам для этого придется переписать (перепечатать?) их для меня, чтобы самой не расставаться с последним экземпляром. Не гарантирую, но вдруг окажусь Вам полезным каким-нибудь «хитроумным» советом.

Не оставляйте вашу «безымянную высоту». Иначе Мир погибнет. Ведь так?

Ваш Андр. Ал., 17.10.87

* * *

[Здесь опущено одно из писем от М. Георгиной. — А. А.]

А. Алексеев — М. Георгиной (февраль 1988)

Милая Мария Георгина!

<...> Чувствую себя очень виноватым, лишь сегодня (в феврале) отвечаю на Ваше октябрьское (!) письмо. Это после моего-то пожелания Вам не оставлять Вашу «безымянную высоту»!

<...> Хотя в маленькое оправдание себе — сообщу, что письма Ваши не просто валялись у меня в папке. Еще в ноябре я перепечатал их оба и отправил Лидии Ивановне Графовой, в «ЛГ». Для сведения или возможного использования. Но даже если последнего не случится, ничто не пропадает зря.

<...> Если Вы не очень на меня обижены, пожалуйста, напишите, как **сейчас** обстоят дела. К сожалению, на расстоянии моя поддержка останется исключительно моральной. Но иногда и она бывает действенной.

<...> Возможно, в обмене мыслями мы с Вами и придумаем, как объединить всех «неудобных».

Ваш Андр. Алексеев, 11.02.88

Ремарка: правдоборцы.

Из статьи Л. Графовой «Свобода слуха» (Литературная газета, 8.06.88):

«...Не так уж у нас много побед в рукопашной борьбе, но стоицизм противостояния отважных одиночек сегодня нарастает. «Пусть мы потерпели поражение и больно заплатились, но пережили при этом такой “взрыв личности”, что не оставим теперь своей безымянной высоты», — пишет Мария Георгина из п. Новая Боровая, Житомирской области, пишет после того, как редакция “ЛГ” пыталась и не смогла помочь в ее справедливой борьбе.

Сегодня рождается новый тип личности — правдоборцы...».

(Март 2001).

* * *

М. Георгина — А. Алексееву (февраль 1988)

Уважаемый Андрей Николаевич!

Вовсе не сержусь на Вас за молчание. Была тревога — здоровы ли Вы, ну и понимание занятости.

<...> Благодарю Вас за копию интервью ленинградской газете.²⁷ У нас на соседнем предприятии готовят повторную аттестацию цеху, посмевшему выступить с критикой в инстанции: хотя бы «разобраться» с бунтовщиками. Послала им эту копию, для моральной поддержки; люди надежные, вернут мне ее.

Не все публикации, названные Вами, читала. Но пресса сейчас насыщена, и меня волнует главный вопрос — как быть с защитой «неудобных»?

Читали ли Вы в «Труде» о польской женщине — юристе Эве? Я только по телевизору слышала, но идея мне очень понравилась.

Хорошо бы в СССР создать этаким арбитраж из социологов, юристов, писателей — людей авторитетных, честных, с обостренным чувством социальной справедливости. Они могли бы, каждый — используя

²⁷ Михельсон С. Беречь ли «неудобных»? // Ленинградский рабочий, 18.12.87.

собственные связи, личные, со своими единомышленниками на уровне республик, областей, районов — создать Систему защиты Перестройки. При этом привлекая обязательно молодежь, может быть «афганцев», особенно, да все анализируя с применением компьютерной техники, выявив по регионам страны наиболее «темные» пятна, спускаясь до уровней поселков с «безымянными» высотами, где особенно махрово распустилась круговая порука.

Пусть действует эта Система подобно бюрократической, только совершенно иной идеологической направленности, на пользу Перестройке. Особое внимание обратить на самые ранние обращения «неугодных».

<...> В нашем примере — дело Фесенко, начальника ОРСа.

Оставить все так, значит лечить нарыв, не удалив центральный стержень. Может, и рассосется, но потихоньку будет распространять инфекцию. Эта арбитражная комиссия на месте должна все проверить не по бумагам, а в разговоре с рабочими, рядовыми людьми, и чтобы виновные получили по заслугам.

Конечно же, в этом вопросе мешает тень «сталинизма», но ведь безнаказанность развязывает руки бюрократам. Они, при помощи лжи и клеветы, изолируют «неудобных» от общества, лишая их возможности быть избранными в различные органы, мешая таким образом проявить себя на благо обществу, выбивая юридическую почву из-под их ног.

Несомненно, что «неугодные» служат катализатором общественных процессов, самим фактом своего существования служат Перестройке, но насколько быстрее было бы все, если бы каждого такого «неудовольствие» возможно было реабилитировать!

Лично у меня пропал страх перед высокими должностными лицами, сознание правоты сделало свое дело, но я сижу и пишу, чтобы найти надежную защиту «сверху», и не только себе. Да и я сама — сколько проблем надо решить, а то, что иногда удастся — капля в море, не удастся в корне переменить нравственно-психологический климат.

Процесс идет, но крайне медленно. Бюрократы пугливо ждут — авось доживут до пенсии.

Моя идея об арбитражной системе защиты, может быть, покажется Вам наивной, но здесь главное — сочетать нестандартное мышление, честность и юридическую основу. Чтобы народ знал — есть Главная Правда, она в конечном счете гарантирована. Очень надеюсь, что Вы сможете понять и принять мои мысли.

В нашем примере возможен был бы эксперимент, если бы удалось его провести в жизнь. Кто-то должен начать. Мы подготовим почву. Есть документы, факты, конкретные противники и немного единомышленников, честных людей, которых нашли за последнее время: 1) следователь районной прокуратуры; 2) прокурор района; 3) зам. прокурора области (Житомирской); 4) Ярошинская А. А. (журналистка газеты «Радянська Житомирщина») [впоследствии — народный депутат СССР. —

А. А.); 5) Савельева, журналистка газеты «Известия»; 6) в Киеве — два брата из КГБ (по идеологической работе и оперуполномоченный); 7) зам. министра геологии УССР; 8) мы с Вами и Романом Ивановичем (я и мои единомышленники, их немало).

Сколько людей! Если объединить их с теми, которых знает Роман Иванович [Ленцовский. — А. А.], от бюрократов только перья полетели бы.

Но необходима в Москве — Эва. Без прикрытия сверху каждый человек не сможет сделать максимум. Подумайте над моим предложением?

<...> У меня скромная должность, а в геологии — большие проблемы. Из Мингео СССР — ох, не скоро начнут решать. Только экономика, хозрасчет подтолкнет, но может сложиться ситуация, когда ведущие специалисты уйдут из геологии, т. к. многие годы работают на энтузиазме, а главный тон задают мэтры бурения скважин. Геологи не успевают осмыслить полученный фактический материал, и при таком положении все народные деньги буквально «закапываются» в землю.

<...> Извините за длинное письмо. Очень рада буду получить **краткий** ответ — что Вы обо всем этом думаете. Сердечно поздравляю Вас с днем Советской армии. Очень рада, что Вы есть. Будьте счастливы.

М. Георгина, 17.02.88

* * *

А. Алексеев — М. Георгиной (март 1988)

Уважаемая Мария Викторовна!

Благодарю Вас за письмо. Ваше «фантастическое предложение» кажется мне содержащим рациональное зерно, хотя и утопизма в нем хватает.

<...> Про польскую Эву — не слыхал. Не знаете ли, в каком номере «Труда» о ней рассказывалось?

Конечно, желательна Эва в Москве, но пока больше приходится рассчитывать на Марию в поселке... Вы упоминаете столько влиятельных союзников. Но, похоже, они ничего со своей стороны не предпринимали (я имею в виду должностных лиц Житомирщины). Но самые ценные союзники, вероятно, те, кто рядом — в этом же поселке. Чем шире их круг — тем вероятнее эффект.

<...> Не «зацикливайтесь» слишком на этом вашем Фесенко, но и не «гасите котлы». Л. Гурченко, Комитет советских женщин — вряд ли подходящие адресаты. Другое дело — «ближайшая газета», «ближайший депутат» и т. д., которых стоит задействовать. А вот уж если они не захотят, — тогда выше, т. е. последовательное «исчерпание ходов», снизу вверх, а не сверху вниз. Я сторонник именно такой метoды.

Жить стало не лучше, но — веселее, или я ошибаюсь?

Ваш Андрей Ал., 2.03.88

* * *

*[Здесь опущено одно из писем от М. Георгиной. — А. А.]***А. Алексеев — М. Георгиной (апрель 1988)**

Дорогая Мария Георгина!

Прочитал я Ваше последнее письмо, вспомнил свое предыдущее и устыдился.

Не стоило Вас «поучать» (как, похоже, у меня нечаянно получилось). Вы и без меня «носите в душе свое бремя ответственности»... Стоит разве что — **обмениваться опытом**. Вот и сделаю это — настоящим конвертом.

<...> Эта подборка материалов — Вам насовсем. А моих «побратимов-экспериментаторов»²⁸ — верните, пожалуйста, через месяц-полтора. Показывать можно — Дружьям, но уж чтобы те, своим, не знакомым Вам дружьям, не показывали. То есть чтобы «под Вашим контролем». Может быть, кое-что Вам окажется полезным.

Возвращаясь к своему «поучению»: я не думаю, что недостаточно серьезно воспринял ситуацию в Вашем поселке, но, возможно, был не точен в своих «рекомендациях». На месте же всегда виднее...

Мой совет — обращаться сначала к ближайшим «депутатам» и т. д. имел одну лишь цель — предвосхитить «законную» пересылку обращения вниз. Если же, адресуясь, скажем, в Президиум Верховного Совета, Вы указали, что уже обращались в нижестоящие органы Советской власти, то пересылка письма вниз становится **не законной** (уже без кавычек). Это стоит иметь в виду.

Благо конверт позволяет, вкладывая и перепечатку 2-х Ваших первых писем, в свое время (в 1987 г.) переданную мною в «Литгазету». Так же поступал и с последующими (как прилежный Ваш секретарь). Разумеется, это — возвращать мне не нужно.

<...> Увы, **пока** не на все поставленные Вами вопросы я имею удовлетворяющие меня самого, хотя бы — теоретические, ответы. Ну, а практически отвечаю, как умею, как это делаете, очевидно, и Вы. Вот и — **равноправно** — «обмениваемся опытом».

Ваш Андр. Ал., 2.04.88

* * *

А. Алексеев — М. Георгиной (декабрь 1988)

Дорогая Мария!

Спасибо за письмецо (предновогоднее, с открыткой). Получил я и все остальное, что было до этого. Помню, успел откликнуться только отправкой обращения насчет законопроектов. Сейчас вкладываю — заодно — наш «отчет» о проделанной работе.

Посылаю Вам (насовсем) окончательный вариант Хартии и Программы Народного фронта Эстонии. Плюс наше ленинградское обращение

---

²⁸ См. выше: раздел 16.4.

в этой связи, для прорыва «информационной блокады» относительно прибалтийских дел. (Кое-что удалось, встречи были).

Еще — посылаю Вам копию моего письма в «Огонек», посвященного Вам и Алле Ярошинской. Я не успел это сразу Вам выслать, хоть и следовало.

Как Вы увидите, в пакете для «Огонька» была и копия Вашего письма, от 7 октября, посвященного Ярошинской. Мое письмо в «Огонек» — попало в надежные руки. Будет ли от него прямой эффект, трудно сказать, но из потока космических частиц хоть одна да прорывается сквозь слои атмосферы...

Надеюсь повидать Вас в феврале-марте. Спасибо, что Вы не в обиде на мою необязательность. С Новым годом!

Ваш Андрей Алексеев, 27.12.88

* * *

М. Георгина — А. Алексееву (январь 1989)

Дорогой Андрей Николаевич!

<...> Вот и протянется единая надежная нить Народного фронта через души и сердца сторонников наших, бесконечно дорогих людей. Эту связь я всеми силами укрепляю, как только узнаю, что кому-либо нужна моральная поддержка. Эти люди — банк фактов преступлений бюрократов против народа. Уверена, что придет время и им ответить за это.

Вы молодец, А. Н., умница, что переслали материалы об Алле Ярошинской в «Огонек».

<...> Большое спасибо за «Программу НФЭ» — она будет интенсивно работать. Если бы можно было размножить! Попробуем, может быть в Киеве сумеют и захотят отпечатать. Как светлеют лица при прочтении этого материала. Нам на Украине до этого еще далеко, но решимость достичь не убавляется, а наоборот.

<...> Знаете, радуется, что в душе нет озлобленности, скорее просто горячее желание победить.

На моей «безымянной» дела ох, как неважно! Срезали ассигнования, а сокращать людей администрация не собирается — сами решайте свои проблемы. Я не могу даже предсказать — чем все обернется, но что-то обязательно произойдет.

После собрания меня (боже избави!) никто не трогает. До следующего боя живу в относительно комфортных условиях. Есть время за технической работой думать, и я это очень люблю делать.

<...> Зато у меня теперь много единомышленниц, на «безымянной»: Лена, Елена, Валя, Галина, Лида, Мария, Томочка — вот их у меня сколько. Они — моя опора. Ради них не грех и бульдозер остановить.

<...> Я знаю наверняка теперь, что «ничто не пропадает зря».

Все Ваши бесценные материалы читаются, будоражат людей (пусть в большинстве пока скрытое недовольство).

<...> Хочется думать и надеяться, что из наших ручейков получится прекрасный водоем человеческих надежд и осуществленной мечты. Будем очень для этого стараться. Большой привет Вам от моих единомышленников.

С уважением

Мария Георгина, 6.01.89

Р. С. Андрей Николаевич! Я очень доверяю Вам: разрешаю использовать мои письма как Вам требуется. Знаю, что это всегда будет для общего дела. Мария.

* * *

А. Алексеев — М. Георгиной (январь 1989)

Милая Мария!

<...> Все, что Вы делаете и пишете — прекрасно. Впору книгу писать под названием «Женщины Перестройки». Да не до книг сейчас...

С конца января ухажу в отпуск. Какое-то время проведу под Киевом, у Романа Ленчовского. Если надумаете подать весточку — можно на его адрес (для меня). Держитесь!

Ваш Андрей Ал., 17.01.89

Ремарка: почта социолога-испытателя.

*К сожалению, я не имею возможности представить здесь в полном объеме материалы своей почты 1987–1988 гг. после публикации «Литературной газеты». Оказалось, что таких **правдоборцев** (по выражению Л. Графовой), «вольнодумцев» и «инакодействующих» — действительно легион.²⁹ (Март 2001 — май 2003).*

16.6. Не личная драма

[Несколько месяцев спустя «Литературная газета» вернулась к теме эксперимента и «дела» социолога-рабочего. К этому побудили общественные реакции, имевшие противоположную друг другу направленность. — А. А.]

Корреспонденция Л. Графовой «Не личная драма», опубликованная в «Литературной газете» (январь 1988)

Ленинградский социолог Андрей Алексеев поставил «опыт на себе»: ушел на завод, чтобы глазами рабочего изучить возможности выхода из тупиков, в которые загоняет людей неисправный механизм нашей экономики. Ученый не знал, что становится слесарем на восемь лет.

²⁹ О некоторых из них пойдет речь в приложениях к главе 17. Там же см. продолжения переписки с М. В. Георгиной.

...Был донос. За то, что Алексеев опросил своих знакомых по анкете «Ожидаете ли Вы перемен?» (это еще в 1979-м!), его (пять лет спустя) исключили из партии, из Советской социологической ассоциации, из Союза журналистов. Честные социологи, единым фронтом, от Тарту до Новосибирска, бросились его защищать, как могли. Он же не чувствовал себя жертвой: его травили, а он... методы своих оппонентов изучал. О судьбе «провозвестника перестройки» в «ЛГ» был очерк «Преодоление пределов» (23 сентября 1987 г.). Сейчас — любопытное продолжение: «оппоненты» норовят социодраму превратить в фарс.

Сначала — мнения «за»:

Т. Заславская, президент ССА АН СССР, академик (от имени президиума ССА) «выражает благодарность «ЛГ» за энергичное выступление в поддержку профессиональной чести и достоинства Алексеева».

В. Ядов вице-президент ССА АН СССР, он же — председатель бюро Ленинградского отделения, информирует, что «бюро... разделяет позицию «ЛГ», считает грубо тенденциозной... оценку работы А. Н. Алексеева, данную в январе 1986 г. прежним составом бюро ЛО, считает необходимым максимальное использование его опыта... целесообразным его переход в научно-исследовательский институт».³⁰

Однако с мнением лидеров сегодняшней социологии не согласно руководство родного для Алексеева института — социально-экономических проблем. Директор ИСЭП И. Сигов и его давние соратники по борьбе с «инакомыслием» в социологии прислали опровержение на статью:

«... «ЛГ» защищает «посредственного социолога»... его «научная несостоятельность» выявилась уже в той анкете (про ожидание перемен. — «ЛГ»), «эксперимент закончился безрезультатно»...»

Не просто письмо, а — «решение», за которое голосовал 21 человек. Поименный список, с титулами — 7 профессоров, 6 доцентов... Внушает! Сколько же знакомых лиц! Все гонители Алексеева во главе с профессорами И. Сиговым и Б. Парыгиным — пожалуйста... Но есть лица вроде бы случайные: три профессора ЛГУ — Н. Моисеенко, А. Бережной, В. Рященко, декан журфака из того же ЛГУ В. Комаров...³¹ Тут же лаборант, стажер, студент — для количества или для демократичности акции?

Фамилий целая страница, а подпись — одна, профессор **В. Ельмеев** Это бывший заместитель Б. Парыгина, бывшего председателя бюро ленинградских социологов. Когда прошлой весной /1986 г. — А. А./ происходило «свержение» негодного бюро за развал работы, профессор Ель-

³⁰ См. ранее: раздел 13.15.

³¹ Есть и еще отнюдь не случайные в этом списке лица... Например: бывший декан факультета журналистики Ленинградского университета, проф. А. Ф. **Бережной**, инициировавший в начале 70-х гг. идеологический разнос рукописи автора «Средства массовой информации» (книга так и не увидела света); декан факультета журналистики ЛГУ 80-х гг., доц. В. Г. **Комаров** (ныне покойный), выступавший экспертом в партийном «деле» социолога-рабочего (см. в томе 2 настоящей книги: раздел 8 14). Полный текст обсуждаемого документа см. в томе 4: глава 22.

меев обвинил собрание (это около 200 обществоведов!) в «отступничестве от марксизма» и в знак протеста покинул зал, заявив, что «выходит из ССА и призывает создать новую ассоциацию». ³² С ним вышли пятеро его подчиненных по службе. Может быть, секция прикладной социологии, чье решение прислал нам уважаемый профессор, и мнится ему прообразом «новой ассоциации»?

Откровенность поразительная. Так, вначале, нам сообщают, что одним из прародителей «документа» является профессор ИСЭП Б. Парыгин, однако это не мешает далее сформулировать восторги... деятельностью Парыгина:

«...именно под его руководством была организована стройная система социального развития в гор. Ленинграде... Этот результат... более всего не устраивал теперешних руководителей ЛО... Статья "ЛГ"... отражает субъективную точку зрения ее автора и ряда социологов, эксплуатирующих "дело" А. Н. Алексеева в групповых интересах...»

У кого что болит... Старо как мир. Однако интересна расстановка сил: это, значит, Заславская и весь президиум ССА — «группировка», а Ельмеев со товарищи — отряд, шагающий в ногу. Лидеры, значит, оступились, поскольку «отступились», а они, бдящие, верны... О чем и спешат просигнализировать всеерным залпом: копии опровержения посланы и в ЦК КПСС, и в Ленинградский обком, и в партком завода «Полиграфмаш», где ученый с семи утра — у станка, детали штампует...

...Второй секретарь Ленинградского обкома партии А. Фатеев нашел в своем напряженном дне около двух часов, чтобы побеседовать об эксперименте Алексеева с корреспондентом «ЛГ»... В частности, он сообщил: **Бюро Ленинградского обкома, рассмотрев заявление А. Н. Алексеева, проголосовало (единогласно!) за восстановление его в партии без прерыва партстажа.** ³³

Итак, мы получили опровержение. Возражать на него не пришлось. Это сделало Время.

Л. Графова

(Литературная газета, 20.01.88)

Ремарка: профессор В. Я. Ельмеев, 10 лет спустя.

Из буклета «Профессор Василий Яковлевич Ельмеев» (СПб., 1997), изданного по поводу его 70-летия:

«...Сейчас, глядя на мощный факультет социологии Санкт-Петербургского университета, можно отметить основополагающую роль В. Я. Ельмеева в развитии социологии в России...» (проф. В. Г. Долгов).

«...Ельмеев — настоящий, уверенный в себе и своей научной квалификации боец, не боявшийся и не боящийся сказать, что он действительно думает...» (С. В. Валдайцев, зав. кафедрой).

³² См. об этом ранее: раздел 13.14.

³³ Это решение состоялось в ноябре 1987 г.

«...Впервые в мировой социологической мысли В. Я. Ельмеев предложил и осуществил попытку разработки специальной отрасли прикладной социологии — социологии практики...» (проф. В. Н. Овсянников).

Автохарактеристика проф. Ельмеева:

«...Особенность моей научной деятельности — сочетание теоретических принципов разных общественных наук при исследовании тех или иных проблем, доведение теоретических положений до практически приложимого вида и участие в их практической реализации...» (Ельмеев В. Я. Интервью... Журнал социологии и социальной антропологии. 1999, № 4).

Без комментариев! (Март 2001).

16.7. «Ленполиграфмаш» против «Ленинградского рабочего»

Несколько вступительных слов

Выше рассказывалось о том, как автору этих строк удалось выиграть судебный процесс у организации, а именно — у секретариата Советской социологической ассоциации (ноябрь 1986)³⁴. С тех пор произошли значительные перемены в жизни автора (да и не только его). После очерка Лидии Графовой в «Литературной газете» (сентябрь 1987) эксперимент социолога-рабочего привлек к себе широкое общественное внимание. В частности, последовали публикации в других периодических изданиях, в том числе, ленинградских. Одна из них особенно задела за живое руководителей ПО «Ленполиграфмаш»...

И вот в 1988 г., парадоксальным образом, сложилась **зеркальная** (относительно вышеупомянутой) ситуация: теперь уже организация обратилась в суд с иском — к журналисту и газете, ущемившим ее (организацию) «честь и достоинство». (Март 2001).

Из статьи С. Михельсона «Беречь ли “неудобных”?», опубликованной в газете «Ленинградский рабочий» (декабрь 1987)

<...> «Экспериментальной» стала сама ситуация противодействия чиновников попыткам честного анализа, критической постановки общественных вопросов, которые предпринимал Алексеев в качестве рабочего, социолога, журналиста. Один из его товарищей-ученых сказал: «Андрей весь «Ленполиграфмаш» превратил в многомиллионный — по общественному напряжению — социальный синхрофазотрон, раскрутив логику подлости, глупости, политической одиозности».³⁵<...>

(Ленинградский рабочий, 18.12.87)

³⁴ См. ранее: глава 13.

³⁵ Здесь автор статьи — Сергей Владимирович Михельсон — цитирует письмо киевского социолога Р. Ленчовского к Л. Графовой, датированное июлем 1987 г. (т. е. еще до известного выступления «Литературной газеты»). Копия этого письма хранилась в моем архиве, с которым ознакомился корреспондент «Ленинградского рабочего».

* * *

Из материалов судебного дела (1988)

4.02.88, № 81/910

В районный народный суд Куйбышевского района г. Ленинграда

Истец: ПО «Ленполиграфмаш»

Ответчик:

1) Газета «Ленинградский рабочий» (наб. р. Фонтанки, д. 59);

2) Михельсон С., корреспондент газеты

О защите чести и достоинства

Исковое заявление

18 декабря 1987 г. газета «Ленинградский рабочий» на стр. 7 поместила статью корреспондента С. Михельсона «Беречь ли неудобных?», где среди множества искаженных и тенденциозно освещенных фактов, содержатся прямые оскорбления в адрес трудового коллектива объединения «Ленполиграфмаш», попирающие его честь и достоинство.

Во втором от начала абзаце статьи есть фраза: «Один из его товарищей-ученых сказал: Андрей весь “Ленполиграфмаш” превратил в многомиллионный — по общественному напряжению — синхрофазотрон, раскрутил логику подлости, глупости, политической одиозности».

Эти слова написаны о коллективе, который из квартала в квартал все последние годы является победителем всесоюзного социалистического соревнования, а по итогам года (в том числе и 1987) награжден Красным знаменем ЦК КПСС, СМ СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ [/! — А. А./].

Считая, что подобная публикация оскорбляет честь и достоинство коллектива объединения, и руководствуясь ст. 7 Гражданского кодекса, просим: обязать газету «Ленинградский рабочий» опубликовать на страницах издания соответствующее опровержение.

Приложения: <...>

И. о. генерального директора ПО «Ленполиграфмаш» Д. К. Макаров

Председатель профкома Ю. П. Стукалов

* * *

Из материалов судебного дела (1988)

В Куйбышевский районный народный суд г. Ленинграда

от ответчика:

1) редакции газеты ОК КПСС «Ленинградский рабочий» и

2) корреспондента газеты Михельсона С. В.

по иску ПО «Ленполиграфмаш» о защите чести и достоинства

Возражения на исковое заявление

Ознакомившись с иском заявлением ПО «Ленполиграфмаш» от 4.02.88, в связи с публикацией «ЛР» от 18.12.87, заявляем, что не согласны с иском, по следующим причинам.

Ст. 7 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик (аналогично — ст. 7 ГК РСФСР) гласит:

«Гражданин или организация вправе требовать по суду опровержения порочащих их честь и достоинство сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности».

Стало быть, для удовлетворения иска необходимо, как минимум:

- а) чтобы были распространены некоторые сведения об истце;
- б) чтобы эти сведения имели порочащий честь и достоинство истца характер;
- в) чтобы эти порочащие сведения не соответствовали действительности.

В качестве повода для иска послужила вырванная из контекста публикации фраза: <...>. [См. выше: *исковое заявление* — А. А.].

Нетрудно заметить, что здесь сообщается лишь о том, что один из товарищей А. Н. Алексеева (того лица, о котором идет речь в публикации газеты) имеет определенное мнение об общественной значимости действий этого лица — как относительно истца, так и в более широком социальном плане.

В первой части фразы: **«...весь “Ленполиграфмаш” превратил в многомиллионный — по общественному напряжению — социальный синхрофазотрон...»**, — упоминается истец [ПО «Ленполиграфмаш». — А. А.], как таковой. Это — очевидная метафора, которая не содержит не только порочащих, но и вообще сведений об истце.

Вторая часть фразы: **«...раскрутил логику глупости, подлости, политической однозности...»**, — будучи, строго говоря, тоже метафоричной, непосредственно к истцу (ПО «Ленполиграфмаш») не относится и принята им на свой счет без достаточных к тому оснований.

Вопрос о том, способствует ли драматическая история эксперимента социолога-рабочего А.³⁶ общественному пониманию «логики» упомянутых негативных явлений <...>, в данной публикации специально не рассматривается.

Эта история подробно освещалась ранее в центральной печати: очерк «Преодоление пределов» — «Литературная газета», 23.09.87.³⁷

Напомним: речь в том очерке шла о гонении на А., ставшего восемь лет назад рабочим ПО «Ленполиграфмаш» для исследования наболевших проблем производства. В 1984 г. он был исключен из партии за проведение якобы политически вредных исследований. Эту «логику» подлости, глупости и т. д. как раз и сумел раскрыть, обнажить рабочий-социолог А., по мнению его товарища.

<...> Что касается утверждения истца о «множестве искаженных и тенденциозно освещенных газетой фактов», то ни один такой факт в исковом заявлении не указан.

Факты, представленные в публикации «Ленинградского рабочего», может быть, и неприятны лицам, подписавшим заявление, однако являются проверенными и могут быть подтверждены соответствующими документами.

Впрочем, сам истец не случайно не пояснил, что имеется в виду. Ибо содержащаяся в публикации конкретная критика в адрес генерального директора и председателя профкома объединения³⁸ — во всяком случае не может

³⁶ Здесь и далее в оригинале документа — фамилия.

³⁷ См. выше: раздел 16.1.

³⁸ Статья, опубликованная в «Ленинградском рабочем», содержала довольно резкую персональную критику в адрес директора объединения А. Д. Долбежкина и председателя профкома Ю. П. Стукалова.

быть истолкована как сведения, порочащие честь и достоинство **трудового коллектива**, ими возглавляемого.

С учетом сказанного, просим Куйбышевский районный народный суд г. Ленинграда:

1) в удовлетворении искового заявления отказать;

2) вызвать в суд в качестве свидетеля Алексеева А. Н., проживающего по адресу: <...>.

Редактор газеты «Ленинградский рабочий» Г. И. Панков

Корреспондент газеты С. В. Михельсон

22.03.88

* * *

А. Алексеев — Р. Ленцовскому (декабрь 1988)

Дорогой Роман!

<...> Истоки и начало этого социально-правового фарса Тебе известны. Суд состоялся ровно год спустя после опубликования интервью, взятого у меня корреспондентом «Ленинградского рабочего» Сергеем Михельсоном.

<...> Нельзя сказать, что какая-то из сторон в суде была на высоте...

В итоге руководители «Ленполиграфмаша» это дело проиграли. Но важен не только результат, но и процесс. А он удручает. В абсурде этой судебной тяжбы, кажется, никому не пришло в голову, что слова, так задевшие радетелей чести и достоинства трудового коллектива, не относились... ни к гражданам, ни к организациям (т. е. не к субъектам, будь то индивидуальным или групповым), а к неким **общественным явлениям**. В сущности, повторился эпизод с известной цитатой из «Писем Любимым женщинам» о разгильдяйстве, как системном качестве:

Помнишь: «Каждый человек в отдельности вроде бы и не разгильдяй, а в целом — массовое разгильдяйство...». Ныне уже заезженная прессой, эта социологическая банальность в свое время тоже глубоко уязвила вполне конкретных лиц на «Ленполиграфмаше», принявших ее... на свой счет!

<...> Еще раз прости за небрежность в обращении с твоим — даже не мне лично адресованным — письмом. Ведь не без моего участия оно, пускай бесфамильно, попало на страницы ленинградской газеты...

Еще куда ни шло, давать повод манипулировать цитатами из собственных писем. Но совсем непозволительно допускать использование цитат из личной переписки других людей, пусть даже она (эта переписка) имеет к тебе прямое отношение.

...По слухам, Ю. Стукалов и Ко намерены апеллировать в городской суд.³⁹
<...>

Твой Андр. Ал., 16.12.88

Ремарка: новации в гражданском законодательстве.

Здесь стоит заметить, что возможность судебной защиты организаций (юридическим лицом) своей «чести и достоинства», как таковых, в современ-

³⁹ Подавать апелляцию в городской суд проигравший дело истец (ПО «Ленполиграфмаш») однако не стал.

ном гражданском законодательстве, в отличие от действовавшего в советское время, не предусмотрена.

Так, **ст. 152 Гражданского кодекса РФ**, принятого (часть первая) Государственной Думой РФ 21 октября 1994 г., гласит:

«1. Гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности...».⁴⁰

Ср. с ныне утратившей силу формулировкой **ст. 7 Гражданского кодекса РСФСР** (соответственно, **ст. 7 Основ гражданского законодательства Союза ССР и Союзных республик**):

«Гражданин или организация вправе требовать по суду опровержения порочащих их честь и достоинство сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности...».

Итак, в нашем законодательстве «организация» больше не рассматривается в качестве носителя «честь и достоинство» (подлежащих гражданско-правовой защите). В самом деле: уместно ли говорить именно о **честь и достоинстве** (по существу — сузубо личностных атрибутах!) применительно не к физическому, а к юридическому лицу; иначе говоря: применительно не к человеку, а к организации, учреждению, (безличной) общественной структуре?⁴¹

Другой существенной новацией нашего гражданского законодательства является отнесение к личным неимущественным правам и нематериальным благам (**ст. 150 ГК РФ**), наряду с честью и достоинством, также и **деловой репутации**, которая тоже подлежит судебной защите (см. выше). К особенностям этой новой правовой категории среди прочего относится то, что она может быть отнесена как к физическому, так и к юридическому лицу.⁴²

Таким образом, **защита чести и достоинства возможна только для граждан, а деловой репутации — и для граждан, и для юридических лиц.** (Октябрь 2003 — март 2005).

⁴⁰ Здесь приведена лишь первая часть пункта 1 статьи 152 ГК РФ. Не применяется понятия чести и достоинства к организации (юридическому лицу) и в других пунктах данной статьи.

⁴¹ Интересно, что осознание этого логико-семантического противоречия у нашего законодателя произошло относительно недавно и как бы «вдруг»... В «Основах гражданского законодательства» 1991 года (введенных в действие на территории РФ в соответствии с постановлениями Верховного Совета РФ от 14.07.92 и 3.03.93) фигурировала следующая норма (в сущности воспроизводящая прежнюю, советскую):

«Статья 7. Защита чести, достоинства и деловой репутации.

1. Гражданин или **юридическое лицо** (выделено мною. — А. А.) вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности...» (Цит. по: Основы гражданского законодательства (официальный текст и постатейный комментарий). М.: ИПП «ЮКОНГ», 1993, с. 42).

А в ст. 152 Гражданского кодекса РФ, принятого в 1994 году, упоминание юридического лица (т. е. организации) в этой связи уже отсутствует.

⁴² Из статьи 152 ГК РФ:

«...7. Правила настоящей статьи о защите деловой репутации гражданина соответственно применяются к защите деловой репутации юридического лица».

16.8. «Принимая во внимание установившуюся в партии обстановку откровенности...»

А. Алексеев — А. Ежелеву (февраль 1988)⁴³

<...> Но вот прошло еще полгода. Перестроечный процесс испытывает сейчас «ускорение с торможением». Повсеместно, с переменным успехом, идут бои и на заметных вершинах, и на безымянных высотах (вспомни письмо Марии Георгиной).

Конечно же, ввиду общественного резонанса, который получила моя история после публикации очерка Лидии Графовой в «Литературной газете», но, пожалуй, также и в силу внутренних перестроечных процессов в партии, бюро Ленинградского обкома решило «ходатайствовать» перед Комитетом партийного контроля о восстановлении Алексеева в рядах КПСС. Что ж, отрадно!.. Но посмотри — **как** это делается!

На днях я был официально ознакомлен с «Дополнением к справке Ленинградского ОК КПСС по партийному делу т. Алексеева А. Н.». Начинается этот замечательный документ с формулировок официального предостережения КГБ и исключения из партии в 1984 году.⁴⁴ А далее:

«...Указанные обвинения сформулированы и **уточнены** (здесь и далее выделено мною. — А. А.) апелляционными инстанциями на этапах рассмотрения его персонального дела. Тов. Алексеев А. Н. **признавал** их с различными замечаниями.

Официальное предостережение органов госбезопасности, объявленное тов. Алексееву 5 января 1984 года, **отменено** 14 мая 1987 года. Допущенные им нарушения не привели ни к какимотягающим обстоятельством, уголовной ответственности он не подлежал, но **заслуживал строгой партийной оценки**.

На сделанное в 1984 году предостережение тов. Алексеев **реагировал правильно**, никаких действий, противоречащих государственной безопасности, за прошедшее время **не допустил**, продолжал вести активную научную деятельность. За последние годы... (следует перечисление всевозможных достижений в научной и — особенно — в производственной сфере: победа в соцсоревновании, критика недостатков на производстве, рационализаторство и т. д. — А.).

Принимая все это во внимание, а также установившуюся в партии обстановку откровенности (! — А.), бюро обкома партии принято решение: — просить КПК при ЦК КПСС о восстановлении тов. Алексеева А. Н. в партии, **без перерыва в стаже**».

Вот уж и впрямь — «моделирующая ситуация»! Я написал на этом документе:

«Ознакомлен. Утверждение о том, что мною когда-либо признавались обвинения в “проведении социологических исследований политически вредного характера и написании и распространении клеветнических материалов на советскую действительность”, не соответствует действительности. 1 февраля 1988 г. А. Алексеев».

А. А., февраль 1988

⁴³ Другие фрагменты этого письма см. ранее: разделы 15.13 и 16.4.

⁴⁴ См. ранее, в томе 2 настоящей книги: разделы 8.2 и 10.7.

16.9. «...Мир погибнет, если я остановлюсь»

Ремарка: точка в «деле» социолога-рабочего еще не поставлена.

Как уже отмечалось, осенью 1987 г. сразу два центральных периодических издания («Литературная газета» и «Огонек») готовились сделать достоянием гласности эксперимент и «дело» социолога-рабочего. Тогда состоялась публикация именно в «ЛГ» («Преодоление пределов» Л. Графовой). А очерк спецкора «Огонька» Анатолия Эммануиловича Головкова света не увидел.⁴⁵

Но вот продолжающееся противоборство «перестроечных» и «антиперестроечных» сил в 1988 г., бурные дебаты вокруг «случая А.» — в рабочей, партийной, научной среде, с выплеском на страницы прессы и т. д., дали повод также и редакции всесоюзного журнала вернуться к этой теме. Так в «Огоньке» появился обновленный (с учетом новых обстоятельств) очерк А. Головкова. (Май 2003).

Из очерка А. Головкова «...мир погибнет, если я остановлюсь», опубликованного в журнале «Огонек» (май 1988)⁴⁶

<...> Проще всего было бы представить сегодня Андрея Николаевича только как «жертву произвола», чье поведение не устраивает «консервативно настроенных чиновников». Однако сам-то он отнюдь себя жертвой не считает. Напротив, как бы вынуждает окружающих определять позицию, делать жесткий выбор: и рабочих в своей бригаде, и ученых, и администраторов, и партийных работников, и личных друзей, — вот еще какой парадоксальной гранью обернулся его эксперимент!

<...>. Да, время ранит, но оно же работает на таких подвижников перестройки, как А. Н. Алексеев, Г. А. Богомолов, рабочих одного ленинградского завода. Медленно, но что-то сдвигается в общественном сознании.

25 марта прошлого [1987-го. — А. А.] года А. Н.⁴⁷ мог бы воскликнуть: «Лед тронулся, господа присяжные заседатели!». В этот день его выбрали членом Центральной ревизионной комиссии ССА. Письмо с поздравлениями прислали президент ССА АН СССР академик Т. И. Заславская и председатель ЦРК ССА профессор А. А. Габияни⁴⁸. В ноябре того же года (не без учета мнения общественности и коллективных писем коммунистов) бюро Ленинградского обкома партии единогласно проголосовало за ходатайство перед КПК при ЦК КПСС о восстановлении А. Н. Алексеева в партии с 1961 г. без перерыва в стаже.

⁴⁵ См. об этом выше: раздел 16.2. Кстати, название части 3 настоящей книги — «Полигон» — заимствовано автором именно у А. Головкова (так назывался его не опубликованный очерк).

⁴⁶ Другой фрагмент из названного очерка см. ранее, в томе 2 настоящей книги: раздел 8.1.

⁴⁷ Здесь и далее в оригиналах публикаций — полные имя и отчество.

⁴⁸ См. ранее: раздел 13.15.

Лед-таки тронулся, но тут же остановился: процесс партийной реабилитации А. Н. начал тонуть в бумагах...

С тех пор «Дополнение к справке Ленинградского обкома КПСС по партийному делу т. Алексеева А. Н.» в КПК при ЦК КПСС выдержало по крайней мере три редакции. В апреле А. Н. показал мне последнюю.

Звучит она по-бюрократически застенчиво:

«В связи с принятыми партией решениями о развитии гласности, проводимой работой по устранению застойных явлений, утверждением реальностей в оценке жизни общества, материалы, которые распространял т. Алексеев, **утратили свою значимость как документы политически вредного характера**» (?).

Затем, после перечисления достоинств А.⁴⁹ текст заканчивается следующими жизнеутверждающими словами:

«Принимая все это во внимание, а также установившуюся в партии обстановку открытости, бюро обкома приняло решение просить КПК при ЦК КПСС о восстановлении т. Алексеева в партии без перерыва в стаже».

Тут невольно посочувствуешь сотрудникам Комитета партийного контроля. Чего же желает парткомиссия обкома? Реабилитировать в партии человека, который, судя по «Дополнению...» был едва ли не диссидентом, а теперь, дескать, перестал им быть, поскольку застойный период кончился и то, что недавно считалось черным, стало белым? То есть получается, парткомиссия просит: вы уж там, пожалуйста, у себя в Москве не принимайте близко к сердцу, что никто у нас в Ленинграде не собирается снимать с А. «вины» образца 1984 года, утвердите решение бюро! Волки останутся сыты и овцы целы!

По всей вероятности, для капризного упорства парткомиссии обкома партии, сочиняющей то одну, то другую формулировку, есть куда более серьезные причины, чем бюрократическая уловка. Что значит сегодня, в 1988 году, публично признать, что А. Н. был обвинен необоснованно и несправедливо? Это значит автоматически, прямо или косвенно «бросить тень» на тех, кто четыре года назад обыскивал его квартиру, кто по указке сверху пустился на санкционированное беззаконие, а затем не желал за него отвечать. Кто зубоскалил над его личными письмами, пущенными по рукам на «Ленполиграфмаше». Кто талдычил на ученических советах ИСЭПа о «несостоятельности Алексеева как ученого-социолога», исключал его из Союза журналистов и ССА и, все по тем же политическим обвинениям, устроил ему травлю... Куда уж легче оставить все по-прежнему: мол, А. был по сути своей антисоветчиком и остался им; правильно выдворили его из партии, поделом! И если мы теперь его снова восстанавливаем, то лишь потому, что в партии установилась «обстановка открытости»...

Но давайте все же разберемся. Под «обстановкой открытости», очевидно, подразумевается гласность. Что же мешает и заявить ленин-

⁴⁹ Здесь и далее в оригинале публикации — фамилия.

градцам гласно (то есть во весь голос — в газетах ли, по телевидению), что никаких грехов на А. Н. нет, ни в чем он ни перед партией, ни перед родным городом, ни перед страной не виноват, а наоборот — перед ним виноваты конкретные носители государственной власти. Принести публичные извинения за то, что пришлось вытерпеть ему, мужественному человеку, ученому, рискнувшему поставить опыт на самом себе и тем самым еще в начале восьмидесятых, когда никто и не заикался о перестройке и демократии, одному из первых понять, что, кроме радикальных революционных перемен, у страны нет альтернативы. Понял — и дерзнул научно это доказать! <...>

Готовясь к Всесоюзной партконференции, рассуждая о сопротивлении перестройке, пытаюсь понять логику ее противников, предугадать, откуда и какой последует удар (а пока еще никто не может дать гарантии, что консервативные силы не перейдут в наступление!) мы не можем позволить себе роскоши беспечно наблюдать за тем, как пытаются исподтишка задушить нашу надежду. Трудность заключается в том, что торможение идет скрытое, а мы по существу еще не выработали стратегию защиты. Мы еще колеблемся в выборе способа уберечь первые завоевания перестройки, а горький опыт сталинских лет убедил, к чему приводит мания подозрительности... Значит, есть только один путь демократический, есть только одно средство борьбы — активная и гласная политическая дискуссия с теми, кто то собирается под знаменами черносотенных «идей», то впадает в «левый экстремизм». И вот этих демократических позиций уступить нельзя. <...>

А. Головков

(Огонек, 1988, № 19)⁵⁰

* * *

Из журнала «Огонек» (май 1988)

От редакции

Не успела еще высохнуть типографская краска на «Огоньке» № 19 за 1988 год с очерком А. Головкова «...мир погибнет, если я остановлюсь» (о ленинградском социологе и рабочем А. Н. Алексееве), как пришла весть: А. Н. может, наконец, получить новый партбилет при полном сохранении партстажа. Четыре года Алексеев терпеливо добивался справедливости и верил, что она будет восстановлена. И вот 3 мая в заводском парткоме его ознакомили с решением Комитета партийного контроля при ЦК КПСС.

Этого события ждал не только он, но и многочисленные друзья, товарищи по партии, по науке, соратники по борьбе — ученые, рабочие, журналисты. Ждали «огоньковцы» и наши единомышленники из «Литературной газеты» И что же? Вот они эти строки из этого долгождан-

⁵⁰ Этот номер журнала вышел в Москве в субботу, 7 мая 1988 г.

ного документа, подписанного заместителем председателя КПК при ЦК КПСС И. Густовым:

«Учитывая, что допущенные ранее тов. Алексеевым А. Н. проступки **не носили политического характера** (выделено нами. — Ред.), удовлетворить ходатайство Ленинградского ОК КПСС от 24 ноября 1987 года — восстановить его членом КПСС с июня 1961 года.

Ограничиться обсуждением вопроса о тов. Алексееве А. Н. и сделанными ему замечаниями на заседании Комитета...»

Как говорится, радость со слезою пополам. И все же от души поздравляем А. Н. с победой.

Отдел морали и права
(Огонек, 1988, № 20)⁵¹

* * *

Из журнала «Огонек», 1988, № 19

Песенка

Совесь, Благородство и Достоинство —
вот оно, святое наше воинство.
Протяни ему свою ладонь,
за него не страшно и в огонь.

Лик его высок и удивителен.
Посвяти ему свой краткий век.
Может и не станешь победителем,
но зато умрешь как человек.

Булат Окуджава

⁵¹ Этот номер журнала вышел в Москве в субботу, 14 мая 1988 г.

Приложения к главе 16

Несколько вступительных слов

«Случай Алексеева», представленный выше, разумеется, не был уникальным. В ту пору (1986-1987) была в ходу формула **«неудобные люди»**, обозначающая позицию и типические черты тех независимых людей — «вольнодумцев» и «инакодействующих», которые, в ситуации «ускорения» общественного развития и эскалации перемен, оказывались все более и более востребованными средствами массовой информации. Будучи высвечены **«прожекторами гласности»**, они сами становились своего рода маяками.

Здесь воспроизведу некоторые публикации центральной прессы 1987 г. о троих из них, с которыми я тогда был особенно близок.

В. Богданов... Р. Баранцев... Г. Богомолов... С каждым из них читатель уже встречался на страницах этой книги. (Февраль 2005).

П.16.1. Под прожекторами гласности: случай Владимира Богданова

[Ниже — текст первой из серии публикаций «Комсомольской правды» (март 1987), посвященных В. В. Богданову, газосварщику завода «Энергоавтоматика» (г. Рига).¹ Автор очерка — Инна Руденко. Газетная рубрика — «Характеры и обстоятельства». Стилистика и тональность этого текста характерны для тогдашней молодежной прессы, авторская аргументация и идеологический настрой — для начального периода «перестройки». — А. А.]

Противостояние

— И ты, Тамара?! — я почти кричу.

Как бежала сюда, в гостиницу, где они, трое, ждали меня: что же даст этот, последний, разговор — в райкоме партии? Так торопилась сообщить: секретарь райкома слушал меня внимательно, очень, целых два часа слушал, — а потом сказал спокойно, веско: «Пусть Богданов подает заявление — газосварщики заводу нужны». И это после недели совсем других разговоров, в других кабинетах, после горы — в буквальном смысле этого слова! — официальных бумаг из разных инстанций о том, что о возвращении Владимира Богданова, исключенного из партии «рвача, сутяги и тунеядца», не может быть и речи. «А директор?» — боясь спугнуть спокойствие секретаря райкома, тем не менее не могла не спросить я. — Директор ведь заявил: «Или я на заводе — или Богданов. Это однозначно». Увидев Богданова, вдруг директор действительно подаст заявление об уходе — что тогда?». «Тогда будем рассматривать это заявление», — так же спокойно и веско ответил секретарь райкома.

¹ См. о нем также ранее: раздел 16.4.

Конец, конец этой истории! — радовалась я по дороге в гостиницу, Истории, которая длится не месяцы — годы, к которой причастны несколько центральных газет, суды, прокуратура республики, союзная прокуратура. Их ответы и превратились в Монблан бумаг, ответы идут медленно, Богданов ждет, поднимаясь по ступеням инстанций к самой вершине, не работает, семья на плечах худенькой, хрупкой Тамары, она давно уже пьет таблетки, к неудовольствию мужа, считающего, что любую болезнь побеждает в первую очередь собственное сопротивление. Но она и ему тайком стала бросать лекарства в чай — и самый сильный может не выдержать, когда сын, маленький Владик, узнав, что отец уезжает в Москву, с надеждой спрашивает: «Ты привезешь из Москвы работу? И получишь зарплату? И купишь мне велосипед?». А ведь есть еще двое, и постарше, — Тамара первой обрадуется тому, что сказали в райкоме партии.

Но именно она, Тамара, когда я влетаю в гостиницу, первая мне говорит — тихо, будто испытывая неловкость, что гасит чье-то оживление, но говорит: «Прием на завод заново — это ведь не восстановление. На это нельзя соглашаться». Ну, ладно, он, Володя!.. Я уже изучила эту прямую посадку, будто хребет его совсем не знает гибкости, эту непреклонную уверенность в победе, хотя никто из тех, от кого она зависит, ее ничем не подкрепил, это труднообъяснимое внутреннее спокойствие — при явной готовности взорваться. Она, Тамара, что, не понимает, чем на этот раз может грозить взрыв? Володя слушает, молчит и вдруг улыбается. Черт побери эту его улыбку — она всегда обезоруживает.

А третий в гостинице, юноша в глухом, черном, узком модном пальто слушает меня, чуть иронично прищулив глаза. Это он, Геннадий Котов, написал письмо в редакцию. И там есть такие слова: «За историей с Богдановым следят многие люди — они видят в ней своего рода тест на искренность заявлений о серьезности перемен и намерений. Смогут ли они, эти люди, видя своими глазами, как над Богдановым (у каждого своим) торжествует то зло и несправедливость, с которым он боролся, и творится это теперь — в новое наше время, — смогут ли они, видя это и зная, поверить в серьезность перемен?

— Да возвращение Володи на завод — это победа! Даже если он не восстановлен, а вновь принят — все равно победа! — убеждаю я.

Думаю, директор превратится в соляной столб, увидев на заводе Богданова. Впрочем, директор Федотов такой мысли не допускает. С какой холодной убежденностью он сказал, как отрубил: «Вернуть Богданова — подорвать навсегда авторитет руководства. И окончательно распустить рабочих». В представлении директора — это две параллельные прямые — руководство и рабочие, — и они никогда не должны пересекаться. Пересекутся — не сотрудничество, а конфликт.

Именно так случилось в конце 1982 года. Для выполнения срочного заказа на рижском заводе «Энергоавтоматика» одной бригаде, куда вошел и газосварщик 6-го разряда, профессионал высокого класса, ударник коммунистического труда, партийный активист, были созданы условия подряда. Когда двое из бригады временно выбыли — естественно, возросли и заработки оставших-

ся. Но администрации завода это не показалось естественным: не только не согласовав с бригадой — не поставив ее даже в известность, — быстренько снизили расценки, и цифры зарплаты оказались значительно ниже, чем предусматривалось договором. Дело не в цифрах — хотя и в них тоже. Дело в человеческом, рабочем достоинстве. «Мы, что — пешки?». Дело в справедливости: «Почему нас не спросили?». Именно о ней, справедливости, и хотел поговорить Богданов, рабочий, с Федотовым, директором. Но хоть завод «Энергоавтоматика» маленький, Федотов считал себя человеком большим. Он и со специалистами-то не очень церемонился, о чем они ему (в бытность Федотова еще главным конструктором) толковали. И даже выговор за высокомерие вынесли — а тут какой-то газосварщик! Тогда Богданов от имени бригады обратился в завком, завком поддержал бригаду, не директора, нет, — ну и как воспринял все это Федотов? Согласился — пусть скрепя сердце с профсоюзом? Нет, конечно, — тогда бы не было всей этой истории. «Причина конфликта с Богдановым — игнорирование администрацией решения завкома», — этот вывод я нашла в старом протоколе. Почему конфликт с Богдановым, а не со всей бригадой? Потому что все почти члены бригады подали позже заявление: претензий к администрации не имеем. Кто ждал звания «Ветеран труда», кто квартиры — Федотов хорошо знал, каков самый короткий способ утверждения авторитета руководства. Богданов тоже ждал квартиры — первой в своей жизни. Впятером жили в общежитии, долго, а до этого — армия. А до армии — детдом. Два директора было в детдоме: женщина била плеткой — и часто. Мужчина палкой — и редко. Женщину они все ненавидели, мужчину — нет: «Он ни разу не ударил несправедливо». К ударам судьбы Богданов привык — несправедливость вздымала в нем гнев, часто для окружающих непонятный, — не все же росли в детдоме. «Ты сначала квартиру получи, а потом уже бейся за правду», — сказал Богданову один из проверяющих. Сочувственно сказал, жалея. «Я принципы на квартиру не меняю!» — ответил Богданов. Тоном, каким с сочувствующими обычно не говорят. Постепенно некоторые ему сочувствовать и перестали. А с квартирой случилось то, что проверяющий и предсказывал: очередь сдвинули с первой на третью, и немало воды утекло прежде чем суд прежнюю очередность восстановил. Впрочем, о квартире отдельную статью надо писать, тем более, что о квартире печься пришлось в основном жене Богданова Тамаре. Сам же Богданов пекася в первую очередь о том, что ни на какие квартиры, по его разумению, не меняется. Горе с этими принципиальными — их ведь может понять только тот, кто верит в принципиальность. Кто не верит, подозревает самое ему понятное. «Рвач», — сказал Федотов, когда пришлось заводу деньги Богданову выплатить. С тех пор это слово к нему и прилепилось. И не отлепилось даже тогда, когда Богданов, позже, отказался получать зарплату, протестуя таким образом против выводиловки и приписок, — прямо по нашумевшему в свое время фильму «Премия». Тут шум тоже, правда, вышел, но не из-за приписок, а из-за не вовремя уплаченных Богдановым взносов с той суммы, которую ему все же потом начислили. Жизнь — не кино. Да и не был Богданов похож на хитровато-спокойного героя кино «Премия». Совсем не умел перевоплощаться: как думал, так и говорил, как говорил, так и писал:

«Превратив завод в свою вотчину, Федотов, сей новоиспеченный чинуша, с солдафонской прямолинейностью творит беззаконие и, как ни странно, все ему сходит с рук. Директор сводит счеты с тем, кто ему так или иначе не подходит, и примеров тому множество. Воспитанный на страхе, он уверовал в его (страха) действенную силу и руководит с его помощью. Но напрасно он так думает, у нас в стране люди действуют не под ярмом страха, а по своему убеждению».

Это образец стиля одного из самых первых заявлений Богданова — о том, что деньги выплатили только ему, а нужно выплатить всем. Таков «рвач». «Чинуша» — не самое резкое слово из тех, какими определял сущность Федотова Богданов, когда говорил и писал о приписках, о корректировке планов в сторону уменьшения, об авралах и сверхурочных. Чего-чего, а страха у Богданова нет. Когда его потом, позже, исключали из партии, один из пунктов был такой: «Нетактичное поведение по отношению к товарищам по партии». Богданов тут же на этот пункт заявил: Это не товарищ по партии, это враг». Но называть вещи своими именами многие из нас разучились — так он стал называть врагов сам. И все же нашла я и друзей. Старейшую работницу Забелину — по старому протоколу. В нем приводился такой образчик разговора, характерный, считала Забелина, для взаимоотношений администрации завода и рабочих: «Кто ты такая, чтобы выступать?». Отвечаю: «Женщина, мать, рабочая, коммунист!». А мне: «Ты всего-навсего слесарь III разряда!».

Вот что получалось, когда параллельные пересекались.

Гостиница, временное пристанище, — как перевал, как перепутье. Мне сейчас улетать — с чем? Им возвращаться — к чему?.. Надо же иметь, пытаюсь я им тут, в гостинице, втолковать здравый смысл, гибкость. В конце концов бывают компромиссы и компромиссы! И натыкаюсь на ироничный прищур Гены:

«Я не наивный мальчик, — написал он в письме. — Приучил себя, по Марксу, сомневаться во всем. Но в Володю я верю. И, зная себе цену, признаю за ним старшинство духа. Я бы так не смог — хотя мы часто слабы только потому, что считаем себя слабыми. Он практически бескомпромиссен, лишен гибкости в отношении... того, чему у нас не должно быть места. Но если сегодня что-то где-то на местах и меняется к лучшему, так это благодаря таким, как Володя. Тем, кто не отступает и не уступает!»

Но в данном конкретном случае не отступать и не уступать — значит снова Володе не работать! Что это вообще за мера такая? И до каких пор так может продолжаться? То, что предлагает первый секретарь райкома партии — новый человек на этом посту, — никто ведь еще не предлагал! «Нет, было это уже, было...» — поднимает глаза Тамара. Она говорит не упрекая, не жалуясь, — умоляя понять.

И в самом деле ведь — было. В 1984 году Богданова уволили по сокращению штатов. До этого была еще серия конфликтов, более мелких, и они выявили еще одну типичную черту директора Федотова — крепкую память. Правда, лишь на то, что касается других. О злопамятности директора мне рассказывали многие. Одни, правда, шепотом: те, кто на заводе работает. Другие — нормальным человеческим голосом: те, кто с завода ушел. А ушли многие, очень многие. Удивительное дело: ушли по собственному желанию, так во всяком случае писали в заявлении, все устроены хорошо, а «Энергоавто-

матику» вспоминали с подлинной ностальгией: «Как куколка был завод! А теперь разбазарили... Лучшие кадры ушли». «Так я расстроилась, когда узнала, что недавно Знак качества сняли с некоторых изделий! А ведь Федотова предупреждали те, кто умел смотреть вперед: о перспективе не думаем, по старинке гоним план любой ценой. И где эти люди...». «Теперь все общественные организации директор под себя подмял, а поначалу...».

А поначалу Богданова избрали в партийную комиссию по контролю за деятельностью администрации. И хоть заместитель директора Моторина запретила выдавать ему какую-либо информацию, Богданов кое-какую информацию имел. И трубил о ней, где только мог. Неслыханно — умные люди уходили из-за меньших конфликтов, а этот не только не уходил — шел в наступление. И ему было ясно: директор спит и видит, как бы от Богданова избавиться. Тем более ясно было это начальнику участка, где работал Богданов. Тот стал писать докладные о неполной его загруженности. По настоянию директора, конечно, — в чем мне и вынужден был признаться, опустив очи долу. Но директор небрежно-спокойно заметил по этому поводу: «О незагруженности есть протокол еще 79-го года». Что ж, Богданова тогда, в 79-м, не сократили? Не потому ли, что неполная загруженность часто следствие плохой организации труда? Сократили не до, а после конфликта — спрячьте протокол, он работает против вас, сказала я директору.

Как и следовало предполагать, Богданов с сокращением не согласился. И стал требовать справедливости от закона. За что получил еще один ярлык — «сутяга».

Тут пришла пора сказать о Богданове главное — он не только сварщик. Он юрист. Как раз в разгар всей этой истории защитил диплом в Латвийском государственном университете. Тема диплома — «Социалистическая законность». А поскольку говорить или писать одно, а думать и жить по-другому Богданов не умеет, то от закона он и требовал одного — справедливости. Что других дипломированных специалистов — не газосварщиков — постепенно стало очень раздражать. Их раздражало, а многих окружающих радовало. То с одним вопросом к Богданову идут, то с другим обращаются. И стал Богданов, по выражению одного молодого рабочего, народным юристом. Нужда в народном юристе появилась потому, что, как выяснилось, выросло целое поколение людей с низким уровнем правосознания — это с одной стороны. А с другой — юристы по должности «кое-где у нас порой» допускают весьма существенные ошибки. И город Рига, о чем уже писалось неоднократно в другой центральной газете, — тут, увы, не исключение.

Там, где рабочим классом не просто клянутся, а на самом деле признают его роль, таким рабочим стали бы гордиться. Газосварщик с высшим образованием, легко переходящий от сварочного стола к столу правосудия и не собирающийся, тем не менее, оставлять физический труд. Рабочий, предпочитающий рюмке водки книгу и спорт. Многодетный отец — «такого семьянина теперь с двумя прожекторами не найдешь», — сказал ветеран завода Сколов.

Когда мы с Богдановым только познакомились, я весело так пошутила: «А что, если каждый рабочий станет юристом? Фантастическая картина!». Богданов, сам склонный к шутке, этой шутки не принял: «Да то ли нам гро-

зит?». Потом, правда, веселиться я перестала — когда стала читать ответы юристов-негазосварщиков:

«Независимо от того, какие взаимоотношения складываются у вас с администрацией, она вправе произвести сокращение штатов». «Утверждение Богданова, что он уволен, как негодный администрации работник за критические выступления, материалами дела не подтверждается».

Подтверждать что-либо через годы не так уж и легко, конечно, но вполне возможно — если есть желание. Но какое желание может быть, к примеру, у прокурора Мицкевич, если она проверяла саму себя? «Федотов умышленно вел дело к увольнению Богданова», — говорила ей инженер Трифонова. «Может, не будем записывать это слово “умышленно”, а?» — заглядывала ей в лицо Мицкевич. Ей — заглядывала, а на других смотрела так, что они испуганно твердили: «Не знаю», «Не помню». Потом они многое вспомнили — без прокурора.

Партийные органы к делу о сокращении Богданова подошли несколько иначе: не сразу, но Богданова на завод вернули. Что обе противостоящие стороны до сих пор считают ошибкой. Директор сказал, что раз юридические органы неправильность сокращения не подтвердили — зря он послушался секретаря райкома. «Однозначно». Федотов любит это слово — «однозначно». Богданов же считал виноватым себя: надо было до конца добиваться восстановления. Восстановление человека на работе — признание незаконности содеянного. А приход заново — примирение.

Но о каком примирении могла идти речь!.. «Ну ты теперь-то хоть воевать не будешь?» — спросили Богданова на заводе. «Буду. Конечно», — ответил Богданов. Тут уж не только руководители — некоторые рабочие стали недовольны. Тем более, что все знали — Богданов и своего брата не пощадит, если что, — заядлый же трезвенник. Для него закон свят. Узнав, что вопреки закону уволили одного рабочего без согласования с профсоюзом, он, выступая в роли представителя стороны, добился восстановления. Более того, подал кассационную жалобу: не считается директор с законом — пусть платит из своего кармана! Тогда назначили судебное заседание в Верховном суде республики, прислали Богданову повестку, он с ней к начальству. И Федотов, конечно, сказал: «Нет». «Федотов Богданова провоцировал», — не сговариваясь, сказали мне несколько человек, фамилии которых у меня в блокноте есть. «Директор знал, что Богданов, считая себя ответственным, все равно на судебное заседание пойдет».

Так оно и вышло. Так и получился приказ об увольнении Богданова. За прогул без уважительной причины. Три часа пятнадцать минут «прогулял» Богданов. В Верховном суде республики «гулял». О чем и представил справку. Но теперь уже никто, ни одна инстанция, его не поддержала. Тем более, что за такие же примерно «прогулы» имел два выговора. Так бывший прекрасный рабочий, о чем говорили старые характеристики, стал «злостным прогульщиком», о чем я вычитала из новых уже бумаг, в том числе посланных и из Москвы. В июле 1985 года Богданов уволен — с тех пор и не работает. За что и получил третий ярлык в свой адрес — «тунеядец».

А не работает Богданов по двум причинам, так всем и объясняет, — во первых, восстанавливается, пока, правда, безуспешно, но уверен, что восстановится — до последней ступени пирамиды инстанций еще ведь не дошел, а во-вторых потому, что таким образом хочет привлечь внимание стражей закона к порядкам на заводе. Форма протеста, иными словами. Тут от Богданова с опаской отошли даже некоторые его сторонники. И исключали его из партии почти единогласно. Правда, у меня в блокноте и такие слова записаны: «Хорошо разработанная кампания очернения», и фамилия рабочего в подтверждение есть, которого уговаривали выступить против Богданова, он отказывался: коряво, мол, говорю. Тогда ему прямо предложили прочесть заранее написанный текст. «А что если я его кому потом покажу?» — не выдержал тот. И еще один курьезный случай записан — про то, как одна женщина на собрании ругала Богданова, в перерыве он к ней подошел, улыбнулся своей обезоруживающей улыбкой: «Неужели этот Богданов такой плохой?» — «Ой, что вы, вы ж его не знаете, да он трудовую книжку не забрал, а сам месяц где-то работал, и взносы...». Впрочем, это снова отдельная история, с исключением, не здесь в ней разбираться. Одно из тяжелых обвинений — «частное предпринимательство». То есть взимание денег за юридические услуги. Говорила я с двумя несчастными матерями, которым и сейчас еще помогает Богданов. «Сверхпорядочный человек — как, думаю, его отблагодарить, он же копейки не возьмет. Понесла на Новый год вазочку в подарок. Так они меня чуть с лестницы не спустили», — сказала одна, просившая ее фамилию не называть — имеет отношение к заводу. Другая с радостью назвалась: комендант общежития, где долгое время жил Богданов, Анна Михайловна Илларионова: «Святой человек Володя, — кто в беде — сразу бросится, и такой бесребреник! Чаю в доме не выпьет, как ни уговариваю. Вся семья, долго у нас жили, очень чистая».

Особенно усердствовал, обвиняя Богданова, начальник цеха Фарафонов. Речь его лилась рекой. Один только раз Фарафонов споткнулся и замолчал надолго — когда я спросила, как его, начальника цеха, наказали за приписки? Никак не мог вспомнить. Судя по всему, приписки на заводе не считаются уважительной причиной для увольнения. Был тут народный контроль, по поводу приписок — по заявлению Богданова, — конечно, заявление подтвердилось, но все виновники работают спокойно.

Кто сам врет — тот не может поверить в честность другого. «Лепят меня по образу и подобию своему» — Богданов часто эту фразу произносит. С разным оттенком, начиная с веселого изумления, кончая гневным негодованием. Но вот чего в его голосе совсем нет, так это усталой разочарованности и бессильных стенаний неверия. Иная тональность! «Рутин много. Но будем бороться — победим. Советская же власть». Эта уверенность в подлинном образе Богданова — главное. Но законников, проверяющих его дело, подлинный образ Богданова совсем не интересовал. Проверяющие одно проверяют: 3 ч. 15 минут отсутствовал без разрешения? Значит, увольнение законно.

Представьте себе, что человек, которому бросили перчатку, я имею в виду глубокую старину, взял и запер секунданта противника в собственном доме. Впрочем, такое и представить невозможно — это ж позор, бесчестье. Да-

же не зная причин дуэли администрация — Богданов, а тем более зная, можно было сказать, что директор поступил против чести, морали и партийной этики, не разрешив рабочему прийти в суд, где сам же и был ответчиком. И потому увольнение, если даже оно юридически и законно — тем не менее аморально.

Но такой ход рассуждений, представьте себе, не устроил ни директора, ни Богданова!.. «Как же тогда прикажете жить — по закону или по морали?» — саркастически усмехнулся директор. «Да вы что? — Богданов стал горячиться. — Закон и мораль неразделимы! Закон есть не что иное, как синоним справедливости». И притащил в доказательство учебник, по которому и он, и Гена учились в университете: «Выхолащивание нравственного содержания права происходит сильнее всего в период застоя общества».

С одной из бумаг по делу Богданова, подписанной самим начальником отдела по надзору за рассмотрением гражданских дел в судах Прокуратуры СССР т. Заленским, отправилась я в alma mater Богданова. И там доцент Ян Альфредович Розенберг, учитель Володи и Гены, не мог своим глазам поверить, читая:

«Судебное постановление об отказе в иске о восстановлении на работе соответствует требованиям закона». «Согласно закону представительство посторонних лиц по доверенности не относится к тем государственным и общественным обязанностям, выполнение которых допускается в рабочее время».

— Но суды-то заседают в рабочее время! — воскликнул Розенберг. — По сути, этот документ ликвидирует сам институт представительства!

Об институте представительства, важной юридической гарантии осуществления конституционных прав, учитель Богданова написал книгу. В книге сказано, что представительство следует рассматривать «как социальный фактор, способствующий формированию нового человека, установлению коммунистических отношений между людьми» — ведь в отличие от буржуазного права у нас в стране представителем интересов любого человека может быть любой человек.

«В представительстве проявляются некоторые важные черты социалистического образа жизни, — продолжает автор, — такие, как взаимопомощь, сочетание личных и государственных интересов, активное участие в управлении государственными и общественными делами».

Мы ищем сегодня новые формы управления, демократии, а тут старая, известная, требующая своего развития, подвергается такому ostracismu! Тем и отличается наше право от буржуазного, подвел итог разговора доцент Розенберг, что оно обеспечивается **реально**. «Какое же это право, если оно зависит от расположения духа администратора, да к тому же еще и ответчика!».

На что прокурор Мицкевич усмехнулась потом: «Это теория. А мы исходим из практики». Тут она, конечно, права — одно только уточнить надо: из порочной практики, где двойная мораль, одна — для руководителя, другая — для подчиненного, рождает и двойную законность.

Ответ Заленского — последний.

— Ну, куда еще теперь ты будешь обращаться? — говорю я тут, в гостинице. — Самое разумное: ты пиши заявление о приеме на завод, я напишу статью. А там посмотрим: сегодня время работает на нас. «Нет», — отвечает Володя. — Нет!». Гена молчит, он ведь все написал в письме:

«Богданова уволили неграмотно юридически. Дело это само по себе сложности особой не представляет, возмутительность его очевидна даже несведущему в юриспруденции человеку. Сложность его лишь в том, что зашло оно уже далеко и многие лица и органы оказались в нем замешаны. Однако перемены, происходящие в стране, решения и указания недавнего съезда и только что прошедшего Пленума внушают оптимизм и позволяют надеяться, что справедливость восторжествует и здесь».

Ну вот, все верно, да тут еще статья будет в «Комсомолке» — вот и разберутся наконец. А пока надо работать. Но Тамара тяжело вздыхает: «Да была статья, уже была! И что?..».

Да, и статья уже была... Еще в 1984 году. В газете «Социалистическая индустрия». И в ней все уже было рассказано: от начала конфликта до увольнения по сокращению штатов, как о расправе за критику. На завод приехала комиссия из «Союзэнергоавтоматики» — и оставила в анналах дела Богданова толстенную справку, написанную с одной целью: обелить администрацию и очернить газету. И только после вмешательства партийных органов был получен ответ более или менее объективный.

Но дело даже не в ответах — теперь газеты часто получают правильные ответы, а на местах ничего не меняется. «Противостояние» — называлась та статья.² И эта, как видите, тоже. Потому что противостояние это не только не смягчилось — достигло апогея.

Но та статья была ДО, как мы теперь говорим. В старые, с негативными явлениями времена. А теперь ведь новые, с перестройкой — стоит только газеты почитать, что все люди и делают: теперь не книжный — газетный бум. И главное слово в газетах — демократия. Только грош цена той демократии, если она только в газетах, если рядом с человеком, там — где он трудится, — этой демократии нет. Вычитав в протоколе фамилию работницы Забелиной, пошла я к ней в цех. «Мы стали теперь такие равнодушные, — сказала она мне с горечью и болью, — человека затравили, и какого! А нам и дела нет». Тут же раздался звонок в партбюро завода: «Корреспондент беседует с людьми, которых ей назвал Богданов!». Богданов мне фамилию Забелиной не называл — по части нужных фамилий он вообще не мастак, — но если и так? — спросила я мастера Егорову, которая и звонила. В ответ она произнесла грозную речь о том, что, если и есть на заводе недостатки, долг рабочего не кричать о них, а «молчать и работать. Вкалывать. Да, и в выходные, и сверхурочно — а что, оглядываться на КЗоТ? Тогда и плана не выполнишь. А партия призывает нас...». В чем — в чем, а в демагогии мы поднаторели. «Что же касается Богданова, то, — продолжала Егорова, — мало ли кто на нас был обижен? Что ж, добиваться правды, писать, не работать? Да я б ему тоже — да, не побоюсь это сказать! — и хамила, и выгоняла! И обязательно постаралась бы от него избавиться!». А Федотов не только не извлек уроков из прежней статьи, а твердо сказал: «Вынесенный мне тогда райкомом партии выговор считаю ошибкой — это одно-

² Мирецкая Н. Противостояние // Социалистическая индустрия, 13.07.84. (Примеч. А. А.)

значно». А правая его рука, Полянский, рассуждал так: «Гласность, гласность! Гласность, да — но только для кого?» — и многозначительно поднял палец вверх. А при упоминании XXVII съезда, провозгласившего гласность, демократию, правду необходимой нормой нашей жизни, прямо вскипел: «А что, решения других съездов были не такие же хорошие?».

Вот такие на заводе «Энергоавтоматика перемены.

Гостиница, временное пристанище... Мы — на перепутье. Куда завтра повернет жизнь?... Володя спокоен. Это его спокойствие — при явной готовности в необходимую минуту взорваться... Геннадий смотрит на Володю, и ирония уходит из его глаз:

«В кино и книгах ничто не мешает нам восхищаться героями — если мы, конечно, умеем восхищаться. В жизни же на таких людей, как Богданов, мы смотрим через прицел своих интересов. Каков интерес — таков и прицел взгляда. Но от того, сумеем ли мы не в кино, а в жизни в таких, как Богданов, людях разглядеть героев нового времени, и зависит перестройка. И потому я обращаюсь к вам: помогите человеку: надо ли дожидаться, чтобы драматизм этой ситуации достиг содрогавшей душу остроты?»

Не потому я тут, в гостинице, уговариваю их принять предложение секретаря райкома, что за полумеры. Полумеры в этой истории уже были — и к чему привели? Полумеры, неумение доводить дело до конца, нерешительность привели нас к тому, что сегодня заставляет сказать: «Отступать нам нельзя. Отступать некуда». Но хорошо изучив теперь Владимира Богданова, знаю теперь — он готов к крайним мерам. И потому уже не к нему, с его не знающим гибкости хребтом, а к худенькой, хрупкой Тамаре зываю: «У тебя трое детей, о себе не думаешь — о них подумай. Что если?..». А худенькая хрупкая Тамара отвечает:

— Кто-то же должен... У Маркса тоже были дети, и даже умирали, а он...

Мы выходим из гостиницы. Чистый, белый, неожиданно пошедший снег, прикрыв и серость тротуаров, и наледь, и грязь, преобразует улицы города. В памяти всплывают строки: «Идут белые снеги, как по нитке скользя... Жить и жить бы на свете, да, наверно, нельзя...». Стихи поэта, чья звезда вззошла в шестидесятые годы... Володя кладет мне руку на плечо: «Ничего. Пробьемся. Все равно пробьемся! А нет... Помните, как писал Твардовский Быкову: все пройдет, а правда останется.

— Что пройдет? Что пройдет-то?! — я почти кричу.

Инна Руденко

(Комсомольская правда, 1 марта 1987 г.)

[Статья «Противостояние» в «Комсомолке» была одной из первых на эти темы, вызвавших широкий общественный резонанс, включая возникшие в разных городах страны гражданские инициативы сбора подписей в поддержку В. Богданова, и т. п.³

«Комсомольская правда» несколько раз возвращалась к ситуации, сложившейся вокруг «дела Богданова». (См. в этой газете статьи и подборки материалов: «Не отступать!» (22.03.87); «Честь и право» (7.04.87); «После “Противостояния”» (4.06.87); «Проверка с выездом на место» (25.07.87).⁴ Сам же

³ См. об этом также ниже, в главе 17.

⁴ См. также очерк А. Головкова «Стена» в журнале «Огонек», (1988, № 41).

В. Богданов стал одним из инициаторов создания в Риге клуба «социально активных людей».

Однако вопрос о восстановлении Владимира Богданова на заводе «Энергоавтоматика» так и оставался не решенным.

Мы переписывались с Владимиром. В начале 1989 г. я получил от него письмо с копией коллективного заявления в Верховный суд Латвийской ССР. «Это, собственно, наша последняя попытка добиться пересмотра принятых по нашим делам решений, — писал он. — Трудность ее, попытки, как ты понимаешь, заключается в необычности формы подачи подобного рода заявлений, поэтому на-сущной необходимостью является всемерная поддержка этому заявлению...».

Ниже — текст этого коллективного заявления. — А. А.]

* * *

В Верховный суд Латвийской ССР

Заявление

Мы, нижеподписавшиеся, на протяжении длительного времени подвергаемся совершенно необоснованному ущемлению кто трудовых, кто жилищных, кто моральных, а кто и материальных прав. До сих пор ни одна из наших попыток добиться восстановления этих прав не увенчалась успехом. Более того, не решая наши дела по существу и по справедливости, нас пытаются ввергнуть в бездну безысходности, где нам отведена вполне определенная роль: стать вечными жалобщиками, сутягами и т. п.

Не драматизируя сложившуюся ситуацию, мы, тем не менее, прекрасно сознаем, что традиционными методами (подачей многочисленных жалоб в различные инстанции) ее решить невозможно. Именно это понимание и побудило всех нас обратиться в высшую судебную инстанцию с коллективным заявлением, единственным требованием которого является гласный пересмотр наших дел. Мы не признаем и отвергаем все предыдущие решения по нашим делам, поскольку считаем их, решения, плодом правовой непорядочности, заключающейся в игнорировании буквы и духа наших законов. Чтобы не быть голословными в этом утверждении, мы приведем краткое содержание наших дел, из которых, надеемся, будет видно: насколько справедливыми являются наши требования и наоборот — станет очевидной неправомерность принятых по нашим делам решений.

<...> [Здесь опущено конкретное описание 10 судебных дел. — А. А.]

При всем видимом различии перечисленных в этом заявлении дел, их объединяет одно — все они, наши дела, являются результатом должностной непорядочности тех лиц, которые, в силу занимаемого ими положения просто обязаны были прекратить разгул беззакония, творимый как определенными должностными лицами, так и судами республики.

Этими должностными лицами являются: председатель Верховного суда республики Земрибо Г. А. и его заместитель Москвин А. Н. Именно они повинны в большой степени в том, что, осуществляя высший судебный надзор, делали все от них зависящее, чтобы наши дела не имели справедливого решения. Не без их участия мы вынуждены ходить с порочащими нашу честь и достоинство ярлыками: «прогулыщик», «сутяга», «сумасшедший», «вор»,

«убийца», «преступник» и т. д., и т. п. **Мы отвергаем все принятые по нашим делам решения, а вместе с ними и ярлыки, которые не имеют к нам никакого отношения.** Мы требуем привлечения этих дельцов от правосудия к уголовной ответственности за злоупотребление своим служебным положением.

Одновременно мы настаиваем на пересмотре наших дел, которые и явятся прямым доказательством их неблаговидных поступков. Мы не наивные люди, поэтому прекрасно понимаем, что нашего заявления недостаточно, чтобы привлечь этих людей к ответственности, тем более уголовной. Именно поэтому мы обращаемся ко всем средствам массовой информации (прессе, радио, телевидению), общественности — с призывом: поддержать нас в этом новом демократическом начинании.

Мы не требуем огульного признания наших прав и столь же огульного признания вины этих должностных лиц. Единственное, на чем мы настаиваем — это **на открытом, публичном судебном разбирательстве**, где каждая из сторон имела бы возможность отстаивать свою правоту. Со своей стороны, мы заявляем, что **готовы нести любую ответственность** (каждый по эпизоду, касающемуся его лично, в случае если его требования окажутся безосновательными).

Под чем и подписываемся:

Белецкий Илья Владимирович, Березюк Анатолий Никитич, Богданов Владимир Васильевич, Дулова Альбина Ивановна, Бессонова Надежда Арсеньевна, Кондратьева Александра Арсеньевна, Максимов Николай Сергеевич, Оверко Валентина Элиасовна, Паула Лилита Раймондовна, Яскевич Луиза Николаевна.

(Заявление отправлено 29.12.88 заказным письмом с уведомлением (№ квитанции 726). Письмо было принято 82-м почтовым отделением г. Риги. — В. Б.)

[К сожалению, впоследствии связь между мною и Владимиром Богдановым оборвалась. — А. А.]

П.16.2. Под прожекторами гласности: случай Рэма Баранцева

[Ниже — тексты двух публикаций газеты «Известия» от 30.05.87 и от 18.10.87., посвященных профессору математико-механического факультета Ленинградского университета Р. Г. Баранцеву. Автор — Инга Преловская. Названия подразделов П.16.2.1 и П.16.2.3 воспроизводят названия соответствующих публикаций. — А. А.]

П.16.2.1. Ярлык

Анкета к юбилейному сбору сокурсников ни к чему не обязывала, но он отнесся к ней с обычной пунктуальностью и прямотоушем: «Чем из сделанного в рабочее время вы скромно гордитесь? — Осознанием сути и места асимптотической математики. — Отмечались ли ваши исследования? — Лауреат Государственной премии СССР. — Находите ли вы, что жизнь удалась?

— Да. — ...Что вы считаете основной своей заслугой за прожитые годы? — Сохранение достоинства.

Человек на вершине благополучия? Нет, в последней фразе больше горечи, чем гордости. Он подводил итоги, когда почва колебалась под ногами, и на его месте не каждый бы устоял.

До поры до времени Рэма Георгиевича Баранцева на математико-механическом факультете поощряли в логичном соответствии с его талантом и приверженностью делу. Когда в 1974 году Ленинградский университет выдвигал кандидатуру Баранцева на выборы членов-корреспондентов Академии наук СССР, в отзыве даже подчеркнули завидное постоянство его роста: студент кафедры гидроаэромеханики, аспирант, ассистент, доцент, наконец, самый молодой ее профессор.

А нынче весной та же самая кафедра голосами четырех доцентов (кандидаты физико-математических наук А. Буравцев, С. Матвеев, Е. Нагнибеда, М. Рыдалевская) против одного (сам доктор физико-математических наук Р. Баранцев) не рекомендовала единственного своего профессора к переизбранию в этой должности на очередной срок. И где же логика? «Уход Баранцева не нарушит учебный процесс: его спецкурсы и семинар не включены в новый учебный план» (Е. Нагнибеда). «На протяжении двадцати лет Рэм Георгиевич был инициатором конфликтов, противопоставлял себя коллективу» (А. Буравцев).

12 марта 1987 года конкурсная комиссия факультета не поддержала Баранцева, поскольку он, «несмотря на высокую квалификацию и научные заслуги, авторитетом в коллективе кафедры не пользуется».

Баранцев стал профессором в 1968 году. И за два десятка лет переизбирали его в должности не один раз. Если бы конфликты были взрывными, то отозвались бы в документах. Но в них — никаких следов. К примеру, в январской характеристике 1977 года читаю: «Высокий уровень требовательности, предъявляемый Р. Баранцевым к себе, к коллегам и студентам, несомненно, являлся воспитательным фактором для всех, кто с ним общался». И это «несомненно» произносится, казалось бы, в самый трудный период отношений Рэма Георгиевича с кафедрой: исполняет обязанности заведующего.

Попытка его круто взяться за перемены, однако, наталкивается на сопротивление. И он сам без обиняков отдает себе отчет в том, что ему мешает: «1. Негибкость, малая мера компромисса. 2. Резкость (были срывы). 3. Отсутствие трезвого реализма в оценке внешних обстоятельств».

Решительная просьба об отставке — выстраданный им поступок, на какой не все способны. «Возвращаясь в рядовые, — сказал коллегам, — чувственную облегчение и воодушевление». Исполняющий обязанности заведующего кафедрой доцент С. Матвеев подтвердил: «Карьеристские стремления Рэму Георгиевичу чужды».

Но независимо от оттенков в отношениях с коллегами и после ухода Баранцева в «рядовые» его в 1978 году вновь выдвигают в академию, в 1981-м ректор выносит ему в приказе благодарность «за многолетнюю, плодотворную научную и педагогическую деятельность». Кому нанес он урон? Выясняя, убеждалась: смутные тени затаенных обид и обстоятельств.

Декан профессор Сергей Михайлович Ермаков разводит руками: «Все могут работать, лишь бы не воевали друг с другом. Мы не хотели давить на трудовой коллектив». Но может ли коллектив решать судьбу сотрудника самостоятельно, отчуждаясь от интересов дела? На факультете говорят: «Муж с женой не уживаются — расходятся. Зачем Баранцеву эта кафедра?». Суждение бесспорное, если исходить из удобства кафедры. А если из интересов тех, для кого она существует? Баранцев читал спецкурсы и вел семинары по краевым проблемам науки, над которыми сам плодотворно работал. Не случайно под его руководством выросло два с половиной десятка кандидатов физико-математических наук. В списке его трудов — монографии, более полутора ста научных работ, свыше тридцати — лишь за последние пять лет. А сколько научных работ за те же годы опубликовал в печати, скажем, следующий за ним по алфавиту доцент А. Буравцев? Ни одной. Научный багаж Баранцева трудно сравнивать и с тем, что имеет каждый из трех других его коллег.

Но кафедра-то университетская! Ей воспитывать научные кадры. А ведь известно: средний преподаватель растит средних студентов, яркие ученики появляются в орбите творчества сильных ученых. Выравнивание, усреднение позиций в работе — условия покоя, если не сказать — застоя. Баранцев беспокоен, но не такие ли, как он, вносят в жизнь бродильное вещество развития? Нет, не обойтись нам без главного критерия, в рамках которого только и можно судить о ценности работника — по труду, по способностям, по отдаче для общества. Уживчивых-то у нас хватает, незаурядных — не сыщешь по команде. Потому в научной среде, где талант ценен особая, вопрос рачительного отношения к нему острее, чем где-либо.

Как бы далеко ни заглядывали сегодня в прошлое, чтоб оправдать отлучение Баранцева от кафедры, переломный момент очевиден — весна 1983 года. С той поры в его документы неизменно приписывают: «Принимал активное участие в организации и руководстве межфакультетским семинаром, деятельность которого парткомом ЛГУ была признана идеологически вредной. По рекомендации парткома с мая 1983 года профессор Р. Г. Баранцев педагогическую работу не ведет».

Первые темные краски появились в его характеристике, которую тогда факультет направил в партком. На общественной репутации Баранцева повис ярлык неблагонадежности, и коллеги начали от него отмежевываться. Исход казался им предрешенным. Ждали лишь законного часа переизбрания, и он настал: Баранцеву предложили перейти в НИИММ (Научно-исследовательский институт математики и механики) на хозяйственную ставку («группу пусть создает постепенно в ходе работы»). Госбюджетную ставку искать не стали. Его навсегда отторгали от педагогической деятельности в университете. Это и вызвало письма к нам и в ректорат ЛГУ московских ученых из МГУ, МАИ и ЦАГИ.

«Баранцев — признанный в стране и за рубежом специалист по аэродинамике летательных аппаратов, движущихся в верхних слоях атмосферы, при том типично университетского склада теоретик», и «отлучение его от педагогической и стеснение в научной работе» член-корреспондент АН СССР ректор МАИ Ю. Рыжов назвал расточительством. «Отстранение профессо-

ра от преподавания по идеологическим мотивам — событие исключительное, и мы считаем необходимым разобраться в этом», — писали профессора Г. Степанов, С. Лосев, доктор физико-математических наук С. Регирер.

Когда я обратилась в партком ЛГУ, там удивились: дело давно закрыто, и протоколы в архиве. Документы, правда, нашлись, но люди в парткоме действительно новые. Посмотрели решение. Вопрос об использовании в учебно-воспитательном процессе беспартийных преподавателей Р. Баранцева, Л. Шишкиной, О. Калинина четыре года назад был передан на рассмотрение факультетских организаций.

— Партком не настаивает на отстранении Баранцева от педагогической деятельности, — сказал мне секретарь В. Захаров.

Признаться, оторопела не только я. Еще большее изумление выказал декан матмеха, только что указавший на партком как решающую инстанцию в судьбе Баранцева.

Чем дальше вникала я в эту историю, тем больше выявлялось в ней затененного, недоказанного и непонятного.

Около трех лет под эгидой совета молодых ученых при комитете ВЛКСМ ЛГУ существовал междисциплинарный методологический семинар. В нем сошлись языковеды, математики, психолог, химик, физики, философ, архитектор... свел их вместе интерес «к структурированию информации с разным предметным содержанием» на стыке системологии, логики и лингвистики с другими науками. Люди в большинстве молодые, они собрались искать новые подходы к знаковому описанию сложных систем и процессов, имея в виду наши будущие отношения с миром компьютеров.

Осенью 1982 года они подготовили сборник статей «Семиодинамика» и с рецензиями специалистов отдали в издательство ЛГУ. Гром грянул, когда редакция послала «Семиодинамику» на дополнительную рецензию заведующему кафедрой диалектического материализма профессору В. Иванову. Оба экземпляра сборника и всю документацию к нему Иванов передал в партком. В издательстве с перепугу не рискнули показать Баранцеву, ответственному редактору сборника, даже копию отзыва Иванова без разрешения парткома.

Сумрачность тех событий я почувствовала даже теперь. Не помню случая, чтоб у меня когда-либо проверяли в парткоме записи: на протоколе оказался гриф секретности. Что за этим стоит, я начала понимать лишь в беседах с В. Ивановым. Встретил он меня приветливо: после занятий на кафедре патриархально пили чай. Но, перечитав блокнот, я сама себе не поверила и вернулась к Вячеславу Григорьевичу с диктофоном. Замечу, он не затушевывал свою позицию и сам предложил мне прочесть выводы, к которым пришел после опроса университетских авторов «Семиодинамики» в комиссии парткома. «Независимо от того, как оценивают свою деятельность руководители семинара, — рассуждал Иванов, — он является легальной формой прикрытия деятельности, направленной на идеологическое разложение молодежи и объективно смыкается с кампанией, направляемой империалистической идеологической машиной на деидеологизацию, идейное разоружение советского общества... Семиодинамика планируется как особая сверхнаука, по существу призванная заменить материалистическую диалектику».

— Так вы считаете, что авторы сборника вели враждебную нам пропаганду?

— Нет, это не значит, что руководители семинара или подобных интеллектуальных сект — завербованные агенты, — терпеливо объяснил мне Вячеслав Григорьевич. — Но вы, конечно, слышали о концепции ползучей контрреволюции? Исподволь создается почва, на которой люди незаметно превращаются в «агентов», хотя, может быть, и считают себя патриотами.

Вячеслав Григорьевич нарисовал на листке соединенные друг с другом круги, пояснив: «Вот семиодинамика. С ней связана была биоэлектроника. Баранцев участвовал в том и другом семинаре. И не только он один... Факт сети таких семинаров подтверждается их взаимным переплетением и координацией деятельности». Иванов предположил даже «наличие родственных семиодинамических организаций в других городах».

На семинаре по семиодинамике выступали ученые: москвичи, волгоградец, двое новосибирцев, почтенный профессор из Риги. Но семиодинамические организации?! Вячеслав Григорьевич расспрашивал университетских участников семинара, был ли у них свой денежный фонд, кто из них и кого «вовлек в семиодинамику». Людмила Сергеевна Шишкина, лингвист, кандидат филологических наук, входившая в редколлегию сборника, говорила, что после этих вопросов не могла спать по ночам: преследовал безотчетный, панический страх.

... — И вы все-таки сочли, что Баранцев возглавлял секту? — недоумевала я.

— Роль Баранцева не больше, чем руководителя ВИА, — Вячеслав Григорьевич был последователен в своей концепции. — Вы слышали песенки типа: «Мне бы побольше денег, чтобы развлекаться с девушками...». Беда в том, что запущена идеологическая работа с людьми, с молодежью. Вот и ищут отдохновения кто в чём. Одни слушают ВИА, другие уходят в религию, третьи — клюют на сенсации. Но кто-то при этом ловит рыбку в мутной воде.

Семинар представлялся ему «идеалистической говорильней с душком мистицизма». А «объектом идеологической работы семиодинамики и родственных с ней организаций» — вузовская молодежь. Если принять всё это за реальность, впору было схватиться за голову. Действует под боком парткома семинар, кого-то «вербующий», воспитывающий «альтернативное мировоззрение»! Сборник отдали философам на повторный отзыв. Семинар закрыли немедленно.

Философы сразу обнаружили уязвимое место семиодинамики в смешении, подмене частнометодических и методологических вопросов. И хотя в отзыве, который дали два других специалиста ЛГУ, речь шла о «подмене, возможно, невольной», комиссия парткома зафиксировала противопоставление семиодинамики научной философии, заподозрив авторов сборника в создании «символического языка (жаргона) для посвященных», «в навязчиво болезненном поиске универсальных численных и графических выражений для процесса познания». Их сравнили с пушкинским героем, помешавшимся на трех картах. (Вспомнишь, пожалуй, давние шутки над генетиками — «мухолюбями»).

Я спросила Алексея Сергеевича Мамзина, возглавлявшего комиссию, почему участников семинара стали сразу рассматривать как отступников, вы-

нужденных оправдываться в ереси. Разве философы не могли обсудить сборник с его редколлегией и авторами на семинаре? Почему возобладаало стремление к закрытому разбирательству?

— Элемент секретности был — подтвердил Алексей Сергеевич. — Мы испугались. Формулировки употребили, конечно, чересчур сильные, с передержкой...

Он признался, что испытывал противоречивые чувства, соглашаясь внести в заключение о семинаре оценку «идеологически вредный», которой не было в его отзыве.

— Но что было делать — писать особое мнение? Баранцев, разумеется, не идеологический диверсант. С него надо бы снять «табу» на преподавательскую деятельность. Но разговор на парткоме принял в то время суровый оборот. Вячеслав Григорьевич сразу ударил в большой колокол, и трудно было отступить.

Тем и трудно, что сразу на парткоме оказался триадный синтез Баранцева покушением на материалистическую диалектику, но не к барьеру спора призвал философ коллегу-математика, а тотчас потребовал привлечь «виновных» к ответу в инстанциях. А место ли это для выяснения научных проблем?

Ведь не было сети семиодинамических организаций, особого денежного фонда, не вырабатывали участники семинара тайный жаргон и не собирались устраивать кошмарных действ в духе мракобеса Иоанна Кронштадтского, как почудилось Иванову... И студенты бывали на семинаре единицами, а не толпами. Как им было вникать в семиодиному, если специалисты с учеными степенями понимали друг друга с усилием!

На «круглом столе» в «Вопросах философии», посвященном социальным и методологическим проблемам информатики, недавно отмечали, что в ответ на необходимость исследовать и создавать взаимодействие самых различных элементов, возник ряд широких комплексных направлений, которые пока еще в строительных лесах. Именно об этом и написали нам в отзыве на злополучную «Семиодиному» ведущие сотрудники институтов философии и истории естествознания и техники АН СССР доктора философских наук И. Акчурин, В. Швырёв и Н. Овчинников:

«Сейчас, по существу говоря, формируется новая прикладная научная дисциплина — когнитология, в сферу которой входит применение методологических принципов теории познания для построения новых информационных и классификационных систем. Семиодинамика — лишь термин, которым авторы сборника по-своему ее именуют».

Мы, понятно, не намереваясь вдаваться в научную оценку «Семиодиному». Сборник могли отвергнуть или предложить доработать, но «арестовать» на четыре года?! Вряд ли он потребовал бы рентгеновского прочтения глазами стольких философов, если бы не такие оргмеры.

«Скоропалительный политически оценочный подход, — пишут И. Акчурин, В. Швырёв и Н. Овчинников, — не годится по отношению к попыткам ученых вести свои изыскания на стыке естественных и общественных дисциплин, в неосвоенных, неразработанных наукой сферах, приобретающих в наше время актуальное прикладное значение»...

Вот главное, ради чего обратились мы к этой истории. Казалось бы, жива память об опасных страхах вокруг генетики и кибернетики. Так нет, кому-нибудь да неймется «шугануть» непонятное для острастки.

Чем еще смутил семинар? Ежедневно люди после работы заседали часами. И — никакого начальства. Ни утвержденного бюро, ни назначенного консультанта. Председательствовал тот, кто лучше знал проблему. Никаких официальных бумаг. Но неужели нам трудно поверить в добровольную самодвижущую энергию научного интереса?

Так что же, упирается ли все, что случилось с Баранцевым и другими университетскими педагогами из семинара, в чрезмерную подозрительность одного человека? Но пусть сигнал Иванова и звучал как пожарная сирена, чтоб послать его, нужна ведь была уверенность, что его примут. Когда же это возможно? Только в обстановке закрытости. Она порождает страхи, растерянность, слухи. Баранцеву и другим авторам сборника не дали возможности защищать свой труд. Никого в сущности и не волновало, поймут ли они, в чём ошибки, которые у них находят. Наказание выглядело, как самоцель.

Философы, имевшие отношение к семинару, получили строгие партийные взыскания. Двоих сразу отстранили от преподавания, и они ушли с факультета. Их коллегу спас несчастный случай: выздоровел, когда все успокоились, и, к счастью, остался преподавателем, получив просто выговор.

Через год взыскания с философов сняли, а срок наказания Баранцеву и другим беспартийным никто не потруился определить. Их вроде как бессрочно отстранили от педагогической работы. А законные основания? По статье о профнепригодности профессора Баранцева убрать было нельзя. Досрочные перевыборы в должности? Хлопотно! Дело завязло в неясности. Прежний декан убеждал Баранцева поскорее уйти из университета: «Воинственная позиция вам не на пользу. Принудительное увольнение принесет больше неприятностей».⁵ Освободили Баранцева от педагогической работы. Отверженность давали почувствовать. Ну, скажем, публично предложили уйти с экзамена, который сдавали его аспиранты. Отмежевавшись, ждали: сам уйдет.

Он писал методические пособия, упорно занимался наукой и упрямо настаивал, чтоб разобрались в его деле. Крепкая натура, удивлялись окружающие. Только чего ему это стоило!

— Ситуация непростая, — сказал нынешний ректор ЛГУ Станислав Петрович Меркурьев. — Прошное не должно стать причиной для ухода Баранцева из университета.

Но когда нынче в конце марта ректорат утвердил Баранцеву ставку профессора с правом сосредоточиться почти целиком на научной работе, на факультете возникла растерянность. Инициативу ректора вроде бы приняли: конкурсная комиссия пересмотрела решение. Однако ученый совет матмеха проголосовал против переизбрания Баранцева. Вернулись к семинару. Может ли Баранцев преподавать? Невинен он был или настал час помилования? А если так, то кто определил срок отмены наказания?

Спустя месяц большой ученый совет университета все-таки утвердил Р. Баранцева в должности профессора. Победил трезвый подход к серьезному ученому. Но резон есть и в позиции тех, кто требует ясности.

⁵ Подробнее об этом см. ранее, в томе 2 настоящей книги: раздел 8.12, включающий в себя (в сокращении) очерк Я. Гордина «Дело Баранцева». Психологический этюд эпохи позднего большевизма», опубликованный в журнале «Звезда» (2000, № 4).

На прощание Вячеслав Григорьевич Иванов сказал мне, имея в виду баранцевскую историю: «Драматизировать не имеет смысла. При всех условиях мы имеем дело с советскими людьми. Дуроломить в таких вещах опасно». Но ярлык-то в характеристике Баранцева остается. «Если тень человека идет впереди него, это не значит еще, что человек идет за своей тенью», — заметил однажды историк Ключевский. Можно ли наконец сказать, что тень, за которой упорно не желал идти Баранцев, исчезла, а не притаилась на обочине его пути?

В первых числах апреля Баранцев выступил с сообщением о системных триадах в Институте философии АН СССР. И его не заподозрили в ереси, в подрыве основ. Его слушали с интересом, хотя еще трудно предсказать, ведет ли к успеху путь, который он нащупывает.

Стоять на страже, конечно, проще, чем доказывать, находить аргументы в открытом споре. Но наука развивается в борьбе противоречий, в столкновении мнений, в конструктивных дискуссиях. Такова в конце концов диалектика самой жизни. Нет монополии на научную истину. Никто не может считать себя ее безупречным держателем.

В университете сетовали: где алгоритм для выхода из таких ситуаций, как история с «Семиодинамикой»? Ну как теперь поставить точки над «i»? Действительно, нелегко. А все-таки точки ставить надо. И откровенно, бесстрашно оценивать ситуацию, помня, каким ущербом для нас оборачиваются ненаучные методы борьбы в науке и кто должен отвечать за это. Оценивать ради справедливости, ради репутации людей, ради науки. И когда же это делать, как не сегодня, когда мы сообщаем учимся демократии и отлаживаем ее механизм в жизни нашего общества.

Инга Преловская

Ленинград

(Известия, № 150, 30.05.87)

* * *

[Нижеследующие тексты взяты мною из рукописи книги Р. Баранцева «История семиодинамики: документы, беседы, комментарии». Здесь публикуются с согласия автора названной книги. — А. А.]

П.16.2.2. Отклики на выступление «Известий»

...из Новосибирска:

Автору статьи «Ярлык» в «Известиях» (30.05.87), спец. корр. «Известий» Инге Преловской

Разрешите искренне поблагодарить Вас за превосходную статью в защиту профессора Ленинградского университета Ээма Георгиевича Баранцева. Надеюсь, Ваша статья развеет сумрачную ситуацию травли, которая ведется против него вот уже более трех лет после решения парткома ЛГУ.

Мне, как кончившему в свое время ЛГУ, горестно сознавать, что в этой истории университет предстает как заведение, где в Вольтеры дан фельдфебель, своего рода идеологический надзиратель, способный лишь на построение в шенгу: «Не нам, господа, подражать Плинию, наше дело выравнивать линию».

Социализм в голове таких идеологов-выравнивателей предстает не как общество со стремлением к большей материальной и духовной раскрепощенности, к творчеству и свободе, а как некая фаланстера с системой начальников. И тогда все, что не одобрено начальником, становится «идеологически вредным» и даже «идеологической диверсией». Именно существование «альтернативного мировоззрения» философ ЛГУ В. Г. Иванов, зав. кафедрой диалектического материализма, воспринимает как диверсию и организует через комиссию дознание, кто, кого, куда и когда «вовлек».

Жуткая атмосфера! В итоге она ведет к гибели культуры внутри общества и вне его. В сущности, мировосприятие ведущего философа ЛГУ ничем не отличается от идеологии «Памяти» с поисками и преследованием «враждебных символов и знаков».

Хочется верить, что после Вашей статьи партком ЛГУ признает ошибочность своего решения 1983 г. и вообще порочность подобной практики «ярлыккомании», а издательство ЛГУ издаст сборник «Семиодинамика», которому столь необычным путем создана реклама. Споры должны начинаться, когда книга или статья напечатаны, а до того они как бы и не существуют.

С уважением,

М. Д. Голубовский, доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник Института цитологии и генетики СО АН СССР, г. Новосибирск, 10.06.87.

* * *

...из Ульяновска:

По поводу статьи «Ярлык», опубликованной в газете «Известия» от 30.05.87 г.

Прочитал статью спецкора «Известий» И. Преловской и сразу же вспомнились события более чем 35-летней давности. В 1952 году в Ульяновском педагогическом институте кафедрой зоологии заведовал проф. А. А. Любичев, как теперь пишут в словарях, «советский энтомолог, математик и философ» (см. биографический справочник «Биологи», Киев, 1984). А. А. Любичев написал работу с критическим анализом взглядов акад. Лысенко, выдаваемых тогда философами за самую передовую, материалистическую, «мичуринскую» биологию. Об этой работе сразу же стало известно отнюдь не научным кругам. На ученого навесили ярлык «менделист-морганист-вейсманист-идеалист». Ярлык сработал и профессор фактически был отстранен от преподавания, от руководства аспирантами и вынужден был уйти на «заслуженный отдых». Помню, как мы, группа аспирантов и молодых преподавателей, ходили в ректорат и партком и просили пригласить профессора для чтения спецкурса по биометрии, но везде получали невразумительные ответы и объяснения, почему это невозможно.

Казалось бы, теперь уроки извлечены. Вред наклеивания ярлыков и отстранения от работы крупных ученых, потому что их взгляды не совпадают с общепринятыми, осознан и подобные ситуации невозвратимы.

И вот теперь, почти 30 лет спустя, не где-нибудь в провинции, а в Ленинградском университете, профессор, «признанный в стране и за рубежом, специалист по динамике летательных аппаратов», лауреат Государственной

премии СССР, автор нескольких монографий, ученый и учитель, под чьим руководством выросло два с половиной десятка кандидатов физико-математических наук, отстраняется от преподавания и руководства аспирантами только потому, что одному из философов показалась идеологически вредной его деятельность по руководству семинаром по семиодинамике. Я не специалист по семиодинамике, но думаю, что любому здравомыслящему человеку ясно, как следует поступать в подобном случае. Да будет выслушана и другая сторона! Надо было одно или даже несколько заседаний семинара провести вместе с философами, которые (философы) смогли бы убедить семиодинамиков, в чем их идеологические заблуждения и что «уязвимое место семиодинамики в подмене частнометодических и методологических вопросов». Вместо этого приклеивается ярлык политической неблагонадежности, отстранение от преподавания и даже увольнение.

Полностью согласен с автором статьи, что надо «поставить точки над и». Ситуации, при которых расправа с неугодными достигается через навешивание ярлыков, еще не изжиты. И дело, по-видимому, заключается в том, что те, кто навешивает ярлыки, никакой ответственности за это не несут. Хорошо рассуждать В. Г. Иванову, что «не следует драматизировать события». Его ведь, по-видимому, даже не пожурели за то, что он нанес явный вред подготовке выпускников университета, инициировав отстранение от преподавания квалифицированного профессора. Его самого ведь не отстранили от студентов и аспирантов! Наверное, и не стоит этого делать. Но вот поручить ему обосновать свою позицию в открытой дискуссии стоило бы. Тогда и уровень его профессиональных суждений и доказательств будет вполне очевиден.

Хорошо, что «победил трезвый подход к серьезному ученому» и Ученый совет избрал Р. Г. Баранцева на новый срок на должность профессора. Хочется надеяться, что и партком университета признает неправоту своего решения и отменит его, что проф. Баранцев будет, наконец, допущен к преподаванию, к студентам и аспирантам и будет учить и воспитывать честных и принципиальных ученых, каким является он сам.

Наумов Рэм Владимирович, доцент кафедры зоологии Ульяновского пединститута, член КПСС с 1951 года, член парткома института, июнь 1987.

(Направлено в «Известия» и в ЛГУ).

* * *

...из Москвы:

В газету «Известия»

Уважаемые товарищи!

Мы испытали глубокое удовлетворение, прочитав в вашей газете статью «Ярлык» И. Преловской. Описанная история в подробностях известна нам из рассказов ее главного героя Р. Г. Баранцева и участников его семинара в ЛГУ. Нам посчастливилось сотрудничать с Баранцевым в деле создания междисциплинарного сообщества ученых, исследующих классификационную проблему, одну из самых актуальных и запутанных проблем нашего времени. Эта многолетняя организационная работа (еще не завершенная) воистину превратилась в борьбу, напряженную, изнурительную, драматическую.

«Окружающая среда» в лице разных людей, в том числе руководимых «благими» намерениями (вроде упомянутого в статье В. Г. Иванова), сопротивлялась вполне эффективно. К поставленной цели — создать благоприятные условия для междисциплинарного синтеза теоретико-классификационных достижений — пришлось пробиваться с такими боями, будто в действительности нашей целью было что-то неблагоприятное или опасное. Не хочется перечислять здесь все наши потери. Достаточно сказать, что оформить классификационное движение в реальное междисциплинарное объединение (общество, товарищество) до сих пор не удалось...

Нет, мы не отступились, движение не прекратилось. Пока среди нас есть такие ученые, как профессор Баранцев, надежда на успех не угасает. Думая о нашем Рэме, о значении его примера, невольно оказываешься в мире высоких понятий. Неустрашимый просветитель, рыцарь в белых одеждах, хранитель совести и чести, низкий Вам поклон, дорогой Рэм Георгиевич!

А силы, которые сопротивлялись социальным инициативам, рождающимся в среде ученых (и интеллигенции вообще), не сдают позиций. Хочется верить, что теперь они уже не столь неуязвимы, как прежде — перестройка все-таки! — но бороться с ними все так же трудно, нередко просто невозможно. Вот живой пример.

В Московском обществе испытателей природы, существующем уже почти 200 лет, известном своими добрыми традициями и здоровым творческим духом, был внедрен откуда-то извне на должность ученого секретаря полковник запаса кандидат технических наук, некто Александр Васильевич Рудинский. Не считаясь с известной спецификой добровольного научного общества, действуя по принципу «лучше перебдеть, чем недобдеть», сей военный муж за короткое время сумел изрядно наломать дров. В частности, когда ему так и не удалось, несмотря на все старания, разогнать вторую Всесоюзную школу-семинар по методологии и теории классификации, он отомстил ее организаторам, сведя с ними постфактум личные счеты. Превратив мирное общество в поле брани, Рудинский восстановил против себя многих его членов, которые в знак протеста были готовы выйти из него. За профессиональную непригодность и отпугивающие «унтерпришибеевские» методы работы Совет общества вынес решение освободить Рудинского от занимаемой должности. Но облегченно вздохнуть не пришлось: решение Совета общества не выполнил его Президент, даже не дав себе труда разъяснить Совету, почему. Ибо Президент — заслуженный академик: попробуйте поспорьте! Вот Вам тема для очередной публикации; если сочтете нужным, напечатайте наше письмо.

Увы, репутация отдельных людей у нас до сих пор нередко ставится выше общественных интересов. А то, что общество от этого, мягко говоря, сильно портится, — это почему-то не волнует ревнителей репутаций, равно как и то, что репутация, спасаемая сомнительными средствами, оказывается тем самым «подмоченной».

Статьей «Ярлык» «Известия» поддержали ту форму существования науки, которую теперь все чаще именуют научным движением. Это старая и в общем закономерная форма вынашивания и рождения новой науки (гене-

тика и кибернетика, например, в нашей стране в свое время прошли через фазу движения), только ее почему-то не всегда ходят признавать, а случается, и преследуют. Не пора ли оградить ее от варваров? Тепличные условия ей не нужны, может быть, даже вредны, однако и гонения — разрушительны. И к тому же очень невыгодны: вытесняется нива, на коей произрастают ценные научные идеи — достояние страны. И вообще, кажется, настало время провести социальный эксперимент: святая наука без святой инквизиции. Есть основания думать, что такая наука окажется и более результативной, и более экономичной.

В. Л. Кожара, Е. М. Чевкина, Москва <...>, июнь 1987.

П.16.2.3. А тень осталась. После выступления «Известий»

В статье под этим названием [*«Ярлык»*. *«Известия»*, 30.05.87. — А. А.] газета рассказывала о мытарствах профессора математико-механического факультета Ленинградского государственного университета, лауреата Государственной премии СССР Р. Баранцева, видного специалиста в области газо- и аэродинамики. В 1983 году партком ЛГУ признал идеологически вредной деятельность межфакультетского семинара, в руководстве и организации которого ученый принимал активное участие. Сигналом послужил отзыв зав. кафедрой диалектического материализма В. Иванова на рукопись сборника статей «Семиодинамика», представленную участниками семинара в издательство ЛГУ. Философ передал ее в партком, усмотрев в статьях сборника идеологическую опасность. Семинар незамедлительно закрыли. Созданная парткомом комиссия работала в обстановке секретности. Р. Баранцева, как и других университетских преподавателей, причастных к семинару, отстранили от педагогической деятельности. А весной 1987 года кафедра гидроаэромеханики, мотивируя тем, что Р. Баранцев более не несет педагогической нагрузки и не пользуется авторитетом в ее коллективе, не рекомендовала его к переизбранию профессором. Не оказал поддержки и ученый совет факультета, хотя до скандала с семинаром претензий к профессору при его очередных переизбраниях не возникало. Навешенный на ученого ярлык неблагоприятности тягостно сказался на его положении в университете.

Редакция получила ответ из ЛГУ, подписанный ректором профессором С. Меркурьевым и секретарем парткома В. Захаровым.

«Статья “Ярлык” вызвала широкий общественный резонанс в коллективе Ленинградского университета. Партком, партийные бюро математико-механического и философского факультетов на своих заседаниях рассмотрели опубликованный материал.

Партийный комитет, партийные бюро считают, что при обсуждении работы семинаров и научных направлений, находящихся на стыке наук, действительно необходимо использовать более разнообразные формы привлечения научной общественности, чем это было при обсуждении работы семинара по семиодинамике. Следует отметить, что при рассмотрении вопроса в мае 1983 года партийный комитет опирался на выводы комиссии, в состав которой входили квалифицированные ученые различных факультетов университета, а также на отзывы авторитетных в области марксистско-ленинской философии специалистов. На наш взгляд, партком дал объективную оценку научной деятельности семинара.

В настоящее время т. Баранцеву Р. Г. предложено сделать доклад на теоретическом семинаре философского факультета с участием ученых других факультетов университета. 29 апреля 1987 года профессор Баранцев Р. Г. переизбран на новый срок.

Вместе с тем, нельзя согласиться с оценкой автором статьи научного потенциала кафедры гидроаэромеханики. Сотрудники кафедры являются квалифицированными преподавателями и учеными, признанными в нашей стране и за рубежом. За последние пять лет ими опубликовано около 50 работ. Не соответствует действительности и утверждение о том, что доцент А. И. Буравцев за последние пять лет не опубликовал ни одной работы. Он имеет 9 работ, в том числе им получено два авторских свидетельства на изобретения».

Судя по ответу из ЛГУ, серьезных оснований для тревоги нет и не было. Редакция считает, что это не так. Уточним, однако, сначала частные обстоятельства. Автор статьи не вдавался в оценку научного потенциала кафедры гидроаэромеханики. Но есть факт очевидный: на именной университетской кафедре, где работали в прошлом такие ученые, как академики Н. Кочин, С. Христианович, В. Смирнов, члены-корреспонденты АН СССР И. Кибель, С. Валландер и другие, сегодня лишь один-единственный доктор наук. И разве не ясно, что уход Р. Баранцева, плодотворно работающего талантливого исследователя, вырастившего около 30 кандидатов наук, снизил бы научный потенциал кафедры, где остались бы четыре доцента кандидата наук? В статье не подвергалась сомнению работа доцента А. Буравцева, отраженная в научных отчетах, и соавторство в изобретениях, а отмечено было отсутствие у него за 5 лет научных трудов, опубликованных в печати: журналах, книгах, сборниках, материалах конференций. Мы их так и не обнаружили, если не считать юбилейных заметок.

Теперь о сути дела. Партком ЛГУ не дал принципиальной оценки тем методам вмешательства в поисковую работу, которые были использованы четыре года назад при рассмотрении деятельности межфакультетского семинара по семиодинамике. О какой же объективности идет речь, если члены комиссии даже не побывали на семинаре, не говоря уже о том, чтобы в равноправной обстановке обсудить с его участниками цель и направление их поисков? Между тем на ученых легли обвинения не менее, как в идеологической неблагонадежности. После обличительного отзыва В. Иванова рукопись была дана на рецензию еще двум университетским докторам философских наук. Подвергнув сборник всесторонней критике, они всё же избегли «ярлыковых» формулировок, что оставляло возможность для прояснения позиций, более взвешенного, трезвого подхода к ситуации, однако разбирательство пошло по пути обвинений и запретов. Так неужели и сегодня в ЛГУ считают нормальным способом обсуждения работы ученых поочередный вызов их на комиссию парткома? Ученой ли комиссии было выяснять, нет ли у семинара особого денежного фонда? А чего стоило предположение, что участники семинара изъяснялись на «жаргоне для посвященных»? Исследователи представляли перед своими оппонентами в качестве ответчиков, вынужденных оправдываться, а не вести научный диалог. Под какую норму отношений с учеными можно подвести и то, что экземпляры неизданного сборника их статей не возвращались авторам в течение четырех лет? Три доктора философских наук, ведущие сотрудники институтов философии и истории естествознания и техники АН СССР, ознакомившиеся по просьбе ре-

дакции с «Семиодинамикой», нашли неприемлемыми сделанные с явными натяжками суровые идеологические оценки:

«Авторы его имели право выбрать те формы симметрии, которые кажутся им наиболее перспективными для эвристических подходов к созданию новых классификационных и информационных систем... Не будучи философами, они допускают ошибки и неточности, идя к обобщениям от материала и методологии частных наук. Им и надо было бы помочь, потому что ценно само стремление представителей конкретных наук ради их научных целей обращаться к методологии. Увы, с прискорбием можно констатировать, что их одернули...»

Как видим, философы разошлись в своих мнениях, что само по себе свидетельствует об опасности однозначных и поспешных оргвыводов. Состоятельна ли семиодинамика как направление научных поисков, может решать лишь обычным в науке путем — в полемике и исследованиях. И читатели, как показывают отклики, волнует прежде всего отношение университетов не к семиодинамике, а к демократизации научной жизни.

«В данном случае важен не вопрос о семиодинамике как научном направлении, которое может и не состояться (в конце концов не она является основным занятием профессора Баранцева), — пишет профессор МИСиСа, доктор технических наук, член КПСС Л. Беляничков. — Гораздо важнее социальный аспект происшедшего. Клянем лысенковщину: уж мы-то теперь в обиду никого и никогда не дадим. А вот поди ж ты — методы знакомые и ярлыки те же. Надеюсь, что партком ЛГУ найдет силы по-новому оценить предъявленные Баранцеву обвинения, и с профессора наконец снимут ярлык гласно и честно. Можно через газету».

«Почему философ не поговорил сначала с учеными, почему кинулся не на семинар, а в партком! Там боги, что ли, сидят?» (Н. Колобов, экскаваторщик, член КПСС, Вильнюс).

«Разгром междисциплинарного семинара по семиодинамике и преследование его руководителя — случай безобразный. В нем проявили себя методы, которыми поддерживался общественный застой и тормозился научно-технический прогресс. При современных темпах ускорения вырваться вперед в области компьютеризации можно поиском совершенно новых путей. Ленинградский семинар не случайно вызывал серьезный интерес ученых из других городов». (А. Маурин, заслуженный деятель науки Латвийской ССР, профессор Латвийского государственного университета, Рига).

Таких писем немало. Читатели пишут о том, что нужны надежные гарантии против ярыкоманий, против безапелляционных, проработочных методов. Без критической оценки ситуации, в которой был отлучен от преподавания профессор Р. Баранцев, трудно надеяться и на объективный подход к докладу, который предложено ему сделать на философском факультете. Чтобы ученые — естественники и гуманитарии выносили на теоретические семинары идеи, над которыми думают, нужна конструктивная творческая обстановка, культура дискуссий. Нельзя сразу же зачислять в недруги каждого, кто отклоняется в своих мнениях от общепринятого. Творческий союз обществоведов с представителями других наук — насущная потребность времени, и нужны заинтересованные коллективные усилия для его укрепления.

Благополучно ли складывается судьба Р. Баранцева сейчас? Он переизбран ученым советом ЛГУ по кафедре гидроаэромеханики, но на какой кафедре будет работать, на факультете окончательно еще не решили. Спецкурсы, которые он читал прежде, в учебный план не включены, но ему после четырехлетнего перерыва дали наконец доступ к преподаванию. Он приступил к чтению полугодового спецкурса для студентов-выпускников. Похоже,

лед тронулся. И тем не менее должны сказать с полной определенностью, что ответ из ЛГУ не дает в этом уверенности, ибо обходит главный из вопросов, поставленных в статье.

(Известия, № 291, 18.10.87)

Ремарка 1: сопоставим разные «случаи»...

Не только в эскалации идеологических обвинений в первой половине 80-х, но и в практике постепенной общественной реабилитации во второй половине этого десятилетия естественно напрашивается сравнение двух «случаев» — Р. Б. и А. А.: в обоих — выступление газеты вызывает как общественную поддержку, так и активное (явное или подспудное) противодействие. В обоих — понадобилось **повторное** выступление газеты, с обзорением реакций на первое выступление и с обозначением жесткого «конфликта оценок» по поводу личности и обстоятельств «дела» своего героя.

В «Известиях»: «Ярлык» — май 1987; «А тень осталась» — октябрь 1987. В «Литературной газете»: «Преодоление пределов» — сентябрь 1987; «Не личная драма» — январь 1988. (См. выше). (Февраль 2005).

Ремарка 2: за кулисами гласности.

Автор известинских статей «Ярлык» и «А тень осталась» Инга Преловская сегодня вспоминает, «как это было»:

«...Сейчас многим кажется, что свобода и гласность начались сразу с приходом Горбачева. На самом деле гласность надо было завоевывать, подвижки или с оглядкой и напряжением.

...У социальных материалов был большой общественный резонанс. Я не удивилась, когда приятель, работавший в ЦКУ А. Н. Яковлева, предложил мне письмо о ситуации в нашем родном ЛГУ. Профессора математики, лауреата Госпремии Р. Баранцева выдавливали из университета, обвинив в «идеологическом разложении молодежи». В его семинаре по семиодинамике работали математики, лингвисты, физики, философы — шел поиск новых подходов к знаковому описанию сложных систем. Сборник статей сдали в издательство ЛГУ. Рецензент, завкафедрой диамата, усмотрел посягательство на основы своей науки, а семинар счел «легальным прикрытием деятельности, направленной на идейное разоружение советского общества». В 83-м семинар закрыли, философов выгнали с работы, а беспартийного Баранцева рекомендовали убрать при очередной переемтестации. Она-то и предстояла в 87-м. Лаптева (нового главного редактора «Известий» — А. А.) эта история заинтересовала. Но расследование шло трудно. Коллеги диаматчика боялись его как чумы. Лишь сам он охотно говорил со мной под диктофон — обком был на его стороне. После публикации статьи «Ярлык» в ЦК пошли жалобы на меня, пришлось выступать еще раз. Баранцев в ЛГУ все-таки остался. Редакция стойко поддерживала авторов критических материалов. Но и авторам приходилось взвешивать каждое слово, играючи работать не удавалось. Думали о том, как наше слово отзовется. Такая была школа» (Преловская И. Гласность до Горбачева // Известия, 18.04.2005).

(Апрель 2005).

П.16.2.4. Из переписки Р. Баранцева с К. Свасьяном⁶

Свасьян, 04.12.84:

<...> История, случившаяся с Вами, по нашим меркам вполне обычна; она формально нисколько не противоречит общей аксиоматике нашей провиденциально-математической системы и, более того, вполне соответствует ей. Но увидеть такое **в систематизированном виде, причем не в форме отсебятины (пусть даже молевойской, все равно), а в последовательной выстроенности самих фактов**, — ведь это чистейший протофеномен, — так сказать, не «интерпретация» мерзости, а ее **самоданность**⁷ [здесь и далее выделено мною. — А. А.]: поразительно! поразительно! Что если закопать все это где-то в районе Мертвого моря, с тем, чтобы задать потомкам вполне научную головоломку, — представляете, какие были бы толкования! **Ваш документ, клянусь своим сознанием, не исторический, а палеонтологический;** будущий палеонтолог восстановит по нему, как нынешний по зубу мамонта, всю чудовищную технологию и даже экологию нашего развитого времени (не Левиафан ли ему имя?). <...>

Баранцев, 26.12.84:

<...> Я пока остаюсь в должности профессора университета, но от студентов по-прежнему отлучен. Главное обвинение сейчас: «Он ведет себя так, как будто он прав». Но ведь так не бывает, чтобы человек оказался прав, а партком — нет. Ждут покаяния: «Ведь это ничего не стоит». (Кроме духовного потенциала). А компромисс очень разумен (возможность работать профессионально) и неизбежен (альтернатива!). <...>

Свасьян, март 1986:

<...> Ради Бога, не дразните их; зона моих социальных рефлексов подсказывает мне, что не помогут никакие письма и заявления. Они просто не будут поняты, а если, случайно, и будут, то все равно: машина заведена, запрограммирована на минус, и ничто уже не переубедит ее, никакие доводы, — разве что (не дай Бог!) озлобит. <...>

Баранцев, 31.03.86:

<...> Лишив меня, казалось бы, всего, фактически дали мне возможность заниматься делом, которое становится главным. «Нам не понять высоких дум, Творцом внушаемых вельможам», а вельможам тем более не понять. <...>

Баранцев, 26.04.86:

<...> Видимо, мне все-таки придется согласиться на уход с преподавательской должности. Как бы только не утопить духовный потенциал в бездне покорности. <...>

⁶ Карен Араевич **Свасьян** — докт. филос. наук, автор книг «Философское мировоззрение Гете» (1983), «Голоса безмолвия» (1984), «Становление европейской науки» (1990) и др. В то время жил в Ереване. Лауреат премии А. Гумбольдта, основатель свободной философской ассоциации (Базель). В настоящее время живет в Швейцарии.

⁷ Имеется в виду композиция официальных и личных документов, **своего рода летопись преследования и самостояния**, которую вел Р. Баранцев в те годы и с которой тогда же, когда и К. Свасьян (в декабре 1984 г.), довелось ознакомиться и мне, в нашу первую с Р. Б. встречу (см. об этом ранее, в томе 2 настоящей книги: раздел 8.12). Примерно такое же «досье на самого себя» вел в ту пору и автор настоящей книги (см. в томе 2: главы 7 и 8). «Протоколы жизни» были драматичны как сама жизнь.

Свасьян, 14.05.86:

<...> Вероятно, когда-нибудь можно было бы осуществить герменевтическое чтение Вашего «дела», которое, как мне кажется, теперь уже приобретает характер документа-монумента (выражение М. Фуко) и обладает такой выразительной силой, что комментарии к нему только ослабили бы впечатление. Ну чем же это не притча, и, главное, я не перестаю удивляться ее необыкновенно далеким перспективам: воистину здесь бессильна даже зоология, и мысль безотчетно тянется к палеонтологическим атласам в смутной надежде понять что-либо в существое Ваших «оппонентов» (простите за эвфемизм), сотворенных по образу и подобию Вымершести. А в целом как печально, как жутко и больно! Физическое зрение и социальные привычки поддерживают иллюзию, фон которой (реальный фон!) потребовал бы иного, о! насколько иного отношения. Читаю, перечитываю, вчитываюсь, перепрочитываю Ваши разговоры с.. (кем? вот в чем вопрос), и моментами явственно вижу: за всеми этими личинами... — одна реальность (платоновская идея) Ничемности, — о, нет, не метафора, — реальность... И сразу же оторопь: как же Вы с ними разговариваете, о чем, к чему, чем ??? <...>

Баранцев, 20.06.86:

<...> Горы восстановили мой иссякший потенциал, и я продолжаю держаться в продолжающейся борьбе... Зачем? Довести до конца социальный эксперимент? Но где этот конец, содержание которого уже давно видно? В моих силах — некоторое разнообразие форм. Моя цель — удержание достоинства. Плата в любом варианте высока. Чтобы исключить иллюзии не только у себя, задействовал (подходящее словечко) центральную газету и министра. Веду себя так, как будто верю, что из этого что-нибудь получится. Меня спешат столкнуть до их включения, а я изображаю, что тяну время. До осени дотяну, а там постригусь в старшие научные сотрудники. В лесниках нынче беспокойнее, чем в НИИ... Спасибо Вам за письма, за их возрождающий стиль! <...>

Свасьян, 11.05.87:

<...> Я даже не знаю, радоваться ли мне за Вас? — настолько это вне всех правил, что иной раз бредом представляется все — работа, книги, просто вежливости en passant. До чего же надо было отупить, потерять в себе андерсеновского мальчика, чтобы воспринимать все это в рамках синтаксиса и таксономии! Сейчас я, с головой и телом снова ушедший в Гете, вздрагиваю иногда от контраста; соприкосновение с «действительностью» подчас невыносимо; внутри орет все; но потом вдруг вспоминаю, что то, о чем (ком) пишу, — залог света и смысла. Как бы то ни было, радуюсь, радуюсь. Ваши письма, эти кошмарные демонологические протоколы не омрачают радости, — так... Простите за взвинченность. Это — реакция со стороны. Трудно, невыносимо видеть Вас в окружении этой фауны. Что у Вас общего с ней, кроме нелепых условий игры, предписывающих бандитам рядиться в интеллигентность, а интеллигенту считаться с этим и бороться за право... быть с ними? <...>

Баранцев, 29.06.87:

<...> Газета подняла пласт социальной болезни, и если общество созрело для оздоровления, резонанс должен быть... Но, конечно, ведь не созрело: еще

не край, не вечер, не конец (при взгляде изнутри). Зачем же тогда?! — Ищу ответа... **Стать поводом для обсуждения болезненного социального явления — достаточно ли для оправдания участия в этой игре с недостойными правилами?** Ведь действительно тупеешь ужасно, теряешь не только андерсеновское, но и моцартовское начало. Однако, если жив источник, то где-то вблизи конечной гибели происходит преобразование и возрождение. «Бороться за право... быть с ними?» — озонирующий вопрос. И очищаясь от микробов ненависти, я отвечаю «Да!», **ибо не вижу иного пути, как бороться не против таких людей, а за них, и значит быть вместе с ними. Язык баррикад, слава Богу, становится невозможным, — к осознанию этого мы созреваем.** Черпаю силы в природе, в друзьях, в детях. <...>

П.16.3. Под прожекторами гласности: случай Геннадия Богомолова

[Ниже — текст статьи Анатолия Ежелева, посвященной фрезеровщику завода «Ленполиграфмаш» Г. А. Богомолову и опубликованной в газете «Известия» (сентябрь 1987). Напомню, что эта статья вышла практически одновременно с очерком Л. Графовой, посвященным социологу-экспериментатору, в «Литературной газете». См. ранее: раздел 16.1 — А. А.]

Исключение

(Как уравниловка ломает судьбы и противостоит перестройке)

Мой коллега — корреспондент ленинградской областной газеты — не так давно записал в объединении «Полиграфмаш» (и опубликовал) одну любопытнейшую фразу секретаря парткома М. Михайлова: «Не того лидера тогда выдвинули, ошиблись»...⁸ О ком это? Что за лидер, которого надо, оказывается, «выдвигать»?

Вся «прелесть» этой фразы-откровения в том, что ее истинный смысл спрятан глубоко-глубоко — не сразу доберешься.

Есть на «Полиграфмаше» известный, и не только в своем родном городе, рабочий-новатор Богомолов Геннадий Александрович. Его трудовые заслуги давно признаны, добавим: и отмечены званием лауреата Государственной премии СССР. Труженик он незаурядный — практически никто из станочников не добивался такой выработки, как у него, уже несколько пятилеток подряд. Скажем, за последнюю им выполнено 13 годовых заданий, а что задания у него очень и очень напряженные, можете не сомневаться.

А ведь это к нему, к Богомолову, относились слова «не того выдвинули». Может, его показатели и заслуги — «липа»? Нет же, выработка Геннадия Александровича проверена и перепроверена тысячу раз.

Тогда в чем дело?

Что иных работников, случалось, за уши тащили в передовики и награды раздавали порой незаслуженно, ни для кого не секрет. И, возможно, в миропонимании молодого партработника Михайлова, чьи качества руководителя формировались в условиях семидесятых годов, когда он преуспевал на комсомольской работе, это нормальные, естественные вещи — такого-то сде-

⁸ См.: Почин С. Разлад // Ленинградская правда, 28.12.1986. (Примеч. А. А.).

ляли передовиком, лидером. Выдвинули, значит. Могли выдвинуть, а могли, стало быть, и наоборот — «задвинуть». Нежелательную личность, понятно. Впрочем, точнее будет не «могли», а могут! Такой подход, у многих вошедший в привычку, в служебную норму, наверное, будет еще долго давать о себе знать то там, то тут. Вот и случай с Богомолыным: зря, что ли, было брошено корреспонденту «не тот лидер»?

Дело в том, что именно тогда, в конце прошлого года Геннадия Александровича без особого шума исключили из партии.

ЧП, скажу прямо, нелепое и невероятное. Ведь он только что с рекордными результатами кончил очередную пятилетку, освоил сложные современные станки с электроникой, требующей навыков программирования, специально под это дорогостоящее валютное оборудование, чтобы загрузить его, создал бригаду, в работе которой, кстати, стали уже проглядывать богомолыские темпы. Короче, по части работы, как и обычно, у Богомолына все было на высшем уровне.

За что же его исключили? Видимые, официальные причины сформулированы так: за отказ от уплаты членских взносов и «утрату связи с парторганизацией», что в данном случае означало — отказался приходить на партсобрания, не явился на партбюро. Уточню лишь: в цехе проголосовали за формулировку «исключить», а партком объединения изменил ее на другую: «считать выбывшим» по такому-то уставному параграфу.

Истинная история «отлучения» Богомолына начиналась, конечно, отнюдь не с отказа от уплаты взносов. Тут всякий поймет: очень уж сомнительно, чтобы человек такого масштаба ни с того ни с сего вдруг прекратил взносы платить, не пошел на собрание... Слишком уж это смахивает на некую демонстрацию.

И верно, отказ был демонстративный. Оправдывать его никто не собирается, но надо пояснить, что на этот шаг Богомолын пошел на грани отчаяния.

А осложнения, которые привели к этой последней конфликтной ситуации, самой тяжелой в жизни Богомолына, начались, пожалуй, осенью 1985-го.

Вспомните ту осень... Трудно, со сбоями заканчивалась пятилетка, но в нашу жизнь уже ворвались новые, будоражащие души категории: гласность, ускорение, перестройка... Настал наконец-то черед не показушных «достижений», а настоящего, честного дела, которое требует, соответственно, и честного, напряженного труда, нового подхода к «человеческому фактору». Богомолын, не только работающий с полной самоотдачей, но и не скрывающий своей нелюбови к бездельникам и выпивохам, способный учинить скандал любому начальнику за полчаса вынужденного простоя, с полным правом мог считать, что пришло его время.

И не случайно в связи с юбилеем стахановского движения у нас в «Известиях» было решено подготовить беседу с Геннадием Александровичем о том, что именно ценно и поныне в стахановском опыте, какие проблемы он высвечивает. Неожиданно оказалось, что тогдашний секретарь парткома В. Щекин категорически против того, чтобы мы... «прославляли» Богомолына. На завод нас просто не пустили. Пришлось встречаться с передовиком у него дома.

Вскоре последовала новая неожиданность, еще нелепее прежней: обсуждение нашего газетного материала, в котором через Богомолына высказы-

валась критика конкретных недостатков в организации производства, говорилось о резервах увеличения выработки станочников, на цеховом партсобрании превратили в осуждение... самого же Богомолова! Его обвиняли в рвачестве, в чересчур больших заработках, в нескромности, в том, что он якобы бегает по редакциям, навязывается корреспондентам... То есть все повернули с ног на голову!

Правда, сегодня все происходившее тогда больше не кажется таким уж странным. В нашем обществе так долго, так настойчиво проповедовалось «революционное» пренебрежение к материальному достатку, к деньгам, даже к желанию человека больше заработать, жить богаче, что в самой системе нравственных ценностей, видно, произошли какие-то смещения и деформации. Людей с партийными билетами они тоже, разумеется, не могли не коснуться. Продукт наших искаженных представлений — уравниловка примиряла нас с серостью, с посредственностью, зато талант да самобытность нередко оставались перед ней совсем незащищенными. И только ли Богомолову пришлось пережить эти горькие встречи!..

Впрочем, вернемся все-таки к нему.

То печально памятное собрание происходило в октябре 1985-го, а в ноябре Геннадия Александровича ждал еще один удар...

Лет пятнадцать назад, когда имя Богомолова вдруг зазвучало в ряду самых знатных передовиков Ленинграда, в разных изданиях стали появляться о нем большие и малые материалы одного автора — журналиста В. Четкарева. Рабочая тема всегда была нарасхват, а Четкарев красочно показывал его новаторство, технические придумки и главное — не обременял читателя богомоловскими проблемами. Словом, его охотно печатали в местных и центральных газетах, включая пионерские и отраслевые, в толстых и тонких журналах, в сборниках, в справочных изданиях... Последний его хвалебный очерк был в августовском номере журнала «Молодая гвардия», а уже в ноябре...

А в ноябре, то есть вслед за тем партсобранием, еженедельник «Ленинградский рабочий» напечатал статью Четкарева, где наш станочник-виртуоз был представлен уже рвачом, своей зарплатой «обкрадывающим» государство!.. Оказывается, журналист познакомился с идеями ученого-экономиста Г. Муравьева, выступающего за немедленный отказ от сдельной оплаты труда и введение вместо нее временно-премиальной, и принял жестко чернить все то, что упоенно воспевал целое десятилетие.

Тем временем на самом «Полиграфмаше», не без того же Четкарева, разрабатывались новые условия соцсоревнования, названного кем-то «антибогомоловским». Его участникам решили не учитывать производительность труда, перевыполнение норм и заданий, а сопоставлять лишь вклад людей в рационализацию, добровольное снижение норм, наставничество, освоение новой техники. Кое-кому нравились попытки уйти от формализма, ориентация на технический прогресс, на завтрашний день промышленности, когда станочников-сдельщиков заменят операторы у пультов, а талант, индивидуальное мастерство будут поощряться, дескать, только за предложения, направленные на пересмотр норм.⁹

---

⁹ См. об этом также ранее: раздел 15.9.

Перед прошлым годом [1986 г. — А. А.] праздником Первомай полиграфмашевскому начинанию целую страницу посвятила «Комсомольская правда». Еще в декабре, писала газета, Богомолов был хорош, бесспорный лидер, остался бы, наверно, лидером и сейчас, работай он в другом месте, но на «Полиграфмаше» с нового года «перевели рычажок в соревновании со знака плюс на знак минус» — и сдельщик Богомолов, коль он не отказался от высокого заработка путем добровольного пересмотра норм, в смысле общественного признания отвергнут. То есть теперь он со знаком минус. Мы — красные, он — белый.

В той же полосе повторил свои выводы против ни в чем не повинного передовика и Четкарев. Теперь на всю страну.

Не знаю, возможно, взамен сдельщины Муравьев нашел что-то новое, оригинальное — пусть об этом судят специалисты, — но если утверждение его идей сбрасывает в балласт лучшего, талантливейшего труженика и не оставляет нам материального интереса в наращивании выработки, то для меня, не искушенного в теориях, это не больше чем старая уравниловка, только слегка перекрашенная по сегодняшней моде. Искуснейшего мастера готовы изобразить неким социальным пугалом.

Выступление большой газеты, как Богомолов заметил по насмешливым взглядам, по разговорам, окончательно раззадорило недоброжелателей и завистников, каких у него, само собой, оказалось хоть отбавляй... Иные из них даже не скрывали злорадства. И было такое ощущение, будто с него содрали кожу и втолкнули в людскую толчею, где каждый вольно или невольно причиняет боль. С облегчением вздохнул, лишь когда в июне укатил в отпуск в деревню на Псковщине. Хотелось поскорей отключиться, не думать обо всем этом позорище, в какое его окунули с головой — и за что?.. Одна надежда еще чуть-чуть теплилась в нем: что к концу отпуска фирма наконец-то встанет на его защиту. Что ни говори, позорили рабочего с «Полиграфмаша». Да и парторганизация, пожалуй, не останется в стороне: члена партии чествуют рывком и хапугой! Свои-то должны разобраться в этих передергиваниях. Если уж не цеховое бюро, то хотя бы партком...

Так он думал тогда, — Богомолов; и с такими ожиданиями возвращался из отпуска. Но в Ленинграде вон как сразу все закрутилось: вместо поддержки, в которой он нуждался, вкатили выговор из-за пустячной накладки с передачей денег на партвзносы во время его отпуска... (Парткомиссия горкома партии отмечала потом надуманность этого выговора). Тогда-то он и сорвался — вообще, мол, платить не буду, пока выговор не снимете... О том не подумал, что все это обернется против него же самого и вопрос будет поставлен не о защите чести и достоинства коммуниста, а об исключении из партии за нарушение уставных требований. Как корреспонденту мне приходится уже во второй раз заниматься «делом Богомолова», вникать в конфликт, который при всей своей внешней несхожести с тем, что случилось двенадцать лет назад, фактически, увы, почти не отличается от него своей общественной сутью: речь идет о столкновении сверхпроизводительного рабочего с неприемлющими его обстоятельствами производства. Сегодня это особенно огорчает и настораживает: время-то изменилось, и в производстве, с

учетом новых требований, связанных с перестройкой, многое ставится не так, как прежде. По крайней мере в отношении нового подхода к «человеческому фактору» вроде бы уже не должно быть неясностей. Перестройка, в известном смысле, — рывок в нашем развитии, а значит — ориентация на все прогрессивное, талантливое, способное обеспечить этот динамизм. Как же понимать тогда нынешнюю богомоловскую ситуацию?..

Когда впервые довелось вступить за Богомолова, осложнения начались с того, что два месяца подряд его заработки «вылезали» далеко за тысячу рублей, и взбунтовался, конечно, отдел труда и зарплаты. Получку рабочего задержали, а самого его прямо-таки задержали бесконечными проверками да придирами; кто-то выдумывал расхोдившиеся по всему заводу дурацкие небылицы вроде той, что Богомолов в погоне за славой и наградами будто бы нанимает повременщиков и те тайно наработывают на него детали... Были, конечно, и другие разговоры. Кое-кто в цехе советовал по-дружески: уймись ты, Генка, не гони такую выработку; не думай, что ты один умелец, многие могли бы давать больше *[чем производят сейчас. — А. А.]*, да не хотят, потому как рубанут нормы и будешь за эти же денежки вдвое больше вкалывать... Ему втолковывали: кто больше всех делает, тот и оказывается в самых невыгодных условиях. Он возмущался, понять не мог: как же так — работать вполсилы? Жить — наполовину?

Да, в ту пору он впрямую, открыто столкнулся с уравниловкой в виде печально знаменитого «потолка зарплаты». С «Полиграфмаша» Богомолова выживали — грубо, бесцеремонно. Заводское руководство не постеснялось участвовать в этой некрасивой истории. Мне пришлось трижды писать в «Известиях», отстаивая право рабочего трудиться «на полную катушку» и получать в полной мере. Тогда Геннадий Александрович все-таки удержал свои позиции... Было это в 1975 году.

Нынешний конфликт принял иную форму, но копните глубже... Разве не видно, что это настоящая кампания нападок и третирования за «непомерные» заработки, оскорбительных, ничем не обоснованных обвинений в рвачестве и индивидуализме, которая и довела лучшего труженика фирмы до того, что он готов был расстаться с партбилетом. Да, я не оговорился — готов был, скрывать тут нечего. Потому что родная парторганизация не только не поддержала его в трудный час, но и участвовала в этой кампании. В своем заявлении Ленинградскому горкому КПСС с просьбой о восстановлении в партии Богомолов написал без обиняков, что он «не нашел, к сожалению, лучшего средства, чтобы выразить отношение к той травле «неудобного передовика», которая была развернута в коллективе усилиями части партийных активистов цеха и завода еще несколько лет назад». Все «зациклились» на зарплате передовика, когда для пользы дела следовало давно приглядеться к его бесценному опыту, к его мастерству и рабочей неумности — если, конечно, перестройку понимать не как очередную дежурную фразу.

На злключения Богомолова двух последних лет меня заставило взглянуть иными глазами апрельское партсоборание в цехе. На нем был оглашен документ партийной комиссии горкома, где указывалось, что по ходу рассмотрения персонального дела Богомолова и при его исключении из партии допу-

шены такие-то нарушения, такие-то обвинения, как выяснила проверка, необоснованные, такие-то оценки неверны, — короче, в чем-то Богомолов провинился, но вопрос о его принадлежности к партии надо решить заново.

Далее, в выступлениях многие беспартийные (собрание было открытым) и члены партии с фактами в руках опровергли, по сути, все основные обвинения против Геннадия Александровича, тем не менее другие выступающие снова и снова выдвигали их, по большей части голословно. Можно было подумать, что люди говорят на разных языках. Стали голосовать — большинством (27 к 11) собрание оставило в силе прежнее решение: исключить из партии...

Такого я еще не видел... Никакие доводы, никакие факты большинство просто не желало знать! Оно держало какую-то свою линию, очевидно, с убеждением, что это необходимо делать и — при любых условиях. Так больной организм отторгает чужеродную ткань, если даже она несет ему выздоровление.

Двенадцать лет назад я защищал передового рабочего от произвола бюрократической администрации, уверенный, что выражаю интересы рабочих. Теперь этот передовик изгонялся из партии голосами этих же рабочих... За что? Неужели все дело в каких-то личностных недостатках Богомолова (секретарь парткома рекомендовал не забывать о них), в его ершистости, мало-контактности, в неумении гуртом ходить «на бочку» (в пивную)? Или же в его излишнем тщеславии?

На экранах скоро появится фильм ленинградских документалистов «Конфликт»; в нем есть кадры, где между рабочими идет спор о Богомолове. Одни говорят: за славой гонится, другие — за деньгой, третий размышляет задумчиво: «Да, до работы он, конечно, сам не свой... Но я лично на это бы не пошел. Мне не надо ни такого успеха, ни таких денег — ничего!». Вот вам и ответ — ясней не скажешь!

К сожалению, тут-то и кроется истина: в столь напряженном темпе, с такой самоотдачей, как у Богомолова, не всякий хочет трудиться. Далеко не всякий стремится сегодня больше заработать. «Потолок зарплаты» наконец-то убрали; оглянулись довольнехонькие... а никто и не рвется ввысь — зачем ломать себя? Платят и так неплохо. Скажем, на том же «Полиграфмаше» средняя зарплата сегодня 239,8 рубля — хватает на хлеб с маслом, жить можно не ускоряясь... И если взять среднестатистического рабочего — что за интерес ему «гнать волну», когда он знает, что в получку принесет домой больше своего техника, больше инженера.

Вот она что сделала, усредниловка: столько лет была по голове богомоловых, столько лет вскармливала леность, развращая слабые души, что вокруг утрачивался вкус к настоящей, красивой работе. Увы, это уже многими замечено: хороший, старательный работник раздражает окружающих. Слово бы мешает жить. Злит!

На заседании парткома рабочий-заточник Игорь Васильевич Рябов, много лет бессменно возглавляющий цеховую парторганизацию, так сказал: если Богомолов будет восстановлен в партии, я свой партбилет выложу на стол! Он не может принадлежать к одной партии с Богомоловым!.. И когда бюро Петроградского райкома все-таки восстановило его своим решением, Игорь Васильевич подготовил коллективное письмо, взял отгул и, не доверяя поч-

те, сам поехал в Москву, в Центральный Комитет, опротестовывать это решение. Тут уж, как видите, позиция, не всплеск эмоций. Это серьезно.

Вот вам и «время богомоловых»... Да, казалось бы, на начатые сверху революционные перемены в нашей жизни сдетонирует энергия рабочей массы, ведь на это нацелены и процесс демократизации, пробуждающий в людях социальную активность, и небывалая по масштабам перестройка хозяйственного механизма, призванная сделать все для максимального проявления способностей каждого рабочего, производственника. Но когда же она сдетонирует? Не сегодня-завтра, Богомоловская история наводит на иные мысли, а есть ведь примеры и посерьезнее. Скажем, в леспромхозе под Тихвином молодого инженера, начавшего по-современному наводить порядок на производстве — в духе перестройки, — поприжавшего пьяниц и уже добившегося выполнения плана, чего давно тут не бывало, этого славного товарища прямо на работе, в цехе саданули в грудь ножом. Под самое сердце. «У нас все его ненавидели», — сказал на суде один из рабочих. За что возненавидели — понятно...

А мы все смотрим только куда-то вдаль, ввысь, прикидывая: идет ли перестройка, да кем она там тормозится... Почему «там»? А в своем цехе, рядом? Вот же где все завязалось!

Тут не меньше решается ее судьба. Разве не так? В душе каждого решается!

А. Ежелев, соб. корр. «Известий»

Ленинград

(Известия, № 268, 25.09.87)

* * *

Вместо заключения (к приложениям к главе 16)

Истории двоих из представленных выше моих друзей и «побратимов» еще получат продолжение в этой книге. Эпизод борьбы общественности за издание «арестованного» парткомом Ленинградского университета в 1983 г. сборника трудов семинара по семиодинамике под редакцией Р. Г. Баранцева (1988—1989) см. ниже, в главе 17. Эпизод с выдвижением Г. А. Богомолова кандидатом в народные депутаты СССР (1989) см. ниже, в главе 21. (Февраль 2005).

Глава 17. «Поборник», «аргумент», «символ», «разменная монета»...

Несколько вступительных слов

Итак:

— при растущей эскалации общественных ожиданий и требований демократических преобразований в нашем обществе;

— при возникновении «фронта» коллективной гражданской защиты со стороны коллег (социологов, рабочих, журналистов);

— при активнейшем «лоббировании» (как сказали бы теперь) со стороны авторитетных периодических изданий,

социолог-испытатель «одерживает верх» над своими гонителями, и те вынуждены признать свое поражение. Пусть это делается ими «сквозь зубы». Но так или иначе, он, пожалуй, «победил»...

Дальше — бурный рост популярности нового «героя перестройки» и расширение (точнее — самостоятельная жизнь) «легенды о социологе-экспериментаторе». В частности, очерки Л. Графовой и А. Головкова многократно перепечатывались или перелагались в СМИ, включая зарубежные.¹

Мы же продолжим здесь свою собственную «летопись» — отчет об эксперименте социолога-рабочего.² (Май 2001).

17.1. А тем временем — на «Ленполиграфмаше»...

17.1.1. Дело об отоздании с обеда на 10 минут (окончание)

[Начало этого «дела» см. ранее: раздел 15.3. — А. А.]

**Корреспонденция Н. Поречной, опубликованная в заводской газете
(май 1988)³**

Выговор отменен судом

(О том, как в объединении не сумели разрешить трудовой спор)

23 сентября 1987 г. в «Литературной газете» был опубликован очерк Лидии Графовой «Преодоление пределов» о слесаре цеха № 3 «Ленполиграфмаша», социологе А. Н. Алексееве.

¹ См., например: Эксперимент на собственной жизни, или притча о диссиденте // Спутник. 1988, ноябрь (выходит на пяти языках); Le 'cas' Alexeiev («Случай» Алексеева) // Etudes soviétiques. 1988, Oct.; Nienaszew S. Człowiek, którego boją się leningradzcy biurokraci (Человек, которого боятся ленинградские бюрократы) // Kraj Rad. 1988, № 35; А. Головков. Вечный иск. М.: Библиотека «Огонька», 1989, № 19.

² В этой главе, отражены лишь события и обстоятельства жизни самого автора. О событиях в жизни трудового коллектива («Ленполиграфмаш») речь пойдет отдельно: см. главу 18.

³ Здесь публикуется с небольшими сокращениями. О Наталье Киримовне Поречной, ныне покойной, см. ранее, в томе 2 настоящей книги: раздел 10.10 и др.

В материале, в частности, рассказывалось о том, как еще в январе прошлого [1987-го. — А. А.] года Алексееву вынесли выговор за опоздание с обеда на 10 минут. Отмечалось, что он подал иск в суд об отмене выговора. И в Петроградском районном народном суде, и в кассационной инстанции (Ленгорсуд) решение было не в его пользу.

После выступления газеты прокуратура Ленинграда в порядке надзора гражданского дела провела проверку. По ее результатам прокурор Ленинграда А. Д. Васильев направил 8 января 1988 года в президиум Ленинградского городского суда протест.⁴ 20 января президиум Ленгорсуда вновь рассмотрел это дело.

В частности, было установлено, что вывод Петроградского народного суда нельзя признать правильным, поскольку сделан он по недостаточно проверенным фактическим обстоятельствам дела. После обеда 9 января 1987 г. А.⁵ находился на территории цеха, на участке шлифовки и заточки инструмента, имея намерение заточить пуансон. Вопрос о том, мог ли он продолжать работу с незаточенным инструментом, не выяснялся. Вывод, что согласно стандарту предприятия А. не мог самостоятельно решить вопрос о заточке инструмента, на материалах дела не основан, поскольку он с СТП не был ознакомлен. Правила же, в соответствии с которыми заточка инструмента должна оформляться только через кладовую с записками мастера, введены лишь в феврале 1987 г., то есть после инцидента.

Кроме того, судом не установлено, не явилось ли дисциплинарное взыскание расплатой за критику со стороны А. в адрес администрации. Отмечалось, что при таких условиях судебные постановления не могут быть признаны правильными, поэтому подлежат отмене. Дело направлено на новое рассмотрение в Петроградский народный суд.⁶

25 марта 1988 г. решением [упомянутого — А. А.] суда дисциплинарное взыскание — выговор, объявленный распоряжением начальника цеха № 3 «Ленполиграфмаша» от 22 января 1987 года, было с А. Н. Алексеева снято.

Почему же понадобилось судебное разбирательство, ведь есть на предприятии комиссия по трудовым спорам, есть профком. Не могли разобраться, не хотели?..

На комиссии по трудовым спорам А. объяснял, что эти десять минут был в цехе, ведь у слесаря рабочее место не только у пресса или верстака. Рассказал о том, что инцидент с «опозданием» произошел буквально на следующий день после того, как он, А., указал начальнику цеха Н. А. Ярошу на случай нарушения трудового законодательства. А выговор был объ-

⁴ Интересно, что все это произошло без какого-либо участия автора настоящей книги. «Инициатива» исходила именно от Ленинградской прокуратуры, как бы по следам состоявшихся публикаций в центральной и местной прессе.

⁵ Здесь и далее в оригинале публикации — фамилия.

⁶ Здесь пересказано определение президиума Ленгорсуда от 20.01.88.

явлен некоторое время спустя, опять же сразу после новой критики в адрес администрации цеха.

Но всего этого комиссия по трудовым спорам и профком не хотели и слушать. У А. допытывались лишь «признания», где именно он находился эти спорные десять минут, и «доказательства», что именно там, а не в другом месте.

А когда он отказался их представлять, считая это унижительным, затеяли задним числом сбор свидетельств из разных цеховых служб, что его эти спорные десять минут (месяц назад!)... на территории цеха не видели.

Не дожидаясь суда, профсоюзные деятели почувствовали себя судьями. Ведь это же суд обязан требовать доказательств, а товарищи по профсоюзу могли бы и на слово поверить человеку, не имевшему за семь лет работы ни одного нарушения трудовой дисциплины. Спор-то на самом деле шел не о десяти минутах, а об уважении и доверии к человеку.⁷

<...> Какой же резонанс получила вся эта история в цехе? Некоторые ставили А. в вину, что он только в суд пригласил свидетеля. А вот товарищи по участку (16 человек) в своем заявлении (которое хранится в деле) дают этим событиям совсем иную оценку. <...>

[Здесь опущена цитата из письма рабочих, приводившаяся в очерке Л. Графовой. См. ранее: раздел 16.1. — А. А.]

Понадобилось выступление «Литературной газеты», чтобы дело «раскрутилось» в обратную сторону. Но даже этого оказалось недостаточно администрации, да и профкому, чтобы понять, что социолог высокой квалификации, каковым является рабочий нашего объединения А. Н. Алексеев, мог бы принести заводу еще большую пользу, если бы постарались взять его в свои союзники, обращались за социологической консультацией, а не записывали в противники, не клеили ярлыки.

Впрочем, он не дожидается, пока к нему обратятся. Те же рекомендации по выборам в СТК были переработаны благодаря и А. с учетом его предложений. Им же предложены решения ряда организационных вопросов вновь созданного совета трудового коллектива. Проблемны и конструктивны его выступления в нашей многотиражной газете.

<...> История этого трудового спора должна, наконец-то, научить нашу администрацию и руководителей общественных организаций, что они обязаны знать основы юриспруденции, касающиеся их деятельности, а профком — защищать интересы трудящихся, а не танцевать под ручку польку-бабочку с руководством.

Н. Поречная

(Трибуна машиностроителя, 4.05.88)

---

⁷ См. ранее: раздел 15.3.

17.1.2. 27 лет в КПСС. У партии не в долгу...**Из заводской газеты (июнь 1988)**

В партии восстановлен

Решением Комитета партийного контроля при ЦК КПСС от 20 апреля 1988 года слесарь цеха № 3, кандидат философских наук, социолог А. Н. Алексеев, который был исключен из партии в 1984 году по обвинениям политического и идеологического характера, восстановлен членом КПСС с июня 1961 года — с сохранением партийного стажа.

(Цит. по: Трибуна машиностроителя, 8.06.88)

* * *

[14 июня 1988 г. в парткоме «Ленполиграфмаша» автору этих строк был выдан новый партийный билет № 23954417, взамен отобранного в мае 1984 г. № 13313108 (прежний билет не сохранился).

Я расписался на учетной карточке, где в качестве основания выдачи партийных документов было указано решение Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, протокол № 243, п. 24, от 20.04.88.

На следующий день социолог-испытатель представил в партком расчет своих партийных взносов с мая 1984 г. по май 1988 г., которые он, естественно, четыре года не платил.

(Это не составило труда, поскольку расчетные листки за все годы работы на заводе рабочий-социолог хранил, а дополнительных заработков за последние годы не было).

Этот демарш остался «не понятым» работниками парткома, однако член КПСС с 27-летним стажем настаивал на приеме у него взносов за 4 года, и партком «сдался»: взносы были приняты. — А. А.]

**Расчет партийных взносов члена КПСС Алексеева А.Н.
с мая 1984 по май 1988 г.⁸**

1984	1985	1986
...	01 — 276 — 6.90	01 — 515 — 15.45
...	02 — 418 — 12.54	02 — 84 — 0.20
...	03 — 98 — 0.20	03 — 274 — 6.85
...	04 — 271 — 6.78	04 — 290 — 7.25
05 — 172 — 2.58	05 — 257 — 6.43	05 — 238 — 4.76
06 — 288 — 7.20	06 — 253 — 6.33	06 — 443 — 13.29
07 — 298 — 7.45	07 — 253 — 6.33	07 — 589 — 17.67
08 — 197 — 2.96	08 — 276 — 6.90	08 — 532 — 15.96

⁸ Первая цифра — обозначение месяца, вторая — сумма заработной платы (в руб.), третья — рассчитанная сумма партийных взносов.

09 — 219 — 4.38	09 — 201 — 4.02	09 — 281 — 7.03
10 — 271 — 6.78	10 — 290 — 7.25	10 — 290 — 7.25
11 — 269 — 6.73	11 — 260 — 6.50	11 — 311 — 9.33
12 — 340 — 13.20	12 — 302 — 9.06	12 — 262 — 6.55
<hr/>	<hr/>	<hr/>
51.28	79.24	111.59

<u>1987</u>	<u>1988</u>
01 — 515 — 15.45	01 — 450 — 13.50
02 — 238 — 4.76	02 — 96 — 0.20
03 — 407 — 12.21	03 — 350 — 10.50
04 — 407 — 12.21	04 — 268 — 6.70
05 — 482 — 14.46	05 — 257 — 6.43
06 — 147 — 1.47	<hr/>
07 — 123 — 1.23	37.33
08 — 303 — 9.09	
09 — 261 — 6.53	
10 — 276 — 6.90	
11 — 452 — 13.56	
12 — 271 — 6.78	
<hr/>	
104.65	

Итого за 4 года: **369.33 руб.**

А. Алексеев, член КПСС с 1961 г.
15.06.1988

[Только сейчас обнаружил, что при подсчете общей суммы тогда нечаянно ошибся «в свою пользу» на 15 руб. Но этого никто в ту пору не заметил... — А. А.]

17.2. Возвращение в ряды... (Союз журналистов и Союз театральных деятелей)

Из переписки с руководящими органами СЖ СССР
(июнь 1988)

(1)

Выписка из протокола президиума правления ЛО
Союза журналистов СССР от 6.06.88. О тов. А.Н. Алексееве

Президиум правления ЛО СЖ СССР постановил:

1) Отменить решение секретариата правления ЛО СЖ СССР от 30.08.84 как ошибочное.

2) Восстановить т. Алексеева А. Н. в Союзе журналистов СССР с сохранением стажа пребывания в творческой организации.

Секретарь правления ЛО СЖ СССР Е. Шаркова

* * *

(2)

Москва. Zubовский бульвар, 4. Правление Союза журналистов СССР
Копия: Секретариату правления ЛО СЖ СССР

В связи с состоявшимся 6 июня 1988 г. постановлением президиума правления ЛО СЖ СССР об отмене решения секретариата правления ЛО СЖ от 30.08.84, прошу считать мою апелляцию исключенного из Союза журналистов от 20.10.84 не действительной.

Обращаю внимание правления на нарушение уставных сроков рассмотрения апелляций в СЖ СССР, о чем мне уже приходилось сообщать в письме на имя председателя правления СЖ В. Г. Афанасьева от 16.02.87.

Впрочем, почти 4-летняя оттяжка разбора апелляции в центральном, аппарате Союза, по-видимому, формально облегчила местному отделению СЖ инициативный самокритичный пересмотр дела.

Член СЖ СССР с 1961 г. А. Н. Алексеев, 25.06.88

* * *

**А. Алексеев — в правление Ленинградского отделения
Союза театральных деятелей (ноябрь 1988)**

Заявление

Прошу перерегистрировать меня в Союзе театральных деятелей, т.к. в срок не прошел перерегистрацию по обстоятельствам не личного характера.

А. Алексеев, 18.11.88

Справка

В Санкт-Петербургском союзе журналистов и в Союзе театральных деятелей автор этих строк состоит и по сей день.

Из КПСС добровольно вышел два года спустя после восстановления в ее рядах (июль 1990) и с тех пор ни в какую партию больше не вступал. (Июль 2005).

17.3. Документальные фильмы

17.3.1. «Не могу иначе»

*[Ниже — документы, относящиеся к документальному фильму «Не могу иначе» (режиссер — Сергей **Логинов**, сценарист — Лидия **Графова**), показанному по Центральному телевидению в июне 1988 г. — А. А.]*

**Самодельное объявление, вывешенное в Институте
социально-экономических проблем АН СССР (июнь 1988)**

23 июня (четверг) в 18-35 по 2-й программе ЦТ И. И. Сигов, В. В. Максимов, А. Н. Алексеев — в новом документальном фильме «Не могу иначе».

Премьера! Премьера!

* * *

**Из статьи А. Аронова «Эксперимент на себе», опубликованной
в газете «Московский комсомолец» (июнь 1988)⁹**

<...> Какая же правда была в «сигнале» Максимова [В. В. Максимов, бывший секретарь партбюро ИСЭП АН СССР. — А. А.]? Вот она: после разгона школы профессора Владимира Александровича Ядова его ученик Алексеев исследователем быть не перестал. Школу разогнали потому, что она никак не могла понять главной и единственной своей тогдашней задачи: хвалить начальство и доказывать «по науке», как оно всегда гениально.

<...> А.¹⁰ перестать наблюдать просто не мог, как не может человек сменить душу. Очень характерен такой эпизод. Вряд ли случайно в те же дни на квартиру А. пришли с обыском. Нашли кучу рукописей и книжку на английском языке. Обыск затягивался, и тогда Андрей Николаевич занялся своим привычным делом: стал наблюдать, как работают товарищи. Насколько целеустремленно, последовательно, умело.

Вот и на заводе он смотрел, как администрация снижает рабочим тарифы. Рабочие спрашивают: законно ли? А. смотрит в справочники и отвечает: нет. Ему объявили выговор по выдуманному поводу. Он подал в суд.

Если ты не ученый, этого, наверное, и вынести всего невозможно. Ученому проще: он то, что мы бы считали издевательством, рассматривает как материал для своего анализа. Правда, так легче?

<...> И суд он в конце концов (после вмешательства газет и журналов) выиграл, и в партии восстановлен без перерыва стажа. Но до сказочного конца типа «и стали жить-поживать и добра наживать» и ему, и всем «непонятливым» (т. е. профессионально честным) социологам пока далеко. (Московский комсомолец, 29.06.88)

* * *

**Из статьи Л. Тарховой «Одиноким победитель», опубликованной
в газете «Комсомольская правда» (август 1988)**

<...> Фильм этот [«Не могу иначе». — А. А.] — не о гонимом, он о победителе. Но отчего картина оставляет такое шемящее чувство?

<...> Единомышленники (они, конечно же, есть) либо разобщены, либо не готовы еще активно выразить поддержку. Зато посмотрите, какая внутренняя спайка, какое единодушие между гонителями! Как отработана методика дискредитации опасного человека! Директор института социально-экономических проблем АН СССР (здесь работал Алексеев до ухода на завод) о герое фильма: «Я не вижу в нем человека, который способствует стабилизации коллектива». Парторг института: «А. разрушает, а люди должны находить общее, если цели общие». Начальник цеха «Ленполиграфмаша»: «А. заряжен на конфликт с администрацией, с любой».

<...> Да, по-прежнему главным оружием в борьбе с лидерами перестройки остается обвинение, донос. Из романов писателей прошлого мы помним:

⁹ Поводом для публикации Александра Аронова послужил документальный фильм «Не могу иначе».

¹⁰ Здесь и далее в оригиналах цитируемых публикаций — фамилия.

для человека, только заподозренного в доносительстве, это могло стать причиной добровольного ухода из жизни. Вопросы личной чести превыше всего! Из документального фильма 1988 года узнаем, что это может стать всего лишь поводом для терминологического спора. Бывший парторг ИСЭПа, сигнализировавший в свое время куда следует о «неблагонадежности» А., невозмутимо, с какой-то прямо-таки научной дотошностью рассуждает: «Я должен был сообщить о своих сомнениях. Может быть, это считается доносом?»...

Но, разумеется, главное, ради чего стоит смотреть публицистический фильм «Не могу иначе», — это его герой, знакомство с которым вселяет оптимизм. А также заставляет задуматься. Когда в обществе не работает какая-либо система (хозяйственного ли механизма или демократии, до выработки которых нам пока еще далеко), основную нагрузку принимает на себя человек. Личность.

(Комсомольская правда, 6.08.88)

* * *

**Из статьи Ю. Чернякова «Что там, у основания пирамиды?»,
опубликованной в газете «Советская культура» (август 1988)**

<...> Речь в фильме «Не могу иначе» идет о широко известном по прессе А. Алексееве, социологе, кандидате философских наук, интеллигенте-шестидесятнике, который в наш век, в наши дни пошел в народ... Ученого не могло удовлетворить состояние современной социологии, зачастую оторванной от нужд общества, и восемь лет назад он решил сам, изнутри, изучить заводской коллектив, устройшись слесарем на ленинградский завод «Полиграфмаш».

Кто он — реликт столетней давности, оживший в наши дни и, подобно исследователям прошлого, поставивший опыт на себе, рискуя всем — и карьерой, и судьбой?

Фильм привлекает нестандартной манерой подачи разрозненных, на первый взгляд, фрагментов из жизни героя, а также разговоров и монологов, не всегда напрямую раскрывающих содержание картины.

Но тем не менее основная идея картины благодаря строгой и точной режиссуре С. Логинова ясна.

<...> А. не избежал своего града камней. Его исключили из партии, обвинили в антисоветизме, в квартире был обыск — это лишь некоторые из булыжников. На А. выжжено клеймо «разрушитель», ибо он «разжигает», по словам бывшего секретаря парторганизации института В. Максимова, «противоречия между людьми», которые «должны находить общий язык, если у них общие цели».

Но только какая же может быть общая цель у созидателя и бюрократа, у настоящего ученого и карьериста? Хотя в наши дни еще не изжито желание всеми силами доказать: «Есть такая общность!» И тем, кто пытается видимость этой общности разрушить, тем, кто хочет сохранить, по словам героя, «нормальное поведение в ненормальной обстановке, которая большинству кажется нормальной», достается по заслугам. Это рабочий-социолог А. испытал на собственной шкуре.

<...> И ему, и секретарю Греулу¹¹ в самообладании не откажешь. Только Греул защищает себя, а А. — достоинство не только свое, но и каждого рабо-

¹¹ Герой телепередачи «По ком звонит колокол», также обсуждаемой в этой статье.

чего. И становится понятно, что никакое обновление в обществе невозможно без воскресшего в каждом из нас чувства такого достоинства. <...>
(Советская культура, 30.08.88)

* * *

И. Васильева — А. Алексееву (июнь 1988)¹²

Дорогой Андрей Николаевич!

Только что посмотрела телевизионный фильм «Не могу иначе» и была несказанно горда за Вас. <...> Но у меня ряд претензий к автору и режиссеру. Фильм сделан очень красиво, и остается впечатление как после художественного, а ведь это документальный фильм. И здесь не чувствуется отчетливой позиции его создателей. Какая-то фрагментарность, «остраненность». Даже мне, которая довольно подробно посвящена в Ваши дела, не все там было понятно, а уж что понял зритель... <...> Но сам факт, что создан такой фильм, и, наконец-то, это стало возможным, это очень радует. <...> Будь на Вашем месте более слабый по характеру человек, ему бы не видать этой справедливости. Это еще раз доказывает, что «добро должно быть с кулаками».

Ваша Ирина Аркадьевна, июнь 1988

17.3.2. «Интерпретация»

Из программы Ленинградского телевидения и радио (август 1988)

<...> Эта передача — рассказ о человеке, принявшем неоднозначное решение. Человеке, тогда одном из немногих, который смог не разделять свои убеждения, слова со своими поступками. Но это рассказ не только о конкретном человеке, но еще о тех проблемах, которые мы пытаемся решить сейчас, а он начал решать намного раньше. <...>

(Интерпретация. Очерк о социологе А. Алексееве // Семь дней, 1988, № 35)

* * *

Из сценария телевизионной передачи «Интерпретация» (июнь 1988)

<...> **Ведущий (С. Дегтярев):** — Как известно, совсем недавно (4.06.88) об этом сообщила «Комсомольская правда», коммунисты целого ряда научных, учебных, творческих организаций г. Ленинграда отдали Вам свои голоса в качестве кандидата на XIX Всесоюзную партийную конференцию. Но среди делегатов Вас нет. Как Вы относитесь к этому выдвижению и к этому «провалу»?

Алексеев: — Выдвижение отношу за счет неожиданно для меня возникшей популярности.

Сначала выступление «Литературной газеты» (в прошлом году), а затем «Огонька» (как раз в начале этой своеобразной выборной кампании)

¹² Ирина Аркадьевна Васильева — актриса Петрозаводского русского драматического театра, ныне — заслуженная артистка Республики Карелия.

внушили массе людей доверие к социологу — рабочему и испытателю. А «провал» тоже не должен удивлять. Ведь мы все знаем, наблюдали, как нынешний партийный аппарат проводил эту кампанию.

Все стихийные, «не санкционированные» выдвижения, состоявшиеся вопреки разнарядке или персональным рекомендациям вышестоящих партийных органов, были «погашены» решениями узких заседаний бюро, даже не пленумов. Вопреки всем демократическим заверениям, это был **отбор**, а не выборы, утверждение заранее подготовленного списка — под видом тайного голосования.

Впрочем, быть в одной компании «аутсайдеров» вместе с академиком Заславской, публицистом Карякиным или профессором Поповым из Московского университета — даже почетно.

Но мне кажется, что даже сформированный не демократическими (или, скажем так, псевдодемократическими) средствами состав партконференции не сможет торпедировать партийный курс на демократическую (а не бюрократическую, аппаратную) перестройку партии и общества, выраженный в тезисах ЦК КПСС к этой конференции. А уроки нынешних «выборов» (в кавычках) не останутся втуне, пойдут впрок для следующей конференции или съезда...

Ведущий: — Вы оптимист.

А.: — Кажется, Грамши говорил, что он по своим наблюдениям песимист, а по своим убеждениям — оптимист. Важно при любых обстоятельствах действовать в соответствии со своими убеждениями, только тогда может получиться осмысленный результат. А когда отступаешь от них, хоть в малости, обязательно результат будет обратным первоначальной, пусть благородной цели.

Вот другой пример. Вы, конечно, помните те истерические три недели от 13 марта до 5 апреля, между известной публикацией «Советской России»¹³ и редакционной статьей «Правды». Осмысленными оказались действия ленинградского межпрофессионального клуба «Перестройка», который, как мог, ответил на этот вызов антиперестроечных сил, не дожидаясь, пока это сделает «Правда». Выигрывает только тот, кто не боится проиграть.

Ведущий: — Как бы Вы оценили расстановку общественных сил сегодня?

А.: — Налицо противостояние объединенной групповыми интересами бюрократии и пока еще слабо организованной массы так называемых «простых людей», с отдельными вкраплениями «прорабов» и активных поборников перестройки в различных слоях общества. Перестройка — дело общенародное и нужна всему народу. Не всеми это осознано, но бюрократами осознано неплохо. И их сопротивление состоит прежде всего в том, что они пытаются поставить перестройку себе на службу.

¹³ Имеется в виду «антиперестроечный манифест» Нины Андреевой «Не могу поступиться принципами». Подробнее см. ниже, в главе 19.

Пока еще на местах тон задают вовсе не поборники перестройки. Тут не надо обольщаться. <...>

Но маховик продолжает раскручиваться. И, как ни парадоксально, ему помогают раскручиваться также и антиперестроечные силы. По моему глубокому убеждению, приобретаемый исторический опыт борьбы превалирует над уроками разочарования.

Будь то идеологические наступления антиперестроечных сил (события вокруг письма Н. Андреевой), будь то аппаратное наступление на партийно-организационном фронте (так называемые выборы на партконференцию), будь то даже попытки вызвать массовое «антиперестроечное» недовольство путем дезорганизации снабжения продуктами первой необходимости, — в конце концов все это помогает лучше увидеть, кто чего добивается, и глубже — кому что выгодно.

Происходит постепенная консолидация демократических сил.

Того гляди, конституируется Народный фронт в поддержку «горбачевской перестройки» (как попросту говорят многие, понимая, что перестройка может быть и совсем иной, анти- или псевдодемократической). Очень характерно начавшаяся навстречу партконференции кампания сбора подписей под антибюрократическим лозунгом: «Гласность. Демократия. Перестройка». <...>

Июнь 1988

Ремарка: эпизод борьбы за гласность.

Телевизионная передача, с участием социолога-испытателя, была подготовлена режиссером ЛСТ Сергеем Сергеевичем Дегтяревым еще в июне, однако показ ее был заблокирован тогдашним руководством Ленинградского телевидения.

Межпрофессиональный клуб «Перестройка» распространил информацию об этом обстоятельстве и на студию стали поступать письма с требованием выпустить передачу в эфир.

Демонстрация передачи состоялась только 29 августа 1988 г. (Март 2001).

17.4. Диалог с драматургом Александром Гельманом. 1984–1988

А. Алексеев — А. Гельману (сентябрь 1986)

Уважаемый Александр Исаакович!

<...> Заметки Ваши в «Литгазете»¹⁴ очень хороши и своевременны.

И Вы на постановку этих вопросов имеете моральное право: не говоря уж о литературном творчестве, вспоминаю другие Ваши заметки — в дискуссии на тему «Личность и обстоятельства» в «ЛГ» в августе 1984 г. Они тогда мне (и, думаю, не только мне) оказались важной идейно-нравственной поддержкой.¹⁵

¹⁴ Гельман А. Размышления о перестройке // Литературная газета, 10.09.86.

¹⁵ См. в томе 2 настоящей книги: раздел 9.1.

В нынешней же Вашей публикации (рядом с которой поставил бы только заметки Ф. Искандера в той же газете), усматриваю бескомпромиссную остроту и трезвость, без единой фальшь-ноты.

Разве что в суждении о «сторожах» — некоторая натяжка... Дело в том, что «сторожа» тоже бывают разные. И иные из межклассовых мигрантов сознательно или бессознательно ищут вовсе не «тихой заводи», а новой, увлекающей их в данный момент сферы приложения жизненных сил. <...>.

Вкратце

Здесь опущен рассказ об Анатолии Кузьмиче Базникине и его коллегах — природоохранниках, лесниках Кавказского биосферного заповедника. Об А. К. Базникине см. ранее, в томе 2 настоящей книги: приложение 4 к части 2.

...От моего друга Анатолия Семеновича Соснина¹⁶ знаю, что Вы проявили интерес (замечу — Вас передо мной никак не обязывающий!) к моей профессиональной деятельности и личной судьбе. Коль скоро Вы уже знакомы с моей запиской для ЦК КПСС «Научно-практический эксперимент социолога-рабочего и его общественно-политические уроки», полагаю уместным не оставить Вас в неведении и о последовавших за тем событиях.

<...> Мне хотелось бы сегодня обратить Ваше внимание на предысторию и контекст моего случая.

В частности, ситуация в ИСЭП АН СССР, от разгрома социологических кадров, происшедшего в 1983-1984гг. (тогда ИСЭП вынуждены были покинуть В. А. Ядов, Б. М. Фирсов и другие ведущие социологи), до нынешней своего рода «гражданской войны» в этом институте, многое проясняет в моей истории, а мой эпизод помогает понять эту ситуацию.¹⁷

Прилагаю к этому письму несколько документов, иллюстрирующих современную обстановку на «социологическом фронте». Знакомлю Вас с этими материалами — для обогащения Вашего опыта исследования механизмов сопротивления перестройке со стороны общественного слоя, который Вы метко назвали «новыми недовольными».

(Что касается моего собственного случая, то мне пришлось столкнуться с этой категорией людей еще тогда, когда они были вполне «довольны»).

<...> Смена высшего партийного руководства в Ленинграде, по моим наблюдениям, пока почти не затронула партийного аппарата. Все те же Мазуренки, Смаглиенки, Маркины преподносят вопросы на утверждение обновленных коллегиальных органов...

Явление вряд ли только ленинградское, но в Ленинграде усугубленное его положением и славой «цитадели», «колыбели» и «кузницы». <...>

А. Алексеев, 20.09.86

¹⁶ А. С. Соснин — писатель, кинодраматург (ныне покойный). Один из авторов анкеты «Ожидаете ли Вы перемен?». См. о нем ранее, в томе 1 настоящей книги: приложение 1 к главе 1.

¹⁷ См. ранее: раздел 14.8.

* * *

**Из статьи А. Гельмана «Возвращение к нравственным истокам»,
опубликованной в журнале «Коммунист» (май 1988)**

<...> Недавно в «Огоньке» была опубликована статья о ленинградском социологе и журналисте А. Н. Алексееве. Какая мощь непокоряющейся нравственности, какая последовательность в отстаивании демократизма, какая несгибаемая вера, что правда возьмет свое. Алексеева исключили из партии, из Союза журналистов, отовсюду, за качества и поступки такой высокой пробы, какие и не снились тем, кто его исключал. Сегодня он восстановлен в партии, восстановление шло трудно, с перебоями, с противодействием. Так же трудно, с противодействием в, партии идет сегодня воссоединение политики и нравственности. <...>

(Коммунист, 1988, № 9)

* * *

А. Алексеев — А. Гельману (июль 1988)

Уважаемый Александр Исаакович!

Конечно, Ваша статья в «Коммунисте» была сразу замечена и мною, и всеми моими друзьями в Ленинграде... Вы принадлежите к числу людей, которые ныне для всякого культурного человека стоят в первом ряду имен, запустивших мотор перестройки (хоть и говорят, что перестройка у нас пошла «сверху»). Приведенным в статье единственным персональным примером Вы и меня записываете в этот ряд. Откровенно говоря, я чувствую себя в этой роли не очень ловко. Но хочешь — не хочешь, а становишься «аргументом перестройки».

Мне глубоко созвучны Ваши размышления о разных «линиях» в партии. Утверждение о двух «политических культурах» представляется точной формулировкой исторической закономерности и очень эвристично для современного момента. Высказываться на эту тему в личном письме, при заведомом нашем согласии в ключевых моментах, вроде ни к чему. На публичные, открытые заявления не хватает времени...

Вспоминаю свое давнее письмо Вам 1986 г. Вот Вы и ответили на него (да как!) в 1988 г. И поверьте, я согласен на такой «растянутый во времени» диалог, тем более, что поводом для Вашего будущего, возможно, ответа могу послужить уже не я. <...>.

Вкратце

*Далее в письме приводятся конкретные примеры противостояния в партии различных «политических культур»: ситуации инженера-рабочего Ленинградского Металлического завода Г. А. **Кравченко**, впоследствии — депутата Ленсовета, и инженера «Ленгидропроекта» Ю. М. **Нестерова**, впоследствии — депутата Госдумы РФ.*

...Если Вы задумаете продолжать разработку в публицистическом или драматургическом ключе тему соотношения политики и нравственности — дайте знать, я мог бы пополнить Вашу копилку...

И еще. В статье в «ЛГ» 1986 г. Вы писали о том, «что сначала, что — потом». В сфере гласности сейчас наступила очередь таких, как я. Моя дотошность протоколиста облегчила работу Л. Графовой и А. Головкина, оставшуюся, впрочем, неизмеримо трудной.

Но вот подходит очередь для моих предшественников, нет — не покойных «отцов» (что само собой!), а здравствующих «старших братьев» или даже ровесников. Тех, кто, в сущности, за «то же самое, что и я», успел **отсидеть в лагерях или в психушке** (я — то ли не успел, то ли не заслужил, то ли не помог этому).

Тема прижизненной реабилитации весьма актуальна и для этой категории людей. Пока сегодня этим занимается только общество «Мемориал»...

Если понадобятся Вам и такие примеры, дайте мне знать, пришлю материалы, сообщу координаты. <...>

Ваш Андрей Алексеев, 26.07.88

17.5. Прощание с «Ленполиграфмашем» (8,5 лет)

Ремарка: не финал!

В июле 1988 г., при энергичном вмешательстве социологической общности (см. ранее: раздел 13.16) состоялся переход «прораба перестройки» на штатную научную работу («сменить станок на письменный стол», как писалось в одном из писем в его поддержку; см. раздел 15.11).

Эксперимент социолога-рабочего, в тех организационных рамках, которые были заданы ему в 1980 г., пожалуй, завершился.

Но на тот момент еще нельзя было считать завершенным этот эксперимент, каким он реально сложился в более широком жизненном и историческом контексте. (Март 2001).

Письмо, опубликованное на страницах заводской газеты (август 1988)

Спасибо коллективу

В январе 1980 г. я впервые переступил порог «Ленполиграфмаша». В июле 1988 г. расстаюсь с коллективом, в котором проработал восемь с половиной лет. Пользуясь случаем, хочу выразить через газету «Трибуна машиностроителя» свою искреннюю признательность тем, у кого учился и кого сам, возможно, сумел чему-то полезному научить. Мои особенно теплые чувства — коллективам бригад 003 и 001 цеха № 3.

Уволился переводом в Высшую профсоюзную школу культуры — старшим научным сотрудником социологической лаборатории.

А. Алексеев

(Трибуна машиностроителя, 10.08.88)

17.6. «Герой-аргумент в раме-концепции...»

В. Герчиков — А. Алексееву (октябрь 1987)¹⁸

Здравствуй, Андрей-великомученик!

Прочитал статью в «ЛГ», порадовался за твою реабилитацию. Хотя что-то Графова тебя совсем в старики записала: «выглядит на десять лет старше». Мы, правда, давно не виделись, но мне кажется, что «густые морщины» на твоём лице — ещё одно доказательство, что **любой человек для прессы — это прежде всего аргумент.**

Дай Бог, если это окажет положительное воздействие на тех, кто разбирает твоё дело. А может случиться и наоборот: они только ещё больше обозлятся на твою «беспредельную положительность».

В моей практике бывали случаи, когда показ фильма по телевидению вызывал ожесточённое восприятие героя его окружением (обратный эффект) и приносил ему новые неприятности.

Естественное проявление принципа «Не высовывайся!». И ты, как исследователь, должен быть к такому готов.

У меня особых новостей нет. Снимаю всякие документальные фильмы, которые показывают в 8-15 утра или не показывают вовсе. Должна была выйти книга, но герой мой попал в опалу, теперь пытаюсь переделать (книгу? героя? себя? — сам ещё не разобрался, но процесс интересный).

Я потому и напал на твою портретистку, что во мне тоже сидит этот грех, это пристрастие к ретуши, штампу и т. п. Герой, о котором я сейчас пишу, попался уникальный. А я все пытаюсь прислонить его к какой-нибудь концепции, чтобы он не очень высовывался из рамы, заготовленной загодя.

Но все это мелочи по сравнению с тем поворотом, который, я надеюсь, необратимо происходит в твоей судьбе. Тебе сейчас надо выглядеть лет на 10 моложе своих лет: энергичный, подтянутый, несгибаемый боец.

Я очень рад за тебя как за человека, которому чуть-чуть легче стало дышать. Так мне кажется, во всяком случае.

В. Герчиков, октябрь 1987

* * *

А. Алексеев — В. Герчикову (август 1988)

Дорогой Володя!

Не подумай, что я забыл о Твоём пророческом письме, на которое отвечаю, увы, с таким опозданием. То самое письмо, где **«герой-аргумент в раме-концепции»**... Могу теперь подтвердить твой блестящий прогноз.

...Был я не то чтобы «великомучеником», а рядовым **поборником** перестройки (ещё до того как она началась, пожалуй).

После очерка Лидии Графовой в «Литгазете» (сентябрь 1987) стал я — **«аргументом перестройки»**.

¹⁸ Владимир Михайлович Герчиков — воронежский тележурналист. К сожалению, мы давно потеряли друг друга из вида.

После очерка Анатолия Головкова в «Огоньке» (май 1988) стал я... **«символом перестройки»**.

Потом был документальный фильм Сергея Логинова, показанный по Центральному телевидению (июнь 1988 г.). Снята специальная (еще не показанная) передача для Ленинградского телевидения. Отклики... Перепечатки... Интервью... Александр Гельман в «Коммунисте» осмыслил всю эту историю теоретически (июль 1988).

Ну, а прочитав, к примеру, недавно опубликованный в «Огоньке» очерк о ленинградском самодеятельном клубе «Перестройка», ты, я думаю, согласишься с остроумным определением поэта и журналиста, моего друга Андрея Чернова: **«разменная монета перестройки»**.¹⁹

Похоже, пора мою фамилию писать «с маленькой буквы», как имя нарицательное. Не без профессионального интереса наблюдаю этот процесс мифологизации.

<...> Легенда о социологе-экспериментаторе создает завышенные ожидания насчет «героя в раме». Мне не оправдать их и до конца жизни. А может попробовать? Тоже своего рода «эксперимент»...

Как живется Тебе? Очень буду рад весточке, если, конечно, я не вышел у Тебя из доверия за то, что почти год не отвечал на **такое** твое письмо. Обнимаю!

Твой Андрей Ал., 5.08.88

Ремарка: «разменная монета перестройки»...

Будучи высвечен прожекторами гласности, социолог-испытатель оказался вознесен на гребень волны перестроечных процессов и на какой-то исторический миг стал «знаковой» общественной фигурой.

Как видно из вышеприведенного письма, процесс своеобразной мифологизации эксперимента социолога-рабочего достаточно хорошо осознавался и им самим; и его реакции были, как будто, адекватными. (Март 2001).

17.7. Познание через действие, или что я могу один

Из расшифровки магнитной записи передачи радиостанции «Юность» (октябрь 1988)²⁰

Истоки поступка и его последствия

<...> **Корреспондент (Т. Васильева)**: Ну вот, и в одном письме, и в другом повторяется вопрос: «Что может поступок одного человека?» Или: «Что я могу один?»

¹⁹ Перечитав сегодня этот очерк (А. Чернов. Модель надежды // Огонек, 1988, № 31), я там такого высказывания на свой счет не нашел. Скорее всего шутовское определение было дано мне автором очерка в устном общении, а не в журнальной рубрикации.

²⁰ Радиопередачу под названием «В редакцию пришло письмо» вела — Татьяна Васильева. Трансляция состоялась в воскресенье, 16 октября 1988 г. (в 17-15), одновременно — по Всесоюзному и Ленинградскому радио. Подзаголовки сделаны мною сегодня — для данной публикации.

Алексеев: Поступок одного человека может многое. Лучшая агитация — это поступок. Причем поступок, не рассчитанный, в общем-то, на то, что за тобой последуют. Просто когда, ну, «не могу иначе», и все тут.

Другое дело, я вот тоже сплошь и рядом не знаю, чего делать. Но, понимаете, мне кажется, я знаю, чего я **не могу сделать** [*здесь и далее в тексте выделено сегодня; а в устной речи, выделялось интонационно.* — А.А./]. Причем этот порог, чего ты не можешь сделать, — он у всех разный. Один не может совершить подлость, написать донос, просто **не может** — и все. Это для него немислимо! Но он **может** проголосовать, допустим, за исключение из партии по доносу. У другого порог выше — он уже и проголосовать **не может**. Третий не только не проголосует, но и, так сказать, встанет рядом и скажет: «Казните меня вместе с ним».

Происходит как бы повышение порога, то есть если раньше мог гордиться тот, кто не писал доносов, то чем дальше, тем больше возникает возможность гордиться тем, что уже и не голосовал за изгнание или избиение того, про кого написан донос. А сейчас и этого мало. Ты чувствуешь себя неполноценным, недостойным человеком, если у тебя на глазах совершается что-то органически тебе противное.

Один человек, конечно, всего не исправит. Но, по крайней мере там, где он уже прямо с этим столкнулся... Понимаете, когда убивают повсюду, то ты не можешь всех спасти. Но если убивают у тебя на глазах, вот тут уж надо совершать поступки.

В прошлом году встал вопрос о восстановлении меня в партии. А молодым циничным мальчикам, выросшим в начальников цехов и руководителей партийной организации, очень не хотелось, чтобы это произошло, потому что тогда окажется, что нельзя скомпрометировать мои усилия что-то изменить на производстве указанием на то, что я из партии исключен. И эти люди сочинили такую характеристику, будто Алексеев разлагает коллектив, пытается восстановить рабочих против администрации и тому подобное.

Для меня было очень важно и ценно, что пусть не все, но часть коллектива, во всяком случае — бригада, в которой я работаю, заявила, что не может потерпеть такого безобразия. Они написали свою «контрхарактеристику». Ну, об этом рассказывалось в «Литературной газете»...²¹

Но тут возник один очень интересный момент. Двое молодых людей, молодые коммунисты, на партийном собрании голосовали за обвинительную характеристику в мой адрес. Из которой следовало, что меня ни в коем случае в партии восстанавливать нельзя. А потом **они же** подписали «контрхарактеристику»!

Корр.: То есть успели и там, и там...

А.: Нет. В том-то и дело, что нет. Потом администрация и партийные функционеры на них накинулись: как же так?! Они сказали, что их ис-

²¹ См. ранее, раздел 16.1. См. также : раздел 15.14.

тинная позиция — вот в этом письме рабочих. А там... «Так вы же нам подсунули эту характеристику, вы же не дали с ней внимательно ознакомиться...»

Они совершили поступок. Им это и недешево досталось, потому что одному, кажется, потом не повысили разряд, как предполагалось, другому — еще что-то. А они просто почувствовали свой порог, то есть они смогли еще проголосовать за нечто им противное, проголосовать в массе, «в куче», но уже **не смогли** присоединиться к той коллективной защите, которая сложилась в отношении меня в тот момент.

Значит, они совершили, понимаете, **переход**. Может быть, если бы более было у них развито это чувство <...>, они уже и тогда, на собрании, проголосовали бы против.

Когда меня исключали из партии, было два человека, которые воздержались. Это было почти героическим поступком в 84-м году. Короче говоря, когда не знаешь... то есть эти люди, они, может быть, и не знали, что им делать, но они знали, чего они **не могут** сделать.

Корр.: Да, А. Н., но двое рабочих вашего цеха — они тут же, на себе, ощутили последствия своих поступков. То есть за поступком почти всегда, если это поступок серьезный, за ним идут последствия. Человек, наверное, должен быть к ним *[последствиям. — А. А.]* готов, чтобы они его не сломали...

А.: Ну, тут выбор: может ли человек себя уважать, не совершив этого поступка? Если еще может, пусть не совершает. Но в какой-то момент он просто почувствует, что ему, так сказать, дешевле иметь потом неприятности, чем чувствовать себя человеком, не достойным собственного уважения.

Корр.: Можно задать Вам тогда такой вопрос: у Вас много было неприятностей?

— Хватало.

— Вам дешевле было их иметь?

— Да, мне было дешевле их иметь. <...>

«Если бы всех этих приключений не было, их стоило бы организовать...»

Корр.: Я где-то прочитала, по-моему, у Гроссмана, что скептики и пессимисты — это люди, которые имели горький опыт в своей жизни. Ваш опыт жизни я бы особо радостным и светлым не назвала. Но, тем не менее, я бы не сказала, что Вы похожи на скептика.

А.: Вы знаете, страшно интересная жизнь. Вообще, у меня хватит наглости даже утверждать, что если бы всех этих приключений не было, их стоило бы организовать.

Ну, посудите сами. Я задумал заниматься исследованием человека в системе производственных отношений. Занимался этим, как умел: в институте, на заводе... И в какой-то момент, когда начались все эти пре-

следования — обыск, чуть не уголовное дело, предостережение органов госбезопасности, исключение из партии и из всяких общественных организаций, — все это события 83-84-го годов, но они, в общем-то, продолжались и в 85-м...

Корр.: И можно добавить еще исключение из Союза журналистов, исключение из Ассоциации социологов.

А.: Восстановили теперь, естественно, всюду, но не в этом дело. Понимаете, когда все это началось, пришлось мне вступить в конфликтные отношения с огромным количеством всяких организаций, от комиссии по трудовым спорам до Центрального Комитета партии. И, по существу, это уникальная возможность. Понимаете?

Я оказался субъектом и объектом этого уникального исследования. Причем, поскольку у меня сильно была развита исследовательская установка, то, если угодно, хладнокровно смотрел, что же будет дальше. И это вообще лучший, мне кажется, способ исследования: **познание через действие**.

Вот есть такой метод социологического исследования — включенное наблюдение. Что это такое? Человек, исследователь погружается в определенную среду, как-то приспосабливается к ней и только наблюдает — включенное наблюдение. Если эта среда гниет, он гниет вместе с нею. Если она процветает, он вместе с нею процветает.

Ну и, вначале это неосознанно было, а потом я сознательно стал говорить, что занимаюсь не «включенным наблюдением», а **наблюдающим участием**. Вы чувствуете перенос акцента на активную позицию? То есть я действовал в этой обстановке, поступал так, как считал нужным. Иногда — достаточно неординарно, и противодействовал этому гниению, что ли.

И исследование получалось не просто через наблюдение, а через изучение — наблюдение и осмысление — последствий собственных поступков. Понимаете? Исследователь превращается в человека, воздействующего на окружающую среду и судящего об этой среде и о процессах, совершающихся в ней, через последствия собственных поступков.

Корр.: Я повторю эту мысль. Человек получает возможность судить о том, что происходит вокруг, через последствия собственных поступков... Наверное, Алексееву «повезло» — сказать трудно, и все-таки, я считаю — **повезло**, что оказалась в нем эта жилка интереса к исследованию, что совпали в одном человеке гражданская позиция и научное любопытство.

Не знаю, кто определил первым, но определение разошлось, и последние восемь лет жизни А. Н., его работы на «Ленполиграфмаше» называют «экспериментом на себе». И это так, хотя и звучит громко. Сама ситуация отстаивания собственной позиции, противодействию бюрократическому аппарату, день за днем занесенная в дневник, приобретала экспериментальный характер.

А складывалась она из выступлений на собраниях и практических шагов по поводу «двухсменки», и выборов делегатов на профсоюзную конферен-

цию, и работы совета трудового коллектива. Статьи в заводской газете, разбирательство трудового спора в суде и многое другое. <...>

«Подвижничества тут вовсе нет...»

Корр.: Позвольте мне усомниться только в одном: что Вы **хладнокровно** это наблюдали. Как можно наблюдать хладнокровно, когда это касается твоих нервов, твоих если не каких-то благ, то просто элементарных жизненных удобств?

А.: Вы знаете, я абсолютно не бедствую. В институте я зарабатывал, как старший научный сотрудник со степенью и со стажем, 300 руб. Придя на завод, я сначала потерял вдвое. Но по мере овладения профессиональными знаниями и умениями, мой средний заработок за эти 8 лет возрос до тех же 300 руб. То есть зарабатывать я стал, в общем, не хуже, чем прежде.

Корр.: Но это только материальная сторона...

А.: Материальная, да. Теперь — социально-психологическая сторона. Отчуждение, одиночество (одна из рецензий на фильм «Не могу иначе», кажется, даже так и называлась — «Одиноким победитель») — этого же нет!

У меня, как была, так и осталась очень близкая мне, и поддерживающая меня психологически, родная, если угодно, среда — как на заводе, так и за пределами завода: и среди социологов, и среди журналистов, и среди рабочих. Я чувствую себя достаточно комфортно в среде людей, которые меня понимают. Но человек, не имеющий противников, «врагов», что ли, это, наверное, бесхребетный человек.

Корр.: Если попытаться вспомнить самое начало, когда Вы задавали себе вопросы и искали на них ответы, Вы предполагали, что так все сложится?

А.: Нет, не предполагал. И вообще для меня это было достаточно естественным поступком...

Мне вот что не нравится: почему Вы усматриваете в этом какую-то исключительность? У нас чуть не 10 процентов рабочих — люди с высшим образованием. Это — рабочие-интеллигенты, которые предпочитают труд рабочего труду служащего, который их мало устраивает. Ну, мотивы разные...

Исследовательский мотив был, действительно, у немногих. Но и среди моих друзей-социологов, не так уж мало людей, поступивших точно так же. Разве что при этом они не ставили перед собой исследовательской цели. Так что, никакого тут особенного подвижничества нет.

Корр.: Я Вам скажу, я усматриваю исключительность не в том, что человек с высшим образованием встает к станку. Нет совсем! А в том, что у нас много примеров в жизни, когда человек пытается что-то сделать, у него не получается, и он выражает свое несогласие тем, что вообще отходит от, ну,

скажем так, от активной жизни. Мне кажется, что здесь важно найти точку приложения своих сил...

А.: Ну, вот у меня есть друзья, которые, имея высшее образование (инженеры, инженер-физик, преподаватель литературы, режиссер) стали лесниками. Казалось бы, уход из активной жизни, но они стали лесниками не просто для того, чтобы уйти от городской суеты.

И вот, представьте себе, Кавказский государственный заповедник, где возник такой кордон, действительно антибраконьерский, и, естественно, восстановивший против себя и простых, и начальственных браконьеров, и собственное руководство заповедника. И вы знаете, это оказалась жизнь на таком вулкане!²² Казалось бы, уход...

Корр.: В тихое место?

А.: Да ничего подобного! Человек, достаточно принципиальный, активный и относящийся к жизни всерьез, он найдет себе неприятностей где угодно. Я знаю высококвалифицированного биолога, который сейчас работает дворником, но при этом у него изрядный конфликт, потому что он и здесь добивается справедливости, устранения всяких безобразий и так далее.

Для людей же пассивных и уходить никуда не надо. Они и всюду приспособятся.

«Сшибка» или «ситуационная мораль»?

Корр.: Если помните, один из первоначальных вариантов названия романа Александра Бека «Новое назначение» был «Сшибка». В дневнике писателя осталась запись:

«...Тяжелое, неблагозвучное слово. Однако оно привлекло меня точностью. Сшибка — научный врачебный термин, введенный Иваном Петровичем Павловым. И, кроме того, по прямому смыслу, сшибка — это схватка, столкновение, сеча, сражение...».

Сшибка — это столкновение двух противоположных, одинаково сильных импульсов, которые идут оба из коры головного мозга. Внутреннее побуждение подсказывает человеку, как поступить. А другой импульс заставляет его поступить противоположным образом — этого требует логика или житейская ситуация, все что угодно. Что выбирает человек?

Если он выбирает не внутреннее убеждение, то превращается в механизм, который выполняет чужие приказы. Ну, а если человек выбирает внутреннее убеждение?

А.: Для этого он еще должен достаточно хорошо понимать, что же на самом деле является его внутренним убеждением, и есть ли оно у него по данному вопросу вообще.

Сейчас стали часто говорить о «двойной морали». Я помню, еще лет 10 назад усомнился в этом термине. И назвал это «ситуационной мора-

²² См. ранее, в томе 2 настоящей книги: приложение 4 к части 2.

люю». Человек вполне искренне в одной ситуации поступает так, а в другой — наоборот. И он уже сам не осознает, где же, собственно, его.

Человек, в роли дружинника, добросовестно ловит нарушителей общественного порядка, а потом он снимает повязку и сам выпивает бутылку в подворотне. Все в течение одного получаса происходит. Какая у него мораль? Он и тогда, и через полчаса — один и тот же. Он просто полагает, что в данной ситуации ему следует поступать так, а в другой — иначе.

Корр.: Мне кажется, здесь нельзя говорить о морали, а только о подчинении ситуации.

А.: Да, действительно, подчинение ситуации. И приучались люди к тому, что у них вообще собственного мнения нет. Есть некий рефлекс на выживание: в зависимости от того, как лучше себя сохранить, он поступает так или иначе.

Но если уж он осознал (вот, знаете это высказывание: «Раб, осознавший себя рабом, уже не раб?»), так, если он уже это внутреннее побуждение осознал, то есть он понял, где черное, где белое, то лучше ему все-таки поступать так, как он понял. Помните, мы с Вами говорили: себе дешевле быть порядочным человеком.

«Неудобные» люди объединяются...

Корр.: А. Н., а сейчас чем Вы занимаетесь?

А.: Сейчас я пытаюсь привести в порядок свой архив, все, что наработано до сих пор. Наработано немало, и довольно нетривиальными способами.

Привыкли, что социолог — это человек, который только спрашивает, человек с анкетой. Это не так. Потом, то новое место, куда я пришел, — профсоюзная школа культуры, там занимаются проблемами клубов. Для меня очень близки темы, связанные с неформальными объединениями, с самодеятельными всякими группами, с общественными движениями. В какой-то мере это становится предметом моей исследовательской работы.

Недавно вместе с ленинградским журналистом [*С. В. Михельсон. — А. А.*] мы закончили работу над брошюрой «Неудобные люди».

Пожалуй, больше всего меня интересует то, о чем Вы спрашивали в начале нашей беседы. Это мотивы, формы, смысл нестандартного, инициативного, «неудобного» поведения. Беда в том, что эти «неудобные» люди часто действительно оказываются одиночками. Но вот уже положение меняется. Возникают «неудобные» организации, возникает «неудобная» общественность, возникают целые общественные движения, эти «неудобные» люди объединяются. <...>

(Октябрь 1988)

Ремарка: вершина красноречия...

Это — одна из немногих в данной книге дословных записей импровизационной, реактивной (интервью!) устной речи. Вообще, автор обычно куда более косноязычен. Большинство «автостенограмм» публичных выступлений (приводившихся ранее) готовились заранее. Здесь — тот редкий случай, когда удалось достаточно «гладко», развернуто и точно высказаться по предмету обсуждения, не прибегая к перу или пишущей машинке. (Май 2003).

...Мне кажется, что жизнь по своим причинным связям так сложна, что прагматические критерии часто бесполезны, и остаются — моральные...

А. Сахаров («Воспоминания»)

17.8. «Герой перестройки» — «агент влияния»

Несколько вступительных слов

Превратившись на какое-то время в «знаковую» общественную фигуру, социолог-испытатель счел за благо «эксплуатировать» свою популярность, выработав для этого особый жанр, который можно назвать жанром «рекомендательных писем».

Некоторые из них возымели действие. (Март 2001).

17.8.1. В поддержку «Рабочей инициативы»

Отзыв на проект Устава рабочего общественно-политического клуба (ноябрь 1987)

С интересом ознакомился с проектом Устава клуба «Рабочая инициатива» при ЛНПО «Красная заря», разработанным группой рабочих. Представляется ценной гражданская инициатива, нашедшая отражение в этом документе.

Развитие неформальных объединений и движений, развернувшихся в нашей стране после XXVII съезда КПСС (только в Ленинграде таких групп и объединений, как сообщалось в газетах, около 200), пока мало затронуло массу рабочих. Любительские и гражданские стремления и интересы, которыми движимы участники этих объединений, редко относятся к ключевым для дела перестройки проблемам развития производственной демократии, защиты интересов рабочих, углубления хозяйственной перестройки.

В этом отношении росток рабочей инициативы, родившийся на «Красной заре» (прецеденты уже имеются на ряде предприятий Москвы и других городов), представляется заслуживающим внимания и поддержки партийных, профсоюзных, комсомольских организаций и научной общественности.

<...> Как основные задачи, так и формы работы клуба направлены на эффективное содействие политике перестройки в сфере общественного производства и рабочей жизни и на преодоление известного бюрократического сопротивления (приспосабливающегося противодействия, формализма, по-

казухи, псевдоперестроечной активности, бюрократической демагогии, вплоть до откровенного саботажа) реализации решений XXVII съезда партии, январского и июньского Пленумов ЦК КПСС.

Проект Устава хорошо продуман, лаконичен, корректен, ставит заслон анархическим действиям и экстремистским проявлениям.

Установка на то, чтобы добиваться приобретения статуса юридического лица сочетается с правильным самоопределением инициативной группы, которая не считает возможным дожидаться официального утверждения (что нередко затягивается), а ведет подготовительную, организационную и координационную работу, имеющую и самостоятельную общественную значимость и, одновременно, создающую предпосылки для такого утверждения.

Внимательное ознакомление с содержанием первых шагов зарождающегося клуба общественной инициативы на ЛНПО «Красная заря» убеждает в гражданской зрелости его организаторов, идейной чистоте и открытости их позиции, а также их способности отдавать предпочтение практическому делу перед «словесоворением». Об этом, в частности, свидетельствует информация о первом заседании актива клуба 16.10.87, которому предшествовал сбор подписей в защиту рабочего В. Богданова, незаконно уволенного в порядке расправы за критику, с рижского завода «Энергоавтоматика».²³

Организаторы клуба «Рабочая инициатива» совершенно правильно увидели свою очередную практическую задачу в демократическом воздействии на процесс реализации положений Закона о государственном предприятии, касающихся организации самоуправления трудового коллектива, — на своем предприятии.

Проект Устава общественно-политического клуба «Рабочая инициатива» при ЛНПО «Красная заря» заслуживает, на наш взгляд, дальнейшей разработки и совершенствования. Мною устно высказан организатору-секретарю клуба В. М. Тягушеву²⁴ ряд относительно частных, мелких замечаний, не затрагивающих общих принципов и идей, заложенных в этом проекте. В целом уже разработанный активом клуба документ безусловно может быть принят за основу.

Желаю активу клуба «Рабочая инициатива» успехов в их общественно-необходимой и гражданственно, нравственно и политически оправданной деятельности. В случае, если Уставом будет предусмотрена возможность вступления в рабочий клуб при ЛНПО «Красная заря» не только работников этого объединения, готов сам стать его рядовым членом.

Канд. филос. наук, член бюро Ленинградского (Северо-Западного) отделения Советской социологической ассоциации А. Н. Алексеев

7.11.87²⁵

²³ Подробнее об этом эпизоде общественно-политической борьбы того времени см. ранее: раздел 16.4 и приложение 1 к главе 16.

²⁴ Виктор Максимович **Тягушев**, в ту пору работавший на ЛНПО «Красная заря», активно участвовал также и в общегородском демократическом движении Ленинграда рубежа 80-90-х гг., был одним из членов Ленинградского межпрофессионального клуба «Перестройка». Ныне работает по своей основной специальности: электрик.

²⁵ В сокращении опубликовано также в: Россия сегодня. Политический портрет в документах. 1985-1991. М.: Международные отношения, 1991., с. 327.

*17.8.2. «Неудобным» — кроме гласности
другой помощи не нужно*

**А. Алексеев — в редакцию газеты «Ленинградский рабочий»
(январь 1988)**

Уважаемые товарищи!

Среди читательских откликов на мое интервью в № 51 «Ленинградского рабочего» под названием «Надо ли беречь «неудобных»?», есть один, который, как мне кажется, заслуживает не только внимания, но и прямого использования в газете, т. е. опубликования.

Это — письмо старшего научного сотрудника Лен. филиала «ГипроНИИ-полиграф» В. Г. Рамма²⁶, описывающее весьма типичную ситуацию, когда амбиция высокопоставленного чиновника и его раздражение против «неудобного» человека приходит в противоречие с интересами дела, производственной необходимостью и даже здравым смыслом.

Формальные победы, одерживаемые чиновником в таких случаях, обращаются деловым, моральным и политическим поражением, как в случае, описанном в этом письме.

Мне кажется, что материал Владимира Рамма является также адекватным ответом на вопрос: «Беречь ли «неудобных»?». Таких, как В. Рамм, — беречь не надо, надо лишь **содействовать им гласностью**, в свете которой становится видно, «кто есть кто». Поэтому я настойчиво рекомендую настоящий текст к публикации на страницах печати.

В. Г. Рамма знаю лично по совместной деятельности в Ленинградском межпрофессиональном клубе «Перестройка». Имел беседу и с его непосредственным начальником, зав. лабораторией вышеназванного института Г. М. Куссулем.

В точности фактов, изложенных в письме В. Рамма, я лично абсолютно уверен. Что, разумеется, не исключает целесообразности получения сотрудником редакции соответствующих объяснений от директора Лен. филиала «ГипроНИИполиграф» В. И. Орленка, которые, думаю, лишь подкрепят мое предложение об опубликовании этого материала.

Еще раз повторю: это мое обращение к Вам взывает не к помощи «неудобному» человеку, а взывает к гласности. Публикация письма В. Г. Рамма позволила бы развить поднятую газетой важную общественную тему.

С уважением,

А. Алексеев, слесарь ПО «Ленполиграфмаш», канд. филос. наук
24.01.88

17.8.3. Как журналист, чую — тут «фитиль»!

А. Алексеев — в редакцию журнала «Огонек» (декабрь 1988)

Уважаемые товарищи!

Тот редкий случай, когда считаю уместным обратиться к Вам с «официальной просьбой», на правах лица, пользующегося Вашим доверием.

²⁶ Владимир Григорьевич Рамм — один из организаторов Ленинградского межпрофессионального клуба «Перестройка». Ныне живет в США.

Посылаю подборку материалов, поступивших ко мне от И. С. Бельговского из г. Верхнеднепровска, Днепропетровской области. С Иваном Семеновичем мы переписываемся с осени 1987 г. Человек неумный, горячо болеющий за правду, он, будучи активно преследуем местной партийно-советской бюрократией (исключен из партии, сумел отвоевать партийный билет обратно), в течение года не обронил о своих личных «невзгодах» ни слова.

И только сейчас обратился ко мне за поддержкой, причем в вопросе, отнюдь не личном, а принципиальном.

Описываемые им события последних месяцев могли бы показаться «банальными» в буднях перестроечных баталий, если бы не один факт, который побуждает меня настойчиво рекомендовать журналу обратиться к этому «верхнеднепровскому сюжету».

Факт такой.

В середине ноября с.г. 227 из 540 делегатов отчетно-выборной партийной конференции г. Верхнеднепровска, т. е. 42 процента, проголосовали **против** избрания в состав райкома 1-го секретаря этого райкома В. Е. Стрельцова. После чего тот благополучно вновь стал 1-м секретарем. И. Бельговский резонно предлагает Стрельцову подать в отставку.

Обстоятельства, предшествовавшие этому инциденту, описаны в предыдущем **открытом письме** коммуниста Бельговского секретарю райкома Стрельцову, а также в других материалах, которые вкладываю в этот конверт. Оговорю, что, не желая заваливать редакцию материалами, я отобрал из присланного мне вчера Бельговским лишь 5 документов, дающих достаточное представление о контексте упомянутого инцидента.

Здесь подчеркну два момента:

1) Автор (И. С. Бельговский) безусловно заслуживает полного доверия. Я ручаюсь за него, как за самого себя. Впрочем, и из тона, стилистики писем — человек виден.

2) Ключевой факт («образец» внутрипартийной демократии, продемонстрированный в **Днепропетровской**, кстати сказать, области и кратко описанный здесь мною) таков, что заслуживает общесоюзной трибуны.

Будучи сам отчасти журналистом, чую — тут «фитиль»! Если Вы со мной согласны, воспользуйтесь этим «навесом на ворота», забивайте гол. Жанр — вам виднее. Может быть, просто опубликовать письмо...

С глубоким уважением

Андрей Алексеев, 11.12.88

(Приложения: 5 документов)

* * *

А. Алексеев — И. Бельговскому (декабрь 1988)

Уважаемый Иван Семенович!

Отправляю Вам копию своего письма в редакцию журнала «Огонек», которое отдал **в руки** сотрудника журнала, являющегося моим личным другом.

Как Вы понимаете, это — не гарантия, но серьезный шанс, что верхнеднепровская история станет достоянием гласности.

Действуйте и сами, независимо от моих шагов. Во всяком случае, мои шаги не прекратятся.

Буду рад встрече с Вами в январе.

Ваш Андрей Алексеев, 11.12.88

[Насколько мне известно, «верхнеднепровская история» тогда в центральной печати обнаружена не была. — А. А.]

17.8.4. «Ваш корреспондент-организатор...»

А. Алексеев — А. Вишневскому (декабрь 1988)

Уважаемый Анатолий Григорьевич!

Становится уже очевидным, что я не справился с обещанием написать статью «Какая перестройка нужна рабочим», запланированную Вами в сборник «В человеческом измерении». Срок истек. Печально, но факт.

Помешал перегруз общественными делами — такой, что пришлось сейчас и от них отказаться, просто для пассивного отдыха (отпуска).

Хоть немного утешаю себя тем, что сумел выступить для Вас своего рода корреспондентом-организатором. Работа С. **Минаковой** — уже в оглавлении сборника, и даже, как мне показалось, способствовала формулированию названия 3-го раздела. Возможно, Вы заинтересовались работой Р. **Айдиняна**, отправленной мною Вам в конце ноября.

И вот еще два дара. Это — попавшая мне в руки работа А. **Эткинда** и Л. **Гозмана** («Психология политического сознания») и работа Е. **Старикова** («Социальная структура советского общества: процессы маргинализации»). Независимо от перспектив их использования, Вы прочтете ту и другую «не переводя дыхания».

Эткинд — ленинградец, но часто бывает в Москве. Гозман — москвич (с ним Вы, кажется, даже знакомы). Стариков — из Воронежа.

Работы — блестящие! Мне так не написать. Авторы — достойнейшие люди. Та и другая работы украсили бы сборник. И уж во всяком случае могли бы заполнить «бреешь» в Вашем плане-проспекте, созданную мною.

Во всех четырех случаях моих рекомендаций — С. Минакова; Р. Айдинян; Л. Гозман и А. Эткинд; Е. Стариков — инициатива исходит только от меня. Некоторые из авторов несколько «обалдевали» от этой моей инициативы, поскольку очень велик престиж серии «Иного не дано». Но не препятствовали моим демаршам.

Работа Е. Старикова — так даже и по теме отчасти ложится на место отсутствующей моей.

Есть и еще возможная замена. Я, кажется, уже говорил Вам о С. **Белановском** (он работает в Институте экономики и прогнозирования НТП), который вместе с В. **Корсетовым** опубликовали великолепный диалог «Битвы с ветряными мельницами» (ЭКО, 1988, № 9). Насколько мне известно, Вашему сборнику не противопоставлены перепечатки.

Но даже и безотносительно к названной работе, С. Белановский легок на подъем (в отличие от меня).

Резюме: Алексеев Вас подвел как автор. Но благодаря ему Вы заведомо обогатили и расширили круг реальных или потенциальных авторов.

Посылаемые мною экземпляры возвращать не надо. При необходимости связывайтесь с авторами напрямую. (Их координаты прилагаю). Что касается меня самого, то — авось до следующего сборника.

С уважением, сожалением, надеждой,
Ваш Андрей Алексеев, 25.12.88

Ремарка: «В человеческом измерении».

Социолог-испытатель все же успел с собственной статьей для упомянутого сборника. Но это оказалась статья на совсем другую, чем вначале предполагалось, тему. А именно — описание и политико-социологическое осмысление, «по горячим следам», истории его выдвижения кандидатом в народные депутаты СССР от КПСС, разворачивавшейся как раз в дни написания этого письма, в последних числах декабря 1988 г. См. ниже, в главе 20. (Март 2001).

17.5. «Первый учитель...»

Рекомендация для вступления в ССА (январь 1989)

Я, Алексеев Андрей Николаевич, член ССА с 1969 г., рекомендую Светлану Лурье для вступления в Советскую социологическую ассоциацию.

С. В. Лурье — выпускница факультета журналистики ЛГУ, путем самообразования приобрела также глубокие знания в области истории, философии, психологии, этики. С 1986 г. увлеклась социологией, обнаружив в своих первых социологических опытах свежесть взглядов и отвагу самостоятельного решения сложных исследовательских проблем.

Является создателем оригинальной социально-психологической концепции этического сознания, получившей высокие оценки специалистов. Выступила с докладом на всесоюзном симпозиуме по социологии личности (1988 г.). Разработала программу исследования, посвященного проблемам личности в самостоятельном объединении с набором оригинальных опросных методик.

Является активистом комиссии ЛО ССА по изучению общественных движений, организатором ряда мероприятий комиссии.

С. Лурье — молодой исследователь, несомненно одаренный и, полагаю, с большим научным будущим.

А. Алексеев, 13.01.89

Ремарка: «Наставник, воспитай ученика, чтоб было у кого потом учиться...»

Светлана Владимировна Лурье — ныне доктор культурологии, известный (в России и за рубежом) специалист в области этнологии и культурной антропологии, автор нескольких монографий («Метаморфозы традиционного сознания», «Историческая этнология», «Психологическая антропология» и др.), зав. сектором культурной антропологии и социальной демографии Социологического института РАН.

Недавно в интернет-версии журнала «Отечественные записки» (2002, № 7) появилось *ауторефлексивное* эссе С. Лурье, названное ею — «О кошке, гуляющей самой по себе, и когнитивной функции государства». В нем, среди прочего, рас-

сказывается о начале поистине «звездной» научной карьеры С. Л., в коем, волею судьбы, социологу-испытателю довелось участвовать.

Ниже — извлечение из биографического очерка о Светлане Лурье, примерно тогда же появившегося в Интернете. (Май-июнь 2003).

* * *

Из интернетовского очерка о С. Лурье (февраль 2003)

<...> С 1987 г. С. Лурье — активная участница «неформального движения» в Ленинграде, в частности — «защиты Англетера». По признанию самой Светланы — «Англетер мало кого интересовал — мы хотели проверить власть на прочность». Член Ленинградского клуба «Перестройка». <...>

В том же 1987-м предприняла первый научный опыт — разработала типологию этического сознания. Получившуюся статью принесла А. Н. Алексееву — социологу ядовской школы, известному своим многолетним экспериментом социолога-рабочего «Полиграфмаша». Его оценка: «Вы социолог от Бога» и готовность к систематическому руководству вселили в Светлану уверенность и положили начало серьезным занятиям наукой.

«Это великолепный педагог..., — говорит С. Лурье. — Я показывала ему свои работы, а он... никогда не указывал недостатков в них, только хвалил, но к концу каждого разговора я понимала, что нужно исправить. А. Н. как бы показывал мне меня же в идеальном свете и я стремилась к этому образу... Он... выпустил (свою ученицу. — А. А.) на “свет Божий”, когда я уже была вполне уверена в своих силах и любая негативная оценка могла заставить меня задуматься, но ни в коем случае не сложить крылья. В конце “инкубаторного периода” я прочитала объявление о Всесоюзном конкурсе исследовательских проектов молодых социологов и спросила А. Н. (это было на заседании Ленинградской секции Советской социологической ассоциации)... Он сказал: при одном условии — не читать ни одной чужой программы..., а исходить только из здравого смысла. (Мне помнится иначе: прочитав дилетантский набросок программы С. Л., посоветовал — либо писать заново, прочитав соответствующие учебники, либо оставить все как есть и отправлять на конкурс... — А. А.). А потом... добавил: “А вдруг да наша Света победит. Вот будет позор для всей советской социологии!”. Программу я писала в перерывах между стирками и кухней, под насмешливые взгляды родни: “чем бы дитя ни тешилось...”. Но... члены конкурсной комиссии во главе с Ядовым наиболее перспективным молодым социологом признали “домохозяйку”. (Конкурс, понятно, был анонимным. — А. А.). Сразу же позвонила А. Н. и поздравила его с успехом эксперимента. “Это был самый блестящий эксперимент в моей жизни”, — ответил он...». (Признаться, не помню, чтобы такое говорил; впрочем, воспоминания всегда субъективны... — А. А.).

[Следует оговорить, что к последовавшим за стартовым успехом 1989 г. научным достижениям С. Лурье автор этих строк уже никак не причастен. Разве что горд своей прозорливостью... — А. А.]

17.8.6. О рабочем-журналисте Александре Лебедеве

**А. Алексеев — в редакцию журнала «Родина», А. Попову
(февраль 1989)**

Уважаемый Александр Владимирович!

Как обещал, немедленно высылаю Вам материал Александра Васильевича **Лебедева**, посвященный проблеме «рабочего класса и перестройки», словно специально для вашего Круглого стола.

Автор — рабочий (нагревательщик металла Ижорского завода), но и журналист также (окончил вечернее отделение факультета журналистики ЛГУ в 1973 г.). Поработал в 70-х гг. в заводской газете, а затем счел за благо вернуться к социальному положению рабочего, каковым был всю жизнь до этого. Но в качестве рабочего-интеллигента остается и тем, и другим.

Человек, ведущий себя независимо, хоть в период застоя, хоть в перестройке. Член КПСС с 1968 г. Все написанное им здесь — абсолютно точно, вместе с тем написано очень тактично, я бы сказал — мастерски.

Мы познакомились недавно, но его хорошо знают мои давние друзья, так что беспокоиться за факты — не надо, хоть радости эта публикация у партийно-хозяйственных аппаратчиков, понятно, и не вызовет.

Полемика некоторых «одобряльщиков и застрельщиков» с Ленинградского металлического завода с Ленинградским клубом «Перестройка», конфликт «Кравченко-Чичеров» и т. д. — отдельный сюжет, которого автор касается походя, используя в качестве предлога или повода.²⁷ Но чтобы и здесь у Вас не возникло тревоги, адресую к статье в «Комсомольской правде» (21.01.89) «Благие намерения», из которой все станет ясно. При необходимости, я готов дать дополнительные пояснения.

Что касается моего собственного материала, то он, в отличие от Лебедевского, будет посвящен некоей антитезе «Героям застойного времени» — новым рабочим лидерам, «неудобным» людям, подвижникам перестройки, которым ныне приходится «подставлять грудь под пули». Так что два ленинградских материала (Лебедева и мой) **вместе** будут хорошо смотреться. Однако это — если успею и справлюсь к середине февраля.

Если почему-либо этот текст Вам не подойдет — верните мне. (Он у меня не погибнет, отдадим в газету, используем в ленинградском альманахе).

Если же берете — держите связь и напрямую с автором, памятуя, что это достойнейший человек.

Всего Вам доброго!

Андрей Алексеев, 2.02.89

Р. С. Кстати, об авторе (А. В. Лебедеве) — см. публикацию М. Черденченко «47-й горячий» (Советская Россия, 27.01.88).

17.8.7. «Ручаюсь своим партийным билетом за его правоту...»

**А. Алексеев — заведующему отделом партийной жизни
журнала «Коммунист» В. Кадулину (февраль 1989)**

Уважаемый Владимир Иванович!

Адресуюсь к Вам, поскольку знаю, что журнал «Коммунист» уже осведомлен в конкретной ситуации грубого нарушения партийных норм и т. д., описанной в прилагаемом заявлении коммуниста А. К. Базникина в комиссию партийного контроля при Краснодарском крайкоме КПСС от 24.01.89. Не пересказываю содержания этого заявления, лишь прилагаю снятую мною копию.²⁸

²⁷ Подробнее об этом см. ниже, в главе 19.

²⁸ Об Анатолии Кузьмиче Базникине (ныне покойном) см. ранее, в томе 2 настоящей книги: приложение 4 к части 2. Там же см. и текст упомянутого заявления.

Близкое по содержанию письмо уже направлено А. Базникиным в журнал «Коммунист». Как я узнал от него, именно Вы с ним беседовали. В данном заявлении речь идет преимущественно о нарушении **партийных** норм (прерогатива Вашего журнала), но круг «негативных явлений», против которых выступает Базникин в Кавказском государственном биосферном заповеднике, значительно шире.

Мое инициативное обращение к Вам преследует одну цель — заверить редакцию журнала «Коммунист», что **каждому слову Анатолия Кузьмича Базникина, человека абсолютно честного, мужественного и самоотверженного, следует верить.**

Я знаю А. Базникина на протяжении по меньшей мере 5 лет, а заочно — так и больше. Бывая в Кавказском гос. заповеднике (еще и до 1985 г.), лично наблюдал его бескомпромиссную борьбу с рядовыми и чиновными браконьерами, в защиту природы, против беззаконий и т. д. Нередко — с угрозой для собственной жизни. Чем мог, я старался помочь. Но на расстоянии это трудно.

О гражданственной позиции и борьбе А. Базникина против местных мафиози и за перестройку заповедного дела несколько лет назад писала центральная печать («Лит. газета», «Знание-сила»), неоднократно — местная (краснодарская) пресса. Сам он выступал на страницах центральной печати («Советская Россия»). Теперь ему все это воздается откровенной бюрократической расправой — любой ценой, любыми способами стараются связать руки, изолировать, сломить.

Поскольку я обращаюсь в журнал «Коммунист», могу заявить, что ручаюсь за А. К. Базникина как за самого себя, ручаюсь своим партийным билетом за его правоту.

Естественно спросить: а кто поручитель? В качестве члена Ленинградского межпрофессионального клуба «Перестройка», мне приходилось общаться с сотрудником Вашего журнала Н. Г. Тюриным. Результатом явилось очень своевременное выступление журнала о конфликтной ситуации в Лужской партийной организации Ленинградской области («У межи» — «Коммунист», 1988, № 15), кстати, существенно способствовавшие оздоровлению обстановки в этой организации.

Самому мне довелось пройти примерно те же испытания, что и А. К. Базникину. Мой собственный «тернистый путь» описан в публикациях Л. Графовой («Преодоление пределов» — «Лит. газета», 1987, № 39) и А. Головкова («...мир погибнет, если я остановлюсь» — «Огонек», 1988, № 19) и др.

Как видите, я пытаюсь употребить скромную меру своего «влияния», чтобы способствовать вмешательству журнала «Коммунист» в обстоятельства, о которых сообщает А. К. Базникин.

Способ вмешательства, понятно, на усмотрение журнала. Надеюсь получить от редакции, может быть — от Вас лично, информацию о принятом Вами решении.

С уважением,

А. Н. Алексеев, канд. филос. наук, зам. председателя бюро Северо-Западного (Ленинградского) отделения Советской социологической ассоциации, член КПСС с 1961 г.

6.02.89

17.8.8. *«Не профессиональное» мнение по «медицинскому» случаю*

А. Алексеев — директору Украинского филиала НИИ
общей и судебной психиатрии им. Сербского А. Ревенку
(июнь 1988 г.)

Уважаемый Анатолий Дмитриевич!

Как мне известно, мой коллега, журналист и рабочий Вилен Яковлевич **Очаковский** в 1988 г. обратился в высшие органы психиатрической службы страны с просьбой о проведении психиатрического освидетельствования и выдачи объективного заключения о состоянии своего здоровья.²⁹

Запросив В. Очаковского, я узнал, что переосвидетельствование будет производиться в возглавляемом Вами учреждении.

В этой связи считаю необходимым довести до Вас свою точку зрения человека, достаточно хорошо осведомленного об обстоятельствах принудительной госпитализации Очаковского в период 1983-1986 гг.

Полагаю, что об этих обстоятельствах уже осведомлены и Вы, или, по крайней мере, специалисты, непосредственно занимающиеся сейчас обследованием состояния здоровья моего товарища.

Случай Очаковского является, по моему глубокому убеждению, предельно очевидным в плане «ошибок» и извращений в работе нашей психиатрической службы в период 70-х — начала 80-х гг.

В. Я. Очаковский мне лично и — уверен — всем, кто не имеет той или иной личной заинтересованности утверждать что-либо другое, представляется **абсолютно психически здоровым**. Будучи человеком неординарного общественного темперамента, в сочетании с творческой одаренностью и развитыми интеллектуальными способностями, он, разумеется, казался предельно «неудобным» идеологам и практикам догматизма, апологетики, авторитарности, «единомыслия» и «безгласности» из аппарата местных органов управления.

Психиатрическая расправа над нестандартно думающим и поступающим человеком состоялась в полном соответствии с нормами того времени, но даже и для этих норм слишком грубо, уязвимо с правовой и профессиональной точек зрения.

Я не сомневаюсь в результатах современного переосвидетельствования состояния здоровья В. Я. Очаковского, поскольку оно будет произведено в строгом соответствии с новым «Положением об условиях и порядке оказания психиатрической помощи». Однако отдаю себе отчет в том, что даже в современных условиях на заключение специалистов может давить груз прошлых, пусть заведомо предвзятых, конъюнктурных, а возможно и не бескорыстных диагнозов.

Поэтому я хотел бы противопоставить этим «профессиональным» диагнозам свое «не профессиональное» мнение.

В. Очаковский вполне обоснованно добивается признания своей психической и гражданской полноценности. Он не только сегодня абсолютно здо-

²⁹ О бывшем политэзке и правозащитнике В. Я. Очаковском см. ранее, в томе 2 настоящей книги: приложение 5 к части 2.

ров, но и **никогда не был психически болен**. Признание последнего обстоятельства мне представляется особенно важным и принципиальным.

Рассчитываю, что со мной согласятся и работники возглавляемого Вами медицинского учреждения.

В своем мнении я опираюсь:

— на опыт своего личного, не поверхностного общения с В. Очаковским на протяжении 1987-1988 гг.;

— на знакомство с опытами его журналистского и поэтического творчества разного времени, а также с его разного рода обращениями в органы печати и управления;

— на личный опыт успешного преодоления подобного или почти подобного преследования в 1983-1985 гг. (См. об этом: <...>). *[Здесь опущена ссылка на публикации в «Литературной газете» и «Огоньке».* — А. А.]

Разумеется, я узнаю о результатах проведенного медицинского обследования от самого В. Я. Очаковского, но буду признателен также за официальный ответ из возглавляемого Вами учреждения.

С уважением,

А. Н. Алексеев, канд. филос. наук, старший научный сотрудник по специальности «Прикладная социология», член КПСС с 1961 г.

16.06.88

* * *

Врач В. Пишель — А. Алексееву (июнь 1988)

Уважаемый Андрей Николаевич!

В ответ на Ваше письмо сообщаем, что тов. Очаковский Вилен Яковлевич находился на стационарном обследовании в Украинском филиале ВНИИ общей и судебной психиатрии им. В. П. Сербского.

На основании настоящего обследования комиссия врачей пришла к заключению, что тов. Очаковский В. Я. в настоящее время не страдает психическим заболеванием.

Лечащий врач Пишель В. Я., 27.06.88

* * *

А. Алексеев — директору ВНИИ общей и судебной психиатрии им. Сербского (февраль 1989)

<...> Направляю Вам копию письма, с которым летом прошлого года я адресовался в Украинский филиал ВНИИОиСП им. Сербского в связи с происходившим там медицинским освидетельствованием В. Я. Очаковского.

Как мне было сообщено лечащим врачом В. Я. Пишелем, комиссия врачей пришла к заключению, что Очаковский «в настоящее время не страдает психическим заболеванием». Однако киевские специалисты уклонились от ответа на вопрос о правомерности диагноза, поставленного В. Очаковскому несколько лет назад.

Моя точка зрения на этот счет изложена в письме на имя директора Укр. филиала ВНИИОиСП тов. Ревенка от 16.06.88. Поскольку, как мне стало известно, в феврале с. г. предстоит повторная судебно-психиатрическая экспертиза — в возглавляемом Вами институте — считаю необходимым довести свою точку зрения и до Вас.

Рассчитываю на объективное, независимое, не уклончивое заключение московских специалистов. Надеюсь, что мое «не профессиональное» свидетельство и точка зрения по данному, может быть, и не единственному для Вас, но **принципиальному** случаю, будут полезными.

Буду признателен за ответ. С уважением,

А. Н. Алексеев, февраль 1989

*[Как уже сообщалось (см. в том 2 настоящей книги: приложение 5 к части 2), Вилену Очаковскому удалось добиться признания **ложности** поставленного ему в середине 80-х гг. психиатрического диагноза. — А. А.]*

17.8.9. Нештатный рецензент ленинградской газеты

**А. Алексеев — редколлегии газеты «Ленинградская правда»
(июнь 1988)**

Уважаемые товарищи!

Наряду с некоторыми непристойными по форме, антиперестроечными по содержанию публикациями (типа скандального выступления В. Кошванца в адрес академика Лихачева, с поучениями, чем тому следует заниматься) в ведущей ленинградской газете иногда появляются публикации достойные, сам факт возникновения которых может рассматриваться как **поступок** редколлегии, заслуживающий приветствия.

К таким поступкам последнего времени, в частности, можно отнести:

- а) публикацию письма Н. Катерли «Хватит пенять на зеркало» (24.06.88);
- б) публикацию полосы, посвященной памяти Г. Е. Зиновьева (21.06.88);
- в) публикацию корреспонденции И. Чекиной «Интерьер в лабиринте» (14.06.88).

Публицистический эффект от письма Н. Катерли, смею заметить, нисколько не снижается потугами «объективного» и пропорционального представления разных читательских позиций по поводу статьи В. Кошванца «Белые пятна» (опубликованной двумя неделями ранее).

Оперативный, содержательный отклик прессы на состоявшуюся меньше двух недель назад гражданскую реабилитацию сподвижника В. И. Ленина Г. Е. Зиновьева должен был состояться и состоялся впервые именно в ленинградской газете, что отрадно.

Поддержка, пусть не слишком оперативная, оказанная газетой уникальному по творческим задачам и культурно-художественным эффектам театральному коллективу, много лет существовавшему «на нелегальном положении», также делает честь газете.³⁰

Хочется надеяться, что:

- а) публикации нелицеприятных читательских откликов на «злобу дня» текущей периодики станут со временем редакционной нормой;

б) газета пригласит историков высказаться по вопросу о степени обоснованности партийных обвинений в адрес Г. Е. Зиновьева — тема, в которой И. Лисочкин (автор публикации 21 июня) считает себя некомпетентным;

³⁰ Речь идет о Ленинградском гос. интерьерном театре, выступавшем в ту пору (как, впрочем, и по сей день) субъектом многих творческих и гражданских инициатив. См. о нем также ниже, в приложениях к главе 19.

в) следующая публикация газеты об «Интерьерном театре» будет посвящена уже не только злоключениям новаторов художественной культуры в бюрократических лабиринтах, но и уже состоявшемуся (и имеющему теперь перспективу умножиться) творческому вкладу Н. Беляка и его коллег в культурную жизнь нашего города.

Настоящее письмо не рассчитано на публикацию. (Если возникнет желание его опубликовать, необходимо специальное согласование с автором).

Однако письмо это претендует быть доведенным до сведения членов редколлегии как своего рода «внутренняя», товарищеская рецензия на работу коллег — от члена редколлегии «Ленинградской правды» середины 60-х гг.

С уважением,

А. Н. Алексеев, 28.06.88

* * *

**А. Алексеев — редколлегии газеты «Ленинградская правда»
(июль 1988)**

Уважаемые товарищи!

С удовлетворением отмечаю, что мое пожелание в письме к редколлегии от 28.06.88 — сделать редакционной нормой публикацию нелицеприятных читательских откликов, включая персональную критику в адрес ведущих сотрудников и даже главного редактора, — как будто начинает осуществляться.

Я имею в виду, пусть запоздалое, опубликование Вами (16.07.88) «Открытого письма в редакцию газеты» писателя М. Глинки, по поводу получившей скандальную известность статьи В. Кошванца «Белые пятна» (11.06.88). Надеюсь, что это не последний отклик такого рода, который газета опубликует. Ибо портфель редакции на этот счет, насколько мне известно, не пуст.

Однако один товарищеский совет: не роняйте себя комментариями!

В частности, редакционный комментарий к письму М. Глинки бесполезен. Ведь крыть, как говорится, нечем. Столь неловкие комментарии способны, чего доброго, вызвать новые протесты. Ваш заголовок «Накажи оппонента, Обком!», на фоне приведенного реального текста записки М. Глинки для Ленинградского ОК КПСС, даже далеким от предмета полемики читателем воспринимается как откровенная спекуляция и попытка отвлечь читательское внимание от того неудобного положения, в которое поставили редколлегию ее члены В. Кошванец и А. Варсобин.³¹

Хотя бы последний и пытался теперь продемонстрировать свою «супер-объективность», публикуя, по существу, требование собственной отставки.

До отставки, похоже, недалеко. Но хочется сделать красивый жест... Однако никак не получается. Приходится становиться на голову, но и в таком, перевернутом состоянии видно общественное лицо.

Позволю себе сделать предложение, которое открывает для редколлегии достойный выход из сложившейся ситуации: провести открытое заседание редколлегии «Ленинградской правды», с приглашением всех авторов откликов на статью «Белые пятна», с прямой трансляцией по телевидению.

Думаю, что ЛСТ на такую передачу пойдет, если, конечно, инициатива будет исходить от самой редколлегии «Лен. правды».

³¹ Андрей Константинович Варсобин (ныне покойный) — в ту пору главный редактор «Ленинградской правды». См. о нем также ранее, в томе 2 настоящей книги: раздел 8.14.

Как видите, я пытаюсь уберечь редакцию от судебных процессов, которых одна эта статья способна вызвать не один.

Всякое письмо в редакцию, уже по самой своей природе, является «открытым», т. е. может быть показано кому угодно, не исключая другие органы массовой информации и «вышестоящие идеологические инстанции». Однако мне представляется здесь принципиально важной именно инициатива самой редколлегии.

Только поэтому (а не из опасений быть обвиненным в «шантаже») не посылаю копии этого письма ни на ЛСТ, ни в ОК КПСС.

Я еще не получил ответа на свое письмо к редколлегии от 28.06.88. Понимаю — сроки не вышли. Надеюсь, что получу ответ сразу на **оба** письма — в срок, не превышающий месяца с момента получения первого.

С уважением,

А. Н. Алексеев, 17.07.88

* * *

**Из редакции газеты «Ленинградская правда» — А. Алексееву
(июль 1988)**

Уважаемый товарищ Алексеев А. Н.!

Благодарим Вас за внимание к газете, за оценки и суждения, высказанные по поводу ряда опубликованных материалов. Такие письма нам сейчас особенно важны, т. к. редакция намерена внимательно изучать мнения своих читателей при формировании программы на 1989 г.

Зам. редактора «Ленинградской правды» Ю. Кириллов
(Июль 1988 г.)

***17.8.10. «Решение парткома Ленинградского университета
1983 года требует сегодня гласной отмены...»***

[Ниже — некоторые документы из личного архива Р. Г. Баранцева, драматическая история «самостояния» и «необходимой обороны» которого от идеологического и административного преследования в середине 80-х гг. уже не раз затрагивалась на страницах этой книги.³² — А.А.]

**Коллективное письмо в партком Ленинградского гос. университета
(ноябрь 1988)**

<...> Авторам настоящего письма хорошо известна история, описанная в публикациях «Известий» — «Ярлык» (30.05.87) и «А тень осталась» (18.10.87). Обе статьи были встречены нами с глубоким удовлетворением. Весьма типичны, в частности, для описываемого там периода обстоятельства разгрома инициативного начинания ленинградских ученых — семинара по семиодинамике (1983 г.), запрета на издание его трудов, идеологического и административного преследования организаторов семинара и авторов неизданного сборника.

Из публикаций «Известий» и из других источников нам известно, что сборник «Семиодинамика», сданный 6 лет назад в издательство ЛГУ, до сих пор не вышел в свет. Ни издательство ЛГУ, ни партком, ни ректорат универ-

³² См. в томе 2 настоящей книги: раздел 8.12 («Дело Баранцева...»); см. также в томе 3: приложение 2 к главе 16.

ситета пока не предприняли к этому никаких мер. Как мы недавно узнали от профессора Р. Г. Баранцева (ответственного редактора сборника), ему теперь предлагается самому «доказывать», что такое издание необходимо.

Мы считаем, что в современной ситуации такая постановка вопроса неверна. Здесь необходима инициатива руководства ЛГУ, в частности, его нового партийного руководства. Мы убеждены в том, что издание упомянутого сборника сегодня необходимо и с научной, и с политической точек зрения, не говоря уж о моральных аспектах.

Однако этим не исчерпываются наши предложения. Мы убеждены в том, что решение парткома ЛГУ от 18 мая 1983 г., квалифицировавшее семинар по семиодинамике как идеологически вредный, требует сегодня гласной отмены, с опубликованием, как минимум, в газете «Ленинградский университет». Это было бы наглядным свидетельством того, что нынешнее руководство Ленинградского университета занимает в данном вопросе достойную и не обскурантистскую позицию.

Мы не сочли нужным адресовать это письмо в иные официальные адреса, чем здесь указано, в надежде, что исправление допущенной ранее ошибки не требует новых вмешательств прессы.

А. Н. Алексеев — кандидат философских наук, член КПСС

М. Д. Голубовский — доктор биологических наук

Я. А. Гордин — член Союза писателей

В. В. Конецкий — член правления СП СССР, член КПСС. (Подписывая это письмо, не могу не отметить его «камерность». Проблема шире, глубже; затрагивает не только наш университет)

Ю. А. Рыжов — академик, ректор МАИ, член КПСС

05.11.88

Ответ можно дать по адресу, указанному на конверте.³³

* * *

Секретарь парткома ЛГУ В. Захаров — А. Алексееву (декабрь 1988)

Уважаемый тов. Алексеев А. Н.!

Партийный комитет Ленинградского государственного университета сообщает Вам, что состоявшаяся 5 ноября партийная конференция ЛГУ приняла решение о пересмотре ряда принятых ранее постановлений парткома. Для рассмотрения вопроса о семинаре по семиодинамике в настоящее время создана комиссия. О результатах работы комиссии и принятых решениях будет сообщено в газете «Ленинградский университет».

Секретарь парткома В. Захаров
(Декабрь 1988 г.)

³³ Вышеприведенное обращение в Ленинградский университет с настоянием о реабилитации «крамольной» семиодинамики было не единственным. К этому же времени относится письмо писателя Д. А. Гранина ректору Ленинградского университета, члену-корреспонденту АН СССР С. П. Меркурьеву:

«Глубокоуважаемый Станислав Петрович! Получилось так, что я оказался в курсе дел, связанных с трудной историей сборника по семиодинамике. О семинаре по ней выступала наша печать, и мне кажется, что сейчас, спустя год с лишним, есть все возможности вернуться к этому случаю, пересмотреть старое решение, выпустить этот сборник и как-то реабилитировать Р. Г. Баранцева и других авторов. С уважением, Даниил Гранин. 14 ноября 1988 г.»

* * *

**Из постановления XX отчетно-выборной конференции
партийной организации ЛГУ от 05.11.88**

<...> 15. Поручить партийному комитету изучить историю принятия некоторых решений парткома и пересмотреть их.

16. Конференция считает недопустимым, что, несмотря на неоднократные обращения в партийные и советские органы, в названии университета продолжает оставаться имя А. А. Жданова. <...>

(Цит. по: Ленинградский университет, 18.11.88)

* * *

А. Алексеев — В. Захарову (март 1989)

Ленинград, 199034, Университетская наб., 7/9,
Партком ЛГУ, секретарю парткома тов. Захарову В.В.

Уважаемый Виктор Васильевич!

Направляю Вам копию письма в партком ЛГУ от 05.11.88, одним из авторов которого я являюсь, и копию ответа за Вашей подписью, полученного мною в декабре 1988 г.

Будучи подписчиком и внимательным читателем газеты «Ленинградский университет», к которой Ваш ответ отсылает, я за истекшие с тех пор 4 месяца не обнаружил в этой газете какой-либо информации по интересующему меня и моих соавторов вопросу.

Прошу информировать о составе комиссии парткома ЛГУ, созданной для рассмотрения вопроса о семинаре по семиодинамике, возглавляемого проф. Р. Г. Баранцевым (1980-1983 гг), кто ее председатель, когда планируется завершение ее работы.

Одновременно сообщаю, что направляю эти материалы, вместе с копией настоящего письма, в прессу.

А. Н. Алексеев, старший научный сотрудник Высшей профсоюзной школы культуры, зам. председателя Северо-Западного (Ленинградского) отделения Советской социологической ассоциации.

31.03.89

[Ответа автору на вышеприведенное письмо не последовало. Однако из ответа парткома ЛГУ на другое письмо на ту же тему, адресованное в Ленинградский обком КПСС³⁴, стало известно, что в состав парткомовской комиссии, созданной для рассмотрения вопроса о семинаре по семиодинамике вошли: проф. Я. Слинин, докт. филос. наук Ю. Солонин, проф. А. Корольков, доц. О. Чубинский Комиссия, завершившая свою работу в феврале 1989 г., пришла к выводу о необходимости отмены прежнего решения парткома. Сама же эта отмена состоялась лишь еще несколько месяцев спустя (см. ниже). — А. А.]

* * *

Из газеты «Ленинградский университет» (июнь 1989)

В парткоме ЛГУ

<...> На заседании [парткома Ленинградского университета от июня 1989 г. — А. А.] был рассмотрен вопрос о постановлении партийного коми-

³⁴ Автором этого другого письма и адресатом парткомовского ответа была Т. Я. Сивас.

тета ЛГУ от 18 мая 1983 года «О работе так называемого философского семинара при совете молодых ученых ЛГУ «Семиодинамика» и подготовленном его участниками сборнике трудов под одноименным названием». Принято постановление: «В связи с неоднократными обращениями и высказанными на XX партконференции предложениями, партком заслушал и обсудил вопрос о принятом в мае 1983 года постановлении. Партийный комитет считает неправомерной практику оценки научной деятельности, которая имела место в 1983 году, отказывается от нее, оставляя за собой право давать политическую и идеологическую оценку обсуждаемым проблемам.

Постановление партийного комитета Ленинградского университета от 18 мая 1983 года «О работе так называемого философского семинара «Семиодинамика» при совете молодых ученых ЛГУ и подготовленном его участниками сборнике трудов под одноименным названием» отменить, в том числе отменить партийные взыскания коммунистам Зобову Р. А., Алексееву Б. Т., Любимову Г. П., Вяккереву Ф. Ф.»

(Ленинградский университет, 30.06.89)

* * *

Л. Графова — Р. Баранцеву (декабрь 1989)

<...> Я считаю, что это безусловная победа, и стоит ли удивляться, что партком одного из самых реакционных вузов сообщает о своем поражении сквозь зубы. Каяться умеют люди с совестью, а с этих что взять. Теперь же добиться публикации того сборника. Надо обязательно добиваться! <...>
24.12.89.

17.9. «Встретимся через 900 лет...». Интермедия.

[Издание «того сборника» состоялось лишь 5 лет спустя: Семиодинамика. Труды семинара. Под ред. Р. Г. Баранцева. СПб.: Издательство общества ведической культуры, 1994.³⁵

³⁵ Парадоксальным образом задержка с изданием сборника «Семиодинамика» была вызвана... великодушием его редактора! Из ответов Р. Г. Баранцева на анкету общества «Знание» (март 1992): «...Сборник трудов семинара был передан университетским издательством в партком ЛГУ в 1983 году и до сих пор не изъят обратно. В 1988 году мне дали понять, что если я начну пробивать это издание заново, то препятствовать уже не будут. Однако в письмах ректору и директору издательства я подчеркнул, что признание и исправление ошибок есть **дело чести самого университета** (выделено мною. — А. А.), скорее чем тех людей, кто представлял его тогда в парткоме, и взяв на себя эту миссию, я лишил бы университет возможности восстанавливать свое достоинство». (Цит. по: Баранцев Р. Г. История семиодинамики: документы, беседы, комментарии. Рукопись. 2003).

Однако Ленинградский университет предоставленной ему Р. Баранцевым возможностью «восстановить свое достоинство» в течение пяти лет не воспользовался. Тогда Р. Б. издал сборник на свои личные средства и средства друзей.

Из «Предисловия» к сборнику «Семиодинамика» (1994):

«...Обсуждение уровня работ в этой области показало, что за прошедшие годы сборник «Семиодинамика» отнюдь не устарел. Если 10 лет назад он обгонял свое время, то теперь, можно сказать, стал более современным и, должно быть, более понятным. Издание сборника **в первоначальном виде** (выделено мною. — А. А.) целесообразно, на наш взгляд, еще и потому, что он представляет собой живое свидетельство коллективной творческой деятельности, несмотря на застойную и даже враждебную атмосферу тех лет. Поэтому далее все тексты следуют в том виде, как они были написаны тогда...».

Это событие послужило информационным поводом для опубликования статьи новосибирского журналиста Нины Константиновны Максимовой³⁶ в «Новой Сибирской газете». Статья называлась «Встретимся через 900 лет. О семиодинамике, которая вчера была «идеологически вредной», а сегодня стала «гостьей из будущего». — А. А.]

**Из статьи Н. Максимовой, опубликованной
в «Новой Сибирской газете» (ноябрь 1994)**

<...> В российской культуре произошло событие, оставшееся незамеченным широкой публикой. Я узнала о нем, получив по почте из Петербурга книжечку в скромном, тоненьком переплете «Семиодинамика. Труды семинара». Все-таки увидела свет рукопись, пролежавшая много лет в сейфе парткома Петербургского, то бишь Ленинградского университета! В 80-е годы события вокруг университетского семинара, открывшего новое, малопонятное направление в науке — семиодинамику, бурно обсуждались интеллектуалами Ленинграда, Москвы, Новосибирска и других городов, кое-что об этом писали в центральной прессе. Известный философ Карен Свасьян всерьез предлагал закопать папку с «документальной историей» семинара, признанного «идеологически вредным», где-нибудь в районе Мертвого моря, чтобы задать «вполне научную головоломку потомкам»: «будущий палеонтолог восстановит по нему, как нынешний по зубу мамонта, всю чудовищную технологию и даже экологию нашего развитого времени (не Левиафан ли имя ему?)». <...>

К сожалению, я не была на заседаниях семинара, притягивавшего людей из разных профессий и городов (в том числе и сибирских); свое представление о нем я составила после, из документов и рассказов одного из основателей семинара — профессора Баранцева (он же прислал мне и книгу «Семиодинамика»). Родился семинар в то время, которое после называли концом застоя и кануном перестройки, — в 1980 году, и действовал до лета 1983-го. Руководителя у семинара не было (на каждом заседании ведущим становился тот, кто наиболее компетентен в вопросах, обсуждавшихся в докладах и дискуссиях). Его постоянное ядро — начинающие преподаватели, аспиранты, «интеллигентные сторожа» и прочая неприкаянная, образованная молодежь. Всех их свело одно: не могли полностью «самовыразиться» в работе, за которую получали зарплату, душа звала дальше и выше.

<...> Они считали, что создают новую науку, и называли ее семиодинамикой. В отличие от семиотики (общетеоретической науки о знаках, существующей с начала XX века) семиодинамика изучала движение (рождение, развитие и отмирание) знаковых систем. Знаковые системы есть в науках, искусствах и во всех других сферах жизни — термины, формулы, числа, обряды, слова и прочие «кванты» человеческого опыта. В са-

³⁶ О Н. К. Максимовой см. ранее, в томе 1 настоящей книги: раздел 4.4. См. также в томе 3: раздел 14.7.

мом начале действия семинара его участники не объяснили бы точно, что они хотят открыть при изучении знаков. Исходная неопределенность границ и целей семиодинамики казалась пороком всем привыкшим к тому, что серьезное дело начинается с четкой программы. А по мнению организаторов семинара, жесткое программирование сковывает творческий поиск, цели должны проясняться в пути. К переписке со знакомым, допытывавшимся, какая будет польза от исследований и дискуссий, профессор Баранцев придумал эпиграф «Найти искомое легко — найденному место поищите».³⁷ «Волею судьбы мы оказались в очень ответственной роли», — напишет он одному из сочувствующих.

«По ходу» семинара выяснилось, что они хотят изменить жизнь, но не революциями, не перестройкой государства, не политическими и экономическими реформами — такие возможности, похоже, не обсуждались. Главное, о чем они тогда размышляли и спорили, вошло в сборник трудов семинара. Они говорили о «расширении сознания», которое произойдет, когда все человечество, а не только духовная элита, осознает жизненно важную роль культуры (культура предназначена вовсе не для развлечения, не для обслуживания досуга, а для облагораживания потребностей и отношений людей друг к другу и к природе, для связи «природно-космического» и «естественно-исторического» начала в жизни каждого человека и общества). Чувствовали необходимость нового мышления: была создана модель «триадного мышления» или «триадного синтеза» (Р. Баранцев. Динамика как путь к синтезу). Подчеркивалось: рационально-аналитическое мышление, на которое, в основном, опирается наука, породило узкоутилитарное, варварское отношение к природе и культуре; нужно дополнить его эмоциональным и интуитивным. «Триадное мышление» кажется и более плодотворным, чем эмоциональное «диадное», господствующее в политике и обыденной жизни, держащееся на смысловых баррикадах: да — нет, враг — друг, и третьего не дано. Основатели семиодинамики предлагают искать третье слагаемое, примиряющее «хронические оппозиции». Например (рискну сама создать триаду по их логике): враг-друг-сочувствие.

Они «расширяли сознание» в дискуссиях, когда математик учился понимать художника, а технократ — психолога и филолога. Здесь не спешили давать строгую научную отповедь дилетантству (любопытательные дилетанты лучше узких специалистов видят связи явлений разного рода). Со вниманием слушали даже вдохновенный бред «чайников» (Баранцев говорил: «Такие люди — как дрожжи, без которых хлеб не испечешь»). Обсуждали вопросы, от которых отвернулась наука. В чем смысл жизни? Что есть добро, зло, счастье? Можно ли восстановить целостность человеческой культуры, раздробленной, сверкающей разрозненными блестками во множестве «узких специализаций»? И, наконец, во-

³⁷ Правильно: «Находить искомое — легко, найденному место поищите». (Примеч. Р. Б.).

прос вопросов, на который одновременно с маленьким ленинградским семинаром искал ответ Римский клуб, а впоследствии и ООН: как вывести общество к гармоническому сосуществованию с природой?

<...> Не слишком ли далеко увели их знаковые системы, не слишком ли дерзок этот творческий поиск? Они надеялись: меру в поиске подскажет «приближение к Богу». Уверены: их «приближает к Богу» интуиция, не скованная жесткими программами («Будто некто ведет нас, надеялая видением», — писал друзьям Баранцев).

Их остановили, когда, в ряду многих прочих, возник такой невероятный замысел: соединить онкологию с ... наукой о языке — лингвистикой. Думали, что так можно разгадать природу рака: лингвисты продвинулись дальше онкологов в изучении новообразований, кажущихся паразитарными. В это же время одному из участников семинара подвернулась фантастическая повесть об ученом, который привил себе рак и, уединившись, пережил кризис, после чего приобрел необыкновенные способности.

<...> Больше всех досталось за участие в «слишком широком», «ненаучном», «антимарксистском» семинаре Рэму Георгиевичу Баранцеву. Он был старше других постоянных участников семинара, имел самый высокий социальный статус: доктор физико-математических наук, профессор, лауреат Государственной премии СССР. Сын батрака и батрачки, вступивших в партию большевиков с верой в коммунизм и после ВУЗов дослужившихся до секретаря райкома и директора школы. Да и сам Рэм плакал в день смерти Сталина и не так уж давно старался переубедить людей, от которых слышал немарксистские речи. Но никогда не желал доложить о них куда следует. Наверное, этот не размагнитившийся «нравственный компас» и вывел его в конце концов за традиционные идеологические и научные границы.

<...> Баранцев добровольно принял на себя роль посредника в отношениях семинара с официальными структурами, а потом и главного ответчика. <...>

[Здесь опущена история «дела Баранцева», уже хорошо известная читателю по предыдущим разделам настоящей книги. — А. А.]

...Завтрашний день, похожий на позавчерашний

Сегодня их семинар бы уже не запретили. И не запрещают. Как сказано в предисловии к книге «Семиодинамика», семинар возобновил работу в январе 1992 г., но уже не в Петербургском университете, а на базе научно-образовательного объединения «Земля и Вселенная» при фонде «Интеллект». И книгу выпустил не университет, а «Издательство ведической культуры». Стало быть, руководители университета так и не нашли «алгоритма признания и исправления ошибок». Скорее всего и не искали. И очищение, о котором так беспокоился опальный профессор, им ни к чему. Раньше мне борьба Баранцева за восстановление чести и достоинства университета казалась надуманной. А сейчас я думаю, что Баранцев был прав. Мо-

жет, потому сегодня мы так мучаемся и страдаем, что не только Ленинградский-Петербургский университет, но все общество так и не сумело достойно, честно признать свои прошлые ошибки; вместо покаяния — политическая перекраска и огульное обличение прошлого.

Вот жизнь и изменилась, но совсем не так, как мыслили основатели семиодинамики, мечтавшие о «расширении сознания» человечества через культуру. Сегодня становится яснее, чем когда бы то ни было, что человечество и народ состоят пока, в основном, из нормальных обывателей, которым куда интереснее знать, что происходит в постели Мадонны, чем напрягать мозги над моделью «триадного мышления». Где коллективы, настраивающиеся на высокие духовные цели и глядящие в будущее? Вокруг — группы людей, которые сошлись для жестокой борьбы за групповое и индивидуальное выживание. И этой борьбой сужено, изуродовано сознание. Культура угнетена, утилитаризм и эгоизм господствуют. В этой жутковатой действительности фантастическими кажутся призывы к «гармонизации жизни» через настройку на резонанс с космическими ритмами. Мы не слышали и не слышим пульс Космоса; дробными, частыми, механическими темпами нашей жизни заглушены высшие, универсальные ритмы мироздания. Между прочим, эту опасность предвидели, о ней предупреждали основатели семиодинамики, которая вчера считалась «идеологически вредной», а сегодня кажется «гостьей из будущего».

Перечитав «Семиодинамику», я поразились ее оптимизму. Вот что сказано в послесловии:

«В истории человечества существовали длительные полосы господства разобщения, дифференциации, анализа и короткие приступы к единению, интеграции, синтезу, которые повторялись примерно через 900 лет. Время очередного пика — XXI век, и признаки этой тенденции уже на пороге».

Я вспомнила некоторые глобальные идеи, обсуждавшиеся интеллигенцией в течение последних пяти-шести лет: концепции устойчивого развития человечества, выживания через культуру... Все это вступает в резонанс с семиодинамикой, которая так же созвучна с идеями Тейяра де Шардена, русских космистов и мыслителей Востока. Значит, не случайна и не заброшена стезя, ведущая к единению человечества, к восстановлению здоровых связей с природой. Не все потеряно, и есть еще надежда...

Спасибо за книгу, профессор Баранцев, спасибо за надежду. Догадываюсь, что послесловие написано Вами: Ваш стиль, Ваш индивидуальный сплав знания и веры. Как Вы там?.. <...> Так хочется услышать от Вас подробности о продолжении семиодинамики. Только сейчас Петербург для меня почти так же недостижим, как другая планета. Но мы обязательно встретимся. Хотя бы через 900 лет...

Нина Максимова

(Новая Сибирская газета, № 8, 26.11.94)

17.10. Что я читаю сегодня

...Очень любопытно вообразить себе режим, при котором «Дар» смогут читать в России...

*В. Набоков (Цит. по: А. В. Блюм. «Поэтик белый, Сирин...»
Набоков о цензуре и цензура о Набокове // Звезда, 1999, № 4)*

Ответы на вопросы анкеты «Литературной газеты» (декабрь 1988)³⁸

1. Давно не приходилось рассуждать о литературных делах! Работал и работаю в области социологии, был рабочим на заводе. Иногда даже забывал, что по исходному своему образованию я — филолог.

Начну поэтому с самого простого: какие журналы выписал на 1989 год? В общем, те же, что и на год предыдущий: «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Дружба народов», «Юность», «Нева»... Много? Успею ли прочесть? Не знаю. Читаю, как и многие советские люди, в транспорте, в очередях, а это, если суммировать, время не маленькое, надо и его использовать с толком.

Конечно, читать буду не все подряд. У каждого есть своя система предпочтений. Скажем, скорее прочту Платонова, чем Проханова — здесь предпочтение по литературному качеству (как я его понимаю). Скорее Гроссмана, чем Белова — здесь уже речь надо вести и о позиции автора. Дело даже не в том, насколько она совпадает с моей (наоборот: всегда интересно выслушать иное мнение!), а в том, насколько эта позиция (опять же, с моей точки зрения) перспективна и плодотворна.

По той же причине не выписал журнал «Наш современник» — все равно он стоял бы где-то в конце очереди, и на него бы уж точно времени не хватило.

А ведь есть еще старые журналы, которые тоже иногда надо перечитывать! У меня рука не поднимается — при всей тесноте! — выбрасывать старую периодику. Как полезно перечитать сегодня, например, статью В. Померанцева «Об искренности в литературе», намного опередившую свое время! Или, наоборот, номер «Звезды» с писательскими откликами на известное постановление 1946 года *[о журналах «Звезда» и «Ленинград»]*. — А. А./ Не само постановление, а именно эти отклики. Очень поучительное чтение: ведь это тоже наша история. И не только давняя: когда в 1984 году меня исключали из Союза журналистов, произносились (большая честь, если вдуматься, зазнаться впору!) — примерно те же слова, какими честили в свое время Зощенко.

2. Из всей «воскрешенной» литературы наибольшее впечатление произвел на меня роман Евгения Замятина «Мы». Может быть, потому, что вообще ценю притчу, ценю фантастику, попытки смоделировать будущую реальность. Замятин намного опередил Оруэлла, в своем провиде-

³⁸ Вопросы анкеты, посвященной кругу чтения, здесь опущены.

нии. Впрочем, только ли провидение это? Очевидно, современная писателю действительность уже давала какой-то материал для подобного романа-предупреждения.

За мудрую «притчевость» высоко ценю и «Сандро из Чегема» Ф. Искандера. Очень высоко — во всяком случае, не ниже «Поднятой целины» — поставил бы в моей личной шкале «Мужики и бабы» Б. Можая. Хочу назвать еще повесть «Васька» С. Антонова в «Юности» — строительство метро, тридцатые годы, неповторимая и драматичная атмосфера той эпохи... «Дети Арбата» были для меня прежде всего новым открытием темы, долгие годы находившейся под запретом.

А вот до «Белых одежд» В. Дудинцева руки, представьте, не дошли. На сей раз это просто случайность.

Были у меня и читательские разочарования, и огорчения, связанные, в частности, с именами В. Астафьева, В. Распутина, особенно последнего. Такая глубина нравственных и художественных прозрений (судить, правда, могу лишь по произведениям сравнительно давним) — и такая политическая узость, ограниченность в публицистических выступлениях «на злобу дня»!

3. Из документальной прозы назову воспоминания К. Симонова в «Знамени», А. Аджубея — там же. И, конечно же, «литературу вдов» — потрясающие страницы воспоминаний жены Мандельштама, жены Бухарина.

4. Не столько читательски, но и профессионально, с большим интересом слежу за работами Ю. Афанасьева (историко-политические сюжеты занимают и волнуют особенно!), А. Нуйкина, Г. Попова, Т. Заславской, Л. Абалкина. Совершенно восхищен Ю. Карякиным.

Наиболее существенны для меня дискуссии, связанные с определением наших сегодняшних исторических координат: где мы находимся, в какой стране, в каком мире живем? Без ответа на эти вопросы нельзя не то что решить очередные задачи, но даже и поставить их.

Вот говорим, например, об «извращении социализма» при Сталине. Как это понимать? Дилемма не пустая: если как идея, то все ясно, возражений нет. А если как реальность? Значит ли это, что социализм был уже построен, существовал, и тут злые силы начали его извращать? Именно так можно понять некоторых авторов. Мне же их точка зрения представляется неубедительной.

Очень волнует все, что связано с демократией и ее институтами, с гласностью (мы достигли, на мой взгляд, значительных успехов в гласности «информативной», но не «концептуальной»: снимается «табу» с многих и многих фактов нашей истории, но их интерпретация по-прежнему регламентируется).

Образцом потрясающей публицистики являются для меня письма В. Г. Короленко к А. В. Луначарскому, опубликованные в «Новом мире». Кстати, я заметил, что наибольших высот публицистика достигает

тогда, когда она вовсе не стремится быть таковой: письма Короленко — это не статьи, не очерки, не фрагменты из книги, это просто письма, в которых мысль изливается свободно, не стесняемая ничем, даже требованиями жанра. И такая убедительность, такая сила!

5. Спасибо Евгению Евтушенко за его «Антологию» в «Огоньке». Добрая половина имен для меня — внове. Выясняется, что мы не знали половины отечественной литературы! И это — в моем случае — после пяти лет учебы на филфаке и еще тридцати лет активной читательской жизни!

6. Критику, конечно, читаю. С особым интересом — яркие и хлесткие обзоры Татьяны Ивановой в «Огоньке». Жаль, не хватает времени последовать всем ее рекомендациям, прочитать не только хвалимое и пропагандируемое, но и ругаемое, отвергаемое! Ведь даже то, что не стало явлением литературы, остается явлением нашей реальности, а потому заслуживает внимания и осмысления.

Вообще же читаю критику не столько с литературных, сколько, если можно так сказать, с граждански-психологических позиций. В ней, как нигде, ярко проступает лицо и позиция автора. И гражданская, и нравственная. И позиции разных авторов порой настолько различаются, что наивными, если не лицемерными, кажутся сегодня призывы к трогательному братскому единению, а тем более — «заединству» (придумали же словечко товарищи литераторы — больше похоже на «заедать», чем на «единство»!).

Как соединить несоединимое, как совместить, скажем, нынешние позиции когда-то вместе вошедших в литературу с правдивым и горьким словом о минувшей войне Ю. Бондарева и Г. Бакланова? С кем вообще можно «соединить» Анатолия Иванова?

Мне кажется, что стремление к неперемennomу единомыслию — или хотя бы к видимости его — тоже один из стереотипов прошлого. Жизнь показывает, что даже в рамках одной организационной структуры (такой, например, как Союз писателей) сосуществуют люди, думающие диаметрально по-разному. И никуда нам от этого не деться.

Андрей Алексеев, социолог, старший научный сотрудник Высшей профсоюзной школы культуры

Декабрь 1988

* * *

И. Фоняков — А. Алексееву (январь 1989)

Дорогой Андрей!

Посылаю тебе наш текст. Перечитал — аж самому жалко стало: недурную штуку мы с тобой сработали, все хлестко и, главное, убедительно! В последний момент <...> чуть было не поставили в номер, договорились пожертвовать кое-какими мелочами, но в итоге первый зам. глав-

ного редактора зарубил окончательно: есть установка **консолидировать** — гасить, а не разжигать страсти, и т.д.

Жаль! Но не в первый раз, и не в последний. Желаю успехов.

Илья Фоянков, 28.01.89

Ремарка: загадка собственного «я».

Пора уж автору, наконец, «признаться» в том, от чего он так откровенничал в текстах, представленных в томе 2 настоящей книги, обороняясь от обвинений в распространении (чтении? тогда это приравнялось одно к другому) «антисоветской» литературы.

Конечно же, реабилитированная или «воскрешенная» в конце 80-х русская литература не была так уж не знакома социологу-испытателю и раньше. И «Собачье сердце», и «Доктора Живаго», и «Реквием» Ахматовой, и «Софью Петровну» Л. Чуковской, и замаятинское «Мы», и набоковский «Дар» — все это он читал, в привычном для российского интеллигента машинописном исполнении, или даже в зарубежных изданиях на русском.

Но читал и не только это.

Не следует думать, что человека, столь отчаянно «дравшегося» за свой партбилет и отстаивавшего (хоть публично, хоть в дружеском кругу) свою коммунистическую принадлежность (убежденность?), миновали сочинения А. Солженицына, А. Сахарова, Ж. Медведева, П. Григоренко...

Не только «Раковый корпус», но и «Архипелаг ГУЛАГ», и «Ленина в Цюрихе» он читал. Не только стихи Бродского, но и историческую запись Ф. Вигдоровой о процессе над ним. Достигала его и потаенная, но широко ходившая по рукам (по крайней мере в Москве) «Хроника текущих событий», правозащитный «самиздат» того времени.

(Кстати, и «Зияющие высоты» и «Светлое будущее» А. Зиновьева держал в руках, так что не так уж ошиблось УКГБ ЛО в своих «предположениях»).

Знакомство с этой нелегальной литературой, запрещенной «к ввозу и распространению на территории СССР» (хоть и рожденной, как правило, на этой территории), началось не слишком рано, но и не слишком поздно — в 1964–1965 гг., т. е. позже XX съезда, но и раньше советского вторжения в Чехословакию.

С благодарностью вспоминаю человека, впервые приоткрывшего мне этот мир, — московского писателя Марка Александровича Поповского, автора замечательных «научно-популярных» книг о Николае Вавилове и Войно-Ясинецком, а также «Управляемой науки».

С М. Поповским посчастливилось познакомиться в пору реабилитации генетики в середине 60-х гг., а затем дружить на протяжении десяти лет. Одним из немногих, пожалуй, действительно «гражданственных поступков» автора был прощальный звонок в Москву — «старшему брату», Марку Поповскому: на следующий день тот уезжал навсегда в США. (Я тогда как раз был секретарем партбюро академического института).

Как совмещались в социологе-испытателе: это «знание» и эта «слепота», эта коммунистическая «вера» и это сочувствие «диссидентам», это «бесстрашие» (в пределах лояльности) и забота о «самосохранении» (а по существу — страх)?

Отчасти — на этот вопрос отвечает мой друг Роман Ленчовский в своем эссе «На что мы надеялись, или о нравственном смысле анализа превращенных форм».³⁹ Однако загадка собственного «я» все же остается таковой для автора. (Март 2001).

17.11. «Старый должок»... Имею ли я претензии к Управлению КГБ?

А. Алексеев — А. Головкову (декабрь 1988)

Дорогой Анатолий!

Как Ты просил, а я обещал, — сообщая Тебе о событиях, заслуживающих внимания твоего, а может быть, и журнала «Огонек».

В октябре 1988 г. мною было отправлено в Ленинградское управление КГБ письмо, которое здесь воспроизведу:

«...Ввиду состоявшейся переоценки обстоятельств обыска на моей квартире 16 сентября 1983 г. и т. п., считаю ненормальным продолжающееся задержание в УКГБ ЛО той части изъятых у меня рукописных и печатных материалов, которую я в свое время не получил обратно.

Прошу доставить мне эти материалы по месту работы (Красная ул., 22, Высшая профсоюзная школа культуры), предварительно известив по телефону (рабочему ... или домашнему ...).

Среди задержанного имеются несколько изданий 1970-х гг., с грифами "для служебного пользования". В случае, если гриф с каких-либо из них еще не снят, мною — в соответствии с существующим порядком хранения — предусматривается немедленная передача этих изданий в 1-й отдел по месту моей работы. А. Н. Алексеев. 12.10.88».

Реакция на это письмо последовала через полтора месяца. В первых числах декабря позвонил не назвавший себя сотрудник Управления КГБ, чтобы узнать, когда мне «удобно будет» получить интересующие меня материалы. Мы договорились о встрече в приемной УКГБ ЛО (Литейный пр., 4) 7 декабря, в 10 час.

В назначенный день и час состоялась передача мне всего того, о чем запрашивалось в письме.

Кроме — семи изданий для служебного пользования, которые, как мне было сообщено, отправлены «спеппочтой» по месту моей работы. Отсюда можно заключить, что гриф «для служебного пользования» с них еще не снят (хотя среди них есть, например, и такие: «Проблемы использования экспертных методов в социологическом изучении театральной (!) жизни»).

Доступ к этим изданиям по месту работы мне, понятно, не возбраняется.⁴⁰

Лицами, осуществлявшими возврат удерживавшихся материалов были: нач. приемной УКГБ ЛО Черемин В. А. (Виктор Алексеевич) и сотрудник УКГБ ЛО Стариков В. А. (Владимир Анатольевич). Лица и имена для меня ранее неизвестные.

³⁹ См. ранее, в томе 2 настоящей книги: раздел 9.5.

⁴⁰ К сожалению, в свое время социолог-испытатель забыл поинтересоваться, донесла ли «спеппочта» эти издания по назначению. Возможно, они и сейчас хранятся в библиотеке Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов.

При акте передачи, по моей просьбе, присутствовал редактор Ленинградской студии телевидения Сергей Сергеевич Дегтярев, автор телевизионной передачи «Интерпретация».⁴¹

Ни у тт. Черемина и Старикова ко мне, ни у меня к ним вопросов не возникло.

Я выдал расписку в получении в Управлении КГБ следующих <...> материалов, которые в свое время были у меня изъяты (здесь воспользуюсь терминами протокола об обыске 1983 г.):

(1) Выдержки из произведений *[цитатник — А. А./ Мао Цзэ-дуна (Пекин, 1967)]*.

(2) Книга Дж. Оруэлла «1984» (на английском языке), 1964.

(3) Перепечатка писем *[у стихов... — А. А./ М. Цветаевой (23 машинопис. листа)]*.

(4) Машинописный текст «Сандро (новые главы)», Ф. Искандер (9 листов).

(5) «Тетради по БАМу» (подготовительные материалы к научному докладу, 1978 г.). 8 тетрадей.

(6-7) 2 тома «Писем Любимым женщинам» (часть 1-я — папка № 2; часть 2-я — папка № 4, всего 742 стр.).

8) «Исторический режим воспроизводства высшего политического руководства страны как предмет социологического измерения» (исп. — А. Алексеев; 23 машинопис. листа).⁴²

Все эти материалы хранились в Ленинградском управлении КГБ в течение пяти лет и оказались в полной сохранности.

Не могу не отметить, что почти все пометки на полях и подчеркивания, выполненные не моей рукой (имел возможность их наблюдать в партийной комиссии Ленинградского горкома КПСС в 1984 г.) — **аннулированы** (аккуратно стертые, вытравлены).

Кроме ныне возвращенных, при обыске пять лет назад изымались и другие материалы. Но их мне возвратили еще в январе 1984 г. (как видно, за ненадобностью), одновременно с объявлением мне официального предостережения органов ГБ.

Сейчас не помню, попал ли факт объявления мне такого предостережения (дело, кстати, заурядное в то время) в «Огонек» или другие СМИ. *[А ведь не попал! Было некое «табу» на эту тему, даже в перестроичной прессе. — А. А./* Но коль скоро я упомянул об этом факте, то добавлю, что действие указанного предостережения было прекращено в мае 1987 г. (т. е. еще до всех выступлений прессы по поводу моей персоны, правда — уже после XXVII съезда партии).

В порядке справки: объявление предостережения в 1984 г. мотивировалось, в частности, тем, что Алексеев «изготовил и распространял среди своих знакомых материалы, содержащие политически вредные и идеологически невыдержанные оценки отдельных сторон советской действительности». (Имелся в виду — тот самый ныне возвращенный мне личный, научный и деловой архив: «Письма Любимым женщинам» и проч.). Указанные действия квалифицировались как «противоречащие интересам государственной

⁴¹ См. выше: раздел 17.3.

⁴² См. в томе 2 настоящей книги: раздел 7.2.

безопасности» (цитирую текст предостережения 1984 г.). Предостережение обывлял сотрудник УКГБ ЛО Владимиров Э. В.

(Аналогичные и еще более «грозные» формулировки содержались в последовавшей за тем, в марте 1984 г., справке «В отношении Алексеева А. Н.» за подписью начальника подразделения УКГБ ЛО В. И. Полозюка, разосланной в партийную и другие организации, где я состоял членом. С этой справкой Ты знаком).⁴³

Прекратил же действие упомянутого предостережения три года спустя тогдашний (в 1987 г., как и в 1984-м) начальник Ленинградского управления КГБ Д. П. Носырев, по представлению сотрудника Ю. М. Вилочкина. (Сколько же их мною занималось! Я еще не всех сейчас перечислил).

Официальная формула прекращения действия предостережения:

«...в связи с тем, что гр-н Алексеев А. Н. в период с 5.01.84 по 14.05.87 г. действий, противоречащих интересам государственной безопасности, **не допустил**».

(Выделено мною. Как смешон и вместе с тем двусмыслен их бюрократический жаргон! Нет, чтобы сказать однозначно: «не совершил»... Нет, — вроде он и «хотел совершить», или они у него «сами собой совершались», а он — «не допустил»! Такой молодец!..).⁴⁴

Возникает вопрос, совершал ли такие действия Алексеев **до 5 января 1984 г.** Судя по тому, что к настоящему времени все материалы, давшие повод для этого предостережения, мне возвращены, нет — **не совершал!** По крайней мере — в современной трактовке понятия «действий, противоречащих интересам государственной безопасности».

Совершенные — однажды — действия, однако, необратимы. А вот «интересы государственной безопасности» могут со временем **изменяться**, как Ты понимаешь.

(Ладно, прерву этот логико-семантический или казуистически-правовой анализ).

Предложенный мне машинописный текст расписки содержал такую формулу: «Все указанные материалы возвращены мне полностью. Претензий не имею».

Стоит заметить, что расписка, которую я давал три года назад, по поводу возвращавшихся мне тогда отдельных, так сказать, безвредных материалов, завершалась иной формулой: «...претензий к сохранности возвращенных мне предметов не имею».

Тогда — не имею «претензий к сохранности»; а теперь — «вообще претензий» не имею... Гм!

Имея обыкновение вдумываться в содержание и даже «подспудный» смысл того, что подписываю, я счел уместным заменить эту формулу на:

«Имею претензию к задержке с ответом на мое письмо в УКГБ ЛО от 12.10.88. А. Н. Алексеев. 7 декабря 1988 г.».

Всекие другие претензии, понятно, формулировались мною, в свое время, в других документах и были бы, пожалуй, неуместны в этой расписке.

⁴³ См. в томе 2 настоящей книги: раздел 8.2.

⁴⁴ См. об этом также ранее: раздел 15.8.

Этот частный эпизод **взаимоотношений гражданина с государственными органами**, которые принято называть «компетентными» (у граждан — свой жаргон!), не заслуживал бы столь подробного отчета и освещения, после всего того количества строк и эфирного времени, которые посвятили СМИ «эксперименту социолога-рабочего» и т. п., если бы не его (эпизода) также экспериментальный смысл *[смысл прецедента. — А. А.]*.

Полагаю, что на тех же стеллажах и в сейфах (?), где хранились в течение пяти лет мои дневники, личные письма, научные работы, книги, есть и другие ценности (поценнее моих!). Да оставим в стороне вопрос о ценности — просто **личная собственность** граждан, которую эти граждане (или их наследники, если гражданина уже нет в живых) оставляют **не востребованной**.

Что это, утрата интереса или инерция страха?⁴⁵

... Я никого не поучаю, ни к чему не призываю. Уж не раз говорил: «Если хочешь — делай как я. А не хочешь — не делай». Бояться, во всяком случае, нечего. Вот, дорогой Анатолий, и вся мораль изложенной здесь басни.

Письмо — личное. Но предоставляю Тебе полную свободу и приоритетное право использовать его, по своему усмотрению. Никому «копий» не посылаю.

(Впрочем, этот мини-эксперимент, в известной мере, уже успел стать достоянием гласности. Андрей Чернов и Владимир Готов *[тогдашние сотрудники журнала «Огонек».* — А. А.] попросили меня обнародовать эту информацию на встрече редакции вашего журнала с читателями в большом зале Ленинградского дворца молодежи, вчера, 10 декабря. Что я и сделал. Так сказать, в порядке «обмена опытом» с теми, у кого когда-либо проводились подобные обыски и выемки.)

Твой Андр. Алексеев, 11.12.88

17.12. «Робость передо мной, которую... разделяю»

З. Д. — А. Алексееву (декабрь 1988)

Андрей Николаевич!

Поздравляю с Новым годом и желаю Вам успехов в Вашем многотрудном деле.

Обнаружила, что начала перед Вами робеть после многочисленных о Вас публикаций. Понимаю, что это, наверное, глупо, но даже не решаюсь Вам позвонить.

Буду очень рада, если Вы меня за это пожурите.

З. Д., декабрь 1988

* * *

А. Алексеев — З. Д. (январь 1989)

Здравствуйте, З.!

Тронут теплом, восхищен изяществом Вашего новогоднего привета. Охотно журю Вас за робость передо мною, которую, как ни странно, разделяю с Вами.

⁴⁵ Социолог-испытатель побеспокоился о своей собственности вовремя. Как он потом узнал, его «дело» в 1991 г. было в УКГБ ЛО (как, видимо, и все остальные подобные «дела», кроме судебных) «аннулировано», т. е. **уничтожено**. Ясно, что вместе с собственными документами и «разработками» Управление уничтожило бы и прилагавшиеся к ним «вещдоки».

Сначала я с социологическим любопытством наблюдал за становлением мифа, которому невольно дал повод. А теперь уже и сам встревожен его (этого мифа) бесконтрольным развитием. [Выделено мною сегодня. — А. А.].

<...> Дарю Вам одну из своих «публикаций» («Под флагом демократии?». — Вечерний Ленинград, 29.10.88), которая вдруг да осталась Вами не замеченной.⁴⁶

Всего самого Доброго Вам в этом году!

Ваш Андр. Алексеев, 4.01.89

17.13. «Судьба, востребованная историей...»

**Заметка Л. Графовой (под таким названием),
опубликованная в «Литературной газете»
(октябрь 1989)**

В Государственном музее революции СССР открылась экспозиция «Советское общество в период 1945–1985 годов. Страницы истории».

...Соскребается глянец с истории — обнажается боль. Как мы жили! Сколько нахлебались лжи! И вот в трех музейных залах — четыре десятка лет. Экспонатам тесно, зато каждый обретает роль символа. История предстает как процесс. Зримые закономерности. Эта непривычная для помпезного Музея революции экспозиция показывает неизбежность новой, нынешней реальности.

Последний раз я была здесь в ранней юности. На выставке подарков Сталину. Теперь пришла на встречу со своим героем. Ленинградскому социологу Андрею Алексееву (о нем в «ЛГ» был очерк «Преодоление пределов») посвящен целый стенд. В разделе «Ростки нового мышления».

Анкета «Ожидаете ли Вы перемен?», 1979 год. Она только недавно возвращена автору из архивов КГБ.⁴⁷ Крамола. За свое исследование ученый был исключен из партии. Восемь лет работал слесарем на заводе, постигая «изнутри» абсурдность нашей экономики. Жесткий эксперимент на себе...

Ремарка: «герой -экспонат»...

Посетил тогда эту выставку и я. На стенде были представлены некоторые из документов «дела» социолога-рабочего, помнится, запрошенные у меня из Музея по почте. Я постоял, у стенда, прослушал объяснения, дававшиеся сотрудником Музея группе экскурсантов. По счастью, остался не узнанным. А представляться экскурсоводу... «постеснялся». (Март 2005).

...Сейчас вернулся в науку.⁴⁸ Восстановлен в партии. Но борьба длится. Разные коллективы Ленинграда дважды пытались выдвинуть Алек-

⁴⁶ См. ниже, в главе 20.

⁴⁷ Неточность: не возвращали, поскольку среди изъятых при обыске 1983 г. ее не было.

⁴⁸ Имеется в виду возвращение к штатной научной работе.

сеева кандидатом в депутаты, до регистрации не дошло. Ведь он был альтернативной кандидатурой первому секретарю обкома партии Ю. Соловьеву... В разгар предвыборной кампании корреспондент «Правды» Н. Волинский предпринял известный «ход конем» (так называлась статья): заклеил Алексеева, «лидера популярного и внешне лояльного... клуба «Перестройка» — якобы он, проводя митинг, давал слово «не тем» ораторам. Пользуясь этой информацией, первый секретарь Краснодарского крайкома партии И. Полозков, хоть никогда не видел и не слышал Алексеева, возмущался (на апрельском пленуме ЦК КПСС) поведением социолога, «именуемого еще коммунистом».⁴⁹

В прежние времена этого было бы достаточно... Сегодня реабилитация приходит при жизни. Судьба Алексеева, провозвестника перестройки, уже востребована историей для музея. Последние перипетии борьбы в экспозиции не отражены, но есть любопытный экспонат: пропагандистский листок «Перекресток» (его выпускает Ленинградский горком ВЛКСМ) с двумя фотографиями — Андрея Алексеева и Нины Андреевой. И с вопросом к читателю: «С кем ты?..»

Л. Графова

(Литературная газета, 4.10.89)

Ремарка 1: легенда и действительность

Автор приносит извинения читателю за вынужденные повторы, как бы «перепевы» уже известной тому информации (а может — рефрены?). Но иначе пришлось бы нарушать целостность приводимых здесь публицистических документов.

Л. И. Графова, возвращаясь к своему герою, не может не напомнить читателю того, о чем сообщалось раньше. Ведь газета «живет один день»... При этом происходит неизбежная редукция информации и возрастает неопределенность.

Вот, из этого материала уже и не очень ясно, как же дело было — сам ушел слесарем на завод или потому, что его «исключили» и т.д.

...А еще через десять лет А. Я. Винников, активный участник и прилежный историк демократического движения конца 80-х — начала 90-х гг. в своей книге «Цена свободы» (СПб., 1998) уверенно напишет:

«...В семидесятые годы он, известный социолог, был за свои взгляды выгнан [?! — А. А.] из академического института и много лет работал на заводе простым рабочим, занимаясь наукой по вечерам».

Выходит, так отложилось в памяти Александра Яковлевича, да, вероятно, и не только его, хоть на самом деле было и «не совсем» так.

«Герой-аргумент — в раме-концепции»! А дальше — миф, легенда... Легенда — это не то, как было в действительности, а то, как отложилось в социальном сознании. (Март 2001).

⁴⁹ См. об этом ниже, в главе 20.

Ремарка 2: сколь долговечен миф?

«Чудесная личностная история» (формулировка А. Лосева) может жить самостоятельной жизнью и стать фактором жизни множества людей (в пределе — всего человечества) — и на сотни лет, и на очень короткий исторический срок. Миф может умирать, и возрождаться, и снова умирать, и даже «навсегда» умирать.

Что касается «легенды о социологе-экспериментаторе», то срок ее жизни был недолог: пару лет, от силы. Ибо меняются — и времена, и люди. Субъект может даже «пережить» миф о себе самом, если не стремится оставаться «геро-ем-аргументом» в сложной для него (отчасти и им самим) «раме-концепции».

(Кстати сказать, с вершины последующего исторического опыта и в современных массовых представлениях — вовсе не лучшей «рекомендацией» предстает указание на то, что человек был когда-то «прорабом» или даже «символом» перестройки. Какой «перестройки»? Ах, той самой...).

В новых общественных условиях, в постоянно меняющемся социальном сознании востребуются новые герои, складываются новые популярные «имиджи», а прежние блекнут, меркнут, сходят на нет.

«Если звезды зажигаются, значит это кому-то нужно». И «звезды» гаснут, когда общественная потребность в них исчезает. И когда их (эти звезды) не «лоббируют» и не «пиарят».

Волею обстоятельств (среди которых и собственная активность была не последним фактором), социолог-рабочий на рубеже 80–90-х гг. оказался **героем дня**, ну пусть — **года**... А дальше — как у тысяч и десятков тысяч таких «легендарных» героев — своя «обычная жизнь», без особых общественно замечаемых «взлетов», равно как и «падений». И вообще: «это все старые истории», и «новые песни придумала жизнь»...

...Кабы успел заболеть «звездной болезнью» — до сих пор бы, небось, страдал от ее рецидивов. А так вот — «в охотку» и ни о чем не жалея — «сублимируюсь» в «социологическую ауторефлексию». И — «эту книгу, как бутылку в волны, кидаю...» (говоря словами М. Цветаевой). Но вернемся в конец 80-х. (Май 2003).

17.14. И, наконец, мифопоэзия...**Из стихов Юрия Линника (1987-1988)**

Попытка

А. Н. Алексееву

И видел он:

Есть множество решений —

Одно другого тоньше, совершенней:

Там выждать миг, здесь обойти кругом.

Уже изведав горечь поражений,

Он все-таки рванулся напролом.

С ума сошел! Страх за него, досада,

Да разве может времени громада
Поддаться малой силе одного?
И хочется в сердцах сказать: бравада,
И бросить вслед с упреком: шутство.

Запомнится контрастная картина!
Друг против друга: времени махина -
И маленький упрямый человек.
Он ищет правду. Для себя, для сына.
И для своих смилившихся коллег.

И кажется: гигантские колеса
Его раздавят и швырнут с откоса, —
Возможен здесь единственный финал.
Но не уйти от горького вопроса!
И человек себе не изменял.

Он видел свет. Он шел вперед устало,
Подчас рискуя, доброе начало
Освобождал из-под наносов лжи.
И скованное время оживало!
И ширились у правды рубежи.

(Цит. по: Ю.Линник. Смятение. Петрозаводск: Карелия, 1989)

[Пожалуй, это было высшей, художественной точкой мифологизации эксперимента социолога-рабочего. — А. А.]

Ремарка: ...и опять скрещение жизненных путей!

С Юрием Владимировичем **Линником**, культурологом, натуралистом, поэтом, доктором философских наук, создателем неомифологической «Крита-йогии», живущим в Петрозаводске, мне довелось лично познакомиться уже гораздо позже.

Примечательно, что у нас с Ю. Л. оказалось много общих друзей. Среди них: Рэм Георгиевич Баранцев, Елена Владимировна Алексеева, Рэм Владимирович Наумов (ныне покойный), Анатолий Николаевич Марасов, Олеся Анатольевна Козина...

Отмечу еще одно биографическое «созвучие»: в конце 70-х Ю. В. Линник провел андерграундный опрос по составленной им анкете, посвященной памяти А. А. **Любищева** (1890-1972). Отклики (ответы) на эту анкету 30 человек, среди которых ряд крупных ученых (в основном младших современников и учеников Любищева), ныне опубликованы. (См.: Любищев А. А. Творческий портрет. Ульяновск: Симбирская книга, 2001.⁵⁰ (Май 2003—июнь 2005).

⁵⁰ Слава Богу, не прознали органы госбезопасности об опросе, предпринятом Юрием Владимировичем! Дело в том, что вовсе не скрывавшиеся под псевдонимами друзья и коллеги Любищева иногда «вскользь» высказывались на общественные темы настолько откровенно и остро, что последствия могли бы оказаться для них не менее драматичными, чем для организаторов и участников опроса «Ожидаете ли Вы перемен?» (но ни для тех, ни для других не оказались). Фрагмент одного из откликов на эту анкету см. в томе 4 настоящей книги: глава 25.

* * *

Вместо заключения (к главе 17)

Процитирую здесь Сесаро Вальехо («Мой портрет в свете исторического материализма»):

«...В портрете должна быть воплощена суть жизни, то есть целостная личность — и прошлая, и теперешняя, и будущая; в итоге — свиток жизни. Художник уловит тайну этой жизни, поймет ее изменчивую прелесть и вечный смысл и воплотит их в линиях, цвете, композиции, перспективе. Портрет, таким образом, — это раскрытие жизни от начала до конца ее линий. Портрет — это свидетельство оракула, зашифрованное свидетельство, изъяснение тайны, мифа. В этом суть портрета.

Однако, как и всякое творение, портрет требует героизма. Исток его — борьба между вечным в человеке, то есть тем, к чему обязывает суть портрета, и положением человека в обстоятельствах места и времени. Конкретность положения обуславливает сходство. Интуиция подскажет художнику, какая из составляющих доминирует. Вечность одной жизни заключена в конкретность времени и места и нельзя пренебрегать ими — иначе нельзя будет узнать изображенного на портрете. Это таинственное равновесие зримого и незримого, вечного и преходящего, или, иначе говоря, равновесие сходства и сути определяет ценность творения...» (Цит. по: Иностранная литература, 1983, № 8, с. 162-163).

(Март 2001).

* * *

Из стихов Ю. Линника (1987-1988)**Дилемма**

- К чему спешить? Поток событий грозных и так снесет весь этот жалкий хлам...
- Нет, ты не прав. Ждет время дел серьезных. Что чаянья? Мир верит лишь делам.
- Мудрее выждать. Саморазрушение заложено в самой стихии зла.
- Наивен ты. Приносят разрешение противоречий горьких лишь дела.
- Путь новых жертв, Но отойди в сторонку — и время без тебя возьмет свое.
- О нет! Нас всех в незримую воронку тогда затянет косность, забытие.
- Но ненадолго! Будущего семя взойдет без наших суетных забот.
- Когда бы так! Поступки движут время — оно без нас иссякнет и замрет.

Ю. Линник. «Диалоги» (Цит. по: Линник Ю. Смятение. Петрозаводск: Карелия, 1989, с. 119-120)

Приложения к главе 17

Несколько вступительных слов

В этих приложениях к главе 17 читателю будут представлены некоторые из моих корреспондентов, с которыми установился взаимодовверительный контакт в конце 80-х.

Увы, со всеми этими очень разными, прекрасными людьми связь ныне утрачена. Остались лишь некоторые документальные «следы» (в моем архиве).

Мне кажется, эти документы хорошо передают дух времени и тогдашний накал общественных страстей.

За отбор материалов и адекватность этой «презентации» несет ответственность исключительно автор настоящей книги.¹ (Сентябрь 2001 — март 2005).

П.17.1. Двое побратимов из села Юрковка, Винницкой области. Владимир Мельник и Олег Байдан

П.16.1.1. «Нужна служба “народной социологии”!»

Из отклика учителя В. Мельника на очерк Л. Графовой «Преодоление пределов» (декабрь 1987)

<...> Бюрократы взахлеб призывают к демократии и железно держатся за власть, поют о гласности и затыкают рты таким, как Алексеев. Сколько людей проводят сегодня дни своей жизни за писанием жалоб, в очередях и приемных, где ищут защиты от перекарсившихся наследников «Покаяния».

...Доярка пришла жаловаться в наш Винницкий обком на свое горе. Не взлюбил ее председатель колхоза, что-то поперек ему сказала. И вот месть: опоздала на партсобрание — сразу же выговор. А у нее четверо детей и задержалась-то потому, что заболел мальчик. «А зачем ты их наплодила?» — гаркнул председатель. Женщину вынудили бросить работу... Когда она в слезах выходила из обкомовского кабинета, вслед несло: «Жалуются тут по мелочам... головы поподнимали... спекулируют на перестройке... Работать не дают».

<...> Попробовал мой земляк, молодой депутат, комсомольский вожак еще четыре года назад создать настоящий бригадный подряд — вступил в

¹ Материалы переписки публикуются, как правило, в значительном сокращении.

конфликт с директором совхоза. Его выгнали с работы, сместили со всех выборных постов. Он написал десятки писем в разные инстанции. За что не только он сам, но и его жена потеряла работу, хотя у обоих — дипломы сельхозакадемии. [*Речь идет об О. И. Байдане — см. ниже. — А. А.*].

Поскольку я сам давно участвую в «рукопашной» борьбе (хотел обогнать школьную реформу), судьба свела меня со многими достойными людьми, которые поставлены сегодня в унижительную позицию оправдывающихся: их увольняют с работы, судят, исключают из партии. И все вроде бы по закону. «Нас ты не разоблачишь, и вызванный тобой БХСС, народный контроль — люди, которые поймут нас, а не тебя», — цинично заявил председатель сельсовета одному правдоискателю из Бобринского района Черниговской области. Видя такие примеры, люди по-прежнему живут в страхе и не спешат «выкладываться», брать, допустим, землю в аренду и расширять домашнее хозяйство. Знает же народ, как испокон веков достается инициативным и независимым труженикам...

<...> Если корни этого разложения «сверху» срочно не выдернут, то перестройка станет очередной кампанией, а потом и позором для нашего поколения. Надо избавить общество от дельцов, уютно устроившихся в разных ячейках партийного и административного аппарата, разоблачить видимость их «работы», направленной в сущности на опустошение душ. Защищая комфорт своего бюрократического клана от «анархии», такие дельцы все добрые новшества нашей жизни буквально переворачивают вниз головой, добиваясь, чтобы «низы» застонали: «При застое и то было лучше»...

Пока еще ни один бюрократ не ответил сполна за месть за критику. Некому их наказывать за обиды честных людей?! Чтобы «низы» действительно могли управлять «верхами», как этого требует закон демократии, руководителей должны выдвигать сами люди за их конкретные дела, и механизм таких выборов должен быть четко и в мелочах разработан. Пока такого механизма нет, этот клан будет воровским способом сажать в кресла «своих».

Могут ли сегодня выступить, допустим, малые коллективы школ, контор и научных учреждений прогрессивной силой против самозванства руководства? Труд этих коллективов так плохо организован, положение так уязвимо, что бююкратам легко «подловить» на чем-то всех и каждого «зазнавшегося».

Известно, что всякое революционное движение имеет «правое» и «левое» крыло. Как в верхах, так и в низах. Но если «верхние» прогрессивные силы действуют научно обоснованно и всесторонне [*! — А. А.*], то активность «снизу» часто аморфна, не находит подходящих форм и перспективных путей. К тому же ее часто пытаются извратить, оболгать, свести к узко эгоистическому интересу. Надо, чтобы наука помогла и простым людям <...>.

Мы же, в свою очередь, хотим предоставить ученым-энтузиастам ценный фактический материал, поделиться мнениями. Ведь в обществе мас-

са людей, которые стихийно применяют алексеевский метод «наблюдающего участия», но не умеют свой опыт передать людям. Хорошо, если бы возникло что-то вроде службы «народной социологии» при общественно-ведческих научных центрах (те, кто живут далеко, могли бы участвовать в работе своими письмами).

Сотрудничая с учеными, самодеятельные будут и сами набираться знаний и сил в борьбе за дело перестройки. <...>

В. Мельник

(Декабрь 1987)

[Владимир Александрович Мельник — учитель истории из с. Юрковка, Тульчинского района, Винницкой области, «правдоборец», исключенный из партии и т. п. Благодаря упоминанию в очерке Л. Графовой коллеги и друга автора — Р. Ленчовского, установил с последним контакт в Киеве, потом наладилась переписка также между В. Мельником и мною.]

Читательский отклик В. М. на публикацию «ЛГ» был подготовлен редакцией к печати (здесь приведен именно «редакционный» вариант отклика, впрочем, оставшийся не опубликованным).

В конечном итоге В. Мельнику удалось отстоять свою правоту в украинских партийных инстанциях. Как могли, содействовали этому Роман Ленчовский и я. — А. А.]

П.17.1.2. «Крепкий орешек» («...попытались исключить, посадить, выгнать — не получилось»)

О. Байдан — А. Алексееву (февраль 1988)

Здравствуй, Андрей Николаевич!

Мы с Вами не знакомы. И может быть, даже неудобно с моей стороны, что я отнимаю время, которого у Вас так немного. Фронтовики, прошедшие всю войну, не боявшиеся ни пуль, ни снарядов, ломались в подобных условиях. Значит, человеку, который борется с рутинной и всем негативным, что у нас накопилось, еще труднее. <...> Эта братия превратила государство в свою привилегию, в «дойную корову» для себя. И когда посягают на эти привилегии, они сразу же пытаются представить дело так, что посягают на само государство. Жулики, правда? Ваша деятельность имеет огромную ценность и приносит пользу для блага народа. Надо вскрывать все это, раскрывать народу глаза. По совету Романа Ивановича [Ленчовского. — А. А.], посылаю на ваш суд социально-политическую обстановку, сложившуюся у нас.

Как, на Ваш взгляд, правильно ли выбраны оценки причинно-следственных связей?

<...> С уважением

Олег Иванович Байдан

С. Юрковка, Тульчинский р-н, Винницкая обл.

Р. С. Самое главное, никогда не теряйте силу духа и не болейте, а то это пойдет на пользу противникам перестройки. О.Б.
(Февраль 1988)

* * *

А. Алексеев — О. Байдану (август 1988)

Уважаемый Олег Иванович!

К своему стыду, лишь с полугодовым опозданием благодарю вас за дружественное письмо.

<...> Ваш набросок, своего рода конспект размышлений о механизме торможения перестройки, — мне кажется вполне разумным. Близкое к этому можно встретить сейчас и в печати, не противоречит и моим наблюдениям. Жестокая судьба Вашего односельчанина В. А. Мельника [см. выше. — А. А.] — наглядный тому пример. Кстати, давно не было от него известий... При случае передайте ему мой привет и желание узнать о его новостях.

Из Вашего письма неясно — кто Вы? Надо ли вернуть Ваш набросок? Если нет — охотно принимаю дар.

С уважением и симпатией

Андрей Алексеев, 1.08.88

* * *

О. Байдан — А. Алексееву (август 1988)

Здравствуйте, Андрей Николаевич!

Большое спасибо Вам за письмо. Мне была очень важна Ваша оценка <...> моих выводов по сложившейся общественно-политической обстановке. Здесь у нас не с кем сверить их правильность или неправильность. Пополемизировать по тем или иным вопросам. Что касается Мельника В. А., то это мой друг и единомышленник Его сложности заключаются в том, что задеты очень сильно коррумпированные круги, наделенные властью. И в случае ихнего проигрыша, станет ясно, кто они на самом деле, и чем занимаются в действительности. Борьба идет очень жесткая. Против него сфабриковано уголовное дело. Все было пущено в ход, чтобы его сломить. Но у них ничего не получается. Поэтому дело затягивается. Время работает на В. А. Передал Ваше приветствие. В. А. очень обрадовался.

Немного о себе.

В совхозе с 1980 года. Работал агрономом-садоводом. Общественная работа — секретарь комсомольской организации совхоза. БОльшая часть продукции сада разворовывалась или раздавалась в виде «мзды» нужным людям. Покупались политические, советские, хозяйственные органы и др. — дирекцией совхоза, секретарем парткома. Повел с этим борьбу. Попытались сломать, сначала «пряником», затем «кнутом» — не получилось. В марте 87 г. «сократили». Убрали из парткома, отстранили от комсомольской работы, вычеркнули из списков кандидатов в депутаты. По-

пытались исключить из партии — не получилось. Попытались завести уголовное дело — не получилось. Попытались выгнать из совхоза — тоже не получилось. Пошел работать рабочим в бригаду. Сорвали мое поступление в аспирантуру. В декабре 87 г. (нас 10 рабочих) взяли в аренду 50 га сада. Так и работаем.

Обращался 16 раз в обком партии, на протяжении года записывался на прием к первому секретарю обкома, но так и не попал. Коммунисты избрали заместителем секретаря цеховой парторганизации. Через 3 месяца попытались меня убрать, но коммунисты отстояли.

Обращался несколько раз в ЦК КПСС. Но проверяли местные. Борьбу продолжаю.

С уважением

Олег Иванович

15.08.88

* * *

А. Алексеев — О. Байдану (октябрь 1988)

Уважаемый Олег Иванович!

С большим интересом и удовольствием прочитал Ваше письмо. Видно, что Вы — «крепкий орешек». Ваш «самоотчет» — лучшая агитация за перестройку.

<...> Если в одном только селе Юрковка — двое таких, как Вы и Владимир Александрович Мельник, то какая уж там «уникальность» Алексева!

<...> От В. А. [Мельника. — А. А.] тоже получил письмо. Насколько возможно, помогайте ему. Уверен, что Вы и так это делаете.

Буду рад весточке от Вас.

Ваш Андр. Алексеев, 2.09.88

П.17.2. Алла Ярошинская, журналист. Народная героиня перестройки на Житомирщине

П.17.2.1. «Круг Любимых женщин расшифился...»

А. Алексеев — в редакцию журнала «Огонек» (декабрь 1988)

Дорогие друзья!

<...> Недавно, «по следам» выступлений вашего журнала, фактом возврата из Ленинградского управления КГБ личного, научного и делового архива Вашего героя («социолога-экспериментатора»), были как бы реабилитированы его Любимые женщины.²

За истекшие пять лет, пока письма к ним хранились в сейфах «большого дома» на Литейном, круг возлюбленных расширился. И я намерен представить вам — Марию **Георгину** и Аллу **Ярошинскую**, с Житомирщины, где я никогда не был, и любовь моя к ним, увы, заочна.

² См. об этом ранее: раздел 17.11.

М. Георгина — героиня «безымянной высоты», чьими замечательными письмами — летописью провинциальной перестройки, я когда-нибудь с Вами еще поделюсь <...>. Сейчас же посылаю только одно из них, недавнее, посвященное другой героине. [См. ниже. — А. А.]

А. Ярошинская, в отличие от Марии, человек всесоюзно известный, благодаря диаметрально противоположным публикациям в «Известиях», «Правде», с одной стороны, и в «Журналисте», с другой (такие вот «вершины», опуская здесь «холмы» республиканской и «пригорки» областной прессы). **«Исповедь провинциального журналиста»** (Известия, 1987) вряд ли осталась Вами не замеченной. А затем — «После “Исповеди”» (Известия), «Фельетон... в корзине» (Правда, 1988) и, наконец, злопыхательская — «Вокруг “Исповеди”» в «Журналисте» (1988, № 9).

Да, не камнем в болото канула «Исповедь» Ярошинской — уже больше года расходятся вокруг нее круги...

Удивительный народ, эти правдоборцы! Одна (М. Георгина) за А. Ярошинскую готова лечь под бульдозер, другая (А. Ярошинская), в ответ на персональный в ее адрес навет, пишет защитную речь, обороняя не столько себя, сколько своего героя (Н. Корель) и коллегу (Я. Зайко).

Вашему же герою остается заявить, что эти женщины представляют ему настоящими Героинями, под статью Жанне д'Арк. Их даже страшно назвать «Любимыми»... Им можно только поклоняться.

Но, оставляя в стороне эмоции: случай Аллы Ярошинской, действительно, как пишет Мария Георгина, — «пробный камень в борьбе за обновление». И «Известия», и «Правда» прикусили языки перед... Кавуном [секретарь Житомирского обкома КП Украины. — А. А.] (или перед кем повыше?). Нужно понять, друзья, что кроме «Огонька» никто это зная не подхватит сегодня.

На мою «братскую телеграмму» [см. ниже. — А. А.], стимулированную письмом Марии, Алла откликнулась «сестринским приветом», к которому приложила — свое опровержение публикации М. Жеребкина в «Журналисте». Она, оказывается, **никуда еще его не посылала**, не видя достойного адресата. Прочитайте этот замечательный текст: «Ложь с гарантией честности», который для меня так же прекрасен, как судебные «Мемуары» Бомарше или «Письма Луначарскому» Короленко.

Бог весть, что с этим делать... Я бы печатал как есть, с небольшим вступлением и послесловием от редакции. Мы иногда ждем, пока яркий документ эпохи (а это — публицистика, не сознающая себя таковой, и потому — высочайшая!) отлежится. А если не ждать и отнести к нему, уже сегодня, как к таковому, и сделать оружием? (Но, конечно же, возможны и иные пути. Вам виднее).

...Мне стыдно за «рекорд», побитый мною, по количеству блестящих фотопортретов А., выполненных С. Петрухиным в майском номере «Огонька». Фотографируйте лучше Аллу Ярошинскую! Призываю Вас к рыцарству. Мне кажется, что одна ее фотография в сочетании с сотнями

подписей «простых людей» Житомирщины, увидевших в этой женщине Героиню перестройки, сделает больше, чем даже очерки А. Головкова об Алексееве и Богданове.

При всем пафосе этого письма, я вполне расчетлив и реалистичен. Это — **можно**. Это — **нужно**. И это — Ваше, **только ваше**.

Ваш Андрей Алексеев, 12.12.88

[Этому письму в журнал «Огонек» предшествовала переписка с М. Георгиной и А. Ярошинской. См. ниже. — А. А.]

П.17.2.2. Из перетиски с Марией Георгиной и Аллой Ярошинской

М. Георгина — А. Алексееву (октябрь 1988)³

Уважаемый Андрей Николаевич!

События разворачиваются так стремительно, что не стала ждать Вашего ответа. <...> Это тоже **пробный камень** в битве за обновление, но это уже не наша «безымянная»... Считаю, что тут надо предпринять всем сторонникам Перестройки чрезвычайные меры. Я напишу сегодня в «Известиях», в «Правду», в редакцию «Журналиста», лично Л. Графовой. 1-й секретарь обкома Кавун целый месяц сидел в Москве и, по-видимому, нашел себе мощную поддержку. Мои личные предложения, которые я хочу выразить в своих письмах:

1) Дать возможность Ярошинской, Зайко, Савельевой, Корелю через центральную прессу отместить клеветнические обвинения (а они есть в огромном количестве; даже в самой публикации «Журналиста» лезут из всех щелей, как ни старался этот Жеребкин придать своей писанине «объективный» характер).

2) Поставить перед ЦК КПСС вопрос о создании комиссии по рассмотрению и оценке той обстановки, что наблюдалась у нас тут. Пусть туда войдут социологи, юристы, журналисты. Конечно же, верх моих мечтаний, чтобы это были проверенные бойцы, из числа «неудобных», наших с Вами единомышленников. Только не просто, наверное, этого добиться.

3) Привлечь к ответственности за те факты правонарушений, лживой информации, преследования за критику виновных в этом. Считаю, что если здесь не победят здоровые силы общества, свершится крах всем нашим надеждам. Нет тогда смысла во всем нашем борении.

Если Вы можете со своей стороны что-то предпринять — ради бога. Держаться будем до последнего. Есть новые единомышленники, с одним завтра встречусь, по совету А. Ярошинской. Пенсионер из «неудобных», из старых партийных работников, исключенный из партии, судимый бюрократами. Об этом Вам напишу потом. Всего хорошего Вам.

М. Георгина, 7.10.88

³ Начало переписки с М. В. Георгиной см. ранее: раздел 16.5.

* * *

А. Алексеев — А. Ярошинской (ноябрь 1988)

Телеграмма

Житомир. Редакция газеты «Радянська Житомирщина». Алле Ярошинской. Читал «Журналист» и прочее. Братски обнимаю. Пока только это. Держитесь = Андрей Алексеев.

[Точная дата не известна. — А. А.]

* * *

А. Ярошинская — А. Алексееву (декабрь 1988)

Добрый день, уважаемый Андрей Николаевич!

Сердечное Вам спасибо за телеграмму, за теплые слова поддержки. Думаю, только тот, кто сам прошел через что-то подобное, и может понять всю сложность ситуации, в которой я оказалась после своих критических статей в «Известиях» и в «Правде».

Вся **система**, с силой цунами, обрушилась на мои плечи. И вот — давит, давит... Пока не задавила. Исключительно благодаря поддержке рабочих, всех простых рабочих области, кои на себе ежедневно испытывают всю мощь мертворожденных доктрин <...>. Легче тому, кто владеет искусством прогибаться. Мне же это никогда не удавалось, собственно, наверное, потому, что в человеке прежде всего — **собственное достоинство**. У нашей науки его затоптали или вытравили так давно, что о нем уже прочно забыто. Серость засела на Олимпе и раздает нам всем наряды: делай так, или — эдак, так — можно, так — нельзя, и т. д. Во мне вся сущность возмущена против этого рабства.

Почему тупой Кугут *[по-видимому, фамилия. — А. А.]* из райисполкома должен милостиво разрешать мне, например, открыть кооператив? Или не разрешать.

В общем, тревожно от того, что перестройка пока не оправдала надежд. Мы, кажется, потеряли время. А менять надо не только крышу, но и фундамент. Возможно, я ошибаюсь, но это мое мнение, основанное на опыте 12-летней работы в областной газете. Власть добровольно никто не отдаст. Кажется, и примеров таких в истории нет. А если еще эта власть усыпана благами, какие не снились американским плантаторам, — то тем более.

Отправляю Вам один экземпляр ответа на статью Жеребкина в «Журналисте», **который я никуда не посылала** *[выделено мною, при перепечатке для редакции журнала «Огонек». — А. А.]*, т. к. написан с пылу-жару. Да и кто будет печатать? «Журналист»? Насколько мне известно, он готовит еще одну публикацию. Гл. редактор Жидков прислал письмо в наш обком на имя первого секретаря, с **просьбой** «высказать свое отношение к статье «После «Исповеди». «Отношение» высказывали в моей редакции... Оно и должно стать основой повторной публикации.

Я бессильна как журналист что-либо сделать. Почему-то молчит «Правда». Впрочем, известно почему. Наш первый — Кавун В. М. — хорошо умел и умеет принимать гостей. Даже не сомневаюсь, что он все уладил. Обидно.

Я осталась практически одна перед мафией областного и республиканского масштаба. Не могу теперь выступить ни в одной республиканской газете, т. к. «круговая порука мает как копоть», говорит Ив. Кормильцев, поэт. Держусь лишь потому, что держит простой народ: меня на заводы не допускают к рабочим, так они пишут коллективные письма, чтобы **разрешили** встретиться с журналистом. Вот где демократия!

(Читали ли Вы В. Быкова «Дубинки против демократии» в № 47 «Огонька»?).

Желаю Вам всего доброго.

Ваша А. Ярошинская

(Декабрь 1988)

* * *

А. Алексеев — А. Ярошинской (декабрь 1988)

Уважаемая Алла!

Не сомневаюсь, что Вам уже посвящались стихи. Но од, возможно, еще не писали. М. Жеребкин, с одной стороны, и Ваша публицистика, с другой, — вдохновили меня на «оду» в прозе. Она в скромном обличье **письма в «Огонек»**. [См. выше. — А. А.]. Последнее передано в журнал с друзьями. Это иногда лучше, иногда хуже, чем официально посланное по почте.

Из копии моего письма в редакцию ясно, **что** именно я вложил в конверт, наряду со своим письмом. Пригодилось и присланное Вами, и кое-что от Марии Георгиной, за что ей тоже очень признателен. О всех прямых и косвенных последствиях своего обращения в «Огонек» я Вам сообщу. Хорошо, если и Вы сообщите о дальнейшем развитии событий.

Преданный Вам и восхищающийся Вами, Андрей Алексеев

16.12.88

* * *

М. Георгина — А. Алексееву (январь 1989)

Дорогой Андрей Николаевич!

<...> Мы опять собрались в старом доме, где есть крохотный кабинет Украинского общества журналистов (тут же рабочее место Я. Зайко; он — редактор еженедельника «Новины Житомирщины»). Подписали письмо в защиту В. Яворивского, писателя, который смело выступил в «Литературной газете» 21.09.88 — статья «Знакомый почерк». Бюрократы атом- и энергомаша подвергли его гонению. Он выступил на защиту «степу широкого» перед могилой Шевченко в г. Каневе, где бюрократы хотят соорудить промышленный комплекс.

<...> На заседании клуба А. Ярошинская прочла свою программу.

Конечно, это очень смелая, яркая, глубоко продуманная программа; будем только молиться, чтобы удалось хоть где-либо (по месту жительства — вернее) устроить собрание с 500 чел. присутствующими, т. к. сопротивление просто бешеное! Дважды нарушили Закон: потребовали за два дня до собрания списки жильцов, желающих выдвигать ее в кандидаты; второе — не печатать ее фамилию в объявлении о собрании по поводу выдвижения ее в кандидаты. Однако есть Мерсон Е. И., который на пенсии (из «неудобных»), он организовал сбор подписей по домам; они связались с комиссией в ЦК КПСС в Москве по выборам, и им вроде дали поддержку (во всяком случае четко сказали, что нарушен Закон).

Уверена, что тут сработал «жеребкин» (я подразумеваю все темные антиперестроечные силы).

...Как все же они ненавидят и боятся А. Ярошинскую! Дошло до того, что зам. секретаря горкома партии в Житомире сам нахально идет в коллектив, вместе с Ярошинской, которую люди пригласили на встречу (в соответствии с Законом о собраниях и митингах), обливает там ее имя «плюрализмом» [! — А. А.]. Однако люди хорошо ориентируются в политической обстановке, рабочие житомирских предприятий бурлят негодованием против подобных методов партийных работников.

В следующую субботу и я со своими единомышленниками пойдем на сбор подписей по месту жительства, т. е. в г. Житомир, т. к. наша Новая Боровая [*поселок, где проживала М. Георгина. — А. А.*] не входит в тот округ, где хотят избрать Ярошинскую.

Мы написали письмо в газету «Комсомольская звездочка», в которой напечатана была статья Я. Зайко о нашем клубе и негативный резонанс бюрократа Г. Чернова (члена областного суда). Вряд ли напечатают в хорошем духе часть моего письма, скорее с комментарием какого-либо работника райкома партии, а от них хорошего пока не приходится ждать.

Нам важно, чтобы хоть капля информации о нашем клубе проникла в местную прессу, пусть и со злобным комментарием [! — А. А.].

Единомышленники таким образом находят нас и примыкают к нам. Один товарищ из районной газеты в г. Новограде-Вольнском, Житомирской обл., таким путем узнал о нашем клубе, специально приехал, изъявил желание попробовать у себя на одном из предприятий выдвинуть кандидатуру А. Ярошинской.

Как вы поняли из вышесказанного, мы упорно движемся вперед. Ничто не проходит зря, ведь так? <...>

М. Георгина

Р. С. В № 48 «Огонька» В. Коротич бросил клич всем «неудобным» объединиться и встать под знамя журнала «Огонек»!

Р. Р. С. А. Н.! Письмо уйдет из Киева, ждала оказии. Рада Вам сообщить, что на одном из крупных предприятий Житомира, после 5-часового собрания по выдвижению А. Ярошинской кандидатом в депутаты, удалось офи-

циально ее зарегистрировать (420 — за, воздержались — 3, в том числе директор, который после собрания очень извинялся перед Аллой Александровной).

На собрании другого крупного предприятия была предпринята такая же попытка коллектива, но власти грубо нарушили Закон и поэтому ушла телеграмма о нарушениях — в Москву от рабочих этого предприятия.

В пятницу будет наконец-то предоставлено помещение для проведения собрания по месту жительства, где собраны свыше 1000 подписей граждан. Замысел — выдвижение А. Ярошинской по всем возможным вариантам, чтобы пробиться сквозь окружную комиссию по «просеиванию» [*имеется в виду окружное предвыборное собрание. — А. А.*]. Гарантий нет пока, что Ярошинскую не «отсеют», но все же будем надеяться. <...>.

М. Г. (Январь 1989)

П.17.2.3. Народная избирательница

Из предвыборного обращения житомирского клуба «За перестройку» (январь 1989)

Избиратели!

Житомирского, Бердичевского, Коростенского, Коростышевского и Новоград-Волынского территориальных избирательных округов по выборам народных депутатов СССР!

Мы выступаем с предложением избрать народным депутатом СССР **Аллу Александровну Ярошинскую (Згерскую)**, лауреата республиканской премии «Золотое перо», автора статей: «Исповедь провинциального журналиста» (Известия, 5.06.87), «Хождение по инстанциям» (Правда Украины, 4.01.87), «Фельетон... в корзине» (Правда, 9.08.88).

Предлагайте кандидатуру А. А. Ярошинской (Згерской) для выборов народных депутатов СССР!

Начиная с 26 декабря, совместно с представителями местных Советов проводите собрания избирателей по месту жительства! Как избиратель **Вы имеете право вносить предложения на собраниях о кандидатах в депутаты.**

На собраниях ведите протокол о выдвижении своего кандидата!

Голосуйте на собрании избирателей за А. А. Ярошинскую! Чтобы и на этот раз бюрократы не обманули нас при регистрации кандидата, собирайте подписи под вашим предложением выдвинуть кандидатуру А. А. Ярошинской.

Избиратели, коммунисты и беспартийные!

Проявите гражданскую активность. В каждом подписном листе за А. А. Ярошинскую должно быть не менее 251 подписи (большинство из не менее чем 500 избирателей, которые должны присутствовать на собрании).

Решение собрания, если оно не демократично, можно обжаловать в трехдневный срок в вышестоящий Совет, избирательную комиссию в г. Житомире. Или в Центральную избирательную комиссию в г. Москве.

<...> **Житомиряне и жители области! Голосуйте за демократию и гласность! Прочитай и передай другому!**

Клуб «За перестройку»

(Январь 1989)

* * *

Корреспонденция Л. Графовой, опубликованная в «Литературной газете» (январь 1989)

Украли... собрание

Телеграммы, тревожные звонки из Житомира, и, наконец, в редакцию явились ходоки все с тем же известием: «У нас украли собрание!» Выложили на стол фотографии: густая толпа у здания с венецианскими окнами...

Это Житомирская областная филармония. На 20 января здесь было назначено собрание жителей микрорайона, пожелавших выдвинуть кандидатом в народные депутаты корреспондента «Радянської Житомирщини» Аллу Ярошинскую. Молодая журналистка (она родилась в том году, когда умер Сталин), лауреат республиканской премии «Золотое перо». Ее статьи публиковались и в центральной прессе: «Исповедь провинциального журналиста» (Известия, <...>); «Фельетон... в корзине» (Правда, <...>). Понятно — критические.

К 20 января Ярошинскую уже успели выдвинуть такие крупные предприятия, как завод «Автозапчасть», как объединение «Промавтоматика». И на заводе станков-автоматов она тоже набрала голосов больше, чем директор завода. (Но тут не было кворума, а проводить, как положено, повторное голосование окружная избирательная комиссия не стала).

Если выдвижение «опальной журналистки» на предприятиях заставляло местные власти врасплох, то когда с ее фамилией пришла в горком инициативная группа, добиваясь собрания по месту жительства, тут обрушилось: «У вас недостойный кандидат, это склочница» — и т. д. Инициаторы поехали в Москву. После вмешательства Центральной избирательной комиссии назначили наконец собрание. В городе висела афиша: 20 января в 17.30 состоится...

Люди начали собираться у филармонии задолго, шли, как на праздник. Было известно: пускать будут по паспортам. Но вдруг увидели: пускают по спецпропускам. Оказывается местным властям загорелось провести именно здесь, именно сейчас хозпартактив по градостроительству. А у парадного подъезда вскоре собралось, как свидетельствуют регистрационные списки, около трех тысяч человек. Их окружила вниманием милиция, в том числе и конная.

Три тысячи человек, простояв под январским небом шесть часов, прозябли редкую выдержку. Милиция маялась без дела. И тем временем свыше шестисот активистов, исчерпав тему градостроительства, закусив ватрушками в буфете, приступили к главному — выдвижению кандидата. И выдвинули. Своего, разумеется.

Подлоги бывают разные. Но чтобы подменить собрание? Чичиков, кажется, промышлял поблизости от здешних мест, но он-то посягал только на мертвые души... Утром следующего дня у А. Ярошинской и у председателя инициативной группы вдруг сломались телефоны. Но весть мгновенно облетела город. Неизвестно, во что вылилось бы возмущение обманутых людей, но тут произошло событие, смирившее страсти. 21 января А. Ярошинская стала кандидатом еще от одного коллектива — Житомирского филиала Киевского политехнического института. По иронии судьбы, ее соперником оказался завкафедрой общественных наук, тот самый, которого только вчера активисты в филармонии выдвинули как самого достойного. В родном институте он получил... два голоса.

Кто ж все-таки победил в этой неравной предвыборной борьбе?

Л. Графова.

(Литературная газета, 25.01.89)⁴

[...26 марта 1989 г. Алла Александровна Ярошинская была избрана народным депутатом СССР. — А. А.]

П.17.2.4. «Какое было светлое, трепетное, наивное время!..»

Ремарка: «Героиня XX века».

«Ярошинская Алла Александровна в 1989 г. была избрана народным депутатом СССР от Житомирского территориального округа № 446. Член Комитета ВС СССР по вопросам гласности, прав и обращений граждан. После распада СССР — начальник Главного управления Министерства печати и информации РФ. Секретарь Союза журналистов России. С 1993 г. — член президентского совета Б. Н. Ельцина; член Комиссии по делам женщин при президенте РФ.

Автор проекта, руководитель, главный редактор и издатель первой в мире «Ядерной энциклопедии».

Лауреат альтернативной Нобелевской премии (1992, Швеция), национальных и международных журналистских премий. Лауреат международной премии «100 героинь XX столетия» (1999, США). Кандидат философских наук» (Новая газета, № 20, 25.03.2004).

Ниже — современный текст А. А. Ярошинской, посвященный событиям конца 80-х (взгляд из сегодня), опубликованный в «Новой газете» в марте 2004 г., к 15-й годовщине первых в СССР альтернативных выборов. (Февраль 2005).

Нас проиграли в большой теннис

Для иного государства и иной цивилизации **наших** пятнадцати лет хватило бы, наверное, на несколько столетий — столько невероятных, планетарных событий, мировоззренческих перемен и сомнений уместилось в эти годы.

Какое было светлое, трепетное, наивное время! Вот впервые в 1987 году, летом, «Известия» опубликовали мою «Исповедь провинциального журнали-

⁴ См. на эту тему также собственную публикацию А. Ярошинской: «Босиком по битому стеклу» в газете «Известия», 28.01.89, с комментарием «От редакции».

ста», в которой я пишу о том, как первый секретарь Житомирского обкома партии В. Кавун, член ЦК КПСС, затыкает рот тем журналистам, которые так глубоко вдохнули горбачевские речи, что не могут их выдохнуть просто, а хотят трансформировать партийную словесную шелуху в свободу печати. Что после этого было! То самое «агрессивно-послушное» большинство моих же коллег из моей же газеты написали на меня кляузу — куда? — члену Политбюро КПСС Егору Лигачеву! Из ЦК компартии Украины примчался гонец «выбить» у меня, не члена партии, письменное объяснение, каким образом моя статья не только попала в «Известия», но и была напечатана? Как посмела?!

Они еще не понимали, что их время закатывается. Мы, правда, тоже этого не знали наверняка, но мы этого хотели, мы **интуитивно** это чувствовали!

Когда меня избрали депутатом и я приехала на первый съезд в Белокаменную, Владимир Надеин, завотделом писем «Известий», по секрету рассказал мне о том, что прежде моя статья носилась — страшно сказать! — в ЦК КПСС, на Старую площадь для цензуры. И только после того, как сам секретарь ЦК и член Политбюро Александр Николаевич Яковлев прочитал эту подрывающую устои статью и наложил свою резолюцию «В печать!», она была опубликована. Вот такая, получается, разрешенная гласность...

После этой публикации я получила почти две тысячи писем со всех концов страны. Люди писали просто: Житомир, Ярошинской. Меня потрясло то, что несколько десятков человек, старые партийцы, прислали мне свои рекомендации в партию! То есть люди еще свято верили в то, что партия может измениться и изменить жизнь к лучшему. Самое замечательное, что в то время «сопротивлялись» не за деньги, уплаченные избирателям по расценкам кандидатов, а за идею, за будущее детей, страны, нации.

Именно поэтому, я считаю, это были единственные, первые и последние в новейшей истории Российского государства почти свободные выборы, несмотря на все их идеологические издержки. А наш депутатский корпус, и прежде всего МДГ, был — и пока остается — единственным почти справедливо избранным и некоррупцированным парламентом страны, настоящим рассадником образованности, интеллекта. Мы имели **честь и достоинство**.

Чего мы и наши избиратели хотели? Очень простых вещей: свободы вообще и свободы выбора в частности. Собственно, того, что уже давно имели все нормальные люди в мире.

Мы полностью выполнили свою — без преувеличения — историческую миссию. **Сегодня мы уже свободны**. Здесь не место и не время описывать последующую **цену** завоеванной нами свободы.

Она велика, а порой, кажется, непомерна: вскрыты и не возведены заново кровеносные экономические системы страны, миллионы людей выброшены в нищету, социальная защита почилла в бозе, а горстка все играет в «большой теннис», погрузив между сетями уже **свободную** страну во мрак коррупции и преступности.

Почему так случилось? Спросите, пожалуйста, у других. Тех, кто **распоряжался** плодами завоеванной нами свободы. (Недаром говорится, что на поле брани после битвы приходят мародеры.) Пока они еще не улетели навсегда к своим награбленным капиталам в теплые края. Да, это они дискреди-

тировали священные слова из демократической библии: «демократ», «рынок», «свободное предпринимательство», с которыми мы десять лет назад вышли на антикоммунистические баррикады, пока они мучительно вычисляли для себя удобный момент, как бы так выйти из партии, чтобы в конечном счете не прогадать. Они не прогадали. Для себя. О стране, судя по современному пейзажу, никто всерьез и не думал. Грустно.

Впрочем, сегодня не стоит о грустном. Пятнадцать лет изменили мир и изменили нас. Неизменным, надеюсь, во многих из моих бывших коллег по МДГ остался тот особый нравственный императив, который нельзя приобрести, даже вовремя обменяв свой партийный билет на акции ГКО.

Алла Ярошинская, народный депутат СССР

(Новая газета, 25.03.2004)

П.17.3. У истоков комитетов общественного самоуправления

Из отклика В. Гэфенидера на публикацию очерка Л. Графовой «Преодоление пределов» (октябрь 1987)

<...> Нужно единение, сплочение сил. Победа Алексеева пока прекрасное исключение, а надо сделать такие победы правилом. Впервые такие мысли возникли у меня где-то в начале 80-х. Почему силы добра одиноки, тогда как силы зла проявляют завидную сплоченность, стоят стеной, объединяются, чтобы растоптать оппонента? В ход идут связи, звонки, нажимы, угрозы, все, чуть ли не до физического уничтожения. Почему же так разъединены борцы за правду? И появилась мысль — через «ЛГ» организовать что-то вроде клуба неравнодушных, где за одним столом могли бы встретиться министр и рабочий, зам. генерального прокурора и рядовой следователь, словом, самые разные по социальному положению и профессиональной принадлежности люди, объединенные одним стремлением — преодолеть силы зла, объединить свои усилия, помочь советом, а если надо, то и реально, используя все свои возможности, чтобы поддержать человека, ведущего неравную борьбу с бюрократией, подлостью, рутиной, формализмом.

<...> Это может быть и коллективный почтовый ящик, откуда пусть не лично, пусть по почте социально-активный человек мог бы получить совет, моральную поддержку, практическую помощь. Своего рода банк социального, человеческого материала перестройки. Ведь как бы ни ценны были идеи (сами по себе), они мертвы, они ничто без людей, способных претворить их в жизнь. И одна из самых главных задач сегодня, мне кажется, это выявление таких людей, оказание им всемерной помощи и поддержки.

Все выдающиеся достижения окрашены **светом личностей**, их совершивших. <...>

В. Гэфенидер, юрист, старший инструктор политчасти УВД по охране метрополитена, г. Москва
(Октябрь 1987)

* * *

В. Гефенидер — А. Алексееву (октябрь 1988)

Уважаемый Андрей Николаевич!

Спасибо Вам большое за письмо и советы и прошу извинить, что отвечаю с запозданием. <...> Дело в том, что, в числе других 55 человек, <...> я избран в комитет общественного самоуправления микрорайона Братеево (см. «Известия» за 28.09.88, «Московские новости» за 16.10.88).

28 сентября нас «утверждали» на сессии районного совета. Не буду утруждать Вас подробностями, но общий вывод — кто же нами правит? — убеждает в том, что нужно действовать, и стихийно возникшее движение, оформившееся в комитет самоуправления, — это одно из средств, одна из форм такого действия.

Со скрипом и оговорками, на днях, уже исполком утвердил наше Положение и, получив соответствующую выписку из решения сессии, мы станем юридическим лицом. Сейчас готовим сессию районного совета по экологии Братеево (внеочередную), на декабрь-месяц. Воспользовавшись Вашими рекомендациями позвонил <...>, свое согласие дал И. В. Бестужев-Лада, дозваниваюсь до О. Н. Яницкого, и на многих людей еще надо выйти, чтобы сессия прошла конструктивно.

Работаем в комитете <...> после основной работы, по выходным. Борьба с полиграфкомбинатом, Госкомиздатом, заводами, загрязняющими атмосферу, выработка своих форм, методов деятельности, озеленение микрорайона, субботники, встречи с другими движениями (один наш представитель был в Прибалтике на учредительной конференции).

Сегодня такой же комитет создается на сессии Бауманского района. Приглашали, но жена работала — не на кого было оставить детей.

А вообще вижу уже другую опасность — есть решение бюро горкома о необходимости создания комитетов самоуправления — боюсь, что комитеты станут **насаждать сверху**, соревнуясь, кто больше и раньше создаст. Очень этого не хочется...

Когда меня избирали, во дворе нашего дома стояла толпа 500-700 человек, и кандидатов, пытая об их позиции, избирали «лесом» рук. Так же было и в других домах. В те минуты мне казалось, что люди расприямились, воскресли, было ощущение, что возрождаются ивановские Советы, те первые, что именно так — глаза в глаза — они начинались. Убежден, что на новых выборах «чужие» депутаты в нашем микрорайоне уже не пройдут.

<...> Вот пока и все. До свидания.

Посылаю примерную оргструктуру комитета, позже, если заинтересуетесь, вышлю и Положение.

В. Гефенидер, 15.10.88

П.17.4. Биолог Лев Пинчуков: «творцы, карьеристы, трудяги и лентяи»

Из отклика на публикацию очерка Л. Графовой
«Преодоление пределов» (декабрь 1987)

<...> Погружение в живую ячейку государства должно стать для социолога в наше время не исключением, а нормой, нормой гражданственности. Да и можно ли работать над теорией, не погружаясь в мир, ставший предметом твоего исследования? Над чем же должен задуматься социолог, решивший предпринять такой шаг? Прежде всего над тем, в чем состоит основное зло для данного трудового коллектива. Тут вероятен парадоксальный ответ: зло состоит в нем самом, в коллективе, в частности, в вере его членов в приоритет желания большинства, в признании устоявшихся, победивших отношений единственно возможными.

Как и всякая социальная система, трудовой коллектив не однороден. Для своего анализа социолог разобьет людей на группы, по разным признакам. Попробуем сделать это и мы. Возьмем такие признаки, как трудовая активность и честность людей. Сочетания крайних степеней развития этих признаков в разных людях дадут четыре «чистые» группы, отличающиеся поведением и убеждениями. Остальные члены коллектива будут тяготеть к какой-то из этих крайностей.

Дадим каждой из этих групп условные определения:

1) **Творцы** — активные и честные. Люди, делающие все, чтобы через улучшение жизни коллектива улучшить и свою жизнь.

2) **Карьеристы** — активные, но нечестные. Люди, делающие все, чтобы получить больше благ, безразличные к проблемам коллектива, но часто прикрывающие свой эгоизм заботами о большинстве.

3) **Трудяги** — честные, но пассивные. Работают без инициативы, иногда бестолково, т. к. работают не для людей, а для самой работы, по привычке.

4) **Лентяи** — нечестные и пассивные в работе. Выполняют возможный минимум работы, не прочь прихватить чужие блага.

Какие отношения между собой будут строить эти группы людей и как повлияют эти отношения на производство и морально-психологический климат в коллективе? Нетрудно видеть, что «карьеристы» больше берут от коллектива, нежели дают ему. Кроме того, очевидна неизбежность их столкновения с «творцами», т. е. активными альтруистами. В этом конфликте «лентяи» будут на стороне «карьеристов», т. к. брать больше, чем давать, — для них естественно. «Трудяги» будут нейтральны, т. к. их согласие с честностью «творцов» не подкрепляется действенной поддержкой изнутри или снаружи. «Трудяги» скромны (помните, у Гете: «Негодники только скромны...»), а «карьеристы» и «лентяи» активны в своей борьбе за личное благополучие.

Предположим, что побеждает «нечестная» тенденция — в чем выразится итог этой борьбы? Надо думать, если не углубляться в подробности, в повышении оплаты труда «карьеристов» и «лентяев». «Карьеристы» получают должности повыше, а «лентяи» получают право безнаказанно бездельничать. «Творцы» же, как побежденная оппозиция, будут получать меньше любого другого члена коллектива, при всех своих творческих усилиях.

Тут очевидны два следствия: одно состоит в том, что возникает лестница для карьеристского восхождения активных и нечестных людей и заполнения ими руководящих мест, а второе — это то, что продуктивность таких коллективов падает, чем дальше, тем ниже, из-за того, что оплачивается не инициативность, а конъюнктурность трудового поведения. Такой коллектив, находясь в состоянии подавленного, но не разрешенного конфликта, определяет только одну мораль его членов — их подозрительность друг к другу. Однако глупость побеждающего конъюнктурщика заключается в его непонимании того, что сам он теряет больше, чем находит, соскальзывая вместе со всем коллективом в болото материальной и духовной нищеты.

Пусть же социологи нам ответят: сколько у нас таких коллективов? Для этого им придется погрузиться в живые ячейки общества. <...> Ну, а если тенденция там именно такова, то всячески содействовать тому, чтобы положение изменилось. В этом мне видится назначение их профессии.

Л. А. Пинчуков, биолог

г. Москва

(Декабрь 1987)

[Мы встретились с Львом Пинчуковым, который в ту пору работал... дворником в одном из московских ЖЭКов. К сожалению, планировавшаяся тогда в «Литературной газете» публикация его статьи не состоялась. — А. А.]

П.17.5. Стоит ли экспериментировать «по Алексееву»?

[Здесь — случай, пожалуй, особый. Но стоит осветить и его, чтобы понять, насколько трагичной дезадаптацией может завершиться «социально-личностное экспериментирование». — А. А.]

Из письма Е. К-ва в редакцию «Литературной газеты» (октябрь 1987)

Уважаемая редакция!

<...> Может быть, вам это покажется неправдоподобным, но моя жизнь — почти точное повторение «эксперимента А. Н. Алексеева», с той лишь разницей, что я по профессии не социолог и начинал свой «эксперимент» неосознанно, не составляя планов и не разрабатывая методик.

Цель моего «эксперимента» состояла в том, чтобы проверить на себе, действительно ли поведение примерного трудящегося всегда заканчивается для него одним и тем же результатом. О «результате» я был наслышан еще в студенческие годы, но мне очень не хотелось верить в то, что в нашей действительности существует такая закономерность.

Однако я с первых шагов отказался «добывать истину действием»: меня просто не хватило бы на весь «эксперимент» до конца. <...> За все 25 лет я не рискнул даже пожаловаться ни на одно незаконное действие начальства. Меня интересовал крайний случай, то есть предельная несправедливость, которую могут допустить по отношению к незаурядному трудящемуся, при условии, что он не будет провоцировать неприязненное к себе отношение вышестоящих. Единственное, чем я не поступался, — это человеческое достоинство: когда доходило дело до покушения на мое достоинство, я подавал заявление на расчет, не объясняя причины.

По мере того, как мои первоначальные сведения подкреплялись личным опытом, я искал пути искоренения условий, которые создают почву для тех несоразностей, которые подстерегают в конце концов каждого социально активного человека.

А теперь коротко опишу свою трудовую биографию, чтобы Вы смогли усмотреть аналогию наших с Алексеевым «экспериментов». <...>

По распределению я попал в КБ крупного ракетного предприятия. Уже через полгода ездил в самостоятельные командировки в головной институт. Выполнил — фактически — обязанности руководителя группы (при наличии формального руководителя). Имел в подчинении трех инженеров и техников. Вел несколько ракетных систем одновременно. При обсуждении одного проекта <...> в головном институте, явившегося впоследствии революционным в отечественном ракетостроении, сделал докладчику замечание, после которого проект был отправлен на доработку. <...> Единственное, чем я был поощрен — это почетной должностью инженера-исследователя. Когда же меня однажды обвинили в невыполнении плана на 7%, я оскорбился и объяснил, что эти 7% относятся не ко мне, а ко всей группе, у которой есть штатный руководитель, я же свой план выполняю ежемесячно не менее, чем на 200%. За это меня мой непосредственный начальник стал характеризовать как переспективного работника и лишил возможности работать в полную силу. Вышнее же руководство, когда я подал заявление на расчет, уговаривало «не обижаться на дураков», а когда я не внял уговорам <...>, на моем заявлении поставило резолюцию: «Уволить и уточнить место перехода». Вопреки козням, меня взяли на работу во вновь образовавшийся НИИ того же ведомства с сохранением оклада.

За полгода вместо двух лет я выполнил в единственном лице за четверых сотрудников первую хозяйственную работу отдела. Затем взялся за хозяйственную работу на 11 человек. Подал заявку на изобретение по этой теме. Когда же, не имея возможности укладываться в сроки, попросил дать *[в подчинение. — А. А.]* хотя бы двух сотрудников, надо мною посадили начальником совершенно некомпетентного человека, который занялся хронометражом моего рабочего времени.

В это же время, стремясь обуздать организационную стихию, царившую во вновь созданном учреждении, я разработал систему мероприятий по орга-

низации труда работников этого учреждения, применив в ней стихийно открытый мною сетевой метод, о существовании которого я и не подозревал. Когда же, работая с литературой по вопросам организации и управления, я встретил систему ПЕРТ, где этот метод впервые был применен, меня не столько удивило мое «открытие», сколько почти полное совпадение терминологии.

Свою систему я представил на предварительное рассмотрение руководству. Но так как в материалах содержался критический анализ существующего в институте положения, а сама система была направлена на ликвидацию того самого разгильдяйства, о котором пишет Алексеев, я просил до разработки окончательного варианта не обнародовать содержание материалов, чтобы заранее не возникло противодействие внедрению системы со стороны руководителей подразделений института.

Однако институтское руководство не вняло моей просьбе и пустило мою систему по рукам втайне от меня, результатом чего явилось пристрастное слушание на парткоме моего отчета о деятельности за весь период работы в организации. (В то время я еще не был членом партии). Не дожидаясь слушания моей системы на ученом совете, исход которого я уже предвидел, я подал заявление на расчет и устроился в один из институтов АН УССР. На прощание мне пообещали «испортировать биографию».

Как специалист по автоматам, в новом институте я занимался разработкой систем жизнеобеспечения для собак, но, как энтузиаст, одновременно вел расчеты физических параметров атмосферы кабины космического корабля, к неудовольствию физиков. На общественных началах в это же время, при покровительстве руководства, я разрабатывал систему инженерного труда, которая впоследствии была рекомендована для внедрения приказом по институту. За эту общественную деятельность меня прочили на должность начальника будущей лаборатории НОТ.

Осенью 1968 года я был единственным рядовым сотрудником из участников всесоюзной конференции по системам жизнеобеспечения, проходившей в Москве. В том же году я оставил институт и, чтобы «душу свою живую спасти», как Вы выразились, покинул город со всеми его благами и подался в село.

<...> Одиннадцать лет я продержался в одной организации, проявляя производственную и общественную активность, занимаясь новаторством в деле организации социалистического соревнования и т. п. Но в итоге финал повторился. Мне сказали однажды: «Если вы такой грамотный, то идите работать в институт». И я пошел работать в колхоз — энергетиком.

И опять, как всегда, вначале хвалили, заваливали общественными наградами, выдвигали... Был я депутатом местного совета, пропагандистом школы руководящего звена, председателем головной группы народного контроля, членом парткома... А потом взял, да и внедрил в подчиненном мне подразделении жизнеспособный и эффективный подряд, по своему методу.

Контраст, созданный этим подрядом, видимо, не вписался в общую картину организации труда, и мне сказали, что я «много на себя беру». И я стал постепенно отдавать все, что взял: сначала общественные должности, а потом и основную.

Заявление я, как всегда, подал до начала преследования, но руководство, усыпив мою бдительность, уговорило меня забрать заявление и пойти в отпуск отдохнуть. <...> Когда я вернулся из отпуска, мое место оказалось заня-

тым. Не затевая тяжбы, я сдал дела и решил укрепить расшатавшиеся нервы на лоне природы: подал заявление в лесники. Заявление подписали, но к работе не допустили.

Через длительное время мне с трудом удалось устроиться истопником во вновь созданный кооператив по бытовому обслуживанию населения. Еще до того, как меня взяли в кооператив, мои предложения по принципам организации таких кооперативов, разработанные в ответ на статью в «Правде», рассматривались областным управлением бытового обслуживания. В кооперативе же я не отказывался ни от какой работы: был конюхом, сторожем, электриком...

Но чем больше должностей я совмещал, тем ниже у меня был заработок. Сейчас я по состоянию здоровья от совмещения должностей отказался. Работаю сторожем с окладом 35 рублей. До кооператива, в период вынужденной безработицы, я подавал предложения о создании при РАПО хозрасчетных творческих групп специалистов для решения вопросов НТП, с разработкой статуса, функций групп, организации и оплаты труда входящих в группу специалистов. В настоящее время подразделения с предлагавшимися мною функциями появились в городах, для содействия промышленным предприятиям.

<...> Однако основной своей разработкой я считаю «Систему мероприятий по организации, методам оценки и стимулирования ненормируемого труда».

Я мог бы долго еще перечислять детали моего «эксперимента». Добавлю одно: я никогда не высказывал вслух желания повыситься в зарплате, а даже наоборот. <...> Были случаи, когда я просил уменьшить мне зарплату, считая ее не соответствующей выполняемой мною работе. Такие заявления воспринимаются обычно как вызов. Враждебно или с подозрением воспринимается также расходование личных денег на производственные нужды или, например, постоянные отчисления из зарплаты в Фонд мира, если другие этого не делают. Я говорю об элементах «эксперимента», которые я вносил в свою программу и которые были направлены на пользу производству и обществу в целом, но «экспериментатору» приносили только неприятности.

Я уже говорил, что когда начинал чувствовать назревание преследования за свою позицию, направленную на пользу делу, я увольнялся. Однако последний раз, когда меня не допустили к работе, роковой исход наступил меня уже после увольнения. У меня отказались принимать партийные взносы, на том основании, что я не работаю. Опасаясь исключения из партии за неплату членских взносов, я сначала перечислял взносы через сберкассу, а потом снялся с партийного учета и больше на учет не встал.

Затем на меня пытались наслать психиатра... Сейчас я в ожидании сокращения моей последней должности в кооперативе. Семья же ждет худшего.

<...> Наклеенные мне ярлыки — «писака», «мания величия», «мания преследования». Есть также признаки того, что мною интересуются органы КГБ.

Мне тоже 53 года и у меня бывают сердечные приступы, в связи с чем продолжать «эксперименты» больше нет сил. А пишу я Вам с единственной целью: хочу убедить Вас свести меня с Алексеевым, чтобы я смог передать ему свой опыт для научного осмысления. Особый интерес, на мой взгляд, представит для него мой метод ликвидации условий для разгильдяйства (формулу которого он вывел) и способ оптимального нормирования труда, кото-

рые я предлагаю. Метод оценки и оплаты ненормируемого труда является моим «перевернутым шаблоном». Он позволяет отказаться от традиционных штатных нормативов и от порочной в принципе сделыщины с ее абсурдными методами нормирования труда.

Если мое письмо Вас заинтересует, прошу переслать его Алексееву. <...>

Е. К-в

Рыльский район, Курской области

29.09.87

* * *

А. Алексеев — Е. К-ву (август 1988)

Уважаемый Е. Н.!

Прошел немалый срок, прежде чем меня достигли Ваши письма, адресованные в «Литературную газету».

<...> Прочитал все, с интересом, пониманием и сочувствием. И, действительно, узнавал в Вас себя, а себя — в Вас. Вот только финалы различны. Спрашиваю сам себя — почему? Скорее Ваш итог — закономерен, мой — случаен, пока. Тогда приходится признать, что «эксперименты» наши обречены. Не хотелось бы. И все же есть люди, которые просто не способны от них отказаться. Может быть, это залог того, что общество еще не погибло? <...> Вас, похоже, и впрямь затянуло в «бесчеловечную воронку». Будучи человеком высокой культуры, развитой нравственности, вероятно — таланта (усматривается в Ваших письмах), Вы, похоже, уже не «выкарабкаетесь» — в такой борьбе с бюрократическими структурами... «Тактика Алексеева» может оказаться для Вас гибельной.

Конечно, сейчас возникли серьезные ограничения на «психиатрический произвол». Но, будучи совершенно здоровым в **этом** отношении, Вы можете схватить банальный инфаркт.

Трагично, что пропала Ваша трудовая книжка. [*Как явствовало из прилагавшихся к письму Е. К-ва документов, его трудовая книжка была утеряна не отделом кадров, а им самим. — А. А./*]. К сожалению, «качать права» тут не имеет смысла. Придется заняться терпеливым сбором документов с прежних мест работы, которые позволили бы восстановить Ваш трудовой стаж.

Вряд ли Вас обрадуют эти мои «советы», как Вам быть дальше. Но в данном случае — **не советую копировать мои способы действия с бюрократическими структурами.**

<...> О Вашем проекте перестройки системы нормирования, изложенном в виде статьи. В критической, аналитической части Вашей работы я готов подписаться под любым Вашим заявлением. А вот конструктивная часть, т. е. Ваши предложения, признать, меня не воодушевляют.

Сама по себе, общая идея измерения трудового вклада путем сравнения со среднестатистической трудоемкостью работ, выполненных различными работниками за этот период, конечно, здоровая. Но Ваша система, в ее нынешнем виде, может работать лишь при условии полной взаимозаменяемости членов трудового коллектива, чего на практике почти никогда не бывает. Но даже если принять это условие имеющимся, конкретизация идеи, включая примеры, оказывается все же чрезвычайно громоздкой и, пожалуй, не прозрачнее современных тарифно-нормировочных «паутинов».

<...> Напишите, пожалуйста, что Вы думаете, по крайней мере, по двум пунктам этого письма: а) насчет того, стоит ли, в Вашей нынешней ситуации, «экспериментировать» дальше, «по Алексееву» или как-либо иначе; б) насчет моих критических соображений по поводу Вашего организационно-экономического проекта.

С глубоким уважением и симпатией,
 Андр. Алексеев
 (Август 1988)

* * *

...Я сейчас думаю, что расправа со мной очень типична. Я все время слышу об этом, да и в прессе есть, только без фамилии.

Фамилии и спецочерки только по громким делам. Вроде тебя: кандидат, исключение из КПСС, журналист. А «они» допускают такие удары, как исключение, и бьют массу: меня, арендаторов, бухгалтеров и т. д.

Конечно, «прорабы перестройки» им мешают, но их мало. А вот «рабочих перестройки» они бьют без риска, в массовом масштабе...

*(Из личного письма от одного из «неудобных»,
 полученного в октябре 1988 г.)*

...**Человек и обстоятельства** — это как причина и следствие, которые постоянно меняются местами.

Перекалывать все на человека — нечестно. Особенно когда он столь захват со всех сторон, экономически, политически, социальное, что не продохнуть. Перекалывать все на обстоятельства — бесплодно. Мы затеяли менять их, обстоятельства. Мы, люди. От нас зависит, от меня, журналиста, от рабочего Владимира Богданова... от крестьянина Сивкова, от ученого-экономиста Лисичкина, от социолога Алексеева, директора банка Гончарова, режиссера Германа и тысяч других. Но что нам делать?..

*О. Кучкина. За что вы получаете зарплату?
 // Комсомольская правда, 1.01.89*

Зло и добро

— Да, только так: на зло ответить злом. Причем его усилить многократно!

— Ты хочешь двинуть к правде напролом? Зло отразится и придет обратно.

— Нет, не успеет! Будь в поступках скор! И резок будь. Я говорю как другу.

— Ты одного не понял до сих пор: зло движется по замкнутому кругу.

— Так вечно рассуждали на Руси. Ведь это философия смиренья!

— Совсем не так. Ты зло преобрази, себя не доводя до озверенья.

— Взрывчатка, а не добрые дела нужны в борьбе со злом! Вот суть без грима...

— Носитель зла и разрушитель зла: порой природа их неразличима.

*Ю. Линник. «Диалоги» (Цит. по: Линник Ю. Смятение.
 Петрозаводск: Карелия, 1989, с. 119)*

Глава 18. Начальная школа демократии (Производственное самоуправление)

18.1. На производстве: перестройка или «перестроение»?

**Автостенограмма выступления на Круглом столе на тему
«Рабочий класс в перестройке», организованном редакцией
журнала «Рабочий класс и современный мир» (август 1988)¹**

1. «Теневые» кампании перестройки на производстве

Современная перестройка, если смотреть на вещи трезво, — пока еще только «революция в мышлении», причем довольно тонкого общественного слоя. Широких масс, прежде всего — рабочего класса, повседневных отношений на производстве, условий труда и жизни, перестройка в позитивном плане пока не затронула. Рядовые труженики чаще сталкиваются с эффектами не перестройки, а «перестроения» — более или менее успешными попытками управленцев поставить лозунги перестройки себе на службу.

Во многом показушный характер носило на множестве предприятий насаждение двухсменки.² Выполнение производственных планов по-прежнему достигается за счет сверхурочных (особенно распространились «скрытые сверхурочные»).

Административно-командная система как бы «облагораживается». Раньше командовали без объяснений — теперь в ход идет целый арсенал демагогической аргументации, в пользу удобных для бюрократии решений.

Часто эта аргументация исходит «из центра» (по крайней мере, регионального). Так было, например, с объяснениями необходимости выхода рабочих в вечернюю смену (при недозагруженном днем оборудовании!) — будто бы для разгрузки общественного транспорта Ленинграда.

Но это демагогия, так сказать, идеологически нейтральная. Бывает и «идеологически нагруженная».

Например, рабочая критика хозяйственной нераспорядительности, административной безответственности и т. п. сплошь и рядом истолковывается как попытка «вбить клин» между администрацией и рабочими. Демагогический призыв к своего рода заединству звучит из уст хозяйственных руководителей, «карманных» профсоюзных и партийных активистов ничуть не реже, чем на иных писательских собраниях.

¹ Подзаголовки сделаны специально для данной публикации.

² См. ранее: разделы 15.1 и 15.7.

Реальными приметами перестройки для рабочих и рядовых ИТР были некоторые «теневые» кампании, о которых почему-то мало пишет пресса, хоть вроде никто и не запрещает.

Например, переаттестация. Производственный разряд для рабочего, категория для конструктора — это квалификационная характеристика, сопоставимая с уровнем образования. Представьте себе, что человек с высшим образованием вынужден работать на должности, требующей среднего специального. Ему говорят: отдай свой диплом инженера, а взамен бери диплом техника. Нелепо, правда?

Но так ли уж отлична от этого та ситуация, когда рабочему, который уже много лет как имеет, скажем, 5-й разряд, говорят: мы тебе снизим до 4-го. Или: только что сдавшему на 3-й переписывают обратно на 2-й. Часто это мотивируют тем, что не могут предоставить работу соответствующей квалификации. Но ведь незагруженность квалифицированной работой дело временное, а снижение разряда — «на всю жизнь».

Впрочем, такими незаконными «переаттестациями» ущемляют обычно все же не всех, а в основном тех, кого специально хотят «поприжать» (будь то прогульщик или «критикан»).

Но вот кампания, затронувшая уже буквально каждого рабочего. В целях упорядочения заработной платы, с 1988 г. введена новая тарифная сетка. Тарифные почасовые ставки повысились. Но нельзя же допустить, чтобы у рабочих-сдельщиков от этого выросла зарплата! Тогда — автоматически — снижается разрядность всех работ и, соответственно — расценки, при прежних нормах времени на операцию.

Скажем, раньше выполнял работу по 4-му разряду, а от повышения тарифа, порой не только не выиграл, но даже проиграл — ведь эта работа теперь числится по 3-му.

Ссылаются при этом на новый «Единый тарифно-квалификационный справочник» (в который, впрочем, избегают заглядывать, потому что по сравнению со старым в нем нет изменений). А то и просто говорят рабочим цинично: не все ли вам равно, ведь деньги те же!

Так обнажается псевдоперестроечный характер многих организационных и экономических новшеств. Все это происходит на фоне увеличения окладов администрации (тоже — переаттестация!). Это при том, что реальный заработок администратора, за счет неведомых рабочим премий, как правило, в 2-2,5 раза выше этого оклада.

Под флагом перестройки происходит не внедрение хозрасчета, а откровенное перераспределение фонда заработной платы не в пользу рядовых тружеников. Все эти бюрократические маневры компрометируют идеи экономической реформы, стимулируют массовое разочарование в среде рабочих, понимающих, что механизм распределения — это тот бастион, который начальство ни за что им не отдаст.

II. Бюрократическая демагогия вокруг производственной демократии

Делающее свои первые, пока неуверенные шаги производственное самоуправление сталкивается сегодня с целым рядом демагогических уловок, которые позволяют бюрократии обвести трудовые коллективы вокруг пальца. Одна из самых эффективных — навязывание процедур открытого голосования вместо тайного.

Страх перед тайным голосованием «заединщики» на производстве уже успели испытать. Кампания выборов в советы трудовых коллективов, там, где она разворачивалась не «сверху вниз», а «снизу вверх» (т. е. сначала избирались цеховые советы, а затем заводской), обнаружила недостаток коллективного доверия множеству хозяйственных руководителей, партийных и профсоюзных активистов.

Избежать опасности быть забаллотированным можно разными путями:

1) не выставлять свою кандидатуру (в Ленинграде есть предприятия, где генеральный директор, секретарь парткома, председатель профкома не входят в совет трудового коллектива);

2) обеспечить, чтобы в бюллетене для тайного голосования было ровно столько кандидатур, сколько нужно избрать;

3) убедить собрание или конференцию: мол, проще, удобнее и даже справедливее (!) избирать не тайным, а открытым голосованием (а «еще лучше» — открытое голосование списком).

Третий способ (отставка тайному голосованию) становится все более популярным. Демократическая демагогия, пожалуй, достигает апогея в аргументе: голосование должно быть открытым, ведь у нас «гласность»!

Немалых усилий стоит добиться тайного голосования при выборах СТК, при выборах хозяйственных руководителей. В проходившей недавно в Ленинграде, в порядке эксперимента, массовой кампании «подтверждения полномочий» нынешних хозяйственных руководителей (от сменных мастеров до генерального директора) почти повсеместно применялось открытое голосование.

Надо сказать, что новые правовые документы (вроде Закона о государственном предприятии) дают простор для спекулятивного использования и девальвации демократических процедур.

Всячески навязываются не прямые выборы, т. е. опосредованная демократия — вместо непосредственной. Считается «само собой разумеющимся», что совет трудового коллектива или директор на крупном предприятии могут быть выбраны только конференцией трудового коллектива. Невозможно, мол, общее собрание в коллективе, где более 500-1000 чел.

Но ведь Закон не предписывает выборы на конференции вместо собрания. Не оговариваются и детали организации собрания. Почему нельзя избирать СТК, генерального директора, решать другие принципиальные вопросы — на **заочном собрании** всех трудящихся, путем своего рода референдума?

Скажем, выборы СТК. Обсудить все кандидатуры на конференции или, если помещение позволяет, даже на собрании (где, кстати, редко набирается кворум). А голосуют — на следующий день — **все**, прямо на рабочих местах.

На «Ленполиграфмаше», например, группа рабочих (Б. Хохряков и др.) выступила в заводской газете со статьей, где убедительно доказывают, что сам по себе вопрос о передаче соответствующих полномочий конференции трудового коллектива может быть решен только всем трудовым коллективом, а для этого нужен референдум, всеобщее волеизъявление коллектива.³

Прецеденты проведения всеобщего голосования на рабочих местах (разумеется, тайного голосования!), после обсуждения вопроса на собрании или конференции, имели место на ленинградских предприятиях. И даже в некоторых коллективах удалось заложить эту процедуру в Положение о самоуправлении трудового коллектива. Вряд ли нужно объяснять, насколько это приобщило трудящихся к принятию решений, насколько поднимет авторитет и ответственность выборного органа.

Но именно такого рода прогрессивные демократические процедуры встречают энергичное, еще раз подчеркну — демагогическое противодействие со стороны низовой бюрократии, а вышестоящие партийные, профсоюзные и другие органы, призванные **учить демократии**, особой активности тут вовсе не проявляют. Опять же демагогия: коллективу-де виднее, как голосовать и т. д.

Но вот, предположим, тем или иным способом на предприятии возник и уже функционирует совет трудового коллектива, избранный действительно демократическим путем. Тогда находят способы «заблокировать» его деятельность. Как?

Прежде всего — призывами «помогать» администрации в расшивке узких мест. Администрация «подбрасывает» совету частные вопросы, которые без него будто бы не решить. В крупных же делах — сваливают на совет ответственность.

Возник своего рода новый принцип: «Властвуй единолично, а ответственность разделяй с коллегиальным органом». В итоге, органы самоуправления погрязают в мелочах, вместо того чтобы сосредоточиться на стратегических вопросах.

Но для правильных стратегических решений нужно знание. Ищут выход в учебе актива самоуправления, учат же... те самые администраторы

---

³ См. об этом подробнее ниже.

и специалисты, которых коллектив, совет должен контролировать. Между тем, для эффективного контроля нужно прежде всего свободное время. Но как быть тем трем четвертям членов совета, которые — «не администрация», и стало быть, в силу трудовой дисциплины, да и необходимости заработка, «привязаны» к своему станку, рабочему месту в течение 8 часов?

Не говоря уж о членах СТК, его председатель, если он рабочий, оказывается в неравноправном положении относительно хозяйственного руководителя, который управляет «в рабочее время», а рабочий должен этим заниматься во «вне рабочее». Вот тут-то и становится ясно, что какую-то часть рабочего времени трудовой коллектив должен высвобождать для своих представителей и **оплачивать** (но высвобождение должно быть не полным, а частичным, иначе просто возникнет еще один «человек с портфелем»).

Сделать это трудовой коллектив вправе, но, опять же, он этим правом не пользуется, а «рекомендаций сверху» на этот счет нет.

Вообще, поток команд сверху у нас как-то сменился потоком деклараций, а инициатива снизу блокируется отсутствием разрешений. Мне кажется, многие большие вопросы, в частности, производственного самоуправления решались бы быстрее и эффективнее, если бы не только «низы» преподавали «верхам» уроки демократии, но хотя бы такие «азбучные» вопросы, как те, что мною здесь поставлены, вошли в круг партийных, профсоюзных и т. д. **рекомендаций** трудовым коллективам. Ведь уровень «демократической культуры» населения, трудовых коллективов, к сожалению, еще очень низок.

III. «Вершина демагогического творчества бюрократии»

Недавно я получил от своего корреспондента из г. Выборга, Ленинградской области, письмо, в которое вложена выписка из решения совместного заседания СТК и профкома Выборгского завода рыбообработывающего оборудования, от марта 1988 г.:

«Большое количество жалоб некоторыми работниками завода пишется в различные инстанции по одному и тому же вопросу. Это создает нездоровую атмосферу в коллективе, большое количество комиссий по письмам одних и тех же работников. При проверке отвлекаются от работы не только администрация и руководители общественных организаций, но и многие другие работники.

Принято решение:

В случаях обращения с жалобой отдельными работниками завода в вышестоящие инстанции без обращения (*предварительного* — А. А.) в СТК — считать их действия не отвечающими интересам коллектива и подрывающими авторитет избранного органа. СТК оставляет за собой право отзывать данные заявления для рассмотрения вплоть до конференции трудового коллектива.

Голосовали: единогласно.

Заседание вели: председатель СТК Клецов (*он же директор*. — А. А.); председатель профкома Кушнир».

Я мог бы прокомментировать этот текст, но лучше представлю слово моему корреспонденту, рабочему названного завода **В. Орлову**:

«...Посылаю любопытный документ. Думаю, он будет достоин Вашей социологической коллекции.

Считаю, что это удивительное сочетание дилетантства (а может, игры в “дурачка”), самомнения и вседозволенности. Невозможно не восхищаться, с каким блеском личные интересы выдаются за коллективные. Личная ответственность переносится на коллектив, дробится и, как по волшебству, превращается в безответственность.

“Коллегиальный бюрократизм” — вершина демагогического творчества бюрократов».

А. Алексеев, 20.08.88

[Нижеследующие разделы этой главы являются своего рода «иллюстрациями» к сказанному выше. Как же происходило становление производственного самоуправления, частности, на «Ленполиграфмаше» в 1987-1988 гг.? Для освещения этого процесса воспользуемся публикациями заводской газеты «Трибуна машиностроителя». ⁴ — А. А.]

18.2. Рабочие задают вопросы руководителям

Из заводской газеты (апрель 1987)

Нужны рабочие собрания

Еще раз убедиться в справедливости вынесенного в заголовок утверждения помог серьезный разговор, состоявшийся в минувшую пятницу в трудовом коллективе цеха № 3.

Этому рабочему собранию предшествовало письмо в профком и в редакцию «Трибуны машиностроителя», подписанное бригадирами И. Виноградовым, А. Сысевичем, В. Коряком, профгруппоргом участка В. Ильиным, рабочим А. Алексеевым. В нем, в частности, говорилось:

«23 марта к нам на собрание участка № 1 пришла экономист цеха В. Геворкян, чтобы проинформировать о новом положении о премировании, которое вводится в действие на нашем предприятии с 1 апреля 1987 г. В связи с этим у рабочих возникло много вопросов, на которые экономист удовлетворительного ответа дать не смогла. Собрание решило пригласить на участок начальника ОНОТиУ А. В. Плитмана или кого-либо из компетентных работников отдела, чтобы они смогли дать необходимые разъяснения. Однако на встречу с рабочими в течение ближайших дней никто не пришел».

Встреча, о которой просили авторы письма, хоть и с опозданием, состоялась: 27 марта в цех пришли председатель профкома Ю.П. Стукалов, заместитель генерального директора объединения по качеству А.Н. Баканов, начальник ОНОТиУ А. В. Плитман.

⁴ Для настоящей публикации все тексты заново сверены с оригиналом по комплексу газеты «Трибуна машиностроителя». Автор приносит извинения за отдельные неточности в цитировании из этого источника, имевшие место в книге: Алексеев А. Н. Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего). Кн. 1-2. М.: СПбФ ИС РАН, 1997. Соответствующие неточности, допущенные в работе 1997 г., устранены также и в других главах настоящей книги.

Как сообщил А. В. Плитман, характерной особенностью нового положения о премировании является прямая его зависимость от качества продукции: при 100-процентной сдаче ее с первого предъявления премия выплачивается полностью, при снижении этого показателя — уменьшается. Минимальный размер премии в течение 1987 г. будет выплачиваться при сдаче с первого предъявления 95 процентов деталей.

— Как могут сочетаться такие высокие требования с низким качеством инструмента? — спрашивает И. В. Виноградов.

— Действительно, претензии к инструменту справедливы, — соглашается А. Н. Баканов. — Но сегодня речь идет всего-навсего о повышении ответственности рабочих: они должны следить, чтобы дефективные детали не попадали в ОТК.

Как выясняется из дальнейшего разговора, не только по качеству инструмента есть замечания у рабочих. В объединении надо решить и ряд других проблем. Многие станки в цехе не отвечают классу точности изготовления деталей. Не контролируется качество поступающих заготовок, не всегда марка металла отвечает технологии. То есть, не только от станочников зависит показатель качества.

Вопрос о совместимости проблем повышения качества с сокращением нормативов на изготовление той или иной детали тоже не был безынтересен для участников рабочего собрания.

Вывод из его обсуждения можно сделать такой: просчеты в нормировании есть, и серьезные. Высокое среднее выполнение норм по цеху (160–200 процентов) сложилось за счет различных переработок по времени и не может являться нормальным. Как при этом на большинстве рабочих мест остается высоким процент технически обоснованных норм, непонятно.

Мастера участка М. И. Решетова и бригадиров волнует вопрос: не закроет ли новое положение о премировании путь в бригады молодым рабочим? Кому захочется нести ответственность за их возможные просчеты?

Возникает и другая проблема: в браке виновен один человек, а страдает вся бригада.

Выход в ходе совместного обсуждения найден: дать бригаде возможность самой распределять премию. Но, к сожалению, в новом положении о премировании это не предусмотрено.

Подобных упущений можно было, по мнению рабочих, избежать, если бы положение широко обсуждалось. Но трудящиеся были информированы о нем лишь за несколько дней до вступления в силу.

Ссылка Ю. П. Стукалова на то, что положение о премировании рассматривалось комиссией профкома по заработной плате и нормированию и утверждено на заседании его президиума, выглядела малоубедительной: в обсуждении документа все же участвовал довольно узкий круг людей.

Действительно, в данном случае была забыта истина о том, что любое решение лишь тогда будет поддержано массами, когда они принимают непосредственное участие в его выработке.

Следовательно, без рабочих собраний нам не обойтись. Их проведение обусловлено начатой в стране демократизацией общества, решениями январского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС.

Н. Брянцев

(Трибуна машиностроителя, 1.04.87)⁵

18.3. Выборы советов трудовых коллективов

...Рассказывали мне, что в Ленинграде ходит по рукам ксерокопированный плакат: «Вся власть Советам...» — это крупно, а ниже чуть помельче: «...трудовых коллективов!».

А. Головкин. «...мир погибнет, если я остановлюсь»
(Огонек, 1988, № 19)

Из заводской газеты (октябрь 1987)⁶

Выбирать не по списку

В № 38 «Трибуны машиностроителя» опубликованы проект положения о совете трудового коллектива и призыв подавать свои предложения и замечания по нему в ООТиЗ *[отдел организации труда и заработной платы. — А. А.]*. Однако характер нашего предложения требует, по-видимому, обсуждения в газете.

Мы предлагаем прекратить любые выборы в объединении по заранее составленным спискам «кандидатов», начиная с выборов в совет трудового коллектива. Это исключает попадание в него и в другие общественные организации людей удобных, сговорчивых, «своих», но зачастую инертных и некомпетентных.

Выборы предлагаем проводить по специальным карточкам. Каждый голосующий вписывает свои кандидатуры (одну или больше). Выбор кандидатов индивидуален и ничем не ограничен. Голосование тайное. В нем участвуют все работники объединения. Карточки обрабатывают комиссии из выборных представителей низовых партийных, комсомольских и профсоюзных организаций цехов и отделов объединения.

Выбранными в совет трудового коллектива считаются кандидаты, набравшие наибольшее количество голосов, при заранее определенной численности совета.

Н. Лукашевич, ст. контрольный мастер, И. Виноградов, В. Коряк, В. Медведев, бригадиры, А. Алексеев, В. Ильин, Р. Мартиросян, В. Косульников, Е. Рыжов, С. Русинов и другие рабочие цеха № 3

(Трибуна машиностроителя, 14.10.87)

⁵ Заметка опубликована под псевдонимом. Ее автор — корреспондент названной газеты Николай Андреевич **Козлов** (ныне покойный).

⁶ Это письмо работников ПО «Ленполиграфмаш» было опубликовано под рубрикой «Обсуждаем проект положения о совете трудового коллектива».

[В следующем номере заводской газеты (21.10.87) было опубликовано письмо группы инженеров КБ «Ленполиграфмаша» — В. Львовой, Л. Жирновой и др. — поддерживающее это предложение.

Авторы предлагали распространить изложенный принцип на выборы руководящих органов всех общественных организаций... включая партийную! — А. А.]

* * *

А. Алексеев — А. Ежелеву (февраль 1988)⁷

<..> Поделюсь с Тобой наблюдениями и соображениями относительно современной кампании выборов в советы трудовых коллективов, в которой мне довелось принять участие.

Как явствует хотя бы из материалов прессы, в этой кампании немало бюрократических извращений. Например, в газете «Известия» (14.02.88) можно прочесть, что на начало 1988 г. свыше 90% всех СТК, избранных в Московской, Свердловской, Ивановской областях, в Карелии и на Алтае, возглавляются... директорами предприятий, хозяйственными руководителями. Рабочих среди председателей СТК — считанные единицы.

На нашем заводе тоже были такие поползновения. Но вот в октябре 1987 г. состоялось собрание ленполиграфмашевцев, с повесткой дня: «Каким быть совету трудового коллектива?». Схлестнулись две позиции.

Вот что говорил там, в частности, я (цитирую «Трибуну машиностроителя», 11.11.87):

«...Странное впечатление оставляет проект Положения о совете трудового коллектива, разработанный работниками ООТиЗа. Разумеется, при его составлении они опирались на ст. 7 Закона о государственном предприятии (объединении). Но при этом выкинули то, что их в Законе, похоже, не устраивало.

Готовясь к этому собранию, я положил рядом: проект Закона, каким он был до всенародного обсуждения; сам Закон, отличающийся от проекта некоторыми существенными дополнениями; и проект нашего Положения, опубликованный в «Трибуне машиностроителя».

И что же? В проекте Закона предусмотрены выборы совета только открытым голосованием. В Законе, принятом на сессии Верховного Совета СССР, дополнено: «тайным или открытым голосованием». В нашем проекте Положения настаивают, чтобы тайного не было.

В проекте Закона не было, а в Законе появилось требование: «Представители администрации не должны превышать четверти общего числа членов совета трудового коллектива». В нашем Положении это требование опущено. Уж не для того ли, чтобы удобнее было Закон не соблюдать?

Зато есть в проекте Положения и образчики собственного творчества работников ООТиЗа, которое трудно определить иначе, как бюрократическое. Вдумайтесь, товарищи: совет, который, судя по всему, проектируется как многочисленный, собирается раз в 2-3 месяца. На этих заседаниях, своего рода «сессиях», председательствует председатель совета. А между «сессиями» рассмотрение текущих вопросов, согласно Положению, осуществляет исполком совета, которым руководит... генеральный директор. Вот так орган самоуправления!

⁷ Еще один фрагмент из «тематического» письма под названием «Побратимы-экспериментаторы...» (см. ранее: разделы 15.10 и 16.4). Речь здесь идет о событиях октября-ноября 1987 г.

Я думаю, обеспечение реальных возможностей участия трудящихся, и особенно рабочих, в управлении производством — это сегодня ключевая проблема развития нашего коллектива. Положение о совете трудового коллектива в том виде, как оно представлено сегодня для обсуждения, не способствует решению этой проблемы. Оно требует существенной переработки.

В заключение, хочу напомнить о предложении группы работников цеха № 3, опубликованном в «Трибуне машиностроителя» от 14 октября — «выбирать не по списку». (См. выше. — А. А.). Самое главное в нем, чтобы в голосовании участвовали все работники предприятия, а не только «выборщики», — делегаты конференции или «представители трудящихся».⁸

После горячих споров, предложенный для обсуждения проект Положения о совете трудового коллектива был **отвергнут** собранием. Выборы советов трудовых коллективов на «Ленполиграфмаше» стали проходить по другой модели и, соответственно, с иными, чем хотелось бы начальству, результатами.

А именно:

- выборы СТК проводились **«снизу вверх»**, то есть сначала в цехах и отделах, а уж потом в объединении, а не наоборот;

- выборы в цехах и отделах происходили при свободном выдвижении кандидатур, с заведомым превышением заранее установленной численности коллегиального органа;

- при этом почти всюду применялась процедура тайного голосования;

- в ряде цехов администраторы, а также руководители общественных организаций (включая партийную) не набрали достаточного количества голосов для вхождения в совет, а в некоторых — их просто не рискнули выдвигать;

- в подавляющем большинстве цехов председателями СТК стали рабочие.

Надо сказать, что демократические нормы были соблюдены у нас все же недостаточно последовательно. СТК объединения на конференции трудового коллектива выбирался под определенным административным нажимом. Практически, утвердили список, сформированный из представителей, выдвинутых подразделениями.

Однако примечательно, что в этом списке не было ни генерального директора, ни секретаря парткома, ни председателя профкома предприятия. <...>

А. Алексеев, февраль 1988.

Справка

На цеховом собрании 1 декабря 1987 г. социолог-рабочий был избран членом СТК цеха (за — 115, против — 31). Председателем совета был избран токарь В. Коряк.

⁸ Этот текст был дословно перепечатан также, под названием «“Тайное” и явное», в газете «Ленинградский рабочий», 4.12.87.

СТК цеха решил рекомендовать цеховому собранию выдвинуть в состав совета трудового коллектива объединения 2-х человек: Алексеева — на пост председателя совета (за — 10 чел., воздержались двое, включая А.) и Коряка (за — 7 чел.). На конференции трудового коллектива объединения 24 декабря 1987 г. социолог-испытатель был избран членом СТК «Ленполиграфмаша».

* * *

Из заводской газеты (январь 1988)

<...> На состоявшемся первом собрании совета трудового коллектива «Ленполиграфмаша» рассмотрен вопрос о выборах его председателя. Обсуждались четыре предложенных членами совета кандидатуры — зам. генерального директора по производству А.М. Соловейчика, слесаря цеха № 3 А.Н. Алексеева, зам. начальника цеха № 6 А.И. Матвеева, регулировщика аппаратуры цеха № 10 Г.Н. Матеренко.

Председателем СТК избран А. И. Матвеев, его заместителем — Г. Н. Матеренко. Секретарем совета, по предложению администрации, избрана Н. С. Аркина.

(Трибуна машиностроителя, 6.01.88)

* * *

Из выступления на конференции трудового коллектива «Ленполиграфмаша» (декабрь 1987)

<...> Поделюсь своими соображениями о порядке голосования. Это важный элемент культуры демократии.

Судя по всему, организаторы конференции намерены отказаться от тайного голосования. Но вот пример того, как существенно влияет сама процедура выборов на их результаты. В нашем 3-м цехе были кандидаты в цеховой СТК, которые при тайном голосовании оказались забаллотированы, т. е. не прошли в совет. Затем началось выдвижение кандидатов в СТК объединения... И вот, начальник цеха Ярош, фамилию которого вычеркнула чуть не треть участников тайного голосования, оказался — открытым голосованием — единогласно выдвинут кандидатом (по крайней мере, судя по протоколу).

Видите, какая разница между открытым и тайным голосованием? Спрашивается, какую же процедуру голосования применить сегодня, если мы хотим, чтобы выборы прошли действительно демократическим путем? Я предлагаю: выборы в СТК объединения проводить именно **тайным**, а не открытым голосованием.

<...> Еще в октябре, на заводском собрании мне приходилось отстаивать идею о прямых выборах совета трудового коллектива, с привлечением к голосованию **всех** работников завода. В пользу такого способа проведения выборов неоднократно выступала наша заводская газета. Технически это вполне осуществимо, как показал прошлый опыт проведения выборных собраний в два тура. Например, в нашем цехе голо-

сованием, проводившимся на следующий день, было охвачено 80 % трудящихся. Счетная комиссия обошла с избирательной урной все рабочие места. Ничто не мешает так организовать и выборы в СТК объединения, во всех цехах и отделах одновременно.

Почему же это предложение до сих пор не нашло понимания у наших профсоюзных руководителей — организаторов настоящей конференции? Думаю, потому, что вообще у нас не имеют обыкновения прислушиваться к мнению трудящихся.

Очень характерная описка в объявлении о настоящей конференции, вывешенном у проходных завода: «первая выборная конференция **совета** трудового коллектива». Как будто у нас сегодня конференция руководящего органа, а не всего трудового коллектива.

И уж совсем оскорбительная по отношению к рядовым труженикам приписка в объявлении: «кроме делегатов, приглашаются 4-угольники подразделений и руководители служб». Как мне объяснили в профкоме, для остальных, кто пожелает придти, «места мало». Но пообещали все же «не приглашенных» — не выгонять. Я опросил человек 10 в нашем цехе: хотели бы они присутствовать на конференции? Многие — да, но почти все поняли объявление так, что раз не приглашают, значит и «нельзя»...

В последнюю минуту профком спохватился и устроил радиотрансляцию для вечерней смены. Но и тут в объявлении допущена бестактность: «приглашаются руководители служб», а «для трудящихся будет организована прямая трансляция»...

Производственная демократия может и должна быть непосредственной. Поэтому я еще раз предлагаю: провести **прямые** выборы СТК, организовав голосование бюллетенями непосредственно на рабочих местах, чтобы все трудящиеся могли принять в нем участие. <...>

(А. Алексеев. Автостенограмма выступления 24.12.87)

18.4. Первые шаги СТК

Из заводской газеты (январь 1988)

Заседания будут открытыми

На состоявшемся 6 января заседании совета трудового коллектива цеха № 3 по предложению трудящихся были рассмотрены вопросы о доведении до цеха разнарядки по снижению трудоемкости на 1988 г. и о соблюдении гласности в цехе.

Обсудив первый вопрос, СТК отметил, что предусмотренный разнарядкой единовременный пересмотр так называемых устаревших и ошибочных норм на 2000 рублей является необоснованным. Пересмотр норм по графе «оргтехмероприятия НОТ» на 3,7 тысячи рублей не обеспечен мероприятиями, повышающими производительность труда. Рационали-

зация рабочих мест в минувшем году в цехе практически не проводилась, бригадная форма организации труда за последние годы никаких изменений не претерпела.

СТК решил: имевший место до сих пор и намеченный на 1988 год пересмотр норм, не обеспеченный соответствующими техническими, хозяйственными и организационными мероприятиями, признать противоречащим статье 102 КЗоТ РСФСР.

Решено просить СТК объединения рассмотреть вопрос о практике пересмотра норм, не обеспеченного соответствующими оргтехмероприятиями, и принять меры к корректировке разрядки, доведенной до цеха.

Заслушав предложения члена совета А. Алексеева по установлению режима гласности в цехе, СТК отметил ненормальность положения, при котором интересующая рядовых работников информация обнародуется частично, либо не обнародуется совсем. Это не способствует установлению атмосферы доверия между рабочими и администрацией, дает повод для слухов и кривотолков. <...>

СТК решил: все свои заседания объявить открытыми, чтобы в них мог принимать участие каждый заинтересованный вопросом работник; до 15 января организовать стенд, на котором вывешивать информацию о повестке дня очередного заседания СТК, краткий отчет о прошедшем заседании, материалы ленинградской и центральной печати, касающиеся актуальных для коллектива проблем. Каждый член коллектива при желании сможет ознакомиться с протоколом состоявшегося заседания СТК.

В срок до 1 февраля 1988 года решено обнародовать данные о среднемесячной зарплате (включая все виды выплат) каждого работника цеха за 1987 год, а также результаты проведенной в конце прошлого года аттестации рабочих и служащих, с указанием для каждого работника прежнего и вновь установленного оклада или разряда, а по каждому рабочему-сдельщику — сведения об индивидуальном дневном задании, за прошлый и на 1988 годы. Эти положения распространяются и на администрацию.⁹

Принято также решение обнародовать данные о суммах накопительных счетов с начала пятилетки и отдельно за 1987 год всех участвующих в соревновании, данные о внедренных за год рацпредложениях с указанием автора, полного названия предложения, суммы экономического эффекта и величины вознаграждения рационализатору.¹⁰

Решение СТК, по этим вопросам, принято единогласно 12 присутствующими членами совета и доведено до трудового коллектива.

В. Коряк, председатель СТК цеха № 3
(Трибуна машиностроителя, 13.01.88)

⁹ Это решение СТК цеха № 3 вызвало активное противодействие администрации, однако было выполнено.

¹⁰ Об организации социалистического соревнования на «Ленполиграфмаше» в 1986–1987 гг. см. ранее: раздел 15.9.

18.5. Как нам организовать работу совета

Предложения по организации работы совета трудового коллектива ПО «Ленполиграфмаш» (январь 1988)¹¹

Заседание совета трудового коллектива объединения 14.01.88 выявило отсутствие ясности, как же организовать его работу. В свое время забракованный проект Положения о СТК объединения предусматривал иерархическую структуру, в которой всеми делами фактически должен заправлять «исполком», под руководством генерального директора. Отказавшись от этого бюрократического замысла, организаторы конференции трудового коллектива все же сумели настоять на соответствовавшей ему (замыслу) численности СТК — 60 чел. Чем создали опасность нероботоспособного совета.

Хочу высказать ряд предложений по дальнейшей организации работы СТК объединения.

1. Будучи, согласно Закону о государственном предприятии, высшим (после конференции трудового коллектива) органом производственного самоуправления, которому подчинена администрация, включая генерального директора, СТК является самым молодым и неопытным общественным органом в объединении. Поэтому ему нецелесообразно сразу брать на себя функцию апробирования и утверждения всех ключевых документов, регламентирующих деятельность трудового коллектива. Свою руководящую роль совет может осваивать постепенно, и 1988 год, вероятно, станет в этом отношении переходным. <...>

2. В СТК не должно быть «исполкома» или «президиума», способных навязывать совету заранее подготовленные решения. Но при столь большой численности совета целесообразно увеличить число заместителей председателя совета до 3-х. Вместе с председателем и секретарем (всего 5 чел.) это должно составить что-то вроде «оргбюро СТК», которому доверяется разработка повестки дня каждого очередного заседания совета и раздача поручений о подготовке вопросов. В этом «оргбюро» представители администрации, подобно совету в целом, не должны превышать 1/4 состава. То есть, при нынешнем председателе из администрации, все три заместителя должны быть рабочими или рядовыми ИТР.

3. Думаю, что СТК должен начать свою деятельность с изучения и принятия решений по относительно частным, однако наиболее актуальным, волнующим коллектив, вопросам жизни предприятия. Здесь существенна инициатива снизу, в виде постановки отдельных вопросов членами совета объединения и цеховыми и отдельческими советами, как это несколько раз уже имело место (вопрос об установлении единой шкалы премирования членов бригад и работающих индивидуально — 8-й цех и ООТиЗ; вопрос об устранении нарушений КЗоТа при

¹¹ Эти предложения были адресованы социологом-рабочим председателю и всем членам СТК «Ленполиграфмаша» к заседанию совета 28.01.88. Публикуются с небольшими сокращениями.

пересмотре норм и расценок — 3-й цех). Будучи поставлены низовыми советами применительно к своему подразделению (как, например, в 3-м цехе), эти вопросы оказываются актуальными и для других и именно в масштабах объединения заслуживают рассмотрения головным советом. <...> По мере решения этих частных проблем, совет все больше и больше будет входить «в курс дела», набираться опыта и осуществлять весь круг полномочий, предусмотренных Законом.

4. На заседании СТК 14 января обнажились две крайние позиции на счет организации работы совета. Одну можно определить как тенденцию к **бюрократической заорганизованности** («исполком», «постоянно действующие комиссии» и т. п.). Другая чревата **анархической дезорганизovanностью** (решение серьезных вопросов сгоряча, без предварительной глубокой проработки). Альтернативу как той, так и другой составляет **демократическая организованность**, которая может реализоваться в следующем порядке работы:

— Совет отбирает определенные наболевшие вопросы для проработки и решения; создает «группу уполномоченных» для подготовки каждого данного вопроса к заседанию совета; группа должна быть небольшой (3-5 чел.); в состав группы должен быть включен член совета, выступивший инициатором постановления данного вопроса; в эту группу не могут входить должностные лица, ответственные за соответствующий участок работы по службе; должностные лица обязаны предоставлять членам совета всю необходимую информацию и консультировать по специальным вопросам; группа уполномоченных изучает вопрос в масштабах всего предприятия и вырабатывает проект решения; на очередном заседании вопрос рассматривается всем составом совета; после чего СТК принимает решение, обязательное для всеобщего исполнения.

5. Предлагаемый порядок работы совета может оказаться эффективным при условии режима максимального благоприятствования работе этих групп уполномоченных. В частности: чтобы не чинилось никаких препятствий в ознакомлении с необходимой документацией; чтобы должностные лица соотносились с возможностями рабочих заниматься этим делом только в нерабочее время; чтобы проекты решений совета не навязывались сверху, а были результатом самостоятельного творчества этих групп. Тогда и только тогда решения, принимаемые советом объединения, будут ответственными — всесторонне подготовленными, с одной стороны, и сделанными «по совести», с другой.

6. Кроме того, предлагаю, чтобы все заседания совета объединения (по образцу того, как это сделано, например, в 3-м цехе) были открытыми. Надо, чтобы в них, при желании, мог принять участие любой работник объединения, независимо от того, приглашен он на это заседание, или нет.

А. Алексеев, член СТК ПО «Ленполиграфмаш»

18.01.88

Ремарка: «Ленполиграфмаш» и клуб «Перестройка».

Одним из направлений работы совета трудового коллектива «Ленполиграфмаша» в ту пору стала разработка «Положения о СТК», чем, в составе специальной комиссии, занимался социолог-испытатель. Во многом эта работа была облегчена наличием «Примерного положения о СТК», подготовленного к тому времени Ленинградским межпрофессиональным клубом «Перестройка».

Из книги А.Ю. Сунгунова «Этюды политической жизни Ленинграда (1987-1994 гг.)» (СПб., 1996):

«...Сразу после учредительного собрания (клуба “Перестройка” — А. А.) начала активно работать секция производственного самоуправления, координаторами которой были Лев Гольдштейн и Михаил Горный, а также Андрей Карпов. В это время (конец 1987 — начало 1988 г. — А. А.) всюду набирали силу советы трудовых коллективов, распространялись идеи производственного самоуправления. В то же время администрация, партийные комитеты старались выхолостить это движение, превратить СТК в послушные декоративные органы типа профсоюзов. В этой ситуации секция производственного самоуправления взяла на себя задачу обобщения первого опыта работы СТК и создания на его основе примерного положения о правах и обязанностях советов, пределах их компетенции, порядке избрания и работы. Начиная с ноября (1987 г. — А. А.) проходили еженедельные встречи инициаторов этой работы, сначала дома у Л. Гольдштейна, а затем — в Политехническом институте, результатом которой и явилось создание в начале 1988 года “Положения о СТК”. Положение широко использовалось как внутри Ленинграда, так и за его пределами». (Конец цитаты).

В названном «Примерном положении» отчасти использовался опыт «Ленполиграфмаша», а на «Ленполиграфмаше» использовались рекомендации клуба «Перестройка», членом которого был социолог-рабочий. (Март 2001).

18.6. К вопросу о «Доске почета»

Из заводской газеты (февраль 1988)

Проходя «Аллеей славы»

Каждый день мы дважды проходим по «Аллее славы», на работу и с работы, и, обычно, не смотрим по сторонам. А там — фотографии лучших людей нашего предприятия.

Но вот мы посмотрели и... удивились. Дело в том, что из 32-х портретов на заводской Доске почета два принадлежат нашему, третьему цеху. Это [портреты — А. А.] К. Х. Кутуева, председателя цехового комитета, и В. Н. Курсова, секретаря цехового партбюро. Возникает вопрос — как подбираются кандидатуры для Доски почета?

Руководители общественных организаций должны пользоваться авторитетом в коллективе. Но вот недавно секретарь партбюро не набрал и половины голосов при выборах в совет трудового коллектива. А председателя цехкома даже не выдвигали...

Какой бы вопрос ни возник, рабочие знают — к предцехкома лучше не обращаться. Он только собрания открывать умеет. А мнение у него всегда совпадает с мнением начальника. Никакой защиты интересов трудящихся от нашего цехкома не дождешься.

Приведем один пример — самый свежий. Есть у нас в цехе рабочий Виктор Н. Два года назад он нарушил трудовую дисциплину. Его вызвали на цехком. Он признал свою вину, но не сумел «объяснить» свой прогул. Тогда заместитель председателя цехкома сказала: «Мы исключаем тебя из профсоюза!». И члены цехкома проголосовали.

К. Х. Кутуев подумал, видно, что решения цехкома достаточно, и потому не поставил этот вопрос ни на профгруппе, ни на цеховом собрании (которое, согласно Уставу, только и может исключить из профсоюза).

Незаконно исключенный, Виктор Н. продолжал исправно платить профсоюзные взносы. Собственно, их высчитывала у него ЭВМ. И никто к этому вопросу не возвращался. Но вот в ноябре нашему товарищу оплатили бюллетень в половинном размере, как «не члену профсоюза». И в этом же расчетном листке — сумма высчитанных членских взносов!

Такое профсоюзное ЧП приключилось в нашем цехе. Понадобилось вмешательство профкома объединения, чтобы разъяснить ветерану профсоюзной работы К. Х. Кутуеву профсоюзный устав.

На днях произошел еще один примечательный инцидент. Цеховой комитет, под председательством К. Кутуева, вынес решение... ходатайствовать перед администрацией цеха об увеличении вознаграждения по итогам работы за 1987 год на 25 процентов — всем членам цехкома! Сами себе, за свои старания. От коллектива цеха это решение было скрыто.

Мы считаем, что председателю нашего цехового комитета не место на заводской Доске почета. Коллектив цеха его туда не выдвигал.

Поправить дело можно просто — обсудить на цеховом собрании, кому представлять наш цех в «Аллее славы». И если собрание предложит других кандидатов — уж не обессудьте...

А. Алексеев, слесарь, член совета трудового коллектива цеха, Е. Рыжов, слесарь, член совета бригады, С. Русинов, слесарь, член совета бригады, В. Косульников, слесарь

(Трибуна машиностроителя, 10.02.88)

Ремарка: по следам наших выступлений.

Полтора месяца спустя, 23.03.88, в заводской газете был опубликован ответ партийного бюро цеха № 3:

«...Партбюро считает предложение авторов письма обсуждать кандидатуры, представляемые на «Аллею славы», на цеховом собрании неприемлемым. Потому что не у всякого хватит сил выдержать такое, это будет похоже на разбор проступка нарушителя (так! — А. А.). У нас вызывает удивление, что редакция газеты дала не проверенный (! — А. А.) материал, направленный не на объединение коллектива, а на противопоставление одной его части другой...».

Что касается изложенных в заметке фактов, то они в ответе «уязвленного» партбюро не оспаривались. (Март 2001).

18.7. Выборы должны быть всеобщими

Из заводской газеты (май 1988)

Пусть голосует каждый!

В соответствии с объявлением, опубликованным в «Трибуне машиностроителя» 14.05.88, по решению совета трудового коллектива объединения 18 мая созывается конференция трудящихся «Ленполиграфмаша» для подтверждения полномочий генерального директора А. Д. Долбежкина.

Мы считаем, что подтверждение полномочий генерального директора должно осуществляться не через конференцию, а только участием в нем всего коллектива объединения, то есть каждого трудящегося в отдельности. Только такое подтверждение будет соответствовать современному духу демократизации нашего общества, даст почувствовать каждому труженику коллектива причастность к процессу управления. В противном случае это подтверждение может превратиться в очередной фарс, который все мы наблюдали при выборах СТК объединения, когда выборов, по сути дела, никаких не было, а списком были приняты все кандидатуры открытым голосованием.

Нужно сказать, что администрация нашего объединения в условиях перестройки стремится любыми путями и уловками избежать тайного голосования и пустить всякие выборы по старым, проторенным путям, с заранее известным результатом. Теперь к этому же призывает нас, по сути дела, наш СТК, призванный бороться с бюрократией и внедрять демократию в жизнь. Поэтому пусть это подтверждение станет честным, пусть оно выражает мнение всех трудящихся объединения и произойдет не келейно с помощью выборщиков и, наверняка, открытым голосованием, а при участии всех тружеников «Ленполиграфмаша», без посредников, тайным, самым демократичным голосованием.

Для этого нужно выбрать счетчиков от каждого подразделения и раздать бюллетени по цехам и отделам, в соответствии с количеством работающих. Счетчики должны пройти с опломбированными урнами и бюллетенями по рабочим местам. Подсчетом голосов займутся члены СТК объединения в присутствии членов советов трудовых коллективов подразделений. Результаты голосования необходимо опубликовать в газете и сообщить по заводскому радио.

Б. Хохряков, механик цеха № 6, В. Юфимец, наладчик цеха № 6. О. Кабанова, В. Кравцов, изготовители сеток и шкал, Н. Мителев, бригадир цеха № 6

(Трибуна машиностроителя, 11.05.88)

Ремарка: за голосование на рабочих местах.

Идея всеобщих выборов, с тайным голосованием на рабочих местах, впервые высказанная группой работников цеха № 3 в 1987 г., в 1988 г. стала предметом активного «лоббирования» снизу также при обсуждении проекта Положения о самоуправлении на «Ленполиграфмаше». См. серию публикаций в «Трибуне машиностроителя» — 15.06, 13.07, 20.07.88. (Март 2001).

18.8. Каким быть Положению о совете трудового коллектива?

[Ниже — извлечения из статьи под названием «Как положим, так и управимся», опубликованной в заводской газете (июнь 1988). — А. А.]

<...> В опубликованном тексте проекта¹², на мой взгляд, есть противоречия и непоследовательности. Остановимся на некоторых из них.

Прежде всего, заслуживает быть специально оговоренным в Положении тот факт, что оно практически не касается организации самоуправления в цехах и отделах объединения, определение порядка выборов, полномочий и деятельности их СТК должно быть предоставлено инициативе низовых коллективов. Для облегчения этой работы предполагается разработать рекомендации по организации самоуправления в подразделении ПО. Рассмотрение и утверждение этих рекомендаций, очевидно, относится к компетенции трудового коллектива объединения, что уместно отразить в пункте 2.1.1 Положения.

Итак, каждый трудовой коллектив цеха, отдела сам утверждает свое положение о самоуправлении, по мере того, как выработает его — самостоятельно или воспользовавшись рекомендациями. Это, кстати, будет хорошей школой демократии в каждом подразделении.

<...> Уже имеющийся проект Положения учитывает как положительный опыт, так и неудачи первых шести месяцев работы органов самоуправления на нашем предприятии. Думаю, что с принятием этого Положения возникает необходимость проведения «досрочной» отчетно-выборной кампании, чтобы и выбрать, и построить работу органов производственного самоуправления в соответствии с утвержденным документом.

Это будет правильным решением и с учетом резолюции XIX конференции КПСС «О некоторых неотложных мерах по практическому осуществлению реформы политической системы страны». Ведь советы трудовых коллективов — тоже часть этой системы.

А. Алексеев, слесарь цеха № 3. член СТК объединения
(Трибуна машиностроителя, 20.07.88)

¹² Речь идет о проекте «Положения о совете трудового коллектива» на «Ленполиграфмаше».

18.9. О праве рабочих на защиту своих прав

Из интервью, опубликованного в газете «Смена»
(сентябрь 1988)¹³

<...> Корреспондент: Когда бываешь на промышленных предприятиях, то складывается впечатление, что большая часть рабочих общественно пассивна. Не кажется ли Вам, что перестройка всерьез затронула пока лишь тонкий слой интеллигенции? А среди рабочих энтузиастов и подвижников перестройки — считанные единицы...

Алексеев: В принципе, едва ли не в каждом рабочем коллективе можно найти своего активиста перестройки, правдборца, инициатора действительных, а не мнимых перемен. И все чаще такие люди становятся неформальными лидерами, находят поддержку у коллектива, хотя бы у его части. Возникают и рабочие самостоятельные объединения вроде клуба «Рабочая инициатива» на ЛНПО «Красная заря».¹⁴

Но часто в своих усилиях содействовать перестройке они встречают особенно упорное сопротивление администрации. Ревниво относятся к ним и официальные общественные органы. Особенно опасаются «смычки» рабочих с интеллигенцией. Характерно, что на той же «Красной заре» партком сделал все для того, чтобы не состоялась встреча «Рабочей инициативы» с межпрофессиональным клубом «Перестройка». Расширение политического кругозора, рост сознательности и активности рабочих не выгодны управленцам-чиновникам.

— Но возникает вопрос: какими методами можно добиться этих перемен? Сейчас мы слышим о забастовках в стране, даже в нашем городе. Их обычно осуждают, а как к этому относитесь Вы?

— Почти во всех странах, включая социалистические, право на забастовку предусмотрено законом. Я считаю, что подобное должно быть сделано и у нас. Недавно об этом говорил и Генеральный прокурор СССР А. Я. Сухарев в своем интервью «Литературной газете».

Говоря о забастовке, обычно имеют в виду массовую, организованную акцию. Но случаются и «индивидуальные» забастовки. Скажем, человек отказывается выполнять незаконные требования администрации. Предварительно заявив об этом, он не приступает к работе или даже не выходит на работу, выдвигая свои требования. С такими бунтарями обычно расправляются увольнением «за прогул без уважительной причины». Это неправильно и, в сущности, противозаконно. Ведь человек сознательно лишает себя зарплаты на какое-то время, чтобы добиться того, что считает справедливым. Я считаю, что работник должен иметь возможность не только искать защиты «наверху», но и защищать свои права сам. <...>

(Смена, 25.09.88)

¹³ Интервью было опубликовано под названием «Точки кипения». Вел беседу — Сергей Балуев.

¹⁴ См. ранее: раздел 17.8.

18.10. Каким быть производственному самоуправлению?

**Из статьи (под этим названием), опубликованной в сборнике
«Социальная напряженность на производстве» (1989)**

<...> Современное положение дел, на начальных этапах становления производственной демократии <...> можно определить как своего рода «двоевластие», при том, что традиционная структура административно-командного управления сохраняет господствующие позиции, а органы самоуправления в лучшем случае выступают в качестве «параллельной» структуры, а в худшем — быстро трансформируются в очередные «карманные» (при администрации) органы.

Поэтому самоуправление, став массовым явлением, в большинстве случаев носит демонстративно-имитационный характер <...>.

<...> Трудовой коллектив может и должен не просто «чувствовать» себя хозяином, а быть таковым, а стало быть — полноценно реализовать свое право коллективной собственности.

Общая модель производственного самоуправления может быть описана в следующих основных тезисах:

1. Самоуправление трудового коллектива — составная часть, один из элементов системы самоуправления нашего общества в целом. По существу это — «советская власть» на производстве.

2. В основе «народовластия в сфере труда» должны лежать новые отношения собственности на средства производства (а не только на продукты труда). Трудовой коллектив наделяется правами собственника, совладельца определенной части общенародной собственности, которой он пользуется и распоряжается без каких-либо ограничений, кроме установленных законодательно <...>.

3. Коллективный собственник (трудовой коллектив) осуществляет «владение, пользование и распоряжение» общенародной собственностью посредством социального механизма производственной демократии или самоуправления (что в принципе одно и то же).

4. Самоуправление трудового коллектива в сущности равно реализации права коллективной собственности, что само по себе составляет основное содержание радикальной экономической реформы.

В такой концептуализации проблема самоуправления трудовых коллективов вводится в широкий политический, социальный и экономический контекст. Обратимся к более частным моментам.

Вопрос о взаимоотношениях органов самоуправления трудового коллектива и администрации. <...> Выше уже проводилась аналогия с «законодательной» и «исполнительной» властями, для соотнесения статусов органов самоуправления и администрации. Последняя должна начинаться трудовым коллективом, причем вовсе не обязательно для этого выборы руководителя на собрании (конференции).

Вообще, современная практика выборности хозяйственных руководителей приходит в противоречие с нормой разделения властей. Ведь не приходит нам в голову, скажем, «выбирать» председателя Совета Министров всенародным голосованием. <...> Пусть руководителя приглашает, назначает и т. д. <...> совет трудового коллектива. <...>

Совет трудового коллектива нанимает хозяйственного руководителя, с предоставлением ему права самостоятельного подбора своей «команды» специалистов. Он же может этого руководителя и сместить. А вот если выбор совета систематически неудачен, то уместно коллективу задуматься, тех ли людей избрали в совет, не следует ли его обновить, переизбрать.

Что касается самого совета трудового коллектива, то это должен быть своего рода внутриколлективный «парламент». И избираться он должен не многоступенчатыми, опосредованными выборами, а всем коллективом, сколь бы велик он [*коллектив — А. А.*] ни был. <...>

[Здесь опущено описание процедуры прямых выборов, с тайным голосованием на рабочих местах; см. выше: разделы 18.1 и 18.7. — А. А.]

<...> Вопрос о разграничении функций органов самоуправления трудового коллектива и профсоюзов. Возможно, именно профсоюзы, как защитники интересов трудящихся, могут взять на себя также и функцию контроля за реализацией решений органа волеизъявления коллектива, каковым является СТК. В таком случае никакой другой «надзор» не нужен. Ведь любое отступление администрации от властных установлений СТК, коль скоро последний выражает интересы коллектива в целом, является ущемлением этих интересов.

<...> Вопрос о плюрализме интересов различных социальных и социально-профессиональных групп. Мы, конечно же, не за то, чтобы женщины, молодежь, <...> рабочие, инженеры и т. д. отдельно выдвигали своих представителей в органы самоуправления. Но на деятельность последних могут и должны оказывать влияние органы общественности, как «традиционные», так и инициативные формирования, своего рода внутриколлективные «клубы».

Не только непосредственная или представительная, но и инициативная демократия должна получить развитие в трудовых коллективах.

(А. Алексеев. Каким быть производственному самоуправлению?/ Социальная напряженность на производстве. Материалы коллоквиума. Обнинск, 1989, с. 3-6)¹⁵

* * *

Вместо заключения (Начальная школа демократии)

Как известно, трансформация социально-экономического уклада, отношений собственности и т. д. в дальнейшем пошла по пути, принципиаль-

¹⁵ О проблемах развития производственного самоуправления см. также: Алексеев А., Максимов Б. Расширять сферу непосредственного самоуправления // Социалистический труд, 1988, № 10.

но отлично от изложенной здесь модели. Производственное самоуправление в скором времени сошло на нет.

Уже к началу массовой приватизации (1992) о советах трудовых коллективов на производстве мало кто вспоминал. (Май 2001).

* * *

Постскриптум к главе 18

Не имея здесь возможности обозначить, хотя бы пунктирно, последующие трансформации непосредственной, представительной и инициативной форм «производственной демократии», от советов трудового коллектива к рабочим и забастовочным комитетам 90-х гг., и далее к современному упадку рабочего и профсоюзного движения в России¹⁶, адресуем читателя, по крайней мере, к трем фундаментальным исследованиям социально-трудовых отношений в постсоветской России.

— Максимов Б. И. *Рабочие в реформируемой России. 1990-е — начало 2000-х годов*. СПб.: Наука, 2004. 277 с.

— Становление трудовых отношений в постсоветской России (Социологический анализ пяти случаев российского менеджмента в сравнении с практикой Канады и Германии) / Под ред. Дж. ДеБарделебен, С. Климовой, В. Ядова. М.: Академический проект, 2004. 320 с.

— Ракитская Г. Я. *Социально-трудовые отношения (Общая теория и проблемы становления их демократического регулирования в современной России)*. М.: Институт перспектив и проблем страны, 2003. 480 с.

Кроме того, из обобщающих научных трудов последнего времени назову:

— Гордон Л. А., Клопов Э. В. *Потери и обретения в России девяностых. Историко-социологические очерки экономического положения народного большинства. Тт. 1 и 2*. М.: Эдиториал УРСС, 2000-2001.¹⁷

Процитирую здесь своего коллегу — Бориса Ивановича **Максимова** (с которым читатель уже не раз встречался на страницах этой книги). В своей недавно вышедшей книге он пишет:

«Самое главное значение с точки зрения судьбы рабочего движения имеет, конечно, тенденция фактического снижения **реальной** социальной активности. Создается впечатление, что и все рабочее движение сходит на нет, или превращается в упомянутую социальную мобильность, в «движение рабочих», т. е. деятельность другого характера. Но мы полагаем, что в значительной части имеет место процесс не исчезновения рабочего движения, а перехода его в стадию латентного существования, в состояние **потенциальной** социальной силы. По образному выражению, РД (рабочее движение. — А. А.) становится «пороховой бочкой», находящейся в основании общественной пирамиды, социально-экономического порядка, политического режима. Основания и черты такого состояния: сохраняющийся высокий уровень недовольства рабочих своим

¹⁶ См. также ранее, в томе 1 настоящей книги: приложения 4, 5 и 6 к главе 5, а также в томе 3: приложение 2 к главе 11.

¹⁷ В частности, в томе 1 названной книги см.: раздел 3 — «Ростки свободы в сфере социально-трудовых отношений. Хорошие перемены, не ставшие основой всеобщих успехов».

положением, другими сторонами жизни (т. е. генерализованного недовольства, вследствие депривации в экономическом, социальном и политическом плане); артикулируемые ориентации на протестные действия (вместе с недовольством — потенциал протеста); возложение рабочими ответственности за ситуацию на общий порядок, “систему”, власти; самое главное — отмеченная способность РД к мгновенному, как бы внезапному проявлению, вспышке.

Взорвется или нет «пороховая бочка» — вот далеко не простой вопрос...» (Максимов Б. И. Указ. соч., с 260-261).

Б. М. рассматривает три возможных сценария развития ситуации, поведения рабочих. В свойственной моему другу манере предельно просто говорить о не простых вещах, он характеризует эти три сценария также и метафорически: 1) «порох отсырел»; 2) «спокойное горение пороха»; 3) «взрыв пороховой бочки»; или, соответственно: 1) «спящий богатырь»; 2) «неразрушительные действия богатыря»; 3) «разрушительные действия проснувшегося богатыря». Последний вариант Б. Максимов сегодня считает наименее вероятным. (Май 2005).

Глава 19. Клуб «Перестройка» (Дальше... Дальше...)

От автора — сегодня

Как уже сообщалось, в июле 1988 г. социолог-испытатель расстался с «Ленполиграфмашем» и после 8-летнего перерыва вернулся к «штатной» научной работе.

Еще, как минимум, за год до этого у него установились эпизодические либо регулярные, идейные и деловые контакты с ленинградскими «неформалами», представителями самодельных объединений. Эти последние в ту пору были еще слабо связаны друг с другом, но параллельно (каждое в своей области и в меру своих возможностей) работали «на демократическую перестройку».

Из самодельных (неформальных) объединений и групп, с которыми автору довелось так или иначе, более или менее тесно, сотрудничать, здесь назову:¹

— клуб друзей журнала «ЭКО» (председатель — экономист и журналист **Петр Филиппов**); клуб друзей журнала «Огонек» (председатель — геолог **Марина Салье**); клуб читателей газеты «Советская Россия» (председатель — биолог **Николай Корнев**); клуб «Рабочая инициатива» (секретарь-организатор — электрик **Виктор Тягушев**); общество «Мемориал» (сопредседатели — археолог **Глеб Лебедев**, ныне покойный, и философ **Елена Прошина**); клуб «Ленинградская трибуна» (председатель — писатель **Владимир Кавторин**); самодельная организация «Демократическая платформа в КПСС» (организатор — **Дмитрий Караулов**); общественная независимая библиотека (организатор — **Виталий Григорьев**); клуб «Демократизация профсоюзов» (руководитель — **Владимир Гомельский**); экологическая группа «Дельта» (руководитель — писатель **Петр Кожевников**); экокультурная группа «Спасение» (руководитель — археолог **Алексей Ковалев**).²

По существу неформальным объединением в ту пору был и «Интерьерный театр» (художественный руководитель — **Николай Беляк**), выступивший инициатором и организатором ряда общегородских культурно-политических акций.³

Сюда следует добавить (возникшие уже позднее) многочисленные (обычно организующиеся по районам) клубы избирателей, инициативные комите-

¹ Здесь указаны только ленинградские неформальные объединения и группы.

² Это неформальное общественное объединение приобрело широкую и довольно раннюю известность благодаря массовым акциям во спасение историко-культурных памятников Петербурга-Ленинграда (среди них знаменитая манифестация протеста против сноса гостиницы «Англетер» — март 1987 г.).

³ Из них самой ранней и небывалой (для того времени) был организованный Интерьерным театром совместно с группой «Спасение» митинг на Владимирской площади в защиту предназначенного на снос дома Дельвига — 19 октября 1986 г.

ты местного самоуправления, группы «Народного фронта», рабочие и забастовочные комитеты, независимые профсоюзы и т. д.

Расширению контактов социолога-испытателя с ленинградскими «неформалами» способствовал рост его собственной популярности. Социолог-рабочий и «экспериментатор на себе», герой многочисленных газетных и журнальных публикаций, радио- и телевизионных передач, как уже отмечалось, стал на какое-то время «знаковой» общественной фигурой: «провозвестник перестройки» и чуть ли не ее «символ».⁴

Не удивительно, что социолог-рабочий был приглашен Петром **Филиповым**, Владимиром **Раммом**, Виктором **Монаховым**, Львом **Гольдштейном** и другими инициаторами создания Ленинградского клуба межпрофессионального общения «Перестройка», принять участие в работе этого клуба (ноябрь 1987).

Межпрофессиональный клуб «Перестройка», после серии организованных им дискуссий по ключевым проблемам общественной жизни (проходивших во Дворце культуры им. Ленсовета, при всегда переполненном зале), вскоре стал авторитетной общественной трибуной и кристаллизующим центром демократического движения. К сентябрю 1988 г. названный клуб насчитывал в своем составе уже свыше 150 чел. (членов и кандидатов в члены клуба).

Автор этих строк участвовал в работе нескольких секций этого клуба (содействия активистам перестройки; производственного самоуправления), был разработчиком ряда уставных и программных документов, соавтором коллективных заявлений, ведущим некоторых дискуссий.

Сложившийся имидж «несгибаемого борца» с административно-командной системой и «подвижника» демократической перестройки дал повод для восприятия социолога-рабочего, в глазах его новых друзей и коллег, в качестве «морального камертона» (по выражению Александра **Сунгурова**, одного из активистов названного клуба и автора книги «Этюды политической жизни Петербурга. 1987-1994 гг.») или «души организации» (по выражению Александра **Винникова**, другого активиста демократического движения Ленинграда и автора книги «Цена свободы»)⁵.

В мае 1988 г. демократическая общественность настаивала на том, чтобы только что восстановленный в партии автор вошел в число ленинградских делегатов XIX Всесоюзной партконференции. Однако эти попытки не увенчались успехом.

Похоже, что не только отдельные коллеги, но и партийные органы Ленинграда стали держать социолога-испытателя за лидера «неформалов». В октябре 1988 г. газета «Вечерний Ленинград» (орган горкома КПСС) попыталась навесить на него ярлык, на этот раз не «антисоветчика», а «адвоката антикоммунистов» — после известного митинга на стадионе «Локомотив», где автор был одним из ведущих.

⁴ См. ранее: главы 16 и 17.

⁵ Вовсе не оспариваю самой по себе возможности подобного восприятия своей тогдашней роли, но оставляю за собой право усомниться в адекватности такой ее трактовки.

В июне 1988 г., в итоге очередной дискуссии клуба «Перестройка», посвященной обсуждению платформы Союза демократических сил, возник инициативный комитет Народного фронта Ленинграда (организатор — **Юрий Нестеров**). Из этого комитета произросла общественно-политическая организация «За Народный фронт».

Социолог-испытатель вступил в эту организацию на учредительном собрании в сентябре 1988 г., позднее стал членом ее координационного совета. К заметным акциям организации «За НФ» относится кампания массового протеста против «бюрократического варианта» реформы избирательной системы (мне довелось быть одним из организаторов этой кампании).

Здесь следует заметить, что автор этих строк далеко не в одиночестве представлял «гильдию» социологов в гражданских инициативах того времени. В клубе «Перестройка», равно как и в других общественных формированиях демократического направления, активно участвовали и другие социологи: **Олег Божков**, **Андрей Вейхер**, **Олег Вите**, **Владимир Костюшев**, **Анна Темкина**, **Сергей Файбушевич**, **Петр Шелищ**, **Александр Юценко** и др.

В Ленинградском отделении Советской социологической ассоциации возникла комиссия по изучению общественных движений (председатель — **В. Костюшев**), которая содействовала взаимным контактам и кооперации самостоятельных объединений. Ею было предпринято первое «официальное» издание самопредставлений самостоятельных объединений.⁶

А осенью 1989 г. в только что организовавшемся Ленинградском филиале Института социологии АН СССР образовался сектор социологии общественных движений, практически все члены которого были участниками демократического движения.

В том же, 1989 году автором этих строк, при участии коллег, был организован Архив-коллекция нетрадиционных периодических изданий и документов общественных движений (позднее получивший название «Россия на изломе») — общественный научно-информационный центр, действовавший в течение всего последующего десятилетия.⁷

Как и большинство его коллег, социолог-испытатель, будучи включен в демократическое движение, старался найти применение своему профессио-

⁶ Общественные движения Ленинграда. Информационный бюллетень. Л.: Советская социологическая организация, Северо-Западное (Ленинградское) отделение, 1989.

⁷ Три года спустя в петербургской газете появился очерк под названием «Алексеев не пошел во власть. Он создал “Архив Алексеева”» (Смена, 2.01.92; автор — Наталья Сидорова). Об этом архиве см. также: *Алексеев А. Н.* Об архиве-коллекции нетрадиционных периодических изданий и документов общественных движений СССР периода перестройки // Социологические исследования, 1991, № 11; *Алексеев А. Н.* (Аналогичное название) / Социология общественных движений. Эмпирические наблюдения и исследования. Кн. 2. М.-СПб.: СПбФ ИС РАН, 1993; *Паскалова М. А., Струкова Е. Н., Соловьева С. А.* Самиздат и новая политическая пресса (по материалам коллекций Москвы и Санкт-Петербурга. М.-СПб., 1993; *Алексеев А. Н.* Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего). Кн. 2. М.: СПбФ ИС РАН, 1997, с. 639-645; Институт социологии. Санкт-Петербургский филиал. СПб., 1997, с. 52-58. В 2001 г. было образовано Научное некоммерческое партнерство «Алексеевский архив». Его учредителями выступили: **А. Н. Алексеев**, **З. Г. Вахарловская**, **В. П. Дудченко**. В основном, на материалах названного архива строятся главы 19-21 настоящей книги.

нальному опыту. Например, в сентябре 1988 г. состоялся «социологический десант» в г. Лугу, где был предпринят уличный опрос, позволивший выяснить «меру непопулярности» местного партийного руководства.

Клуб «Перестройка» и организация «За Народный фронт» пересекались в своих составах друг с другом, а также со многими другими общественными объединениями. Кроме того, среди лидеров движения за демократическую перестройку было немало членов КПСС — представителей гражданственно ориентированной, «антибюрократической» ее прослойки, вроде недавно восстановленного в партии социолога-рабочего.

В декабре 1988 г., в связи с предстоящими выборами народных депутатов СССР, возник общественный комитет «Выборы-89», сыгравший важную роль в демократическом движении. Автор держал связь с этим комитетом, был доверенным лицом троих кандидатов в народные депутаты СССР, из которых двоим удалось-таки преодолеть заслоны, выставленные перед ними бюрократическим аппаратом, и получить мандат доверия избирателей (Ю. Ю. Болдырев и Б. Н. Никольский).⁸

В июне 1989 г. состоялся учредительный съезд Ленинградского Народного фронта, где автор этих строк был избран членом редколлегии ЛНФ.

Таков — вкратце — «послужной список» социолога-испытателя в демократическом движении Ленинграда конца 80-х гг.

Было ли это политической деятельностью? В известном смысле, да. Но сам автор себя политиком в ту пору вовсе не считал и от восприятия себя таковым, равно как и от перспективы превращения в профессионального политика, «открещивался».

С начала 90-х гг. общественная активность социолога-испытателя пошла на убыль, можно сказать, что его «политический ресурс» был исчерпан.⁹ Не подкрепляемая новыми публичными выступлениями и заметными общественными шагами, слава «подвижника перестройки» померкла, как, впрочем, и само понятие «перестройка» стало подвергаться общественно-му переосмыслению.

Итак, от «естественного» перехода из положения «провозвестника перестройки» к роли политического лидера, обремененного доверием избирателей и т. д., социолог-испытатель уклонился.¹⁰

Здесь заслуживает быть особо отмеченным, что движение за демократическую перестройку конца 80-х гг. имело своих «летописцев» (они же — активные участники!), прежде всего — в лице издателей и редакторов неофициальных бюллетеней и иных периодических изданий самостоятельных объединений и групп:

⁸ Третий — М. Н. Толстой эти выборы тогда проиграл, однако год спустя был избран народным депутатом РСФСР по этому же избирательному округу.

⁹ Отчасти, наверное, сказалась усталость от предшествующего постоянного напряжения в «деле» социолога-рабочего и т. п. На рубеже 80–90-х автору довелось пережить достаточно тяжелую депрессию (по счастью, без помощи докторов).

¹⁰ Автор этих строк не ставит себе это ни в вину, ни в заслугу. Во всяком случае, отказ от «политической карьеры» отвечал его представлениям о том, что он может, хочет и должен делать.

— Елена **Зелинская** — «Меркурий» (периодическое издание Совета культурно-демократического движения «Эпицентр»); Михаил **Талалай** — «Вестник Совета по экологии культуры»; Лев **Гольдиштейн** — «Перекресток мнений» (информационный бюллетень Ленинградского клуба «Перестройка»); Борис **Иванов** — Информационный бюллетень организации «За Народный фронт» и журнал «Демократия и мы»; Игорь **Дашкевич** — «Рубикон» (периодическое издание независимого профсоюзного движения); Анатолий **Голов** — «Северо-Запад» (издание для ленинградского движения за перестройку), и др.¹¹

С названными изданиями и редакторами у социолога-испытателя на рубеже 80–90-х гг. сложилось тесное взаимодействие.

(Замечу в скобках, что теперь, именно благодаря сохранившимся комплектам периодического «самиздата», оказывается возможным документально восстановить многие действительные события общественной жизни тех лет, получавшие, как правило, скудное, и еще чаще — искаженное отражение в официальной печати).

Несколько слов о контактах с «официальной» прессой конца 80-х гг. Будучи сам журналистом «по происхождению», социолог-испытатель выступал на страницах местных и центральных изданий и, особенно, старался привлечь внимание журналистской «братии» к значимым, с его точки зрения, идеям и фактам демократического движения.¹²

Лидия **Графова**, Анатолий **Головков**, Андрей **Чернов**, Павел **Гутионтов**, Анатолий **Ежелев**, Сергей **Михельсон**, Сергей **Ненашев**, Наталья **Сидорова**, Татьяна **Лиханова**, Илья **Фоняков**, Наталья **Поречная** (ныне покойная), Нина **Харькова**, Сергей **Балуев**, Осип **Спасов**, телевизионный журналист Сергей **Дегтярев**, кинодокументалисты Сергей **Логинов**, Феликс **Якубсон** — вот далеко не полный список имен (из тех, с кем автору приходилось общаться), сыгравших значимую роль в описываемых здесь событиях.

Некоторые из них были активными участниками демократического движения, и не только в своем профессиональном качестве.

Следует подчеркнуть, что вообще все названные здесь имена — это, как правило, лишь круг **непосредственного общения** социолога-испытателя в то время. Со многими «прорабами» и «чернорабочими» перестройки, как говорится, не свела судьба.

Не упомянуты в этом беглом обзоре еще многие участники и активисты демократического движения конца 80-х, с которыми довелось близко сотрудничать. Но автор в данном случае не преследует цели мемуарной полноты.¹³

¹¹ Упомяну также газету «Тартуский курьер», создававшуюся объединенными усилиями демократической общественности Эстонии и Ленинграда (1989). Членами ленинградского отделения ее редколлегии были Петр Филиппов, Анатолий Голов и автор этих строк.

¹² См. ранее: раздел 15.8.

¹³ Все же не могу не упомянуть здесь, в дополнение к уже названным в этом обзоре именам, некоторых из ближнего круга идейного, делового и дружеского общения («единомышленники и соратники»):

— Владимир **Адушев** (ныне покойный), Владимир **Антошин**, Антуан **Аракелян**, Николай **Аржаниников**, Александр **Беляев**, Владимир **Беляков**, Геннадий **Богомолов**, Вадим **Большаков**, Марк **Борнштейн**, Георгий **Васюточкин**, Виктор **Воронков**, Владимир **Гельман**, Михаил **Горный**,

История демократического движения — от «перестройки» (и раньше) до «демократического Ленсовета» первого созыва (и после него), в Ленинграде-Петербурге конца 80-х — начала 90-х гг. — к настоящему времени уже успела стать предметом изучения и освещения в работах товарищей автора по «перестроечным битвам».

Среди них отмечу только монографии:

— Сунгуров А. Ю. *Этюды политической жизни Петербурга (1987-1994 гг.)*. СПб.: Санкт-Петербургский гуманитарный политологический центр, 1996;

— Винников А. Я. *Цена свободы*. СПб.: Библиополис, 1998.

Адресую к этим содержательным работам тех читателей, которые захотят получить более полное представление о событиях, так или иначе отраженных в этой и последующих главах настоящей книги.

Соревноваться с коллегами — историками или мемуаристами тех лет — автор настоящей книги не намерен, поскольку это выходит за рамки нашей темы. Однако представляет интерес и заслуживает внимания (именно в данной книге!) процесс «растворения» эксперимента социолога-работчего (говоря шире — экспериментальной, или драматической социологии) в демократическом движении конца 80-х гг.

Можно сказать и иначе: стихийная (вовсе не осознававшаяся тогда социологом-испытателем) эволюция — от практики «наблюдающего участия» к опыту «социологической интервенции», пользуясь термином французского социолога А. Турена.¹⁴

Вот эту своеобразную трансформацию и предполагается, хотя бы пунктирно, отобразить в данной главе. Что будет выполнено, как обычно, в жанре документальной композиции.

Причем, как и до сих пор, здесь будут отражены только те события, к которым автор имел прямое отношение, был непосредственным (наблюдающим?) участником. (Сентябрь 1999 — май 2005).

Григорий Генкин, Леонид Грингауз, Роберт Деревягин, Юрий Димитрин, Маргарита Доброхотова, Вячеслав Долинин, Виктор Дудченко, Николай Журавский, Андрей Илларионов, Андрей Карпов, Борис Коган, Светлана Комиссаренко, Юлия Кондратьева (ныне покойная), Геннадий Кравченко, Валерий Краснянский (ныне покойный), Валерий Ли, Самуил Лурье, Сергей Магид, Марина Макаревич, Николай Мартынов, Валентина Нефедова (ныне покойная), Александр Патиев, Андрей Плюхин, Олег Поддубный, Николай Преображенский, Игорь Рогалев, Валерий Ронкин, Юлий Рыбаков, Фуат Самигуллин, Александр Серяков, Леонид Соколецкий, Сергей Сомов, Ольга Старовойтова, Валентина Терехова, Михаил Толстой, Эдуард Тропп, Георгий Трубников, Олег Харитонов, Борис Хохряков, Виталий Штагер, Михаил Чулаки (ныне покойный), Александр Эткинд... (Здесь упомянуты только ленинградцы-петербуржцы).

С некоторыми дружим и по сей день, с некоторыми не виделся 10 лет, а некоторых уж и нет. Есть и еще... лица-образы; а вот имена стерлись из памяти. Или имена... а вот при встрече рискую не узнать (разве что потом видел по телевидению).

¹⁴ См. ранее, в томе 1 настоящей книги: «Предисловие».

19.1. Межпрофессиональный клуб «Перестройка»

Из Устава Ленинградского клуба «Перестройка» (1987-1988)

<...> Практическое осуществление перестройки общественной и государственной жизни, реализация социалистического самоуправления народа требует самого активного участия широких слоев трудящихся. Для этого важно объединить тех, кто является в своих коллективах инициаторами идей и дел перестройки, постоянно расширять их круг.

Межпрофессиональный клуб «Перестройка» представляет собой общественную организацию, созданную для реализации этих целей в соответствии со статьей 51 Конституции СССР. Он призван развивать творческую инициативу и активность научных и практических работников, способствовать эффективному обсуждению и решению, прежде всего, междисциплинарных научных и практических проблем, возникающих в ходе перестройки.

Реализуемый Клубом комплексный подход при выработке путей и средств преодоления механизмов торможения политического и экономического развития призван способствовать созданию перспективных научных концепций и разработке практических предложений по совершенствованию механизма социально-политического управления и хозяйствования в целях максимально полного использования возможностей социализма. <...>

(Принято на учредительном собрании Ленинградского межпрофессионального клуба «Перестройка» 13.11.87)

* * *

Дополнение к Уставу клуба «Перестройка»¹⁵

<...> Право на инициативу и ответственность в работе клуба

2.1. По инициативе любого члена клуба может быть создана инициативная группа, с участием как членов, так и не членов клуба, для подготовки документа (заявления, обращения, письма и т. п.) или мероприятия (дискуссии, митинга, демонстрации и т. п.), цели которых не противоречат Уставу и задачам клуба. Инициативная группа информирует о своей инициативе Совет или очередное собрание клуба. На проведение мероприятия клуба должно быть получено согласие Совета или собрания.

2.2. Разрабатываемые в рамках клуба документы и подготавливаемые мероприятия подразделяются на:

а) документы и мероприятия от имени клуба; таковые должны быть одобрены более чем половиной списочного состава клуба — на общем собрании или путем сбора подписей у членов клуба;

б) документы и мероприятия от имени Совета, секции или комиссии клуба, — одобренные более чем половиной списочного состава соответствующего клубного формирования [*подразделения. — А. А.*];

¹⁵ Разработчиком проекта этого дополнения был автор настоящей книги.

в) документы от имени инициативной группы; в таком случае документ скрепляется подписями всех одобряющих его членов инициативной группы.

Исключается представление от имени клуба (соответственно — Совета, секции, комиссии) документов или проведение мероприятий, не прошедших процедуры одобрения соответствующим клубным формированием.

Всякий документ, одобренный клубом или каким-либо из клубных формирований, должен быть датирован (датой не более ранней, чем состоялось коллективное одобрение) и в нем должен быть обозначен орган (секция, комиссия, Совет клуба, клуб в целом), от которого он исходит. Проекты документов, еще не прошедших процедуры коллективного одобрения, также обязательно датируются и скрепляются подписью по крайней мере одного из его составителей. На них обязательно указывается, что это «проект».

2.3. Клуб не снимает с себя ответственности за документ, исходящий от инициативной группы, секции, комиссии или даже Совета клуба, не получивший затем одобрения большинства его членов. За клубом остается право исключить из своих рядов лиц, грубо нарушивших при этом Устав или вступивших в противоречие с задачами клуба.

2.4. Члены клуба, не разделяющие позицию по тому или иному вопросу, занятую большинством членов клуба, вправе не принимать участия в действиях, предусмотренных или вытекающих из этой позиции, а также вести среди членов клуба агитацию за ее пересмотр. В случае, если некоторые конкретные действия клуба вступают в противоречие с их убеждениями, они имеют право заявить о приостановке своего членства в клубе (наложить на свое членство в клубе мораторий). <...>

(Принято на собрании Ленинградского клуба «Перестройка» 11.05.88)

Ремарка: структура клуба «Перестройка».

Список секций и рабочих групп Ленинградского клуба «Перестройка», по состоянию на ноябрь 1988 г.:

— секция производственного самоуправления (СТК); секция «Советы депутатов и правовые вопросы перестройки», группа поддержки городского клуба избирателей; секция «Перспективы социализма»; секция содействия активистам перестройки; секция межнациональных отношений; группа поддержки «Народного фронта»; секция арендного подряда; секция «Проблемы гуманитарной культуры»; группа лекционной пропаганды для предприятий и организаций; журнал «Перекресток мнений»; группа оперативной информации.

Из публикаций СМИ конца 80-х гг. о Ленинградском клубе межпрофессионального общения «Перестройка» см.: А. Чернов. Модель надежды // Огонек, 1988, № 31; «Перестройка» в поисках необратимости // XX век и мир, 1988, № 6. (Март 2001).

19.2. Уроки обсуждения «антиперестроечного манифеста»

Несколько вступительных слов

Общественная дискуссия на тему «Куда дальше? (Уроки обсуждения статьи “Не могу поступиться принципами”», организованная Ленинградским клубом «Перестройка», происходила 12 апреля 1988 г., в помещении ДК им. Ленсовета.

Этому предшествовали опубликование в газете «Советская Россия» (13.03.88) известного «антиперестроечного манифеста» — письма преподавателя Ленинградского технологического института Нины Андреевой и публикация в газете «Правда» (5.04.88) редакционной статьи «Принципы перестройки: революционность мышления и действия».

Ниже материалы, относящиеся к событиям в Ленинграде второй половины марта — начала апреля 1988 г. (Март 2001).

19.2.1. «Коллапс гласности»

Из стенограммы дискуссии «Куда дальше?» (апрель 1988)

<...> Открывая дискуссию, член клуба «Перестройка» А. Н. Алексеев, рабочий производственного объединения «Ленполиграфмаш», кандидат философских наук, сказал, что нынешняя встреча является логическим продолжением предыдущей, а также ряда других обсуждений — в зале заседаний Выборгского райкома партии, в ДК им. К. Маркса и прочих. Они были вызваны письмом Нины Андреевой <...>.

«Происходило не просто обсуждение конкретной статьи, опубликованной в одной из центральных газет, — сказал А. Н. Алексеев, — а кристаллизация двух альтернативных точек зрения на смысл, цели и пути перестройки, кристаллизация двух общественно-политических позиций.

События последних недель... позволили лучше понять и расстановку политических сил, и глубину идейного размежевания, и меру опасности попыток остановить маховик перестройки. Поскольку началом этих событий стала известная публикация в “Советской России”, возникает парадоксальное желание поблагодарить Нину Андрееву и ее предполагаемых соавторов и издателей (письмо ее было перепечатано в немалом количестве областных газет, в разных концах страны, ну прямо как речи Горбачева), поскольку для массы людей оказалась облегчена возможность политического самоопределения в перестройке.

Стало видно, **кто есть кто, и кто за что**».

Далее выступающий остановился на ситуации, сложившейся в Ленинграде во второй половине марта [1988 г. — А. А.].

«Ситуация эта дала повод для отнюдь не умозрительных размышлений и публичных исследований, путем дискуссии, одной из возможных альтернатив социалистической политике (именно ей, а не внутри нее!). Ибо альтернативой гласности, демократии, революционности мышления и действия был своего рода столбняк, поразивший общественные организации и особенно средства массовой информации (для которых вроде уж и не осталось запретных тем).

Возник этаким внезапный “коллапс гласности”. Впрочем, он не распространился на пропаганду идей, выраженных в статье преподавателя ленинградского ВУЗа. Вспомним ини-

циативы Выборгского и Ленинского райкомов партии, две телевизионные передачи (с участием профессора Попова и его единомышленников) и т. д.

В Ленинграде эта альтернативная активность (сомневаюсь, чтобы совсем стихийная!) получила приоритетное положение. Понадобилась редакционная статья в "Правде", чтобы с голубого экрана зазвучали совсем иные голоса.

И в то же время, — отметил А. Н. Алексеев, — были другие проявления. К примеру, опубликованное "Советской культурой" выступление А. Гельмана на партийном собрании Союза кинематографистов 23 марта — с критикой в адрес антидемократической позиции письма Нины Андреевой... Выступление было одобрено собранием и направлено в ЦК КПСС.

Состоялось лихот что-нибудь подобное хоть в одной из ленинградских партийных организаций?

Хотя такие голоса раздавались и в Ленинграде. Еще 3 апреля было готово письмо, составленное советом клуба "Перестройка", оно было одобрено общим собранием клуба 6 апреля и, за 89 подписями, направлено в ЦК КПСС, в редакции газет "Советская Россия" и "Правда".¹⁶

Эта конкретная ситуация, события последних недель, требуют особого внимания, подробного анализа. Хочется, чтобы этот конкретный эпизод был у всех в памяти, когда мы будем обсуждать тему сегодняшней дискуссии, — сказал А. Н. Алексеев.

(Цит. по: Меркурий, 1988, № 11)

* * *

Из письма Ленинградского клуба «Перестройка» (апрель 1988)

<...> И сам факт публикации в «Советской России» объемистого письма Н. Андреевой <...> и развернувшаяся в Ленинграде кампания поддержки свидетельствуют, по нашему мнению, об активизации сил, мечтающих повернуть вспять процесс демократизации.

<...> Мы, ленинградцы, которым дороги идеалы развивающейся социалистической демократии, говорим этим силам — НЕТ!

Мы за нравственное очищение нашего общества. Только полная правда о прошлом и извлечение из него уроков, только полная информированность о состоянии дел сегодняшних будут гарантами необратимости перестройки.

Больше правды, больше демократии! <...>

Клуб «Перестройка», 3.04.88

* * *

Из дополнения к письму, сделанному по поручению общего собрания клуба «Перестройка» (апрель 1988)

<...> 5 апреля в «Правде» была опубликована редакционная статья. <...> Однако мы не считаем, что опоздали.

Если антиперестроечной позиции, отчетливо выраженной в статье Н. Андреевой, уже дана принципиальная партийная оценка, то остается тревога за судьбу процесса демократизации в нашем городе, о чем говорилось в начале этого письма.

<...> Уроки обсуждения статьи «Не могу поступиться принципами» в Ленинграде еще предстоит извлечь. Можно предположить, что и после выступления «Правды» вопрос «Куда дальше?» не является исчерпанным. <...>

Клуб «Перестройка», 6.04.88

¹⁶ В данном абзаце исправлены мелкие фактические неточности, вкравшиеся в текст стенограммы.

**19.2.2. «Если бы не было статьи Андреевой,
ее следовало бы придумать...»**

**Из статьи Ю. Зерчанинова «Что случилось в Ленинграде?»,
опубликованной в журнале «Юность» (июль 1988)**

<...> В клубе «Перестройка» кто-то высказал мысль, что если бы не было статьи Андреевой, ее следовало бы придумать. А действительно, после этой статьи все вчерашние люди — и те безликие, которым, увы, уже не дано обрести чувство собственного достоинства, и те циники с запятнанной совестью, которые и не мыслят о покаянии, — мгновенно расконспирировались и стали дружно выкрикивать свой «перестроечный» лозунг: «Наше будущее — в нашем прошлом!». Словом, в ожидании партийной конференции статья Андреевой помогла выявить «пятую колонну» в наших рядах.

Но давайте представим, что ответная статья в «Правде» задержалась бы, а корреспонденты «Советской России», которые прибыли в Ленинград на обсуждение статьи в Ленинском районе, успели бы подготовить там полосу откликов? Удалось бы тогда, как вы думаете, нашим коллегам из белорусской молодежной газеты «Знамя юности», о принципиальной позиции которых рассказали «Московские новости», по-прежнему удерживать своего редактора от этой постыдной перепечатки «Советской России»? Заметим, что даже редакционная статья «Правды» не сразу образумила вчерашних людей (с их тонким нюхом на конъюнктуру), и в ленинградском партийном журнале «Диалог», подписанном в печать уже 8 апреля, были обнародованы рассуждения доцента Ленинградского университета М. Попова, спешившего «углубить» Андрееву, призывавшего поднять «знамя диктатуры пролетариата» ради торжества настоящей социалистической демократии.

<...> И давайте признаемся себе, что сегодня, когда мы уже начали забывать о злосчастной публикации в «Советской России», стоит крикнуть в любой винной очереди: «Выпьем за Родину, выпьем за Сталина!» — многие ли откажутся? <...> Сами знаете, вчерашним людям есть на кого опереться и карта их будет окончательно бита лишь в том случае, если каждый из нас, оказавшись паче чаяния в меньшинстве (ситуация Дегтярева и Воронкова), не спасует.¹⁷ <...>

(Юность, 1988, № 7)

¹⁷ С. Дегтярев — редактор Ленинградской студии телевидения, М. Воронков — студент Ленинградского технологического института, о которых рассказывается в очерке Ю. Зерчанинова.

19.3. К ситуации в Нагорном Карабахе

Из обращения Ленинградского клуба «Перестройка» к Верховному Совету СССР (апрель 1988)

<...> Представляется деструктивным и никак позитивно не объяснимым содержание первого пункта Постановления Президиума Верховного Совета СССР от 23.03.88 «О мерах, связанных с обращением Союзных республик по поводу событий в Нагорном Карабахе, в Азербайджанской и Армянской ССР»:

«...Признать недопустимым, когда сложные национально-территориальные вопросы решаются **путем давления на органы государственной власти**, в обстановке нагнетания эмоций и страстей, **создания всякого рода самочинных образований**, выступающих за перекойку закрепленных в Конституции СССР национально-государственных и национально-административных границ, что может привести к непредсказуемым последствиям...»

(Здесь и далее в официальных документах выделено нами. — Ленинградский клуб «Перестройка»).

Наша тревога вызвана тем, что эта позиция противоречит действующей Конституции СССР и никак не может быть позицией Верховного Совета страны — главного гаранта нашей Конституции, а ведь именно от имени Верховного Совета действовал его Президиум, приняв к опубликованию это постановление. <...>

[Далее следует анализ меры соответствия указанного постановления Президиума ВС СССР статьям 48, 50, 51 Конституции СССР. — А. А.]

Нашу серьезную тревогу и беспокойство вызывает та «вольная» интерпретация конституционных прав и свобод, которую по сути дела предлагает это постановление Президиума Верховного Совета СССР.

<...> Реакцию «сверху» на события в Нагорном Карабахе нельзя расценивать иначе как прямое указание на нежелательность социальной активности и самодеятельности масс, на «ненужность» выражения населением своих «симпатий», не санкционированных сверху. Особенную тревогу и озабоченность вызывают «ярлыковые» обвинения *[в адрес. — А. А.]* комитетов «Крунк» и «Карабах» в экстремизме (обвинения, уже фигурировавшие ранее в отношении крымско-татарских активистов).

Из таких обвинений рядовой представитель молчаливого, скептического, неуверенного большинства может сделать два диаметрально противоположных, но одинаково опасных вывода:

1) Любая не санкционированная изначально социальная активность может быть объявлена экстремизмом и вызвать соответствующую реакцию властей.

2) Между мирными демонстрациями (проводимыми без указания «сверху») и погромами существенной разницы нет.

Первый вывод по сути обесценит саму идею демократической перестройки. Второй — может привести к тому, что в массовом сознании получат «престижный ранг» наиболее безответственные и агрессивные «фюреры», уже преподавшие всем нам кровавый урок в гор. Сумгаите.

Мы обращаемся в Верховный Совет СССР с предложениями:

1. Решать вопрос о Нагорном Карабахе в строгом соответствии со статьями Конституции, гласящими: <...>

[Здесь опущены цитирования из статей 73, 78 и 86 Конституции СССР. — А. А.]

Как известно соответствующая законодательная инициатива, в строгом соответствии с Конституцией СССР, была проявлена сессией областного Совета народных депутатов НКАО, высказавшейся за возвращение области из Азербайджанской в Армянскую ССР (возможно, из-за опасения «патовой ситуации», которая могла бы возникнуть, если республики не придут к взаимному соглашению, предусмотренному Конституцией).

2. Решение о Нагорном Карабахе должно быть принято, исходя из уважения к Закону и тем «симпатиям» населения, о которых говорил Ленин, а не из-за преклонения перед чьей-то силой или влиянием.¹⁸

3. Работа по управлению ситуацией в Нагорном Карабахе должна проводиться в атмосфере максимальной гласности. Мы гласно ликвидируем напряженность с ракетами средней и меньшей дальности, показываем, что готовы гласно решить проблемы уменьшения военной напряженности в любой области. Здесь, в национальной сфере, гласность не менее, а может, и более важна.

4. Нам представляется, что Верховному Совету СССР, как самому высшему авторитету в стране, стоило бы выступить с открытым обращением к СМИ и предложить им воздерживаться от употребления бранных кличек типа «экстремист» по отношению к кому бы то ни было, пока это лицо или организация не прибегает или не призывает к насилию.

5. С другой стороны, действительный экстремизм (насилие или призывы к насилию, да еще массовому, организованному!) должен не только осуждаться в газетах, по радио и телевидению, но и — главное! — вызывать немедленные, неотвратимые и жесткие санкции со стороны соответствующих органов.

6. Необходимо предать гласности события в гор. Сумгаите — не «сжатую», «конспективную» или «взвешенную» информацию, а освещение ситуации: когда были убиты люди, вся вина которых состояла в том, что они армяне, или в том, что они (азербайджанцы) защищали армян. Нужна полная гласность как для того, чтобы пресечь все тенденциозные националистические, шовинистические, обывательские слухи, так и для того, чтобы воздать по заслугам тем, кто в этих сумгаитских событиях виновен.

Представляется необходимым выяснить степень вины каждого руководителя (горкома, горисполкома, милиции), допустивших (или спровоцировавших своими действиями) погром в гор. Сумгаите.

По нашему убеждению, необходимо опубликовать имена героев-азербайджанцев, погибших при защите армян, и позаботиться не только о помощи их семьям, воздаянии им посмертных почестей, но и об увековечении их памяти как символа подлинного интернационализма.

<...> Настоящее письмо обсуждено и одобрено на общем собрании членов Ленинградского межпрофессионального клуба «Перестройка» 6.04.88.

От совета клуба «Перестройка» (Ленинград): Рамм В. Г., Алексеев А. Н., Шелищ П. Б., Божков О. Б.

¹⁸ Выше цитировалось высказывание В. И. Ленина о том, что «**возможность** полного устранения национального гнета... превратится в **действительность** “только” — “только”! — при полном проведении демократии во всех областях, вплоть до определения границ государства сообразно “симпатиям” населения, вплоть до полной свободы отделения» (ПСС, т. 30, с. 22).

19.4. КГБ сообщает и комментирует (предупреждает...)

**Из письма членов Ленинградского клуба «Перестройка»,
адресованного в редакцию газеты «Аргументы и факты»
(май 1988)¹⁹**

Есть ли у нас сопротивление перестройке? Казалось бы, что за вопрос? Если недостаточно личных наблюдений, раскрой газеты — почерпнешь сколько угодно фактов.

Однако не спешите с ответом, прежде загляните в популярное издание «Аргументы и факты», № 17. Из статьи под рубрикой «КГБ сообщает и комментирует» Вы узнаете о «стратегическом плане» западных спецслужб, в котором, в частности, «особые усилия предлагалось сосредоточить на распространении провокационных измышлений о «возникновении и росте сопротивления перестройке» и якобы назревании в нашей стране крупных социальных конфликтов».

В официальной информации КГБ СССР это, к сожалению, далеко не единственное место, вызывающее удивление и беспокойство за судьбу перестройки.

Так, миллионам лекторов, пропагандистов, политинформаторов, от имени Комитета, предлагается нести в массы предупреждение о намерении западных спецслужб использовать процесс перестройки и демократизации для подрыва изнутри советского государственного и общественного строя.

Хотелось бы спросить авторов этого документа: а если сопротивления перестройке у нас нет, то, следовательно, в самом курсе на перестройку заложены некие особо благоприятные — по сравнению с прошлым — условия для подрыва изнутри нашего строя, так, что ли?

Попробуем представить себе, как подобное предупреждение могло бы звучать еще 5–6 лет назад: западные спецслужбы рассчитывают использовать «процесс «совершенствования развитого социализма» для подрыва изнутри советского государственного и общественного строя». Как нуждались мы, все вместе и каждый в отдельности, в таких предупреждениях! И находились люди, которые говорили вслух об опасности разрушения застойным «развитым социализмом» реальных социалистических ценностей народа.

Увы, тогда работники КГБ нередко видели в них «подрывателей устоев», именно от их честного слова и дела охраняли то, что сейчас мучительно перестраиваем.

Но вернемся в сегодняшний день. Правомерен вопрос: если авторы этого документа все же признают, вслед за ЦК КПСС, наличие механизма торможения и тех, кто приводит его в действие, то в чем они видят действительную опасность для нашего строя: в перестройке или в ее торможении?

<...> Убеждены, что эта публикация от имени КГБ, в преддверии XIX Всесоюзной партийной конференции, объективно способствует не столько борьбе с происками ЦРУ (несомненно, вполне реальными), сколько служит предостережением людям, поддерживающим идеи перестройки, но не преодолевшим еще привычный страх перед окриком «начальства». Прочитав же эту публикацию, такой человек десять раз оглянется, прежде чем попросить слова для критического выступления.

¹⁹ Опубликовано не было.

<...> Похоже, впрочем, что публикация под рубрикой «КГБ сообщает и комментирует», будучи мало кем замеченной из активистов перестройки, как-то не произвела на них особого впечатления. В «Советской культуре» от 29 апреля был опубликован, правда, одиночный отклик, с которым мы полностью солидарны. Остальные же газеты и журналы пока не обратили внимания на это своеобразное предупреждение.

И правильно! Впрочем, мы все же не смогли пройти мимо.

А.Н. Алексеев, В.Г. Рамм, П.Б. Шелищ, члены КПСС

4.05.88

19.5. «Язык народа, обращенный им к самому себе»

19.5.1. К дебатам о свободе печати

**Из тезисов к общественной дискуссии «Гласность и пресса»,
организованной Ленинградским клубом «Перестройка»
(май 1988)**

...Свобода печати... «неделикатный, нескромный язык народа, обращенный им к самому себе»...

К. Маркс (Дебаты о свободе печати. 1842)²⁰

<...> 2. Мне представляется необходимым государственный переход от норм **превентивной** цензуры к нормам цензуры **репрессивной**, действующей в большинстве экономически, социально и политически развитых стран.

При превентивной (предварительной) цензуре ответственность за нарушение Конституции органами государственной информации, равно как и за разглашение «государственных тайн» несут: цензор + редактор (первый — де юре, второй — де факто).

При репрессивной (карательной) цензуре редактор единолично отвечает перед Законом за соответствующие нарушения (преступления), которые выявляет цензор и карает суд.

В таком случае наша цензура из Управления по охране государственных тайн в печати могла бы превратиться в своего рода службу информационного надзора в рамках прокурорского.

²⁰ И еще процитирую Маркса (те же «Дебаты о свободе печати»):

«...Свободная печать — это зоркое око народного духа, воплощенное доверие народа к самому себе, говорящие узы, соединяющие отдельную личность с государством и с целым миром; она — воплотившаяся культура, которая преобразует материальную борьбу в духовную и идеализирует ее грубую материальную форму. Свободная печать — это откровенная исповедь народа перед самим собой, а чистосердечное признание, как известно, спасительно. Она — духовное зеркало, в котором народ видит самого себя, а самопознание есть первое условие мудрости. Она — дух государства, который доставляется в каждую хижину с меньшими издержками, чем материальное средство освещения. Она всесторонняя, всеведуща, всеведуща. Она — идеальный мир, который непрерывно бьет ключом из реальной действительности и в виде все возрастающего богатства духа обратно вливается в нее животворящим потоком... Призрачны все остальные свободы при отсутствии свободы печати...» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., Изд-е второе. Том 1, М.: ГИПЛ, 1956, с. 65-66, 83).

В момент написания этих строк Карлу Марксу — 24 года.

3. Если конституционный запрет на пропаганду войны, насилия и т. д., равно как и преследование по закону за клевету и диффамацию требуют в лучшем случае правовых комментариев (во избежание двусмысленности толкований при признании норм репрессивной цензуры), то список вопросов, составляющих предмет «государственной тайны», должен быть исчерпывающе полным и должен быть обнародован, так чтобы не только редакторы, но и авторы, а также читатели знали, какого рода сведения не подлежат разглашению.

4. Переход от норм превентивной цензуры к нормам репрессивной вряд ли может быть одномоментным, как, скажем, не одномоментным является переход промышленных предприятий на хозрасчет.

Этот переход должен быть **добровольным** для органов печати. Скажем, редактор подписывает Декларацию об отказе от превентивной цензуры. «Репрессивное» информационное право при этом должно быть достаточно суровым. Не можешь или не хочешь взять на себя ответственность — носи гранки в цензурное управление.

5. Будущий Закон о печати, по моему глубокому убеждению, должен предусматривать право издания **кооперативных** печатных органов, на общих принципах учреждения и функционирования кооперативов.

Кооперативные печатные органы должны, по-видимому, проходить своего рода «испытательный срок» превентивной цензуры, после чего — при отсутствии предупрежденных цензурой «попыток» нарушения Конституции или разглашения «государственных тайн» — редактор получает право сделать соответствующее заявление (подписать декларацию) об отказе от предварительной цензуры в пользу репрессивной.

6. Кооперативный печатный орган может выступать органом некоторой организации, неформального объединения и т. д., может быть и «независимым» печатным органом (строго говоря, тогда уже и не «орган»). Последний может «прогореть», а может и сформировать вокруг себя аудиторию, имеющую шанс «кристаллизироваться» в неформальное объединение или даже организацию. Тогда это издание может быть органом без кавычек.

7. Понятно, что для существования кооперативных изданий необходима множительная техника, вообще — соответствующая материально-техническая база.

Присоединяюсь к предложению Ю. Нестерова, опубликованному в «Огоньке» (1988, № 18). Но пока множительной техники дефицит, должна быть установлена общественно контролируемая «очередь» на ее приобретение (или аренду) — приоритетная для тех претендентов, которые уже проявили себя как способные и не нарушающие Конституцию «издатели» и «редакторы» и, стало быть, имеющие шанс ее эффективно и во благо общества использовать.

8. Существует понятие «многотиражной прессы», относимое к изданиям, выходящим в рамках отдельных предприятий, учреждений, ве-

домств. В сущности, своего рода «многотиражками» могут стать и кооперативные издания.

Но я бы ввел и узаконил также понятие **малотиражной** печати. В определенном смысле таковыми сегодня являются многие машинописные бюллетени, «альманахи», сборники неформальных объединений.²¹

Несмотря на большое (часто не контролируемое) количество копий, машинописные издания — принципиально малотиражны (по сравнению с изготавливаемыми на множительной технике). Такие издания могут предприниматься на началах даже не кооперативной, а **индивидуальной трудовой** деятельности.

Ввиду их «малотиражности» на них может не распространяться требование предварительной цензуры, даже в порядке «испытательного срока» (хотя от репрессивной не может быть застрахован никто).

9. Итак, предлагается следующее подразделение типов печатных изданий, заслуживающее использование в будущем Законе о печати: а) государственная пресса (включая партийную и проч.); б) кооперативные издания; в) издания, осуществляемые в порядке индивидуальной трудовой деятельности («малотиражки»).

По поводу каждого типа более или менее охарактеризованы выше: статус, способ функционирования, цензурные условия, возможные технические средства.

10. Мало вероятно, что эта модель найдет воплощение уже завтра, в будущем Законе о печати. Но стремиться к этому надо, в условиях демократической перестройки нашего общества, следуя принципам социального плюрализма.

Андр. Алексеев, 13.05.88

Ремарка: устаревшие предложения.

На дискуссии клуба «Перестройка» на эту тему, в ДК им. Ленсовета, автору присутствовать не довелось. Его тезисы были зачитаны, кажется, Еленой Зелинской, от его имени.

Что же касается высказанных здесь «радикальных» предложений, то закон о средствах массовой информации, принятый два года спустя, пошел гораздо дальше их. Как известно, произошла полная отмена государственной превентивной цензуры.²²

Примечательно, что именно на этой дискуссии состоялась одна из первых презентаций того проекта нового закона о СМИ, который лег в основу принятого в 1990г. (к настоящему времени — многожды «дополненного и исправленного»). Рассказ об этом одного из очевидцев и участников того собрания см. ниже.

Этот рассказ, кстати, хорошо передает атмосферу тогдашних дискуссий в ДК им. Ленсовета. (Март 2001 — февраль 2005).

²¹ То, что принято было тогда (да и теперь!) называть «самиздатом».

²² Правда, возникли и укрепились новые формы политического и — особенно — экономического контроля, давления на СМИ и удушения гласности.

19.5.2. Атмосфера дискуссий, организуемых клубом «Перестройка»

Из книги А. Винникова «Цена свободы» (1998)

<...> Ведущих было двое — изящный молодой мужчина, Витя Монахов и Лена Зелинская, успевшая распродать все номера своего дефицитного журнала.²³ Сидели они в углу сцены, за низким журнальным столиком, и вели себя непринужденно — занимались разбором лежащей на столе груды записок, переговаривались, смеялись — в общем не обращали никакого внимания на изнывающий от духоты и нетерпения зал. Наконец, когда напряжение достигло степени, грозящей скандалом, Витя Монахов извинился и начал собрание, предоставив слово одному из разработчиков законопроекта.

История написания проекта нового закона, рассказанная этим молодым человеком, воспринималась в тот момент как нечто из ряда вон выходящее. Создание законов для меня, как и для большинства моих сограждан, представлялось каким-то таинственным ритуалом, совершавшимся в том замкнутом, доступном только посвященным мире, который обозначался в нашем сознании набором таких символов, как «Кремль», «Москва», «Старая площадь», «коридоры власти». <...> Что же касается выступавшего молодого человека и его коллег, они уже тогда, в 1988 году, по собственной инициативе положили начало тому процессу создания законодательной основы нашего общества, который сейчас идет полным ходом.

Вопрос о свободе слова был в то время основным. Пресловутая горбачевская «гласность» цвела пышным цветом, но даже это рахитичное дитя перестройки казалось бюстителям коммунистической идеи чем-то чудовищным и чрезмерным. Осенью /1987 г. — А. А./ правительством было принято решение о введении лимитов на подписку, делавших газеты недоступными. Это решение было отменено в результате поднявшейся по всей стране кампании протеста — люди осознали, что их свобода слушать, воспринимать и думать, основа всех других свобод, по-прежнему зависит от манипуляций партийных чиновников. Именно поэтому и возникла идея о необходимости особого закона о печати, закона, гарантирующего людям достигнутого уровня свободы.

Эта идея была реализована тремя молодыми людьми, юристами, которые по собственной инициативе написали текст, выставленный на всеобщее обозрение в коридоре. Теперь нужно было включить выполненную ими на высоком профессиональном уровне работу в законотворческий процесс, не допуская в те годы никакой самодеятельности. Поэтому авторы закона прежде всего попытались довести его до сведения общественности путем публикации в прессе и открытого обсуждения. С публикациями дело шло туго, закон /законопроект. — А. А./ был напечатан в какой-то прибалтийской спортивной газете, ни одно из изданий союзного значения не соглашалось его обнародовать, так что процесс обсуждения вынужденно носил камерный характер. Однако значение этого акта все равно было огромно — то был первый случай рождения нового закона в недрах общества, а не в государственной структуре.

²³ Имеется в виду издававшийся Е. К. Зелинской машинописный журнал «Меркурий» — одно из самых популярных и авторитетных самодеятельных печатных изданий того времени.

Я помню, что при беглом чтении текст закона вызвал у меня скептическое отношение, причем аналогичная реакция была у многих. Предлагаемые нормы настолько не вписывались в привычный уклад жизни, что казались нереалистичными. Особенно это касалось той части, где речь шла об охране государственной тайны — возникало ощущение, что авторы никогда не читали тех многочисленных инструкций, с которыми практически был знаком каждый советский человек, работавший в «режимном» учреждении. Эти нормы казались незыблемыми, и всякое противоречие с ними воспринималось как ребячество. Мысль о незаконности этих ограничений возникла гораздо позднее, когда появилась реальная возможность их отменить. А в тот момент трое молодых людей, покушавшиеся на основы, вызывали не только восхищение, но и раздражение — их радикализм воспринимался как легкомыслие.

Тем не менее обсуждение шло довольно живо. На сцену один за другим выходили люди, чьи имена через год стали известны всему городу, а некоторые — всей стране. Некоторые выступления вызывали бурную, но естественную реакцию. Не было и следа той мертвящей фальши и наигранности, которые я наблюдал совсем недавно в Доме культуры железнодорожников. Не чувствовалось никакой режиссуры — но эффект был огромный.

Прежде всего бросалось в глаза, что многие выступавшие были прекрасными ораторами, которые давно друг друга знали и привычно полемизировали, соревнуясь в умении производить впечатление на аудиторию. Особенно эффектен был Владимир Евгеньевич [ошибка! Правильно: Григорьевич. — А. А./Рамм — сорокалетний экономист, наделенный даром темпераментной и образной речи. Остановить его было невозможно. Он увлекался и увлекал за собой аудиторию, смело бросаясь в бой с воображаемыми и реальными оппонентами, которых у него сразу возникало более чем достаточно. Его манера поначалу казалась чрезмерно агрессивной, но в ней не было ничего отталкивающего: то был настоящий митинговый оратор, трибун, рожденный для того, чтобы выступать перед огромной аудиторией. Разумеется, этим импровизациям не хватало чувства меры — оно проявлялось только в его блестящих публицистических статьях. Как всякое сильнодействующее средство, Рамма невозможно было выдерживать в слишком больших дозах, и поэтому ведущие все время с ним конфликтовали — напоминали про регламент, прерывали, в общем, занудствовали. Это приводило к забавным сценкам, которые составляли неотъемлемую часть атмосферы клуба.

<...> Наряду с уже знакомыми мне по «Мемориалу» Прошиной и Лебедевым, было много совершенно новых для меня людей. Были и дээсовцы [члены партии «Демократический Союз». — А. А./], но вели они себя здесь совершенно иначе: ходили по рядам, собирали подписи под какими-то обращениями и время от времени вступали в затяжную полемику с ведущими, пользуясь для этой цели «горячим микрофоном», стоявшим в проходе между сиденьями. О том, чтобы врываться на сцену и отбирать у оратора микрофон, не было и речи — вчерашние громилы в кожаных пиджаках вели себя как обиженные интеллигенты, которых зажимают.

Собственно, о проекте закона кроме авторов говорили немногие. Для большинства выступавших это было поводом изложить свою точку зрения

на положение в стране, ситуацию со свободой вообще и свободой печати в частности. Разговор шел в общем и целом — о конкретных поправках к тексту говорили редко. Закон подавляющее большинство видело впервые и не имело возможности проанализировать, да и привычки читать юридический текст у людей не было. Тем не менее общую тональность выступлений я помню, и она представляется мне весьма интересной, особенно сейчас, когда закон о средствах массовой информации уже принят и действует со всеми известными нам последствиями.

Большинство выступавших главное зло видели в цензуре, и споры шли только по поводу того, отменять ли цензуру полностью и немедленно или же это должен быть постепенный, эволюционный процесс. Особенно жаркие споры шли вокруг цензуры и государственной тайны. Практически не было никого, кроме дэсовцев, кто решился бы требовать полной ликвидации государственной тайны. Рассекречивание архивов КГБ представлялось далекой и нереальной перспективой, хотя в выступлениях мемориальцев этот мотив прозвучал явственно. Но главной проблемой все-таки нам виделось освобождение журналистов от гнета идеологической цензуры. Вопрос влияния на прессу через финансирование, политическое лицо и уровень журналистского корпуса, роль негласных сотрудников КГБ в средствах массовой информации — все те факторы, которые с течением времени стали представляться наиболее серьезными, тогда нас совершенно не волновали. В памяти всех присутствующих была жива недавняя попытка перекрыть каналы информации введением лимита на подписку — и никто не мог себе представить, что освобождение цен на бумагу подействует гораздо эффективнее, чем решение Министерства печати. Но это упрощенное восприятие отражало тоску по свободе и спланивало людей. За свободу печати с одинаковым жаром ратовали люди, которым через несколько лет предстояло писать представление в прокуратуру с требованием закрыть издание, возглавляемое политическим оппонентом. Но тогда эту перспективу было невозможно предвидеть. В тот вечер почти весь зал представлял собою клуб единомышленников. <...>

(А. Я. Винников. Цена свободы. СПб.: Библиополис, 1998, с. 36-40)

19.6. Кому доверяют ленинградские социологи

Из документа, принятого на партийном собрании отдела проблем социального развития ИСЭП АН СССР (май 1988)

Обращение к коммунистам Советского Союза, к первичным организациям, к пленумам городских и областных комитетов партии

Уважаемые товарищи!

Как известно, выборы делегатов на XIX партконференцию будут проходить на пленумах областных комитетов партии. На сегодня дело обстоит следующим образом: списки кандидатур, как правило, вырабатываются аппаратами областных комитетов, затем первичным партийным организациям предлагается обсудить и поддержать соответствующую кандидатуру из числа своих членов.

Мы считаем, что это — лишь новый вариант разнарядки, против которой решительно высказался М. С. Горбачев, выступая на встрече в ЦК КПСС 7 мая [1988 г. — А. А.]. Такая процедура не гарантирует реализации главной политической установки — избрания на конференцию активных сторонников перестройки.

Сегодня особенно хорошо видна опасность того, что консервативные силы в партии смогут контролировать избрание делегатов, а тем самым — ход и результаты этого форума. Нейтрализовать такую опасность можно лишь путем непосредственного выдвижения делегатов снизу, причем не обязательно из числа своих первичных организаций.

Мы согласны с мнением, высказанным на страницах газеты «Советская культура» (7.05.88): на конференции должны быть представлены самостоятельно думающие люди, цвет и интеллект народа, совесть народа.

Нужно, чтобы не остались за пределами списка делегатов люди, которые сумели не только публично заявить, четко сформулировать и обосновать свою позицию в пользу революционной, а не псевдodemократической перестройки, но и доказали свою способность отстаивать эту позицию в любых условиях. Именно такие делегаты остро необходимы конференции и не позволят ей затормозить или повернуть перестройку вспять.

Поэтому мы призываем коммунистов страны, первичные партийные организации, пленумы горкомов и обкомов выдвигать и отстаивать следующие кандидатуры:

Т. Абуладзе, кинорежиссер; **А. Адамович**, писатель; **Ч. Айтматов**, писатель; **А. Алексеев**, социолог, рабочий; **Е. Амбарцумов**, социолог; **В. Амлинский**, писатель; **Ш. Амонашвили**, педагог; **Ю. Афанасьев**, историк; **Г. Бакланов**, писатель; **З. Балаян**, публицист, **В. Бедуля**, председатель колхоза; **В. Белоконь**, председатель колхоза; **А. Беляев**, журналист; **А. Бовин**, публицист; **В. Боссерт**, директор завода; **Г. Богомолов**, рабочий; **Ф. Бурлацкий**, публицист; **Ю. Буртин**, публицист; **А. Бутенко**, философ; **В. Быков**, писатель; **А. Ваксберг**, публицист; **И. Васильев**, публицист; **Ю. Власов**, писатель; **В. Волобуев**, историк; **А. Гельман**, драматург; **Д. Гранин**, писатель; **Г. Гречко**, космонавт; **П. Гутионтов**, журналист; **Ю. Давыдов**, писатель; **И. Дедков**, публицист; **А. Елисеев**, космонавт, ученый; **О. Ефремов**, театральный деятель; **С. Залыгин**, писатель; **Т. Заславская**, социолог; **Т. Иванова**, критик, публицист; **Г. Илизаров**, врач; **В. Кабаидзе**, директор завода; **В. Кавторин**, писатель; **Карманов**, педагог; **Л. Карпинский**, социолог, публицист; **Ю. Карякин**, публицист; **Г. Каспаров**, чемпион мира по шахматам; **Католиков**, педагог; **Э. Климов**, кинорежиссер; **Р. Козлов**, журналист; **В. Кондратьев**, писатель; **В. Коротич**, писатель; **В. Кудрявцев**, юрист; **О. Лацис**, экономист; **Ю. Левада**, социолог; **Г. Лисичкин**, публицист; **С. Лысенкова**, педагог; **В. Матвеев**, журналист; **В. Надеин**, журналист; **Б. Никольский**, писатель; **Л. Овруцкий**, публицист; **Б. Окуджава**, поэт; **Б. Олейник**, писатель; **В. Познер**, публицист; **В. Поликарпов**, историк; **Г. Попов**, экономист; **Н. Попов**, философ; **В. Селонин**, публицист; **В. Сериков**, строитель; **А. Смелянский**, театральный деятель; **А. Сокуров**, кинорежиссер; **С. Соловейчик**, публицист, педагог; **В. Стародубцев**, пред-

седатель колхоза; **А. Стреляный**, публицист; **Р. Стуруа**, режиссер; **Н. Травкин**, строитель; **М. Ульянов**, актер; **С. Федоров**, врач; **Ю. Черниченко**; публицист; **С. Шаталин**, экономист; **В. Шаталов**, педагог; **М. Шатров**, драматург; **В. Шейнис**, социолог, экономист; **Н. Шмелев**, экономист; **Ю. Щербак**, писатель; **М. Щетинин**, педагог; **А. Яковлев**, юрист; **Е. Яковлев**, журналист.

Мы считаем этот список открытым и рассчитываем, что он будет дополнен и продолжен.

Партийная организация отдела проблем социального развития ИСЭП АН СССР

(Май 1988)

Ремарка: «знаковые» фигуры.

Список — весьма информативный для тех, кто занимается историей того времени. В нем фигурируют члены КПСС, представители «антибюрократической» прослойки партии, оказавшиеся в ту пору «знаковыми» фигурами процесса демократических преобразований. (Март 2001).

19.7. Как я не стал делегатом XIX партконференции

Из заметки В. Дмитриева, опубликованной
в «Ленинградской правде» (май 1988)

Кого выдвигают рабочие

Ленинградская пресса уже рассказывала о высоком накале страстей в духе демократизма *[так! — А. А.]*, которые царили в объединении «Ленполиграфмаш», во время обсуждения здесь кандидатуры возможного делегата XIX партконференции.

Продолжалось оно в течение нескольких дней на заседаниях цеховых партбюро и парткома, в партгруппах, на открытых партийных собраниях в цехах. И в итоге вместо одной предложенной кандидатуры список возможных кандидатов вырос ко вчерашнему дню до двенадцати человек.

Причем, в это число вошли только те, за кого высказалось большинство участников собраний. На самом деле имен возможных кандидатов называлось гораздо больше. В 8-м цехе предприятия, например, прозвучали имена заточника Л. И. Волкова, слесаря объединения, социолога А. Н. Алексеева, фрезеровщика Г. А. Богомолова, заточника С. Г. Кица. Однако в конечном счете собрание пришло к выводу, что оно не может предложить кандидатуру, отвечающую требованиям, предъявляемым делегатам конференции. К такому же выводу пришли и участники многих других цеховых собраний.

На ком же остановили свой предварительный выбор коммунисты, рабочие предприятия? Среди двенадцати внесенных в список кандидатур члены парткома шлифовщики В. И. Новиков и А. В. Пересветов, заместитель начальника цеха А. В. Виноградов, генеральный директор объединения А. Д. Долбежкин. Всех этих и других коммунистов отличают высокие профессионализм и принципиальность, умение держать данное слово, стремление делом крепить перестройку, взвешенность оценок при анализе явлений, происходящих в обществе.

По поручению цеховых партийных собраний вчера на расширенном заседании парткома, на которое были приглашены все желающие работники предприятия, была определена окончательная кандидатура возможного кандидата в делегаты партконференции. Предпочтение было отдано генеральному директору объединения Александру Дмитриевичу Долбежину — человеку слова и дела [так! — А. А.].

В. Дмитриев

(Ленинградская правда, 21.05.88)

Ремарка: претендент на мандат делегата XIX Всесоюзной партконференции.

Попытки выдвижения только что восстановленного в партии социолога-рабочего кандидатом в делегаты XIX конференции КПСС происходили и не только в объединении «Ленполиграфмаш». Решения о выдвижении А. состоялись в мае 1988 г. на партийных собраниях отдела проблем социального развития ИСЭП АН СССР и машиностроительного факультета Ленинградского инженерно-экономического института им. П. Тольятти. Обращения с призывом к пленуму Ленинградского обкома КПСС включить А. в список для тайного голосования по выборам делегатов на конференцию исходили также от группы коммунистов НИИ электрофизической аппаратуры им. Д. В. Ефремова, от группы участников дискуссии Ленинградского межпрофессионального клуба «Перестройка» 13 мая 1988 г., от межгородского рабочего клуба (г. Москва). (Май 2001 — май 2005).

* * *

**Из заметки В. Монахова, опубликованной
в «Комсомольской правде» (июнь 1988)**

<...> Газета считает удивительным факт молчания аппарата в ответ на ее акцию. Я же думаю, что он свое слово уже сказал. Сказал внятно и решительно: ваше дело спорить, обсуждать, предлагать кандидатов в делегаты на партконференцию, а наше дело отобрать достойных. Тех, кто «не подведет». Кого? Думаю, ответ ясен. Ленинградская практика выборов делегатов в этом смысле не исключение. Вчерашнее открытое партийное собрание Ленинградского отделения Союза писателей, собравшее под своей крышей представителей почти всех творческих союзов нашего города, это зримо и ярко подтвердило. На этом собрании вновь прозвучала и получила свое место в его решении в качестве кандидата в делегаты фамилия социолога А. Н. Алексеева. Об этом человеке сегодня известно многим в нашей стране. Именно тот образ партии, который он представляет, обещает нравственное, духовное, демократическое возрождение и партии, и всего нашего общества. Однако на пленуме обкома КПСС 27 мая уже избраны 176 делегатов из 176 возможных. И теперь нам говорят, что поезд уже ушел. В связи с этим предложение: таким людям, как А. Н. <...>, которых поддерживает широкая общественность, дать право участия в конференции, например, с сощещательным голосом — такое в истории было. <...>

(Комсомольская правда, 4.06.88)

* * *

Из текста уличного стенда «Ваша позиция» (июнь 1988)

<...> Партийное собрание ленинградских писателей, о котором столь кратко упомянула «Комсомольская правда» от 4 июня 1988, продолжалось 8 часов.

В итоге принята резолюция, в которой говорится о неправомерности антидемократических методов при выдвижении делегатов на XIX всесоюзную партконференцию и предложено отозвать мандаты **Варсобины А. К.** — редактора газеты «Ленинградская правда», **Ефимова В. А.** — 1-го секретаря Ленинского РК КПСС, **Фролова В. И.** — 1-го секретаря Выборгского РК КПСС.²⁴

Освободившиеся мандаты вручить тем, кого выдвигали «снизу»: **Алексееву А. Н.**, слесарю завода «Ленполиграфмаш», социологу (недавно восстановлен в партии); **Никольскому Б. А.** — редактору журнала «Нева»; **Петрову А. П.** — композитору. <...>

Ремарка: подписи, собранные на Невском проспекте.

Возле указанного стенда, установленного на Невском, около здания Думы, происходил сбор подписей под обращением к М. С. Горбачеву:

«... Кабинетное выдвижение делегатов на XIX партийную конференцию превратило эту поспешную кампанию в постыдный фарс. Но единство честных людей все равно прорвет эшелонированную оборону саботажников перемен. Наше твердое «Да» — Вашему курсу: гласность, демократия, перестройка! «Нет» — любым махинациям за спиной народа! Как бы наследники застоя ни сопротивлялись, гласность сделает свое дело. Народ постепенно выпрямляется, и местным «князькам», бездарность и порочность которых продолжает разлагать общество, будет все труднее обманывать и обкрадывать его... Мы верим, что их места, в конце концов, займут люди достойные...».

Составителем письма и инициатором акции был Олег Поддобрый. Под письмом тогда было собрано около 500 подписей. (Май 2001).

* * *

Из статьи М. Чулаки «Померкла ли младшая столица...», опубликованной в «Московских новостях» (июль 1988)

<...> Потом были выборы делегатов на партконференцию. Происходили они по испытанным старым образцам: члены обкома выбирали 176 делегатов из 176 кандидатур. Хуже даже не это, хуже лицемерие: в ленинградских газетах жонглировали цифрой 500 кандидатур, из которых, мол, выбрали 176. На самом деле те кандидатуры, которых рядовые члены партии выдвигали на собраниях, которые конкурировали с теми, которые были «спущены», «рекомендованы» — наш замечательный канцелярит изобрел множество синонимов для этой привычной формулировки! — где-то между райкомами и обкомами отсеялись, и остались в первоначальном списке для голосования те самые — «спущенные». Не был включен в список выдвинутый несколькими коллективами известный сейчас всей стране социолог А. Алексеев; не был включен в список выдвинутый киришанами врач В. Есиновский, много лет борющийся против расположен-

²⁴ Это секретари тех самых райкомов партии, которыми были организованы публичные выступления в поддержку позиции, выраженной в письме Нины Андреевой (см. выше: раздел 19.2).

ного в Киришах биохимзавода белково-витаминных концентратов. (В самих Киришах никто не сомневался, что завод их травит, а ученые комиссии отвечают уклончиво: дети гибнут от аллергии, от приступов астмы, даже от ОРЗ...).

Да, по уставу выборы делегатов были проведены обкомом безупречно: там сидят люди, знающие уставы насквозь. Но еще Ленин замечал: формально правильно, а по существу издевательство. Это про нас.

(Московские новости, 10.07.88)

19.8. На «Ленполиграфмаше» обсуждают Тезисы ЦК КПСС

Из заводской газеты (июнь 1988)

В заводоуправлении...

Остаются считанные дни до открытия XIX Всесоюзной партконференции, и в партийных организациях завершается обсуждение тезисов ЦК КПСС. 8 июня состоялось открытое партийное собрание заводоуправления и коммерческих служб, которое одобрило Тезисы ЦК КПСС.

Коммунисты выступили со своими суждениями и предложениями. Например Ф. Г. Ефремов говорил, что надо заботиться о чистоте и качественном составе нашей партии. Дать возможность свободного выхода из партии тем, кто не может быть активным ее членом *[так! — А. А.]*.

— Надо отменить плановые задания по приему в партию, сказал он. — Порой в погоне за цифрами принимают в партию людей неподготовленных. А отсюда и низкая активность.

Ф. Г. Ефремов предложил повысить ответственность вплоть до исключения из партии тех, кто преследует за критику.

З. А. Митрофанова сделала упрек парткому и парторганизациям подразделений, что они небрежно относятся к ветеранам партии, не используют их опыт и знания. И не надо торопиться отчислять их из своих рядов.

— Считаю, что надо пересмотреть на XIX партконференции вопрос персональных пенсий. Не все партийные и другие выборные работники заслуживают их, — подчеркнула она. — И пусть все, кто занимает высокие посты, покупают продукты и товары в общих магазинах.

Зав. парткабинетом З. Н. Михайлова обратила внимание на то, что коммунист должен иметь всегда четкую позицию. А ее можно выработать, овладевая знанием марксистско-ленинской теории. Однако не все наши коммунисты серьезно относятся к партийной учебе. А ведь форму учебы можно выбирать.

На партийном собрании были высказаны и другие предложения по развитию демократии в партии, в обществе. Все их решили передать в партийный комитет для обобщения, чтобы направить в вышестоящие инстанции.

Н. Николаева *[Н. Н. Харькова. — А. А.]*

... и в цехе № 3

В нашем цехе состоялось открытое партийное собрание, посвященное обсуждению Тезисов ЦК КПСС к XIX партийной конференции.

Собрание постановило: Тезисы ЦК КПСС к XIX партийной конференции одобрить. Также были высказаны предложения коммунистов и беспартийных о принятии XIX партконференцией решений по ряду вопросов, не отраженных в Тезисах.

Например, право добровольного выхода из рядов КПСС без последующих санкций по этому поводу.

Опубликовать ранние тексты всех выступлений руководящих партийных деятелей на Пленумах ЦК КПСС. Принимать постановления ЦК КПСС исключительно на Пленумах ЦК КПСС, а не в промежутках между Пленумами, как это имеет место до сих пор. За эти предложения проголосовало подавляющее большинство.

Поставить общественно-политическую аттестацию коммунистов под контроль беспартийных. Для чего — дать право беспартийным участвовать в голосовании наравне с членами КПСС при принятии решения об аттестации конкретного коммуниста на открытом партийном собрании. Ввести в практику перевод из членов КПСС в кандидаты в члены КПСС на срок один-два года по итогам аттестации (за — 9, против — 9, воздержались — 4).

Посмертно исключить из КПСС И. В. Сталина и других деятелей, виновных в тяжких преступлениях перед партией и народом (за — 9, против — 7, воздержались — 6).

В. Курсов, секретарь партбюро цеха № 3²⁵
(Трибуна машиностроителя, 15.06.88)

19.9. «Дальше... дальше...»

[Ниже — документы из архива Ленинградского межпрофессионального клуба «Перестройка». — А. А.]

19.9.1. Союз Демократических Сил — «детище и инструмент современной общественной перестройки»...

Проект заявления Ленинградского клуба «Перестройка» (май 1988)

За консолидацию общественных сил в поддержку демократической перестройки (к вопросу о создании СДС)

25 апреля 1988 г. на дискуссии, организованной Ленинградским клубом «Перестройка», прозвучал призыв к созданию новой общественно-политической организации — Союза Демократических Сил в поддержку и защиту перестройки. Этот призыв отвечает назревшей общественной потребности развертывания массового движения горячих, активных сторонников демократической перестройки, чьи силы сплошь и рядом

²⁵ Стоит напомнить, что цех № 3 — тот самый, в котором трудился социолог-рабочий. Эксцентричное предложение о посмертном исключении из партии И. В. Сталина исходило, кстати, от него.

Все эти голосования являются «тестовыми», поскольку показывают реальный расклад общественно-политических позиций в цеховой партийной организации, на тот момент.

еще разобщены, а искренние усилия встречают сознательное или неосознанное сопротивление.

Сегодня, накануне XIX партконференции, мы понимаем, что <...> демократической перестройке существует альтернатива — бюрократическая или псевдодемократическая перестройка, и мы полны решимости исключить гибельное для дела социализма развитие событий в этом направлении.

Для этого и представляется необходимым создание новой общественно-политической организации, в соответствии со ст. 51 Конституции СССР.

Каким видится нам будущий Союз Демократических Сил в поддержку и защиту перестройки?

1. СДС — это самоорганизующееся общественное движение за демократическую перестройку «снизу». Это непосредственный канал связи между руководством Коммунистической партии, выступившим политическим застрельщиком революционной перестройки советского общества, и массы подвижников, рядовых и «прорабов» перестройки на местах. СДС — это координация низовых, коллективных и индивидуальных усилий в пользу бескомпромиссной гласности, неурезанного самоуправления, не связанной по рукам инициативы, не протитуированной демократии, не ущемленного достоинства личности, действительного, а не мнимого хозрасчета.

2. СДС — не имеет своей особой политической платформы, отличной от той, что выдвинута на XXVII съезде КПСС, в частности, в речи М. С. Горбачева на февральском (1988 г.) Пленуме ЦК КПСС. Однако, отдавая себе отчет в том, что баррикады перестройки пролегают сейчас и внутри партии, мы видим в СДС — «народный фронт», объединяющийся не вокруг тех сил в партии, которые способствовали, скажем, пропаганде идей, выраженных в статье «Не могу поступиться принципами» (Советская Россия, 13.03.88), а тех сил, которые обеспечили появление в «Правде» 5 апреля редакционной статьи «Принципы перестройки: революционность мышления и действий».

3. Опубликованные сегодня в «Правде» материалы встречи в ЦК КПСС с руководителями СМИ, идеологических учреждений и творческих союзов 7.05.88 — лишний раз показывают всю остроту идейно-политической ситуации на пороге XIX партконференции. СДС призван стать массовым движением и общественной организацией, не только присягающей демократии, демократическому процессу, но и защищающей уже совершенные демократические преобразования, развивающей этот процесс дальше.

4. Массовая, народная поддержка и защита демократической перестройки всеми предусмотренными Конституцией СССР средствами — основная задача СДС. В этом ее «профиль», специфика по отношению к другим общественным организациям, для которых указанная задача,

понятно, не является специфической. СДС — детище и инструмент современной общественной перестройки (разумеется, один из ее инструментов).

5. СДС не должен дублировать структуру существующих общественных организаций, вообще — вряд ли может быть «организацией» в классическом смысле этого слова. Сама общественная обстановка, да и вырастающие перед СДС задачи предполагают его самозарождение, «самоучреждение» в гуще масс, а не декретивное учреждение из центра (пусть общественного). СДС, как не классическая организация, организация-движение, по-видимому, исключает проведение принципа демократического централизма (чреватого бюрократическими извращениями). Здесь решающее значение приобретают инициатива и самовыдвижение — не на пост, а на передний край. Принцип построения СДС — скорее общественный договор о взаимодействии в поддержку и защиту демократической перестройки.

6. СДС, как нам кажется, должен делать главный упор не на индивидуальное, а на коллективное членство (для организации-движения точнее, наверное, говорить — не членство, а принадлежность). Любое уже сформировавшееся или еще только формирующееся объединение людей, обеспокоенных судьбой перестройки, может не «быть принятым», а отнести себя к СДС (и публично заявить об этом), если солидаризуется с лозунгом «Больше демократии — больше социализма!», не приемлет того, что, по выражению М. С. Горбачева, является «имитацией перестройки» (примеров тому — множество), и, разумеется, говорит решительное «нет» пропаганде насилия и любых форм врожденной или благоприобретенной исключительности, чьей-либо личной или групповой монополии на обладание истиной в последней инстанции, ущемлению прав, свобод и законных интересов граждан. Если же лицо или группа людей, отнесшие себя к СДС, присягают этим принципам только на словах, а на деле поступают иначе — тем самым они сами вычеркивают себя из рядов движения за демократическую перестройку «снизу».

7. Уже из сказанного вытекает, что принадлежность к какой-либо другой общественной организации, будь то КПСС, ВЛКСМ или, скажем, клуб рок-музыки и религиозное общество, не только не является препятствием для самоподключения к СДС, но и является естественным, коль скоро данная организация в целом или группа ее членов готовы отстаивать дело демократии и социализма (что сегодня становится синонимами). Можно ожидать и надеяться, что к СДС отнесут себя, заявят о своей принадлежности к нему — целиком или выборочно (неполным составом) — многие неформальные объединения, первичные ячейки общественных организаций, творческих союзов и — что особенно важно — комсомольских и партийных организаций. СДС видится также и как прообраз будущего блока коммунистов и беспартийных при проведении выборов в Советы народных депутатов.

8. В перспективе СДС может и должен стать «народной школой» демократии. Сейчас трудно предугадать все возможные формы его бытования и методы деятельности. Но есть дела неотложные, осуществление которых может стать важным условием и фактором создания СДС. Это — инициативное принятие наказов XIX партконференции, исходящих от партийных организаций на всех уровнях (от партийных групп — до плenumов партийных комитетов), но и не только. Мы считаем, что любая группа граждан, если есть «что наказать» Всесоюзной партийной конференции, может сделать это, либо на открытом партийном собрании (если это работники одного и того же трудового коллектива), либо на любом другом общественном собрании или форуме. Создание такого наказа, разумеется, если он не является прямым или завуалированным требованием возврата к идеологии и практике «застойного времени», могло бы рассматриваться как акт присоединения к СДС.

9. Другой актуальной (неотложной) формой «самоучреждения» СДС, на наш взгляд, может стать массовое, народное участие в выдвижении и отборе кандидатур для избрания делегатами XIX партконференции. Конференция — партийная, но дело это — общенародное. Пусть те, кто хотят защищать демократическую перестройку, не дожидаясь указки сверху, в инициативном порядке выдвигают снизу своих кандидатов, причем не обязательно из своего трудового коллектива (ведь СДС, как общественная организация-движение, исключает строгое подразделение по отраслевому или территориальному признаку). Пусть не все кандидаты СДС будут избраны, да это и невозможно при выборах на конкурсной основе, но важно, чтобы эти кандидатуры были названы, всесторонне обсуждены, чтобы было широкое и гласное поле выбора в пользу достойнейших. <...>

10. И последнее. Излагая свою позицию по вопросу о создании Союза Демократических Сил в поддержку и защиту перестройки, Ленинградский межпрофессиональный клуб «Перестройка» менее всего претендует на какую-либо приоритетную роль в этом деле. Вполне допускаем возможность и иных подходов, предложений, точек зрения, инициатив. Со своей стороны клуб обязуется лишь организовать координационно-информационный опорный пункт СДС, где ежедневно, с 18 до 21 час. будет налажено дежурство членов клуба «Перестройка», где будет вестись сбор информации о «самоподключении» групп и граждан к организации-движению СДС, желательно — с сообщением о конкретных шагах, уже предпринятых на местах (в частности, в русле пп. 8 и 9 настоящего Заявления). Каждый заявивший о своей принадлежности к СДС сможет получить там информацию и о том, что уже сделано другими.

Если до 8 июня [дата, прозвучавшая на дискуссии клуба «Перестройка» от 25.04.88, как возможный срок «учредительной конференции СДС». — А. А.] обращений и заявок в этот координационно-информационный опорный пункт будет достаточное количество, то в этот день целесооб-

разно провести массовую встречу участников движения для обмена опытом и обсуждения общего наказа XIX партконференции.

Адрес координационно-информационного пункта СДС, организуемого Ленинградским клубом «Перестройка»: <...>

Наш лозунг, девиз, пароль: **Больше демократии — больше социализма!**²⁶

11.05.88²⁶

19.9.2. Дальше... Дальше...

(Обсуждение тезисов ЦК КПСС к XIX партконференции)

Из предисловия к собранию наказов для XIX Всесоюзной партконференции, высказанных на дискуссии, организованной клубом «Перестройка» (июнь 1988)

Общественная дискуссия на указанную тему была организована Ленинградским межпрофессиональным клубом «Перестройка». Она проходила во Дворце культуры им. Ленсовета 16 июня 1988 г. Дискуссия продолжалась 4 часа. В зале присутствовало свыше 400 чел. Основного доклада не было. Ведущими дискуссии по поручению клуба были А.Н. Алексеев и Ю. М. Нестеров.²⁷

На дискуссии выступили 28 чел. В том числе членов клуба «Перестройка» — 9 чел. Из числа выступавших 12 чел. являются членами КПСС.

Кроме выступлений, формой участия в дискуссии были записки, которые зачитывали ведущие. Большинство записок содержало конкретные предложения к XIX партконференции, так что могут рассматриваться наравне с выступлениями. Всего было зачитано около 40 таких записок.

При обработке материалов дискуссии обнаружилось, что фонограмма является некачественной и трудно поддается расшифровке. Поэтому организаторы дискуссии обратились к выступавшим с просьбой представить автостенограммы или конспекты выступлений, что было выполнено большинством ораторов.

С аналогичной просьбой мы обратились и к тем, кто просил слова, но не успел выступить.

Настоящее собрание документов состоит из следующих шести разделов:

1) выступления на дискуссии; 2) реплики (записки из зала — для публичного оглашения); 3) не состоявшиеся выступления (просили слова — не успели выступить); 4) из обращений к XIX партконференции от граждан; 5) из обращений к XIX партконференции от партийных и комсо-

²⁶ Сост. А. Алексеев, по наказам инициативной группы клуба «Перестройка».

²⁷ Юрий Михайлович Нестеров — впоследствии один из лидеров Ленинградского народного фронта, затем — депутат Госдумы РФ. Кандидат технических наук. Ныне — начальник технического отдела ЗАО «Институт Гипростроймост — Санкт-Петербург».

мольских организаций; 6) из документов Ленинградского межпрофессионального клуба «Перестройка».

<...> По желанию участников дискуссии, настоящий комплект документов передается делегату XIX Всесоюзной конференции КПСС Д. А. Гранину, в качестве собрания наказов для партийной конференции.

Включенные сюда тексты организаторами дискуссии не редактировались.

Ведущие общественной дискуссии 16 июня 1988 г. в Ленинградском клубе «Перестройка»: А. Н. Алексеев, Ю. М. Нестеров

24.06.88²⁸

* * *

Совет клуба «Перестройка — Д. Гранину (июнь 1988)

Уважаемый Даниил Александрович!

<...> Участники дискуссии считают, что именно Вы в качестве делегата конференции можете наилучшим образом распорядиться настоящим собранием наказов для партийной конференции, и предоставляют Вам выбор наиболее эффективного способа использования их в процессе работы конференции. Здесь представлены все материалы дискуссии, которые нам удалось собрать. В некоторых из них выражены точки зрения, которые клуб не разделяет.

С глубоким уважением

Совет клуба «Перестройка», 24.06.88

19.10. «...Не пройдет!» (история одного «персонального дела»)

**Из подборки документов (под таким названием), опубликованной
в инф. бюллетене Ленинградского клуба «Перестройка»
«Перекресток мнений» (1988)**

Информация от Ю. М. Нестерова

15 июня 1988 г. партбюро группы отделов четырьмя голосами при одном воздержавшемся приняло решение вынести на одно из ближайших партийных собраний цеховой парторганизации группы отделов вопрос об исключении меня из КПСС. Основание — высказываемое мною открытое несогласие с рядом важнейших положений Устава и Программы КПСС.

В связи с этим считаю необходимым заявить следующее.

Да, я действительно считаю, что Программа и Устав содержат положения, требующие изменения, в соответствии с сегодняшними представлениями об ответственности партии за неутешительные итоги 70-летнего развития и о путях демократизации жизни страны. В своих взглядах я не одинок. Сходные или близкие взгляды высказываются на страницах печати, в том числе партийной.

²⁸ Единственная копия упомянутого собрания документов хранится в Санкт-Петербургском архиве-коллекции нетрадиционных периодических изданий и документов общественных движений «Россия на изломе». (Март 2001).

Свою позицию я подробно изложил в открытом письме к Н. Андреевой, которое направил, в частности, в журнал «Коммунист», являющийся теоретическим органом ЦК КПСС. Из этого журнала я получил ответ, в котором редакция выражает благодарность за интересное письмо.

Таким образом, и в обществе, и в партии идут острые дискуссии и исход их отнюдь не предрешен. Не случайно в Тезисах ЦК КПСС говорится о необходимости принятия ряда изменений в Уставе на уровне съезда партии.

Выражение несогласия с теми или иными положениями Программы и Устава не должно сегодня квалифицироваться как нарушение Устава. В частности, высказываемое мною мнение о том, что в условиях однопартийной системы принцип демократического централизма является не демократичным для общества в целом, не следует считать нарушением этого принципа, поскольку нигде не было принято решение, запрещающее этот принцип критиковать.

На фоне идущего в стране процесса демократизации позиция партбюро группы отделов выглядит догматической и антидемократической. Эта позиция, на мой взгляд, должна быть обсуждена не на кустовом, а на общеинститутском собрании по двум причинам: во-первых, потому, что свои заявления я делал в присутствии коммунистов всего института, и, во-вторых, потому, что разногласия между мной и партийным бюро носят принципиальный характер, важный для всей нашей партийной организации.

Прошу коммунистов нашей партгруппы обсудить мою информацию и, если мои доводы покажутся вам убедительными, потребовать от парткома проведения общеинститутского партийного собрания для обсуждения этого вопроса.

Ю. Нестеров, 22.06.88

* * *

Партийному собранию группы отделов проектного института

Товарищи по партии!

К вам обращаются коммунисты, члены и кандидаты в члены Ленинградского межпрофессионального клуба «Перестройка».

Сегодня на партийном собрании вам предстоит рассмотреть предложение партийного бюро группы отделов об исключении из партии нашего товарища Ю. М. Нестерова. По мнению членов партийного бюро, основанием для крайней меры партийного взыскания являются выступления Ю. Нестерова, в которых он подвергает критике некоторые положения и формулировки принятых XXVII съездом партии Устава и Программы партии. В частности, объектом критики Ю. Нестерова стали: принцип демократического централизма (без права меньшинства на свою особую позицию после принятия решения большинством), руководящая роль партии (в том виде, который реализовался в течение последних десятилетий), а также некоторые другие положения.

Еще совсем недавно эти краеугольные уставные положения были вне досягаемости какого-либо критического анализа, однако в самые последние месяцы-два логика процесса поиска истоков и причин деформаций социализма в нашей стране приводит снова и снова именно к краеугольным, именно к основным принципам организации и общества в целом, и партии, в частности.

Об этом идет речь в многочисленных публикациях в «Правде», «Советской России», других партийных изданиях, в телевизионных дискуссиях. Мы считаем, что выявление первопричин бед нашего прошлого жизненно необходимо партии как раз для того, чтобы на деле, по реальному своему авторитету, а не на словах быть авангардом общества.

К сожалению, еще широко распространено неверное мнение, что право голоса в идеологии имеют лишь профессионалы-обществоведы и политики. Такая точка зрения обрекает подавляющее большинство членов партии на идеологическую пассивность, а процесс демократизации оказывается лишен его главного движителя — творчества масс.

Поэтому мы призываем вас признать за Ю. М. Нестеровым, как, впрочем, и за любым другим коммунистом, право на вопросы, право на размышление. Мы хорошо знаем Юрия Михайловича как одного из активных членов общественно-политического клуба «Перестройка», знаем его взгляды и считаем, что активность его позиции, его поиска заслуживает одобрения и поддержки, но не наказания, да еще такого предельно строгого, как исключение из партии.

Не повторяйте ошибок предыдущих десятилетий, не отторгайте из партии тех, чьи взгляды кажутся сегодня еретическими! Для дела перестройки наиболее опасны догматизм и равнодушное безмыслие <...>.

Поэтому призываем вас одобрить общественную деятельность коммуниста Ю. М. Нестерова и отклонить предложение партбюро группы отделов об исключении его из партии.

23.06.88

Подписи коммунистов, членов и кандидатов в члены клуба «Перестройка»: Корнев Н.Р., чл. КПСС с 1976 г., ст. н. с.; Вейхер А.А., чл. КПСС с 1974 г.; Сунгуров А.Ю., чл. КПСС; Беляков В.Г., чл. КПСС; Файбушевич С.И., чл. КПСС с 1980 г.; Прошина Е.М., чл. КПСС с 1963 г., зав. кафедрой; Червяков В.В., чл. КПСС; Рошин А.С., чл. КПСС; Костюшев В.В., чл. КПСС с 1982, н. с. ИСЭП АН СССР; Карпов А.Ю., чл. КПСС с 1984 г., ст. инж.; Темкина А.А., чл. КПСС с 1988 г., м. н. с.; Вите О.Т., чл. КПСС с 1975 г.; Лукин Б.И., чл. КПСС с 1975 г., с. н. с. ВНИИ телевидения; Разумов А. Я., чл. КПСС с 1987 г., ст. ред. ГПБ; Харитонов О.М. чл. КПСС с 1983 г., нач. бюро; Цеханович А.В., чл. КПСС с 1982 г., журналист; Марковцев Б.Г., чл. КПСС, н. с. ГИПХ; Мукосеев Б.В., чл. КПСС с 1983 г., УНР 53 тр. 19 ГЛС; Шелищ П.Б., чл. КПСС с 1971, ст. н. с. СЗФ ВНИИстатинформ; Алексеев А.Н., чл. КПСС с 1961 г., слесарь ПО «Ленполиграфмаш»; Дегтярев С.С., чл. КПСС с 1978 г., редактор ЛенТВ.

* * *

Партийному собранию группы отделов от сотрудников
группы отделов проектного института

Уважаемые товарищи!

Мы, беспартийные сотрудники группы отделов института, сознаем необходимость внести вклад как в решение научно-технических задач, так и в социальное развитие нашего общества. Мы понимаем, что вклад партии и ее руководства в осознание и преодоление кризисных ситуаций, которые возникли в нашем обществе, очень весом и во многом является определяющим. Мы счита-

ем очевидным тот факт, что резко вырос интерес беспартийных к тем процессам, которые происходят в партии на всех уровнях ее деятельности и организационной структуры, что авторитетность всех партийных событий резко возросла, причем увеличилось влияние как позитивных, так и негативных ситуаций.

Нас, беспартийных сотрудников группы отделов, не может не волновать ситуация, возникшая вокруг Юрия Михайловича Нестерова, хотя он и не обращался к нам за помощью или содействием. Он является квалифицированным специалистом, владеющим современными методами вычислительной математики. Его отличительной чертой является активная заинтересованность в том, чтобы максимальное количество сотрудников группы отделов широко использовало современную вычислительную технику. Он является человеком, активно воспринимающим все новое в нашей профессиональной сфере деятельности, и охотно и бескорыстно делится своими знаниями с заинтересованными специалистами.

Столь же активен он и в общественной деятельности. Мы считаем, что такого рода открытость и умение быстро и живо откликаться на все новое, что появляется в нашей жизни, является положительной и нужной чертой, необходимой для быстрого и динамичного развития нашего общества.

Мы считаем, что Ю. М. Нестеров является человеком, который заинтересованно и убежденно воспринимает партийные идеи, делается их активным агитатором и творчески внедряет их в жизнь.

Как мы знаем, во время сложных общественных коллизий неизбежна борьба мнений, неизбежны ошибки. Но главным критерием при оценке человека является его честность и бескорыстие. На XIX партконференции М. С. Горбачев сказал: «К товарищам по партии следует относиться с предельным уважением. Никого нельзя оставлять за бортом перестройки».

Мы безусловно считаем, что Юрий Михайлович Нестеров — человек искренний, принципиальный и гражданственно активный. Мы считаем его авторитетным членом партии.

62 подписи

(Конец июня 1988 г.)

* * *

Отчет С. Дегтярева о партийном собрании группы отделов проектного института²⁹

<...> [Здесь опущено подробное описание хода собрания. — А. А.]

...На партийном собрании 29.06.88 голосовались три варианта решения:

1) Исключить тов. Нестерова Ю. М. из рядов КПСС (за — 3 чел.).

2) Снять вопрос с повестки дня как ошибочный (за — 7 чел.).

3) Предупредить т. Нестерова Ю. М. о необходимости тщательно подходить к своим заявлениям и высказываниям, учитывать подготовленность слушателей (за — 12 чел.).

2 чел. при голосовании вариантов решения воздержались.

(Всего: 3 + 7 + 12 + 2 = 24 чел.).

По большинству голосов было принято решение:

²⁹ Член Ленинградского клуба «Перестройка» С. С. Дегтярев присутствовал, по поручении товарищей по клубу, на партийном собрании подразделения НИИ «Ленгидропроект», где обсуждалось персональное дело члена КПСС Ю. М. Нестерова.

- Отклонить предложение партбюро группы отделов об исключении т. Нестерова Ю. М. из рядов КПСС;
- предупредить Ю. М. Нестерова о необходимости тщательно подходить к своим заявлениям и высказываниям. <...>

С. Дегтярев

(Цит. по: Перекресток мнений, 1988, № 7)

* * *

Телеграмма. Москва, ЦК КПСС

Приветствуем неотложные меры по осуществлению политической реформы одобренные XIX партконференцией тчк В связи с заявленной Лигачевым Е. К. в ряде выступлений в том числе на партконференции позицией в отношении гласности и демократизации общества выражаем ему недоверие как секретарю ЦК КПСС = Алексеев А. Н. член КПСС с 1961 года рабочий-социолог домашний адрес <...> Нестеров Ю. М. член КПСС с 1973 года инженер домашний адрес <...>. (Июль 1988)

19.11. «Молодым людям середины 80-х повезло...»

Из материалов Круглого стола «Перестройка: факторы необратимости и механизм торможения», опубликованных в журнале «Рабочий класс и современный мир» (1988)

А. Н. Алексеев: <...> Безразличных становится все меньше. И в этом, может быть, главное достижение нынешнего этапа перестройки. Люди определяют свою позицию, которую их годами отучали иметь.

Хочу отметить одно важное обстоятельство. Резервы социальной активности молодежи, как показывает опыт особенно последнего года, гораздо больше, чем люди старшего поколения привыкли думать. Молодым людям середины 80-х годов, я считаю, повезло. Но вот с тревогой я гляжу на иных вчерашних комсомольских работников, ныне пошедших «в рост» на хозяйственную и партийную работу. Они успели пройти не лучшие «университеты». И боюсь, что ничего кроме карьеры таким в перестройке не нужно. Нынешние 20-25-летние мне лично куда симпатичнее 30-35-летних. Последним, в определенном (не утилитарном, а нравственном и политическом) смысле, «не повезло». <...>

(Рабочий класс и современный мир, 1988, № 2, с. 54)

19.12. Ленинград — цитадель «Памяти»?

Обращение группы ленинградских писателей и журналистов к первому секретарю Ленинградского обкома КПСС Ю. Соловьеву (август 1988)

Ленинград. Смольный. Обком КПСС. Первому секретарю обкома Ю. Ф. Соловьеву

Копии: в газеты «Правда», «Известия», «Ленинградская правда», «Московские новости»; в журнал «Огонек»

За последнее время наш город приобрел скандальную известность. Именно в Ленинграде родилось письмо Нины Андреевой, именно в Ленинграде с вопиющими нарушениями демократии производились выборы делегатов на XIX партконференцию, именно Ленинградский дворец пионеров и Университет до сих пор носят позорное имя Жданова, в стенах именно ленинградского университета, на печально известной конференции, звучали с трибуны те мотивы, что так пышно расцветали на митингах в Румянцевском саду.

Значит, совсем не случайно именно в Ленинграде обществом «Память» ведется с разрешения властей особенно разнузданная шовинистическая, черносотенная пропаганда. Из публикации газеты «Известия» от 14.08.88 мы узнали, что официальное разрешение на проведение пятнающих Ленинград сборищ «Памяти» было дано Василеостровским райисполкомом по звонку из обкома КПСС.

Мы, группа ленинградских писателей и журналистов, требуем, чтобы обком выяснил и сообщил нам, кто и на каком основании оказал давление на Василеостровский райисполком, под чьим покровительством в центре города в течение многих недель в нарушение Конституции СССР, Уголовного кодекса и решений XIX партконференции велась человеконенавистническая, расистская пропаганда.

Мы выступаем за полную свободу слова, но не тогда, когда она используется для призывов к насилию и разжиганию вражды между людьми. Мы хотим знать, кто конкретно заинтересован в том, чтобы порочить наш город в глазах общественного мнения страны.

А. Алексеев, А. Арьев, Я. Гордин, З. Журавлева, В. Кавторин, Н. Картерли, А. Кушнер, С. Лурье, В. Мусаханов, Г. Николаев, Н. Рахманова (15-18.08.88)

19.13. «Отвечаю всем, кто меня об этом расспрашивает...»

[Ниже — документы, относящиеся к Межрегиональной встрече инициативных групп Народных фронтов и других демократических движений (Ленинград, август 1988). — А. А.]

«Открытое письмо» (сентябрь 1988)

Ответ всем, кто меня об этом расспрашивает

Мне довелось лично участвовать в Межрегиональной встрече инициативных групп Народных фронтов и других демократических движений, происходившей в Ленинграде 26-28 августа 1988 г. Цифровые данные и документы получены мною непосредственно от его организаторов.

Во встрече участвовали представители из 41 города, в т. ч. 29 городов РСФСР и 12 городов других Союзных республик. Были представлены

около 90 самостоятельных объединений и организаций. Всего во встрече участвовали порядка 200 чел., в т. ч. около 40 москвичей и около 80 ленинградцев.

Форум проходил в затрудненных условиях. Организаторам было отказано в предоставлении помещения во всех инстанциях, куда они обращались. Поэтому для «пленарных» заседаний пришлось выезжать на лоно природы, а заседания секций и групп проходили на частных квартирах.

Органы общественного порядка не обделили наш форум своим вниманием. Наряды милиции расположились у подножия лесистого холма (в районе ст. Орехово), на вершине которого проходило заседание 27.08, однако в гору так и не поднялись. <...>

[Здесь опущено описание программы и повестки дня трехдневного форума. — А. А.]

Межрегиональная встреча в Ленинграде показала высокую степень согласия участников по ключевым содержательным вопросам борьбы за подлинно демократическую перестройку (см. прилагаемые документы). Однако возникли существенные разногласия по поводу организационных путей дальнейшего развития демократического движения. Столкнулись две тенденции, выразившиеся в следующих альтернативных предложениях (формулировки неоднократно менялись, так что претендую на передачу их смысла, но не буквы):

а) создание информационно-координационной сети региональных центров демократического движения (Народных фронтов), взаимодействующих друг с другом в качестве равноправных, при отсутствии какого-либо «ведущего», берущего на себя функции общего руководства и внешнего представительства (**горизонтальная структура**);

б) создание, наряду с региональными центрами, также некоего межрегионального координационного (фактически — руководящего, как я понял) центра, формирующегося на основе — последняя редакция защитников этой точки зрения — «самовыдвижения с последующим вынесением вотума доверия на местах» (**вертикальная структура**).

(Автор этих строк лично придерживается первой из перечисленных точек зрения).

Достичь единства по этому организационному вопросу участникам форума не удалось. По предложению группы «Народный фронт Москвы», было, в конце концов, проведено голосование «держателей мандатов» (каждое из 90 самостоятельных объединений было представлено одним мандатом). 30 из 90 согласились принять участие в создании межрегионального координационного центра (в последней редакции — «координационной группы»), на изложенных выше условиях. Остальные к моменту голосования либо уже разъехались, либо высказались против.

Таким образом, можно ожидать развития в демократическом движении как «горизонтальных», так и «вертикальных» (иерархических) структур.

Несмотря на обнажившиеся внутренние (организационные) противоречия, представляется исключительно ценным согласие по ключевым общественно-политическим вопросам, отраженным в прилагаемых документах форума. Думаю, что эти документы заслуживают широкого распространения и использования в текущей работе инициативных групп демократического движения на местах, как тех, что были представлены на данном форуме, так и тех, что не смогли принять в нем участие.

Андр. Алексеев, 4.09.88

* * *

Из материалов Межрегиональной встречи 26-28.08.88

Декларация

Мы, участники встречи инициативных групп Народных фронтов и других демократических движений, заявляем о своей глубокой озабоченности за судьбу перестройки. После XIX партконференции, принявшей в целом позитивные решения о демократизации политической системы в стране, налицо явные признаки консервативной реакции.

Указы Президиума Верховного Совета СССР «О порядке организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий...» и «Об обязанностях и правах внутренних войск МВД СССР...» носят откровенно антиконституционный характер и направлены на подавление демократического движения, что уже проявилось в конкретных случаях грубого подавления акций общественности. В этом проявляется наследие административно-бюрократической государственности, кастовые интересы одних и консерватизм других представителей аппарата.

Однако этот госаппарат, принявший вид надобщественной административной системы, не в состоянии удовлетворить нужды и потребности людей, поскольку не выражает их стремления и надежды. Государство не должно быть самодовлеющей бюрократической конструкцией на основе абстрактных теорий и корыстных интересов. Оно должно стать живым политическим механизмом, творчески создаваемым самими гражданами.

Основываясь на праве граждан самостоятельно решать судьбу общества, которое они составляют, и в целях реального обеспечения основных человеческих прав, таких, как право на жизнь, здоровье, свободу, безопасность и благосостояние, мы призываем демократические силы страны демократическим, ненасильственным и конституционным путем бороться за осуществление этих прав.

Настоящей декларацией мы заявляем о том, что будем всемерно содействовать образованию демократического движения (Народного фронта). Народный фронт — организованное движение граждан за достижение подлинного народовластия во всех сферах жизни общества, построение правового социалистического государства, проведение ради-

кальной экономической реформы, освобождение культуры от государственного диктата, сохранение среды обитания людей.

Стратегической целью Народного фронта является переход к всеобъемлющему социалистическому самоуправлению. Необходимым условием такого перехода мы считаем передачу всей полноты власти Советам народных депутатов, которые должны быть избраны в ходе свободных выборов. В этой связи мы внесем инициативные предложения по изменениям в Конституции и по содержанию Законов о выборах в Советы народных депутатов всех уровней и будем добиваться их открытого обсуждения.

Для достижения своих целей Народный фронт предполагает использовать формы прямой демократии (митинги, демонстрации, собрания), активное участие в формировании состава Советов народных депутатов путем выдвижения кандидатов в депутаты и агитации за них, организацию социальных исследований, дискуссионных клубов, оппонирования государственной власти путем выдвижения законопроектов и проектов решений местных советов, помощи гражданам и различным социальным группам в реализации их законных прав.

Мы выражаем надежду, что миллионы членов КПСС, поддерживающих курс на демократизацию советского общества, расценят формирующееся новое народное движение за перестройку как своего союзника, залог успеха революционных реформ.

Одобрено участниками Межрегиональной встречи 28.08.88 (г. Ленинград).

* * *

**Из «Примечания к комплекту документов
«Ответ всем, кто меня об этом расспрашивает»
(сентябрь 1988)**

<...> Посылая это собрание документов некоторым своим иногородним друзьям, составитель взял на себя нескромную функцию то ли конкурента, то ли «контрольной комиссии» по отношению к обеим («горизонтальной» и «вертикальной») моделям информационно-координационной сети Народных фронтов и т. д.

Поэтому каждого получившего настоящее собрание документов прошу сообщить по адресу: <...>, — когда он получил эти материалы от меня, а когда из какого-либо регионального центра или из «центрального» координационного центра (г. Москва).

Третья модель [*«сети»*]. — А. А./ <...> — это **личная обязательность и дружеские контакты**, безотносительно к организации. <...>

А. Алексеев, 5.09.88

19.14. «Неформальное движение» с точки зрения социолога

Из расшифровки магнитной записи передачи радиостанции «Юность» (октябрь 1988)³⁰

<...> **Корреспондент:** Как социолог, в чем Вы видите положительные стороны неформального движения?

Алексеев: А вот именно в том, что это движение, идущее изнутри. Это и есть поступки. Понимаете? Это не то, что кто-то кого-то куда-то призвал или заставил сделать, а люди, которые в этом видят смысл и способ жизни.

Корр.: Надо сказать, что к неформальным объединениям тоже отношение разное.

А.: Да, очень даже разное. Не так давно было такое, что ли, событие. Для меня, во всяком случае. Ко мне обратилась заведующая отделом пропаганды и агитации обкома партии Г. И. Барина, с предложением обсудить проблему развития неформальных объединений, общественных движений и так далее. Проблем не так мало, сейчас эти проблемы касаются прежде всего статуса этих объединений, ведь по-прежнему многие из них на полулегальном положении находятся.

Ну, раз с этими объединениями, в моем лице, желают провести переговоры, я и поступил соответственно. Собрал от «неформалов» указы и явился на встречу [18.08.88. — А. А./с этими указами. И еще, пришел не один, а с помощником (младшим коллегой, социологом) и дал понять, что я отношусь к этой встрече не как, так сказать, интимной беседе, а как к общественному, открытому, публичному разговору, пусть в кабинете Смольного.

Все, о чем мы с тов. Барина говорили, мой помощник³¹ аккуратно записывала, что вызвало большое раздражение заведующей отделом пропаганды и агитации. Надо сказать, что ни о чем мы так и не договорились. Моя собеседница дала понять, что областной комитет не намерен идти «навстречу», а озабочен лишь, чтобы неформальные объединения умерили свою активность. Во всяком случае, каких-либо договоренностей о равноправном сотрудничестве не вышло.

Я так и ставил вопрос, что вообще-то пропаганда и агитация — это воздействие «сверху вниз», а здесь идет встречное движение, и партийным органам надо как-то вникать в эти проблемы, прислушиваться к этому «голосу снизу», не пытаться управлять, а взаимодействовать и так далее.

Ну, потом я написал добросовестный отчет об этой беседе и передал его тем, кто давал мне указы. Сейчас этот отчет имеет довольно широкое хождение в неформальной среде.³²

³⁰ Ведущая передачи — Татьяна Васильева. Трансляция — в воскресенье, 16 октября 1988 г. (в 17-15), одновременно — по Всесоюзному и Ленинградскому радио. См. также ранее: раздел 17.7.

³¹ Это была социолог Анна Афанасьевна Темкина, ныне — доцент Европейского университета в Санкт-Петербурге.

³² К отчету прилагались и тексты самих «наказов», так что это оказалось и своего рода «заочной конференцией» участников общественных движений.

Мой вывод: неформальным объединениям надо, скорее всего, рассчитывать на собственные силы и не ждать, что от отдела пропаганды и агитации обкома партии будет какая-то поддержка, или хотя бы сотрудничество, в частности, при нынешнем руководстве обкома.³³

Корр.: Какая поддержка, на Ваш взгляд, нужна «неформалам» сейчас?

А.: Не препятствовать! Дело в том, что «неформалы» не претендуют на то, чтобы для них что-то делали. Но когда они пытаются организовать, скажем, какой-то информационный стенд, пытаются хотя бы снять помещение, пытаются куда-то депонировать свои издания... *[фраза не окончена. — А. А.]*. Ведь прошли те времена, когда все это надо было делать тайком.

Так вот, одна из главных проблем, чтобы ходящие по рукам неформальные журналы, альманахи и так далее стали доступными, чтобы можно было прийти в городскую библиотеку и почитать их «на законных основаниях».

Сейчас дело идет к организации комитета по созданию «Народного фронта» в Ленинграде. Недавно в нашем городе проходила межрегиональная встреча инициативных групп «Народного фронта» и других демократических движений (из 40 городов люди съехались).³⁴ Надо было видеть, с какими препонами все это происходило, как им отказывали в любых помещениях... В конце концов пришлось выезжать за город, на поляне проводить свои заседания. Все это происходило «под охраной» милиции. Собрание на горке, а милиция внизу.

Ну, и можно предполагать, что если бы там прозвучали какие-то речи антиконституционные, так их бы немедленно разогнали. Но оказалось, что участники этой встречи — ну, прямо, клуб друзей Горбачева!

Сейчас вот говорят: «движение за содействие перестройке», «в поддержку перестройки»... По-моему, пора конкретизировать: **демократическая перестройка**. Ведь возможны и антидемократическая перестройка или псевдоперестройка — создание видимости демократических преобразований. Такому надо не содействовать, а препятствовать. <...>

(Октябрь 1988)

* * *

Структура комплекта документов «ОК КПСС, “неформалы” и перестройка. По поводу одной беседы в Ленинградском ОК КПСС» (август 1988)

1. Отчет о беседе в Смольном (А. Алексеев).
2. Отчет о встрече с зав. отделом пропаганды и агитации Ленинградского ОК КПСС Г. И. Бариновой, состоявшейся 18.08.88. (А. Темкина).
3. «Наказы» А. Н. Алексееву от граждан (в т. ч. — членов самодеятельных объединений) к беседе с зав. отделом пропаганды и агитации

³³ Этот последний абзац, при монтаже беседы для радиопередачи, в эфир не пошел.

³⁴ См. выше.

Ленинградского ОК КПСС (14 «наказов»: В. Беляков; О. Вите; Л. Гольдштейн; С. Дегтярев; Е. Зелинская; М. И.; П. Кожевников; С. Комиссаренко; Н. Корнев; С. М.; С. Н.; Е. Прошина; В. Тягушев; П. Шелищ).

4. Письмо первому секретарю Ленинградского ОК КПСС Ю. Ф. Соловьеву (от временного инициативного комитета по созданию Народного фронта Ленинграда, от 17.08.88).

5-6. Приложения.

7. Послесловие к двум отчетам (О. Вите).

* * *

Из «Отчета о беседе в Смольном» (август 1988)

<...> Я информировал Г. И. [Баринову. — А. А.], что располагаю рядом «наказов» и намерен сделать их обзор... После чего мне было предложено говорить «только от себя», а не «по чьему-то поручению». Пришлось объяснить, что мои собственные идеи не расходятся с подавляющим большинством «наказов»...

Мною были поставлены вопросы:

1) О выработке своего рода «регламента», стандартного порядка регистрации общественно-политических клубов и объединений — носителей гражданских инициатив — не по принципу: какая уже имеющаяся общественная организация согласится быть «учредителем» новой, а по принципу — регистрации всякого инициативного объединения граждан при гор- или райисполкомах. Отказ в регистрации, разумеется, возможен, если действия объединения противоречат Конституции.

2) В развитие предыдущего — о замене режима «полулегального функционирования» самостоятельных объединений на дому или в эпизодически предоставляемых некоторым из них («из милости») клубных помещениях, — на режим «легального существования», включая аренду помещений. Со временные самостоятельные объединения нуждаются в общественных местах хранения своего архива, в информационных стендах, и не столько в помещениях для проведения массовых мероприятий, сколько в «уголках», где всякий гражданин мог бы войти в контакт с инициативной группой.

3) В развитие предыдущего — вопрос о создании в Ленинграде для начала хотя бы одного уличного информационного стенда, а лучше — информационного поста на улице, где-нибудь в центре. Для стенда подошла бы пустующая витрина (каких немало на Невском), а для поста — киоск типа используемых «Ленсправкой» или Управлением театральных касс (а теперь и некоторыми кооперативами), где выставлять на всеобщее обозрение информацию о состоявшихся акциях или предстоящих мероприятиях самостоятельных объединений.

4) Далее — самостоятельные издания (каковых сегодня в Ленинграде не один десяток) следовало бы депонировать в какой-либо из массовых библиотек (скажем, в одной из районных, в центре города), со свободной выдачей в читальном зале.

5) Некоторые самодеятельные объединения, успевшие стать авторитетными, резонно претендуют на предоставление им возможности готовить целевые полосы в ленинградских газетах (как минимум — предоставление фиксированного места на полосе) по вопросам, которые составляют предмет их деятельности. Аналогично — «эфирное время» на радио и телевидении.

Обозначая эти некоторые пункты нашей с Г. И. беседы, считаю необходимым отметить в настоящем отчете, что:

а) из всего арсенала конкретных предложений, которыми я располагал, мною были выдвинуты лишь те, которые менее всего можно было бы интерпретировать как «максималистские»;

б) все предложения касались, так сказать, «нормализации» деятельности самодеятельных объединений и предвосхищения «анархических» проявлений;

в) и в целом, и по каждому отдельному пункту не высказывалось «просьб», а предлагался некий алгоритм или «регламент» правильного (в моем представлении) взаимодействия «неформальных» объединений с «официальными» структурами;

г) предполагалось и заявлялось, что все указанные предложения подлежат практическому воплощению **самими** «неформалами», важно лишь, чтобы в том, насчет чего принципиально договорились, не было надуманных препятствий со стороны официальных органов, можно было бы на эти договоренности опираться;

д) не ограничиваясь собственными высказываниями, я — от начала беседы и к концу все настойчивее — интересовался мнением своего собеседника по всякому затронутому вопросу.

К сожалению, именно такой стиль беседы оставил моего собеседника не удовлетворенным (что мне было откровенно сказано).

<...> **Ни по одному** из указанных мною выше пунктов беседы я сколько-нибудь определенного выражения позиции (согласия или несогласия) не услышал.

Беседа продолжалась 45 минут.

Я не предпринял усилий к исчерпанию всего круга полученных мною «наказов», ввиду очевидной бессмысленности. Если бы беседа происходила наедине (как это, по-видимому, предусматривалось Г. И.), мой отчет, возможно, был бы более обнадеживающим. Однако вряд ли моя «миссия» была бы более эффективной по существу. <...>

А. Алексеев, август 1988.

* * *

Из отчета А. Темкиной о беседе в Смольном (август 1988)

<...> В целом во время беседы у меня сложилось впечатление об отсутствии желания со стороны Г. И. вести «на равных» конструктивный диалог по вопросам общественных движений. <...> Возможно, это было

связано с присутствием третьего лица, с записью беседы, может быть, с тем, что неизбежность придания гласности ее содержания делает Г. И. ответственной за свои слова не только перед «неформалами»?

Во всяком случае, мне осталось неясным, почему официальная беседа не может быть записана в интересах дела. <...>

А. Темкина, август 1988

* * *

Из «Послесловия к двум отчетам» О. Вите (август 1988)

<...> А. Н. как будто удивляется тому, что его пригласили, оказывается, для беседы совсем не по вопросу, к которому он готовился, не по вопросу работы ОК КПСС. <...> Его, действительно, приглашали для другой беседы.

<...> По застойным традициям, обком и не может в принципе пригласить коммуниста <...> для обсуждения работы обкома. Приглашают для обсуждения работы по реализации решений обкома.

Рядовой коммунист нужен здесь не для его помощи обкому в формировании политики последнего, а для разъяснения коммунисту этой политики, для помощи ему в проведении этой политики, для обмена опытом ее реализации «на местах».

Так что удивляться здесь нечему. <...>

О. Вите, август 1988

Ремарка: моделирующая ситуация.

Оснований для «удивления» беседа в обкоме партии социологу-испытателю, понятно, не давала. Просто была построена «моделирующая ситуация», из которой стало бы окончательно ясно, могут ли «неформалы» хоть отчасти рассчитывать на диалог или деловое сотрудничество с отделом пропаганды и агитации ОК КПСС. Состоявшаяся встреча подтвердила ту гипотезу, что деловое сотрудничество невозможно. (Март 2001).

19.15. Конфликт «Кравченко-Чичеров» и вокруг него

[Ниже — композиция материалов из архива Ленинградского клуба «Перестройка». — А. А.]

19.15.1. Проблема «политических молчаливых» и «свадебных генералов»

**От группы членов и кандидатов в члены Ленинградского клуба
«Перестройка» — в редакцию газеты «Правда» (июль 1988)³⁵**

В редакцию газеты «Правда»

Копии: в редакцию журнала «Огонек»; на Ленинградскую студию телевидения; в ЦК КПСС; в партком Ленинградского металлического завода

Уважаемые товарищи!

³⁵ Этот документ публикуется здесь в сокращении.

Выполняем просьбу «Правды» от 7.07.88 — укажем на одну из проблем, которые газета «должна поднимать, выносить на суд общественности». Это проблема свадебных генералов и, в частности, сроков их пребывания в этой «должности». Проблема не такая частная, как выглядит на первый взгляд. <...>

В том же номере газеты под заголовком «Время сбросить шоры...» корр. «Правды» Н. Волинский опубликовал беседу с В. Чичеровым, делегатом XIX партконференции. В делегации от Ленинградской партийной организации было 176 человек, чем же привлек корреспондента именно В. Чичеров? А именно тем, что он типичный свадебный генерал, «верняк». <...> «Как-никак, он член ЦК КПСС, дважды Герой социалистического труда...». Добавим от себя — депутат Верховного Совета РСФСР, член бюро парткома объединения. <...>

Такие люди незаменимы на любом форуме, пленуме и т. д. для создания надежного подавляющего большинства, голосующего уже больше шестидесяти лет точно так, как президиум. Это они голосовали за культ, волюнтаризм и застой (а за ними и все мы голосовали за то же). Это им — не в упрек, но и гордиться тут нечем, а главное — продолжать так нельзя, дальше некуда!

«Я участник трех последних съездов партии», — сказал В. Чичеров. Простите за резкость, но невольно вспоминается знаменитая фраза об осле Евгения Савойского, прошедшем с ним все походы, но не ставшем великим полководцем.

Два застойных и один перестроечный съезд — чем отличился на них В. Чичеров, что полезного внес в ЦК за время своего членства в нем? Здесь сознательно не рассматривается деятельность В. Чичерова на его рабочем месте, да и необходимости в этом нет.

Общеизвестно, что статус Героя социалистического труда, тем более — дважды Героя, весьма нечеток.

Вопрос стоит так: сколько лет или сроков несменяемым **политическим** деятелем, имя которого автоматически ассоциируется с Ленинградом (5 млн населения), будет В. Чичеров? Кажется, Чеховым сказано: «Праздная жизнь не может быть чистой». Для политического деятеля в этой фразе надо добавить только слово «политическая» (жизнь). Верность этого положения покажем на том же конкретном примере.

«Комсомольская правда» от 13.06.87 напечатала интервью с В. Чичеровым «Это было вчера», из которого следовало, что «вчера» он молчал, потому что другие молчали, а «сегодня» он молчит, потому что <...> особой отваги для высказываний не нужно...

1 сентября 1987 г. трое работников родного В. Чичерову объединения «Ленинградский металлический завод», из них двое — коммунисты, отправили в редакцию «Комсомольской правды» открытое письмо В. Чичерову, с просьбой разъяснить, как это сочетается с членством в КПСС, не говоря уж о принадлежности к руководящим органам партии и государства и о высочайших наградах. Никакого ответа, ни в какой форме, не последовало.

В ноябре 1987 г. один из авторов письма, коммунист Г. А. Кравченко передал соответствующее обращение в партком «ЛМЗ». Ответа по существу своих двух обращений к В. Чичерову Г. Кравченко так и не получил, зато был исключен из партии и вынужден сменить должность энергетика цеха на должность ученика сварщика (недавно ему присвоен первый разряд).

Следует заметить, что у В. Чичерова не хватило не то что коммунистической, а обыкновенной человеческой порядочности, чтобы хоть воздержаться при голосовании на парткоме, когда исключали из партии человека, задавшего **лично ему** вопросы, на которые коммунист В. Чичеров так и не ответил. А по существу дела при обсуждении этого вопроса В. Чичеров не сказал **ни слова**.

<...> На глазах у члена парткома, члена ЦК и прочая, и прочая, шельмуют честного коммуниста фактически только (или главным образом) за то, что дерзнул выступить против него (Чичерова).

«Но может ли правящая партия устраниваться от своей руководящей роли? Нет и еще раз нет!» — восклицает В. Чичеров в том же интервью. Неужели В. Чичеров всерьез думает, что он, со всеми своими регалиями и постами, осуществляет эту руководящую роль, неужели не понимает, что он и ему подобные подрывают эту роль? Если такое положение сохранится, то непонятно, чем поможет совмещение должностей первых секретарей комитетов партии и председателей Советов?³⁶

<...> Нынешние Чичеровы, в соответствии с 6-й статьей Конституции СССР (подарком Брежнева), рассматривают руководящую и направляющую роль партии как данную им пожизненно привилегию. <...> Нужно ликвидировать эту статью Конституции, а руководящую и направляющую роль КПСС обеспечивать авторитетом ее членов. Кстати, нет ни одной развитой страны, в которой любая партия не получала бы в ходе выборов разрешение у народа — называться правящей. Дело тут не в количестве партий (многопартийность), а в том, что в этих странах исключена возможность признания партии правящей — априори.

<...> Наглядный сегодняшний пример того, к чему приводит априорное признание партии правящей — Румыния. <...> Восточная пословица гласит: «Ни одна скотина, кроме человека, не спотыкается дважды об один и тот же камень».

Мы споткнулись о бонапартизм трижды — при Сталине, Хрущеве и Брежнев. Неужели до сих пор не ясно, что с властью, как с ядерной энергией, нельзя обращаться небрежно и легкомысленно. <...> И власть, и ядерная энергия жестоко и неотвратимо мстят за это.

<...> Начиная с первой Конституции РСФСР, каждая следующая Конституция делала шаг к бонапартизму, к усилению личной власти. Шаг в этом направлении предлагается и теперь, и, конечно, свадебные генералы — всецело «за»! Но такие вопросы — прерогатива вовсе не их, а всесоюзного референдума.

Сейчас <...> следовало бы в кратчайший срок провести в Ленинграде, в каком-либо зале не менее чем на 100-150 чел., с трансляцией в прямом эфире, встречу В. Чичерова с ленинградцами, на совершенно демократических началах (микрофоны в зале, ответы на записки, выступление В. Чичерова не более 15 минут, остальное — вопросы и ответы). Если это не будет сделано, то можно ожидать, что член ЦК КПСС будет **справедливо** подвергнут всеобщему презрению, которому подвергались раньше люди, уклонившиеся от дуэли.

Уже перед партконференцией, насколько нам известно, В. Чичерову отказали в доверии коммунисты отдела промэлектроники «ЛМЗ» (единогласно) и 19-й цех этого же объединения (100 против 7).

³⁶ Одна из позиций реформы политической системы, провозглашенной на XIX Всесоюзной партконференции.

Конечно, правящая (ныне, присно и вовеки веков) партия может себе позволить иметь в своем руководящем органе людей, презируемых народом... Но лучше не создавать таких прецедентов. <...>

Алексеев А. Н., социолог, рабочий, член КПСС с 1961 г.; Божков О. Б., социолог; Вите О. Т., экономист, член КПСС с 1975 г.; Генкин Г. М., инженер; Дудченко В. П., рабочий; Кесельман Л. Е., социолог, член КПСС с 1971 г.; Костюшев В. В., социолог, член КПСС с 1982 г.; Нестеров Ю. М., инженер, член КПСС с 1973 г.; Поддобрый О. Н.; рабочий, Рашин А. С., инженер, член КПСС с 1980 г.; Темкина А. А., экономист, член КПСС с 1988 г.; Тягушев В. М., рабочий

20.07.88³⁷

[Полтора месяца спустя редакция газеты «Правда», в лице редактора по отделу партийной жизни В. Кожемяко, поблагодарила авторов письма «за верное замечание, за хороший совет». — А. А.]

19.15.2. «Попа становится рядом...»

**А. Алексеев — членам Ленинградского клуба «Перестройка»
(август 1988)**

Мнение по вопросам, поднятым в письме рабочего А. Зубкова
первому секретарю Ленинградского обкома КПСС Ю. Ф. Соловьеву

Я, Алексеев А. Н., социолог, хорошо знаю обстоятельства, изложенные в открытом письме члена группы «Закон и справедливость», рабочего, беспартийного А. Зубкова первому секретарю Ленинградского ОК КПСС Ю. Соловьеву. Как и он, я изучил публикации, ознакомился с документами, часами беседовал с Г. Кравченко, встречался с его товарищами по работе, присутствовал на суде. Ручаюсь своим партийным билетом (а он мне дорог), что факты в письме А. Зубкова изложены правильно.³⁸

Но важны в письме не только факты (многих автор еще не использовал). Важен анализ, вдумчивый, совестливый, я бы сказал одним словом — ин-

³⁷ Письмо сопровождалось Р. S.:

«...Жанр коллективного письма не является канонически устоявшимся. Сегодня редко сочиняют письма так, как на картине Репина запорожцы турецкому султану. Обычно пишет кто-то один, а к нему присоединяются другие, хотя каждый из них сам написал бы то же самое по сути, но вряд ли так же по форме. Те, кто подписал это письмо, не сочли возможным заниматься мелочным редактированием, поскольку один из нас (так сказать, инициатор) эмоционально и вместе с тем достаточно точно выразил **существо** проблемы “политических молчальников” наших дней.

Почему адресуемся именно в эти инстанции? В “Правду” — отклик на ее призыв от 7.07.88 и в связи с очередным интервью В. Чичерова в этом же номере газеты; в “Огонек” — поскольку эта тема отчасти уже затрагивалась на его страницах; на Ленинградскую студию телевидения — поскольку реализация нашего предложения требует участия телевидения; в ЦК партии — поскольку проблема раскрыта на примере члена Центрального Комитета КПСС; в партком Ленинградского металлического завода — для сведения.

Ответить можно по любому из указанных здесь адресов». (Указывался домашний адрес каждого из подписавших это письмо).

³⁸ Здесь это письмо не приводится. Другое письмо А. Зубкова на ту же тему (от января 1989 г.) см. ниже.

теллигентный. Но и не только это. Точны общественно-политические и нравственные оценки. Но и это не все.

Есть в письме А. Зубкова такие строки: «Кравченко намерен свою честь и достоинство отстаивать до последней возможности... И я намерен встать рядом». Снимаю перед Вами шляпу, Александр. Именно так. Я тоже намерен встать рядом. Пора «становиться рядом» в ситуациях, которые сегодня — и вопреки перестройке, и в силу ее — становятся все более массовыми. В ситуациях типа этой.

Г. А. Кравченко и его товарищи, нелিপцприятно откликнувшиеся в прошлом году на интервью дважды Героя, непременно делегата партийных съездов и т. д. В. С. Чичерова, опубликованное в «Комсомольской правде» (13.06.87), вовсе не «вызывали огонь на себя». Просто они, без церемоний, изложили свою точку зрения по наболевшему в партии вопросу — персональной ответственности каждого члена ЦК.

Оказалось, что Кравченко и его товарищи, «не целясь», попали в одно из самых «больных» мест. Вряд ли того хотели авторы или вдохновители заушательских публикаций о Геннадии Кравченко «Ленинградской правды» и «Турбостроителя», но, ослепленные этой «болью», они стали тушить пожар горючей смесью. Сейчас ситуация зашла в такой политический и нравственный тупик, что кроме полноценной, не урезанной, не односторонней гласности выхода из него нет.

Вот это-то и уловил очень точно автор открытого письма первому секретарю Ленинградского обкома партии.

<...> Я давно спрашивал Г. Кравченко, почему он не вступает в наш клуб «Перестройка». Геннадий Александрович отвечал, что не хочет навлечь на нас лишние неприятности. Думаю, что это уже наша проблема. Поэтому я прошу рассматривать это свое «мнение» также и как рекомендацию для его вступления в Ленинградский клуб «Перестройка».

Что касается упомянутого письма первому секретарю обкома КПСС, в защиту Г. Кравченко, то я просто присоединяю к нему свою подпись, как уже сделал это недавно (в июле) с откликом от группы членов (и кандидатов в члены) клуба «Перестройка» в газету «Правда», насчет очередного интервью В. Чичерова в ней. Прилагаю для сведения копию этого отклика (12 подписей). /См. выше. — А. А./

Думаю, что тем, кто захочет сформировать свое мнение, полезно ознакомиться также с «антикравченковскими» публикациями местной прессы (Н. Волинский. «Пена». — Ленинградская правда, 21.01.87; «В припадке социальной истерии» и «Демагоги получают отпор». — Турбостроитель, 25.12.87 и 22.07.88). Особо рекомендую последнюю публикацию: лучшего автопортрета преследователи Г. Кравченко сделать себе не могли.

Предлагаю дожидаться реакций газет «Ленинградская правда» и «Турбостроитель» на предложенное им обоим для публикации открытое письмо А. Зубкова. Если реакция будет отрицательной, тогда, я думаю, мы найдем способ предать гласности настоящее, в сущности, открытое письмо руководителю областной партийной организации, со всеми мнениями-подписями, которые возникнут.

А. Н. Алексеев, социолог, член КПСС с 1961 г., член клуба «Перестройка», 2.08.88

Ремарка: «...клуб “Перестройка” вмешивается не в свое дело...»

Эта история имела драматическое продолжение.

Клуб «Перестройка» готовился в октябре 1988 г. провести «**общественное слушание**» конфликта «Чичеров-Кравченко». Однако оно было сорвано за претом Ленинградского облсовпрофа в адрес администрации Дворца культуры им. Ленсовета на то, чтобы это слушание проходило в помещении ДК. Чинились также всевозможные препятствия попыткам тележурналиста С. Дегтярева организовать соответствующую телепередачу.

Клуб «Перестройка» обнародовал все эти обстоятельства, посредством уличных стендов у входа в ДК им. Ленсовета.

Параллельно развернулась борьба за политическую реабилитацию Г. Кравченко, исключенного из партии за его открытые письма В. Чичерову.

Телеграмма членов КПСС А. Алексеева, В. Антошина, Г. Богомолова, С. Дегтярева, Н. Корнева, В. Рамма, П. Шелища в КПК при ЦК КПСС:

«Считаем исключение из партии Г. Кравченко Ленинградский металлический завод и связанные с этим обстоятельства компрометирующими ленинградскую партийную организацию тчк Настаиваем на выезде ответственных работников КПК в Ленинград для встречи с осведомленными в конфликте “Кравченко — член ЦК КПСС Чичеров” представителями партийной и беспартийной общественности тчк Призываем КПК при ЦК КПСС воздержаться от утверждения решения бюро Ленинградского ОК КПСС от 27.10.88».

Телеграмма рабочего СМУ «Водоканалстрой» А. Зубкова в КПК при ЦК КПСС:

«Подтверждение исключения Кравченко Геннадия Александровича (ЛМЗ) в КПК лишит последней веры в партию. Рассмотрение его персонального дела парткомом ЛМЗ и Ленинградским обкомом КПСС необъективно. Меня, Зубкова Александра Анатольевича, беспартийного, домашний адрес <...> это глубоко возмущает. Не могу позволить чтобы разваливали партию. Требую справедливости. На ЛМЗ начали сдавать партийные билеты».

Решение Комитета партийного контроля при ЦК КПСС от 23.11.88, за подписью первого заместителя председателя Густова гласило:

«Учитывая, что Г. А. Кравченко **правильно ставил вопросы о недостатках в работе предприятия** (выделено мною. — А. А.), в настоящее время по работе характеризуется положительно, во изменение ранее принятых решений об исключении его из партии, восстановить т. Кравченко Г. А. членом КПСС с октября 1988 г. Объявить ему строгий выговор с занесением в учетную карточку за невыдержанный тон его писем...»

Тогда, 18 декабря 1988 г., в «Ленинградской правде» было опубликовано «открытое письмо» пятерых рабочих Ленинградского металлического завода, под названием «Не дадим покушаться на труд». В письме шельмовался Г. Кравченко, а клубу «Перестройка» предъявлялось обвинение в попытках вмешиваться «не в свое дело».

Клуб ответил. См. ниже. (Март 2001).

* * *

**Ленинградский клуб «Перестройка» — в редакцию газеты
«Ленинградская правда» (декабрь 1988)**

На что покушается «Перестройка» (открытый ответ клуба
«Перестройка» на открытое письмо группы рабочих объединения
«Ленинградский металлический завод»)

<...> Что ж, принимаем вызов, и не только потому что нам небезразлично положение дел в объединении «ЛМЗ».

Прежде всего, нас тревожат идейные позиции, которые проступают в этом письме, позиции, на которых, к сожалению, стоят еще многие — от рядового рабочего, насильно ввинченного в административную систему, до иных работников партийно-хозяйственного аппарата, ревностно отстаивающих ее устои.

Что же не понравилось авторам письма в деятельности клуба «Перестройка»?

Попытки, как они пишут, «беззастенчиво», безапелляционно и некомпетентно вмешиваться в жизнь трудовых коллективов, их общественных организаций, нарушать созидательный ритм этой жизни надуманными обвинениями и чуть ли не откровенной «охотой на ведьм».

Давайте переведем эту мысль на человеческий язык, отбросив отштампованную в годы застоя терминологию.

Да, клуб «Перестройка» одной из своих уставных задач считает активное содействие процессам демократизации в жизни трудовых коллективов, в том числе с помощью гласного общественного контроля. И ни в какой микроскоп, как бы ни фокусировали его с руководящего дистанционного пульта, не обнаружить здесь расхождений с духом и буквой резолюций XIX партконференции «О борьбе с бюрократизмом», «О гласности».

Созданный в 1987 г. межпрофессиональный клуб «Перестройка» одну из своих секций назвал «секция защиты активистов перестройки». Нас тревожило, что имеющаяся в УК РСФСР статья 139.1, призванная карать скорых на расправу зажимщиков критики, практически бездействует, что по инстанциям, из кабинета в кабинет вхолостую перекачиваются жалобы изгнанных с работы, исключенных из партии, пострадавших за неприятие творимых безобразий. Более 30 дел подобного рода принято к защите секцией клуба, одно из них — «дело Кравченко». <...>

[Здесь опущен анализ конкретной ситуации по «делу Кравченко», в основном описанной выше. — А. А.]

Административная система, стержнем которой является обюрократившаяся часть партийно-хозяйственного аппарата, завела страну в тупик. Это тяжкий и честный вывод здоровых сил партии, нацеленной на перестройку, в этом направлении работает и наш клуб. Лекции, диспуты на острые политические темы, информирование населения по зло-

бодневым проблемам города, страны, в частности, производственного самоуправления, аренды, хозрасчета, кооперативного движения, — такова сфера деятельности клуба «Перестройка». Встал на ноги созданный на основе одной из секций «Перестройки» клуб потребителей. Много замыслов, есть успехи.

<...> В открытом письме рабочих клубу «Перестройка» проявилась известная традиция застоя — говорить якобы от имени всех рабочих объединения. А ведь это не так.

Выступления многих производственников на партийных и профсоюзных собраниях в ЛМЗ показывают: рабочие просятся, они уже не хотят быть молчаливыми винтиками, с рабской философией «плетью обуха не перешибешь!» Люди осознают, что пришло время перемен, работать по старому нельзя, надо ломать гнетущую всех нас административную систему, жить по совести, в ладах со здравым смыслом.

Перестройка набирает темп. Мы верим — реформа политической системы, развитие демократии, проведение действительно радикальной экономической реформы сделают ее необратимой. И надеемся, что жизнь заставит авторов этого письма пересмотреть свои позиции, а пока... вслушайтесь, как звучит заголовок Вашего письма. Не напоминает ли знакомое — «Не могу поступиться принципами»?

По поручению клуба «Перестройка»:

М. Горный, инженер I категории СЗЛП, к. ф.-м. н.; О. Харитонов, наладчик ЛЭМЗ; С. Дегтярев, журналист Лен. телевидения; В. Рамм, вед. науч. сотр., к. т. н.; В. Тягушев, электрик ПО «Красная заря»; В. Монахов, ст. преп. ЛИЭИ, к. ю. н.

(Цит. по: Перекресток мнений, 1989, № 1(11), январь)³⁹

[Это письмо было передано в редакцию «Ленинградской правды» 3 января 1989 г. Напечатано оно не было. — А. А.]

* * *

**А. Зубков — первому секретарю Ленинградского обкома КПСС
Ю. Соловьеву (январь 1989)**

Уважаемый Юрий Филиппович!

Однажды я уже обращался к Вам, где высказал свою точку зрения о том, что секретарю парткома «ЛМЗ» Кондратьеву В. Н. даже первичную организацию нельзя доверить, не говоря уж о партийной организации крупнейшего завода. Считаю, даже дальнейшее пребывание его в партии недопустимо. К сожалению, мой голос не был услышан.

<...> Напомню коротко суть моих претензий к Кондратьеву. Свое истинное лицо он обнаружил давно — во время эпопеи с приписками, когда он, вместо принятия мер к искоренению этого явления, занял позицию невы-

³⁹ Письмо сопровождалось Р. С.: «...Основываясь на праве “каждого гражданина, подвергнутого критике, на публикацию обоснованного ответа в том же органе печати” (резолюция XIX партконференции “О гласности”), требуем напечатать открытый ответ в “Ленинградской правде”».

несения сора из избы. <...> Недавно комитет народного контроля вскрыл приписку на сумму более 12,5 млн рублей, хотя в газете «Турбостроитель» эту сумму почему-то уменьшили на 4 млн руб.

Человека же, который встал на пути приписки — Г. А. Кравченко — Кондратьев (и администрация, разумеется, тоже) подверг преследованию. Этого не смогли отрицать даже в КПК при ЦК КПСС: «...да, есть **элементы** преследования за критику». Ничего себе, «элементы»! Хорошо, что Кравченко такой негнушийся человек, другого, поди, такие бы «элементы» давно сломали. <...>

Вкратце

Здесь опущен обзор гонений на Г. А. Кравченко и событий вокруг его «дела», вовсе не сводимого к «конфликту Кравченко — Чичеров» (см. выше), а обнажающего грубые хозяйственно-финансовые нарушения на Ленинградском металлическом заводе.

...Не поколебал моей уверенности в сказанном выше и эпизод с опубликованием в «Ленинградской правде» (18.12.88) «открытого письма» турбостроителей, написанного, по «старой дружбе» с ними, корреспондентом Н. Волинским (автором пресловутой «Пены»). Репутация этого человека сейчас висит на волоске, недаром на суд с Г. Кравченко он избегает являться...

А поскольку порядочность Н. Волинского подтвердить вроде некому, он решил сделать это сам, спрятавшись за широкие спины турбостроителей, не владеющих в такой степени пером, адресовав «их» письмо Ленинградскому клубу «Перестройка», который выступил в защиту Г. Кравченко.

Цель «открытого письма» предельно ясна — поддержать накануне областной партконференции моральный дух секретаря парткома Кондратьева и, особенно, Чичерова (он, похоже, иногда способен испытывать угрызения совести); помочь «протолкнуть» Кондратьева в состав обкома, а Чичерова, возможно, на съезд (уже в третий раз, делегат-легенда!).

Прием открытых писем «от рабочего класса» — не новый и широко практикуемый ленинградскими партийными газетами. Ну, клуб «Перестройка», наверное, сам за себя ответит... Мне же остается добавить следующее.

Не может наше общество пребывать далее в том экономическом развале, в котором мы оказались, благодаря отчасти и таким кондратьевым с чичеровыми. <...> Но еще важнее нам преодолеть развал нравственный, которому также способствуют кондратьевы и чичеровы. Только <...> нравственное очищение способно спасти партию от развала; непорядочным людям придется покинуть ее, только в этом случае народ снова обретет веру в партию.

Порядочность — это тот критерий, по которому можно определить, перестроился ли человек на самом деле. Тут уж никакая бойкость языка не выручит: от словоблудия порядочности не прибавится. <...>

Зубков Александр Анатольевич, электромонтер ССМУ «Водоканалстрой», беспартийный, 1954 г. рожд., проживающий по адресу: <...>

(Январь 1989)

[Геннадий Александрович Кравченко впоследствии — депутат Ленсовета-Петросовета (1990-1993), депутат Муниципального совета «Охтинский» (1998-2000). — А. А.]

19.16. Народ и власть (социологический десант в г. Лугу)

**Г. Кузнецов — в Ленинградский межпрофессиональный клуб
«Перестройка» (июнь 1988)**

<...> В настоящее время в гор. Луге организованно проводится кампания травли восьми коммунистов, подписавших обращение к пленуму Лужского горкома КПСС с призывом освободить Гребнева В. М. от должности первого секретаря горкома партии. И проводится эта кампания под руководством ГК КПСС и с использованием недостойных приемов и методов, разжигающих у части населения низменные чувства мести и сведения личных счетов.

<...> В своем обращении к участникам пленума (11.06.88) мы обвинили Гребнева В. М. в том, что он покровительствует матерому преступнику Карелову В. Г., оберегая его от разоблачения и наказания; в том, что он воспитывает подхалимов и угодников, которые впоследствии совершают преступления; что он и сейчас окружил себя людьми, недостойными занимать ответственные должности; что именно Гребнев В. М. олицетворяет в Луге механизм торможения.

Мы обратились к членам пленума городского комитета КПСС с призывом освободить Гребнева В. М. от должности первого секретаря.

<...> Прошу вас средствами демократии и гласности помочь нам, восьмерым коммунистам, подвергнутым травле за честное обращение к пленуму Лужского ГК КПСС, защитить свое имя, честь и достоинство. <...>

Г. Р. Кузнецов, член КПСС, 26.06.88

* * *

**Совет Ленинградского клуба «Перестройка» — в редакцию журнала
«Коммунист» (июль 1988)**

В редакцию журнала «Коммунист»

Копии: в «Правду», «Советскую Россию», «Литературную газету», «Московские новости», «Огонек», «Партийную жизнь»; в Ленинградский ОК КПСС

<...> Нашему клубу, около 40% которого являются коммунистами, стало известно о поистине чрезвычайных событиях, развернувшихся в гор. Луге, Ленинградской области, в связи с обращением 8 коммунистов к Пленуму Лужского ГК КПСС 11 июня.

Внимательно ознакомившись с этими документами и убедившись, что эти события действительно имели место, мы сочли целесообразным привлечь к ним внимание центральной прессы. Думаем, что сами по себе формы и методы дискредитации авторов обращения, включая настенные анонимные листовки, дают повод для специального журналистского расследования.

<...> Если редакция сочтет возможным заняться этой темой, просим привлечь к расследованию коммунистов — членов нашего клуба, распо-

лагающих дополнительной информацией. Сообщаем, что с аналогичной просьбой мы обратились и в ряд других печатных органов. <...>

От совета Ленинградского клуба «Перестройка:

П.С. Филиппов, Л.И. Гольдштейн, Н.Р. Корнев

Июль 1988

[Параллельно была предпринята «социологическая акция», о которой ниже. — А. А.]

* * *

Из экспресс-отчета о зондаже общественного мнения жителей г. Луги по методике «ССА-ЛСТ» (сентябрь 1988)

10 сентября 1988 г. состоялся выезд группы добровольцев — членов Советской социологической ассоциации и Ленинградского межпрофессионального клуба «Перестройка» в гор. Лугу для проведения экспресс-опроса по методике, которая прилагается. В разработке методики принимали участие социологи А. Алексеев, М. Алесина, В. Глухов, Л. Кесельман, П. Шелищ и журналист С. Дегтярев.

Целью экспресс-опроса был зондаж общественного мнения лужан относительно их нынешнего городского и районного руководства. В частности, выяснялось: а) кто из нынешних городских и районных руководителей известен лужанам и б) кого из них они хотели бы видеть в составе руководства после предстоящих выборов.⁴⁰

Опрос проводился на улице и в общественных местах. Были охвачены основные многолюдные точки города и некоторые малолюдные улицы. Время опроса — суббота, середина дня.

Собственно опрос (без учета подготовительной работы) занял около 2-х часов, при работе бригады из 14 интервьюеров. Беседа с каждым опрошенным продолжалась 2-3 минуты. Ответы записывались либо интервьюером со слов опрашиваемого, либо — самим опрашиваемым на опросном листе.

Обработка материалов опроса была произведена в тот же день (10 сентября 1988 г.) силами бригады интервьюеров.

* * *

Всего было опрошено 491 чел., что соответствовало установке на 2-процентную выборку взрослого населения г. Луги. Контроль выборки произведен по двум социально-демографическим параметрам.

Возраст: до 20 лет — 7%, 21-30 лет — 22%, 31-40 лет — 23%, 41-50 лет — 20%, 51-60 лет — 18%, старше 60 лет — 9%. Распределение нормальное и не противоречит данным о генеральной совокупности.

Партийность: члены КПСС — 21%, беспартийные — 79%. По этому параметру выборка получилась несколько скошенной (повышенная доля коммунистов), возможно — за счет того, что одной из точек опроса была площадь перед Городским комитетом партии.

⁴⁰ Таковы были дословные формулировки двух вопросов анкеты.

Задавался также вопрос: «Сколько лет Вы живете в Луге (Лужском районе)?». Распределение ответов: проживают в г. Луге до 5 лет — 10%, от 6 до 10 лет — 11%, 11-20 лет — 22%, свыше 20 лет — 57%. То есть более половины опрошенных — в полном смысле слова — коренные лужане.

* * *

Основные выводы

<...> — До 1/5 населения гор. Луги настолько отчуждено от его руководителей, что даже не может назвать ни одного имени городского или районного руководителя. Для подавляющего большинства населения городское и районное руководство ассоциируется либо исключительно, либо по преимуществу с партийными руководителями. Советские руководители упоминаются, как правило, лишь в дополнение к партийным.

Соотношение уровней известности наиболее знакомых населению руководителей позволяет предположить существование в городе массового представления о системе авторитарного руководства одного лидера.

— Доверие к кому-либо из нынешнего руководства обнаруживается не более, чем у 1/3 жителей города. Максимальное (полное) доверие к наиболее известному в городе руководителю (первый секретарь Лужского райкома партии В. М. Гребнев) выражает лишь каждый восьмой опрошенный. Что не может не рассматриваться как тревожный сигнал кризиса доверия к местному руководству.

— Отсутствие доверия к представителям нынешнего руководства не сопровождается, однако, выражением доверия к каким-либо альтернативным лидерам. Можно с уверенностью сказать, что на данный момент отсутствует представление о какой-либо группе или отдельном лице, способном выдвинуть программу, удовлетворяющую интересам населения. Возникновение таких представлений вряд ли возможно без активизации общественной и политической жизни города.

— Хотя в целом среди членов партии нынешние руководители города и района находят несколько большую поддержку, чем среди беспартийных, однако во многих случаях это скорее солидарность с партийной программой в целом, чем активная поддержка позиций и действий конкретных руководителей. Эта пассивность значительной части членов районной партийной организации, по-видимому, способствует отчуждению населения от руководства города и района (в частности, от его партийного руководства).

— Чтобы судить о том, насколько полученная картина специфична для гор. Луги или отражает более общие тенденции взаимоотношений народа и власти, необходимы аналогичные зондажи в сопоставимых населенных пунктах. Особенно важно продолжение этой работы в предвидении предстоящих в 1988-1989 гг. выборов в партии и в Советы народных депутатов.

От ЛО ССА и Ленинградского межпрофессионального клуба «Перестройка» — А. Н. Алексеев

12.09.88

* * *

**Из «открытого письма» Ленинградского клуба «Перестройка»
(январь 1989)**

<...> Думаем, что сумели помочь восьми лужским коммунистам, обвиненным... в клевете за открытое выступление против первого секретаря Лужского ГК КПСС В. М. Гребнева, **теперь уже бывшего**.

Эта работа получила положительную оценку в журнале «Коммунист» (см. Н. Тюрин. У межи. — Коммунист, 1988, № 15). <...>

3.01.89

Ремарка: документы прошлого и воспоминания о минувшем — взаимодополнительны.

Воспользовавшись документами из своего архива, я отразил лишь фрагмент лужского сюжета «перестройки», в который оказался лично включен. Однако включенность эта была краткой и в общем поверхностной.

На самом деле, этот эпизод перестроечного противостояния (как и большинство представленных в этой и последующих двух главах настоящей книги эпизодов) куда интереснее и ярче, имеет свою предысторию и свое продолжение, оставшиеся вне моего поля зрения. О чем можно судить, в частности, из недавно вышедшей книги воспоминаний моего друга Валерия **Ронкина**, проживавшего в Луге с 1975 г. до самого последнего времени.⁴¹

Пользуясь случаем заметить, что книга В. Ронкина «На смену декабрям приходят январы...» (М.: Общество «Мемориал» — Издательство «Звенья», 2003), являет собой образец мемуарного жанра, в котором сочетаются увлекательность жизненного детектива с глубиной мирожизненного осмысления.⁴²

И вот здесь оказывается, что преимущества документов, будь то общественных, будь то личных, перед воспоминаниями, в плане отображения реалий минувшего времени, как будто постулировавшиеся мною здесь, вовсе не абсолютны.

Да, документы прошлого, включая дневники и письма, как непосредственные «жизненные свидетельства», характеризуются лишь «одинарной» субъективностью наблюдателя и участника описываемых событий (соответственно, переживающего или размышляющего автора), в отличие от «двойной», или «многоступенчатой» субъективности мемуариста. Но эти актуальные свидетельства могут уступать воспоминаниям (жизненной

⁴¹ Как известно, Луга — на 101-м км., ближе которого к Ленинграду не мог поселиться выпускник Ленинградского технологического института 1959 г., а с 1965 по 1972 г. — политический заключенный (знаменитое дело «Колокола»), отбывший свой срок в мордовских лагерях и во Владимирской тюрьме, после чего — еще 3 года ссылки в поселке Нижняя Омра, Коми АССР. Об инженере-химике, социальном философе, правозащитнике Валерии Ефимовиче Ронкине см. в томе 2 настоящей книги: раздел В3.2. Ныне В. Р. проживает в Петербурге. (Июнь 2005).

⁴² Сравнивая с собственным произведением (настоящей книгой), замечу, что — в своем жанре документальной композиции (хроника эксперимента и «дела» социолога-рабочего) — я имею меньше шансов привлечь внимание широкой читательской аудитории, чем мой друг — в его жанре «истории жизни» («воспоминания бывшего бригадильца и подпольщика, а позже — политзаключенного и диссидента», как гласит подзаголовок его книги). Талант жизни, помноженный на талант рассказчика, — так я определил бы это произведение В. Ронкина.

ретроспекции) в содержательности и целостности. Пусть даже последние несут в себе неизбежные aberrации памяти и множественные влияния последующего жизненного опыта рассказчика и историко-культурные напластования.⁴³

Так или иначе, используемый мною способ отображения минувшего времени (композиция документов и т. п.) находится с мемуарами в отношении *взаимодополнительности*, а не *взаимоотрицания*.

Здесь ограничусь тем, что представляю «окончание» данного, лужского эпизода — в другом жанре. См. ниже. (Январь 2004—июнь 2005).

* * *

Из книги В. Ронкина «На смену декабрям приходят январы...» (2003)

<...> Еще в 89-м году под руководством Г. Ковалева [в действительности — Г. Кузнецов; здесь мемуарист ошибся. — А. А.] группа ветеранов партии направила в журнал «Коммунист» письмо о коррупции в Луге. Незадолго до этого был арестован и осужден крупный снабженец Карелов, однако партийные чиновники, которым он «за свой счет» устраивал званные обеды, остались на своих местах. В «Коммунисте» появилась статья по этому поводу, в Лугу выехала на полевые исследования группа ленинградских социологов [см. выше. — А. А.], а затем ленинградским режиссером С. Дегтяревым был снят документальный фильм «Столкновение». В 89-м, после первого митинга, Дегтярев обратился в нашу «Перестройку»⁴⁴ с просьбой помочь ему «пробыть» демонстрацию этого фильма, и мы начали собирать подписи лужан.

Когда появилась статья в «Коммунисте», первый секретарь горкома Гребнев уже ушел на пенсию, и в Лугу прибыл новый партбосс В. А. Антонов, кандидат сельхознаук и, по слухам, сын первого секретаря Новгородского обкома. Он тоже препятствовал демонстрации фильма.

Мы собрали более пятисот подписей, и после этого обком партии дал разрешение на демонстрацию фильма. Надо сказать, что граждане очень часто боялись подписывать даже такую безобидную с сегодняшней точки зрения бумагу. К нам подошла одна моя знакомая, еще по «Химику», и со слезами на глазах просила вычеркнуть подпись ее мужа.

Время демонстрации фильма Дегтярев сообщил нам заранее, и «Перестройка» начала обклеивать Лугу листовками-афишами. Наконец, фильм показали по телевидению. В нем было интервью с ветеранами партии, один из которых возглавлял группу народного контроля, с осужденным снабженцем, с социологами и с Сергеем П. [тогдашний лидер лужского клуба «Перестройка». — А. А.]. Фильм ставил вопрос о том, почему Гребнев покровительствовал Карелову. Было в нем и интервью с начальником лужского ОБХСС Бурцевым, который утверждал, что собранным его отделом материалам не дается ход.

После показа фильма «Перестройка» [лужская. — А. А.] предложила провести митинг для его обсуждения. Нам выделили опять Загородный парк,

⁴³ См. об этом ранее: раздел 0.5.

⁴⁴ Речь идет о лужском клубе «Перестройка», возникшем в 1988 г. Иногда лужские активисты демократического движения называли себя филиалом Ленинградского клуба «Перестройка».

несмотря на дождливую погоду. После встречи с приехавшим в Лугу представителем обкома Черниговым митинг было разрешено провести в помещении общества «Знание». Мало того, за день до митинга «Лужская правда» опубликовала объявление о нем, причем назвала организаторами некую инициативную группу, горком и горисполком.

«Перестройка», по нашему с Хахеевым⁴⁵ предложению, пришла на митинг с плакатом «От столкновения к сотрудничеству». Ничего особенного на митинге не говорилось. Звучали давно навязшие на зубах требования борьбы с коррупцией, кумовством и применения закона «не взирая на лица». Но теперь такие требования раздавались снизу, и поэтому ни о каком сотрудничестве не могло быть и речи. Наши оппоненты ничего не опровергали, а только кричали, что «Перестройка» натравливает людей друг на друга, провоцирует гражданскую войну и т. д., и т. п.⁴⁶

После митинга «Лужская правда» объявила «Перестройке» настоящую войну. От моего имени в редакции «появилась» листовка, где слово «сука» было наиболее мягким из ругательств. <...> По этому поводу меня даже вызывали в прокуратуру, угрожая начать уголовное дело. Я не возражал, наоборот, я потребовал возбудить его либо в отношении меня, либо в отношении Кокуриной, заведующей партийным отделом газеты, которая и писала об этой листовке, и зачитывала на собрании ветеранов. Вообще, именно Кокурина была инициатором всего этого шабаша. Члена «Перестройки» Мишу К. газета обвинила в том, что он обокрал школу. Состоявшийся вскоре суд признал это обвинение несостоятельным, и газете пришлось извиниться. <...>

Кокурина после ликвидации КПСС тоже недолго оставалась без дела. Однажды я прочел на столбе объявление, что она приглашает всех желающих в школу экстрасенсов и изучения русской Веды. Рядом со мной у того же столба стоял знакомый инженер. «Ловко же они меняют идеологию», — сказал я, глядя на объявление. Знакомый посмотрел и ответил: «Причем тут идеология? Они раньше вешали нам лапшу на уши и теперь вешают, только сорт лапши поменяли».

<...> Вернемся к нашему клубу. Приведу короткий, но очень показательный образец полемики вокруг него в «Лужской правде» (1989, 24 ноября).

Реплика. За что нас оскорбили? Прочитала листовку так называемого клуба «Перестройка», в которой просят меня не бегать с их листовками, «шевелить мозгами, если они у меня есть». Считаю, что все, что написано в листовке, — это оскорбление каждого лужанина. Видите ли, у членов клуба «Перестройка» мозги есть, а у остальных — под вопросом. Такие изречения унижают достоинство человека. Давайте подумаем все вместе, как оградить каждого из нас от подобных оскорблений. Этому клубу пора бы заняться более достойными делами, и хватит мутить воду. И. Дмитриева, лужанка.

От редакции. К нам с подобными возмущениями обращается немало лужан. Чтобы было понятно тем, кто не читал эту листовку, публикуем ее текст: «Граждане! Прекратите бегать с нашими листовками "куда надо", их там уже хватает. Учитесь шевелить своими мозгами (у кого они есть)».

Листовку, текст которой привела «Лужская правда», сочинил Костя К. после нашей встречи с гэбистом. Тот сказал приблизительно следующее: «У нас ведь народ какой — все ваши листовки к нам тащат».

⁴⁵ Сергей Дмитриевич Хахаев — друг В. Е. Ронкина, в свое время осужденный вместе с ним по тому же политическому делу «Колокола» (1965) и, после отбывтия срока, тоже проживавший тогда в Луге.

⁴⁶ Ср. ситуацию вокруг Ленинградского клуба «Перестройка», описанной в предыдущем разделе (19.15).

В «Лужской правде» появилась статья учительницы А. «Страшно за детей»: страх ее был вызван не коррупцией и ее безнаказанностью, о которой в статье не было ни слова, а нашей попыткой призвать виновных к ответу, что в статье расценивалось как натравливание людей друг на друга. После этого судились с газетой — Миша К., еще раньше обвиненный газетой в краже, и я. Кроме того, я написал и размножил на машинке штук двадцать листовок с ответом учительнице А., и мы раздали их перед уроком старшеклассникам той школы, где А. преподавала. Миша К., сам учитель, пытался нас остановить, но мы закусили удила. После этого газета опубликовала очередную статью о нашем клубе, в которой мои действия называла шантажом. Суд не опроверг газетного определения, да и сам я в ходе разбирательства подумал, что поступил, в общем, неправильно, поэтому отказался от апелляции, заявив, что согласен с решением суда. <...>

(В. Ронкин. На смену декабрям приходят январии... М.: Общество «Мемориал» — Издательство «Звенья», 2003, с. 440-444)

19.17. «Верю ли я в перестройку?»

Из интервью, опубликованного в газете «Смена» (сентябрь 1988)⁴⁷

Точки кипения

<...> **Корреспондент:** Если оглянуться назад, то «пиком» перестройки можно назвать весну этого года — массовый подъем политической активности, взрыв тревог и надежд. Сейчас общественное настроение изменилось. Вы не разочарованы итогами прошедшей партконференции?

Алексеев: Шагом назад партконференцию я не считаю. Но и продвижение вперед было, на мой взгляд, минимальным. Впрочем, это было обусловлено уже самой системой выборов на конференцию. Но вот после ее окончания стали происходить вещи, которые трудно оправдать.

Например, подписная кампания на 1989 год. Подготовка решения об ограничении подписки была осуществлена келейно, без гласного обсуждения альтернативных решений. Выдвигаемые ныне, уже в ходе проведения подписки, объяснения и доводы якобы о нерасторопности местных работников «Союзпечати», нехватке бумаги, слабости полиграфической базы, хозяйственной реформе и так далее, вплоть до усиления борьбы за чистоту Байкала и Ладоги, — все это, по моему, фиговые листки для фактически вводимого «лимита на гласность». А вообще сейчас больше надежды на движение снизу...

— Вы имеете в виду движение в поддержку перестройки?

— Я бы уточнил — в поддержку демократической перестройки. Ибо возможна еще перестройка и псевдодемократическая, и даже антидемократическая. Движение в поддержку перестройки растет и в ряде городов и регионов страны стало уже реальной силой. Достаточно вспомнить, как были «отозваны» народом некоторые номенклатурные делегаты XIX партконференции в Ярославле, Куйбышеве, Южно-Сахалинске. Я уж не го-

⁴⁷ Вел беседу — Сергей Балуев. Другой фрагмент этого интервью см. ранее: раздел 18.9.

ворю о размахе народного фронта в Эстонии или Литве. В Ленинграде энтузиасты этого движения встречают, я бы сказал, повышенную настороженность властей. Это при том, что действуют они строго в рамках Конституции и ищут пути к конструктивному сотрудничеству, а не конфронтации.

Массовое общественно-политическое движение борется за последовательное, а не половинчатое осуществление демократизации всех сфер жизни общества. Что является и делом Коммунистической партии. Раньше говорили — блок коммунистов и беспартийных. Этот штамп поистерся. В массовом движении за демократическую перестройку может и должен осуществиться блок прогрессивных сил, представленных как в партии, так и среди беспартийных, во всех общественных слоях.

— Андрей Николаевич как бы оценили современное состояние ленинградской печати Вы, работавший в прессе и знающий ее?

— Наши местные газеты пока далеки от последовательной линии на демократическую перестройку. Нет-нет, да и проскочат на страницах ленинградской печати рецидивы незабвенного антиперестроечного манифеста.⁴⁸ Не то плохо, что это печатают, а то, что при этом избегают заявлять о своей собственной (печатного органа) позиции. Я бы возродил жанр передовой статьи. А то все какая-то уклончивость по острейшим общественно-политическим вопросам.

Назову также одну очень интересную, пока закрытую зону. Это отношение к конкретным политическим деятелям, людям, обладающим властью. Мне известно не так уж мало людей, направивших в адрес XIX партконференции телеграммы, выражающие несогласие с позицией Е.К. Лигачева. Посылал такую телеграмму и я. А некоторых, например, неприятно поразил стиль реплик М. С. Горбачева на партконференции и на Президиуме Верховного Совета СССР. Но писать об этом не принято...

Пресса все больше обнажает общественные деформации прошлого, но избегает обсуждать опасность новых. А такая опасность есть.

— И все же некоторые теряют веру в то, что из множества красивых слов может получиться что-то дельное...

— Но посмотрите, движение снизу создает все новые прецеденты. Всего два года назад митинг у дома Дельвига был делом совершенно невероятным. Но наряду с развитием гласности и демократии все более возрастает напряженность, проявляется и противодействие. И эти контрмеры могут привести или к апатии людей, или к взрыву.

— Допускаете ли вы возможность «обратного хода» истории? Назад — к административно-командной системе, политической инертности, утрате общественных идеалов?

— Ну, абсолютных повторений в истории не бывает. Но я понимаю Ваш вопрос. Отказ от уже достигнутых завоеваний демократии, гласно-

⁴⁸ Имеется в виду статья Нины Андреевой в «Советской России», 13.03.88.

сти, гражданских инициатив был бы равносителен общественному самоубийству. Общество не может себе этого позволить. Революция в мышлении, мне кажется, уже необратима. А в поведении... Ваш коллега однажды меня уже спрашивал: верю ли я в перестройку? Отвечу вам, как и ему: я уверен только в том, что никакой перестройки не будет, если я, Вы, другие — ничего для этого не сделают.

(Смена, 25.09.88)⁴⁹

19.18. Мораторий на членство в клубе

**А. Алексеев — в совет Ленинградского клуба «Перестройка»
(сентябрь 1988)**

Заявление

В соответствии с п. 2.4 Дополнения к Уставу клуба⁵⁰ заявляю о приостановке своего членства в клубе. Мои мотивы следующие.

За последние месяцы возник довольно резкий перепад между степенью общественных ожиданий и интереса к клубу со стороны людей, ищущих свой путь в деле перестройки, и фактической способностью клуба не только ответить на эти ожидания, но даже полноценно удовлетворить этот интерес.

Провозгласив себя в Уставе общественной организацией, призванной объединить тех, кто является в своих коллективах инициаторами идей и дел перестройки, постоянно расширять их круг, целенаправленно активизировать их деятельность, способствовать повышению ее социальной отдачи, клуб именно этих своих основных целей, на мой взгляд, сейчас не реализует и утратил даже те элементы организованности, какие были на первых порах его существования.

По-видимому, клуб, с его человеческим и гражданственным потенциалом и возросшей в последнее время популярностью, мог бы и должен был выполнять роль своего рода кристаллизующего, методического и консультационного центра для общественных групп и одиночных активистов перестройки. Сегодня это уже невозможно осуществлять только путем необязательных межличностных контактов. Необходим какой-то постоянный координирующий «межпрофессиональное общение и деятельность» штаб, принадлежащее клубу, и только ему (по-видимому, арендованное), помещение, с хранилищем документов, открытым для ознакомления всех желающих, ежедневными дежурствами, с постоянно действующим и обновляющимся информационным стендом (хотя бы в этом помещении), с надежно налаженной информационно-справочной службой, с регулярными заседаниями совета, равно как и клуба в целом (который не собирал кворума, по-моему, с весны), с более четким распределением ответственности и обязанностей между членами совета, с последовательным (на срок, скажем, 3 мес.), а не параллельным исполнением членами совета председательских функций (пункту 4.2 Дополнения к Уставу не противоречит!), с письменной (на стенде!) отчетностью о денежных поступлениях и расходах.

⁴⁹ Автор приносит извинения за отдельные искажения, имевшие место в цитировании данного текста в книге: Алексеев А. Н. Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего). М.: СПбФ ИС РАН, 1997.

⁵⁰ См. выше: раздел 19.1.

Кстати, те небольшие денежные средства, которыми располагает клуб за счет взносов и, возможно, пожертвований, заслуживают первоочередного использования именно для создания таких минимально необходимых организационных условий нормального функционирования. (Если этих средств недостаточно, я бы предложил увеличить взносы, разумеется, при полной открытости финансовой отчетности).

Отсутствие таких необходимых условий постоянно ставит членов клуба в ложное положение — положение неосведомленных людей, либо невольных дезинформаторов или даже мистификаторов. Поскольку ко мне лично, в силу ряда случайных обстоятельств, незнакомые люди обращаются особенно часто, это ложное положение становится нестерпимым. Адресовать спрашивающих — некуда, разве что к людям, которые лучше умеют выходить из этого положения.

Возникает серьезная тревога и по поводу возрастающей, замечаемой и со стороны, «элитарности» клуба, отрыва от процессов, совершающихся в трудовых коллективах (за исключением разве что секции производственного самоуправления), складывающегося приоритета словоговорения перед практическими действиями, дискуссий перед организационными шагами, «воспарений ввысь» перед черновой работой.

Накладывая мораторий на свое членство в клубе, я хотел бы подчеркнуть, что не отношу своих «претензий» ни к кому из членов совета клуба персонально (к каждому из которых преисполнен не только уважения, но и глубокой личной симпатии), понимаю, что это «болезнь роста», и этим своим организационным демаршем надеюсь способствовать скорейшему этой болезни преодолению.

От добровольного участия в отдельных мероприятиях клуба вовсе не отказываюсь, прошу меня о них информировать.

Афишировать свой мораторий на членство в клубе также не собираюсь. Надеюсь, что в скором времени смогу этот мораторий снять (разумеется, при согласии клуба).

А. Н. Алексеев, 23.09.88

* * *

Из заявления в совет Ленинградского клуба «Перестройка» (октябрь 1988)

<...> Удивлен дошедшей до меня информацией, что я будто бы «просил» о приостановке своего членства в клубе никому не сообщать. Я лишь заявил в сентябре, что не собираюсь афишировать этот факт за пределами клуба, что и выполнил. Но тем из членов клуба, кто меня спрашивал, я отвечал без обиняков <...>. Во избежание дальнейших недоразумений, прошу членов вновь избранного совета ознакомиться с моим сентябрьским заявлением о «моратории» и на очередном собрании клуба огласить его (готов сделать это и сам). Впрочем, надеюсь, что новая практика работы вновь избранного совета позволит мне к этому времени отменить свой мораторий (разумеется, с согласия совета).

А. Алексеев, 26.10.88

[Об отмене социологом-испытателем «моратория» на свое членство в клубе «Перестройка», два месяца спустя, см. в следующей главе. — А. А.]

19.19. Неформальный центр общественно-политической жизни города

Из книги А. Сунгурова «Этюды политической жизни Петербурга» (1996)

<...> Итак, чем же был клуб «Перестройка» в 1987-1989 гг. для города? В чем его особенности, и чем его опыт может быть интересен сейчас?

Вот некоторые данные о составе клуба на сентябрь 1988 г. — в период его наибольшего расцвета.

Действительных членов клуба — 65 человек (около 100 кандидатов). Средний возраст — 38 лет. 46% — в возрасте 40-49 лет (самый молодой — двадцатилетний). В клубе 43% члены КПСС⁵¹ и 7% — члены ВЛКСМ. 46% членов — кандидаты наук.

По профессиональным признакам клуб делится так: экономисты — 21%; социологи и философы — 10%; инженеры — 11%; математики — 11%; физики — 8%; журналисты, литераторы — 7%; юристы — 5% (были химики, врачи, психологи, биологи, лингвист, историк, каменщик, электромонтер, водитель) <...>.

За этими сухими цифрами скрывается одна из главных отличительных сторон клуба — он был объединением именно профессионалов, решивших в межпрофессиональном общении сообща искать решение стоящих перед страной задач и также сообща действовать в направлении их решения. Благодаря исходному потенциалу организаторов клуба, а также жесткой процедуре отбора (две, а затем три рекомендации) это сообщество оказалось практически свободным от люмпенов, людей, не имеющих своего ремесла и поэтому не понимающих, сколь много надо приложить сил и терпения для получения любого конкретного результата. Опасным для новых демократических организаций являлось (да и сейчас является) обилие участников, которые вместо того, чтобы найти причину своих неудач в себе и сделать соответствующие коррективы, находят их лишь вне себя — в начальстве или в системе в целом. Такие люди, находясь в большинстве, могут толкнуть организацию на самые крайние шаги, лишь бы скорее изменить систему. Находясь в меньшинстве, они способны дезорганизовать обсуждения и помешать многим конструктивным действиям.

Именно такой опасности избежал клуб, и в результате на его собраниях, точнее на регулярных встречах его совета, куда, повторяю, приходили все желающие члены клуба и их гости, существовала та особая атмосфера доверительности, доброжелательности, дружеской шутки и готовности обсудить любое интересное предложение, о которой с ностальгией вспоминают многие его члены. Важным элементом в атмосфере клуба было также взаимное доверие и чувство ответственности за произносимые слова и заявления. Эта атмосфера клубных встреч притягивала и многих друзей клуба в самых различных структурах города.

⁵¹ Стоит обратить внимание на высокий процент «партийной прослойки» в составе клуба «Перестройка» (особенно — на начальном этапе его существования). Характерно и повышенное внимание, уделявшееся в ту пору клубом актуальным вопросам «партийной жизни», в частности, наказам для XIX партконференции КПСС и идеологическим конфликтам в местных партийных организациях («дело Нестерова», «дело Кравченко», «дело лужских коммунистов»; «дело Алексеева» к тому времени уже получило свое «благополучное» разрешение).

По сути в описываемый период времени клуб являлся как бы центром общественно-политической жизни города, причем, что важно — центром неформальным. И, переходя в новые организации, союзы, движения и партии, члены клуба старались перенести туда атмосферу взаимного доверия, доброжелательности и уважения, т. е. элементы политической культуры, которая с таким трудом находит место в нашей жизни. Еще одно понятие, которого так не хватает в остервенелых порой взаимоотношениях между еще вчера дружественными партиями, которое всегда присутствовало в клубе — это терпимость к инакомыслию, к иному мнению, и наоборот, нетерпимость к ярлыкам и однозначным категорическим оценкам.

И, наконец, к непосредственным итогам клуба можно отнести тот опыт, который получили с его помощью как участники дискуссий, так и их организаторы, члены клуба и его кандидаты, как инициаторы и лидеры клуба, так и его эпизодические гости.

Этот опыт бесспорно оказался полезным в их дальнейшей деятельности. Так, пятнадцать членов клуба стали в 1990 г. депутатами Ленсовета, четверо — народными депутатами России, трое — лидерами новых демократических партий. Существенную роль члены клуба играли и в российском правительстве реформ Е. Гайдара — председатель госкомитета по управлению имуществом, его заместитель, руководитель рабочего центра экономических реформ правительства России.

В целом, наряду с практическими результатами деятельности клуба, к которым можно отнести большинство событий в общественно-политической жизни города в 1988-1990 гг., к итогам деятельности клуба можно отнести ту подлинную культуру политических отношений и действий, которые еще далеко не завоевали главенствующее место на современной политической арене, тот уровень политических взаимоотношений, без которого невозможно построение гражданского общества. <...>

(А. Сунгуров. Этюды политической жизни Петербурга. 1987-1994 гг. СПб.: Стратегия, 1996, с. 46-47)

* * *

Вместо заключения (клуб «Перестройка»)

Итак, клуб межпрофессионального общения «Перестройка», состоявший в основном из представителей научно-технической и гуманитарной интеллигенции и насчитывавший в своем составе около ста человек, выполнял в 1987-1988 гг. общественную функцию кристаллизующего центра демократического движения в Ленинграде. Во многом именно им была обеспечена необходимая подготовка к созданию более широкого союза демократических сил, важным шагом на пути к которому явилось возникновение в нашем городе общественно-политической организации — «За Народный фронт». Об этом — в следующей главе.

Еще раз повторю: здесь не претендую написание истории демократического движения Ленинграда конца 80-х. А только — то, чему был очевидцем или в чем лично принимал участие. (Октябрь 2003).

Приложения к главе 19

П.19.1. Из истории демократического движения Ленинграда (1987-1988)

Из книги А. Винникова «Цена свободы» (1998)

<...> Днем рождения демократического движения в Ленинграде скорее всего следует считать 19 марта 1987 года — события у «Англетера».¹ Все ленинградцы помнят жаркую дискуссию, разгоревшуюся вокруг проекта сноса старой гостиницы, знаменитой тем, что в одном из ее номеров повесился Есенин. Городские патриоты были возмущены не только перспективой уничтожения «исторического памятника», но и каким аппаратным способом, келейно, принималось это решение, а также тем, что на месте старой гостиницы будет построена новая (которая сейчас уже украшает Исаакиевскую площадь). Споры шли в каждом доме, в каждой очереди за продуктами и на телевизионном экране. Впрочем, спорами это назвать трудно, ибо аргументы сторонников сохранения здания казались неотразимыми. Специалисты, поддерживавшие проект, выступали на стороне власти, которая так долго вралась и насильничала, что все исходящее из горисполкома заранее было обречено на непопулярность. И, не найдя аргументов, городские власти поступили традиционным способом — окружили здание забором, оцепили милицией и, невзирая на протесты пикетчиков и демонстрантов, просто взорвали старенький, весь прогнивший изнутри «Англетер».

Казалось бы, в полном соответствии со знаменитым сталинским тезисом «нет человека — нет проблемы», после того, как на месте, где была гостиница, рассеялся столб пыли и дыма, от проблемы «Англетера» должны были остаться только воспоминания. Так оно и случилось, но воспоминания были необычные. До этого момента люди не могли себе представить, что, организовав выступление против власти и даже потерпев поражение, можно уцелеть, не отправиться за решетку, не вылететь с работы. Запомнилось удивительное чувство собственной силы и правоты, возникающее у человека, который, стоя в толпе единомышленников на митинге, слушает оратора, точно и убедительно произносящего вслух то, о чем думают все. И главное, они впервые ощутили себя униженными бесцеремонностью властей, в них проснулось чувство собственного достоинства и желание утвердить свое право быть услышанными и влиять на ход событий.

Лето ознаменовалось началом формирования массовых культурных, экологических и политических движений в Ленинграде. Их спектр был очень широк: общество «Спасение» объединило борцов за сохранение и возрождение архитектурного исторического наследия города, в общество «Дельта» вошли противники строительства дамбы, перегородившей Невскую губу, клуб «Перестройка» собрал сторонников демократических преобразований,

¹ Их подробное описание см. также в книге: А. Ежелев. Лучший из грехов. М.: Известия, 1988.

которые создали ряд более мелких организаций: «Культурно-демократическое движение», «Мир», «Новый мир» и т. д. <...> Группы активистов, вначале малочисленные, обрастали сторонниками, которые быстро приобретали опыт агитационной работы и пытались не только формулировать цели своей деятельности, но и разрабатывать программы их достижения.

Сейчас уровень этих попыток кажется наивным, но в действительности уже тогда в демократическом движении сформировались те основные направления, которые и определили его лицо на годы перестройки.

10 сентября 1987 года была сделана первая попытка провести общегородскую конференцию демократических движений, на которой предполагалось достичь их объединения. Провал не обескуражил ее организаторов, и через месяц, 8 октября, состоялась вторая конференция, на которой в выступлениях ораторов впервые зазвучали политические мотивы и был проведен первый политический семинар. <...>

Зима 1987/88 года не ознаменовалась никакими существенными событиями [*массовыми мероприятиями*. — А. А.] в демократическом движении Ленинграда. Шла напряженная будничная работа: проходили заседания, принимались резолюции, налаживались контакты с аналогичными движениями в других городах. С наступлением теплой погоды открылся Гайд-парк в Михайловском саду. Однако когда 26 апреля на заседании клуба «Перестройка» Нестеров сообщил о создании в Эстонии Народного фронта — тут же из уст рабочего Тягушева прозвучал призыв начать организацию Народного фронта Ленинграда. Призыв был воспринят с энтузиазмом, но никаких немедленных конкретных действий за собой не повлек. Однако уже 4 мая Совет клуба «Перестройка» поставил вопрос о создании Союза демократических сил Ленинграда, и была создана первая группа поддержки Народного фронта Ленинграда.

Далее события развивались стремительно. Уже 15 мая состоялась первая сходка, посвященная организации Народного фронта Ленинграда. 25 мая милиция разогнала митинг «Демократического Союза» у Казанского собора, а уже 17 июня на митинге в Юсуповском саду было объявлено о создании «Мемориала». 25 июня произошла первая свободная демонстрация демократической общественности Ленинграда под лозунгами, тематика которых простиралась от «Да здравствует Горбачев!» до «Долой КГБ!». К этому времени относится первая печатная информация инициативного комитета о создании в Ленинграде Народного фронта в поддержку перестройки, который включал в себя ряд гражданских инициатив. <...> Апофеозом стала публикация журналистом Андреем Черновым в 13-м [*ошибка! правильно: № 31 за 1988 г.* — А. А.] номере «Огонька» (самого популярного журнала времен перестройки) большой статьи о клубе «Перестройка» и о Народном фронте Ленинграда. Тогда же начал работать информационный пост «Мемориала», и рабочая группа стала проводить еженедельные встречи с общественностью в Доме культуры имени Ильича на Московском проспекте.

Все это происходило на фоне известных событий в Армении и Азербайджане (сумгаитского погрома и армянского землетрясения), и в конце лета демократические активисты организовали приезд детей из пострадавших районов в пионерские лагеря под Ленинградом. По всей стране в разных городах проходили аналогичные процессы — создавались инициативные груп-

пы народных фронтов. 26-30 августа была предпринята попытка провести в Ленинграде первый съезд представителей народных фронтов городов и республик Союза. Собралось около 200 человек из 40 городов и 5 республик. <...> Сначала была достигнута договоренность, что съезд пройдет в одном из городских Домов культуры, но в последний момент в аренде зала было отказано. Тогда решили провести собрание делегатов за городом, в обстановке полнейшей конспирации. Демократы уселись в условленный вагон одной из электричек, отправлявшихся от Финляндского вокзала. Никто, включая организаторов, не знал заранее, на какой станции выходить — решение принимали уже находясь в поезде. Вышли в Орехово, отправились к намеченной полянке и... увидели там поджидающую их милицейскую машину. Тем не менее собрание провели, приняли решение о начале по всей стране сбора подписей против лимита на подписку, а также указов о митингах и демонстрациях, о внутренних войсках. Договорились о создании единой информационной сети, что, разумеется, не могло быть выполнено из-за отсутствия технических средств, но зато познакомились друг с другом, а, как известно, нет ничего важнее личных контактов.

25 сентября 1988 года в Ленинграде была создана организация «За Народный фронт», и свое выступление Нестеров (бывший одним из ее лидеров) закончил приглашением записываться в нее. <...> ²

(А. Я. Винников. Цена свободы. СПб.: Библиополис, 1998, с. 25-28)

П.19.2. Басня о перестройке

Несколько вступительных слов

Как уже говорилось, Ленинградский клуб межпрофессионального общения «Перестройка», одно из «семян» демократического движения рубежа 80-х — 90-х гг. в Ленинграде, а затем — один из его (этого движения) кристаллизующих центров, официально был учрежден в ноябре 1987 г. Однако неофициально клуб сложился раньше.

Мой друг и коллега, в прошлом — заводской социолог, а в то время уже кандидат философских наук, старший преподаватель Высшей профсоюзной школы культуры Александр Николаевич Ющенко был, наряду с А. Б. Чубайсом, В. Г. Раммом, П. С. Филипповым, В. Н. Монаховым и др., среди инициаторов создания этого клуба.

Последующая его биография отчасти повторяет, а отчасти обновляет мой эксперимент социолога-рабочего, в новых общественных условиях.

В сентябре 1988 г. А. Ю. уволился из ВПШК, по собственному желанию, и поступил на ленинградский завод «Звезда» в качестве рабочего. Полтора года работал там оператором станков с ЧПУ, причем — активно вмешиваясь «снизу» в общезаводские дела. Тогда ему предложили перейти на работу в партком завода (зав. парткабинетом).

---

² Этот обзор событий демократического движения Ленинграда 1987-1988 гг. представлен автором цитируемой книги как пересказ одного из публичных выступлений Юрия Нестерова осенью 1988 г. О Ю.М. Нестерове см. ранее: раздел 19.10.

В этой новой роли А. Ю. оказался не менее «неудобным» партийным функционером, чем до этого рабочим. Тогда, еще через год, ему предложили... место инструктора-социолога в Невском райкоме КПСС. Где он продолжал свой «эксперимент», вплоть до августа 1991 г.

После работал: сварщиком в кооперативе (Санкт-Петербург); строителем и пчеловодом (пос. Лисино-Корпус, в Тосненском районе Ленинградской обл.); сотрудником Санкт-Петербургского отделения Новгородского благотворительного фонда; снова — рабочим; затем — сотрудником издательства, где занимался анализом рынка печатной продукции; и... опять рабочим, на вредном производстве.

Столбурная трудовая биография отразилась на здоровье. Сейчас А.Ю. — на пенсии по инвалидности, чем сумел «высвободить время» для теоретических занятий.

Круг научных интересов А. Ющенко — социальная философия и социальное экспериментирование.

Предмет специальных занятий — социогенетика (термин, предложенный им для исследований, относящихся к становлению новых общественных форм, поначалу выступающих в качестве «социальных мутаций»).

Ниже — один из текстов Александра Ющенко 1987 года. (Декабрь 1999 — март 2004 г.).³

**Автостенограмма доклада А. Ющенко на одной из «ранних»
дискуссий, организованных клубом «Перестройка»
(июль 1987)⁴**

Товарищи, жанр моего выступления не совсем привычен. Это не доклад, не сообщение, а скорее «научная басня», с комментарием. Она представляется наиболее удобным средством для углубленного анализа одной драматической судьбы — Онисимова, главного героя романа Александра Бека «Новое назначение».⁵ Этим анализом в басенной форме хотелось бы продолжить линию, начатую Гавриилом Поповым. Читавшие его статью в журнале «Наука и жизнь»⁶ помнят блестяще схваченный Поповым критический момент биографии Онисимова, объясняющий его высылку на периферию Административной системы — послом в «Тишляндию».

Суть этого момента в том, что Онисимов принял перестройку формы Административной системы за перестройку по сути. И, действуя в соответствии с лозунгами формальной перестройки, он пострадал.

Отсюда мораль: не хочешь пострадать в перестройке попусту, умей видеть ее суть.

Вот эту мораль мне и хотелось бы развить в басенной форме. Чтобы не оказаться дурно понятым, спешу заметить, что басенная форма научного из-

³ Об А. Н. Ющенко см. также ранее в томе 2 настоящей книги: раздел 10.9; в томе 3: раздел 13.7.

⁴ Тема тогдашней дискуссии: «Тупики административной системы». См.: Чернов А. Модель надежды // Огонек, 1988, № 31.

⁵ Роман А. Бека был опубликован в журнале «Знамя» (1986, №№ 10-11).

⁶ Попов Г. С точки зрения экономиста (О романе Александра Бека «Новое назначение») // Наука и жизнь, 1987, № 4.

ложения совершенно не означает того басенного содержания, которым наполнены многие труды в области политэкономии социализма, научного коммунизма и прочих сфер обществоведения. Басенное содержание — научный тормоз Перестройки. Напротив, басенную форму надо приветствовать как популярную форму изложения серьезных научных истин, распространение которых ускоряет Перестройку.

<...> Предлагаемая вам научная басня <...> по многим признакам отличается от басен беллетристических и сохраняет лишь два существенных признака любой басни: 1) универсальную идею, приложимую к множеству жизненных ситуаций; 2) «эзопов язык», которым эта идея конкретизируется, популяризуется.

Таким «эзоповым языком» сегодня пользуются ученые, работающие в области теории культуры. С его помощью хотелось бы конкретизировать ту универсальную идею, которая вроде бы всем известна, но все же плохо укладывается в сознании. Эта идея выражает суть любой перестройки, но именно ее-то и не понял технократ Онисимов.

В области социологии эта идея выражается известным учением о естественно-историческом, объективном развитии любой революционной перестройки, главным героем которой являются народные массы, творящие новый общественный строй, независимо от конкретных индивидуальных желаний. Что же касается политических героев, то они возникают из реального народного движения, из числа людей, понявших скрытые, глубинные законы этого движения и научившихся руководствоваться этими законами. Такова суть перестройки, которая была чужда Онисимову, фактически изолированному от общества и ставшему слепым проводником воли Хозяина — так назван Сталин у Попова (и у Бека). К сожалению, не только социальная изоляция становится причиной такой слепоты и неминуемого политического провала, угрожающего любому стороннику перестройки, не понимающему законов истории. Не менее важным фактором является распространенное невежество в вопросах диалектики исторического прогресса.

Можно указать на ряд работ, где это массовое невежество и его причины рассматриваются обстоятельно. Сошлюсь лишь на замечание Ленина из его «Конспекта гегелевской “Науки логики”», которое можно считать эпиграфом басни, если угодно, ее утонченной моралью:

«Обычное представление схватывает различие и противоречие, но не **переход** от одного к другому, а **это самое важное**.

...Мыслящий разум (ум) заостряет притупившееся различие... до **существенного** различия различного, простое разнообразие представлений, до **противоположности**. Лишь поднятые на вершину противоречия, разнообразия становятся подвижными... и живыми по отношению одного к другому — приобретают ту негативность, которая является **внутренней пульсацией самодвижения и жизненности**» (Ленин В. И. ПСС, т. 29, с. 128).

Предлагаемая басня описывает процесс такого объективного движения народного разума от обычных представлений до вершины мыслящего разума — до противоречий. Процесс, который неразрывно связан с практикой общественной жизни. Поэтому и название басни может быть примерно таким: «Жизнь и разум в ходе Перестройки».

Краткое содержание басни: мыслящий разум развивается, проходя три стадии развития практики, или, говоря языком культурологии, три этапа культурного развития: «Социальная игра», «Общественная драма» и, наконец, «Культурная революция» (отнюдь не в китайском или ином известном конкретном варианте!).

«Социальная игра» возникает и развивается следующим образом. Когда «обычное представление (граждан) схватывает различие», то оно ограничивается различиями в образе жизни. Подмечается, например, что одни пользуются большим числом материальных и духовных ценностей (благ), причем лучшего качества, а другие — меньшим, да еще худшего качества.

Начинается естественное переживание и желание установить равенство, уничтожить различие, которого не было при рождении граждан.

Поскольку еще с «младых ногтей» гражданину известно, что вопрос этот легко и в одиночку не решается, а его открытое обсуждение далеко не всегда поощряется, то возникает коллизия: надо искать союзников для решения сложного вопроса, а как искать, если существует «социальное табу» на эту тему. Только открой рот — и как минимум схлопочешь обвинение в зависти, в лени, неумении зарабатывать и т. д.

Эта нелегкая коллизия разрешается с величайшим искусством, составляющим суть «социальной игры». Механизм ее крайне интересен для всех участников перестройки, не желающих быть введенными «социальной игрой» в то заблуждение, на котором «погорел» Онисимов.

Первый акт игры состоит в том, что более развитый образ жизни одних граждан — например своих подпольных или западных явных миллионеров — берется за тайный образец, грядущую норму, идеал, цель развития других граждан, например, рядовых инженеров. Попутно замечу, что будь Эллочка Людоедка одинока в своей любви к шанхайским барсам госпожи Вандербильдт, то вряд ли Ильф и Петров уделили бы такому нетипичному явлению столько внимания, а также главному герою — Остапу Ибрагимовичу, с его интересом к авуарам гражданина Корейко.

Если акт превращения различий в индивидуальные идеалы и цели протекает скрытно, лишь в душе поборников социального равенства, то **второй акт** протекает открыто.

Он заключается в переводе личного в ранг общественных идеалов и целей. Достигается это с помощью категорий «больше», «лучше», «быстрее» и т. п. Например: надо производить для советских людей больше машин, больше мехов, больше квартир и т. д.; надо улучшать качество всех этих и многих не перечисленных, но желанных компонентов жизни; надо ускорить приближение момента, когда всего будет больше и все станет лучше.

Нетрудно заметить, что здесь класс игры повыше, чем у героев Ильфа и Петрова.

Третий акт — критика реальной общественной жизни с позиций сконструированных «игроками» общественных идеалов и целей. Она состоит в указании на те элементы, которые есть в идеальном образе жизни, но, естественно, отсутствуют в реальном. <...>

Можно и дальше описывать акты более виртуозной игры, разбирая приемы усиления критики за счет ее эмоциональной окраски категориями «про-

блема», «противоречие», которыми, если понимать суть социальной игры, выражается всего лишь **осознанное** различие в образе жизни. Или рассмотреть переход от обсуждения «противоречий» и «проблем» к выработке программ практической реализации идеалов. Программ, непременно целевых, комплексных и с подобными эпитетами, придающими солидность и уверенность «игрокам» в обязательном успехе.

<...> Важно понимать положительную сторону «социальной игры». Она заключается в том, что «играя» и доходя до высших ступеней <...>, до выработки программ, пусть самых утопических, разрозненные общественные единицы сплачиваются в некое «ядро», готовое к практическим действиям ради установления справедливого равенства. Ядро, безусловно, аморфное, рыхлое, подверженное легковесным тенденциям к распаду, но именно из него выделяются участники «общественной драмы», точнее — ее многообразных форм.

«Игровое ядро», достигшее известной массы и сплоченности, начинает «извергать» инициаторов практических действий. Вот здесь-то и начинается переход от «обычных представлений» о различиях в обществе к осмыслению глубинных противоречий в социально-экономическом механизме, связывающем индивидов и группы, т. е. того механизма, который порождает внешние различия в образе жизни.

«**Общественной драмой**» можно назвать внутренние противоречия человеческой деятельности, состоящие в том, что личность или социальная группа использует средства деятельности, которые, с одной стороны, способствуют достижению сознательно поставленной цели, а с другой — порождают непредвиденные результаты, препятствующие целенаправленным достижениям, обесценивающие желанный результат.

Драматических ситуаций такого рода множество. Легче всего на память приходят технологические драмы, т. е. те, что связаны с вторжением человека в природу. <...>

[Здесь опущены приводимые докладчиком примеры. — А. А.]

...Можно сослаться на множество других — экономических, политических, идеологических драм, возникающих в различных областях социальной деятельности. Взять хотя бы элементарный пересмотр норм, расценок, планов, от которого страдают в первую очередь инициаторы. Читатели «ЛГ» еще помнят статьи о Войноловиче — директоре ОРСа Белорусской железной дороги, который создал «колхоз» по выращиванию свиней и был «раздавлен» директивным заданием увеличить их производство в несколько раз. Вспомним статью Волина «Поддержать и уволить», название которой точно выражает судьбу руководителей одного Ивано-Франковского завода, решившихся раньше времени стимулировать инженеров к работе сокращенным штатом. Известен и финал Шекинского эксперимента, повторенного в инженерных кругах, и обернувшегося для многих относительно снижением заработка при абсолютном росте объемов работы.

Важно, однако, подчеркнуть главное. **Различные формы общественной драмы являются объективным фактором, толкающим к более глубокому осмыслению и преодолению противоречий.** *[Выделено мною. — А. А.]* За каждой драмой вскрывается некая противоположная сила, порождающая непредвиденный результат.

Рано или поздно люди обнаруживают, что между их активностью и непредвиденным результатом лежит скрытый процесс пробуждения неких природных или социальных сил, косвенно связанных с предметом, активно преобразуемым в личных или групповых интересах. В их сознании возникает модель своеобразной «мины», срабатывающей от «взрывателя», которым является предмет активной деятельности.

<...> Понимание бесконечного перехода от одних драм к другим позволяет рассмотреть более богатые формы противоречий, раскрывающиеся перед внимательным исследователем. Об этом третья часть басни — **«культурная революция»**.

Уже отмечалось, что она не имеет ничего общего с известной китайской или иной подобной революцией. Чтобы понять суть этого термина, замечу, что «эзопов язык» культурологов позволяет втиснуть в понятие «культура» все, что не «природа», давая пищу бесконечным спорам по поводу более конкретного понимания культуры. В данном случае термином «культура» обозначается **уровень развития** какой-то части человечества, ну а он измеряется множеством показателей деятельности: характером предмета, средств, результатов производства, использованием материальных и духовных ценностей. Важно подчеркнуть одну особенность понятия «культура», которая обычно отбрасывается — **непредвиденные результаты развития**. Ими также характеризуется и измеряется культура.

Следовательно, при таком подходе «общественные драмы» становятся комплексным критерием для оценки культуры. А переход от одной культуры к другой тесно связан с понятием «культурная революция».

Правда, если брать этот переход упрощенно, в виде цепочки однотипных драм: либо технологических, либо только политических или идеологических, то мы будем иметь дело только с «культурной эволюцией». Если же учесть важную закономерность, состоящую в том, что выбираясь из «огня» технологической драмы, их инициаторы попадают в «полюмя» экономической, а затем — политической, идеологической, то возникает великий соблазн, ведомый социологам. А именно — соблазн связать эти «эволюционные цепи» в «сети», органически смыкающие разные типы общественной драмы в единую концепцию «культурной революции». И тогда мы получим уже не просто цепь «драм», а «спираль», означающую, что прежде, чем будет преодолена любая технологическая драма и утвердится принципиально новая технология, инициатору приходится пройти закалку в огне экономических, политических и идеологических драм. И в этом огне брода нет!

Разумеется, хотя через пламенные круги общественных драм проходят практики, редкий человек может составить себе полную картину этого движения. Даже с полной картиной эволюции ему не справиться без помощи науки. Однако и современная наука не всегда с этим справляется, лишняя раз подтверждая, что мыслящему разуму нелегко возникнуть, понять противоречия, которые в полном объеме раскрываются множеством разнотипных «драм», с неявными силами, стоящими по другую их сторону.

<...> Мы подошли к финалу басни. В заключение или, по традиции басенного жанра, в качестве морали хотелось бы сделать ряд замечаний.

1. В басенной форме намечена всего лишь **логика** научной концепции перестройки. При этом, она намечена без ряда интересных деталей, описывающих связь общественных драм различного рода, начиная от технологи-

ческих и кончая экономическими. Сделано это не случайно, ибо анализ такой связи — дело тонкое, сложное и перспективное. По желанию членов клуба⁷, к нему можно всегда вернуться.

2. В задачу басни не входило изложение теории перестройки. Предлагается лишь побуждение к ее разработке. «Баснописец» прекрасно понимает, что эта работа требует **коллективного** труда, заключающегося в облачении этого или другого «логического скелета» «культурной революции» типичными фактами из современных общественных драм. Поэтому если басня побудит к критике предложенной логики и к выдвижению других «логических скелетов», а далее — к их облачению «живым мясом» реальной жизни, то автор басни будет удовлетворен сверх нормы.

3. Зачем конкретно нужна такая концепция «культурной революции»? — на этот вопрос можно ответить ссылками на трудности определения передового опыта, освоение и распространение которого составляет практическую суть любой перестройки. Вспомним «гадкого утенка» Андерсена или тургеневского поэта, который раньше времени прочитал стихи толпе и был изгнан, а спустя мгновение другой прочитал те же стихи, но был признан. Эти обе разные притчи — об одном: мы не умеем видеть передовой опыт.

Поскольку он (этот опыт) обременен непредвиденными результатами и поначалу выступает **в уродливых формах**, постольку его легко затоптать. Только поставленный в цепь общественных драм или, еще лучше, — в спираль «культурной революции», этот опыт обретает свой истинный смысл. Но для этого надо иметь способность видеть всю спираль или, по меньшей мере, цепь эволюции.

4. Возможен еще более конкретный и прагматичный вопрос — а что уже дал автору басни «логический скелет» концепции перестройки? Видит ли он тот передовой опыт, который следует поддержать, развить и распространить в самом ближайшем будущем?

На это можно ответить так: да, этот «логический скелет» очень продуктивен и если на него нанизать реальные факты, то можно обнаружить и передовой опыт. Но верно ли это указание самой практики — надо проверить.

Например, укажу на опыт **двоичной системы организации труда**, которая существует уже на Рязанском станкостроительном объединении, а в менее развитых формах пробивается повсеместно.

Эта форма организации труда — тоже не идеал <...>. Ее можно улучшать — на базе особой системы финансирования и оплаты труда. Но начни я сейчас говорить об этом, скорее всего схлопочу сомнительные лавры торопливого поэта.

Поэтому — спасибо за внимание и надеюсь, что в рабочей обстановке, которая предполагается с организацией секций клуба, можно будет «раскрыть карты» пошире.

А. Ющенко, июль 1987

Ремарка: что такое «двоичная система»?

Инициатива и опыт «двоичной» системы организации труда состояли в том, что работник, досрочно выполнивший план, получает «законную» возможность освободившееся рабочее время посвятить внеплановой, инновационной деятельности.

---

⁷ Имеется в виду Ленинградский клуб «Перестройка».

Вспоминая свой собственный «экспериментальный» опыт, замечу, что эта «двоичная» система реализовалась социологом-рабочим явочным порядком. Что касается А. Ю., то он добивался распространения и легитимизации «социальных мутаций» подобного рода.

(Одна из таких общественных форм того времени — так называемые «бригады творческого содружества» рабочих и инженеров). (Декабрь 1999).

П.19.3. «Шел рыцарь хоробрый к дракону “на Вы”...» (образ города и мира)

Несколько вступительных слов

Упоминавшийся в предыдущих главах настоящей книги⁸ Государственный интерьерный театр в Санкт-Петербурге (прежде размещавшийся в Доме Державина на Фонтанке, а теперь — на Невском проспекте, 104) — театр-легенда, уникальное явление в культурной жизни нашего города. Здесь стоит рассказать о нем, опять же — языком документов. (Май 2003).

Из книги В. Кривулина «Охота на мамонта» (1998)

<...> Вы еще не в театре, но уже на сцене. Вы еще не купили билета и не пришли в зрительный зал — но вы уже участвуете в представлении, причем не как зритель, а как персонаж пьесы, как актер.

Для удобства игры фабула пьесы и ее жанр обозначены здесь же, на пороге театра. Бело-синее панно наглядно демонстрирует: в разгаре Городская мистерия. Идет (беспрерывно, в течение трех столетий, и скоро страшная круглая дата) война памятников, битва кукол, «Схватка Всадника со Змеем». Всадник, понятно, Медный, Змей — метафизический. Впрочем, здесь все либо метафора, либо метафизика. Даже вы сами, коль скоро оказались гостем этого странного места, даже вы не вполне реальны. Здесь постоянно, несмотря на устранение института прописки, прописаны куклы и театральные костюмы. Они, а не их зрители — единственная реальность. Куклы населяют этот «городок в табакерке». Куклы и маски, как о том мечтал Первоустроитель карнавалов Российских.

В карнавале Петербурга кружатся здания, вихрь истории подхватывает и поднимает на воздух целые городские ансамбли. Это свойство города всегда казалось настолько самоочевидным, что никому не приходило в голову попытаться обжить городское пространство как пространство в собственном смысле слова сценическое. Никому — до создателей Интерьерного театра режиссера Николая Беяка и художника, а также скульптора по куклам Марка Борнштейна. Николай Беяк — это человек, приведший в начале перестройки к власти новых демократических лидеров города, ибо впервые с дореволюционных времен он использовал улицы города как место красочных театрализованных шествий и пер-

⁸ См. ранее: раздел 17.8.

формансов под демократическими антиправительственными лозунгами. В начале перестройки на улицах Ленинграда появились молодые люди в пародийных и странных костюмах, в которых горожане узнавали прославленные петербургские здания, памятники, целые городские ансамбли. Это было воскрешение, вочеловечивание старого Петербурга посреди еще коммунистического Ленинграда. Игра в «оживающие памятники» продолжается и сейчас и вызывает у нынешних властей города не меньшее раздражение, нежели у их советских предшественников.

Театр Николая Беляка продолжает оставаться в оппозиции официальному Петербургу, хотя переименование города — в значительной степени результат игровой деятельности Интерьерного театра. Ныне помещение театра больше напоминает музей, нежели сценическую площадку, но здесь постоянно проходят музыкальные и поэтические вечера, а стихам и музыке трогательно внимают аллегорические скульптуры с утрированно-узнаваемыми чертами Адмиралтейства, Петропавловского собора, памятника Екатерины <...> и прославленного дома кампании «Зингер».

А центр всей этой композиции, напоминающей пародию на музей восковых фигур, — муляж в натуральную величину шемякинского Петра I — кожаная кукла, отличимая от подлинника на глаз только тем, что способна принимать любую позу, какую ей предложит режиссер — вплоть до позы «лотос». <...>

(В. Кривулин. Охота на мамонта. СПб.: БЛИЦ, 1998, с. 63-65)

* * *

**Из интервью Николая Беляка, в записи Татьяны Лихановой,
опубликованного в газете «Смена» (1993)**

Образ мифа

<...> Наш театр делает архитектурное пространство Петербурга тем художественным пространством, в котором возникают сюжеты его спектаклей. Здесь возможно соединение и созерцания, и отождествления, и взаимодействия — всех трех форм театрального опыта. Как только мы поняли, что наш артист существует именно в этом городе, в данном конкретном интерьере, едином для всех — стали возникать другие идеи, иные задачи, стали открываться новые возможности. Представляя себе какое-то место города — имеющего свою историю, топологию, свой резонанс — и какой-то литературный текст, ощущаешь их особую связь, именно это место и этот текст вступают во взаимодействие. А если сюда еще приходит и театр — происходит оформление взаимодействия двух текстов, возникает спектакль, который строится именно на поиске таких резонансов.

Причем сочетание может быть самым неожиданным — например, пьесы Горького «На дне» и какого-нибудь дворцового интерьера. совме-

щение подобных противоположностей как раз и заставляет совершенно по-новому звучать и выбранное пространство, и текст пьесы.

— Отказ от привычных нам составляющих — сцены, кулис, расписанного по дням репертуара, — наверное, предполагает и какие-то особые задачи, которые ставит перед собой ваш театр?

— Прежде всего — это посредничество. Между городом и горожанином, между прошлым и настоящим. Специфика Петербурга — города полиэтнического, поликонфессионального, поликультурного — именно в его «всемирности». Различные стили, представленные здесь, соотносятся в одном пространстве и не разрывают его, а, взаимообогащаясь, создают тот самый уникальный петербургский образ. Маргинальное положение города — граница Востока и Запада, России и Европы — определяет его призвание: Петербург выступает посредником этих двух миров. Другая сторона маргинальности Петрова града, воздвигнутого, казалось бы, вопреки всему, вопреки стихии, в грандиозной уравниловке извечного противостояния хаоса и культурного космоса. И если найти способ взаимодействия с разными фактурами, с тем, что, с одной стороны, принадлежит миру социальному, современному человеку, с другой — к миру архитектурному, с третьей — к миру театральному, к прошлому и к настоящему, тогда может возникнуть та встреча, что станет **событием**. Осуществится взаимная интерпретация, взаимный резонанс. А театр только организует эту встречу в специальных формах. И именно театральные формы в этом смысле оказываются наиболее пригодными, ведь сам театр — это искусство жить в культуре, это зерно культуры, это образ мира, способ существования и мера условности.

Человек в нашей стране, в нашем городе сегодня — это тот человек, на которого культурные нормы прошлого уже не действуют, не соответствуют реальности. Он социокультурно разрушен. На первый план выходят инстинкты выживания, человек разрушает окружающее пространство, лишь бы не погибнуть самому, не думая при этом о дне завтрашнем. И поэтому самым острым вопросом настоящего мы считаем именно тот, что связан с формированием сознания современного человека, его регулированием; нам необходимо понять, как сознание каждого индивидуума резонирует с той культурой, которая создала его, и насколько он сам является носителем общих смыслов, упорядоченных в культуре.

Отсюда — проблема создания такой нормы, которая могла бы осваиваться человеком как образец для подражания и являлась бы способом взаимодействия с другими людьми. Иначе говоря — проблема создания актуальных эталонов, которую и решает театр. Любой театр, деятельностью своей создающий некий пантеон характеров и героев, формирующих различные типы сюжетов.

Этот эксперимент с сознанием занимает нас более всего. Важно, что для искусства театра данное экспериментаторство законно (в отличие, на-

пример, от религии или политики, в которых подобные опыты невозможны или безнравственны). [*Выделено мною. — А. А.*].

Вот так у Интерьерного театра и возникло то, что мы условно определяем как «Пять программ», в основе которых — проблема формирования культурного сознания человека. <...>

(Смена, 13.03.93)

[Далее в интервью рассматриваются пять программ Интерьерного театра: 1) «Дом на Невском»; 2) «Державинский квартал»; 3) «Пушкинский Петербург»; 4) «Космос — Человек — Культура»; 5) «Международный фестиваль «Санкт-Петербург-2003». — А. А.]

* * *

Из проекта-концепции формирования имиджального статуса Санкт-Петербурга к его 300-летию (1998)

<...> За эти десять лет Интерьерный театр не создал такого репертуара, который мог бы все эти годы ежевечерне предьявляться публике. Мы пошли другим путем — путем осуществления уникальных одноразовых акций, создающих такой социо-культурный контекст, в котором любой спектакль, любая художественная акция могли бы, наконец, воспроизводиться в том виде, в каком они задумывались...

Программные работы Санкт-Петербургского Интерьерного театра:

— «Сцена из Фауста» А. С. Пушкина — интерьерный спектакль. Дом Понсовца (1985).

— «Дом Дельвига» — праздник лицейской годовщины. Владимирская площадь (1986).

— «Пир во время чумы» А. С. Пушкина — спектакль-акция в защиту Храма Воскресения. Руины церкви на Смоленском кладбище (1987).

— «День горожанина» — праздник-манifestация. Владимирская площадь (1988).

— «Космос — Человек — Культура» — мистериальная программа. Орбитально-космическая станция «Мир» (1990).

— «Осенняя скука» Н. А. Некрасова — интерьерный спектакль. Музей-квартира Некрасова (1990).

— «RADIX» — рок-аттракцион. Совместное производство с парижским театром «La Fabrix». Дворец спорта «Юбилейный» — La Grande Hall «La Villette» (Paris). (1990).

— «Дом Державина — день за днем» — ежегодные циклы Державинских вечеров. Дом Державина (1990-1995).

— «Силою Вышняго держуся!» — торжества в честь 250-летия Г. Р. Державина. Усадьба Державина на Фонтанке (1993).

— 1-й фестиваль «Белые ночи в Венеции». Организация и проведение. Венеция (1991).

— «Step by step к Санкт-Петербургу» — цикл карнавально-мистериальных акций: «Воскресная прогулка монументов»; «Кунсткамера жертв»; «Танго со смертью»; «Ужо тебе!»; «Готторпский глобус»; «Летний сад». (1991-1992).

— «Минута молчания 10 февраля» — мистериальная акция. Пушкинская улица (1992).

— «Ночь на Преображение. Год спустя» — мистериальное представление в годовщину путча. Синий мост (1992).

— «Гимн великому городу» — мистериальная церемония. Петропавловская крепость (12 июня 1992).

— «Убийство Кирова» — карнавально-хореографический пролог к ночному Балу гильдии киноактеров. Зал «Карнавал» Аничкова дворца (1992).

— «Милостью Божией» — презентация II Конгресса соотечественников. Таврический дворец (1992).

— «В масках и без» — городской семинар по формированию юбилейной программы и созданию меморандума общественного движения «СПб-2003». Невский, 104 (1993).

— «Санкт-Петербург — юбилейное десятилетие» — триптих: 1. «Игра на карте» — перформанс у Инженерного замка; «290 свечей» — презентация фотовыставки на Невском, 104; «Мистериальное шествие по Невскому проспекту в День Города». (25-30 мая 1993).

— «День святой Екатерины» — представление на приеме в честь принца Уэльского. Мраморный дворец (1993).

— «Адмиралтейский смотр» — презентация выставки «Нева-93». Ленэкс-по (1993).

— «Молебен о коне белом» — мистериальное представление (Дни Индии в Санкт-Петербурге). Михайловский замок (1994).

— «Люблю тебя, Петра творенье» — церемония закрытия «Игр Доброй Воли — 94». Стадион им. Кирова (1994).

— «Невские сновидения» — мистериальный триптих на воде: 1. «300-летие Российского флота»; 2. Международный театральный фестиваль «Кукарт»; 3. Прием президента Тувы на т/х «Тучков Буян». Большая Нева (1995).

— «Битва со Змеем» — спектакль-выставка. Невский, 104 (1995).

— «Невостребованная Россия» — неполитический форум. Организация и проведение в рамках общественно-культурного движения накануне президентских выборов. Санкт-Петербург — Старая Ладога (1996).⁹

— «Государь устал!» — карнавально-мистериальный фуршет. 80-летняя годовщина Февральской революции. Каменный остров (1997).

— «Памятник нерукотворный» — карнавально-мистериальная акция в день рождения А. С. Пушкина. Дворцовая площадь (1997).

— «Первый петербургский карнавал». Организация и проведение (1997).

— «Солдат и смерть» — спектакль для детей. Невский, 104 (1997-1998).

— «Царский пунш» — посвящение. Дворец Бобринских (1998).

— ...

(Цит. по: Проект-концепция... СПб., 1998)

⁹ См. ранее, в томе 2 настоящей книги: «Вместо заключения».

* * *

**Из очерка А. Чернова «Человек-театр», опубликованного в
«Новой газете» (февраль 1998)**

<...> Вообще, более странного театра я в жизни не видел.

Во-первых, а театр ли это?

Я знаю многих, кто ответит на этот вопрос безусловно отрицательно.

Я и сам, желая подразнить моего друга Николая Беляка, однажды зарифмовал: «Спасает Мельпомены честь / Один театр, не так ли? / У них Беляк отменный есть, / Но где ж его спектакли?»

Николай сделал необидчивый вид, но заметил, что «Интерьерный» — это не один Беляк, но еще художник Марк Борнштейн и технолог Фунат Самигуллин. Я поблагодарил за разъяснение.

Ведь не хуже его знаю, почему театр не зарабатывает ни спектаклями, ни, скажем, елками, и почему в зрительном зале на Невском выставка театральных костюмов петербургской архитектуры, а не живое действо.

<...> Шло выдвижение кандидатов в первый демократический Ленсовет [1990 г. — А. А.]. Оказалось, что ни одна госорганизация не хочет рекомендовать демократов во власть. «Интерьерный», выяснив, что ограничений в законе нет, выдвинул чуть ли не половину будущего Ленсовета.

Власть охнула. Власть затаила. А отыгралась уже на Играх доброй воли, когда Собчак, двинутый в Ленсовет тем же «Интерьерным», поверив вкусу смольнинской своей свиты, не допустил театр на открытие Игр.

<...> Вдруг стало очевидным, что весь этот уже три века любимый и проклинаемый город каждым своим зданием человекоподобен. Он не музей, а карнавал.

Когда-нибудь в учебниках по истории искусства Петербурга напишут, что в конце 80-х годов XX века Беляк и Борнштейн первыми сумели прочитать каменную книгу Петрополя как единый связный текст. И нашли, как научить этому чтению, а значит, и способу жить в Питере своих земляков из Автова и Гражданки.

<...> Боже, как любили и ненавидели «Интерьерный» в конце 80-х и в начале 90-х!

Ну хотя бы за программу «Космос — Человек — Культура», реализованную с февраля по июль 1990 года на борту орбитальной станции «Мир» вместе с НПО «Энергия» и космонавтами Александром Баландиным и Анатолием Соловьевым.

«Почему это придумал не я?» — изумлялся знаменитый московский режиссер.

<...> Так вроде бы все просто: составь культурный календарь планет на каждый день и вручи его космонавту. И человеку на борту уже не так одиноко. У него появилось дело — переживать и сопереживать духовную историю человечества.

Вышедшее в открытый Космос рериховское Знамя Мира и дневник Баландина вместе вернулись в театр. Впервые на борту орбитальной станции космонавты жили не по науке, а «по культуре».

Впервые человек, никогда не писавший стихов, оказавшись в космосе, почувствовал потребность их писать.

Так был получен ответ на давний, наивный, но очень точный вопрос социологов, лет тридцать назад спросивших у читателей «Комсомольской правды»: нужна ли в космосе ветка сирени?

Только вместо сирени были Ахматова и Пушкин.

<...> И они выстояли до лета прошлого [1997-го. — А. А.] года, когда (спасибо предпринимателю Сергею Цыбукову) театр вышел сначала на репетицию первого Петербургского карнавала, а в белую ночь и на сам карнавал.

Смольный не посмел ни помочь, ни помешать.

Режиссер-максималист Николай Беляк до пятидесяти лет не научившийся играть по правилам, в черном своем бархатном костюме (в том же, что и на баррикадах у Мариинского в августе 91-го), с золотой стрелой (настоящая, бутафорская), под восторженный шепот ставшей горожанами толпы («Смотри, стрела пошла!..») и под причитания в рацию взопревшего милицейского начальства («У него тут 50 тысяч человек, могут повернуть, куда покажет!..») привел город к Празднику.

Получилось, как в стихах самого Беляка. Он прочел их мне прошлой зимой, а я запомнил:

— «Шел рыцарь хоробрый / К дракону “на Вы”, / Жалеючи ребра, / Щадя головы. // Дракон неумытый / Догнал храбреца. / Ударил копытой / Промежду лица. // Ударил и скушал. / И сказке конец. / А тот, кто не слушал, — / Тогда молодец!..».

Вот и этот — не слушал, чего ему пели про то, что не время и не место, про то, что «Интерьерный» — это не театр, а интеллектуальный клуб, про то, что дракон сильнее рыцаря.

Невский Ланцелот не убежал и не сдался.

И город его не оставил. <...>

Андрей Чернов

(Новая газета. 23.02-1.03.98)

* * *

Из интервью Николая Беляка, в записи Татьяны Лихановой, опубликованного в газете «Смена» (1993)

<...> Одной из программ театра является исследование современного человека современными театральными средствами. Для ее реализации нам представляются необходимыми две вещи: создание школы при театре и организация некоего пространства, модуля города, в котором должен быть помещен наш культурный герой.

Мы хотели бы в пространстве конкретного дома — дома на Невском, где сегодня работает Интерьерный театр, образовать некий малый социум, пред-

ставительствовать за город. Пусть в этом доме живут «неформалы», художники, бизнесмены — совершенно разные люди, образующие как бы единый малый социум. Пусть здесь будут офисы и квартиры, мастерские и пансионаты; здесь же мы хотим создать и свою площадку, может быть и зал, в котором менялась бы среда и для зрителей, и для артистов... Но главное — там должна быть и современная драматургия, и та драматургия прошлого, которая важна прежде всего своей актуальностью, которая способна рассказать современному человеку о нем самом. Ведь и Шекспир, и Чехов помогают разобраться в том, что происходит с человеком сегодня и как ему жить дальше.

Артист — наиболее адекватный представитель нормального горожанина. Артист — это человек действующий; его эмоциональная, интеллектуальная, психологическая сферы должны проявляться в способности действовать, которая формируется всем тем, что в нем есть. Сыграв Гамлета, Макбета, Отелло или Смердякова, он знает о людях несколько больше, чем простой обыватель. Потому что богатство человека — это богатство его ролевого опыта. Артист должен быть, с одной стороны, достаточно развитой личностью, способной взаимодействовать с большими культурными, общепланетарными смыслами, а с другой стороны, он должен быть человеком vibrating, отзывающимся, совершающим поступки. Такие современные молодые люди, пройдя через школу при театре, могли бы, выходя на сцену, говорить людям о себе, а театр среди них и через современную драматурию искал бы того, кто может стать сегодня героем. Это помогало бы вырабатывать способ жизни в современном мире.

Сама идея дома на Невском — как модуля города с его населением — и есть как бы то пространство, где должен жить этот герой. Премьера играетсся сначала для обитателей дома, делается актуальной, интересной, а потом выносится к остальным горожанам. <...>

(Смена, 13.03.93)

[См. также: Т. Лиханова. *Образ мира* // Смена, 6.02.93; Т. Лиханова. *Знамя мира* // Смена, 10.04.93. — А. А.]

П. 19.4. Литераторы-нонконформисты: из «подвала» — на общественно-политический простор

Из книги В. Долинина и Д. Северюхина «Преодоление немоты»
(2003)¹⁰

<...> *Новая «оттепель»*

<...> Для второй половины 1980-х гг. характерен рост общественной активности, происходивший одновременно с падением влияния КПСС,

¹⁰ Вячеслав Эммануилович Долинин — один из активнейших участников андерграундного культурного движения в Ленинграде в 70-80-х гг. Бывший политзаключенный (1982-1987). Один из авторов литературной энциклопедии «Самиздат Ленинграда: 1950-е — 1980-е» (М., 2003). Дмитрий Яковлевич Северюхин — художник, искусствовед, один из авторов энциклопедии «Самиздат Ленинграда: 1950-е — 1980-е», издатель серии книг «Петербургские исторические записки».

ряды которой покидали тысячи коммунистов, разочарованных в непоследовательной политике партийного руководства. Явочным порядком стали возникать всевозможные общественные объединения: политические, религиозные, национальные, культурные, краеведческие, экологические, благотворительные. Государственная власть вынуждена была начать поиск новых, более либеральных форм правового регулирования общественных процессов. Первым, очень осторожным шагом в этом направлении стала разработка «Положения о любительском объединении, клубе по интересам», утвержденное 13 мая 1986 г. ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ и Министерством культуры СССР. Этот ведомственный акт еще отличался крайней умеренностью: юридически объединения могли создаваться только при участии официальных учреждений культуры, под их руководством и контролем; тем не менее, он открыл дорогу для легализации независимых литературных, художественных и музыкальных обществ. Одним из учреждений, под эгидой которого многие объединения впервые получили официальный статус, стало созданное 1 декабря 1986 г. Ленинградское отделение Всесоюзного Фонда культуры — автономная организация, сумевшая в последующие несколько лет инициировать и реализовать ряд важных общегородских проектов.

Шаги в сторону демократизации страны, предпринимаемые партийно-государственным аппаратом, все более отставали от инициатив, выдвигаемых обществом. Юридически же основные демократические нормы были закреплены только «под занавес» коммунистической эпохи. Закон СССР «Об общественных объединениях», предусматривающий новую, демократическую процедуру их образования и регистрации, был опубликован в октябре 1990 г., а введен в действие только 1 января 1991 г., когда количество создаваемых явочным порядком общественных организаций возрастало лавинообразно. Правда, демократически избранный Ленинградский совет народных депутатов, опережая союзные законодательные решения, создал Комиссию по вопросам общественных и общественно-политических организаций, по рекомендации которой такие могли регистрироваться непосредственно в исполкоме Ленсовета. Принятое Госкомиздатом в апреле 1988 г. «Положение о порядке выпуска книг за счет средств автора», формально открывавшее доступ граждан к типографскому станку, на практике долго еще наталкивалось на множество организационных трудностей, поскольку государственный статус типографий не предусматривал частной коммерческой деятельности. Важнейший для культурной жизни страны Закон «О средствах массовой информации», положивший конец партийной опеке над печатью и знаменовавший собой завершение эпохи самиздата, был принят только 1 августа 1990 г., когда до окончательного падения коммунистического строя оставалось немногим более года.<...>

Литераторы и общественно-политическая жизнь

Отношение участников неофициального культурного движения¹¹ к процессам «перестройки» колебалось от сдержанного скепсиса до восторженной эйфории. В подавляющем своем большинстве независимые литераторы и художники стояли на антитоталитарных позициях, безоговорочно разделяя представления о ценности свободы слова, свободы печати и прав человека.

Во второй половине 1980-х гг. многие литераторы были вовлечены в демократическое движение. Они принимали активное участие в кампаниях по выборам депутатов, участвовали в создании организаций «Выборы-89», «Выборы-90» и Ленинградского Народного Фронта (ЛНФ)¹², выступали с общественно-политическими инициативами. Общественные позиции литераторов-«неофициалов» и представителей либерального крыла Союза писателей во многом совпадали. И те и другие видели в набиравших темп «перестроечных» процессах возможность сбросить ярмо цензурных ограничений, свободно реализовать свои творческие замыслы, получить открытый доступ к читателю: и у тех, и у других были свои счёты с коммунистической властью.

Заметную роль в общественно-политической жизни Ленинграда стал играть Клуб-81¹³, в помещении которого на ул. Петра Лаврова, 5 проходили собрания новых демократических организаций. Здесь разместились, в частности, экологическое объединение «Дельта», которое возглавил писатель Петр Кожевников, культурно-демократическое движение «Эпицентр», организация «За Народный Фронт» (в ее правление входили литераторы Борис Иванов и Сергей Магид); здесь же располагался информационный центр ЛНФ.

24-25 октября 1987 г. в Клубе состоялась 1-я Конференция редакторов независимых изданий. На ней было представлено восемнадцать изданий из Ленинграда, Москвы и Риги, включая Информационный бюллетень СМОТа, альманахи и журналы «ЛЕА», «Митин журнал», «Обводный канал», «Предлог», «Часы». В принятом участниками конференции совместном коммюнике говорилось:

«Мы считаем необходимым, чтобы государственные учреждения признавали за каждым независимым изданием права юридического лица... Мы убеждены, что переход от мно-

¹¹ О неофициальном культурном движении в Ленинграде 80-х гг. см. ранее, в томе 2 настоящей книги: раздел 7.7.

¹² О Ленинградском народном фронте и о «Выборах-89» см. следующие две главы настоящей книги.

¹³ «Клуб-81» — Ленинградское профессиональное творческое объединение литераторов, первое в нашем городе легализованное (получившее официальный статус) неформальное объединение. Возникло в 1981-м и просуществовало до 1988 года. Один из центров кристаллизации демократического движения в Ленинграде 80-х гг. См. о нем: *Завьялов В.* Клуб-81 (литературное объединение при ЛО ССП) // *Общественные движения Ленинграда. Информационный бюллетень.* Л., 1989; *Иванов Б.* Узкая дорога к демократии (Глава из книги «По ту сторону официальности») // *Звезда*, 2000, № 4. См. также: Самиздат Ленинграда: 1950-е — 1980-е. Литературная энциклопедия. М.: Новое литературное обозрение, 2003.

голетнего самиздата к свободной и эффективной издательской деятельности — в интересах нашего народа и всей нашей страны».¹⁴

С 1986 г. под редакцией Бориса Иванова выходил сатирический журнал «Красный щедринец», в котором пародировались рубрики советских газет («Письма трудящихся», «Отвечаем на письма трудящихся», «Указы Верховного Совета СССР»), высмеивалась марксистско-ленинская демагогия, традиционные для официальной прессы «разоблачения» западного образа жизни и лицемерные восхваления советского патриотизма и «демократии по-коммунистически». Некоторые материалы «Красного щедринца» перепечатывались в газете либерального крыла Союза писателей «Литератор», а в 1991 г. вошли в официально изданный тиражом 10 000 экземпляров сборник «Сатирический набор». Члены Клуба-81 начали выпуск самиздатских общественно-политических журналов «Меркурий» (1987; редактор — Елена Зелинская) и «Демократия и мы» (1988; в редколлегия вошли Вячеслав Долинин, Борис Иванов, Сергей Магид, Валерий Трубицын, позже — Ирина Жуковская).

Правление Клуба-81 выдвинуло ряд предложений, связанных с созданием кооперативных издательств и малотиражным выпуском произведений новой литературы, участвовало в организации общегородских политических акций. 18 ноября 1987 г. в Клубе прошел вечер, посвященный присуждению Иосифу Бродскому Нобелевской премии. 25 июня 1988 г. по инициативе членов Клуба состоялось первое в Ленинграде массовое шествие с требованием демократизации: колонна численностью около 2-х тысяч человек прошла от Большого концертного зала «Октябрьский» до Смольного, где состоялся митинг. Одним из последних мероприятий Клуба-81 стал литературный вечер, посвященный 70-летию со дня рождения Александра Солженицына, состоявшийся в декабре 1988 г., за несколько месяцев до официальной реабилитации писателя.

Участие в демократическом движении было естественным для представителей независимой культуры, которая всегда находилась в оппозиции к коммунистическому режиму. В отличие от деятелей официоза, им не пришлось «прозревать» под впечатлением «открытий» периода «гласности», а предпринятые властью действия по демократизации общественной жизни во многом отвечали идеям, органично присущим независимому культурному движению. <...>

(В. Долинин, Д. Северюхин. Преодоление немоты: Ленинградский самиздат в контексте независимого культурного движения 1953-1991 гг. СПб.: Издательство им. Н. И. Новикова, 2003. (Петербургские исторические записки. Вып. 2). С. 119-122)¹⁵

¹⁴ Стенограмма информационной встречи-диалога редакторов независимых изданий // Грани, № 148 (1988).

¹⁵ См. об этом также: Долинин В. Не столь отдаленная кочегарка. Воспоминания. Рассказы. СПб.: Издательство им. Н. И. Новикова, 2003. (Петербургские исторические записки. Вып. 7). С. 14-17.

П.19.5. «Кандидат в делегаты» XIX Всесоюзной партконференции

Несколько вступительных слов

В феврале 2005 г. ко мне обратился депутат муниципального совета Финляндского округа Санкт-Петербурга, историк по образованию Кирилл Александрович **Страхов** с просьбой поделиться воспоминаниями о событиях политической жизни в нашем городе конца 1980-х гг. В составе группы, возглавляемой профессором кафедры новейшей истории России СПбГУ М. П. Ирошниковым, он собирает материалы о первых альтернативных выборах народных депутатов СССР.

Я сказал, что только что закончил работу над книгой, в которой несколько глав посвящены этому периоду, и что готов передать ему их электронную версию. Мой коллега охотно принял это предложение.

А пару месяцев спустя К. С. снова разыскал меня, в частности, для ответного дара. Дело в том, что, работая в Центральном государственном архиве историко-политических документов СПб (бывший Ленинградский партийный архив), он «набрел» на документ от мая 1988 г., описывающий выдвижение автора этих строк «кандидатом в делегаты» (надо сказать, диковатый термин!) XIX Всесоюзной партконференции коммунистами одного из ленинградских вузов.

Вот этот документ. (Май 2005).

Выдержки из документа, хранящегося в ЦГАИПД СПб (май 1988)

Протокол № 13

открытого партийного собрания Ленинградского инженерно-экономического института им. П. Тольятти

25 мая 1988 г.

Присутствует: 267 членов КПСС, 11 кандидатов в члены КПСС

п. 3. О выдвижении кандидатов в делегаты XIX Всесоюзной партконференции

Докладывает: тов. **Монахов В. Н.**, секретарь партбюро машиностроительного факультета, старший преподаватель кафедры ОМТ: 18 мая с. г. состоялось открытое партийное собрание машиностроительного факультета. Собрание постановило: предложить партийному собранию института выдвинуть кандидатом в делегаты на XIX Всесоюзную партконференцию тов. Алексеева А. Н. <...> Он является активным сторонником перестройки. Эта кандидатура была выдвинута и партийным собранием отдела проблем социального развития ИСЭП.

[Как следует из ответа Монахова В. Н. на вопрос заведующего кафедрой политэкономики профессора Вечканова Г. С., в собрании приняли участие 34 из 66 членов КПСС, состоящие на учете в парторганизации факультета. — Примеч. К. С.]

Тов. **Резник А. А.**, зав. кафедрой истории КПСС [и... — А. А.] научного коммунизма: Обсуждалась ли кандидатура т. Алексеева А. Н. на партийном собрании производственного объединения «Полиграфмаш»?

Ответ: Кандидатура не обсуждалась.

Тов. **Аристов П. Г.**, секретарь парткома *[института? — А. А.]*: Имеется ли в настоящее время партийная характеристика т. Алексеева А. Н.?

Ответ: Характеристики нет.

Выступили:

Тов. **Михайлушкин А. И.**, проректор института по учебной работе: Ленинградская партийная организация не перестроила свою работу. Партийная организация института в вопросе выдвижения кандидатов проявила пассивность; надо было своевременно обсудить этот вопрос. Целесообразно выдвигать кандидатуры наших ученых, а не Алексеева А. Н.

Тов. **Кисин Р. Б.**, профессор кафедры ЭОУ НИОКР: Алексеев — достойная кандидатура.

Тов. **Сидоров А. И.**: Алексеев А. Н. — труженик, ученый с мировым именем *[миф! — А. А.]*, активный сторонник перестройки.

Тов. **Волович В. Н.**: Никаких кандидатур выдвигать не надо.

Тов. **Михайлушкин А. И.** предлагает кандидатуры

1) Кабакова В. С. *[ректор ЛИЭИ, будущий народный депутат СССР от Фрунзенского территориального округа № 59. — Примеч. К. С.]*;

2) Лушинского В. С., декана факультета автомобильного транспорта.

Тов. **Алексеев А. Н.**: Значение моей личности не надо переоценивать. Поддерживаю линию, выдвинутую февральским (1988 г.) Пленумом ЦК КПСС, нашедшую отражение в редакционной статье «Правды» от 5 апреля этого года.¹⁶

Тов. **Кабаков В. С.** снял свою кандидатуру, предложил поддержать Алексеева А. Н.

Постановили:

Поддержать предложение партийного собрания машиностроительного факультета о выдвижении А. Н. Алексеева, члена КПСС с 1961 г., слесаря-наладчика ПО «Ленполиграфмаш», к. ф. н., кандидатом в делегаты XIX Всесоюзной партийной конференции

За — 190, против — 72

(ЦГАИПД СПб. Ф. 2147, оп. 7, д. 257, л. 20-23)

[В моем личном архиве сохранилась информация только о «первичном» выдвижении А. на партсобрании машиностроительного факультета ЛИЭИ им. П. Тольятти 18.05.88 (где я, судя по всему, не присутствовал).¹⁷ И — никаких «следов» общего партийного собрания ЛИЭИ 25.05.88 (где, оказывается, не только присутствовал, но и делал публичное заявление; однако из памяти это совершенно стерлось). — А. А.]

¹⁶ Речь идет о широко известной статье, опровергающей не менее известный «антиперестроечный манифест» Нины Андреевой. (См. ранее: раздел 16.2).

¹⁷ См. в предыдущей главе: раздел 19.7.

Глава 20. Народный фронт

20.1. За Народный фронт!

[Ниже — документы, относящиеся к становлению организации «За народный фронт», г. Ленинград. — А. А.]

Из документов организации «За НФ» (сентябрь 1988)

Информация

Организация «За Народный фронт» («За НФ») является преемницей Инициативного комитета Народного фронта Ленинграда (ИК НФЛ), действовавшего в нашем городе с июня по сентябрь этого года.

Деятельность ИК НФЛ все это время была направлена на развитие в Ленинграде широкого массового движения в поддержку демократической перестройки, за осуществление радикальной экономической реформы, создание правового государства, демократизацию всех сфер жизни общества. Представлялось, что такое движение могло вырасти из активных практических действий инициативных групп, создаваемых в трудовых коллективах, учебных заведениях, по месту жительства, в творческих союзах. Именно так шло и идет развитие Народного фронта Эстонии.

Однако в Ленинграде надежды на быстрый рост рядов Народного фронта пока не оправдываются. Это можно объяснить многими причинами, среди которых и настороженное отношение партийного руководства, и недостаток организаторских способностей у активистов, и отсутствие таких мощных факторов консолидации, как стремление к национальным ценностям или острый продовольственный кризис.

Между тем, время не ждет. Сегодня наша страна стоит на пороге важнейших перемен, которые, если они произойдут, смогут очеловечить, наконец, облик того общественного строя, при котором мы живем. Речь идет прежде всего о готовящейся реформе избирательной системы и о формировании на основе нового избирательного закона новой структуры Советов всех уровней. В результате должна быть создана система повсеместного, всеобъемлющего и реального гражданского самоуправления. Это сложная задача. Для ее решения требуются организованные действия широких народных масс.

Учитывая это, активисты ИК НФЛ приняли решение преобразовать эту группу в организацию «За Народный фронт». «За НФ» не претендует на некую руководящую роль в процессе консолидации демократических сил города. Но, стремясь к постоянному и равноправному сотрудниче-

ству со всеми другими демократическими группами и организациями, «За НФ» будет практически способствовать развитию движения типа «Народный фронт», считая себя его составной частью.

На первом организационном собрании «За НФ», состоявшемся 25 сентября 1988 г., в эту организацию вошло около 50 человек. Основные документы — Декларация и Организационные принципы (Устав) еще не приняты, в настоящее время над этими документами идет работа, и сегодня можно рассказать лишь о тех общих соображениях, которые должны, по мнению членов «За НФ», лечь в основу этих документов.

Организация, ставящая своей целью демократизацию общества, внутренне сама должна быть демократичной. Поэтому в Уставе «За НФ» будет предусмотрен надежный заслон бюрократическим, авторитарным тенденциям.

Для этого координационный совет (КС) избирается тайным голосованием и состав его может быть изменен на любом ближайшем общем собрании «За НФ». Для этого КС не имеет постоянного председателя, и все члены КС являются его председателями по очереди. Для этого никто из членов «За НФ» не должен выступать от имени организации по вопросам, имеющим программный характер, если позиция по этим вопросам не обсуждена на общем собрании «За НФ». Предполагается, что все решения, принимаемые КС или общим собранием «За НФ», будут иметь рекомендательный характер: меньшинство не обязано участвовать в исполнении решения, с которым оно не согласно, но не имеет права препятствовать деятельности большинства иначе, как методами убеждения.

Прием в организацию будет предельно демократичен — желающему вступить в «За НФ» достаточно будет заполнить регистрационную карточку. Предполагается сбор членских взносов, которые скорее будут носить характер добровольных пожертвований, так как максимальный размер взноса не ограничивается, а нижняя граница не должна обременять бюджеты семей членов «За НФ» и потому равна 1% (по другим предложениям — 2%) от дохода члена организации.

Обсуждается предложение предусмотреть для членов «За НФ» два возможных статуса: статус «активиста» и статус «сочувствующего». Переход из одного статуса в другой может произойти как по воле самого члена «За НФ», так и по воле общего собрания. Статус «активиста» имеют те, кто участвуют в практической деятельности «За НФ», включая общие собрания. Для того, чтобы иметь статус «сочувствующего», не обязательно активное участие в работе, достаточно регулярной уплаты членских взносов.

Зато при решении важных вопросов, когда становится важным определение таких понятий, как «кворум», «большинство», «квалифицированное большинство», в расчет берутся только те, кто имеет статус «активиста».

Участие в «За НФ», разумеется, не будет ограничиваться ни партийностью, ни религиозными убеждениями, ни национальностью. Членство в «За НФ» несовместимо лишь с воплощением на деле взглядов на человека как на средство, а не как на цель общественного развития, с отстаиванием позиций воинствующего антидемократизма сталинского толка, позиций шовинизма, экстремизма и применения силы для решения общественных вопросов.

В чем, если судить по намерениям, будет состоять практическая деятельность «За НФ»?

Во-первых — в разработке (разумеется, с привлечением экспертов) проекта реформы избирательной системы.

Во-вторых — в организации широкого обсуждения **всех** выдвинутых проектов этой реформы.

В-третьих — в мобилизации общественного мнения, как посредством издательского дела, так и посредством форм прямой демократии (митинги, демонстрации) в поддержку тех проектов, в которых наиболее последовательно будет воплощена идея гражданского самоуправления.

В-четвертых — в выдвижении кандидатов в Советы народных депутатов, а также в активном участии в избирательных комиссиях.

В-пятых — в организации постоянного конструктивного взаимодействия между органами власти и общественностью.

В-шестых — в постоянных акциях по защите конституционных прав и свобод граждан.

Очевидно, жизнь подскажет и другие формы деятельности «За НФ».

Важнейшей задачей ближайшего будущего «За НФ» является разработка своей программы решения проблем в конкретных сферах жизни общества. Некоторые пункты этой программы не вызывают споров среди членов «За НФ».

В экономике это — развитие всех форм собственности, при обязательном обеспечении высокой степени социальной защищенности граждан. В экологии — социальная экспертиза всех проектов, могущих предстать угрозой для среды обитания человека, и полная гласность во всем, что касается экологической обстановки. В культуре — обеспечение полной свободы самовыражения художника.

Две другие первоочередные практические задачи «За НФ» — регистрация в официальных органах и создание информационного центра, в котором любой ленинградец, и не только ленинградец, мог бы получить ответы на все другие вопросы, касающиеся развития демократических движений в стране, и, в частности, вопросы, касающиеся «За НФ». Пока же информационного центра нет, справки можно получить у любого из членов КС «За НФ» (телефоны домашние):

Голов Анатолий Григорьевич <...>; Иванов Борис Иванович <...>; Корнев Николай Ростиславович <...>; Магид Сергей Яковлевич <...>; Нестеров Юрий Михайлович <...>; Серяков Александр Васильевич <...>.

Седьмой член КС — Лужбин Виктор Николаевич, к сожалению, не имеет телефона.

Информация подготовлена Ю. М. Нестеровым

9.09.88¹

* * *

Персональная декларация (сентябрь 1988)

Я, Алексеев Андрей Николаевич, член КПСС с 1961 г., заявляю, что:

1) признаю целесообразным самоучреждение общественно-политической организации, ставящей перед собой задачи и строящейся на принципах, изложенных в документах Инициативного комитета Народного фронта Ленинграда, оглашенных на собрании граждан по адресу: П. Лаврова, д. 5, 25.сентября 1988;

2) включаю себя в состав этой организации, следуя предложенному принципу самозаписи, с испытательным сроком (для себя относительно этой организации и для этой организации относительно себя) 3 месяца.

Мой дом. адрес: <...>. Дом. тел.: <...>. Раб. тел.: <...>

А. Алексеев, 25.09.88

[Первыми акциями организации «За Народный фронт» были:

— массовый сбор подписей против «лимита на гласность» — введения лимитов на тиражи и подписку ряда периодических изданий (в частности журналов «Дружба народов», «Новый мир», «Огонек», а также «Литературной газеты») — сентябрь 1988;

— сбор подписей под обращением к депутатам Верховного Совета СССР об отклонении и возвращении на доработку Указов Президиума ВС СССР от 28.07.88 о митингах и об обязанностях и правах внутренних войск — сентябрь-октябрь 1988). — А. А.]

20.2. К вопросу об экстремизме (послесловие к митингу на стадионе «Локомотив»)

[Ниже — извлечения из публикаций и документов, относящихся к митингу на стадионе «Локомотив» в г. Ленинграде, 7.10.88. — А. А.]

Из статьи В. Артемьева «Под флагом демократии? Послесловие к митингу», опубликованной в газете «Вечерний Ленинград» (октябрь 1988)

Задолго до самого события листки с машинописным текстом появились на многих предприятиях и в учреждениях города. «Независимые» общественные и политические группы, организации и движения Ленинграда призывали горожан обсудить проблемы, связанные с демократизацией нашего общества, на митинге на стадионе «Локомотив». Сооб-

¹ См. также: Общественные движения Ленинграда. Информационный бюллетень. Л.: ССА, Северо-Западное (Ленинградское) отделение, 1989, с. 19-22.

шалось, что на это мероприятие получено соответствующее разрешение Исполкома Ленсовета.

На митинге предполагалось обсудить следующие вопросы: какой должна быть реформа политической системы; как обеспечить свободу выдвижения кандидатов в Советы от любых организаций; нужны ли нашему обществу, кроме КПСС, другие политические партии; будет ли способствовать демократизации совмещение постов секретаря партийного комитета и председателя Совета; как от гласности перейти к свободе печати; демократичны ли принятые Президиумом Верховного Совета СССР указы о порядке проведения митингов и об обязанностях и правах МВД: и, наконец, каким образом от уровня развития демократизации зависит реальная человеческая жизнь — жилье, питание, одежда, здоровье и т. п.?

<...> Что же получилось на деле? Позитивная программа почти сразу же была забыта, и начался спектакль, в котором, как это уже бывало и раньше, главную роль играли «Демократический союз», называющий себя партией, оппозиционной по отношению к КПСС, и близкие к нему группировки. На потеху невзыскательной части публики, откровенно потакая ее вкусам, представители их упражнялись в дешевом остроловии, обвиняли КПСС во всех смертных грехах, приписывая ей буквально весь негатив, какой есть в нашей жизни.

В. Терехов, выступавший от «Демократического союза», попытался представить реформу нашей политической системы как «перемещение аппарата из партийных комитетов в Советы». Известный «народный трибун» А. Богданов договорился до утверждения, что в КПСС состоит «самая реакционная часть» нашего общества. Тоже близкая к «ДС» Е. Подольцева долго и явно издевательски комментировала в микрофон статьи Конституции, опять же пересыпая чтение язвительными сентенциями в адрес Коммунистической партии. А чего стоило утверждение «гостя из Риги», представителя группировки «Независимая Латвия» В. Белябля, что «социализм Сталина — одно и то же, что и социализм Ленина»?

<...> В связи с этим хочется задать организаторам подобных сборищ несколько вопросов:

Какова мера их ответственности за несоответствие заявленной теме?

Какова мера ответственности за антиконституционную агитацию (призывы к свержению «существующего режима», к дезорганизации производства, призывы бороться не только со сталинизмом, но и с ленинизмом)?

Наказуемы ли фальсификаторы? (На флагштоке стадиона над трибуной красовался флаг Российской империи, выдаваемый за национальное знамя русского народа).

На каком основании на любого несогласного с устроителями навешивался ярлык «сталиниста» или «провокатора»?

<...> Любое правовое государство начинается с уважения Конституции, неукоснительного ее исполнения. Тогда почему хранят олимпий-

ское спокойствие правоохранительные органы, прокуратура, слушая призывы учинить суд над КПСС, издевательства над Конституцией, законами?

<...> Разговор о путях демократизации общества бесспорно необходим. И нужно вести его с чистыми руками, с открытой душой. И — для всего общества, а не для собственного удовольствия, удовлетворения собственного тщеславия или с другими, столь же негодными целями. Иначе это будет не демократизация, а игра в демократизацию, аморальная по самой своей сути. Аморальны и выступления, зовущие по существу к анархии, дестабилизации, безответственности, при которых у народа никогда не будет ни порядка, ни достатка.

С особой активностью на митинге дули в одну дуду вместе с «Демократическим союзом» научный сотрудник Высшей профсоюзной школы культуры А. Алексеев и один из специалистов Ленинградского отделения Гидропроекта Ю. Нестеров. Последний даже был ведущим митинга. А ведь оба они — коммунисты. И, между прочим, активисты клуба «Перестройка», на первых порах сумевшего сделать немало позитивного. Создается впечатление, что позиции клуба начинают размываться. Чем иным, как не этим, можно объяснить слова А. Алексеева, сказанные в конце митинга, о том, что все прозвучавшее на нем не противоречит Конституции СССР? Выходит, по Алексееву, не противоречит Конституции и создание антикоммунистического фронта?..

В. Артемьев

Р. С. Нам стало известно, что в Исполком Ленсовета поступило заявление от смешанного оргкомитета, проводившего митинг на стадионе «Локомотив». В этом документе до сведения Исполкома доведено намерение сформировать отдельную колонну «представителей Демократического движения Ленинграда» на предстоящей демонстрации трудящихся 7 ноября 1988 года. Цель — «пропаганда идей демократизации, гласности, социалистического плюрализма».

Очень похоже на попытку устроить политическую провокацию уже не на стадионе, а на Дворцовой площади. Может быть, уже достаточно таких экспериментов?

(Вечерний Ленинград, 15.10.88)²

---

² Статья В. Артемьева сопровождалась выдержками из читательских писем аналогичной направленности. Авторы опубликованных писем: В. Короткевич, канд. историч. наук; Г. Митрухин; Н. Буханова, канд. филос. наук, доцент кафедры философии и научного коммунизма СЗПИ, И. Красавин, сборщик объединения «Русский дизель»; Л. Широких, институт «Гипроникель»; А. Васильев, водитель объединения таксомоторного транспорта № 1; В. Гордеев, рабочий объединения им. К. Маркса и М. Прокуров, токарь объединения «Абразивный завод «Ильич»; Г. Родионов, член КПСС с 1923 г., Н. Куликов, член КПСС с 1924 г., и А. Крылов, член КПСС с 1941 г.; А. Садовин; Е. Шекатихин.

«...В редакции газет продолжают поступать многочисленные письма ленинградцев, возмущенных тем, что происходило 7 октября на стадионе “Локомотив”...» (Вечерний Ленинград, 15.10.88).

**Из экспертного заключения комиссии по общественным движениям
СЗО (ЛО) Советской социологической ассоциации
(октябрь 1988)**

<...> Мы подходим теперь к важнейшему пункту, к главному политическому вопросу «непростой борьбы за перестройку»: в каком отношении к курсу, провозглашенному КПСС, находится действительная идеология статьи Артемьева в газете ЛГК КПСС «Вечерний Ленинград»?

В результате произведенного нами разбора могло сложиться впечатление, что позиция автора начисто лишена какой-либо логики, абсурдна. Но такое впечатление было бы серьезной ошибкой, недооценкой значения разбираемой позиции. В ней безусловно есть своя логика, а именно логика скрытой борьбы против курса партии на перестройку. Здоровые силы как в КПСС, так и в неформальных движениях имеют по существу тождественную программу, одинаковые цели. Поэтому, если удастся бросить тень антисоветчины, уголовщины и экстремизма на вторых, то тем самым та же самая тень ложится и на первых. Короче: бьем по мешку, а имеем в виду осла!

Не случайно, как мы показали выше, значительная часть обвинений, брошенных в адрес «организаторов митинга», попадала роковым образом и в адрес «организаторов» самого курса КПСС на перестройку.

И последнее. Артемьев не увидел на митинге, состоявшемся 7 октября на стадионе «Локомотив», ничего, кроме «спектакля». Но в том «спектакле», который разыгрывается на более широкой, чем стадион, сцене, и который представляет действительную опасность для перестройки, сам Артемьев, как мы показали, отнюдь не на последних ролях.

«Спектакль» этот «играют» совместно две противоборствующие, на первый взгляд, и ненавидящие друг друга силы: единомышленники Артемьева в партии, с одной стороны, и экстремисты из «неформалов» — с другой. Каждая из этих сил субъективно преследует как будто противоположную цель: первые — бороться со всеми неформалами как с экстремистами; вторые — со всей КПСС как с партией артемьевых.

Тем самым объективно (т. е. независимо от своих намерений) в этой политической «игре» и те, и другие решают единую **реакционную** задачу:

- не допустить освобождения здоровых сил в КПСС и в неформальных общественных объединениях от влияния консерваторов типа Артемьева (среди первых) и экстремистов (среди вторых);
- не допустить консолидации здоровых сил общества, постоянно ссоря их между собой, натравливая их друг на друга.

Кто же ответит за этот «спектакль»? На первый взгляд кажется, что и ответственность «актеров» за результаты общей «игры» должна быть одинаковой. Однако не следует забывать, что именно КПСС есть власть в обществе, в т. ч. и по отношению к «неформалам», а не наоборот.

Поэтому то, что у представителей вторых есть **болезнь роста**, заблуждение, хотя и опасное, то у представителей первой, КПСС, нельзя назвать иначе, как **политический саботаж**, подрывающий курс на перестройку, от имени ее же и провозглашенной. <...>

По поручению комиссии по общественным движениям ЛО Советской социологической ассоциации О. Т. Вите (Октябрь 1988)

* * *

**Из редакционной статьи «Возвращаясь к напечатанному.
“Под флагом демократии?”», опубликованной в газете
«Вечерний Ленинград» (октябрь 1988)**

<...> На корреспонденцию, опубликованную в нашей газете <...> 15 октября, мы получили немало откликов. Письмо в редакцию прислал и научный сотрудник Высшей профсоюзной школы культуры А. Алексеев. Вот что он сообщил:

«В связи с публикацией газеты “Вечерний Ленинград” от 15 октября (“Под флагом демократии?”) хотел бы заметить следующее.

Существуют три типа аргументов в политическом споре: аргументы слова, аргументы силы и аргументы дела. Митинг на стадионе “Локомотив” 7 октября изобиливал словами, которые вполне могли обеспокоить авторов опубликованных в газете писем. Такого из микрофона на площади слышать еще не приходилось. В. Артемьев в своем “послесловии к митингу” апеллировал к властной силе, которую, по его мнению, пора употребить против “антисоветчиков” (провозглашающих, однако, лозунг “Вся власть Советам!”). Но единственно действенным аргументом здесь могут быть дела, разумеется, не такие, как “лимит на гласность” или антидемократические Указы об общественных мероприятиях или о правах и обязанностях внутренних войск.

Пока не будет иных дел со стороны властей — будет общественная критика, включая выражение недоверия правящей партии и попытки оппозиции ей. Здесь ни встречной демагогией, ни дубинками успеха у массы не добьешься.

Не случайно митинг на стадионе “Локомотив” оказался “игрой в одни ворота”, как справедливо писала “Ленинградская правда” (9.10.88). Не потому ли, что не хватает аргументов дела — и ворота оказались пусты?

Это главное, что мне хотелось сказать, не трата строк на обозрение искажений в упомянутом “послесловии” и на обсуждение политических бестактностей, допущенных корреспондентом “Вечернего Ленинграда” в отношении коммунистов Ю. Нестерова и А. Алексеева, взявших на себя труд удерживать митинг в конституционных рамках.

А. Алексеев

16 октября 1988 г.

Это письмо отправлено в ряд изданий. По получении мною извещения от какого-либо из них о готовности его опубликовать, все остальные будут немедленно предупреждены. Надеюсь, что такое извещение из газеты “Вечерний Ленинград” придет первым. Такой шаг редакции был бы аргументом дела в пользу демократии и гласности. А. А.»

От редакции

Как могут судить наши читатели, мы проявили готовность к публикации письма, присланного нам А. Алексеевым. Нельзя не согласиться с ним в том, что в политическом споре существуют различные типы ар-

гументов, и возможность использовать по крайней мере один из них — аргумент слова — автору письма был предоставлен в полном объеме.

Однако сколько-нибудь убедительных доводов у него, судя по отклику, так и не нашлось: ни один из выводов, содержащихся в корреспонденции «Под флагом демократии?», Алексеевым по существу не опровергнут. Хотя чего только не найдешь в его послании! <...>

[Здесь опущена полемика редакции с автором письма. — А. А.]³

...И хочется спросить Ю. Нестерова и А. Алексеева: хорошо ли вы подумали над тем, чьи действия взялись оправдывать и защищать? Не кричите ли вы душой, когда утверждаете, что оголтелые подстрекательские речи произносятся в «конституционных рамках»? Не противоречит ли ваша позиция как коммунистов идеалам нашей ленинской партии, членами которой вы являетесь? Идеалам высокой коммунистической морали, духовности и гуманизма.

(Вечерний Ленинград, 29.10.88)

* * *

Из не опубликованных писем в редакцию газеты «Вечерний Ленинград» (октябрь 1988)⁴

Я присутствовал на митинге на стадионе «Локомотив» 7.10.88 и считаю своим долгом внести некоторые поправки в отчет о нем В. Артемьева.

<...> Речь пойдет только о том абзаце, в котором упоминаются фамилии А. Алексеева и Ю. Нестерова. Утверждение автора отчета, что эти два коммуниста «с особой активностью на митинге дули в дуду вместе с «Демократическим союзом», — совершенно неверно.

А. Алексеев брал слово в начале и в конце митинга. В первом кратком выступлении он напомнил собравшимся, что действующая Конституция СССР содержит два ясных запрета: запрет пропаганды войны и запрет на разжигание национальной и расовой ненависти.

Полезным было это напоминание, независимо от того, как в дальнейшем разжигались страсти? Я считаю — полезным. Во всяком случае, на этом митинге призывов к войне, к насилию не было, не было и откровенно националистических выступлений.

Именно **этот факт** А. Алексеев констатировал в своем втором очень кратком выступлении в конце митинга. Почему не лишне было зафиксировать этот факт? Потому что на некоторых других небезызвестных митингах, проходивших в нашем городе нынешним летом, звучала злобная шовинистическая пропаганда, а нередко и призывы к насилию. И я полагаю, полезно было лишний раз четко отмежевать «локомотивовский» митинг от митингов в румянцевском садике.⁵

³ Образец полемики: «...Оказывается, у властей и дел-то иных нет, как только “хватать и не пушать”, и поэтому, думаем, власти будут очень благодарны А. Алексееву за ценный совет о том, что “здесь ни встречной демагогией, ни дубинками успеха у массы не добьешься”. Видимо, представители властей об этом даже и не догадывались...».

⁴ Публикуются в значительном сокращении.

⁵ О митингах общества «Память» в Румянцевском саду см. ранее: раздел 19.12.

Что касается выступления Ю. Нестерова, то он, насколько я помню, призывал ораторов к сдержанности в эмоциях. Именно он напомнил собравшимся, что перестройку в нашей стране и огромную работу по исправлению всех зол и бед прошлого начала и ведет коммунистическая партия. От него собравшиеся узнали, что коммунисты есть и среди организаторов данного митинга, а следовательно, партия в их лице вовсе не уклоняется, не отмахивается от обсуждения многих острых, больных проблем, названных с этой трибуны.

Совершенно другое дело, что оба названных коммуниста не сочли для себя обязательным, как это обычно делалось в прошлом, резко «пресекать» неверные выступления, немедленно давать «грозный отпор» всем, кто выражает свое спорное мнение.

<...> Экстремизм — правый и левый — к сожалению, неизбежный спутник глубоких революционных перемен в любом обществе. Явление это требует серьезного, ответственного анализа со стороны активных, убежденных сторонников перестройки.

Раздраженные требования «призвать к законному порядку» некоторых ораторов митинга (эти требования содержатся в ряде писем, подверстанных к статье В. Артемьева) — на мой взгляд, суть свидетельство идейной растерянности отдельных читателей «Вечернего Ленинграда». Не зная, не понимая, что можно и нужно **по существу** ответить нетерпеливым сторонникам левого экстремизма, они по старому шаблону зовут к насильственным действиям.

Но силовые и репрессивные методы в борьбе с инакомыслием страна уже видала, ни к чему хорошему они не привели и привести не могут. <...>

А. Соснин, член Союза писателей, ветеран войны, член КПСС с 1945 г.
16.10.88

* * *

Я был на митинге 7 октября на стадионе «Локомотив». Прогуливаясь по его периферии, видел, в частности, такую сцену. Уходящий с митинга мужчина подошел к милиционеру и сказал ему: «Давить их надо!». Примерно эту же точку зрения высказал В. Артемьев в Вашей газете 15.10.88.

Нет, товарищи, придется потерпеть! <...> Учась демократии, мы набьем еще очень много шишек. Нам придется вытерпеть хлесткие обвинения, крики ярости, как приходится терпеть пустые прилавки, кооперативные цены, «прокатывание» на выборах, казалось бы, незаменимых людей.

<...> Митинг — это не газетная полемика и не дискуссия в зале. Здесь просто неизбежны крайности и переხлесты. К этому нужно спокойно относиться. <...> Почву из-под деятелей оппозиции выбивает чистая правда и реальное дело. А запрещать и «разбираться» — к этому нет возврата.

Жаль, что В. Артемьев встал на путь, близкий к доносительству. <...>

Трубников Георгий Иванович, канд. технических наук
(Октябрь 1988)

[В письме Г. Трубникова, равно как и в двух последующих текстах, опущены строки, посвященные защите двоих ведущих митинга (А. Алексеева и Ю. Нестерова) от политических обвинений. — А. А.]

* * *

Уважаемая редакция! Товарищ Артемьев!

Прочитал только что статью «Под флагом демократии?». <...> Словно пахнуло чем-то затхлым, «смердяковским», оттуда, из недоброй памяти 30-х годов и более поздних — 50-х, 60-х. Так и слышится в ушах: «Вот они, вот — они во всем виноваты. Ату их, ату!».

<...> Сегодня мы «разделаемся» с «Демократическим союзом», завтра с клубом «Перестройка» (чьи позиции, по Вашему мнению, размываются), а с кем послезавтра? Это далеко не риторический вопрос, т. Артемьев!

Кстати, простите за нескромный вопрос: «А разве сам Горбачев, Политбюро не пытаются сейчас изменить “существующий советский государственный и общественный строй”?». Тот самый бюрократический, казарменный, административно-командный — бесчеловечный строй, который и социалистическим-то назвать язык не поворачивается.

Или, может, Вы определенно знаете, что значат слова «советский» и «социалистический»? Что-то я не припомню на страницах Вашей газеты попыток объяснить их.

Вместо этого Вы предоставляете слово «авторитетам вчерашнего дня». Одного из них — проф. Б. Кожохина — ленинградцы услышали спустя несколько дней после митинга 7 октября. В радиопередаче «День за днем» профессор договорился до того, что в Ленинграде существуют «десятки и сотни тысяч антисоветски настроенных граждан»...

Или другой «свидетель обвинения» — старший научный сотрудник Б. Кипнис. Мне приходилось уже не раз слушать его истерические речи. Не человек, а провидец! Ясным «сталинским» оком глядя в глаза бичуемым, режет он «правду-матку» о стремлении чуть ли не поголовно всех «неформалов» к захвату власти.

<...> Я сам вовсе не являюсь ни членом «ДС» [*партия «Демократический союз», заявлявшая о своей последовательно антикоммунистической направленности.* — А. А./, ни даже «сочувствующим» этой организации. «ДС» является левым флангом демократического движения. Мне же — не по душе крайности...

Как член совета миротворческой организации «Вахта мира» я стою на позициях ненасилия и терпимости к любым взглядам и мнениям (кроме, конечно, таких, которые проповедают, например, фашизм, национал-социализм, типа «Памяти»).

Как член клуба «Перестройка» и массового общественного движения «Народный фронт», я выступаю за демократизацию и обновление всех сфер нашей жизни. А с «ДС» нужен диалог, и мы давно ведем его (в частности, на ежесубботних «Вахтах мира» в Михайловском саду).

Призываю к диалогу — и вас, редакцию! <...>

Леонид Соколецкий, 31 год, физик, м. н. с., ЛНПО «Пигмент»

17.10.88

* * *

<...> Так почему же партийные лидеры избегают принимать участие в организации митингов? <...> Одной из причин может быть следующее. Партийные лидеры оторвались от народа, не умеют с ним разговаривать. У нас в Ленинграде мне пока не приходилось слышать дельных выступлений представителей

партаппарата. <...> Очевидно, сказывается привычка выступать в атмосфере, когда «все хлопают и встают». А жизнь-то повернулась другим боком.

Вместо того, чтобы четко и беспристрастно разобраться в происходящих событиях, В. Артемьев недвусмысленно подводит к мысли, что митинги следовало бы под пулеметами проводить, вот тогда бы, голубчики, по другому заговорили. Хватит, тов. Артемьев!

<...> Народ уже глотнул живительной свободы и не уступит завоеванных позиций.

Хотелось бы также узнать, чем конкретно не угодил В. Артемьеву (или это не только его мнение?) клуб «Перестройка», на каких фактах основано мнение, что клуб делает что-то не так? Очевидно, В. Артемьев знает, как надо?

<...> Компартия уже 70 лет экспериментирует, куда нас повести, и поныне неизвестно, куда мы придем. Так, может быть, все-таки и общественным организациям позволительно поучаствовать в эксперименте? (Ведь материалом для эксперимента все мы являемся, и каждому из нас небезразлично, что с нами хотят сделать).

Из всего сказанного напрашивается также вывод, что В. Артемьеву есть смысл извиниться перед А. Алексеевым, Ю. Нестеровым, поскольку автор не привел их выступлений, а верить ему на слово не хочется. <...>

А. Зубков, электромонтер СМУ «Водоканалстрой»

24.10.88

[Ровно месяц спустя после митинга на стадионе «Локомотив», а именно — 7 ноября 1988 г., на традиционной демонстрации трудящихся, по Невскому пр. до Дворцовой площади, наряду с «обычными» колоннами территориальных районов и трудовых коллективов, прошла самостоятельная «колонна демократических сил», составленная из представителей общества «Мемориал», клуба «Перестройка», организации «За Народный фронт» и других самодеятельных общественных объединений города. — А. А.]

20.3. Выборы в партком: «тестовое» голосование

Из «Записей для памяти» (ноябрь 1988)

<...> 3 ноября 1988 г. состоялось отчетно-выборное партийное собрание Высшей профсоюзной школы культуры.

На учете в партийной организации ВПШК 253 члена КПСС и 5 кандидатов в члены КПСС. К началу собрания зарегистрировано присутствие 201 члена КПСС и 3 кандидатов. На собрании присутствовали секретарь Октябрьского РК КПСС Васильева, зам. зав. отделом науки и учебных заведений Ленинградского ГК КПСС Горшков, корр. «Вечернего Ленинграда» Лукина.

Председательствовала на собрании Громова. С отчетным докладом выступил секретарь парткома Куликов. На собрании выступили 28 чел.

При голосовании оценки работы парткома голоса распределились следующим образом: удовлетворительная — 84, неудовлетворительная — 60, воздержались — 18 чел. Было сочтено прошедшим первое предложение.

Собрание решило выдвигать кандидатов в партком без посредничества «совета представителей». Численность парткома была определена 13 чел. Выдвинуто около 25 кандидатов. Были отводы, самоотводы. В частности, взял самоотвод бывший секретарь парткома Куликов. В итоге, в списке для тайного голосования осталось 18 кандидатур.

Среди выдвинутых вызвала дискуссию кандидатура Алексеева, предложенная Г. Климентовым.⁶ А. ответил на вопросы, в частности, связанные с недавними публикациями газеты «Вечерний Ленинград» [*См. выше — А. А./*]. Один из участников собрания выступил с отводом кандидатуры А., по политическим мотивам. А. сделал по этому поводу соответствующее заявление. Г. Климентов его энергично поддержал. Подавляющее большинство проголосовало за оставление этой кандидатуры в списке.

В тайном голосовании участвовало 173 чел. Результаты голосования: все кандидаты получили более половины голосов от числа участвовавших в голосовании. Наибольшее количество голосов набрали: Кириллов (против — 16 из 173), Шулькин (16 против), Климентов (19 против). Против кандидата, занявшего последнее место голосовали 80 чел.

Результаты голосования по кандидатуре Алексеева: за — 123, против 50 (8-е место по количеству голосов поддержки).

С учетом предшествующей политической полемики вокруг кандидатуры А. (известный митинг на стадионе «Локомотив», выступление газеты «Вечерний Ленинград» по этому вопросу), **настоящее голосование может рассматриваться как «тестовое», обнаруживающее фактический расклад политических позиций в партийной организации ВППШК.**

Во избежание процедурных сложностей, собрание решило увеличить численность парткома до 18 чел., т. е. считать избранными **всех** кандидатов, указанных в бюллетене (за это решение проголосовал 91 чел.).

Собрание продолжалось с 15-20, 3 ноября, до 0-30, 4 ноября.

На следующий день состоялось заседание парткома, где тайным голосованием, при двух альтернативных кандидатурах (Кириллов, Галкин) секретарем парткома был избран Кириллов (13 — за, 4 — против). <...>

(Записано 5.11.88)

20.4. Клуб: «субъект-субъектная» модель

**Тезисы доклада на тему «Культура, досуг, общение
(к построению социологической модели клуба)»,
подготовленные для научно-практической конференции
в Высшей профсоюзной школе культуры (ноябрь 1988)⁷**

Целью настоящих тезисов является попытка теоретико-методологического обоснования одного из возможных подходов к построению **социоло-**

⁶ О Геннадии Александровиче Климентове см. ранее, в томе 2 настоящей книги: раздел 7.5, приложение 2 к главе 7 и др. См. также в томе 3: раздел 11.1.

⁷ В сокращении опубликованы в сборнике материалов указанной конференции (ВППШК, 1989).

гической модели клуба. Разрабатывая настоящий подход, автор полагает его перспективным для решения задач перестройки клубного дела.

I

В качестве отправного пункта теоретического рассуждения нами принимается цепочка социологических понятий: **общественная потребность — общественная функция — общественное учреждение.** Всякий социальный институт (учреждение) осуществляет определенные общественные функции, состоящие в удовлетворении определенных потребностей общества и личности.

Конечно, абстрактно рассуждая, можно допустить возможность существования и монофункционального учреждения. Однако социальная жизнь сложнее. И в идеале, и в реальности всякое учреждение полифункционально и призвано удовлетворять некоторую совокупность общественных потребностей. Это вполне относится и к клубу.

Выскажемся против попыток определения специфики общественно-го учреждения через «монополию» осуществления им той или иной социальной функции. По-видимому, социальный институт не должен иметь в составе своих функций такую, которая реализовалась бы учреждением данного и только данного типа. Любая из функций может реализовываться (соответственно, потребность удовлетворяться) и каким-то другим социальным институтом.

Специфичным для всякого данного учреждения скорее будет его особая полифункциональность и комбинация функций, а не какая-либо отдельно взятая функция.

Далее, нетрудно предположить, что должна существовать некоторая «равноценность» (или «равноправие») в наборе функций всякого данного социального института. В определенных исторических обстоятельствах, в определенных видах учреждений в рамках данного их рода (типа) та или иная функция может становиться приоритетной, но вытеснение ею всех остальных опасно.

(Наглядный пример — одностороннее развитие клуба как института «культурно-просветительной работы» в минувшие десятилетия).

II

Выше изложены некоторые общие теоретико-методологические предпосылки. Теперь укажем на три универсальные общественные потребности, которые достаточно очевидным образом релевантны, имеют отношение к интересующему нас предмету (клуб). Это:

- а) **потребность в досуге;**
- б) **потребность в общении;**
- в) **потребность в культуре.**

С названными потребностями можно, с известной долей условности, соотнести **рекреативную, коммуникативную и культурологическую** функции клуба. (Последняя функция включает в себя как культурофор-

мирующий, т. е. культурно-просветительский, так и культуротворческий аспекты).

Ограниченное пространство настоящих тезисов побуждает опустить здесь развернутую аргументацию в пользу выбора именно такого набора потребностей и функций. Примем, что именно он может быть положен в основу модельного социологического представления интересующего нас типа учреждений.

Социологическое представление должно быть **системным**. Здесь существенно, что названные фундаментальные потребности общества и личности:

а) относительно равноправны (в том смысле, что выделены примерно на одном уровне обобщения);

б) несомненно взаимосвязаны, поскольку люди потребляют и создают культуру в процессе досуга, восстанавливают свои жизненные силы в общении, вступают в коммуникативные связи в процессе культурного творчества и потребления культуры и т. д.

Настоящая триада (досуг, культура, общение) составляет некую **целостность**, может рассматриваться как «спайка», «узел» общественных потребностей, где каждый компонент необходим. И — вроде бы — добавь сюда хоть что-нибудь еще, и узел «развяжется».

Таких «узлов» общественных потребностей можно выявить немало.

Например: потребности в социальной организации, в социальной ориентации и в социальной защите (чему, пожалуй, соответствует институт государства); потребность в воспитании, потребность в обучении, потребность в развитии личности (школа и другие социально-педагогические институты).

Но эти примеры не претендуют на концептуализацию, а лишь иллюстрируют возможность того системного подхода, который мы пытаемся применить к обсуждаемому предмету.

III

Но ведь соответствующие функции могут реализоваться и реализуются и **вне** учреждения. Вся эта триада потребностей, как целое, может комплексно удовлетворяться в семейном или дружеском кругу.

Учреждение — это такое социальное образование, которое призвано:

а) способствовать удовлетворению названных потребностей общества и личности;

б) обеспечивать их удовлетворение особыми, «институциональными» средствами, т. е. средствами социальной организации.

Специфика учреждения состоит в том, что оно организует соответствующие виды деятельности или (что точнее для современных задач и условий) способствует их **самоорганизации**. Учреждение — это своего рода общественный инструмент, орган, порожаемый обществом (в равной мере справедливо сказать — «изобретенный» им) для того, чтобы в пол-

ном объеме могли общественно (а не только индивидуально) удовлетворяться соответствующие человеческие потребности.

Обществу необходимо такое учреждение, которое в комплексе осуществляло бы культурологическую, рекреативную и коммуникативную функции, будучи средством **общественной самоорганизации культуры, досуга и общения**.

IV

Еще лет десять назад в слове «самоорганизация» наверняка отсутствовала бы приставка **«само-»**, да и сейчас еще остается искушение «потерять» ее. Учреждений, «организующих» культуру, досуг и общение (хотя редко в их единстве!), у нас, в условиях казарменно-бюрократической деформации социализма, было более чем достаточно.

При этом и на практике, и в теории использовалась модель, которую можно назвать **«субъект-объектной»**. В самом общем виде эта модель такова.

Человек — объект идейного, воспитательного, просветительного и т. д. воздействия (управления, в пределе — манипуляции).

Организации, и в частности, их аппарат, штатные работники — субъекты. Субъект осуществляет упомянутое воздействие на объект, разумеется, «в интересах» последнего. Тут есть один нюанс.

Сами субъекты вовсе не самостоятельны. В частности, клубное учреждение реализует политику (в том числе и культурно-воспитательную), задаваемую субъектом более высокого ранга — институтом-учредителем, или «куратором». Такими институтами-кураторами относительно клубов выступают государство или профсоюзы (в зависимости от ведомственной подчиненности этих учреждений). Выстраивается определенная иерархия субъектов-институтов, которые в одном отношении — **субъект** (воздействие «вниз»), а в другом — **объект** (воздействие «сверху»).

И только сам человек («посетители клуба», «клубная аудитория» и т. д.) остается объектом во всех отношениях.

(Вряд ли есть необходимость сегодня пояснять, что это вариация на тему известной идеологической концепции «приводных ремней», отвергнутой еще 30 лет назад, однако благополучно дожившей в «подрумяненном» и облагороженном виде до наших дней).

Живучесть указанной модели находит яркое выражение, в частности, в том факте, что до сих пор ключевым понятием в теории и практике клубного дела (своего рода его «синонимом») остается «культурно-просветительная работа».

Скажем, профсоюз опосредует и специфицирует свое воздействие (в культурно-просветительном плане) на человека — работой своего профсоюзного клуба. Клубное учреждение — субъект КПП и одновременно — средство культурно-просветительной работы профсоюза. В русле таких представлений клуб рассматривается как культурно-воспитательная система по преимуществу.

(Сказанным мы вовсе не хотим дезавуировать воспитательное значение клубной работы. Равно как и культурно-просветительных задач у клубов вовсе не хотим «отобрать». Но воспитательный момент может быть усмотрен едва ли не в любом виде человеческой деятельности. Что касается «культурного просветительства», то им, как уже отмечалось, не может исчерпываться культурологическая функция клуба).

Конечно, для аппарата клубного учреждения организация культуры, досуга и общения людей есть работа. Но предметом этой работы должны быть не люди, а процессы общественной самоорганизации соответствующих жизненных сфер. Модель «искомого» общественного учреждения должна быть принципиально иной.

Это — «**субъект-субъектная**» модель.

v

Новая, «субъект-субъектная» концепция общественной самоорганизации культуры, досуга и общения предполагает принципиальное различие понятий: **клуб** и **клубное учреждение**.

Последнее видится нам своего рода «предприятием», которое строится на общих принципах государственного (профсоюзного) предприятия, с широким применением хозрасчетных и кооперативных начал (в перспективе — арендного подряда). Клуб же, в собственном смысле слова, есть самостоятельное, общественное объединение, самоуправляющаяся общность людей, граждан, связанных общими целями и интересами. Это — самоорганизация культуры, досуга и общения «в действии».

Клуб, с социологической точки зрения, есть форма общественной инициативы, социальный институт, но отнюдь не «предприятие».

Клубное учреждение есть государственный (или профсоюзный, или кооперативный) центр, обеспечивающий возможность естественного зарождения, функционирования и развития множества «клубов», любительских объединений, инициативных групп, «кругов» общения и деятельности (часто называемых «неформальными объединениями»), путем предоставления им в аренду (или безвозмездно) материальной базы (прежде всего помещений), оказания методической, консультационной помощи (там, где она нужна) и т. п.

Собственно для этого, а не для непосредственной организации «мероприятий» (к которым обычно сводится культурно-просветительная работа) и необходим «аппарат», или штат профессиональных клубных работников.

Сами клубы, самостоятельные организации, свободные объединения граждан могут и должны стать субъектами организационной деятельности, отвечающей интересам и целям их участников. С одной стороны — за счет естественного расширения круга общения во всяком данном клубе, а с другой — за счет включения в программы своей деятельности так-

же и распространения культурных ценностей, пропаганды содержательных форм досуга и т. д.

Задача же аппарата клубных учреждений состоит прежде всего в стимулировании (а иногда и «пробуждении») общественных инициатив, в умелой координации усилий множества сотрудничающих с ними самодеятельных клубов, в совместной с ними выработке форм полноценной культурно-досуговой деятельности и общения людей, наконец — в пропаганде этих форм в пределах региональной или иной «сферы влияния» всякого данного клубного учреждения.

(Здесь мы намеренно спустились с «теоретических высот» в «прозу жизни» — для того чтобы показать, что предлагаемый подход к построению социологической модели клуба имеет самое прямое отношение к актуальной практике перестройки клубной работы сегодня).

vi

Изложенный подход обнаруживает также принципиальную важность опоры на ряд отраслей социологического знания, в этой перестройке. **Социология досуга и социология культуры** суть особые дисциплины, достаточно развитые в общем контексте социологической науки.

Пока что не сложилась, как самостоятельная научная отрасль, социология общения. В значительной мере предмет последней «перекрывается» современной **социальной психологией** (тоже дающей исходный строительный материал для искомой концепции).

Проблематика **социологии личности**, разумеется, также заслуживает активного вовлечения в это [научное. — А. А.] строительство, поскольку в досуге, культурной деятельности, общении происходят развитие и творческая самореализация личности.

Наконец, поскольку клубное учреждение и «клуб» суть организации (различие пояснено выше), постольку здесь уместно использовать научный багаж, накопленный такой областью знания, как **социология организаций**.

Р. S. Настоящие тезисы были уже написаны, когда автор смог ознакомиться с проектом «Примерного устава клубных учреждений», разработанным недавно группой работников Министерства культуры РСФСР. В первом параграфе этого документа читаем: «Клубные учреждения — это общедоступные центры общения, духовного развития и активного отдыха населения». **Общение, культура, досуг...** Отрадное совпадение!

А. Алексеев, 20.10.88

20.5. Реформа политической системы: «избирательное право должно быть прямым и равным!»

[Ниже — материалы, относящиеся к обсуждению политической реформы и к общественным инициативам по предотвращению внесения изменений в Конституцию СССР до выборов народных депутатов СССР и проведения их первого съезда. — А. А.]

Из журнала «Огонек» (ноябрь 1988)

В конце ноября состоится голосование в Верховном Совете СССР за предложенные законопроекты об изменениях и дополнениях Конституции СССР и о выборах народных депутатов СССР.

Вчитайтесь в эти законопроекты. При некоторых ценных демократических нововведениях в Конституцию они содержат фактический отказ от норм прямого и равного избирательного права. В них предусмотрены многоступенчатые выборы: мы будем избирать народных депутатов, а уж они на своем съезде выберут Верховный Совет. В них предусмотрено выведение трети депутатов из-под непосредственного контроля рядовых избирателей: этих депутатов будут избирать делегаты съездов или участники пленумов общесоюзных органов общественных организаций.

Раньше были «выборы без выбора» при «прямом и равном» избирательном праве. Теперь нам предлагают выбирать, но избирательное право становится не прямым и не равным. Ведь «делегаты съездов или участники пленумов» будут голосовать не единожды, в отличие от остальных.

Нам кажется, что столь радикальные изменения в Конституции должны приниматься не Верховным Советом, а съездом народных депутатов, который намечен XIX партконференцией на апрель 1989 года. До тех пор будет время и обсудить, и доработать законопроекты.

Нужен съезд народных депутатов СССР, чтобы изменять Конституцию, что, кстати, предусмотрено даже в предложенном законопроекте об изменениях и дополнениях Конституции СССР (ст. 108). А не наоборот, как, судя по предусмотренным сверхсжатым срокам обсуждения — до конца ноября 1988 года, предполагается.

Для того же, чтобы регламентировать порядок всенародного избрания депутатов и созыва первого их съезда, достаточно одного Закона о выборах народных депутатов СССР, проект которого, разумеется, требует доработки.

Считаем: изменение Конституции — только на Съезде народных депутатов СССР!

А. Н. Алексеев, кандидат философских наук, зам. председателя ЛО Советской социологической ассоциации; Г. А. Богомолов, фрезеровщик, лауреат Государственной премии СССР; Ю. М. Нестеров, канд. техн. наук, член ленинградского клуба «Перестройка»

(Огонек, 1988, № 46, 12-19 ноября)

[Несколькими днями раньше, аналогичное по смыслу предложение тех же авторов было опубликовано в «Литературной газете» (9.11.88).

А еще за несколько дней до этого, 5 ноября 1988 г., состоялось собрание организации «За Народный фронт», г. Ленинград, на тему «Какой быть политической реформе?». На этом собрании было принято решение организовать сбор подписей под нижеследующим Обращением. — А. А.]

* * *

Обращение к Верховному Совету СССР, Председателю Президиума ВС СССР М. Горбачеву (ноябрь 1988)

Единственный законопроект, поставленный на обсуждение — это те же «выборы без выбора», предложение без альтернативы.

Предлагаем:

- временно снять с обсуждения или, по крайней мере, продлить обсуждение имеющегося конституционного законопроекта;
- разработать на конкурсной основе и опубликовать альтернативные проекты реформы политической системы;
- поставить их вместе с имеющимся проектом на референдум;
- одобренный на референдуме вариант усовершенствовать в ходе все-народного обсуждения.

Обновление Конституции необходимо, но поспешность вредна и опасна! **Изменение Конституции — на конкурс и на референдум!!!**

<...> *[Здесь опущен образец подписного листа. — А. А.]*

Листы с подписями можно принести на информационный пост организации «За Народный фронт», по адресу <...>, не позднее 18 ноября 1988 г. (Ноябрь 1988)

* * *

Организация «За Народный фронт» — Председателю Президиума ВС СССР М. Горбачеву (ноябрь 1988)⁸

Уважаемый Михаил Сергеевич!

<...> В телеграмме в депутатскую подготовительную комиссию Верховного Совета СССР от 13.11.88 координационный совет организации «За Народный фронт» (г. Ленинград) уже сообщал, что на тот момент около 1 тыс. ленинградцев поставили свои подписи под настоящим обращением к Верховному Совету СССР <...>.

За истекшую с тех пор неделю упомянутое обращение получило широкий резонанс и распространение в Ленинграде и за его пределами. Это происходило также и независимо от усилий нашей организации (отчасти благодаря публикации в ленинградской газете «Смена», 16.11.88).

В условиях заданного сроками обсуждения известных законопроектов цейтнота, многие, как нам известно, отправляли соответствующие подписные листы и непосредственно в Президиум Верховного Совета, минуя наше посредничество (особенно — из других регионов страны).

⁸ Письмо публикуется в сокращении.

<...> Параллельно шел сбор подписей и под другими обращениями в ВС, различными по содержанию, по характеру конкретных предложений, однако едиными в радикальной критике имеющихся законопроектов и в формулировании общественного требования, чтобы ноябрьская сессия Верховного Совета СССР воздержалась от принятия предполагаемых изменений Конституции СССР, уступив дело конституционного обновления если не общенародному референдуму, то представительным органам власти, которые будут сформированы весной 1989 г.

<...> Проблема конкурса альтернативных конституционных законопроектов и всенародного референдума по ним, понятно, не потеряет актуальности и после ноябрьской сессии Верховного Совета, какие бы решения она ни приняла. Поэтому отправляем сейчас в Президиум ВС пакет подписей под разными вариантами обращения, имевшими хождение в Ленинграде, — всего 5705 подписей.

<...> Из уст штатных работников партийно-советского аппарата, некоторых пропагандистов слышим такие аргументы: надо спешить с изменением Конституции <...>, без чего будто бы политическая реформа не может быть начата, стало быть — затормозится перестройка. Но она тормозится именно такими аргументами.

Если так начнем, то кончим еще хуже. Все большее количество людей сейчас начинают это понимать <...>. И не без оснований [они. — А. А.] усматривают в обсуждаемых законопроектах по преимуществу усилия бюрократического аппарата выжить, удержать свои позиции, прикрываясь демократической фразеологией. А в усилившихся в последние дни призывах и аргументах в пользу скорейшего принятия этих законопроектов, без их коренной переработки, — не находят ничего кроме дежурной, демоagogической пропаганды, развязанной самим этим аппаратом. <...>

С глубоким уважением

Члены координационного совета организации «За Народный фронт» (г. Ленинград):

Алексеев А.Н., к. ф. н., зам. пред. ЛО ССА, член КПСС с 1961 г., член парткома ВПШК; Антошин В.Н., вед. конструктор ПО «Ленинградский металлургический завод», член КПСС с 1970 г., член партбюро СКБ; Богомолов Г.А., фрезеровщик ПО «Ленполиграфмаш», лауреат Государственной премии, член КПСС с 1974 г., член партбюро цеха; Кондратьева Ю.Н., ст. науч. сотр. Ленинградского гос. педагогического института им. Герцена; Корнев Н.Р., ст. науч. сотр. Института усовершенствования врачей, к. б. н., член КПСС с 1974 г.; Нестеров Ю.М., гл. специалист ЛО института «Гидропроект», к. т. н., член КПСС с 1973 г.

19.11.88

* * *

**Р. Ленчовский — в Президиум Верховного Совета СССР.
Фототелеграмма (ноябрь 1988)⁹**

Предлагаю еще раз взвесить, насколько целесообразно отказываться от равного и прямого избирательного права.

В дискуссии уже были высказаны серьезные политико-правовые аргументы против **«права организаций»** и **плюрального вótума**, которые существенно ограничивают право большей части граждан.

Хочу обратить внимание на негативный нравственно-мировоззренческий, политико-культурный, общественно-психологический эффект возрождения по сути дела **корпоративного права** и, следовательно, **духа корпоративизма**. Для правового государства это даже не право, а **рецидив добуржуазной системы цеховых привилегий** (что заставляет вспомнить итальянский «Закон о реформе политического представительства» 17.05.1928, вполне уместный лишь в системе «корпоративного государства»).

Введение в нашу избирательную систему «права организаций»¹⁰ порождает проблемы, в большинстве своем не разрешимые демократическим путем. Это и соотношение кандидатов, которые общественные организации будут представлять на избирательных участках, и депутатов, выбираемых «от себя». И номенклатура организаций, и квота их представительства, и процедуры выдвижения и выборов в организациях. И вопрос о третьей палате, подобной общественно-политическому вече югославских республик: ведь депутаты «от организации» будут «растворяться» — непредсказуемым образом! — среди депутатов, выбранных по схожим принципам, но посылаемых в две разные, взаимодополняющие палаты.

Политическое требование XIX Всесоюзной партконференции о повышении роли общественных организаций в политической системе, включении их в процесс законотворчества, активизации их деятельности по выражению специфических интересов — может быть реализовано другими путями, не отменяющими общедемократические достижения в избирательном праве. Проекты таких альтернативных путей могли бы быть обсуждены, думаю, в самом ближайшем будущем.

Если на нынешнем этапе конституционной реформы будет предпочтен вариант прямого представительства общественных организаций, то в ст. 97 и 98 проекта поправок к Конституции и ст. 3 и 4 проекта Закона о выборах должно быть прямо сказано о том, что избирательная система у нас **комбинированная, сочетающая всеобщее, равное и прямое избирательное право с неравными и не прямыми выборами через общественные организации**.

Ленчовский Р. И., науч. сотр. Института истории партии при ЦК КП Украины, филиал ИМЛ при ЦК КПСС, 22.11.88

⁹ О киевском социологе и философе Роме Иване Алексеевиче Ленчовском см. ранее, в томе 1 настоящей книги: разделы 6.3 и 6.4; в томе 2: разделы 9.4 и 9.5; в томе 3: разделы 15.11, 16.7 и др.

¹⁰ Речь идет о предусматривавшемся новыми законопроектами (об изменении Конституции и избирательной системы) наделении общественных организаций правом непосредственно избирать народных депутатов СССР.

Ремарка: срочная телеграмма в ВС СССР.

Ознакомившись с копией фототелеграммы Р. Ленčovского (в частности, с заключительной частью его текста) социолог-испытатель решил отправить аж **срочную (!)** телеграмму в Верховный Совет СССР, на имя Горбачева, Разумовского, Чебрикова, 1 декабря 1988, утром, в 9 час. 45 мин., в день открытия сессии ВС:

«Предлагаю при принятии Закона о выборах народных депутатов СССР исключить название статей 3 и 4 тчк Не аргументирую ввиду срочности тчк С уважением = Алексеев Андрей Николаевич социолог журналист Ленинград 199397 Наличная 40 корпус 1 квартира 132».

Развитие точки зрения, выраженной в обращении Р. Ленčovского см. ниже. (Март 2001).

20.6. Несвоевременные мысли

Из протокола заседания партбюро Ленинградской государственной консерватории от 22.12.88

<...> Присутствовали: Афанасьев А.Н., Владимиров В.В., Деревягин Р.В., Жилинская С.Н., Кузнецов А.И., Лушин Б.М., Мартынов Н.А., Рогалев И.Е., Хитрова Т.И., Часовитин Д.Н.

Слушали: О выдвижении кандидатов в народные депутаты СССР от КПСС.

Постановили: Выдвинуть кандидатами в народные депутаты от КПСС: **Алексеева** Андрея Николаевича, сотрудника социологической лаборатории ВПШК, канд. филос. наук, члена парткома Высшей профсоюзной школы культуры; **Мартынова** Николая Авксентьевича, зав. кафедрой инструментовки ЛОЛГК, секретаря партбюро; **Яковлева** Александра Николаевича <...>, **Ельцина** Бориса Николаевича <...>.

Выписка верна: зам. секретаря партбюро Часовитин Д. Н.¹¹

* * *

[Ниже — текст статьи, опубликованной в сборнике «В человеческом измерении» (1989). Здесь публикуется в сокращении. — А. А.]

Несвоевременные мысли

(Точка зрения коммуниста по поводу выдвижения кандидатов в народные депутаты СССР от КПСС)

Заглавие настоящего сочинения известно у кого позаимствовано. А вот подзаголовок — оригинален. Это название моего собственного заявления, подготовленного для пленума Октябрьского райкома КПСС г. Ленинграда <...>. Дело было так. В понедельник, 26 декабря 1988 года (тут не только даты, но и время суток важно, но уж обойдусь без подробностей), сообщают мне из парткома Высшей профсоюзной школы культуры, где я работаю <...>:

— А. Н., Вам надо быть на пленуме райкома в среду. Будет обсуждаться Ваша кандидатура для выдвижения в народные депутаты СССР от КПСС.

¹¹ Незадолго до этого социологу-испытателю довелось быть консультантом общественности Ленинградской консерватории по проблеме выборов в ней совета трудового коллектива.

— Вас выдвинули коммунисты Ленинградской Государственной консерватории.

Звоню немедленно туда.

— Действительно, — подтверждает секретарь партбюро Николай Авксентьевич Мартынов. — Решением партбюро Консерватории предложены четыре кандидатуры: члена Политбюро ЦК КПСС А. Н. Яковлева, члена ЦК КПСС Б. Н. Ельцина, Ваша и моя.

Я говорю:

— Ну и дела. Если бы я был у Вас на партбюро, я бы поделился своими соображениями на этот счет.

— Так ведь мы и у Александра Николаевича, и у Бориса Николаевича тоже согласия не спрашивали, — добродушно отвечает Н. А. Мартынов. — Первичная партийная организация предлагает, а выдвигают в райкоме и выше.

Ладно. Готовлюсь к пленуму райкома. Есть люди, которые предпочитают импровизировать свои речи, случалось и мне. Но тут дело особо ответственное. Собираюсь с мыслями, отключаю телефон...

«Пленуму Октябрьского РК КПСС г. Ленинграда.

Точка зрения коммуниста по поводу выдвижения кандидатов в народные депутаты СССР от КПСС.

Я глубоко признателен коммунистам, членам партийного бюро Ленинградской государственной консерватории за инициативу по выдвижению меня кандидатом в народные депутаты СССР. Высоко ценю их доверие, которого не старался заслужить.

Думаю, что этому доверию способствовали публикации центральной прессы, выступления Всесоюзного радио и телевидения — как посвященные мне, так и мои собственные. Определенную роль, возможно, сыграло наше недолгое, но интенсивное сотрудничество в период становления в Ленинградской консерватории новых, подлинно демократических форм общественного самоуправления. Это сотрудничество, где я выступал своего рода социологическим экспертом, общественным консультантом, продолжается и сейчас...»

А теперь пусть читатель меня извинит. Не для того все-таки я взялся сейчас за перо, чтобы рассказать, как проходило в Ленинграде выдвижение кандидатов в народные депутаты СССР. Хотя это и очень интересно.

Но более важным мне представляется донести до широкой аудитории свои «несвоевременные мысли» по поводу избрания народных депутатов СССР от общественных организаций. То, что адресовано было пленуму райкома, а теперь вот адресую всем. Наверняка не все со мною согласятся, даже среди единомышленников много несогласных — находят мою точку зрения «нереалистичной». Я не настаиваю на ее реалистичности. Но считаю свою позицию заслуживающей общественного внимания.

А изложить ее лучше всего так, как я намеревался это сделать с трибуны пленума. <...> Приглашаю читателя представить себя слушателем моей речи. Итак, продолжаю:

«...Полагаю также, без ложной скромности, что, предлагая мою кандидатуру для выдвижения кандидатом в народные депутаты СССР, товарищи из консерватории не ошиблись в одном: я действительно являюсь сознательным и убежденным приверженцем демократической перестройки, ее работником, может быть, не самым квалифицированным и не самым эффективным, но делу именно такой перестройки я предан.

...Сегодня, пожалуй, не найти человека, которые бы сказал, что он не хочет перестройки. Вопрос — какой перестройки? У нас не так уж мало сторонников и даже борцов за **антидемократическую** перестройку (будь то легендарная Нина Андреева, иные работники партийного аппарата, иные советские, хозяйственные руководители — не все, разумеется, наконец, просто обыватели, которые ждут нового «хозяина», чтобы их накормил и осчастливил).

Но не меньше, а, думаю, больше приверженцев другого варианта перестройки, а именно — варианта **псевдодемократического**. За антидемократический не поручусь, а сторонники... псевдодемократического варианта наверняка есть и в этом зале. И здесь не нужно слишком хитроумных тестов и социологических методик, чтобы их обнаружить. Достаточно спросить:

— Считаете ли Вы, что порядок выборов на XIX партконференцию отвечает демократическим ожиданиям и требованиям?

— ... что известные ныне, по счастью, преодоленные, ограничения на подписку (*периодической печати*. — А. А.) имели в своей основе исключительно экономические причины?

— ...что открытое (не тайное) голосование правомерно при выборах советов трудовых коллективов или при подтверждении полномочий хозяйственных руководителей, как это у нас почти повсеместно было?

— ...что существующий пока порядок обсуждения безальтернативных законопроектов не оказывается по существу способом создания **видимости** демократического обсуждения?

И если мне ответят: да, отвечает, обеспечивает, правомерно и т. д., то я скажу: вот Вы и проголосовали за псевдодемократическую перестройку.

Я — за перестройку **другую**, за перестройку революционную и демократическую».

Кажется, до этого места успел я написать в понедельник, а во вторник закончил мне из Консерватории:

— Знаете, А. Н., тут у нас запрашивают Вашу характеристику. Надо уточнить некоторые фактические данные...

Уточняем. <...>

— А на Александра Николаевича и Бориса Николаевича тоже пишете характеристику? — спрашиваю вполне серьезно.

— Их кандидатуры на пленуме райкома рассматриваться не будут, нам предложено прямо телеграфировать об этом в ЦК, — сообщает Н. А. Мартынов. — А мы с Вами, А. Н., состоим на партучете в парторганизации Октябрьского района.

Еще делимся с Николаем Авксентьевичем впечатлениями о резонансе, который произвело недавнее решение партбюро Консерватории. <...> Про себя уж не говорю, но и Николай Авксентьевич (заведующий кафедрой Консерватории, композитор) — «неудобный» партсекретарь. У него в Консерватории и за ее пределами много единомышленников, но не так уж мало и влиятельных противников инициатив возглавляемого им партийного бюро. <...>

— Я не собираюсь снимать свою кандидатуру, — твердо говорит Николай Авксентьевич.

— Ну, а мою точку зрения Вы уже знаете, — отвечаю я. Возвращаюсь к своему заявлению для пленума райкома:

«...Процессы сегодняшнего этапа перестройки сложны и противоречивы. Мы движемся опущью, иногда шаг вперед — два шага назад.

Уже сам факт, что предложили выдвинуть кандидатом в народные депутаты СССР **от КПСС** человека, который 5 лет назад был исключен из партии по обвинениям политического и идеологического характера, а ныне восстановлен в партии **без перерыва в стаже**, кото-

рый, однако, продолжает оставаться настолько неудобным для некоторых работников нынешнего партийного аппарата, что о нем чуть ли не по официальным партийным каналам начинают распускать слухи ... будто он стоит в оппозиции Коммунистической партии и т. д.

Так вот, сам факт выдвижения партийным бюро Консерватории такой кандидатуры ... это факт знаменательный и вселяющий надежду, что демократическая перестройка еще не захлебнулась...».

В среду узнаю, что пленум переносится на следующий день, 29 декабря. А в среду только бюро райкома. Туда нас не приглашают. Еще узнаю, что наши с секретарем партбюро Консерватории кандидатуры в районе не единственные. Своих кандидатов в народные депутаты СССР от КПСС предложили на Адмиралтейском заводе, еще где-то. <...> Мое заявление уже готово. Вот мои «несвоевременные мысли»:

«...Я сказал: шаг вперед — два назад. Именно так называлась моя вместе с Г. Богомоловым и Ю. Нестеровым статья в "Литературной газете"... посвященная обсуждению законопроектов об изменении Конституции и избирательной системы. Приходилось выступать мне на эту тему и на страницах журнала "Огонек"¹², и с разнообразных трибун, в том числе и в нашем Октябрьском районе... И всюду приводил известное ленинское высказывание: "Демократическими могут быть названы только выборы всеобщие, прямые, равные".

Известно, какую волну общественной критики с позиций последовательного, не конъюнктурного демократизма вызвало такое новшество в нашей избирательной системе, как право общественных организаций, включая КПСС, не выдвигать своих кандидатов для последующего равноправного участия в выборах по территориальным и национально-территориальным округам, а непосредственно **избирать** их народными депутатами на пленумах своих общесоюзных органов — **минуя** тем самым народное голосование, **выводя** их из-под контроля рядовых избирателей.

Запросила на этот счет мнение своих читателей наша "Смена" — свыше 700 человек против нескольких десятков заявили о своем несогласии с таким порядком. "Комсомольская правда" — то же самое, только там счет шел уже на тысячи. Решительно преобладали противники такого нововведения среди очных и заочных участников известной передачи "Общественное мнение" на Ленинградском телевидении.

Цвет столичной интеллигенции — клуб "Московская трибуна" в составе всенародно известных идеологов перестройки от Абалкина до Шатрова — высказался за постановку этого принципиального вопроса политической реформы на всенародный референдум.

Около 7 тысяч подписей менее чем за 2 недели было собрано под обращением к Верховному Совету СССР в пользу постановки изменений в Конституции на конкурс и на референдум — это только в Ленинграде...

Решения ноябрьской сессии Верховного Совета известны. Мы слышали на этот счет разные объяснения. Но тут, извините, "и ежу ясно": 100 депутатов от КПСС — это не для нас с вами, товарищи.

Это уступка Горбачева той части партийного аппарата, которая хочет избежать случайностей...

Кстати, я лично предпочел бы не передавать кому бы то ни было, даже ЦК КПСС, свое право участвовать в выборах в народные депутаты СССР при голосовании кандидатур, скажем, Горбачева, тех же Яковлева и Ельцина... Я бы вообще обратился к членам Политбюро ЦК КПСС с предложением, если хотите, призывом — не уклоняться от предложений, которые уже поступили или могут поступить... баллотироваться именно по территориальным округам. По-моему, для любого из них это было бы актом политического мужества...

Помню, на Конгрессе Народного Фронта Эстонии, гостем которого три месяца назад мне посчастливилось быть, поступило сообщение о только что состоявшемся избрании

¹² См. выше: раздел 20.5.

М. С. Горбачева Председателем Президиума Верховного Совета СССР, на сессии. Первый же из выступавших после этого сообщения, сейчас не помню кто, откликнулся на него с трибуны Конгресса фразой, которую я бы назвал исторической: "Мы рады, что Михаил Сергеевич стал президентом, но сожалеем, что его избрал не народ"....».

<...> Четверг, 29 декабря. Конференц-зал райкома партии. 17 часов. Открывает пленум первый секретарь РК КПСС тов. Игнатьев. <...> Предлагается провести пленум оперативно, «без перерыва», так чтобы закончить... к 18 часам. Гм... За час успеть заслушать и обсудить всех кандидатов с их программами?

<...> Перечитываю про себя место *[из своего заявления. — А. А.]*:

«...Политический процесс в нашей стране за последние два года развился так, что появилась реальная возможность перевести из бумажной декларации в общественную практику универсальную политико-правовую норму демократического государства, в том числе и социалистического правового государства — **прямое и равное** избирательное право.

...Впервые в истории такое право было **конституционно** закреплено, пусть только на бумаге, именно в нашей стране, в конституции 1936 года. При «выборах без выбора», когда голосуют за единственного кандидата, это стало издевательством над социалистической демократией, ее полной дискредитацией.

Но вот мы подошли к тому, чтобы на выборах действительно **выбирать** из двух и более соперничающих кандидатов. Это — величайший в нашем политическом развитии шаг вперед. Шагнули — и тут же испугались, и два шага назад — к выборам **частично** прямым и **частично** равным.

...Вовсе не равные и не прямые выборы узаконены сегодня уважаемыми депутатами ноябрьской сессии Верховного Совета одиннадцатого созыва. Узаконена комбинированная система равных и неравных, прямых и непрямых выборов, сочетающая всеобщее избирательное право граждан и **особые права** общественных организаций.

Это — не что иное, как соединение демократических выборов с так называемым **куриальным** или **корпоративным** избирательным правом, правом еще добуржуазным, феодальным, средневековым. Тут не надо быть большим специалистом в области социологии или политологии...

300 лет общественной эволюции и революционных потрясений развевали в дым феодальный пережиток корпоративных избирательных привилегий. Еще в конце прошлого века Ф. Энгельс называл взгляды австрийского социолога и правоведа Альберта Шеффле, первоизобретателя комбинированной избирательной системы вроде нынешней нашей, — "феодальной реакцией на развитие капитализма". Последний раз такая комбинация была узаконена, насколько я знаю, в Италии в 1928 году. И вот мы теперь... к этому средневековому рудименту политической жизни возвращаемся.

Отсюда можно было бы делать заключения, на каком еще раннем, начальном этапе перестройки наших общественных отношений мы пока находимся. Какой долгий и трудный путь. в частности политического развития, еще впереди. Но это уже выходит за пределы задачи моего сегодняшнего выступления...».

...Председательствующий Н. С. Игнатьев информирует: всего в различных организациях Октябрьского района выдвинуто пять кандидатов. Двое (кажется, секретарь парткома с одного завода и хозяйственный руководитель с другого) сняли свои кандидатуры. Остаются кандидатуры: Ю. Ф. Соловьева, кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, а также Н. А. Мартынова и А. Н. Алексеева. От тт. Алексеева и Мартынова самоотводов не поступало...

Бюро райкома рассмотрело вчера (28 декабря) все предложенные кандидатуры и рекомендует пленуму поддержать кандидатуру тов. Ю. Ф. Соловье-

ва, — продолжает тов. Игнатьев. — Ленинградские коммунисты все хорошо его знают. Областная партийная организация недавно оказала тов. Ю. Ф. Соловьеву высокое доверие, вновь избрав его первым секретарем обкома. Что касается тт. Мартынова и Алексеева, то первый недавно работает секретарем партбюро Консерватории, еще «не успел себя проявить», а тов. Алексеев тоже только с июля этого года член нашей *[районной. — А. А.]* партийной организации, к тому же выдвинут коммунистами Консерватории, а в Высшей профсоюзной школе культуры, где он работает, вопрос не обсуждался... Кто хочет высказаться?

В зале человек 100 членов, кандидатов в члены райкома, членов ревизионной комиссии. Выступает один, другой, третий... Не стоило и регламента устанавливать, больше минуты не занял ни один: «Юрий Филиппович пользуется высоким, заслуженным авторитетом в партии, он делом доказал, что достоин быть народным депутатом СССР от КПСС...».

Слово берет член райкома, концертмейстер Консерватории Людмила Владимировна Набок, дает высокую оценку деятельности Н. А. Мартынова, с которым вместе несколько лет проработала и в партийном бюро.

— Даже неудобно рассматривать какие-либо альтернативы Юрию Филипповичу Соловьеву, — парирует один из выступающих.

<...> Я понимаю нелепое положение, в которое поставлен мой коллега из Консерватории. О Н. А. Мартынове, которому слова не дают, известно только, что он самоотвода не брал, как некоторые другие, может быть, более предусмотрительные. <...> Поднимаю руку:

— Прошу дать мне слово!

Зал оборачивается. (Я сижу в задних рядах). Напряженная тишина.

— У Вас, А. Н., самоотвод?

Как ответить на такую бесцеремонность <...>?

— Нет, у меня заявление.

Какой-то сбой в сценарии... Заранее предупреждаю, что мое заявление займет не 7 минут (регламент!), а несколькими минутами больше. («Вот уж неуместная шепетильность», — упрекали меня потом).

— В таком случае придется голосовать... Кто за то, чтобы предоставить слово тов. Алексееву?

Голосуют члены райкома. «За», кажется, один человек, шестеро воздержались. Остальные — против. Сажусь. Приверженец демократической перестройки должен считаться с мнением большинства. Даже если этим большинством манипулируют.

<...> Приведу теперь заключительную часть своего несостоявшегося выступления (как читатель уже понял, в нем суть, а все остальное — обramление):

«...Какой из всего сказанного... вывод делаю для себя?

Никому его не навязываю, понимаю, что могут быть и иные точки зрения, на то и плюрализм, даже в рамках радикально-демократической позиции. Но мой личный вывод и выбор таков:

При всей благодарности товарищам, предложившим мою кандидатуру для выдвижения кандидатом в народные депутаты СССР от КПСС, я оказанной мне чести принять... не могу. Не могу, потому что считаю саму возможность не выдвижения, а **избрания депутатов** в высший представительный орган страны от **общественной организации**, тем более — от правящей политической партии..., считаю эту возможность **привилегией** члена обще-

ственно-политической организации. А таких привилегий в демократическом обществе, в социалистическом правовом государстве **быть не должно**.

Не сомневаюсь, что рано или поздно наше общество сумеет освободиться от шлейфа корпоративных привилегий. Хочу думать, что доживу до времени, когда не останется и этой избирательной привилегии, введенной на «начальном этапе политической реформы».

...Я не знаю, как поступит пленум. Во всяком случае, мой отказ — не пренебрежение доверием товарищей, предложивших мою кандидатуру. Не назовешь его и самоотводом, во всяком случае — самоотводом по личным мотивам. Самоотводы же, мотивированные **точкой зрения** коммуниста, которую я сейчас изложил, — вряд ли подлежат голосованию...».

<...> Все это <...>, как читатель уже понял, не прозвучало на пленуме. И подавляющим большинством голосов его члены поддержали мнение бюро райкома — отклонить «альтернативные» Ю. Ф. Соловьеву кандидатуры. Конечно, такое могло произойти и при полном соблюдении демократических процедур, при выступлении **всех** кандидатов (здесь-то не выступил ни один). Но было именно так, как я рассказал.

<...> Пленум продолжался 45 минут. Его программа была выполнена досрочно.

Уже на улице Николай Авксентьевич Мартынов, Людмила Владимировна Набок и я делились впечатлениями. Надо же, в конкуренты кандидату в члены Политбюро попал, пошутил я.

Еще поговорили <...> об абстрактных материях. Согласились в том, что, следуя принципам триадной системной методологии, разрабатываемой моим другом, профессором Ленинградского университета Рэмом Георгиевичем Баранцевым, стоит поискать триаду нравственных позиций в политике. Две позиции обнаружились сразу: «реалисты» и «романтики» (к последним отнесли меня). А третья? «Циники»? — предположил один из собеседников.

Р. С. В историко-политологической части моего заявления использованы материалы научного сотрудника Института истории партии при ЦК КП Украины Р. И. Ленчовского.

А. Алексеев

(Цит. по: В человеческом измерении. М.: Прогресс, 1989, с. 393-402)¹³

20.7. Мы с Эстонией, потому что мы с Россией!

[Ниже — документы, относящиеся к контактам демократического движения Ленинграда с Народным фронтом Эстонии (ноябрь 1988 г.) — А. А.]

Телеграмма в Эстонию (ноябрь 1988)

Таллин. Вооглайду Юло, Лауристин Марью, Сависсару Эдгару, всем друзьям.

Приветствуем решения сессии Совета ЭССР 16 ноября тчк Мы с Эстонией потому что мы с Россией тчк Братски обнимаем. Члены координационного совета организации За Народный фронт город Ленинград = Алексеев Богомолов Грингауз Кондратьева Корнев Нестеров Серяков, 18.11.88

¹³ Цитированное, по ходу изложения, заявление для Пленума Октябрьского райкома КПСС было опубликовано также в многотиражной газете Ленинградской консерватории (Музыкальные кадры, 23.02.89).

Обращение организации «За Народный фронт» (ноябрь 1988)

Ленинградцы!

Внимательно прочитайте Обращение к творческой и научной интеллигенции СССР от ведущих деятелей науки и культуры Эстонской ССР, опубликованное в эстонских газетах 24.11.88. Сопоставление содержания этого обращения с тем, что находим сегодня в центральных средствах массовой информации, лишний раз показывает, что центральная пресса, радио, телевидение неадекватно отражают события, происшедшие в Эстонии за последние три недели. Ленинградские же средства массовой информации попросту отмалчиваются.

Координационный совет Ленинградской организации «За Народный фронт» призывает Вас присоединиться к нашим предложениям:

1. Опубликовать в «Ленинградской правде» полные тексты Декларации Верховного Совета Эстонской ССР о суверенитете Эстонской ССР, Закона ЭССР о внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной закон) Эстонской ССР и Резолюцию Верховного Совета Эстонской ССР о Союзном договоре, принятых Внеочередной VIII сессией Верховного Совета ЭССР одиннадцатого созыва 18 ноября 1988 г. (см. «Советскую Эстонию» от 18.11.88).

2. Организовать встречу ленинградской общественности с представителями Народного фронта Эстонии и других прибалтийских республик в помещении вместимостью не менее 1000 чел.

3. Провести аналогичные встречи на предприятиях, в научных и учебных заведениях гор. Ленинграда.

4. Организовать силами Ленинградской студии телевидения совместно с Эстонским телевидением телемост Ленинград-Таллин, с приглашением партийно-советских руководителей и лидеров Народного фронта Эстонии.

5. Опубликовать в ленинградской прессе прилагаемый текст обращения эстонской интеллигенции. Систематически и объективно освещать в ленинградских газетах процесс демократизации в Эстонии и других союзных республиках.

Позиция координационного совета Ленинградской организации «За Народный фронт» выражена в направленной нами 18.11.88 в г. Таллин телеграмме: **«Мы с Эстонией, потому что мы с Россией»** [см. выше. — А. А.]. Позитивный эстонский опыт включения народов в процесс демократизации, в социальное творчество является нашим общим достоянием.

Мы знаем, что не каждый ленинградец, в силу ли дезинформации, в силу ли предрассудков, так думает сегодня. Но по крайней мере под вышеперечисленными предложениями, настояниями, требованиями неодносторонней гласности, информации «из первых рук», полной информации — может подписаться каждый.

Члены координационного совета Ленинградской организации «За Народный фронт»:

А. Алексеев, В. Антошин, Г. Богомолов, А. Голов, Б. Иванов, Ю. Кондратьева, Н. Корнев, Ю. Нестеров, А. Серяков

26.11.88

(Сбор подписей под этим обращением начат в Ленинграде 27.11.88)

* * *

**Текст несостоявшегося выступления
на одном из публичных собраний (декабрь 1988)**

<...> Системе не стыдно, она — механизм, а людям, ведь народ — люди, должно быть стыдно за депортацию или иные формы ущемления прав другого народа, если ты хотя бы в силу своей национальной принадлежности к этому исторически причастен. Я русский, причастен. И покаяние не должно быть только на словах.

Я сейчас нарочно делаю упор на проблеме «национальной вины» и «национальной ответственности», хотя суть процессов, происходящих в прибалтийских республиках — все-таки не национальная, а демократическая революция.

<...> На национальной проблеме делаю упор потому, что «национальный вопрос» — это «оселок для демократа», как говорил, кажется, Ленин, во всяком случае по смыслу так. Дело в том, что очень глубоко сидит в русском человеке предрассудок своего «старшинства», своей многократно скомпрометированной способности «благодетельствовать» другие народы — нечто такое, что удачно названо «имперским сознанием».

Мне вчера в кулуарной полемике в очередной раз пришлось услышать: да ведь без нас в Эстонии и промышленности не было бы! Как это напоминает: да ведь без Сталина не было бы и индустриализации, и в войне бы не победили!.. Вопрос: была ли бы сама война?

В этих великодержавных предрассудках происходит, как правило, трогательное единение бюрократа и обывателя. Бюрократ «просвещает» обывателя, а обыватель поддерживает бюрократа в данном вопросе. Обыватель «гребет», а бюрократ (великорусский бюрократ) крепче держится за руль. Главная его забота, чтобы усидеть в лодке. Он как будто апеллирует к разуму, а на самом деле разжигает страсти. А что неудобно делать самому, то делают активисты из «Памяти» и другие. <...>

Не случайно обращение нашей организации «За Народный фронт» к ленинградцам с призывом поддержать требование прорыва «информационной блокады» насчет демократических движений и преобразований в Прибалтике пока поддерживается далеко не так дружно, как — месяцем раньше — требование постановки поправок к Конституции на референдум. Давит «имперское сознание», великорусский предрассудок.

<...> Миллионный народ, желающий строить свою жизнь по своему разумению, на своей земле — для настоящего интернационалиста будет прав, даже если бы в чем-то ошибался, как хочется представить некоторым «интернационалистам». А он еще и не ошибается к тому же, а подает пример многомиллионному народу, как делать революционную перестройку не на словах, а на деле.

Поучиться у него, а не поучать! Спасибо сказать, а не требовать благодарности. Понять, что не наше дело учить другие народы интернационализму.

<...> Что касается «информационной блокады», то она уже отчасти прорвана. <...>

А. Алексеев, 18.12.88

20.8. Диалог с НН (о соотношении политики и нравственности)

Ремарка: «Вы стали политиком...».

В моем архиве сохранился листок — с перепечатанными отрывками из писем конца 1988 г. В одном из них:

«Уважаемый А.Н., давно Вас не видел, но все время о Вас слышу. То, что Вы стали политиком, — знаю. Хотелось бы знать, как с наукой...»

Замечание характерное!

Ниже — извлечения из переписки того же времени с одним из участников демократического движения Ленинграда, чьего разрешения на обнародование личных писем не имею, поэтому назову его — НН. (Март 2001).

НН — А. Алексееву (ноябрь 1988)

Здравствуй, Андрей!

Разговор у нас, действительно, получился дурацкий, и я не могу не объясниться, т. к. в письме это легче сделать.

<...> Что я за гриб? По собственной оценке — не лучше, чем лисичка или масленок, но и не хуже, чем горькушка. И когда меня держат за несъедобный <...>, я обижаюсь. Или это грех?

Я не навязывался тебе в друзья, ты сам меня так назвал, у тебя друзей куча, у меня почти нет, наверное, по моей вине, но от этого не легче. И все-таки, я хочу поговорить с тобой начистоту, потому что <...> без равенства и откровенности это не дружба.

<...> Настоящий политик должен автоматически обвораживать **каждого** встречного, как настоящая женщина — каждого встречного мужчину. Можно иронизировать над западной политической практикой, а можно и учиться. Дело вкуса. Только не надо господам интеллигентам удивляться <...>, за что ж их, таких благородных и хороших, распинают. А за это самое, за дилетантизм, за нежелание учиться.

Толстой говорил, что все плохие люди сплываются, а хорошие вздохнут. Это подтверждает мою мысль: плохие люди — хорошие политики, а хорошие люди — плохие. И до тех пор, пока хотя бы часть хороших людей не научится политике, их будут нещадно бить.

<...> Западный продавец автоматически **искренне** смотрит на **каждого** вошедшего к нему в магазин <...>, как на дорогого гостя. Наш же советский либерал норовит гавкнуть на товарища по борьбе, как на либерала до того гавкал собственный начальник. И вот объекты либеральной политики с горестным удивлением убеждаются, что обещания либералов стоят не дороже обещаний консерваторов, так есть ли смысл менять шило на мыло? Вот почему, в частности, так жалок наш народный фронт.

<...> А что творится в «движении»? <...> Н. назначает — прихожу, никого нет (допустим, объективные обстоятельства), договариваюсь с ним по телефону, что даст мне <...> выступить первым, чтобы обсудить

сроки всенародного обсуждения Конституции, — ничего подобного, приходится <...> напоминать. Решают размножить мой текст и <...> — в следующий раз. Н. обещает сообщить мне, куда и когда я могу придти для рассмотрения вопроса вместе с ученым, — и опять наврал.

<...> Берите, ребята, готовые тексты и малюйте плакаты, за вас мыслят кандидаты наук!

<...> Куда ни кинь, из всех щелей прет наш любимый город Солнца, фаланстер и что-то в этом роде. <...> Старый проверенный принцип — мне не нужна твоя работа, мне надо, чтобы ты мучился. Подумаешь, все начнут бумагу марать; это мы, в президиуме, сами сделаем, а вы — давайте плакаты, потом канавы выкопайте, потом заройте, «далее везде».

...Когда мне позвонили перед летней демонстрацией Народного фронта, я сделал плакат, сочинил стихи, дочка нарисовала, люди подходили, интересовались, один помог нести, а то бы свалился — плохо было, жарко. Показывали плакат в телевизионной передаче. Вот, каждый **наш** человек должен сделать по плакату... Хотя чем-то вы отличаетесь от предыдущих?

<...> Тебе понравилось мое выступление и не понравился мой письменный текст. Как поет Высоцкий: «А я тот же самый». Только перед выступлением ты настроился соответствующим образом, а читая эту рукопись — по-другому. В первом случае — как рядовой слушатель, во втором — как рецензент.

Я проверил свое сочинение на очень многих — от работяг до кандидатов наук. Есть только два отрицательных отзыва — твой и моего двоюродного брата <...> Но главное совпадение для социолога — он тоже кандидат, только химических наук.

Вывод — этот инструмент [*сочинение НН. — А. А.*] имеет свое, не универсальное применение. Это уличный фольклор, агитка — необходимейшая вещь в политике. Твоя кандидатская, может быть, была великолепна, я уважаю тебя не за нее, а за твою жизнь.

Термином «кандидат» я обозначаю некий тип поведения, основанный на особом научно-канцелярском языке, необходимым свойством которого должна быть скука и неудобоваримость. Такой язык совершенно нетерпим в организации, стремящейся завоевать массы.

<...> Вам подбросили законы как смоляное чучелко братцу лису, вот и увязли. А надо было сразу — «этот состав суда отводим», срок неприемлем — и все! И долбить эту мысль, ясную любому идиоту. Теперь поздно, проспали в очередной раз. Дай бог, в последний. <...>

Твой НН, 14.11.88

* * *

А. Алексеев — НН (ноябрь 1988)

Здравствуй, НН!

Вслед за Тобой, отвечаю письмом, хоть, казалось бы, проще позвонить по телефону. Письмом твоим искренне тронут. Идея приоритета личности перед социальным институтом, хотя бы и самым «общественным», — мне

дорога, как и Тебе. Предпочитаю политике — нравственность (хоть, говоря, и возможно между ними динамическое равновесие).

Но тронут я, в общем-то, не этим совпадением взглядов, а твоим «криком души» по поводу того, что человек **хороший** (каковым в твоих глазах являюсь) оказывается недостаточно хорошим политиком. Вот, «не обворожил» товарища по борьбе... В том-то и дело, что я вообще **не политик**, не говоря уж о политиканстве. Мне **не надо** «обольщать» — ни массы, ни индивидов, не надо производить впечатление и «делать политику». Это — не мой жанр или не мое амплуа.

Я в лучшем случае могу быть экспертом или советчиком при столь талантливых политиках, как те, кого ты упоминаешь. Кой — во всяком случае — не политиканы, а политики (возможно, еще неумелые).

К сожалению, обстоятельства последнего времени, да и сложившийся «мифологический образ» создают массовые ожидания от меня шагов и манер, свойственных политическому лидеру. Но эти ожидания — «мимо», «не по адресу». Просто — другой тип личности и другая жизненная установка. Так что уж давай разведем дружеские отношения и политические шаги.

Совершай, на здоровье, свои шаги; мне понравилось — я присоединюсь, как бывало; и наоборот. Не понравилось другому или не интересно ему — не дави. Входи или уходи (как я ушел из «Перестройки», к примеру). Кстати, сохранив дружеские отношения со всеми, с кем хотел их сохранить.

Что касается ритма общения, обмена мыслями, чувствами, даже текстами, то тут должно быть равновесие между «спросом» и «предложением». Мой «спрос» сейчас не поспевает за «предложением». Не надо рассчитывать, что я смогу все прочитать, оценить и даже «продвинуть». Разве что сам, «нечаянно», зажгусь.

Все твои тревоги насчет движения к «Городу Солнца» в нашем движении — услышал. Если смогу погасить эти тенденции — погашу.

Если они сами исчезнут — порадуюсь вместе с Тобой. Если усугубятся — сменю компанию.

<...> Вот, пожалуй, все, что следовало сказать письменно. Все остальное — можно и при встрече. Жаль, нельзя, по моральным, соображениям, обнародовать твоё письмо. Вот где **твой** жанр. <...>

При всей «личности», твоё письмо — замечательное эссе о политике и нравственности.

Твой Андр. Алексеев, 24.11.88

* * *

Из письма участникам группы поддержки перестройки
и Народного фронта Физико-технического института им. Иоффе
(декабрь 1988)

Уважаемые коллеги!

<...> Приношу глубокие, искренние извинения, что вынужден отказаться от обещанного публичного выступления в Вашем институте. Этот отказ относится не только к Физтеху.

<...> Без 1–2-месячного отпуска мне просто не выжить. Надеюсь, Вы отнесетесь к моей просьбе об «отставке» с пониманием.

Любые формы общественного сотрудничества некоторое время спустя, хочу верить, будут на взаимную радость и пользу. С пожеланием успехов в предстоящей избирательной кампании...

А. Алексеев, 25.12.88

Ремарка: «...устал!»

Как видно, «укатали сивку крутые горки»... В период самообороны от политических обвинений и т. д. — спасали «полиэтиленовые» нервы. А в роли нечаянного «политического лидера», на гребне общественной волны — они стали сдавать. Однако ситуация отнюдь не способствовала желанной «передышке»... (Март 2001).

20.9. Статья 70-я УК РСФСР пока не отменена

**А. Алексеев — председателю ЛО СЖ СССР А. Варсобицу
(декабрь 1988)¹⁴**

Как стало известно из устного публичного выступления и уже получило широкий резонанс, в г. Ленинграде возник прецедент возбуждения уголовного дела по ст. 190 УК РСФСР и связанных с этим следственных действий (обыски) в отношении ряда лиц, известных своими оппозиционными политическими заявлениями

Как выяснилось позже, дело против группы членов партии «Демократический союз» было возбуждено [не по статье 190, а... — А. А.] по ст. 70 УК РСФСР («Анτισоветская агитация и пропаганда»).

Поскольку этот факт в условиях современной общественной критики соответствующих разделов уголовного законодательства, а также известных заявлений политического руководства страны не может не рассматриваться как событие чрезвычайное, считаю необходимой организацию Союзом журналистов пресс-конференции с ответственными работниками правоохранительных органов г. Ленинграда.

Предлагаю провести такую пресс-конференцию в ближайшие дни. Прошу известить меня о месте и времени ее проведения — для личного участия.

Член СЖ СССР А. Н. Алексеев, 15.12.88

* * *

**Информация о протестном письме группы ленинградских писателей
(декабрь 1988)**

<...> 18 декабря 1988 г. на имя прокурора г. Ленинграда Д. Вережкина, в редакции газет «Известия» и «Ленинградская правда» от ленинградских писателей было послано письмо. В нем говорится:

¹⁴ Копии этого документа были направлены в прокуратуру г. Ленинграда и в Ленинградское управление КГБ.

«С тревогой узнали, что 14 декабря с. г. на квартирах пяти ленинградцев — Р. Евдокимова, Е. Подольцевой, Ю. Рыбакова, А. Скобова, В. Терехова — состоялись обыски».

Правоохранительные органы действовали на основе пресловутой статьи 70 УК РСФСР.

«Весь опыт применения этой статьи, — пишут авторы письма, — показывает, что людьми, подлинно порочащими советский государственный и общественный строй, были те свидетели, прокуроры, судьи, которые возбуждали и проводили политические процессы. Не книги А. Синявского и Ю. Даниэля принесли вред нашей стране, а процессы над авторами... А. Сахаров, А. Солженицын, которых преследовали подобным образом, признаны теперь совестью нашего народа...».

Авторы письма не присоединяются к идеям тех, у кого был произведен обыск (большинство из них члены ДС), но они протестуют против использования уголовных статей и репрессий в идейной борьбе... «Дело это должно получить огласку!».

Протест подписали:

М. Чулаки, А. Крестинский, Л. Анисимов, М. Глинка, Н. Катерли, В. Кавторин, В. Попов, Ю. Рыхтеу, Д. Гранин, К. Курбатов, В. Шефнер, А. Урбан, М. Борисова, Б. Стругацкий, В. Воскобойников. <...>

(Цит по: Инф. бюлл. «За НФ», 1989, № 2)

* * *

Из резолюции общего собрания организации «За Народный фронт», г. Ленинград (декабрь 1988)

<...> Возмущены обысками, проведенными на квартирах пятерых ленинградцев... Разделяем позицию, занятую в отношении этих обысков группой ленинградских писателей. Требуем немедленного и безусловного прекращения попыток уголовного преследования за политическое инакомыслие. <...>

21.12.88

* * *

СЗО (ЛО) ССА — в Ленинградский ОК КПСС (декабрь 1988)¹⁵

Как стало известно, следственный отдел УКГБ ЛО по представлению Ленинградской прокуратуры 13 декабря 1988 г. возбудил уголовное дело № 64 по признакам ст. 70 УК РСФСР.

Согласно сообщению начальника следственного отдела УКГБ ЛО тов. Черкесова и прокурора г. Ленинграда тов. Веревкина на брифинге 19 декабря для ленинградских журналистов, основанием для возбуждения уголовного дела послужили документы и печатные издания, которые, по мнению названных должностных лиц, содержат призывы к замене социализма капитализмом, к борьбе с существующим в СССР социальным строем, к отстранению КПСС от политической власти, трактуют политику Советского государства и партии как несостоятельную и т. п.

¹⁵ Копии этого документа были направлены в прокуратуру Ленинграда, в газеты «Известия», «Ленинградская правда», «Смена».

Комиссия по изучению общественных движений Северо-Западного (Ленинградского) отделения Советской социологической ассоциации считает своим долгом обратить ваше внимание на политическое значение случившегося.

Заканчивается четвертый год перестройки — год наиболее бурных дискуссий, в которые включилась вся партия и общественность страны, по самым важным и сложным вопросам нашей жизни: что такое социализм и каким образом его следует изменять, как следует изменять отношения собственности, политическую систему и т. д. В этих условиях вызывает недоумение попытка положить в основу возбуждения уголовного дела то или иное отношение к этим, всенародно обсуждаемым вопросам.

На брифинге для журналистов (на котором были два представителя нашей комиссии) было заявлено следующее: «Вы задаете вопрос, как мы будем судить, если не знаем, что такое социализм и т. п.? Правильно! Но мы для этого привлечем ученых и получим их официальное заключение». Мы считаем неприемлемой позицию представителя правоохранительных органов, которая позволяет мнению нескольких ученых о социализме приобрести силу государственного закона.

В настоящее время общественностью страны осознается необходимость изъятия признаков политического преступления, подобных указанным выше, из уголовного законодательства как противоречащих принципам правового государства. Сохранить предполагается единственный признак: призывы к применению насилия.

<...> Факт возбуждения уголовного дела по ст. 70 на четвертом году перестройки является, по нашему мнению, дискредитацией работы по строительству правового государства, а следовательно, объективно направлен на ослабление Советской власти в том ее понимании, которое намечено XIX партконференцией.

По поручению комиссии СЗО ССА по изучению общественных движений, председатель комиссии, к. ф. н. В. В. Костюшев

21.12.88

* * *

Из прокуратуры г. Ленинграда — В. Костюшеву (январь 1989)

На поступившую в прокуратуру г. Ленинграда копию письма по поводу необоснованного, по Вашему мнению, возбуждения уголовного дела по факту изготовления и распространения в Ленинграде документов, содержащих клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, сообщая, что, поскольку законодательством ст. 70 Уголовного кодекса не отменена, законных оснований у прокурора для отмены постановления следователя о возбуждении данного дела не имеется.

Прокурор Ленинграда, ст. советник юстиции Д. М. Веревкин
20.01.89

20.10. «Вызываю на судебную дуэль...». Интермедия

Ремарка: из опыта «перестроечных баталий».

...Вспоминается эпизод, почти анекдотический.

В начале 1989 г. рабочий Октябрьской железной дороги В. Харитонов (с которым меня свело участие в общественных объединениях рабочих «в поддержку перестройки») настойчиво, хоть и несколько наивно, добивался от партийных органов, чтобы против него было возбуждено судебное дело — «за оскорбление чести и достоинства» члена КПСС, начальника одного из подразделений ОЖД.

Этого последнего В. Х., отдавая себе отчет в своих словах, публично назвал «прохвостом» и выражал готовность доказать справедливость этого своего утверждения в суде.

Однако партия не вступилась за своего члена, а сам «оскорбленный» — предпочел не поднимать брошенную ему в лицо перчатку. (Март 2001).

**В. Харитонов, А. Батаев — секретарю ЦК КПСС В. Медведеву
(январь 1989)¹⁶**

Уважаемый тов. Медведев!

Мы не строим иллюзий насчет того, что с нашим письмом Вы ознакомитесь лично, но настаиваем на том, чтобы этим письмом занялся кто-либо из Ваших помощников. **Мы категорически против того, чтобы наше письмо было переслано работникам партийного аппарата гор. Ленинграда.**

Основанием для столь категорического требования является следующее:

— Беспартийный рабочий Харитонов сделал официальное заявление о том, что коммунист, руководитель дорожной базы обслуживания пассажирских вагонов Октябрьской железной дороги Р.¹⁷ является прохвостом и «дельцом», в худшем значении этого слова, исповедующим шкурнические интересы. Харитонов заявил, что готов представить необходимые доказательства.

После посещения заведующего отделом обкома КПСС тов. Кононова, инструктор Смольнинского райкома КПСС тов. Сурудин разъяснил Харитонову, что у нас в стране идет процесс демократизации, и поэтому каждый имеет право высказать свою точку зрения. Но райком КПСС точку зрения рабочего Харитонова не разделяет.

Товарищ Медведев!

Читая в печати Ваши выступления, мы в повседневной жизни стремимся руководствоваться Вашими заявлениями и указаниями. Вы неоднократно говорили о том, что социалистический плюрализм мнений — это прежде всего высокая ответственность за свои высказывания.

Мерзавец не может быть ни руководителем, ни тем более коммунистом. Если Р. — порядочный человек, то Харитонов в этом случае хулиган, пытающийся дискредитировать коммуниста-руководителя. Этот вопрос должен быть решен в судебном порядке.

Требование Харитонова возбудить против него судебное преследование, по статье оскорбление чести и достоинства коммуниста Р., отклонили все партийные органы г. Ленинграда. Мы убеждены в том, что партия и ее идео-

¹⁶ Документ публикуется в сокращении.

¹⁷ В оригинале документа указывалась фамилия.

логические работники никому и никогда не позволят подрывать авторитет партии. Ни изнутри — людям, своим моральным обликом не имеющим ничего общего с высоким званием коммуниста, ни извне — каким-либо «хулиганствующим элементам».

Поэтому суд над Харитоновым должен состояться! <...>

С глубоким уважением,

Харитонов В. С., Батаев А. П., 15.01.89¹⁸

Ремарка: накал страстей рубежа 1988-1989 гг.

Копии этого письма были отправлены его авторами также в газету «Правда» и в журнал «Коммунист». Читатель может счесть это пародией или шуткой. Но авторы — двое рабочих Октябрьской железной дороги — вовсе не шутили.¹⁹ (Март 2001—февраль 2005).

20.11. Возвращение в клуб «Перестройка»

**А. Алексеев — общему собранию клуба «Перестройка»
(декабрь 1988)**

Заявление

1. Как многим членам клуба известно, мною три месяца назад, в соответствии с возможностью, предоставляемой Уставом (п. 2.4), по своей инициативе было приостановлено членство в клубе «Перестройка».

Обстоятельства самого последнего времени, в частности, известное «Открытое письмо рабочих Ленинградского Металлического завода (написанное, понятно, не рабочими!) клубу «Перестройка» (Ленинградская правда, 18.12.88) побуждают меня сегодня **снять этот мораторий**. Испрашиваю у собрания согласия на то, чтобы вновь числиться членом клуба и даже (если собрание сочтет возможным) относиться к числу его «лидеров».

2. В условиях усилившегося в последнее время административно-идеологического нажима и начавшейся в ленинградских средствах массовой информации кампании против активистов демократического движения, думаю, что клуб «Перестройка» поступит правильно, если резко **расширит свои ряды**. В частности — путем возможного слияния с организацией «За Народный фронт», имеющей очень близкие с ним (клубом) ориентации, а на данном этапе перестройки — и просто совпадающие задачи.

¹⁸ В оригинале письма были указаны адреса и места работы подписавшихся.

¹⁹ Строго говоря, рабочий Харитонов предлагал возбудить против себя уголовное дело за ... **оскорбление** (ст. 131 УК РСФСР). И судебную тяжбу, если бы она состоялась, он вполне мог формально проиграть, поскольку распространены им были вовсе не сведения (соответствующие действительности или нет), а сильно эмоционально окрашенные **оценки** («прохвост», «мерзавец»...).

«Для признания в действиях виновного состава оскорбления не имеет значения, соответствует ли отрицательная оценка фактическому положению вещей. Если, например, лицо называет дураком потерпевшего, который, по единодушному мнению и многих других лиц, действительно неумен, то оскорбление тем не менее налицо» (Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. М.: Юридическая литература, 1984, с. 280).

Но правдоборец, как видно, не разбирался в юридических тонкостях и смутно различал нормы гражданского и уголовного законодательства. (См. об этом различии ранее: раздел 13.10).

3. В случае, если эта идея будет поддержана обеими организациями, могла бы быть образована объединенная общественно-политическая организация **«За демократическую перестройку»**. До проведения объединительного собрания можно было бы сформировать временное правление из двух советов — «Перестройка» и «За НФ», в полном их составе. <...>

4. Как мне стало известно, в кругах неформальной общественности Ленинграда бродят идеи о выдвижении меня в качестве кандидата в народные депутаты СССР на предстоящих выборах. Считаю своевременным заявить, что я сам безоговорочно **исключаю для себя такую перспективу**. <...>

А. Алексеев, член КПСС, член координационного совета Ленинградской организации «За Народный фронт»

24.12.88

20.12. Демократическое движение: хроника декабря 1988 года и взгляд в наступающий, 1989-й

По страницам Информационного бюллетеня организации «За Народный фронт», г. Ленинград (январь 1989)²⁰

— **6 декабря /1988 г.** — А. А./ в нашем городе создано Ленинградское еврейское историко-этнографическое общество. Основой его послужил неофициальный еврейский исторический семинар, действующий с середины 70-х годов.

— **10 декабря** ленинградцы, собравшиеся у Казанского собора, минутой молчания отметили День прав человека. Организаторы отказались от проведения митинга — это был день траура по жертвам землетрясения в Армении.

— **10 декабря** в Доме дружбы активисты «Мемориала», клуба «Перестройка», организации «За НФ», Клуба потребителей встретились с делегацией Социал-Демократической партии Германии (ФРГ) в составе депутата бундестага Норберта Гензеля, председателя партийного совета СДПГ, и Фреймуда Дуве, председателя культурного форума СДПГ. На встрече обсуждались причины, приведшие к массовым репрессиям в нашей стране, взаимодействие общественных организаций с партийными и государственными органами. В ходе дискуссии речь шла о защите прав граждан, о преодолении страха перед прошлым, настоящим и будущим, о перспективах и значении развития гласности и перестройки.

— **11 декабря** исполнилось 70 лет со дня рождения Александра Солженицына. В этот день в помещении «Клуба-81» прошел вечер, посвященный юбилею. С докладами выступили Г. Анищенко, А. Гурьянов, Б. Иванов. Присутствующие прослушали авторское чтение в записи. Демонстрировались редкие фотографии писателя. Участники семинара послали поздравительную телеграмму А. Солженицыну.

— **12 декабря** в ДК Ильича прошло очередное собрание общества «Мемориал». На собрании было зачитано письмо в Верховный Совет от имени координационного совета организации «За НФ» о проведении открытого слушания дела о репрессиях и о признании их преступлениями против человечества. Был произведен сбор подписей под обращением.

²⁰ Члены издательской группы Информационного бюллетеня организации «За Народный фронт», г. Ленинград: В. Долинин, Б. Иванов, Н. Кронов, Л. Мясина, Л. Грингауз.

— **12 декабря** в Ленинграде у здания горисполкома группа «Человек» провела не разрешенную демонстрацию в защиту прав инвалидов. Три участника демонстрации — в том числе руководитель группы Савицкий — были задержаны милицией.

— **14 декабря** состоялось первое организационное собрание членов «За НФ», проживающих в Кировском и Красносельском районах. Были зачитаны и обсуждены проекты декларации и устава организации. Такие встречи районных групп «За НФ» прошли в Петроградском, Василеостровском районах и объединенная — в Ленинском и Октябрьском.

— **17 и 18 декабря** состоялись встречи представителей народных фронтов Прибалтики с ленинградской интеллигенцией в клубе ЛГПИ, ЛГУ и в Доме писателей. Перед многочисленными аудиториями выступили К. Горндорф и М. Тармак — Эстония, В. Чепайтис и У. Казимирас — Литва, В. Дозорцев — Латвия. Все они — видные деятели общественного движения в прибалтийских республиках. Ленинградцы получили обстоятельные ответы на вопросы о том, как Народные фронты решают проблемы политики, экономики, культуры, экологии.²¹

— **19 декабря** в Ленинграде сформирован общественный комитет «Выборы-89». В обращении комитета к ленинградцам, в частности, говорится:

«От того, кто будет избран в народные депутаты, зависит судьба преобразований нашего общества. Наивно было бы думать, что эта возможность претворится в действительность в условиях, когда контроль и координация этого процесса сосредоточены в руках исключительно партийно-государственного аппарата, сложившегося в застойные годы. Единственной гарантией свободного волеизъявления народа может стать широкое включение общественности в избирательный процесс на всех его стадиях».

В обращении определены три направления в деятельности комитета: выдвижение в кандидаты сограждан, достойных доверия; участие в поддержке всех кандидатур, которые комитет признает достойными этого доверия; сбор и публикация материалов, освещающих ход избирательной кампании.

— **В конце года** в Ленинграде вышли в свет новые независимые машинописные издания «Феникс», «Источник» (философский сборник), «Февраль», «Соты», «Христианский детский сборник», «Аукцион».

* * *

...Старый, 1988 год войдет в историю страны как год пробуждения к гражданской жизни миллионов наших соотечественников и как дата рождения Народного фронта.

Мы в старом году расставались с иллюзиями о нашем прошлом, учились смотреть на настоящее, как на то, за что мы отвечаем, и поняли: наше будущее будет таким, каким мы его создадим. Мы учились думать, разговаривать, понимать друг друга, сотрудничать в общем деле, чтобы вернуть человеку достоинство, народу — власть, развитию — свободу.

Новый год будет годом новых гражданских инициатив, годом развертывания демократического движения в стране. И годом дальнейшего саморазоблачения аппаратной бесплодности. Народные фронты будут собирать и

²¹ Эти встречи под девизом «Политика из первых рук» были организованы «За НФ» в ответ на призыв эстонской интеллигенции бороться против дезинформации в освещении национально-демократического движения».

объединять силы демократической перестройки — и коммунистов и беспартийных, и рабочих, и академиков — всех граждан страны.

На этом пути организация «За Народный фронт» Ленинграда делает первые шаги. Но с нами подвижники перестройки! С нами готовность шаг за шагом расчищать дорогу народовласти! С нами традиции гуманизма и справедливости! С нами ветер перемен и творчества.

Объединение демократических сил народа непобедимо!

(Инф. бюлл. «За НФ» 1989, № 3, январь)

* * *

Решение Исполнительного комитета Ленинградского городского совета (апрель 1989)

В связи с тем, что в представленных в Исполком Ленсовета декларации и проекте Устава добровольного общественно-политического объединения «За Народный фронт», утвержденных на учредительном собрании (численностью 85 чел.), состоявшемся 5 февраля 1989 г., содержатся положения, противоречащие Конституции СССР, Конституции РСФСР, а также иным законодательным актам Советского Союза и республики, и допущены нарушения действующего порядка образования добровольного общества, Исполнительный комитет Ленинградского городского совета народных депутатов **решил**:

— отказать в утверждении Устава добровольного общественно-политического объединения «За Народный фронт».

Председатель Исполкома В. Я. Ходырев, секретарь Л. А. Ходченкова
3.04.89

(Цит. по: Северо-Запад, 1989, № 7)

* * *

Вместо заключения (Народный фронт)

Стоит заметить, что факт официальной регистрации/не регистрации общественно-политической организации «За Народный фронт» в то время — для этой организации и для всего демократического движения Ленинграда — уже не имел значения. В марте-апреле 1989 г. партийно-бюрократический аппарат получил сокрушительное поражение от демократических сил на выборах народных депутатов СССР (см. об этом в следующей главе).

А 17-18 июня 1989 г. в большом зале ДК пиццевиков состоялся первый, учредительный съезд Ленинградского народного фронта. В нем участвовали около 600 чел., представителей групп Народного фронта и поддержки перестройки, возникших к тому времени практически во всех районах города и в большинстве трудовых коллективов.

Первые шаги Ленинградского народного фронта и другие общественные события рубежа 80—90-х гг. ярко описаны в книге А. Я. Винникова — «Цена свободы» (СПб.: Библиополис, 1998), на которую уже приходилось ссылаться. (Октябрь 2003).

Глава 21. Выборы-1989

[Ниже — документы, относящиеся к кампании выборов народных депутатов СССР 1989 г. — А. А.]

21.1. Общественный комитет «Выборы-89»

Из статьи Б. Иванова «Наша цель — полновластие Советов», опубликованной в газете «Тартуский курьер» (1989)

<...> В заслугу организации «За Народный фронт» можно, без сомнения, поставить то, что для большинства ее членов уже в момент создания была ясна главная точка приложения их сил: выборы. Не ниспровергать существующие институты, а пустить в ход демократические механизмы, сделать их работу эффективной. Поэтому еще до начала избирательной кампании организация «За Народный фронт» выступила инициатором создания общественного комитета **«Выборы-89»**

Комитет включил в себя представителей не только нашей организации, но и клуба **«Перестройка»**, общества **«Мемориал»**, группы **«Альтернатива»**, творческих союзов, научных учреждений, коллективов НИИ и заводов. Комитет был открыт всем веяниям, воспринимал каждую гражданскую инициативу. И потому его действия отразили настроения и мысли ленинградцев. Предвыборная кампания раскрыла у многих горожан таланты организаторов, агитаторов, борцов за неукоснительное соблюдение закона. Не менее важно, что комитет «Выборы-89» организовал поддержку не только «своих» кандидатов, но и других сторонников демократической перестройки. <...>

(Тартуский курьер, 1989, № 1, 1-15 июня)

* * *

Из документов комитета «Выборы-89» (январь 1989)

Обращение к избирателям (1)

Предстоящие в марте 1989 года выборы народных депутатов СССР впервые за много десятилетий будут проходить в условиях заметно возросшей политической активности избирателей. Это позволяет надеяться на избрание таких депутатов, которые способны не только разработать, но и осуществить программы радикальных преобразований в экономической, политической, правовой и других сферах жизни общества — программы построения в нашей стране демократического социализма.

Но эта надежда может реализоваться только в том случае, если контроль и координацию избирательного процесса на всех его стадиях будут осуществлять, наряду с административным аппаратом, сложившимся в прежние годы, сами избиратели.

С этой целью в Ленинграде создан общественный комитет избирателей **«Выборы-89»**, в который вошли рабочие и инженеры, журналисты и писатели, ученые и представители самостоятельных общественных организаций. Главные направления практической деятельности комитета **«Выборы-89»** — содействие выдвижению в трудовых коллективах и по месту жительства кандидатов в народные депутаты — сторонников радикально-демократического пути осуществления перестройки; оказание таким кандидатам помощи в предвыборной кампании (консультирование, организация предвыборных собраний, агитация); подготовка и публикация материалов, осмысляющих ход избирательной кампании.

Комитет считает, что в основу программы оздоровления советского общества должны быть положены общечеловеческие, демократические, гуманистические идеалы, сформулированные Всеобщей декларацией прав человека, интересы защиты природы и культурно-исторических ценностей. Все законодательные акты, в том числе и Конституцию СССР, следует привести в соответствие с этими принципами. Комитет обращает внимание общественности также на необходимость проведения экономической реформы таким образом, чтобы это не сопровождалось понижением жизненного уровня трудящихся.

Комитет **«Выборы-89»** призывает к сотрудничеству представителей трудовых коллективов, творческих союзов, религиозных общин, официальных и самостоятельных общественных организаций, всех неравнодушных граждан.

Товарищи!

Выдвигайте кандидатами в народные депутаты активных сторонников демократических реформ, тех, кто ни при каких обстоятельствах не способен голосовать иначе, как по велению своей совести, по воле своих избирателей.

Комитет рекомендует к выдвижению в народные депутаты следующих ленинградцев:

Алексеев А. Н., социолог; **Беляев А. Н.**, экономист; **Богомолов Г. А.**, фрезеровщик; **Божков О. Б.**, социолог; **Васильев В. И.**, инженер; **Веселовский В. А.**, инженер; **Герман А. Ю.**, кинорежиссер; **Голов А. Г.**, науч. сотр.; **Гранин Д. А.**, писатель; **Дольский А. А.**, поэт; **Дьячков И. Н.**, директор ПО «Парголовский завод»; **Ежелев А. С.**, журналист; **Катерли Н. С.**, писатель; **Ковалев А. А.**, археолог; **Кожевников П. В.**, писатель; **Кравченко Г. А.**, рабочий; **Монахов В. Н.**, юрист, преподаватель; **Нестеров Ю. М.**, инженер; **Никольский Б. Н.**, писатель; **Ошурков А. Т.**, инженер; **Патенков А. Я.**, инженер; **Прошина Е. М.**, философ; **Рамм В. Г.**, инженер; **Салье М. Е.**, геолог; **Симакин Ю. А.**, композитор; **Сошников И. И.**, шофер такси;

Тронь А. Г.; **Тягушев В. М.**, рабочий; **Филиппов П. С.**, журналист; **Фролов Ю. В.**, преподаватель; **Чулаки М. М.**, писатель.

(Принято на собрании общественного комитета «Выборы-89» 4.01.89)

* * *

Обращение к избирателям (2)

Товарищи!

Выдвижение кандидатов в народные депутаты СССР в ленинградских трудовых коллективах все более превращается в «игру в одни ворота». Все больше фактов, когда трудящимся препятствуют инициативно предлагать свои кандидатуры, не согласованные с начальством. Уже есть случаи откровенного давления на тех, кто выдвигает, и на тех, кого выдвигают, вплоть до шантажа.

В этих условиях, если Вы не хотите, чтобы опять, как прежде, состоялись «выборы без выбора», действуйте!

Знайте, если правомочное собрание хотя бы одного подразделения Вашего предприятия, учреждения, организации предложит своего кандидата (не обязательно, чтобы он был работником этого подразделения и даже этого предприятия) совет трудового коллектива предприятия **обязан** собрать конференцию трудящихся всего предприятия для рассмотрения этой кандидатуры.¹

Добивайтесь честных, не сфальсифицированных выборов делегатов на конференцию трудового коллектива. Пусть конференция непосредственно изберет представителей коллектива для участия в окружном предвыборном собрании. Ваша конференция также может и должна принять резолюцию, чтобы в избирательных бюллетенях было более одного кандидата.

Осталось 10 дней до окружных предвыборных собраний. Там тоже будут пытаться организовать «игру в одни ворота» и «одобрямс» угодному верхам кандидату. Но нужно, чтобы там рассматривались и кандидатуры, выдвинутые Вашим коллективом. Если Вы ничего для этого не делаете — Вы отдадите выборы на откуп бюрократии.

Общественный комитет «Выборы-89» (Справки по тел.: <...>)

14.01.89

* * *

Из статьи «Барьеры на пути демократии или поучительные итоги первого этапа избирательной кампании», опубликованной в инф. бюллетене «Выборы-89» (январь 1989)

<...> Еще до начала избирательной кампании было ясно, что вымуштрованный за годы застоя аппарат исполкома постарается направить и эти выборы по наезженной колее, не допустить выдвижения кандидатов в народные депутаты, которые были бы способны осуществить радикаль-

---

¹ См., например, ситуацию с выдвижением Г. А. Богомолова на «Ленполиграфмаше», описанную ниже.

ные социальные, политические и экономические преобразования. Поэтому рабочие, инженеры, ученые, представители творческих союзов и самостоятельных организаций объединили силы в общественном комитете избирателей «Выборы-89». Его цель — содействие выдвижению по месту жительства и в трудовых коллективах сторонников радикальной демократической перестройки.

4 января [1989 г. — А. А.] в Доме писателей прошло представительное собрание, где получили поддержку 35 возможных кандидатов. <...> Это было не выдвижение кандидатов, а скорее их моральная поддержка.

Комитет «Выборы-89» распространил по городу списки кандидатов. Он обратился в окружную избирательную комиссию по национально-территориальному округу № 19 с просьбой содействовать проведению собраний жителей Ленинграда для выдвижения кандидатов в народные депутаты. И получил отказ — собрание в Доме писателей члены комиссии назвали частным сборищем, а предложение провести собрание жителей по выдвижению кандидатов член комиссии декан юридического факультета ЛГУ, доктор юридических наук А. Королев определил как «противоречащее закону» (!).

Однако комитет не пал духом. Тем более, что с предприятий стали поступать сведения: на собраниях и конференциях трудовых коллективов инициативные группы намерены выдвинуть кандидатов из этого списка.

Коллективный член комитета «Выборы-89» межпрофессиональный клуб «Перестройка» организовал в ДК им. Ленсовета консультационный центр для инициативных групп и кандидатов. Экономисты, юристы, социологи разработали рекомендации по экономике, самоуправлению, праву, экологии, межнациональным отношениям, помогающие кандидатам во время дискуссий «быть в форме». Советы по процедуре подготовки собраний в трудовых коллективах позволили избежать многих проколов, которых не простили бы окружные избирательные комиссии.

Другой коллективный член комитета «Выборы-89» — организация «За Народный фронт» собирала сотни подписей под коллективными заявлениями избирателей о проведении собраний по месту жительства, анализировала «тактику отказов» избирательных комиссий. Эта информация и опыт инициативного выдвижения кандидатов на собраниях трудовых коллективов послужили исходным материалом для анализа нарушений Закона о выборах народных депутатов СССР, успехов и провалов демократических сил на первом этапе избирательной кампании.

(Инф. бюлл. «Выборы-89», 1989, № 1)

21.2. Один из способов ослабить бюрократический заслон, выставленный против «неудобных» кандидатов

Открытое письмо участникам демократического движения Ленинграда (январь 1989)

Коллегам, единомышленникам, друзьям

Уважаемые товарищи!

Прошло уже три недели избирательной кампании.

<...> В ряде трудовых коллективов, включая такие, как Металлический, Невский, Балтийский заводы, состоялись собрания (конференции) по выдвижению кандидатов в депутаты по территориальным округам. Выдвижение от трудовых коллективов продолжается. Выдвижение от общественности по месту жительства пока не началось.

<...> Существенно новым обстоятельством, ставшим очевидным после опубликования материалов январского (1989 г.) Пленума ЦК КПСС, является перспектива для **всех** местных (ленинградских) руководителей баллотироваться исключительно по территориальным округам. В итоговый список кандидатов от КПСС они не вошли. Другого пути в Верховный Совет, как через выборы по округам, у них теперь нет.

В этих условиях бюрократический аппарат предпринимает тем большие усилия, чтобы овладеть предвыборной ситуацией. Кое-какие прорывы бюрократической цепи, тем не менее, состоялись. Сорвались попытки выдвижения в трудовых коллективах ряда депутатов нынешнего Верховного Совета. Было несколько успешных (на начальном этапе) инициативных выдвижений кандидатов «снизу».

Уже есть факты откровенного давления на «неудобных» кандидатов (вплоть до шантажа).

<...> Не далее как сегодня, 12 января 1989 г., зав. организационно-инструкторским отделом Ленгорисполкома В. Розов на встрече со слушателями курсов подготовки идеологического актива, участвующего в агитационно-массовой кампании по выборам (аудитория — не менее 300 чел.), распространял не соответствующую действительности и порочащую информацию о деятельности нашего общественного комитета «Выборы-89».

На сегодня имеются лишь 2-3 случая состоявшегося выдвижения от трудовых коллективов кандидатов из числа рекомендованных комитетом «Выборы-89».

В списке рекомендованных (30 чел.) на собрании в Доме писателей им. Маяковского 4 января 1989 г., как известно, есть и моя фамилия. Участники упомянутого собрания, думаю, помнят мое заявление о том, что я лично не намерен баллотироваться кандидатом в народные депутаты СССР, поэтому считаю мое выдвижение нецелесообразным. Мое заявление было принято к сведению, но в списке моя фамилия все же осталась.

Обстоятельства последнего времени (выступления средств массовой информации, своего рода мифологизация личности А., моя собственная общественная активность) сложились так, что в кругу гражданственно ориентированных людей я оказался одной из приоритетных, для выдвижения кандидатом в народные депутаты, фигур. Были попытки выдвижения моей кандидатуры от КПСС (инициатива партийного бюро Ленинградской консер-

ватории, встретившая энергичное противодействие сверху). Впрочем, для меня такое выдвижение было исключено, уже в силу политического неприятия мною самого принципа избрания депутатов в высший представительный орган страны — по «квоте» общественных организаций (включая КПСС).

В последнюю неделю-две ко мне обращались до десятка знакомых и не знакомых мне людей, заявлявших, что в их коллективах есть инициативные группы, желающие выдвинуть мою кандидатуру. Я всем отвечал то же самое, что заявлял с трибуны Дома писателей 4 января, т. е. тормозил эти инициативы.

А теперь, друзья, я хочу повиниться перед Вами... Не пришло мне сразу в голову, что отсутствие личных планов политической карьеры вовсе не исключает возможности моего участия в избирательной кампании — не ради фактического избрания, а для **противодействия** заведомо чиновным и «шестерочным» кандидатам либо для **поддержки** других кандидатов, которых мы хотим видеть в высшем законодательном органе страны.

Видится мне это так. Всякий трудовой коллектив или собрание жителей, которые сочтут мою кандидатуру подходящей, могут выдвинуть ее (даже в случае моего отсутствия на собрании). Ничто не мешает мне снять свою кандидатуру, но не раньше, чем **на окружном предвыборном собрании**, куда я, естественно, буду приглашен, наряду с представителями выдвинувшего меня коллектива.

Это участие в окружном предвыборном собрании позволит:

а) если на нем будут рассматриваться кандидатуры, заслуживающие моего (нашего) противодействия, — сделать это;

б) если же, кроме моей кандидатуры, будет фигурировать еще и другая, близкая мне «по духу», то это вообще оптимально. Тогда я использую столь «забаррикадованную» бюрократией трибуну собрания — **для поддержки идейно близкого мне кандидата** и заявляю о своей готовности стать его «доверенным лицом» (а свою кандидатуру при этом, естественно, снимаю).

В этом последнем случае можно рассчитывать на повышение шансов у сторонников демократической перестройки войти в число зарегистрированных кандидатов.

<...> Не имея сейчас другого «потенциала», кроме накопленного морально-политического авторитета, я хотел бы — таким способом — положить его на чашу весов нашей перестройки.

Надеюсь, что это мое обращение к коллегам, единомышленникам, друзьям — будет воспринято так же адекватно, как и мое раннее, более простое заявление...

Неизменно Ваш, Андрей Алексеев, 12.01.89

* * *

[В январе 1989 г. в ответ на поступившую от различных инициативных групп информацию о намерении выдвинуть его в качестве кандидата в народные депутаты СССР, автор призывал выдвигать «вместе с собой» также кандидатуру академика Сахарова. При этом потенциальный кандидат предполагал воспользоваться трибуной окружного предвыборного собрания для агитации за кандидатуру А. Д. Сахарова. — А. А.]

А. Алексеев — Николаю Трегубу. (январь 1989)**Телеграмма (1)**

Калининград областной. Н. Трегубу

Друзья 18 января Президиум Академии наук забаллотировал тайным голосованием в качестве кандидата в народные депутаты СССР академика Андрея Дмитриевича Сахарова тчк Факт позорный для Академии и требующий наших действий тчк Убедительно прошу вместо моей кандидатуры или наряду с ней выдвинуть академика Сахарова кандидатом в народные депутаты по национально-территориальному округу № 20 тчк Ближайшие подсобные материалы двуеточие его статья в сборнике Иного не дано под редакцией Юрия Афанасьева Москва Прогресс 1988 зпт публикация Юрия Роста Академик в Литературной газете № 46 1988 тчк Выдвижение от одного собрания более чем одного кандидата в один и тот же избирательный округ допускается законом тчк Прецеденты уже есть тчк В случае противодействия выдвигайте единственную кандидатуру Сахарова тчк Это было бы вашим лучшим вкладом в демократическую перестройку тчк = Ваш Андрей Алексеев 19.01.89

* * *

Телеграмма (2)

Калининград областной. Н. Трегубу.

В дополнение к телеграмме от 19 января сообщаю что программа Андрея Дмитриевича Сахарова опубликована в журнале Новое время № 45 а также подробнее в декабрьском приложении к этому журналу Перестройка и права человека = Андрей Алексеев 20.01.89

* * *

Из протокола заседания бюро Северо-Западного (Ленинградского) отделения Советской социологической ассоциации (январь 1989)**Протокол № 1. 29.01.89**

Присутствуют: Алексеев, Баранов, Вейхер, Гишинский, Голофаст, Докторов, Максимов, Межевич, Мирошниченко, Румянцева, Русалинова, Саганенко, Фирсов (члены бюро); Костюшев, Лебедев (члены ССА), Федотова (член Президиума ССА).

Повестка дня: Выдвижение кандидатов в народные депутаты СССР.

Председательствующий Б. З. Докторов: Наше заседание сегодня — внеочередное и создано по предложению инициативной группы из состава членов бюро в количестве 7 чел. Из 19 членов бюро присутствуют 13. Кворум имеется. Кто за данную повестку дня? Голосуют только члены бюро... Повестка дня принята единогласно.

Слово предоставляется зам. председателя бюро СЗО ССА Алексееву, для информации.

А. Н. Алексеев: Информировать о предусмотренном Законом о выборах народных депутатов СССР (ст. 37) праве органа общественной организации выдвигать кандидатов в депутаты по избирательным округам. Информировать о результатах выдвижения кандидатов в народные депутаты СССР на расширенном заседании

Президиума АН СССР 18 января 1989, где по итогам тайного голосования не получила поддержки большинства участников кандидатура академика Сахарова. Предлагает выдвинуть Андрея Дмитриевича Сахарова кандидатом по Смольнинскому территориальному избирательному округу г. Ленинграда № 58.

М. Н. Межевич: Выдвигали ли А. Д. Сахарова по другим избирательным округам? Есть ли его согласие на то, чтобы мы его выдвинули?

В. В. Костюшев: Известно, что академика Сахарова собираются выдвигать в народные депутаты СССР также в гор. Москве и в гор. Горьком.

Алексеев: Выдвижений может быть неограниченное количество. Официального согласия от кандидата на данном этапе избирательной кампании не требуется.

Б. М. Фирсов, П. Н. Лебедев, А. П. Федотова в своих выступлениях поддерживают кандидатуру Сахарова.

Докторов: Возражений нет? Вносим кандидатуру А. Д. Сахарова в список для голосования.

Б. И. Максимов: Предлагает выдвинуть также и вторую кандидатуру в народные депутаты СССР по избирательному округу № 58 — А.Н. Алексеева.

Г. И. Саганенко: Я слышала, что Алексеева выдвигали или собирались выдвигать кандидатом в народные депутаты СССР на нескольких собраниях и он снимал свою кандидатуру. Так ли это?

Алексеев: Я неоднократно заявлял о неприемлемости для меня выдвижения кандидатом в народные депутаты в составе «квоты» от КПСС, по принципиальным соображениям. Что касается выдвижения кандидатом по какому-либо избирательному округу, то я свою кандидатуру не снимал хотя бы потому, что официальных выдвижений на собраниях трудовых коллективов или по месту жительства пока не было. По крайней мере, я о таких собраниях не знаю. На поступающие ко мне предварительные запросы от инициативных групп я предлагал выдвигать вместо меня или параллельно со мной — кандидатуру академика Сахарова.

Докторов: Поддерживает кандидатуру Алексеева. Возражений нет? Вносим кандидатуру Алексеева в список для голосования. Есть ли предложения о выдвижении еще каких-либо кандидатур? Нет. Обсуждение имеющихся кандидатур в сущности уже состоялось, по ходу выдвижения. Есть ли еще желающие высказаться по выдвинутой кандидатуре? Нет. Как будем голосовать — открытым или тайным голосованием? Есть предложение провести тайное голосование. Возражений нет.

Избирается счетная комиссия в составе: А. А. Вейхер, Г. И. Саганенко, П. Н. Лебедев. (Перерыв для работы счетной комиссии).

Проводится тайное голосование. (Перерыв для работы счетной комиссии).

Председатель счетной комиссии А. А. Вейхер зачитывает протокол счетной комиссии № 2: Роздано членам бюро СЗО ССА бюллетеней — 13; приняли участие в голосовании — 13; недействительных бюллетеней нет. Результаты голосования: Сахаров А. Д.: за — 13, против — нет; Алексеев А. Н.: за — 13, против нет.

Протокол счетной комиссии утверждается единогласно.

Оформление документов для передачи в Смольнинскую окружную избирательную комиссию № 58 поручено А.В. Баранову.

Председатель собрания, председатель бюро СЗО (ЛО) ССА Б.З. Докторов
Секретарь собрания Г. А. Румянцева

* * *

Из газеты «Известия» (январь 1989)

22 января 1989 г. в Белом зале Центрального дома кинематографистов состоялось собрание по выдвижению в народные депутаты СССР по Московскому избирательному округу № 1 академика **Андрея Сахарова**. Кандидатура академика Сахарова была выдвинута инициативной избирательной группой движения «Мемориал».

Олег Орлов представил Андрея Сахарова собравшимся в зале, рассказал о его жизненном пути. Затем академик выступил со своей избирательной программой, которая неоднократно прерывалась аплодисментами. В числе сказавших слово об Андрее Сахарове были писатель Алесь Адамович, поэтесса Сильва Капутикян. Андрей Дмитриевич ответил на многочисленные записки из зала.

Академик Сахаров единогласно открытым голосованием утвержден кандидатом в народные депутаты по Московскому национально-территориальному округу № 1.

Кроме того, кандидатура А. Сахарова выдвинута также по Московскому национально-территориальному округу № 2 и по ряду других избирательных округов.

(Известия, 28.01.89)

* * *

Из «Записей для памяти» (январь 1989)

<...> В Ленинграде кандидатура академика Сахарова была выдвинута: — по Ленинградскому национально-территориальному округу № 19 — на конференции Физико-технического института им. Иоффе, 23.01.89;

— по Смольнинскому избирательному округу № 58 г. Ленинграда — на собрании ИСЭП АН СССР, 23.01.89;

— по тому же округу — на собрании (заседании) бюро СЗО (ЛО) ССА, 29.01.89.

Первое сообщение о выдвижении академика Сахарова по Московскому национально-территориальному округу № 1 в центральной печати имело место в «Комсомольской правде», 27 января 1989 г.

(Записано в конце января 1989 г.)

21.3. Будни избирательной кампании

**Общественный комитет «Выборы-89» —
в Центральную избирательную комиссию
по выборам в народные депутаты СССР (январь 1989)²**

Требуем немедленного разъяснения в средствах массовой информации заявления Н. Корсунского, сделанного в статье «Прерванный ре-

---

² Копии этого документа были отправлены в газеты «Ленинградская правда», «Известия», «Комсомольская правда».

портаж» (Ленинградская правда, 14.01.89) о том, что на окружном предвыборном собрании Кировского района «из четырех претендентов... лишь **один** будет выдвинут кандидатом в народные депутаты СССР». Отсюда следует, что избиратели Кировского территориального округа № 51 г. Ленинграда будто бы получают на руки бюллетень с одной фамилией и что фактические «выборы» будут проведены самим окружным предвыборным собранием.

На каком основании Л. Корсунский сделал такое заявление? Что это — решение окружной избирательной комиссии по округу № 51 или общее правило? Если решение комиссии по округу № 51 правомочно, то аналогичные решения могут быть приняты и во всех остальных избирательных комиссиях.

Таким образом <...> мы можем придти к старой антидемократичной, унижающей достоинство гражданина и вполне бесправной форме «выборов без выбора». Это недопустимо, это — дискредитация перестройки. Нельзя превращать в фарс выборы народных депутатов первого съезда, выборы, громогласно провозглашенные шагом вперед на пути демократизации нашего общества. <...>

Подписи членов общественного комитета «Выборы-89»
(Январь 1989)

* * *

Из информационного бюллетеня организации «За Народный фронт» (январь 1989)

<...> 14 января за подписью членов КС «За НФ» и других представителей комитета «Выборы-89» в Центральную избирательную комиссию <...> Ю. Н. Кондратьева доставила письмо <...> [см. выше. — А. А.]. Результатом поездки Ю. Кондратьевой в Москву можно считать решение ряда окружных комиссий о проведении собраний по месту жительства по выдвижению кандидатов в народные депутаты. <...>

(Инф. бюлл. «За НФ», 1989, № 3)

* * *

<...> 17 января инициативная группа, поддерживающая кандидатуру А. Ошуркова, инженера Ижорского завода, получила уведомление о том, что телеграмма протеста, которую она послала М. С. Горбачеву, вручена. Повод для протеста — отказ избирательной комиссии разрешить собрание по месту жительства по выдвижению кандидатом в народные депутаты А. Ошуркова. Ошурков — единственный оппонент [конкурент. — А. А.] мэра нашего города В. Я. Ходырева. Избирательная комиссия, вероятно, решила не допускать в округ других кандидатов.

18 января в комиссию было подано второе заявление, подписанное более чем 1000 жителями Колпинского округа. 20 января вновь получен отказ. Л. А. Мялина³ решила оказать содействие общественности — в

³ Член редколлегии Инф. бюллетеня организации «За НФ».

газету «Известия» направила письмо с описанием грубейших нарушений комиссией положений Закона о выборах». <...>

(Инф. бюлл. «За НФ», 1989, № 3)

* * *

Из письма В. Белякова в ленинградскую газету (январь 1989)

«Не связывайся с ними», — говорят мне знакомые и незнакомые люди, когда я собираюсь написать правду о безобразиях на собрании по месту жительства по выдвижению кандидата в народные депутаты СССР в Колпинском районе г. Ленинграда 23 января 1989 г. в кинотеатре «Пламя», ответственность за которые ложится на руководящих работников Колпинского района.

Но как же молчать, когда со стороны этих руководящих работников просматривается нарушение статьи 13 Закона о выборах — препятствие путем обмана или иным путем осуществлению права граждан СССР избирать и быть избранным, вести предвыборную агитацию?

Неужели не обман — заполнить зал «своими», т. е. сторонниками В. Ходырева⁴ до прихода «чужих» — сторонников А. Ошуркова? Неужели не обман — назначить время «чужим» 17-30 <...>, а «своим» — 16-30? <...> Неужели честно и порядочно организовывать прибытие «своих» специальными автобусами, в рабочее время?

<...> Но организаторы собрания просчитались. Люди, пришедшие в кинотеатр «Пламя» с 17-00 до 17-30, возмутились наглым обманом и прорвались в зал сквозь заслоны дружинников и милиции и изменили ход собрания. Может все-таки стоит признать, что эти «чужие» — не кто иной, как наш народ. И признать, что народ может иметь свое мнение.

<...> Следует отметить, что лишь по счастливой случайности в давке никто серьезно не пострадал. Но ни один из руководителей района и его предприятий не осудил на собрании действий исполкомовских и прочих организаторов собрания. Как выяснилось, они, наоборот, хотят продолжить свой обман и обвинить инициативную группу в поддержку Ошуркова, а также всяких неформалов.

Это подтверждает статья В. Дубровского в газете «Ижорец» от 31 января — «За кого и как голосуем». Он пишет о тактике действий на этом собрании неназванных неформалов: «Если их меньше, цель — помешать нормальному развитию событий. Ну, а если больше — отбрасывают в сторону остатки приличия».

<...> Я понимаю, граждане обманщики, что у вас очень много возможностей расправиться со мной и такими, как я, но, занимаясь этим постыдным делом, вы только отнимете у людей время от строительства лучшей жизни и покроете позором себя в глазах народа и своих детей.

Одумайтесь! Ведь все нормальные люди понимают, что ложь ведет в тупик.

Беляков В. Г., электромонтер ПО «Ижорский завод»

Январь 1989

⁴ Тогдашний председатель Ленинградского горисполкома.

* * *

**Из информационного бюллетеня организации
«За Народный фронт», (январь 1989)**

<...> 29 января. Среди кандидатов по этому округу, кроме председателя Ленгорисполкома В. Я. Ходырева, выдвинуты, несмотря на противодействие властей инженер Ижорского завода А. Ошурков и сотрудник НИИФА Г. Трубников. <...>

(Инф. бюлл. «За НФ», 1989, № 3)

* * *

Из книги А. Винникова «Цена свободы» (1998)

<...> Я помню две схватки этой предвыборной борьбы — противостояние Соловьеву и Большакову.⁵ На них демократы бросили все силы, которых было немного, и в результате не смогли помешать пройти в Петроградском районе мало кому известному в то время Гидаспову. Между тем его выдвижение было связано с эпизодом, который мог бы натолкнуть нас на размышления. Дело в том, что противостоять Гидаспову должен был Володя Рамм⁶, однако на окружном предвыборном собрании, где Рамма «отсеяли», была такая плотность внештатных и штатных сотрудников, милиции и КГБ, что даже Володину дочь [Татьяна Рамм. — А. А.], молодую девушку, которая пыталась пройти в зал, грубо вышвырнули наружу. Когда она попыталась защищаться, то ей тут же «оформили дело» о том, как она якобы избивала двух здоровых дружинников. При всей смехотворности обвинения, оно было рассмотрено судом и девочка была приговорена к исправительно-трудовым работам. Ни старания адвокатов, ни выступления в прессе, ни апелляции к международной общественности не смогли изменить ход дела. Причины такой мощной поддержки Гидаспова стали понятны несколько позже, когда он занял кресло первого секретаря обкома КПСС вместо «не получившего народной поддержки» Ю. Ф. Соловьева. <...>

(А. Я. Винников. Цена свободы. СПб.: Библиополис, 1998, с. 63)

21.4. «Выборы-89»: кто из кандидатов выдвинут «снизу»?

**Из информационного бюллетеня организации
«За Народный фронт» (январь 1989)**

<...> 25 января координационный совет [организации «За НФ». — А. А.] провел совместное заседание с координаторами районных групп. Присутствовали активисты избирательной кампании. Было признано, что, несмотря на несовершенство Закона о выборах, трудности, созданные не перестроившимся аппаратом, избирательная кампания сопровождается ростом гражданской сознательности и активности ленинградцев. Не менее 20 кандидатов, имеющих программы, близкие организации «За НФ», было выдвинуто в народные депутаты от различных коллективов. Поддержку получили три члена «За НФ»: Г. А. Богомолов, М. Е. Салье, П. С. Филиппов. Принято ре-

⁵ Ю. Ф. Соловьев — первый секретарь Ленинградского обкома КПСС; А. А. Большаков — заместитель председателя Ленгорисполкома.

⁶ О Владимире Григорьевиче Рамме см. ранее: раздел 19.5.

шение принять активное участие в очередной стадии избирательной кампании — в выдвижении делегатов на окружные предвыборные собрания и в формировании участковых избирательных комиссий. Было поддержано предложение провести городской митинг, посвященный первым итогам избирательной кампании (отв. — Н. Корнев, М. Эрперт, В. Антошин).

(Инф. бюлл. «За НФ», 1989, № 3)

* * *

Из документов общественного комитета «Выборы-89» (январь 1989)

Итоги I-го этапа предвыборной кампании

Согласно собранной к настоящему времени от инициативных групп информации, по итогам выдвижения кандидатов в народные депутаты СССР на собраниях трудовых коллективов и по месту жительства выдвинуты «снизу» следующие граждане, в чьей решимости проводить действительные социальные, политические и экономические реформы нет оснований сомневаться:

№ округа	Название округа	Кандидаты, выдвинутые «снизу»	Всего кандидатов по округу
46	Ленинский-Октябрьский	—	5
47	Василеостровский	М. Салье , д. г.-м. н., пред. клуба друзей журнала «Огонек» А. Собчак , д. ю. н., зав. каф. ЛГУ С. Подобед , кочегар	10
48	Выборгский	Е. Прошина , к. ф. н., пред. Лен. «Мемориала» Г. Богомолов , лауреат Гос. премии, фрезеровщик, член КС организации «За Народный фронт»	7
49	Калининский	Н. Смирнов , пред. СТК ЛОМО	2
50	Политехнический	П. Филиппов , корр. журнала «ЭКО», член совета клуба «Перестройка»	4
51	Кировский	Б. Зеликсон , н. сотр., активист дем. движения с 70-х гг.	5
52	Колпинский	А. Ошурков , к. т. н., инженер Ижорского завода Г. Трубников , н. сотр. НИЭФА	6
53	Красногвардейский	—	3
54	Московский	Ю. Болдырев , инженер НИИ Б. Гусаков , н. сотр. Института озераведения	6

55	Невский	—	1
56	Петроградский	А. Герман , кинорежиссер А. Черкасов , д. б. н., Институт особо чистых препаратов Пасечник Копейкин , вед. конструктор объединения «Вектор»	9
57	Приморский	Н. Шмелев , д. э. н., ИМЭМО, публицист	3
58	Смольнинский- Куйбышевский- Дзержинский	Б. Никольский , гл. редактор журнала «Нева» О. Здасюк , пред. СТК, зав. отделом института «Ленхиммаш»	10
59	Фрунзенский	В. Кабаков , д. э. н., ректор ЛИЭИ В. Монахов , к. ю. н., ст. препода- ватель ЛИЭИ, член совета клуба «Перестройка»	6
19	Ленинградский нац.-терр.	М. Чулаки , писатель А. Сахаров , академик А. Дольский , артист, экономист	

Примечание: В списке возможны и вероятны неточности. Данные — предварительные.

Не приходится сомневаться в том, что бюрократический аппарат делает все для того, чтобы окружные предвыборные собрания поставили перед этими кандидатами шлагбаум и не допустили их до участия в выборах народных депутатов СССР.

Сост.: А. Алексеев
(Конец января 1989 г.)

Ремарка: что было потом.

Этот список, действительно, был существенно «прорежен» и укорочен окружными предвыборными собраниями, наделенными, согласно новому Закону о выборах, таким правом. Указанные собрания проходили под мощным давлением властей, при всевозможных нарушениях Закона о выборах, и избивали драматическими эпизодами. К участию в окружных собраниях допускались только уполномоченные («делегаты») от трудовых коллективов и от собраний по месту жительства (при том, что было много фальсификаций).

Лично участвовать хотя бы в одном из таких собраний автору не довелось. (Март 2001).

* * *

Из документов общественного комитета «Выборы-89» (февраль 1989):

Обращение

Товарищи делегаты окружного собрания!

Вам поручили сделать выбор за сотни тысяч избирателей и отсеять кандидатов, неугодных аппарату. Это удар по демократии.

Граждане должны сами решать, кому быть народным депутатом СССР. Призываем вас прислушаться к голосу совести и зарегистрировать **всех кандидатов**, не взявших самоотвод.

Стране нужны принципиальные и компетентные люди, не запятнавшие себя служением административно-командной системе и способные провести в нашем государстве решительные преобразования.

Общественный комитет «Выборы-89»
(Февраль 1989)

21.5. Один месяц из жизни Геннадия Богомолова (эпизод предвыборной кампании 1989 г.)

Несколько вступительных слов

О моем друге и побратиме, фрезеровщике «Ленполиграфмаша» Геннадии Александровиче Богомолове уже не раз шла речь на страницах этой книги.⁷

Г. Богомолов был героем многих публикаций в прессе, как «доперестроечного», так и «перестроечного» времени. Ему были посвящены два фильма Ленинградской студии документальных и хроникальных фильмов («Ищу соперника», 1979; «Конфликт», 1987) и документальная повесть А. Ежелева «Лучший из грехов» (М.: Известия, 1988).⁸

Ниже — композиция документов, относящихся к эпизоду выдвижения Геннадия Богомолова кандидатом в народные депутаты СССР. (Март 2001).

Из заводской газеты (январь 1989)

Навстречу выборам. Прошли собрания в подразделениях

<...> На состоявшемся в цехе № 6 собрании рассмотрен вопрос о выдвижении фрезеровщика цеха № 8 Г. А. Богомолова кандидатом в народные депутаты СССР.

⁷ См. ранее, в томе 2: раздел 8.5; в томе 3: разделы 15.9 и 16.4, а также приложение 3 к главе 16.

⁸ В дополнение к сказанному, перечислю лишь некоторые из газетных публикаций 70–80-х гг.: Ежелев А. Лучший из грехов // Известия, 1.03.75; Ежелев А. Не корысти ради // Известия, 3.07.75; Ежелев А. За чертой достигнутого // Известия, 27.12.75; Ежелев А., Казутин Д. Слава тебя найдет // Известия, 26.09.85; Почин С. Разлад // Ленинградская правда, 28.12.86; Почин С. После разлада // Ленинградская правда, 5.06.87; Ежелев А. Исключение // Известия, 25.09.87.

Г. А. Богомолов изложил свою предвыборную платформу, ответил на вопросы присутствовавших.

Из участвующих в собрании 104 работников цеха кандидатуру поддержали 95 человек, четверо проголосовали против, пятеро — воздержались.

Многие из работников ОАСУ *[отдел автоматических систем управления. — А. А.]* знакомы с Г. А. Богомоловым еще со времени совместной работы над освоением станков с программным управлением. С интересом выслушали его предвыборную платформу. Все присутствовавшие — 55 человек проголосовали в поддержку кандидата.

Предвыборное собрание прошло в цехе № 2. В нем приняли участие 98 человек. 94 проголосовали в поддержку кандидатуры Г.А. Богомолова, 4 — против.

Обсуждая предвыборную платформу Г. А. Богомолова, участники собрания, состоявшегося в ОКБ, во многом поддержали ее. <...>

По результатам голосования, в котором приняли участие 126 человек, кандидатуру Г. А. Богомолова поддержали 115 человек, 4 выступили против, 6 — воздержались.

(Трибуна машиностроителя, 25.01.89)

* * *

Чье мнение выразил СТК?

Среди других вопросов, рассмотренных на заседании СТК *[совета трудового коллектива. — А. А.]* объединения, состоявшемся 19 января, был и вопрос о созыве конференции по выборам кандидата в народные депутаты СССР.

Как сообщил членам совета заместитель председателя СТК, регулировщик аппаратуры цеха № 10 Г. Н. Матеренко, на прошедших в цехах и отделах собраниях была поддержана кандидатура фрезеровщика цеха № 8 Г. А. Богомолова. В ОГТ он получил 45 голосов, в ОАСУ — 55, в цехе № 6 — 95, в ОКБ — 115, в КБ — 85.

Представители СТК цехов № 8, 2 и 1 дополнили сделанное сообщение тем, что претендент на выдвижение кандидатом получил поддержку и в этих коллективах.

Слова попросил заместитель генерального директора по кадрам и социальным вопросам В. Л. Пономарев.

— Вопрос о выдвижении кандидатом в депутаты надо решать исходя из общественной деятельности человека в коллективе, — считает он. — Г. А. Богомолов ничем себя не проявил, даже в группе народного контроля, которую возглавляет, работу не организовал.

— Решение Г. А. Богомолова о выдвижении своей кандидатуры в народные депутаты не противоречит Закону о выборах, — подчеркнул инженер КБ С. В. Скобликов. — Хотелось бы только, чтобы его предвыборная программа была более конкретна, определяла не только то, что

делать, но и каким путем. Если это будет сделано, вопрос о выдвижении претендента можно выносить на рассмотрение конференции.

— Учитывая личность Г. А. Богомолова, считаю, что такие люди в Верховном Совете не нужны, — выразила свое мнение инженер ООТиЗ Л.М. Лебедева.

Прямо противоположную ей позицию занял заместитель председателя СТК КБ инженер Б. М. Сахаров.

— Не в лучшем свете в дни подготовки к выборам выглядят партийная и профсоюзная организации объединения, — сказал он. — Что касается Г. А. Богомолова, то это человек неординарный, покоряющий своей одержимостью.

На трибуне — председатель СТК цеха № 1, слесарь-сборщик В. А. Зайцев.

— Мое личное убеждение, что Г. А. Богомолов по своим организаторским качествам еще не соответствует требованиям к депутату Верховного Совета СССР, — отметил он. — И все же предлагаю провести по этому поводу общее голосование, которое выявит мнение всего коллектива.

— В процессе предвыборной кампании Г. А. Богомолов неоднократно менял свою позицию, — сказал член СТК, заместитель генерального директора по производству А. М. Соловейчик. — Предварительно он хотел выдвинуть свою кандидатуру от народного фронта. Но почему он не обратился в партийную, профсоюзную организации?

Оптик-механик цеха № 6 Б. А. Хохряков, отметив, что народный фронт — организация, поддерживающая перестройку, высказался за созыв общего собрания или конференции трудового коллектива, положительно охарактеризовал Г. А. Богомолова.

С ним не согласились члены СТК — заместитель начальника цеха № 10 А. В. Виноградов и инженер КБ А. М. Шкалков.

— Сегодня мы обсуждаем не кандидатуру Г. А. Богомолова, а вопрос о созыве конференции, — отвечая предыдущим ораторам, сказал слесарь цеха № 6 Н. Л. Травин. — Мы — за ее безотлагательный созыв.

Это предложение было поставлено на голосование. За созыв конференции проголосовали 7 членов СТК, против — 31, четверо воздержались.

Выразили ли члены СТК мнение коллектива? Вопрос остается открытым, тем более, что участники состоявшихся накануне собраний в цехах и отделах с его решением не согласны. Об этом свидетельствуют многочисленные звонки и обращения в редакцию и общественные организации.⁹

---

⁹ Из вышеприведенной информации, в том числе — о поддержке, оказанной Г. А. Богомолову в его собственном, 8-м цехе «Ленполиграфмаша», явствует, что за 2 года, прошедшие со времени событий, описанных А. Ежелевым в статье «Исключение», опубликованной в газете «Известия» от 25.09.87 (см. ранее: приложение 3 к главе 16), произошла существенная **подвижка в сознании** тех его товарищей по труду, которые прежде относились к Богомолову сдержанно или даже отрицательно. Неизменно негативным осталось отношение к нему только администрации, партийной и профсоюзной верхушки (соответственно, большинства членов Совета трудового коллектива объединения).

Что касается самого претендента на выдвижение кандидатом в депутаты, то Г. А. Богомолов выразил свой протест против решения СТК объявлением голодовки.

Н. Козлов

(Трибуна машиностроителя, 25.01.89)¹⁰

* * *

**Активисты демократического движения г. Ленинграда —
в Центральную избирательную комиссию по выборам народных депутатов
СССР (январь 1989)**

Телеграмма

19.01.89 совет трудового коллектива Ленинградского производственного объединения полиграфического машиностроения принял решение об отказе от проведения конференции трудового коллектива по вопросу о выдвижении кандидата в народные депутаты несмотря на правомочные решения ряда подразделений и цехов поддерживающих кандидатуру фрезеровщика этого объединения Богомолова тчк Требуем немедленного пресечения состоявшегося нарушения законов тчк Одновременно сообщаем что лауреат Государственной премии орденоносец Геннадий Александрович Богомолов объявил голодовку тчк Ввиду чрезвычайности ситуации просим Центральную избирательную комиссию сообщить о своих шагах телеграммой по адресу <...> тчк Настоящая информация сообщена также в прессу на радио и телевидение тчк Надеемся что вмешательство Центральной избирательной комиссии позволит избежать массовых акций поддержки и протеста = От Ленинградского общественного комитета Выборы 89 зпт Ленинградской организации За народный фронт зпт Ленинградского межпрофессионального клуба Перестройка зпт комиссии по изучению общественных движений Северо-Западного отделения Советской социологической ассоциации = Дегтярев Нестеров Монахов Костюшев Алексеев

20.01.89

* * *

Телеграмма

В дополнение к телеграмме от 20.01.89 сообщаем что информация о голодовке фрезеровщика Ленполиграфмаша Геннадия Александровича Богомолова отстаивающего свое законное право самовыдвижения чему препятствует руководство и СТК Ленполиграфмаша вопреки правомочным решениям низовых коллективов поддерживающих его кандидатуру стала достоянием всех ленинградцев благодаря передаче Ленинградского телевидения 21.01.89 и публикации ленинградской прессы 22.01.89 тчк

¹⁰ Следует иметь в виду, что заводская газета, выходящая раз в неделю, поневоле опаздывала с информацией. Г. А. Богомолов объявил голодовку протеста против решения СТК «Ленполиграфмаша» сразу после его заседания 19 января. Неделю спустя голодовка была им прекращена, ввиду состоявшегося выдвижения его кандидатом в народные депутаты от другой организации (о чем см. ниже).

Голодовка продолжается притом что Богомолов работает за станком тчк Хотелось бы избежать назревающих массовых акций общественного протеста тчк Считаем срочное вмешательство Центризбиркома необходимым поскольку дело касается не только реализации права трудового коллектива на созыв конференции но и нарушения статьи 37 Закона о выборах тчк Ждем телеграфного ответа = Дегтярев Нестеров Монахов Костюшев Алексеев

21.01.89¹¹

* * *

Из заводской газеты (февраль 1989)

Выдвинут кандидатом

«Телеграмма

Производственное объединение "Ленполиграфмаш" Богомолову Г. А.

Уважаемый Геннадий Александрович!

Сообщаем, что конференция трудового коллектива Физико-технического института им. А. Ф. Иоффе АН СССР 23.01.89 выдвинула Вас кандидатом в народные депутаты СССР по Выборгскому избирательному округу № 48 г. Ленинграда. Просим Вас дать свое согласие баллотироваться по данному избирательному округу.

Председатель конференции В. А. Закревский, секретарь конференции А. А. Богданов

По этому же адресу из Физико-технического института получена и другая телеграмма, в которой содержится просьба к Г. А. Богомолову прекратить голодовку и сбросить силы для дальнейшей предвыборной борьбы.

С 24 января Геннадий Александрович прекратил голодовку.

* * *

У многих возникает вопрос, нужно ли было коммунисту именно голодовкой выражать свое несогласие с решением СТК не проводить конференцию «Ленполиграфмаша» по выдвижению кандидата в народные депутаты СССР? Этот вопрос мы задали Г. А. Богомолову. И вот что он ответил:

— Других способов я не видел, потому что в объединении демократия была подавлена, СТК противопоставил себя коллективам подразделений. А времени на обращения в вышестоящие инстанции не оставалось: во вторник, 24 января завершалось выдвижение кандидатов, а решение СТК было принято вечером в четверг.

Н. Николаева /Н. Н. Харькова. — А. А./

(Трибуна машиностроителя, 1.02.89)

* * *

Из газеты «Ленинградская правда» (январь 1989)

Выдвинут кандидатом

Немало раздалось в редакции на этой неделе звонков от читателей, задававших один и тот же вопрос: как разрешился конфликт вокруг фрезеровщика «Полиграфмаша» Г. Богомолова?

¹¹ Эта телеграмма была отправлена с уведомлением о вручении и... с оплаченным ответом — 3 руб.

Напомним, что рабочий в своем споре с советом трудового коллектива предприятия, который отказался собрать конференцию по выдвижению кандидатов в депутаты, избрал весьма странный путь протеста: голодовку на ступенях Ленгорисполкома.

Как сообщили в окружной избирательной комиссии, Г. Богомолов выдвинут кандидатом в народные депутаты СССР от коллектива Физико-технического института имени А. Ф. Иоффе АН СССР. Сразу после этого он закончил голодовку.

(Ленинградская правда, 28.01.89)

* * *

Из заводской газеты (февраль 1989)

По чьей вине конфликт?

Вторую неделю не утихают споры вокруг отказа СТК объединения коллективам ряда подразделений в созыве собрания (конференции) по выдвижению кандидатов в народные депутаты СССР.

<...> У СТК не было законных оснований отказать коллективам подразделений в проведении конференции. Собрания, прошедшие в цехах и отделах, правомочны, так как на них за кандидата повсеместно проголосовало более половины **участников** [так! — А. А.] собраний (статья 37 Закона о выборах народных депутатов СССР).

А вот правомочность решения самого СТК вызывает сомнения.

<...> К сожалению, не каждый, как Г. А. Богомолов, может предложить себя кандидатом в народные депутаты. Вот здесь-то и должны были сказать свое веское слово общественные организации — партком, профком, СТК.

В связи с этим считаю, что каждая парторганизация должна дать оценку позиции парткома по данному вопросу. Сделать это можно на общем собрании коммунистов «Ленполиграфмаша», причем созвать его в ближайшее время.

Что касается доверия к СТК, то у него не за горами отчетная конференция: год работы этого выборного органа позади.

В. Широких, инженер ОАСУ, партгруппорг
(Трибуна машиностроителя, 1.02.89)

*[Дискуссия вокруг конфликтного **выдвижения** / не выдвижения Г. А. Богомолова кандидатом в народные депутаты СССР продолжалась на страницах заводской газеты еще несколько недель.*

Зам. генерального директора объединения по кадрам и социальному развитию В. Пономарев выступил с резкой критикой в адрес Г. Богомолова, как «неудавшегося бригадира» и человека «ищущего славы», используя «недозволенные приемы» («Трибуна машиностроителя», 8.02.89). Группа работников цеха № 4 обвинила Богомолова в самовлюбленности и зазнайстве (там же).

Преобладало все же иное мнение. См. ниже. — А. А.]

* * *

Пробуждается самосознание

Мы, сотрудники ОКБ, с удовлетворением прочитали ряд заметок в «Трибуне машиностроителя» от 1 февраля 1989 года о том, что касается предвыборной кампании на нашем заводе и деятельности СТК.

Очень правильно пишут авторы заметок П. Пачков (цех № 38), Н. Пашуто (ОГМ) и В. Широких (ОАСУ) о неправильном решении СТК и парткома, которые не посчитались с желанием и мнением наших людей только потому, что мнение народа не вписалось в их собственное.

Согласны с Н. Пашуто, что коммунистам надо использовать «пробуждающееся самосознание людей, а не ставить им заслоны».

А у нас на заводе вышло так, что партком и администрация испугались растущей активности людей, которые прежде были просто равнодушны на собраниях. Печально, что в СТК договорились даже до того, что в коллективе «Ленполиграфмаша» нет людей с государственным мышлением, — неверно, они не вправе были так заявлять. Для этого и нужна была конференция.

СТК проявило *[так! — А. А.]* неуважение к трудящимся завода. На нашем предприятии также есть мыслящие люди, и невозможно представить себе, чтобы из 6000 человек не нашлось ни одного достойного человека для выдвижения кандидатом в депутаты.

Остается сделать вывод, что если СТК не уважает людей, которых официально представляет, то вряд ли оно само *[он сам — Совет. — А. А.]* соответствует своей задаче. А полномочия, как видим, у СТК немалые. Поэтому к выборам нового СТК всем нам нужно относиться более серьезно.

<...> По-видимому, партком и администрация не собираются перестраиваться. Иначе не случилось бы у нас неприятного инцидента с Г. А. Богомоловым и созывом конференции.

Н. Пашко, Г. Фадеева, Н. Цфас, переводчики, В. Тараканов, Е. Березкина, техники, М. Бельская, инженер, В. Погребняк, художник, сотрудники ОКБ

(Трибуна машиностроителя, 15.02.89)

* * *

Была встреча с кандидатом

С интересом познакомился *[так! — А. А.]* с заметкой «Не в пользу кандидата» В. Пономарева, заместителя генерального директора «Ленполиграфмаша» в «Трибуне машиностроителя» от 8.02.89. У него такой довод есть: не потому ли ученые из Физико-технического института им. Иоффе называли рабочего «Ленполиграфмаша» Г.А. Богомолова своим кандидатом, что «его интересы представлял кандидат философских наук, бывший рабочий нашего завода А.Н. Алексеев».

Огорчу тов. Пономарева: не в этом причина. Не такой уж златоуст Алексеев, чтобы «уговорить» 70 процентов физтеховских делегатов голосовать за Богомолова, если нет для этого веских объективных оснований.

Стоит заметить, что инициатива выдвижения Богомолова в «Физтехе» возникла — в одном из его отделов — еще до драматических событий на «Ленполиграфмаше». И знают Г. А. Богомолова там не со слов, скажем, тов. Пономарева, а, к примеру, из публикаций другого кандидата в народные депутаты СССР, корреспондента газеты «Известия» А. С. Ежелева. И как исключали Богомолова из партии знают, и чем дело кончилось — тоже. Уважают его и за труд, и за гражданскую позицию, и за бойцовские качества. И программу его оценили. Программа эта — демократическая, а не псевдоперестроечная, вот в чем суть.

6 февраля, уже после выдвижения, состоялась встреча Г. А. Богомолова с физтеховцами. На этот раз Богомолов мог представить себя сам.

В ходе выступления Богомолова, ответов на вопросы, в актовом зале «Физтеха» неоднократно вспыхивали аплодисменты. Нет, не разочаровал фрезеровщик с «Ленполиграфмаша» физиков-теоретиков и экспериментаторов. Об этом они заявляли и с трибуны.

Зная, что не всех на родном предприятии устраивает «физтеховский» кандидат, пригласили на эту встречу и зам. председателя СТК «Ленполиграфмаша» тов. Матеренко, и других «оппонентов» Богомолова.

К сожалению, никого из них не дождались.

А. Алексеев, кандидат философских наук, слесарь «Ленполиграфмаша» с 1980 по 1988 г.

(Трибуна машиностроителя, 15.02.89)

Ремарка: социолог-испытатель «интригует».

Это выступление автора на страницах «Трибуны машиностроителя» вызвало большое раздражение у партийно-хозяйственных руководителей «Ленполиграфмаша».

При состоявшейся месяц спустя расправе парткома над редактором заводской газеты Ниной Николаевной Харьковой (о чем еще пойдет речь), ей инкриминировалась, среди прочего, публикация письма бывшего работника предприятия А., «занимающегося интригами».

Между тем, Г. А. Богомолову, как и всем другим демократическим кандидатам, предстояло еще одно предвыборное испытание. См. ниже. (Март 2001).

* * *

**«Полиграфмашевцы» — в окружную избирательную комиссию
по Выборгскому избирательному округу № 48,
окружному предвыборному собранию (февраль 1989)**

Телеграмма

Мы, трудящиеся «Ленполиграфмаша» из подразделений, в которых успели провести собрания по выдвижению кандидатов в депутаты, выражаем полную поддержку кандидатуры в народные депутаты СССР, Лауреату Государственной премии рабочему Г. А. Богомолову и просим участников окружного предвыборного собрания поддержать эту канди-

датуру при голосовании тчк Во всех упомянутых подразделениях Г. А. Богомоллов получил подавляющее большинство голосов общей численностью 638 человек тчк Протоколы собраний переданы в СТК объединения тчк Данные об итогах голосования опубликованы в многотиражной газете «Трибуна машиностроителя» от 25.01.89

Подписи: от имени 638 полиграфмашевцев, оказавших поддержку Г.А. Богомоллову на предвыборных собраниях объединения, рабочие И.Ф. Федоров, В.И. Юфимец, Н.К. Мителев, О.П. Кабаков (Февраль 1989)

* * *

**А. Алексеев — в Окружную избирательную комиссию
по Выборгскому территориальному округу № 48,
окружному предвыборному собранию (февраль 1989)¹²**

Телеграмма

Надеюсь что Выборгское окружное предвыборное собрание не повторит неприглядного опыта Петроградского окружного собрания которое лишило тысячи избирателей возможности выбора на выборах всех кандидатов кроме одного тчк Может быть не все знают что почти половина делегатов конференции трудового коллектива ГИПха возглавляемого единственным зарегистрированным кандидатом по Петроградскому избирательному округу Гидасповым¹³ отдали свои голоса не ему а фрезеровщику Ленполиграфмаша Геннадию Богомоллову тчк Призываю участников Выборгского окружного собрания поддержать кандидатуры рабочего Богомоллова и обществоведа Прошиной проявивших себя бойцами за демократическую перестройку не на словах а на деле тчк Хорошо знаю Геннадия Богомоллова как человека высокого гражданского мужества бескомпромиссной честности разносторонних творческих способностей тчк Такие как он не позволят бюрократической оппозиции свести перестройку на нет заболтать и использовать в своих интересах вопреки интересам народа тчк Его самовыдвижение поддержанное сотнями полиграфмашевцев было пресечено незаконным решением СТК этого предприятия тчк Приветствую коллектив ФТИ имени Иоффе выдвинувший его кандидатом в народные депутаты СССР тчк Уважаемые товарищи выборщики разрешите вам напомнить что можно оставить в списке любое количество кандидатов тчк Пусть решающий выбор сделают 250 тысяч избирателей = Алексеев Андрей Николаевич кандидат философских наук слесарь Ленполиграфмаша с 1980 по 1988 год заместитель председателя Ленинградского отделения Советской социологической ассоциации член Союза журналистов СССР.

19.02.89

¹² Копия этого документа была отправлена в Физико-технический институт имени Иоффе делегатам от ФТИ на окружное предвыборное собрание.

¹³ См. об этом выше: раздел 21.3.

Ремарка: хождение во власть и обратно.

Геннадий Богомолов был-таки отвергнут окружным предвыборным собранием, т. е. официально зарегистрированным кандидатом в народные депутаты СССР ему стать не удалось.

Год спустя Г. А. Богомолов был избран народным депутатом РСФСР.

Работал в Москве. По истечении срока депутатских полномочий, вернулся в Санкт-Петербург. В настоящее время вновь работает фрезеровщиком на АО «Полиграфмаш». (Март 2001).

21.6. Журналисты «Ленполиграфмаша». Интермедия

[Нижне — композиция документов о «мятежной» редакции заводской газеты. Напомню, что журналисты «Ленполиграфмаша», в частности, Н. Н. Харькова и Н. К. Поречная, оказали неоценимую поддержку социологу-рабочему в трудное для него время. — А. А.]

Корреспонденция Н. Харьковской, опубликованная в газете «Трибуна машиностроителя» (декабрь 1988)

Не плестись в хвосте событий. По поводу неформалов

Это партийное собрание в восьмом цехе проходило в обеденный перерыв. В красном уголке не оставалось свободных мест.

Присутствовали здесь и все секретари парткома, председатель парткомиссии, инструктор.

Повод? Обсуждение действий коммуниста Г. Богомолова, который представлялся как член координационного совета создаваемой в Ленинграде организации «За Народный фронт». Под таким названием вывесил он в цехе информационный стенд, поместив на нем листки проекта Устава и Декларации этой организации, обращение томского НФ по поводу члена Политбюро, секретаря ЦК КПСС Е. К. Лигачева.

— Вывесить стенд мне разрешил коллектив, — поясняет Г. Богомолов.

И многие берут его под защиту. Но кто-то сомневается.

— Машинописным листкам, наклеенным на стенде, я доверять не могу: информация неофициальная, — говорит А. Рогов.

С этим заявлением не согласиться нельзя. Однако люди толпятся у стенда. Значит, ищут дополнительной информации.

— В течение 70 лет не было настоящей гласности. Мы верили Сталину, Брежневу. А после их смерти узнали, сколько вреда принесли они нашему государству, — говорит В. Бербежкин. — Поэтому хотим сегодня знать, что за люди стоят у власти.

Можно ли обвинять человека в его законной любознательности? Скорее, стоит задуматься над тем, как еще отстаёт наша гласность и сегодня от требований народа. Ведь именно поэтому стенд «За Народный фронт» вызывает интерес: как известно, пустота всегда чем-то заполняется. Об этом много говорили на собрании.

И все-таки, какие цели ставит «За Народный фронт»? Вопрос обращен к Г. Богомолу.

— Поддержать и ускорить перестройку, — отвечает он. — Борьба с бюрократическим аппаратом, экологическое направление, за то, чтобы человек был полноправным.

— За это борется и наша партия, — говорит В. Егоров. — Так что ничего здесь антисоветского нет. Хотя с программой эстонского Народного фронта я не во всем согласен.

Его поддерживает В. Червяков:

— Сейчас люди грамотные. Сами способны понять, что принять, а от чего отказаться. Но все идет от недостатка информации. И этот стенд тоже.

— Помочь разобраться в неформальном движении тоже никто не может: ни партком, ни райком. Был тут лектор из райкома Иванов, но он не сумел ответить на интересующие нас вопросы, — добавляет В. Егоров.

Разговор шел о пробелах в партийной идеологической работе, о состоянии гласности и информированности. И надо полагать, что он был интересен не только для коммунистов цеха, но и в первую очередь для работников парткома.

Что касается самого Богомолу, то были и довольно категоричные предложения. Например, Ю. Тихомиров поставил вопрос об исключении его из партии за такие действия. Но его поддержал, пожалуй, только И. Рябов. Против такой категоричности выступил секретарь партбюро Л. Волков, а также многие коммунисты.

Что ж, демократии еще учимся.

А вот упрек, что возглавляемая Богомолу группа народного контроля еще не развернула работу, справедлив. И Геннадий Александрович принял претензии и пообещал исправить положение.

Упоминалось, что в группу «За Народный фронт» записался уже не один десяток полиграфмашевцев, ратующих за перестройку.

Наверное, это люди, чей общественный потенциал наша парторганизация еще не сумела использовать. Вполне может стать, что стенд «За Народный фронт», который пока остается в восьмом цехе, будет пополняться информацией о конкретной работе по перестройке на «Ленполиграфмаше», допустим, по охране окружающей среды, по развитию демократии и организации производства, внедрению новой техники, улучшению дел в заводской столовой.

Но это будет зависеть и от партбюро подразделений, от парткома объединения. Сумеют ли они найти точки соприкосновения с этими людьми, поддержать и направить общественный потенциал трудящихся в нужное русло? Очень важно, чтобы парторганизация не плелась в хвосте событий.

Н. Харькова

(Трибуна машиностроителя, 14.12.88)

* * *

Из постановления бюро Петроградского райкома КПСС (апрель 1989)

Бюро РК КПСС постановило:

Во изменение постановления парткома ЛПО полиграфического машиностроения от 29 марта с. г., исключить т. Богомолу Г. А. из членов КПСС за дей-

ствия, несовместимые с пребыванием в партии (отрицание руководящей роли партии, участие в поддержке движения за Народный Фронт, при пассивном участии в работе партийной организации, непартийное поведение в период избирательной кампании¹⁴, невыполнение части решений партбюро и партсобраний.

(Цит. по: Северо-Запад, 1989, № 7)¹⁵

* * *

**Статья А. Луговцевой, С. Михельсона, В. Татарниковой,
опубликованная в газете «Ленинградский рабочий»
(сентябрь 1989)**

Расправа

(Как поплатилась за критику редакция заводской газеты)¹⁶

От редакции. В июне нынешнего /1989-го — А. А./ года на внеочередной конференции сменилось руководство Ленинградской организации Союза журналистов СССР. Тогда же было принято решение создать специальную комиссию по гласности. Ее задача — бороться за обеспечение права ленинградцев на правдивую, объективную информацию, защищать журналистов и авторский актив газет, радио и телевидения от преследований за критику, попыток укоротить гласность.

Первым конкретным делом этой комиссии стал разбор конфликта между парткомом объединения «Ленполиграфмаш» и редакцией заводской газеты «Трибуна машиностроителя». Секретариат правления Ленинградской организации Союза журналистов СССР полностью поддержал выводы комиссии, расследовавшей причины этого столкновения.

«Освободить т. Харьковку Нину Николаевну от должности редактора газеты «Трибуна машиностроителя» за тенденциозность в подаче материалов, отсутствие четких партийных позиций в оценке деятельности самостоятельных политизированных формирований и с учетом ее пенсионного возраста» (Решение парткома объединения «Ленполиграфмаш» от 15.03.89).

«После драки кулаками не машут, а так хочется махать, до боли стиснув зубы. Наша газета соответствовала духу перестройки, и вот ее нет. Словно вырвали сердце. Да что газета — не считаясь с мнением коллектива, плюнули в лицо, растоптали человека, отдавшего всю свою жизнь заводу. Позор!» (Из письма рабочих «Ленполиграфмаша» в редакцию «ЛР». Всего — 352 подписи).

Кто вы, неформалы?

— Вы с нами или с неформалами?

— Я — с партией.

— Значит, демократию вы понимаете, как и партия? То есть подавление меньшей части населения большей?

¹⁴ См. выше: раздел 21.5.

¹⁵ Решение состоялось 21 апреля 1989 г. Голоса при принятии этого решения на заседании бюро Петроградского РК КПСС разделились: за исключение — 6, против — 4. Интересно, как зеркально изменился расклад сил, по сравнению с описанной в статье А. Ежелева в «Известиях» ситуацией исключения Г. Богомолова из партии в 1987 г. (см. ранее: приложение 3 к главе 16). Тогда низовая партийная организация его исключала, а райком партии восстанавливал. Теперь — наоборот.

¹⁶ Статья публикуется здесь в сокращении.

— Я считаю, что демократия — это власть народа.

<...> Решалась судьба редактора газеты «Трибуна машиностроителя» Нины Николаевны Харьковой. Ее и атаковали вопросами.

Слушаешь магнитофонную запись этого заседания и не перестаешь удивляться. Какое время на дворе? Один теоретический пассаж о «подавлении меньшей части населения большей» чего стоит! Преподнес его заместитель заведующего идеологическим отделом Петроградского РК КПСС С. Сазанов, прибывший в объединение «отследить вопрос».

И — отследили. Упреки прозвучали нешуточные. Досталось журналистам, пытающимся противопоставить народ и партию неформалам, которых надо разоблачать и показывать их подлинное лицо. <...>

На таком густом политическом фоне разбиралась деятельность многотиражки.

«Газетной площади не хватает, а они отдают ее неформалам», — этот мотив варьировался во многих выступлениях на парткоме. Была обнаружена твердая решимость бороться с «этими критиканами, рвущимися к власти».

Что за таинственные темные силы так напугали собравшихся, понять было сложно. Звучала, например, фамилия Богомолова. Да-да, того самого Геннадия Александровича Богомолова, талантливого фрезеровщика, лауреата Государственной премии СССР. Уж не он ли экстремист? Оказалось — он. Взялся агитировать рабочих за создание Народного фронта. А многотиражка — куда смотрит редактор? — охотно печатает заметки Богомолова, симпатизирует ему.

Сегодня, когда о необходимости диалога с Народным фронтом заявлено с трибуны обкома партии, подобные инвективы сложнее выставить «в свете решения». Но тогда, полгода назад от них становилось жутковато.

Не выдержала на том парткоме рабкор газеты, заместитель секретаря партбюро отдела главного механика Наталья Дмитриевна Пашуто. Просила слова.

— Мне неприятно присутствовать на заседании, где все напоминает сталинские времена, 37-й год, — с горечью сказала она. Но ее голос, равно как и предложение рабочего 6-го цеха Ф. Лиокумовича создать комиссию для разбора обвинений газете, остался не услышанным.

Двенадцатью голосами «за» (в основном это освобожденные работники аппарата парткома) при семи «против» и одном воздержавшемся неугодно-го редактора удалили со сцены. Приписка к решению парткома — «освободить... с учетом пенсионного возраста» — выглядит довольно неуклюжей, хотя и старательной маскировкой. Харькова не скрывала, что уйдет из газеты — просила только дать ей возможность доработать до осени, до своего 40-летнего трудового юбилея на «Ленполиграфмаше» (12 лет Нина Николаевна была на заводе монтажницей, потом, закончив вечернее отделение факультета журналистики ЛГУ, работала редактором местного радиовещания, последние 16 лет возглавляла газету объединения).

Не дали. Щелкнул административный кнут.

В тоске по старым временам

В чем же суть разногласий парткома и газеты? Обратим внимание — газеты, которая считается одной из лучших многотиражек города. <...>

Столкновение парткома с газетой — это всего лишь отражение тех реальных конфликтов, которые существуют в коллективе.

Миной замедленного действия стало для парткома предложение Г. Богомолова — выдвинуть его в народные депутаты СССР. Тогда, в начале года, молодой партийный лидер «Ленполиграфмаша» Михаил Кириллович Михайлов пребывал в изрядной растерянности.¹⁷ Будет ли объединение выдвигать своих кандидатов, сколько? Никакой ясности. Ждали, как водится, раз-нарядку, но ее все не было...

А предвыборные страсти кипели вовсю. Более 600 человек в различных цехах и отделах поддержали Богомолова. Люди ждали созыва общезаводской конференции, чтобы обсудить его кандидатуру, а может, назвать и другие имена. И вдруг известие: совет трудового коллектива решил конференцию не проводить.

В партком, в редакцию «Трибуны машиностроителя» хлынул поток возмущенных писем. Г. Богомолов объявил голодовку...

Все-таки крепко мучит сегодня многих партийных работников тоска по временам идеологической комфортности. Как легко было с прирученной, послушной прессой — никаких с ней забот. Еще и докладец по случаю напишут журналисты. А запрет? Великая вещь! Не надо ломать голову над инициативой. Риск нулевой. Теперь же приходится признавать право газеты на свой взгляд, на другие мнения.

<...> Вместе с Ниной Николаевной Харьковой листаем подшивку газеты тех бурных недель. <...>

— Говорят, мы вбивали клин между парткомом и коллективом. Ну разве не чепуха? Мы же не закрывали свои страницы для партийных работников. Пожалуйста, спорьте, анализируйте, предлагайте. Месяц прошел, пока секретарь парткома подготовил для газеты материал. Да что он, этот материал, дал людям...

Читаем заметку М. Михайлова о предвыборной ситуации. Спокойные, однозначные тезисы. Никаких размышлений о причинах конфликта. Инициатива по выдвижению кандидатов, оказывается, предоставлялась коллективам цехов и отделов. Но почему-то — восхитительная по своей откровенности логика! — никто ею не воспользовался. <...>

Волновавший всех вопрос о решении СТК Михайлов разъяснил на удивление просто: оно, мол, не противоречит Закону о государственном предприятии. Заметьте, Закон о выборах даже не упомянут.

Могло ли такое беспомощное объяснение кого-либо убедить, ослабить напряженность в коллективе? Позиция «неформалов», выступивших в многотиражке, выглядела куда объективнее.

«Действия СТК были изначально неправомочны, — делились своими мыслями с газетой рабочие Б. Хохряков, И. Федоров и другие (17 подписей). — Нас лишили права и на выдвижение, и на обсуждение кандидатур. Это решение противоречит логике и законам, унижает и оскорбляет трудящихся».

Запрет не действовал. И особую растерянность партком испытывал оттого, что нельзя было, как в старые времена, повелевать от имени «его величества» рабочих — они точно разобрались в обстановке.

¹⁷ О секретаре парткома «Ленполиграфмаша» М. К. Михайлове см. также ранее: раздел 15.10 и др.

Тогда и решили отыгаться на редакторе многотиражки.

Секретарь парткома М. Михайлов передает ей служебную записку от генерального директора объединения. Такого и мы, не новички в журналистике, что-то не припомним: глава предприятия Александр Дмитриевич Долбежкин сообщал, что с апреля нынешнего года он (!) прекращает финансировать «Трибуну машиностроителя». Вот так... «Моя» газета, что хочу, то и ворочу.

Ну а потом был партком.

Пока молчит закон...

Цепка, как сорная трава, неистребимая жажда иных руководителей покататься с критикующими. А пойдя докажи, что тебя преследуют, зажимают! Грань, когда бюрократов можно «только ругать», а когда «следует судить», чисто условная. Кто назовет хоть один прецедент суда над зажимщиком критики или гонителем журналиста? Мы таких фактов не знаем. Но разве не является расправа над Н. Харьковой очевидным преследованием за критику?

<...> Вот бы где мог заговорить Закон. Но его нет. Журналист по-прежнему бесправен перед любителями укорачивать гласность. <...>

Одно из злопыхательских по отношению к газете писем (редакция и их не таила) «Трибуна машиностроителя» снабдила комментарием:

«Будучи органом парткома, профкома, комитета ВЛКСМ и дирекции объединения, газета оставляет за собой право критиковать их в случае неправильных действий или упущений в работе, наносящих вред перестройке».

Крепко подставилась газета, если исходить из сложившейся субординации.¹⁸ Чем не повод обвинить журналистов в конфронтации с издателями? Им и воспользовались на парткоме. Но, может быть, на эту сказанную в запальчивости, после откровенных притеснений, фразу стоит взглянуть иначе? Ведь печать в однопартийной системе должна играть роль своеобразной оппозиции, отражать жизнь во всей ее полноте. Об этом (хотим успокоить побаивающихся слова «оппозиция») говорилось и в докладе М. С. Горбачева на июльском совещании в ЦК КПСС.

Так не решиться ли и на следующий шаг — сделать средства массовой информации изданиями партийных организаций?¹⁹ А почему нельзя заводские и фабричные газеты передать советам трудовых коллективов, которые выступили бы в роли издателя? Эти предложения, открывающие новые возможности для развития демократии, самоуправления, защиты журналистов от административного произвола, пока ждут своего решения. <...>

А. Луговцева, С. Михельсон, В. Татарникова, члены комиссии по гласности Ленинградской организации Союза журналистов СССР
(Ленинградский рабочий, 22.09.89)²⁰

¹⁸ С точки зрения точного соблюдения партийно-советской субординации, формально неузвимой была бы фраза: «... газета оставляет за собой право критиковать отдельных их (т. е. парткома, дирекции и т. д.) работников...».

¹⁹ ...а не изданиями руководящих органов этих организаций! По этому пути «эмансипации» от партийного диктата и пошла в 1989-1990 гг. пресса, пока не состоялся крах КПСС в 1991 г.

²⁰ Окончание этой статьи см. ниже.

Ремарка: акция солидарности.

Как читатель мог заметить, газета «Трибуна машиностроителя» неоднократно цитировалась на этих страницах. В конце 80-х гг. эта газета фактически стала «коллективным организатором» демократического движения на «Ленполиграфмаше». Общественно-политическое противостояние достигло высшей точки к весне 1989 г. Правда, соотношение сил теперь уже было не в пользу административно-командной системы.

Коллектив редакции, в ответ на решение парткома об освобождении редактора Н. Харьковой от занимаемой должности, — поступил решительно: в знак протеста, уволился в полном составе. (Март 2001).

* * *

**Письмо журналистов газеты «Трибуна машиностроителя»,
опубликованное в последнем выпускавшемся ими номере газеты
(март 1989)**

Последний номер

Итак, сегодняшний номер — последний, подготовленный коллективом редакции, который делал «Трибуну машиностроителя» на протяжении многих лет. Мы, все сотрудники газеты, покидаем стены «Ленполиграфмаша», несогласные с решением парткома, о чем высказали в заявлении в партком.

Но мы выражаем глубокую признательность и благодарность полиграфмашевцам, которые постоянно поддерживали многотиражку, доверяли ей свои мысли, тревоги и радости, писали в газету. Особые слова благодарности нашему авторскому активу.

<...> Сотрудники и наши помощники старались делать газету правдивой, радовались росту творческой и политической активности трудового коллектива, боролись за хозяйственную перестройку и демократизацию общества, проводимые нашей партией.

Конечно, не все получалось как хотелось бы, не всегда удавалось добиться эффективной действенности выступлений газеты, но мы делали свое дело честно, верные журналистскому и партийному долгу.

Н. Харькова, Н. Козлов, Н. Поречная
(Трибуна машиностроителя, 29.03.89)

Ремарка: оплошал секретарь парткома...

В этом самом номере газеты (29 марта 1989 г.) планировался репортаж с заседания парткома, под названием «Легко ли сегодня прессе?», написанный сотрудником редакции Н. Козловым (ныне покойным). Репортаж был подготовлен с использованием магнитофонной записи, документально изобличившей гонителей гласности. (Гранка-оттиск этого материала сохранилась).

Как мне недавно рассказывала Нина Николаевна Харькова (после ухода с «Ленполиграфмаша» она еще 10 лет работала в журналистике и лишь недавно вышла на пенсию), секретарь парткома Михайлов тогда специально приезжал в типографию «Лениздата», чтобы вынуть из номера этот «крамольный» ма-

териал. (Репортаж был заменен «благонамеренной» статьей о совершенствовании хозрасчета на заводе).

В опубликованном в газете неделю спустя (5 апреля) двухполосном отчете с заседания парткома, саморазоблачительные откровения чинителей расправы над газетой уже «причесаны» (или вообще отсутствуют).

Процитированного здесь прощального письма редакционного коллектива, на последней странице газеты, секретарь парткома «Ленполиграфмаша» в верстке впопыхах **не заметил**. А то бы, конечно, извзял и его... (Март 2001).

* * *

Из статьи «Расправа», опубликованной в газете «Ленинградский рабочий» (окончание)

<...> Мы искренне полагали, что сегодня *[т. е. полгода спустя после описываемых событий]*. — А. А./руководители парткома «Ленполиграфмаша» иначе оценивают этот конфликт с редакцией, жалеют о случившемся. Ведь последствия его по-прежнему дают о себе знать. Недовольны рабочие, мнением которых пренебрегли во время предвыборной кампании. Потускнела газета, в которой сменилась практически вся редакция.

<...> М. Михайлов игнорировал приглашение Ленинградской организации СЖ СССР обсудить вместе с нашей комиссией по гласности конфликт на предприятии. Не пришел, не позвонил, не извинился.

<...> «Как нам быть с михайловыми?» — таким вопросом заканчивалась прошлогодняя статья в «Огоньке», рассказывавшая о драматичной судьбе известного социолога-рабочего Андрея Николаевича Алексеева. И он, и Богомолов, которого в апреле этого года второй раз (!) исключили из партии, в полной мере испытали на себе «карающую десницу». <...> Теперь вот расправа над редактором заводской газеты.

<...> «Почему мы плохо боремся с михайловыми?» — сегодня мы поставили бы вопрос так. И именно поэтому у Ленинградской организации Союза журналистов СССР есть намерение передать это дело в суд.

А. Луговцева, С. Михельсон, В. Татарникова
(Ленинградский рабочий, 22.09.89)

21.7. Голосуйте честно, принципиально, осознанно!

Из документов демократической общественности, г. Ленинград (март-апрель 1989)

К трудовым коллективам, общественным организациям,
всем избирателям

Товарищи!

Опыт проведения выборов показывает: очень многое зависит от избирательных комиссий, принципиальности и объективности их членов. Однако не все комиссии оказались на высоте при выдвижении и регистрации кандидатов в народные депутаты, подготовке и проведении окружных предвыборных собраний. Это не должно повториться на новом этапе выборов.

Мы призываем трудовые коллективы, общественные организации, всех избирателей: поставьте деятельность избирательных комиссий в целом и каждого их члена под общественный контроль, требуйте их регулярных отчетов перед избирателями, выделяйте своих представителей для наблюдения за ходом выборов. Избирательные комиссии — под контроль народа.

Комитет «Выборы-89»

(Цит. по: Северо-Запад, 1989, № 5)

* * *

В Центризбирком

<...> Ленинградское отделение Всесоюзного добровольного историко-просветительского общества «Мемориал» на своем общем собрании, в соответствии с Законом о выборах, приняло решение об активном участии своих членов в избирательной кампании по выборам народных депутатов СССР и избрало совет ЛО «Мемориал» по участию в демократических выборах.

Просим оказать поддержку представителям ЛО «Мемориал» в осуществлении их законного права участвовать во всей работе окружных и участковых избирательных комиссий Ленинграда, и в том числе в осуществлении общественного наблюдения за проведением выборов на избирательных участках и при подсчете голосов избирателей. <...>

Сопредседатели правления ЛО «Мемориал»: Лебедев Г. С., д. и. н., доцент ЛГУ; Прошина Е. М., к. ф. н., зав. кафедрой ЛТА
23.03.89²¹

* * *

Листовка общественного комитета «Выборы-89»

Избиратель!

Впервые ты можешь повлиять на исход выборов. Для этого напомним основные положения Закона о выборах.

1. При голосовании 26 марта ты получишь два бюллетеня. Один по территориальному округу, их в Ленинграде одиннадцать. Другой — по городскому округу № 19, одному на весь Ленинград.

2. В бюллетене *[так! — А. А.]* по территориальному округу (кроме Петроградского и Невского округов) внесены фамилии двух, трех или четырех кандидатов. Эти кандидаты конкурируют между собой. Ты должен оставить в этом бюллетене **только одну** фамилию, остальные вычеркнуть.

3. В бюллетенях Петроградского и Невского территориальных округов внесено по одному кандидату. В Петроградском округе это В. П. Ги-

²¹ Копии этого документа были отправлены во все окружные избирательные комиссии г. Ленинграда. Стоит отметить, что общество «Мемориал» к тому времени было едва ли не единственной официально зарегистрированной самостоятельной общественной организацией, что позволяло ей, на законных основаниях, направлять на избирательные участки и в окружные комиссии своих наблюдателей и общественных контролеров.

даспов [директор Государственного института прикладной химии, впоследствии — первый секретарь Ленинградского обкома КПСС. — А. А.], в Невском — Ю. Ф. Соловьев [тогдашний первый секретарь Ленинградского обкома КПСС. — А. А.].

В бюллетене по городскому округу № 19, который получит каждый ленинградец, также только одна фамилия кандидата — Большаков А. А. [тогдашний зам. председателя Ленгорисполкома. — А. А.].

Протестуя против «выборов без выбора», призываем тебя вычеркнуть фамилию единственного кандидата, кем бы он ни был. Этим ты добьешься повторного выдвижения кандидатов и новых выборов.

4. Не бойкотируй выборы, заходи в кабину и голосуй, вычеркивая фамилии кандидатов, которым ты не доверяешь.

Помни: бюллетень со всеми вычеркнутыми фамилиями считается действительным. Недействительными признаются бюллетени, «в которых при голосовании оставлено более одного кандидата» (Закон о выборах. Ст. 54).

За кого подать свой голос? Рекомендуем голосовать за кандидатов, способных настойчиво добиваться радикальной демократической перестройки.

В Василеостровском округе — А. А. Собчак, Е. М. Подобед, Рачин и Никифоров — выбирайте сами.

В Калининском — А. И. Демидов.

В Московском — Ю. Ю. Болдырев.

В Политехническом — А. А. Денисов.

В Смольнинском (Куйбыш., Дзержинск., Смольнинск. р-ны) — Б. Н. Никольский.

В Приморском — Ю. П. Сычев.

Во Фрунзенском — В. С. Кабаков.

В национально-территориальном № 20 (Ленинградская область) — А. М. Оболенский.

Призываем тебя голосовать честно, принципиально, осознанно.

Общественный комитет «Выборы-89»

[Около 20 марта 1989 г. — А. А.]

(Цит. по: Северо-Запад, 1989, № 2)²²

Ремарка: «наблюдающее участие» в избирательной кампании.

Из всех упомянутых здесь кандидатов, получивших поддержку общественного комитета «Выборы-89», — народными депутатами СССР в конечном итоге (по итогам как мартовских-апрельских, так и повторных, майских выборов — в тех округах, где избрание депутата «с первого захода» не состоялось) стали: Ю. Ю. Болдырев, А. И. Демидов, А. А. Денисов, В. С. Кабаков, Б. Н. Никольский, А. М. Оболенский, А. А. Собчак, Ю. П. Сы-

²² Текст этой листовки — в варианте с некоторыми отличиями от вышеприведенного — см. также в книге: А. Я. Винников. Цена свободы. СПб.: Библиополис, 1998, с. 61-62.

чев. То есть кандидаты от демократических сил победили во всех избирательных округах, где они баллотировались. А безальтернативные кандидаты от административно-командной системы (кроме одного — В. П. Гидасова) потерпели поражение.

Автору этих строк довелось тогда быть доверенным лицом двоих из указанных выше кандидатов в народные депутаты СССР: инженера Юрия Юрьевича Болдырева и писателя Бориса Николаевича Никольского.

Опыт «наблюдающего участия» автора избирательной кампании 1989 г. в качестве доверенного лица того или иного кандидата в народные депутаты СССР — это тема, заслуживающая отдельного отчета и обсуждения. Здесь углубляться в нее не буду. Ограничусь только одним эпизодом из практики избирательной кампании в Московском районе. (Март 2001 — май 2005).

* * *

В окружную избирательную комиссию
Московского района г. Ленинграда

<...> Ответственность за нарушения Закона ложится на окризбирком. Но мы понимаем, что в сущности эти нарушения происходят прежде всего из-за сложившейся практики отстранения членов окризбиркома от выработки решений и влияния на ход дел.

Все нити находятся в руках секретаря окризбиркома О. В. Ивановой и секретаря райисполкома В. С. Подлесной. Работники аппарата исполкома тт. Подлесная и Боровик фактически направляют деятельность участковых избирательных комиссий, хотя по Закону о выборах (ст. 25, ч. 2) это должен делать окризбирком.

На день выборов 26 марта разработан и доведен до сведения председателей участковых комиссий на инструктаже, проводившемся т. Подлесной 20 марта, противоречащий закону порядок передачи протоколов участковых избирательных комиссий не в окружную избирательную комиссию (ее членам), а десяти работникам аппарата исполкома.

<...> С учетом всего сказанного, мы обращаемся к членам окризбиркома как к гражданам, которым их трудовые коллективы доверили ответственнейшее дело — организацию и проведение первых демократических выборов. Призываем вас взять на себя эту ответственность не формально, а по существу!

Группа доверенных лиц кандидата по Московскому избирательному округу № 54 гор. Ленинграда, Ю.Ю. Болдырева

[Цитирую по сохранившемуся черновику. Датировка текста где-то между 21 и 24 марта 1989 г. — А.А.]

Ремарка: как удалось предотвратить фальсификацию выборов.

За несколько дней до 26 марта группе доверенных лиц Ю. Болдырева удалось вывести тайный план бюрократического аппарата фальсифицировать выборы в Московском избирательном округе: предполагалось исполь-

зование подложных бюллетеней, чтобы обеспечить «победу» первого секретаря Ленинградского горкома КПСС А. Герасимова (конкурента Ю. Болдырева).

Мошеннический план был предан огласке на агитационных пикетах. Этот и ряд других шагов общественности (среди прочего, постановка властей в известность о выявленном уличными опросами²³ **заведомом** предпочтении, которое население района оказывает независимому кандидату против партийного начальника) заставили номенклатурных злоумышленников отказаться от попытки фальсификации и обеспечили правильный подсчет фактических результатов голосования.

Итог выборов по данному избирательному округу таков: из 250 тыс. с лишним граждан, включенных в списки избирателей, в голосовании приняли участие около 195,5 тыс. (77,4%). Из них за Ю. Ю. Болдырева проголосовали около 145 тыс. (74,3%), а за А. Н. Герасимова — около 39 тыс. (19,7%). См.: Ленинградская правда, 29.03.89. (Март 2001 — май 2005).

* * *

Листовка общественно-политического клуба «Альтернатива»

Друзья!

Приближается большой праздник жителей Невского района! Вам предстоит избрать народным депутатом СССР первого секретаря Ленинградского обкома КПСС Ю.Ф. Соловьева. Не сомневайтесь — фигура застояная!

Как расцвел наш город под его руководством! Стремительно растет уровень жизни народа, уходит в прошлое такое уродливое явление нашей жизни, как дефицит, близка к разрешению жилищная проблема, сходят на нет преступность, алкоголизм, наркомания.

С каждым днем чище становится вода, которую мы пьем, воздух, которым мы дышим. Особенно легко дышится в Невском районе! Все меньше толкучка в городском транспорте, все чище улицы и площади Ленинграда.

Благодарим мы Ю. Ф. Соловьева и за его близость к народу. Кто из нас не встречал Ю. Ф. Соловьева в магазинах, в общественном транспорте, в общепитовских столовых. Дрожит бюрократ, завидя первого секретаря, но радуется честный труженик!

<...> Дорогие товарищи Невского района! Вы избавлены от необходимости избирать из нескольких кандидатур!

Выборы Ю. Ф. Соловьева — праздник советской демократии! **Не портите праздник! Все — на выборы!! Голосуйте против!!!**

Общественно-политический клуб «Альтернатива»

(Цит. по: Северо-Запад, 1989, № 2)

²³ Об уличных опросах, проводившихся Л. Кесельманом и его добровольными помощниками начиная с февраля 1989 г. и весьма точно выявлявших соотношение электоральных предпочтений ленинградцев, подробно см. ниже.

Справка

Безальтернативный — благодаря отказу в регистрации всем соперникам — кандидат в народные депутаты СССР, первый секретарь Ленинградского обкома КПСС Ю. Соловьев получил 44,8%, т. е. менее половины голосов от числа принявших участие в голосовании и, в соответствии с действовавшим тогда законом, потерял право дальнейшего участия в выборах.

* * *

Обращение общественного комитета «Выборы-89»

Уважаемые избиратели!

В период избирательной кампании, наряду с листовками, выпускаемыми общественным комитетом «Выборы-89», содержание и стиль которых большинству из вас хорошо известны, распространялись и листовки, разительно отличающиеся от листовок комитета, но тем не менее подписанные его именем.

<...> Избирательная кампания продолжается. Провокационное использование подписи комитета «Выборы-89» под листовками, искажающими его позицию, может повториться.

Чтобы облегчить избирателям возможность уберечься от намеренной дезинформации и отличить фальшивку от подлинника, доводим до сведения избирателей следующее:

1. Содержание и стиль любой листовки, выпускаемой комитетом, по-прежнему будут предельно корректными, аргументы «за» и «против» кандидата — доказательными.

2. Основным критерием оценки любого кандидата остается, как и прежде, — деятельность кандидата в период перестройки, его нынешняя гражданская позиция.

3. Листовки, выпускаемые комитетом «Выборы-89», по-прежнему будут лишены каких бы то ни было высказываний националистического характера.

4. Любая листовка комитета «Выборы-89», как и прежде, будет им подписана.

5. В каждой выпущенной комитетом листовке — начиная с этой — будет указываться ее порядковый номер и дата выпуска.

В случае сомнений в подлинности листовок с подписью Комитета, просим обращаться по телефону: <...>. Экземпляры таких листовок, полученных ранее или распространяемых в период повторных выборов, просим высылать (указав место и дату их получения) по адресу: <...>.

Комитет «Выборы-89», 15 апреля 1989 г.

(Цит. по: Северо-Запад, 1989, № 5)

21.8. Ленинградцы сделали свой политический выбор

Из документов демократической общественности г. Ленинграда (март 1989)

Обращение к ленинградцам

Товарищи!

Выборы 26 марта показали — политическая ситуация в стране и особенно в Ленинграде изменяется. Народ отказал в доверии партийным и советским руководителям города.²⁴ Мы голосовали против, потому что не верим обещаниям номенклатурных чинов покончить с ведомственным произволом, хозяйственной безответственностью и социальной несправедливостью.

Содействовать коренному оздоровлению обстановки в городе должно массовое демократическое движение, объединенное в Ленинградский Народный фронт (ЛНФ). Решения, принятые 15 марта 1989 г. Первым форумом демократической общественности города, о подготовке к Учредительному съезду ЛНФ и создании оргкомитета Учредительного съезда должны быть реализованы. Этому чрезвычайно способствует ситуация, сложившаяся в ходе избирательной кампании, укрепившийся авторитет общественного комитета избирателей «Выборы-89», который объединил демократические силы города. Появившаяся уверенность в собственных силах и энтузиазм, вызванные результатами голосования, должны вылиться в конкретные действия.

Необходимо создавать инициативные группы на предприятиях и в организациях, творческих союзах и по месту жительства, делегировать представителей в оргкомитет Учредительного съезда. Члены первичных партийных и комсомольских организаций, профсоюзов, СТК должны определить свое отношение к народному движению и занять в нем подобающее место. Пора перейти к активным формам агитации и организационной работы.

Конкретные действия требуют ясного понимания сути формирующегося народного движения в специфических условиях Ленинграда.

ЛНФ — это политическая форма самоорганизации граждан, это социальная гарантия построения правового государства, позволяющая общественности выступать в качестве политической силы и исключаящая манипулирование народом, от имени народа.

ЛНФ — это непосредственное самоуправление граждан, опирающееся на методы прямой демократии (митинги, демонстрации, пикеты и т. д.),

²⁴ В частности, уже в первом туре (26 марта 1989) проиграли выборы: первый секретарь Ленинградского обкома КПСС Ю. Ф. Соловьев (Невский территориальный избирательный округ), второй секретарь обкома КПСС А. М. Фатеев (Фрунзенский терр. избир. округ), первый секретарь Ленинградского горкома КПСС А. Н. Герасимов (Московский терр. избир. округ), зам. председателя Ленгорисполкома А. А. Большаков (Ленинградский городской национально-территориальный избир. округ). Не удалось стать народным депутатом по итогам повторного голосования (9 апреля 1989) и председателю Ленгорисполкома В. Я. Ходыреву (Колпинский терр. избир. округ).

необходимое до момента реального перехода всей власти Советам. Это — контроль снизу за деятельностью должностных лиц.

ЛНФ — это противовес возрастающей власти администрации на производстве, один из рычагов преобразования профсоюзов в подлинных защитников интересов трудящихся.

ЛНФ — это условие объединения различных политических, экологических, правозащитных, экокультурных и иных групп, организаций и движений.

Народный фронт начинается там, где мы работаем и учимся, где мы живем. Группа демократически настроенных граждан — первичная ячейка Народного фронта. Опираясь на авторитет массового народного движения, такие группы могут: реально влиять на администрацию; добиваться предоставления всей информации, касающейся насущных интересов работников; участвовать в выборах (в том числе в местные Советы); требовать от местных властей отчета о распределении жилого фонда, деятельности торговли и сферы услуг, экологической обстановке.

Создавайте инициативные группы в трудовых коллективах, организациях по месту жительства!

Объединяйтесь в ЛНФ!

Ленинградской демократической общественности необходимо в ближайшее время выработать и принять программу и устав ЛНФ.

Делегируйте своих представителей, обращайтесь с предложениями и за поддержкой в оргкомитет Учредительного съезда ЛНФ.²⁵

Общественный комитет избирателей «Выборы-89» [*конец марта 1989 г.* — А. А.]

Контактные телефоны: <...> — Богдановы Татьяна, Олег; <...> Андрианова Нелли Алексеевна; <...> — Константинов Илья Владиславович; <...> — Нестеров Юрий Михайлович; <...> — Беляев Александр Николаевич.

(Цит. по: Северо-Запад, 1989, № 5)

* * *

В партийные организации, трудовые коллективы,
общественные организации

В Ленинградской партийной организации сложилась кризисная ситуация: высшие партийные руководители города и области не избраны народными депутатами СССР. Ленинградцы отказали им в доверии. Потеряв поддержку народа, они продолжают оставаться у руля партийной власти.

Перед партийными организациями, трудовыми коллективами, общественными организациями со всей остротой встал вопрос: могут ли оставаться на своих выборных постах люди, не облеченные доверием ленинградцев? Ответ однозначен: не могут. Не имеют морального права.

²⁵ Напомним, что учредительный съезд Ленинградского народного фронта состоялся в июне 1989 г.

Провал функционеров обернулся на выборах победой рядовых коммунистов. Среди новых народных депутатов СССР по Ленинграду нет ни одного освобожденного партработника, но все наши депутаты — коммунисты. Это огромное доверие ленинградцев. Не аппарату, не номенклатуре, а именно рядовым членам партии — обеспечивать этот кредит доверия. Необходимы решительные действия, направленные на преодоление кризиса демократическим путем.

Партия должна служить народу. Партия должна зависеть от мнения народа.

Ленинградцы сделали свой выбор. Они решительно обновили состав депутатской группы в высшем органе власти страны. Слово за коммунистами города.

Предлагаем созвать внеочередную чрезвычайную городскую и областную партийную конференцию!

Члены КПСС: Алексеев А. Н., Вите О. Т., Рамм В. Г., Филиппов П. С., Фролов Ю. В., Шелищ П. Б.

28.03.89

[Две недели спустя, 11 апреля 1989 г., на партийном собрании философского факультета Ленинградского университета, где присутствовало свыше 200 чел., было единогласно принято «Открытое письмо коммунистам Ленинграда» с аналогичным призывом — о созыве внеочередной партийной конференции Ленинградской организации КПСС, «с выбором делегатов истинно демократическим путем, а не подбором аппаратов райкомов, для формирования нового руководства ленинградской партийной организации, способного возглавить нелегкую борьбу народа за социалистическую перестройку советского общества». (См.: Северо-Запад, 1989, № 7. См. также: А. Я. Винников. Цена свободы. СПб.: Библиополис, 1998, с. 69-70).

23 апреля с соответствующим обращением «Ко всем коммунистам Ленинграда и области» выступил Оргкомитет по подготовке учредительного съезда Ленинградского народного фронта. (См.: Северо-Запад, 1989, № 7). Чему еще предшествовал «не санкционированный» социологический опрос населения Ленинграда на тему о «доверии» партийному руководству города и области. См. об этом в следующем разделе. — А. А.]

21.9. Общественный центр изучения и прогнозирования социальных процессов. Интермедия

Из независимого периодического издания «Северо-Запад»
(апрель 1989)

Мнение ленинградцев

Общественный центр изучения и прогнозирования социальных процессов при Северо-Западном (Ленинградском) отделении Советской

социологической ассоциации с целью выяснения отношения населения к итогам выборов, объединенному пленуму ленинградских обкома и горкома партии, а также понимания ленинградцами перспективы развития политической ситуации, осуществил 15-16 апреля оперативный опрос почти четырех с половиной тысяч жителей города.

Более чем в пятидесяти точках всех без исключения городских районов интервьюеры по специально разработанной программе задавали свои вопросы ленинградцам, и в частности, спрашивали их: **«Считаете ли Вы, что Областной комитет партии в его нынешнем составе способен коренным образом улучшить ситуацию в городе?»** [Выделено мною. — А. А.].

Ровно половина — 50% ленинградцев уверенно отвергла такую возможность, и еще 19% отвергли эту перспективу не столь убежденно. С другой стороны — только 3,5% ленинградцев смогли твердо представить, что ленинградский обком партии сумеет в его нынешнем составе все-таки справиться с ситуацией. Еще 10,5% присоединились к этому мнению без особой уверенности.

Таким образом, сегодня в той или иной мере отказывают в доверии нынешнему составу областного комитета партии — 69% взрослых жителей города, тогда как ту или иную степень доверия высказали лишь 14% ленинградцев (остальные 17,5% не смогли определить свое отношение). [Правильно: 17%. — А. А.].

Из всех опрошенных в эти дни около тысячи сообщили интервьюерам о своей принадлежности к партии, что позволяет данные, полученные на этой «подвыборке», считать репрезентативными (представительными) по отношению ко всему шестисоттысячному отряду ленинградских коммунистов.

Сегодня почти половина из них [членов партии. — А. А.] — 49,5% убеждены, что нынешний состав областного комитета партии с ситуацией, сложившейся в городе, справиться не сможет. Еще 17,5% коммунистов присоединяются к этому мнению не столь уверенно. С другой стороны — убеждены в том, что нынешний состав ленинградского обкома все же справится с ситуацией — 5,5% членов партии и еще 11% склоняются к этому не столь уверенно.

Таким образом, в той или иной форме свое недоверие нынешнему составу областного комитета партии высказали 67% членов ленинградской партийной организации, тогда как ту или иную степень доверия оказали 16,5% членов партии (остальные 16,5% не смогли определить своего отношения). <...>

Л. Кесельман, 20.04.89

(Северо-Запад, 1989, № 7)

[Это был уже не первый свободный социологический опрос на улицах города. См. ниже. — А. А.]

* * *

Учреждение общественного исследовательского центра

На состоявшемся 28 апреля 1989 г. Бюро правления Северо-Западного отделения Советской социологической ассоциации (СЗО ССА) обсуждены вопросы участия ленинградских социологов в избирательной кампании 1989 г. и повышения эффективности этого участия.

В работе Бюро, продолжавшегося в общей сложности около пяти часов, участвовали: кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь Ленинградского обкома Ю. Ф. Соловьев, первый секретарь Ленинградского горкома партии А. Н. Герасимов, секретари Ленинградского ОК КПСС А. М. Фатеев, Ю. А. Денисов, А. С. Туманов, Д. Филиппов, заведующая идеологическим отделом Ленинградского обкома Г. И. Барина и другие ответственные партийные работники.

Заслушав и обсудив сообщения руководителей исследовательских групп А. Н. Алексеева, А. А. Вейхера, Л. Е. Кесельмана и А. А. Русалиновой, осуществлявших наблюдение, изучение и прогнозирование хода избирательной кампании, бюро правления СЗО ССА одобрило эту работу.

Принято решение об учреждении **Ленинградского центра изучения и прогнозирования социальных процессов СЗО ССА**. Руководителем этого общественного исследовательского центра утвержден **Л. Е. Кесельман**.

На заседании выступил Ю.Ф. Соловьев, от имени Ленинградского обкома выразивший благодарность социологам за их инициативную, общественно необходимую деятельность и призвавший ленинградских социологов к установлению более тесных контактов *[! — А. А.]* с областным комитетом партии.

Председатель СЗО ССА Б. З. Докторов, 28.04.89
(Северо-Запад, 1989, № 7)

* * *

[Ниже — история возникновения общественного Центра изучения и прогнозирования социальных процессов, в современном описании Бориса Зусмановича Докторова. — А. А.]

**Из предисловия Б. Докторова к книге Л. Кесельмана
«Уличный опрос в социологическом исследовании»
(2001)**

<...> Возникновение уличного опроса стало ответом на вызов времени: в стране началась подготовка к первым альтернативным выборам народных депутатов СССР. История так распорядилась, что к концу 1980-х в Ленинграде возникли достаточно сильные либеральные общественно-политические движения и произошли серьезные изменения в деятельности ленинградского телевидения и ряда ведущих городских газет. Население города оказалось вовлеченным в обсуждение предстоящих выборов. Кто победит? Партийная номенклатура северной столицы или новые люди, шедшие на выборы с лозунгом «Перестройка необратима»?

Непосредственным импульсом возникновения техники *[уличного опроса. — А. А.]* стал банальный случай. Социолог, вышедший из тесного помещения,

в котором местная власть позволила провести встречу с избирателями кандидата, оспаривавшего мандат у первого секретаря Ленинградского горкома КПСС, в какой-то момент усомнился в эффективности [такой. — А. А.] агитации среди нескольких десятков участников встречи. Ведь в избирательном округе около полумиллиона избирателей, а у независимого кандидата нет почти никаких возможностей заявить о своем существовании, и, следовательно, большинство избирателей так и не узнают о том, что у них появилась альтернатива и можно будет не голосовать за привычного партийного начальника. Вид людей, стоящих в очереди у пивного ларька, казалось бы, как нельзя лучше подтверждал эту гипотезу. Однако даже самая убедительная гипотеза должна быть проверена. «Вы уже решили, как будете голосовать на предстоящих выборах?» — спросил он у человека, стоящего в конце очереди.

<...> Исходная гипотеза не подтверждалась, люди высказывались со знанием ситуации, горячо и пристрастно. Кто-то называл фамилию своего кандидата, кто-то говорил, за кого он никогда не проголосует, кто-то, не помня фамилию своего избранника, сказал: «за парня с пышными усами». Социолог стал обращаться к другим прохожим и понял, что ленинградская улица может быть местом опроса населения. Этим социологом был Л. Кесельман.²⁶

<...> Идеи уличных опросов повезло: уже через несколько дней после ее зарождения Л. Кесельман провел первый из них. <...> Желание ленинградцев — особенно молодежи — участвовать в социальных преобразованиях, их стремление помочь становлению нового были настолько сильными, что у Л. Кесельмана не было трудностей с привлечением добровольцев-интервьюеров, готовых часами стоять на улицах города и опрашивать прохожих. Да и прохожие, «разогретье» перестроечной прессой, не уклонялись от ответов.

<...> Уже первые опросы ленинградцев показывали, что симпатии большинства горожан находились на стороне новых политиков. Но власти города не услышали этого звонка.²⁷ В преддверии выборов прогноз Л. Кесельмана уже звучал приговором для высших партийных функционеров, баллотировавшихся в разных округах города: никто из них не имел шансов победить. Когда отцы города стали задумываться о возможной правоте прогнозов, было поздно. Ленинградцы уже сделали выбор.

Гром грянул 26 марта 1989 года. Первый секретарь Ленинградского обкома КПСС, кандидат в члены Политбюро КПСС Ю. Соловьев, бывший единственным кандидатом в классическом пролетарском районе города — Невском, получил в свою поддержку лишь 44,8% голосов избирателей и не был избран народным депутатом СССР. Первый секретарь горкома КПСС А. Герасимов,

²⁶ Своего рода прообразом уличных опросов весны 1989 г., пожалуй, можно считать «социологический десант» в г. Лугу, организованный социологами — членами клуба «Перестройка» в сентябре 1988 г.: опрос на улице, посвященный отношению лужан к местному партийному и советскому руководству. (См. ранее: раздел 19.6). Л. Кесельман был одним из участников этой акции.

²⁷ Результаты этих уличных опросов немедленно вводились в общественный оборот: сообщались в группы поддержки демократических кандидатов, доводились до сведения журналистов (которые хоть и не могли тогда их опубликовать, однако зачастую способствовали неофициальному распространению), наконец — об этих результатах ставились в известность партийные власти. (Вспомогая, как в 20-х числах марта 1989 г. мы с Леонидом Кесельманом и Марией Мацкевич доставили в приемную Смольного конверт с результатами серии уличных опросов, уверенно предсказывавших поражение номенклатурных кандидатов на выборах 26 марта).

набрав 19,7% голосов, безоговорочно проиграл «парню с пышными усами», будуще активному участнику «Межрегиональной группы» Верховного Совета страны и одному из создателей «Яблока» [имеется в виду Ю. Болдырев. — А. А./]. Прогнозы Л. Кесельмана по различным кандидатам отличались от официальной статистики [результатов выборов. — А. А./ на 3-5%. В верности использованной им технологии сбора данных убедились миллионы ленинградцев.²⁸

Итак, уличные опросы — родились, а через месяц состоялись их «крестины», причем «крестными» — случай уникальный — стали только что проигравшие партийные лидеры города. 28 апреля 1989 года состоялось заседание бюро Северо-Западного отделения Советской социологической ассоциации, и первый пункт повестки дня был: «Об участии социологов в выборах народных депутатов СССР». На обсуждении этого профессионального вопроса пришли восемь /! — А. А./ секретарей обкома и горкома партии во главе с Ю. Соловьевым, А. Герасимовым.²⁹

<...> Можно сказать, что Л. Кесельман оказался в нужный момент в нужном месте. В начале 1989 года ленинградцы как конкретная социально-демографическая общность были готовы к участию в уличных опросах, а их образ жизни и особая география города образовывали благоприятную среду для проведения опросов. Но это все — предпосылки. Нужен был человек, способный воспользоваться ими. <...>

Л. Кесельман прыгнул в пучину улицы и не был ею поглощен. Во-первых, он был готов профессионально: он многие годы проработал в коллективе профессора Владимира Ядова, одного из основателей советской социологии и ведущего специалиста в области методики социологии. Во-вторых, а может быть, во-первых, как гражданин и как лидер Л. Кесельман оказался готов к проведению уличных опросов по острейшим общественно-политическим проблемам того сложного и малопонятного времени. <...> Особенно подчеркнем тот факт, что он сразу стал максимально публичен в отношении результатов опросов и в изложении применявшейся им <...> опросной технологии.

(Б. Докторов. Немного об уличном опросе, о книге и о ее авторе / Л. Кесельман. Уличный опрос в социологическом исследовании. Методическое пособие. Самара — СПб., 2001, с. 4-6)

Ремарка: делегированное наблюдение Леонида Кесельмана.

Общественный Центр изучения и прогнозирования социальных процессов существует вот уже свыше 15 лет.

За эти годы названным Центром²⁹ проведены, при использовании технологии «уличного опроса», многие десятки полевых исследований, позволивших обеспечить многолетний мониторинг динамики массового (социального) сознания,

²⁸ Дело в том, что после сенсационного предсказания Л. Кесельманом поражения партийной номенклатуры на выборах 26 марта материалы его опросов стали проникать в СМИ. И, в частности, данные выясненных Л. К. электоральных предпочтений по Ленинградскому городскому национально-территориальному избирательному округу, публично (перед телевизионными камерами) переданные им телеведущему в запечатанном конверте накануне повторных выборов 14 мая, будучи обнародованы уже после выборов, совпали с точностью до 1 процента с известным фактическим результатом (победа в первом туре следователя Н. Иванова против двух десятков других кандидатов).

²⁹ Научный руководитель Центра — Леонид Кесельман, ведущие сотрудники — Мария Машкевич (Санкт-Петербург), Владимир Звоновский (Самара).

на примере Санкт-Петербурга (иногда — при параллельных, сопоставительных исследованиях также и других городских общностей).³⁰

Л. Кесельман начинал с исследования электоральных предпочтений, но впоследствии сценарии этих «блиц-опросов» стали усложняться. Предвыборные прогнозы (Л. К. сегодня предпочитает говорить о выявляемых им **намерениях электорально-го поведения**) являются вовсе не приоритетными, а выступают обычно лишь побочными, хотя и наиболее востребованными (средствами массовой информации, политиками...) продуктами. Масштабы выборки в каждом полевом исследовании (в пределах городского района или города в целом)— **от 2 до 10 тыс. чел.**³¹

То обстоятельство, что опросы производятся **на улице** («среди прохожих»), в данном случае есть лишь внешняя характеристика данной исследовательской технологии. В методическом пособии «Уличный опрос в социологическом исследовании» (Самара — СПб., 2001) Л. Кесельман пишет:

«...Рабочее название метода возникло в ту пору, когда главной отличительной его чертой представлялся **свободный** от внепрофессионального контроля и цензуры выход исследователя «на улицу», к людям, освобождающимся от тотального контроля над своим сознанием. Однако довольно скоро стало понятно, что основная специфика метода не в том, что общение с людьми происходит на открытых для свободного общения улицах наших городов. Специфика в том, что в ходе этого общения исследователь не столько задает своим собеседникам заранее подготовленные вопросы, ожидая их формального присоединения к определенным, заранее подготовленным формулам ответа, сколько в том, что наблюдателя за общей реакцией своих собеседников на поставленные перед ними вопросы.

Строго говоря, этот метод следовало бы назвать методом «уличного **наблюдения**», где слово «опрос» просто отсутствует как принципиально неадекватное основной процедуре (более или менее уместным тут могло бы оказаться слово «интервью», но и оно не совсем точно отражает специфику метода); а ключевым словом является не «улица», а «**наблюдение**». Еще точнее сущность этого метода можно было бы обозначить как «**делегированное наблюдение**», в котором, в отличие от хорошо описанных видов наблюдения, субъектом которых является сам исследователь..., функция наблюдения делегируется достаточно широкому кругу исполнителей, или «сонаблюдателей»...» (Л. Кесельман. Указ. соч., с. 63–64).³²

³⁰ В частности, по программам, разработанным Л. Кесельманом и его коллегами, неоднократно проводились уличные опросы в Москве, Самаре, Кемерове и др. городах.

³¹ Общее количество лиц, опрошенных по методикам Центра изучения и прогнозирования социальных процессов на улицах Санкт-Петербурга и др. городов страны, за эти 15 лет исчисляется, думаю, сотнями тысяч.

³² В развитие и пояснение сказанного, из той же книги:

«...Понятно, что такое делегирование каждому «рядовому» интервьюеру функций **наблюдателя** и **эксперта**, обладающего правом интегральной оценки различных реакций множества респондентов, накладывает на получаемые исследователем данные дополнительный отпечаток субъективности самих интервьюеров. Однако мера этой субъективности интервьюера (осознаваемая и признаваемая нами, то есть легитимная) в фиксируемых им оценках немногим выше той неизбежной естественной субъективности «классического» интервьюера (возможно, скрытой от замысла разработчиков методики, которая обычно имеет место в протоколах обычных формализованных интервью). При этом мы полагаем, что как в классическом направленном интервью (с его латентной субъективностью интервьюеров), так и в нашей технике влияние каждой отдельной субъективности существенно понижается субъективностью всех остальных интервьюеров, минимальная численность которых в каждом отдельном уличном опросе, как нам представляется, не должна быть меньше 25–30 человек...» (Л. Кесельман. Указ. соч., с. 37).

Хочется особо отметить экономичность «делегированного наблюдения». Ибо этот метод позволяет весьма оперативно (1-2 дня) охватить «уличным опросом» несколько тысяч человек.

Массовость здесь необходима вовсе не для обеспечения формальной репрезентативности выборки или надежности усредненных данных (для чего достаточно куда меньших выборок!), а для достижения **значимого статистического наполнения отдельных социальных групп** (категорий опрошенных) **в массивах данных**. Благодаря этому становится возможным решение не только описательных (общие распределения), но и объяснительных задач, выявление и анализ широкого круга детерминаций в исследуемом социальном пространстве.

Примечательно еще, что техника статистической обработки и представления данных в работах Центра предельно прозрачна и относительно проста: двухмерные таблицы и простейшие производные показатели (индексы).

Метод «делегированного наблюдения» («уличного опроса», в изложенном смысле), разработанный Л. Кесельманом, ныне вошел в широкий социологический обиход — российский, и не только (например, применялся он украинскими социологами, в том числе в период «оранжевой» революции конца 2004 — начала 2005 г.).³³ (Март 2001 — апрель 2005).

* * *

[Ниже — фрагмент воспоминаний (а точнее — биографического, ауторефлексивного интервью) Леонида Кесельмана. Этот фрагмент касается того самого эпизода с опросом о «доверии» партийному руководству Ленинграда весной 1989 г., с которого начинался этот раздел. — А. А.]

Рассказывает Л. Кесельман (март 2005)³⁵

<...> Надо сказать, что с самого начала наших опросов публикация их результатов стала одной из основных, если не самой основной целью их проведения. Формула: «информация, полученная от людей, должна быть непременно возвращена им», стала нашим императивом.³⁵ В ситуации, когда «власть» обладала почти полной монополией чуть ли не на все имеющиеся в обществе ресурсы, подрыв ее монополии на нашем участке давал людям хоть какую-то возможность оценить свое положение в реальном социальном пространстве. Без нее очень многие из тех, кто уже давно утратил доверие к КПСС и ее мудрости, «стеснялись» признаться в этом даже самим себе и продолжали безропотно подчиняться, как им казалось, мнению такого же «стесняющегося» большинства. Наши опросы, что называется, открывали людям глаза, давая возможность оце-

³³ К вопросу о методологии и технологии изучения состояния и динамики социального сознания, разработанным Л. Кесельманом, еще вернемся. См. в томе 4 настоящей книги: глава 24.

³⁴ В полном объеме эти воспоминания, по-видимому, будут опубликованы в петербургском журнале «Телескоп», и даже, возможно, раньше, чем выйдет в свет эта книга. Но здесь автор книги следует своему обыкновению: освещать один и тот же сюжет в разных жанрах и глазами разных его участников. Публикация настоящего текста — с согласия Л. Кесельмана.

³⁵ Как явствует из сохранившегося в моем архиве собрания документов, только за период с сентября 1989 по апрель 1991 г. Л. Кесельманом было опубликовано около 100 статей на страницах ленинградских газет: «Смена», «Вечерний Ленинград», «Час пик», «Невское время» и др. (Ленинград 89-91. Социологическая летопись Леонида Кесельмана. СПб.: СЗО ССА, Центр изучения и прогнозирования социальных процессов. Май 1991. Собрание документов). В ту пору практика публикации социологических данных в массовой прессе еще только зарождалась.

нить свое место в мире, скрытом от них информационным сумраком. Даже самые невинные данные о предпочтениях и настроениях людей скрывалась от них властью с усердием не меньшим того, с которым та же власть пыталась скрыть от империалистической разведки свои главные военные тайны. Ты ведь помнишь³⁶, что информацию об отношении ленинградцев к итогам партийных съездов вы не только не имели права публиковать, ею даже в доверительном порядке вы не могли делиться со своими коллегами. Поистине, что называется, «перед прочтением жечь». Впрочем, как я теперь понимаю, такого типа власть всегда вынуждена опираться на ложь, и достоверную информацию скрывает в конечном счете не только от населения, но и от самой себя.

И хотя в официальную печать их еще не допускали, но из опубликованного во всех ленинградских газетах отчета о очередном пленуме Ленинградского обкома можно было узнать об обсуждении на нем проблемы противопоставления «псевдонаучной, провокационной деятельности всяческих кесельманов и гельманов»³⁷ подлинно научной, идейно выдержанной партийной социологии. Похоже, мы сами стали превращаться в один из мифов нарастающей перестройки. Нас, что называется, «несло». Впереди возникло открытое пространство, прогнозировать которое надо было как-то иначе, чем оставшиеся позади электоральные события, продемонстрировавшие пошатнувшееся доверие горожан еще недавно всесильной власти. Чтобы «не терять форму» и набранный темп, мы решили выяснить отношение горожан к результатам только что завершившихся выборов. Надо сказать, что предельная лаконичность общения с людьми, в ходе которого мы поначалу позволяли себе не более двух-трех вопросов, постепенно уступила место более развернутым сценариям, которые могли содержать до десяти признаков.

В ходе этого «промежуточного» опроса (впервые не связанного напрямую с каким-нибудь очередным голосованием) мы попытались выяснить уровень информированности горожан о результатах только что завершившихся в городе выборах, и отношение горожан к тому, что большая часть кандидатов, выдвинутых обкомом партии, ленинградскими избирателями была отвергнута. Сценарий включал и оценку степени доверия нынешнему составу областного комитета, а также показатель принадлежности к КПСС.

В субботу 15 апреля выдался на удивление ясный солнечный день, что позволило без особого напряжения опросить к середине дня чуть больше тысячи человек, а к вечеру ввести собранные данные в машину. И тут вдруг обнаружилось, что две трети опрошенных нами ленинградцев не испытывают доверия к областному комитету КПСС. Этот результат выглядел несколько неожиданным даже на фоне недавних поражений «отдельных представителей» этого органа, однако, отсутствие доверия беспартийных масс к теряющей власть партии уже можно было предполагать. Куда более ошеломляющие цифры обнаружились в двумерке «доверие к ОК КПСС на членство в КПСС», которая свидетельствовала о практически таком же уровне недоверия к высшему партийному органу Ленинграда среди тех, кто сообщил нам о своем членстве в КПСС.

³⁶ Л. К. Кесельман здесь обращается к своему коллеге Б. Докторову, который является его собеседником (иначе говоря — «берет» у него это ауторефлексивное интервью).

³⁷ Владимир Яковлевич Гельман — активист демократического движения в Ленинграде, один из лидеров общественного комитета «Выборы-89». Ныне — кандидат политических наук, доцент Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Если верить этим цифрам, то получалось, что фактический хозяин города и области утратил свой мандат доверия, выданный ему ленинградскими коммунистами, и подлежит смещению. Однако кто этому поверит? Члены КПСС составляли в то время примерно пятую часть взрослого населения города, и соответствующую часть выборки, т. е. двести человек. Данными, полученными на такой относительно небольшой совокупности, можно легко пренебречь. Другое дело, если бы такой результат был бы получен на выборке из тысячи членов партии. Тогда это был бы, в самом деле, серьезный политический аргумент против готовившихся к контратаке хозяев Смольного. Но чтобы получить такой аргумент, надо опросить около пяти тысяч человек. Сумеем ли за завтрашнее воскресенье — мы ведь работаем на общественных началах, то есть только в выходные дни — добавить к нашей тысяче еще четыре? То есть, нужно найти на завтра почти сто волонтеров. Но ведь надо!

До поздней ночи мы обзванивали всех, кто успел так или иначе прикоснуться к нашей работе, и тех на кого хоть как-то можно было рассчитывать. Кого-то не было дома, кто-то был болен, кто-то не имел возможности отказаться от завтрашних планов, но утром в малом зале ВТО, который мы явочным порядком превратили в нашу рабочую площадку³⁸, собралось более семидесяти человек. Казалось бы, задача решена, но тут против нас выступила природа — порывистый ветер и мощный снежный заряд, внезапно обрушившийся на город, разогнал горожан по домам, опустели еще вчера оживленные весенние улицы. Где и кого опрашивать в такую собачью погоду? Но ведь надо! До самого позднего вечера насквозь продрогшие интервьюеры несли в наш ВЦ набухшие от снежной влаги листки с располагающимися записями собранных ими данных, а общий объем выборки дошел до четырех с половиной тысяч. Это уже было серьезно. Недостающие полтысячи мы добрали в понедельник. Как и предполагали, большая выборка с точностью до процента подтвердила результат, полученный накануне на малой, — две трети коммунистов Ленинграда выразили своему обкому недоверие и легко опровергнуть это уже нельзя.

Через неделю на заседании Ленинградского отделения Советской социологической ассоциации должно было состояться обсуждение вопроса об участии ее членов в только что завершившейся избирательной кампании. Среди отчитывавшихся о проделанной работе были и мы. Где-то около трех часов дня, у входа в ИСЭП, располагавшийся «на правительственной трассе» точно посередине между Смольным и Большим домом, нас с Машей Мацкевич остановил первый секретарь Дзержинского райкома (Бобров). «Похоже, Леонид Евсеевич, вы на свой праздник опаздываете?» — обращается ко мне, доброжелательно улыбаясь, человек, которого до этого я имел честь видеть лишь издали — он в президиуме, я в последних рядах, «на галерке». А тут выясняется, что он знает меня в лицо и по имени отчеству. Когда к тебе обращается такое высокое начальство, надо соответствовать. «Да, нет, еще есть минут десять. А Вы тоже к нам?» — «Не только я». Остановились на солнышке. Обмениваемся какими-то ни к чему не обязывающими словами. Вдали на фоне по-весеннему высокого

³⁸ ВТО — Всероссийское театральное общество, правление и аппарат Ленинградского отделения которого размещался в Доме актера, на Невском проспекте. Л. Кесельман и его коллеги были там «своими людьми» со времен создания группы «Социология и театр» при ЛО ВТО (еще в 70-х гг.).

неба (28 апреля) ажурный контур Смольного собора и практически пустынная — без пешеходов улица. В какой-то момент где-то на полпути от Смольного замечаю большую группу людей, идущих во всю ширину тротуара. «Похоже, какая-то демонстрация» — указываю я нашему собеседнику на приближающуюся к нам колонну. «Да, гости на ваш праздник идут», — ухмыляется он. В центре приближившейся группы различаю знакомый по газетным фотографиям характерный седой «ежик» первого секретаря Ленинградского обкома, а рядом с ним такие же «широко известные» лица других партийных начальников города и области. «Неужто и в самом деле к нам?» — искренне удивляюсь я. «К вам, к вам», — смеется он, и устремляется навстречу своему начальству. Мы же заходим в вестибюль института, где нас встречает торжественный караул из предусмотрительно принявших угодливые позы руководителей института.

К этому моменту наша «двадцать четвертая» семинарская комната, рассчитанная, в лучшем случае, на полсотни человек, уже под завязку забита членами Советской социологической ассоциации и другими сотрудниками института, которым пришлось размещаться по трое-четверо на каждой двухместной «парте». Однако первый ряд этой самой большой институтской аудитории был предусмотрительно освобожден. Его вскоре заняли наиболее важные из гостей, пришедшие в сопровождении довольно большой группы своих помощников и охранников, основную часть которых пришлось оставить в коридоре у открытых дверей переполненного помещения. Похоже, заработавшись в ВЦ, мы пропустили начало подготовки к этому мероприятию, и только теперь поняли, что отчитываться придется не только перед своими коллегами, но заодно и перед практически полным составом бюро Ленинградского ОК КПСС, который мы терроризировали своими «подметными письмами» все последнее время. Но сейчас, похоже, они не в обиде. Часа три подряд они мужественно сидят на жестких досках в тесном душном помещении и искренне пытаются найти ответ на мучающий их вопрос — что теперь им делать? В их присутствии бюро Северо-Западного отделения Советской социологической ассоциации признает нашу профессиональную пригодность и принимает решение об учреждении Центра изучения и прогнозирования социальных процессов. С этого дня слово «прогноз» вводится в обозначение нашей команды и продуктов ее деятельности.

Надо сказать, что в то время мы и сами в какой-то мере поверили, что занимаемся «прогнозированием социальных процессов». Ведь все это время данные наших опросов позволяли не только точно «угадывать» реальных победителей, но и в количественном выражении были предельно близки к результатам следовавших за этим голосований. То есть мы сравнительно просто, без помпезной многозначительности, обычно сопровождавшей официальную «большую науку» в советское время, что называется, без «щеконадувательства», чуть ли не мимоходом предсказывали социальные события до их наступления. Наши зарубежные коллеги, да и не только они недоумевали, как с помощью таких нехитрых действий, которые совершались при помощи наших волонтеров, можно всерьез прогнозировать ключевые социальные события и процессы. Мы же недоумевали их недоумению.

Ведь чего проще: техника уличного опроса в условиях крупного (но не очень автомобилизированного) города, при соблюдении некоторых правил, позволяет

сравнительно быстро и экономично (с минимальными трудозатратами) получить достаточно объемную (в несколько тысяч единиц) выборку, надежно репрезентирующую население, проживающее на строго очерченной территории (в определенном избирательном округе или целом городе). Следовательно, на этом этапе любому, кто использует соответствующую технологию, «ошибиться» очень трудно. Само по себе электоральное поведение человека предельно приближено к вербальному. К тому же мы не только спрашиваем людей об их предпочтениях, но и сознательно корректируем их «ответы» общим впечатлением от общения с каждым из них, то есть стараемся регистрировать не само по себе вербальное поведение, а, что называется, «намерение», что еще ближе к самому поведению. Конечно, у нас нет гарантии абсолютной надежности каждого отдельного измерения, но на помощь приходит статистика, нивелирующая возможные частные ошибки. <...>

(Л. Кесельман. Рукопись. Март 2005)

* * *

[Ниже — своего рода «визитная карточка», иначе говоря — автопредставление Центра по изучению и прогнозированию социальных процессов, 1990 г. — А. А.]

**Информационное письмо
Центра изучения и прогнозирования социальных процессов
СЗО ССА (1990)**

В своей основной деятельности ленинградский Центр изучения и прогнозирования социальных процессов ориентирован на разработку вероятностных прогнозов массового социального (в том числе — политического, экономического, информационного) поведения различных социальных групп населения Ленинграда и некоторых других городов страны.

Концептуальным основанием построения прогнозов является представление о решающем влиянии на развитие социального процесса готовности (в том числе — ориентированности) различных социальных групп к определенным формам социального поведения, реализующейся в массовых поведенческих стереотипах (нормах).

Эмпирической базой прогнозирования являются данные регулярных (один-два раза в месяц) замеров соответствующих элементов массового сознания различных социальных групп населения.

Основной способ сбора первичной информации — предельно экономичная технология уличного опроса, оптимально учитывающая условия жизни различных слоев общества. Специально адаптируемая к условиям жизни населения конкретного города технология позволяет в предельно сжатые сроки (от суток до, максимум, недели) осуществлять оперативные зондажи, обеспечивающие в выборках объемом от двух до пяти тысяч (в зависимости от задачи) репрезентацию не только населения города в целом, но и специфики массового сознания отдельных социальных групп.

Качество репрезентации, обеспечиваемой этой техникой, проверено не только соотносением с параметрами соответствующих генеральных совокупностей, но и подтверждением нескольких десятков прогнозов электорального поведения населения в различных округах Ленинграда в избирательных кампаниях 1989-1990 гг.

В работе Центра в настоящее время принимает участие около двухсот специально подготовленных интервьюеров, работающих на общественных началах. В каждом отдельном опросе участвуют, как правило, не более пятидесяти из них, что позволяет в течение двух-трех дней опросить примерно в пятидесяти точках города от двух до пяти тысяч респондентов.

Оптимальная форма фиксации собранной первичной информации позволяет ввести данные одного зондажа в память ЭВМ в течение нескольких часов. Используемые Центром программы обработки дают возможность получить необходимые для анализа статистические таблицы в считанные минуты после завершения ввода собранной информации. Весь процесс ввода и обработки первичной информации разового зондажа не выходит за рамки одного рабочего дня.

Зондаж отношения различных социальных групп населения к актуальным событиям и явлениям социального процесса ориентирован на измерение отношения к соответствующим объектам не как на конечный предмет исследования (что обычно для исследований «общественного мнения»), но как на средство, позволяющее получить представление о возможных вариантах соответствующих форм массового социального поведения.

Накопленный банк данных, полученных за последние полтора года в ходе более чем пятидесяти зондажей массового сознания, позволяет Центру уже сегодня выходить на построение динамических рядов отдельных актуальных характеристик массового сознания. Это существенно повышает ценность каждого последующего замера соответствующего элемента массового сознания и обоснованность построенных на этой базе прогнозов.

Центр передает для широкого опубликования описание оперативного анализа результатов разовых зондажей массового сознания, а также аналитические тексты, обобщающие тенденции развития массового сознания и их возможную реализацию в массовом социальном (политическом, экономическом, социокультурном) поведении различных социальных групп населения.

Представление о структурной целостности и системном взаимодействии отдельных элементов массового сознания позволяет анализировать накопленные данные о характеристиках отдельных сторон массового сознания не изолированно, но в системе отношений к другим значимым событиям и объектам, что существенно повышает возможности прогнозирования соответствующих форм массового поведения различных социальных групп и населения города (региона) в целом.

Широкая ретрансляция получаемой Центром информации об отношении населения к отдельным явлениям, событиям и действиям различных социальных институтов и структур обеспечивает этим институтам (в частности, институтам власти) надежную обратную связь, а населению — инструмент для адекватной социальной ориентации в постоянно усложняющемся социальном пространстве.

Один из основных принципов деятельности Центра — получаемая им информация не может быть предоставлена **только** отдельным особо заинтересованным организациям или лицам. Не существует никаких оснований для «закрытия» информации каким-либо социальным субъектам.

Все организации и лица имеют равные права на информацию, подготовленную Центром для опубликования.

Центр не принимает никаких заказов на специальные исследования для заинтересованных лиц и организаций, предусматривающих ограничения в использовании заказанной информации. В то же время Центр заинтересован в сотрудничестве и поддержке со стороны организаций или лиц, ориентированных на максимально широкое распространение и ретрансляцию социально-значимой информации.

Издания, ориентированные на оперативную публикацию результатов массовых опросов об отношении населения к актуальным событиям общественной жизни, могут рассчитывать на незамедлительную передачу им соответствующей информации, подготовленной для опубликования в печати.

Центр заинтересован в получении оборудования и финансовых средств как в качестве компенсации издержек отдельных массовых опросов, так и на спонсорских основаниях.

Руководитель Центра Л. Кесельман
(Август 1990)³⁹

21.10. Опыт предвыборной программы. 1989

Несколько вступительных слов

После провала на мартовских выборах в Невском избирательном округе № 55 безальтернативного кандидата (первого секретаря Ленинградского обкома КПСС Ю. Ф. Соловьева; см. выше) в этом округе были назначены повторные выборы. Среди прочих, здесь оказались выдвинуты (при поддержке комитета «Выборы-89») четверо активистов демократического движения: А. Н. Алексеев, Г. А. Богомолов, В. Н. Монахов и М. Н. Толстой.

(Социолога-испытателя выдвинули два трудовых коллектива: НПО «Рудгеофизика» и киностудия «Леннаучфильм»).

Ниже — тезисы предвыборной программы автора настоящей книги, подготовленные им в апреле 1989 г., в связи с указанным выдвижением. (Март 2001).

Предвыборная программа (1989)

1. Главным направлением своей будущей деятельности, независимо от того, буду избран народным депутатом СССР или нет, считаю создание политических условий для выхода из экономического, экологического, социального, культурного, нравственного кризиса, к которому привела наше общество административно-командная система. Политическая реформа сейчас разворачивается параллельно с попытками решения неотложных экономических, экологических и т. д. проблем. Но не следует обнадёживать себя и других, что решение этих проблем будет полноценным и эффективным раньше, чем удастся обеспечить существенное углубление процесса демократизации всех общественных отношений.

³⁹ См. также: Кесельман Л. Е. Политическое сознание населения крупного города (проблемы изучения и некоторые результаты) / Социология общественных движений: концептуальные модели. Исследования 1989-1990. М.: СПбФ ИС РАН, 1992.

2. Я — не вообще за перестройку, а только за перестройку радикально-демократическую, в отличие от перестройки аппаратной, в которой народу отводится роль дисциплинированных статистов. Выразив недоверие значительной части местных партийно-советских руководителей на выборах 26 марта — 9 апреля, сотни тысяч избирателей фактически сделали свой выбор между этими двумя вариантами перестройки.

Я — вместе с теми, кто отдал свой голос, например, Ю. Болдыреву (в Московском избирательном округе) и Б. Никольскому (в Смольнинском). Я — вместе с теми, кто отказался отдавать свой голос безальтернативному кандидату — Ю. Соловьеву (в Невском избирательном округе).

3. Моя предвыборная программа может быть сведена к нескольким положениям, относящимся преимущественно к политической сфере. За что буду бороться?

3.1. За народовластие — через Советы!

Это не совсем то же самое, что «Вся власть — Советам!». Советы, то есть Съезд народных депутатов или местный совет — лишь средство для осуществления самим народом своей власти. Необходим не только демократический механизм выборов, но и столь же демократический механизм обратной связи — подконтрольности, подотчетности, отзыва депутатов, если избиратели не согласны с решением, за которое их депутат голосовал. А для этого всякое голосование в Совете должно быть поименным, и список голосовавших «против» или «за» должен быть доступен избирателям. В случае массового отзыва депутатов Закон должен предусматривать возможность досрочных перевыборов Совета.

3.2. За подконтрольность аппарата депутатам!

Безусловное подчинение аппарата, всех исполнительных органов, включая общесоюзные, соответствующему Совету. Право нижестоящего Совета на приостановку действия решений ведомств до решения вышестоящего Совета. Депутаты всех уровней должны быть облечены правом доступа к любой аппаратной и ведомственной информации, для принятия обоснованных решений. Возможность внеочередной смены любого аппаратного работника, назначенного (нанятого) Советом. Цепочка народовластия предполагает, что аппарат подконтролен Совету, а не наоборот, как это имеет место до сих пор.

3.3. За альтернативность законотворчества!

Этот тезис предполагает обязательную (узаконенную) конкурсность и альтернативность разрабатываемых законопроектов или проектов решений Советов. Как минимум, на обсуждение Совета должны представляться два законопроекта, разработанные разными, конкурирующими друг с другом депутатскими комиссиями. Следует допустить постановку на обсуждение Совета и проектов, родившихся вне его комиссий. После обсуждения одна из альтернатив принимается за основу, потом дорабатывается, используя ценное из отвергнутых вариантов. Опубликование альтернативных проектов законов и решений Советов позволит лучше учесть и общественное мнение. Следует решительно отказаться от практики обсуждения, хоть на сессии, хоть всенародно, одного-единственного законопроекта.

3.4. За «советскую власть» на производстве!

Советы трудовых коллективов должны стать аналогом советской власти на производстве. Для этого они должны избираться всеобщим (для данного

коллектива), прямым, тайным голосованием. Организовать это не труднее, чем выборы в избирательных округах. Директор, специалисты должны заниматься Советом трудового коллектива, быть ему подотчетными. Принцип единоначалия сохраняется только для оперативного руководства, текущей организации производства. Без развития производственной демократии — неизбежна пробуксовка хозрасчета, экономической реформы.

3.5. За инициативную демократию!

Инициативная демократия, предполагающая свободу инициативного осуществления гражданами и их объединениями общественных функций, должна стать равноправным звеном общественной жизни, наряду с непосредственной и представительной демократией. Такая демократия предполагает независимость инициативных граждан, осуществляющих свое право на участие в общественных делах, при обязательной регистрации их *[общественных объединений]*. — А. А./ в местных советах и при отсутствии ограничений на их деятельность, кроме общеправовых. Инициативная демократия может принимать форму и заочных собраний, путем сбора подписей под требованием или предложением, которое, по достижении определенного порога поддержки (число подписей), обязательно рассматривается соответствующим Советом.

3.6. За равноправие общественных организаций!

Все общественные организации равны перед законом. Ни одна из них не может пользоваться преимущественными правами. В частности, следует отказаться от ныне указанного порядка выборов народных депутатов по априорным квотам. Несовместимо с принципами правового государства и конституционное закрепление руководящей роли КПСС (ст. 6 Конституции). Эта руководящая роль сегодня обеспечена результатами выборов, в частности преобладанием коммунистов среди народных депутатов, и не может обеспечиваться иначе. Не должно быть никаких правовых ограничений на возникновение и деятельность иных политических организаций, сотрудничающих или даже конкурирующих с правящей партией, если они сами не ставят себя вне закона, нарушая известные конституционные запреты (применение или призывы к насилию, разжигание национальной розни и т. д.).

3.7. За привилегии только тем, кто нуждается в социальной защите!

Безусловная отмена всех и всяческих привилегий управленцам. Вместе с тем — развитие системы мер социальной помощи, своего рода «привилегий» — детям, женщинам, старикам. Равно как и тем, перед кем наше общество в особом долгу: жертвы репрессий, бывшие воины-«афганцы», блокадники, ветераны Великой отечественной войны. Разумеется, никаких привилегий народным депутатам, кроме депутатской неприкосновенности.

3.8. За многообразие форм хозяйствования!

Уже сегодняшняя экономика нашей страны по существу многоукладна. Необходимы политические и правовые гарантии плюрализма форм хозяйствования, включая не только государственную и кооперативную, но и индивидуальную *[частную]*. — А. А./ собственность на средства производства. Последняя — в сфере обслуживания, сельского хозяйства, в производстве мелкотоварной продукции, при исключении опасности гипертрофированного развития частнособственнических тенденций за счет правового огра-

ничения масштабов такого производства и путем прогрессивного налогообложения доходов. Создание режима максимального благоприятствования арендному и акционерному производству.

3.9. За антибюрократическое законодательство!

Подавляющее большинство правовых норм, призванных защищать гражданина, личность от административно-бюрократического произвола, ныне оказываются неэффективными или даже бездействующими. Необходима радикальная ревизия действующего законодательства под этим углом зрения и создание правового режима благоприятствования тому, кто менее социально защищен, у кого меньше власти. Считаю целесообразной разработку специального «Закона против бюрократических извращений», ограждающего граждан от ситуаций, часто возникающих благодаря несовершенству других законов. Такие ситуации можно определить: «Формально правильно, а по существу издевательство». При этом предусмотреть возможность обращения в суд по нарушению этого закона в порядке частного обвинения гражданином конкретного должностного лица или органа.

3.10. За законодательное закрепление режима гласности!

Считаю, что предварительная цензура должна быть отменена и заменена преследованием органа информации по суду, в случае распространения им ложных, порочащих сведений, а также в случае разглашения государственных тайн. Перечень последних должен быть сведен к минимуму и быть исчерпывающим. Ликвидация ведомственных запретов на информацию. Отмена грифов секретности на экологическую и социальную информацию. Право граждан и их объединений на выпуск независимых изданий на кооперативных и т. п. началах, при отсутствии ограничений, кроме общеправовых.

4. Изложенные положения, разумеется, не охватывают полного круга мер политического переустройства, являющегося необходимым условием успешного, хоть и не немедленного решения всех остальных проблем, скорейшего выхода из кризиса и продвижения по социалистическому пути. Я стремился подчеркнуть те моменты, которые в программах других кандидатов, стоящих на позициях радикально-демократической перестройки, менее разработаны или освещены.

А. Алексеев, апрель 1989

Ремарка 1: политическая эйфория конца 80-х гг.

Наивный романтизм этой «радикально-демократической» политической программы сегодня вполне очевиден. Стоит, однако, заметить, что не более реалистичными и «прозорливыми» были тогда и предвыборные программы большинства других демократических кандидатов. (Май 2003).

Ремарка 2: не только депутатом, но и зарегистрированным кандидатом не стал...

Окружная избирательная комиссия Невского района г. Ленинграда отказала автору этих строк (равно как и Г. А. Богомолову и Ю. М. Нестерову) в регистрации в качестве кандидатов в народные депутаты СССР. Телеграмма в Центризбирком:

«Считаем не законными действия окружных избирательных комиссий по 19, 51 и 55 округам, отказавших в регистрации кандидатам Иванову, Несте-

рову, Алексееву и другим под предлогом того, что они не работают и не проживают в данных округах. Просим немедленно восстановить законность!

От имени депутатов Болдырева, Денисова, Клепикова, Кузнецова, Никольского, Собчака, Цыпляева народные депутаты СССР Болдырев Денисов. 21.04.89» (цит. по: Северо-Запад, 1989, № 7).

Тем не менее, попытки добиться регистрации дискриминированных Невским окривбиркомом кандидатов не увенчались успехом.

Тогда несостоявшийся кандидат (автор этих строк), уже имевший успешный опыт в роли доверенного лица избранных ранее народных депутатов СССР (Ю. Ю. Болдырева, Б. Н. Никольского) стал **доверенным лицом** своего «соперника-единомышленника» — ученого-физика Михаила Никитича **Толстого** (формально зарегистрированного в качестве кандидата, поскольку проживал в Невском районе). Тому победить на выборах в мае 1989 г., однако, не удалось.

Лишь на следующий год (1990) М. Н. Толстой был избран — по этому же округу — народным депутатом РСФСР. (Март 2001 — май 2005).

* * *

Вместо заключения (к главам 19-21)

В трех последних главах («Клуб “Перестройка”...»; «Народный фронт»; «Выборы-1989») представлены некоторые материалы и документы общественно-политической жизни Ленинграда конца 1987 — начала 1989 гг. Это также и страницы собственной общественной биографии автора.

Внимательный читатель мог заметить, как, при всей революционной стремительности исторического развития («Дальше!.. Дальше!..»), все же медленно, затрудненно происходит расставание главного героя (социолога-испытателя) с социальными иллюзиями, сформированными всей его предшествующей «сознательной» жизнью.

Впрочем, пожалуй, не в меньшей мере характерно это и для большинства его товарищей по демократическому движению. В этом последнем, как уже говорилось, **полностью «растворился»** (сошел на нет?) **эксперимент социолога-рабочего**.

Пройдет еще год с лишним, прежде чем автор добровольно **выйдет из партии** (июль 1990), с которой (точнее — с идеальным образом того, какой она, как он считал, должна быть, но не является...) идентифицировал себя почти 30 лет.

И еще несколько лет пройдет, прежде чем наступит отчетливое осознание того, что... жалеть ни о чем не надо, но и гордиться особенно нечем!

А надо — **не ослаблять усилий постижения**, т. е. раскрытия смысла (и механизмов) происходящих в обществе процессов, а также внутриличностных изменений стремящегося к такому постижению субъекта.

Что автор и пытается делать в этой книге, в ретроспективном взгляде на события теперь уже более чем 15-летней давности.

... «**Что было после...**» — это уже другая история. (Март 2001 — май 2005).

Приложения к главе 21

П.21.1. Пятнадцать лет спустя: выборы в Государственную Думу Российской Федерации – 2003. Социологический комментарий

[Ниже — текст статьи, опубликованной в журнале «Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев» (январь-февраль 2004). — А. А.]

Социологический комментарий к результатам выборов в Госдуму РФ — 2003

...Результаты голосования... отражают то, что думает народ России...
В. Путин

Как известно, количественные результаты выборов в Государственную Думу отражаются в протоколах, где указываются: абсолютное количество (число) избирателей, включенных в списки; число избирательных бюллетеней, выданных избирателям; число бюллетеней, извлеченных из избирательных урн; число действительных бюллетеней; количество голосов избирателей, поданных за каждого из кандидатов или за каждую партию (избирательный блок).

Из этих базовых цифр высчитываются производные показатели:

(а) процент явки избирателей; (б) процент голосов, поданных за каждого кандидата, а также «против всех»; (в) процент голосов, поданных за каждую партию (избирательный блок), а также «против всех».

(Процент явки берется от числа избирателей, внесенных в списки; проценты голосов берутся от числа бюллетеней, признанных действительными).

Вот этими процентами, в сущности, и определяются итоги выборов, соответственно:

(а) состоялись выборы или нет (согласно закону, нижний порог явки на парламентских выборах — 25%); (б) кто избран депутатом Госдумы от всякого данного территориального избирательного округа (согласно закону — достаточно относительного большинства голосов); (в) какими из партий (блоков) преодолен так называемый 5-процентный барьер (в сумме голосов по всей стране) и в каких пропорциях победившие партии будут представлены в Думе.

Итоги федеральных выборов принято трактовать как волеизъявление народа, а конкретно — всех граждан, имеющих конституционное право избирать органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме (ст. 32 Конституции РФ).

Попробуем, однако, задаться вопросом, ответ на который вообще-то не прост: **чье** же все-таки это волеизъявление, иначе говоря: **кому** оно, волеизъявление, на самом деле принадлежит? Всем ли гражданам (независимо от того, участвовали они в голосовании или нет) или — только тем, кто опустил свой бюллетень в избирательную урну?

Тут, конечно, возможен ответ: участие в выборах есть дело добровольное. Тот, кто имеет право, но почему-либо не смог или не захотел подать свой голос, тем самым предоставил другим «решать за него». Фактически он пассивно «присоединился» к волеизъявлению тех, кто собственно голосовал. Стало быть, совокупность голосовавших «изъявила» также и его волю (отсутствие таковой?).

Так мог бы, наверное, рассуждать юрист. Но я попытаюсь ответить на поставленный вопрос в своем профессиональном качестве социолога.

Здесь стоит заметить, что практически все, кто сегодня обсуждает итоги выборов (будь то рядовые граждане, профессиональные аналитики или политическая элита), рассматривают электоральные результаты в основном прагматически: кто выиграл, а кто проиграл? Важно: «Какой счет?». Как в спорте...

При этом (тоже, как в спорте) подразумевается, что «выигравший всегда прав» (если, конечно, им не нарушены правила игры или — точнее — не удалось доказать, что правила были нарушены), проигравший же — «всегда не прав».

Далее, обычно исследуют причины выигрыша одних и проигрыша других (что вроде бы соответствует известной формуле: «Кто виноват?», по крайней мере для последних). И, наконец, сакраментальный вопрос: «Что делать?», или — в прогностическом ключе: «Что будет дальше?».

Такова модель едва ли не всех обсуждений выборов итогов: констатация фактов — объяснение — прогноз. Ну, иногда попытка извлечения практических выводов.

Но, пожалуй, во всех поствыборных анализах и комментариях есть один упорно воспроизводящийся пробел, изъян, умолчание. И в значительной мере этот пробел связан как раз с вопросом, поставленным выше: чья же все-таки воля изъявлена в результатах голосования?

Даже если признать этот вопрос схоластическим (что вообще-то не так!), уместно, тем не менее, сопоставить разные ответы на него. Один, как бы официальный, хоть и не прописанный буквально в законе, но неявно подразумеваемый ответ уже заявлен: налицо волеизъявление **всего** населения страны. Другую точку зрения изложу ниже.

Думаю, что **волеизъявление**, в строгом смысле, **принадлежит совокупности** (множеству) **тех и только тех избирателей, которые пришли на выборы**. Те же избиратели, кто на выборы не пришел, непосредственно в этом волеизъявлении вовсе не участвуют. А опосредованно они «участвуют» в нем лишь постольку, поскольку «помогли» образоваться тем электоральным результатам, которые могли бы оказаться иными, в случае если бы эти люди реализовали свое право избирателя.

Такой ответ вроде бы ближе к здравому смыслу, чем абстрактные рассуждения на тему о волеизъявлении народа. Однако здравому смыслу, в данном случае, нелегко конкурировать с привычной мифологемой.

В общественных представлениях, активно подпитываемых СМИ, происходит обычно не замечаемая подмена понятий: считается само собою разумеющимся, что пришедшие на избирательные участки граждане (именно они!) выражают «реальные симпатии» населения, «политический выбор» народа или как бы это еще ни называть. Электоральная поддержка тому или иному кандидату, той или иной партии, фактически оказанная только голосовавшими избирателями, отождествляется с «интересами» или «волей» всех граждан, включая тех, кто в данных выборах не участвовал.

А не участвовали в выборах в Госдуму четвертого созыва, проходивших 7 декабря с. г., как известно, в среднем по России около 44%, а в некоторых регионах (например, в Санкт-Петербурге, в Ленинградской области) — так и свыше половины избирателей.

В политическом смысле такие федеральные выборы вполне легитимны (напомню: нижний порог явки для выборов в Госдуму — 25%). Вот только неправомерно, как я считаю, истолковывать эти электоральные результаты как плод общенародного волеизъявления. Что на самом деле «думает», «хочет» и т. д. народ, его политическое сознание — это вовсе не распределением голосов тех, кто пришел на выборы, обнаруживается.

Как же выявить структуру политических симпатий и электоральных предпочтений **всего** населения? Обычно это пытаются делать посредством социологических опросов, репрезентативных относительно той или иной генеральной совокупности (скажем, населения региона или даже всей России) и более или менее адекватно отображающих структуру, в частности, политического сознания.¹

Социологические, а также — политологические предвыборные прогнозы иногда оказываются довольно точными, иногда — ошибочными. Казалось бы, сама электоральная практика, результаты выборов (разумеется, когда эти результаты не сфальсифицированы!) выступают «критерием истины». Так оно, в общем-то, и есть, но — опять же! — только для определенной части населения, а именно — тех граждан, которые воспользовались своим конституционным правом избирать.

Про всех остальных с уверенностью можно сказать лишь то, что они в данных выборах **не участвовали**.

Чтобы полноценно судить о происходящих в обществе процессах, в том числе — о масштабах и характере электоральной поддержки, оказываемой тем или иным политическим силам недостаточно «общих распределений», каковыми являются количественные результаты выборов. С социологической точки зрения главный интерес представляют **социально-структурные** параметры политического сознания и поведения, и в частности — вовлеченности населения в электоральный процесс.

Тут, даже и невооруженным глазом, можно заметить определенную специфичность голосующей части электората и ее заведомую «непредставительность» относительно всей массы избирателей.

Главными социальными различиями постоянных участников выборов и тех, кто в выборах обычно не участвует, являются **поколенческие различия** и отчасти связанные с ними различия в степени **экономической активности**. Люди старших возрастов (особенно — неработающие пенсионеры), а также люди с более низкими доходами, лица, занятые в бюджетной сфере, — вот кто чаще других приходит на избирательные участки в день выборов. А вот молодежь (в частности, студенты), а также люди с более высокими доходами, лица, занятые в частном секторе, — чаще предпочитают выборы игнорировать. Таким образом, наиболее политически пассивной (в смысле неучастия в выборах) оказывается наиболее экономически активная часть населения. И наоборот.

Эти важные социальные факты достаточно надежно установлены в целом ряде современных социологических исследований.²

¹ Здесь следует оговорить, что заказные предвыборные, рейтинговые опросы в большинстве своем к социологии отношения не имеют; но это — другая тема.

² См., например, в журнале «Телескоп»: работа Л. Кесельмана и М. Мацкевич — 2002, № 3; работа М. Илле и В. Сергеева — 2003, № 5.

Понятно, что участники и не участники выборов различаются не только по указанным объективным социальным характеристикам, но также и по своему миропониманию, ценностным ориентациям, жизнеощущению. Так, по данным социального мониторинга Л. Кесельмана, в группе «непременных» участников выборов существенно выше, чем в среднем по городскому населению, доля не сумевших адаптироваться к новым социально-экономическим реалиям, людей с внешней атрибуцией ответственности, т. е. тех, кто полагает свое благополучие зависящим преимущественно от внешних обстоятельств (других людей, начальства и т. п.), в отличие от людей с внутренней атрибуцией, относящих ответственность за свое благосостояние или вообще за свою судьбу преимущественно к себе самим.

А вот среди игнорирующих выборы особенно велика как раз доля лиц с внутренней атрибуцией ответственности. Такие могли бы сказать, что «им это не нужно»: в своей жизни они рассчитывают главным образом на себя, в «азартные игры с государством» играть не хотят. Они сумеют устроить свою жизнь при любой власти (хоть, может быть, и предпочли бы, чтобы та поменьше им мешала).

Соответственно, существенно разнятся две категории избирателей (участвующие в выборах и не участвующие в них) также и по политическим предпочтениям. Впрочем, эти предпочтения остаются как бы «внутренним делом» тех, кто на выборы не пришел. А эти последние, напомним, составляют сплошь и рядом большинство жителей региона.

Здесь не буду дальше рассматривать социальные и социально-психологические различия указанных двух частей электората: **голосующее меньшинство и неголосующее большинство** (по крайней мере для мегаполисов соотношение именно такое!). Это — предмет специального исследования, которое сейчас осуществляется в нашем городе группой социологов во главе с Л. Кесельманом (Социологический институт РАН), да, думаю, и не только этим исследовательским коллективом.

Не стану сейчас обсуждать и вопрос об истоках и социальных механизмах того современного феномена, который я бы определил как нарастающий политический или **гражданский абсентеизм** населения.

Цель настоящих заметок — лишь обозначить социальную проблему массового отказа от участия в выборах. Пожалуй, эта социальная проблема возрастает ныне также и в проблему практически-политическую (ввиду возрастающей неадекватности состава высшего государственного органа спектру интересов всего населения страны).

Но этим не исчерпывается наш социологический комментарий к состоявшимся выборам в Госдуму РФ четвертого созыва.

Как уже говорилось, количественные результаты выборов 7 декабря, будь то в разрезе избирательных участков, территориальных округов, целых регионов, будь то суммарные по стране, сводятся к трем группам статистик:

(а) статистика явки на выборы; (б) статистика голосований за разных кандидатов; (в) статистика голосований по партийным спискам.

В свете всего сказанного выше, может показаться удивительным, что эти три статистики не только предъявляются Центризбиркомом и тиражируются СМИ, но и рассматриваются едва ли не всеми аналитиками, не говоря уж о рядовых гражданах, — **отдельно** друг от друга.

Что касается официальной сводки количественных результатов, форма которой задается самой выборной процедурой (см. выше) — тут, собственно, удивляться нечему. Но для социальных аналитиков, пожалуй, непростительно: ведь их должен интересовать не только политический, но и социологический результат прошедших выборов. И для рядового гражданина (хоть голосовавшего, хоть нет) этот последний результат, думаю, тоже был бы небезынтесен.

Как ни странно, при активнейшем публичном обсуждении политических (по преимуществу!) итогов выборов в Госдуму (результаты до сих пор предварительные, но доли процентов здесь не играют роли), никто пока «не догадался» агрегировать две статистики: явка избирателей и результаты голосования по партийным спискам, — в производный (элементарно вычисляемый!) показатель **реальной электоральной поддержки** тех или иных политических сил. Таковым мог бы быть процент голосов в пользу той или иной партии от общей численности избирателей (= полного электората).

Вот таблица с этим показателем. (Рассчитано по данным, опубликованным в газете «Невское время» от 9 декабря 2003 г.).³

**Итоги выборов в Госдуму РФ четвертого созыва по партийным спискам
(декабрь 2003)**

Явка избирателей, в %	по России		по Санкт-Петербургу	
	ок. 56		43,8	
Доля проголосовавших, в %	от числа участников выборов	от общей численности избирателей	от числа участников выборов	от общей численности избирателей
Партии и блоки				
1	2	3	4	5
<i>Единая Россия</i>	37,1	20,8	30,7	13,5
<i>КПРФ</i>	12,7	7,1	8,5	3,7
<i>ЛДПР</i>	11,6	6,5	7,8	3,4
<i>блок «РОДИНА»</i>	9,1	5,1	13,7	6,0
<i>«ЯБЛОКО»</i>	4,3	2,4	9,0	3,9
<i>СПС</i>	4,0	2,2	9,2	4,0
<i>Аграрная партия</i>	3,7	2,1	1,5	0,7
<i>ПВР - РПЖ</i>	1,9	1,1	5,3	2,3
Прочие партии	10,8	6,1	10,5	4,6
<i>Против всех</i>	4,8	2,7	3,8	1,7
Итого:	100,0	56,1	100,0	43,8
Не участвовали в выборах		43,9		56,2
Итого:		100,0		100,0

³ Данные округлены мною до 0,1%.

Как видно, ранжировка «победителей» и «аутсайдеров» в колонке (3) не отличается от колонки (2) (да и не могло быть иначе, поскольку разные проценты голосов, полученных той или иной партией, умножались на постоянный коэффициент — единый в пределах данной территории процент явки). Но картина результатов минувших выборов от такой статистической операции утратила всякую неопределенность и обрела, я бы сказал, социологическую информативность.

Что же имеем на выходе нашей попытки «социологической фокусировки» картины результатов выборов?

Реальная электоральная поддержка, оказанная партии «Единая Россия» населением страны, характеризуется показателем 20,8% (а вовсе не 37,1%, как может подумать простодушный человек, увидевший эту цифру на телеэкране или на газетной полосе). А для Петербурга соответствующий показатель — 13,5% (а вовсе не 30,7%). Примерно в два раза ниже известных электоральных результатов всех остальных партий и блоков, фигурирующих в колонках (2) и (4) нашей таблицы, также и соответствующие показатели реальной электоральной поддержки, представленные в колонках (3) и (5).

Президент РФ В. Путин заявил на следующий день после выборов 7 декабря:

«Для меня абсолютно ясно, что результаты голосования отражают реальные симпатии населения, отражают то, что думает народ России, реалии нашей политической жизни. Те, кто считает себя проигравшими, должны проанализировать — почему. ...Что касается победителей, то хотел бы предостеречь их от ненужной эйфории...»

То, что «абсолютно ясно» Президенту, по крайней мере, частично опровергается вышеприведенными данными, полученными путем элементарного перемножения дробей (проценты голосов и явки).

Да, «реалии нашей политической жизни» в результатах голосования 7 декабря вполне отразились. Что же касается «реальных симпатий населения», то дело обстоит следующим образом: **каждый пятый** российский избиратель (около 21%) проголосовал за «партию власти», а остальные проголосовали иначе (около 35%) либо воздержались от участия в выборах (около 44%).

А уж насчет отражения (в результатах голосования) того, «что думает народ России» спичрайтеры Президента и совсем маху дали (в свете всего изложенного выше).

Конечно же, как отмечает Президент, тем, «кто считает себя проигравшими» (да не только они себя таковыми считают, а и очевидный факт: будь то Союз правых сил или «Яблоко», будь то КПРФ), следует проанализировать: **почему они проиграли?** «Победителям» же стоит не только внять предостережения Президента от «ненужной эйфории», но, как мне кажется, и задаться вопросом: **благодаря кому они на самом деле выиграли?**

Они обязаны своей политической победой: а) в первую очередь — тем, кто за них «собственноручно» проголосовал (социально-структурные особенности голосующей части электората более или менее известны); б) во вторую очередь — той значительной (а в некоторых регионах — подавляющей) части избирателей, которая от участия в выборах уклонилась (чем бы такое «электоральное» поведение ни мотивировалось).

Оговорю, что здесь мною не обсуждаются вопросы выборной стратегии и тактики, эффекты «пиар-кампаний» отдельных партий и т. п.; речь идет исключительно о **социальной базе** электоральной поддержки, полученной «победителями».

Тут уместно заметить, что сама по себе масса «голосующих ногами», как можно косвенно судить, например, по достаточно надежным данным делегированного наблюдения (уличного опроса в Петербурге, проведенного во второй половине октября 2003 г., с выборкой свыше 10 тыс.), весьма дифференцирована по своим политическим ориентациям: если среди заведомых «отказников» (категорически не желающих участвовать в выборах) лишь 28,5% симпатизируют какой бы то ни было партии (в том числе «Единой России» — 6,5%), а остальные либо «против всех» — 42%, либо безразличны к партиям — 20%, либо не определились — 9,5%, то в самой многочисленной (в рамках всего электората) группе «маловероятных» участников (обычно такие тоже не голосуют!) доля симпатизирующих какой-либо партии все же достигает почти половины (48%), однако предпочтение, оказываемое «партии власти», здесь существенно ниже, чем в группах «возможных» или «непременных» участников выборов: 16% против 25,5%.⁴

Итак, можно достаточно уверенно утверждать, что если бы на выборы пришла хотя бы часть из тех, кто в действительности этого не сделал, то, при прочих равных условиях, абсолютное количество проголосовавших, в том числе и за «Единую Россию», увеличилось бы, однако процент поданных за «партию власти» голосов (от числа участвовавших в выборах) снизился бы.

Но не стану в этих заметках предвосхищать аналитическую работу и возможные выводы исследователя социальной проблемы вовлеченности в электоральный процесс, не говоря уж о том, что может показать дальнейшее социологическое изучение современного политического сознания населения России.

Несколько слов о сравнении разных регионов по результатам выборов. Я сегодня располагаю данными по Петербургу и по России; их и сопоставлю.

Официальный процент голосов, поданных за «Единую Россию», для страны в целом — 37,1%, а для Петербурга — 30,7%.⁵ Разница есть, но не столь уж значительная. Теперь возьмем соответствующие проценты реальной электоральной поддержки: 20,8% (страна в целом) и 13,5% (Петербург). Как видно, поддержка, оказанная «партии власти» в городе на Неве, не «чуть-чуть», а в 1,5 с лишним раза слабее, чем в среднем по России.

Для партий же «аутсайдеров» — выясняется обратная картина. Например: официальный процент голосов, поданных за «Яблоко», для Петербурга — 9,0%, а для страны в целом — 4,3%. Вроде бы популярность этой партии в северной столице выше, чем в среднем по России, более чем вдвое. А вот реальная электоральная поддержка «Яблоку» в Петербурге (4,0%) сильнее, чем в среднем по России (2,4%), всего в 1,6 раза.

Здесь продемонстрированы лишь некоторые эвристические возможности (информативность, «разрешающая способность») показателя реальной электоральной поддержки, исчисляемого в процентах голосов, поданных за ту или

⁴ См. Галина Старовойтова — продолжение жизни / Под ред. Л. Е. Кесельмана. СПб.: Норма, 2003, с. 192. Приводимые там данные здесь округлены мною до 0,5%.

⁵ Напомним, что здесь используются данные **предварительного** подсчета голосов, опубликованные на следующий день после выборов.

иную политическую силу, от общей численности избирателей. В принципе аналогичная процедура может быть применена и для электоральных результатов кандидатов, избираемых по одномандатным округам. Соответственно — и для количественных итогов предстоящих выборов Президента России.

...Все рассчитанные мною и предъявленные здесь статистики — это некоторые социологические (а не политические!) результаты выборов в Госдуму РФ — 2003. Оговорю, что они действительны лишь при том принципиальном допущении, что в официальные данные, в частности, явки на выборах не вкрались, скажем так, неточности.

Например, на выборах губернатора Санкт-Петербурга в сентябре 2003 г. в голосовании приняли участие около 29% избирателей. А в декабре явка на федеральные выборы в нашем городе составила около 44%! Дать реалистичное объяснение столь крутому взлету показателя электоральной активности жителей Петербурга, от губернаторских выборов к думским, автор настоящих заметок затрудняется.

Алексеев А. Н., ведущий научный сотрудник Социологического института РАН

18 декабря 2003 г.

Р. С. Только что, в «Новой газете» (2003, № 94, 15-17 декабря), обнаружил текст замечательного российского публициста Юрия Роста под названием «Некто или кое-кто. Устав и программа, придуманные для тех, кто продолжает жить». Там есть такое замечание:

«...Разумных людей, то есть наивных беспартийных (*не пошедших на выборы.* — А. А.), оказалось **около пятидесяти процентов от общего числа избирателей**. По данным ЦИК, неголосовавших и голосовавших "против всех" (это наши страстные товарищи) **в три раза больше** (*если точно — в 2,5 раза больше.* — А. А.), чем отдавших свои голоса за победителя - "Единую Россию", не говоря об остальных...».

Слава богу, знать, не только мною произведен этот не хитрый подсчет! А. А., 19.12.2003

(Телескоп. Наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2004, № 1, с. 34-37)

П.21.2. Еще год спустя: январь 2005. Последние события и вопросы дня

[Ниже — извлечения из двух петербургских газет последней недели января 2005 г. — А. А.]

Из «Новой газеты в Санкт-Петербурге» (январь 2005)

За горячим январем — пламенный февраль?

В минувшую субботу [29 января 2005 г. — А. А.] «Маршем против кремлевского произвола» закончилась серия громких уличных акций в Петербурге. Горячий январь в северной столице подошел к концу. Говорят, нового всплеска уличной борьбы следует ждать в середине февраля.

В половину первого в сквере напротив Дворца «Юбилейный» было многолюдно. Как и в подземном вестибюле метро «Спортивная», где многие демонстранты грелись перед маршем. Количество флагов, транспарантов и прочей изобразительной продукции подсчету не подлежало — на марш собрались практически все оппозиционные политические партии и движения города. Проще сказать, чьих флагов и значков не было: разумеется, «Единой России» (то есть их эмблема имелаась, но с характерной подписью — «Медведей — в берлогу!»), ЛДПР, «Родины» (рогозинцев петербургская оппозиция не сильно жалуется), СПС и Партии жизни. Стоит отметить, что если на предыдущих акциях преобладали флаги левых, то сейчас они были серьезно разбавлены символикой яблочников, хакамадовцев и прочих. Да и молодежь коллективно сравнивалась с пенсионерами.

Правда, поначалу собравшиеся еще косо поглядывали друг на друга, но постепенно оттаивали, вдохновленные общим делом, преодолевали политические и возрастные антипатии. «Долой Хакамаду!» — начала было возмущаться одна старушка, увидев флаги «Нашего выбора», но на нее тут же накинулись другие пенсионерки, убеждая, что «не время сейчас», «надо объединяться», а уж «промеж собой решим все потом, на выборах».

Сколько собралось демонстрантов, точно сказать сложно: одни называют цифру 2 тысячи, другие 6. По данным милиции, в марше протеста и последующем митинге приняли участие около 5 тысяч человек. Так что суботний марш протеста стал самой многочисленной из всех трех санкционированных акций прошедшей недели...

В час дня успешная подмерзнуть колонна двинулась по направлению к метро «Горьковская», где на площади перед театром «Балтийский дом» состоялся часовой митинг. Демонстранты пели, скандировали лозунги: «Путин в отставку!», «Позор!», «Долой вертикаль!», «Прекратить войну в Чечне!», «Когда мы едины, мы непобедимы!»... Ближе к финалу акции на площади появились символические оранжевые палатки.⁶ А по окончании митинга народ не спешил расходиться, и люди, разбившись на группки, еще долго обсуждали, спорили, пытались договориться.

Разумеется, требования отмены 122-го закона⁷ тоже звучали, и немало лозунгов было посвящено именно этой проблеме. Однако назвать все происходившее в субботу очередным маршем против монетизации льгот (а уж тем более митингом пенсионеров) может разве что слепой. 29 января в Петербурге прошла массовая политическая демонстрация, объединившая самую разношерстную компанию — от школьников до ветеранов, от малоимущих до бизнесменов...

А в феврале нас, очевидно, ждет новый этап ситцевой революции. Следующая акция, как говорилось на митинге, пройдет в десятых числах февраля. К этому времени, кстати, заканчиваются каникулы у студентов, а пред-

⁶ Перекличка с «оранжевой» революцией конца 2004 г. в Украине.

⁷ Так называемый «закон о монетизации льгот» (2004).

ставители студенческих профсоюзов уже заявили о готовности выйти на улицы. Так что, возможно, февраль станет в городе на Неве горячее января.

Денис Сысоев

(Новая газета в Санкт-Петербурге, 31.01-02.02.2005)⁸

* * *

Резолюция «Петербургского гражданского сопротивления»
(Консультативного совещания оппозиционных партий и движений)

В России установился режим тотального чиновного произвола. Социальные гарантии рядовых граждан уничтожаются на корню. Парламенты и суды — «построены». Независимые от власти телеканалы — задавлены. Бизнес запуган. Регионы — ограблены и ущемлены в правах.

Бюджетные миллиарды, полезные ископаемые, недвижимость, квоты, налоги, пошлины, лицензии и прочие государственные ресурсы по факту являются сегодня «коллективной собственностью» не всего народа, а лишь огромной и ненасытной чиновничьей орды.

Президент и подконтрольная ему армия чиновников принимают важнейшие решения, от которых зависит судьба миллионов граждан, втайне от общества и нисколько не считаясь с его реальными интересами.

Бесконтрольность деятельности администрации всех уровней, ее абсолютная оторванность от народа оказалась возможной потому, что вот уже пятый год подряд Кремль проводит целенаправленный курс на установление в стране полицейско-бюрократической диктатуры, официально именуемой «вертикалью власти». Все, что не вписывается в эту чиновно-самодержавную по своей сути модель управления, начиная от «слишком строптивых» губернаторов и олигархов — и заканчивая льготниками, студентами, представителями малого бизнеса, врачами, учителями и прочими «лишними», с точки зрения бюрократии, категориями граждан, — подвергается безжалостному подавлению и уничтожению.

«Борьба с терроризмом», объявленная приоритетным направлением в деятельности российской власти, в действительности сводится лишь к ущемлению прав граждан, в том числе по национальному признаку, но отнюдь не к ликвидации террористической угрозы, которая с каждым днем становится все серьезнее.

При этом Кремль не допускает ни малейшей критики в свой адрес. Те, кто осмеливается громко и открыто сопротивляться, в итоге изгоняются из органов власти и средств массовой информации, лишаются бизнеса, оказываются за границей или за решеткой.

Выборы в этих условиях превратились в фарс, в процедуру повсеместных манипуляций, фальсификаций и поправки прав кандидатов и избирателей.

---

⁸ «...Всего за прошедшие четверг, пятницу и субботу в стране прошло более пятидесяти акций протеста разного масштаба. Митингующие все чаще скандируют: "Путина — долой!", а предлагают конкретные меры по изменению ситуации в стране... Самые масштабные акции проводились в Омске, Архангельске, Котласе, Пскове, Калининграде, Якутске, Ставрополе, Иркутске, Владимире, Кирове, Саранске, Екатеринбурге, Санкт-Петербурге, Находке, Сахалине, Воронеже, Нижнем Новгороде, Георгиевске, Лермонтове, Вологде...» (Новая газета в Санкт-Петербурге, 31.01-02.02.2005).

И что в результате? А в результате несмотря на фантастически благоприятную экономическую конъюнктуру, вызванную высокими ценами на нефть, экономика России деградирует. Капиталы из страны бегут, экономический рост сменился спадом. Зарплаты большинства бюджетников — нищенские, пенсии — ниже прожиточного минимума, малый бизнес разоряется. При этом резко растут расходы на содержание чиновничьего аппарата, продолжается варварски кровопролитная и безумно расточительная война в Чечне, а сверхприбыли от экспорта нефти прячутся в «чулок» Стабилизационного фонда.

«Государство — это я!» — решила российская бюрократия и тем самым фактически объявила войну собственному народу.

Ответом на этот «абсолютистский путч» Кремля должно стать солидарное сопротивление всех социальных и политических групп, чье будущее поставлено сегодня под угрозу.

Наше главное требование — **ДОЛОЙ ПРЕЗИДЕНТСКОЕ САМОДЕРЖАВИЕ! ДОЛОЙ ЧИНОВНУЮ ДИКТАТУРУ!**

России необходима полноценная **ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕФОРМА**, которая бы раз и навсегда покончила с режимом единоличного правления страной и регионами, а по сути их номенклатурного разграбления.

Правительства — как в центре, так и в регионах — должны быть полностью подконтрольны парламентам. Все важнейшие решения должны обсуждаться и утверждаться депутатами гласно, открыто, под надзором независимых СМИ — и лишь после этого проводиться в жизнь органами исполнительной власти, сформированными на основе депутатского большинства, а не личных прихотей и субъективных предпочтений «первого лица».

Бюджетная политика РФ должна быть пересмотрена в сторону резкого возрастания социальной составляющей — прежде всего за счет сокращения расходов на оборону и чиновный аппарат, за счет использования средств Стабилизационного фонда, а также за счет усиления контроля общества за эффективностью расходования бюджетных средств.

Федеральный закон № 122, подрывающий основы России как социального государства, должен быть отменен. Сумма компенсаций льготникам должна быть существенно увеличена.

Размер пенсий должен быть доведен до уровня потребительской корзины.

Зарплаты работников бюджетной сферы должны быть законодательно зафиксированы на уровне не менее трех прожиточных минимумов.

Наступлению бюрократии на малый бизнес должен быть положен конец.

Регионам, которым федеральный центр сейчас оставляет менее 40% доходов консолидированного бюджета, должно быть отдано не менее 50% всех налоговых поступлений — как это и записано в Бюджетном кодексе РФ. В этом случае региональные бюджеты получают возможность проводить более активную социальную политику в интересах своих граждан.

Регионам должно быть предоставлено право самостоятельно, а не по президентской подсказке избирать собственную власть. Кроме того, на региональный уровень должно быть передано решение всех региональных вопросов, в

ведении федерального центра должны остаться лишь вопросы общегосударственного масштаба.

Цензура в СМИ, в первую очередь на телевидении, должна быть упразднена. Все политические силы должны иметь равные информационные возможности.

Государственная Дума, выбранная с серьезными нарушениями избирательного законодательства, должна быть досрочно распущена. **Необходимы новые выборы Госдумы и региональных парламентов, которые бы прошли в условиях свободной конкуренции различных политических сил и честного подсчета голосов.**

Необходимо немедленное освобождение всех политических заключенных. «Полицейской юстиции» Кремля следует положить конец, российские суды должны стать полноценной независимой ветвью власти.

Война в Чечне должна быть немедленно остановлена. Кризис в этом регионе должен быть урегулирован политическими средствами.

Мы требуем прекратить массовые нарушения прав граждан!

Мы требуем покончить с чиновным самозахватом властных полномочий!

Мы требуем соблюдения базовых статей Конституции РФ в соответствии с которыми **ВЛАСТЬ В СТРАНЕ ПРИНАДЛЕЖИТ НАРОДУ.**

Резолюция принята на митинге против кремлевского произвола. Санкт-Петербург, 29 января 2005 г.

(Цит. по: Новая газета в Санкт-Петербурге, 31.01-02.02.2005)

* * *

Из газеты «Дело» (январь 2005)

Вопрос недели

На минувшей неделе продолжались массовые оппозиционные выступления во многих городах России. Чем закончится «ситцевая революция»?

Юрий Левада, руководитель Всероссийского центра изучения общественного мнения «Левада-центр»:

— Прогнозировать, чем закончится эта революция: пока рано. По нашим последним соцопросам, более 40% одобряют акции протеста и готовы в них участвовать: примерно столько же одобряют, но не участвуют. Это внушительные результаты. Люди будут бушевать, и пока не видно, чтобы их возмущение ослабевало. Митингующие ожидают отмены 122-го закона, и мелкие уступки, которые делает власть, их не устраивают, а лишь раззадоривают. По нашим данным, россияне не стали гораздо меньше верить правительству (рейтинг понизился на 15%), при этом рейтинг президента упал всего на 4% и составил 65%. У людей еще осталась привычка заблуждаться, что во всем виноваты «бояре», а не «царь». Народу нужен хотя бы один положительный герой, иначе будет совсем скучно. Последствием революции может стать лишь поиск козлов отпущения в правительстве. Смена политического режима вряд ли произойдет.

Оксана Дмитриева, депутат Госдумы РФ:

— В любой стране с элементами демократии такая революция должна была бы закончиться, как минимум, отставкой правительства. У нас же она перетечет в хроническую вялотекущую форму. Поскольку политические институты партийной демократии в нашей стране не работают (парламент представляет собой департамент кремлевской администрации по штамповке законов), то единственный способ людей настоять на своих интересах — уличные протесты, которые и дальше будут продолжаться.

Светлана Сорокина, тележурналист:

— Временным отступлением власти от намеченного плана и временными дополнительными компенсациями. Думаю, никаких отставок в правительстве не будет, и 122-й закон, пусть и неловко, травматично (как это обычно у нас бывает), будет проведен в жизнь. Тем не менее, наш, по сути, аполитичный народ приобрел бесценный опыт борьбы с властью и осознал, что единственный эффективный способ отстаивать собственные права — уличные восстания. Теперь, если власть снова полезет в народный карман, люди молчать не будут.

Виктор Тюлькин, первый секретарь ЦК РКРП:

— Нынешняя революция — это просто репетиция. Если провести аналогии с нашей историей, то 2005 год — это повторение того, что было ровно 100 лет назад, Остается ждать повторения 1917 года. Думаю, нынешний опыт пойдет нашему народу только на пользу, и в следующий раз люди будут действовать более решительно, более грамотно. Власть обречена на ошибки, потому что уже подписаны законы о реформе ЖКХ, об аптеках и обеспечении людей лекарствами и т. д. Следующие восстания не за горами!

Лев Дуров, народный артист СССР:

— Чиновники думают, что они самые умные, а народ где-то сбоку и спрашивать его не обязательно. Такой колоссальный социальный разрыв, как у нас, есть, наверное, только в африканских и восточных странах. Ребята, снимите льготы прежде всего с самих себя! Но ведь они никогда этого не сделают. При этом если сравнить зарплату депутата или члена правительства и мою, народного артиста Советского Союза, то мне со всеми моими доходами хватит только на спички. А что говорить о неработающих пенсионерах и ветеранах! Когда эти люди вышли на улицы, чтобы хоть как-то защитить себя, власть стала искать «зачинщиков» — как в 37-м году! Пусть они ищут зачинщиков среди себя, а не среди нас, потому что еще ни одна реформа в России не оборачивалась в пользу народа.

Георгий Сатаров, политолог:

— Думать о том, что наша «ситцевая революция» пойдет по уже изученному сценарию, было бы неверно. Здесь есть несколько негативных для нашей страны факторов. Если все примеры «разноцветных» революций были приурочены к выборам: то у нас до выборов еще далеко. Это несколько облегчает положение нашей власти. Естественно, у нынешнего режима есть и

другие факторы дестабилизации: общая потеря управления, террористическая угроза и т. д. И во многом именно от этих дополнительных факторов будет зависеть политическое будущее страны. Но даже если в России наступят досрочные выборы, то здесь вступает в силу другое очень важное обстоятельство: у нас нет системной демократической оппозиции, которая была в других государствах. Когда власть слабеет и падает на землю, то ключевой вопрос: кто подберет эту власть. Российская ситуация характеризуется тем, что это совершенно непредсказуемо, поэтому крайне опасно.

Подготовила Оксана Попова
(Дело, 31.01.2005)

* * *

<...> Нынешняя «ситцевая революция» — это протест против бездушно-го отношения государства к человеку, против лживой подачи информации в сервильных СМИ, подконтрольности судов, полицейского произвола. Это движение не за подачки, а за права. В обществе уже есть и растет понимание того, что достаточно спорный вопрос о форме социальной поддержки (натуральные льготы или денежные выплаты) — лишь часть проблемы, что проблема в общей направленности социальной политики, что она связана с неподконтрольностью власти, с манипулированием выборами, с режимом «управляемой демократии». В многочисленных резких политических лозунгах, которые скандировали тысячи демонстрантов на Суворовском и Невском, четко просматривается лейтмотив: мы — не быдло, мы — граждане, мы — общество.

(Александр Скобов. Возвращение в Европу // Дело, 31.01.2005)

П.21.3. Демократические реформы: 20 лет спустя

[Ниже — воспроизводится одноименная публикация газеты «Московские новости», в которой представлены материалы дискуссии, посвященной 20-летию перестройки. Участники дискуссии — члены Наблюдательного совета «МН» — Ю. Афанасьев, Ю. Левада, Л. Шевцова, Ю. Рыжов, А. Гельман, А. Яковлев. — А. А.]

От редакции. Кризис между обществом и государством достиг угрожающего состояния — к такому выводу пришли члены Наблюдательного совета «МН» в ходе дискуссии, посвященной 20-летию перестройки. В чем причина, что произошло с теми ценностями, которые легли в основу «горбачевского» курса? Члены Наблюдательного совета сообща искали ответы на эти и другие вопросы. Теперь — очередь за читателями «МН», которых мы приглашаем продолжить дискуссию. Наблюдательный совет считает такую дискуссию весьма своевременной. В сложные моменты истории диалог газеты и ее читателей всегда помогал выработать общую гражданскую позицию. И соответственно выработать программу действий.

Юрий Афанасьев, историк, ректор РГГУ

Наследуемое самовластие

— Смысл перестройки, а значит, и ее юбилея, заключается в том, что субъектом российской истории стал человек.

До того, как перестройка началась, страна жила другими категориями. Это война, революция, индустриализация, снова война. Когда в СССР стали происходить перемены, мир не сразу в это поверил. То, что провозгласил Михаил Горбачев, было прямой противоположностью ценностям, которые культивировали в СССР.

Первыми ласточками перестройки стали солженицынский «Один день Ивана Денисовича» и «Новый мир» Твардовского. Эпоха закончилась, и концом ее стал другой символ: старики и старухи, протестующие против того, что делает с ними власть.

Поворот к человеку, заявленный во времена перестройки, так и не состоялся.

Тогда, в 80-е годы, люди воспринимали нерешенные проблемы с некой надеждой. Сейчас — полная безнадега. **Мы имеем в качестве власти разнovidность самовластия. К тому же — наследуемое самовластие.**

Конечно, никакого института наследования власти не существует. Ну и что? Кремль находит путь, с помощью которого можно выйти из этой ситуации. Один-то раз власть уже передали по наследству. Значит, можно найти способы. Наследование, как мне кажется, в наших условиях может произойти в форме изменений некоторых функций. Например, премьеру перейдет реальная власть и этим премьером станет Путин. Кто запретит ему потом баллотироваться на новый срок?

Теперь о самовластии. Это дико звучит в начале XXI века. Но попробуйте припомнить, когда и в каком случае несогласие между властью и обществом закончилось в пользу общества? В нашей истории, в том числе истории новейшего времени, ни одного такого случая я не нашел. Скажем, люди, которые повинны в чеченской войне, кто наказан?

Я не знаю, долго ли нам дадут возможность анализировать то, что происходит, и как-то пытаться назвать все своими именами. Но пока у нас есть такая возможность, надо это делать.

* * *

Юрий Левада, социолог, руководитель «Левада-центр»

Растерянность в превосходной степени

— Мы уже много лет не видели такого отчуждения народа от власти. На наших глазах оно перерастает в массовое возмущение. Все это напоминает ситуацию: которая была 100 лет назад, накануне первой русской революции. Хорошо бы напомнить об этом власти.

Перестройка была грандиозной попыткой выйти из тупика, открыть дверь к новым возможностям жизни страны. Мы не всем сумели вос-

пользоваться, и теперь надо ответить: «Почему?» Это очень важно не оттого, что наступает юбилей перестройки, а оттого, что мы очутились в новом тупике. Кто-то пытается выйти из него через разноцветные революции. Дай бог удачи! У нас никто не пытается. И никакими стандартными мерами российскую ситуацию в корне не изменить.

Нужны новые импульсы. Глядя назад, понимаешь: такой импульс дала перестройка сверху. Теперь о ней не любят говорить, ее боятся. Поэтому газете необходимо сделать тему перестройки регулярной, из номера в номер. Пускай выступят те, кто считает, что перестройка была только во вред. Пускай покажут, что можно было сделать другое. Но ведь все, что они когда-то придумали, — это стрелять в Москве и в Риге.

В январе 32 процента опрошиваемых не поддержали президента России. Если бы эта треть хотя бы немного была организована, то это была бы громадная сила. Но у нас нет альтернативы. Люди не знают, к кому можно сегодня обратиться. Рейтинг президента и дальше будет ползти вниз, но из-за этого ничего не произойдет. Реальное общественное мнение не опора, а лишь подпорка. Пример Ельцина показал, что можно ничего не иметь в народе, а все равно держаться.

* * *

Лилия Шевцова, политолог, Центр Карнеги

Эффект открытой форточки

— Я абсолютно согласна с тем, что говорили мои коллеги. Но вывод из того, что было сказано, я делаю оптимистический.

Ведь чем хорош Путин? Тем, что отбросил все размывающие, гибридные тенденции.

Извините, может не очень хорошо говорить, но если закроют газету, таким же образом определятся с другими либеральными институтами, — будет лучше... Я считаю, что самое худшее — это стагнация. Я считаю, что накапливание кризисных явлений — это как эффект открытой форточки: во-первых проясняет мозги, во-вторых, очень многое проясняет для населения. Кризис всегда ведет к консолидации либо власти, либо общества. По крайней мере, он ускоряет события.

Раскалывается ядро путинского электората. В мире нас вытесняют Китай и Индия — по очень многим параметрам. То ли это усилит кризис у нас, то ли заставит какую-то часть общества прагматично мыслить, потому что мы не хотим быть выброшенными из предбанника.

Очень интересные процессы происходят в СНГ. Совершенно очевидно, что европейская часть СНГ откалывается, превращаясь в своего рода санитарный кордон между Россией и Западом. И нечего думать, что Европейский союз даст нам успокоиться.

Главное, чтобы власть опять действовала в таком же духе — пилила под собой сук, грабастала «Юганскнефтегаз» и т. д. Другое дело, что бли-

жайшие два-три года нас здорово могут стукнуть по шапке; но такую малость можно, наверное, и пережить.

* * *

Юрий Рыжов, академик

Бессилие всесилия

— К середине 80-х годов страна представляла собой дряхлеющую милитаризованную ракетно-ядерную сверхдержаву, готовую лишь к тотальной войне. Многие миллионы людей под ружьем — от армии до КГБ и милиции — вместе с их семьями представляли очень весомую долю «корпоративно-солидарного» населения страны. С новой силой вспыхнула экономическая агония, затянувшаяся благодаря очередному подъему цен на углеводороды в 70-х. Истинные военные расходы бюджета страны скрывались, раскидывались по «мирным» статьям. В 1989 году официально объявленная смехотворная цифра в 17 млрд рублей была быстро скорректирована до 67 миллиардов. В действительности эта статья бюджета равнялась 200-300 млрд рублей.

В такой ситуации Михаил Горбачев и начал свои реформы.

Для меня памятна попытка изменить традиционную для России парадигму безопасности. Михаил Сергеевич принял мое предложение создать временную депутатскую комиссию по разработке комплексной концепции национальной безопасности. Первым ее результатом было утверждение:

1) безопасность многокомпонентна — военно-политическая, экономическая, экологическая, информационная и т. п.;

2) приоритет имеют безопасность и права личности, потом — общества и лишь затем государства (системы власти). И то, лишь если последнее способно обеспечить две прямые составляющие комплексной безопасности.

Эта инициатива обеспокоила чекистов. Результатом стало прекращение работы комиссии через 40 дней с момента ее создания. Михаил Сергеевич написал на моей краткой отчетной записке: «Считать работу комиссии выполненной. Далее вопросы безопасности берет на себя президент».

Прошел десяток лет, а реального анализа роли России в современном мире так и не состоялось. Равно как и анализа вызовов ее безопасности. Лишь новоизбранный президент на собрании коллег в чекистском клубе доложил им, что задание по внедрению во власть выполнил. И улыбнулся.

Сегодняшний кризис власти, ею же и созданный — в частности, из-за ампутации обратных связей (контролируемые и самоконтролирующиеся СМИ; виртуально-имитационный парламент), — равно опасен и для власти, и для народа страны. Подобные кризисы 1905, 1917, 1991 годов оказывались чреваты судьбоносными, порой трагическими последствиями. Кризис 2005 года грозит потерей управляемости. Пресловутая «верти-

каль» нежизнеспособна в сегодняшнем мире. Отвязанность так называемых региональных элит, при внешней покорности, определена осознанием ими наступившего кризиса. Такое чувство испытали в 1991 году главы советских республик. Бывших советских.

* * *

Александр Гельман, писатель

Либералы — слабое звено

— Апрель 1985 года — начало перестройки, а 9 мая — День Победы. В нынешнем году второму празднику — 60 лет, и мне кажется, что годовщину перестройки замнут под благовидным предлогом — есть более серьезная дата. «Московские новости» должны сделать все, чтобы не забыли и о перестройке. Тем более, что ее значение огромно, несмотря на все то, что происходит сейчас.

Как будут развиваться события дальше? Впереди — парламентские и президентские выборы. Какие силы будут в них участвовать? На мой взгляд, это путинцы, националисты, коммунисты и либералы. **Самая слабая сила — либералы. Националисты будут пытаться соединиться с путинцами. Если не удастся, то с коммунистами. И может случиться, что снова как наименьшее зло избирателям будет представлен путинец.**

Замечу при этом, что в ближайшие годы у нас не может быть массовых выступлений, подобных тем, что были в Киеве. Но массовые выступления националистов вполне возможны, в том числе и против Путина тоже. Может быть, у меня это чувство обострено как у еврея, который чувствует нарастание антисемитизма. Но думаю, что дело не только в моих личных предчувствиях.

* * *

Александр Яковлев, академик

Спор шел за каждое слово

— Мне сложнее выступать по поводу перестройки, потому что если начнешь хвалить, то вроде бы себя хвалишь, а начнешь ругать — вроде бы Горбачева ругаешь. Но ясно одно: люди приняли перестройку в подавляющем своем большинстве. Приняли, конечно, с разными надеждами. Расслоение началось тогда, когда замелькали слова «демократия» и «альтернативные выборы», которые больше всего и испугали людей. Я помню первое заседание политбюро — в том смысле первое, что когда стали обсуждать альтернативные выборы хотя бы в партии, то буквально всех членов Политбюро охватил ужас.

Почему при такой реакции некоторые вещи были сделаны так быстро? Потому что они делались без всякого сопротивления со стороны общества, а наоборот, как бы с одобрения. Теперь порой действительно удивляешься. А ведь тогда, вспомните, казалось, что за отмену шестой статьи Конституции (Ст. 6 Конституции СССР, закрепляющая руково-

дющую роль КПСС. — «МН») мы дрались очень долго. А ведь на самом деле недолго. Полтора года.

Посмотрите, сколько было возражений поначалу. Когда на политбюро внесешь решение, потом начинаются споры: зачем этого реабилитировать, хватит амнистии. То есть споры возникали по каждому поводу. А свобода слова...

Первое, серьезное, с чего мы начали, — это, конечно, гласность. Она действительно стала помогать разгрести все это накопившееся дерьмо за время той власти. Ведь посмотрите, нынешняя власть начала с зажима гласности. Мы начали с гласности, а они с этого.

Еще меня очень волнует вопрос, как «засахаривается» интеллигенция. Все-таки интеллигенция была ведущей силой перестройки. И ведь удалось же новой власти... Правда, президенту, видимо, помогает то, что он из определенных органов. Ведь и при советской власти отношения с интеллигенцией строились так: кому дать квартиру, а кому не дать, кого выпустить, кого не выпустить, кого напечатать, кого не напечатать и т. д. — всем этим занимался все-таки КГБ.

Мы раньше лгали при советской власти, но думали, что говорим правду. Теперь все общество лжет и знает, что это ложь, — и ничего не происходит.

(Цит. по: Московские новости, № 7, 18-24 февраля 2005 г.)

Конец тома 3

Сокращенное оглавление тома 4

Часть 4. Версии

Глава 22. Эксперимент социолога-рабочего с разных точек зрения

Приложения к главе 22

Глава 23. Эпистемологические дебаты

Приложения к главе 23

Глава 24. Человек в обществе и общество в человеке

Глава 25. Возвращаясь к началу (Ожидали ли перемен?)

Приложения к главе 25

Вместо заключения

Алексеев Андрей Николаевич

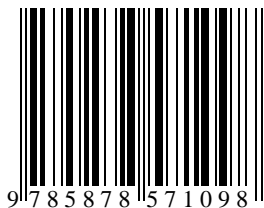
**Драматическая социология
и социологическая ауторефлексия**

Том 3

Оригинал-макет подготовлен издательством «Норма»
Технический редактор — Фофанова Н.М.
Художник — Куршева Ю.Н.
Компьютерная верстка — Барзукова Н.М.
Корректор — Калинина Н. Н.

ЛР № 063113 от 15.12.98.
Сдано в набор 12.05.2005 г. Подписано в печать 22.09.2005 г.
Формат 60х90/16. Бумага газетная. Печать офсетная.
Гарнитура NewtonC. Усл. п.л. 50,5. Тираж 400 экз. Заказ №

ISBN 5-87857-109-9

Издательство «Норма»
192102, Санкт-Петербург, ул. Салова, 37
для писем 199406, Санкт-Петербург, а/я 182
E-mail: nor@peterlink.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии газеты «На страже родины»
191186 Санкт-Петербург, Дворцовая площадь, 10